ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи
1896.

От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 24 октября 1895 года.
Ректоръ Академіи, Іоаннъ Епископъ Нарвскій.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», Невскій, 132.

Теперешній видъ Антіохіи—мѣста служенія св. Іоанна Златоуста.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

БЕСѢДЫ О СТАТУЯХЪ,

говоренныя къ антіохійскому народу.

Знаменитыя бесѣды къ Антіохійскому народу о статуяхъ произнесены святымъ Іоанномъ Златоустымъ въ св. четыредесятницу 388 года. Поводомъ къ ихъ произнесенію послужилъ страшный мятежъ, произведенный въ Антіохіи уличной чернью, которая оскорбила и разбила императорскія статуи (см. I т., стр. XLIII и сл.). Первая бесѣда была произнесена еще до мятежа, но вторая уже послѣ мятежа, о чемъ ясно говоритъ и ея содержаніе. Всѣхъ бесѣдъ было произнесено 21, и въ нихъ съ поразительною живостью изображается состояніе Антіохіи въ это страшное время.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ,

произнесенная въ бытность пресвитеромъ, въ Антіохіи, въ старой церкви [1], на слова: *Мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тимоѳ. V, 23). Т. II, ст. 15—16.

Слышали вы апостольскій голосъ, небесную трубу, духовную
лиру? Въ самомъ дѣлѣ, (голосъ) какъ труба, которая, подавая
страшный боевой сигналъ, пугаетъ враговъ, поднимаетъ упав-
шій духъ своихъ, возбуждаетъ въ слышащихъ великое муже- 17
ство и дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми для діавола, или какъ лира, кото-

[1]) Старой (Παλαιά) называлась часть города, расположенная при рѣкѣ Оронтѣ; здѣсь была церковь, называвшаяся также «старой» или еще «апостольской», такъ какъ основана была апостолами.

рая, пріятно услаждая насъ, укрощаетъ волненія нечистыхъ помысловъ и вмѣстѣ съ удовольствіемъ доставляетъ намъ и великую пользу. Итакъ, слышали вы сегодня, какъ Павелъ бесѣдуетъ съ Тимоѳеемъ о многихъ важныхъ предметахъ? Такъ онъ писалъ ему въ посланіи о рукоположеніи: *руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже пріобщайся чужымъ грѣхомъ* (1 Тим. v, 22), и представилъ тяжкую опасность такого беззаконія, показавъ, что за грѣхи однихъ подвергнутся наказанію вмѣстѣ съ ними и другіе, такъ какъ чрезъ хиротонію они сообщаютъ силу нечестію. Затѣмъ онъ говоритъ: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (ст. 23). Онъ бесѣдовалъ съ нами сегодня и о повиновеніи слугъ, и о безуміи сребролюбцевъ, и о безразсудности богатыхъ, и о многомъ другомъ. Такъ какъ всего заразъ изъяснить невозможно, то чтò изъ сказаннаго пожелаете вы, чтобы мы взяли для бесѣды съ вами, возлюбленные? Въ прочитанномъ, какъ будто на лугу, я вижу множество разнообразныхъ цвѣтковъ, обиліе розъ, фіалокъ и лилій,—повсюду разсѣянный разнообразный и обильный плодъ духа и великое благоуханіе. Вѣрнѣе же сказать, чтеніе божественныхъ писаній есть не только лугъ, но и рай, потому что цвѣты эти имѣютъ не одно лишь простое благоуханіе, но и плодъ, который можетъ питать душу. Такъ чтò же изъ сказаннаго желаете вы, чтобы мы представили вамъ сегодня? Желаете, чтобы мы занялись теперь тѣмъ, что кажется самымъ легкимъ и удобопонятнымъ для всякаго? Я согласенъ, да и вамъ, какъ хорошо я знаю, понравится это. Но, чтò легче прочаго? Чтò же иное, какъ не то, что представляется и легкимъ для всякаго и кратко можетъ быть высказано? Что же это такое? *Мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ*. Итакъ, употребимъ всю бесѣду на это изреченіе.

Не по честолюбію дѣлаемъ мы это, и не изъ стремленія похвалиться даромъ слова, потому что мы говоримъ не свое, а то, что внушаетъ благодать Духа; говоримъ для того, чтобы возбудить безпечныхъ изъ слушателей и убѣдить, сколь велико сокровище Писаній и какъ не надежно и не безопасно проходить ихъ безъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если случится, что это легкое и ясное изреченіе, которое, какъ многимъ кажется, не заключаетъ въ себѣ ничего необходимаго, послужитъ намъ причиной великаго богатства и поводомъ къ высочайшему любомудрію, то гораздо больше тѣ (изреченія), которыя и сами по себѣ показываютъ свое богатство, наполнятъ безчисленными сокровищами внимающихъ имъ. Не будемъ поэтому пренебрегать и тѣми мыслями Писаній, которыя почитаются маловажными, потому что и онѣ отъ благодати Духа; благодать же Духа никогда не бываетъ малой и скудной, а вели-

кой, удивительной и достойной щедрости Давшаго. Итакъ, будемъ
слушать ихъ не поверхностно. Вѣдь и очищающіе руду, когда
бросятъ ее въ плавильную печь, вынимаютъ не только одни куски
золота, а съ великой тщательностію собираютъ и маленькія кру-
пинки; такъ какъ и мы очищаемъ золото, извлеченное изъ апо- 18
стольскихъ рудниковъ, не въ плавильню бросая, а влагая въ по-
мышленія вашей души, не пламень возжигая, а воспламеняя огонь духа, то будемъ тщательно собирать и маленькія крупинки, потому что хоть и кратко изреченіе, но велико значеніе. Какъ драгоцѣнные камни получаютъ свою цѣну не отъ тяжести составнаго вещества, а отъ красоты, такъ точно и чтеніе божественныхъ Писаній. Языческая наука, раскрывая много пошлостей и внушая слушателямъ много пустяковъ, отпускаетъ ихъ съ пустыми руками, ни много ни мало не пріобрѣтшими себѣ чего-либо хорошаго. Благодать же Духа не такъ, а совершенно напротивъ: немногими словами она внушаетъ любомудріе всѣмъ, кто внимаетъ ей, и часто бываетъ достаточно взять отсюда одно только реченіе, чтобы имѣть средства на весь путь жизни.

2. Если таково богатство, то воспрянемъ и трезвенною мыслію воспріимемъ то, что будетъ сказано, такъ какъ я намѣреваюсь далеко углубиться словомъ. Многимъ кажется, что вышеуказанное наставленіе и не нужно, и излишне. Говорятъ: развѣ Тимоѳей самъ по себѣ не могъ знать, чѣмъ надо пользоваться, а ожидалъ узнать это отъ учителя? Неужели учитель не только далъ повелѣніе, но и запечатлѣлъ письменами, вырѣзавъ его какъ бы на мѣдномъ столбѣ въ данномъ ему посланіи, и не постыдился написать объ этомъ въ посланіи ученику, назначенномъ для народнаго чтенія? (Это для того сдѣлано), чтобы тебѣ знать, что наставленіе не только не излишне, но и необходимо и чрезвычайно полезно. И это,—т. е. что оно было не сказано только, а изложено въ письмени и чрезъ посланіе передано всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ,— не дѣло Павла, а благодати Духа. Перейду сейчасъ къ самому доказательству. Въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ указаннымъ нѣкоторые не меньше недоумѣваютъ и относительно еще другого, спрашивая себя: для чего допустилъ Богъ, чтобы мужъ, имѣвшій такое дерзновеніе, мужъ, кости и останки котораго изгоняли демоновъ, подвергся такой болѣзни? Въ самомъ дѣлѣ, онъ не просто болѣлъ, а всегда и безпрестанно, непрерывно слѣдовавшими другъ за другомъ недугами, не дававшими ему отдыха даже на краткое время. Откуда видно это? Изъ самыхъ словъ Павла. Онъ не сказалъ: „ради недуга“, но: *ради недуговъ*, и не просто *недуговъ*, но указалъ и на ихъ непрерывность, говоря: *частыхъ твоихъ недуговъ*. Пусть выслушаютъ это тѣ, которые, подвергшись продолжительной

болѣзни, сѣтуютъ (на свои страданія) и изнемогаютъ. Но вопросъ заключается не въ одномъ лишь томъ, что онъ (Тимоѳей) болѣлъ, будучи святымъ, и болѣлъ такъ безпрестанно, а въ томъ, что ему ввѣрены были и общественныя дѣла. Если бы онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые удалились на вершины горъ, поставили свою хижину въ уединеніи и избрали жизнь, чуждую общественныхъ занятій и трудовъ, то вопросъ не былъ бы такъ затруднителенъ. Но подвергнуть узамъ недуга человѣка, поставленнаго на служеніе общественное, человѣка, которому ввѣрены заботы о стольких церквахъ, который съ такимъ рвеніемъ и стараніемъ устрояетъ
19 цѣлые города, народы и всю вселенную,—это больше всего способно смутить того, кто не относится къ этому съ надлежащимъ вниманіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если уже не ради себя самого, то по крайней мѣрѣ ради другихъ необходимо было, чтобы онъ былъ здоровъ. Онъ былъ доблестнѣйшимъ вождемъ. Война у него была, говоритъ (Писаніе), не только съ невѣрными, но и съ демонами, и съ самимъ діаволомъ. Всѣ эти враги нападали съ великою силою, разсѣевая войско и захватывая въ плѣнъ; а онъ могъ обратить къ истинѣ безчисленное множество, и былъ немощенъ. Если отъ болѣзни, говоритъ, и не происходило никакого еще ущерба для дѣла, то все же она одна способна уже была сдѣлать вѣрныхъ болѣе боязливыми и безпечными. Если воины, видя своего вождя прикованнымъ къ постели, становятся унылы и нерѣшительны въ битвѣ, то гораздо болѣе естественно было, чтобы и вѣрные, видя тогда своего учителя, совершившаго столько знаменій, въ постоянныхъ недугахъ и тѣлесныхъ страданіяхъ, испытали нѣчто свойственное людямъ. Но не одно только это, а и нѣчто еще другое служитъ вопросомъ для сомнѣвающихся, именно—почему, если Тимоѳей находился въ такомъ состояніи, ни самъ онъ не исцѣлилъ себя, ни его учитель. Они пробуждали мертвыхъ, изгоняли демоновъ, вполнѣ властвовали надъ смертью, а одного немощнаго тѣла не исцѣлили; показавъ столь великую силу и при жизни и по смерти на чужихъ тѣлахъ, не возстановили пришедшаго въ упадокъ желудка. Но самое главное въ томъ, что Павелъ, послѣ стольких и такихъ знаменій, которыя онъ совершалъ однимъ простымъ словомъ, не совѣстился и не стыдился писать Тимоѳею, чтобы онъ прибѣгалъ къ услугамъ вина. (Представляется это особенно важнымъ) не потому, что постыдно пить вино,—да не будетъ! это ученіе еретиковъ,—а потому, что онъ не почиталъ стыдомъ того, что безъ помощи вина нельзя исправить болящаго члена, и такъ былъ далекъ отъ стыда за это, что выставилъ даже это (наставленіе) на видъ всѣмъ будущимъ поколѣніямъ. Видите, до какой глубины мы довели свое слово? Видите, какъ кажущееся ни-

тожнымъ изобилуетъ безчисленными вопросами? Приведемъ же и рѣшеніе. Я для того и сошелъ въ великую глубину, чтобы, возбудивъ вашъ умъ, подготовить наши мысли.

3. Но позвольте мнѣ прежде, чѣмъ привести рѣшеніе этихъ вопросовъ, сказать кое-что о добродѣтели Тимоѳея и заботливости Павла. Что, въ самомъ дѣлѣ, было нѣжнолюбивѣе того, кто, находясь на столь дальнемъ разстояніи и будучи занятъ множествомъ дѣлъ, такъ безпокоился о здоровьѣ желудка ученика и такъ заботливо писалъ объ излѣченіи болѣзни? Что, съ другой стороны, равно было добродѣтели Тимоѳея? Онъ такъ презиралъ роскошь и смѣялся надъ пышнымъ столомъ, что впалъ даже въ недугъ отъ слишкомъ суроваго образа жизни и чрезмѣрнаго поста. Что онъ былъ такимъ не отъ природы, а постомъ и употребленіемъ воды разрушилъ силу желудка, послушайте, какъ самъ Павелъ опредѣленно говоритъ объ этомъ. Онъ не просто сказалъ: *мало вина пріемли*, а сказавъ напередъ: *ктому не пій воды*, затѣмъ уже присоединилъ совѣтъ употреблять вино; словомъ же: *ктому* 20
онъ обозначалъ, что до того времени Тимоѳей пилъ воду и вслѣдствіе этого сталъ боленъ. Кто не подивится его любомудрію и строгости? Онъ достигъ самыхъ небесъ, взошелъ на вершину добродѣтели, и это свидѣтельствуетъ о немъ его учитель, говоря: *послахъ къ вамъ Тимоѳеа, иже ми есть чадо возлюблено и вѣрно о Господѣ* (1 Кор. IV, 17). А когда Павелъ называетъ его чадомъ, и чадомъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ, то этихъ словъ достаточно, чтобы показать всю его добродѣтель, потому что сужденія святыхъ не зависятъ ни отъ расположенія, ни отъ вражды, но чужды всякаго пристрастія. Тимоѳей не былъ бы такъ достоинъ удивленія, если бы былъ чадомъ Павла по естеству, какъ онъ дивенъ теперь, потому что, не будучи нисколько роднымъ ему по плоти, онъ усыновилъ себя ему чрезъ сродство по благочестію, тщательно сохраняя во всемъ черты его любомудрія. Какъ телецъ, сопряженный съ воломъ, онъ влачилъ вмѣстѣ съ нимъ по всей вселенной ярмо и нисколько не ослабѣвалъ вслѣдствіе своего возраста, а былъ полонъ стремленія соперничать въ трудахъ съ учителемъ. И этому свидѣтель опять самъ Павелъ, который говоритъ: *да никто же убо его уничижитъ: дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. XVI, 11). Видишь, какъ свидѣтельствуетъ онъ о равной ему самому ревности (Тимоѳея)? Затѣмъ, чтобы не показалось, будто онъ говоритъ это по расположенію, онъ самихъ слушателей дѣлаетъ свидѣтелями добродѣтели своего сына, говоря: *искусство же его знаете, зане якоже отцу чадо*, такъ *со мною поработалъ въ благовѣстіи*, вы узнали добродѣтель его и испытанную душу (Филипп. II, 22). И однако, поднявшись до такой высоты совер-

шенствъ, онъ и тогда не былъ самонадѣянъ, а оставался робкимъ и чрезвычайно боязливымъ, почему онъ строго и постился, и не испыталъ того, что бываетъ со многими тѣми, которые, подвергнувъ себя лишь на десять или двадцать мѣсяцевъ посту, тотчасъ же оставляютъ все. А онъ не потерпѣлъ ничего подобнаго и не сказалъ даже себѣ чего-нибудь въ родѣ слѣдующаго: что мнѣ за нужда теперь поститься? Я побѣдилъ, сталъ господиномъ страстей, умертвилъ свое тѣло, демоновъ устрашилъ, діавола отогналъ, мертвыхъ воскресилъ, прокаженныхъ очистилъ, я страшенъ для супротивныхъ силъ. Что мнѣ теперь за нужда въ постѣ и въ той безопасности, какую даетъ онъ?

Ничего подобнаго онъ ни сказалъ, ни подумалъ, но чѣмъ больше преисполнялся безчисленныхъ заслугъ, тѣмъ болѣе боялся и трепеталъ. И такому любомудрію онъ научился у учителя, ибо и тотъ, будучи восхищенъ на третье небо и вознесенъ въ рай, слышавъ неизреченные глаголы и ставъ участникомъ таковыхъ таинствъ, и какъ бы на крыльяхъ обтекая всю вселенную, говорилъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: боюсь, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Если же Павелъ страшился послѣ совершенныхъ имъ столь славныхъ и великихъ дѣлъ, Павелъ, который могъ сказать: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. VI, 14), то гораздо больше слѣдуетъ бояться намъ, и тѣмъ—именно—больше, чѣмъ больше пріобрѣтаемъ мы совершенствъ, потому что и діаволъ становится тогда лютѣе, тогда дѣлается болѣе свирѣпымъ, когда видитъ, что мы заботливо устрояемъ свою жизнь. Когда видитъ, что грузы добродѣтели сложены и изобильно накоплены, тогда-то и старается причинить болѣе тяжкое крушеніе.
21 Ибо человѣкъ ничтожный и презрѣнный, если и поскользнется и падетъ, приноситъ обществу не столь большой вредъ; а тотъ, кто стоитъ наверху добродѣтели съ великою славой какъ бы на какой высотѣ, будучи виденъ и извѣстенъ всѣмъ и составляя у всѣхъ предметъ удивленія, когда падаетъ, подвергшись искушенію, причиняетъ великое разрушеніе и вредъ; не потому только, что онъ самъ палъ съ высоты, но и потому еще, что онъ сдѣлалъ болѣе безпечными многихъ изъ тѣхъ, кто взиралъ на него. И подобно тому, какъ въ тѣлѣ не бываетъ еще большого вреда, когда разрушенъ какой-нибудь иной членъ, а когда выколоты глаза или повреждена голова, то все тѣло становится безполезнымъ, такъ слѣдуетъ сказать тоже и о святыхъ и людяхъ съ великими заслугами: когда они гаснутъ, когда причинятъ себѣ безчестіе, то приносятъ всецѣлый и непоправимый вредъ и остальному тѣлу.

4. Тимоѳей, зная все это, отовсюду защитилъ себя. Такъ онъ зналъ, что юность трудна, что она легко воспламенима, легко

поддается обольщеніямъ, легко попадаетъ на скользкій путь и нуждается въ очень крѣпкой уздѣ, потому что она есть какъ бы костеръ, который захватываетъ все лежащее внѣ его и легко воспламеняется; и онъ тотчасъ же отовсюду оградилъ его, чтобы умѣрить его, и всячески старался погасить этотъ пламень; и коня безъ узды и удилъ укрощалъ онъ съ великою силою, пока совершенно не усмирилъ его бѣшеныхъ прыжковъ, пока не сдѣлалъ его покорнымъ удиламъ и предалъ въ руки разума, обуздывающаго его съ великою силою. Пусть немоществуетъ, говорилъ онъ, тѣло, но пусть не ослабѣваетъ душа; пусть обуздывается плоть, но да не будетъ препятствій для теченія души къ небу. Но вмѣстѣ съ этимъ, больше всего можно удивляться въ немъ еще тому, что, будучи столь немощнымъ и борясь съ такимъ тяжелымъ недугомъ, онъ не нерадѣлъ о дѣлахъ божественныхъ, но повсюду леталъ больше, чѣмъ здоровые и сильные тѣломъ, то въ Ефесъ, то въ Коринѳъ, часто въ Македонію, въ Италію, повсюду являясь съ учителемъ на сушѣ, повсюду на морѣ, принимая участіе во всѣхъ его подвигахъ и непрестанныхъ опасностяхъ; и слабость тѣла не поругалась надъ любомудріемъ души. Такова ревность по Богѣ, столь легкія крылья дастъ она. Какъ людямъ, имѣющимъ сильныя и здоровыя тѣла, нѣтъ никакой прибыли отъ здоровья, если душа презрѣнна, безпечна и лѣнива, такъ и обезсиленнымъ нѣтъ никакого вреда отъ слабости, если душа благородна и находится въ бодрственномъ состояніи. Нѣкоторымъ кажется, что это наставленіе и совѣтъ даютъ оправданіе для болѣе беззастѣнчиваго употребленія вина. На самомъ дѣлѣ не такъ. Если кто-нибудь тщательно изслѣдуетъ это изреченіе, то увидитъ, что наставленіе предписываетъ скорѣе постъ. Замѣть, въ самомъ дѣлѣ, что Павелъ далъ этотъ совѣтъ не сначала и не съ первыхъ шаговъ, а посовѣтовалъ тогда только, когда увидѣлъ, что всѣ силы (у Тимоѳея) уже подорваны. И тогда онъ не просто посовѣтовалъ, а съ нѣкоторымъ предварительнымъ ограниченіемъ; не просто сказалъ онъ: *вино пріемли*, а: *мало вина*; не потому, что Тимоѳей нуждался въ такомъ наставленіи и совѣтѣ, а потому, что мы нуждаемся. Пиша посланіе ему, онъ ставитъ намъ мѣру и предѣлы употребленія вина, повелѣвая пить столько, сколько надо для того, чтобы возстановить ослабѣвшія силы, сколько требуется, чтобы доставить здоровье тѣлу, а не новую еще болѣзнь, потому что неумѣренное питье вина не меньше, чѣмъ и чрезвычайное 22
употребленіе воды, даже гораздо больше причиняетъ тяжкихъ болѣзней и душѣ и тѣлу, производя борьбу страстей, внося въ умъ бурю нечистыхъ помысловъ, разслабляя и расшатывая силы тѣла. Не такъ разрушается земля, обременяемая постояннымъ обиліемъ

водъ, какъ расшатывается, разслабляется и исчезаетъ сила тѣла, постоянно затопляемая питьемъ вина. Будемъ поэтому избѣгать крайностей съ той и другой стороны, заботясь и о здоровьѣ тѣла и сдерживая его необузданные порывы. Вино дано Богомъ не для того, чтобы мы упивались до пьяна, а чтобы были трезвыми, чтобы веселились, а не скорбѣли, ибо *вино*, говорится, *веселитъ сердце человѣка* (Пс. сш, 15), а ты дѣлаешь его причиной печали. И дѣйствительно, чрезмѣрно упивающіеся бываютъ мрачны духомъ, такъ какъ надъ умомъ ихъ разливается великій мракъ. Наилучшее врачевство,—когда ты соблюдаешь полнѣйшую умѣренность. Это—полезная намъ твердыня и противъ еретиковъ, клевещущихъ на созданіе Божіе; потому что если бы вино было однимъ изъ запрещенныхъ предметовъ, то Павелъ не дозволилъ бы его, не сказалъ бы, что надо употреблять вино. Да не только противъ еретиковъ, а и противъ болѣе простыхъ изъ братьевъ нашихъ, которые всякій разъ, какъ видятъ, что нѣкоторые вслѣдствіе пьянства ведутъ себя непристойно, забывая порицать этихъ послѣднихъ, поносятъ данный Богомъ плодъ, говоря: да не будетъ вина! Скажемъ поэтому имъ: да не будетъ пьянства, потому что вино дѣло Божіе, а пьянство—дѣло діавола. Не вино производитъ пьянство, а невоздержаніе производитъ пьянство. Не поноси творенія Божія, а порицай безуміе сораба. А ты, оставивъ безъ наказанія и исправленія согрѣшающаго, оскорбляешь благодѣтеля?

5. Итакъ, когда услышимъ, что кто-нибудь говоритъ подобное, то заставимъ его молчать, потому что не пользованіе, а неумѣренность производитъ пьянство, пьянство — корень всѣхъ золъ. Вино дано для того, чтобы возстановлять силы слабаго тѣла, а не для того, чтобы разрушать силу души, чтобы устранять немощь плоти, а не вредить здоровью души. Не доставляй поэтому своимъ неумѣреннымъ пользованіемъ даромъ Божіимъ поводовъ (къ порицанію его) людямъ неразумнымъ и безстыднымъ. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, достойно бо́льшаго сожалѣнія, чѣмъ пьянство? Пьяница живой мертвецъ; пьянство—демонъ самозванный, недугъ, не имѣющій прощенія, паденіе, лишенное оправданія, общій позоръ рода нашего. Пьяница не только безполезенъ въ собраніяхъ, не только въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ, но и по одному просто виду противнѣе всѣхъ, дыша зловоніемъ. Изрыганія, позѣванія и крики пьяныхъ непріятны и противны, и тѣмъ, кто видитъ и присутствуетъ вмѣстѣ съ ними, внушаютъ крайнее отвращеніе. Но верхъ зла въ томъ, что этотъ недугъ дѣлаетъ для пьяницы недоступнымъ небо, и не дозволяетъ достичь вѣчныхъ благъ, такъ что вмѣстѣ съ позоромъ здѣсь и тамъ ожидаетъ страдающихъ этимъ недугомъ тягчайшее наказаніе. Посему уничтожимъ

эту дурную привычку и послушаемся словъ Павла: *мало вина пріемли.* Да и самое это употребленіе въ небольшомъ количествѣ онъ позволилъ ради немощи, такъ что, если бы не было этой изнуряющей немощи, онъ не заставилъ бы ученика принимать и 23
малаго количества. Такъ и данныя намъ необходимыя для жизни пищу и питія мы всегда должны измѣрять временемъ и необходимостью, никогда не переходить за предѣлы необходимости и ничего не дѣлать безразсудно и безпорядочно. Теперь, когда мы узнали заботливость Павла и добродѣтель Тимоѳея, направимъ бесѣду на самое рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ. Въ чемъ же эти вопросы? Необходимо повторить ихъ снова, чтобы яснѣе было рѣшеніе. Для чего, (спрашиваютъ), допустилъ Богъ впасть въ недугъ такому святому и совершавшему столь великія дѣла, и почему ни самъ онъ, ни учитель не могли устранить болѣзни, а возымѣли нужду въ помощи вина? Въ этомъ состоялъ вопросъ. Самое же рѣшеніе нужно привести такъ, чтобы не только если бы кто-нибудь подвергся такой болѣзни и недугу, но и если бы кто-нибудь изъ людей святыхъ, великихъ и достойныхъ удивленія подвергся бѣдности, голоду, узамъ, истязаніямъ, обидамъ, клеветамъ и всѣмъ вообще бѣдствіямъ настоящей жизни, то и относительно ихъ въ томъ, что будетъ сказано сегодня, можно было отыскать точную и яснѣйшую защиту противъ желающихъ обвинять (за это Бога). Вы вѣдь слышали, какъ многіе спрашиваютъ: почему, въ самомъ дѣлѣ, одинъ, будучи человѣкомъ смиреннымъ и кроткимъ, каждый день привлекается въ судъ какимъ-нибудь преступникомъ и злодѣемъ, терпитъ множество бѣдствій, — и Богъ допускаетъ это? Почему другой, ложно обвиненный, умеръ несправедливо? Одинъ, говорятъ, потопленъ, другой низринутъ со скалы; и мы могли бы назвать многихъ святыхъ, жившихъ и въ наше время и при нашихъ предкахъ, которые потерпѣли много разнообразныхъ и разнородныхъ мученій. Чтобы понять смыслъ всего этого, и ни самимъ не смущаться, ни другихъ не допустить до соблазна, обратимъ тщательное вниманіе на то, что будетъ теперь сказано.

6. Я могу указать вашей любви восемь причинъ всякаго рода и вида бѣдствій святыхъ. Поэтому всѣ усиленно напрягите ваше вниманіе, зная, что намъ не будетъ уже никакого извиненія и оправданія, если мы будемъ соблазняться приключающимися бѣдствіями, если, при существованіи столькихъ причинъ, станемъ смущаться и тревожиться, какъ будто бы (ихъ) не было ни одной. Итакъ, первая состоитъ въ томъ, что Богъ попускаетъ имъ терпѣть бѣды, чтобы они вслѣдствіе величія своихъ заслугъ и чудесъ не впадали скоро въ гордость. Вторая въ томъ, чтобы другіе не думали о нихъ больше, чѣмъ свойственно человѣческой при-

родѣ, и не полагали, будто они боги, а не люди. Третья,—чтобы сила Божія являлась могущественной, побѣждающей и умножающей проповѣдь чрезъ людей слабыхъ и связываемыхъ узами. Четвертая,—чтобы яснѣе обнаружилось терпѣніе ихъ самихъ, какъ людей, которые служатъ Богу не изъ-за награды, а являютъ такое благомысліе, что и послѣ великихъ бѣдствій обнаруживаютъ чистую любовь къ Нему. Пятая,—чтобы мы любомудрствовали о воскресеніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты увидишь, что мужъ праведный, исполненный великой добродѣтели, терпитъ безъ конца бѣдствія, такъ и уходитъ изъ этого міра, то ты невольно вынужденъ будешь подумать о тамошнемъ судѣ, потому что если люди не
21 дозволяютъ трудящимся за нихъ уйти безъ награды и воздаянія, то гораздо больше Богъ не захочетъ когда-нибудь отпустить неувѣнчанными тѣхъ, кто столько потрудился; а если Онъ никогда не захочетъ лишить ихъ воздаянія за труды ихъ, то необходимо должно быть какое-нибудь время послѣ здѣшней смерти, въ которое они получатъ воздаянія за здѣшніе труды. Шестая (причина) въ томъ, чтобы всѣ, подвергающіеся несчастіямъ, имѣли достаточное утѣшеніе и облегченіе, взирая на нихъ и помня о случившихся съ ними бѣдствіяхъ. Седьмая, чтобы, когда мы призываемъ васъ (подражать) добродѣтели ихъ и каждому изъ васъ говоримъ: „подражай Павлу и соревнуй Петру“, вы, по причинѣ чрезмѣрной высоты заслугъ, не подумали, что они были людьми иной природы, и не отказались боязливо отъ подражанія. Восьмая, чтобы, когда нужно ублажать и сожалѣть, мы знали, кого нужно почитать блаженнымъ, а кого жалкимъ и несчастнымъ. Таковы причины. Но ихъ всѣ надо подтвердить отъ Писаній, и съ точностью показать, что все сказанное не изобрѣтеніе человѣческихъ размышленій, а мысли божественныхъ Писаній. Тогда и слово наше будетъ заслуживать большаго довѣрія, и глубже западетъ въ ваши души. Что скорби содѣйствуютъ святымъ къ тому, чтобы быть кроткими и смиренными, а не надмеваться отъ знаменій и заслугъ, и что поэтому Богъ попустилъ быть имъ, послушай, какъ относительно этого самаго говорятъ и пророкъ Давидъ и Павелъ. Первый говоритъ: *Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ твоимъ* (Пс. CXVIII, 71), а второй, сказавъ, что восхищенъ былъ на третье небо и вознесенъ въ рай, прибавилъ: *и за премногія откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ* (2 Кор. XII, 7). Чтó яснѣе этого? *Да не превозношуся*, говоритъ онъ,—по причинѣ этого Богъ допустилъ ангеламъ сатаны мучить меня. Ангелами же сатаны онъ называетъ не какихъ-либо демоновъ, а людей, служащихъ діаволу—невѣрныхъ, тиранновъ, язычниковъ, которые по-

стоянно его тѣснили и постоянно гнали. Въ словахъ же его смыслъ такой: Богъ, какъ бы такъ говоритъ онъ, могъ прекратить непрерывныя гоненія и притѣсненія; но когда я восхищенъ былъ на третіе небо и вознесенъ въ рай, то, чтобы изъ-за чрезмѣрности этихъ откровеній я не возгордился и не сталъ высокомѣренъ, Богъ допустилъ эти гоненія и дозволилъ ангеламъ сатаны мучить меня гоненіями и скорбями, чтобы я не превозносился. Хотя и святы и достойны удивленія сподвижники Павла и Петра, и всѣ, кто ни есть такіе, но все-таки они люди и нуждаются въ большой осторожности, чтобы не впасть легко въ гордость. И святые больше всего (нуждаются въ этомъ); потому что ничто такъ не влечетъ къ гордости, какъ сознаніе заслугъ и дерзновенная душа. Чтобы они не потерпѣли ничего подобнаго, Богъ и попустилъ быть искушеніямъ и скорбямъ, которыя могли бы смирять ихъ и побуждать во всемъ соблюдать мѣру.

7. А что бѣдствія святыхъ много содѣйствуютъ и къ проявленію силы Божіей, объ этомъ послушай у того же апостола, который сказалъ то раньше. Чтобы ты не говорилъ, какъ думаютъ невѣрные, что Богъ, допускающій эти бѣдствія, безсиленъ, и что, не имѣя власти избавить своихъ (чтителей) отъ опасностей, допускаетъ имъ постоянно бѣдствовать, посмотри, какъ показалъ Павелъ, что происходящее не только не свидѣтельствуетъ о 25
Его безсиліи, но еще болѣе являетъ всѣмъ Его силу. Сказавъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ*, и указавъ этими словами на непрерывныя искушенія, онъ присовокупилъ: *о семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене; и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя, сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 8—9). Тогда, говоритъ, обнаруживается Моя сила, когда вы въ немощи, и чрезъ васъ, когда вы кажетесь слабыми, растетъ и всюду распространяется слово проповѣди. Такъ, когда послѣ безчисленныхъ ударовъ онъ отведенъ былъ въ темницу, то плѣнилъ темничнаго стража. Въ колодѣ были ноги, въ цѣпяхъ руки, но темница потряслась въ полночь, когда воспѣли (апостолы).

Видишь ли, какъ сила Его въ немощи совершается? Если бы Павелъ былъ свободенъ и поколебалъ темницу, то случившееся не было бы такъ удивительно. Поэтому Богъ и говоритъ: оставайся въ узахъ, и да потрясутся отовсюду стѣны, и да разрѣшатся отъ оковъ узники, чтобы больше видна была сила Моя, когда чрезъ тебя, связаннаго и скованнаго, освобождаются всѣ узники. И темничнаго стража поразило тогда именно то самое, что будучи содержимъ такъ крѣпко, Павелъ одной только молитвой могъ потрясти основанія, растворить двери темницы и разрѣ-

шить всѣхъ узниковъ. Но не здѣсь только, а и съ Петромъ и съ самимъ Павломъ, и съ остальными апостолами, можно видѣть, что постоянно случается это, что (т. е.) благодать Божія всегда обнаруживается въ преслѣдованіяхъ, является въ утѣсненіяхъ и громко возвѣщаетъ о своей силѣ. Поэтому Онъ и говорилъ: *довлѣетъ ти благдать моя, сила бо моя въ немощи совершается.* А что многіе склонны были бы часто предполагать о нихъ (святыхъ) больше, чѣмъ свойственно человѣческой природѣ, если бы не видѣли ихъ терпящими такія бѣдствія, послушай, какъ страшился этого Павелъ. *Аще бо и восхощу*, говоритъ онъ, *похвалитися, не буду безуменъ: щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. XII, 6). Что значатъ его слова? Я могъ бы, говоритъ онъ, указать на гораздо большія чудеса, но не хочу, чтобы величіе знаменій не внушило людямъ обо мнѣ бо̀льшаго мнѣнія. Поэтому и бывшіе съ Петромъ, когда исцѣленъ былъ хромой и всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на нихъ, успокаивая народъ и убѣждая, что они ничего не обнаружили сами отъ себя и своей силой, говорятъ: *что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Опять и въ Листрахъ были не только поражены, но и привели украшенныхъ вѣнками быковъ и хотѣли принести жертву Павлу съ Варнавой. Замѣть коварство діавола: чрезъ кого Господь хотѣлъ искоренить во вселенной нечестіе, чрезъ тѣхъ самыхъ онъ старался ввести его, опять убѣждая признавать людей богами, что̀ онъ дѣлалъ и въ прежнія времена. И это его дѣло больше всего дало начало и корень идолослуженію, потому что многіе и счастливо окончившіе войны, и водрузившіе трофеи, и построившіе города и совершившіе иныя какія нибудь подобнаго рода благодѣянія для тогдашнихъ людей признаны были богами, почтены храмами и алтарями, и весь списокъ языческихъ боговъ состоитъ изъ этихъ людей.

Чтобы не случилось этого и со святыми, Богъ попустилъ имъ
26 быть постоянно гонимыми, принимать бичеванія, подвергаться недугамъ, чтобы крайняя тѣлесная немощь и обиліе искушеній убѣждали жившихъ тогда, что совершавшіе столь великія чудеса были все же людьми и ничего не приносили сами отъ себя, а все совершала чрезъ нихъ одна лишь благодать. Ибо если тѣ сочли за боговъ людей, совершившихъ незначительныя и ничтожныя дѣла, то гораздо болѣе заподозрили бы они этихъ, творившихъ такія дѣла, какихъ никто никогда не видалъ и не слыхалъ, если бы послѣдніе не испытывали ничего, свойственнаго людямъ. Если даже не смотря на то, что они подвергались бичеваніямъ, низвергались, заключались въ узы, изгонялись, сталкивались каждый день съ

опасностями, нѣкоторые все-таки впали въ это нечестивое мнѣніе, то гораздо больше они подумали бы, если бы тѣ не терпѣли ничего, свойственнаго людямъ.

8. Такова третья причина бѣдствій. Четвертая же состоитъ въ томъ, чтобы не думали люди, будто бы святые служатъ Богу по надеждѣ на настоящее счастіе. Въ самомъ дѣлѣ, многіе, живя распутно, будучи часто упрекаемы многими и призываемы къ подвигамъ добродѣтели, и слыша о похвалахъ святымъ, за мужество въ бѣдствіяхъ, начинаютъ на нихъ клеветать по этому поводу. И не только люди, а и самъ діаволъ заподозрилъ тоже самое. Въ самомъ дѣлѣ, когда Іовъ владѣлъ большимъ богатствомъ и наслаждался полнымъ изобиліемъ, то злой тотъ демонъ, будучи за него упрекаемъ Богомъ, не имѣя ничего сказать, ни оправдаться въ своихъ преступленіяхъ, ни набросить сомнѣніе на добродѣтели праведника, тотчасъ же прибѣгаетъ къ этой защитѣ, говоря: *Еда туне Іовъ чтитъ* Тебя; *оградилъ еси внутренняя его и внѣшняя* (Іов. I, 10). За награду, говоритъ онъ,—наслаждаясь такимъ изобиліемъ,—онъ добродѣтеленъ. Что же Богъ? Онъ, желая показать, что не за награду служатъ Ему святые, лишилъ его всего богатства, предалъ бѣдности и допустилъ подвергнуться тяжелой болѣзни. Затѣмъ, укоряя діавола, что онъ напрасно заподозрилъ, говоритъ, что (Іовъ) *еще придержится незлобія, ты же реклъ еси вотще имѣнія его погубити* (Іов. II, 3). Для святыхъ достаточной наградой и воздаяніемъ служитъ самое служеніе Богу, какъ и для любящаго довольно и той награды, чтобы любить, кого любитъ, такъ что онъ и не ищетъ ничего сверхъ того, и не думаетъ, чтобы что-нибудь было больше этого. Если же такъ бываетъ въ отношеніи къ человѣку, то гораздо больше въ отношеніи къ Богу. Поэтому и Богъ, желая показать это, дозволилъ больше, чѣмъ требовалъ діаволъ. Тотъ говоритъ: *посли руку твою и коснися* его (II, 5), а Богъ не такъ, но говоритъ: *предаю ти его* (ст. 6). Подобно тому, какъ на мірскихъ состязаніяхъ сильные и здоровые тѣломъ атлеты являются не тогда, когда бываютъ окутаны увлаженной масломъ одеждой, а выступаютъ на арену, сбросивъ ее, нагими, и тогда поражаютъ зрителей полною соразмѣрностью всѣхъ членовъ, когда ничто уже не скрываетъ ихъ тѣла; такъ и Іовъ: когда окруженъ былъ всѣмъ тѣмъ богатствомъ, то для многихъ неизвѣстно было, каковъ онъ когда же бросилъ его, подобно тому, какъ атлетъ снимаетъ одежду, и вышелъ нагимъ на подвигъ благочестія, то въ такомъ обнаженномъ видѣ такъ поразилъ всѣхъ зрителей, что и само воинство ангельское, зрѣвши это, громко воскликнуло, видя твердость души его, и рукоплескало побѣдителю. Какъ я сейчасъ сказалъ, онъ не 27

тогда виденъ былъ людямъ, когда владѣлъ всѣмъ тѣмъ богатствомъ, а тогда, когда, сбросивъ его, подобно одеждѣ, оказался нагимъ посреди вселенной, какъ бы въ театрѣ, и всѣ были поражены хорошимъ состояніемъ души его; и не только благодаря этой наготѣ онъ выказалъ себя, но благодаря также и борьбѣ и терпѣнію въ болѣзни.

Какъ я сказалъ раньше, его поразилъ не Самъ Богъ, чтобы діаволъ опять не сказалъ: „Ты пощадилъ и навелъ не такое искушеніе, какое нужно было бы", а отдалъ самому діаволу и погубленіе стадъ и власть надъ тѣломъ. Я, говоритъ Онъ, увѣренъ въ борцѣ; поэтому не препятствую употребить съ нимъ, какіе хочешь, пріемы борьбы. Но подобно тому, какъ хорошіе и вполнѣ полагающіеся на свое искусство и крѣпость тѣла борцы часто вступаютъ въ борьбу съ противниками не прямо стоя и не на равныхъ условіяхъ, а дозволяютъ имъ перехватить себя посрединѣ, чтобы сдѣлать болѣе блистательною побѣду, такъ и Богъ допустилъ діаволу схватить святого посрединѣ, чтобы, когда тотъ побѣдитъ послѣ такого преимущества борьбы (на сторонѣ діавола) и распростретъ его на землѣ, былъ болѣе блистательнымъ вѣнецъ. Золото испытано; какъ хочешь пытай его, какъ хочешь пробуй, ты не найдешь въ немъ грязи. Но (Богъ) показываетъ намъ не только мужество другихъ, но и представляетъ еще иное великое утѣшеніе. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Христосъ? *Блажени есте, егда поносятъ вамъ* люди, *и ижденутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Тако бо* твориша и пророкамъ отцы ихъ (Матѳ. v, 11. 12). И Павелъ опять, желая утѣшить македонянъ, говоритъ: *Вы бо подобницы бысте, братіе, церквамъ Божіимъ, сущымъ во Іудеи, зане тяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей* (1 Ѳесс. II, 14). Точно также онъ увѣщеваетъ и евреевъ, перечисляя всѣхъ праведниковъ, (страдавшихъ) въ печахъ, ямахъ, въ пустыняхъ, горахъ, въ пещерахъ, проводившихъ жизнь въ голодѣ и тѣснотѣ (Евр. XI, 38), потому что общеніе въ страданіяхъ доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе изгнанникамъ. А что страданія святыхъ даютъ, опять, поводы говорить и о воскресеніи, послушай, какъ говоритъ объ этомъ самъ Павелъ: *аще бо по человѣку со звѣремъ боряхся въ Ефесѣ, кая ми польза, аще мертвіи не востаютъ* (1 Кор. XV; 32)? И еще: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣкъ есмы* (ст. 19). Безчисленныя терпимъ мы бѣдствія въ настоящей жизни, говоритъ онъ; поэтому, если нельзя надѣяться на другую жизнь, то кто былъ бы несчастнѣе насъ?

9. Отсюда очевидно, что наша жизнь не ограничивается предѣлами настоящаго существованія. И это становится яснымъ изъ искушеній. Никогда бы не потерпѣлъ Богъ, чтобы претерпѣвшіе столько великихъ бѣдствій и проведшіе всю настоящую жизнь въ искушеніяхъ и безчисленныхъ опасностяхъ не были вознаграждены гораздо бо́льшими дарами. Если же Онъ не потерпѣлъ бы (этого), то очевидно, что Онъ уготовалъ нѣкую иную, лучшую и болѣе свѣтлую жизнь, въ которой Онъ долженъ увѣнчать борцовъ благочестія и прославить (ихъ) предъ взорами всей вселенной. Итакъ, 28
когда ты увидишь, что праведникъ находится въ нуждѣ, терпитъ бѣдствія, подвергается недугу, бѣдности, и заключаетъ настоящую жизнь множествомъ другихъ бѣдствій, тогда скажи себѣ, что если бы не было воскресенія и суда, то Богъ не попустилъ бы потерпѣвшему за Него столько золъ отойти отсюда, не испытавъ ничего хорошаго. Очевидно отсюда, что Онъ уготовалъ имъ другую жизнь гораздо болѣе пріятную и счастливую, чѣмъ настоящая, потому что если бы было не такъ, то онъ не дозволилъ бы многимъ нечестивымъ жить въ роскоши въ теченіе настоящей жизни, а многимъ праведникамъ не допустилъ бы оставаться въ безчисленныхъ бѣдствіяхъ. Но такъ какъ уготованъ иной вѣкъ, въ которомъ Онъ намѣренъ воздать всякому по достоинству, одному—мзду нечестія, другому—мзду добродѣтели, то Онъ и терпитъ, видя, какъ одинъ бѣдствуетъ, а другой роскошествуетъ. И другую причину постараюсь представить отъ Писаній. Въ чемъ же она заключается? Въ томъ, чтобы мы, будучи призываемы къ той же самой добродѣтели, не говорили, что они (святые) имѣли иную природу, или что они не были людьми. Поэтому нѣкто, говоря о великомъ Иліи, сказалъ такъ: *Иліа человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ* (Іак. v, 17). Видишь ли, что соучастіемъ въ страданіяхъ апостолъ показываетъ, что онъ (Илія) былъ человѣкомъ, какъ и мы? И еще: *есмь бо и азъ человѣкъ* подобострастенъ вамъ (Прем. vii, 1),—и это ручается за общность природы. А чтобы ты зналъ, что страданія святыхъ научаютъ насъ ублажать того, кого (именно) нужно ублажать, это ясно изъ слѣдующаго. Когда ты слышишь Павла, который говоритъ, что *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся* (1 Кор. iv, 11), и что *его же любитъ Господь, наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. xii, 6), то ясно, что мы будемъ восхвалять не тѣхъ, кто наслаждается спокойствіемъ, а тѣхъ, которые терпятъ притѣсненія и скорби за Бога, и будемъ соревновать живущимъ добродѣтельно и заботящимся о благочестіи. Такъ и пророкъ говоритъ: *десница ихъ десница неправды, дщери ихъ удобрены, преукрашены яко подобіе храма, хранилища ихъ исполнены, отры-*

гающая отъ сего въ сіе: овцы ихъ многоплодны, множающіяся во исходищахъ своихъ, волове ихъ толсти. Нѣсть паденія оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стогнахъ ихъ. Ублажиша люди, имъ же сія суть (Псал. CXLIII, 11—15). Ты же что говоришь, пророкъ?—*Блажени людіе, имъ же Господь Богъ ихъ* (ст. 15). Не того, кто обогащается имуществомъ, а того, кто украшается благочестіемъ, говоритъ онъ, я считаю блаженнымъ, хотя бы онъ терпѣлъ безчисленныя бѣдствія. Если же нужно назвать и девятую причину, то мы указали бы на то, что скорби дѣлаютъ болѣе испытанными тѣхъ, кто подвергается имъ, ибо *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Римл. V, 3—5). Видишь ли, что искусство, являющееся изъ скорби, внушаетъ намъ надежду на будущее, и пребываніе въ искушеніяхъ заставляетъ насъ имѣть хорошія надежды на будущее? Такимъ образомъ, я не безъ основанія говорилъ, что эти скорби утѣшаютъ насъ надеждами на воскресеніе и дѣлаютъ искушаемыхъ лучшими: *яко во огни искушается злато*, такъ и человѣкъ принятый *въ пещи смиренія* (Сирах. II, 5). Можно указать и десятую причину. Какую же именно? Ту самую, которую я называлъ уже часто и раньше, именно,— если у насъ есть какіе-нибудь пороки, то устранимъ здѣсь и ихъ. И на это указывая, патріархъ говорилъ богатому, что *Лазарь вос-*
29 *пріялъ своя злая*, почему *утѣшается* (Лук. XVI, 25). И кромѣ этой найдемъ опять иную причину. Въ чемъ же эта? Въ томъ, чтобы умножить намъ вѣнцы и награды, потому что въ той мѣрѣ, какъ возрастаютъ скорби, умножаются и воздаянія, вѣрнѣе же— гораздо больше, потому что *недостойны*, говоритъ апостолъ, *страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. VIII, 18). Итакъ, имѣя возможность указать столько причинъ страданія святыхъ, не будемъ ни роптать въ искушеніяхъ, ни сомнѣваться, ни смущаться, а станемъ и сами воспитывать свои души, и другихъ научать этому. И если ты увидишь человѣка, который живетъ добродѣтельно, стремится къ любомудрію, угождаетъ Богу, и затѣмъ терпитъ безчисленныя бѣдствія, то не соблазнись, возлюбленный! И если ты увидишь, что кто-нибудь приступаетъ къ духовнымъ дѣламъ и думаетъ достичь чего-нибудь полезнаго, затѣмъ терпитъ неудачу, то не смущайся. И я знаю, что многіе спрашиваютъ такъ: одинъ, говорятъ, отправился въ Мартиріонъ [1]), чтобы доставить средства помощи бѣднымъ, но подвергся кораблекрушенію и погубилъ все. Другой, опять, дѣлая тоже самое, попался разбойникамъ и едва спасъ свою жизнь, убѣжавъ отъ нихъ.

---

[1]) Μαρτύριον—этимъ именемъ назывался храмъ Спасителя въ Іерусалимѣ.

нагимъ. Чтò же сказать намъ? То, что не должно сѣтовать ни о чемъ этомъ, потому что хотя (тотъ человѣкъ) и подвергся крушенію, однако онъ имѣетъ совершенный плодъ правды, такъ какъ выполнилъ все свое: собралъ имущество, сохранилъ, приступилъ къ дѣлу, отправился въ путь, а кораблекрушеніе нисколько уже не зависѣло отъ его рѣшенія. Но для чего Богъ допустилъ это? Для того, чтобы сдѣлать этого человѣка испытаннымъ. Но бѣдные, говорятъ, лишились денегъ? Не такъ ты заботишься о бѣдныхъ, какъ создавшій ихъ Богъ, потому что если они и лишились ихъ, то Онъ можетъ съ другой стороны доставить имъ еще большій источникъ благосостоянія.

10. Не будемъ, поэтому, требовать у Него отчета въ происходящемъ, а прославимъ за все. Не безъ цѣли и не напрасно попускаетъ Онъ часто подобное, но не покидая заботой тѣхъ, кто долженъ бы получить утѣшеніе отъ этихъ деньгъ, доставляя только имъ вмѣсто того другой способъ пропитанія, Онъ дѣлаетъ и болѣе искушеннымъ потерпѣвшаго крушеніе и бóльшую награду приготовляетъ ему, потому что благодарить Бога, подвергшись такимъ бѣдамъ, составляетъ гораздо бóльшую заслугу, чѣмъ давать милостыню.

Въ самомъ дѣлѣ, не только то, чтó мы отдаемъ, творя милостыню, но и то, что мы мужественно переносимъ, когда у насъ отнимаютъ другіе, приноситъ намъ обильный плодъ. И чтобы ты зналъ, что послѣднее больше перваго, я поясню это примѣромъ случившагося съ Іовомъ. Послѣдній, когда владѣлъ имуществомъ, отворялъ свой домъ для бѣдныхъ, отдавалъ все, что было; но онъ не былъ такъ славенъ тогда, когда отворялъ свой домъ бѣднымъ, какъ тогда, когда, услышавъ, что домъ обрушился, не отчаялся. Онъ не былъ такъ славенъ, когда обстригая овецъ одѣвалъ нагихъ, какъ былъ славенъ и знаменитъ, когда, услышавъ, что упалъ огонь и уничтожилъ всѣ стада его, возблагодарилъ Бога. Тогда онъ былъ человѣколюбивъ, теперь сталъ любомудръ. Тогда онъ жалѣлъ бѣдныхъ, теперь же благодарилъ Владыку. И онъ не сказалъ себѣ: чтó же это? Стада уничтожены, отъ которыхъ питалось мно- 30
жество бѣдныхъ; если ужъ я не достоинъ былъ наслаждаться этимъ богатствомъ, то по крайней мѣрѣ слѣдовало бы пощадить ради тѣхъ, которые получали (отъ нихъ) долю. Но ничего подобнаго онъ ни сказалъ, ни помыслилъ, а зналъ, что Богъ все устрояетъ на пользу. И чтобы ты зналъ, что Іовъ нанесъ діаволу болѣе сильный ударъ именно тогда, когда, будучи лишенъ (всего), возблагодарилъ (Бога), чѣмъ когда, владѣя (имуществомъ), являлъ состраданіе, поразмысли о томъ, что, когда онъ владѣлъ, діаволъ могъ высказать нѣкоторое подозрѣніе, хотя и ложное, онъ все же

могъ сказать: „развѣ даромъ Іовъ чтитъ Тебя?“—а послѣ того, какъ у него взялъ все, лишилъ его всего, и Іовъ сохранилъ ту же самую любовь къ Богу, тогда совершенно замкнулись безстыдныя уста, и діаволъ не могъ уже сказать ничего, потому что еще славнѣе, чѣмъ прежде, былъ праведникъ. Итакъ, будучи лишеннымъ всего, мужественно и съ благодарностью переносить (несчастіе), какъ показано на примѣрѣ этого праведника,—гораздо бо́льшая добродѣтель, чѣмъ, живя въ богатствѣ, творить милостыню. Тогда у Іова было великое дружелюбіе къ сорабамъ, теперь онъ показалъ великую любовь къ Владыкѣ. Не напрасно я распространяюсь объ этомъ, а потому, что многіе, творя милостыню, питая вдовицъ, часто лишаются имѣнія; другіе теряютъ все благодаря приключившемуся пожару, иные подвергаются крушеніямъ, еще иные, благодаря ложнымъ обвиненіямъ и подобнымъ неправдамъ, послѣ обильной милостыни доводятся до крайней бѣдности, до безсилія и болѣзни, и ни отъ кого не получаютъ никакой помощи. Итакъ, не станемъ говорить, какъ говорятъ многіе: „никто ничего не знаетъ“,—всего сказаннаго достаточно, чтобы устранить такое смущеніе. Одинъ, говорятъ, творя столько милостыни, потерялъ все. И чтó въ томъ, что онъ все потерялъ? Если онъ возблагодаритъ за эту утрату, то пріобрѣтетъ у Бога гораздо бо́льшее благоволеніе и получитъ въ будущей жизни не вдвое, какъ Іовъ, а во сто кратъ больше. Если же онъ бѣдственно страдаетъ здѣсь, то именно это самое, т. е. что онъ все мужественно переноситъ, готовитъ ему бо́льшее сокровище, потому что, призывая его къ бо́льшимъ подвигамъ и къ болѣе тяжкой борьбѣ, Богъ допустилъ (ему) впасть изъ богатства въ бѣдность. Случающійся пожаръ часто уничтожаетъ твой домъ и истребляетъ все имущество? Вспомни случившееся съ Іовомъ, возблагодари Владыку, который могъ воспрепятствовать и не воспрепятствовалъ,—и ты получишь такую же награду, какую получилъ бы, если бы все это отдалъ въ руки бѣдныхъ. Но ты влачишь жизнь въ бѣдности и голодѣ и среди безчисленныхъ опасностей? Вспомни Лазаря, боровшагося и съ болѣзнью, и съ бѣдностью, и съ лишеніями; вспомни апостоловъ, которые проводили жизнь въ голодѣ, и въ жаждѣ, и наготѣ; вспомни пророковъ, патріарховъ, праведниковъ,—и ты найдешь, что всѣ они были не изъ числа богатыхъ и наслаждавшихся жизнію, а изъ числа
31 терпѣвшихъ нужду, скорби и тѣсноту.

11. Слагая это въ себѣ, возблагодари Владыку за то, что Онъ сподобилъ тебя такой участи, не по ненависти, а по сильной любви, потому что Онъ не попустилъ бы и тѣмъ потерпѣть такихъ бѣдствій, если бы не сильно любилъ (ихъ), ибо чрезъ эти бѣдствія Онъ сдѣлалъ ихъ болѣе славными. Нѣтъ блага, равнаго благо-

дарности, какъ нѣтъ ничего хуже хулы. Не будемъ дивиться, что, прилежа къ духовнымъ дѣламъ, мы терпимъ много бѣдствій. Подобно тому, какъ разбойники дѣлаютъ подкопы и тщательно выслѣживаютъ не тамъ, гдѣ сѣно, мякина и солома, а гдѣ золото и серебро, такъ и діаволъ налегаетъ больше всего на тѣхъ, кто занимается духовными дѣлами. Тамъ много козней, гдѣ добродѣтель; тамъ зависть, гдѣ милостыня. Но у насъ есть одно величайшее оружіе, которое способно отразить всѣ такія козни—благодарить за все это Бога. Авель, не тогда ли, какъ приносилъ жертву отъ начатковъ, палъ отъ братней руки, скажи мнѣ? И однако Богъ попустилъ это, не по ненависти къ почтившему, а по сильной любви и желая доставить ему, кромѣ вѣнца за прекраснѣйшую ту жертву, другой вѣнецъ—мученичества. Моисей захотѣлъ помочь неправедно обижаемому, и подвергся крайней опасности, (такъ что) бѣжалъ изъ отечества. И Богъ попустилъ это, чтобы ты зналъ терпѣніе святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы принялись за духовныя дѣла, зная напередъ, что не потерпимъ никакого несчастія, то при такомъ ручательствѣ въ безопасности мы оказались бы не дѣлающими ничего великаго; теперь же дѣлающіе такія дѣла больше всего достойны удивленія именно потому, что, предвидя и опасности, и лишенія, и смерть, и безчисленныя бѣдствія, все-таки не отстаютъ отъ такихъ подвиговъ и не становятся недѣятельными изъ опасенія страданій. Поэтому, какъ три отрока говорили: *есть Богъ на небѣ силенъ изъяти насъ. Аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. III, 17. 18), такъ и ты, когда долженъ совершать что-нибудь, подобающее Богу, предусматривай много опасностей, много лишеній, много смертей, и ни изумляйся, ни смущайся, когда это случается. *Чадо*, говоритъ мудрый, *аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе* (Сирах. II, 1). Никто, рѣшаясь состязаться, не ожидаетъ стяжать вѣнка безъ ранъ; поэтому и ты, начавъ всѣми силами бороться съ діаволомъ, не гонись за безопасной и полной пріятностей жизнью, потому что не здѣсь Богъ обѣщалъ тебѣ воздаянія и обѣтованія, а все славное въ будущемъ вѣкѣ. Поэтому, когда ты или самъ, сдѣлавъ что-нибудь доброе, получишь непріятности, или увидишь, что другой потерпѣлъ это, то веселись и радуйся, потому что это служитъ тебѣ къ большему воздаянію. Не падай духомъ, не бросай усердія, не становись лѣнивымъ, а—напротивъ—прилагай еще бо́льшее рвеніе. И апостолы, когда проповѣдывали, то, подвергаясь бичеваніямъ, побиванію камнями, постоянно обитая въ темницахъ, не только послѣ избавленія отъ опасностей, а и въ самыхъ опасностяхъ

32 возвѣщали проповѣдь истины съ бо́льшимъ рвеніемъ. И можно видѣть, какъ Павелъ въ самой темницѣ, въ самыхъ узахъ обучаетъ, наставляетъ тайнамъ, и на судѣ, опять, дѣлаетъ то же самое, и во время крушенія, и въ бурю, и среди множества опасностей. И ты соревнуй этимъ святымъ,—пока въ силахъ, не отказывайся отъ добрыхъ дѣлъ, и хотя бы видѣлъ, что безконечное число разъ прерываетъ тебя діаволъ, никогда не отставай. Ты, перенося деньги, подвергся, можетъ быть, крушенію; а Павелъ, неся то, что дороже было всякихъ денегъ,—слово, отправился въ Римъ, подвергся крушенію и потерпѣлъ множество бѣдствій. И это онъ самъ выразилъ, говоря: много разъ *хотѣхомъ* пріити къ вамъ, и возбрани намъ сатана (1 Өесс. II, 18). И Богъ попускалъ это, съ избыткомъ проявляя Свою силу и показывая, что хотя бы діаволъ представлялъ безчисленныя препятствія, дѣло проповѣди нисколько отъ этого не терпѣло ущерба и не прекращалось. Поэтому-то Павелъ за все благодаритъ Бога, зная, что чрезъ это Онъ дѣлалъ его болѣе славнымъ, и во всемъ обнаруживалъ великую силу своей ревности, не будучи удерживаемъ никакими препятствіями. Поэтому и мы, сколько бы разъ ни постигала насъ неудача, всякій разъ будемъ приступать къ духовнымъ дѣламъ, и не будемъ говорить: для чего допустилъ Богъ препятствія? Потому и допустилъ Онъ, чтобы ты больше показалъ свою ревность многимъ и великую любовь, такъ какъ любящему больше всего свойственно никогда не отказываться отъ того, что̀ нравится любимому. Слабый и малодушный падаетъ духомъ тотчасъ же при первомъ ударѣ, а сильный и бодрый, хотя бы безъ конца встрѣчалъ преграды, тѣмъ болѣе будетъ прилежать къ дѣламъ Божіимъ, исполняя все, что ему слѣдуетъ, и благодаря за все. Сдѣлаемъ же это и мы. Благодарность—великое сокровище, великое богатство, непобѣдимое благо, крѣпкое оружіе, равно какъ хула усиливаетъ настоящую уже потерю и заставляетъ насъ лишиться еще больше сверхъ того, что мы уже потеряли. Ты лишился имущества? Если ты будешь благодарить, то ты пріобрѣлъ душу и овладѣлъ бо́льшимъ сокровищемъ, снискавъ у Бога бо́льшее благоволеніе. Если же ты будешь хулить, то потерялъ и свое спасеніе, и того не возвратилъ, и душу, которую имѣлъ, и ту убилъ.

12. Но разъ у насъ зашла теперь рѣчь о хулѣ, то я хочу просить всѣхъ васъ объ одной услугѣ, взамѣнъ этой рѣчи и разсужденія, — именно, чтобы вы унимали въ городѣ тѣхъ, кто богохульствуетъ. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутьи или на площади хулитъ Бога, подойди, сдѣлай ему внушеніе. И если нужно будетъ ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударомъ; и если обвинятъ

тебя, повлекутъ въ судъ, иди. И если судья предъ судилищемъ потребуетъ отвѣта, смѣло скажи, что онъ похулилъ Царя ангеловъ, ибо если слѣдуетъ наказывать хулящихъ земного царя, то гораздо больше оскорбляющихъ Того (Царя). Преступленіе—одного рода, публичное оскорбленіе, обвинителемъ можетъ быть всякій, кто хочетъ. Пусть узнаютъ и іудеи и эллины, что христіане—хранители, защитники, правители и учители города; и пусть то же самое узнаютъ распутники и развратники, что—именно—имъ слѣдуетъ 33
бояться рабовъ Божіихъ, дабы, если и захотятъ когда сказать что-либо подобное, оглядывались всюду кругомъ и трепетали даже тѣней, опасаясь, какъ бы христіанинъ не подслушалъ, не напалъ и сильно не побилъ. Ты слышалъ, что̀ сдѣлалъ Іоаннъ? Онъ увидѣлъ тиранна, ниспровергающаго брачные законы, и смѣло посреди площади заговорилъ: *Не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего* (Марк. vi, 18). А я привелъ тебя не къ тиранну, не къ судьѣ, и не за противозаконные браки, не за оскорбляемыхъ сорабовъ, а удостоиваю тебя исправлять равнаго за безчинное оскорбленіе Владыки. Не правда ли, ты счелъ бы меня сумасшедшимъ, если бы я сказалъ тебѣ: наказывай и исправляй царей и судей, поступающихъ противозаконно? И однако Іоаннъ сдѣлалъ это; слѣдовательно, это не свыше нашихъ силъ. Теперь же исправляй по крайней мѣрѣ хоть сораба, хоть равнаго себѣ, и если даже надо будетъ умереть, не переставай вразумлять брата. Это будетъ для тебя мученичествомъ. И Іоаннъ вѣдь былъ мученикомъ. Ему не приказывали ни принести жертвы, ни поклониться идолу, но онъ сложилъ голову за святые законы, когда они подвергались поруганію. Такъ и ты до смерти борись за истину, и Господь будетъ поборать за тебя. И не говори мнѣ такихъ безсердечныхъ словъ: что̀ мнѣ заботиться? У меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго. У насъ нѣтъ ничего общаго только съ діаволомъ, со всѣми же людьми мы имѣемъ много общаго. Они имѣютъ одну и ту же съ нами природу, населяютъ одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имѣютъ одного и того же Владыку, получили одни и тѣ же законы, призываются къ тому же самому добру, какъ и мы. Не будемъ поэтому говорить, что у насъ съ ними нѣтъ ничего общаго, потому что это голосъ сатанинскій, діавольское безчеловѣчіе. Не станемъ же говорить этого, а покажемъ подобающую братьямъ 34
заботливость. А я обѣщаю со всею увѣренностью и ручаюсь всѣмъ вамъ, что если всѣ вы, присутствующіе здѣсь, захотите раздѣлить между собою заботу о спасеніи обитающихъ въ городѣ, то послѣдній скоро исправится весь. И хотя здѣсь малѣйшая часть города, но малѣйшая по количеству, а по благочестію главная.

Раздѣлимъ между собой заботу о спасеніи нашихъ братьевъ. Достаточно одного человѣка, воспламененнаго ревностью, чтобы исправить весь народъ. А когда на лицо не одинъ, и не два, и не три, а такое множество могущихъ принять на себя заботу о нерадивыхъ, то не по чему иному, какъ по нашей лишь безпечности, а отнюдь не слабости, многіе погибаютъ и падаютъ духомъ. Не безразсудно ли въ самомъ дѣлѣ, что если мы увидимъ драку на площади, то бѣжимъ и миримъ дерущихся; да, что говорю я— драку? Если увидимъ, что упалъ оселъ, то всѣ спѣшимъ протянуть руку и поставить его на ноги; а о гибнущихъ братьяхъ не заботимся? Богохульникъ—тотъ же оселъ, не вынесшій тяжести гнѣва и упавшій. Подойди же и подними его и словомъ и дѣломъ, и кротостью и силой; пусть разнообразно будетъ лѣкарство. И если мы устроимъ такъ свои дѣла, будемъ искать спасенія и ближнихъ, то вскорѣ станемъ желанными и любимыми и для самихъ тѣхъ, кто получаетъ исправленіе. И—что̀ всего важнѣе—мы насладимся предстоящими благами, которыхъ всѣ мы да достигнемъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ,

произнесенная въ Антіохіи, въ церкви, такъ называемой, старой, когда онъ былъ пресвитеромъ—о бѣдствіи, постигшемъ городъ, по случаю низверженія статуй благочестиваго царя Ѳеодосія Великаго, на слова апостола: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (Тим. VI, 17), и противъ любостяжанія.

33 ЧТО мнѣ сказать, и о чемъ говорить? Теперь время слезъ, а не словъ; рыданій, а не рѣчей; молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлѣчима рана, такъ велика язва: она выше всякаго врачевства и требуетъ высшей помощи. Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ; и услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разодрали одежды, посыпали себя пепломъ и сильно возстенали. То же и теперь надлежало бы сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ,—придти къ нашему городу и съ полнымъ участіемъ оплакать случившееся. Тогда Іовъ сидѣлъ на гноищѣ; нынѣ нашъ городъ сидитъ въ великой сѣти. Тогда діаволъ напалъ на стада, на рогатый скотъ и на все достояніе праведника: теперь онъ излилъ свое неистовство на цѣлый городъ. Впрочемъ, и тогда

и теперь попустилъ это Богъ: тогда для того, чтобы тяжкими испытаніями болѣе прославить праведника; теперь для того, чтобы этимъ чрезмѣрнымъ бѣдствіемъ сдѣлать насъ болѣе смиренными
Дайте мнѣ оплакать настоящее. Семь дней молчалъ я, какъ друзья 34
Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ, столь тихій и кроткій и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ и натворилъ такихъ бѣдствій, о которыхъ и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь—не о величинѣ угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ содѣланнаго. Если царь и не оскорбится, и не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ: то, скажи мнѣ, какъ мы перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ? Отъ плача прерывается моя бесѣда; едва могу открыть уста, двигать языкомъ и произносить слова: тяжкая печаль, какъ узда, удерживаетъ мой языкъ и останавливаетъ слова. Ничего не было прежде счастливѣе нашего города; теперь нѣтъ ничего горестнѣе его.
Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый 35
день толпились на площади, и всѣ доселѣ почитали насъ счастливыми за такое многолюдство. Но вотъ теперь этотъ улей опустѣлъ; потому что, какъ пчелъ (разгоняетъ) дымъ, такъ и насъ разгоняетъ страхъ. И что сказалъ пророкъ, оплакивая Іерусалимъ, то же и намъ прилично сказать теперь: городъ нашъ сталъ, *яко теревинѳъ, отметнувшій листвія, и яко вертоградъ не имый воды* (Ис. I, 30). Въ неорошаемомъ саду торчатъ деревья безъ листьевъ и плодовъ; таковъ сталъ теперь и нашъ городъ: какъ оставила его помощь Всевышняго, онъ опустѣлъ и лишился почти всѣхъ жителей. Нѣтъ ничего любезнѣе родины; но теперь нѣтъ ничего горестнѣе ея. Всѣ бѣгутъ изъ родного города, какъ изъ сѣти; оставляютъ его, какъ пропасть, выскакиваютъ, какъ изъ огня. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, съ великою поспѣшностію бѣгутъ не только живущіе въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти хоть нагое тѣло; такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти хоть нагое тѣло, прежде чѣмъ этотъ огонь, идя своимъ путемъ, не дойдетъ и до него. Наше бѣдствіе стало загадкою: безъ враговъ бѣгство; безъ сраженія переселеніе; безъ плѣненія плѣнъ! Не видали мы огня варварскаго; не видали и лица враговъ: а терпимъ то же, что плѣненные. Всѣ знаютъ теперь о нашемъ бѣдствіи, потому что, принимая къ себѣ нашихъ бѣглецовъ, слышатъ отъ нихъ о пораженіи нашего города.

2. Но я не стыжусь этого и не краснѣю. Пусть знаютъ всѣ

о злополучіи нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общій отъ всей земли голосъ къ Богу и единодушно умолили Царя небеснаго о спасеніи общей всѣмъ имъ матери и питательницы. Недавно нашъ городъ подвергся землетрясенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца. Всѣ мы каждый день видимъ смерть предъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ и терпимъ наказаніе Каиново, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницѣ, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя. Выдерживающіе осаду отъ враговъ бываютъ заключены только внутри городскихъ стѣнъ, а для насъ и площадь сдѣлалась недоступною и каждый заключенъ въ стѣнахъ своего дома. И какъ для осажденныхъ не безопасно выйти за городскую стѣну, по причинѣ окружающихъ ее враговъ; такъ для многихъ изъ жителей нашего города не безопасно выйти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора. Поэтому господа, вмѣстѣ съ слугами своими, сидятъ въ домахъ своихъ, какъ связанные. Кто схваченъ? Кто посаженъ въ темницу? Кто сегодня
36 наказанъ? Какъ и какимъ образомъ? Вотъ о чемъ только и вывѣдываютъ и спрашиваютъ они у всякаго, у кого только можно узнать безопасно. Они влачатъ жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужія бѣдствія, трепещутъ за собственную безопасность, и ничѣмъ не лучше мертвыхъ, потому что сами давно умерли отъ страха. А если бы кто, не имѣя этого страха и безпокойства, и захотѣлъ выйти на площадь, то печальный видъ ея тотчасъ прогналъ бы его домой: онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ за нѣсколько дней предъ тѣмъ людей было болѣе, нежели волнъ въ рѣкѣ, бродитъ одинъ, много два человѣка, и то съ поникшимъ лицемъ и въ глубокомъ унынія. Теперь все прежнее многолюдство исчезло. Непріятенъ видъ лѣса, въ которомъ вырублено множество деревьевъ, или—видъ головы, во многихъ мѣстахъ лишенной волосъ: такъ и нашъ городъ, когда меньше стало въ немъ людей и только немногіе появляются тамъ и здѣсь, сдѣлался скучнымъ и на всѣхъ, кто ни посмотритъ на него, наводитъ густую мглу скорби. И не только городъ,—самый воздухъ и даже свѣтлый кругъ солнца, кажется, теперь помрачился скорбію и сдѣлался темнѣе, не потому, чтобы измѣнилось свойство стихій, но потому, что наши глаза, омраченные мглой печали, не могутъ ясно и съ прежнею легкостію принимать свѣтъ солнечныхъ лучей. Теперь сбылось, что нѣкогда оплакивалъ пророкъ: *зайдетъ* для нихъ *солнце въ полудне и померкнетъ въ день* (Ам.

viii, 9). А это сказалъ онъ не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ скрылось солнце и померкъ день, но потому, что скорбящіе, по причинѣ мрака печали, не могутъ видѣть свѣта даже въ полдень. Это и случилось теперь: куда бы кто ни посмотрѣлъ, на землю ли, на стѣны ли, на столпы ли города, или на своихъ ближнихъ, вездѣ онъ, кажется, видитъ ночь и глубокій мракъ. Такъ все исполнено печали! Вездѣ страшное безмовіе и пустота; исчезъ пріятный шумъ многолюдства; городъ такъ безмолвенъ, какъ будто всѣ жители его скрылись подъ землею; всѣ стали похожи на камни; уста, связанныя бѣдствіемъ, какъ оковами, хранятъ такую глубокую тишину, какъ будто напали враги и сразу истребили всѣхъ огнемъ и мечемъ. Прилично теперь сказать: *призовите плачевницъ, и да пріидутъ, и къ женамъ мудрымъ послите, и да вѣщаютъ* (Іер. ix, 17). Пусть очи ваши источатъ воду, и рѣсницы ваши прольютъ слезы. Плачьте холмы, и рыдайте горы. Призовемъ всю тварь сострадать нашимъ бѣдствіямъ. Городъ столь великій, глава восточныхъ городовъ, находится въ опасности быть изглаженнымъ съ лица вселенной; имѣвшій много чадъ, теперь вдругъ сдѣлался безчаднымъ и некому помочь, потому что оскорбленъ тотъ, кому нѣтъ равнаго на землѣ; онъ — царь, вождь и глава всѣхъ живущихъ на землѣ. И потому прибѣгнемъ къ Царю небесному; Его призовемъ на помощь: если не получимъ милости свыше, то намъ не останется никакого утѣшенія въ бѣдствіи.

3. Я хотѣлъ было на этомъ и окончить слово, потому что души скорбящія не любятъ продолжительныхъ рѣчей. Какъ черная туча,
ставъ на пути солнечныхъ лучей, преграждаетъ весь блескъ ихъ, 37
такъ и облако печали, когда станетъ передъ нашею душой, не даетъ свободнаго прохода слову, но подавляетъ его и съ великимъ насиліемъ удерживаетъ внутри. И это бываетъ не только съ проповѣдниками, но и съ слушателями, потому что печаль какъ не позволяетъ слову свободно изливаться изъ души говорящаго, такъ не даетъ ему упадать, съ свойственною ему силою, и на сердца слушателей. И іудеи, удрученные *бреніемъ и плинодѣланіемъ* (Исх. i, 14), не могли слушать Моисея, когда онъ часто и много говорилъ имъ объ ихъ избавленіи (vi, 9), потому что печаль преграждала слову путь къ ихъ душѣ и закрывала у нихъ слухъ. Поэтому и я хотѣлъ окончить здѣсь слово: но подумалъ, что облако не всегда только пресѣкаетъ путь солнечнымъ лучамъ, а часто и само подвергается отъ него дѣйствію, такъ какъ солнце, постоянно усиливающееся теплотою своею разрѣжая облако, часто разрываетъ его въ самой срединѣ, и тогда, вдругъ просіявъ, во всемъ свѣтѣ предстаетъ предъ наши взоры. Это же и я надѣюсь сдѣлать сегодня; надѣюсь, что слово, постоянно дѣй-

ствуя на ваши души и долго пребывая въ нихъ, расторгнетъ облако печали и освѣтитъ ваши мысли обычнымъ наставленіемъ. Предайте же мнѣ ваши души, приклоните на нѣкоторое время вашъ слухъ; отбросьте печаль; возвратимся къ прежнему обычаю; и какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ сдѣлаемъ и теперь, возложивъ все на Бога. Это послужитъ намъ и къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Онъ увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ любомудрія, то скоро подастъ намъ помощь, совершитъ благую перемѣну и утишитъ настоящую бурю.

Христіанинъ долженъ и тѣмъ отличаться отъ невѣрныхъ, чтобы все переносить благодушно, и, окрыляясь надеждою на будущее, воспарять на высоту, недосягаемую для человѣческихъ бѣдствій. На скалѣ стоитъ вѣрный, и потому не доступенъ ударамъ волнъ. Пусть воздымаются волны испытаній: онѣ не достигнутъ до его ногъ; онъ стоитъ выше всякаго такого навѣта. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы сами заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ; не столько мы печемся, чтобы не потерпѣть какого-либо бѣдствія, сколько Тотъ, кто даровалъ намъ душу, и затѣмъ еще даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя такою надеждою, и съ обычною ревностію выслушаемъ что будетъ сказано. Недавно предлагалъ я вашей любви пространную бесѣду [1]),—и видѣлъ, что всѣ слѣдовали за мною и никто не воротился съ половины дороги. Благодарю васъ за такое усердіе; въ немъ получилъ я награду за труды. Но тогда же просилъ я у васъ еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды?—Наказать и вразумить богохульниковъ, находящихся въ нашемъ городѣ, обуздать оскорбляющихъ Бога и безчинствующихъ. Не думаю, чтобы я сказалъ тогда это отъ себя; но Самъ Богъ, предвидящій будущее, вложилъ въ мою душу такія слова. И если бы мы наказали тѣхъ, которые такъ дерзко поступали,—теперь не случилось бы того, что случилось.
38 Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было потерпѣть что-нибудь, вразумляя и обуздывая этихъ людей (что принесло бы намъ и вѣнецъ мученичества),—нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти изъ-за ихъ безчинства? Вотъ преступленіе сдѣлано немногими, а вина пала на всѣхъ. Вотъ всѣ мы изъ-за нихъ теперь въ страхѣ, и за причиненное ими буйство сами терпимъ наказанія. Но если бы мы предварительно изгнали ихъ изъ города, или вразумили и исцѣлили больной членъ, то не подверглись бы настоящему страху. Знаю, что жители на-

[1]) Разумѣется 1-я бесѣда, произнесенная еще до мятежа въ Антіохіи.

шего города издавна отличаются благороднымъ нравомъ, и что нѣкоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодѣи, отчаявшіеся въ своемъ спасеніи, рѣшились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывалъ къ вамъ и настаивалъ: укротимъ неистовство богохульниковъ, образумимъ ихъ, позаботимся объ ихъ спасеніи, хотя бы это стоило намъ жизни; великую награду принесетъ намъ такой подвигъ; не допустимъ, чтобы нанесено было оскорбленіе общему Владыкѣ; городу приключится великое несчастіе, если мы оставимъ это безъ вниманія.

4. Такъ я предсказывалъ, такъ и случилось теперь, и мы за эту безпечность терпимъ наказаніе. Ты не обратилъ вниманія на то, что оскорбляешь Бога,—и вотъ Онъ попустилъ, чтобы нанесено было оскорбленіе царю, и чтобы всѣмъ намъ угрожала крайняя опасность, и такимъ образомъ въ настоящемъ страхѣ мы получили наказаніе за свое нерадѣніе. Неужели напрасно и безъ причины я предсказывалъ и постоянно тревожилъ вашу любовь? И однакожъ успѣха не было. По крайней мѣрѣ теперь пусть будетъ иначе: умудрившись настоящимъ бѣдствіемъ, обуздаемъ безчинную наглость этихъ людей, заградимъ имъ уста, заключимъ, какъ смертоносные источники, и обратимъ въ противную сторону: тогда прекратятся бѣдствія, постигшія городъ.

Церковь—не зрѣлище, чтобы въ ней слушать намъ для одного удовольствія; изъ нея выходить должно съ назиданіемъ, съ какимъ-нибудь важнымъ пріобрѣтеніемъ: вотъ какъ должно выходить отсюда! Напрасно и попусту приходимъ сюда, если только на время получивъ наставленіе, выйдемъ безъ всякой отъ него пользы. Что мнѣ за польза отъ этихъ рукоплесканій? Что—въ похвалахъ и кликахъ? Для меня будетъ похвалой то, если вы своими дѣлами оправдаете всѣ мои слова. Тогда я счастливъ и блаженъ, когда вы съ полнымъ усердіемъ будете не принимать только, но исполнять все, что услышите отъ меня. Пусть каждый исправляетъ своего ближняго, потому что сказано: *созидайте кійждо* другъ друга (1 Сол. ѵ, 11). Если же мы не станемъ дѣлать этого, то преступленіе каждаго будетъ наносить общій и тяжкій вредъ всему городу. Вотъ и теперь, хотя мы и не принимали участія въ преступленіи дерзкихъ людей, однакоже не менѣе ихъ поражены страхомъ, и трепещемъ, чтобы всѣхъ насъ не постигъ гнѣвъ царя. И намъ нельзя сказать въ извиненіе: я не былъ при этомъ, не зналъ, не участвовалъ. За это-то самое, говорятъ, ты и долженъ быть наказанъ и осужденъ по всей строгости, что ты не былъ при томъ, не воспрепятствовалъ, не удержалъ безчинныхъ, не подвергъ себя опасности за честь царя. Ты не участвовалъ въ дерзости виновныхъ? — Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовалъ

тому, что случилось, а это достойно осужденія. Такія же слова мы услышимъ и отъ Бога, если будемъ молчать въ то время, когда противъ Него раздаются хулы и поношенія. Закопавшій талантъ (Матѳ. xxv, 25—30) осужденъ не за то, что умалилъ его, потому что онъ возвратилъ ввѣренныя деньги въ цѣлости, а за то, что не увеличилъ его, — не научилъ другихъ; что не отдалъ
39 серебра купцамъ, т. е. не наставилъ, не посовѣтовалъ, не удержалъ, не исправилъ своихъ ближнихъ,—безчинныхъ грѣшниковъ: вотъ за что онъ безъ всякой пощады преданъ тяжкому наказанію! Но если не прежде, то по крайней мѣрѣ теперь вы позаботитесь— я твердо увѣренъ—о такомъ исправленіи, и не допустите, чтобы Богъ подвергался оскорбленію. Если бы къ этому и никто не убѣждалъ, то уже случившееся достаточно можетъ убѣдить самыхъ безчувственныхъ позаботиться о своемъ спасеніи. Но уже время мнѣ предложить вамъ обычную трапезу изъ словъ Павла; и мы возьмемъ и предложимъ всѣмъ нынѣ чтенное изреченіе. Что же сегодня было читано? *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (Тим. vi, 17). Сказавъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ*, онъ показалъ, что есть и другіе богатые—будущаго вѣка. Таковъ былъ Лазарь, нищій въ настоящей жизни, и богатый въ будущей,—богатый не золотомъ, серебромъ и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но тѣми неизреченными благами, *ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. ii, 9).

Въ самомъ дѣлѣ, истинное богатство и изобиліе состоитъ въ благахъ совершенныхъ и неподверженныхъ никакой перемѣнѣ. Но не такъ былъ богатъ презрѣвшій Лазаря: напротивъ, онъ сталъ бѣднѣе всѣхъ, такъ что впослѣдствіи просилъ капли воды, но и ея не могъ получить: до такого крайняго дошелъ убожества! Апостолъ для того назвалъ ихъ богатыми въ *нынѣшнемъ вѣцѣ*, чтобы ты зналъ, что здѣшнее изобиліе оканчивается съ настоящею жизнію и не простирается далѣе, не переходитъ въ другую жизнь вмѣстѣ съ своими обладателями, но часто оставляетъ ихъ еще прежде смерти. На это самое и онъ указываетъ, говоря: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. vi, 17). Подлинно,—какъ уже часто говорилъ я и не перестану говорить,—нѣтъ ничего столь ненадежнаго, какъ богатство: это—бѣглецъ неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей,—онъ уйдетъ и съ цѣпями. Владѣльцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли къ нему стражу изъ рабовъ; но оно, обольстивъ самыхъ рабовъ, убѣгало вмѣстѣ съ своими стражами, увлекая ихъ съ собою, какъ цѣпь, и такимъ образомъ самая стража ни къ чему не служила. Что же можетъ быть ненадежнѣе богатства? Что жалче

тѣхъ, которые такъ заботятся о немъ? Они всѣми силами стараются собирать то, что такъ скоро гибнетъ и исчезаетъ, и не слушаютъ, что говоритъ пророкъ: горе *надѣющимся на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящимся* (Псал. XLVIII, 7). Почему же, скажи, горе? *Сокровиществуетъ*, говоритъ онъ, *и не вѣсть, кому соберетъ я* (Псал. XXXVIII, 7): трудъ несомнѣненъ, а наслажденіе ненадежно. Часто ты трудишься и мучишь себя для враговъ; часто, послѣ твоей смерти, твое достояніе переходитъ къ тѣмъ, которые наносили тебѣ обиды и строили тысячи козней, и вотъ тебѣ достались одни грѣхи, а наслажденіе другимъ!

5. Но надобно разсмотрѣть и то, почему апостолъ не сказалъ: *богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* заповѣдывай не обогащаться, заповѣдывай обнищать, заповѣдывай растратить имѣніе, а сказалъ: *запрещай не высокомудрствовати*. Зналъ онъ, что гордость есть 40
корень и основаніе богатства, и что, кто умѣетъ жить скромно, тотъ не станетъ много заботиться о богатствѣ. И для чего, скажи мнѣ, ты окружаешь себя множествомъ рабовъ, тунеядцевъ, ласкателей и всѣми другими знаками пышности? Конечно, не по нуждѣ, а по одной гордости, чтобы чрезъ это показаться важнѣе другихъ людей. Кромѣ того (апостолъ) зналъ, что богатство не запрещено, если кто употребляетъ его для своихъ нуждъ. Не вино зло, какъ уже говорилъ я, а пьянство: такъ точно не богатство—зло, а любостяжаніе и сребролюбіе. Иное дѣло сребролюбецъ, и иное—богачъ. Сребролюбецъ не есть богачъ; сребролюбецъ во многомъ нуждается, а нуждающійся во многомъ никогда не можетъ быть богатымъ. Сребролюбецъ есть стражъ своего имѣнія, а не владѣлецъ; рабъ, а не господинъ. Для него легче отдать кому-либо часть своего тѣла, нежели удѣлить сколько-нибудь изъ закопаннаго золота. Онъ съ такою заботливостію хранитъ свое сокровище, какъ будто ему строго запретилъ кто даже дотрогиваться до этого клада, и бережетъ свое, какъ чужое. И въ самомъ дѣлѣ, это—чужое; потому что какъ можетъ онъ считать своимъ то, чего никакъ не рѣшится раздѣлить съ другими и дать бѣднымъ, хотя бы потерпѣлъ тысячу наказаній? Какой же это владѣлецъ имущества, когда не употребляетъ его и не пользуется имъ? Къ тому же, апостолъ не всѣмъ все заповѣдуетъ, но снисходитъ къ немощи слушателей, какъ и Христосъ дѣлалъ. Тому богачу, который пришелъ и бесѣдовалъ съ Нимъ о жизни вѣчной, не сказалъ Онъ: *иди, продаждь имѣніе твое* (Матѳ. XIX, 21); но, оставивъ это, говорилъ ему о другихъ заповѣдяхъ. Потомъ, когда тотъ спросилъ Его: *что есмь еще не докончалъ* (ст. 20), и тогда не просто сказалъ: *продаждь имѣніе твое*, но—*аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое:* предоставляю это твоему произво-

ленію, даю тебѣ власть самому рѣшить, не ставлю тебя въ необходимость. Поэтому и Павелъ говорилъ богачамъ не о бѣдности, но о смиренномудріи,—какъ по немощи слушателей, такъ и потому, что зналъ совершенно, что скромность скоро заставитъ ихъ отказаться отъ гордости и заботы о богатствѣ. Заповѣдавъ не высокомудрствовать, онъ научилъ и тому, какимъ образомъ могутъ они не высокомудрствовать. Какимъ же это образомъ?—Если узнаютъ свойство богатства,—какъ оно ненадежно и невѣрно. Поэтому онъ и сказалъ далѣе: *ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. vi, 17). Богатъ не тотъ, кто пріобрѣлъ много, но тотъ, кто много роздалъ. Авраамъ былъ богатъ, но не былъ сребролюбивъ; потому что не заглядывалъ въ чужой домъ, не любопытствовалъ о чужомъ имѣніи, но, выходя (изъ своего дома), смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣ странника, нѣтъ ли гдѣ нищаго, чтобы помочь нищетѣ и принять путника. Не подъ золотымъ кровомъ жилъ онъ, но, поставивъ кущу у дуба, довольствовался тѣнію листьевъ: и жилище его было столь великолѣпно, что даже ангелы не стыдились остановиться у него, потому что искали не дома великолѣпнаго, но души добродѣтельной. Будемъ, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и раздѣлимъ, что̀ есть у насъ, съ бѣдными. Жилище у него было самое простое, но оно сдѣлалось блистательнѣй царскихъ дворцовъ.

Ни одинъ царь никогда не принималъ у себя ангеловъ, а онъ
41 удостоился такой чести, сидя подъ дубомъ и поставивъ кущу: не за простоту жилища онъ былъ почтенъ, но получилъ такой даръ за красоту души и за сокрытое въ ней богатство. Будемъ же и мы украшать не домы, но, прежде домовъ, души свои. Да и какъ не стыдно украшать мраморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы, и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды! Что тебѣ, человѣкъ, въ домѣ? Умирая, развѣ ты возьмешь его съ собою? Нѣтъ, не возьмешь; а душу непремѣнно возьмешь. Вотъ теперь постигла насъ такая опасность: пусть же помогутъ намъ домы, пусть избавятъ насъ отъ грозящей опасности: но они не могутъ сдѣлать этого! Свидѣтели тому вы, которые совсѣмъ оставляете ихъ и убѣгаете въ пустыню, страшась ихъ, какъ сѣтей и западни. Пусть помогаютъ теперь деньги: но онѣ ничего не значатъ. Если же деньги безсильны и противъ гнѣва человѣческаго, то тѣмъ болѣе на божественномъ и неподкупномъ судѣ. Если теперь, когда мы оскорбили и разгнѣвали человѣка, золото нисколько не помогаетъ намъ, то тѣмъ болѣе безсильно будетъ оно, когда разгнѣвается Богъ, не имѣющій нужды въ деньгахъ. Мы строимъ домы, чтобы въ нихъ жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверхъ нужды, излишне и безполезно.

Надѣнь обувь, которая больше ноги, и она обезпокоитъ тебя, потому что будетъ препятствовать тебѣ идти: такъ и домъ, болѣе обширный, чѣмъ нужно, препятствуетъ идти къ небу. Ты хочешь строить великолѣпные, обширные домы? Не запрещаю, только строй не на землѣ; построй обители на небесахъ, въ которыхъ бы могъ ты и другихъ принять,—обители, которыя никогда не разрушатся. Почему ты съ такимъ неистовствомъ гонишься за тѣмъ, что убѣгаетъ и остается здѣсь? Нѣтъ ничего обманчивѣе богатства; оно сегодня съ тобою, а завтра противъ тебя; оно со всѣхъ сторонъ вооружаетъ противъ тебя завистливые глаза; это непріятель, живущій подъ однимъ съ тобою кровомъ; это врагъ домашній. Свидѣтели этому вы, которые владѣете имъ и всячески зарываете и скрываете его: и нынѣ именно богатство и увеличиваетъ для насъ тяжесть бѣдствія. Ты видишь, какъ легки, ничѣмъ не связаны и на все готовы бѣдные, и какъ, напротивъ, богатые испытываютъ множество затрудненій, ходятъ туда и сюда, и ищутъ, гдѣ бы скрыть свое золото, ищутъ, у кого бы его положить. Зачѣмъ ищешь, человѣкъ, подобныхъ тебѣ рабовъ? Вотъ Христосъ готовъ принять и сохранить, что ты ни ввѣришь Ему, и не только сохранить, но и умножить и возвратить съ большею прибылью! Изъ Его руки никто не похититъ; Онъ не только сберегаетъ ввѣренное Ему, но и освобождаетъ тебя отъ неразлучныхъ съ этимъ безпокойствъ. Люди, принявъ на сохраненіе наше богатство, думаютъ, что оказали намъ услугу, если сберегаютъ принятое: Христосъ, напротивъ, говоритъ, что когда принялъ Онъ отъ тебя богатство, то не Онъ тебѣ, но ты Ему оказалъ услугу, и за свою заботливость, съ какою Онъ сохраняетъ твое сокровище, не требуетъ отъ тебя награды, но Самъ награждаетъ тебя.

6. Итакъ, какого заслуживаемъ мы извиненія, какого прощенія, когда оставляемъ Того, Кто и можетъ сохранить наше достояніе, и за сохраненіе умѣетъ быть благодарнымъ, и воздаетъ неизреченныя и великія награды; а вручаемъ свою собственность слабымъ блюстителямъ, — людямъ, которые думаютъ, что этимъ 42
оказываютъ намъ услугу, и возвращаютъ намъ впослѣдствіи только то, что получили отъ насъ? Ты здѣсь странникъ и пришлецъ; твое отечество на небесахъ: переложи туда все, чтобы еще прежде тамошняго наслажденія и здѣсь получить награду. Кто питается благими надеждами и съ увѣренностію ожидаетъ будущаго, тотъ уже и здѣсь вкусилъ царствія (небеснаго); потому что ничто столько не услаждаетъ и не усовершаетъ душу, какъ благая надежда на будущее,—если т. е. туда переложишь ты свое богатство и съ надлежащимъ усердіемъ позаботишься о собственной душѣ. Заботящіеся только объ украшеніи своего дома, богатые только

внѣшними благами, нерадятъ о внутреннихъ благахъ и не обращаютъ вниманія на то, что душа ихъ пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрѣвъ внѣшнее, они всю свою заботливость обратятъ на душу свою и будутъ украшать ее со всѣхъ сторонъ: душа такихъ людей сдѣлается жилищемъ Христовымъ. А что можетъ быть блаженнѣе того, въ комъ живетъ Христосъ? Хочешь ли быть богатымъ? Найди себѣ друга въ Богѣ, и будешь богаче всѣхъ. Хочешь быть богатымъ? Не будь высокомѣренъ; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто такъ не возбуждаетъ зависти, какъ человѣкъ богатый; а если еще присоединится гордость, то двойная пропасть открывается предъ нимъ, и всѣ объявляютъ ему жесточайшую войну. Если же ты съумѣешь вести себя скромно, то своимъ смиренномудріемъ отнимешь силу у зависти, и безопасно будешь владѣть своимъ имѣніемъ. Таково свойство добродѣтели, что она не только полезна намъ для будущаго, но и здѣсь доставляетъ уже награду. Не будемъ же гордиться богатствомъ и ничѣмъ другимъ. Если падаетъ и погибаетъ надмевающійся духовными совершенствами, то тѣмъ болѣе—тѣлесными. Подумаемъ о своей природѣ, поразмыслимъ о своихъ грѣхахъ, познаемъ, кто мы, и это будетъ для насъ достаточнымъ побужденіемъ къ смиренномудрію. Не говори мнѣ: „у меня лежатъ доходы, собранные во столько-то и столько лѣтъ,—тысячи талантовъ золота, прибытки, возрастающіе съ каждымъ днемъ“.

Все, что ты ни скажешь, скажешь напрасно и по-пусту. Часто все это улетаетъ изъ дому въ одинъ часъ и въ краткое мгновеніе времени, подобно тому, какъ легкій прахъ поднимается вверхъ отъ дуновенія вѣтра. Такихъ примѣровъ полна жизнь наша, и Писаніе наполнено ученіемъ объ этомъ. Сегодня богатъ, завтра бѣденъ. Поэтому я часто смѣялся, читая въ завѣщаніяхъ: „такой-то пусть владѣетъ полями, или домомъ, а другой пусть ими пользуется“. Всѣ мы пользуемся, а владѣть никто не можетъ; потому что если бы богатство и оставалось при насъ во всю жизнь, не испытавъ никакой перемѣны, то при смерти, волею или неволею, мы уступимъ его другимъ, и такимъ образомъ только попользовавшись имъ, отойдемъ въ ту жизнь, потерявъ надъ нимъ всякую власть. Отсюда видно, что только тѣ владѣютъ богатствомъ, которые и употребленіемъ его не дорожатъ и наслажденіе имъ презираютъ. Кто отказался отъ своего имущества и роздалъ его нищимъ, тотъ воспользовался имъ, какъ должно, и сохранитъ власть надъ нимъ при переходѣ и въ другую жизнь; и не только не лишится своего стяжанія во время самой смерти, но все, и даже гораздо больше получитъ тогда, когда особенно нужна будетъ по-
43 мощь—въ день суда, когда всѣ мы должны будемъ дать отчетъ

въ своихъ дѣлахъ. Итакъ, кто хочетъ и пріобрѣсть богатство, и пользоваться и владѣть имъ, тотъ пусть откажется отъ всего имѣнія; такъ какъ не сдѣлавшій этого неминуемо оставитъ его во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряетъ среди безчисленныхъ опасностей и бѣдствій. И тажко не только то, что такая перемѣна происходитъ вдругъ, но и то еще, что богачу приходится терпѣть нищету, не приготовившись къ ней. Не такова участь бѣднаго. Онъ *уповаетъ* не на золото и серебро, эти бездушныя вещества, *но на Бога, дающаго все обильно* (1 Тим. VI, 17). Такимъ образомъ состояніе богатаго болѣе сомнительно, нежели бѣднаго, потому что оно подвержено частымъ и разнообразнымъ перемѣнамъ. Что же значатъ слова: *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе*? Богъ въ изобиліи намъ подаетъ все, что гораздо нужнѣе денегъ, какъ-то: воздухъ, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца болѣе, а бѣдный менѣе; нельзя сказать, что богатый болѣе вдыхаетъ воздуха, чѣмъ бѣдный: но все это дано въ равной мѣрѣ всѣмъ. Для чего же Богъ сдѣлалъ общимъ то, что важнѣе и необходимѣе, отъ чего зависитъ наша жизнь; а то, что маловажнѣе и ничтожнѣе, не составляетъ общей собственности, — разумѣю деньги? Для чего?—Чтобы жизнь наша была обезпечена, и мы имѣли поприще для добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы необходимое не было общимъ, быть можетъ богатые, по обычному любостяжанію, подавили бы бѣдныхъ; потому что, если они это дѣлаютъ въ отношеніи денегъ, то чего не сдѣлали бы въ отношеніи тѣхъ благъ. Опять, если бы и деньги были общими, и всѣмъ равно принадлежали, не было бы случая къ милостынѣ и повода къ благотворительности.

7. Итакъ, чтобы намъ можно было жить безопасно, для этого общимъ у насъ сдѣлано все, отъ чего зависитъ наша жизнь; а чтобы намъ имѣть случай заслужить вѣнцы и похвалы, для этого деньги не сдѣланы общими,—дабы мы, отвращаясь любостяжанія и любя правду и раздавая свое имѣніе нуждающимся, могли такимъ способомъ получать нѣкоторое облегченіе въ своихъ грѣхахъ. Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ: зачѣмъ же ты самъ дѣлаешь себя бѣднымъ? Богъ сдѣлалъ тебя богатымъ для того, чтобы ты помогалъ нуждающимся, чтобы своею щедростію къ другимъ искупалъ собственные грѣхи; далъ тебѣ богатство не для того, чтобы ты заперъ его на свою погибель, но чтобы расточилъ для своего спасенія. Для того Онъ и самое обладаніе богатствомъ сдѣлалъ ненадежнымъ, чтобы и чрезъ это самое ослабить безумную страсть къ нему. Если владѣющіе богатствомъ, и теперь, когда не могутъ положиться на него, а напротивъ видятъ, что оно порождаетъ

множество опасностей, воспламеняются такою страстію къ нему: то кого бы они пощадили, если бы еще богатство имѣло и эти качества — постоянство и неизмѣнность? Кого бы не коснулись? Какой вдовы, какихъ сиротъ, какихъ убогихъ? Посему не будемъ почитать богатство великимъ благомъ; великое благо — не деньги нажить, но стяжать страхъ Божій и благочестіе. Вотъ теперь, если бы среди насъ былъ праведникъ, имѣющій великое дерзновеніе къ Богу: онъ хотя бы былъ бѣднѣе всѣхъ людей, могъ бы прекратить настоящія бѣдствія; довольно было бы только ему воздѣть руки къ небу и призвать Бога, и туча эта прошла бы. А между тѣмъ (у насъ) лежитъ столько золота, и — оно меньше всякой грязи способно прекратить постигшее насъ бѣдствіе! И не только въ настоящей опасности, — но и тогда, когда постигаетъ насъ болѣзнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное, обна-
44 руживается, какъ ничтожна сила денегъ, и какъ онѣ не могутъ сами по себѣ доставить намъ никакого утѣшенія въ несчастіи. Однимъ только богатство, повидимому, превосходитъ бѣдность, — тѣмъ, что даетъ возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствій на пирахъ. Но это случается видѣть и за столомъ бѣдныхъ; они наслаждаются даже большимъ удовольствіемъ, чѣмъ всѣ богатые. Не изумляйтесь и не почитайте странностію слова мои; я объясню вамъ это свидѣтельствами самаго опыта. Всѣ вы, конечно, знаете и согласны въ томъ, что удовольствіе на пирахъ зависитъ обыкновенно не отъ свойства яствъ, но отъ расположенія пирующихъ. Напримѣръ: кто садится за столъ проголодавшись, для того и самая простая пища будетъ пріятнѣе всякихъ приправъ, сластей и разныхъ лакомствъ. Напротивъ, кто идетъ къ столу, не имѣя потребности въ пищѣ и предупреждая чувство голода, какъ это дѣлаютъ богатые: тотъ, хотя бы нашелъ на столѣ самыя любимыя кушанья, не почувствуетъ удовольствія, потому что въ немъ еще не пробудился позывъ на пищу. Что это дѣйствительно такъ, тому и вы всѣ свидѣтели; а вотъ и Писаніе говоритъ тоже самое: *душа въ сытости сущи, сотамъ ругается: души же нищетнѣй и горькая сладка являются* (Притч. XXVII, 7). Что можетъ быть слаще сота медоваго? Но и онъ, говоритъ, не доставляетъ удовольствія тому, кто не голоденъ. А что непріятнѣе горькаго? Но и оно бываетъ сладко для живущихъ въ нуждѣ. А что бѣдные приступаютъ къ пищѣ не иначе, какъ почувствовавъ потребность въ ней и голодъ, богатые же не ожидаютъ такого побужденія, это извѣстно всякому: оттого богатые и не вкушаютъ настоящаго и чистаго удовольствія. Это самое бываетъ не только въ отношеніи пищи, но и въ отношеніи питія: какъ тамъ голодъ производитъ удовольстіе, независимо отъ свойства

пищи, такъ и здѣсь жажда, обыкновенно, дѣлаетъ питіе самымъ пріятнымъ, хотя бы это была простая вода. И на это самое указываетъ пророкъ, когда говоритъ: *отъ камене меда насыти ихъ* (Псал. LXXX, 17). Но мы нигдѣ не читаемъ въ Писаніи, чтобы Моисей извелъ изъ камня медъ, а вездѣ находимъ, что онъ извелъ рѣки воды, прохладные источники. Что же значатъ эти слова? Писаніе не говоритъ неправды. Когда жаждущіе и истомленные нуждою нашли холодные источники, пророкъ, желая представить пріятность этого питья, назвалъ медомъ воду — не потому, чтобы природа ея превратилась въ медъ, но потому, что состояніе пившихъ сдѣлало эти источники слаще меда. Понялъ ты, какъ и питіе обыкновенно дѣлается сладкимъ отъ расположенія жаждущихъ? Такъ и бѣдные, послѣ труда и утомленія, палимые жаждою, пьютъ простую воду съ вышесказаннымъ удовольствіемъ; а богатые, и тогда, когда пьютъ вино сладкое, благовонное и имѣющее всѣ наилучшія качества, не чувствуютъ подобнаго удовольствія.

8. То же самое можно замѣтить и относительно сна. Не мягкая постель, не посребренное ложе, не тишина въ спальнѣ и не другое что-либо подобное дѣлаетъ сонъ сладкимъ и спокойнымъ, но трудъ, усталость и обыкновеніе ложиться спать, когда сильно клонитъ ко сну и нападаетъ дремота. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и опытъ, а еще прежде опыта приговоръ Писанія. Соломонъ, жившій всегда въ удовольствіи, желая показать это самое, сказалъ: *сонъ сладокъ работающему, аще мало, или много снѣсть* (Еккл. V, 11). Почему онъ присовокупилъ: *аще мало или много снѣсть?* Потому что и то и другое — и голодъ и пресыщеніе, обыкновенно, про- 45
изводятъ безсонницу: голодъ—изсушая тѣло, окостеняя вѣки и не давая имъ сомкнуться; пресыщеніе—стѣсняя и подавляя дыханіе, порождая множество болѣзней. Но таково благотворное дѣйствіе трудовъ, что рабъ можетъ спать въ томъ и другомъ случаѣ (въ голодѣ и пресыщеніи). Цѣлый день бѣгая повсюду на служеніи своимъ господамъ, подвергаясь побоямъ, перенося усталость, и нисколько не отдыхая, рабы получаютъ достаточную за такія безпокойства и труды награду въ пріятномъ снѣ. И это—дѣло человѣколюбія Божія, что удовольствія покупаются не золотомъ и серебромъ, а трудомъ, работою, нуждою и всякимъ любомудріемъ. Не такъ у богатыхъ: лежа на своихъ постеляхъ, они часто проводятъ въ безсонницѣ цѣлую ночь и, не смотря на множество ухищреній, не вкушаютъ пріятнаго сна. А бѣднякъ, окончивъ дневные труды, съ усталыми членами, едва упадетъ въ постель, уже погружается въ глубокій, сладкій и здоровый сонъ, и въ немъ получаетъ не малую награду за свои праведные труды. Итакъ, если бѣдный и спитъ, и ѣстъ, и пьетъ съ большимъ удовольствіемъ,

нежели богатый; то какую, послѣ этого, имѣетъ цѣну богатство, когда оно не доставляетъ и того, въ чемъ только, повидимому, и состоитъ его преимущество предъ бѣдностію? Поэтому и въ началѣ Богъ наложилъ на человѣка трудъ, не въ наказаніе и мученіе, но для вразумленія и наученія его. Адамъ, когда жилъ безъ трудовъ, ниспалъ изъ рая; но апостолъ, когда провождалъ жизнь труженическую и тягостную, *въ трудѣ и подвизѣ*, какъ самъ онъ говоритъ, *нощь и день дѣлая* (2 Сол. III, 8), — взошелъ въ рай и восхищенъ на третіе небо. Не будемъ охуждать трудъ, не будемъ пренебрегать работою; потому что отъ нихъ мы получаемъ, еще прежде царствія небеснаго, величайшую награду, — сопровождающее ихъ удовольствіе, и нетолько удовольствіе, но—что еще важнѣе удовольствія—самое цвѣтущее здоровье. Богатыхъ, кромѣ лишенія этого удовольствія, постигаютъ многія болѣзни; а бѣдные не впадаютъ въ руки врачей. Если иногда они и подвергаются недугамъ, то скоро и возстановляютъ себя, будучи далеки отъ всякой нѣги и имѣя здоровое тѣлосложеніе.

Бѣдность—великое стяжаніе для тѣхъ, которые мудро переносятъ ее; это сокровище некрадомое, жезлъ несокрушимый, пріобрѣтеніе неоскудѣваемое, убѣжище безопасное. Но бѣднаго, говорятъ, угнетаютъ? Зато богатый подверженъ гораздо большимъ навѣтамъ. Бѣднаго презираютъ и обижаютъ: богатому завидуютъ. Одолѣть бѣднаго не такъ легко, какъ богатаго; потому что послѣдній со всѣхъ сторонъ представляетъ къ этому случаи, какъ діаволу, такъ и коварнымъ людямъ, и бываетъ рабомъ всѣхъ, по великому множеству дѣлъ. Имѣя надобность во многихъ лицахъ, онъ принужденъ многимъ льстить и угождать съ великимъ раболѣпствомъ; бѣднаго же, если онъ благоразумно ведетъ себя, не можетъ одолѣть и діаволъ. Іовъ и прежде былъ крѣпокъ, а когда лишился всего, тогда сдѣлался еще могущественнѣе и одержалъ надъ діаволомъ блистательную побѣду. Бѣдный даже не можетъ быть и обиженъ, если онъ ведетъ себя мудро; и что́ я сказалъ объ удовольствіи въ пищѣ, именно, что оно зависитъ не отъ роскошныхъ яствъ,
46 а отъ расположенія ядущихъ,—то же говорю и объ обидѣ, именно, что обида состоится, или не состоится не по желанію наносящихъ ее, но по расположенію тѣхъ, которые терпятъ обиду. Напримѣръ, тебѣ нанесъ кто-нибудь обиду тяжкую и нестерпимую. Если ты посмѣялся надъ этою обидою, не принялъ къ сердцу оскорбительныхъ словъ, ты сталъ выше удара, — не обиженъ. Если бы у насъ было адамантовое тѣло, то, хотя бы со всѣхъ сторонъ сыпались на насъ тысячи стрѣлъ, мы не чувствовали бы ударовъ; потому что раны происходятъ не отъ руки, пускающей стрѣлы, а отъ свойства тѣлъ, подверженныхъ страданію. Такъ и здѣсь: обиды

и униженія, соединенныя съ обидами, происходятъ не отъ злобы обижающихъ, но отъ слабости обижаемыхъ. Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться и не чувствовать никакихъ оскорбленій. Тебя обидѣлъ кто-нибудь, но ты не почувствовалъ обиды, и не опечалился? Тогда ты не обиженъ: напротивъ, скорѣе ты поразилъ, чѣмъ самъ пораженъ. Когда обидѣвшій видитъ, что его ударъ не достигаетъ до души оскорбляемыхъ имъ, тогда самъ онъ сильно терзается; и какъ обижаемые молчатъ, то ударъ обидъ самъ собою обращается назадъ и поражаетъ того, кѣмъ онъ посланъ.

9. Итакъ, возлюбленные, будемъ во всемъ любомудрыми, и— бѣдность нисколько не сможетъ повредить намъ; она даже принесетъ величайшую пользу и сдѣлаетъ насъ славнѣе и богаче всѣхъ богачей. Кто, скажи мнѣ, былъ бѣднѣе Иліи? Но потому онъ и превзошелъ всѣхъ богачей, что былъ такъ бѣденъ и что самую бѣдность избралъ по богатству своей души. Онъ возлюбилъ такую бѣдность потому, что все обиліе богатства ставилъ ниже своей высокой души и почиталъ недостойнымъ своего любомудрія. Если бы онъ высоко цѣнилъ настоящія блага, то имѣлъ бы не одну милоть; но онъ такъ пренебрегалъ всей настоящей суетой и смотрѣлъ на золото, какъ на попираемую персть, что, кромѣ той одежды, не имѣлъ ничего болѣе. Потому и царь нуждался въ этомъ бѣднякѣ, и имѣвшій столько золота съ жадностію ловилъ слова того, кто не имѣлъ ничего, кромѣ милоти. Настолько милоть была блистательнѣе порфиры, и пещера праведника величественнѣе царскихъ чертоговъ! Поэтому, и возносясь на небо, онъ не оставилъ своему ученику ничего, кромѣ милоти. Съ нею, говорилъ онъ, я сражался съ діаволомъ; ею и ты вооружайся противъ него; нестяжательность есть оружіе крѣпкое, убѣжище неодолимое, столпъ незыблемый. Елисей принялъ милоть, какъ величайшее наслѣдіе; и дѣйствительно, это было величайшее наслѣдіе, драгоцѣннѣе всякаго золота. И съ того времени Илія сдѣлался сугубымъ: былъ Илія на небѣ и Илія на землѣ. Знаю, что вы ублажаете этого праведника, и каждый изъ васъ желалъ бы быть такимъ, какъ онъ. Но что, если докажу вамъ, что всѣ мы, участвующіе въ таинствахъ, получили нѣчто такое, чтѷ даже несравненно больше того?

Илія оставилъ своему ученику милоть, а Сынъ Божій, возносясь, оставилъ намъ Свою плоть. Илія остался безъ милоти, а Христосъ и намъ оставилъ плоть Свою, и съ нею же вознесся. Не будемъ же упадать духомъ, не будемъ сѣтовать, не будемъ бояться тяжкихъ временъ: откажется ли сдѣлать что-либо для нашего спасенія Тотъ, кто не отрекся пролить за всѣхъ насъ Свою кровь, и далъ

намъ плоть и ту же самую кровь Свою? Воодушевляясь такими надеждами, будемъ непрестанно взывать къ Нему и возсылать молитвы и моленія; будемъ со всѣмъ усердіемъ заботиться о всякой добродѣтели, чтобы и избѣгнуть настоящихъ опасностей и достигнуть будущихъ благъ; чего и да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, черезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ,

по случаю отправленія епископа Флавіана для ходатайствованія предъ царемъ о городѣ; также о томъ, что такое истинный постъ, — что злословить хуже, чѣмъ снѣдать человѣческую плоть, — о казненныхъ за возмущеніе, и противъ жаловавшихся на то, что многіе схвачены невинно.

47 КОГДА посмотрю на этотъ престолъ, праздный и оставленный учителемъ, то вмѣстѣ и радуюсь и плачу: плачу, потому что не вижу здѣсь отца; радуюсь, потому что онъ отправился въ путь для нашего спасенія, и пошелъ избавить такое множество народа отъ царскаго гнѣва. Это и для васъ украшеніе, и для него вѣнецъ: для васъ украшеніе, что имѣете такого отца; для него вѣнецъ, что такъ онъ любвеобиленъ къ чадамъ, и оправдалъ самыми дѣлами то, что сказалъ Христосъ. Услышавъ, что *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11), онъ пошелъ съ готовностію положить свою душу за всѣхъ насъ, хотя и многое препятствовало ему отправиться въ путь и принуждало его остаться здѣсь. Это, прежде всего, его престарѣлыя лѣта; потомъ—немощь тѣлесная, и время года, и приближеніе святого праздника; наконецъ—сестра, которая у него одна и находится при послѣднемъ издыханіи. Но онъ презрѣлъ и родство, и старость, и немощь, и трудность времени, и тягость путешествія; и, всему предпочитая васъ и ваше спасеніе, расторгъ всѣ эти узы, и, какъ юноша, летитъ теперь старецъ, окрыленный ревностію. Если Христосъ, говорилъ онъ, предалъ Себя за насъ; то какого извиненія и прощенія будемъ достойны мы, которымъ вручено управленіе столь многочисленнымъ народомъ, если не рѣшимся и сдѣлать и потерпѣть все для безопасности ввѣренныхъ намъ? Если, говорилъ онъ, патріархъ Іаковъ, приставленный къ живо́тнымъ, пасшій безсловесныхъ овецъ и имѣвшій дать отчетъ человѣку, проводилъ ночи

безъ сна, и переносилъ и зной, и стужу, и всѣ перемѣны воздуха, чтобы не погибло ни одно изъ этихъ животныхъ; то тѣмъ болѣе мы, поставленные не надъ безсловесными, а надъ духовными овцами, и обязанные дать отчетъ въ этомъ служеніи не человѣку, а Богу, не должны отказываться и уклоняться ни отъ чего, что только можетъ быть полезно для стада. Напротивъ, чѣмъ лучше наше стадо того стада, люди—безсловесныхъ, а людей—Богъ; тѣмъ большее и сильнѣйшее и мы должны показывать попеченіе и усердіе. Онъ хорошо понялъ, что у него теперь дѣло не объ одномъ городѣ, но обо всемъ востокѣ; такъ какъ нашъ городъ есть глава и мать городовъ, лежащихъ на востокѣ. Поэтому онъ порѣшилъ потерпѣть всякую опасность, и ничто не могло удержать его здѣсь. И уповаю, что наши надежды будутъ нетщетны; 48
потому что Богъ не презритъ такого усердія и попеченія, и не попуститъ, чтобы Его служитель возвратился безъ успѣха. Знаю, что, какъ только онъ предстанетъ и увидитъ благочестиваго царя, то однимъ своимъ видомъ въ состояніи будетъ тотчасъ укротить гнѣвъ; потому что у святыхъ не только слова, но и самыя лица исполнены духовной благодати. А онъ исполненъ и великой мудрости, и, будучи свѣдущъ въ божественныхъ законахъ, скажетъ ему то же, что и Моисей сказалъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави, аще же ни*, умертви и меня съ ними (Исх. XXXII, 32). Таково сердце святыхъ, что умереть съ своими чадами имъ пріятнѣе, чѣмъ жить безъ нихъ. Онъ и въ самомъ времени найдетъ защиту намъ, укажетъ на святую Пасху, напомнитъ о времени, въ которое Христосъ отпустилъ грѣхи всей вселенной; убѣдитъ (царя) подражать Господу; приведетъ ему на память и притчу о тысячѣ талантовъ и стахъ динаріяхъ. Знаю я дерзновеніе нашего отца; онъ не преминетъ устрашить его этою притчею и сказать: смотри, чтобы и тебѣ не услышать въ тотъ день: *рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: подобаше и тебѣ* отпустить клевретамъ твоимъ (Матѳ. XVIII, 32); для себя сдѣлаешь больше пользы, чѣмъ для нихъ, потому что за прощеніе немногихъ грѣховъ получишь отпущеніе бо́льшихъ. Присовокупитъ къ сказанному и ту молитву, которою вводившіе царя въ священныя таинства научили его молиться и говорить: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12). Затѣмъ изъяснитъ, что преступленіе сдѣлано не цѣлымъ городомъ, но нѣсколькими людьми—чужими и пришлецами, которые все дѣлаютъ не съ разсужденіемъ, но съ дерзостію и всякимъ безчиніемъ; что было бы несправедливо за безразсудство нѣсколькихъ человѣкъ разорить столь большой городъ и казнить не сдѣлавшихъ никакой вины. Да хотя бы и всѣ согрѣшили,—

они довольно ужъ наказаны, будучи терзаемы страхомъ въ продолженіе столь многихъ дней, ожидая каждый день смерти, будучи преслѣдуемы, предаваясь бѣгству, ведя жизнь болѣе жалкую, чѣмъ осуждаемые на казнь, чувствуя, что кровь течетъ въ ихъ жилахъ, и—не имѣя увѣренности въ своей жизни. Удовлетворись такимъ наказаніемъ, не простирайся далѣе въ гнѣвѣ, умилостивь для себя верховнаго Судію, оказавъ человѣколюбіе къ своимъ сорабамъ. Подумай о величіи города, и о томъ, что у насъ теперь дѣло не объ одной душѣ, не о двухъ, не о трехъ, не о десяти, но о не-
49 счетныхъ тысячахъ, о главѣ всей вселенной. Это тотъ городъ, въ которомъ въ первый разъ вѣрующіе стали называться христіанами; почти же Христа, уважь городъ, который первый провозгласилъ это вожделѣнное и сладостное для всѣхъ имя. Онъ былъ жилищемъ апостоловъ, обителію праведниковъ. Это теперь первое и единственное его преступленіе противъ державныхъ, а все прошедшее время (благопріятно) свидѣтельствуетъ о нравахъ этого города. Если бы въ немъ постоянно происходили мятежи, то слѣдовало бы обвинить его въ злонравіи; но если это случилось однажды за все время, то ясно, что преступленіе произошло не отъ нравовъ города, но отъ людей, которые безъ нужды и безъ дѣла пришли въ него.

2. Все это и еще больше этого скажетъ святитель съ великимъ дерзновеніемъ; и царь выслушаетъ это! Царь человѣколюбивъ, а епископъ твердъ, такъ что съ обѣихъ сторонъ подаются благія надежды. Но еще больше, чѣмъ на твердость учителя и человѣколюбіе царя, будемъ уповать на Божію милость: Богъ Самъ станетъ посредникомъ между умоляемымъ царемъ и умоляющимъ святителемъ, смягчая сердце царя, воодушевляя языкъ святителя, даруя успѣхъ словамъ его, располагая душу царя благосклонно выслушать слова и внять мольбамъ. И городъ нашъ любезнѣе Христу всѣхъ городовъ по добродѣтели какъ предковъ, такъ и вашей. Какъ изъ апостоловъ Петръ первый проповѣдалъ Христа, такъ изъ городовъ,—какъ я уже сказалъ,—нашъ городъ первый украсился, точно дивнымъ вѣнцомъ, наименованіемъ христіанъ. Если же Богъ обѣщалъ спасти всѣхъ жителей такого города, въ которомъ было бы только десять праведниковъ; то какъ не ожидать добраго и не надѣяться всѣмъ намъ на пощаду, когда здѣсь вѣрныхъ служителей Божіихъ не десять только или двадцать, и не вдвое столько, но гораздо болѣе? Многіе, слышалъ я, говорятъ: *царево прещеніе подобно рыканію львову* (Притч. XIX, 12), и отъ этого впадаютъ въ малодушіе и уныніе. Что сказать имъ? То, что Тотъ, Кто сказалъ: *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ, и рысь почіетъ съ козлищемъ, и левъ, аки волъ, ясти бу-*

детъ плевы (Иса. xi, 6, 7),—можетъ и этого льва сдѣлать кроткимъ агнцемъ. Призовемъ же Его и помолимся Ему—и Онъ несомнѣнно укротивъ гнѣвъ царя, и избавитъ насъ отъ всѣхъ угрожающихъ намъ скорбей. Отецъ тамъ предстательствуетъ (предъ царемъ земнымъ), а мы здѣсь будемъ предстательствовать предъ Царемъ небеснымъ и помогать ему молитвами. Много можетъ цѣлая церковь, если мы вознесемъ молитвы съ скорбящею душою и сокрушеннымъ сердцемъ. Не нужно переплывать моря, не нужно пускаться въ дальній путь; каждый и каждая, и приходящіе въ церковь и остающіеся дома, призовемъ Бога со всеусердіемъ, и Онъ, конечно, преклонится къ нашимъ мольбамъ.

Изъ чего это видно? Изъ того, что Онъ сильно желаетъ, чтобы мы всегда къ Нему прибѣгали, молили Его обо всемъ, и безъ Него не дѣлали и не говорили ничего. Люди, когда мы постоянно безпокоимъ ихъ своими дѣлами, раздражаются, убѣгаютъ насъ и питаютъ къ намъ непріязнь: Богъ совершенно напротивъ,—не тогда гнѣвается, когда мы постоянно молимся Ему о своихъ дѣлахъ, но, когда не дѣлаемъ этого, тогда наиболѣе негодуетъ. Послушай, въ чемъ Онъ укоряетъ іудеевъ: *сотвористе*, говоритъ Онъ, *совѣтъ, и не Мною, и завѣты, и не Духомъ Моимъ* (Иса. xxx, 1). Таково свойство любящихъ: они желаютъ, чтобы чрезъ нихъ совершались всѣ дѣла любимыхъ ими, и чтобы безъ нихъ тѣ ничего и не дѣлали и не говорили. Потому и Богъ, не только здѣсь, но и въ 50
другомъ мѣстѣ, укоряя іудеевъ въ томъ самомъ, сказалъ: *сами себѣ царя поставиша, а не Мною, начальствоваша, и не явиша Ми* (Ос. viii, 4). Не облѣнимся же постоянно прибѣгать къ Нему, и, какое бы ни случилось бѣдствіе, оно непремѣнно будетъ имѣть благопріятный исходъ. Устрашилъ тебя человѣкъ? Прибѣгни къ вышнему Владыкѣ,—и не потерпишь никакого зла. Такъ избавлялись отъ бѣдствій древніе, не только мужчины, но и женщины. Была одна женщина-евреянка, имя ей Есѳирь; эта Есѳирь избавила цѣлый народъ іудейскій отъ угрожавшей ему погибели такимъ образомъ. Когда персидскій царь повелѣлъ совершенно истребить всѣхъ іудеевъ, и никто уже не могъ остановить этого гнѣва,—эта женщина, сложивъ съ себя свѣтлую одежду, облекшись во вретище и посыпавъ себя пепломъ, начала молить человѣколюбиваго Бога, да внидетъ Онъ съ нею къ царю, и, молясь объ этомъ, такъ говорила: даруй, Господи, благодать словамъ моимъ, *даждь слово благоугодно во уста мои* (Есѳ. iv, 17). Этого же будемъ теперь просить у Бога и для нашего учителя. Если женщина, умолявшая объ іудеяхъ, могла укротить гнѣвъ варвара,—тѣмъ болѣе нашъ учитель, ходатайствующій о такомъ городѣ и съ такою церковію, успѣетъ преклонить этого милостивѣйшаго и кротчайшаго

царя. Если онъ получилъ власть разрѣшать грѣхи противъ Бога,— тѣмъ болѣе ему будетъ возможно изгладить и уничтожить грѣхи противъ человѣка. И онъ—владыка, и владыка честнѣйшій того: потому что священные законы предали и подчинили его рукамъ даже царственную главу; и когда нужно бываетъ испросить какое-нибудь благо свыше, то, обыкновенно, царь прибѣгаетъ къ святителю, а не святитель къ царю. И онъ имѣетъ броню правды, имѣетъ и препоясаніе истины, имѣетъ и гораздо болѣе великолѣпную обувь *благовѣствованія мира* (Еф. VI, 15), имѣетъ и мечъ, не желѣзный, но духовный, имѣетъ и вѣнецъ на главѣ. Это всеоружіе его блистательнѣе, эти доспѣхи славнѣе, дерзновеніе тверже, сила могущественнѣе. Такимъ образомъ, и по высотѣ власти, и по величію своей души, а прежде всего другого—по надеждѣ на Бога, онъ будетъ говорить къ царю съ великимъ дерзновеніемъ, съ великимъ благоразуміемъ.

3. Не будемъ же отчаиваться въ своемъ спасеніи, но станемъ возсылать къ небесному Царю прошенія, молитвы, моленія и предстательства со многими слезами. Пусть и настоящій постъ будетъ нашимъ сподвижникомъ и помощникомъ въ этомъ благомъ предстательствѣ. Какъ по прошествіи зимы и съ наступленіемъ лѣта, мореходецъ выводитъ въ море свое судно, воинъ чиститъ оружіе и готовитъ коня на сраженіе, земледѣлецъ точитъ серпъ, путешественникъ смѣло отправляется въ дальнюю дорогу, борецъ слагаетъ съ себя одежду и приготовляется къ борьбѣ; такъ и мы, съ наступленіемъ поста, этого духовнаго лѣта, какъ воины—вычистимъ оружіе, какъ земледѣльцы—наточимъ серпъ, какъ кормчіе — противопоставимъ свои помыслы волнамъ безпорядочныхъ пожеланій, какъ путники—начнемъ путь къ небу, какъ борцы— приготовимся къ борьбѣ.
51 Вѣрующій есть и земледѣлецъ, и кормчій, и воинъ, и борецъ, и путникъ. Поэтому и Павелъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ. Сего ради пріимите вся оружія Божія* (Еф. VI, 11, 14). Видѣлъ ты борца? Видѣлъ воина? Если ты борецъ, тебѣ надобно вступать въ борьбу нагимъ. Если ты воинъ, тебѣ должно стать въ строю вооруженнымъ. Какъ же возможно то и другое вмѣстѣ: быть и нагимъ и не нагимъ, одѣтымъ и не одѣтымъ? Я скажу— какъ. Сложи съ себя житейскія дѣла, и ты сталъ борцемъ. Облекись въ духовные доспѣхи, и ты сталъ воиномъ. Обнажись отъ заботъ житейскихъ, потому что наступило время борьбы. Облекись въ духовные доспѣхи, потому что у насъ возгорѣлась жестокая война съ демонами. Для того и должно быть нагимъ, чтобы діаволу, вступая въ борьбу съ нами, не за что было схватить насъ; должно облечь себя доспѣхами со всѣхъ сторонъ, чтобы намъ ни

съ которой стороны не получить смертельнаго удара. Воздѣлай ниву твоей души, посѣки тернія, посѣй слово благочестія, насади прекрасныя растенія любомудрія и съ великою заботливостію ухаживай за ними, — и ты будешь земледѣльцемъ, и скажетъ тебѣ Павелъ: *труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити* (2 Тим. II, 6). И онъ занимался этимъ искусствомъ, и потому въ посланіи къ Коринѳянамъ сказалъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. III, 6). Изостри твой серпъ, который притупилъ ты пресыщеніемъ,—изостри постомъ. Вступи на путь, ведущій къ небу, вступи на путь тѣсный и узкій,—и иди по нему. Какъ же ты можешь и вступить на этотъ путь, и идти по нему? Изнуряя и порабощая свое тѣло; потому что на тѣсномъ пути много препятствуетъ тучность отъ пресыщенія. Укроти волны безпорядочныхъ страстей, усмири бурю злыхъ помысловъ, сохрани въ цѣлости ладью, покажи большую опытность,— и ты кормчій. Для всего этого да будетъ у насъ и поприщемъ и учителемъ постъ,—постъ разумѣю не тотъ, который содержатъ многіе, но тотъ истинный,—воздержаніе не отъ пищи только, но и отъ грѣховъ: потому что постъ самъ по себѣ не можетъ спасти соблюдающихъ его, если не будетъ сообразенъ съ поставленнымъ закономъ. И борецъ, сказано, *не вѣнчается, аще незаконно будетъ подвизатися* (2 Тим. II, 5). Итакъ, чтобы намъ, и совершивъ подвигъ поста, не лишиться вѣнца за него, поучимся, какъ и какимъ способомъ должно совершать этотъ подвигъ. И фарисей постился, но послѣ поста вышелъ (изъ храма) лишеннымъ плодовъ, произращаемыхъ постомъ. Мытарь же не постился, и непостившійся превзошелъ постившагося, чтобы ты зналъ, что нѣтъ никакой пользы отъ поста, если ему не сопутствуетъ и все прочее.

Постились ниневитяне, и привлекли къ себѣ благоволеніе Божіе; постились и іудеи, и не только ничего не успѣли, но и были осуждены (Иса. LVIII, 3, 6). Если же постъ угрожаетъ такою опасностію не знающимъ, какъ надобно поститься, то изучимъ законы поста, чтобы намъ *не течь безвѣстно* (1 Кор. IX, 26), не бить воздуха, не сражаться съ тѣнію. Постъ есть лѣкарство; но лѣкарство, хотя бы тысячу разъ было полезно, часто бываетъ безполезнымъ для того, кто не знаетъ, какъ имъ пользоваться. Нужно знать и то, въ какое время должно принимать его, 52
и—количество самаго лѣкарства, и тѣлосложеніе того, кто принимаетъ, и свойство страны, и время года, и приличный родъ пищи, и многое другое; и если одно что-нибудь будетъ оставлено безъ вниманія, то нанесенъ будетъ вредъ всему прочему. Если же для насъ нужна такая точность, когда надобно лѣчить тѣло; то тѣмъ

болѣе необходимо со всею строгостію разбирать и разсматривать все, когда лѣчимъ душу и врачуемъ помыслы.

4. Посмотримъ же, какъ постились ниневитяне, и какъ они избавились отъ гнѣва того. *Человѣцы*, говоритъ (пророкъ), *и скоти, и волове, и овцы да не вкусятъ* (Іон. III, 7). Что говоришь, скажи мнѣ? И безсловесныя постятся? И лошади и мулы покрываются вретищемъ? Да, говоритъ. Какъ по смерти богатаго человѣка родственники одѣваютъ во вретище не только рабовъ и рабынь, но и коней, и, поручивъ ихъ конюхамъ, заставляютъ слѣдовать за гробомъ, чтобы этимъ выразить тяжесть потери и возбудить во всѣхъ сожалѣніе; такъ и тогда, когда городу (Ниневіи) угрожало истребленіе, жители облекли во вретище безсловесную тварь и наложили на нее иго поста. Безсловесныхъ, говорили они, нельзя вразумить о гнѣвѣ Божіемъ словомъ: пусть же вразумятся голодомъ, что Богъ послалъ это наказаніе; потому что если погибнетъ городъ, то будетъ общимъ гробомъ не только для насъ, но и для нихъ; они должны будутъ раздѣлить съ нами наказаніе, пусть же раздѣлятъ и постъ. Впрочемъ ниневитяне въ этомъ случаѣ поступили такъ же, какъ дѣлаютъ пророки: они, когда увидятъ, что съ небесъ угрожаетъ тяжкій ударъ, и обреченные на наказаніе не имѣютъ никакой защиты, покрыты стыдомъ и никакого не заслуживаютъ прощенія и извиненія; то, не зная, что дѣлать и гдѣ найти для осужденныхъ защиту, обращаются къ животнымъ, и, оплакивая ихъ смерть, ради ихъ умоляютъ о пощадѣ, указывая на ихъ погибель, какъ на достойную жалости и многихъ слезъ. Такъ, когда голодъ постигъ іудеевъ, и ихъ страна подверглась великой засухѣ и все погибало, одинъ изъ пророковъ говорилъ: *вскочиша юницы у яслей своихъ, восплакашася стада воловъ, яко не бѣ пажити имъ, вси скоти польстіи воззрѣша къ Тебѣ, яко посхоша источницы водніи* (Іоил. I, 17, 18, 20). Другой пророкъ, оплакивая бѣдствія бездождія, опять вотъ что сказалъ: *еленицы на нивѣ родиша, и оставиша, яко не бѣ травы. Онагри сташа на каменіяхъ, браша въ себе вѣтръ, яко зміеве, оскудѣша очи ихъ, яко не бѣ травы* (Іер. XIV, 5, 6). Такъ и сегодня вы слышали, что сказалъ Іоиль: *да изыдетъ женихъ отъ ложа своего, и невѣста отъ чертога своего, младенцы ссущія сосцы* (Іоил. II, 16). Почему, скажи мнѣ, онъ призываетъ къ молитвѣ этотъ незрѣлый возрастъ? Очевидно, по той же самой причинѣ. Такъ какъ всѣ достигшіе мужескаго возраста огорчили и прогнѣвали Бога; то пусть, говоритъ, умоляетъ Прогнѣваннаго возрастъ еще не знающій грѣха. Но, какъ я сказалъ, посмотримъ, что же удалило этотъ неотвратимый гнѣвъ? Не постъ ли только и вретище? Нѣтъ, но перемѣна всей жизни.

Изъ чего это видно? Изъ самыхъ пророческихъ словъ. Тотъ же самый пророкъ, который сказалъ о гнѣвѣ Божіемъ и о постѣ (ниневитянъ), о примиреніи (съ ними Божіемъ) и причинѣ примиренія говоритъ такъ: *и видѣ Богъ дѣла ихъ* (Іон. III, 10). Ка- 53
кія дѣла? Что они постились, что облекались во вретище? Совсѣмъ не то: но, умалчивая обо всемъ этомъ, онъ присовокупилъ: *яко обратися каждый отъ путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся* Господь *о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Іон. III, 10). Видишь, что не постъ избавилъ отъ опасности, но перемѣна жизни сдѣлала Бога благимъ и милостивымъ къ иноплеменникамъ.

Это сказалъ я не для того, чтобы мы безчестили постъ, но чтобы почитали его; а честь поста составляетъ не воздержаніе отъ пищи, но удаленіе отъ грѣховъ, такъ что кто ограничиваетъ постъ только воздержаніемъ отъ пищи, тотъ болѣе всего безчеститъ его. Ты постишься? Докажи мнѣ это своими дѣлами. Какими, говоришь, дѣлами? Если увидишь нищаго, подай милостыню; если увидишь врага, примирись; если увидишь своего друга счастливымъ, не завидуй; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрѣніе, и слухъ, и ноги, и руки, и всѣ члены нашего тѣла. Пусть постятся руки, пребывая чистыми отъ хищенія и любостяжанія. Пусть постятся ноги, переставъ ходить на противозаконныя зрѣлища. Пусть постятся глаза, пріучаясь не устремляться на благообразныя лица, и не засматриваться на чужую красоту. Зрѣніе есть пища очей: если она противозаконна и запрещена, то вредитъ посту и разрушаетъ спасеніе души; если же законна и дозволена, то украшаетъ постъ. Всего нелѣпѣе было бы—въ отношеніи яствъ воздерживаться и отъ позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ѣшь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слухъ; а постъ слуха въ томъ, чтобы не принимать злословія и клеветы: *да не пріимеши*, говоритъ (Слово Божіе), *слуха суетна* (Исх. XXI, 1).

5. Пусть и языкъ постится отъ сквернословія и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся отъ птицъ и рыбъ, а братьевъ угрызаемъ и снѣдаемъ? Злословящій снѣдаетъ тѣло братнее, угрызаетъ плоть ближняго. Потому и Павелъ съ угрозою сказалъ: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V, 15). Ты не вонзилъ зубовъ въ плоть (ближняго), но вонзилъ въ его душу злую рѣчь, ранилъ ее худою молвою, сдѣлалъ тысячу золъ и себѣ самому, и ему, и многимъ другимъ; потому что, осуждая ближняго, ты (во-первыхъ) причинилъ зло и тому, кто тебя слышалъ. Если это грѣшникъ, то онъ дѣлается безпечнымъ, нашедши себѣ сообщ-

ника въ грѣхѣ; а если — праведникъ, то впадаетъ въ гордость и надмевается изъ-за чужого грѣха, получая поводъ высоко думать о себѣ самомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ты (во-вторыхъ) повредилъ всей церкви, потому что всѣ слышащіе не грѣшника осуждаютъ, но поражаютъ укоризнами весь народъ христіанскій. Не слышно, чтобы невѣрные говорили, что такой-то блудникъ и развратникъ; но, вмѣсто виновнаго, они поносятъ всѣхъ христіанъ. Затѣмъ (въ-третьихъ) ты подалъ поводъ къ уничиженію славы Божіей, потому что имя Божіе славится, когда мы живемъ хорошо, а когда грѣшимъ, оно хулится и безчестится. Въ-четвертыхъ, ты посрамилъ того, о комъ распускаешь худую молву, сдѣлалъ его чрезъ то болѣе безстыднымъ, и нажилъ въ немъ себѣ врага и
54 непріятеля. Въ-пятыхъ, ты сдѣлалъ самого себя достойнымъ взысканія и наказанія, взявшись за такія дѣла, которыя нисколько не касаются тебя? Никто не говори: „тогда злословилъ бы я, когда бы говорилъ неправду; но, если говорю истину, то уже не злословлю". Хотя бы въ твоемъ злословіи и была истина, и въ такомъ случаѣ оно преступно. Фарисей, злословя мытаря, говорилъ истину; но это не принесло ему никакой пользы. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ мытарь не былъ мытарь и грѣшникъ? Всякій видитъ, что — мытарь; но при всемъ томъ, фарисей, за осужденіе его, все потерялъ. Хочешь исправить брата? Поплачь, помолись Богу, дай ему увѣщаніе наединѣ, посовѣтуй, попроси. Такъ и Павелъ дѣлалъ: *да не когда пришедша мя*, говоритъ онъ, *смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и непокаявшихся о нечистотѣ, и блуженіи, и студоложствіи, яже содѣяша* (2 Кор. XII, 21). Покажи любовь къ грѣшнику; увѣрь его, что напоминаешь ему о грѣхѣ, усердствуя и заботясь объ немъ, а не желая обезславить его; обними его ноги, облобызай, не устыдись, если только истинно хочешь исцѣлить его. Такъ часто поступаютъ и врачи: несговорчивыхъ больныхъ они цѣлуютъ, упрашиваютъ, и такимъ образомъ заставляютъ принять спасительное лѣкарство. Такъ и ты сдѣлай: покажи рану священнику; это и будетъ значить, что ты безпокоишься, печешься и заботишься (о ближнемъ). Но убѣждаю тебя заграждать уши не только отъ злословящихъ, но и отъ тѣхъ, которые слушаютъ злословящихъ, и подражать пророку, который говоритъ: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Псал. с, 5). Скажи ближнему: ты намѣренъ похвалить кого-нибудь и одобрить? Открываю слухъ, чтобы принять это благовоніе. Если же хочешь злословить, заграждаю входъ твоимъ словамъ, потому что не могу принять помета и нечистоты. Что за польза для меня узнать, что такой-то злой человѣкъ? Напротивъ, отсюда величайшій вредъ и крайній

уронъ. Скажи ему: позаботимся о себѣ самихъ,—о томъ, какъ намъ дать отвѣтъ за свои грѣхи; и обратимъ на собственную жизнь эту пытливость и это безпокойное вывѣдыванiе. Какого намъ ждать извиненiя, какого прощенiя, когда мы о своихъ грѣхахъ и не думаемъ, а о чужихъ такъ любопытствуемъ? Какъ неприлично и весьма стыдно мимоходомъ заглядывать въ домъ и подмѣчать, что въ немъ дѣлается; такъ крайне неблагородно и любопытствовать о чужой жизни. Еще смѣшнѣе то, что ведущiе такую жизнь и незаботящiеся о своихъ дѣлахъ, открывая какую-нибудь тайну, умоляютъ и заклинаютъ того, кто ихъ слушаетъ, не пересказывать никому другому, чѣмъ и доказываютъ, что они сдѣлали дѣло, достойное осужденiя. Если ты упрашиваешь его не пересказывать никому другому, то тѣмъ болѣе тебѣ самому не слѣдовало прежде говорить ему объ этомъ. Слово было у тебя въ полной власти; а ты, предавъ его, теперь заботишься о сохраненiи его! Если хочешь, чтобы оно не перенесено было къ другому, то и самъ не говори. А когда уже ты передалъ храненiе слова другому, то лишнее и безполезное дѣло уговаривать и заклинать, чтобы онъ хранилъ, что ему сказано. Но прiятно злословить?—Нѣтъ, прiятно-то не злословить. Злословящiй бываетъ безпокоенъ, подозрителенъ и боязливъ, раскаивается и кусаетъ свой языкъ, страшась и трепеща, чтобы слово, разнесшееся между многими, не навлекло на тѣхъ, кѣмъ оно сказано, большой опасности, и не произвело напрасной и пагубной вражды. А кто хранитъ у себя (слово), тотъ 55
будетъ жить въ совершенной безопасности и въ великомъ удовольствiи.

Слышалъ ли еси слово, говоритъ (премудрый), *да умретъ съ тобою: не убойся, не расторгнетъ тебе* (Сир. XIX, 10). Что значитъ—*да умретъ съ тобою?*—Скрой его, закопай, не позволь ему выйти, ни даже какъ-нибудь вообще двинуться. Но всего болѣе старайся даже не допускать, чтобы тебѣ говорили худо о другихъ. А если когда и услышишь что-нибудь, подави, умертви сказанное; предай забвенiю, какъ будто ты и не слышалъ: тогда будешь проводить настоящую жизнь весьма мирно и безопасно. Сами злословящiе, когда узнаютъ, что мы питаемъ больше отвращенiя къ нимъ, нежели къ тѣмъ, кого они оговариваютъ, оставятъ когда-нибудь эту худую привычку, исправятся отъ своего недостатка, станутъ потомъ хвалить (другихъ), и насъ самихъ провозгласятъ своими спасителями и благодѣтелями. Въ самомъ дѣлѣ, какъ доброе слово и похвала служатъ началомъ дружбѣ,—такъ злорѣчiе и клевета бываютъ началомъ и поводомъ къ враждѣ, ненависти и тысячѣ распрей. И не другое что доводитъ насъ до нерадѣнiя о своихъ дѣлахъ, какъ пытливость и развѣдыванiе о

чужихъ дѣлахъ,—потому что кто любитъ злословить и развѣдывать о чужой жизни, тому некогда позаботиться о собственной жизни. Такъ какъ онъ употребляетъ все свое стараніе на развѣдываніе о чужомъ, то все принадлежащее ему самому, по необходимости, остается въ пренебреженіи. И какъ было бы хорошо, если бы ты, употребляя все время на попеченіе и сужденіе о своихъ собственныхъ грѣхахъ, могъ сдѣлать какой-нибудь успѣхъ! Но такъ какъ ты постоянно заботишься о чужомъ, то когда тебѣ подумать о своихъ собственныхъ недостаткахъ?

6. Будемъ же, возлюбленные, избѣгать злословія, зная, что это—настоящая пропасть діавола и западня, устроенная его коварствомъ. Діаволъ довелъ насъ до этой привычки для того, чтобы мы не заботились о самихъ себѣ и подвергли себя тягчайшей отвѣтственности. Но бѣда не въ томъ только, что мы дадимъ тогда отчетъ въ словахъ своихъ, но и въ томъ, что мы чрезъ это сдѣлаемъ свои собственные грѣхи болѣе тяжкими и лишимъ себя всякаго извиненія. Кто строго разслѣдуетъ чужіе проступки, тотъ не получитъ никакого снисхожденія къ своимъ собственнымъ, потому что Богъ произнесетъ судъ соотвѣтственно не только свойству нашихъ преступленій, но и твоему суду о другихъ. Поэтому и внушаетъ Онъ: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. VII, 1); такъ какъ грѣхъ явится тамъ не только такимъ, каковъ онъ былъ, но и получитъ большое и неизбѣжное прибавленіе отъ произнесеннаго тобою суда о твоемъ собратѣ. Какъ человѣколюбивый, кроткій и снисходительный человѣкъ значительно уменьшаетъ тяжесть грѣховъ; такъ жестокій, суровый и неумолимый много прибавляетъ къ своимъ грѣхамъ. Исторгнемъ же изъ устъ нашихъ всякое злословіе, зная, что, если станемъ ѣсть и прахъ, то и отъ такой строгой жизни не будетъ намъ никакой пользы, когда не воздержимся отъ злословія; потому что *не входящее (во уста) скверниттъ человѣка, но исходящее изо устъ* (Матѳ. XV, 11). Если бы кто-нибудь началъ ворочать пометъ въ то время, какъ ты проходишь,—скажи мнѣ, не сталъ ли бы ты бранить его и укорять? Такъ поступи и съ злословящими,—потому что не столько тронутая съ мѣста нечистота поражаетъ обоняніе тѣхъ, до кого доходитъ ея зловоніе, сколько разсказы, выводящіе наружу чужіе грѣхи и
56 раскрывающіе нечистую жизнь, оскорбляютъ и возмущаютъ душу тѣхъ, кто ихъ слышитъ. Будемъ же воздерживаться отъ злословія, сквернословія, хулы, и не станемъ злорѣчить ни о ближнемъ, ни о Богѣ, такъ какъ многіе изъ злорѣчивыхъ дошли до такого безумія, что отъ сорабовъ обратили свой языкъ на Господа. А какъ велико это зло, можешь судить по нашимъ теперешнимъ обстоятельствамъ. Вотъ оскорбленъ человѣкъ, и всѣ мы боимся и

трепещемъ—какъ нанесшіе оскорбленіе, такъ и тѣ, которые не чувствуютъ за собою никакой подобной вины. А Бога оскорбляютъ каждый день; что говорю: каждый день?—каждый часъ,—оскорбляютъ богатые, бѣдные, наслаждающіеся покоемъ, терпящіе скорбь, обижающіе, обижаемые,—и никто объ этомъ не подумаетъ. Потому Онъ и попустилъ потерпѣть оскорбленіе сорабу [1]), чтобы ты изъ опасности, послѣдовавшей за этимъ оскорбленіемъ, позналъ человѣколюбіе Господа. Это оскорбленіе было теперь первое и единственное; но, и несмотря на это, мы не надѣемся получить прощеніе и извиненіе. Бога же мы прогнѣвляемъ каждый день, и нисколько не раскаиваемся, а Онъ все переноситъ со всякимъ долготерпѣніемъ. Видишь, сколь велико человѣколюбіе Господа? И хотя виновники настоящаго преступленія схвачены, посажены въ темницу и наказаны, но мы все еще боимся. Оскорбленный еще не слышалъ о томъ, что случилось, и не произнесъ суда,—а мы всѣ трепещемъ. Богъ же каждый день слышитъ оскорбленія, Ему наносимыя, и никто не обращаетъ на это вниманія,—и это тогда, какъ Богъ столь кротокъ и человѣколюбивъ! Предъ Нимъ довольно только исповѣдать грѣхъ, и вина разрѣшится. У людей совершенно напротивъ: когда виновные признаются въ преступленіи, тогда болѣе и наказываются,—что и теперь случилось.

Одни погибли отъ меча, другіе отъ огня, иные отданы на растерзаніе звѣрямъ,—и не только взрослые, но и дѣти. Ни незрѣлость возраста, ни многочисленность обвиненныхъ, ни то, что все это сдѣлали люди, объятые бѣшенствомъ демоновъ, ни видимая невыносимость взысканія, ни бѣдность, ни то, что это общій всѣмъ грѣхъ, ни обѣщаніе никогда болѣе не дѣлать подобнаго, и ни что другое не спасло виновныхъ; но безъ всякой пощады они были отводимы на смерть, окруженные вооруженными воинами, которые наблюдали, чтобы кто-нибудь не освободилъ осужденныхъ. Матери слѣдовали издали, смотря на разлученныхъ съ ними дѣтей, но оплакивать свое несчастіе не смѣя; потому что страхъ побѣждалъ любовь, и боязнь одолѣвала природу. Какъ смотрящіе съ земли на подвергшихся кораблекрушенію сколько ни сожалѣютъ, однакоже не могутъ придти и спасти утопающихъ; такъ и здѣсь матери, удерживаемыя, какъ бы волнами какими, страхомъ отъ воиновъ, не только не смѣли подойти и освободить дѣтей отъ наказанія, но боялись и плакать. Понимаете ли вы отсюда, каково человѣколюбіе Божіе? Какъ оно неизреченно, какъ безпредѣльно, какъ превышаетъ всякое слово! Здѣсь оскорбленный и одинаковую имѣетъ съ нами природу, и только однажды во все время понесъ

[1]) т. е. императору.

это оскорбленіе, и не лично, не въ своемъ присутствіи, не видя и не слыша; и однакоже никто изъ виновныхъ не получилъ прощенія. О Богѣ же нельзя сказать ничего этого. Разстояніе между
57 человѣкомъ и Богомъ таково, что и самое слово не можетъ выразить того, а терпитъ Онъ оскорбленія каждый день, присутствуя при нихъ, видя и слыша ихъ; однакоже ни молніи не посылаетъ, ни морю не велитъ выступить на землю и всѣхъ потопить, ни землѣ разступиться и поглотить всѣхъ, оскорбившихъ Его,—но сноситъ и долготерпитъ, и обѣщаетъ даже прощеніе оскорбителямъ, если только они покаются и дадутъ обѣщаніе впредь не дѣлать этого. Поистинѣ прилично теперь воскликнуть: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. CV, 2)? Сколь многіе не только ниспровергли, но и попрали образы Божіи? Потому что, когда ты душишь должника, когда грабишь, когда влачишь его; то попираешь образъ Божій. Послушай, какъ говоритъ Павелъ, что *мужъ не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый* (1 Кор. XI, 7), и еще, какъ говоритъ Самъ Богъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Если скажешь, что человѣкъ неодинаковой природы съ Богомъ; такъ что жъ изъ этого? И мѣдная статуя не одинаковой природы съ царемъ, и однакоже виновные преданы наказанію. Такъ и въ отношеніи людей: пусть они и не одинаковой природы съ Богомъ, какъ и въ самомъ дѣлѣ не одинаковой; но они названы образомъ (Божіимъ), и ради такого названія имъ надлежитъ воздать честь. А ты за малость золота попираешь ихъ, душишь, влачишь, и доселѣ еще не понесъ никакого наказанія!

7. Дай Богъ, чтобы произошла какая-нибудь добрая и счастливая перемѣна. Я однакоже предсказываю и объявляю, что, если и пройдетъ эта туча, а мы останемся при прежней безпечности, то насъ постигнутъ бѣдствія еще болѣе тяжкія, нежели тѣ, какихъ мы теперь ожидаемъ. Да и теперь боюсь не столько гнѣва царскаго, сколько вашей безпечности. Чтобы получить намъ прощеніе, не довольно помолиться два и три дня; надобно произвесть перемѣну во всей жизни, и, оставивъ порокъ, постоянно пребывать въ добродѣтели. Какъ для больныхъ, если они не ведутъ постоянно правильной жизни, нѣтъ никакой пользы отъ того, что они благоразумно проведутъ два, или три дня; такъ и грѣшники, если не навсегда воздержатся отъ порока, ничего не получатъ отъ двухдневнаго или трехдневнаго исправленія. Какъ, говорятъ, моющійся, потомъ опять марающійся въ грязи не получаетъ никакой пользы; такъ и каявшійся въ теченіе трехъ дней и опять возвратившійся къ прежнему не сдѣлалъ никакого успѣха (въ добродѣтели).

Не поступимъ же и теперь такъ, какъ мы всегда поступаемъ.
Когда насъ такъ часто постигали землетрясенія, и голодъ, и
засуха, мы дѣлались на три и четыре дня скромнѣе и воздержнѣе,
а потомъ опять возвращались къ прежнему: оттого и случилось
настоящее несчастіе. Но, если уже не прежде, по крайней мѣрѣ
теперь будемъ постоянны въ благочестіи, сохранимъ навсегда
одинаковую скромность, чтобы намъ опять не имѣть нужды въ
другомъ ударѣ. Развѣ Богъ не могъ предотвратить того, что слу-
чилось? Но Онъ допустилъ это, чтобы страхомъ отъ сораба болѣе
вразумить и смирить оскорбляющихъ Его. И никто не говори мнѣ,
что многіе изъ виновныхъ укрылись, а многіе изъ невинныхъ
схвачены; и это, слышу я, часто многіе говорятъ не только во
время настоящаго волненія, но и при многихъ другихъ подоб-
ныхъ обстоятельствахъ. Что же сказать говорящимъ это?—То,
что если схваченный и невиненъ въ настоящемъ возмущеніи, одна- 58
коже когда-нибудь сдѣлалъ другой болѣе тяжкій грѣхъ, и, поелику
не исправился впослѣдствіи, то и наказанъ теперь. Такъ обыкно-
венно поступаетъ Богъ: когда мы грѣшимъ, Онъ не тотчасъ ка-
раетъ за преступленія, но отлагаетъ наказаніе, давая намъ время
для покаянія, чтобы мы исправились и перемѣнились. Но если
изъ того, что мы не наказаны, заключимъ, что грѣхъ уже изгла-
женъ, и предадимся безпечности; то послѣ этого насъ непремѣнно
постигнетъ наказаніе тамъ, гдѣ мы и не ожидаемъ. А это бываетъ
для того, чтобы мы, когда согрѣшимъ и не будемъ наказаны, не
оставались спокойными, доколѣ не перемѣнимся, зная, что непре-
мѣнно подвергнемся наказанію тамъ, гдѣ и не ожидаемъ. И по-
тому, возлюбленный, если ты согрѣшишь и не будешь наказанъ,
не надмевайся этимъ, но тѣмъ болѣе страшись, зная, что для Бога
всегда, когда только захочетъ, легко воздать тебѣ. Тогда Онъ не
наказалъ тебя для того, чтобы дать тебѣ время для покаянія.
Не будемъ же говорить, что такой-то невинный схваченъ, а другой
виновный укрылся. Невинный, который теперь схваченъ, получилъ,
какъ я сказалъ, наказаніе за другіе грѣхи; а укрывшійся теперь,
если не исправится, впадетъ въ другую сѣть. Если мы будемъ
такъ разсуждать, то никогда не забудемъ о своихъ грѣхахъ, но,
всегда страшась и трепеща какъ бы не подвергнуться когда-нибудь
наказанію, легко будемъ вспоминать о нихъ. Обыкновенно, ничто
такъ не напоминаетъ о грѣхѣ, какъ взысканіе и наказаніе. Это
видно изъ примѣра братьевъ Іосифовыхъ. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ
они продали праведнаго, прошло тринадцать лѣтъ; но, опасаясь
наказанія и страшась за свою жизнь, они вспомнили о грѣхѣ, и
одинъ другому говорили: *ей, во грѣсѣхъ бо есмы брата ради на-
шего* Іосифа (Быт. XLII, 21). Видишь, какъ страхъ напомнилъ имъ

о томъ преступленіи. Когда они совершали грѣхъ, не чувствовали этого; а когда ждали себѣ наказанія, вспомнили (о грѣхѣ).

Зная все это, перемѣнимъ и исправимъ свою жизнь, и, прежде избавленія отъ гнетущаго насъ бѣдствія, позаботимся о благочестіи и добродѣтели. А между тѣмъ я хочу предложить вамъ три заповѣди, которыя выполнили бы вы во время поста: никого не злословить, ни съ кѣмъ не быть во враждѣ и совершенно изгнать изъ устъ злую привычку клясться. Какъ всякій, услышавъ, что наложена подать, спѣшитъ домой, и, призвавъ жену, дѣтей и рабовъ, думаетъ съ ними и совѣтуется, чѣмъ бы ему уплатить этотъ налогъ; такъ сдѣлаемъ и мы въ отношеніи этихъ духовныхъ заповѣдей. Каждый, возвратившись домой, призови жену и дѣтей, и скажи, что сегодня наложена подать духовная,—подать, отъ которой будетъ зависѣть освобожденіе и избавленіе отъ настоящаго бѣдствія,—подать, которая платящихъ дѣлаетъ не бѣдными, но болѣе богатыми; вотъ она: ни съ кѣмъ не быть во враждѣ, никого не злословить и отнюдь не клясться. Подумаемъ, позаботимся, посовѣтуемся, какъ бы намъ выполнить эти заповѣди; приложимъ все стараніе, будемъ другъ другу напоминать, другъ друга исправлять, чтобы не перейти намъ туда должниками, и потомъ, когда будетъ намъ нужно занять у другихъ, не подвергнуться участи глупыхъ дѣвъ, и не лишиться вѣчнаго спасенія. Если такъ настроимъ свою жизнь, даю вамъ слово и обѣщаю, что за это будетъ
59 конецъ и настоящему бѣдствію и избавленіе отъ этихъ золъ, и, что всего важнѣе, наслажденіе вѣчныхъ благъ. Надлежало бы внушить вамъ исполненіе всѣхъ добродѣтелей; но считаю наилучшимъ способомъ исправленія то, чтобъ исполнять заповѣди по частямъ, принимаясь сперва за одну, потомъ переходить къ другимъ. Какъ земледѣлецъ съ наступленіемъ полевыхъ работъ распахиваетъ на полѣ одну часть за другою, и такимъ образомъ доходитъ до конца; такъ и мы, если положимъ себѣ такой законъ, чтобы въ настоящую четыредесятницу исполнить въ точности эти три заповѣди, то, безъ сомнѣнія, твердо укоренивъ въ себѣ добрую привычку, съ большею легкостію перейдемъ и къ прочимъ заповѣдямъ, и достигнувъ самой вершины любомудрія, и настоящую жизнь проведемъ съ благою надеждою, и въ будущей предстанемъ Христу съ великимъ дерзновеніемъ, и получимъ неизреченныя блага. Чего да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Увѣщаніе къ народу о твердости и терпѣніи примѣрами Іова и трехъ отроковъ и о воздержаніи отъ клятвъ.

Благословенъ Богъ, утѣшившій ваши скорбящія души, успокоившій ваши мятущіяся мысли! А что вы получили достаточное утѣшеніе, это показали вы своимъ усердіемъ и ревностію къ слушанію, потому что душа скорбящая и объятая облакомъ печали не можетъ съ охотою слушать наставленій; а вы, я вижу, внимаете мнѣ съ великою охотою и съ полнымъ усердіемъ, отрясши всю печаль и любовію къ слушанію отогнавъ настоящую скорбь. Потому благодарю Бога, вмѣстѣ съ вами, что несчастіе не одолѣло вашего любомудрія, страхъ не ослабилъ вашей бодрости, скорбь не погасила вашей ревности, опасность не охладила вашего рвенія, страхъ отъ людей не побѣдилъ вашей любви къ Богу, тяжкое время не сокрушило вашего усердія,—и не только не сокрушило, но еще укрѣпило, не только не ослабило, но еще усилило, не только не погасило, но еще болѣе воспламенило. Опустѣла площадь, но наполнилась церковь; та возбуждаетъ печаль, эта подаетъ радость и духовное веселіе. И потому, возлюбленный, когда ты выйдешь на площадь, и вздохнешь, увидѣвъ ее пустою, прибѣгни къ матери,—и она тотчасъ утѣшитъ тебя множествомъ своихъ чадъ, покажетъ тебѣ полный ликъ братій, и прогонитъ отъ тебя всякую печаль. Въ городѣ мы ищемъ людей, какъ будто живемъ въ пустынѣ, а когда прибѣгаемъ въ церковь, насъ объемлетъ многолюдство. Когда море волнуется и ярится отъ сильной бури, страхъ принуждаетъ всѣхъ убѣгать оттуда въ пристань: такъ и теперь волны площади и буря города заставляютъ всѣхъ стекаться отвсюду въ церковь, и связуютъ членовъ между собою союзомъ любви. Возблагодаримъ же Бога и за то, что отъ скорби мы получили такой плодъ, что искушеніе доставило намъ такую пользу. Не будь искушенія, не было бы и вѣнца; не будь подвиговъ, не было бы и наградъ; не будь борьбы, не было бы и почестей; не будь скорби, не было бы и утѣшенія; не будь зимы, не было бы и лѣта. И это можно видѣть не только на людяхъ, но и на самыхъ сѣменахъ. И здѣсь, чтобы могъ вырости тучный колосъ, нужны— большой дождь, большое скопленіе облаковъ, большой холодъ:
время сѣянія есть вмѣстѣ и время дождя. И теперь, когда настало 60
ненастье не въ воздухѣ, а въ душахъ, посѣемъ и мы, во время этого ненастья, чтобы пожать лѣтомъ; посѣемъ слезы, чтобы по-

жать радость. Не я говорю это, но возвѣщаетъ пророкъ: *сѣющіи слезами радостію пожнутъ* (Псал. cxxv, 5). Не столько дождь, падающій на сѣмена, помогаетъ имъ прозябать и возрастать, сколько дождь слезный возращаетъ и приводитъ въ зрѣлость сѣмя благочестія; онъ очищаетъ душу, орошаетъ умъ и помогаетъ быстро возрастать сѣмени ученія. Для этого надобно проводить и глубокую борозду, къ чему убѣждаетъ и пророкъ, говоря такъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи* (Іер. iv, 3). Какъ земледѣлецъ глубоко разрываетъ землю плугомъ, приготовляя надежное хранилище для сѣмянъ, чтобы они, будучи посѣяны, не оставались на поверхности, но скрывались въ самыхъ нѣдрахъ земли и безопасно пускали корни: такъ и намъ должно дѣлать, и скорбію, какъ бы плугомъ, разрыть глубину сердца. Къ этому убѣждаетъ и другой пророкъ, говоря: *расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Іоил. ii, 13). Расторгнемъ же сердца, чтобы, если въ насъ есть какое-нибудь худое растеніе и лукавый помыслъ, исторгнуть его съ корнемъ и очистить нивы для сѣмянъ благочестія. Если теперь не обновимъ (ниву), если теперь не посѣемъ, если теперь не прольемъ слезъ, когда у насъ скорбь и постъ,—въ какое же другое время предадимся сокрушенію? Ужели во время покоя и веселія? Но это невозможно, потому что покой и веселіе обыкновенно ведутъ къ безпечности, тогда какъ скорбь приводитъ къ заботливости и заставляетъ душу, разсѣянную вовнѣ и развлеченную многими предметами, обращаться къ самой себѣ. Не будемъ же унывать изъ-за настоящаго бѣдствія, но еще возблагодаримъ Бога, потому что много пользы отъ скорби. Земледѣлецъ, посѣявъ сѣмена, собранныя имъ съ большимъ трудомъ, молится о томъ, чтобы пошелъ дождь; и незнающій дѣла съ изумленіемъ будетъ смотрѣть на все это, и, можетъ быть, скажетъ самъ въ себѣ: что такое дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ разбрасываетъ то, что собралъ, и не только разбрасываетъ, но еще весьма старательно смѣшиваетъ съ землею, такъ, чтобы нельзя было и собрать легко; и не только смѣшиваетъ съ землею, но еще и молится, чтобы пошелъ сильный дождь, и чтобы все посѣянное сгнило и превра-
61 тилось въ грязь. И безпокоится такой человѣкъ, видя, какъ раздаются громы и ниспадаютъ молніи. А земледѣлецъ не такъ: напротивъ, радуется и ликуетъ, видя ненастье, потому что смотритъ не на настоящее, но ожидаетъ будущаго, думаетъ не о громахъ, но о снопахъ, не о гніющихъ сѣменахъ, но о зеленѣющихъ колосьяхъ, не о сильномъ дождѣ, но о пріятнѣйшей для него пыли на гумнѣ. Такъ и мы будемъ смотрѣть не на скорбь и печаль настоящую, а на пользу, которая изъ нея происходитъ, на плодъ, который она рождаетъ. Будемъ ожидать сноповъ на гумнѣ: потому что, если станемъ

бодрствовать, то можемъ собрать за это время много плодовъ и наполнить житницы нашей души. Если станемъ бодрствовать, то не только не потерпимъ никакого зла отъ этой скорби, но и получимъ неисчислимыя блага. Если же будемъ безпечны, то и покой насъ погубитъ. Безпечному то и другое вредитъ, а старательному и то и другое приноситъ пользу. Какъ золото сохраняетъ свой блескъ и тогда, когда лежитъ въ водѣ, и еще свѣтлѣе дѣлается, когда брошено въ горнило; напротивъ глина и сѣно, упавъ въ воду, первая расплывается, а послѣднее гніетъ, попавъ же въ огонь, первая засыхаетъ, а послѣднее сгораетъ: такъ и праведникъ и грѣшникъ,—первый, и наслаждаясь покоемъ, остается свѣтлымъ какъ золото, погруженное въ воду, и подвергшись искушенію, дѣлается еще свѣтлѣе, какъ золото, испытываемое огнемъ, а грѣшникъ, и вкушая покой, расплывается и гніетъ, какъ сѣно и глина, брошенныя въ воду, и подвергшись искушенію, сгораетъ и гибнетъ, какъ сѣно и глина отъ огня.

2. Не будемъ же сѣтовать о настоящемъ бѣдствіи. Если у тебя есть грѣхи, они легко истребятся и попалятся скорбію. Если же у тебя есть добродѣтель, отъ скорби она сдѣлается свѣтлѣе и блистательнѣе. Если станешь непрестанно бодрствовать и трезвиться, то будешь выше всякого вреда, потому что причиною паденій, обыкновенно, бываетъ не свойство искушеній, а безпечность искушаемыхъ. Итакъ, если хочешь быть веселымъ и наслаждаться покоемъ и удовольствіемъ,—не удовольствія ищи, и не покоя, но старайся, чтобы душа твоя обладала мужествомъ и была способна къ терпѣнію, потому что, если не будешь имѣть этихъ качествъ, тебя не только побѣдитъ искушеніе, но еще скорѣе погубитъ и низложитъ покой. А дабы увѣриться, что не ударъ бѣдствій, а безпечность нашей души разрушаетъ наше спасеніе, послушай, что говоритъ Христосъ: *всякъ, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я*, уподобится *мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтры, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бѣ на камени*. И опять: *всякъ слышай словеса Моя сія, и не творя ихъ, уподобися мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтры, и опрошася храминѣ той, и падеся: и бѣ разрушеніе ея веліе* (Матѳ. VII, 24—27). Видишь, что не удары искушеній, а неразуміе строителей было причиною паденія, потому что и тамъ дождь и здѣсь дождь; и тамъ рѣки и здѣсь рѣки; и тамъ напоры вѣтровъ и здѣсь то же самое; и тотъ строилъ и этотъ строилъ; то же строеніе и 62
тѣ же искушенія, но не одинаковъ конецъ, потому что не одинаково основаніе. Такимъ образомъ не свойство искушеній, а не-

разуміе строившаго было причиною паденія. Иначе бы долженъ былъ упасть и домъ, построенный на камнѣ; но вотъ онъ не потерпѣлъ ничего такого. Но не думайте, что это сказано о домѣ: рѣчь идетъ о душѣ, которая, слушая Слово Божіе, дѣлами или подтверждаетъ его, или отвергаетъ. Такъ устроилъ домъ своей души Іовъ: *сниде дождь*, то есть, ниспалъ съ неба огнь и истребилъ всѣ стада; *пріидоша рѣки*,—частые, непрерывные, одинъ за другимъ слѣдовавшіе вѣстники бѣдствій, которые говорили о погибели—однихъ стадъ, другой—верблюдовъ, третій—дѣтей; *возвѣяша вѣтры*,—жестокія слова жены: *рцы*, говорила она, *глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II, 9); *и не падеся храмина*,—не преткнулась душа, не произнесъ хулы праведникъ, но еще возблагодарилъ и сказалъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко же Господеви изволися, тако и бысть* (Іов. I, 21). Видишь ли, что не свойство искушеній, а небрежность безпечныхъ, обыкновенно, бываетъ причиною паденія? А крѣпкаго скорбь дѣлаетъ еще болѣе крѣпкимъ. Кто сказалъ это?—Воспитанный въ скорби, блаженный Павелъ; онъ такъ говорилъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ: терпѣніе же искусство, искусство же упованіе* (Римл. V, 3, 4). Какъ крѣпкихъ деревьевъ не вырываютъ съ корнемъ порывы вѣтра, сколько бы ни устремлялись на нихъ, ни нападали со всѣхъ сторонъ; напротивъ дѣлаютъ ихъ чрезъ эти напоры еще болѣе твердыми и крѣпкими: такъ и душу святую и живущую благочестиво напоры искушеній и скорбей не низвергаютъ, но возбуждаютъ еще къ большему терпѣнію, какъ и блаженнаго Іова сдѣлали они болѣе славнымъ и досточтимымъ. Теперь человѣкъ гнѣвается на насъ,—человѣкъ подобострастный и имѣющій такую же, какъ и мы, душу,—и мы страшимся; а тогда злобствовалъ на него демонъ, коварный и лютый, и не просто злобствовалъ, но еще воздвигъ всякія козни, употребилъ все лукавство,—и всетаки никакъ не одолѣлъ доблестнаго праведника. Царь, какъ человѣкъ, сегодня гнѣвается, а завтра престаетъ отъ гнѣва, и однако же мы умираемъ отъ страха; а тогда враждовалъ діаволъ, который никогда не примиряется съ человѣчествомъ, но ведетъ съ нашимъ родомъ брань непримиримую и войну нескончаемую, и однако же праведникъ посмѣялся надъ его стрѣлами. Какое же мы можемъ имѣть извиненіе, или какое прощеніе, когда не переносимъ человѣческаго искушенія, мы—благодатію наученные такому любомудрію, тогда какъ онъ, еще до благодати, въ ветхомъ завѣтѣ, такъ доблестно выдержалъ ту тяжкую борьбу?

Будемъ же, возлюбленные, всегда бесѣдовать между собою объ этомъ, и такими бесѣдами наставлять другъ друга. Вы и ваша совѣсть свидѣтели, сколько пользы получили мы отъ настоящаго

испытанія. Невоздержный сдѣлался теперь цѣломудреннымъ, дерзкій болѣе скромнымъ, безпечный заботливымъ; никогда невидавшіе церкви, но проводившіе все время на зрѣлищахъ, теперь по цѣлымъ днямъ находятся въ церкви. Ужели ты, скажи мнѣ, скорбишь о томъ, что Богъ посредствомъ страха сдѣлалъ тебя старательнымъ, чрезъ скорбь привелъ тебя къ мысли о своемъ спасеніи? Но твоя совѣсть мучится, но твое сердце терзается каждый день, 63
ожидая смерти и лютѣйшей казни? И отъ этого будетъ у насъ великое приращеніе въ добродѣтели, такъ какъ скорбію увеличивается наше благочестіе. Богъ можетъ и сегодня же прекратить всѣ бѣдствія; но Онъ не прекратитъ скорби, пока не увидитъ, что мы очистились, пока не увидитъ, что въ насъ произошла перемѣна и (наступило) покаяніе твердое и непоколебимое. И золотыхъ дѣлъ мастеръ не вынимаетъ золота изъ горна, пока не увидитъ, что оно хорошо очистилось. Такъ и Богъ не отведетъ этой тучи, пока совершенно не исправитъ насъ. Попустившій испытаніе самъ знаетъ и время, когда положить конецъ испытанію. Играющій на цитрѣ и не слишкомъ натягиваетъ струну, чтобы не оборвать ея, и не ослабляетъ чрезъ мѣру, чтобы не разстроить гармоническаго созвучія; такъ поступаетъ и Богъ: не оставляетъ нашей души ни въ постоянномъ покоѣ, ни въ продолжительной скорби, устрояя то и другое по своей мудрости. Онъ не попускаетъ намъ наслаждаться всегда покоемъ, чтобы мы не сдѣлались безпечнѣе; но не попускаетъ также быть и въ непрерывной скорби, чтобы мы не упали духомъ и не пришли въ отчаяніе.

3. Итакъ Ему предоставимъ время прекращенія бѣдствій, а сами будемъ только молиться, сами будемъ жить благочестиво; потому что наше дѣло обратиться къ добродѣтели, а прекратить бѣдствія—дѣло Божіе. Богъ сильнѣе, чѣмъ ты, подверженный испытанію, хочетъ погасить этотъ огонь, но Онъ ожидаетъ твоего спасенія. Поэтому, какъ отъ покоя произошла скорбь, такъ и отъ скорби надобно ожидать покоя. Не всегда зима, и не всегда лѣто; не всегда волны, и не всегда тишина; не всегда ночь, и не всегда день: такъ и не всегда скорбь, но наступитъ и покой, если только мы будемъ, во время скорби, непрестанно благодарить Бога. Три отрока были ввергнуты въ печь и, несмотря на это, не забыли благочестія, ихъ не устрашилъ пламень: но, объятые огнемъ, они усерднѣе сидящихъ въ чертогѣ и не терпящихъ никакого зла возсылали священныя тѣ молитвы. Потому огонь сдѣлался для нихъ стѣною, пламень — одеждою, и печь — источникомъ; принявъ ихъ связанными, она возвратила ихъ разрѣшенными: приняла тѣла смертныя и не коснулась ихъ, какъ безсмертныхъ; не познала природы, но почтила благочестіе. Мучитель связалъ ноги, а ноги

связали силу огня. О чудное дѣло! Узниковъ разрѣшилъ пламень, и самъ потомъ былъ связанъ узниками. Благочестіе отроковъ измѣнило природу вещей, а лучше сказать — не природу измѣнило, но, что еще удивительнѣе, не измѣняя природы, остановило (ея) дѣйствіе. Оно не угасило огня, но заставило его, и горя, не оказывать своей силы, и, что также чудно и дивно, это случилось не только съ тѣлами святыхъ, но и съ ихъ одеждою и обувью. Какъ у апостоловъ одежды Павла прогоняли болѣзни и демоновъ, и тѣнь Петра обращала въ бѣгство смерть; такъ и здѣсь обувь этихъ отроковъ погасила огонь. Не знаю, какъ и сказать, потому что чудо превышаетъ всякій разсказъ. Огонь и угасалъ и не угасалъ; потому что, когда прикасался къ тѣламъ святыхъ отроковъ, тогда угасалъ, а когда надобно было расторгнуть оковы, не уга-
64 салъ; и — оковы расторгъ, но пятъ не коснулся. Видишь, какое совпаденіе. Огонь и не потерялъ своей силы, и не дерзнулъ идти далѣе оковъ. Сковалъ мучитель, а разрѣшилъ пламень, чтобы узналъ ты и свирѣпость варвара, и покорность стихіи. Для чего же мучитель сковалъ ихъ, вознамѣрившись ввергнуть въ огонь?— Чтобы чудо было величественнѣе, чтобы знаменіе было удивительнѣе, чтобы видимаго не принялъ ты за обманъ глазъ. Если бы этотъ огонь не былъ огнемъ, то не сожегъ бы оковъ, и, что еще болѣе, не попалилъ бы воиновъ, которые были внѣ печи. Но теперь онъ на бывшихъ внѣ показалъ силу, а на бывшихъ внутри печи обнаружилъ свою покорность. А ты примѣчай вездѣ, какъ діаволъ тѣмъ, чѣмъ вооружается противъ рабовъ Божіихъ, разрушаетъ собственную силу, не по своей волѣ, но потому, что премудрый и благоустрояющій Богъ обращаетъ его оружіе и хитрости на его же голову, — что и здѣсь случилось. Діаволъ, по внушеніямъ котораго дѣйствовалъ тогда мучитель, не попустилъ ни обезглавить святыхъ мечемъ, ни предать ихъ звѣрямъ, ни казнить другимъ какимъ-либо подобнымъ способомъ, но внушилъ ввергнуть ихъ въ огонь, чтобы не сохранились даже и останки святыхъ отроковъ, когда уничтожатся ихъ тѣла и ихъ пепелъ смѣшается съ пепломъ дровъ. Но Богъ это самое обратилъ къ низложенію нечестія, и вотъ какимъ образомъ.

Огонь у персовъ признается богомъ, и варвары, живущіе въ той странѣ, еще и теперь воздаютъ ему поклоненіе. И потому Богъ, желая низложить нечестіе въ самомъ основаніи, попустилъ такой родъ казни, чтобы даровать побѣду своимъ рабамъ предъ глазами всѣхъ поклонниковъ огня, и убѣдить ихъ самымъ дѣломъ, что боги язычниковъ боятся не только Бога, но и рабовъ Божіихъ.

4. Еще замѣть, какъ непріятели сплетаютъ вѣнецъ побѣдный, какъ сами враги дѣлаются свидѣтелями торжества! *И посла*, го-

воритъ Писаніе, *Навуходоносоръ царь собрати вся гпаты, и воеводы, и мѣстоначальники, вожди же, и мучители, и сущыя на властѣхъ, и вся князи странъ, пріити на обновленіе кумира. И собрашася вси* (Дан. III, 2, 3). Врагъ составляетъ зрѣлище, самъ собираетъ зрителей, самъ назначаетъ состязаніе; и (составляетъ) зрѣлище не изъ случайныхъ, не изъ простыхъ людей, но все изъ почетнѣйшихъ и начальствующихъ, чтобы свидѣтельство ихъ было болѣе достовѣрно для народа. Созваны были всѣ для одного, а увидѣли другое; пришли поклониться истукану, а ушли съ презрѣніемъ къ нему, бывъ поражены Божіею силою, открывшеюся въ чудесныхъ событіяхъ съ отроками. И замѣть: гдѣ было устроено зрѣлище? Не въ городѣ, и не въ какомъ-нибудь селеніи, но на поляхъ ровныхъ и открытыхъ устрояется это публичное зрѣлище. На полѣ Деирѣ, внѣ города поставленъ былъ истуканъ, и вѣстникъ, всюду проходя, взывалъ: *вамъ глаголется народи, людіе, племена, языцы: въ онь же часъ аще услышите гласъ трубы, свирѣли же, и гусли, самвики же, и псалтири, и согласія, и всякаго рода мусикійска, падающе покланяйтеся образу златому* (и въ самомъ дѣлѣ, поклониться идолу значило: пасть); *и иже аще не падъ поклонится, въ той часъ ввerженъ будетъ въ пещь огнемъ
горящую* (Дан. III, 4, 5, 6). Видишь, какая трудная борьба, какая 65
непреодолимая сѣть, какая глубокая пропасть и стремнина съ той и другой стороны! Но не бойся: чѣмъ больше козней употребитъ врагъ, тѣмъ болѣе обнаружитъ онъ мужество отроковъ. Для того приготовлено было согласіе столь многихъ музыкальныхъ орудій, для того разженная печь, чтобы душами зрителей овладѣло или удовольствіе, или страхъ. Твердъ и непреклоненъ кто изъ предстоящихъ? Пусть смягчитъ его, говорилъ мучитель, очаровательная мелодія стройной музыки. Стоитъ онъ выше этой сѣти? Пусть же устрашитъ и поразитъ его видъ пламени. Такъ, дѣйствовалъ и страхъ и удовольствіе: удовольствіе вкрадывалось въ душу посредствомъ слуха, страхъ посредствомъ зрѣнія. Однакоже ни то, ни другое не побѣдило мужества отроковъ; но какъ вверженные въ огонь, они одолѣли пламень, такъ посмѣялись и надъ всякимъ удовольствіемъ и страхомъ. Все это для нихъ приготовилъ діаволъ, потому что не сомнѣвался въ подданныхъ царя, напротивъ былъ твердо увѣренъ, что никто изъ нихъ не воспротивится царскому повелѣнію. Но когда всѣ пали и были побѣждены, тогда выводятся на средину одни отроки, чтобы и отъ этого самаго побѣда была блистательнѣе,—что они побѣждаютъ и являются торжествующими среди такого множества народа. Не такъ было бы удивительно, если бы они показали мужество, явившись первыми, пока никто еще не претннулся. Но то весьма ве-

ливо и чудно, что множество падшихъ не устрашило и не ослабило ихъ; и не сказали они другъ другу что-нибудь такое, что многіе привыкли часто говорить: если бы мы первые и одни рѣшились поклониться истукану, то нашъ поступокъ былъ бы достоинъ обвиненія; если же мы дѣлаемъ это вмѣстѣ съ столь многими тысячами, то кто насъ не проститъ, кто не сочтетъ достойными извиненія? Нѣтъ, увидя паденіе столь многихъ своихъ мучителей, ничего такого и не сказали, и не подумали они. Посмотри и на злобу обвинителей, какъ они и хитро и жестоко обвиняли отроковъ: *суть убо*, говорятъ они, *мужи Іудее, ихъже поставилъ еси надъ дѣлы страны вавилонскія* (Дан. III, 12). Не просто напомнили объ ихъ происхожденіи, но упомянули и о почести, для того, чтобы воспламенить въ царѣ гнѣвъ; они какъ бы такъ говорили: рабовъ, плѣнныхъ, лишенныхъ отечества, сдѣлалъ ты нашими начальниками, а они и эту честь презираютъ, и оскорбляютъ того, кто удостоилъ ихъ такой чести. Поэтому говорятъ: *Іудее, ихъже поставилъ еси надъ дѣлы страны вавилонскія, не послушаша заповѣди твоея, и богомъ твоимъ не служатъ* (Дан. III, 13). Обвиненіе это—величайшая похвала; укоризны эти—одобреніе и свидѣтельство несомнѣнное, потому что его представляютъ сами враги! Что же царь? Онъ повелѣлъ вывести ихъ на средину, чтобы устрашить всячески; но ничто не поколебало ихъ, ни гнѣвъ царя, ни то, что они одни стояли отдѣльно среди такого множества, ни видъ огня, ни трубные звуки, ни то, что всѣ смотрѣли на нихъ сверкающими, какъ огонь, глазами; но посмѣявшись надъ всѣмъ этимъ, они, какъ бы сбираясь броситься въ струи прохладнаго источника, вошли въ печь, произнося блаженныя эти слова: *яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не покланяемся* (Дан. III, 18). Не безъ цѣли разсказалъ я эту исторію, но для того, чтобы убѣдились вы, что ни гнѣвъ царя, ни коварство воиновъ, ни зависть враговъ, ни плѣнъ, ни пустыня,
66 ни огонь, ни печь, ни тысячи бѣдствій,—ничто не можетъ побѣдить или устрашить праведника. Если тамъ, гдѣ царь былъ нечестивый, отроки не устрашились гнѣва мучителева; тѣмъ болѣе мы, у коихъ царь человѣколюбивый и кроткій, должны не унывать, а благодарить Бога за эту скорбь, узнавъ изъ сказаннаго, что скорби дѣлаютъ болѣе славными, и предъ Богомъ и предъ людьми, тѣхъ, которые умѣютъ переносить ихъ мужественно. Если бы отроки не сдѣлались рабами, мы не узнали бы и объ ихъ свободѣ; если бы они не сдѣлались плѣнниками, мы не уразумѣли бы благородства ихъ души; если бы они не лишились дольняго отечества, мы не узнали бы, что они по добродѣтели достойны отечества горняго; если бы на нихъ не разгнѣвался земной царь, мы не уразумѣли бы благоволенія къ нимъ Царя небеснаго.

5. Посему и ты, если Онъ благоволитъ къ тебѣ, не отчаивайся, хотя бы ввергли тебя и въ печь; а если Онъ гнѣвается, не предавайся самонадѣянности, хотя бы ты былъ въ раю. Адамъ и въ раю былъ, но какъ прогнѣвалъ Бога, то и рай ничего не помогъ ему; отроки были въ печи, но какъ благоугодили (Богу), то и печь не причинила имъ вреда. Адамъ былъ въ раю, и—палъ, потому что сдѣлался безпечнымъ; Іовъ сидѣлъ на гноищѣ, и—побѣдилъ, потому что былъ бдителенъ. Во сколько разъ рай лучше гноища?.. Однакоже превосходство жилища не помогло обитателю, когда онъ самъ предалъ себя, точно такъ, какъ и нечистота мѣста не повредила тому, кто со всѣхъ сторонъ огражденъ былъ добродѣтелію. Укрѣпимъ же и мы свою душу, и тогда будемъ блаженнѣе всѣхъ, хотя бы постигла насъ потеря богатства и даже смерть, только бы никто не похитилъ у насъ благочестія. Это заповѣдалъ и Христосъ, говоря: *будите убо мудри, яко змія* (Матѳ. x, 16). Какъ змѣй готовъ потерять все тѣло, только бы спасти голову; такъ и ты не унывай, хотя бы тебѣ пришлось потерять богатство, хотя бы тѣло, хотя бы настоящую жизнь, хотя бы все, только бы сохранить благочестіе: потому что, если съ нимъ отойдешь, Богъ все возвратитъ тебѣ въ большемъ блескѣ—и тѣло воскреситъ въ большей славѣ, и вмѣсто богатства дастъ такія блага, которыхъ не можетъ выразить никакое слово. Іовъ не нагой ли сидѣлъ на гноищѣ, проводя жизнь тягостнѣйшую тысячи смертей? Но какъ онъ не оставилъ благочестія, то опять въ преизбыткѣ получилъ все прежнее,—здоровье и красоту тѣла, весь составъ дѣтей, имущество и, что всего важнѣе, блистательный вѣнецъ терпѣнія. Какъ бываетъ съ деревьями, что, хотя бы кто и сорвалъ плодъ съ листьями, хотя бы отсѣкъ всѣ вѣтви, но, если останется корень, дерево снова выростаетъ въ совершенной цѣлости и еще большей красотѣ; такъ бываетъ и съ нами: если остается корень благочестія, то, хотя бы отнято было богатство, хотя бы разстроилось тѣло, все опять возвращается намъ съ большею славою. Посему, оставивъ всякое безпокойство душевное и излишнюю заботливость, обратимся къ самимъ себѣ, и украсимъ и тѣло и душу красотою добродѣтели, *представляя уды* нашего тѣла *оружія правды*, а не *оружія грѣху* (Римл. vi, 13); и прежде всего пріучимъ языкъ быть служителемъ духовной благодати, извергнувъ изъ устъ всякій ядъ злорѣчія и сквернословія.
Въ нашей власти сдѣлать каждый членъ свой орудіемъ и лукав- 67
ства и правды. Послушай, какъ одни сдѣлали свой языкъ орудіемъ грѣха, а другіе орудіемъ правды: *языкъ ихъ мечъ остръ* (Псал. lvi, 3); а другой говоритъ о своемъ языкѣ: *языкъ мой тростъ книжника скорописца* (Псал. xliv, 2). Тотъ языкъ совер-

шилъ убійство, а этотъ написалъ Божественный законъ, и потому тотъ былъ мечемъ, а этотъ — тростію, не по собственной природѣ, но по волѣ употреблявшихъ; природа того и другого одна, но дѣйствіе не одно. И въ отношеніи къ устамъ опять можно видѣть то же самое. У однихъ уста были полны гнилости и лукавства, и потому обличающій ихъ сказалъ: *уста ихъ клятвы полна суть и горести* (Псал. IX, 28), а уста его самого не таковы; нѣтъ, — *уста моя возглаголютъ премудрость, и поученіе сердца моего разумъ* (Псал. XLVIII, 4). У другихъ, опять, руки были осквернены беззаконіемъ, и, осуждая ихъ, онъ опять сказалъ: *ихже въ руку беззаконія, десница ихъ исполнися мзды* (Псал. XXV, 10); а у него самого руки ни въ чемъ другомъ не упражнялись, какъ только въ томъ, чтобы простираться къ небу, почему онъ и сказалъ о нихъ: *воздѣяніе руку моею жертва вечерняя* (Псал. CXL, 2). И въ отношеніи къ сердцу опять можно видѣть то же самое. У тѣхъ сердце суетно, а у него истинно, и потому объ ихъ сердцѣ онъ говоритъ: *сердце ихъ суетно* (Псал. V, 10), а о своемъ: *отрыгну сердце мое слово благо* (Псал. XLIV, 2). То же самое можно видѣть и въ отношеніи къ слуху. Тѣ имѣли слухъ звѣрскій, безжалостный и неумолимый, и, осуждая ихъ, онъ сказалъ: *яко аспида глуха и затыкающаго уши свои* (Псал. LVII, 5); а у него слухъ былъ вмѣстилищемъ Слова Божія, что самое и показалъ онъ, говоря: *приклоню въ притчу ухо мое, отверзу во псалтири гананіе мое* (Псал. XLVIII, 5).

6. Итакъ, зная это, оградимъ себя со всѣхъ сторонъ добродѣтелію, и этимъ отвратимъ гнѣвъ Божій. Сдѣлаемъ члены нашего тѣла орудіями правды; пріучимъ и глаза, и уста, и руки, и ноги, и сердце, и языкъ, и все тѣло служить одной добродѣтели. Вспомнимъ и о тѣхъ трехъ заповѣдяхъ, о которыхъ говорилъ я вашей любви, когда внушалъ ни съ кѣмъ не быть во враждѣ, не говорить худо о комъ-либо изъ оскорбившихъ васъ, и изринуть изъ устъ вашихъ грѣховную привычку клясться. О другихъ двухъ заповѣдяхъ поговоримъ въ другое время, а въ продолженіе всей настоящей недѣли будемъ говорить вамъ о клятвахъ, полагая начало съ заповѣди болѣе легкой. Совсѣмъ не трудно побѣдить при-
68 вычку клясться, если захотимъ приложить хотя немного старанія, дѣлая другъ другу напоминанія, вразумленія, замѣчанія, а забывающихъ подвергая взысканію и отвѣтственности. И что за польза намъ воздерживаться отъ пищи, если не изгонимъ изъ души порочныхъ привычекъ? Вотъ теперь цѣлый день провели мы безъ пищи, а вечеромъ поставимъ себѣ трапезу, не похожую на вчерашнюю, но уже другую, болѣе скромную. Но можетъ ли кто изъ насъ сказать, что онъ сегодня перемѣнилъ и жизнь свою, какъ

и трапезу, что отмѣнилъ и порочную привычку, какъ и пищу? Не думаю. Что же намъ за польза отъ поста? Поэтому убѣждаю и не перестану убѣждать, чтобы вы, взявъ каждую заповѣдь отдѣльно, два-три дня употребляли на ея исполненіе. Иные соревнуютъ другъ другу въ воздержаніи отъ яствъ, и вступаютъ между собою въ чудное состязаніе: одни цѣлые два дня проводятъ безъ пищи, а другіе, удаливъ съ своего стола не только вино и масло, но и всякое варево, во всю четыредесятницу употребляютъ только хлѣбъ и воду. Такъ и мы станемъ состязаться другъ съ другомъ, чтобъ искоренить употребленіе клятвъ: это полезнѣе всякаго поста, это благодѣтельнѣе всякой строгой жизни. Покажемъ въ воздержаніи отъ клятвъ такое же стараніе, какое прилагаемъ къ воздержанію отъ пищи; иначе подвергнемся обвиненію въ крайнемъ неразуміи, что не обращаемъ вниманія на запрещенное, а выказываемъ всю заботливость о вещахъ безразличныхъ. Не ѣсть запрещено, но запрещено клясться; а мы, отказываясь отъ позволеннаго, посягаемъ на запрещенное. Поэтому прошу любовь вашу сдѣлать какую-либо перемѣну, и начало ея показать намъ отселѣ. Если настоящій постъ проведемъ съ такою ревностью, что въ эту недѣлю вовсе перестанемъ клясться, въ слѣдующую погасимъ гнѣвъ, въ ту, которая за нею наступитъ, искоренимъ злословіе, а въ дальнѣйшую—исправимся и во многомъ другомъ; то, восходя этимъ путемъ выше и выше, мало-по-малу достигнемъ самой вершины добродѣтели. Тогда и избѣгнемъ настоящей опасности, и умилостивимъ Бога; и возвратится въ нашъ городъ многолюдство, и убѣжавшихъ теперь научимъ ввѣрять надежду нашего спасенія—не мѣстамъ безопаснымъ, не какому-нибудь убѣжищу и уединенію, но душевному благочестію и добрымъ нравамъ. Такимъ образомъ мы достигнемъ и земныхъ и небесныхъ благъ, которыхъ да удостоимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

Еще увѣщаніе къ народу о мужественномъ перенесеніи угрожающаго бѣдствія по примѣру того, что случилось съ Іовомъ и ниневитянами; и о томъ, что бояться должно не смерти, а грѣха; и о томъ, что значитъ умереть худо; и о томъ, что нужно со всякимъ тщаніемъ избѣгать клятвъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ о трехъ отрокахъ и печи вавилонской не мало, кажется, утѣшило вчера любовь вашу; а еще болѣе примѣръ Іова и гноище, которое славнѣе всякаго царскаго
69 престола, такъ какъ отъ воззрѣнія на царскій престолъ видѣвшимъ его нѣтъ никакой пользы, только кратковременное удовольствіе, не приносящее никакой выгоды, отъ воззрѣнія же на гноище Іова каждый получаетъ великую пользу, великое вразумленіе и наставленіе въ терпѣніи. Поэтому многіе нынѣ предпринимаютъ дальній и морской путь, и съ концевъ земли отправляются въ Аравію, чтобы увидѣть это гноище, и, увидѣвъ, облобызать землю, которая была поприщемъ подвиговъ этого вѣнценосца, и приняла въ себя кровь, драгоцѣннѣйшую всякаго золота. Не столько блеститъ багряница, сколько блистало тогда это тѣло, обагренное не чужою, но собственною кровію. А раны его были драгоцѣннѣе всякихъ камней, потому что жемчужины сами по себѣ не приносятъ намъ въ жизни никакой пользы, и у владѣющихъ ими не восполняютъ никакой существенной нужды, раны же тѣ доставляютъ утѣшеніе во всякой скорби. И, дабы тебѣ увѣриться въ истинѣ этого, покажи тому, кто лишился законнаго и единственнаго сына, безчисленное множество жемчужинъ: ты не облегчишь его несчастія и не уврачуешь скорби; но если напомнишь ему о ранахъ Іова, то легко можешь уврачевать такими словами: зачѣмъ печалишься, человѣкъ? Ты лишился одного только дѣтища, а блаженный тотъ, потерявъ цѣлый сонмъ дѣтей, пораженъ былъ и въ самую плоть, и нагой сидѣлъ на гноищѣ, обливаясь со всѣхъ сторонъ гноемъ, между тѣмъ какъ плоть его мало-по-малу истаевала; а это былъ мужъ *праведенъ, истиненъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1), о добродѣтели коего свидѣтельствовалъ Богъ. Если скажешь эти слова, то потушишь въ сѣтующемъ печаль и уничтожишь все горе,—и такимъ образомъ раны праведника оказываются полезнѣе жемчужинъ! Посему, вообразите и вы себѣ этого подвижника и представьте, что видите сами то гноище, и на этомъ гноищѣ сидитъ онъ,—эта золотая

статуя, осыпанная драгоцѣнными камнями, и, какъ бы еще назвать, не знаю,—потому что не могу пріискать столь дорогого вещества, которому бы можно было уподобить это окровавленное тѣло. Такъ плоть эта была несравненно драгоцѣннѣе всякаго и самаго дорогого вещества, и раны—свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Лучи озаряютъ тѣлесный взоръ, а тѣ просвѣщаютъ очи ума нашего; онѣ же совершенно ослѣпляютъ діавола. Вотъ почему діаволъ, послѣ того пораженія, отступилъ, и—не являлся болѣе. Ты же, возлюбленный, познай и отсюда, сколь велика бываетъ польза отъ скорби. Пока праведникъ былъ богатъ и наслаждался покоемъ, діаволъ имѣлъ поводъ клеветать на него; хоть и ложно, однакоже могъ сказать: *еда туне Іовъ чтитъ Господа* (Іов. I, 9)? А какъ отнялъ у него все и сдѣлалъ его бѣднымъ, то не смѣлъ уже и устъ открыть. Пока Іовъ былъ богатъ, діаволъ обѣщалъ бороться съ нимъ, и грозилъ низринуть его; а какъ сдѣлалъ его бѣднымъ, лишилъ всего, и повергъ въ крайнюю болѣзнь, тогда удалился. Пока тѣло его было здраво, діаволъ поднималъ на него руки; когда же покрылъ ранами плоть его, то, побѣжденный, обратился въ бѣгство.

Видишь, насколько для разсудительныхъ бѣдность лучше и полезнѣе богатства, немощь и болѣзнь—здравія, искушеніе—спокойствія, и насколько болѣе славными и сильными дѣлаютъ онѣ подвижниковъ! Кто видѣлъ, кто слышалъ о столь чудесномъ состязаніи? Обыкновенные борцы, лишь только поразятъ въ голову 70
своихъ противниковъ, тотчасъ одерживаютъ побѣду и получаютъ вѣнцы; а діаволъ, когда поразилъ тѣло праведника, покрылъ многоразличными язвами и довелъ до изнеможенія, тогда-то и побѣжденъ былъ и отступилъ прочь; и хотя со всѣхъ сторонъ пронзилъ ребра его, однако не добился этимъ ничего, потому что не похитилъ хранившагося тамъ сокровища, а для насъ сдѣлалъ его виднѣе, и сквозь эти отверстія далъ всѣмъ возможность смотрѣть во внутренность (страдальца) и видѣть все богатство его. Когда надѣялся онъ одержать верхъ, тогда-то и удалился съ великимъ стыдомъ, и не испустилъ болѣе ни одного звука. Что случилось, діаволъ? Для чего убѣгаешь? Развѣ не исполнилось все по твоему желанію? Развѣ не истребилъ ты его овецъ, воловъ, коней и муловъ? Развѣ не погубилъ и всѣхъ его дѣтей, и не изранилъ всей плоти? Для чего же убѣжалъ ты? А вотъ для чего,—отвѣчаетъ онъ: хотя исполнилось все по моему желанію, но то, чего я особенно домогался и для чего сдѣлалъ все прочее, не исполнилось: онъ не произнесъ хулы на Бога! Для того, чтобы добиться этого, я и дѣлалъ все другое; а какъ скоро этого не случилось, то мнѣ нѣтъ никакой пользы отъ истребленія его богатства, погибели

дѣтей и пораженія его тѣла; вышло противное тому, чего я желалъ: своего противника я сдѣлалъ болѣе славнымъ и блистательнымъ. Убѣдился ли ты, возлюбленный, сколь велика польза отъ несчастія? Красиво было здоровое тѣло Іова; но стало еще прекраснѣе, когда изъязвлено было ранами: такъ шерсть красива бываетъ и до окраски, но, сдѣлавшись пурпуровою, получаетъ неизъяснимую красоту и пріятность. И если бы діаволъ не обнажилъ Іова, мы не узнали бы доблести побѣдителя; если бы не поразилъ тѣла его язвами, то извнутри не просіяли бы лучи; если бы не посадилъ его на гноище, мы не узнали бы его богатства. Не столь блистателенъ царь, сидящій на престолѣ, сколь славенъ и блистателенъ былъ Іовъ, сидящій на гноищѣ: послѣ царскаго престола смерть, а послѣ этого гноища царство небесное.

2. Размышляя обо всемъ этомъ, ободримся отъ овладѣвшаго нами унынія. Эти исторіи предлагаю я вамъ не для того, чтобы вы хвалили рѣчь мою, но чтобы подражали добродѣтели и терпѣнію тѣхъ доблестныхъ мужей; чтобы изъ самыхъ дѣлъ узнали вы, что изъ всѣхъ золъ человѣческихъ одинъ грѣхъ есть дѣйствительное зло, а не бѣдность, не болѣзнь, не обида, не злословіе, не безчестіе и даже не смерть,—это, повидимому, самое крайнее изъ всѣхъ золъ. Эти бѣдствія для любомудрствующихъ таковы только по имени, а не на самомъ дѣлѣ: прогнѣвать Бога и сдѣлать что-либо Ему неугодное,—вотъ истинное несчастіе! Въ самомъ дѣлѣ, что страшнаго въ смерти, скажи мнѣ? То ли, что она скорѣе приводитъ тебя въ тихую пристань и въ ту безмятежную жизнь? Если и не умертвитъ тебя человѣкъ, то самый законъ природы, въ извѣстный срокъ, развѣ не разлучитъ тѣла съ душею? Пусть теперь и не случится то, чего мы боимся; но это будетъ спустя немного. Говорю такъ не потому, чтобы ожидалъ я чего-либо страшнаго или печальнаго, но потому, что стыдно мнѣ за тѣхъ, кто боится смерти. Ожидаешь ты такихъ благъ, *ихже око не*
71 *видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9), и не спѣшишь насладиться ими, нерадишь и медлишь, и не только медлишь, но еще боишься и трепещешь? И какъ тебѣ не стыдно скорбѣть изъ-за смерти, когда Павелъ воздыхалъ изъ-за настоящей жизни, и въ посланіи къ Римлянамъ говорилъ: *яко тварь совоздыхаетъ, и мы сами въ себѣ, начатокъ духа имуще, воздыхаемъ* (Римл. VIII, 22)? И говорилъ это не въ осужденіе настоящаго, но по сильному желанію будущаго. Вкусилъ я, говоритъ онъ, благодати, и не терплю замедленія; имѣю начатокъ духа, и стремлюсь къ полному обладанію; восходилъ я на третье небо, видѣлъ неизреченную ту славу, видѣлъ царственное великолѣпіе, узналъ, чего лишаюсь, пребывая здѣсь, и поэтому воздыхаю!

Скажи мнѣ,—если бы кто ввелъ тебя въ царскій дворецъ и показалъ сіяющее на всѣхъ стѣнахъ золото и всякое другое благолѣпіе, потомъ перевелъ бы тебя оттуда въ хижину бѣднаго, а чрезъ нѣсколько дней обѣщалъ бы опять ввести въ тотъ царскій дворецъ и дать тебѣ тамъ мѣсто для всегдашняго жительства: не сталъ ли бы ты скорбѣть и тяготиться даже и въ эти немногіе дни? Такъ разсуждай и о небѣ и землѣ, и воздыхай съ Павломъ не изъ-за смерти, но изъ-за настоящей жизни. Такъ дай мнѣ, говоришь ты, сдѣлаться подобнымъ Павлу, и—я никогда не стану бояться смерти. А что тебѣ, человѣкъ, препятствуетъ сдѣлаться подобнымъ Павлу? Развѣ онъ былъ не бѣденъ? Развѣ не дѣлатель палатокъ? Развѣ не простой человѣкъ? Если бы онъ былъ богатъ и благороднаго происхожденія, бѣдные, призываемые къ подражанію ему, конечно, могли бы отговариваться своею бѣдностію. Но теперь ты ничего такого сказать не можешь, потому что этотъ человѣкъ былъ ремесленникъ и снискивалъ себѣ пропитаніе ежедневными трудами. Къ тому же, ты въ дѣтствѣ наслѣдовалъ отъ родителей благочестіе, и съ первыхъ лѣтъ напитанъ св. Писаніемъ; а онъ былъ и богохульникъ, и гонитель, и обидчикъ, и разорялъ церковь,—но, несмотря на это, такъ внезапно измѣнился, что превзошелъ всѣхъ силою своей ревности, и—взываетъ: *подражатели мнѣ бывайте, яко же и азъ Христу* (1 Кор. XI, 1). Онъ подражалъ Господу, а ты не подражаешь и сорабу, ты, который отъ юности воспитанъ въ благочестіи,—тому, кто уже впослѣдствіи измѣнился и принялъ вѣру. Ужели не знаешь, что грѣшники, хотя и живутъ, мертвы, а праведники, хотя и умираютъ, живы? И это не мои слова, а приговоръ Христа, сказавшаго Марѳѣ: *вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI, 22). Развѣ басня наше ученіе? Если ты христіанинъ, то вѣруй Христу; если вѣруешь Христу, то покажи мнѣ вѣру въ дѣлахъ. Какъ же ты покажешь вѣру въ дѣлахъ?—Если будешь презирать смерть: этимъ мы и отличаемся отъ невѣрныхъ.

Они справедливо боятся смерти, потому что не имѣютъ надежды на воскресеніе; но ты, идя лучшимъ путемъ и имѣя возможность любомудрствовать о надеждѣ на будущее, какое найдешь оправданіе, когда, вѣруя въ воскресеніе, боишься смерти, подобно невѣрующимъ въ воскресеніе? Но я боюсь, говоришь ты, не смерти; не умереть боюсь, но умереть худо, быть обезглавленнымъ. Такъ неужели Іоаннъ умеръ худо, потому что былъ обезглавленъ? И Стефанъ также худо умеръ, потому что побитъ кам- 72
нями? И мученики всѣ по вашему умерли жалкою смертію, потому что одни огнемъ, а другіе желѣзомъ лишены жизни; одни брошены въ море, другіе со стремнинъ, а иные въ челюсти звѣрей,

и такимъ образомъ скончались? Умереть худо, человѣкъ, значитъ не насильственною смертію умереть, но умереть во грѣхахъ. Послушай, какъ любомудрствуетъ объ этомъ пророкъ. *Смерть грѣшниковъ люта* (Псал. xxxiii, 22),—говоритъ онъ. Не сказалъ: насильственная смерть люта, но: *смерть грѣшниковъ люта.* И справедливо: потому что, по отшествіи ихъ отсюда—нестерпимое наказаніе, нескончаемыя муки, червь ядовитый, огонь неугасающій, тьма кромѣшняя, узы неразрѣшимыя, скрежетъ зубовъ, скорбь, тѣснота и вѣчное осужденіе.

3. Когда такія бѣдствія ожидаютъ грѣшниковъ,—какая будетъ имъ польза отъ того, дома ли и на постели своей они окончатъ жизнь? Равно какъ и праведникамъ не будетъ никакого вреда отъ того, что окончатъ настоящую жизнь отъ меча, или желѣза и огня, когда они имѣютъ перейти къ вѣчнымъ благамъ. Поистинѣ *смерть грѣшниковъ люта.* Такова была смерть того богача, который показалъ презрѣніе къ Лазарю и, хотя окончилъ жизнь дома, на постели, въ присутствіи друзей, своею смертію, но, по отшествіи, горѣлъ въ огнѣ и не могъ найти тамъ никакого утѣшенія въ благоденствіи настоящей жизни. Не то съ Лазаремъ: хотя онъ на дворѣ богача, среди псовъ, лизавшихъ раны его, потерпѣлъ насильственную смерть (ибо что можетъ быть мучительнѣе голода?), но, по отшествіи, сталъ тамъ наслаждаться вѣчными благами, веселясь на лонѣ Авраама. Какой же былъ ему вредъ отъ того, что онъ умеръ насильственно, и какая польза богачу отъ того, что онъ умеръ ненасильственно?

Но мы, говоришь, боимся умереть не насильственно, а безвинно; боимся, не сдѣлавъ ничего такого, въ чемъ насъ подозрѣваютъ, быть наказанными наравнѣ съ уличенными въ преступленіи. Что говоришь?—скажи мнѣ. Боишься умереть безвинно, умереть по дѣламъ — хочешь? И кто же будетъ такъ жалокъ и несчастенъ, что, когда бы предстояла ему незаслуженная смерть, захотѣлъ бы лучше умереть по дѣламъ? Если должно бояться смерти, то бояться той, которая постигаетъ насъ по дѣламъ: потому что умершій незаслуженно, чрезъ это самое входитъ въ общеніе со всѣми святыми. Большая часть благоугодившихъ Богу и прославившихся умерла незаслуженною смертію, и первымъ изъ нихъ—Авель. Убитъ онъ не за то, что погрѣшилъ въ чемъ противъ брата, или оскорбилъ Каина, но за то, что почиталъ Бога. А Богъ попустилъ это, любя ли его, или ненавидя? Очевидно, что любя и желая за столь неправедную смерть дать ему блистательнѣйшій вѣнецъ. Видишь, что должно бояться не насильственной и незаслуженной смерти, но смерти во грѣхахъ. Авель умеръ незаслуженно, Каинъ жилъ *стеня и трясыйся* (Быт.

IV, 12): кто же, скажи, былъ блаженнѣе,—почившій ли въ правдѣ, или живущій во грѣхахъ,—умершій ли незаслуженно, или наказываемый по дѣламъ? Хотите, я скажу любви вашей, почему мы боимся смерти? Насъ не уязвила любовь къ царствію, не воспламенило желаніе будущихъ благъ; иначе мы, подобно блаженному Павлу, презрѣли бы все настоящее; сверхъ того, мы не боимся геенны, и потому боимся смерти; не знаемъ нестерпимой тяжести тамошняго наказанія, и потому боимся не грѣха, а кончины. Если бы тотъ страхъ поселился въ душѣ нашей, то этотъ не 73
могъ бы войти въ нее. И это попытаюсь объяснить не дальними какими-либо обстоятельствами, но здѣшними,—тѣми самыми, которыя на этихъ дняхъ случились съ нами. Когда пришелъ отъ царя указъ о собраніи подати, которая показалась несносною, всѣ возмутились, всѣ заспорили, начали досадовать и негодовать, и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, говорили: „намъ жизнь не въ жизнь; городъ разоренъ; никто не въ состояніи вынести столь тяжкаго налога!"—и всѣ сокрушались, какъ будто доведены были до послѣдней крайности. Потомъ, когда совершилось преступное дѣло, и нѣкоторые непотребные и развратные люди, поправъ законы, ниспровергли статуи, и всѣхъ вовлекли въ крайнюю опасность, такъ что, раздраживъ царя, мы стали бояться теперь за самую жизнь, — насъ уже не тревожитъ болѣе потеря имущества, но, вмѣсто всѣхъ тѣхъ рѣчей, я слышу другія: „пусть царь возьметъ наше достояніе; мы охотно откажемся и отъ полей и отъ имѣній,—только бы обѣщалъ намъ спасти хоть голое тѣло". Итакъ, пока не объялъ насъ страхъ смерти, мы безпокоились о потерѣ имущества; когда же произведены были тѣ беззаконныя буйства, наступившій страхъ смерти изгналъ скорбь о потерѣ. Точно такъ, если бы обладалъ душами нашими страхъ геенны, не овладѣлъ бы нами страхъ смерти; но какъ въ тѣлахъ, когда постигнутъ насъ двѣ болѣзни, сильнѣйшая обыкновенно подавляетъ слабѣйшую, такъ и тутъ случилось бы. Если бы былъ въ душѣ страхъ будущаго наказанія, онъ подавилъ бы всякій человѣческій страхъ, такъ что, кто непрестанно будетъ памятовать о гееннѣ, тотъ съ улыбкою станетъ смотрѣть на всякую смерть; и это не только освободитъ его отъ настоящей скорби, но избавитъ и отъ будущаго пламени. Кто всегда боится геенны, тотъ никогда не впадетъ въ огнь геенскій, потому что этотъ постоянный страхъ умудряетъ его. Позвольте мнѣ теперь благовременно сказать вамъ: *братіе, не дѣти бывайте умы: но злобою младенствуйте* (1 Кор. XIV, 20).

Мы дѣйствительно питаемъ дѣтскій страхъ, когда боимся смерти, а не боимся грѣха. Малыя дѣти пугаются масокъ, а не

боятся огня, и, если случится поднести ихъ къ зажженной свѣчѣ, они, ничего не опасаясь, протягиваютъ руку къ свѣчѣ и огню; ничтожная маска пугаетъ ихъ, а того, что въ самомъ дѣлѣ страшно—огня они не боятся. Такъ и мы боимся смерти, которая есть ничтожная маска, а не боимся грѣха, который дѣйствительно страшенъ и, подобно огню, пожираетъ совѣсть. И это, обыкновенно, происходитъ не отъ существа самаго дѣла, но отъ нашего неразумія: такъ что, если мы разсудимъ, что такое смерть, то никогда не будемъ ея бояться. Что же такое смерть? То же, что снятіе одежды: тѣло, подобно одеждѣ, облекаетъ душу, и мы чрезъ смерть слагаемъ его съ себя на краткое время, чтобы опять получить его въ свѣтлѣйшемъ видѣ. Что такое смерть? Временное путешествіе,—сонъ, который дольше обыкновеннаго. Поэтому, если боишься смерти, бойся и сна; если сокрушаешься объ умершихъ, то сокрушайся объ ядущихъ и піющихъ: какъ это дѣло естествен-
74 ное, такъ и то. Не печалься о томъ, что бываетъ по закону природы,—печалься болѣе о томъ, что происходитъ отъ злого произволенія; не плачь объ умершемъ, но плачь о живущемъ во грѣхахъ.

4. Хочешь, скажу и другую причину, по которой мы боимся смерти? Мы не живемъ, какъ должно, не имѣемъ чистой совѣсти. Будь это,—насъ ничто не устрашило бы, ни смерть, ни голодъ, ни потеря имущества, ни другое что-либо такое. Живущему добродѣтельно ничто подобное не можетъ повредить и лишить его внутренняго удовольствія, потому что кто питается благими надеждами, того ничто не можетъ повергнуть въ уныніе. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли люди сдѣлать что-либо такое, чтó мужа доблестнаго заставило бы скорбѣть? Отнимутъ у него деньги? Но у него есть богатство на небесахъ. Выгонятъ изъ отечества? Но чрезъ это переселяютъ его въ горній градъ. Наложатъ на него оковы? Но онъ имѣетъ свободную совѣсть, и не чувствуетъ внѣшнихъ цѣпей. Умертвятъ тѣло? Но оно опять воскреснетъ. И какъ сражающійся съ тѣнью и бьющій по воздуху никого не можетъ поразить; такъ и враждующій противъ праведника сражается только съ тѣнію, тратитъ свою силу, а тому не можетъ нанести ни одного удара. Итакъ, дай мнѣ только твердую вѣру въ царствіе небесное, и—умертви меня, ежели хочешь, сегодня же. Я поблагодарю тебя за смерть, потому что чрезъ нее ты скоро переселяешь меня къ тѣмъ благамъ. Объ этомъ-то особенно, говорятъ, и мы скорбимъ, что, задерживаемые множествомъ грѣховъ, не достигнемъ тамошняго царствія. Такъ перестань плакать о смерти и плачь о грѣхахъ своихъ, чтобы загладить ихъ. Для того и печаль, чтобы мы пользовались ею къ уничтоженію нашихъ грѣховъ, а не для того, чтобы скорбѣли о потерѣ имущества, о смерти, или о чемъ-либо

другомъ тому подобномъ. Что это такъ, объясню вамъ примѣромъ. Лѣкарства назначены для тѣхъ только болѣзней, которыя могутъ они уничтожать, а не для тѣхъ, которымъ отъ нихъ нѣтъ никакой пользы. Примѣрно скажу, чтобы рѣчь моя была еще яснѣе: лѣкарство, которое можетъ пользовать только больные глаза, а не другую какую-либо болѣзнь, справедливо признаешь назначеннымъ только для глазной болѣзни, а не для желудка, не для рукъ, и не для другого какого-либо члена. Переведемъ же рѣчь на печаль и—найдемъ, что она ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ не помогаетъ намъ, а только исправляетъ грѣхъ: поэтому, очевидно, она и назначена только для уничтоженія его. Разберемъ же каждое изъ приключающихся намъ бѣдствій, и, приложивъ къ нимъ печаль, посмотримъ, какая отъ нея польза. Потерялъ кто имущество? Опечалился онъ; но не вознаградилъ потери. Лишился кто сына? Поскорбѣлъ онъ; но не воскресилъ мертваго, и не принесъ пользы отшедшему. Потерпѣлъ кто побои, заушеніе, обиду? Предался онъ горести; но обиды не отвелъ отъ себя. Впалъ кто въ немощь и въ самую тяжкую болѣзнь? Сталъ онъ сокрушаться; но болѣзни не уничтожилъ, напротивъ еще усилилъ ее. Видишь, что ни въ одномъ изъ этихъ бѣдствій печаль не помогаетъ нисколько? Но согрѣшилъ кто, и опечалился: онъ уничтожилъ грѣхъ, загладилъ вину свою. Откуда видно это? Изъ словъ Господа: говоря объ одномъ грѣшникѣ, Онъ сказалъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его, и поразихъ его, и отвратихъ лице Мое отъ него: и опечалися, и пойде дряхлъ въ путехъ своихъ* (Исаіи LVII, 17). Поэтому и Па- 75
велъ сказалъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ: а сего міра печаль смерть содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). Посему, какъ видно изъ сказаннаго, если печаль не можетъ вознаградить ни потери имущества, ни обиды, ни позора, ни побоевъ, ни болѣзни, ни смерти, ни чего-либо другого тому подобнаго, но только способствуетъ къ уничтоженію грѣха и изглаждаетъ его; то очевидно, что для него одного она и назначена. Итакъ, не будемъ болѣе скорбѣть о потерѣ имущества, но станемъ скорбѣть тогда только, когда грѣшимъ. Въ этомъ случаѣ великая польза отъ скорби. Лишился ты чего? Не скорби: этимъ нисколько не пособишь. Согрѣшилъ? Скорби: это полезно. Вникни въ разумъ и премудрость Божію. Два плода породилъ намъ грѣхъ: скорбь и смерть. *Въ онь же аще день снѣсте отъ него*, говоритъ Богъ, *смертію умрете* (Быт. II, 17), и къ женѣ: *въ болѣзнѣхъ*[1]) *родиши чада* (Быт. III, 16). Этими же двумя средствами (Богъ) истребилъ и грѣхъ, и устроилъ такъ, что мать гибнетъ отъ чадъ своихъ. А что, подобно скорби,

---

[1]) ἐν λύπαις—въ скорбяхъ.

и смерть уничтожаетъ грѣхъ,—это видно какъ изъ примѣра мучениковъ, такъ и изъ словъ Павла къ согрѣшающимъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ* (умираютъ) *доволни* (1 Кор. xi, 30). Вы грѣшите, говоритъ, потому и умираете, дабы смертію загладились грѣхи. Почему и прибавилъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 31—32). Какъ червь и рождается отъ дерева, и точитъ дерево, и какъ моль съѣдаетъ шерсть, отъ которой и зарождается; такъ скорбь и смерть родились отъ грѣха и истребляютъ грѣхъ. Итакъ, не будемъ бояться смерти, но станемъ бояться только грѣха и о немъ скорбѣть. Это говорю я не потому, чтобы ожидалъ чего-либо страшнаго: нѣтъ; но потому, что желаю, дабы вы постоянно имѣли въ себѣ этотъ страхъ, и самымъ дѣломъ исполняли законъ Христовъ. *Иже не пріиметъ креста своего*, говоритъ Господь, *и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. x, 37). Сказалъ же такъ не для того, чтобы мы носили древо на плечахъ, но чтобы всегда имѣли смерть предъ своими глазами, какъ и Павелъ умиралъ каждодневно (1 Кор. xv, 31), смѣялся надъ смертію и презиралъ настоящую жизнь. Ты воинъ, и непрестанно стоишь въ строю; а воинъ, который боится смерти, никогда не сдѣлаетъ ничего доблестнаго. Такъ и человѣкъ христіанинъ, который боится опасностей, не сдѣлаетъ ничего великаго и славнаго; напротивъ, его самого легко одолѣть могутъ; смѣлый же и великодушный—неодолимъ и непобѣдимъ. И какъ три отрока, не убоявшись огня, избѣжали огня; такъ и мы, если не будемъ бояться смерти, избѣгнемъ смерти. Они не убоялись огня, потому что сгорѣть—не преступленіе; но убоялись грѣха, потому что жить нечестиво—преступленіе. Будемъ подражать этимъ и всѣмъ подобнымъ имъ праведникамъ; не станемъ бояться опасностей—и избѣгнемъ опасностей.

5. Я *не пророкъ, ниже сынъ пророчь* (Амос. vii, 14), однакоже вѣрно знаю, что̀ будетъ; и громко и ясно возглашаю, что если мы перемѣнимся, попечемся сколько-нибудь о своей душѣ и отстанемъ отъ грѣха, то не будетъ намъ ничего непріятнаго и печальнаго.
76 И это ясно знаю на основаніи человѣколюбія Божія и того, какъ поступалъ Господь съ людьми, съ городами, племенами и цѣлыми народами. Онъ угрожалъ и городу ниневитянъ, и сказалъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. iii, 4). Что же—скажи мнѣ,—превратилась Ниневія и городъ разрушенъ? Нѣтъ; а вышло противное: она востала, сдѣлалась еще славнѣе и, по истеченіи столькихъ лѣтъ, не потеряла своей славы; напротивъ, всѣ еще и нынѣ воспѣваютъ Ниневію и удивляются ей за то, что съ того

времени она сдѣлалась наилучшею пристанью для всѣхъ согрѣшающихъ, не попуская имъ впасть въ отчаяніе, но всѣхъ призывая къ покаянію, и тѣмъ, что она сдѣлала и чѣмъ заслужила милость Божію, убѣждая никогда не отчаиваться въ своемъ спасеніи, но вести жизнь добродѣтельную и питать благую надежду, и затѣмъ твердо вѣрить, что все завершится счастливымъ исходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто, слыша о бывшемъ съ ниневитянами, не ободрится, хотя бы онъ былъ самый безпечный человѣкъ? Такъ, Богъ попустилъ лучше не исполниться Своему пророчеству, чѣмъ погибнуть городу. Впрочемъ, (нельзя сказать, что) и пророчество не исполнилось. Если бы приговоръ не приведенъ былъ въ исполненіе тогда, какъ люди оставались въ тѣхъ же грѣхахъ, то можно бы еще порицать предсказаніе; но если Богъ престалъ гнѣваться тогда, какъ они перемѣнились и перестали грѣшить, то кто можетъ еще обвинять пророчество и обличать во лжи предсказаніе? Богъ и тогда сохранилъ тотъ законъ, который отъ начала постановилъ Онъ всѣмъ людямъ чрезъ пророка. Какой же законъ? *Наконецъ возглаголю на языкъ и на царство, да искореню ихъ, и разсрю, и расточу я. И аще обратится языкъ той отъ всѣхъ лукавствъ своихъ, то раскаюся о озлобленіяхъ, яже помыслихъ сотворити имъ* (Іер. XVIII, 7). Сохраняя этотъ законъ, Онъ спасъ исправившихся, и отступившихъ отъ беззаконія избавилъ отъ своего гнѣва. Зналъ Онъ добродѣтель иноплеменниковъ, потому и нудилъ пророка спѣшить. И вотъ смутился городъ, услышавъ пророческій гласъ; но отъ этого страха не потерпѣлъ вреда, а еще получилъ пользу. Страхъ этотъ породилъ спасеніе; угроза отвела опасность; приговоръ о разрушеніи остановилъ разрушеніе (Іон. III, 4). О, чудное и изумительное дѣло! Приговоръ, угрожавшій смертію, породилъ жизнь! Приговоръ, послѣ того, какъ уже былъ произнесенъ, остался безъ исполненія, не такъ, какъ у мірскихъ судей: у этихъ—произнести приговоръ значитъ привести его въ исполненіе, а у Бога, напротивъ, произнести приговоръ значитъ сдѣлать его недѣйствительнымъ. Если бы приговоръ не былъ произнесенъ, грѣшники не услышали бы; а если бы не услышали, то не раскаялись бы, не отклонили бы наказанія и не получили бы чудеснаго спасенія. И какъ же не чудное дѣло, когда судія произноситъ приговоръ, а подсудимые уничтожаютъ приговоръ покаяніемъ? Они вѣдь не убѣжали изъ города, какъ мы теперь, но остались и тѣмъ укрѣпили его. Онъ былъ западнею, а они сдѣлали его оплотомъ; былъ рвомъ и пропастью, а они превратили его въ охранную башню. Слышали они, что падутъ зданія—и не убѣжали отъ зданій, но убѣжали отъ грѣховъ; никто не оставилъ своего дома, какъ мы теперь, но каждый оставилъ злой путь

свой. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, (говорили они), стѣны породили гнѣвъ Божій? Мы виновники раны,—мы же должны и врачество
77 приготовить. Поэтому ниневитяне ввѣрили свое спасеніе не перемѣнѣ мѣстъ, но перемѣнѣ нравовъ.

6. Такъ поступили иноплеменники: а мы не стыдимся и не краснѣемъ отъ того, что, тогда какъ тѣ перемѣнили свои нравы, мы мѣняемъ только мѣста, дѣлаемъ дѣла, свойственныя людямъ нетрезвымъ, и выносимъ свое имущество? Господь гнѣвается на насъ, а мы, не заботясь отвратить гнѣвъ Его, носимся всюду съ своимъ имѣніемъ и бродимъ, отыскивая мѣста, гдѣ бы положить его; между тѣмъ какъ слѣдовало бы поискать такого мѣста, гдѣ бы положить свою душу, а лучше бы и этого не искать, но поручить безопасность ея добродѣтельной и честной жизни. Мы сами, если бы разгнѣвались и вознегодовали на слугу, а онъ вмѣсто того, чтобы оправдать себя въ виду этого гнѣва, ушелъ бы въ свою комнату и, собравъ и связавъ всѣ платья и домашнія вещи свои, порѣшилъ бѣжать,—мы сами не перенесли бы благодушно такой дерзости. Бросимъ же неблаговременную заботливость и скажемъ, каждый о себѣ, къ Богу: *камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣгу* (Псал. CXXXVIII, 7)? Поревнуемъ любомудрію иноплеменниковъ: они покаялись при неизвѣстности прощенія, потому что въ приговорѣ не было прибавлено, что, если обратитесь и покаетесь, оставлю въ цѣлости городъ; но просто сказано: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4). Что же они? *Кто вѣсть*, говорятъ, *аще раскается Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити намъ* (Іон. III, 9—10)?—*Кто вѣсть!* Не знаютъ исхода дѣла—и не пренебрегаютъ покаяніемъ; не знаютъ свойства человѣколюбія Божія—и при такой неизвѣстности перемѣняются! Они, въ самомъ дѣлѣ, не могли посмотрѣть на другихъ ниневитянъ, которые бы покаялись и спаслись; не читали пророковъ, не слышали патріарховъ, не получали ни совѣта, ни наставленія, и не были убѣждены въ томъ, что могутъ несомнѣнно умилостивить Бога покаяніемъ. Этого не было и въ угрозѣ: но хотя они недоумѣвали и не были увѣрены въ этомъ, однако покаялись со всею искренностію. Какое же будетъ оправданіе намъ, когда они, не будучи увѣрены въ исходѣ, показали такую перемѣну, а мы, которые увѣрены въ человѣколюбіи Божіемъ, часто получали много залоговъ Его попеченія, слушали и пророковъ и апостоловъ, и научены самыми дѣлами, не поревнуемъ сравняться съ ними въ добродѣтели? Велика и добродѣтель этихъ людей; но гораздо больше человѣколюбіе Божіе, и—это можно видѣть изъ самой великости угрозы. Богъ для того и не прибавилъ къ приговору: „если покаетесь, пощажу“, чтобы самою не-

опредѣленностію приговора увеличить страхъ, а увеличивъ страхъ, скорѣе побудить къ покаянію. Пророкъ стыдится, предвидя будущее и полагая, что не исполнится предсказаніе; но Богъ не стыдится, а ищетъ только одного — спасенія человѣческаго, и исправляетъ раба своего. Когда (Іона) взошелъ на корабль, Богъ тотчасъ взволновалъ море: изъ этого видишь, что гдѣ грѣхъ, тамъ буря, гдѣ непокорность, тамъ волненіе; какъ за грѣхи ниневитянъ колебался городъ, такъ за непокорность пророка колебался корабль. И вотъ корабельщики бросили Іону въ море—и корабль пересталъ колебаться: потопимъ же и мы свой грѣхъ, и городъ 78
навѣрно успокоится! Итакъ, намъ нѣтъ никакой пользы въ бѣгствѣ, подобно тому, какъ и Іонѣ бѣгство не помогло, но еще повредило. Онъ убѣжалъ съ земли, но не убѣжалъ отъ гнѣва Божія. Убѣжалъ съ земли, и навелъ бурю на море, и не только самъ не получилъ отъ бѣгства никакой пользы, но и тѣхъ, кои приняли его, подвергъ крайней опасности. Когда онъ плылъ на кораблѣ, и съ нимъ были и корабельщики, и кормчіе, и всѣ корабельные снаряды, тогда-то и подвергся крайней опасности; а какъ брошенъ былъ въ море, и, загладивъ грѣхъ этимъ наказаніемъ, упалъ въ подвижной корабль, т. е. въ чрево китово, тогда сталъ наслаждаться великою безопасностію. Изъ этого узнай, что, какъ живущему въ грѣхѣ не помогаетъ и корабль, такъ свободнаго отъ грѣха и море не потопляетъ, и звѣри не пожираютъ. Взяли его волны, и не задушили; взялъ китъ, и не умертвилъ; напротивъ, и животное и стихія возвратили Богу залогъ въ цѣлости. И все это вразумляло пророка быть человѣколюбивымъ и кроткимъ, а не показаться жестокосердѣе неразумныхъ мореплавателей, свирѣпыхъ волнъ и звѣрей. Да и мореплаватели выбросили его не тотчасъ, при первой опасности, но уже въ крайней необходимости; и море и звѣрь сберегли его съ великою заботливостію,—потому что все это происходило по устроенію Божію. И вотъ онъ возвратился, проповѣдалъ, произнесъ угрозу, убѣдилъ, спасъ, устрашилъ, исправилъ, обезопасилъ одною только первою проповѣдью. Не требовалось много дней и продолжительнаго увѣщанія: онъ сказалъ только нѣсколько простыхъ словъ—и всѣхъ привелъ въ раскаяніе. Богъ не прямо съ корабля привелъ его въ городъ, но корабельщики передали его морю, море—киту, китъ—Богу, Богъ—ниневитянамъ, и такимъ долгимъ путемъ возвратилъ Онъ бѣглеца, научая этимъ всѣхъ, что руки Божіей избѣжать невозможно, что, куда бы кто ни ушелъ, нося съ собою грѣхъ,—потерпитъ безчисленныя бѣдствія, и хотя бы не было ни одного человѣка,—сама природа со всѣхъ сторонъ востанетъ противъ него съ великою силою. Итакъ, не бѣгству ввѣримъ свое спасеніе, но перемѣнѣ

нравовъ. Неужели Богъ гнѣвается на тебя за то, что ты находишься въ городѣ, чтобы тебѣ бѣжать отсюда? Ты согрѣшилъ,—на это Онъ и гнѣвается. Посему оставь грѣхъ и останови источникъ зла тамъ, гдѣ причина раны: и врачи совѣтуютъ лѣчить противное противнымъ. Родилась отъ пресыщенія лихорадка,—они врачуютъ эту болѣзнь воздержаніемъ. Отъ унынія заболѣлъ кто,—говорятъ, что веселіе хорошее для него лѣкарство. Такъ должно поступать и въ болѣзняхъ душевныхъ. Безпечность наша возбудила гнѣвъ Божій,—отвратимъ его усердіемъ и покажемъ полную перемѣну. Есть у насъ великій помощникъ и споборникъ—постъ, а, сверхъ поста, настоящее бѣдствіе и страхъ угрожающей опасности. Сдѣлаемъ же теперь вовремя принужденіе душѣ своей: мы легко можемъ склонить ее ко всему, чего ни захотимъ. Боязливый и трепещущій, лишенный всякихъ удовольствій и живущій въ страхѣ легко склоняется къ любомудрію и съ великою готовностію принимаетъ сѣмена добродѣтели.

7. Итакъ, склонимъ ее (душу) начать исправленіе избѣжаніемъ клятвъ. Хотя я и вчера и третьяго дня говорилъ вамъ объ этомъ
79 предметѣ, однако не перестану и сегодня, и завтра, и послѣзавтра внушать то же. И что говорю,—завтра или послѣзавтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающіе законъ не имѣютъ стыда, тѣмъ болѣе мы, внушающіе не преступать законъ, не должны стыдиться постояннаго увѣщанія. Постоянное напоминаніе объ одномъ и томъ же зависитъ не отъ говорящаго, но отъ слушающихъ, которые требуютъ непрерывнаго наставленія въ простыхъ и удобоисполнимыхъ дѣлахъ. Да и что можетъ быть легче того, какъ не клясться? Это дѣло одной привычки, и не требуетъ ни тѣлеснаго труда, ни траты денегъ. Хочешь знать, какъ можно преодолѣть эту болѣзнь, какъ освободиться отъ этой дурной привычки? Я укажу тебѣ средство, которымъ если воспользуешься, то навѣрно успѣешь. Когда увидишь, что или самъ ты, или кто изъ рабовъ или дѣтей, или жена, подвержены этому пороку, и послѣ неоднократныхъ напоминаній не исправились, прикажи имъ лечь спать не ужинавши; наложи и на себя и на нихъ это наказаніе: оно принесетъ не вредъ, а пользу. Таковы духовныя наказанія: они приносятъ и пользу и весьма скорое исправленіе. Языкъ, находясь въ постоянной пыткѣ, и безъ сторонняго напоминанія, получаетъ достаточное вразумленіе, когда, напр., бываетъ томимъ жаждою и голодомъ; и—какъ бы ни были мы безчувственны, однако, въ теченіе цѣлаго дня вразумляемые тягостію этой пытки, не будемъ нуждаться еще въ другомъ совѣтѣ и наставленіи. Вы одобряете слова мои? Такъ покажите на дѣлѣ свое одобреніе; иначе, какая

будетъ польза отъ настоящаго собранія? Если отрокъ каждый
день ходитъ въ школу, а между тѣмъ ничему не научается—
ужели будетъ достаточнымъ въ нашихъ глазахъ оправданіемъ для
него то, что онъ ежедневно ходитъ туда? Не выставимъ ли про-
тивъ него самымъ большимъ обвиненіемъ то, что онъ ходитъ туда
каждый день и дѣлаетъ это безъ пользы? Такъ станемъ судить и
о насъ самихъ и скажемъ себѣ: столько времени ходимъ мы въ
церковь и причащаемся страшной и спасительной вечери; но
если будемъ выходить отсюда все такими же, какими приходимъ,
и не исправимъ ни одного изъ своихъ недостатковъ,—какая бу-
детъ намъ польза отъ хожденія сюда? Многія дѣла дѣлаются не
ради ихъ самихъ, но ради ихъ послѣдствій. Напримѣръ: сѣющій
не для того сѣетъ, чтобы только сѣять, но чтобы и пожать,—такъ
что, если этого не будетъ, сѣющій потерпитъ убытокъ, сгноивъ
понапрасну сѣмена. Купецъ не для того плаваетъ, чтобы только
плавать, но чтобы чрезъ мореплаваніе умножить свое имѣніе,—такъ
что, если этого не будетъ, послѣдуетъ крайній убытокъ, и море-
плаваніе купцовъ окажется вреднымъ. Такъ будемъ разсуждать и
о себѣ: и мы ходимъ въ церковь не для того только, чтобы по-
бывать здѣсь, но чтобы вынести отсюда великую и духовную пользу.
Итакъ, если мы будемъ выходить отсюда безъ всякой пользы, то
и усердіе будетъ намъ въ осужденіе. Дабы не случилось этого и
намъ не причинить себѣ крайняго вреда,—по выходѣ отсюда, раз-
суждайте, друзья между собою, отцы съ дѣтьми, господа съ слу-
гами, и старайтесь выполнить, что́ вамъ заповѣдано, чтобы когда 80
опять сюда придете и услышите отъ насъ наставленіе о томъ же
предметѣ, не придти вамъ въ стыдъ отъ упрековъ совѣсти, но
радоваться и веселиться, видя, что большая часть наставленія
вами уже исполнена. Но не здѣсь только будемъ такъ любомудр-
ствовать, потому что этого кратковременнаго наставленія недоста-
точно для искорененія всего (худого): пусть и дома слышитъ объ
этомъ мужъ отъ жены, и жена отъ мужа; пусть между всѣми будетъ
взаимное соревнованіе въ исполненіи этого закона, и упредившій въ
исполненіи пусть обличаетъ неисполнившаго, чтобы упреками сильнѣе
возбудить его; а кто отсталъ и не исполнилъ, пусть смотритъ на упре-
дившаго и старается скорѣе догнать его. Если будемъ думать и
заботиться объ этомъ, у насъ скоро пойдутъ успѣшнѣе и другія
дѣла. Ты позаботься о Божіемъ, и Богъ попечется о твоемъ. Не
говори мнѣ: что́ если кто поставитъ насъ въ необходимость
клясться? Что́ если онъ не повѣритъ? Тамъ-то особенно, гдѣ
нарушается законъ, и не должно помнить о необходимости; одна
необходимость неизбѣжна—не оскорблять Бога. Между тѣмъ со-
вѣтую вотъ что: воздержись пока отъ ненужныхъ клятвъ, произ-

носимыхъ безъ причины и безъ необходимости, дома, при друзьяхъ, при слугахъ. Если отстанешь отъ этихъ клятвъ, то, для избѣжанія прочихъ, не будешь уже имѣть нужды во мнѣ: тогда самыя уста, пріученныя бояться и избѣгать клятвъ, хотя бы кто и тысячу разъ заставлялъ (поклясться), не позволятъ уже впасть въ эту привычку. Какъ мы теперь, хотя съ великимъ усиліемъ и чрезвычайною настойчивостію устрашаемъ, угрожаемъ, увѣщаваемъ, совѣтуемъ, однакоже едва ли успѣли пріучить (ваши) уста къ другой привычкѣ; такъ и тогда, въ какую бы кто ни поставилъ насъ крайность, не принудитъ онъ насъ преступить закона. И какъ никто никогда не согласится принять ядъ даже и въ самой крайности; такъ и мы тогда не рѣшимся произнести клятву. Исполненіе этого будетъ для васъ увѣщаніемъ и побужденіемъ приступить и къ совершенію другихъ добродѣтелей. Ничего неисполнившій дѣлается безпечнымъ и скоро падаетъ духомъ; но кто сознаетъ о себѣ, что исполнилъ хотя одну заповѣдь, тотъ, ободренный этимъ, съ бо́льшимъ рвеніемъ приступитъ и къ исполненію прочихъ заповѣдей, потомъ, исполнивъ другую, скоро перейдетъ къ слѣдующей, и остановится не прежде, какъ достигнувъ самой вершины. Если и денегъ чѣмъ болѣе кто пріобрѣтаетъ, тѣмъ болѣе еще желаетъ; то тѣмъ болѣе это можетъ быть въ отношеніи духовныхъ совершенствъ. Вотъ почему я спѣшу и тороплюсь дать начало дѣлу и положить въ душахъ вашихъ основаніе добродѣтели, и прошу и умоляю васъ помнить слова мои не только въ настоящій часъ, но и дома, и на площади, и гдѣ бы вы ни были. О, если бы могъ я постоянно быть съ вами! Тогда не было бы мнѣ нужды въ этомъ долгомъ собесѣдованіи. Но какъ это теперь невозможно, то помните, вмѣсто меня, слова мои и, садясь за столъ, представляйте себѣ, что я вошелъ, стою предъ вами и внушаю то, о чемъ здѣсь теперь говорю вамъ; и, гдѣ только у васъ зайдетъ рѣчь обо мнѣ, прежде всего вспомните объ этой заповѣди, и эту награду дайте мнѣ за мою любовь къ вамъ. Когда увижу, что вы исполнили эту заповѣдь, тогда я достигъ всего, получилъ полное возмездіе за труды! Итакъ, дабы вы и насъ сдѣлали болѣе ревностными, и сами были бодры, и пріобрѣли больше легкости въ исполненіи прочихъ заповѣдей, сохраните тщательно этотъ законъ въ душахъ вашихъ — и тогда
81 узнаете пользу моего наставленія. И золотая одежда конечно бываетъ красива, если даже просто смотримъ на нее; но она кажется намъ еще красивѣе, когда надѣнемъ ее на наше тѣло. Такъ и заповѣди Божіи прекрасны и тогда, какъ только хвалятъ ихъ; но онѣ оказываются еще прекраснѣе, когда ихъ исполняютъ. Вотъ и вы теперь хвалите слова мои только на короткое время;

но если исполните ихъ, то всякій день и во всякое время будете хвалить и насъ и самихъ себя. Но еще не важное дѣло, что мы будемъ взаимно хвалить другъ друга; важно то, что Самъ Богъ восхвалитъ насъ, и не только восхвалитъ, но и наградитъ тѣми великими и неизреченными дарами, которыхъ да удостоимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ

о томъ, что бояться начальниковъ полезно, и разсказъ о случившемся на пути съ тѣми, кои несли къ царю вѣсть о возмущеніи; также о томъ, что кто терпитъ что-либо неправедно и благодаритъ Бога, попускающаго это, равенъ тому, кто терпитъ за Бога; предлагаются опять примѣры трехъ отроковъ и печи вавилонской: и о воздержаніи отъ клятвъ.

Много однако дней мы употребили на утѣшеніе любви вашей; не отстанемъ отъ этого предмета, но, пока продлится рана печали, будемъ прилагать и врачевство утѣшенія. Если и врачи не перестаютъ лѣчить тѣлесныя раны, пока не увидятъ, что болѣзнь прекратилась; тѣмъ болѣе должно дѣлать это по отношенію къ душѣ. Печаль есть рана души, и—должно непрестанно лѣчить ее словами утѣшенія. И не такъ смягчаютъ тѣлесную опухоль теплыя воды, какъ унимаютъ боль души слова утѣшенія. Здѣсь не нужна губка, какъ у врачей, но, вмѣсто губки, употребимъ языкъ. Здѣсь не нуженъ огонь для согрѣванія воды, но, вмѣсто огня, воспользуемся благодатію Духа. Такъ вотъ и сегодня сдѣлаемъ это же самое. Если мы васъ не утѣшимъ, отъ кого же другого получите утѣшеніе? Судіи устрашаютъ? Такъ пусть утѣшаютъ священники. Начальники угрожаютъ? Такъ пусть ободряетъ церковь. И съ малыми дѣтьми бываетъ такъ: учители устрашаютъ и наказываютъ дѣтей, и, какъ заплачутъ они, отсылаютъ ихъ къ матерямъ; а матери, взявъ ихъ на руки къ себѣ, держатъ и обнимаютъ крѣпко, и, отерши слезы, цѣлуютъ ихъ, и ободряютъ присворбную душу ихъ, внушая имъ своими словами, что бояться учителей для нихъ полезно.

Такъ, когда и васъ начальники устрашили и сдѣлали печальными, церковь, общая мать всѣхъ насъ, отверзши объятія и принявъ (васъ) распростертыми руками, каждодневно утѣшаетъ, говоря,

что полезенъ и страхъ отъ начальниковъ, полезно и предлагаемое здѣсь утѣшеніе. Страхъ со стороны начальниковъ не позволяетъ разслабѣвать отъ безпечности, а утѣшеніе церкви не попускаетъ падать отъ унынія: и посредствомъ того и другого Богъ устрояетъ наше спасеніе. Онъ и начальниковъ вооружилъ (Римл. XIII, 4), дабы устрашали дерзкихъ; Онъ же и священниковъ рукоположилъ, чтобы утѣшали скорбящихъ: о томъ и другомъ, вмѣстѣ съ Писаніемъ, учитъ и самый опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда уже при начальникахъ и вооруженныхъ воинахъ, неистовство нѣсколькихъ бродягъ и пришлецовъ въ самое короткое время произвело у насъ такой пожаръ и воздвигло такую бурю, что заставило всѣхъ бояться кораблекрушенія; то, если бы не было совсѣмъ страха отъ началь-
82 никовъ, до какого неистовства не дошли бы эти люди? Не разрушили ль бы они у насъ города до основанія и, перевернувъ все вверхъ дномъ, не лишили ль бы насъ и самой жизни? Уничтожь судилища — и уничтожишь всякій порядокъ въ нашей жизни; удали съ корабля кормчаго—и потопишь судно; отними вождя у войска—и предашь воиновъ въ плѣнъ непріятелямъ. Такъ, если отнимешь у городовъ начальниковъ, мы будемъ вести себя безумнѣе безсловесныхъ звѣрей,—станемъ другъ друга угрызать и снѣдать (Гал. V, 15): богатый—бѣднаго, сильнѣйшій—слабаго, дерзкій—кроткаго. Но теперь, по милости Божіей, ничего такого нѣтъ. Живущіе благочестиво, конечно, не имѣютъ нужды въ мѣрахъ исправленія со стороны начальниковъ: *праведнику законъ не лежитъ*, сказано (1 Тим. I, 9). Но люди порочные, если бы не были удерживаемы страхомъ отъ начальниковъ, наполнили бы города безчисленными бѣдствіями. Зная это, и Павелъ сказалъ: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть* (Римл. XIII, 1). Что связи изъ бревенъ въ домахъ, то и начальники въ городахъ. Если тѣ уничтожишь, стѣны, распавшись, сами собою обрушатся одна на другую: такъ, если отнять у вселенной начальниковъ и страхъ, внушаемый ими,—и домы, и города, и народы съ великою наглостію нападутъ другъ на друга, потому что тогда некому будетъ ихъ удерживать и останавливать, и страхомъ наказанія заставлять быть спокойными.

Итакъ, не будемъ скорбѣть, возлюбленные, изъ-за страха отъ начальниковъ, но еще поблагодаримъ Бога за то, что онъ пробудилъ насъ отъ безпечности и сдѣлалъ болѣе рачительными. Скажи мнѣ, что вреднаго произошло отъ этого опасенія и безпокойства? То ли, что мы сдѣлались болѣе степенными и скромными, болѣе рачительными и внимательными? Что не видимъ ни одного пьянаго и поющаго любострастныя пѣсни, а напротивъ совершаются у насъ непрестанныя молебствія, и плачъ, и молитвы? Что отвсюду изгнанъ

неумѣренный смѣхъ, сквернословіе и всякая вольность, и—весь городъ нашъ уподобляется теперь скромной и благородной женѣ? Изъ-за этого ли ты скорбишь, скажи мнѣ? Нѣтъ; изъ-за этого надобно радоваться и благодарить Бога, что Онъ немногодневнымъ страхомъ вывелъ насъ изъ такой безпечности. Это правда, говоришь ты; если бы только страхомъ и оканчивалась бѣда наша, въ такомъ случаѣ мы уже довольно получили пользы; но вотъ мы боимся, чтобы зло не простерлось далѣе, и намъ всѣмъ не впасть бы въ крайнюю опасность. Не бойтесь; утѣшаетъ васъ Павелъ, говоря: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* 83
(1 Кор. x, 13); *той бо рече: не имамъ тебе оставити, ниже имамъ отъ тебе отступити* (Евр. xiii, 5). Если бы Онъ захотѣлъ наказать на дѣлѣ и на самомъ опытѣ, то не предалъ бы насъ страху на столько дней. Когда Онъ не хочетъ наказать, тогда устрашаетъ, потому что, если уже намѣренъ Онъ наказать, то не къ чему страхъ, не къ чему угроза. Но вотъ мы вытерпѣли такую жизнь, которая хуже тысячи смертей: въ продолженіе стольких дней страшимся и трепещемъ, пугаемся самыхъ тѣней, несемъ наказаніе Каиново, и среди сна вскакиваемъ отъ непрестаннаго безпокойства; такъ что, если мы и прогнѣвали Бога, то уже умилостивили Его, вытерпѣвъ такое мученіе. Пусть наше наказаніе и не соотвѣтствуетъ еще грѣхамъ нашимъ, но его довольно для человѣколюбія Божія.

2. Впрочемъ не по этому одному, но и по многимъ другимъ причинамъ мы должны ободриться. Богъ далъ уже намъ не мало залоговъ доброй надежды. И во-первыхъ то, что отправившіеся отсюда съ горестною вѣстію, полетѣвъ какъ бы на крыльяхъ и думая скоро поспѣть въ столицу, находятся еще на половинѣ пути: столько встрѣтилось имъ затрудненій и препятствій, что, оставивъ коней, они ѣдутъ теперь въ повозкахъ,—отчего, по необходимости, прибудутъ туда позже. Какъ Богъ подвигнулъ отсюда святителя и общаго отца нашего и побудилъ его отправиться и взять на себя это ходатайство; такъ Онъ же задержалъ и тѣхъ на половинѣ пути, дабы они, опередивъ, не раздули огня, и, раздраживъ слухъ царя, не поставили учителя въ невозможность поправить дѣло. А что такая остановка случилась не безъ соизволенія Божія, это видно изъ слѣдующаго. Люди, которые всю жизнь провели въ такихъ путешествіяхъ, и только то и дѣлали, что постоянно ѣздили на коняхъ, теперь, разбившись отъ самой верховой ѣзды, принуждены остановиться; и случилось нынѣ противное тому, что было съ Іоною. Того (Богъ) заставилъ идти, когда онъ не хотѣлъ; а этимъ (гонцамъ) воспрепятствовалъ идти,

когда они хотѣли. Новое и чудное дѣло! Тотъ не хотѣлъ проповѣдать о разрушеніи (Ниневіи)—и Богъ заставилъ его противъ воли; эти съ великою скоростію спѣшатъ возвѣстить о низверженіи (статуй)—и Онъ остановилъ ихъ, также противъ ихъ воли. Что это значитъ? То, что здѣсь поспѣшность причинила бы вредъ, а тамъ пользу. Поэтому Богъ и того понудилъ чрезъ кита, и этихъ остановилъ чрезъ коней. Видишь ли премудрость Божію? И тотъ и эти встрѣтили препятствіе въ томъ самомъ, чрезъ что надѣялись достигнуть желаемаго. Іона надѣялся на кораблѣ уклониться и—корабль сдѣлался для него цѣпью; (гонцы) надѣялись на коняхъ скорѣе достигнуть до царя—и кони оказались помѣхою; но лучше сказать, воспрепятствовали имъ не кони, какъ и (Іонѣ) не корабль, а Промыслъ Божій, все устрояющій по Своей премудрости. И смотри, какое попеченіе: и устрашилъ, и утѣшилъ! Попустивъ посланнымъ отправиться къ царю съ вѣстію обо всемъ случившемся, въ тотъ самый день, когда учинены были всѣ тѣ преступныя дерзости, Онъ этою скоростію ихъ отъѣзда всѣхъ устрашилъ; когда же они отправились и два-три дня провели въ пути, и мы уже считали безполезнымъ отъѣздъ нашего святителя,
81 думая, что онъ опоздаетъ, тогда Богъ разсѣялъ нашъ страхъ и утѣшилъ насъ, задержавъ посланныхъ, какъ сказалъ я, на половинѣ пути, и устроивъ такъ, что пріѣхавшіе къ намъ оттуда тою же дорогою разсказали всѣмъ намъ о случившихся съ тѣми (гонцами) непріятностяхъ, дабы мы сколько-нибудь отдохнули и сложили съ себя часть безпокойства, что̀ и случилось. Услышавъ объ этомъ, мы воздали поклоненіе виновнику сего—Богу, Который и нынѣ благопопечительнѣе всякаго отца устроилъ всѣ наши обстоятельства, какою-то невидимою силою задержавъ этихъ недобрыхъ вѣстниковъ, и какъ бы говоря имъ: что спѣшите? Зачѣмъ торопитесь погубить такой городъ? Не добрыя вѣсти несете вы къ царю: стойте же здѣсь, пока дамъ я возможность служителю Моему, какъ опытнѣйшему врачу, поспѣшить и упредить ваше прибытіе. Если же оказано такое о насъ попеченіе въ самомъ началѣ раны отъ преступленія; тѣмъ большее получимъ мы успокоеніе послѣ обращенія, послѣ раскаянія, послѣ такого страха, послѣ слезъ и молитвъ. Іона съ цѣлію былъ понуждаемъ,—именно, чтобы привесть (ниневитянъ) къ покаянію; но вы уже показали раскаяніе и великую перемѣну: поэтому и нужно теперь утѣшеніе, а не угрожающая вѣсть. Вотъ для чего Богъ и подвигъ отсюда (нашего) общаго отца, хотя и много было препятствій. Если бы Онъ не заботился о нашемъ спасеніи, то не побудилъ бы его, напротивъ еще остановилъ бы, когда онъ хотѣлъ отправиться.

3. Хочу сказать еще и о третьемъ обстоятельствѣ, которое

можетъ возбудить въ васъ бодрость, именно о настоящемъ празд-
никѣ, который уважаютъ почти всѣ и невѣрные,—которому и
самъ боголюбивый царь оказалъ такое уваженіе и почтеніе, что
въ этомъ превзошелъ онъ всѣхъ бывшихъ до него, благочестивыхъ
самодержцевъ. Въ эти дни онъ, изданнымъ въ честь праздника
указомъ, освободилъ почти всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ; и этотъ-
то указъ святитель нашъ, пришедши, прочтетъ предъ царемъ, на-
помнитъ ему о собственныхъ его законахъ, и скажетъ къ нему:
будь самъ для себя увѣщателемъ и вспомни о собственныхъ дѣлахъ;
примѣръ человѣколюбія у тебя дома. Ты не хотѣлъ произвесть и
праведной казни: рѣшишься ли совершить неправедную? Уличен-
ныхъ и осужденныхъ ты, изъ уваженія къ празднику, освободилъ:
невинныхъ ли и ничего не сдѣлавшихъ злого осудишь, — скажи
мнѣ,—и притомъ въ самый праздникъ? Нѣтъ, государь! Въ этомъ
указѣ, обращаясь ко всѣмъ городамъ, ты говорилъ: о, если бы могъ
я воскресить и мертвыхъ! Вотъ мы нуждаемся въ этомъ чело-
вѣколюбіи, нуждаемся въ этихъ словахъ. Для царей не столько
славно побѣдить враговъ, сколько преодолѣть ярость и гнѣвъ.
Тамъ успѣхъ въ дѣлѣ зависитъ отъ оружія и воиновъ: здѣсь тор-
жество принадлежитъ тебѣ одному и никто не раздѣлитъ съ то-
бою славы любомудрія. Ты одержалъ побѣду въ войнѣ съ варва-
рами: побѣди же и гнѣвъ царскій; пусть знаютъ всѣ невѣрные,
что страхъ Христовъ можетъ обуздать всякую власть! Прославь
своего Господа, простивъ согрѣшенія сорабамъ, дабы и Онъ еще
болѣе прославилъ тебя, дабы въ день суда, вспомнивъ объ этомъ
человѣколюбіи твоемъ, воззрѣлъ на тебя кроткимъ и милостивымъ
окомъ. Такъ и больше того скажетъ онъ, и, конечно, избавитъ
васъ отъ (царскаго) гнѣва. Впрочемъ настоящій постъ служитъ 85
намъ величайшимъ споборникомъ не только къ умилостивленію
царя, но и къ мужественному перенесенію случившагося съ нами.
Это время доставляетъ намъ не малое утѣшеніе: уже то самое,
что мы каждый день собираемся здѣсь, наслаждаемся слушаніемъ
Божественнаго Писанія, видимъ другъ друга, вмѣстѣ скорбимъ,
молимся, получаемъ благословеніе, и такимъ образомъ отходимъ
домой,—это одно отнимаетъ у насъ бо́льшую половину скорби.
Итакъ, не упадемъ духомъ и не погубимъ себя уныніемъ, но бу-
демъ ожидать лучшаго и со вниманіемъ послушаемъ, что будетъ
говорено. И сегодня хочу я побесѣдовать опять о презрѣніи
смерти. Вчера [1]) говорилъ я вамъ, что мы боимся смерти не по-
тому, что она страшна, но потому, что насъ не воспламенила
любовь къ царствію и не объялъ страхъ геенны, а сверхъ того и

[1]) См. предыдущ. V бесѣд. п. 3 и сл.

потому, что не имѣемъ доброй совѣсти. Хотите, скажу и четвертую причину этой неумѣстной боязни,—причину не менѣе важную, и еще болѣе вѣрную, нежели предыдущія. Мы не ведемъ строгой жизни, какая прилична христіанамъ, но полюбили эту изнѣженную, роскошную и безпечную жизнь; отчего, конечно, и привязаны къ настоящему.

Но если бы мы проводили жизнь въ постѣ, и всенощныхъ бдѣніяхъ, и въ воздержаніи, обсѣкая безпорядочныя свои пожеланія, отвергая удовольствія, пребывая въ подвигахъ добродѣтели, по слову Павла: *умерщвляя тѣло и порабощая* (1 Кор. IX, 27), *и плоти угодія не творяще въ похоти* (Римл. XIII, 14), идя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ; тогда бы мы тотчасъ возжелали будущихъ благъ и спѣшили освободиться отъ настоящихъ трудовъ. И дабы увѣриться тебѣ, что не ложно слово наше, взойди на вершины горъ и посмотри на тамошнихъ иноковъ, одѣтыхъ въ власяницу, носящихъ вериги, изнуренныхъ постомъ, заключившихся во мракѣ,—и увидишь, что всѣ они желаютъ смерти и называютъ ее успокоеніемъ. Какъ боецъ спѣшитъ уйти съ ристалища, чтобы избавиться отъ ранъ, и борецъ желаетъ окончанія зрѣлища, чтобы освободиться отъ трудовъ; такъ и ведущій добродѣтельную, строгую и суровую жизнь желаетъ смерти, чтобы и освободиться отъ настоящихъ трудовъ, и безпрепятственно получить уготованные вѣнцы, приплывъ въ тихую пристань и переселившись туда, гдѣ уже не нужно опасаться кораблекрушенія. Поэтому Богъ и устроилъ жизнь нашу трудною и тяжкою, чтобы мы, будучи тѣснимы здѣшними скорбями, возжелали будущихъ благъ. Если и теперь, когда со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ столько огорченій, опасностей, страховъ и заботъ, такъ привязаны мы къ настоящей жизни; то возжелали ль бы мы будущихъ благъ, когда бы ничего такого не было, но вся наша жизнь была бы безпечальна и безбѣдна?

4. Такъ поступилъ Богъ и съ іудеями. Желая пробудить въ нихъ мысль о возвращеніи (въ отечество) и заставить ихъ возненавидѣть Египетъ, Онъ попустилъ имъ быть отягощаемыми *бреніемъ и плинѳодѣланіемъ* (Исх. I, 14), дабы они, будучи подавляемы великостію трудовъ и тяжестью работы, воззвали къ Богу о возвращеніи. Если же они, и при такихъ обстоятельствахъ вы-
86 шедши, опять вспоминали о Египтѣ и тяжкомъ рабствѣ, и готовы были возвратиться подъ прежнее тиранство; то, не испытавъ этого отъ иноплеменниковъ, захотѣли ль бы когда оставить чужую землю? Посему, чтобы и мы, привязавшись къ землѣ и пристрастившись къ настоящему, не скорбѣли и не забыли о будущемъ, Богъ сдѣлалъ нашу жизнь тягостною. Не будемъ же болѣе надлежащаго

любить настоящую жизнь. Какая намъ польза, какая выгода отъ чрезмѣрной привязанности къ этой жизни? Хочешь знать, почему настоящая жизнь составляетъ для насъ благо? Потому, что она служитъ для насъ началомъ и приготовленіемъ къ будущей жизни, поприщемъ и мѣстомъ борьбы для полученія тамошнихъ вѣнцевъ; такъ что она, если не будетъ для насъ этимъ, жалче тысячи смертей. Если мы въ этой жизни не хотимъ угождать Богу, то лучше умереть. Что особаго, что новаго для насъ здѣсь? Не то же ли солнце, не ту же ли луну видимъ ежедневно? Не ту же ли зиму? Не то же ли лѣто? Не тѣ же ли предметы? *Что было, тожде есть, еже будетъ: и что было сотворенное, тожде имать сотворитися* (Екл. I, 9). Итакъ не будемъ ни живыхъ считать просто блаженными, ни умирающихъ оплакивать; станемъ лучше скорбѣть о грѣшникахъ, будутъ ли они жить, или умрутъ, а добродѣтельныхъ будемъ ублажать, гдѣ бы они ни были. Ты одной смерти боишься и плачешь; а Павелъ умиралъ каждодневно, и изъ-за этого не только не плакалъ, но еще радовался и веселился. О, если бы и я страдалъ за Бога, говоришь ты, я ни о чемъ бы не безпокоился! Но не унывай и теперь: славенъ не тотъ только, кто терпитъ что-либо за Бога, но и тотъ, кто страждетъ неправедно и переноситъ это мужественно и благодаритъ Бога за таковое попущеніе; и этотъ славенъ не меньше того, кто страждетъ за Бога. Блаженный Іовъ безвинно и незаслуженно потерпѣлъ много невыносимыхъ ударовъ отъ козней діавола; но какъ онъ мужественно перенесъ ихъ и возблагодарилъ Бога, попустившаго это, то и получилъ полный вѣнецъ.

Итакъ, не скорби изъ-за смерти: она—отъ природы; скорби изъ-за грѣха: онъ—беззаконное дѣло произволенія. Если же скорбишь объ умершихъ, то скорби и о раждающихся; потому что какъ это дѣло естественное, такъ и то. Посему, если кто станетъ грозить тебѣ смертію, скажи ему: отъ Христа научился я не бояться *убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити* (Матѳ. X, 28); если будетъ грозить отнятіемъ имущества, скажи ему: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду* (Іов. I, 21); *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7); если ты не возьмешь, придетъ смерть, и возьметъ; если ты не умертвишь, законъ природы въ извѣстный срокъ принесетъ смерть. Не будемъ же бояться ничего такого, что постигаетъ насъ по закону природы, но убоимся того, что бываетъ съ нами отъ злого произволенія; это подвергаетъ насъ наказанію. При всѣхъ постигающихъ насъ нечаянностяхъ, будемъ непрестанно размышлять, что печалію намъ не поправить ихъ, и мы перестанемъ скорбѣть; а вмѣстѣ съ тѣмъ подумаемъ и о томъ, что если мы въ

настоящей жизни терпимъ какое-либо несчастіе незаслуженно, то этимъ заглаждаемъ множество грѣховъ. Великое благо — сложить грѣхи здѣсь, а не тамъ. Богачъ не потерпѣлъ здѣсь никакого
87 бѣдствія, зато тамъ горѣлъ въ огнѣ. И дабы увѣриться, что это было причиною, почему онъ не получилъ никакого утѣшенія, послушай, чтó говоритъ Авраамъ: *чадо, воспріялъ еси благая твоя,* поэтому *страждеши* (Лук. XVI, 25). А для удостовѣренія, что и Лазарь получилъ блаженство не только за добродѣтельную жизнь, но и за перенесеніе здѣсь безчисленныхъ бѣдствій, послушай, какъ и объ этомъ говоритъ патріархъ. Сказавъ богачу: *воспріялъ еси благая твоя*, онъ присовокупилъ: *и Лазарь злая*, и поэтому *утѣшается*. Какъ живущіе добродѣтельно и страждущіе получаютъ отъ Бога двойную награду; такъ и живущій во грѣхѣ и благоденствующій понесетъ двойное наказаніе. Опять и это говорю не въ обвиненіе бѣгущихъ изъ города (*сердца раздраженнаго*, сказано, *не превозмути*—Сир. IV, 3), и не въ укоризну имъ (потому что больной имѣетъ нужду въ утѣшеніи); нѣтъ, я стараюсь исправить ихъ, желаю, чтобы мы не ввѣряли своего спасенія бѣгству, но бѣжали бы грѣха, сошли бы съ злого пути. Если грѣха избѣжимъ, то и среди безчисленнаго множества воиновъ никто не можетъ насъ поранить; а если его не избѣжимъ, то, хотя бы мы взошли на самую вершину горъ, и тамъ найдемъ тысячи враговъ. Вспомни опять о тѣхъ трехъ отрокахъ: они были въ печи и не потерпѣли никакого зла; а ввергнувшіе ихъ были внѣ ея, однакоже всѣ, сколько ихъ ни стояло вокругъ, истреблены. Что чудеснѣе этого? Тѣхъ, кои были во власти огня, онъ отпустилъ, а кои не были въ его власти, тѣхъ охватилъ! Чтобы позналъ ты, что не мѣсто, но расположеніе души бываетъ причиною и спасенія и наказанія, вотъ, бывшіе въ печи остались невредимы, а бывшіе внѣ ея— истреблены. У тѣхъ и другихъ одинакія тѣла, но не одинакія мысли, а потому и не одинакая воспріимчивость къ страданіямъ. Сѣно лежитъ и внѣ (печи), но тотчасъ возгорается; тогда какъ золото, и находясь внутри (печи), еще болѣе блеститъ.

5. Гдѣ теперь говорящіе: пусть царь возьметъ все и оставитъ намъ тѣло свободнымъ? Пусть узнаютъ они, что это значитъ: тѣло свободное. Не безнаказанность дѣлаетъ тѣло свободнымъ, но жизнь постоянно добродѣтельная. Вотъ, тѣла этихъ отроковъ были свободны и брошенныя въ печь; потому что они давно сбросили рабство грѣха, а въ этомъ-то единственно и состоитъ свобода, а не въ томъ, чтобы не терпѣть наказанія и никакого несчастія. А ты, услышавъ объ этой печи, вспомни объ огненныхъ рѣкахъ, которыя потекутъ въ тотъ страшный день. Какъ здѣсь огонь однихъ охватилъ, а другихъ пощадилъ; такъ будетъ и въ тѣхъ рѣкахъ:

у кого будутъ дрова, сѣно, тростникъ, тотъ дастъ чѣмъ горѣть огню;
а у кого будетъ золото, серебро, тотъ самъ сдѣлается блистатель-
нѣе. Это-то вещество и станемъ собирать, и будемъ мужественно
переносить настоящія бѣдствія, зная, что настоящая скорбь изба-
витъ насъ и отъ тамошняго наказанія, если мы съумѣемъ любо-
мудрствовать, и здѣсь сдѣлаетъ лучшими, не только насъ, но и
притѣснителей нашихъ, если мы будемъ бдительны (такова сила
любомудрія), какъ это и въ то время случилось съ мучителемъ.
Когда онъ увидѣлъ, что отроки не потерпѣли никакого вреда, по-
слушай, какъ онъ перемѣнилъ (рѣчь). *Раби Бога Вышняго*, гово-
ритъ, *изыдите и пріидите* (Дан. III, 93). Незадолго передъ тѣмъ
не ты ли говорилъ: *и кто есть Богъ, иже изметъ вы отъ руки
моея* (ст. 15)? Что же случилось? Откуда такая перемѣна? Быв-
шихъ внѣ печи увидѣлъ ты погибшими, и зовешь находящихся
внутри? Откуда пришло къ тебѣ такое любомудріе? Вотъ, какая
перемѣна произошла въ царѣ! Когда отроки еще не были въ его 88
власти, онъ богохульствовалъ; а какъ ввергнулъ ихъ въ огонь,
такъ и сталъ любомудрствовать. Поэтому Богъ и попустилъ быть
всему, чего хотѣлъ мучитель, чтобы показать, что хранимому Имъ
никто не можетъ повредить; здѣсь Онъ сдѣлалъ то же, что сдѣ-
лалъ съ Іовомъ. И тамъ Онъ попустилъ діаволу выказать всю
свою силу; и когда этотъ истощилъ всѣ стрѣлы, и уже не остава-
лось болѣе никакого рода козней,—тогда-то Богъ и вывелъ подвиж-
ника съ поприща, чтобы побѣда была славна и несомнѣнна.
Точно такъ Онъ сдѣлалъ и здѣсь. Захотѣлъ мучитель разрушить
городъ ихъ (отроковъ)—и Онъ не воспрепятствовалъ; захотѣлъ от-
вести ихъ въ плѣнъ—не остановилъ; захотѣлъ связать—дозволилъ;
ввергнуть въ печь—допустилъ; разжечь пламя сверхъ мѣры—и это
позволилъ; и когда уже ничего болѣе не оставалось, и мучитель
истощилъ всю свою силу, тогда и Богъ показалъ Свое могущество
и терпѣніе отроковъ. Видишь, что Богъ попустилъ этимъ бѣд-
ствіямъ дойти до крайней степени—для того, чтобы показать при-
тѣснителямъ и любомудріе притѣсняемыхъ и Свое промышленіе.
И мучитель, познавъ то и другое, воскликнулъ: *раби Бога Выш-
няго, изыдите и пріидите*. Но обрати вниманіе на великодушіе
отроковъ: они не вышли прежде зова, дабы не подумалъ кто, что
они устрашились огня; а бывъ позваны, не остались внутри, дабы
не почли ихъ честолюбивыми и упорными. Когда узналъ ты, го-
ворятъ, чьи мы рабы; когда позналъ нашего Господа,—тогда мы
выходимъ, какъ проповѣдники силы Божіей всѣмъ предстоящимъ.
А сказать правду, — не только они, но и самъ гонитель
собственнымъ голосомъ, и устно и посланіемъ, возвѣстилъ всѣмъ и
о мужествѣ подвижниковъ, и о силѣ Подвигоположника. Какъ

глашатаи на срединѣ зрѣлища объявляютъ имена борцовъ-побѣдителей и называютъ ихъ города, говоря: такой-то изъ такого-то города; такъ и мучитель, вмѣсто города, провозгласилъ ихъ Господа: *Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога Вышняго, изыдите и пріидите* (Дан. III, 93). Что случилось, что называешь ихъ рабами Божіими? Не твои ли они были рабы? Но они, говоришь, сокрушили мою власть, попрали мою гордость, дѣлами показали своего истиннаго Господа. Если бы они были рабами людей, ихъ не убоялся бы огонь, отъ нихъ не отступило бы пламя; потому что тварь не умѣетъ уважать и чтить рабовъ человѣческихъ. Поэтому, говоритъ, *благословенъ Богъ Седраховъ, Мисаховъ и Авденаго* (ст. 95). Здѣсь обрати вниманіе на то, какъ онъ сперва возвѣщаетъ о Подвигоположникѣ: *благословенъ Богъ, иже посла Ангела своего, и изъя отроки своя* (ст. 95). Это о силѣ Божіей; скажи и о добродѣтели подвижниковъ: *яко уповаша на Него, и слово царево премѣниша, и предаша тѣлеса своя, яко да не послужатъ богомъ инымъ* (ст. 95). Что можетъ сравниться съ добродѣтелію? Прежде, когда они говорили: *богомъ твоимъ не служимъ* (Дан. III, 18), онъ разгорѣлся сильнѣе печи; а теперь, когда это доказали на самомъ дѣлѣ, онъ не только не разгнѣвался, но еще похвалилъ и восхищался по поводу того, что они не послушали его. Вотъ, какое благо добродѣтель: она и въ самыхъ
89 врагахъ возбуждаетъ къ себѣ удивленіе и похвалу. Отроки сразились и побѣдили, а побѣжденный сталъ благодарить за то, что ихъ не устрашилъ видъ пламени, но воодушевила надежда на Бога; онъ и Бога вселенной называетъ по тремъ отрокамъ, не для того, чтобы ограничить Его владычество, но потому, что эти три отрока стоили вселенной. Поэтому и хвалитъ мучитель презрѣвшихъ его, и, минуя столько правителей, и царей, и начальниковъ, покорныхъ ему, восторгается тремя плѣнниками и рабами, посмѣявшимися надъ его жестокостію. Они сдѣлали это не по любопренію, но по любомудрію; не по дерзости, но по благочестію; не надмившись гордостію, но воспламеняясь ревностію. Подлинно, великое благо надежда на Бога! Это позналъ и этотъ иноплеменникъ, и—желая показать, что чрезъ нее избавились отроки отъ угрожавшей опасности, воскликнулъ: *яко уповаша на Него* (ст. 95).

6. Говорю это теперь, и представляю всѣ исторіи, въ которыхъ описываются искушенія, и бѣды, и гнѣвъ царей, и козни,—для того, чтобы мы ничего такъ не боялись, какъ прогнѣвать Бога. Вотъ, и тогда разжена была печь, но отроки посмѣялись надъ ней, а грѣха убоялись, потому что знали, что отъ огня они не потерпятъ никакого вреда, а за нечестіе подвергнутся крайней опасности.

Грѣхъ самъ есть величайшее наказаніе, хотя бы мы и не были наказаны, равно какъ добродѣтельная жизнь сама составляетъ величайшую честь и счастіе, хотя бы мы и терпѣли наказаніе. Грѣхи удаляютъ насъ отъ Бога, какъ и Самъ Онъ говоритъ: *не грѣси ли вами разлучаютъ между вами и Мною* (Иса. XXVI, 2)? А наказанія обращаютъ насъ къ Богу: *миръ даждь намъ*, говоритъ, *вся бо воздалъ еси намъ* (Иса. XXVI, 12). У кого есть рана, тому чего должно бояться,—гніенія, или сѣченія отъ врача? Ножа, или распространенія раны? Грѣхъ есть гніеніе, наказаніе—ножъ врачебный. У кого загноилась рана, тотъ терпитъ боль, хотя и не подвергается сѣченію; и тогда-то особенно бываетъ онъ въ худомъ положеніи, когда не подвергается сѣченію; такъ и согрѣшающій несчастнѣе всѣхъ, хотя и не терпитъ наказанія; и тогда-то особенно онъ несчастенъ, когда не терпитъ наказанія и никакого зла. Страждущіе разстройствомъ печени и водяною болѣзнію, когда употребляютъ много пищи, холодное питье, сладкія и вкусныя яства, тогда особенно и бываютъ несчастнѣе всѣхъ, потому что невоздержаніемъ увеличиваютъ болѣзнь; напротивъ, когда по предписаніямъ врачей изнуряютъ себя голодомъ и жаждою, тогда имѣютъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе. Такъ и живущіе въ нечестіи, если терпятъ наказаніе, то имѣютъ добрую надежду, а если при нечестіи наслаждаются спокойствіемъ и удовольствіями, то несчастнѣе невоздержныхъ—больныхъ водянкою, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ душа лучше тѣла. Итакъ, если увидишь, что между дѣлающими одинакіе грѣхи, одни борются непрестанно съ голодомъ и безчисленными бѣдствіями, а другіе упиваются, пресыщаются и роскошествуютъ,—почитай болѣе блаженными тѣхъ, кои терпятъ бѣдствія, такъ какъ этими бѣдствіями ослабляется пламя грѣховной похоти, и эти люди отходятъ къ будущему суду и къ страшному тому судилищу съ немалымъ облегченіемъ, и выйдутъ изъ него, изгладивъ понесенными здѣсь бѣдствіями многіе грѣхи свои.

Но довольно утѣшенія,—время уже перейти къ увѣщанію объ избѣжаніи клятвъ и къ опроверженію того напраснаго и пустого извиненія, которымъ клянущіеся думаютъ оправдать себя. Именно, 90
когда мы обвиняемъ ихъ, они указываютъ намъ на другихъ, которые дѣлаютъ то же самое, и говорятъ: такой-то и такой-то клянутся. Итакъ скажемъ имъ: но такой-то не клянется; а Богъ произнесетъ надъ тобою приговоръ по сравненію съ подвигами праведныхъ. Грѣшники не приносятъ пользы грѣшникамъ взаимнымъ общеніемъ въ беззаконіяхъ, а праведные служатъ къ осужденію грѣшныхъ. Не напитавшихъ и не напоившихъ Христа было много (Матѳ. XXV, 41), но они нисколько не пособили другъ другу; равно

какъ и пять дѣвъ (юродивыхъ) не получили никакого облегченія одна отъ другой, но какъ тѣ, такъ и эти осуждены самымъ сравненіемъ съ праведными и наказаны. Итакъ, бросивъ это пустое оправданіе, будемъ смотрѣть не на согрѣшающихъ, но на дѣлающихъ добро, и постараемся запастись воспоминаніемъ о настоящемъ постѣ. Часто мы, пріобрѣтши одежду, или служителя, или драгоцѣнный сосудъ, вспоминаемъ о времени (пріобрѣтенія) и говоримъ другъ другу: такого-то служителя я пріобрѣлъ въ такой-то праздникъ, такую-то одежду купилъ въ такое-то время. Такъ, исполняя и этотъ законъ, будемъ говорить: въ такую-то четыредесятницу я отсталъ отъ клятвъ; до того времени я клялся, но, услышавъ простое увѣщаніе, удержался отъ этого грѣха. Но привычку, скажешь, трудно исправить? Это и я знаю, и потому спѣшу ввести васъ въ другую привычку, полезную и выгодную. Ты говоришь: трудно отставать отъ привычки? Но по этому самому и постарайся отстать, вѣрно зная, что если пріобрѣтешь себѣ другую привычку не клясться, то не будешь уже нуждаться ни въ какомъ трудѣ. Чтò труднѣе: не клясться, или цѣлый день быть безъ пищи, и изнурять себя, употребляя одну воду и мало хлѣба? Очевидно, что это труднѣе того; однако привычка дѣлаетъ это возможнымъ и легкимъ, такъ что иной, хотя бы кто въ наступившій постъ тысячу разъ упрашивалъ его, хотя бы тысячу разъ заставлялъ и принуждалъ пить вино или вкусить чего-либо неположеннаго въ посты, скорѣе рѣшится вытерпѣть все, чѣмъ прикоснуться къ запрещенной пищѣ. Хотя мы и любимъ вкусную трапезу, но по навыку, ободряемому совѣстію, благодушно переносимъ всѣ эти лишенія. То же самое будетъ и съ клятвами: какъ теперь, хотя бы кто ставилъ тебя въ крайнюю необходимость, ты держишься привычки; такъ и тогда, хотя бы кто тысячу разъ упрашивалъ тебя, не отстанешь отъ привычки.

7. Посему, возвратясь домой, побесѣдуй объ этомъ со всѣми домашними. Со многими бываетъ, что уходя съ луга, они берутъ розу, или фіалку, или какой-либо другой цвѣтокъ, и несутъ въ рукахъ; другіе, выходя домой изъ сада, уносятъ съ собою древесныя вѣтви съ плодами; иные, опять, съ богатыхъ обѣдовъ приносятъ своимъ роднымъ остатки отъ стола. Такъ и ты, уходя отсюда, отнеси наставленіе къ женѣ, дѣтямъ и всѣмъ роднымъ. Это наставленіе полезнѣе и луга, и сада, и стола; эти розы никогда не увядаютъ, эти плоды никогда не засыхаютъ, эти яства никогда не портятся. Отъ тѣхъ временное удовольствіе, а отъ этихъ всегдашняя польза, не только послѣ исполненія, но и при самомъ исполненіи совѣта. Подумай только, какъ хорошо, оставивъ всѣ другія дѣла, и общественныя и частныя, постоянно разговаривать о бо-

жественныхъ законахъ,—и за столомъ, и на площади, и въ другихъ собраніяхъ. Если этимъ будемъ заниматься, то не скажемъ 91
ни одного слова опаснаго и вреднаго и не согрѣшимъ и невольно. Да и отъ настоящей печали можемъ освободить свою душу, когда станемъ заниматься бесѣдою объ этомъ, вмѣсто тѣхъ безпокойныхъ рѣчей, какія мы теперь постоянно говоримъ другъ другу: „что-то, услышалъ ли царь о случившемся? Разгнѣвался ли онъ? Какой далъ приговоръ? Упросилъ ли его кто-нибудь? Неужели онъ позволитъ совсѣмъ истребить столь большой и многолюдный городъ?"—Это и все таковое предоставивъ Богу, позаботимся только о Его заповѣдяхъ; такимъ способомъ отвратимъ всѣ эти бѣдствія. И пусть изъ насъ только десять человѣкъ исправятся: изъ этихъ десяти вскорѣ будетъ двадцать, изъ двадцати—пятьдесятъ, изъ пятидесяти—сто, изо ста—тысяча, изъ тысячи—цѣлый городъ. Какъ, зажегши десять свѣтильниковъ, легко можно освѣтить весь домъ, такъ и по отношенію къ духовнымъ подвигамъ: пусть только десять человѣкъ исправятся, мы зажжемъ цѣлый костеръ, который освѣтитъ собою городъ и доставитъ безопасность. И не такъ скоро пламя, запавъ въ лѣсу, зажигаетъ одно за другимъ близъ стоящія деревья, какъ ревность о добродѣтели, запавъ въ немногія души и постепенно распространяясь, можетъ обнять весь городъ. Итакъ, дайте мнѣ похвалиться вами и въ настоящей жизни, и въ тотъ день, когда приведутся (на судъ) получившіе таланты. Достаточная мнѣ награда за труды—ваша добрая слава; и, лишь увижу, что вы живете благочестиво,—я все получилъ. Сдѣлайте же, что я и вчера внушалъ вамъ, и сегодня говорю, и не престану говорить: опредѣливъ наказаніе клянущимся,—наказаніе, приносящее пользу, а не вредъ,—постарайтесь представить намъ и доказательство своего преуспѣянія. А я постараюсь, по выходѣ изъ этого собранія, съ каждымъ изъ васъ имѣть продолжительную бесѣду, чтобы во время такой бесѣды усмотрѣть мнѣ, кто исправился; и если увижу кого-либо клянущимся, объявлю его предъ всѣми исправившимися, дабы упреками, обличеніемъ и вразумленіемъ тотчасъ отклонить его отъ дурной привычки. Вѣдь гораздо лучше здѣсь вытерпѣть стыдъ и исправиться, чѣмъ быть посрамлену и наказану предъ лицемъ всей вселенной, въ тотъ день, когда грѣхи наши откроются предъ очами всѣхъ. Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы кто-либо изъ сего почтеннаго собранія явился тамъ въ такомъ несчастномъ положеніи; но молитвами святыхъ отецъ нашихъ, исправивъ всѣ грѣхи и принесши обильный плодъ добродѣтели, да отыдемъ отсюда съ великимъ дерзновеніемъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ

о томъ, что скорбь полезна только къ уничтоженію грѣха, и на слова: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, гдѣ показывается, что сотвореніе міра служитъ источникомъ величайшаго утѣшенія; также на слова: *Адаме, гдѣ еси?* и объ избѣжаніи клятвъ.

Много и о многомъ говорилъ я вчера къ вашей любви, но изъ многаго, если не возможно вамъ всего удержать, прошу васъ запомнить болѣе всего то, что Богъ наслалъ на насъ скорбь не ради чего-либо другого, какъ только ради грѣха, и—это доказалъ Онъ самымъ дѣломъ. Когда мы скорбимъ и печалимся о потерѣ имущества, о болѣзни, о смерти и о другихъ постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, то отъ печали не только не получаемъ никакого облегченія, но еще увеличиваемъ несчастіе; если же будемъ скорбѣть и печалиться о грѣхахъ, то уменьшаемъ тяжесть грѣха, великій (грѣхъ) дѣлаемъ малымъ, а часто и совершенно изглаживаемъ его. Помните объ этомъ непрестанно, чтобы вамъ скорбѣть только о грѣхѣ, а не о чемъ другомъ; (помните) также и о томъ, что грѣхъ, привнесши въ жизнь нашу смерть и скорбь, ими же и истребляется, какъ это ясно мы показали прежде [1]). Итакъ, ничего не будемъ такъ бояться, какъ грѣха и преступленія. Не будемъ бояться наказанія—и избѣжимъ наказанія: и три отрока не убоялись печи—и избѣжали печи. Таковы должны быть рабы Божіи! Если воспитанные въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда еще не умерщвлена была смерть, не сломаны врата мѣдныя и не сокрушены вереи желѣзныя,—если они столь мужественно
92 встрѣчали кончину; то какое оправданіе, или какое извиненіе, будемъ имѣть мы, которые, получивъ такую благодать, не достигаемъ и одинаковой съ ними мѣры въ добродѣтели теперь — когда смерть есть одно только имя безъ значенія? Смерть есть не что иное, какъ сонъ, путешествіе, переселеніе, успокоеніе, тихая пристань, избавленіе отъ смятенія и освобожденіе отъ житейскихъ заботъ. Но здѣсь мы прекратимъ слово утѣшенія; потому что пятый уже день утѣшаемъ любовь вашу, и, кажется, становимся уже и въ тягость. Правда, для внимательныхъ достаточно и сказаннаго, а для малодушныхъ не будетъ никакой пользы, если къ сказанному прибавимъ и еще больше. Время уже намъ обратить поученіе къ изъясненію Писанія, потому что, если бы мы

[1]) См. предыдущ. VI бесѣд. п. 4.

ничего не сказали о настоящемъ бѣдствіи, насъ обвинили бы въ жестокости и безчеловѣчіи: равно какъ, если бы мы постоянно только и говорили о немъ, — насъ справедливо обвинили бы въ малодушіи. Итакъ, поручивъ души ваши Богу, могущему проглаголать вашему сердцу (Ис. xl, 2) и изгнать изъ него всю печаль, приступимъ теперь къ обычному наставленію, тѣмъ болѣе, что и вообще всякое изъясненіе Писанія доставляетъ утѣшеніе и ободреніе. Такимъ образомъ, хотя мы, повидимому, уклоняемся отъ (преподанія) утѣшенія, но изъясненіемъ Писанія опять нападаемъ на тотъ же предметъ. И что все Писаніе внимательнымъ доставляетъ утѣшеніе,—это я тотчасъ же объясню вамъ. Не стану даже обозрѣвать историческихъ сказаній Писанія и отыскивать (въ немъ) только какія-либо утѣшительныя слова: напротивъ, чтобы представить яснѣйшее подтвержденіе своего обѣщанія, возьму нынѣ чтенную намъ книгу и, если угодно, предложу вамъ ея начало и вступленіе, которое въ особенности, кажется, не представляетъ и слѣда утѣшенія, но совсѣмъ лишено утѣшительныхъ словъ,—и 93
этимъ объясню сказанное мною. Что же это за вступленіе? *Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю: земля же бѣ невидима, и неустроена: и тма верху бездны* (Быт. I, 1). Думается ли кому изъ васъ, что эти слова заключаютъ въ себѣ утѣшеніе въ скорби? Не историческій ли это разсказъ, и не ученіе ли о твореніи?

2. Хотите ли же, я покажу, что въ этомъ изреченіи сокрыто утѣшеніе? Итакъ, ободритесь и тщательно внимайте тому, что будетъ сказано. Когда услышишь, что небо, землю, море, воздухъ, воды, множество звѣздъ, два великія свѣтила, растенія, четвероногихъ, плавающихъ и летающихъ животныхъ, вообще все видимое Богъ создалъ для тебя, и для твоего спасенія и славы,—не тотчасъ ли получаешь достаточное утѣшеніе? И не величайшее ли доказательство любви Божіей откроешь для себя, когда размыслишь, что столь прекрасный, великій и чудный міръ воззвалъ Богъ къ бытію для тебя—столь малаго? Посему, когда услышишь, что *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю*, не проходи безъ вниманія этихъ словъ, но обойди умомъ (всю) широту земли и размысли, какой роскошный и богатый столъ раскрылъ Онъ предъ нами, и сколь великое со многихъ сторонъ предложилъ намъ наслажденіе! И что важнѣе всего,—далъ Онъ намъ столь прекрасный и великій міръ не въ награду за труды и не въ возмездіе за добрыя дѣла; но лишь только насъ создалъ, какъ и почтилъ родъ нашъ этимъ царствомъ. *Сотворимъ человѣка*, говоритъ, *по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Что значитъ: *по образу нашему и по подобію?* Разумѣетъ образъ начальства; какъ, говоритъ, на небѣ нѣтъ никого выше Бога, такъ на землѣ да не будетъ никого выше

человѣка. Итакъ, Богъ почтилъ человѣка, во-первыхъ, тѣмъ, что сотворилъ его по образу (Своему); во-вторыхъ, тѣмъ, что далъ намъ начальство не въ награду за труды, но какъ чистый даръ своего человѣколюбія; въ-третьихъ, тѣмъ, что это начальство сдѣлалъ для насъ прирожденнымъ. Одни начальства прирожденныя, а другія вручаемыя. Къ первымъ относится, наприм., владычество льва надъ четвероногими, или орла надъ птицами; къ послѣднимъ владычество царя надъ нами: онъ не по природѣ властвуетъ надъ (своими) сорабами, потому нерѣдко и слагаетъ съ себя начальство. Таково все, что дается не отъ природы; оно легко измѣняется и переиначивается. Но не такъ со львомъ: онъ по природѣ владычествуетъ надъ четвероногими, равно какъ и орелъ надъ птицами. Потому въ этой породѣ животныхъ царственное достоинство всегда наслѣдственно, и никто не увидитъ, чтобы левъ когда-либо сложилъ съ себя владычество. Таковое царственное достоинство и намъ даровалъ Богъ вначалѣ и поставилъ насъ надъ всѣмъ. Да не только этимъ почтилъ Онъ нашу природу, но и превосходствомъ самаго мѣста, назначивъ намъ въ прекрасное жилище рай и одаривъ насъ разумомъ и безсмертною душою.

Но не буду и говорить объ этомъ; скажу: богатство попечительности Божіей столь велико, что благость и человѣколюбіе Его можемъ указать не только въ томъ, чѣмъ Онъ почтилъ насъ, но и въ самыхъ наказаніяхъ. Это-то особенно и прошу васъ твердо знать, — что Богъ одинаково благъ—и когда оказываетъ честь и благотворитъ, и когда наказываетъ и караетъ. Потому, когда у насъ возникнутъ съ язычниками или съ еретиками споры и разсужденія о человѣколюбіи и благости Божіей, будемъ доказывать благость Его не только тѣмъ, чѣмъ Онъ почтилъ насъ,
94 но и самыми наказаніями. Если Богъ тогда только благъ, когда оказываетъ честь, и не благъ, когда наказываетъ, то Онъ благъ только въ половину; но это не такъ: нѣтъ. Въ людяхъ, конечно, бываетъ это, когда они наказываютъ во гнѣвѣ и страсти; но Богъ, будучи безстрастенъ, благотворитъ ли, наказываетъ ли,—одинаково благъ: и угроза геенною доказываетъ Его благость не меньше, чѣмъ и обѣщаніе царствія. Какъ это? Объясню. Если бы Онъ не грозилъ геенною, если бы не приготовилъ наказанія, многіе не получили бы царствія. Многихъ не столько обѣщаніе благъ склоняетъ къ добродѣтели, сколько угроза несчастіемъ, внушая страхъ, заставляетъ и побуждаетъ заботиться о душѣ. Такимъ образомъ, хотя геенна и противоположна царствію небесному, но то и другое ведетъ къ одному концу,—спасенію человѣческому: это (царствіе) привлекаетъ къ себѣ, а та (геенна) понуждаетъ идти къ нему же, и страхомъ исправляетъ нерадивыхъ.

3. Не безъ причины распространяюсь объ этомъ, но потому, что часто во время голода, засухи и войны, при обнаруженіи царскаго гнѣва, и въ другихъ этого рода непріятныхъ случаяхъ, многіе обольщаютъ простодушныхъ и говорятъ, что эти бѣдствія несовмѣстны съ Промысломъ Божіимъ. Посему дабы намъ не обманываться, но вѣрно знать, что, посылаетъ ли на насъ Богъ голодъ, или войну, или другое какое несчастіе, это Онъ дѣлаетъ по человѣколюбію и великой попечительности, я и нашелъ нужнымъ остановиться на этомъ словѣ. Такъ и отцы, болѣе всего любящіе дѣтей, лишаютъ ихъ стола, подвергаютъ побоямъ, наказываютъ безчестіемъ, и множествомъ другихъ мѣръ исправляютъ своевольныхъ; а всетаки они — отцы, не только когда ласкаютъ дѣтей, но и когда дѣлаютъ такія взысканія, да тогда-то особенно они и отцы, когда дѣлаютъ это. Если же о людяхъ, негодованіемъ и гнѣвомъ часто увлекаемыхъ за предѣлы полезнаго, говоримъ, что они наказываютъ тѣхъ, кого любятъ не по жестокости и безчеловѣчію, но по заботливости и любви,—тѣмъ болѣе должно думать такъ о Богѣ, Который великостію Своей благости превосходитъ всякую отеческую любовь. И чтобы не подумалъ ты, что это сказано по догадкѣ, обратимся къ самому Писанію. Когда человѣкъ былъ обольщенъ и обманутъ лукавымъ демономъ, посмотримъ, какъ Богъ поступилъ тогда съ сдѣлавшимъ такой грѣхъ: погубилъ ли его совершенно? Справедливость требовала совсѣмъ истребить и погубить того, кто, не сдѣлавъ ничего добраго, удостоился такой милости и потомъ тотчасъ же отступилъ (отъ Бога); однако Богъ не сдѣлалъ этого, не возгнушался и не отвергъ того, кто показалъ себя столь неблагодарнымъ къ благодѣтелю, но—идетъ къ нему, какъ врачъ къ больному. Не пропускай этихъ словъ безъ вниманія, возлюбленный, но подумай, каково это, что Онъ не послалъ ангела, ни архангела, ни другого кого изъ подобныхъ человѣку рабовъ, но Самъ Господь снизшелъ къ падшему, и возстановилъ лежащаго, и одинъ на-одинъ пришелъ къ нему, какъ другъ къ несчастному и впавшему въ великое бѣдствіе другу. Что Онъ сдѣлалъ это по великой Своей попечительности, показываютъ и самыя слова, которыя Онъ сказалъ къ нему: они показываютъ Его неизреченную любовь. И что говорить о всѣхъ словахъ? Первое уже слово тотчасъ обнару- 95
жило любовь Его. Онъ не сказалъ, какъ бы слѣдовало сказать оскорбленному: нечестивый и непотребный! Ты удостоился отъ Меня такой милости, почтенъ такою царственною властію, возвеличенъ предъ всѣмъ на землѣ безъ всякой заслуги, на самомъ дѣлѣ получилъ залоги Моей попечительности и вѣрное доказательство промышленія, и лукавому демону, губителю и врагу твоего

спасенія повѣрилъ ты болѣе, чѣмъ Господу и Промыслителю! Что такое оказалъ онъ тебѣ, какъ (оказалъ) Я? Не для тебя ли Я создалъ небо, землю, море, солнце, луну, всѣ звѣзды? Ангелы не имѣли нужды въ такомъ твореніи; но для тебя и для твоего покоя Я создалъ такой прекрасный и великій міръ. А ты, повѣривъ болѣе пустымъ словамъ, ложному и обманчивому обѣщанію, нежели на дѣлѣ оказанному благодѣянію и промышленію, предался ему (діаволу), и попралъ Мои законы!

Это и больше этого слѣдовало бы сказать оскорбленному; но не такъ (поступилъ) Богъ, а совсѣмъ напротивъ. Первыми уже словами Онъ тотчасъ возстановилъ лежащаго; Самъ первый позвалъ его и—устрашеннаго и трепещущаго заставилъ ободриться. А лучше сказать: показалъ любовь и великое о насъ попеченіе не въ томъ только, что первый позвалъ его, но и въ томъ, что назвалъ его по имени и сказалъ: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9)? Всѣ вы знаете, что это свидѣтельствуетъ о настоящей любви. Такъ обыкновенно дѣлаютъ и зовущіе къ умершимъ: они непрестанно повторяютъ ихъ имена, тогда какъ, наоборотъ, ненавидящіе и злобящіеся на кого-либо не могутъ и вспомнить именъ своихъ оскорбителей. Такъ Саулъ хотя и ни въ чемъ не оскорбленный, напротивъ самъ много и сильно оскорблявшій Давида, изъ отвращенія и ненависти къ нему не хотѣлъ вспоминать и его имени; напротивъ, замѣтивъ, что всѣ собрались у него, а Давидъ не пришелъ, что говоритъ? Не сказалъ: гдѣ Давидъ? Но—гдѣ *сынъ Іессеевъ* (1 Цар. XX, 27)? Назвалъ его по отцу. Тоже дѣлаютъ и іудеи въ отношеніи къ Христу. Поелику они не любили Его и ненавидѣли, то не сказали: гдѣ Христосъ? Но—*гдѣ есть Онъ* (Іоан. VII, 11)?

4. Но Богъ, желая и въ этомъ показать, что грѣхъ не погасилъ любви и преслушаніе не истребило въ Немъ благоволенія къ человѣку, а что Онъ еще промышляетъ и печется о падшемъ, говоритъ: *Адаме, гдѣ еси?* (Говоритъ такъ) не потому, чтобы не зналъ, гдѣ онъ былъ, но потому, что у согрѣшившихъ сомкнуты бываютъ уста: грѣхъ останавливаетъ у нихъ языкъ, совѣсть удерживаетъ его, и они остаются безмолвны, связанные молчаніемъ, какъ цѣпью. Итакъ, желая вызвать Адама къ смѣлости въ разговорѣ, придать ему бодрости и побудить къ оправданію своего грѣха, чтобы получить ему какое-либо извиненіе, Богъ Самъ первый позвалъ его; произнесеніемъ имени (Адама) Онъ много убавилъ у него робости, и этимъ зовомъ прогналъ страхъ его и отворилъ ему уста. Вотъ почему и сказалъ: *Адаме, гдѣ еси?* Въ другомъ положеніи, говоритъ, оставилъ Я тебя, и въ другомъ—теперь обрѣтаю: оставилъ въ дерзновеніи и славѣ, а нахожу те-

перь въ безчестіи и молчаніи. Посмотри и еще на попечительность Божію. Не позвалъ Онъ Еву, не позвалъ змія, но кто легче 96
всѣхъ согрѣшилъ, того перваго и ведетъ на судъ, дабы, начавъ съ того, кто могъ заслуживать нѣкоторое извиненіе, произвести болѣе милостивый приговоръ и той, которая тяжко согрѣшила. И судьи не сами допрашиваютъ своихъ сорабовъ, имѣющихъ одинакую съ ними природу, но, избравъ посредникомъ кого-либо изъ служителей своихъ, велятъ ему передавать свои вопросы подсудимому: чрезъ него и говорятъ и выслушиваютъ, что хотятъ, когда допрашиваютъ преступниковъ; но Богъ не нашелъ нужнымъ имѣть посредника между Собою и человѣкомъ: Онъ Самъ лично судитъ и распрашиваетъ. Кромѣ этого достойно удивленія и то, что Онъ еще и исправляетъ грѣхи. Судьи, когда поймаютъ разбойниковъ и гроборасхитителей, заботятся не о томъ, чтобы сдѣлать ихъ лучшими, но чтобы наказать ихъ за преступленія. Богъ совсѣмъ напротивъ: когда уловитъ согрѣшившаго, не о томъ заботится, чтобы наказать его, но—чтобы исправить, сдѣлать лучшимъ и впредь неуловимымъ (отъ грѣха). Такимъ образомъ Богъ вмѣстѣ—и судія, и врачъ, и учитель; какъ судія допрашиваетъ, какъ врачъ исправляетъ, какъ учитель вразумляетъ согрѣшившихъ, вводя ихъ во всякую премудрость. Если же одно простое и краткое изреченіе показало въ Богѣ столь великую попечительность, то что̀, если бы мы прочли вамъ обо всемъ этомъ судѣ (надъ Адамомъ) и изложили вполнѣ все это событіе? Видишь, какъ все Писаніе служитъ къ утѣшенію и наставленію. Но объ этомъ скажемъ въ свое время, а напередъ нужно бы сказать, когда дана эта книга: не вначалѣ же, не тотчасъ послѣ Адама это написано, но послѣ многихъ уже поколѣній. Достойно также изслѣдованія, почему (написано это) послѣ многихъ уже поколѣній, почему только для іудеевъ, а не для всѣхъ людей, почему на еврейскомъ языкѣ, и почему въ пустынѣ Синайской? Не безъ причины же апостолъ упоминаетъ объ этомъ мѣстѣ, но и чрезъ это подаетъ намъ великую мысль, когда говоритъ такъ: *сія бо еста два завѣта: единъ убо отъ горы Синайскія, въ работу раждаяй* (Гал. IV, 24).

5. Много бы и другого нужно изслѣдовать; но вижу, что время не позволяетъ намъ пуститься съ словомъ въ такое море. Почему, отложивъ это до удобнаго случая, опять поговоримъ съ вами объ избѣжаніи клятвъ, и попросимъ любовь вашу позаботиться объ этомъ съ большимъ стараніемъ. И не странно ли, что слуга не смѣетъ назвать господина своего по имени безъ нужды и по пустому случаю,—а мы имя Господа ангеловъ произносимъ вездѣ безъ нужды и съ великою небрежностію! Когда нужно тебѣ взять Евангеліе, ты, умывъ руки, берешь его съ ве-

ликимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, съ трепетомъ и страхомъ, а имя Господа Евангелія безъ нужды вездѣ носишь на языкѣ? Хочешь ли знать, какъ произносятъ имя Его горнія Силы, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ ужасомъ, съ какимъ изумленіемъ? *Видѣхъ*, говоритъ, *Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и пре-*
97 *вознесеннѣ. И Серафими стояху окрестъ Его, и взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его* (Иса. VI, 1 — 3). Видишь, съ какимъ страхомъ, съ какимъ трепетомъ называютъ Его онѣ, когда славословятъ и воспѣваютъ? Ты призываешь Его съ великою небрежностію и въ молитвахъ и прошеніяхъ, когда бы слѣдовало трепетать, быть осторожнымъ и внимательнымъ. А въ клятвахъ, гдѣ и совсѣмъ не надлежало бы приводить это чудное имя, сплетаешь разныя одну съ другою божбы! И какое будетъ намъ извиненіе, какое оправданіе, хотя и тысячу разъ станемъ ссылаться на привычку? Разсказываютъ о какомъ-то языческомъ риторѣ, что онъ имѣлъ глупую привычку, идучи, безпрестанно подергивать правымъ плечемъ; однако онъ побѣдилъ эту привычку, — сталъ класть на оба плеча острые ножи, чтобы опасеніемъ порѣза отъучить эту часть тѣла отъ неумѣстнаго движенія. Сдѣлай то же и ты съ языкомъ, и, вмѣсто ножа, наложи на него страхъ наказанія Божія—и навѣрное будешь имѣть успѣхъ. Быть не можетъ, чтобы остался безъ успѣха тотъ, кто дѣлаетъ это заботливо и старательно. Теперь вы хвалите слова мои, но, когда исправитесь, будете еще болѣе хвалить не только насъ, но и самихъ себя: станете съ боль-
98 шимъ удовольствіемъ слушать, что говорено будетъ, и съ чистою совѣстію произносить имя Бога, Который такъ бережетъ тебя, что говоритъ: *ниже главою твоею кленися* (Матѳ. V, 36). А ты такъ пренебрегаешь Имъ, что клянешься и Его славою! Но что мнѣ, говоришь, дѣлать съ тѣми, кто ставитъ меня въ необходимость? Въ какую это необходимость, человѣкъ? Пусть всѣ узнаютъ, что ты скорѣе рѣшишься все претерпѣть, чѣмъ преступить законъ Божій — и не станутъ принуждать тебя. Не клятва даетъ человѣку вѣру, но свидѣтельство жизни, непорочное поведеніе и добрая о немъ слава: многіе часто надрывались клянясь — и никого не убѣждали; а другіе однимъ наклоненіемъ головы пріобрѣтали себѣ болѣе вѣры, нежели столько клявшіеся. Зная все это и имѣя предъ глазами ожидающее клянущихся наказаніе, отстанемъ отъ этой дурной привычки, чтобы, послѣ этого, перейти намъ и къ другимъ добродѣтелямъ и получить будущія блага, которыхъ да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, держава и честь Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

Увѣщаніе къ добродѣтели, и на слова: *хождаше Богъ въ раи по полудни* (Быт. III, 8), и—о воздержаніи отъ клятвъ.

Вы НЕДАВНО [1]) узнали, какъ все Писаніе доставляетъ утѣ- 97
шеніе и отраду, хотя бы то было историческое повѣствованіе. Изреченіе: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1) излагаетъ исторію, но слово показало, что въ этомъ изреченіи заключается великое утѣшеніе: именно, что Богъ устроилъ двоякую трапезу, предложивъ вмѣстѣ землю и море; возжегъ вверху двоякаго рода свѣтило—солнце и луну, и сдѣлалъ два тока времени—день и ночь, тотъ для дѣятельности, а это для успокоенія. И ночь, не меньше дня, оказываетъ намъ услуги,—подобно тому какъ и о деревьяхъ сказалъ я, что безплодныя доставляютъ пользу наравнѣ съ плодовитыми, не принуждая насъ употреблять на постройку садовыя деревья; равно какъ и дикія и свирѣпыя животныя доставляютъ намъ пользу не меньше кроткихъ, потому что и страхомъ сгоняютъ насъ въ города, и дѣлаютъ болѣе осмотрительными, и тѣсно соединяютъ насъ другъ съ другомъ, и въ однихъ упражняютъ силу, а другихъ освобождаютъ отъ болѣзней (потому что врачи приготовляютъ изъ нихъ многія лѣкарства), и напоминаютъ намъ о древнемъ грѣхѣ. Такъ, когда услышу: *страхъ и трепетъ вашъ будетъ на всѣхъ звѣрехъ земныхъ* (Быт. IX, 2), и увижу потомъ, что эта честь утрачена, то вспоминаю о грѣхѣ, который и истребилъ (въ звѣряхъ) страхъ предъ нами, и подорвалъ нашу власть,—и становлюсь лучшимъ и благоразумнѣйшимъ, узнавъ, какой уронъ понесли мы чрезъ грѣхъ. Итакъ повторяю: какъ эти вещи, о которыхъ сказано, и еще большее количество другихъ, которыя знаетъ создавшій ихъ Богъ, приносятъ намъ въ жизни не малую пользу, такъ и ночь не меньше дня доставляетъ пользы, служа успокоеніемъ отъ трудовъ и врачествомъ отъ болѣзней.
Часто бываетъ, что врачи, употребивъ великія усилія и испытавъ 98
множество лѣкарствъ, не могутъ освободить больного отъ болѣзни; а приходитъ самъ собою сонъ—и совсѣмъ прекращаетъ болѣзнь и избавляетъ врачей отъ безчисленныхъ трудовъ. Но ночь служитъ врачествомъ не только отъ недуговъ тѣлесныхъ, но и отъ душевныхъ болѣзней, успокоивая скорбящія души. Какъ часто иной, лишившись сына, не смотря на безчисленное множество утѣшав-

---

[1]) См. предыдущ. VII бесѣд.

шихъ его, не могъ удержаться отъ рыданій и стона; а съ наступленіемъ ночи уступалъ силѣ сна, смыкалъ вѣжды и получалъ хотя малое облегченіе дневнаго горя! Но пора уже возвратиться къ предмету, по поводу коего мы и это сказали, такъ какъ я хорошо знаю, что всѣ мы заняты имъ и каждый изъ васъ съ нетерпѣніемъ желаетъ узнать, для чего не вначалѣ дана эта книга (Бытія). Но вижу, что и теперь не время этому изслѣдованію. Почему такъ? Потому, что у насъ уже къ концу пришла недѣля, и я боюсь, что, коснувшись этого предмета, придется тотчасъ же и прервать наставленіе. Для этого предмета требуется много дней сряду и непрерывнаго напоминанія: поэтому мы опять откладываемъ его. Но не досадуйте,—мы непремѣнно съ лихвою заплатимъ вамъ долгъ, потому что это выгодно и намъ, которые его выплачиваемъ. А теперь скажемъ о томъ, о чемъ не договорено вчера. Что же не договорено вчера? *Хождаше*, говоритъ, *Богъ въ раи по полудни* (Быт. III, 8). Что говоришь, скажи мнѣ, *хождаше Богъ?* Не ходилъ Богъ, потому что какъ ходить вездѣсущему и все исполняющему? А только вложилъ въ Адама такое чувство, чтобы онъ смирилъ себя, чтобы не былъ безпеченъ, и чтобы его бѣгство и укрывательство хотя нѣсколько заслужило извиненіе еще
99 прежде, нежели онъ станетъ говорить. Какъ готовящіеся идти въ судилище и дать отчетъ въ преступленіяхъ, являются предъ судей неопрятными, нечистыми, печальными и смиренными, чтобы и самымъ видомъ расположить ихъ къ человѣколюбію, милости и снисхожденію,—такъ было и съ Адамомъ. И ему надлежало войти въ это судилище сокрушеннымъ; поэтому Богъ предварительно смирилъ его. Но—пусть онъ чувствовалъ, что ходитъ кто-то: отчего же подумалъ онъ, что ходитъ Богъ? Такъ обыкновенно бываетъ съ грѣшниками: они все подозрѣваютъ, боятся тѣней, пугаются всякаго шума, и думаютъ, что всякій идетъ противъ нихъ. Видя, какъ многіе спѣшатъ совсѣмъ по другому дѣлу, грѣшники часто думаютъ, что эти люди идутъ за ними, и, когда другіе говорятъ между собою совсѣмъ объ иномъ, знающіе за собою грѣхъ думаютъ, что тѣ объ нихъ говорятъ.

2. Таковъ грѣхъ: онъ выдаетъ грѣшника, когда никто не обличаетъ его, осуждаетъ, когда никто не обвиняетъ, и дѣлаетъ его боязливымъ и робкимъ; а правда производитъ противное дѣйствіе. Послушай же, какъ Писаніе изобразило и робость грѣшника, и дерзновеніе праведника. *Бѣгаетъ*, говоритъ, *нечестивый, ни единому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1). Какъ бѣгаетъ, когда никто не гонитъ? Внутри имѣетъ онъ гонящаго, обличителя, именно совѣсть, и носитъ его (въ себѣ) повсюду; и какъ не можетъ убѣжать отъ самого себя, такъ и отъ внутренняго своего гонителя; но куда бы

ни ушелъ, вездѣ терпитъ удары и получаетъ неизлѣчимую рану. Не таковъ праведный; а каковъ, послушай: *праведный, яко левъ уповая* (Притч. XXVIII, 1). Таковъ былъ Илія. Увидѣлъ онъ, что царь идетъ къ нему, и когда тотъ сказалъ: *ты ли еси развращаяй Израиля? Не азъ развращаю*, говоритъ, *Израиля, но ты, и домъ отца твоего* (3 Цар. XVIII, 17). Поистинѣ, этотъ праведникъ смѣлъ, какъ левъ: потому что онъ, какъ левъ на какого—нибудь ничтожнаго пса, возсталъ на нечестиваго царя. Тотъ былъ и въ порфирѣ, но на этомъ была милоть—такая одежда, которая дороже той порфиры.

Порфира та породила ужасный голодъ, а эта милоть прекратила бѣдствіе; она раздѣлила Іорданъ; Елисея сдѣлала сугубымъ Иліею. О, какъ велика добродѣтель святыхъ! Вся тварь оказываетъ всегда честь не только словамъ и тѣламъ, но и самымъ одеждамъ ихъ. Милоть Иліи раздѣлила Іорданъ, обувь трехъ отроковъ попрала огонь, древо Елисея измѣнило воду и заставило желѣзо подняться на поверхность, жезлъ Моисея раздѣлилъ Чермное море, разсѣкъ камень, одежда Павла прогнала недуги, тѣнь Петра обратила въ бѣгство смерть.

Прахъ святыхъ мучениковъ отгоняетъ лукавыхъ демоновъ. Поэтому праведники все дѣлаютъ со властію, какъ и Илія. Онъ смотрѣлъ не на діадему и не на внѣшній блескъ царя, но—на душу, покрытую рубищемъ, нечистую, смрадную и болѣе всякаго преступника жалкую; и увидя его плѣнникомъ и рабомъ страстей, не устрашился его власти: онъ, казалось, будто на сценѣ, а не на самомъ дѣлѣ видѣлъ царя. Да и какая польза 106
отъ внѣшняго богатства, когда внутри такая бѣдность? И какой вредъ отъ внѣшней бѣдности, когда внутри лежитъ такое богатство? Такимъ львомъ былъ и блаженный Павелъ: вошедши въ темницу, онъ только возопилъ—и поколебалъ всѣ основанія, разорвалъ узы—не зубами, а словами (Дѣян. XVI, 25 и дал.). Поэтому праведниковъ должно называть не только львами, но и чѣмъ-то большимъ львовъ: потому что левъ часто, попавъ въ сѣти, бываетъ уловляемъ, а святые въ узахъ становятся еще сильнѣе,—какъ и этотъ блаженный сдѣлалъ тогда въ темницѣ, разрѣшивъ узниковъ, поколебавъ стѣны, словомъ благочестія связавъ и плѣнивъ темничнаго стража (Дѣян. XVI, 26—31). Левъ рыкаетъ—и разгоняетъ всѣхъ звѣрей: святой вопіетъ—и отвсюду гонитъ демоновъ. Оружіе льва—грива, острота когтей и отточенные зубы; оружіе праведнаго—любомудріе, воздержаніе, терпѣніе, презрѣніе ко всему настоящему. Имѣющій это оружіе посмѣется не только надъ злыми людьми, но и надъ вражескими силами. Итакъ позаботься, человѣкъ, о жизни по Богѣ—и никто никогда не одолѣетъ тебя, но,

хотя бы ты казался всѣхъ слабѣе, будешь сильнѣе всѣхъ: равно какъ, если вознерадишь о добродѣтели душевной, то, хотя бы ты былъ сильнѣе всѣхъ, легко будешь уловленъ всякимъ, кто строитъ ковы. Это доказали уже и представленные примѣры; но если хочешь, я постараюсь научить тебя и дѣлами, что побѣдить праведныхъ невозможно, а одолѣть грѣшниковъ легко. Послушай же, какъ на то и на другое указалъ пророкъ. *Не тако нечестивіи*, говоритъ, *не тако, но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли* (Псал. I, 4). Какъ прахъ легко поддается порывамъ вѣтровъ и воздымается, такъ и грѣшникъ вращается кругомъ отъ всякаго искушенія. Когда уже онъ ведетъ брань съ собою, и эту войну носитъ повсюду,—то какая у него надежда на спасеніе, если онъ самъ себя предалъ и водитъ съ собою постояннаго врага—совѣсть? Но не таковъ праведный; а каковъ? Послушай, что говоритъ тотъ же пророкъ: *надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ* (Псал. CXXIV, 1). Что это значитъ: *яко гора Сіонъ? Не подвижится во вѣкъ*, говоритъ. Сколько бы ты ни употребилъ хитростей, сколько бы ни бросалъ стрѣлъ, чтобы повалить гору, никогда не одолѣешь ея: да и возможно ли это? Только всѣ хитрости истощишь и силу свою потратишь. Таковъ и праведникъ: сколько бы онъ ни получилъ ударовъ, самъ не потерпитъ никакого зла, а истощитъ силу навѣтующихъ—не только людей, но и самыхъ демоновъ. Ты не разъ слышалъ, сколько навѣтовъ строилъ діаволъ противъ Іова, и однако не только не поколебалъ этой горы, напротивъ самъ изнемогъ и отступилъ, потому что отъ этой осады (Іова) стрѣлы его переломались и хитрости оказались безполезными.

3. Зная это, попечемся о своей жизни, и не станемъ заботиться ни о богатствѣ гибнущемъ, ни о славѣ угасающей, ни о тѣлѣ старѣющемся, ни о красотѣ увядающей, ни объ удовольствіи скоро-
101 течномъ, но все стараніе обратимъ на душу и ее-то врачевать будемъ всячески. Излѣчить заболѣвшія тѣла не всякому легко, а уврачевать недугующую душу легко всѣмъ. На лѣченіе болѣзни тѣлесной требуются и лѣкарства и деньги, а врачество для души пріобрѣтается легко и безъ издержекъ. Тѣло съ великимъ трудомъ освобождается отъ удручающихъ его ранъ, потому что часто нужно бываетъ употреблять и желѣзо и горькія лѣкарства; но съ душею не бываетъ ничего такого: напротивъ, стоитъ только захотѣть и пожелать—и все исправлено. И это было дѣло Промысла Божія: такъ какъ отъ болѣзни тѣлесной не можетъ быть большого вреда (потому что, если мы и не заболѣемъ, придетъ смерть—и непремѣнно повредитъ и разрушитъ тѣло), все напротивъ заключается въ здравіи души нашей,—то врачеваніе гораздо полезнѣйшей и необходимѣйшей части Богъ сдѣлалъ удобнымъ, и безубыточнымъ,

и безболѣзненнымъ. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, какое извиненіе, когда въ случаѣ болѣзни тѣлесной, гдѣ нужно и истратить деньги, и пригласить врачей, и вытерпѣть великую боль, показываемъ такую заботливость, и это тогда, какъ отъ болѣзни той намъ не бываетъ большого вреда; а о душѣ небрежемъ, и это тогда, какъ не нужно намъ ни тратить денегъ, ни безпокоить другихъ, ни терпѣть боли, но и безъ всего этого, одною рѣшимостію и волею, можемъ совершенно исправить ее, вѣрно зная притомъ, что, если мы не сдѣлаемъ этого, то подвергнемся крайнему осужденію, неизбѣжнымъ наказаніямъ и мученіямъ? Скажи мнѣ, еслибы кто обѣщалъ научить тебя врачебному искусству въ самое краткое время, безъ денегъ и труда, не почелъ ли бы ты его благодѣтелемъ? Не согласился ли бы и сдѣлать и потерпѣть все, что бы ни велѣлъ обѣщавшій это? Вотъ теперь есть возможность безъ трудовъ найти лѣкарства не для тѣлъ, но для ранъ души, и безъ всякой боли привести ее въ здоровое состояніе: не будемъ же нерадивы. И какая боль, скажи мнѣ, перестать гнѣваться на оскорбившаго? Вотъ боль,—когда памятозлобствуютъ и не примиряются! Какой трудъ помолиться и попросить безчисленныхъ благъ отъ скоро-дающаго Бога? Какой трудъ никого не злословить? Какое неудобство освободиться отъ зависти и ненависти? Какая тягость любить ближняго? Какая бѣда не говорить срамныхъ словъ, не браниться, не обижать? Какая трудность не клясться? Опять перейду къ тому же увѣщанію. Клясться—вотъ величайшій трудъ! Сколько разъ мы, въ раздраженіи и гнѣвѣ, клялись не примиряться съ оскорбившими насъ; потомъ, когда гнѣвъ угасалъ и раздраженіе утихало, мы и хотѣли бы примириться, но, будучи удерживаемы клятвами, скорбѣли, какъ захваченные какою-либо сѣтью и связанные неразрѣшимыми узами. Поэтому и діаволъ, зная, что гнѣвъ есть огонь и легко погасаетъ, а по угашеніи гнѣва бываетъ примиреніе и дружба,—зная это и желая, чтобы огонь этотъ оставался неугасимымъ, нерѣдко связываетъ насъ клятвою, дабы, если и прекратится гнѣвъ, то остающійся еще за нами долгъ клятвы поддержалъ въ насъ пламя, и 102
произошло одно изъ двухъ: или, примирившись, мы нарушили бы клятву, или, не примирившись, подвергли бы себя осужденію за злопамятство.

4. Зная это, будемъ избѣгать клятвъ, и уста наши пусть научатся говорить непрестанно: повѣрь! Это будетъ у насъ основаніемъ всякаго благочестія, потому что языкъ, научившись говорить одно это слово, стыдится и краснѣетъ произносить срамныя и неприличныя слова; а если когда и увлечется привычкою, то, имѣя много обвинителей, опять воздержится. Когда увидитъ кто,

что неклянущійся произноситъ срамныя слова, легко нападетъ на него, осмѣетъ его и скажетъ съ насмѣшкою: ты, который при всякомъ случаѣ говоришь: повѣрь,—не хочешь произнести клятву, а языкъ свой безчестишь срамными словами? Такимъ образомъ понуждаемые присутствующими, мы, и поневолѣ, обратимся къ благочестію. Что же, скажешь, если будетъ необходимость клясться? Тамъ, гдѣ законъ нарушается, нѣтъ необходимости. И можно ли, скажешь, совсѣмъ не клясться? Что говоришь? Богъ повелѣлъ—и ты смѣешь спрашивать: можно ли соблюсти законъ? Невозможно не соблюдать его; и въ этомъ, что не-клясться, но клясться невозможно, хочу я убѣдить васъ настоящими обстоятельствами. Вотъ жителямъ нашего города приказано внести подать, превышающую повидимому силы народа, и большая часть ея внесена, но сборщики, слышно, еще говорятъ: что медлишь, человѣкъ? Что проводишь насъ день за день? Дѣло неизбѣжное; законъ царевъ не терпитъ отлагательства. Что говоришь, скажи мнѣ? Царь повелѣлъ внести деньги, и не внести невозможно: Богъ повелѣлъ избѣгать клятвъ, и говоришь, что невозможно избѣгать клятвъ? Это шестой день, какъ убѣждаю васъ соблюдать эту заповѣдь: теперь же, разставаясь, хочу договориться съ вами, чтобы вы были осторожны. Уже не будетъ вамъ никакого оправданія, ни извиненія. Еслибы и ничего не было вамъ сказано, вы сами собою должны были бы сдѣлать это, потому что дѣло это не многосложное, и не требуетъ большого приготовленія. Но когда вы получили уже такое вразумленіе и наставленіе, то что можете сказать въ свое оправданіе, когда будете обвиняемы, стоя на страшномъ судилищѣ и давая отчетъ въ этомъ грѣхѣ? Невозможно сказать никакого оправданія: но необходимо—или исправиться, и такъ умереть, или, не исправившись, подвергнуться наказанію и терпѣть величайшее мученіе. Размысливъ обо всемъ этомъ и вышедши отсюда съ великою заботою, убѣдите другъ друга тщательно сохранить въ умѣ вашемъ все говоренное въ теченіи столькихъ дней, дабы, когда и мы будемъ молчать, вы сами, научая, назидая и увѣщевая другъ друга, показали великое преуспѣяніе и, исполнивъ всѣ прочія заповѣди, получили вѣчные вѣнцы, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и Сыну и Святому Духу и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

Похвала тѣмъ, кои оставили привычку клясться, и о томъ, что никто не долженъ думать, будто бы послѣ принятія пищи нельзя слушать въ церкви слово Божіе; также о томъ, почему спустя много времени дано св. Писаніе, и на слова: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. xviii, 1), и къ концу—объ избѣжаніи клятвъ.

И НЕДАВНО къ вамъ, и теперь къ вамъ говорю: о, еслибы 103
и всегда быть съ вами! А впрочемъ, я всегда съ вами, если и не тѣломъ, то силою любви, потому что для меня и нѣтъ другой жизни, кромѣ васъ и заботы о вашемъ спасеніи. Какъ земледѣлецъ только и заботится, что о сѣменахъ и посѣвахъ, и кормчій—о волнахъ и пристаняхъ; такъ и проповѣдникъ—о слушателяхъ и ихъ преуспѣяніи, какъ и я теперь. Потому я и ношу всѣхъ васъ въ умѣ моемъ, не только здѣсь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мѣра моего сердца мала, зато любовь обширна, и *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ* (2 Кор. vi, 12); а что далѣе, того уже не скажу, потому что и мы не тѣсно помѣщаемся у васъ. Откуда это видно?—Многіе сказали мнѣ о себѣ: „мы исполнили приказанное, постановили другъ другу законы, опредѣлили взысканія клянущимся, наложили наказаніе на преступающихъ законъ",—наказаніе приличное вамъ, доказывающее весьма великую любовь. И не стыжусь я развѣдывать объ этомъ, потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ; и намъ не зазорно всегда разузнавать о вашемъ спасеніи, поелику, узнавъ такимъ образомъ, что вами исполнено, и что осталось несдѣланнымъ, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальныя лѣкарства.

Итакъ, по развѣданіи, мы узнали это, и возблагодарили Бога, что не на камнѣ посѣяли мы, не въ тернія бросили сѣмена, и не потребовалось намъ продолжительнаго времени и большой отсрочки, чтобы пожать ниву. Вотъ почему всегда имѣю васъ въ умѣ моемъ; вотъ почему не чувствую труда отъ учительства: меня облегчаетъ польза слушанія! Этой награды достаточно, чтобы ободрить насъ, и окрылить, и сдѣлать отважными, и убѣдить къ перенесенію всякаго за васъ труда. Посему, такъ какъ вы показали великое усердіе къ добру, то и мы заплатимъ остальной долгъ, который обѣщали недавно, хотя и не вижу, чтобы всѣ пришли сюда, при комъ я далъ здѣсь то обѣщаніе. Что же тому при-

чиною? Что отогнало ихъ отъ нашей трапезы? Вкусившій чувственной трапезы, кажется, подумалъ, что послѣ чувственной пищи не должно идти къ слушанію слова Божія. Но несправедливо такъ думаютъ, потому что и Христосъ не сказалъ бы долгихъ и многихъ рѣчей послѣ Тайной Вечери, если бы это было неумѣстно; Онъ же, насытивъ неоднократно народъ въ пустынѣ, не предложилъ бы ему бесѣды послѣ трапезы, если бы это было неприлично. А если нужно сказать что удивительное, такъ это то, что (послѣ трапезы) всего полезнѣе—слушать слово Божіе. Когда бу-
104 дешь ты убѣжденъ, что, послѣ пищи и питія, необходимо пойти
и въ (церковное) собраніе, то, конечно, и невольно позаботишься о трезвости, и не впадешь въ пьянство и объяденіе: забота и мысль идти въ церковь учитъ принимать пищу и питіе съ должною умѣренностію, чтобы, пришедши въ церковь и ставъ вмѣстѣ съ братіями, не пахнуть тебѣ виномъ и не рыгать безчинно, и не быть за это осмѣяну всѣми присутствующими. Это говорю теперь не къ вамъ, но къ отставшимъ отъ васъ, чтобы чрезъ васъ они узнали объ этомъ. Не ядѣніе мѣшаетъ слушанію, но безпечность; а ты, считая грѣхомъ не попоститься, прибавляешь еще другой большій и тягчайшій грѣхъ—тотъ, что не участвуешь въ этой священной трапезѣ и, напитавъ свое тѣло, моришь голодомъ душу! Какое же будешь имѣть оправданіе? На счетъ поста у тебя, можетъ быть, есть извиненіе—слабость тѣла; но что можешь сказать на счетъ слушанія (слова Божія)? Слабость тѣла не препятствуетъ участвовать въ словѣ Божіемъ. Еслибы я сказалъ: никто, пообѣдавъ, не приходи въ собраніе; никто, поѣвши, не слушай поученій,—ты имѣлъ бы какое-нибудь извиненіе... А теперь, когда мы влечемъ, и тянемъ, и зовемъ къ себѣ, чѣмъ вы станете оправдываться въ томъ, что уклоняетесь отсюда? Негодный слушатель будетъ не тотъ, кто поѣлъ и попилъ, но кто невнимателенъ къ поученію, зѣваетъ и развлекается; кто тѣломъ здѣсь, а умомъ бродитъ въ другомъ мѣстѣ: такой, если и постится, неспособенъ къ слушанію. Напротивъ, бодрый и бдительный, и напрягающій свою мысль, если и приметъ пищу и питіе, будетъ у насъ самый способный слушатель. Въ мірскихъ судилищахъ и совѣтахъ по необходимости утвердился такой порядокъ [1]), такъ какъ тамъ не умѣютъ любомудрствовать: поэтому и ѣдятъ не для того, чтобы насытиться, но только бы не лопнуть; и пьютъ часто до излишества; дѣлая себя чрезъ это неспособными къ производству дѣлъ съ полдня и до вечера запираютъ уже совѣты и су-

¹) Т. е. ходить въ присутственныя мѣста до обѣда. Такъ было, напр., въ Аѳинахъ.

дилища. Здѣсь совсѣмъ не такъ,—нѣтъ: напротивъ, и вкусившій, по душевной трезвости, будетъ равенъ постящемуся; потому что онъ ѣстъ и пьетъ не для того, чтобы разорвать чрево и помрачить разсудокъ, но чтобы подкрѣпить ослабѣвшее тѣло.

2. Но довольно этого увѣщанія; время уже взяться за предметъ, хотя мысль у насъ останавливается и не расположена къ этому поученію, изъ-за тѣхъ, кои не пришли сюда. Какъ любящая мать, приготовивъ столъ, сокрушается и скорбитъ, когда дѣти не всѣ тутъ, такъ страдаю и я теперь; и, помышляя объ отсутствіи нашихъ братьевъ, медлю исполнить обѣщаніе. Но вы властны прогнать эту неохоту: если только обѣщаете мнѣ все передать тѣмъ съ точностію, мы охотно выложимъ вамъ все. Такимъ образомъ, 106
и для тѣхъ поученіе любви вашей будетъ утѣшеніемъ за отсутствіе, и вы послушаете насъ внимательнѣе, зная, что вамъ нужно и другимъ пересказать объ этомъ. Итакъ, чтобы слово у насъ было яснѣе, начнемъ его повтореніемъ прежняго.

Недавно мы спрашивали [1]), для чего Писаніе дано спустя столько лѣтъ; книга эта, вѣдь, дана не при Адамѣ, не при Ноѣ и Авраамѣ, но при Моисеѣ; и многіе, слышу, говорятъ, что, если она была полезна, слѣдовало бы дать ее вначалѣ, а если безполезна, не надлежало давать и послѣ. Пустое умствованіе! Никакъ не слѣдуетъ, что, если что полезно впослѣдствіи, то должно быть дано вначалѣ; и, если что дано вначалѣ, тому уже не должно оставаться послѣ. И молоко полезно, однако не всегда даютъ его, но даютъ намъ только въ дѣтствѣ; и крѣпкая пища полезна, но никто не даетъ намъ ея вначалѣ, но тогда, какъ мы выйдемъ изъ дѣтскаго возраста. Опять, полезно лѣто, но не всегда появляется; и зима нужна, но и она проходитъ. Что же, Писаніе, скажешь, не полезно? Весьма и полезно и необходимо. Почему же, скажешь, оно не надо намъ вначалѣ? Потому, что Богъ хотѣлъ учить человѣческую природу не Писаніемъ, но дѣлами. Что значитъ—дѣлами? Самымъ твореніемъ. За эту-то взявшись мысль и опровергая язычниковъ, кои говорили, что „мы не научены вначалѣ богопознанію изъ Писанія“,—апостолъ вотъ какъ ее доказывалъ. Сказавъ, что *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ* (Римл. I, 18), когда увидѣлъ онъ, что ему противопоставляютъ возраженіе и спрашиваютъ многіе, откуда могли язычники узнать истину Божію, и присовокупилъ: *зане разумное Божіе явѣ есть въ нихъ* (ст. 19). Какъ же явно для нихъ? Какъ могли они познать Бога? И кто показалъ? Объясни это.

[1]) См. Бес. VIII, 4.

Богъ бо явилъ есть имъ, — говоритъ (апостолъ). Какимъ способомъ? Какого послалъ Онъ пророка, какого евангелиста, какого учителя, если еще не было Писанія? *Невидимая бо его*, говоритъ, *отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* (ст. 20). Смыслъ словъ такой: предъ глазами всѣхъ предложилъ Онъ тварь, чтобы отъ дѣлъ заключали къ Творцу. О чемъ и другой (премудрый) сказалъ: *отъ величества бо и красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. Сол. XIII, 5). Видѣлъ ты величіе? Подивись могуществу Создавшаго. Видѣлъ красоту? Изумись премудрости Украсившаго. Это же объясняя, и пророкъ сказалъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Какъ, скажи мнѣ, повѣдаютъ? Голоса они не имѣютъ, устъ не получили, языка у нихъ нѣтъ: какъ же повѣдаютъ? Самымъ видомъ. Когда увидишь красоту, величіе, высоту, положеніе, видъ, столь долговременное существованіе,—то, какъ бы слыша голосъ и научаемый видомъ, ты покланяешься Создавшему столь прекрасное и чудное тѣло. Молчитъ небо, но видъ его издаетъ звукъ громче трубы, научая насъ чрезъ зрѣніе, а не чрезъ слухъ, ибо то чувство по самой природѣ
106 вѣрнѣе и яснѣе этого. Если бы Богъ сталъ учить посредствомъ книгъ и письменъ, то знающій грамотѣ разумѣлъ бы написанное, а незнающій, безъ сторонняго наставленія, не получилъ бы отсюда никакой пользы; притомъ, богатый купилъ бы книгу, а бѣдный не могъ бы пріобрѣсть ее. Опять, знающій этотъ языкъ, какой означается чрезъ письмена, разумѣлъ бы содержащееся въ нихъ, а скиѳъ, и варваръ, и индѣецъ, и египтянинъ, и всѣ, незнающіе того языка, не узнали бы ничего. Но о небѣ нельзя сказать этого: напротивъ, и скиѳъ, и варваръ, и индѣецъ, и египтянинъ, и всякій человѣкъ, какой только ходитъ по землѣ, услышитъ этотъ голосъ, потому что онъ доходитъ до нашего ума не чрезъ уши, но чрезъ чувство зрѣнія: познаніе же видимыхъ предметовъ посредствомъ глазъ одинаково (у всѣхъ) и не различно такъ, какъ (познаніе) посредствомъ языковъ.

Въ эту книгу можетъ смотрѣть одинаково и простой человѣкъ и мудрецъ, и бѣдный и богатый; и куда бы кто ни шелъ, лишь взглянетъ на небо—и получитъ достаточное наставленіе отъ этого взгляда. И самъ пророкъ, намекая на это, и показывая, что твореніе издаетъ голосъ, внятный и для варваровъ, и для еллиновъ, и для всѣхъ вообще людей, такъ сказалъ: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (Псал. XVIII, 3). Это значитъ: нѣтъ народа, нѣтъ языка, который не могъ бы понять этого голоса; но таковъ звукъ (небесъ), что можетъ быть слышимъ всѣми людьми; и таковъ звукъ не только неба, но и дня и ночи. Какъ

же это—дня и ночи? Небо и красотою, и величіемъ, и всѣмъ прочимъ изумляетъ зрителей и заставляетъ удивляться Создавшему его; но день и ночь—что́ такое могутъ показать намъ? Ничего такого,—конечно; зато другое, что̀ не меньше того,—стройность, порядокъ самый строгій. Когда подумаешь, какъ они раздѣлили между собою весь годъ и какъ бы на вѣсахъ размѣрили длину всего времени, то удивишься Установившему этотъ порядокъ. Какъ братъ и сестра [1]), съ великою любовію раздѣлившіе между собою отцовское наслѣдство, и ни въ какой малости не обидѣвшіе другъ друга, такъ и день и ночь со всею точностію раздѣлили между собою годъ въ такой равной мѣрѣ, и хранятъ свои предѣлы и никогда не выгоняютъ другъ друга. Никогда, послѣ столькихъ уже поколѣній, день не бывалъ дологъ зимою, равно какъ и лѣтомъ ночь никогда не бывала долгою, но въ теченіе такого продолжительнаго времени одинъ ничего не захватилъ у другой болѣе, ни малѣйшей частицы, ни получаса, ни мгновенія ока.

Поэтому и псалмопѣвецъ, изумившись ихъ равенству, воскликнулъ такъ: *нощь нощи возвѣщаетъ разумъ* (Псал. XVIII, 3). И ты, если умѣешь любомудрствовать объ этомъ, удивишься Тому, Кто отъ начала установилъ эти неподвижные предѣлы. Пусть услышатъ надменные и высокоумные, и не хотящіе другимъ уступить первенства. День уступаетъ ночи, и не входитъ въ чужіе предѣлы; а ты, пользуясь всегда честію, не хочешь подѣлиться ею съ братьями?! Посмотри и еще на премудрость Законодателя. Онъ постановилъ, чтобы ночь была долгая зимою, когда сѣмена еще довольно нѣжныя, нуждаются въ большой прохладѣ, и не выносятъ слишкомъ жаркаго луча; когда же онѣ возрастутъ, то вмѣстѣ съ ними опять начинаетъ увеличиваться день, и наконецъ бываетъ онъ самый долгій, когда плодъ уже станетъ созрѣвать. Впрочемъ, это полезно не сѣменамъ только, но и тѣламъ (человѣческимъ). Какъ зимою и мореходецъ, и кормчій, и путешественникъ, и воинъ, и земледѣлецъ, будучи связаны холодомъ, сидятъ большею частію дома, и зимнее время есть время досуга; то Богъ и сдѣлалъ, что большая часть времени тратится на ночь, чтобы день не былъ слишкомъ дологъ тогда, когда люди ничего не могутъ дѣлать. А что сказать о стройномъ порядкѣ годичныхъ временъ, какъ и они, подобно дѣвамъ въ хороводѣ, весьма стройно идутъ одно за другимъ кругомъ, и не перестаютъ постепенно и тихо переходить чрезъ среднія къ противоположнымъ! Поэтому и лѣто принимаетъ насъ не отъ зимы, и зима не тотчасъ отъ него, но въ

---

[1]) Τινὲς ἀδελφαί—«нѣкія сестры», такъ какъ въ греч. подлинникѣ и день и ночь—слова женскаго рода.

срединѣ поставлена весна, чтобы, переводя насъ непримѣтно и мало-по-малу, безвредно приводить къ лѣту уплотнившіяся тѣла наши. Такъ какъ внезапные переходы въ противоположному состоянію причиняютъ болѣзнь и крайній вредъ, то Богъ и устроилъ, чтобы отъ зимы принимала насъ весна, отъ весны лѣто, отъ лѣта осень, и потомъ передавала зимѣ, чтобы для насъ были безвредны и постепенны переходы изъ противоположныхъ временъ года чрезъ среднія. Кто же будетъ столько жалокъ и несчастенъ, что, видя небо, видя также море и землю, видя и такое точное благорасположеніе годичныхъ временъ и неизмѣнный порядокъ дня и ночи, будетъ думать, что это произошло само собою, а не поклонится Тому, Кто устроилъ все это съ надлежащею премудростію? Скажу еще и болѣе того: не только величіе и красота, но и самый образъ сотворенія указываетъ на все-содержащаго Бога. Поелику мы не были при томъ, какъ Онъ вначалѣ творилъ и создавалъ вселенную, а еслибы и были, то не знали бы, какъ она происходила, потому что ее устрояла невидимая сила; то Онъ сдѣлалъ для насъ наилучшимъ учителемъ самый образъ сотворенія, устроивъ все сотворенное выше естественнаго порядка. Быть можетъ, сказанное мною нѣсколько темно: такъ нужно еще сказать объ этомъ яснѣе. Всѣ согласятся, что по естественному порядку вода должна носиться поверхъ земли, а не земля на водахъ, потому что земля, будучи густа, жестка, упруга и плотна, легко можетъ держать на себѣ воду, а вода, будучи жидка и удобоподвижна, мягка и текуча, и уступчива всякимъ напорамъ, не могла бы поддерживать ни одного тѣла, даже и самаго легкаго; часто она, при впаденіи малаго камешка, уступаетъ и даетъ ему мѣсто, и пропускаетъ его въ глубину. Поэтому, когда увидишь, что носится поверхъ воды не малый камешекъ, но вся земля, и не погружается; то подивись силѣ, такъ сверхъестественно чудодѣйствующей. А откуда это видно, что земля носится поверхъ воды? Пророкъ говоритъ объ этомъ такъ: *той на моряхъ основалъ ю есть, и на рѣкахъ уготовалъ ю есть* (Псал. XXIII, 2); и опять: *утвердившему землю на водахъ ея* (Псал. CXXXV, 6). Что говоришь? Малаго камешка вода не можетъ снести на своей поверхности, а носитъ такую землю, и горы, и холмы, и города, и растенія, и людей, и безсловесныхъ—и (земля) не погружается. Что говорю—
108 не погружается? Какъ она, будучи столь долгое время омываема снизу водою, не расплылась, и вся не превратилась въ грязь? И деревья, пробывъ нѣсколько времени въ водѣ, загниваютъ и разрушаются; и что говорю—деревья? Что можетъ быть крѣпче желѣза? Но и оно часто слабѣетъ, когда постоянно остается въ водѣ: и весьма естественно, потому что и оно имѣетъ происхож-

деніе отъ земли. Вотъ почему многіе бѣглые слуги, когда убѣгутъ въ оковахъ и цѣпяхъ, пришедши къ протокамъ воды, и положивъ въ нее скованныя ноги, и сдѣлавъ чрезъ то желѣзо мягче, ударяютъ его камнемъ и такъ легко ломаютъ. Такъ отъ воды и желѣзо умягчается, и деревья гніютъ, и камни разрушаются, а такая громада земли столько времени лежитъ на водахъ—и не погрузилась, не разрушилась, не погибла!

4. Кто же не изумится и не удивится этому, и не скажетъ смѣло, что это дѣла не природы, но сверхъестественнаго Промысла? Поэтому нѣкто говоритъ: *повѣшаяй землю ни на чемже* (Іов. XXVI, 7); а другой нѣкто: *въ руцѣ Его концы земли* (Псал. XCIV, 4), и: *на моряхъ основалъ ю есть* (Псал. XXIII, 2). Эти слова, повидимому, противорѣчущи, а на самомъ дѣлѣ весьма согласны между собою. Сказавшій: *на моряхъ основалъ ю есть*, выразилъ тоже самое, что и сказавшій: *повѣшаяй ю ни на чемже;* потому что стоять на водахъ то же, что и висѣть ни на чемъ. Гдѣ же поэтому земля виситъ и стоитъ? Послушай, что говоритъ тотъ же (пророкъ): *въ руцѣ Его концы земли*,—не то, что у Бога есть руки, но чтобы ты зналъ, что та самая сила Его, которая промышляетъ обо всемъ, поддерживаетъ и носитъ тѣло земли. Но ты не убѣждаешься словами? Тогда повѣрь тому, что видишь,—такъ какъ и на другой стихіи можно замѣтить это же чудное явленіе. Огонь по своей природѣ стремится вверхъ, всегда рвется и летитъ на высоту, и, хоть бы тысячу разъ его нудили и заставляли, не устремится внизъ. Сколько бы разъ ни брали мы горящій факелъ и ни наклоняли его внизъ верхушкою,—однако не можемъ заставить пламя склониться внизъ, напротивъ и тогда оно бѣжитъ вверхъ и снизу стремится на высоту. Но съ солнцемъ Богъ сдѣлалъ совершенно противное: обратилъ лучи его къ землѣ и заставилъ свѣтъ стремиться внизъ, какъ бы говоря ему этимъ положеніемъ: смотри внизъ, и свѣти людямъ; для нихъ ты и сотворено. И пламя свѣчи не позволило бы сдѣлать этого съ собою, а столь великая и чудная звѣзда склоняется внизъ, и смотритъ къ землѣ, въ противоположность огню,— по силѣ Повелѣвшаго. Хочешь, скажу и другое, тому же подобное? Хребетъ видимаго неба со всѣхъ сторонъ окружаютъ воды—и не стекаютъ, не спадаютъ, хотя не таково свойство водъ: напротивъ, онѣ легко стекаютъ во впадины, если же тѣло будетъ выпуклое, онѣ со всѣхъ сторонъ сбѣгаютъ, и ни малая часть ихъ не устоитъ на такой формѣ. Но вотъ чудо это случилось съ небесами; и на это самое опять указывая, пророкъ говоритъ: *Хвалите Господа воды, яже превыше небесъ* (Псал. CXLVIII, 4). И вода не погасила солнца, и солнце, столько времени ходя внизу, не высушило лежащей наверху воды. 109

Хочешь, сведемъ тебя опять на землю, и покажемъ еще чудо. Не видишь ли этого моря кипящаго волнами и порывистыми вѣтрами? Но это море пространное и великое, и бушующее, ограждается слабымъ пескомъ. И замѣть премудрость Божію: (Богъ) не далъ морю быть тихимъ и покойнымъ, чтобы ты не подумалъ, что это благоустройство въ немъ отъ природы; нѣтъ, оставаясь въ предѣлахъ своихъ, оно реветъ и бушуетъ, сильно шумитъ и воздымаетъ волны на несказанную высоту; когда же дойдетъ до береговъ и увидитъ песокъ, разслабѣвъ приходитъ опять въ себя, научая тебя тѣмъ и другимъ, что, если оно пребываетъ въ собственныхъ предѣлахъ, такъ это дѣло не природы, но силы Правящаго имъ. Поэтому и сдѣлалъ онъ стѣну слабую, и не накидалъ на эти берега ни деревъ, ни камней, ни горъ, чтобы имъ не приписалъ ты благоустройства этой стихіи. Объ этомъ нѣкогда и самъ Онъ говорилъ іудеямъ съ упрекомъ: *Мене ли не убоитеся, иже положихъ песокъ предѣлъ морю, и не превзыдетъ его* (Іер. v, 22)? Но удивительно не то только, что Богъ создалъ міръ великимъ и чуднымъ, и что утвердилъ его превыше естественнаго порядка, но также и то, что составилъ его изъ противоположныхъ стихій— теплой и холодной, сухой и влажной,—изъ огня и воды, изъ земли и воздуха: и эти противоположныя стихіи, изъ которыхъ составлена вселенная, враждуя одна противъ другой, не истребили однакожъ другъ друга,—и огонь не напалъ и не пожегъ всего, и вода не набѣжала и не потопила вселенную. Съ нашими тѣлами однако бываетъ это, и—при умноженіи желчи раждается лихорадка, и всему организму причиняется вредъ; при избыткѣ мокроты появляются многія болѣзни, и повреждаютъ организмъ. Но съ этою вселенною ничего такого не случается: напротивъ— каждая стихія, будучи удерживаема волею Творца, какъ бы какою уздою и цѣпію, хранитъ свои предѣлы, и борьба ихъ бываетъ причиною мира для вселенной. Не ясно ли и для слѣпца, и не понятно ли для самыхъ неразумныхъ, что это создано и поддерживается какимъ-то Промысломъ? Кто же на столько глупъ и безчувственъ, что, видя такую массу тѣлъ, такую красоту, такой составъ, непрерывную борьбу, противоборство и устойчивость такихъ стихій,—не размыслитъ самъ съ собою и не скажетъ: если бы не было какого-либо Промысла, поддерживающаго эту массу тѣлъ и не попускающаго вселенной распасться, она не могла бы существовать болѣе и продолжаться? Такой порядокъ временъ года, такое согласіе дня и ночи, породы столь многихъ безсловесныхъ животныхъ, и растеній, и сѣмянъ, и травъ—всѣ идутъ своимъ путемъ, и ничто до настоящаго дня не пропало и не погибло совершенно.

5. Впрочемъ, надлежало бы сказать не только объ этомъ, но
и о многомъ другомъ, что еще важнѣе этого и глубже: надле-
жало бы полюбомудрствовать и о самомъ твореніи; но, отложивъ
это до слѣдующаго дня, постараемся сказанное удержать тща-
тельно и передать другимъ. Знаю, что слухъ вашъ не привыкъ къ
глубокимъ мыслямъ; но, если будемъ нѣсколько внимательны, то и
себя пріучимъ къ такимъ мыслямъ, и для другихъ легко сдѣлаемся
учителями. А пока вотъ что нужно сказать любви вашей: какъ
Богъ прославилъ насъ такимъ созданіемъ, такъ и мы прославимъ
его чистотою жизни. *Небеса повѣдаютъ славу Божію* однимъ
только видомъ своимъ: такъ и мы возвѣстимъ славу Божію, изум-
ляя всѣхъ не только словами, но и молчаніемъ, и свѣтлостію своей 110
жизни: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да
видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на
небесѣхъ* (Матѳ. v, 16). Въ самомъ дѣлѣ, когда невѣрный увидитъ
тебя—вѣрнаго сокрушеннымъ, скромнымъ, добронравнымъ,—изу-
мится и скажетъ: истинно великъ Богъ христіанскій! Какихъ
устроилъ людей,—какими изъ какихъ сдѣлалъ! Ангеловъ сдѣлалъ
изъ людей! Обидитъ ли кто, не бранятъ; ударитъ ли кто, не сер-
дятся; оскорбитъ ли кто, молятся объ оскорбителѣ; врага не
имѣютъ, злопамятства не знаютъ, пустословить не умѣютъ, лгать
не научились, не любятъ преступать клятву и даже клясться, но
скорѣе рѣшатся на отсѣченіе языка, чѣмъ выпустить изъ устъ
какую-либо клятву. Вотъ что дадимъ поводъ имъ говорить о насъ,
изгонимъ дурную привычку клясться, и окажемъ Богу хоть такую
же честь, какую оказываемъ лучшимъ своимъ одеждамъ. Какъ же
это не странно, что имѣющіе лучшую предъ прочими одежду не
хотятъ безпрестанно употреблять ее, а имя Божіе влачатъ вездѣ
безъ разбора и какъ попало! Нѣтъ; прошу и умоляю, не будемъ
такъ пренебрегать своимъ спасеніемъ, но усердіе, какое сначала
показали мы объ этой заповѣди, доведемъ до конца. И я непре-
рывное дѣлаю увѣщаніе о клятвахъ не потому, чтобы обвинялъ
васъ въ безпечности, но потому, что вижу, что большая часть
вами уже исполнена; и я спѣшу и ускоряю, чтобы все было до-
вершено и окончено. Такъ дѣлаютъ и зрители: больше поощряютъ
тѣхъ, кои близки къ наградамъ. Не ослабѣемъ же и мы, потому
что и мы приблизились къ полному исправленію, и трудность была
только вначалѣ. Когда же большая часть привычки отсѣчена те-
перь, и остается уже малая часть, то нѣтъ нужды въ какомъ-либо
трудѣ, а требуется отъ насъ только небольшая осмотрительность
и небольшая тщательность, чтобы, сами исправившись, мы могли
сдѣлаться учителями и для другихъ, съ дерзновеніемъ увидѣть свя-
тую пасху и съ великимъ удовольствіемъ вкусить радость, вдвое

и втрое большую обыкновенной. Въ самомъ дѣлѣ, не такъ радостно для насъ освободиться отъ трудовъ и подвиговъ поста, какъ— исправившись, встрѣтить тотъ священный праздникъ, съ свѣтлымъ вѣнцомъ, съ вѣнцомъ никогда неувядающимъ. Но дабы ускорить исправленіе, сдѣлай, что скажу. Напиши на стѣнѣ дома твоего, и на стѣнѣ сердца твоего тотъ *серпъ летящъ* (который видѣлъ пророкъ Захарія v, 1), и представляй, что онъ летитъ на пагубу, и размышляй о немъ непрестанно; и если увидишь, что другой клянется, удержи его, останови, и позаботься о своихъ слугахъ. Если мы будемъ стараться не только о томъ, какъ бы самимъ намъ исправиться, но и о томъ, какъ бы и другихъ привести къ этому, то скоро и сами придемъ къ концу,—потому что, взявшись учить другихъ, мы будемъ краснѣть и стыдиться, если сами окажемся не исполняющими того, что заповѣдуемъ другимъ. Не нужно больше словъ; объ этомъ много говорено было и прежде, да и теперь сказано только для напоминанія. Богъ же, Который болѣе насъ печется о душахъ, да совершитъ насъ и въ этомъ и во всякомъ добрѣ, чтобы, принесши всякій плодъ правды, сподобиться намъ царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Похвала тѣмъ, которые, вкусивъ пищи, пришли слушать (бесѣду); ученіе о естествѣ міра, также противъ боготворящихъ тварь, и о избѣжаніи клятвъ.

111 Радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ, что недавнее увѣщаніе наше о непостящихся и изъ-за этого остающихся (дома), вы исполнили на дѣлѣ. Сегодня, думаю, здѣсь присутствуютъ и многіе изъ вкусившихъ уже пищи, и они наполняютъ это почтенное собраніе; думаю такъ потому, что собраніе у насъ стало блистательнѣе и стеченіе слушателей многочисленнѣе. Не напрасно, значитъ, расточили мы недавно объ нихъ много словъ, умоляя вашу любовь—влещи ихъ къ матери (Церкви) и убѣждать, что можно и послѣ принятія пищи тѣлесной участвовать въ пищѣ духовной. И когда, скажите мнѣ, возлюбленные, поступили вы лучше? Въ прошедшее ли собраніе, когда послѣ трапезы обратились ко сну, или нынѣ, когда послѣ трапезы сошлись на слушаніе божественныхъ заповѣдей? Тогда ли, когда проводили время на площади и участвовали въ собраніяхъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего хоро-

шаго, или нынѣ, когда стоите вмѣстѣ съ вашими братьями и слушаете слова пророческія? Не пищу принимать стыдно, возлюбленные, но что?—Принявъ ее, оставаться дома и лишать себя этого священнаго торжества. Оставаясь дома, ты пробудешь въ бездѣйствіи и праздности, а пришедши сюда, отрясешь всякій сонъ и всякую лѣность; отбросивъ же не только лѣность, но и всякую унылость, будешь ты лучше и благодушнѣе чувствовать себя во всѣхъ приключеніяхъ. И что говорить о другомъ? Стань только подлѣ постящагося, и сейчасъ почувствуешь его благоуханіе. Постящійся есть духовное мvро,—онъ и глазами, и языкомъ, и всѣмъ обнаруживаетъ благоустройство души. Сказалъ я это не въ осужденіе принявшихъ пищу, но—чтобы показать пользу поста.

Постомъ же называю не воздержаніе только отъ яствъ, но, еще болѣе этого, воздержаніе отъ грѣховъ. И вкусившій пищу, но пришедшій сюда съ должною скромностію, немного отсталъ отъ постящагося, такъ же какъ и постившійся, но безъ усердія и вниманія слушающій поученіе, немного получитъ пользы отъ поста. Вкушающій и участвующій въ священномъ собраніи съ должнымъ усердіемъ—гораздо лучше того, кто не вкушаетъ и остается дома, потому что неяденіе отнюдь не можетъ принести намъ столько пользы, сколько доставляетъ пользы и добра участіе въ духовномъ ученіи. Да и въ какомъ другомъ мѣстѣ ты услышишь то, о чемъ любомудрствуешь здѣсь? Пойдешь ли въ судъ? Тамъ распри и споры. Въ думу? Тамъ забота о дѣлахъ городскихъ. Въ домъ? Тамъ со всѣхъ сторонъ давитъ попеченіе о дѣлахъ частныхъ. Въ собранія и сходбища на площади? И тамъ все земное и тлѣнное: собирающіеся тамъ разсуждаютъ или о предметахъ купли, или о 112
податяхъ, или о роскошномъ столѣ, или продажѣ полей, или о другихъ сдѣлкахъ, или о завѣщаніяхъ, или о наслѣдствахъ, или о другихъ подобныхъ вещахъ. Войдешь ли даже въ царскіе дворцы? И тамъ опять то же услышишь,—всѣ разсуждаютъ о деньгахъ, о власти, о славѣ, здѣсь уважаемой, а о духовномъ ни о чемъ. Здѣсь же все напротивъ: здѣсь мы разсуждаемъ о небѣ и вещахъ небесныхъ, о душѣ, о нашей жизни, о томъ, для чего живемъ здѣсь столько времени, куда отходимъ отсюда, и что ожидаетъ насъ послѣ, почему у насъ тѣло изъ персти, что такое жизнь настоящая и что—будущая; словомъ, ни о чемъ земномъ, а все о духовномъ; и такимъ образомъ, получивъ великую подмогу ко спасенію, выходимъ мы отсюда съ доброю надеждою.

2. Посему, такъ какъ не напрасно бросили мы сѣмена, но, какъ я просилъ васъ, вы уловили всѣхъ, отставшихъ отъ васъ; то вотъ и мы вознаградимъ васъ и, напомнивъ вамъ немногое изъ преждесказаннаго, доскажемъ и остальное. О чемъ же говорено

было прежде? Мы разсуждали, какъ и какимъ образомъ Богъ устроивалъ дѣла наши, когда еще не было дано Писаніе, и говорили, что Онъ поучалъ родъ нашъ чрезъ природу, распростерши и предложивъ среди всѣхъ небо—эту величайшую книгу, назидательную и для простыхъ и для мудрыхъ, и для бѣдныхъ и для богатыхъ, и для скиѳовъ и для варваровъ, и вообще для всѣхъ живущихъ на землѣ,—книгу, которая гораздо важнѣе множества другихъ изучаемыхъ (книгъ). Многое сказали мы и о ночи и о днѣ, и о порядкѣ и о согласіи, въ точности соблюдаемыхъ ими; многое и о числѣ временъ года и ихъ равенствѣ. Какъ день, за весь годъ, и на полчаса не бываетъ больше ночи; такъ и эти (времена года) раздѣлили между собою всѣ дни поровну. Впрочемъ, какъ и прежде я сказалъ, на Творца указуетъ не величіе только и красота твари, но и самый составъ ея и устройство вышеестественнаго порядка. По естественному порядку слѣдовало бы водѣ носиться поверхъ земли; но теперь видимъ напротивъ, что земля на водахъ держится. По естественному порядку, огонь долженъ бы стремиться кверху; но теперь видимъ напротивъ, что лучи солнечные стремятся внизъ—къ землѣ; что есть *воды превыше небесъ*—и не разливаются; что солнце течетъ ниже—и не погашается водами, да и само не уничтожаетъ этой влаги. Еще сказали мы, что вселенная состоитъ изъ четырехъ стихій, противоположныхъ и противоборствующихъ другъ другу, и однако ни одна изъ нихъ не
113 истребила другой, хотя онѣ и губительны другъ для друга. Отсюда очевидно, что какая-то невидимая сила обуздываетъ ихъ, и—узами для нихъ служитъ воля Божія. Объ этомъ-то хочу сегодня поговорить подолѣе; только и вы стойте бодро и слушайте меня со вниманіемъ. А чтобы чудо сдѣлалось яснѣе, ученіе объ этомъ начну съ нашего тѣла. Тѣло наше, этотъ сокращенный и малый (міръ), состоитъ изъ четырехъ стихій: теплой—именно крови, сухой—желчи желтоватой, влажной — слизи и холодной — желчи черной. Да не подумаетъ кто-либо, что намъ неприлично такое разсужденіе: *духовный бо востязуетъ вся, а самъ той ни отъ единаго востязуется* (1 Кор. II, 15). И Павелъ, бесѣдуя съ нами о воскресеніи, коснулся соображеній о предметахъ земледѣльческихъ и сказалъ: *безумне, ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ* (1 Кор. XV, 36). Если же этотъ блаженный говорилъ о предметахъ земледѣлія, то да не упрекаютъ и насъ, что мы касаемся медицинскихъ мнѣній; вѣдь у насъ теперь слово о твореніи Божіемъ, и намъ необходимо изложеніе этихъ мнѣній. Итакъ—наше тѣло, сказалъ я, состоитъ изъ четырехъ стихій; и если одна нарушитъ согласіе съ цѣлымъ, то отъ такого разстройства происходитъ смерть: напр., когда разольется желчь, раждается горячка, и

если она усилится чрезъ мѣру, то причиняетъ немедленную смерть. Опять, когда преобладаетъ холодная стихія, происходятъ параличи, судороги, апоплексическіе удары и другія безчисленныя болѣзни. И вообще, всякаго рода болѣзни происходятъ отъ преизбытка этихъ стихій, когда т. е. одна, перешедши за свои предѣлы, беретъ перевѣсъ надъ другими и нарушаетъ всякую соразмѣрность.

Спроси же того, кто говоритъ, что все (въ мірѣ) произошло случайно и существуетъ само собою, (спроси): если это малое тѣло, и при помощи лѣкарствъ и врачебнаго искусства, при внутреннемъ управленіи имъ со стороны души, при великомъ любомудріи и другихъ безчисленныхъ пособіяхъ, не можетъ всегда оставаться въ благосостояніи, но часто отъ происходящаго въ немъ разстройства гибнетъ и разрушается,—то какъ бы столь великій міръ, имѣющій въ себѣ такія массы тѣлъ и состоящій изъ тѣхъ же стихій, какъ бы онъ пробылъ столько времени не разстроеннымъ, если бы не былъ хранимъ Провидѣніемъ? Нельзя и подумать, чтобы, если даже наше тѣло, оберегаемое и отвнѣ и изнутри, съ трудомъ поддерживаетъ свое существованіе, — столь великій міръ, будучи оставленъ безъ всякаго промышленія, во столько лѣтъ не потерпѣлъ ничего такого, что́ терпитъ наше тѣло. Какъ это, скажи мнѣ, ни одна изъ этихъ стихій не вышла изъ своихъ предѣловъ и не истребила всѣ прочія? Кто соединилъ ихъ вначалѣ? Кто связалъ? Кто обуздалъ? Кто удерживаетъ ихъ столько времени? Если бы еще міръ былъ тѣло простое и однородное, то сказанное нами было бы не такъ невозможно; но когда такая борьба стихій была отъ начала, то кто такъ безуменъ, что станетъ думать, будто онѣ сошлись сами собою и никто не соединялъ ихъ, и, сошедшись, такъ остаются? Если и мы, озлобясь другъ на друга не по природѣ, а по произволенію, не можемъ примириться сами собою, пока остаемся врагами и питаемъ неудовольствіе другъ противъ друга, но имѣемъ нужду въ постороннемъ, чтобы онъ свелъ насъ, сведши соединилъ и убѣдилъ жить въ согласіи и впредь не расходиться: то какъ же стихіи, 114
не имѣющія ни смысла, ни чувства, враждебныя и противныя другъ другу по природѣ, могли бы сойтись и соединиться и быть вмѣстѣ другъ съ другомъ, если бы не было какой-то неизреченной силы, которая и соединила ихъ, и, соединивъ, постоянно удерживаетъ въ этомъ союзѣ?

3. Не видишь ли, какъ это тѣло, по выходѣ изъ него души, разлагается, истлѣваетъ и гибнетъ, и каждая изъ его стихій возвращается въ прежнее свое состояніе? То же самое случилось бы и съ міромъ, если бы сила, постоянно имъ управляющая, оставила его безъ своего промышленія. Если и корабль безъ корм-

чаго не держится, но скоро утопаетъ,—то какъ бы устоять столько времени міру безъ Управляющаго имъ? Короче сказать: представь, что міръ есть корабль, киль его—земля, паруса — небо, плаватели — люди, лежащая внизу бездна—море. Какъ же въ теченіе столь долгаго времени не произошло кораблекрушенія? Пусти корабль хотя на одинъ день безъ кормчаго и матросовъ, и увидишь, что онъ тотчасъ потонетъ; а міръ ничего такого не потерпѣлъ, хотя существуетъ уже пять тысячъ, и даже еще гораздо болѣе лѣтъ? Да что говорить о кораблѣ? Пусть кто построитъ небольшой шалашъ въ виноградникѣ, и, по собраніи плода, оставитъ его пустымъ: онъ часто не простоитъ и двухъ дней, но скоро разрушится и упадетъ. Если же и шалашъ не можетъ стоять, когда никто не оберегаетъ его; то какъ бы могло столько времени стоять невредимо безъ Промысла столь великое, прекрасное и удивительное созданіе,—и законы дня и ночи, и круговращенія временъ, и какое-то разнообразное и многоразличное теченіе природы на землѣ, и на морѣ, и въ воздухѣ, и на небѣ, и въ растеніяхъ, и въ животныхъ, летающихъ, плавающихъ, ходящихъ, пресмыкающихся, и въ превосходнѣйшемъ изъ всѣхъ ихъ—родѣ человѣческомъ? Вмѣстѣ съ этимъ представь себѣ луга, сады, разнородные цвѣты, всякія травы, ихъ употребленіе, благоуханіе, виды, положеніе, имена одни, дерева плодовитыя и безплодныя, свойство металловъ, животныхъ морскихъ, земныхъ, плавающихъ, летающихъ въ воздухѣ, горы, холмы, луга, лугъ дольній и лугъ горній (ибо и на землѣ лугъ, и на небѣ лугъ), различные цвѣты звѣздъ; внизу розы, вверху радуга. Хочешь ли, покажу тебѣ и лугъ съ птицами? Посмотри на разноцвѣтныя и превосходящія всякую живопись перья павлина, и на порфировидныхъ птицъ [1]). Подумай о красотѣ неба, сколько времени оно существуетъ и не постарѣло, но такъ сіяетъ и блеститъ, какъ будто только сегодня созданное; (подумай) о силѣ земли, какъ утроба ея столько времени рождаетъ и не истощается. Подумай объ источникахъ, какъ они изобилуютъ водою, и не изсякли, хотя безпрерывно, день и ночь, текутъ съ тѣхъ поръ, какъ созданы; подумай о морѣ, какъ оно, принимая въ себя столько рѣкъ, не преступило за предѣлы. Но долго ли намъ гнаться за недостижимымъ? О каждомъ изъ вышеупомянутыхъ твореній должно сказать: *яко возвеличишася дѣла твоя, Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. сııı, 24)! Но какъ хитро отвѣчаютъ невѣрующіе, когда мы станемъ показывать имъ величіе и красоту при-

---

[1]) У Эліана въ De Animalibus ııı, 42 упоминаетс птица Porphyrion, которая отличалась даже большею красотою, чѣмъ павлинъ.

роды, обиліе и избытокъ во всемъ! Это-то самое, говорятъ, и есть главная вина, т. е. что Богъ сотворилъ міръ столь прекраснымъ 115 и великимъ, потому что, если бы Богъ не сотворилъ его прекраснымъ и великимъ, мы и не боготворили бы его, теперь же, поражаясь его величіемъ и удивляясь его красотѣ, мы думаемъ, что онъ есть Богъ. Пустыя рѣчи! Не величіе и не красота міра причиною ихъ нечестія, но ихъ безуміе; этому доказательствомъ мы, которые никогда до этого не доходили. Почему мы не обоготворили его? Развѣ не такими же глазами смотримъ на него? Развѣ не такъ же наслаждаемся природою, какъ и они? Развѣ не такую же имѣемъ душу? Не такое же тѣло? Развѣ не по той же ходимъ землѣ? Отчего же красота и величіе (природы) не заставили насъ думать такъ же, какъ думаютъ они? Впрочемъ, не изъ этого только, но и изъ другого еще видно, что они обоготворили его не ради красоты, но по собственному безумію: за что въ самомъ дѣлѣ обоготворили они обезьяну, крокодила, собаку, эти самыя ничтожныя изъ животныхъ? Поистинѣ, *осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, объюродѣша* (Римл. I, 21, 22). Но не этимъ только будемъ опровергать ихъ: скажемъ и еще нѣчто болѣе.

4. Богъ, провидя это искони, по своей премудрости, отнялъ у нихъ и этотъ предлогъ (невѣрія). Для этого онъ создалъ міръ не только удивительнымъ и великимъ, но и тлѣннымъ и скоропреходящимъ, и положилъ на немъ много признаковъ несовершенства: Онъ съ цѣлымъ міромъ сдѣлалъ то же, что сдѣлалъ съ апостолами. Что же онъ сдѣлалъ съ апостолами? Такъ какъ они творили много знаменій и чудесъ великихъ и удивительныхъ, то Богъ попустилъ имъ терпѣть непрерывно бичеванія, гоненія, узы и тѣлесныя немощи, быть въ непрестанныхъ скорбяхъ, чтобы величіе ихъ знаменій не расположило людей почитать ихъ за боговъ. Поэтому, даровавъ имъ столь великую благодать, Онъ оставилъ тѣло ихъ смертнымъ, а у многихъ и болѣзненнымъ; и не освободилъ ихъ отъ немощей, дабы показать ихъ настоящую природу. Не мои это слова, а самого Павла, который говоритъ: *аще бо восхощу похвалитися, не буду безуменъ: щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. XII, 6), и опять: *имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. IV, 7). Что значитъ: въ скудельныхъ сосудахъ? Значитъ: въ этомъ тѣлѣ, смертномъ и тлѣнномъ; потому что какъ скудельный сосудъ дѣлается изъ глины при помощи огня, такъ точно и тѣло святыхъ апостоловъ, будучи перстнымъ и испытавъ дѣйствіе духовнаго огня, стало скудельнымъ сосудомъ. Для чего же это было, для чего Богъ заключилъ столь великое сокро-

вище и обиліе дарованій въ смертномъ и тлѣнномъ тѣлѣ? *Да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2 Кор. IV, 7). Въ самомъ дѣлѣ, когда увидишь, что апостолы воскрешаютъ мертвыхъ, а сами немоществуютъ и не въ состояніи освободиться отъ недуговъ, то ясно уразумѣешь, что воскресеніе мертваго совершилось не силою воскресившаго, но дѣйствіемъ Духа. А что они часто немоществовали, послушай, что говоритъ Павелъ о Тимоѳеѣ: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23); и опять о другомъ: *Трофима же оставихъ въ Мілитѣ боляща* (2 Тим. IV, 20); и въ посланіи къ Филиппій-
116 цамъ: *Епафродитъ болѣ близъ смерти* (Фил. II, 27). Если же и при всемъ этомъ ихъ приняли за боговъ и хотѣли принести имъ жертву, говоря: *бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ* (Дѣян. XIV, 11); то безъ этого до какого только не дошли бы нечестія, видя тогдашнія чудеса? Итакъ, какъ у апостоловъ, по причинѣ величія ихъ знаменій, Богъ оставилъ природу немощною и попустилъ имъ подвергаться непрестаннымъ искушеніямъ, чтобы ихъ не сочли за боговъ,—такъ и въ природѣ сдѣлалъ Онъ нѣчто подобное тому. Онъ создалъ ее прекрасною и великою, а вмѣстѣ и тлѣнною, какъ учитъ о томъ и другомъ Писаніе. Такъ, описывая красоту небесъ, пророкъ говоритъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1), и еще: *поставивый небо яко камару, и простеръ е, яко скинію обитати* (Иса. XL, 22); и опять: *содержай кругъ неба* [1]). А другой, показывая, что міръ, сколь ни прекрасенъ и великъ, однакожъ тлѣненъ, говоритъ такъ: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса: та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я и измѣнятся* (Пс. CI, 26, 27). И въ другомъ мѣстѣ о солнцѣ Давидъ говоритъ: *яко женихъ исходяй отъ чертога своего, возрадуется яко исполинъ тещи путь* (Пс. XVIII, 6). Видишь ли, какъ онъ изобразилъ тебѣ красоту и величіе этой звѣзды? Какъ бы женихъ, появившись изъ какого чертога, солнце разливаетъ лучи свои съ востока, украшая небо, какъ бы шафраннымъ покровомъ, обливая облака розовымъ цвѣтомъ и, безпрепятственно протекая во весь день, не останавливается ничѣмъ въ своемъ теченіи. Видишь ли красоту его? Видишь ли его величіе? Посмотри же теперь и на признакъ его несовершенства. Чтобы и это показать, одинъ мудрый сказалъ: *что свѣтлѣе солнца? и то исчезаетъ* (Сир. XVII, 30). Впрочемъ, не изъ этого только можно видѣть несовершенство его, но и изъ сгущенія облаковъ. Часто случается, что когда подойдетъ подъ него облако, оно

[1]) *Окружи небо окруженіемъ славы*—Сир. XLIII, 13.

(солнце), сколько ни испускаетъ лучей и сколько ни усиливается разорвать облако, не можетъ сдѣлать этого, когда именно облако слишкомъ густо и не даетъ ему разорвать себя. Скажутъ: оно питаетъ сѣмена? Но не одно оно питаетъ, а имѣетъ для этого нужду въ землѣ, въ росѣ, дождяхъ, вѣтрахъ и благосостояніи временъ годичныхъ: и если все это не сойдется вмѣстѣ, то и дѣйствіе солнца будетъ безполезно.

Но Богу не свойственно нуждаться въ посторонней помощи для совершенія того, что захочетъ Онъ сдѣлать: напротивъ Богу болѣе всего свойственно—не нуждаться ни въ чемъ. Сѣмена изъ земли Онъ извелъ не такъ (какъ солнце), но только повелѣлъ—и все произросло. И вотъ, чтобы ты зналъ, что не сами стихіи, но повелѣніе Божіе творитъ все, что и самыя стихіи оно же вызвало изъ небытія,—Богъ и іудеямъ, безъ всякой сторонней помощи, ниспослалъ манну: *хлѣбъ небесный даде имъ* (Псал. LXXVII, 24). И что говорить, что солнце имѣетъ нужду въ другихъ стихіяхъ для сообщенія зрѣлости и крѣпости плодамъ, когда и само оно нуждается во многомъ для своего существованія, и само для себя недостаточно? Чтобы ходить, ему нужно небо, какъ бы подостланный какой полъ; чтобы свѣтить, нужна ему чистота и тонкость воздуха, такъ что, если воздухъ чрезмѣрно сгустится, то и солнце не можетъ показать свѣта своего; и чтобы не быть 117
ему нестерпимымъ для всѣхъ и не сжечь всего, опять нужна для него прохлада и роса. Итакъ, если другія стихіи и одолѣваютъ солнце и восполняютъ его недостатки (одолѣваютъ, напр., облака, стѣны и нѣкоторыя другія тѣла, закрывающія свѣтъ его; восполняютъ его недостатки, наприм., роса, источники и прохлада воздуха),—то какъ оно можетъ быть Богомъ? Богу свойственно не нуждаться ни въ чемъ, и ничего не требовать ни отъ кого, но самому сообщать всѣ блага всѣмъ, и никѣмъ не быть останавливаему, какъ и говорятъ о Немъ Павелъ и пророкъ Исаія. Одинъ изъ пророковъ отъ лица Божія такъ говоритъ: *небо и землю Азъ наполняю, рече Господь* (Іерем. XXIII, 24); и еще: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ издалеча* (ст. 23). Также и Давидъ: *рѣхъ Господеви: Господь мой еси Ты, яко благихъ моихъ не требуеши* (Псал. XV, 2). А Павелъ, объясняя вседовольство Божіе и доказывая, что Богу въ особенности свойственно, во-первыхъ, ни въ чемъ не имѣть нужды и, во-вторыхъ, давать всѣмъ все, говоритъ такъ: *Богъ, сотворивый небо и землю, и море, не требуетъ что, Самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (Дѣян. XVII, 24, 25).

5. Можно бы разсмотрѣть и прочія стихіи, небо, воздухъ, землю, море, и показать ихъ несовершенство и то̀, какъ каждая изъ нихъ имѣетъ нужду въ другой, а безъ того гибнетъ и раз-

рушается. И земля, наприм., еслибы покинули ее источники и влага, наносимая на нее изъ моря и рѣкъ, тотчасъ погибла бы отъ засухи. Такъ и прочія стихіи имѣютъ нужду въ другихъ, наприм., воздухъ въ солнцѣ, а солнце въ воздухѣ. Но чтобы не сдѣлать слова слишкомъ продолжительнымъ, удовольствуемся и тѣмъ, что въ сказанномъ мы дали желающимъ достаточныя основанія для размышленія. Ибо, если солнце, болѣе всякаго творенія удивительное, оказалось такъ несовершеннымъ и недостаточнымъ,— тѣмъ паче прочія части міра таковы. Посему я, какъ и сказалъ, давъ усерднымъ основаніе для размышленія, самъ опять стану бесѣдовать съ вами отъ Писанія и доказывать, что не одно солнце, но и весь этотъ міръ тлѣненъ. Если стихіи взаимно вредятъ другъ другу, если, напр., слишкомъ сильный холодъ ослабляетъ силу солнца, а усилившаяся теплота опять уничтожаетъ холодъ и вообще всѣ онѣ производятъ одна въ другой и претерпѣваютъ одна отъ другой противоположныя свойства и состоянія,—то очевидно, это служитъ доказательствомъ великой тлѣнности и того, что все видимое есть тѣло. Но такъ какъ это ученіе превышаетъ нашу простоту, то поведемъ васъ на сладкій источникъ Писанія и успокоимъ слухъ вашъ. Не о небѣ и землѣ въ частности скажемъ вамъ, но укажемъ на апостола, который о всей вообще твари внушаетъ намъ это же самое и ясно говоритъ о томъ, что вся тварь нынѣ рабствуетъ тлѣнію, (разъясняя также), для чего рабствуетъ, когда освободится отъ него, и въ какое перейдетъ состояніе. Сказавъ: *не достойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ*, онъ присовокупилъ: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ: суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уповаціи* (Римл. VIII, 18—20). Смыслъ словъ такой: тварь содѣлалась тлѣнною; это и значитъ: *суетѣ повинуся*. А сдѣлалась тварь тлѣнною потому, что такъ
118 повелѣлъ Богъ; а Богъ повелѣлъ такъ для рода нашего. Какъ она должна была питать человѣка тлѣннаго, то и самой надлежало ей быть такою же; потому что тѣламъ тлѣннымъ не слѣдовало обитать въ природѣ нетлѣнной. Впрочемъ, говоритъ апостолъ, она не останется такою, но *и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія* (Римл. VIII, 21); потомъ, желая показать, когда это будетъ и чрезъ кого, присовокупилъ: *въ свободу славы чадъ Божіихъ*. Когда, говоритъ, мы воскреснемъ и получимъ тѣла нетлѣнныя, тогда и тѣло неба и земли и всей твари будетъ нетлѣннымъ и неразрушимымъ. Посему, когда увидишь солнце восходящимъ, подивись Создателю; когда же увидишь его скрывающимся и исчезающимъ, познай несовершенство природы его, и не покланяйся ему, какъ Богу. Для этого-то Богъ не только положилъ на

природѣ стихій знакъ ихъ несовершенства, но и соизволилъ рабамъ своимъ—человѣкамъ повелѣвать ими, чтобы, если по виду ихъ не узнаешь ихъ рабства, то отъ повелѣвающихъ ими ты научился, что всѣ онѣ подобные тебѣ рабы. И вотъ Іисусъ Навинъ говоритъ: *да станетъ солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елонъ* (Іис. Нав. x, 12). Еще и пророкъ Исаія, при царѣ Езекіи, заставилъ его идти назадъ (Ис. xxxviii, 8); и Моисей повелѣвалъ воздуху, и морю, и землѣ, и камнямъ; Елисей перемѣнилъ естество воды (4 Цар. ii, 22); три отрока одолѣли огонь. Видишь, какъ и въ томъ и другомъ Богъ показалъ Свое о насъ попеченіе, красотою стихій ведя насъ къ познанію Его божества, а несовершенствомъ удерживая отъ поклоненія имъ?

6. За все это прославимъ Его—Промыслителя нашего, не словами только, но и дѣлами; будемъ вести себя сколько возможно лучше—какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ воздержаніи отъ клятвъ. Не всякій грѣхъ несетъ одинаковое наказаніе, но, отъ чего легче воздержаться, за то и наказываемся больше. На это указываетъ и Соломонъ, когда говоритъ: *не дивно, аще кто ятъ будетъ крадый, крадетъ бо, да насытитъ душу свою алчущую. Прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. Солом. vi, 30, 32), т. е. тяжко грѣшитъ воръ, но не такъ тяжко, какъ прелюбодѣй. Тотъ въ защиту свою можетъ привести хоть и неосновательную причину—нужду отъ бѣдности; а этотъ, не влекомый никакою нуждою, отъ одного безумія, впадаетъ въ бездну грѣха. Тоже надобно сказать и о клянущихся: и они не могутъ представить никакого извиненія, кромѣ своей небрежности. Знаю, что кажусь я уже скучнымъ и обременительнымъ, досаждая непрерывнымъ повтореніемъ этого увѣщанія: однако не отстаю, чтобы вы, устыдившись хоть моего нестыдѣнія, отстали отъ дурной привычки къ клятвамъ. Если и судія немилосердый и жестокій (Лук. xviii, 2 и сл.), устыдясь неотступныхъ просьбъ вдовицы, перемѣнилъ нравъ свой,—тѣмъ болѣе сдѣлаете это вы, особенно когда увѣщевающій васъ дѣлаетъ это не для себя, но для вашего спасенія; а по правдѣ сказать, это и для себя я дѣлаю, потому что ваши добродѣтели считаю моими заслугами. Желалъ бы я, чтобы, сколько я теперь тружусь и забочусь о вашемъ спасеніи, столько же и вы пеклись о своей душѣ: тогда дѣло это, 119
безъ сомнѣнія, пришло бы къ концу. И что говорить много? Если бы не было ни геенны, ни наказанія ослушникамъ, ни награды послушнымъ, а только я, пришедши къ вамъ, попросилъ бы васъ объ этомъ, какъ о милости: неужели бы вы не послушались? Неужели бы не исполнили просьбы просящаго такой небольшой милости? Но у васъ проситъ милости Самъ Богъ, и не для Себя

получающаго, но для васъ же дарующихъ: кто же будетъ такъ неблагодаренъ, такъ жалокъ и несчастенъ, что не окажетъ милости Богу—просящему, и особенно, когда оказавшій милость самъ же и воспользуется ею? Подумайте же объ этомъ, и, возвратившись отсюда домой, говорите обо всемъ сказанномъ, и исправляйте всячески невнимательныхъ, чтобы получить намъ награду и за свои и за чужія добродѣтели, по благодати и человѣколюбію Господа нашего І. Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ОДИННАДЦАТАЯ.

Благодареніе Бога за освобожденіе отъ бѣдствій, ожидаемыхъ вслѣдствіе возмущенія, и воспоминаніе о томъ, что тогда случилось; также противъ унижающихъ наше тѣло, о сотвореніи человѣка вообще, и наконецъ—о воздержаніи отъ клятвъ.

119 КОГДА подумаю о прошедшей бурѣ и о настоящемъ спокойствіи, то не престаю говорить: *благословенъ Богъ*, *творяй вся и претворяяй* (Амос. v, 8), *сотворивый свѣтъ изъ тмы* (Іов. xxxvii, 15), *низводяй во врата ада и возводяй* (1 Цар. II, 6), *наказуяй и не умерщвляяй* (2 Кор. vi, 9); и хочу, чтобы это же и вы говорили всегда и не преставали (говорить): потому что, если Онъ облагодѣтельствовалъ насъ на дѣлѣ, то заслуживали бы мы какого-нибудь извиненія, когда бы не воздали Ему даже словами? Посему, увѣщеваю васъ, никогда не преставайте благодарить Его: если мы будемъ признательны за прежнія (благодѣянія), то, очевидно, получимъ и другія большія. Итакъ, будемъ непрестанно говорить: благословенъ Богъ, давшій и намъ безболѣзненно предложить вамъ обычную трапезу, и вамъ безъ страха внимать словамъ нашимъ. Благословенъ Богъ, что мы стекаемся сюда, уже не избѣгая внѣшней опасности, но желая слушать (поученіе); сходимся другъ съ другомъ уже не съ робостію, трепетомъ и опасеніемъ, но съ великою смѣлостію и отбросивъ всякую боязнь. А въ предшествующіе дни мы были ничѣмъ не лучше обуреваемыхъ на морѣ и ежеминутно ожидающихъ кораблекрушенія; всякій день были поражаемы, возмущаемы и колеблемы безчисленными слухами со всѣхъ сторонъ; всякій день развѣдывали и спрашивали: кто пришелъ изъ столицы? Какія принесъ вѣсти? Правду или ложь говоритъ онъ? Мы проводили ночи безъ сна, и смотря на городъ, оплакивали его, какъ готовый тотчасъ погибнуть. Поэтому

и мы въ эти предшествующіе дни молчали, отъ того, что городъ нашъ совсѣмъ опустѣлъ и всѣ переселились изъ него въ пустыни, а оставшіеся были покрыты облакомъ печали. Душа, совершенно объятая печалію, бываетъ вовсе не способна слушать. Поэтому и друзья Іова, пришедши и увидѣвъ несчастія этого дома и самого праведника сидящимъ на гноищѣ и покрытымъ ранами, разорвали свои одежды, возстенали, и сидѣли въ молчаніи, показывая тѣмъ, что скорбящимъ сначала болѣе всего пріятно спокойствіе и молчаніе: да и страданія (Іова) были выше утѣшенія (Іов. II, 13).
Поэтому и іудеи, приставленные къ глинѣ и плинѳодѣланію, увидя 120
пришедшаго Моисея, не могли внимать словамъ его отъ малодушія и скорби своей (Исход. V, 21). И что удивительнаго, если было такъ съ людьми малодушными, когда видимъ, что и ученики (Христовы) подверглись той же немощи? Послѣ Тайной Вечери, когда Христосъ бесѣдовалъ съ ними наединѣ, ученики сначала то и дѣло спрашивали Его: *камо идеши* (Іоан. XIII, 36); но когда Онъ сказалъ имъ о бѣдствіяхъ, имѣвшихъ немного спустя постигнуть ихъ, о браняхъ, гоненіяхъ, о ненависти отъ всѣхъ, о бичахъ, темницахъ, судилищахъ, ссылкахъ,—тогда душа ихъ, подавляемая, какъ бы самымъ тяжкимъ бременемъ, страхомъ сказанныхъ бѣдствій и уныніемъ отъ угрожающихъ золъ, сдѣлалась наконецъ безмолвною. Потому Христосъ, увидя ихъ смущеніе, укорилъ ихъ за это и сказалъ: *иду къ Пославшему Мене, и никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши? Но яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша* (Іоан. XVI, 5). Поэтому и мы сначала молчали, выжидая настоящаго случая, такъ какъ если и намѣревающійся просить кого-нибудь, хотя и справедливую просьбу предложить хочетъ, выжидаетъ однако удобнаго случая, чтобы найти того, отъ кого зависитъ исполненіе просьбы, кроткимъ и въ добромъ расположеніи духа, и при помощи благопріятнаго случая получить милость; то тѣмъ болѣе проповѣднику нужно искать удобнаго времени, чтобы преподать наставленіе слушателю, когда онъ находится въ добромъ расположеніи и свободенъ отъ всякой заботы и унынія. Такъ именно и мы сдѣлали.

2. И вотъ теперь, когда вы прогнали отъ себя уныніе, мы и хотимъ напомнить вамъ о прежнемъ, чтобы слово наше было яснѣе для васъ. Что сказали мы о природѣ, т. е. что Богъ сотворилъ ее не только прекрасною, удивительною и великою, но вмѣстѣ и слабою и тлѣнною, и положилъ на ней многіе признаки этого, устрояя то и другое для нашей пользы, именно, красотою твари возбуждая въ насъ удивленіе Создателю, а несовершенствомъ предохраняя отъ обоготворенія твари,—то же самое можно видѣть и на нашемъ тѣлѣ. И о немъ многіе, какъ изъ враговъ истины, такъ и изъ еди-

номысленныхъ намъ, спрашиваютъ: почему оно сотворено тлѣннымъ и смертнымъ?

121 Многіе изъ язычниковъ и еретиковъ говорятъ даже, что оно и сотворено не Богомъ: оно не стоитъ того, чтобы сотворилъ его Богъ, говорятъ они, указывая на нечистоты, потъ, слезы, труды, изнуренія, и всѣ прочія несовершенства тѣла. Но я, если рѣчь уже зашла объ этомъ, скажу, во-первыхъ, вотъ что: не говори мнѣ объ этомъ падшемъ, уничиженномъ, осужденномъ человѣкѣ; но если хочешь знать, какимъ Богъ сотворилъ тѣло наше вначалѣ, то пойдемъ въ рай и посмотримъ на человѣка первозданнаго. То тѣло не было такое смертное и тлѣнное; но какъ свѣтло блеститъ золотая статуя, только что вышедшая изъ горнила, такъ и тѣло то было свободно отъ всякаго тлѣнія: его ни трудъ не тяготилъ, ни потъ не изнурялъ, ни заботы не мучили, ни скорби не осаждали, и никакое подобное страданіе не удручало. Когда же человѣкъ не съумѣлъ воспользоваться благополучіемъ, но оскорбилъ своего Благодѣтеля, повѣрилъ болѣе демону-обольстителю, нежели Промыслителю-Богу, возвеличившему его, понадѣялся быть Богомъ и возмечталъ о своемъ достоинствѣ болѣе надлежащаго, тогда-то, тогда Богъ, желая вразумить его уже самымъ опытомъ, сдѣлалъ его тлѣннымъ и смертнымъ, и связалъ множествомъ этихъ нуждъ, не по ненависти и не по отвращенію, но изъ заботливости о немъ,—чтобы остановить въ самомъ началѣ злую и пагубную эту гордость и не дать ей пойти далѣе, но самымъ опытомъ научить человѣка, что онъ смертенъ и тлѣненъ, и чрезъ это заставить его—никогда не думать и не мечтать о себѣ такъ. Діаволъ сказалъ (первымъ людямъ): *будете яко бози* (Быт. III, 5). Чтобы вырвать эту мысль съ корнемъ, Богъ сдѣлалъ тѣло человѣка слабымъ и болѣзненнымъ, самою природою научая его—никогда не имѣть такой мысли. Справедливость этого весьма ясно видна и изъ того, что случилось съ человѣкомъ: онъ осужденъ на это наказаніе уже послѣ того пожеланія (быть Богомъ). И замѣть, какъ Богъ премудръ: Онъ не далъ умереть (Адаму) первымъ, но попустилъ претерпѣть смерть сыну его, чтобы онъ, увидя предъ глазами у себя тѣло тлѣющее и разрушающееся, получилъ отъ этого зрѣлища великій урокъ любомудрія, позналъ, что̀ (съ нимъ) сдѣлалось, и, хорошо вразумленный этимъ, отошелъ отсюда.

Итакъ это, какъ я сказалъ, весьма ясно видно уже изъ случившагося (съ Адамомъ); но не менѣе ясно и изъ того, что сказано будетъ затѣмъ. Если и при всемъ томъ, что тѣло наше связано такою нуждою, что всѣ умираютъ, истлѣваютъ, согниваютъ, и обращаются въ прахъ предъ глазами всѣхъ, такъ что языческіе философы сдѣлали одно извѣстное опредѣленіе породы людей (на

вопросъ: что такое человѣкъ, они сказали: онъ есть животное разумное, смертное); если, при такомъ всеобщемъ признаніи, нѣкоторые дерзнули обезсмертить себя во мнѣніи народа, и тогда какъ глаза свидѣтельствуютъ о смерти, захотѣли называться богами и почтены были такими: то до какого нечестія не дошли бы многіе изъ людей, когда бы смерть напередъ не убѣждала всѣхъ въ смертности и тлѣнности ихъ природы? Послушай, что говоритъ пророкъ объ одномъ иноплеменномъ царѣ, который дошелъ вотъ до какого неистовства: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой*, ска- 122
залъ онъ, *и буду подобенъ Вышнему* (Иса. XIV, 13, 14). Посмѣваясь надъ нимъ и указывая на смерть его, (пророкъ) говоритъ: *подъ тобою постелютъ гнилость, и покровъ твой червь* (ст. 11), т. е. ты ли, человѣкъ, котораго ожидаетъ такой конецъ, дерзнулъ такъ мечтать о себѣ? И о другомъ царѣ, именно о тирскомъ, который такъ же помышлялъ и хотѣлъ называться Богомъ, сказано: *ты же человѣкъ еси, а не Богъ, въ руцѣ убивающихъ тя* (Iезек. XXVIII, 9). Итакъ, Богъ сотворилъ такимъ тѣло наше для того, чтобы съ самаго начала и совершенно истребить основаніе идолослуженія. И удивительно ли, что это случилось съ тѣломъ, когда и въ душѣ можно видѣть нѣчто подобное? Смертною, правда, Богъ не сдѣлалъ ее, а допустилъ ей быть безсмертною: зато подвергъ ее забывчивости, невѣдѣнію, унынію и заботамъ, и это сдѣлалъ для того, чтобы она, увидя благородство своей природы, не помыслила о своемъ достоинствѣ болѣе надлежащаго. Вѣдь если и при всемъ этомъ нѣкоторые дерзнули сказать, что душа имѣетъ сущность Божескую, то до какого безумія не дошли бы они, когда были бы свободны отъ этихъ недостатковъ? Впрочемъ, что я сказалъ о природѣ, то же скажу и о тѣлѣ, т. е. что одинаково удивляюсь Богу и потому, что Онъ сдѣлалъ тѣло тлѣннымъ, и потому, что въ тлѣнности его обнаружилъ собственную силу и премудрость. Что могъ Онъ создать его и изъ лучшаго вещества, это показалъ въ тѣлѣ небесномъ и солнечномъ: Создавшій эти тѣла могъ бы такимъ же создать и тѣло (человѣческое); но причина, почему оно создано слабымъ, заключается въ вышесказанномъ основаніи. И это нисколько не унижаетъ дивнаго величія Создателя, но еще болѣе возвышаетъ его: несовершенство вещества особенно и показываетъ великость и совершенство искусства Того, Кто праху и пеплу сообщилъ такую гармонію и такія чувства, столь различныя и разнообразныя и способныя такъ любомудрствовать!

3. Итакъ, чѣмъ болѣе низкимъ представляется тебѣ вещество (тѣла), тѣмъ болѣе удивляйся величію искусства (Божія). И ваятелю удивляюсь я не столько тогда, когда онъ дѣлаетъ прекрасную статую изъ золота, сколько тогда, когда онъ изъ распадающейся

глины, силою искусства, можетъ образовать удивительную и невообразимую красоту художественнаго произведенія: тамъ и вещество нѣсколько помогаетъ художнику, а здѣсь проявляется чистое искусство. Если хочешь знать, какова премудрость Создавшаго насъ, подумай, что дѣлается изъ глины: что же другое, кромѣ кирпича или черепицы? И однако великій художникъ—Богъ изъ этого вещества, изъ котораго дѣлается только кирпичъ и черепица, могъ устроить глазъ, столько прекрасный, что удивляются ему всѣ смотрящіе, и сообщить ему такую силу, что онъ простирается взоромъ на столь великую высоту въ воздухъ, и при помощи небольшаго зрачка обнимаетъ столь великія тѣла, и горы, и лѣса, и холмы, и моря, и небо. Не говори мнѣ о слезахъ и гнойной влагѣ: это произошло изъ-за твоего грѣха; но подумай о его красотѣ, о способности видѣть и о томъ, какъ онъ, проходя такое пространство воздуха, не утомляется и не ослабѣваетъ. Ноги, и не много прошедши, устаютъ и ослабѣваютъ, а глазъ, пробѣгая
123 такую высоту и такую широту, не чувствуетъ никакого изнеможенія. Какъ онъ изъ всѣхъ членовъ для насъ самый необходимый, то Богъ не попустилъ ему утомляться отъ труда, чтобы его служеніе намъ было свободно и безпрепятственно. Впрочемъ, въ состояніи ли какое слово изобразить все совершенство этого члена? И что говорить о зрачкѣ и силѣ зрѣнія? Если разсмотришь только рѣсницы глаза,—этотъ, повидимому, самый ничтожный изъ всѣхъ членовъ: и въ нихъ увидишь великую премудрость Зиждителя—Бога. Какъ ости на колосьяхъ, выдавшись впередъ на подобіе копій, отгоняютъ птицъ и не даютъ имъ садиться на плодъ и ломать еще очень слабый стебель; такъ и на глазахъ волоски рѣсницъ выдаются какъ бы ости и копья, отражаютъ отъ глазъ пыль, соръ и все, что безпокоитъ отвнѣ, и предохраняютъ вѣки отъ поврежденія. Увидишь и въ бровяхъ не меньше того премудрости. Кто не изумится ихъ положенію? Онѣ и не слишкомъ выставляются впередъ, чтобы не затмевать глаза, и не углублены внутрь болѣе надлежащаго; но выдаваясь сверху, на подобіе кровельнаго навѣса на домѣ, принимаютъ на себя стекающій съ головы потъ, и не даютъ вредить глазамъ. Поэтому-то и волосы у нихъ сплотнились между собою: этою плотностію они удерживаютъ стекающую влагу, и весьма искусно прикрывая глаза, придаютъ имъ и великое благообразіе. И не этому только удивляться можно, но и другому, что не меньше того. Для чего, скажи мнѣ, волосы на головѣ растутъ и стригутся, а на бровяхъ—нѣтъ? Вѣдь и это сдѣлано не безъ причины и не случайно, но для того, чтобы они, спустившись внизъ, не затмевали глазъ, какъ это иногда бываетъ у людей, пришедшихъ въ глубокую старость. А кто можетъ

постигнуть всю премудрость, являемую въ устройствѣ мозга? Во-первыхъ, Богъ создалъ его мягкимъ, такъ какъ онъ даетъ истоки всѣмъ чувствамъ; потомъ, чтобы онъ не повредился по (нѣжности) собственной природы, оградилъ его со всѣхъ сторонъ костями; далѣе, чтобы, касаясь костей, онъ не терпѣлъ отъ ихъ жесткости, протянулъ между ними перепонку, и не одну только, но двѣ, одну внизу подъ переднею частію головы, а другую вверху вокругъ мозгового вещества, и при томъ первую гораздо тверже послѣдней. Это сдѣлалъ Богъ какъ по вышесказанной причинѣ, такъ и для того, чтобы удары, наносимые въ голову, не мозгъ принималъ первый, но напередъ встрѣчали бы ихъ эти перепонки, и такимъ образомъ уничтожали всякій вредъ и сохраняли мозгъ неприкосновеннымъ. И то, что покрывающая его кость не сплошная и цѣльная, но со всѣхъ сторонъ имѣетъ множество швовъ,—и это опять служитъ для мозга не маловажнымъ предохранительнымъ средствомъ: съ одной стороны, накопляющіяся около него испаренія, легко могутъ чрезъ эти швы выходить наружу, и такимъ образомъ не сдавливаютъ его; съ другой стороны, если и будетъ откуда-либо нанесенъ ударъ, то повреждeніе произойдетъ не повсемѣстное. Если бы эта кость была цѣльная и сплошная, то и нанесенный въ одну часть ея ударъ повредилъ бы ее всю; но теперь, когда она раздѣляется на многія части, этого быть не можетъ. Если и случится одной части получить ушибъ, то повреждается только та кость, которая лежитъ близъ этой части, а прочія всѣ остаются невредимыми, потому что общность удара разъединяется раздѣльностью костей и не можетъ простираться на близ- 124
лежащія части. Вотъ для чего Богъ устроилъ мозговой покровъ изъ многихъ костей! И какъ строющій домъ полагаетъ наверху кровлю и черепицы, такъ и Богъ положилъ вверху на головѣ эти кости, и повелѣлъ вырости волосамъ, чтобы служить для головы какъ бы вмѣсто колпака. То же самое Онъ сдѣлалъ и съ сердцемъ. Такъ какъ сердце у насъ главнѣйшій изъ членовъ и ему вручено начало всей нашей жизни, въ случаѣ же его пораженія бываетъ смерть; то Богъ оградилъ его со всѣхъ сторонъ плотными и твердыми костями,—спереди выпуклою грудью, а сзади плечными лопатками. И съ нимъ сдѣлалъ то же, что съ перепонками (около мозга): чтобы оно, находясь въ постоянномъ біеніи и трепетаніи во время гнѣва и другихъ подобныхъ движеній и ударовъ объ окружающія его жесткія кости, не терпѣло боли отъ этого тренія, Богъ протянулъ тутъ множество перепонокъ; и подложилъ еще легкое, какъ бы мягкую постель для движеній его, дабы оно, ударяясь о нее безъ боли, не терпѣло никакого вреда. Но что и говорить о головѣ и сердцѣ, когда, если разсмотришь и самые

ногти, откроешь и въ нихъ великую премудрость Божію,—въ ихъ видѣ, свойствахъ и положеніи. Можно бы еще сказать и о томъ, почему у насъ не всѣ пальцы равны, и о многомъ другомъ, что важнѣе этого: но для внимательныхъ и изъ сказаннаго довольно просіяваетъ премудрость создавшаго насъ Бога. Посему, предоставивъ трудолюбивымъ изслѣдовать эти части съ точностію, обращусь къ другому возраженію.

4. Многіе, кромѣ вышесказаннаго, вотъ что еще возражаютъ: что это такое? Если человѣкъ есть царь безсловесныхъ, то почему многія изъ животныхъ превосходятъ его и силою, и легкостію, и быстротою? Быстрѣе человѣка—конь, терпѣливѣе—волъ, легче—орелъ, сильнѣе—левъ. Что же сказать намъ на это? То, что отсюда-то особенно можемъ мы познать премудрость Божію и ту честь, которой Онъ удостоилъ насъ. Конь быстрѣе человѣка,—правда; но человѣкъ можетъ совершать путь гораздо скорѣе коня. Конь, какъ онъ ни быстръ и силенъ, едва пробѣжитъ въ день двѣсти стадій; а человѣкъ, подпрягая попеременно нѣсколько лошадей, можетъ проѣхать и двѣ тысячи стадій. Такимъ образомъ, что тому быстрота, то этому даетъ умъ и искусство, притомъ съ великимъ избыткомъ. У человѣка не такъ крѣпки ноги, какъ у коня: зато ноги коня служатъ ему не меньше своихъ. Ни одно изъ безсловесныхъ животныхъ не можетъ подчинить себѣ другого на свою службу, а человѣкъ подчиняетъ всѣхъ ихъ, и при помощи разнообразнаго искусства, даннаго ему отъ Бога, заставляетъ каждое изъ животныхъ выполнять наиболѣе пригодное для него служеніе. Если бы ноги у людей были такъ же крѣпки, какъ у лошадей, то онѣ были бы негодны для другого,—для того чтобы ходить по мѣстамъ неудобопроходимымъ, подниматься на высоты, взлѣзать на дерева: копыто, какъ извѣстно, мѣшаетъ такой ходьбѣ. Поэтому хотя ноги у людей и слабѣе, зато онѣ способнѣе къ большему числу полезныхъ движеній, и нисколько не терпятъ отъ
125 своей слабости, получая услугу отъ силы коня, а способностію къ разнообразному хожденію еще превосходятъ послѣдняго. Далѣе, у орла—легкія крылья; но у меня есть умъ и искусство, посредствомъ которыхъ могу заманивать и ловить всѣхъ птицъ. Если же хочешь видѣть и мое крыло, у меня есть оно гораздо легче орлинаго, поднимается не на десять или на двадцать стадій, и не до неба, но выше самаго неба и превыше неба небесе, гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога. Безсловесныя на тѣлѣ у себя имѣютъ оружіе, наприм. волъ—рога, кабанъ—зубы, левъ—когти; а у меня Богъ устроилъ оружіе не въ тѣлѣ, но внѣ тѣла, дабы показать, что человѣкъ есть кроткое животное, и что ему не всегда нужно это оружіе. Въ самомъ дѣлѣ, часто я слагаю его, нерѣдко и во-

оружаюсь имъ. Поэтому, чтобы мнѣ быть свободнымъ и несвязаннымъ, и не имѣть надобности постоянно носить оружіе, Богъ создалъ его отдѣльнымъ отъ моей природы. Мы превосходимъ безсловесныхъ не только разумною душею, но и по тѣлу имѣемъ преимущество предъ ними. И тѣло Богъ создалъ сообразнымъ съ благородствомъ души и способнымъ выполнять ея велѣнія; создалъ не просто какимъ-нибудь, но такимъ, какимъ ему нужно быть для служенія разумной душѣ, такъ что еслибы оно не было такимъ, дѣйствія души встрѣтили бы сильныя препятствія. Это и видно во время болѣзней: когда состояніе тѣла хоть немного уклонится отъ надлежащаго своего устройства, напр., если мозгъ сдѣлается горячѣе или холоднѣе, то многія изъ душевныхъ дѣйствій останавливаются. Итакъ, и на тѣлѣ можно видѣть Промыслъ Божій,—не только изъ того, что Онъ вначалѣ сотворилъ его лучшимъ нынѣшняго, и что и нынѣшнее устроено такъ ко благу, но и изъ того, что Онъ опять воскреситъ его въ гораздо большей славѣ. Если же хочешь узнать и съ иной стороны, какую премудрость Богъ явилъ въ устройствѣ тѣла,—я скажу то, чему, кажется, постоянно и больше всего удивлялся ап. Павелъ. Что жъ это такое? То, что члены тѣла превосходятъ другъ друга не однимъ и тѣмъ же, но одни красотою, другіе силою. Напр., глазъ красивъ, но ноги крѣпче его; важна голова, но она не можетъ сказать ногамъ: не имѣю въ васъ нужды (1 Кор. XII, 21). Это же можно видѣть и между безсловесными; это же—и во всей жизни. Царь имѣетъ нужду въ подданныхъ, подданные въ царѣ, какъ голова въ ногахъ. И между безсловесными, опять, одни сильнѣе, другія красивѣе; одни забавляютъ насъ, другія питаютъ, иныя одѣваютъ: забавляетъ павлинъ, питаютъ куры и свиньи, одѣваютъ овцы и козы, трудятся съ нами волъ и оселъ. Есть еще такія, которыя ничего подобнаго не доставляютъ намъ; зато упражняютъ наши силы, напр., дикіе звѣри укрѣпляютъ мужество охотниковъ, страхомъ вразумляютъ родъ нашъ и дѣлаютъ болѣе осторожнымъ, да еще съ тѣлъ своихъ вносятъ не малую дань на врачеваніе наше. Итакъ, если кто скажетъ тебѣ: что ты за владыка безсловесныхъ, когда боишься льва? Скажи ему, что вначалѣ такъ не было, когда я былъ въ благоволеніи у Бога и жилъ въ раю, но какъ я оскорбилъ Господа, то и сдѣлался подвластенъ рабамъ, впрочемъ и нынѣ не совсѣмъ подвластенъ, но обладаю нѣкоторымъ искусствомъ, съ помощію котораго и одолѣваю звѣрей. Такъ бываетъ и въ знатныхъ домахъ: когда дѣти, хотя и благородныя, не достигли еще совершеннолѣтія, то боятся многихъ и изъ рабовъ; а когда притомъ сдѣлаютъ проступокъ, 126
боязнь ихъ еще болѣе увеличивается. Это надобно сказать и о

зміяхъ и скорпіонахъ и эхиднахъ, т. е. что они страшны намъ изъ-за грѣха.

5. Такое разнообразіе можно видѣть не только въ нашемъ тѣлѣ, не только въ различныхъ состояніяхъ жизни, и не только въ безсловесныхъ животныхъ, но и въ деревьяхъ. И между ними увидишь, что самое малое имѣетъ иногда преимущество предъ большимъ; и не во всѣхъ ихъ есть все,—дабы всѣ они были намъ необходимы и изъ нихъ мы видѣли многообразную премудрость Господа. Не вини же Бога за тлѣнность твоего тѣла, но за это еще болѣе благоговѣй предъ Нимъ и удивляйся Его премудрости и промышленію: премудрости, что въ такомъ тлѣнномъ тѣлѣ Онъ могъ выказать такую гармонію; промышленію, что сдѣлалъ тѣло тлѣннымъ для блага души, дабы смирить гордость и низложить высокоуміе ея. Почему же, скажешь, Богъ не сотворилъ человѣка такимъ вначалѣ? Противъ этого Самъ Онъ отвѣтствуетъ тебѣ самыми дѣлами и какъ бы такъ говоритъ самымъ событіемъ: я призвалъ тебя къ бóльшей славѣ, но ты сдѣлалъ себя недостойнымъ дара, потерявъ рай; впрочемъ и послѣ этого Я не презрю тебя, но исправлю твой грѣхъ и возведу тебя на небо; для того я попустилъ тебѣ столько времени подвергаться гніенію и тлѣнію, чтобы въ теченіе долгаго времени твердъ сталъ у тебя урокъ смиренномудрія, и ты никогда не возъимѣлъ прежней мысли. Итакъ, за все это возблагодаримъ человѣколюбиваго Бога, и за попеченіе Его о насъ воздадимъ Ему воздаяніемъ полезнымъ для насъ же; позаботимся усердно исполнить заповѣдь, о которой я постоянно бесѣдую съ вами. Да и не перестану (бесѣдовать), пока вы не исправитесь; такъ какъ не о томъ забочусь, чтобы только говорить мало или много, но чтобы говорить дотолѣ, пока не склоню васъ. Іудеямъ Богъ говорилъ чрезъ пророка: *аще въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, вскую мнѣ поститеся* (Иса. LVIII, 4); а вамъ скажетъ чрезъ насъ: если вы въ клятвахъ и клятвопреступленіяхъ поститесь, то для чего поститесь? И какъ мы воззримъ на священную пасху? Какъ примемъ святую жертву? Какъ пріобщимся чудныхъ таинъ тѣмъ языкомъ, которымъ попрали законъ Божій, тѣмъ языкомъ, которымъ осквернили душу? Если и за царскую порфиру никто не дерзнетъ взяться нечистыми руками, какъ же мы примемъ тѣло Господне языкомъ нечистымъ? Клятва—отъ лукаваго, а жертва—Господня. *Кое убо общеніе свѣту ко тмѣ? или кое согласіе Христови съ Веліаромъ* (2 Кор. VI, 14, 15)? Знаю хорошо, что вы старались отстать отъ этого грѣха, но какъ каждому изъ насъ самому по себѣ не легко сдѣлать это, то составимъ братства и товарищества; и какъ бѣдные, когда хотятъ устроить пиръ и каждый изъ нихъ самъ по-

себѣ не можетъ угостить всѣхъ, собираются вмѣстѣ и въ складчину дѣлаютъ пиръ, такъ поступимъ и мы: поодиночкѣ мы безпечны, такъ составимъ братства, станемъ дѣлать другъ другу совѣты, увѣщанія, убѣжденія, укоризны, напоминанія, угрозы, дабы при усердіи каждаго изъ насъ исправиться всѣмъ намъ. Какъ мы 127
лучше видимъ чужіе недостатки, нежели свои, то и будемъ предостерегать другихъ, а имъ поручимъ наблюдать за нами; и совершимъ это прекрасное состязаніе, чтобы, такъ преодолѣвъ злую привычку, съ дерзновеніемъ достигнуть намъ этого святаго праздника, и съ доброю надеждою и благою совѣстію пріобщиться святой жертвы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего І. Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Благодареніе Богу за прощеніе виновныхъ противъ царя; ученіе о естествѣ міра, также о томъ, что Богъ, сотворивъ человѣка, далъ ему естественный законъ,—и о самомъ тщательномъ воздержаніи отъ клятвъ.

И ВЧЕРА я сказалъ: *благословенъ Богъ*, и сегодня скажу опять это же самое. Хотя бѣдствія и прошли, но да не проходитъ памятованіе о бѣдствіяхъ, не для того, чтобы намъ скорбѣть, но чтобы благодарить. Если останется памятованіе о бѣдствіяхъ, то никогда не настанутъ и самыя бѣдствія. И къ чему будутъ бѣдствія, когда и памятованіе о нихъ умудряетъ насъ? Поэтому какъ Богъ не попустилъ намъ потонуть въ наступившихъ скорбяхъ, такъ и мы не дадимъ себѣ разслабнуть по минованіи ихъ. Ободрилъ Онъ насъ тогда въ унынія, возблагодаримъ же Его теперь въ радости; утѣшилъ Онъ насъ въ печали и не предалъ, не предадимъ же и мы сами себя въ счастіи и не впадемъ въ безпечность. *Помяни*, говоритъ (премудрый), *время глада во время сытости* (Сирах. XVIII, 25). Будемъ же и мы помнить время искушенія въ день спокойствія; да и съ грѣхами сдѣлаемъ то же самое. Если ты согрѣшишь, и Богъ проститъ тебѣ грѣхи: прими прощеніе и поблагодари (Бога), но о грѣхѣ не забывай — не для того, чтобы тебѣ мучить себя мыслію (о грѣхѣ), но чтобы научить душу не предаваться легкомысленной веселости и не впадать въ тѣ же грѣхи. Такъ поступилъ и Павелъ,—сказавъ: *вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу*, онъ

прибавилъ: *бывша мя иногда хульника и гонителя и досадителя* (1 Тим. I, 12, 13). Пусть, говоритъ, сдѣлается явною жизнь раба, чтобы открылось человѣколюбіе Владыки: хотя и получилъ я прощеніе грѣховъ, но воспоминанія о нихъ не оставляю. И чрезъ это не только открылось человѣколюбіе Владыки, но и Павелъ сдѣлался славнѣе. Когда ты узнаешь, каковъ онъ былъ прежде, то будешь удивляться ему сильнѣе; когда увидишь, изъ кого и кѣмъ онъ сталъ, то почтишь его болѣе; и если самъ ты много согрѣшилъ, то, начиная перемѣняться, получишь отъ этого примѣра добрую надежду: такъ какъ онъ, кромѣ вышесказаннаго, утѣшаетъ и ободряетъ впадшихъ въ отчаяніе. Это же будетъ и съ нашимъ городомъ: все случившееся и доказываетъ вашу добродѣтель, такъ какъ вы покаяніемъ могли отклонить столь великій гнѣвъ, и возвѣщаетъ о человѣколюбіи Бога, Который ради малаго обращенія отвелъ такую тучу, и ободряетъ всѣхъ отчаивающихся, научая ихъ нашими событіями, что, кто смотритъ горѣ — къ Божіей помощи, тотъ не можетъ потонуть, хотя бы его со всѣхъ сторонъ обнимали тысячи волнъ. Видѣлъ ли кто, слышалъ ли кто когда-нибудь о бѣдствіяхъ, подобныхъ нашимъ? Ежедневно ожидали мы, что городъ нашъ, вмѣстѣ съ жителями, будетъ истребленъ до основанія; но, когда діаволъ надѣялся потопить нашу ладью, тогда-то Богъ и сдѣлалъ полнѣйшую тишину. Не забудемъ же великости бѣдствій, чтобы помнить и величіе благодѣяній, ока-
128 занныхъ Богомъ. Незнающій свойства болѣзни не узнаетъ и искусства врача. Разскажемъ это и нашимъ дѣтямъ, и передадимъ въ роды родовъ, чтобы знали всѣ, какъ діаволъ усиливался истребить и самое мѣсто города, и какъ Богъ предъ глазами всѣхъ возстановилъ этотъ падшій и низверженный городъ, и не попустилъ ему потерпѣть ни малѣйшаго вреда, но съ великою скоростію и разогналъ страхъ, и устранилъ опасность. На прошедшей недѣлѣ мы всѣ ожидали расхищенія нашихъ имѣній, нашествія воиновъ, и воображали себѣ множество другихъ бѣдствій; но вотъ, все это прошло, подобно облаку и тѣни мимолетной, и наказаны мы только ожиданіемъ бѣдствій или—лучше сказать—не наказаны, а научены и сдѣлались лучшими, оттого, что Богъ смягчилъ сердце царево. Будемъ же говорить всегда и каждый день: *благословенъ Богъ*; станемъ съ большимъ усердіемъ приходить въ собраніе и притекать къ Церкви, отъ которой получили столько пользы. Знаете, куда вначалѣ вы прибѣгли, куда стеклись, откуда пришло къ намъ спасеніе. Будемъ же держаться за этотъ священный якорь, и какъ онъ не выдалъ насъ во время опасностей, такъ и мы не оставимъ его во время спокойствія, но останемся при немъ неотлучно, ежедневно будемъ составлять собра-

нія, творить молитвы. слушать слово Божіе, и свободное время, которое употребляли на развѣдыванье, распрашиванье и бѣганье около приходившихъ изъ столицы, и на заботу объ угрожавшихъ бѣдствіяхъ,—все это время станемъ употреблять на слушаніе божественныхъ заповѣдей, а не на занятія неумѣстныя и безполезныя, чтобы опять не подвергнуться намъ тому же смятенію.

2. Въ три прошедшіе дня мы разсматривали одинъ способъ богопознанія и окончили его объясненіемъ—какъ *небеса повѣдають славу Божію* (Псал. XVIII, 1), и что значитъ изреченіе Павла: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Римл. I, 20); и показали, какъ прославляется Создатель сотвореніемъ міра, какъ — небомъ, землею и моремъ. Сегодня, полюбомудрствовавъ немного опять о томъ же предметѣ, перейдемъ къ другому. Богъ не только сотворилъ міръ, но сотворенному даровалъ и способность дѣйствовать, такъ впрочемъ, что и не весь оставилъ его безъ движенія, и не всему повелѣлъ двигаться. Небо стоитъ неподвижно, какъ говоритъ пророкъ: *поставивый небо, яко камару, и простеръ е, яко скинію на земли* (Иса. XL, 22); а солнце, съ прочими звѣздами, бѣжитъ ежедневно. Земля, опять, стоитъ твердо, а воды текутъ постоянно, и не только воды, но и облака и дожди, частые и смѣняющіе другъ друга въ свое время.
И хотя природа дождей одна, но происходящее изъ нихъ раз- 129
лично: въ виноградѣ дождь бываетъ виномъ, въ маслинѣ—масломъ, а въ другихъ растеніяхъ превращается въ ихъ соки. Утроба земли одна, но производитъ различные плоды. Теплота солнечнаго луча одна, но различно приводитъ все въ зрѣлость — иное медленнѣе, другое скорѣе. Кто не изумится и не удивится этому? Впрочемъ, не то только удивительно, что Богъ устроилъ природу различною и разнообразною, но и то, что предложилъ ее всѣмъ вообще, и богатымъ и бѣднымъ, и грѣшнымъ и праведнымъ, какъ сказалъ Христосъ: *яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. V, 45),—наполнилъ ее безчисленнымъ множествомъ животныхъ и, давъ имъ врожденныя наклонности, повелѣлъ намъ однимъ подражать, а другихъ избѣгать. Напр., муравей трудолюбивъ и работаетъ неутомимо: поэтому, если будешь внимателенъ, получишь отъ этого животнаго весьма важное наставленіе — не предаваться нѣгѣ и не бѣгать заботъ и трудовъ. Потому и Писаніе къ нему отсылаетъ лѣнивца, говоря: *иди ко мравію, о лѣниве, и поревнуй, видѣвъ пути его, и буди онаго мудрѣйшій* (Притч. VI, 6). Не хочешь, говоритъ, понять изъ Писанія, что трудиться доброе дѣло, и что не трудящійся не долженъ и ѣсть; не хочешь выслушать этого отъ учителей: научись же отъ безсловесныхъ. Такъ поступаемъ мы и у себя дома: когда

старшіе и считающіеся лучшими сдѣлают какой-либо проступокъ, мы часто велимъ имъ смотрѣть на рачительныхъ дѣтей, и говоримъ: посмотри, онъ меньше тебя, а какъ прилеженъ и заботливъ!

Такъ и ты прими отъ муравья величайшій урокъ трудолюбія, и подивись твоему Господу, не въ томъ только, что Онъ создалъ солнце и небо, но и въ томъ, что создалъ и муравья: это животное хоть и малое, но представляетъ собою великое доказательство премудрости Божіей. Поразмысли же, какъ оно умно, и подивись, какъ Богъ въ такомъ маломъ тѣлѣ могъ помѣстить такую неутомимую охоту къ трудолюбію. Итакъ у муравья учись трудолюбію, а у пчелы любви—и къ чистотѣ, и къ труду, и къ ближнимъ. Она каждодневно трудится и работаетъ не столько для себя, сколько для насъ: и христіанину болѣе всего свойственно искать пользы не себѣ, но другимъ. Какъ пчела облетаетъ всѣ луга, чтобы приготовить трапезу другому, такъ дѣлай и ты, человѣкъ: если накопилъ ты денегъ, употреби ихъ на другихъ; если у тебя есть слова назиданія, не закопай ихъ, но предложи нуждающимся; если — другой какой избытокъ, будь полезенъ имѣющимъ нужду въ плодахъ трудовъ твоихъ. Не видишь ли, что пчела уважается болѣе другихъ животныхъ не за то, что трудится, но за то особенно, что трудится для другихъ? Вѣдь и паукъ трудится и хлопочетъ, растягиваетъ по стѣнамъ тонкія ткани, выше всякаго искусства женскаго, но его не уважаютъ, потому что работа его для насъ совершенно безполезна: таковы тѣ, которые трудятся и хлопочутъ только для себя. Подражай незлобію голубя, подражай любви осла и вола къ своему господину, подражай беззаботности птицъ: можно, многимъ
130 можно воспользоваться отъ безсловесныхъ къ исправленію нравовъ. И Христосъ учитъ насъ примѣромъ этихъ животныхъ: *будите убо мудри*, говоритъ, *яко змія, и цѣли, яко голубіе* (Матѳ. x, 16); и опять: *воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. vi, 26). И пророкъ, стыдя неблагодарныхъ іудеевъ, говоритъ: *позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна* (Иса. i, 3); и опять: *горлица и ластовица сельная, врабія сохраниша времена входовъ своихъ: людіе же Мои не познаша судебъ Господа Бога своего* (Iерем. viii, 7). Отъ этихъ и подобныхъ имъ животныхъ учись дѣлать добро, а отъ противоположныхъ имъ научайся убѣгать порока. Какъ пчела любитъ дѣлать добро, такъ аспидъ—вредить; отринь же злобу, чтобы не услышать тебѣ: *ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ* (Пс. cxxxix, 4). Собака, затѣмъ, безстыдна: возненавидь и это зло. Лисица хитра и коварна: не подражай этому пороку. Но, какъ пчела, летая по лугамъ, не все уноситъ съ собою, но, выбирая полезное, прочее оставляетъ, такъ

сдѣлай и ты: разсмотрѣвъ породу безсловесныхъ, бери себѣ, что есть въ нихъ полезнаго, и, какія у нихъ добрыя качества отъ природы, тѣ усовершай ты въ себѣ свободною волею; тѣмъ-то ты и почтенъ отъ Бога, что Онъ далъ тебѣ возможность—естественное у безсловесныхъ добро совершать по свободному изволенію, дабы получилъ ты за это и награду. Они дѣлаютъ добро не по свободѣ и не по разсужденію, а по влеченію только природы; наприм., пчела дѣлаетъ медъ, наученная этому не разумомъ и размышленіемъ, но природою. Вѣдь еслибы это не было дѣломъ природы и наслѣдственною способностію всего рода (пчелъ), то, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ нихъ не знали бы этого искусства; между тѣмъ, съ самаго сотворенія міра до настоящаго дня, никто не видалъ такихъ пчелъ, которыя бы не дѣлали ничего и не составляли меда. Естественное—обще всему роду, а что отъ свободы, то—не всеобще; потому что для совершенія этого нуженъ трудъ.

3. Итакъ, взявъ все наилучшее, обладай имъ: ты—царь безсловесныхъ, а цари въ избыткѣ имѣютъ у себя то, что ни есть наилучшаго у подданныхъ, золото ли, серебро ли, драгоцѣнные ли камни, или великолѣпныя одежды. И смотря на природу, удивляйся своему Господу. Если же что-либо изъ видимаго превышаетъ тебя и не можешь ты найти цѣли, прославь Создателя и за то, что мудрость созданія превосходитъ твое разумѣніе. Не говори: для чего это? Къ чему это? Всякая вещь полезна, хотя мы и не знаемъ цѣли. Какъ, вошедши въ лѣчебницу и увидѣвъ множество приготовленныхъ инструментовъ, ты удивляешься ихъ разнообразію, хоть и не знаешь ихъ употребленія; такъ сдѣлай и въ отношеніи къ природѣ: видя множество животныхъ, травъ, растеній и другихъ вещей, которыхъ употребленія не знаешь, подивись ихъ разнообразію, и изумись великому художнику Богу за то, что Онъ и не все открылъ тебѣ, и не все оставилъ сокровеннымъ. Не все оставилъ Онъ сокровеннымъ, чтобы ты не сказалъ, будто существующее оставлено безъ Промысла; не все сдѣлалъ тебѣ извѣстнымъ, чтобы великое знаніе не надмило тебя гордостію. Такъ и перваго человѣка злой демонъ низвергъ обѣщаніемъ большаго знанія, а лишилъ и того, какое у него было. Поэтому и 131
Премудрый совѣтуетъ такъ: *вышшихъ себе не ищи, и крѣпльшихъ себе не испытуй: яже ти повелѣнна, сія разумѣвай* (Сир. III, 21, 22); потому что большая часть дѣлъ Божіихъ сокровенна. И далѣе: *вящшая разума человѣческаго показана ти суть* (ст. 23). А это сказалъ онъ въ утѣшеніе тому, кто скорбитъ и сѣтуетъ, что не все онъ знаетъ; и то, говоритъ, что дано тебѣ знать, гораздо выше твоего разума; и это узналъ ты не самъ собою, а наученный отъ Бога. Будь же доволенъ даннымъ богатствомъ, и не

ищи бóльшаго, но благодари за то, что получилъ; не ропщи изъ-за того, чего не получилъ; прославляй (Бога) за то, что знаешь, и не соблазняйся изъ-за того, чего не знаешь. То и другое Богъ устроилъ на пользу; одно открылъ, а другое скрылъ—для твоего спасенія. Итакъ, одинъ способъ богопознанія, изъ разсматриванія природы, можетъ, какъ я сказалъ, занять насъ на много дней. Впрочемъ, чтобы разсмотрѣть съ точностію устройство и одного человѣка (съ точностію, говорю, возможною для насъ, а не съ совершенною точностію: ибо, хотя мы сказали о многихъ свойствахъ вещей, но есть гораздо болѣе и другихъ непостижимыхъ, которыя знаетъ создавшій Богъ, а мы не знаемъ всѣхъ ихъ); итакъ, чтобы съ точностію разсмотрѣть все устройство человѣка и открыть премудрость въ каждомъ членѣ, раздѣленіе и положеніе нервовъ, жилъ, артерій, и устройство всего прочаго, для этого раскрытія не достало бы намъ и цѣлаго года. Посему окончимъ здѣсь это разсужденіе, и давъ случай трудолюбивымъ и любознательнымъ на основаніи сказаннаго разсмотрѣть и прочія части природы, обратимъ слово къ другому предмету, который также можетъ показать божественное промышленіе. Какой же это—другой предметъ? Тотъ, что Богъ, вначалѣ созидая человѣка, даровалъ ему естественный законъ. Что такое естественный законъ? Богъ впечатлѣлъ въ насъ совѣсть, и познаніе добра и зла сдѣлалъ врожденнымъ. Намъ не нужно учиться, что блудъ есть зло, а цѣломудріе—добро; мы знаемъ это отъ начала. И для удостовѣренія, что мы знаемъ это отъ начала, Законодатель, давая впослѣдствіи законы, и сказавъ: *не убій* (Исх. XX, 13), не прибавилъ, что убійство есть зло, а сказалъ просто: *не убій;* Онъ только запретилъ грѣхъ, а не училъ о немъ. Почему же, сказавъ: *не убій*, Онъ не прибавилъ, что убійство есть зло? Потому что совѣсть предварительно научила насъ этому, и Онъ говоритъ объ этомъ какъ уже съ знающими и разумѣющими. Но когда говоритъ о другой заповѣди, не открытой намъ совѣстію, тогда не только запрещаетъ, но прилагаетъ и причину. Такъ, полагая законъ о субботѣ, и говоря: *въ день же седмый да не сотвориши дѣла,* Онъ присовокупилъ и причину покоя. Какую? *Зане въ день седмый почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже нача творити* (Исх. XX, 10, 11. Быт. II, 2); и еще: *яко рабъ былъ еси въ земли Египетстѣй* (Второз. XXIV, 18). Почему же, скажи мнѣ, къ заповѣди о субботѣ онъ присовокупилъ и причину, а касательно убійства не сдѣлалъ ничего такого? Потому, что та не изъ первоначальныхъ и не открыта намъ совѣстію, но есть заповѣдь частная и временная—поэтому она и отмѣнена впослѣдствіи,—а заповѣди необхо-
132 димыя и составляющія основаніе нашей жизни суть: *не убій, не*

укради, не прелюбы сотвори. Поэтому онъ не прилагаетъ къ нимъ причины и не вводитъ ученія, но довольствуется простымъ запрещеніемъ.

4. Впрочемъ, не изъ этого только, но и изъ другого попытаюсь доказать вамъ, что человѣкъ отъ природы получилъ познаніе добра. Адамъ сдѣлалъ первый грѣхъ, и послѣ этого грѣха тотчасъ скрылся. Еслибы онъ не зналъ, что сдѣлалъ что-то злое, то для чего бы сталъ скрываться? Еще не было ни письменъ, ни закона, ни Моисея: какъ же онъ узналъ грѣхъ и скрывается; и не только скрывается, но, еще будучи обвиняемымъ, пытается сложить вину на другого, и говоритъ: *жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ* (Быт. III, 12)? И эта опять слагаетъ вину на другого, на змія. Посмотри же на премудрость Божію. Когда Адамъ сказалъ: *гласъ слышахъ тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (ст. 10), Богъ не тотчасъ обличилъ его въ дѣлѣ и не сказалъ: почему ты вкусилъ отъ древа?—но какъ? *Кто возвѣсти тебѣ*, говоритъ Онъ, *яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (ст. 11)? Богъ и не умолчалъ, и не обличилъ его прямо: не умолчалъ, чтобы вызвать его къ признанію во грѣхѣ; не обличилъ прямо, чтобы не все было дѣломъ Божіимъ и человѣкъ не лишился прощенія, которое даруется намъ за раскаяніе. Потому Богъ и не высказалъ прямо причины, отъ которой произошло познаніе (грѣха), но начинаетъ рѣчь въ видѣ вопроса, оставляя человѣку возможность дойти до признанія. То же самое можно видѣть опять на Каинѣ и Авелѣ. Они первые принесли Богу начатки трудовъ своихъ. Мы хотимъ доказать примѣромъ не только зла, но и добра, что человѣкъ (по природѣ) знаетъ то и другое. Человѣкъ знаетъ, что грѣхъ есть зло,—это показалъ Адамъ; а что онъ знаетъ также, что добродѣтель есть добро, это опять показалъ Авель. Онъ принесъ свою жертву не по чьему-либо наставленію, и не по внушенію закона, который говорилъ бы тогда о начаткахъ, но наученный самъ собою и совѣстію. Не свожу рѣчи далѣе, но занимаюсь первыми людьми, когда еще не было ни письменъ, ни закона, ни пророковъ, ни судей, но одинъ Адамъ съ дѣтьми,—для того, чтобы ты узналъ, что познаніе добра и зла первоначально вложено въ природу человѣка. Откуда бы иначе узналъ Авель, что доброе дѣло—приносить жертву, доброе дѣло—почитать Бога и благодарить за все? Что же, скажешь, Каинъ развѣ не принесъ жертвы? Принесъ и онъ; но не такъ (какъ Авель). И отсюда опять открывается познаніе, внушаемое совѣстію: Каинъ, когда по зависти вознамѣрился убить почтеннаго (Богомъ) брата, скрываетъ это коварное намѣреніе, и что̀ говоритъ? *Пойдемъ на поле* (Быт. IV, 8).

Съ виду одно—личина дружелюбія; а въ мысли другое—намѣреніе братоубійства. Если бы Каинъ не зналъ, что это намѣреніе—злое:
133 для чего бы сталъ скрывать его? И по совершеніи убійства, когда Богъ спрашивалъ его: *гдѣ есть Авель, братъ твой?*—онъ опять говоритъ: *не вѣмъ, еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9)? Почему же онъ не признается? Не ясно ли, что онъ сильно осуждаетъ самъ себя? Какъ отецъ его скрылся, такъ и онъ не признается; а послѣ обличенія самъ же говоритъ: *вящшая вина моя, еже оставитися ми* (ст. 13). Но язычникъ не принимаетъ этого; побесѣдуемъ же и съ нимъ, и, что сдѣлали мы относительно природы, сразившись съ язычниками не только Писаніемъ, но и умозаключеніями, то же будемъ дѣлать теперь и касательно совѣсти. И Павелъ также, сражаясь съ ними, употребилъ этотъ способъ доказательства. Что же говорятъ они? Нѣтъ у насъ, говорятъ, врожденнаго закона въ совѣсти; Богъ не положилъ его въ природѣ. Съ чего же, скажи мнѣ, съ чего ихъ законодатели написали законы о бракѣ, объ убійствахъ, о завѣщаніяхъ, о залогахъ, о непритѣсненіи ближнихъ и о многомъ другомъ? Нынѣшніе законодатели, можетъ быть, научились отъ предшественниковъ, эти отъ прежнихъ, а эти опять отъ древнѣйшихъ: но отъ кого научились тѣ, которые вначалѣ и первые издали у нихъ законы? Не ясно ли, что отъ совѣсти? Вѣдь они не могутъ сказать о себѣ, что были съ Моисеемъ,—что слушали пророковъ: какъ этому быть, когда они язычники? Отсюда очевидно, что на основаніи закона, дарованнаго Богомъ человѣку вначалѣ, при сотвореніи, на основаніи его они и постановили законы и изобрѣли искусства и все прочее. И искусства такъ же изобрѣтены, т. е. первые люди дошли до нихъ по внушенію природы. Такъ произошли и судилища, такъ установлены и наказанія; о чемъ говоритъ и Павелъ. Многіе изъ язычниковъ хотѣли спорить, и говорили: какъ Богъ будетъ судить людей, жившихъ прежде Моисея? Не послалъ еще Онъ законодателя, не далъ закона, не послалъ ни пророка, ни апостола, ни евангелиста: какъ же будетъ взыскивать съ нихъ? Поэтому Павелъ, желая показать, что они имѣли врожденный законъ и хорошо знали что̀ должно дѣлать, сказалъ вотъ что: *егда бо языцы не имуще закона, естествомъ законная творятъ: сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ. Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ.* Какъ это—безъ письменъ? *Спослушествующей имъ совѣсти и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ, въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ* (Римл. II, 14, 16). И еще: *елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ: и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (ст. 12).

Что значитъ *беззаконно погибнутъ?* Значитъ не законъ осудитъ ихъ, а мысли и совѣсть. А если бы они не имѣли закона въ совѣсти, то имъ не слѣдовало бы за грѣхи погибать: какъ же иначе, если они *беззаконно согрѣшиша?* Но словомъ—*беззаконно* апостолъ выражаетъ не то, будто они вовсе не имѣли закона, но—что не имѣли закона письменнаго, законъ же естественный имѣли. И еще: *слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, іудееви же прежде и еллину* (Римл. II, 10).

5. Такъ говоритъ (апостолъ), разсуждая о прежнихъ временахъ, протекшихъ до пришествія Христова. Еллиномъ называетъ здѣсь не идолослужителя, но покланяющагося единому Богу, только не связаннаго іудейскими обрядами, т. е. субботами, обрѣзаніемъ 134
и разными очищеніями, а живущаго весьма мудро и благочестиво. И опять, разсуждая о томъ же, говоритъ: *ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое, іудеа же прежде и еллина* (Римл. II, 9). И здѣсь еллиномъ онъ называетъ человѣка, свободнаго отъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ. Если же такой человѣкъ ни закона не слыхалъ, ни съ іудеями не обращался, то почему постигнетъ его ярость, и гнѣвъ, и скорбь за дѣла худыя? Потому, что онъ имѣлъ совѣсть, которая внутри говорила ему, наставляла и учила его всему. Изъ чего это видно? Изъ того, что онъ самъ наказывалъ другихъ за преступленія, издавалъ законы, учреждалъ судилища. Это самое показывая, Павелъ сказалъ о людяхъ порочныхъ: *иницы же и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не токмо сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Римл. I, 32). А изъ чего, скажешь, узнали они, что воля Божія такова, чтобы живущіе нечестиво наказываемы были смертію? Изъ чего? Изъ того, почему они сами осуждали другихъ согрѣшающихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ты не почитаешь зломъ убійство, то, поймавъ убійцу, не казни его своимъ судомъ; если не почитаешь зломъ прелюбодѣяніе, то, когда попадется прелюбодѣй, оставь его безъ наказанія. Если же ты противъ чужихъ грѣховъ и пишешь законы, и опредѣляешь наказанія, и бываешь строгимъ судіею, то какое можешь получить извиненіе въ собственныхъ твоихъ грѣхахъ, говоря, будто ты не зналъ, что должно дѣлать? И ты прелюбодѣйствовалъ, и онъ: почему же его наказываешь, а себя считаешь достойнымъ прощенія? Если бы ты не зналъ, что прелюбодѣяніе есть зло, не надлежало бы наказывать и другого; если же другого наказываешь, а себя считаешь неподлежащимъ наказанію, то согласно ли съ разумомъ объ одинаковыхъ грѣхахъ произносить неодинаковый приговоръ? За это самое обвиняя, Павелъ сказалъ: *помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ, и творя самъ такожде, яко*

ты избѣжиши ли суда Божія (Римл. II, 3). Нѣтъ, это не такъ. Тѣмъ судомъ, говоритъ, какой ты произнесъ на другого, и тебя Богъ осудитъ тогда: вѣдь, конечно, не ты только справедливъ, а Богъ — несправедливъ! Если же ты не оставляешь безъ вниманія проступковъ другого, то какъ оставитъ Богъ? Если ты исправляешь грѣхи другихъ, то какъ Богъ не будетъ исправлять тебя? Если же Онъ не тотчасъ посылаетъ на тебя наказаніе, не надмевайся этимъ, но тѣмъ более страшись. Такъ повелѣлъ и Павелъ: *или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ* (Римл. II, 4). Не для того, говоритъ онъ, Богъ долго терпитъ, чтобы ты сдѣлался хуже, но чтобы раскаялся; если же не хочешь,—Его долготерпѣніе послужитъ основаніемъ къ большему наказанію твоей нераскаянности. И это самое, показывая, апостолъ сказалъ: *по жестокости же твоей и нераскаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (ст. 5). Итакъ, поелику Богъ воздастъ каждому по дѣламъ, и вложилъ въ насъ естественный законъ, а потомъ далъ и писанный, для того, чтобы за грѣхи наказывать, а за добродѣтели увѣнчать; то будемъ устроивать дѣла свои съ великою тщательностію, какъ готовящіеся пред-
135 стать нѣкогда предъ страшное судилище, зная, что не получимъ никакого прощенія, если, при законѣ естественномъ и писанномъ, послѣ такого наставленія и непрерывнаго увѣщанія, вознерадимъ о своемъ спасеніи.

6. Хочу опять поговорить съ вами о клятвахъ, но стыжусь. Не тяжело мнѣ говорить вамъ день и ночь одно и то же, но боюсь, чтобы, прослѣдивъ за вами столь много дней, не обвинить мнѣ васъ въ великой безпечности тѣмъ, что нужно вамъ постоянно напоминать о такомъ легкомъ дѣлѣ. Да не только стыжусь, но и боюсь за васъ, потому что непрерывное наставленіе внимательнымъ полезно и спасительно, а нерадивымъ вредно и опасно. Чѣмъ чаще слышитъ кто, тѣмъ бо́льшее навлекаетъ на себя наказаніе, если не исполняетъ слышаннаго. За это-то упрекая іудеевъ, Богъ и сказалъ: *послахъ пророки Мои, рано востая и посылая, и не послушасте* (Іер. XXIX, 19). Правда, мы дѣлаемъ это ради великаго попеченія (о васъ); но боимся, чтобы это увѣщаніе и этотъ совѣтъ не возстали противъ всѣхъ васъ въ тотъ страшный день (суда), потому что, если и самое дѣло легко, и напоминаютъ о немъ непрестанно, то что̀ можемъ мы сказать въ свое оправданіе? И какой отвѣтъ избавитъ насъ отъ наказанія? Скажи мнѣ: если ты дашь кому взаймы денегъ, не напоминаешь ли объ этомъ займѣ должнику всякій разъ, какъ съ нимъ встрѣтишься? Такъ поступи и

здѣсь: каждый изъ васъ пусть считаетъ ближняго должникомъ себѣ, обязаннымъ вмѣсто денегъ исполнять эту заповѣдь, и при встрѣчѣ съ нимъ пусть напоминаетъ ему объ уплатѣ долга, зная, что не малая угрожаетъ намъ опасность, если нерадимъ о братіяхъ. Поэтому и не перестаю говорить одно и то же: боюсь я, чтобы не услышать въ тотъ день: *лукавый рабе и лѣнивый, подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ* (Матѳ. xxv, 26. 27). Вотъ я и отдавалъ его не разъ и не два, но многократно; ваше уже дѣло представить и прибыль; а прибыль отъ слушанія есть исполненіе
(слышаннаго) на дѣлѣ, потому что отдаваемое — Господне. Итакъ 136
примемъ не съ небреженіемъ, но тщательно сохранимъ этотъ залогъ, чтобы возвратить его въ тотъ день съ великою прибылью. Если ты не склонишь и другихъ къ той же добродѣтели, то услышишь тотъ же голосъ, какой услышалъ закопавшій талантъ въ землѣ. Но дай Богъ услышать вамъ не этотъ, а другой голосъ, который обратилъ Христосъ къ сдѣлавшему прибыль: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю* (Матѳ. xxv, 21). И мы услышимъ этотъ голосъ, если окажемъ такое же, какъ онъ, усердіе; а такое усердіе окажемъ мы, если исполнимъ то, о чемъ говорю. Вышедши отсюда, пока у васъ еще живо слышанное, увѣщевайте другъ друга, и какъ разстаетесь всѣ вы съ пожеланіемъ здравія, такъ и уходи каждый домой съ увѣщаніемъ и говоря ближнему: помни и смотри, какъ бы тебѣ соблюсти эту заповѣдь; тогда мы, конечно, будемъ имѣть успѣхъ. Если и друзья отпустятъ тебя съ такимъ совѣтомъ, и жена, когда будешь ты дома, станетъ напоминать о томъ же, и, когда будете одни, съ вами неотлучно будетъ слово наше—мы скоро бросимъ эту дурную привычку. Знаю, что вы удивляетесь, почему я такъ забочусь объ этой заповѣди; но исполните, что приказано, и тогда скажу причину. Теперь пока вотъ что скажу: заповѣдь эта— законъ божественный, и преступать ее не безопасно. Если же увижу, что она исполнена, скажу вамъ и другую причину, не меньшую первой, чтобы вы знали, что я справедливо такъ забочусь объ этомъ законѣ. Но время уже окончить слово молитвою. Скажемъ же всѣ совокупно: Боже, *не хотяй смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*, сподоби насъ исполнить и эту и всѣ прочія заповѣди, и такимъ образомъ предстать престолу Христа Твоего, дабы, получивъ великое дерзновеніе, наслѣдовать намъ царствіе во славу Твою: ибо Тебѣ подобаетъ слава, со единороднымъ Твоимъ Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРИНАДЦАТАЯ.

Еще благодареніе Богу за прекращеніе печали и воспоминаніе о тѣхъ, которые по случаю мятежа схвачены и наказаны; потомъ еще изслѣдованіе о сотвореніи человѣка и о томъ, что онъ получилъ естественный законъ; и о совершенномъ воздержаніи отъ клятвъ.

135 Съ того же начала и тѣмъ же вступленіемъ, которымъ начиналъ я вчера и третьяго дня, начну и сегодня; скажу и нынѣ: *благословенъ Богъ!* Какою видѣли мы прошедшую среду, и какою видимъ теперь настоящую? Какой мракъ былъ тогда, и какая тишина теперь? Въ тотъ день въ городѣ происходило ужасное то судилище, потрясало сердца всѣхъ, и день дѣлало ничѣмъ не лучше ночи, не потому, чтобы потухнулъ свѣтъ, но потому, что уныніе и страхъ помрачили ваши глаза. Поэтому, чтобы получить намъ еще бо́льшее удовольствіе, хочу разсказать немногое изъ того, что тогда случилось. Притомъ нахожу разсказъ объ этомъ полезнымъ и для васъ и для всѣхъ потомковъ; вѣдь и
136 спасшимся отъ кораблекрушенія пріятно вспомнить о волнахъ, о бурѣ и вѣтрахъ, когда приплывутъ они въ пристань; и впавшимъ въ болѣзнь весело, послѣ болѣзни, разсказывать другимъ о лихорадкахъ, которыя едва не довели ихъ до смерти. Въ самомъ дѣлѣ, когда пройдутъ несчастія, разсказъ о нихъ имѣетъ пріятность, потому что душа тогда уже не боится, напротивъ, еще вкушаетъ большее удовольствіе, и воспоминаніе о прошедшихъ несчастіяхъ всегда даетъ лучше видѣть настоящее благополучіе.

Когда большая часть города отъ страха и грозы той переселилась въ пустыню и пещеры, и въ мѣста сокровенныя, потому что страхъ отвсюду гналъ ихъ; когда въ домахъ не стало женщинъ и на площади не было мужчинъ, а едва показывались двое или трое идущіе по ней другъ съ другомъ, и то какъ будто бро-
137 дящіе мертвецы: тогда ходили мы въ судилище, чтобы видѣть конецъ дѣла, и увидя тамъ собранными остатки города, болѣе всего подивились тому, что, не смотря на множество стоявшихъ у дверей, была глубочайшая тишина, какъ будто не было никого; всѣ смотрѣли другъ на друга, и никто не смѣлъ ни спросить стоявшаго подлѣ, ни выслушать что отъ него. Каждый подозрѣвалъ ближняго, потому что многіе уже, сверхъ всякаго чаянія, схвачены были на самой площади и содержались внутри судилища; и всѣ мы вмѣстѣ взирали на небо, въ безмолвіи воздѣвали руки, ожидая высшей помощи и умоляя Бога, да поможетъ Онъ

подсудимымъ, да смягчитъ сердца судей и приговоръ сдѣлаетъ милостивымъ. И какъ видящіе съ земли погибающихъ отъ кораблекрушенія придти къ нимъ, подать руку и спасти отъ погибели не могутъ, будучи удерживаемы волнами, а только издали съ береговъ простираютъ руки, и со слезами умоляютъ Бога помочь утопающимъ; такъ и здѣсь всѣ въ безмолвіи мысленно призывали Бога, умоляя, чтобы Онъ простеръ руку къ подсудимымъ, какъ бы погибающимъ въ волнахъ, и не допустилъ ладьѣ потонуть и приговору судей разразиться полнѣйшимъ кораблекрушеніемъ. Такъ было предъ дверьми. Когда же вошли мы во внутренность двора, увидѣли еще другое, болѣе того ужасное, — воиновъ, которые, вооруженные мечами и палицами, охраняли тишину вокругъ засѣдающихъ внутри судей. Такъ какъ всѣ близкіе къ подсудимымъ—жены и матери, и дочери, и отцы, стояли предъ дверьми судилища, то, чтобы, когда приходилось кого отводить на смерть, никто, будучи пораженъ зрѣлищемъ несчастія, не произвелъ какого-либо шума и безпорядка, воины пугали всѣхъ издали, напередъ поражая страхомъ ихъ сердце.

Но вотъ что всего трогательнѣе: мать и сестра одного изъ допрашиваемыхъ на судѣ сидѣли въ самомъ преддверіи судилища, распростершись на землѣ и представляя изъ себя общее зрѣлище для всѣхъ предстоящихъ, закрывая лица, и сохраняя стыдливость настолько, насколько позволяла лишь крайность несчастія; не было при нихъ ни служанки, ни сосѣдки, ни пріятельницы, ни другой какой сродницы, но однѣ, въ бѣдныхъ одеждахъ, среди такого множества воиновъ трепетали, повергшись на землѣ у самыхъ дверей; страдали больнѣе самихъ подсудимыхъ, слыша голосъ палачей, звукъ ударовъ, вопли бичуемыхъ, страшную угрозу судей, и изъ-за каждаго наказываемаго терпѣли болѣе жестокія мученія, нежели сами наказываемые. Такъ какъ въ показаніяхъ другихъ заключалась опасность улики въ виновности (подсудимыхъ); то онѣ (мать и дочь) лишь только примѣчали, что кто-нибудь ударами понуждается указать на виновныхъ и издаетъ плачевные вопли, взирая на небо, молили Бога дать ему силу и терпѣніе, чтобы безопасности близкихъ имъ не погубила слабость другихъ, не могшихъ вывести жестокой боли отъ ударовъ. И здѣсь опять было то же, что съ застигнутыми бурею. Какъ тѣ, 138
лишь только увидятъ натискъ волны издали поднимающійся и мало по малу возрастающій, и грозящій потопить судно, еще раньше, нежели волна приблизится, почти умираютъ отъ страха; такъ и эти, лишь только слышали разносившіеся голоса и вопли, боясь, чтобы изнемогшіе въ пыткахъ, бывъ понуждаемы дѣлать показанія, не оговорили кого изъ ихъ сродниковъ, видѣли предъ

глазами у себя тысячи смертей. И можно было видѣть пытки внутри (судилища) и пытки внѣ его; тѣхъ (подсудимыхъ) мучили палачи, а этихъ (женъ и сестеръ) сила природы и сердечное сочувствіе; и внутри былъ плачъ, и внѣ плачъ: внутри (плачъ) виновныхъ, внѣ — ихъ родныхъ. Впрочемъ, не только эти, но и сами судьи плакали въ душѣ, и страдали сильнѣе всѣхъ, будучи вынуждены производить такое горестное дѣло.

2. А я, сидя тамъ и смотря на то, что и жены, и дѣвы, не выходившія изъ дома, теперь сдѣлались предметомъ общаго зрѣлища для всѣхъ, и почивавшія на мягкихъ постеляхъ лежали на землѣ, и пользовавшіяся услугами столькихъ служанокъ, евнуховъ и всякою другою роскошью теперь, лишась всего этого, припадаютъ къ ногамъ всѣхъ, умоляя, чтобы каждый помогъ подсудимымъ по мѣрѣ силъ своихъ, и чтобы отъ всѣхъ была какъ бы общая складчина милости,—(видя это) я припомнилъ изреченіе Соломона: *суета суетствій и всяческая суета* (Еккл. I, 2). Да, увидѣлъ я исполнившимся на самомъ дѣлѣ, какъ это, такъ и другое изреченіе, которое гласитъ, что *всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный; изсше трава и цвѣтъ отпаде* (Ис. XL, 6, 7). Тогда обличилось безсиліе и богатства, и благородства, и знатности, и заступничества друзей, и родства, и всего житейскаго,—потому что сдѣланный грѣхъ и проступокъ низпровергъ всю эту помощь. И какъ мать воробьевъ, когда похищены будутъ дѣти ея, прилетѣвъ и нашедши гнѣздо пустымъ, не можетъ вырвать похищенныхъ своихъ птенцовъ, но, летая около рукъ птицелова, выражаетъ тѣмъ свою печаль; такъ дѣлали тогда и жены тѣ, когда дѣти были похищены у нихъ изъ домовъ и, какъ бы въ сѣтяхъ и тенетахъ, содержались внутри (судилища): онѣ не могли подойти и исхитить узниковъ, но выражали свою скорбь тѣмъ, что, распростершись у самыхъ дверей, плакали и воздыхали, и старались быть близъ стражи. Это-то видя тогда, я привелъ себѣ на мысль будущее страшное судилище, и сказалъ себѣ: если теперь, когда судятъ люди, ни мать, ни сестра, ни отецъ, ни другой кто, хотя сами и невиновны въ учиненныхъ буйствахъ, не могутъ освободить подсудимыхъ,—кто же на страшномъ судилищѣ Христовомъ защититъ насъ судимыхъ? Кто осмѣлится подать голосъ? Кто освободитъ влекомыхъ на нестерпимыя мученія? Подсудимые были хоть и первыми въ городѣ и цвѣтомъ благородства, однако рады были бы, еслибы кто, взявъ у нихъ все, даже, если нужно, и самую свободу, далъ имъ только пользоваться настоящею жизнью. А когда день уже окончился и насталъ глубочайшій вечеръ, и ожидаемъ былъ окончательный приговоръ, тогда всѣ были еще въ большемъ смятеніи и молили Бога, чтобы случилось какое-

нибудь замедленіе и остановка, и чтобы судьямъ внушилъ Онъ
представить на усмотрѣніе царя то, что было дознано по слѣд- 139
ствію; можетъ быть, думали, будетъ какая-нибудь польза отъ этой
отсрочки. И были возсылаемы къ человѣколюбцу-Богу общія отъ
народа молитвы, чтобы Онъ спасъ остатки города и не допустилъ
совсѣмъ разрушиться ему до основанія, и не видно было ни одного,
кто бы безъ слезъ взывалъ объ этомъ. И однако ничто изъ всего
этого не тронуло тогда судей, слушавшихъ внутри дѣло; они имѣли
въ виду одно только,—чтобы произвесть строгое разслѣдованіе преступленія. Наконецъ, наложивъ на виновныхъ оковы и заключивъ
ихъ въ желѣзо, отсылали въ темницу чрезъ площадь, и это—людей, которые, содержа коней, управляли общественными играми, считали за собою тысячи другихъ важнѣйшихъ должностей; затѣмъ налагали запрещеніе на ихъ имѣнье, и на дверяхъ всѣхъ ихъ виднѣлись печати. И жены ихъ, изгоняемыя изъ отеческихъ домовъ, всѣ на дѣлѣ испытывали то же, что жена Іова: онѣ переходили изъ дома въ домъ, съ мѣста на мѣсто, ища пристанища. Да и это было для нихъ не легко, потому что каждый опасался и страшился принять и призрѣть кого-либо изъ родственниковъ виновныхъ. При всемъ томъ,—пострадавшіе были довольны всѣмъ этимъ, потому что не потеряли еще жизни. Ни потеря денегъ, ни безчестіе, ни такой позоръ, ни другое что подобное не печалило ихъ: великость несчастія и то, что они потерпѣли еще менѣе, нежели какъ ожидали, расположило душу ихъ къ любомудрію. И тогда узнали они, какъ не трудна, легка и удобоисполнима для насъ добродѣтель, и что тяжелою кажется она только отъ нашей безпечности. Эти люди, которые прежде не перенесли бы благодушно небольшой траты денегъ, теперь, когда были объяты большимъ страхомъ, и потерявъ уже все свое имѣніе, были въ такомъ расположеніи, какъ будто нашли сокровище, потому что не потеряли жизни. Такъ, если бы въ насъ было чувство будущей геенны, и мы имѣли въ умѣ своемъ тѣ нестерпимыя мученія; то, хотя бы отдали мы за законы Божіи и имѣніе, и душу, и тѣло,—не скорбѣли бы, зная, что пріобрѣтаемъ бóльшее,—избавленіе отъ будущихъ страданій. Можетъ быть, достаточно уже размягчила сердце ваше печальная картина разсказаннаго, но не тяготитесь. Такъ какъ хочу я вдаться въ болѣе тонкія мысли и имѣю нужду въ умѣ болѣе мягкомъ; то и сдѣлалъ это съ намѣреніемъ,—чтобы, страшнымъ разсказомъ заставивъ умъ вашъ отбросить всю безпечность и, отвлекши его отъ всего житейскаго, съ большимъ удобствомъ внѣдрить въ глубину вашей души силу слова.

3. И прежде своей бесѣдой мы достаточно доказали, что въ насъ лежитъ естественный законъ добра и зла; но, чтобы доказа-

тельство было намъ яснѣе, займемся и теперь опять тѣмъ же предметомъ слова. Что Богъ, при самомъ сотвореніи человѣка, создалъ его знающимъ то и другое, это показываютъ люди. Такъ, всѣ мы, когда грѣшимъ, стыдимся и подчиненныхъ; и часто господинъ, идя къ развратной женщинѣ и увидя кого-нибудь изъ болѣе скромныхъ слугъ, застыдившись, сходитъ съ этой негодной дороги. Опять, когда другіе бранятъ насъ худыми словами, мы называемъ это
140 обидою и сдѣлавшихъ ее влечемъ въ судъ, хотя и сами терпимъ отъ этого непріятности. Итакъ знаемъ мы, что такое порокъ и что добродѣтель.

То же самое и Христосъ показывая, и объясняя, что Онъ заповѣдуетъ не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложилъ въ нашу совѣсть, по изреченіи многихъ тѣхъ блаженствъ, сказалъ такъ: *елика, аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Матѳ. VII, 12). Не нужно, говоритъ, многихъ словъ, ни пространныхъ законовъ, ни разнообразнаго наставленія: воля твоя да будетъ закономъ. Хочешь ты получать благодѣянія? Облагодѣтельствуй другого. Хочешь, чтобы тебя хвалили? Похвали другого. Хочешь, чтобы тебя миловали? Помилуй ближняго. Хочешь, чтобы тебя любили? Полюби самъ. Хочешь пользоваться первенствомъ? Уступи его прежде другому. Самъ будь судьею, самъ будь законодателемъ твоей жизни. И опять: *еже ненавидиши, да никому же твориши* (Тов. IV, 15). Это изреченіе ведетъ къ удаленію отъ грѣха, а предыдущее къ совершенію добродѣтели. *Еже ненавидиши, да никому же твориши:* не любишь терпѣть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебѣ завидовали? И самъ не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И самъ не обманывай другого. Да и во всѣхъ вообще случаяхъ, станемъ только держаться этихъ двухъ изреченій — и не будемъ имѣть нужды еще въ другомъ наставленіи. Знаніе добродѣтели вложилъ Богъ въ нашу природу, но приведеніе въ дѣло и исполненіе предоставилъ нашей свободѣ. Сказанное, можетъ быть, не ясно; такъ постараюсь сдѣлать его болѣе яснымъ. Чтобы знать, что цѣломудріе—добро, для этого намъ не нужно разсужденій или наставленій, потому что мы сами по природѣ имѣемъ это знаніе, и не требуется ни усилій, ни заботъ, чтобы разыскать и найти, хорошо ли и полезно ли цѣломудріе,—напротивъ, всѣ мы общимъ голосомъ признаемъ это, и никто не сомнѣвается на счетъ этой добродѣтели. Такъ и блудъ почитаемъ зломъ; и здѣсь также не нужны намъ ни усилія, ни ученье, чтобы узнать преступность этого грѣха; но всѣ мы отъ природы научены этимъ сужденіямъ, и хвалимъ добродѣтель, хотя и не дѣлаемъ ее, равно какъ ненавидимъ

грѣхъ, хотя и дѣлаемъ его. И со стороны Бога величайшимъ благодѣяніемъ было то, что Онъ нашу совѣсть и волю расположилъ любить добродѣтель, а противъ грѣха враждовать, еще до совершенія ихъ на дѣлѣ. Итакъ, какъ сказалъ я, знаніе о той и о другомъ положено въ совѣсти всѣхъ людей, и мы не нуждаемся ни въ какомъ учителѣ, чтобы узнать о нихъ; но самое исполненіе предоставлено уже свободѣ, старательности и трудамъ нашимъ. Почему такъ? Потому что, если бы (Богъ) все сдѣлалъ даромъ природы, мы остались бы безъ вѣнцовъ и безъ наградъ; и какъ безсловесныя за тѣ совершенства, которыми обладаютъ они по природѣ, не могутъ получать ни награды, ни одобренія, такъ и мы не получили бы ничего этого. Совершенства естественныя служатъ къ похвалѣ и чести не обладающихъ, а Того, Кто далъ ихъ. Вотъ почему Богъ не предоставилъ всего природѣ. Съ другой стороны, не допустилъ Онъ и свободѣ взять на себя все бремя и знанія и исполненія, чтобы она не ужаснулась труда добродѣтели: напротивъ, совѣсть предписываетъ ей, что дѣлать, а къ исполненію этого она сама привноситъ отъ себя труды. Такъ, что цѣломудріе есть добро, мы знаемъ безъ всякаго труда: это знаніе отъ природы; но соблюсти цѣломудріе мы не могли бы, если бы не употребляли усилій, не обуздывали похоти, и не предпринимали великаго труда; это уже не дано намъ отъ природы, какъ знаніе, но требуетъ съ 141
нашей стороны усердія и старанія. Впрочемъ, не этимъ только (Богъ) облегчилъ для насъ тяжесть, но еще и другимъ способомъ,—допустивъ, чтобы и изъ самыхъ совершенствъ нѣкоторыя были у насъ естественными. Такъ, всѣмъ намъ естественно негодовать вмѣстѣ съ обижаемыми (мы сейчасъ же становимся врагами обидѣвшихъ, хотя сами и ничего не потерпѣли), радоваться съ получающими защиту и помощь, скорбѣть о несчастіяхъ другихъ, и услаждаться взаимною любовію. Обстоятельства, правда, производятъ между нами непріязнь; но вообще, мы имѣемъ любовь другъ къ другу. И указывая на это, одинъ мудрый сказалъ: *всяко животно любитъ подобное себѣ, и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Сир. XIII, 19).

4. Много и другихъ учителей, кромѣ совѣсти, приставилъ къ намъ Богъ, какъ-то: родителей къ дѣтямъ, господъ къ рабамъ, мужей къ женамъ, наставниковъ къ ученикамъ, законодателей и судей къ подначальнымъ, и друзей къ друзьямъ. Часто даже и отъ враговъ мы получаемъ пользы не менѣе, чѣмъ отъ друзей: когда они укоряютъ насъ въ проступкахъ, то побуждаютъ насъ, и противъ воли, къ исправленію отъ нихъ. А столько учителей приставилъ къ намъ Богъ для того, чтобы намъ было легко найти и сдѣлать полезное, такъ какъ многіе, побуждая насъ къ этому, не

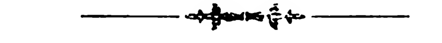
дают нам уклониться от полезнаго. Если мы пренебрежемъ родителей, то, убоясь начальниковъ, навѣрно будемъ скромнѣе; если и ихъ презримъ и будемъ грѣшить, то никакъ не можемъ избѣгнуть упрека совѣсти; если и ее не уважимъ и не послушаемъ, то, опасаясь общественнаго мнѣнія, станемъ лучшими; если и этого не устыдимся, то врожденный страхъ предъ законами можетъ образумить насъ и противъ воли. Такъ молодыхъ людей берутъ на свое попеченіе и направляютъ учители и отцы, а возрастныхъ— законодатели и начальники; рабы, какъ болѣе склонные къ безпечности, понуждаются къ надлежащей дѣятельности, кромѣ сказанныхъ лицъ, еще и господами, а жены мужьями; и вообще, у нашего рода много со всѣхъ сторонъ оградъ, чтобы не увлекаться легко и не впадать въ грѣхъ. Но сверхъ всего этого, учатъ насъ и болѣзни, и несчастныя обстоятельства: такъ, и бѣдность удерживаетъ, и потеря вразумляетъ, и опасность смиряетъ, и многое другое тому подобное. Не страшитъ тебя ни отецъ, ни учитель, ни начальникъ, ни законодатель, ни судія? Не пристыжаетъ тебя другъ? Не уязвляетъ тебя врагъ? Не вразумляетъ господинъ? Не научаетъ мужъ? Не исправляетъ тебя совѣсть? А вотъ приходитъ тѣлесная болѣзнь, и нерѣдко исправляетъ все; также и потеря дѣлаетъ дерзкаго скромнымъ. Еще же важнѣе то, что великую приносятъ намъ пользу, не только наши собственныя, но и чужія несчастія; даже когда сами ничего не терпимъ, а только видимъ, что другіе наказываются, мы вразумляемся не меньше ихъ.

Это бываетъ и съ добрыми дѣлами: какъ отъ того, когда злые наказываются, другіе дѣлаются лучшими, такъ и тѣмъ, когда добрые дѣлаютъ что-либо хорошее, многіе увлекаются къ соревнованію имъ. Такъ случалось и съ избѣжаніемъ клятвъ. Многіе, видя, что другіе бросили эту дурную привычку, стали подражать ихъ усердію и сами одолѣли этотъ грѣхъ. Поэтому мы тѣмъ усерд-
142 нѣе опять беремся за то же увѣщаніе. Никто не говори мнѣ, что многіе исправились; не это требуется, но чтобы всѣ (исправились). Пока не увижу этого, не могу успокоиться. Пастырь (Матѳ. xviii, 12, 13) имѣлъ сто овецъ, но когда заблудилась одна, онъ не довольствовался цѣлостію девяноста девяти, пока не нашелъ заблудшей и не привелъ опять въ стадо. Не видишь ли, что это бываетъ и съ тѣломъ? Если ударимъ обо что и сломимъ одинъ ноготь, все тѣло болитъ съ этимъ членомъ. Поэтому не говори, что неисправившихся осталось лишь немного, но смотри на то, что эти немногіе, не исправившись сами, портятъ много и другихъ. И одинъ блудникъ былъ между коринѳянами, однако Павелъ такъ стеналъ, какъ будто весь городъ погибалъ; и весьма справедливо: онъ зналъ, что если этотъ не вразумится, болѣзнь быстро пойдетъ

своимъ путемъ и постигнетъ другихъ всѣхъ. Недавно видѣлъ я въ судилищѣ знатныхъ мужей связанными и потомъ ведомыми по площади; и когда нѣкоторые удивлялись чрезмѣрности этого безчестія,—„нечему удивляться", говорили другіе, „гдѣ судъ, тамъ не помогаетъ знатность". Слѣдовательно, тѣмъ болѣе не поможетъ знатность тамъ, гдѣ будетъ нечестіе!

5. Размышленіемъ объ этомъ станемъ же возбуждать себя; потому что, если вы съ своей стороны не приложите старанія, всѣ наши труды будутъ напрасны. Почему такъ? Потому что дѣло учительства не таково, какъ прочія искусства. Серебряныхъ дѣлъ мастеръ, какимъ вычеканитъ сосудъ и поставитъ, такимъ найдетъ его и пришедши на другой день. И мѣдникъ, и мраморщикъ, и всякій художникъ, какимъ оставятъ свое произведеніе, такимъ и найдутъ опять. Но у насъ не такъ, а совсѣмъ напротивъ; потому что мы образуемъ не бездушные сосуды, но разумныя души. Поэтому и находимъ васъ не такими, какими оставляемъ, но послѣ того, какъ здѣсь мы съ большимъ трудомъ настроимъ васъ, исправимъ, сдѣлаемъ болѣе усердными, — по выходѣ отсюда васъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ множество всякихъ дѣлъ и опять развращаетъ, и причиняетъ намъ еще бòльшее затрудненіе. Посему прошу и молю, подайте руку содѣйствія намъ, и, сколько я здѣсь стараюсь о вашемъ исправленіи, столько же и вы, вышедши отсюда, покажите заботливости о своемъ спасеніи. О, еслибы возможно было мнѣ за васъ дѣлать доброе, а вамъ получать награду за добрыя дѣла! Я и не безпокоилъ бы васъ такъ. Но чтò дѣлать? Это невозможно: (Господь) воздастъ каждому по дѣламъ его. И вотъ, какъ мать, видя дитя въ горячкѣ, ставъ при немъ, когда оно мучится и горитъ, со слезами говоритъ нерѣдко къ больному дитяти: о, еслибы возможно было мнѣ, чадо, взять на себя твою горячку и на саму себя перенесть этотъ жаръ; такъ и я говорю теперь: о, еслибы возможно было мнѣ за всѣхъ васъ потрудиться и сдѣлать добро! Но этого нельзя, нельзя; а каждому необходимо самому дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ, и невидано, чтобы одинъ наказываемъ былъ за другого. Поэтому скорблю и плачу, что когда въ тотъ день вы будете осуждаемы, я не буду въ состояніи помочь вамъ, да и нѣтъ у меня такого дерзновенія къ Богу. А если бы и было у меня дерзновеніе, — такъ я не святѣе Моисея и не праведнѣе Самуила, о которыхъ, хотя они достигли столь высо- 143
кой добродѣтели, Богъ сказалъ, что не могутъ нисколько пособить іудеямъ, потому что самъ народъ предался великой безпечности (Іерем. xv, 1). Итакъ, поелику мы за свои дѣла и наказываемся и спасаемся, то постараемся, умоляю, исполнить, вмѣстѣ со всѣми прочими, и эту заповѣдь, чтобы, отошедши отсюда съ доброю на-

деждою, получить намъ обѣщанныя блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



БЕСѢДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда весь народъ освободился отъ безпокойства и сталъ благодушенъ, нѣкоторые снова возмутили городъ, выдумывая ужасные слухи, и были изобличены: посему и сказана эта бесѣда, съ увѣщаніемъ о клятвахъ, для чего приведена исторія объ Іонаѳанѣ, Саулѣ и Іефѳаѣ, и показано, сколько отъ одной клятвы бываетъ клятвопреступленій.

НЕ МАЛО діаволъ возмутилъ вчера нашъ городъ, не мало и Богъ опять утѣшилъ насъ сегодня,—такъ что и каждому изъ насъ благовременно сказать пророческія слова: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою* (Пс. xcіі, 19). Впрочемъ, Богъ показалъ Свое попеченіе о насъ не только тѣмъ, что утѣшилъ, но и тѣмъ, что попустилъ намъ быть возмущенными: никогда я не переставалъ говорить, и сегодня скажу, что не только прекращеніе бѣдствій, но и попущеніе ихъ бываетъ по благоволенію Божію. Когда (Богъ) увидитъ, что мы склоняемся къ безпечности, удаляемся отъ единенія съ Нимъ и ни мало не заботимся о духовномъ, Онъ нѣсколько оставляетъ насъ, чтобы мы, вразумившись этимъ, съ большимъ усердіемъ обратились къ Нему. И чему дивиться, что Онъ дѣлаетъ это съ нами, безпечными, когда и Павелъ той же причинѣ приписывалъ искушенія, и свои, и учениковъ своихъ? Посылая къ Коринѳянамъ второе посланіе, онъ такъ говоритъ: *не хощемъ васъ, братіе, не вѣдѣти о скорби нашей, бывшей намъ во Асіи, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити, но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ* (2 Кор. і, 8—9). Эти изреченія значатъ: насъ постигли столь великія опасности, что мы отчаялись въ жизни, и уже не надѣялись ни на какую счастливую перемѣну, но только ожидали смерти (таковъ смыслъ словъ: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ*): однакоже, послѣ такой безнадежности, Богъ прекратилъ бурю, отвелъ тучу и исторгъ насъ изъ самыхъ вратъ смерти. Показывая потомъ, что и допущеніе до такой опасности было дѣломъ великой попечительности, (Павелъ) упоминаетъ о пользѣ отъ искушеній; она состояла въ томъ, чтобы постоянно взирать

къ Богу, а не высокомудрствовать и не превозноситься. Поэтому, сказавъ, что *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ*, онъ указалъ и причину. Какая же это причина? *Да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя.* Искушенія, когда мы спимъ и падаемъ духомъ, обыкновенно пробуждаютъ, и возстановляютъ, и дѣлаютъ насъ благочестивѣе. Поэтому, когда увидишь, возлюбленный, что искушеніе то прекращается, то опять настаетъ, не падай духомъ, не приходи въ отчаяніе, но имѣй благія надежды, размышляя съ собою такъ, что Богъ предаетъ насъ въ руки враговъ не по ненависти и не по отвращенію, но чтобы сдѣлать насъ болѣе усердными и болѣе близкими къ Нему. Не станемъ же унывать, ни отчаиваться въ перемѣнѣ на лучшее, но будемъ ожидать самаго скораго мира, и, предоставивъ Богу прекращеніе всѣхъ овладѣвшихъ нами смятеній, сами возьмемся опять за свое дѣло, и предложимъ обычное поученіе. Я хочу опять побесѣдовать съ вами о томъ же предметѣ, чтобы вырвать съ корнемъ изъ души вашей злую привычку къ клятвамъ.

Для этого необходимо снова прибѣгнуть къ той же просьбѣ. Недавно просилъ я васъ, чтобы каждый, взявъ усѣченную и еще каплющую теплой кровью главу Іоаннову, такъ и пошелъ отсюда домой, и думалъ, что видитъ ее предъ собою, издающую голосъ и говорящую: возненавидьте моего убійцу—клятву. Чего не сдѣлало обличеніе, то сдѣлала клятва; чего не могъ тиранскій гнѣвъ, то совершила необходимость исполнить клятву. Тиранъ, когда обличаемъ былъ всенародно въ слухъ всѣхъ, благодушно перенесъ обличеніе; а какъ связалъ себя клятвою, тогда отсѣкъ блаженную ту главу. Этого же самаго и теперь прошу, и не перестану просить, чтобы мы, куда ни пойдемъ, уходили съ этою главою, и всѣмъ показывали ее, вопіющую и осуждающую клятвы. И хотя бы мы были крайне безпечны и нерадивы, но видя, какъ очи этой главы страшно смотрятъ на насъ и грозятъ клянущимся, — сдерживаемые этимъ страхомъ сильнѣе всякой узды, легко можемъ обуздывать и отвращать языкъ отъ наклонности къ клятвамъ. Клятва имѣетъ въ себѣ не то одно зло, что, будетъ ли соблюдена или нарушена, подвергаетъ наказанію связанныхъ ею (чего не бываетъ ни съ однимъ изъ прочихъ грѣховъ), — но и другое, не меньшее. Что же это такое? То, что давшіе клятву часто, при всемъ желаніи и стараніи, не могутъ не нарушить ея. И во-первыхъ, кто часто клянется добровольно и противъ воли, безсознательно и съ сознаніемъ, по дѣлу и шутя, а нерѣдко увлекаясь гнѣвомъ и многими другими страстями, тотъ неизбѣжно нарушаетъ клятву. И этому никто не будетъ противорѣчить: такъ ясно и очевидно, что часто клянущійся по необходимости бываетъ

клятвопреступникомъ. Во-вторыхъ, пусть онъ и не сдѣлалъ этого по увлеченію, невольно и безъ сознанія: но по самому существу
145 дѣла принужденъ будетъ непремѣнно нарушить клятву съ сознаніемъ и произвольно. Такъ, часто бываетъ, что, когда мы обѣдаемъ дома и кто-нибудь изъ слугъ провинится, жена поклянется высѣчь его; а мужъ въ свою очередь поклянется въ противномъ, будетъ стоять на перекоръ и не уступать: здѣсь что бы (мужъ и жена) ни сдѣлали, неизбѣжно будетъ клятвопреступленіе. Какъ бы они ни желали и ни старались, уже не могутъ исполнить клятву; но, что бы ни произошло, одинъ изъ нихъ впадетъ въ клятвопреступленіе, или даже, навѣрное, оба; а какъ это, я сейчасъ скажу, потому что это-то и удивительно. Поклявшійся высѣчь слугу или служанку и потомъ удержанный отъ этого, и самъ нарушаетъ клятву, потому что не дѣлаетъ того, въ чемъ клялся, и того, кто удержитъ его и воспрепятствуетъ исполнить клятву, дѣлаетъ онъ виновнымъ въ клятвопреступленіи, потому что одинаково виновны, какъ нарушающіе клятву, такъ и поставляющіе другихъ въ необходимость нарушить ее. Впрочемъ, это видѣть можно не только въ домахъ, но и на площадяхъ, и особенно въ бояхъ, когда бьющіеся клянутся другъ передъ другомъ—одинъ, что онъ побьетъ, другой, что не дастъ себя побить; одинъ, что стащитъ одежду, другой, что не позволитъ этого; одинъ, что взыщетъ деньги, другой, что не отдастъ; и много другихъ, одну другой противоположныхъ, клятвъ дѣлаютъ въ подобныхъ ссорахъ. Кто не видалъ этого и въ мастерскихъ и въ школахъ? Бываетъ, мастеръ поклянется, что не позволитъ ученику ѣсть и пить, пока тотъ не окончитъ даннаго ему дѣла; тоже нерѣдко дѣлаетъ и наставникъ съ юношей и госпожа съ служанкой. И вотъ, какъ настанетъ вечеръ, а дѣло не кончено, неизбѣжно бываетъ — или неисправнымъ умереть съ голоду, или поклявшимся — нарушить клятву. Лукавый демонъ, всегда злоумышляющій противъ нашего счастія (вѣдь, тутъ и стоитъ онъ, подслушивая, когда налагаютъ на себя клятвы), давшихъ клятву повергаетъ въ безпечность, или дѣлаетъ другое затрудненіе, чтобы, когда дѣло не сдѣлается, послѣдовали и побои, и оскорбленія, и клятвопреступленія, и тысячи другихъ золъ. Какъ дѣти, съ большимъ усиліемъ тянущія въ разныя стороны длинную и сгнившую веревку, всѣ падаютъ навзничь, когда веревка перервется, и одни повреждаютъ голову, другіе—другую часть тѣла; такъ и клянущіеся другъ предъ другомъ въ противномъ, когда клятва по неизбѣжнымъ обстоятельствамъ будетъ нарушена, впадаютъ (обѣ стороны) въ бездну клятвопреступленія: одни потому самому, что нарушили клятву, другіе потому, что прочимъ подали поводъ къ клятвопреступленію.

2. А чтобы это видно было не только изъ того, что бываетъ каждодневно въ домахъ и на площадяхъ, но и изъ самаго Писанія, разскажу вамъ одну древнюю исторію, близкую къ сказанному. Когда на іудеевъ напали однажды непріятели, и Іонаѳанъ (а это былъ сынъ Сауловъ) однихъ побилъ, а другихъ обратилъ въ бѣгство,—Саулъ, отецъ его, желая еще болѣе возбудить войско противъ остальныхъ и отступить не прежде, какъ побѣдивъ всѣхъ, сдѣлалъ противное тому, чего желалъ, поклявшись, что никто не вкуситъ хлѣба до вечера,—до окончательнаго пораженія враговъ его. Что можетъ быть безумнѣе этого? Надлежало бы утрудившимся и весьма утомленнымъ воинамъ дать покой, и, когда бы они подкрѣпились, 146
выслать ихъ противъ непріятеля; а онъ поступилъ съ ними жесточе, чѣмъ сами враги, наложеніемъ клятвы предавъ ихъ жесточайшему голоду. Опасно клясться и за себя одного, потому что мы много зависимъ отъ обстоятельствъ, но связать волю другихъ насильно нашими клятвами еще опаснѣе, особенно, когда кто клянется не за одного, двухъ или трехъ, а за безчисленное множество, что Саулъ сдѣлалъ тогда такъ неосмотрительно. Не подумалъ онъ ни о томъ, что изъ такого безчисленнаго множества легко, быть можетъ, хотя одинъ кто-либо преступитъ клятву, ни о томъ, что воины, и притомъ сражающіеся, далеки отъ любомудрія и не умѣютъ обуздывать чрева, особенно послѣ большого труда. Но все это выпустивъ изъ виду, онъ за цѣлое войско поклялся, какъ за одного раба, котораго можно бы легко удержать. Этимъ онъ широко отворилъ дверь діаволу, который изъ этой клятвы въ краткое время сплелъ не два только, не три или четыре, но гораздо болѣе клятвопреступленій. Какъ если мы совсѣмъ не станемъ клясться, то заграждаемъ ему всякій входъ; такъ и произнеся хоть одну клятву, доставляемъ ему великую свободу устроить тысячу клятвопреступленій. И какъ сплетающіе веревки, если есть у нихъ кому держать за начальный конецъ, успѣшнѣе производятъ все плетенье, а если некому подержать, не могутъ взяться и за начало; такъ и діаволъ: когда, сплетая вервія нашихъ грѣховъ, не получитъ начала отъ нашего языка, не можетъ и приняться; а лишь только сдѣлаемъ начало, онъ, когда мы языкомъ, какъ рукою, держимся за клятву, съ великою свободою выказываетъ свое лукавое искусство, изъ одной клятвы слагая и сплетая безчисленное множество клятвопреступленій, что и теперь сдѣлалъ онъ съ Сауломъ. Смотри, какая сѣть быстро дѣлается изъ одной клятвы. Войско проходило чрезъ дубраву, гдѣ былъ пчельникъ, *и бяше дубрава пчельная предъ лицемъ села: и внидоша людіе во пчельникъ и се исхождаху глаголюще* (1 Цар. XIV, 25). Видишь ли, какая пропасть? Трапеза устроена безъ приготовленія,

чтобы и удобство приступить къ ней, и пріятность пищи, и надежда скрыть дѣло—вызвали воиновъ къ нарушенію клятвы. Между тѣмъ и голодъ, и трудъ, и время (*вся земля*, сказано, *обѣдаше*, 1 Цар. XIV, 25), все влекло тогда къ преступленію. И самый видъ сотовъ возбуждалъ ихъ, разслабляя крѣпость духа; а пріятность и готовность трапезы, равно какъ и трудность быть уличенными въ этомъ тайномъ дѣлѣ, были въ состояніи поколебать всякое мужество. Если бы это было мясо, которое надлежало бы варить и жарить, оно не такъ бы соблазнило ихъ душу, потому что для сваренія и приготовленія его къ столу они должны бы остановиться, замедлить и подвергнуться опасности быть застигнутыми. Но теперь ничего такого не было; только медъ, для (употребленія) коего не требовалось никакого подобнаго труда, но довольно было обмакнуть конецъ пальца, чтобы вкусить этой пищи, и скрыться. Однако воины воздержали желаніе и не сказали про себя: какое же намъ дѣло? Развѣ изъ насъ кто поклялся въ этомъ? Онъ будетъ наказанъ за необдуманную клятву: зачѣмъ онъ
147 клялся? Нѣтъ, ничего такого они не подумали, но съ великимъ опасеніемъ прошли мимо и устояли, не смотря на то, что столько было для нихъ обольщеній: *и исхождаху людіе глаголюще* (1 Цар. XIV, 26). Что это—*глаголюще?* Они разговаривали между собою, чтобы бесѣдою облегчить скорбь свою.

3. Что же? Если весь народъ устоялъ, то ничего и не случилось болѣе, клятва соблюдена? Нѣтъ, не соблюдена, а нарушена. Какъ и какимъ образомъ? Сейчасъ услышите—и узнаете все лукавство діавола. *Іонаѳанъ же не слышаше, егда заклинаше отецъ его люди: и простре конецъ жезла своего, иже въ руку ему, и омочи его въ сотъ медвенъ, и обрати руку свою во уста своя, и прозрѣша очи его* (1 Цар. XIV, 27). Смотри, кого увлекъ діаволъ къ нарушенію клятвы,—не кого-либо изъ воиновъ, а самого сына поклявшагося: онъ не только хотѣлъ устроить клятвопреступленіе, но замышлялъ и дѣтоубійство, подготовлялъ это издалека, и силился вооружить саму природу противъ себя; и, что сдѣлалъ нѣкогда съ Іефѳаемъ, то же надѣялся сдѣлать и теперь. И тотъ, давъ Богу обѣтъ заклать перваго вышедшаго на встрѣчу ему послѣ побѣды на войнѣ, впалъ въ дѣтоубійство, потому что, какъ первая встрѣтила его дочь, онъ и принесъ ее въ жертву, а Богъ не остановилъ этого.

Знаю, что изъ-за этой жертвы многіе изъ невѣрныхъ обвиняютъ насъ въ жестокости и безчеловѣчіи; но я могу сказать, что попущеніе этой жертвы есть доказательство великой попечительности и человѣколюбія (Божія), и что, заботясь о нашемъ родѣ, Богъ не остановилъ этого закланія. Еслибы Онъ, послѣ того обѣта и

обреченія, остановилъ жертву, многіе и послѣ Іефѳая, въ надеждѣ, что Богъ не приметъ, стали бы дѣлать множество такихъ обѣтовъ и такимъ путемъ доходили бы до дѣтоубійства. Но теперь, попустивъ дѣтоубійству совершиться на дѣлѣ, Онъ отвелъ отъ него всѣхъ людей послѣдующаго времени. И что это правда, такъ — послѣ закланія дочери Іефѳая, дабы это событіе всегда было памятно и несчастіе не предалось забвенію, у іудеевъ стало закономъ, чтобы дѣвы, сходясь въ извѣстное время, сорокъ дней оплакивали сдѣланное убійство, и плачемъ этимъ возобновляя память о жертвѣ, вразумляли всѣхъ потомковъ и научали, что оно сдѣлано не по волѣ Божіей. Иначе Богъ и не попустилъ бы дѣвамъ скорбѣть и плакать. И что говорю это не по догадкѣ, показало послѣдствіе. Послѣ этой жертвы никто уже не давалъ подобнаго обѣта Богу. Для того Онъ этой жертвы не остановилъ, а ту, которую самъ заповѣдалъ,—жертву Исаака, остановилъ, чтобы тѣмъ и другимъ показать, что не услаждается Онъ такими жертвами. Но злой демонъ усиливался и теперь сдѣлать такое же ужасное дѣло: потому-то Іонаѳана и увлекъ къ нарушенію (клятвы). Если бы кто изъ воиновъ преступилъ законъ, въ этомъ, казалось ему, не было бы большого зла; ненасытимый человѣческими бѣдствіями и никогда недовольный нашими несчастіями, онъ не придавалъ важности тому, если бы совершилъ простое убійство: напротивъ полагалъ, что не сдѣлаетъ ничего великаго, если не осквернитъ руки царевой дѣтоубійствомъ. И что говорю о дѣтоубійствѣ? Нечистый этотъ задумалъ изобрѣсть и еще болѣе ужасное убійство; 148
если бы (Іонаѳанъ) согрѣшилъ съ сознаніемъ и былъ умерщвленъ, произошло бы только дѣтоубійство; но теперь, согрѣшивъ по невѣдѣнію, (вѣдь онъ и не слышалъ), и потомъ бывъ умерщвленъ, онъ причинилъ бы отцу двойную скорбь, потому что этотъ заклалъ бы сына и сына нисколько невиновнаго. Но обратимся къ остальному содержанію нашей исторіи. Послѣ того, какъ Іонаѳанъ вкусилъ, *прозрѣша очи его*, сказано. И здѣсь обличаетъ (Писаніе) великое неразуміе царя, показывая, что голодъ почти ослѣпилъ всѣхъ воиновъ и на глаза ихъ навелъ великую тьму. Потомъ, говоритъ, одинъ изъ воиновъ, увидя (Іонаѳана), сказалъ: *кляныйпрокля отецъ твой люди, глаголя: проклятъ человѣкъ, иже ясти будетъ хлѣбъ въ день сей, и изнемогоша людіе. И рече Іонаѳанъ, смути отецъ мой землю* (1 Цар. XIV, 28—29). Что значитъ *смути?* Погубилъ, испортилъ всѣхъ. И вотъ, когда клятва была нарушена, всѣ молчали и никто не смѣлъ указать на виновнаго; это также было не малое преступленіе,—потому что участвуютъ въ грѣхѣ не только нарушающіе клятву, но и тѣ, которые, зная это, прикрываютъ.

4. Но посмотримъ, что далѣе. *И рече Саулъ: снидемъ въ слѣдъ иноплеменникъ и расхитимъ ихъ*; *и рече iерей*: *приступимъ сѣмо къ Богу* (1 Цар. xiv, 36). Въ древности Богъ былъ вождемъ во время браней, и безъ Его соизволенія никогда не осмѣливались (евреи) начинать сраженіе: война была у нихъ дѣломъ благочестія. Если они когда и побѣждаемы были, то не отъ слабости тѣлесной, но отъ грѣховъ были побѣждаемы; а когда и побѣждали, то не силою и мужествомъ, но по благоволенію свыше побѣждали. И побѣда и пораженіе были для нихъ школою и училищемъ добродѣтели, и не только для нихъ, но и для враговъ ихъ; потому что и для этихъ явно было, что война съ іудеями рѣшалась не оружіемъ, но жизнію и дѣлами воюющихъ. Зная это и понимая, какъ непобѣдимъ этотъ народъ, и какъ трудно одолѣть его оружіемъ и воинскими хитростями, а можно развѣ плѣнить только грѣхомъ, мадіанитяне нарядили благообразныхъ дѣвицъ и, поставивъ ихъ предъ войскомъ (еврейскимъ), увлекали воиновъ къ разврату, чтобы чрезъ прелюбодѣяніе отнять у нихъ помощь Божію, что и случилось. Какъ впали они въ грѣхъ, то стали для всѣхъ удобопобѣдимыми, и кого не могли одолѣть ни оружіе, ни кони, ни воины, ни какія хитрости воинскія, тѣхъ связалъ грѣхъ и предалъ врагамъ; щиты, и копья, и стрѣлы—все это было безсильно, а красота лица и похотливость души побѣдили этихъ храбрецовъ. Поэтому нѣкто увѣщеваетъ такъ: *не назирай чуждыя доброты, и не срѣтай жены блудницы* (Сир. ix. 8, 3): *медъ бо каплетъ отъ устенъ жены блудницы, яже на время услаждаетъ твой гортань: послѣди же горчае желчи обрящеши и изо-*
149 *щренну паче меча обоюду остра* (Притч. v, 3—4). Блудница любить не умѣетъ, а только коварствуетъ; въ ея лобзаніи—ядъ, въ устахъ—губительная отрава. Если же это и не тотчасъ обнаруживается, должно тѣмъ болѣе избѣгать ея, что она прикрыла гибель, носитъ смерть сокровенную, и не даетъ усмотрѣть ее вначалѣ. Итакъ, кто ищетъ удовольствія и жизни пріятной, тотъ бѣги сообщества развратныхъ женщинъ, потому что онѣ вносятъ въ душу своихъ поклонниковъ тысячи войнъ и смятеній, возбуждая ихъ всѣмъ — и словами и дѣлами—къ бранямъ и ссорамъ. И какъ самые жестокіе враги, такъ и онѣ все дѣлаютъ и ведутъ къ тому, чтобы повергнуть ихъ въ безславіе, въ нищету и въ крайнія бѣдствія. Какъ звѣроловы, раскинувъ сѣти, стараются заманить дикихъ животныхъ, чтобы заколоть ихъ; такъ и эти женщины, раскинувъ всюду сѣти любострастія, и глазами, и тѣлодвиженіями, и словами завлекаютъ и опутываютъ своихъ любовниковъ, и отстаютъ не прежде, какъ выпивъ и самую кровь ихъ, а послѣ сами же нападаютъ на нихъ,

смѣются надъ ихъ глупостію и много издѣваются надъ ними. И дѣйствительно, такой человѣкъ достоинъ не сожалѣнія, а смѣха и поруганія, такъ какъ оказывается глупѣе женщины, и женщины непотребной. Поэтому и мудрецъ тотъ еще увѣщеваетъ такъ: *сыне, пій воды отъ своихъ сосудовъ и отъ твоихъ кладенцевъ источника* (Притч. v, 15); и опять: *елень любве и жребя твоихъ благодатей да бесѣдуетъ тебѣ* (19). Вотъ что говоритъ онъ о женѣ, живущей въ законномъ бракѣ: зачѣмъ оставляешь помощницу и бѣжишь къ навѣтницѣ? Зачѣмъ отвращаешься отъ сообщницы въ жизни и угождаешь той, которая разстроиваетъ твою жизнь? Эта— твой членъ и тѣло, а та — мечъ острый. Посему, возлюбленные, бѣгайте прелюбодѣянія, и ради настоящихъ золъ, и ради будущаго наказанія. Быть можетъ кому покажется, что мы уклонились отъ предмета, но это не уклоненіе. Мы не просто хотимъ читать вамъ исторіи, но съ тѣмъ, чтобы исправить каждую изъ возмущающихъ васъ страстей. Поэтому и дѣлаемъ частыя увѣщанія, предлагая вамъ разнообразную бесѣду. Какъ въ такомъ многолюдствѣ конечно и болѣзни разнообразны, и врачевать предстоитъ не одну только рану, но и многія и различныя; то и врачество ученія должно быть разнообразно. Возвратимся же къ тому, отъ чего уклонились мы, чтобы сказать это. *И рече іерей: приступимъ сѣмо къ Богу. И вопроси Саулъ Бога: сниду ли въ слѣдъ иноплеменниковъ; предаси ли ихъ въ руки Израильтяномъ, и не отвѣща ему Господь въ день той* (1 Цар. xiv, 36—37). Посмотри на кротость и благость человѣколюбиваго Бога: не послалъ молніи, не потрясъ земли, но, какъ поступаютъ друзья съ друзьями въ случаѣ оскорбленія, такъ и Господь поступилъ съ рабомъ. Онъ только умолчалъ, и этимъ молчаніемъ выразилъ и высказалъ ему весь гнѣвъ. Сознавъ это Саулъ и сказалъ: *приведите сѣмо вся колѣна Израилева, и уразумѣйте, и увѣждьте, на комъ бысть грѣхъ сей днесь, яко живъ Господь, спасый Израиля, яко аще отвѣтъ будетъ на Іонаѳана сына моего, смертію да умретъ* (1 Цар. xiv, 38—39). Видишь ли опрометчивость? Царь видѣлъ, что первая клятва нарушена, и не вразумляется этимъ, а при- 150
бавляетъ еще и другую. Посмотри и на коварство діавола. Онъ зналъ, что сынъ, если будетъ уличенъ и привлеченъ къ суду, самымъ видомъ можетъ тотчасъ тронуть отца и смягчить гнѣвъ царя: поэтому опять поспѣшилъ связать душу Саула другой клятвой, чтобы держать его какъ бы на двойной цѣпи, и не давать ему быть властнымъ въ собственной волѣ, но со всѣхъ сторонъ нудить его къ беззаконному убійству. Еще не былъ открытъ виновный, а Саулъ уже сдѣлалъ рѣшеніе; еще не зналъ онъ преступника, а осудилъ; отецъ сдѣлался палачемъ, и, прежде разслѣдованія, про-

изнесъ обвинительный приговоръ: что можетъ быть безразсуднѣе этого?

5. Итакъ, когда Саулъ сказалъ это, народъ еще болѣе убоялся, и были всѣ въ трепетѣ и сильномъ страхѣ; а діаволъ радовался, приведши всѣхъ въ смятеніе. *И не бѣ*, сказано, *отвѣщающаго отъ всѣхъ людей*: *и рече Саулъ: вы станете въ рабство, азъ же и Іонаѳанъ, сынъ мой, станемъ въ рабство* (1 Цар. XIV, 39—40). Это значитъ: раздражая противъ себя Бога тѣмъ, что не выдаете виновнаго, вы ничего другого не сдѣлаете, какъ только предадите себя врагамъ и изъ свободныхъ станете рабами. А вотъ и другая несообразность отъ клятвы: слѣдовало бы, если онъ хотѣлъ отыскать виновнаго, ничѣмъ такимъ не грозить и не привязывать наказанія къ клятвѣ, чтобы воины, будучи свободны отъ страха, скорѣе обнаружили виновнаго; а онъ, отъ гнѣва и сильнаго неистовства, съ прежнимъ безразсудствомъ опять сдѣлалъ противное тому, чего хотѣлъ. Что много говорить? Онъ предоставилъ дѣло жребію—и Саулъ и Іонаѳанъ метаютъ жребій. *И рече Саулъ: вергите жребій на мя и на Іонаѳана сына моего: и вергоша о немъ и Іонаѳанъ сынъ его, и паде на Іонаѳана жребій. И рече Саулъ къ Іонаѳану: возвѣсти ми, что сотворилъ еси*: *и возвѣсти ему Іонаѳанъ и рече: вкушая вкусихъ мало меду*: *омочивъ конецъ жезла, иже въ руку моею, и се азъ умираю* (1 Цар. XIV, 42—43). Кого бы не тронули, кого бы не привели въ жалость слова эти? Подумай, какую же бурю Саулъ терпѣлъ, когда раздиралась его внутренность и открывалась пропасть съ той и съ другой стороны: однако онъ и этимъ не вразумился, но что говоритъ? *Сія да сотворитъ ми Богъ, и сія да приложитъ ми, яко смертію умреши днесь* (44). Вотъ еще третья клятва, и не просто третья, но съ большимъ сокращеніемъ времени; онъ не сказалъ просто: *умреши*, но—*днесь*. Спѣшилъ, очевидно, спѣшилъ діаволъ понуждать и увлекать его къ этому беззаконному убійству: потому не допускаетъ и дать отсрочку приговору, чтобы замедленіемъ какъ-нибудь не было исправлено зло. *И рѣша людіе къ Саулу*: *еда днесь умретъ сотворивый спасеніе сіе веліе во Израили; не буди то, живъ Господь, аще падетъ власъ главы его на землю, яко милость Божію сотвори въ день сей* (45). Вотъ и народъ поклялся въ другой разъ, и поклялся въ противномъ царю. Теперь припомните веревку, которую тянутъ дѣти, — какъ обрывается она и тянущихъ роняетъ
151 навзничъ. Поклялся Саулъ, не разъ и не два, но многократно; вопреки ему поклялся народъ, и заспорилъ: неизбѣжно клятвѣ быть нарушенною, потому что нельзя же всѣмъ имъ выполнить свои клятвы.

И не говори мнѣ о концѣ этого дѣла, а подумай, сколько здѣсь

зарождалось бѣдствій и какъ діаволъ подготовлялъ несчастное дѣло и возмущеніе Авессаломово. Если бы царь захотѣлъ настоять и выдержать клятву, весь народъ возсталъ бы и произошло ужаснѣйшее возмущеніе; опять, еслибы сынъ, для своего спасенія, захотѣлъ предаться войску, онъ тотчасъ сдѣлался бы отцеубійцею. Видишь, какъ отъ одной клятвы произошли бы и возмущеніе, и дѣтоубійство, и отцеубійство, и междоусобная война, и брань, и убійства, и кровопролитіе, и тысячи труповъ! Если бы произошло сраженіе, то, можетъ быть, и Саулъ, и Іонаѳанъ были бы убиты, пало бы много и воиновъ; и такимъ образомъ ничья клятва не пришла бы въ исполненіе. Посему не смотри на то, что этого не случилось, а подумай о томъ, что самое существо дѣла принуждало къ этому, только народъ одержалъ верхъ. Теперь исчислимъ, сколько произошло клятвопреступленій. Первая клятва Саула нарушена сыномъ; вторая и третья объ умерщвленіи сына—самимъ Сауломъ. Народъ, повидимому, выполнилъ свою клятву: но, если обсудить дѣло съ точностію, то и народъ весь подлежитъ винѣ клятвопреступленія, потому что, не выдавъ отцу сына, принудилъ отца Іонаѳанова нарушить клятву. Видишь, сколько людей одна клятва повергла въ клятвопреступленіе, волею или неволею! Сколько причинила бѣдствій! Сколько произвела убійствъ!

6. Начиная бесѣду, я обѣщалъ доказать, что въ случаѣ противоположныхъ клятвъ неизбѣжно клятвопреступленіе; но раскрытіе исторіи доказало гораздо болѣе, нежели я предполагалъ: она представила не одного, не двухъ и не трехъ человѣкъ, но цѣлый народъ; не одну, не двѣ и не три клятвы нарушенныхъ, но гораздо болѣе. Можно бы разсказать и другую исторію, и показать изъ нея, какъ одна клятва произвела несчастіе еще болѣе жестокое и великое: въ самомъ дѣлѣ, одна клятва причинила и плѣненіе городовъ, женъ и дѣтей, и опустошеніе огнемъ, и нашествіе варваровъ, и оскверненіе святыни, и безчисленное множество другихъ болѣе ужасныхъ бѣдствій всѣмъ іудеямъ. Но вижу, что слово становится пространнымъ: поэтому, прекративъ здѣсь передачу этой исторіи, прошу васъ, вмѣстѣ съ повѣствованіемъ о главѣ Іоанновой, разсказывать другъ другу и объ умерщвленіи Іонаѳана, и о погибели цѣлаго народа, хотя не совершившихся на дѣлѣ, однако долженствовавшихъ быть по силѣ клятвы;—напоминать объ этомъ (во избѣжаніе клятвъ) и дома, и на площади, и женамъ, и друзьямъ, и сосѣдямъ, и всѣмъ вообще людямъ, и не думать, будто достаточное для насъ оправданіе, если сошлемся на привычку. Что это только отговорка и предлогъ, и грѣхъ происходитъ не отъ привычки, а отъ безпечности, постараюсь вамъ доказать тѣмъ, что уже случилось.

Закрылъ царь городскія бани и не позволилъ никому мыться: и никто не осмѣлился преступить законъ, ни жаловаться на такое
152 распоряженіе, ни ссылаться на привычку; но, хотя находящіеся въ болѣзни, и мужчины и женщины, и дѣти и старцы, и многія, едва освободившіяся отъ болѣзней рожденія, жены, всѣ часто нуждаются въ этомъ врачествѣ, однако, волею и неволею, покоряются повелѣнію, и не ссылаются ни на немощь тѣла, ни на силу привычки, ни на то, что наказываются за чужую вину, ни на другое что-либо подобное, но охотно несутъ это наказаніе, потому что ожидали большаго бѣдствія, и молятся каждый день, чтобы на этомъ остановился царскій гнѣвъ. Видишь, что гдѣ страхъ, тамъ привычка легко бросается, хотя бы она была весьма долговременная и сильная! Не мыться, вѣдь, тяжело: какъ ни любомудрствуй, тѣло выказываетъ немощь свою, когда отъ любомудрія душевнаго не получаетъ никакой пользы для своего здоровья. А не клясться—дѣло весьма легкое, и не причинитъ никакого вреда ни тѣламъ, ни душамъ, но доставитъ еще много пользы, великую безопасность, обильное богатство. Какъ же не странно — по повелѣнію царя переносить самую тяжелую вещь, а когда Богъ заповѣдуетъ не тяжкое и трудное дѣло, но совершенно легкое и удобное, показывать небрежность и презорство, и ссылаться на привычку? Не будемъ, умоляю васъ, не будемъ до такой степени нерадивы о своемъ спасеніи, но убоимся Бога, какъ боимся человѣка. Знаю, что вы ужаснулись, слыша это: но ужаснѣе не воздавать Богу даже и такой чести (какъ людямъ), и, исполняя строго царскіе законы, попирать божественные, нисшедшіе съ небесъ, и заботу о нихъ почитать излишнею. Какое же, наконецъ, будетъ намъ извиненіе, какое прощеніе, когда и послѣ такого увѣщанія остаемся въ томъ же грѣхѣ? Это увѣщаніе началъ я съ самымъ началомъ несчастья, постигшаго нашъ городъ; и вотъ, оно готово кончиться, а мы не исполнили еще и одной заповѣди. Какъ же мы будемъ просить избавленія отъ постигшихъ насъ золъ, не могши исполнить и одной заповѣди? Какъ станемъ ожидать счастливой перемѣны? Какъ будемъ молиться? Какими устами призывать Бога? Если исполнимъ законъ, получимъ великое удовольствіе, когда царь умилостивится надъ городомъ; но если останемся въ беззаконіи, отвсюду будетъ намъ стыдъ и позоръ, что хотя Богъ прекратилъ опасность, мы остались при той же безпечности. О, если бы возможно было мнѣ обнажить души много-клянущихся и выставить имъ предъ глаза раны и язвы, которыя они каждодневно получаютъ отъ клятвъ! Тогда намъ не нужно было бы предлагать увѣщаніе или совѣтъ, потому что видъ этихъ ранъ, сильнѣе всякаго слова, могъ бы и крѣпко привязанныхъ къ этой злой при-

вычкѣ отвести отъ грѣха. Но если и невозможно глазамъ, то разуму возможно представить позоръ ихъ души, и показать, какъ она загнила и повреждена. *Яко же бо*, сказано, *рабъ истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится: такожде и кленыйся именемъ святымъ всегда, отъ грѣха не очистится* (Сир. XXIII, 10). Невозможно, невозможно, чтобы уста, привыкшія клясться, не нарушали часто клятвы. Поэтому молю всѣхъ изринуть изъ души эту гибельную и 158
злую привычку, и украситься инымъ вѣнцомъ. И какъ вездѣ поютъ о нашемъ городѣ, что онъ первый изъ всѣхъ во вселенной украсился именемъ христіанъ; такъ дайте всѣмъ говорить, что Антіохія, одна между всѣми городами во вселенной, изгнала клятвы изъ своихъ предѣловъ. Кромѣ того, если это случится, она не только сама увѣнчается, но и въ другихъ городахъ возбудитъ ревность къ тому же. И какъ имя христіанъ, начавшись отселѣ, какъ изъ нѣкоего источника, распространилось по всей вселенной, такъ и это доброе дѣло, получивъ здѣсь корень и начало, сдѣлаетъ вашими учениками всѣхъ людей, населяющихъ землю, такъ что будетъ вамъ двойная и тройная награда—и за собственныя добрыя дѣла, и за наученіе другихъ. Это будетъ для васъ блистательнѣе всякой діадемы; это сдѣлаетъ вашъ городъ матерью градовъ не на землѣ только, но и на небѣ; это защититъ насъ и въ тотъ день, и доставитъ намъ вѣнецъ правды, который да получимъ всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Еще о бѣдствіи антіохійскаго народа; также о томъ, что страхъ вездѣ полезенъ и плачъ благотворнѣе смѣха; и на слова (Писанія): *познавай, яко посредѣ сѣтей минуеши*,—и о томъ, что клясться хуже, чѣмъ убивать.

НАДЛЕЖАЛО бы и сегодня, и въ предшедшую субботу, пред- 153
ложить слово о постѣ, и никто да не думаетъ, что это сказано неблаговременно. Въ дни поста, конечно, не нужно увѣщаніе и убѣжденіе къ нему, такъ какъ самое наступленіе этихъ дней возбуждаетъ и самыхъ безпечныхъ къ подвигу поста. Но поелику многіе, готовясь вступить въ постъ, какъ разъ предъ этимъ самымъ и предаются особенно объяденію и пьянству, какъ будто чреву ихъ предстоитъ подвергнуться какой-нибудь продолжительной осадѣ, и опять, окончивъ постъ, какъ будто освободясь отъ

продолжительнаго голода и изъ жестокаго заключенія, съ великимъ безстыдствомъ спѣшатъ къ трапезамъ, какъ бы стараясь безмѣрнымъ пресыщеніемъ опять уничтожить происшедшую отъ поста пользу; то необходимо было и тогда, и теперь предложить слово о воздержаніи.

Однако, и прежде не сказали мы ничего такого, и теперь не скажемъ: страхъ отъ настоящаго бѣдствія, и безъ всякаго увѣщанія и совѣта, въ состояніи образумить души всѣхъ. Кто такъ жалокъ и неразуменъ, что станетъ упиваться въ такую бурю? Кто такъ безчувственъ, что, когда городъ такъ волнуется и угрожаетъ такое кораблекрушеніе, не будетъ бодрствовать и трезвиться, и не исправится этимъ несчастіемъ лучше всякаго совѣта и увѣщанія? Слово не можетъ сдѣлать столько, сколько дѣлаетъ страхъ: и это самое можно доказать тѣмъ, что̀ случилось нынѣ. Сколько потратили мы словъ, увѣщевая многихъ изъ безпечныхъ и уговаривая оставить зрѣлища и происходящія отъ нихъ непотребства? И— они не оставляли, но постоянно до сего дня сходились на беззаконныя позорища плясуновъ, и дьявольское сборище поставили противъ собранія церкви Божіей, и—на здѣшнія псалмопѣнія раздавались тамошніе крики, несшіеся съ великою силою. Но вотъ нынѣ, когда мы молчимъ и ничего не говоримъ объ этомъ, они сами закрыли мѣсто пляски, и конское ристалище опустѣло. Передъ этимъ, многіе изъ нашихъ уходили къ нимъ, а нынѣ всѣ
154 оттуда устремились въ церковь и воспѣваютъ нашего Бога.

Видишь, какая польза произошла отъ страха! Если бы страхъ не былъ благомъ, то ни отцы не приставляли бы надзирателей къ дѣтямъ, ни законодатели начальниковъ къ городамъ. Что ужаснѣе геенны? Но нѣтъ ничего полезнѣе страха ея, потому что страхъ геенны приноситъ намъ вѣнецъ царствія. Гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ зависти; гдѣ страхъ, тамъ не мучитъ сребролюбіе; гдѣ страхъ, тамъ погашенъ гнѣвъ, усмирена злая похоть, искоренена всякая безумная страсть. И какъ въ домѣ воина, постоянно вооруженнаго, не посмѣетъ появиться ни разбойникъ, ни воръ, ни другой подобный злодѣй; такъ, когда и страхъ объемлетъ души наши, ни одна изъ низкихъ страстей не можетъ легко войти въ насъ, но всѣ удаляются и бѣгутъ, гонимыя отвсюду силою страха. И не эту одну пользу получаемъ мы отъ страха, но и другую, гораздо бо̀льшую этой: онъ не только отгоняетъ отъ насъ злыя страсти, но и съ великимъ удобствомъ вводитъ всякую добродѣтель. Гдѣ страхъ, тамъ и заботливость о милостынѣ, и усердіе къ молитвѣ, и слезы теплыя и непрерывныя, и стенанія, выражающія великое сокрушеніе. Ничто такъ не истребляетъ грѣха, а добродѣтели не способствуетъ рости и процвѣтать, какъ непрестанный страхъ. Поэтому,

кто не живетъ въ страхѣ, тому невозможно быть добродѣтельнымъ; равно какъ и живущему въ страхѣ невозможно грѣшить. Не будемъ же, возлюбленные, скорбѣть и отчаиваться изъ-за настоящаго бѣдствія, но подивимся изобрѣтательности Божіей премудрости. Чѣмъ діаволъ надѣялся разрушить нашъ городъ, тѣмъ Богъ возстановилъ и исправилъ его. Діаволъ внушилъ нѣкоторымъ нечестивымъ людямъ поругаться даже надъ царскими статуями, чтобы разрушить и самое основаніе города; а Богъ это самое происшествіе употребилъ къ большему нашему вразумленію, страхомъ ожидаемой казни изгнавъ всякую безпечность. И изъ того самаго, что демонъ устроилъ, вышло противное тому, чего хотѣлъ онъ: городъ у насъ съ каждымъ днемъ очищается, и переулки, и перекрестки, и площади свободны стали отъ блудныхъ и соблазнитель- 155
ныхъ пѣсенъ; и куда бы кто ни посмотрѣлъ, вездѣ молитвы, и славословія, и слезы вмѣсто безчиннаго смѣха, и любомудрыя рѣчи вмѣсто словъ срамныхъ; и весь городъ сдѣлался у насъ церковію, потому что закрылись мастерскія, и всѣ проводятъ цѣлый день въ молитвахъ, и единогласно съ великимъ усердіемъ призываютъ Бога. Какое слово могло бы когда-либо сдѣлать это? Какое увѣщаніе? Какой совѣтъ? Какая продолжительность времени?

2. Будемъ за это благодарить, а не роптать и негодовать. Что страхъ есть благо, видно уже и изъ сказаннаго. Но послушай и Соломона, который такъ любомудрствуетъ о немъ,—Соломона, который жилъ во всякой роскоши и наслаждался великимъ спокойствіемъ. Что же говоритъ онъ? *Благо ходити въ домъ плача, неже ли ходити въ домъ пира* (Еккл. VII, 2). Что говоришь ты (премудрый), объясни мнѣ? Лучше идти туда, гдѣ плачъ и слезы, и стенанія, и скорбь, и уныніе, нежели туда, гдѣ пляски, и кимвалы, и смѣхъ, и веселье, и пресыщеніе, и пьянство? Да, говоритъ. Почему, скажи мнѣ, и для чего? Потому что тамъ зараждается наглость, а здѣсь скромность. Кто побываетъ на пирѣ у человѣка, который богаче его, тотъ уже не съ прежнимъ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на свой домъ, но со скукой возвратится къ женѣ, со скукой сядетъ за свой столъ, и въ тягость будетъ и слугамъ, и дѣтямъ, и всѣмъ домашнимъ, оттого, что изъ-за чужого богатства яснѣе увидитъ свою бѣдность. И худо не это только, но и то, что онъ часто завидуетъ пригласившему его на пиръ; и вообще возвращается домой, не получивъ ничего добраго. Но о плачущихъ ничего такого сказать нельзя; напротивъ, (у нихъ) много любомудрія, много скромности. Какъ только войдетъ кто въ преддверіе дома, въ которомъ есть умершій, и увидитъ мертвеца лежащаго безгласнымъ, и жену рвущую на себѣ волосы, терзающую ланиты, ломающую руки, тотчасъ поражается, дѣлается печаленъ,

и каждый изъ сидящихъ тамъ ни о чемъ другомъ не говоритъ съ ближнимъ, какъ о томъ, что мы—ничто, и что грѣховность наша—несказанна. Что можетъ быть разумнѣе этихъ словъ, которыми мы и бѣдность своей природы признаемъ, и нечестіе наше обличаемъ, и настоящее считаемъ за ничто, произнося, другими, правда, словами, но въ той же силѣ, это чудное и исполненное мудрости изреченіе Соломона: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Вошедшій въ домъ плачущихъ тотчасъ и самъ плачетъ по отшедшемъ, хотя бы былъ и врагъ ему. Видишь, сколько этотъ домъ лучше того? Тамъ онъ, будучи и другомъ, завидуетъ; здѣсь, и будучи врагомъ, плачетъ; а этого-то больше всего и хочетъ Богъ, чтобы мы не злорадствовали оскорбившимъ. Впрочемъ не эти только блага можно получить тамъ, но и другія, не меньшія этихъ; потому что каждый воспоминаетъ тамъ и о своихъ грѣхахъ, и о страшномъ судилищѣ, и о тѣхъ наказаніяхъ, и о судѣ; и, хотя бы потерпѣлъ онъ отъ другихъ тысячу золъ, и имѣлъ домашнія непріятности, однако выходитъ оттуда съ врачевствомъ противъ
156 всѣхъ ихъ. Подумавъ, что, спустя немного, подвергнется тому же и самъ онъ, и всѣ надмевающіеся, и что все настоящее, пріятное и горькое, кратковременно, онъ возвращается домой безъ всякой печали и зависти, съ облегченною и окрыленною душой; и такимъ образомъ сдѣлается добрѣе ко всѣмъ, снисходительнѣе, благосклоннѣе и благоразумнѣе, — оттого, что страхъ будущаго проникъ въ его душу и истребилъ всѣ тернія. Все это сознавая, и сказалъ Соломонъ: *благо ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Екклез. VII, 3). Тамъ рождается безпечность, здѣсь—безпокойство; тамъ небреженіе, здѣсь—страхъ, научающій насъ всякой добродѣтели. Если бы страхъ не былъ благомъ, Христосъ не изрекъ бы многихъ и пространныхъ наставленій о тамошнемъ наказаніи и мученіи. Страхъ есть не иное что, какъ стѣна и ограда, и столпъ необоримый; а намъ и нужно великое огражденіе, потому что отвсюду множество засадъ, какъ тотъ же самый Соломонъ, увѣщевая, опять сказалъ: *познавай, яко посредѣ сѣтей минуеши, и по забраломъ града ходиши* (Сир. IX, 18). О, сколько добра заключаетъ въ себѣ и это изреченіе! Не меньше, чѣмъ и предыдущее!

Напишемъ же его каждый въ умѣ своемъ, будемъ всегда носить въ памяти—и не скоро согрѣшимъ. Напишемъ, но напередъ изучимъ его со всѣмъ тщаніемъ. Онъ не сказалъ: «смотри», *яко посредѣ сѣтей минуеши*, но—*познавай*. Почему же сказалъ: *познавай*? Сѣть, говоритъ, прикрыта: въ томъ вѣдь и состоитъ особенность сѣти, что опасность не является открыто, и гибель не явна, но сокрыта со всѣхъ сторонъ; поэтому и говоритъ: *познавай*. Нужна тебѣ великая осмотрительность и тщательная осторожность,

потому что как дѣти прикрывают сѣть землею, так и діавол— грѣхи житейскими удовольствіями. Но *познавай*, тщательно изслѣдуя, и, если представится прибыль, не смотри только на прибыль, но изслѣдуй тщательно, не скрывается ли грѣх и смерть в этой прибыли, и если увидишь это, бѣги прочь. Опять, когда представится наслажденіе и удовольствіе, не смотри только на удовольствіе, но тщательно развѣдай, не скрылось ли в глубинѣ удовольствія какое беззаконіе, и если найдешь, удались. Совѣтует ли кто, льстит ли, услуживает ли, обѣщает ли почести, или что-нибудь другое, все будем изслѣдовать тщательно и осматривать со всѣх сторон, нѣт ли нам какого вреда, нѣт ли какой опасности от совѣта, почести, или услуги; не будем увлекаться скоро и необдуманно. Если бы была только одна или двѣ сѣти, легко было бы остеречься; но послушай, как говорит Соломон, чтобы показать их многочисленность: *познавай, яко посредѣ сѣтей минуеши*. Не сказал: «подлѣ сѣтей ходишь», но — *посредѣ сѣтей*. С обѣих сторон у нас пропасти, с обѣих сторон ковни. Пришел иной на площадь, увидѣл врага — и воспламенился от одного этого взгляда; увидѣл друга, пользующагося хорошим мнѣніем — и поревновал; увидѣл бѣднаго—и презрѣл, возгнушался; увидѣл богатаго — и позавидовал; увидѣл кого-нибудь обижаемым — и огорчился; увидѣл обижающаго — и вознегодовал; увидѣл красивую женщину — и плѣнился. Видишь, возлюбленный, сколько сѣтей; поэтому и сказал (премудрый): *познавай, яко посредѣ* 157
сѣтей минуеши. И дома — сѣти, и за столом—сѣти, и в собраніях—сѣти. Нерѣдко иной по довѣрчивости скажет необдуманно между друзьями какое-нибудь слово, котораго не слѣдовало бы произносить, и причинит такую бѣду, что разрушит цѣлый дом.

3. Итак, будем разсматривать дѣла внимательно со всѣх сторон. Часто и жена бывает сѣтью для невнимательных, часто—дѣти, часто—друзья, часто—сосѣди. Для чего же, скажете, столько сѣтей? Для того, чтобы мы не стремились долу, но искали горняго. И птиц уловить не легко, пока онѣ летают высоко в воздухѣ: так и ты, пока будешь стремиться к горнему, не легко будешь уловлен сѣтью или другою какою хитростью. Діавол— это птицелов: будь же выше силков его. Взошедшій на высоту не станет дивиться житейскому. Когда взойдем мы на вершину горы, нам представляется малым и город, и стѣны, а люди, ходящіе по землѣ, кажутся как муравьи. Так, когда и ты взойдешь к высоким помыслам любомудрія, ничто на землѣ не в состояніи будет поразить тебя; но, поелику смотришь ты на небесное, то все будет казаться тебѣ малым—и богатство, и

слава, и могущество, и честь, и все другое тому подобное. Такъ и Павлу все казалось малымъ, и блескъ настоящей жизни—безполезнѣе труповъ. Поэтому онъ и восклицалъ такъ: *мнѣ міръ распяся* (Гал. VI, 14); поэтому и насъ увѣщеваетъ онъ, говоря: *горняя мудрствуйте* (Кол. III, 2). Горняя? О какомъ горнемъ говоришь, скажи мнѣ. О томъ ли, гдѣ солнце, гдѣ луна? Нѣтъ, говоритъ. О какомъ же? Гдѣ ангелы, архангелы, херувимы, серафимы? Нѣтъ, говоритъ. Такъ о какомъ же? *Идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 1). Повѣримъ же этому и будемъ непрестанно размышлять о томъ, что, какъ птичкѣ, попавшей въ сѣть, нѣтъ пользы отъ крыльевъ, и напрасно и тщетно бьетъ она ими; такъ и тебѣ нѣтъ пользы отъ разума, если ты попалъ подъ власть злой похоти: сколько бы ни бился, ты—въ плѣну. Для того крылья у птицъ, чтобы избѣгать сѣтей; для того у людей разумъ, чтобы избѣгать грѣховъ. Какое же будемъ имѣть извиненіе, какое оправданіе, когда мы неразумнѣе безсловесныхъ?

Воробей, разъ пойманный въ сѣть и изъ нея улетѣвшій, и лань, попавшая въ тенета и потомъ убѣжавшая, не легко попадутся въ нихъ опять, потому что опытъ для того и другой бываетъ учителемъ осторожности; а мы, и часто бывъ уловлены однимъ и тѣмъ же (грѣхомъ), впадаемъ въ него же; и, надѣленные разумомъ, не подражаемъ предусмотрительности и осторожности безсловесныхъ. Сколько разъ, наприм., увидя женщину, терпѣли мы тысячу бѣдъ,—возвращались домой съ возбужденною похотію и мучились въ теченіе многихъ дней; однако не вразумляемся, но, едва уврачевали прежнюю рану, опять впадаемъ въ тотъ же (грѣхъ), уловляемся тою же (похотію), и за краткое удовольствіе глазъ терпимъ постоянную и продолжительную скорбь.
158 Но если мы научимся постоянно повторять себѣ это изреченіе, то избѣгнемъ всѣхъ бѣдъ. Величайшая сѣть — красота женская; или вѣрнѣе, не красота женская, а сладострастный взглядъ. Мы осуждаемъ вовсе не вещи, а себя и свою безпечность; и не говоримъ: не будь женщинъ, но — не будь блудодѣяній; не говоримъ: не будь красоты, но—не будь прелюбодѣянія; не говоримъ: не будь чрева, но—да не будетъ пресыщенія; потому что не чрево рождаетъ пресыщеніе, а наша безпечность. Не говоримъ, будто все зло отъ того, что ѣдимъ и пьемъ: не отъ этого оно, а отъ нашей безпечности и жадности. Діаволъ не ѣлъ и не пилъ — и палъ; а Павелъ ѣлъ и пилъ—и взошелъ на небо. Сколько, слышу я, говорятъ: если бы не было бѣдности! Заградимъ уста тѣхъ, которые ропщутъ такъ, потому что говорить это — богохульство. Итакъ скажемъ имъ: да не будетъ малодушія; бѣдность же вноситъ безчисленныя блага въ жизнь нашу; безъ бѣдности и богат-

ство безполезно. Не будемъ же обвинять ни этого, ни той: бѣдность и богатство суть оружія, и приведутъ оба къ добродѣтели, если мы захотимъ. И какъ храбрый воинъ, какое бы не взялъ оружіе, выкажетъ свою силу; такъ слабый и робкій затрудняется всякимъ. А чтобы узнать, что это правда, вспомни Іова, который былъ и богачемъ, и бѣднякомъ, владѣлъ тѣмъ и другимъ оружіемъ, и тѣмъ и другимъ побѣдилъ. Когда онъ богатъ былъ, говорилъ: *дверь моя открыта всякому приходящему*; когда же сталъ бѣденъ, говорилъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть* (Іов. I, 21). Когда богатъ былъ, показалъ много страннолюбія; когда сдѣлался бѣднымъ, — много терпѣнія. И ты богатъ?—покажи великое милосердіе; сталъ бѣденъ? — великое терпѣніе и благодушіе. Ни богатство, ни бѣдность не составляютъ сами по себѣ зла; но дѣлаются оба таковыми по изволенію пользующихся ими.

4. Итакъ, пріучимъ себя не имѣть такихъ сужденій о вещахъ, и станемъ винить не дѣла Божіи, но злую волю человѣческую. Малодушному и богатство не можетъ принести пользы, великодушному и бѣдность никогда не повредитъ.

Познаемъ же сѣти, и будемъ ходить дальше отъ нихъ; познаемъ стремнины, и не будемъ приближаться къ нимъ. Мы будемъ совершенно безопасны, если станемъ избѣгать не только грѣховъ, но и того, что, хоть и кажется безразличнымъ, однако бываетъ для насъ преткновеніемъ ко грѣху. Такъ, напримѣръ, смѣхъ и шуточныя слова не кажутся явнымъ грѣхомъ, а ведутъ къ явному грѣху: часто отъ смѣха рождаются скверныя слова, отъ скверныхъ словъ еще болѣе скверныя дѣла; часто отъ словъ и смѣха ругательство и оскорбленіе, отъ ругательства и оскорбленія удары и раны, отъ ранъ и ударовъ смертельныя пораженія и убійства. Итакъ, если желаешь себѣ добра, убѣгай не только скверныхъ словъ и скверныхъ дѣлъ, — не только ударовъ, ранъ и убійствъ, но даже и безвременнаго смѣха, даже и шуточныхъ 159
словъ; потому что онѣ бываютъ корнемъ послѣдующихъ золъ. Поэтому Павелъ говоритъ: *сквернословіе и буесловіе да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Еф. V, 4; IV, 29); потому что оно, хоть само по себѣ и кажется незначительнымъ, но бываетъ для насъ причиною великихъ золъ. Опять, роскошество не представляется явнымъ и открытымъ грѣхомъ, но пораждаетъ намъ много золъ— пьянство, неистовство, любостяжаніе, хищничество. Человѣкъ, преданный роскоши и тратящій много, несущій для чрева тяжелыя службы, часто вынуждается и красть, и похищать чужое, и захватывать лишнее, и дѣлать насилія. Посему, если избѣжишь роскошества, то отнимешь поводъ и къ любостяжанію, и къ хищни-

честву, и къ пьянству, и къ тысячѣ золъ,—заранѣе отсѣчешь корень грѣха. Поэтому и Павелъ сказалъ: *вдовица, питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6). Опять, ходить на зрѣлища, и смотрѣть на конскія ристалища, и играть въ кости—для многихъ не кажется преступленіемъ, но все это вводитъ въ жизнь тысячу золъ. Пребываніе на зрѣлищахъ пораждаетъ прелюбодѣяніе, невоздержность и всякое безстыдство; отъ смотрѣнья на конскія ристалища заводятъ споры, брани, удары, обиды, вражды постоянныя; любовь къ игрѣ часто бываетъ причиною злословія, убытка, гнѣва, брани и тысячи другихъ, еще болѣе тяжкихъ, золъ. Будемъ же избѣгать не только грѣховъ, но и того, что, хоть кажется безразличнымъ, однако мало по малу увлекаетъ насъ къ этимъ грѣхамъ. Идущій подлѣ стремнины, если и не упадетъ, такъ содрогается, и часто отъ этого содроганія низвергается и падаетъ; такъ и тотъ, кто не удаляется отъ грѣховъ, но ходитъ близъ нихъ, будетъ жить въ страхѣ, и часто впадать въ нихъ. Наприм., засматривающійся на чужую красоту, если и не совершилъ блуда, такъ уже возъимѣлъ похоть и сдѣлался, по суду Христову, прелюбодѣемъ; а часто этою похотію увлекается онъ въ грѣхъ и на дѣлѣ. Будемъ же держаться вдали отъ грѣховъ. Хочешь быть цѣломудренымъ? Бѣгай не только блуда, но и нескромнаго взгляда. Хочешь быть далекимъ отъ скверныхъ словъ? Избѣгай не только скверныхъ словъ, но и безпорядочнаго смѣха и всякой похоти. Хочешь быть дальше отъ убійствъ? Бѣгай ругательствъ. Хочешь стать далеко отъ пьянства? Избѣгай увеселеній и роскошныхъ столовъ, и съ корнемъ вырви этотъ порокъ. Большая сѣть — необузданность языка; ей нужна и великая узда. Поэтому и сказалъ нѣкто: *сѣть крѣпка мужу свои устнѣ, и плѣняется словами своихъ устъ* (Притч. vi, 2).

5. Итакъ, прежде всѣхъ другихъ членовъ умѣримъ этотъ (языкъ), обуздаемъ его, и изгонимъ изъ устъ ругательства, и брани, и сквернословіе, и злорѣчіе, и злую привычку къ клятвамъ. Слово опять привело насъ къ тому же увѣщанію. Хотя вчера я обѣщалъ вашей любви не говорить болѣе объ этой заповѣди; потому что о ней уже довольно говорено было во всѣ предыдущіе дни: но что дѣлать? Пока не увижу васъ исправившимися, не могу удержаться отъ увѣщанія. Такъ и Павелъ, сказавъ Галатамъ: *прочее, труды да никтоже ми даетъ* (Гал. vi, 17), снова потомъ является вмѣстѣ съ ними и бесѣдуетъ. Таково сердце у отцевъ,—хоть и скажутъ, что отстанутъ, но не отстаютъ, пока не увидятъ
160 дѣтей исправившимися. Слышали вы, что пророкъ сегодня сказалъ намъ о клятвѣ? *И обратихся, и возведохъ очи мои*, говоритъ, *и видѣхъ, и се серпъ летящъ. И рече ко мнѣ: что ты видиши*;

и рѣхъ: азъ вижду серпъ летящъ: въ долготу локтей двадесять, и въ широту десяти локтей. И внидетъ, говоритъ, *въ домъ кленущагося именемъ Моимъ во лжу, и вселится посредѣ дому его и скончаетъ его, и древа его, и каменіе его* (Зах. v, 1—4). Что означаютъ эти слова, и для чего казнь, поражающая клянущихся, представляется въ образѣ серпа, и серпа летящаго? Для того, чтобы видѣлъ ты, что невозможно избѣжать суда и уклониться отъ наказанія: отъ меча летящаго иной, можетъ быть, и уклонится; но отъ серпа, упавшаго на шею и ставшаго вмѣсто веревки, не убѣжитъ никто; а когда будутъ у него еще и крылья, то какая, наконецъ, надежда на спасеніе? Но для чего же онъ *скончаетъ* (разрушитъ) *и древа и каменіе* клянущагося? Для того, чтобы казнь эта послужила къ вразумленію другихъ. Такъ какъ клянущійся, по смерти, необходимо будетъ сокрытъ въ землѣ, то разрушенный и обращенный въ развалины домъ его своимъ видомъ будетъ внушать всѣмъ проходящимъ и видящимъ не покушаться на то же, чтобы и не потерпѣть того же; будетъ всегдашнимъ обличителемъ грѣха умершаго. Не такъ поражаетъ мечъ, какъ клятва; не такъ убиваетъ мечъ, какъ ударъ клятвы. Поклявшійся, хоть и кажется живымъ, получилъ уже рану и умеръ. Какъ взявшій веревку [1]), еще прежде нежели выйдетъ изъ города, и придетъ къ пропасти [2]), и увидитъ предъ собою палача, уже умираетъ при самомъ выходѣ изъ дверей судилища; такъ то же бываетъ и съ клянущимся. Будемъ размышлять объ этомъ, и не станемъ принуждать братьевъ къ клятвѣ. Что ты дѣлаешь, человѣкъ? Заставляешь клясться передъ священною трапезою, и тамъ, гдѣ лежитъ Христосъ закланный, закалаешь брата своего? Разбойники убиваютъ на дорогахъ, а ты убиваешь сына предъ лицемъ матери— и совершаешь убійство преступнѣе Каинова! Тотъ умертвилъ своего брата въ пустынѣ, и—временною смертію; а ты наносишь брату смерть среди церкви, и—смерть вѣчную! Ужели для того устроена церковь, чтобы намъ клясться? Нѣтъ,—для того, чтобы молиться. Ужели для того стоитъ трапеза, чтобы мы заставляли (другихъ) клясться? Нѣтъ, для того стоитъ она, чтобы разрѣшали мы грѣхи, а не вязали.

Но если ты (не стыдишься) ничего другого, такъ постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы; раскрой Евангеліе, которое держа въ рукахъ, заставляешь ты другого клясться, и, услышавъ, что Христосъ говоритъ тамъ о клятвахъ, вострепещи и удержись. Что же Онъ говоритъ тамъ о клятвахъ? *Азъ же гла-*

---

[1]) Т. е. преступникъ, котораго съ веревкою на шеѣ ведутъ на мѣсто казни.
[2]) Т. е. въ которую онъ будетъ брошенъ палачемъ.

голю вамъ, не клянитеся всяко (Матѳ. v, 34). А ты этотъ законъ, запрещающій клятву, дѣлаешь клятвою? О, дерзость! О, безуміе! Ты дѣлаешь то же, какъ если бы кто самого законодателя, воспрещающаго убійство, заставилъ быть помощникомъ въ убійствѣ. Не такъ стенаю и плачу я, когда слышу, что иныхъ убиваютъ на дорогахъ, какъ стенаю и плачу, и содрогаюсь, когда вижу, что кто-нибудь подходитъ къ этой трапезѣ, полагаетъ на нее руки, прикасается къ Евангелію—и клянется. На счетъ денегъ ты сомнѣваешься, скажи мнѣ, и убиваешь душу? Пріобрѣтешь ли ты
161 столько, сколько дѣлаешь вреда душѣ—и своей и ближняго? Если вѣришь, что этотъ человѣкъ правдивъ, не налагай на него обязательства клятвы; а если знаешь, что онъ лживъ, не заставляй его совершить клятвопреступленіе. Но это для того, говоришь, чтобы мнѣ быть вполнѣ спокойнымъ. Нѣтъ, когда ты не заставишь клясться, тогда-то и будешь вполнѣ спокоенъ; а теперь, возвратившись домой, ты постоянно будешь угрызаемъ совѣстію, размышляя такъ: не напрасно ли я заставилъ его поклясться? Не совершилъ ли онъ клятвопреступленія? Не сталъ ли я причиною грѣха? Но если ты не заставишь (другого) поклясться, то, возвратившись домой, получишь большое утѣшеніе, благодаря Бога и говоря: слава Богу, что я воздержался, и не заставилъ поклясться напрасно и безъ нужды. Пусть гибнетъ золото, пусть пропадаютъ деньги, только бы имѣть намъ полную увѣренность, болѣе всего, въ томъ, что мы и сами не преступили закона, и другого не заставили это сдѣлать. Подумай, ради чего ты не заставилъ другого поклясться, и этого будетъ довольно для твоего успокоенія и утѣшенія. Часто мы, во время ссоры, подвергаясь оскорбленію, великодушно переносимъ, и говоримъ оскорбившему: что мнѣ дѣлать съ тобой? Мнѣ мѣшаетъ такой-то, твой покровитель; онъ связываетъ мнѣ руки. И этого бываетъ довольно для нашего утѣшенія. Такъ и ты, когда думаешь заставить кого поклясться, воздержи себя, останови, и скажи тому, кто долженъ бы поклясться: что мнѣ дѣлать съ тобой? Богъ повелѣлъ не принуждать къ клятвамъ; Онъ теперь удерживаетъ меня. Этого довольно и для чести Законодателя, и для твоей безопасности, и для устрашенія того, кто долженъ бы дать клятву. Когда увидитъ онъ, что мы такъ боимся принуждать къ клятвамъ другихъ,—тѣмъ болѣе самъ устрашится
162 поклясться опрометчиво. И ты, сказавъ эти слова, возвратишься домой съ великимъ спокойствіемъ. Послушай Бога въ заповѣдяхъ, чтобы и Онъ услышалъ тебя въ молитвахъ. Слова эти запишутся на небѣ, станутъ за тебя въ день суда и загладятъ множество грѣховъ. И будемъ такъ разсуждать не о клятвѣ только, но и о всѣхъ дѣлахъ. Когда захотимъ сдѣлать что-либо доброе ради Бога,

а оно причиняетъ нѣкоторый ущербъ, будемъ смотрѣть не только на ущербъ отъ этого дѣла, но и на пользу, которую получимъ отъ того, что сдѣлаемъ его для Бога. Напримѣръ: оскорбилъ тебя кто—перенеси благодушно; а перенесешь благодушно, когда будешь думать не объ обидѣ только, но и о достоинствѣ Повелѣвшаго переносить—и перенесешь съ кротостію. Подалъ ты милостыню—думай не о расходѣ, но и о прибыли отъ этого расхода. Потерпѣлъ ты потерю денегъ—благодари, и смотри не на одну скорбь отъ потери денегъ, но и на пользу отъ благодаренія. Если мы такъ настроимъ себя,—никакое изъ случающихся съ нами бѣдствій не опечалитъ насъ, но мы еще получимъ пользу отъ того, что кажется прискорбнымъ,—и потеря денегъ будетъ для насъ пріятнѣе и вожделѣннѣе богатства, печаль—удовольствія и радости, и оскорбленіе—чести; всѣ невзгоды послужатъ къ нашей пользѣ; мы и здѣсь будемъ наслаждаться великимъ спокойствіемъ, и тамъ достигнемъ царствія небеснаго, котораго да удостоимся всѣ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Настоящая бесѣда сказана была послѣ того, какъ градоначальникъ, получивъ извѣстіе о волненіи народа и о томъ, что всѣ помышляютъ о бѣгствѣ, пришелъ въ церковь и утѣшилъ (народъ); также о томъ, что не должно клясться, и на слова апостола: *Павелъ, юзникъ Іисусъ Христовъ* (Филим. 1).

Градоначальника я похвалилъ за попечительность, что 161
онъ, увидя городъ въ волненіи и всѣхъ помышляющими о бѣгствѣ, пришедши (въ церковь), утѣшилъ васъ и внушилъ вамъ благія надежды; а за васъ постыдился и покраснѣлъ, оттого, что, послѣ столь многихъ и продолжительныхъ поученій, вамъ понадобилось стороннее утѣшеніе. Я желалъ, чтобы земля разверзлась подо мною и поглотила меня, когда слушалъ я, какъ онъ говорилъ къ вамъ, и то успокоивалъ, то порицалъ этотъ безвременный и неразумный страхъ. Не вамъ бы слѣдовало учиться у него, но вы бы должны быть учителями для всѣхъ невѣрныхъ. Павелъ не позволилъ и судиться у невѣрныхъ (1 Кор. VI, 1), а тебѣ понадобились внѣшніе учителя послѣ такого наставленія отцовъ, и нѣсколько бѣглыхъ и негодныхъ людей взволновали и обра-

тили въ бѣгство такой городъ. Какими же глазами будемъ смотрѣть на невѣрныхъ, когда мы такъ робки и боязливы? Какимъ языкомъ будемъ говорить къ нимъ и убѣждать ихъ не бояться
162 наступающихъ бѣдствій, когда мы по этой тревогѣ стали боязливѣе всякаго зайца? Что жъ дѣлать? говорятъ; мы люди. Поэтому-то самому и не слѣдуетъ смущаться, что мы люди, а не безсловесныя твари. Эти боятся всякаго шума и стука, потому что у нихъ нѣтъ смысла, могущаго прогнать боязнь; а ты почтенъ разумомъ и смысломъ: какъ же ниспадаешь до ихъ низкаго состоянія? Пришелъ сюда кто-то, возвѣстилъ о приближеніи воиновъ? Не смущайся, но, оставя его, преклони колѣна, призови своего Господа, возстенай горько—и (Господь) отклонитъ бѣду. Ты получилъ невѣрный слухъ о приближеніи войска, и уже вообразилъ себя въ опасности лишиться настоящей жизни; а вотъ блаженный Іовъ, слыша, какъ вѣстники, одинъ за другимъ, приходили и объявляли о несчастіяхъ и наконецъ сказали о невыносимой потерѣ дѣтей, не возстеналъ, не зарыдалъ, но обратился къ молитвѣ и возблагодарилъ Господа. Ему и ты подражай; и когда придетъ кто и скажетъ, что воины окружили городъ и хотятъ разграбить имѣнія, прибѣгни къ своему Господу, и скажи: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно*
163 *во вѣки* (Іов. I, 21). Его (Іова) не устрашило самое бѣдствіе; а тебя пугаетъ и одинъ слухъ! Какого же будемъ достойны уваженія, когда, будучи обязаны не бояться и смерти, такъ пугаемся ложнаго слуха? Кто смущается, тотъ строитъ себѣ страхъ, котораго нѣтъ, и тревогу, которой не видно; а кто твердъ и спокоенъ въ душѣ, тотъ уничтожаетъ и настоящій страхъ. Не видишь ли, какъ кормчіе, когда море бушуетъ, облака сгущаются, громы разражаются и всѣ на кораблѣ находятся въ смущеніи,—сами сидятъ у кормила, безъ смущенія и тревоги занимаются своимъ дѣломъ и смотрятъ, какъ бы отвратить приближающуюся бурю? Имъ и ты подражай, и, взявшись за священный якорь—надежду на Бога, будь неподвиженъ и непоколебимъ. *Всякъ слышай словеса Моя сія*, сказалъ (Господь), *и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ: и сниде дождь и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри: и опрошася храминѣ той, и надеся и бѣ разрушеніе ея веліе* (Матѳ. VII, 26—27). Видишь ли, что падать и низвергаться дѣло безумное? А мы не только похожи стали на этого безумца, но пали жалче и его. Его домъ упалъ послѣ (разлитія) рѣкъ, послѣ того, какъ пошелъ дождь и подули вѣтры; а мы обрушились и потеряли весь плодъ любомудрія, когда еще дожди не упали на насъ, рѣки не приступили, вѣтры не налегли на насъ,—прежде чѣмъ испытали несчастіе,—

отъ одного слуха. Каково, думаете, теперь у меня на душѣ? Какъ мнѣ укрыться? Какъ спрятаться? Какъ я долженъ краснѣть? Если бы отцы[1]) силою не понудили меня, я не всталъ бы и не заговорилъ бы, омраченъ будучи печалію о вашемъ малодушіи. Но и теперь еще не могу придти въ себя: такъ гнѣвъ и печаль овладѣли моей душою! Да и кто бы не сталъ досадовать, кто бы не сталъ негодовать, когда, послѣ такого наставленія, понадобились учители внѣшніе, чтобы утѣшить васъ и убѣдить къ великодушному перенесенію настоящаго страха? Молитесь же, чтобы намъ дано было слово во отверзеніе устъ нашихъ, и чтобы могли мы отогнать эту печаль и нѣсколько воспрянуть духомъ: стыдъ изъ-за вашего малодушія сильно поразилъ нашу душу.

2. О многомъ недавно говорилъ я къ вашей любви: и о сѣтяхъ, отвсюду разставленныхъ намъ, и о страхѣ и печали, и о плачѣ и веселіи, и о серпѣ, летящемъ на домы клянущихся. Изъ всего этого многаго запомните въ особенности то, что сказано о серпѣ летящемъ и упадающемъ на домъ клянущагося, разрушающемъ камни и дерево, и истребляющемъ все. А съ этимъ помните и то, что клясться съ Евангеліемъ въ рукахъ, и свидѣтелемъ клятвы дѣлать тотъ самый законъ, который запрещаетъ клятву, крайне безумно,—и что лучше потерпѣть ущербъ въ деньгахъ, чѣмъ заставить ближнихъ клясться, потому что этимъ оказывается великая честь Богу. Когда ты скажешь Богу: ради Тебя я не заставилъ клясться такого-то, учинившаго воровство и злодѣйство,—за эту честь Онъ воздастъ тебѣ великую награду и въ настоящей жизни и въ будущей. Это и другимъ говорите, и сами 164
соблюдайте. Знаю, что здѣсь (въ церкви) мы бываемъ болѣе благоговѣйны и вовсе отлагаемъ эту злую привычку; но нужно намъ не только здѣсь вести себя благоразумно, а съ этимъ благоговѣніемъ выходить и отсюда,—туда, гдѣ особенно въ немъ нуждаемся. И почерпающіе воду не у источника только наполняютъ сосуды водою, и не опоражниваютъ ихъ, уходя домой; но дома-то именно ставятъ ихъ съ осторожностію, чтобы они не опрокинулись и не сдѣлался напраснымъ ихъ трудъ. Будемъ и мы подражать имъ и, пришедши домой, станемъ тщательно хранить сказанное. Ежели вы здѣсь будете наполнены, а домой придете пустыми, не удержавъ слышаннаго въ сосудахъ ума вашего,—для васъ не будетъ никакой пользы отъ наполненія здѣсь. Покажи мнѣ борца не на мѣстѣ ученія, но на мѣстѣ состязанія: покажи и благоговѣніе не во время слушанія, но во время дѣятельности. Ты хвалишь, что говорится теперь? Когда тебѣ придется клясться, тогда припомни

[1]) Т. е. пресвитеры антіохійскіе.

все это. Если вы скоро исполните эту заповѣдь, я преподамъ наставленіе и о другихъ важнѣйшихъ предметахъ. Вотъ уже другой годъ бесѣдую я съ вашею любовію, а не успѣлъ изъяснить вамъ и ста стиховъ изъ Писанія. А причина та, что мы должны учить васъ тому, что вы можете сдѣлать дома и сами собою, и что большая часть наставленія употребляется на нравоученіе. Но этому бы не слѣдовало быть такъ: улучшенію нравовъ вы должны бы учиться дома, сами собою, а намъ предоставить изъясненіе мыслей и ученій Писанія. Если же бы и понадобилось вамъ послушать (объ этомъ) и отъ насъ, то потребовалось бы на это не болѣе одного дня, потому что такой предметъ не разнообразенъ, не труденъ и не требуетъ доказательства. Когда говоритъ Богъ, тогда не время умствовать. Богъ сказалъ: *не кленися* (Матѳ. v, 33, 34): не требуй же отъ меня доказательствъ. Это законъ царскій; Постановившій этотъ законъ знаетъ основаніе закона: Онъ не возбранилъ бы, не запретилъ бы, если бы это не было полезно. Цари издаютъ законы часто и не всѣ полезные, потому что они люди и не могутъ такъ легко найти полезное, какъ Богъ; однако мы, не смотря на это, повинуемся. Женимся ли мы, дѣлаемъ ли завѣщанія, хотимъ ли купить рабовъ, или домы, или поля, или сдѣлать что-нибудь другое: все это дѣлаемъ не по своему произволу, но какъ они постановили; мы не вполнѣ властны распоряжаться и нашими дѣлами по своей волѣ, но во всемъ подчиняемся ихъ постановленіямъ, а если сдѣлаемъ что вопреки ихъ волѣ, то сдѣланное бываетъ безъ силы и пользы. Вотъ какую честь воздаемъ мы человѣческимъ законамъ! А Божіи законы неужели будемъ такъ попирать, скажи мнѣ? И какого это достойно извиненія, какого прощенія? (Богъ) сказалъ: *не кленися*; не постановляй же противнаго Ему закона своими дѣлами, чтобы тебѣ безопасно все и дѣлать и говорить.

3. Но довольно объ этомъ; а теперь мы предложимъ вамъ одно изреченіе изъ нынѣшняго чтенія, и тѣмъ закончимъ слово. *Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ*, говоритъ (апостолъ), *и Тимоѳей братъ* (Филим. I). Велико это наименованіе Павла, — имя не по власти и чести, но по оковамъ и узамъ; истинно велико. Многое и другое дѣлаетъ его знаменитымъ — восхищеніе до третьяго неба, вознесеніе въ рай, слышаніе неизреченныхъ словъ (2 Кор. XII, 2—4); но онъ не указалъ ничего изъ этого, а вмѣсто всего упоминаетъ
165 объ узахъ, потому что онѣ болѣе, чѣмъ все другое, сдѣлали его знаменитымъ и славнымъ. Почему же? Потому что то — дары человѣколюбія Господа, а это — знакъ твердости и терпѣнія раба; любящіе же, обыкновенно, хвалятся болѣе тѣмъ, что они терпятъ за любимыхъ, нежели благодѣяніями, какія получаютъ отъ нихъ.

Не такъ царь любуется діадемою, какъ (Павелъ) красовался оковами; и весьма справедливо. Діадема доставляетъ только украшеніе увѣнчанной главѣ; а узы—и украшеніе гораздо большее, и еще — безопасность. Царскій вѣнецъ часто бывалъ предателемъ облеченной въ него главы, привлекалъ множество злоумышленниковъ, и возбуждалъ страсть къ тираніи, а во время сраженій это украшеніе такъ опасно, что его скрываютъ и слагаютъ. Цари на войнѣ перемѣняютъ и одежду, и уже прямо становятся въ ряды сражающихся: столько предательства бываетъ отъ вѣнца! А узы ничего такого не дѣлаютъ носящимъ ихъ, но все наоборотъ. Когда наступаетъ война и брань съ демонами и вражескими силами, — узникъ, ограждаясь узами, отражаетъ ихъ нападенія. Изъ свѣтскихъ начальниковъ многіе не только тогда, когда начальствуютъ, но и когда сложатъ начальство, называются еще по нему: такой-то, говорятъ, бывшій консулъ, такой-то бывшій градоначальникъ. А апостолъ, вмѣсто всего этого, говоритъ: *Павелъ узникъ*; и весьма справедливо. Тѣ степени начальства не составляютъ вѣрнаго доказательства добродѣтели душевной, потому что покупаются деньгами и при помощи ласкательства друзей; а эта власть отъ узъ есть доказательство любомудрія душевнаго и величайшее свидѣтельство любви ко Христу. Тѣ скоро теряются, а у этой власти нѣтъ преемника. Вотъ, сколько уже протекло времени съ тѣхъ поръ донынѣ, а имя этого узника дѣлалось все болѣе и болѣе славнымъ. Всѣ консулы, сколько ихъ ни было въ прежнія времена, преданы забвенію, даже по имени неизвѣстны народу; а имя этого узника — блаженнаго Павла велико и здѣсь, велико и въ странѣ варваровъ, велико и у скиѳовъ и индійцевъ; дойди до самыхъ предѣловъ вселенной, и тамъ услышишь это имя, и куда бы кто ни пришелъ, вездѣ увидитъ, что имя Павла у всѣхъ носится на устахъ. Да и удивительно ли, что это такъ на сушѣ и на морѣ, когда и на небѣ имя Павла велико у ангеловъ, у архангеловъ, у горнихъ силъ, и у Царя ихъ—Бога? Какія же это, скажешь, были узы, что они доставили такую славу связанному (ими)? Развѣ не изъ желѣза онѣ были сдѣланы? Правда, онѣ были сдѣланы изъ желѣза; но въ нихъ проявлялась великая благодать Духа, потому что онѣ были носимы за Христа. О чудо! Рабы связаны, Господь распятъ, а проповѣдь съ каждымъ днемъ распространяется, и то, что, кажется, должно бы ее остановить, ускорило ее; и крестъ и узы, которые казались предметомъ отвращенія, теперь содѣлались знаменіями спасенія, и это желѣзо стало для насъ дороже всякаго золота, не по своей природѣ, но по этой именно причинѣ и основанію. Но вижу, что отсюда рож- 168
дается у насъ нѣкоторый вопросъ. Если будете внимать съ усер-

діемъ,—я и вопросъ скажу, и рѣшеніе предложу. Какой же это вопросъ? Тотъ же Павелъ, пришедши однажды къ Фесту, и въ бесѣдѣ съ нимъ опровергая обвиненія, взведенныя на него іудеями, и разсказывая, какъ онъ видѣлъ Іисуса, какъ слышалъ блаженный Его голосъ, какъ чрезъ слѣпоту прозрѣлъ, какъ палъ и возсталъ, какъ вошелъ въ Дамаскъ плѣнникомъ, связаннымъ безъ узъ,— сказавъ также о пророкахъ и законѣ, и показавъ, что и они предсказали все это, плѣнилъ судью и почти убѣдилъ его перейти на свою сторону.

4. Таковы души святыхъ: когда они подвергнутся опасностямъ, не о томъ заботятся, какъ бы имъ избавиться отъ опасностей, но все употребляютъ къ тому, чтобы уловить преслѣдователей, какъ это случилось и тогда. Вошелъ (Павелъ), чтобы самому оправдаться, а вышелъ, плѣнивъ судью. И это засвидѣтельствовалъ самъ судья, говоря: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (Дѣян. xxvi, 28). Этому надлежало бы быть и сегодня; надлежало бы и этому начальнику подивиться вашему великодушію, любомудрію, совершенному спокойствію, и уйти отсюда съ урокомъ отъ вашего поведенія; подивиться собранію, похвалить собравшихся, и узнать на самомъ дѣлѣ, какое различіе между язычниками и христіанами. Но (возвратимся къ предмету): когда, какъ сказалъ я, Павелъ плѣнилъ своего судью, и этотъ сказалъ: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти*, Павелъ отвѣчалъ такъ: *молилъ убо быхъ Бога, и вмалѣ и во мнозѣ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя здѣсь, быти* христіанами, *кромѣ узъ сихъ* (Дѣян. xxvi, 29). Что говоришь, Павелъ? Въ посланіи къ Ефесянамъ ты говоришь: *молю убо васъ азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте* (Еф. iv, 1), а бесѣдуя съ Тимоѳеемъ: *въ немже злопостраждѵ даже до узъ, яко злодѣй* (2 Тим. ii, 9), и опять (бесѣдуя) съ Филимономъ: *Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ* (Филим. i), состязаясь съ іудеями, говоришь: *надежды ради Израилевы веригами сими обложенъ есмь* (Дѣян. xxviii, 20), а пиша къ Филиппійцамъ, говорилъ ты: *яко множайшіи братія, о Господѣ надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово Божіе глаголати* (Филип. i, 14),—вездѣ разсказываешь объ узахъ, вездѣ выставляешь на видъ оковы и хвалишься ими; а пришедши въ судилище, гдѣ бы всего болѣе надлежало показать дерзновеніе, ты измѣнилъ любомудрію, и говоришь судьѣ: *молилъ убо быхъ быти тебе* христіаниномъ, *кромѣ узъ сихъ*. Если узы— благо, и такое благо, что доставляютъ и другимъ дерзновеніе говорить въ защиту благочестія, какъ это самое ты высказалъ словами: *множайшіи братія, надѣявшіися о узахъ моихъ, безъ страха слово глаголати* (Филип. i, 14),—почему же ты не хва-

лишься ими предъ судьею, но дѣлаешь противное? Не представляется ли въ сказанномъ нами недоумѣніе? Но я сейчасъ же дамъ рѣшеніе. Павелъ сдѣлалъ это не по робости и не по страху, но по великой мудрости и благоразумію духовному; а какъ это, вотъ я и скажу. Онъ бесѣдовалъ съ язычникомъ, невѣрнымъ и не знающимъ нашего ученія: поэтому не хотѣлъ убѣждать его указаніемъ на вещи трудныя, но, какъ говорилъ онъ о себѣ— 167
быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ (1 Кор. IX, 21), такъ поступилъ и здѣсь. Если, говоритъ (апостолъ), услышитъ (судья) о узахъ и скорбяхъ, тотчасъ убѣжитъ, потому что не знаетъ силы узъ. Пусть прежде увѣруетъ, пусть вкуситъ проповѣди: тогда и самъ устремится къ этимъ узамъ. Я слышалъ слово Господа моего, что *никто же приставляетъ приставленія плата небѣлена ризѣ ветсѣ: возьметъ бо кончину свою отъ ризы, и горша дира будетъ. Ниже вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи: аще ли же ни, то просадятся мѣси* (Матѳ. IX, 16, 17). Душа этого человѣка есть риза ветхая и мѣхъ ветхій: она не обновлена вѣрою, не возрождена благодатію Духа, еще немощна и земна, думаетъ о житейскомъ, привязана къ блеску мірскому, любитъ настоящую славу. Если въ самомъ началѣ онъ услышитъ, что, сдѣлавшись христіаниномъ, онъ потомъ сдѣлается узникомъ и отягченъ будетъ оковами, то, устыдясь и покраснѣвъ, убѣжитъ отъ проповѣди. Вотъ почему (Павелъ) сказалъ: *кромѣ узъ сихъ*, — не порицая самыя узы, — да не будетъ! — но снисходя къ немощи судьи; самъ же онъ такъ любитъ и лобызаетъ ихъ, какъ любящая наряды женщина свои золотыя ожерелья.

Откуда это видно? *Радуюся во страданіихъ моихъ*, говоритъ онъ, *яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24); и опять: *яко вамъ даровася еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. I, 29); и опять: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (Римл. V, 3). Если же онъ радуется и хвалится скорбями, и называетъ ихъ даромъ благодати, то очевидно, что онъ по той причинѣ говорилъ такъ, бесѣдуя съ судьею. И въ другомъ мѣстѣ, будучи опять поставленъ въ необходимость хвалиться, онъ доказываетъ тоже самое такъ: *сладцѣ убо похвалюся*, говоритъ, *въ немощехъ моихъ, въ бѣдахъ, въ досажденіихъ, въ изгнаніихъ, въ тѣснотахъ, да вселится въ мя сила Христова* (2 Кор. XII, 9, 10). И опять: *аще похвалитися ми подобаетъ, о немощи моей похвалюся* (2 Кор. XI, 30). И еще въ одномъ мѣстѣ, сравнивая себя съ другими, и чрезъ это сравненіе показывая намъ (свое) превосходство, говоритъ такъ: *служителіе ли Христовы суть; не въ мудрости глаголю, паче азъ* (2 Кор. XI, 23). И, чтобы показать это превосходство, онъ не

сказалъ о себѣ, что воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ демоновъ, очищалъ прокаженныхъ и сдѣлалъ что-либо другое подобное,—но что? Сказалъ, что онъ претерпѣлъ тысячи бѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, сказавъ: *паче азъ*, онъ указалъ на множество искушеній, говоря такъ: *въ ранахъ преболѣ, въ смертехъ многащи, въ темницахъ излиха, отъ Іудей пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ. Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми halfметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. xi, 23 — 25), и все прочее. Такъ Павелъ вездѣ хвалится скорбями и чрезвычайно славится ими! И весьма справедливо: потому что тѣмъ особенно и доказывается сила Христова, что этими-то средствами апостолы и побѣдили (міръ): узами, скорбями, ранами и крайними бѣдствіями. И Христосъ предвозвѣстилъ два эти (состоянія)—скорбь и покой, подвиги и вѣнцы, труды и награды, наслажденія и горести; но горести предоставилъ настоящей жизни, а наслажденія отложилъ
168 до вѣка будущаго, показывая, что Онъ не обманываетъ людей, и желая этимъ порядкомъ облегчить самую тяжесть бѣдствій. Кто обманываетъ, тотъ сначала предлагаетъ наслажденія, и потомъ подвергаетъ горестямъ; напримѣръ: торгующіе людьми, уводя и похищая малыхъ дѣтей, не обѣщаютъ имъ раны и побои, или что-либо подобное, но даютъ пряники, закуски и прочее такое, чѣмъ обыкновенно услаждается дѣтскій возрастъ, чтобы они, обольстившись этимъ и отдавъ свою свободу, впали въ крайнее бѣдствіе. Такимъ же способомъ птицеловы и рыбаки заманиваютъ свою добычу, предлагая напередъ обыкновенную и пріятную для нея пищу, и этою пищею прикрывая сѣть. Такъ обманщикамъ болѣе всего свойственно предлагать прежде пріятное, а послѣ наводитъ горе: истинно заботливые и попечительные поступаютъ совершенно напротивъ. Отцы поступаютъ иначе, чѣмъ торгующіе людьми: посылая дѣтей въ училище, они приставляютъ къ нимъ надзирателей, грозятъ наказаніями, внушаютъ страхъ, и когда дѣти проведутъ такъ первый возрастъ, тогда имъ, достигшимъ уже совершеннолѣтія, передаютъ и почести, и власть, и удовольствія, и все свое богатство.

5. Такъ поступилъ и Богъ: не по обычаю торгующихъ людьми, но по примѣру заботливыхъ отцовъ, Онъ напередъ подвергъ насъ горестямъ, предавъ настоящимъ скорбямъ, какъ надзирателямъ и учителямъ, чтобы мы, наставленные и вразумленные ими, показавъ полное терпѣніе, научились всякому любомудрію, и такимъ образомъ, достигши совершеннаго возраста, наслѣдовали царство небесное; напередъ Онъ дѣлаетъ насъ способными распоряжаться даруемымъ богатствомъ, и потомъ уже вручаетъ самое богатство.

И если бы Онъ этого не сдѣлалъ, то дарованіе богатства было
бы не даромъ, а наказаніемъ и мукой. Неразумный и расточи-
тельный отрокъ, получивъ родительское наслѣдство, отъ этого са-
маго погибаетъ, потому что у него нѣтъ столько благоразумія,
сколько бы нужно для управленія имуществомъ; напротивъ, если
будетъ благоразуменъ, скроменъ, цѣломудренъ и умѣренъ, если
употребляетъ отцовское имущество на нужды, тогда онъ стано-
вится еще болѣе знаменитымъ и славнымъ. Такъ должно быть и
съ нами. Когда мы пріобрѣтемъ духовное благоразуміе, когда всѣ
достигнемъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста (Еф. IV, 13),
тогда Богъ дастъ намъ все, что обѣщалъ; а теперь, какъ малыхъ
дѣтей, учитъ Онъ насъ, ободряя и утѣшая. И не эта одна польза
отъ того, что скорби предшествуютъ (блаженству); есть и другая,
не меньшая этой. Кто напередъ наслаждается, а послѣ наслажде-
нія ожидаетъ мученія, тотъ, вслѣдствіе ожиданія будущихъ бѣд-
ствій, не ощущаетъ и настоящаго наслажденія; а кто прежде тер-
питъ горести и послѣ нихъ надѣется наслаждаться веселіемъ,
тотъ ни во что ставитъ и настоящія непріятности, въ надеждѣ
будущихъ благъ. Такъ Богъ опредѣлилъ напередъ быть бѣдствіямъ,
не только для безопасности, но и для удовольствія и утѣшенія
нашего, чтобы мы, будучи облегчаемы надеждою на будущее, ни-
сколько не чувствовали настоящаго. Указывая на это самое, и
Павелъ говоритъ: *еже нынѣ легкое печали нашея, по преумноже-
нію въ пресыщеніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ, не
смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17, 18).
Онъ назвалъ скорбь легкою, не по собственной природѣ бѣдствій,
но по ожиданію будущихъ благъ. Какъ купецъ не чувствуетъ тя- 169
гости плаванія, будучи облегчаемъ надеждою на прибыль, и бо-
рецъ мужественно переноситъ удары въ голову, имѣя въ виду
вѣнецъ; такъ и мы, взирая на небо и небесныя блага, мужественно
перенесемъ всѣ, какія ни постигнутъ насъ, бѣдствія, укрѣпляясь
доброю надеждою на будущее. Итакъ, съ этимъ изреченіемъ [1]) и
выйдемъ отсюда: оно и просто и кратко, но заключаетъ въ себѣ
великій урокъ любомудрія. Кто въ печали и скорби, тотъ находитъ
здѣсь достаточное утѣшеніе; кто въ наслажденіи и роскоши, тотъ—
великое вразумленіе. Когда, возлежа за трапезой, вспомнишь это
изреченіе, то скоро уклонишься отъ пьянства и пресыщенія, узнавъ
изъ этого изреченія, что намъ должно подвизаться,—и скажешь
самому себѣ: Павелъ въ узахъ и темницахъ, а я въ упоеніи и за
роскошною трапезою; какое же будетъ мнѣ прощеніе? Это изре-
ченіе полезно и для женъ. Любящія наряды и расточительныя,

[1]) Т. е. «*Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ*».

обвѣшивающія себя со всѣхъ сторонъ золотомъ, вспомнивъ объ этихъ узахъ (Павловыхъ), возненавидятъ, я увѣренъ, и съ презрѣніемъ бросятъ тѣ украшенія, и прибѣгнутъ къ этимъ оковамъ,— потому что тѣ украшенія часто были причиною многихъ золъ, вносили въ домъ тысячи браней, порождали и зависть, и зложелательство, и ненависть, а эти (оковы) разрѣшили грѣхи вселенной, устрашили демоновъ и діавола обратили въ бѣгство. Съ ними Павелъ, и въ темницѣ, убѣдилъ темничнаго стража, съ ними привлекъ къ себѣ Агриппу, съ ними пріобрѣлъ множество учениковъ. Потому и сказалъ онъ: *въ немже злопостражду даже до узъ, яко злодѣй: но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. II, 9). Какъ невозможно связать луча солнечнаго, ни запереть въ домѣ; такъ невозможно—и слова проповѣди. И еще того болѣе: учитель былъ связанъ, а слово летало; онъ жилъ въ темницѣ, а ученіе, какъ бы на крыльяхъ, обтекало всю вселенную.

6. Итакъ, зная это, не станемъ упадать духомъ въ несчастіяхъ, но тогда-то особенно и будемъ болѣе возмогать и укрѣпляться, потому что *скорбь терпѣніе содѣловаетъ* (Римл. V, 3). Не станемъ скорбѣть, когда постигаютъ бѣдствія; но будемъ за все благодарить Бога. Мы провели уже вторую недѣлю поста; но не на это будемъ смотрѣть, потому что провести постъ значитъ не то, чтобы провести только время, но чтобы провести его въ добрыхъ дѣлахъ. Подумаемъ о томъ, сдѣлались ли мы рачительнѣе, исправили ли какой-нибудь изъ своихъ недостатковъ, омыли ли грѣхи. Во время четыредесятницы, обыкновенно, всѣ спрашиваютъ о томъ, сколько недѣль кто постился; и можно слышать отъ однихъ, что они постились двѣ, отъ другихъ, что—три, а отъ иныхъ что—всѣ недѣли. Но что пользы, когда мы проведемъ постъ безъ добрыхъ дѣлъ? Если скажетъ иной: я постился всю четыредесятницу,—ты скажи: я имѣлъ врага и примирился, имѣлъ привычку злословить и оставилъ ее, имѣлъ привычку клясться и оставилъ эту дурную привычку. Для мореходцевъ нѣтъ никакой пользы въ томъ, что они переплывутъ большое пространство моря, но полезно для нихъ, когда приплывутъ съ грузомъ и со многими товарами. И для насъ нѣтъ никакой пользы отъ поста, когда мы проведемъ его просто, какъ-нибудь и суетно. Если мы постимся, воздерживаясь только отъ пищи, то, по прошествіи сорока дней, проходитъ и постъ.
170 А если воздерживаемся отъ грѣховъ, то, и по прошествіи этого поста, онъ еще продолжается, и будетъ намъ постоянная отъ него польза, и, еще прежде царствія небеснаго, онъ здѣсь воздастъ намъ не мало наградъ. Какъ живущій во грѣхѣ, и прежде геенны, наказывается угрызеніемъ совѣсти; такъ богатѣющій добрыми дѣлами, и прежде царствія, наслаждается величайшею радостію, пи-

таясь благими надеждами. Поэтому Христосъ говоритъ: *паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возьметъ* (Іоан. XVI, 22). Кратко изреченіе, но въ немъ много утѣшенія. Что бы это значило: *радости вашея никтоже возьметъ?* У тебя есть деньги? Радость о богатствѣ многіе могутъ взять у тебя—и воръ, разламывающій стѣну, и рабъ, уносящій ввѣренное ему, и царь, отбирающій имѣніе въ казну, и завистливый человѣкъ, взводящій клевету. Имѣешь ты власть? Многіе могутъ *взять* у тебя радость о ней. Когда прекратится начальствованіе, прекратится и удовольствіе; да и во время самаго начальствованія много встрѣчается дѣлъ трудныхъ и соединенныхъ съ заботами; онѣ уменьшаютъ твою радость. Пользуешься крѣпостію тѣла? Постигла тебя болѣзнь—и разстроила радость о ней. Ты красивъ и благообразенъ? Пришла старость—и сокрушила и унесла эту радость. Станешь наслаждаться роскошною трапезою? Съ наступленіемъ вечера окончится и радость пиршества. Такъ всякая мірская вещь легко повреждается и не можетъ доставить намъ прочнаго удовольствія; но благочестіе и доблесть душевная—совсѣмъ другое дѣло. Если подашь милостыню,—никто не можетъ отнять у тебя этого добраго дѣла. Пусть нападутъ со всѣхъ сторонъ войска, цари, тысячи клеветниковъ и злоумышленниковъ: они не могутъ отнять пріобрѣтенія, сокрытаго на небѣ; нѣтъ, радость эта остается навсегда. *Расточи*, говоритъ, *даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Пс. CXI, 9). И весьма справедливо,—потому что она хранится въ небесныхъ сокровищницахъ, гдѣ воръ не подкапываетъ, разбойникъ не отнимаетъ, моль не съѣдаетъ (Матѳ. VI, 20). Если будешь совершать постоянныя и прилежныя молитвы,—никто не можетъ похитить плода ихъ, потому что этотъ плодъ утвердился корнемъ въ небесахъ, безопасенъ отъ всякаго поврежденія и остается недоступенъ. Если, потерпѣвъ зло, сдѣлаешь добро; если терпѣливо перенесешь злословіе; если, бывъ поруганъ, станешь благословлять: эти добрыя дѣла останутся навсегда, и *радости* о нихъ *никтоже возьметъ*, но всякій разъ, какъ вспомнишь о нихъ, будешь радоваться, веселиться и вкушать великое удовольствіе. То же самое будетъ, если мы успѣемъ въ томъ, чтобы избѣгать клятвъ, и заставимъ языкъ нашъ воздерживаться отъ этой гибельной привычки: доброе это дѣло сдѣлается въ короткое время, а радость отъ него будетъ постоянна и непрерывна. Впрочемъ, вы должны быть и для другихъ учителями и руководителями; должны братъ, наставлять и руководить—ближніе друзей, рабы сорабовъ, и юноши сверстниковъ. Если бы кто-нибудь обѣщалъ тебѣ по одному червонцу за исправленіе каждаго человѣка, не употребилъ ли бы ты всего старанія, не

просиживалъ ли бы съ нимъ по цѣлымъ днямъ, убѣждая и увѣ-
щевая его? Но вотъ, Богъ обѣщаетъ тебѣ въ награду за эти
труды не одинъ, не десять, не двадцать, не сто, не тысячу чер-
171 вонцевъ, даже и не всю землю, но даетъ тебѣ то, что больше
всего міра, царство небесное, и не одно это царство, но и другое
кромѣ его. Что же это такое? *Изводяй честное отъ недостойнаго,*
яко уста Моя будетъ, говоритъ Онъ (Іер. xv, 19). Что можетъ
сравниться съ этимъ по чести и благонадежности? Какое же для
насъ извиненіе и прощеніе, когда мы, послѣ столь великаго обѣ-
щанія, не заботимся о спасеніи ближняго? Когда ты увидишь
слѣпца, падающаго въ пропасть, то простираешь руку, и считаешь
недостойнымъ оставить безъ помощи погибающаго; а видя, какъ
ежедневно всѣ братья падаютъ стремглавъ въ дурную привычку
клясться, не смѣешь сказать слова? Но ты сказалъ разъ, и (ближ-
ній) не послушалъ? Такъ скажи и въ другой, и въ третій, и
сколько бы ни было, пока не убѣдишь. Богъ говоритъ къ намъ
каждый день, а мы не слушаемъ, и Онъ не перестаетъ говорить;
172 и ты подражай этой попечительности о ближнемъ. Для того мы
и живемъ вмѣстѣ, населяемъ города и собираемся въ церквахъ,
чтобы *другъ друга тяготы* носить (Гал. vi, 2), чтобы исправлять
другъ друга отъ грѣховъ. Какъ люди, живущіе въ одной лавкѣ,
хотя и разные продаютъ товары, но всѣ доходы складываютъ въ
общую кассу: такъ будемъ дѣлать и мы. Какое кто можетъ сдѣ-
лать добро ближнему, не лѣнись и не отрицайся: да будетъ и
между нами такая продажа и уплата духовная, чтобы намъ, все
сложивъ въ общее (мѣсто), и пріобрѣтши великое богатство, и со-
ставивъ великое сокровище, всѣмъ вмѣстѣ получить царство не-
бесное, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса
Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ
Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕМНАДЦАТАЯ.

На начальниковъ, Еллевиха вождя и Кесарія магистра, посланныхъ императоромъ Ѳеодосіемъ для разслѣдованія о виновныхъ въ низверженіи статуй.

171 БЛАГОВРЕМЕННО воспѣли мы сегодня всѣ вмѣстѣ: *бла-*
гословенъ Господь Богъ Израилевъ, творяй чудеса единъ (Пс.
lxxi, 18)! Подлинно, чудныя и дивныя совершились дѣла:
цѣлый городъ и столь многочисленный народъ, который сей-
часъ готовъ былъ погрузиться и потонуть, и погибнуть совер-

шенно, въ одно мгновеніе (Господь) избавилъ совсѣмъ отъ кораблекрушенія. Возблагодаримъ же Его не только за то, что прекратилъ бурю, но и за то, что допустилъ ей быть; не только за то, что избавилъ насъ отъ кораблекрушенія, но и за то, что попустилъ впасть намъ въ такое безпокойство и нависнуть надъ нами крайней опасности. Такъ и Павелъ повелѣлъ благодарить за все. А когда онъ сказалъ: *о всемъ благодарите* (1 Сол. v, 18), то этимъ выразилъ (благодарите) не только по прекращеніи бѣдствій, но и въ продолженіе ихъ, потому что *любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Римл. viii, 28). Возблагодаримъ Его за прекращеніе испытаній, и не забудемъ о нихъ никогда; будемъ пребывать въ молитвахъ, въ непрестанныхъ моленіяхъ, въ великомъ благоговѣніи. Когда только что загорѣлся ужасный огонь этихъ бѣдствій, я говорилъ, что не время тогда ученія, а время молитвъ: это же и теперь, когда погасъ этотъ огонь, говорю, что теперь-то особенно, болѣе чѣмъ прежде, время молитвъ, теперь-то особенно время слезъ и сокрушенія, и скорби душевной, великой тщательности и великой осторожности. Тогда самое свойство скорбей и противъ воли обуздывало насъ, заставляло быть скромными и вело къ большей осмотрительности. А теперь, какъ снята узда и прошла туча, можно опасаться, чтобы мы не впали въ безпечность, не сдѣлались опять небрежнѣе отъ спокойствія, чтобы и о насъ не сказалъ кто: *егда убиваше, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утренневаху къ Богу* (Пс. lxxvii, 34). Потому и Моисей увѣщевалъ іудеевъ такъ: *ядый* и піяй, *и насытився, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. vi, 11, 12). Теперь-то и откроется 172
ваша искренность, если вы постоянно сохраните ту же богобоязливость. Тогда многіе приписывали вашу ревность страху и приключившимся бѣдствіямъ; а теперь доброе дѣло будетъ вполнѣ ваше, если вы продолжите показывать ту же ревность. И отроку никто не удивляется, что онъ, пока находится подъ руководствомъ грознаго надзирателя, живетъ скромно и кротко, но всѣ приписываютъ скромность этого отрока страху, внушаемому надзирателемъ. Когда же онъ, и сложивъ съ себя эту неволю, остается при той же скромности, тогда всѣ ему самому приписываютъ скромность его и въ прежнемъ возрастѣ. Это же сдѣлаемъ и мы: пребудемъ въ томъ же благонравіи, чтобы получить намъ отъ Бога великую похвалу и за прежнюю ревность. Безчисленныхъ ожидали мы бѣдствій, (ожидали), что будутъ расхищены имущества всѣхъ, сожжены домы и съ жителями, городъ взятъ будетъ изъ среды вселенныя, и всѣ остатки его погибнутъ, что по землѣ его пройдетъ плугъ; но вотъ, все это остановилось только на ожиданіи и не перешло въ дѣло! И чудно не только то, что Богъ

прекратилъ такую опасность, но и то, что Онъ и насъ весьма облагодѣтельствовалъ, и городъ нашъ украсилъ, и сдѣлалъ (насъ) чрезъ это испытаніе и несчастіе болѣе достойными хвалы: а какъ это, сейчасъ скажу.

Когда посланные царемъ для изслѣдованія о случившемся здѣсь открыли страшное то судилище, и призывали всѣхъ къ отвѣтамъ въ учиненномъ преступленіи, и всѣ ожидали разныхъ смертей,—тогда иноки, обитающіе на вершинѣ горъ, высказали свое любомудріе. Проживъ безвыходно столько лѣтъ въ своихъ пещерахъ, они, никѣмъ не призванные, никѣмъ не наученные, какъ только увидѣли, что городъ облегло такое облако, оставили свои
173 кущи и пещеры и стеклись со всѣхъ сторонъ, какъ сошедшіе съ неба ангелы; и сталъ тогда городъ подобенъ небу, потому что вездѣ появлялись эти святые и однимъ своимъ видомъ утѣшали скорбящихъ и располагали къ совершенному презрѣнію несчастія. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы, увидя ихъ, не посмѣялся надъ смертію, не пренебрегъ жизнію? Но, сверхъ этого, удивительно было еще то, что они (иноки), пришедши къ самымъ начальникамъ, говорили смѣло за виновныхъ, готовы были всѣ пролить кровь и положить головы свои, только бы исхитить узниковъ отъ угрожавшихъ бѣдствій, и сказали, что не отступятъ, пока судьи или не пощадятъ гражданъ, или не пошлютъ ихъ самихъ къ царю вмѣстѣ съ обвиняемыми. „Государь нашей земли, говорили они, боголюбивъ, преданъ вѣрѣ, живетъ въ благочестіи: поэтому мы непремѣнно умилостивимъ его; не допустимъ и не позволимъ вамъ обагрить мечъ кровію, ни отсѣчь кому-либо голову. Если же вы не остановитесь, то и мы непремѣнно умремъ съ ними. Преступленіе велико—въ этомъ сознаемся и мы—однако виновность дѣла не превышаетъ человѣколюбія царева“. Говорятъ, что одинъ изъ нихъ [1]) сказалъ и другое, исполненное любомудрія, слово: „низверженныя статуи опять воздвигнуты и приняли свой видъ, и дѣло поправлено весьма скоро: а вы, если умертвите образъ Божій, какъ можете поправить сдѣланное, какъ воскресить погибшихъ, и возвратить души въ тѣла?“ Много иноки говорили съ начальниками и о судѣ.

2. Кто не изумится, кто не подивится любомудрію этихъ мужей? Когда мать одного изъ виновныхъ, съ открытою головою, съ обнаженными сѣдинами, схвативъ за узду лошадь судьи и такъ пробѣжавъ площадь, вмѣстѣ съ нимъ вошла въ судилище,—мы всѣ изумились, всѣ удивились такой нѣжной любви, такой силѣ духа. Какъ же не удивляться еще болѣе этимъ (инокамъ)? Нисколько не удивительно, еслибы та мать и умерла за сына, потому что велика власть природы и непобѣдима сила болѣзней рожденія. А эти

[1]) Это былъ Македоній. См. Theodor. Hist. XIII.

(иноки) кого не родили и не воспитали, кого не видѣли, о комъ не слыхали, съ кѣмъ никогда не встрѣчались, кого узнали по одному только несчастію,—тѣхъ возлюбили, такъ что, еслибы они имѣли и тысячу жизней, рѣшились бы отдать всѣ (жизни) за ихъ (подсудимыхъ) спасеніе. Не говори мнѣ, что (иноки) не были убиты и не пролили крови: говори о томъ, что они показали предъ судіями такую смѣлость, какую могли бы показать только рѣшившіеся на смерть; а съ такимъ намѣреніемъ они и пришли съ своихъ горъ въ судилище. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы они заранѣе не приготовились ко всякой смерти, то и не могли бы они тогда такъ смѣло говорить къ судьямъ и показать такую силу духа. Они просиживали цѣлые дни предъ дверями судилища, будучи готовы отнять у палачей тѣхъ, кого поведутъ (на мѣсто казни).

Гдѣ теперь тѣ, которые одѣваются въ плащи, выставляютъ на показъ длинную бороду, и носятъ въ правой рукѣ палку,— языческіе философы, — эти презрѣнные циники, которые хуже подстольныхъ псовъ, и все дѣлаютъ только для чрева? Всѣ они 174
тогда оставили городъ, всѣ убѣжали, всѣ скрылись въ пещерахъ: одни тѣ, которые самыми дѣлами доказываютъ любомудріе, явились на площади такъ безстрашно, будто бы никакое бѣдствіе не постигло города. Жители городовъ убѣжали въ горы и пустыни; а обитатели пустынь поспѣшили въ городъ, доказывая самымъ дѣломъ то, о чемъ я въ предшествующіе дни говорилъ непрестанно, именно—что живущему добродѣтельно не можетъ повредить и печь [1]). Таково любомудріе души: оно выше всего—и пріятнаго и горестнаго; ни тѣмъ не разслабляется, ни этимъ не подавляется и не унижается, но всегда бываетъ одинаково, обнаруживая свою крѣпость и силу. Кого не обличила (въ слабости) трудность настоящаго времени? Занимавшіе у насъ первыя должности, начальствующіе, владѣющіе несчетнымъ богатствомъ, пользующіеся великимъ дерзновеніемъ предъ царемъ, всѣ они, оставивъ домы пустыми, помышляли только о своемъ спасеніи; тогда-то оказалось, что значитъ вся дружба и родство ихъ; кого они прежде знали, тѣхъ во время злополучія и знать не хотѣли, и сами желали быть ими не знаемы. А иноки, люди бѣдные, не имѣющіе ничего, кромѣ худой одежды, жившіе въ сельской простотѣ, казавшіеся дотолѣ ничтожными, пребывавшіе на горахъ и въ лѣсахъ, предстали, какъ нѣкіе львы, съ великимъ и высокимъ духомъ, въ то самое время, какъ всѣ боялись и трепетали,—(предстали) и прекратили бѣдствіе, не въ продолженіе многихъ дней, а въ краткій промежутокъ времени. И какъ храбрые герои, не только самою борьбою съ

[1]) Т. е. какъ не повредила тремъ святымъ отрокамъ раскаленная вавилонская печь.

противниками, но и однимъ появленіемъ въ станѣ и крикомъ своимъ обращаютъ въ бѣгство враговъ; такъ и эти (иноки) въ одинъ день и сошли (съ горъ), и говорили (съ судьями), и прекратили бѣдствіе, и возвратились въ свои жилища. Таково любомудріе, введенное Христомъ между людьми! И что говорить о богатыхъ и облеченныхъ (низшею) властію, когда даже и получившіе право судить и исправлявшіе самыя высшія начальническія должности, умоляемые этими самыми иноками произнести милостивый приговоръ, сказали, что они не властны въ окончательномъ рѣшеніи, и что страшно и опасно было бы не только оскорбить царя, но и захвативъ оскорбившихъ, оставить ихъ безъ наказанія? А эти (иноки) оказались могущественнѣе всѣхъ: умоляя съ великодушіемъ и терпѣніемъ, они убѣдили (судей) показать такую власть, которой эти не получили отъ царя; успѣли, даже послѣ того какъ виновные были уже открыты, склонить судей не произносить обвинительнаго приговора, но предоставить рѣшеніе волѣ царя; обѣщали, что сами убѣдятъ его непремѣнно даровать прощеніе преступникамъ, и уже готовы были отправиться въ путь. Но судьи, пораженные ихъ любомудріемъ и изумленные высотою духа, не допустили ихъ предпринять такой дальній путь, и сказали, что, если только они получатъ заявленіе ихъ на бумагѣ, то сами отправятся и умолятъ царя оставить весь гнѣвъ,—что, надѣемся мы, и сбудется. Дѣйствительно, когда происходило разбирательство, иноки, вошедши (въ судилище), произносили весьма мудрыя
175 слова, письменно умоляли царя, напомнили о (страшномъ) судѣ и сказали, что сложатъ свои головы, если не будетъ (дано помилованія). И изложивъ эти слова на бумагѣ, судьи отправились. Вотъ что украситъ вашъ городъ блистательнѣе всякаго вѣнца. Теперь о случившемся здѣсь услышитъ царь, услышитъ и великій городъ [1]); вся вселенная услышитъ, что въ антіохійскомъ городѣ живутъ такіе иноки, которые показали дерзновеніе апостольское; теперь, какъ бумага эта будетъ читаться въ столицѣ, всѣ удивятся величію духа (иноковъ), всѣ ублажатъ нашъ городъ, и мы отстранимъ отъ себя худую славу; всѣ узнаютъ, что случившееся было дѣломъ не жителей города, но чужихъ и развратныхъ людей. Свидѣтельство иноковъ будетъ достаточнымъ удостовѣреніемъ нравовъ города. Не будемъ же унывать, возлюбленные, но станемъ питать благія надежды. Если дерзновеніе предъ людьми могло отклонить столь великое бѣдствіе, то чего не сдѣлаетъ ихъ (иноковъ) дерзновеніе предъ Богомъ? Это будемъ говорить и язычникамъ, когда они осмѣлятся разсуждать съ нами о своихъ философахъ.

---

[1]) Константинополь.

Изъ настоящаго (поведенія философовъ) видно, что и прежнее у нихъ было ложно; а изъ этого (любомудрія иноковъ) ясно, что и прежнее у насъ было истинно,—все, что̀ говорится объ Іоаннѣ, и о Павлѣ, и о Петрѣ, и о всѣхъ другихъ. Такъ какъ иноки наслѣдовали ихъ (апостоловъ) благочестіе, то ихъ же и дерзновеніе показали; такъ какъ воспитались въ тѣхъ же законахъ (въ какихъ апостолы), то ихъ же доблести и поревновали. Не нужно намъ даже прибѣгать къ Писанію, чтобы доказать доблесть апостольскую, потому что самыя дѣла вопіютъ, и ученики являютъ собою учителей; не нужно намъ словъ, чтобы обличить лживость язычниковъ и малодушіе ихъ философовъ, потому что самыя дѣла, и настоящія и прежнія, вопіютъ, что все у нихъ — басня, личина и притворство. Не одни, впрочемъ, иноки, но и священники показали тоже великодушіе, и приняли участіе въ нашемъ спасеніи. Одинъ изъ нихъ [1]) отправился въ столицу, пренебрегши все изъ-за вашей любви, и будучи готовъ самъ умереть, если не убѣдитъ царя; а прочіе (пастыри антіохійскіе), оставаясь здѣсь и поступая такъ же, какъ иноки, собственными руками удерживали судей и не допускали войти въ (судилище), пока (судьи) не обѣщали (милостиво) окончить судъ. И пока они видѣли, что судьи не соглашаются, дотолѣ и сами показывали великую смѣлость. Когда же увидѣли, что (судьи) соглашаются, то припадали къ ихъ ногамъ и колѣнамъ, и лобызали имъ руки; такъ они съ преизбыткомъ обнаружили ту и другую добродѣтель,—и свободу и скромность. Что ихъ смѣлость не была дерзостію, это они доказали особенно тѣмъ, что лобызали колѣна и припадали къ ногамъ (судей); а что это не было ни ласкательствомъ, ни раболѣпствомъ, и проистекало не изъ низкаго духа, засвидѣтельствовала предшествовавшая смѣлость ихъ. Впрочемъ мы пріобрѣли отъ испытанія не только эти блага, но и великую воздержность, великую скромность: городъ внезапно сдѣлался у насъ монастыремъ. Не такъ украсилъ бы его кто, еслибы поставилъ на площади золотыя статуи, какъ свѣтелъ и блистателенъ онъ теперь, выставивъ прекрасныя статуи добродѣтели и обнаруживъ богатство свое.

Но прискорбны (распоряженія), послѣдовавшія отъ царя?—Нѣтъ; и они не тягостны, напротивъ, принесли много пользы. 176
Что тягостнаго, скажи мнѣ, въ этихъ распоряженіяхъ? Ужели то, что (царь) закрылъ театръ, что сдѣлалъ недоступнымъ конское ристалище, что заключилъ и заградилъ источники нечестія? О, если бы они и никогда не открывались! Изъ нихъ-то выросли въ городѣ корни нечестія, изъ нихъ выходятъ люди, подвергаю-

[1]) Епископъ Флавіанъ.

щіе нареканію его нравы, продающіе свои голоса пляшущимъ, и отдающіе имъ за три овола собственное спасеніе, приводящіе все въ крайній безпорядокъ. Объ этомъ ли скорбишь, возлюбленный? Но объ этомъ надобно радоваться и веселиться, и изъявлять благодарность царю, что его наказаніе было исправленіемъ, истязаніе — наставленіемъ, гнѣвъ — наученіемъ. (Ты скорбишь) о томъ, что у насъ закрыты бани? Но это не невыносимо, и невольно ведетъ къ любомудрію тѣхъ, которые живутъ въ нѣгѣ, роскоши и распутствѣ. Или—о томъ, что (царь) отнялъ у города его преимущество, и не позволилъ ему впредь называться главнымъ городомъ? Но что же надлежало сдѣлать? Похвалить за сдѣланное (преступленіе) и изъявить благодарность? А кто бы не обвинилъ его, еслибы онъ не показалъ даже и вида негодованія? Не видишь ли, что много такого дѣлаютъ и отцы съ своими сыновьями? Они отворачиваются отъ нихъ и не допускаютъ ихъ къ столу. Это сдѣлалъ и царь, наложивъ на городъ такія наказанія, которыя не причиняютъ никакого вреда, а приносятъ много исправленія. Подумай, чего мы ожидали, и что послѣдовало: и тогда-то особенно узнаешь милость Божію.

Ты скорбишь, что у города отнято преимущество? Но пойми, въ чемъ состоитъ преимущество города, и тогда ясно увидишь, что, если сами живущіе въ городѣ не погубятъ его преимущества, то никто другой не сможетъ отнять его. Не въ томъ, чтобы быть главнымъ городомъ, или имѣть великія и красивыя зданія, или многочисленныя колонны, обширные портики и мѣста для прогулокъ, и не въ томъ, чтобы пользоваться большею предъ другими городами извѣстностью, но въ добродѣтели и благочестіи жителей — вотъ въ чемъ и преимущество, и красота, и безопасность города, такъ что безъ этого городъ хуже всѣхъ городовъ, хотя бы получилъ отъ царей тысячу почестей. Хочешь ли узнать преимущество твоего города, хочешь ли увѣдать древнюю его красоту? Я разскажу это подробно, чтобы ты не только зналъ, но и перевновалъ. Что же составляетъ преимущество нашего города? *Бысть нарещи прежде во Антіохіи ученики христіаны* (Дѣян. XI, 26): этого (преимущества) не имѣетъ ни одинъ городъ во вселенной, ни даже городъ Ромула. Вотъ почему онъ можетъ смѣло смотрѣть на всю вселенную,—по своей любви ко Христу, по дерзновенію, по благородству. Хочешь ли услышать и о другомъ преимуществѣ и украшеніи нашего города? Нѣкогда угрожалъ сильнѣйшій голодъ (Дѣян. XI, 28), и живущіе въ Антіохіи положили, каждый по достатку своему, послать (милостыню) святымъ, живущимъ въ Іерусалимѣ (ст. 29). Вотъ и другое преимущество— братолюбіе во время голода! Не удержало ихъ время, не оста-

новило ожиданіе несчастія; но когда всѣ другіе собираютъ себѣ и чужое, они отдавали свое, не только бывшимъ вмѣстѣ съ ними, 177
но и жившимъ вдали. Видишь, какая вѣра въ Бога и любовь къ ближнему? Хочешь ли узнать еще и иное преимущество этого города? Въ Антіохію пришли нѣкоторые изъ Іудеи и стали искажать проповѣдь (евангельскую) и вводить іудейскіе обряды. Не снесли (антіохійцы) въ молчаніи этого нововведенія и не остались въ покоѣ, но, сошедшись и составивъ сборъ, послали въ Іерусалимъ Павла и Варнаву, и сдѣлали то, что апостолы разослали по всей вселенной догматы чистые, свободные отъ всякой іудейской немощи[1]) (Дѣян. xv). Вотъ это достоинство, вотъ это преимущество города: это дѣлаетъ его главнымъ городомъ не на землѣ, а на небѣ. А всѣ другія отличія тлѣнны, непрочны, и прекращаются вмѣстѣ съ настоящею жизнію, часто оканчиваются и прежде настоящей жизни, какъ это случилось и теперь. По мнѣ, городъ, въ которомъ нѣтъ боголюбивыхъ жителей, хуже всякой деревни и безславнѣе всякой пещеры. И что говорить о городѣ? Чтобы узналъ ты основательно, что одна добродѣтель украшаетъ жителей, я ничего не стану говорить тебѣ о городѣ, но постараюсь это доказать, взявъ въ примѣръ то, что досточтимѣе всякаго города, именно храмъ Божій въ Іерусалимѣ. Это—храмъ, въ которомъ (приносились) жертвы и молитвы, (совершались) богослуженія, гдѣ (находились) Святое Святыхъ, и Херувимы, и Завѣтъ, и стамна златая,—эти великія знаменія промышленія Божія о народѣ; гдѣ были даваемы постоянныя откровенія свыше, вдохновляемы Богомъ пророки; гдѣ устройство было дѣломъ не человѣческаго искусства, но мудрости Божіей; гдѣ стѣны повсюду блистали множествомъ золота, и (гдѣ) чрезвычайная драгоцѣнность матеріала и тщательность искусства, сочетавшись между собою, показывали, что это тогда былъ единственный такой храмъ на землѣ. Вѣрнѣе же сказать, не одна тщательность искусства, но и мудрость Божія участвовала въ построеніи этого зданія, потому что Соломонъ предначерталъ его и воздвигъ такимъ не по своему произволу, не самъ собою, но бывъ наставленъ во всемъ отъ Бога и получивъ предначертаніе съ неба. И однако, этотъ прекрасный, удивительный и святой храмъ, когда молившіеся въ немъ развратились, былъ такъ обезчещенъ, опозоренъ и оскверненъ, что еще прежде разрушенія своего названъ вертепомъ разбойниковъ (Іер. vii, 11; Матѳ. xxi, 13) и пещерою гіены, а впослѣдствіи преданъ былъ въ варварскія, нечистыя и скверныя руки. Хочешь ли узнать это же самое и о городахъ? Что было великолѣпнѣе городовъ

[1]) Такъ св. Златоустъ называетъ обряды іудейскіе, которые потеряли всю силу свою съ пришествіемъ Спасителя.

содомскихъ? У нихъ и дома, и зданія, и стѣны были великолѣпны, и страна тучная и плодородная, уподоблявшаяся раю Божію. А хижина Авраамова была бѣдна и мала, и не имѣла никакого укрѣпленія. Однако, иноплеменники, когда произошла однажды война съ ними, разорили и взяли города, укрѣпленные стѣнами, и жителей увели съ собою въ плѣнъ, а противъ напавшаго на нихъ, пустыннаго жителя, Авраама, не устояли. И это весьма естественно; потому что онъ обладалъ такою силою, которая благонадежнѣе многолюдства и стѣнъ,—обладалъ благочестіемъ. Если ты христіанинъ, то нѣтъ у тебя города на землѣ: *художникъ и содѣтель* нашего города *Богъ* (Евр. xi, 10); хотя бы мы пріобрѣли себѣ всю вселенную, все
178 останемся въ ней странниками и пришельцами. Къ небу приписаны мы, тамъ жительствуемъ (Филип. iii, 20): не будемъ же, какъ дѣти, пренебрегая великимъ, дивиться малому.

Не величина города, а добродѣтель душевная служитъ для него украшеніемъ и безопасностію. Если же ты (величину) считаешь преимуществомъ города, то подумай, сколько соблазнителей, сколько людей изнѣженныхъ и развратныхъ и преданныхъ бездны пороковъ участвуетъ съ тобою въ этомъ преимуществѣ, — и пренебреги наконецъ этимъ отличіемъ. Но не таковъ тотъ (небесный городъ): въ немъ не можетъ имѣть части, кто не показалъ себя вполнѣ добродѣтельнымъ. Итакъ, не будемъ безразсудны, но станемъ сѣтовать тогда, когда отниметъ кто-либо достоинство у нашей души, когда мы содѣлаемъ грѣхъ, когда оскорбимъ общаго всѣхъ Владыку. Между тѣмъ случившееся теперь [1]) не только ни мало не повредитъ городу, но, если мы будемъ бдительны, принесетъ и величайшую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ городъ теперь сталъ подобенъ благородной и цѣломудренной женѣ: страхъ сдѣлалъ его скромнѣе и честнѣе и освободилъ отъ тѣхъ нечестивцевъ, которые дерзнули совершить преступленіе. Не будемъ же плакать по-женски; многіе, слышалъ я, говорили на площади: „горе тебѣ, Антіохія! Что сталось съ тобою? Какъ ты обезчещена!“ Услышавъ это, я посмѣялся надъ дѣтскимъ умомъ говорящихъ такія слова. Это не теперь надобно говорить, а когда увидишь пляшущихъ, пьянствующихъ, поющихъ, богохульствующихъ, клянущихся, нарушающихъ клятвы, лгущихъ, — тогда приговаривай эти слова: „горе тебѣ, городъ! Что съ тобою сдѣлалось?“ Если же увидишь на площади, хоть и немного, мужей скромныхъ, степенныхъ и воздержныхъ, называй такой городъ блаженнымъ. Малолюдство нисколько не можетъ повредить ему, когда въ немъ есть добродѣтель, равно какъ и многолюдство нисколько не принесетъ пользы,

[1]) Т. е. отнятіе у Антіохіи нѣкоторыхъ преимуществъ.

когда въ немъ порокъ. *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ, яко песокъ морскій, останокъ спасется* (Иса. x, 22 сн. Рим. ix, 27),— то есть, многолюдство не можетъ умилостивить Меня, говоритъ Богъ. Такъ поступилъ и Христосъ: Онъ изрекъ горе городамъ не за малолюдство ихъ, не за то, что они не были главными. И Iерусалиму Онъ изрекъ горе опять по этому же самому, говоря такъ: *Iерусалиме, Iерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ* (Мате. xxiii, 37). И какую пользу, скажи, приноситъ мнѣ многолюдство, если оно живетъ въ порокѣ? Напротивъ, отъ этого бываетъ еще и вредъ. Что другое было причиною и случившагося теперь? Не безпечность ли, не небрежность ли и нечестіе жителей? Принесло ли какую-нибудь пользу городу его преимущество, обширность зданій, и то, что онъ былъ главнымъ городомъ? Если же это и предъ земнымъ царемъ нисколько не помогло преступному городу, напротивъ всѣ тѣ отличія уничтожены,—тѣмъ болѣе нисколько это преимущество его не поможетъ ему предъ Господомъ ангеловъ. Не принесетъ намъ въ день (страшнаго суда) никакой пользы то, что мы живемъ въ главномъ городѣ — съ обширными портиками и другими подобными преимуществами. И что говорю: въ день (суда)? Какую пользу можетъ принести тебѣ и въ настоящей жизни то, что твой городъ—главный? Развѣ кто чрезъ это поправилъ развалившійся домъ, или имѣлъ отъ этого какую прибыль? Развѣ при помощи этого преимущества прогналъ уныніе, или прекратилъ болѣзнь тѣлесную, или отсталъ отъ пороковъ душевныхъ? Не будемъ же, возлюбленные, поступать легкомысленно и смотрѣть на мнѣнія толпы, но узнаемъ, чтò, въ самомъ дѣлѣ, составляетъ 179 преимущество города, чтò дѣлаетъ его главнымъ городомъ. Это говорю я, конечно, въ надеждѣ, что городъ опять получитъ и это отличіе и явится на своемъ высокомъ мѣстѣ, такъ какъ царь человѣколюбивъ и боголюбивъ: хочу однако, чтобы, если и будутъ возвращены (городу его преимущества), вы этимъ не гордились и не хвалились, и изъ-за этого не превозносили бы предъ нами города. Когда захочешь хвалить городъ, то не говори мнѣ о предмѣстіи— Дафнѣ, ни о множествѣ и величинѣ кипарисовъ, ни объ источникахъ водъ, ни о томъ, что много людей живетъ въ городѣ, ни о томъ, что можно съ совершенною безопасностію быть на площади до самаго глубокаго вечера; (не говори) и объ обиліи товаровъ: все это — тлѣнное и остается только до конца настоящей жизни. Но если можешь сказать о добродѣтели, о скромности, и милостыни, о всенощныхъ бдѣніяхъ, о молитвахъ, о трезвости, о любомудріи душевномъ,—вотъ этими (добродѣтелями) прославляй городъ. Онѣ, когда бываютъ и у живущихъ въ пустыни, дѣлаютъ ее ве-

ликолѣпнѣе всякаго города; напротивъ, и городъ бываетъ хуже всѣхъ, если у жителей его нѣтъ этихъ добродѣтелей. Такъ поступимъ не только въ отношеніи къ городу, но и въ отношеніи къ людямъ. Если увидишь человѣка тучнаго, достигшаго большой дородности, высокаго, и ростомъ тѣла превосходящаго другихъ,— не удивляйся ему, пока не узнаешь его души. Станемъ всѣхъ ублажать не за внѣшнее благообразіе, но за красоту душевную. Малъ и не высокъ тѣломъ былъ Давидъ; однако этотъ не высокій и малый, не имѣвшій никакого оружія, низложилъ однимъ ударомъ цѣлое войско и ту (плотяную) башню: не бросилъ онъ копья, не пустилъ стрѣлы, не обнажилъ меча, но все сдѣлалъ верженіемъ малаго камня. Поэтому нѣкто и увѣщеваетъ такъ: *не похвали человѣка въ красотѣ его, и не буди ти мерзокъ человѣкъ видѣніемъ своимъ. Мала есть въ пернатыхъ пчела, и начатокъ сладостей*
180 *плодъ ея* (Сир. XI, 2). То же будемъ говорить и о городѣ и о людяхъ; будемъ и любомудрствовать между собою, и благодарить непрестанно Бога и за настоящее и за прошедшее, и молить Его всѣ вмѣстѣ и со всѣмъ усердіемъ, чтобы и сидящіе въ темницѣ, и присужденные къ переселенію въ чужой край, были—первые освобождены, а послѣдніе возвращены. И они—члены наши, съ нами вмѣстѣ подверглись волненію, съ нами претерпѣли бурю: станемъ же молить человѣколюбиваго Бога, чтобы они съ нами насладились и тишиною. Никто не говори: «а мнѣ что еще заботиться? Я избавился отъ опасности; пусть погибнетъ такой-то, пусть пропадетъ другой!» Не станемъ оскорблять Бога такимъ небреженіемъ, но будемъ такъ скорбѣть, такъ усердно молить Бога, какъ будто бы мы сами были въ несчастіи,—исполняя слѣдующее изреченіе Павлово: *(поминайте) юзники, аки съ ними связани: озлобляемыя, аки и сами суще въ тѣлѣ* (Евр. XIII, 3), и: *радоватися съ радующимися, смиренными ведущеся* (Рим. XII, 15, 16). Это и намъ самимъ доставитъ величайшую пользу, потому что ничто такъ не пріятно Богу, какъ то, когда мы съ великою искренностію скорбимъ о нашихъ сочленахъ. Будемъ же умолять Его всѣ вмѣстѣ и о настоящемъ и о будущемъ, чтобы Онъ избавилъ насъ и отъ того наказанія. Настоящія бѣдствія, каковы бы они ни были, могутъ быть перенесены и имѣютъ конецъ; а тамошнія мученія безконечны и неизбѣжны. Но вмѣстѣ съ молитвою, будемъ и сами стараться не впадать впредь въ тѣ же грѣхи, зная, что иначе не можемъ мы уже получить и прощеніе. Итакъ, падемъ всѣ вмѣстѣ предъ Богомъ, и какъ здѣсь, такъ и дома у себя будемъ говорить: *праведенъ еси*, Господи, *о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ*, *яко* истиннымъ *судомъ навелъ еси, яже навелъ* (Дан. III, 27, 28). Ежели грѣхи наши возстали противъ насъ, то сотвори намъ (ми-

лость) ради имени Твоего и не допусти впредь испытать такія бѣдствія, *и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго, яко Твое есть царство, и сила, и слава, во вѣки вѣковъ* (Матѳ. vi, 13). Аминь.

БЕСѢДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О прежнемъ предметѣ—возмущеніи, также о постѣ, и на изреченіе апостола: *радуйтеся всегда о Господѣ* (Филип. iv, 4).

Многіе, видѣлъ я, радуются и говорятъ другъ другу: мы по- 179
бѣдили, мы одолѣли; половина поста убыла. Таковыхъ прошу не радоваться тому, что убыла половина поста, а смотрѣть на то, убыла ли половина грѣховъ—и тогда ликовать. Это дѣйствительно достойно радости, это и есть искомое, для этого все и дѣлается, чтобы т. е. исправили мы свои недостатки, чтобы вышли изъ поста не такими, какими вступили въ постъ, но омылись и отстали отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, и такъ провели священный праздникъ. А если не такъ, то намъ не только не будетъ никакой пользы, но и величайшій вредъ отъ того, что пройдетъ постъ. Не будемъ же радоваться, что мы прошли поприще поста:
это вовсе не важно; но станемъ радоваться, когда проведемъ его въ 180
добрыхъ дѣлахъ, чтобы, и по прошествіи поста, сіялъ плодъ его. И польза зимы обнаруживается особенно тогда, когда она пройдетъ: зеленѣющія нивы и покрытыя листьями и плодами деревья видомъ своимъ возвѣщаютъ о пользѣ, происшедшей для нихъ отъ зимы. Это же да будетъ и съ нами! И мы зимою, во время поста, пользовались продолжительными и непрерывными дождями, бывъ непрестанно поучаемы, приняли (въ себя) духовныя сѣмена и отсѣкли тернія удовольствій. Будемъ же тщательно хранить принятое, чтобы, и по прошествіи поста, процвѣталъ плодъ его, и чтобы по тѣмъ благамъ, которыя получимъ онъ поста, по-
мнить намъ и самый постъ. Если мы такъ настроимъ себя, то и 181
будущій постъ примемъ съ радостію. Многіе, вижу я, такъ малодушны, что теперь же безпокоятся о будущей четыредесятницѣ; многіе, слышалъ я, говорятъ, что по окончаніи поста они не чувствуютъ радости отдохновенія вслѣдствіе заботы о будущемъ годѣ. Что можетъ быть малодушнѣе этого, скажи мнѣ? А что причиною тому? То, что съ наступленіемъ поста мы не о томъ стараемся, какъ бы благоустроить душу, а поставляемъ постъ только въ воздержаніи отъ яствъ.

Если бы мы получили отъ него много пользы въ исправленію нравовъ, то, на самомъ дѣлѣ ощущая благія дѣйствія его, пожелали бы, чтобы хоть каждый день былъ постъ; никогда не перестали бы любить его, и, ожидая поста, не были бы унылы и безпокойны. Человѣка, благонастроеннаго по уму и пекущагося о своей душѣ, никакая рѣшительно вещь не можетъ опечалить: онъ будетъ наслаждаться чистою и непрерывною радостію. И что это правда, вы слышали, какъ Павелъ сегодня убѣждалъ насъ и говорилъ: *радуйтеся всегда о Господѣ: и паки реку: радуйтеся* (Филип IV, 4). Знаю, что (исполненіе) этихъ словъ для многихъ кажется невозможнымъ. Какъ возможно, говорятъ, человѣку непрестанно радоваться? Радоваться не трудно, скажетъ, быть можетъ, кто-нибудь, но радоваться непрестанно—это мнѣ кажется уже невозможнымъ, потому что насъ постигаютъ со всѣхъ сторонъ многія неизбѣжныя скорби. Иной потерялъ или сына, или жену, или искренняго друга, который роднѣе всякаго родственника; или понесъ ущербъ въ имуществѣ, или впалъ въ болѣзнь, или претерпѣлъ другое какое-либо несчастіе, или огорченъ незаслуженной обидой; или (случился) голодъ или язва, или налогъ непосильный, или разстроились домашнія дѣла; а впрочемъ, и не перечтешь всего, что и въ частномъ и въ общественномъ быту обыкновенно огорчаетъ насъ. Какъ же, говорятъ, возможно всегда радоваться? Конечно возможно, человѣкъ! А если бы было невозможно, то Павелъ не сталъ бы убѣждать, не сталъ бы совѣтовать онъ, обладающій духовною мудростію. Поэтому я постоянно говорилъ вамъ, и не перестану говорить, что, чему нельзя нигдѣ и ни отъ кого научиться, о томъ вы можете любомудрствовать здѣсь. Удовольствій и радости желаютъ всѣ, и для этого все и дѣлаютъ, и говорятъ, и трудятся. И купецъ для того плаваетъ, чтобы собрать денегъ, а деньги собираетъ для того, чтобы, обладая ими, радоваться. И воинъ для того сражается, и земледѣлецъ для того воздѣлываетъ землю, и всякій для того занимается своимъ ремесломъ, и ищущіе власти для того ищутъ ее, чтобы наслаждаться славою, а наслаждатъся славою хотятъ для того, чтобы радоваться. Да и всякое дѣло, какъ видѣть можно, дѣлается у насъ для этой цѣли; и каждый, ее имѣя въ виду, спѣшитъ дойти до нея всякими средствами.

Итакъ всѣ, какъ сказалъ я, любятъ радость, но не всѣ могутъ достигнуть ея, потому что не знаютъ пути, ведущаго къ ней. Многіе думаютъ, что богатство бываетъ причиною радости. Но, если бы оно было причиною,—никто изъ имѣющихъ деньги никогда не скорбѣлъ бы; а между тѣмъ, многіе изъ богачей жизнь считаютъ не жизнію, и желаютъ тысячи смертей, когда почувствуютъ какое-
182 либо огорченіе; и если кто печалится много, такъ они—болѣе всѣхъ.

Не смотри на ихъ пиршества, ни на ихъ ласкателей и тунеядцевъ, но на то, что бываетъ изъ-за этихъ (пиршествъ),—на разоренія, клеветы, опасности, безпокойства, и, что еще хуже, на то, что, подвергаясь этимъ превратностямъ, сверхъ чаянія, богачи не умѣютъ и любомудрствовать и великодушно переносить несчастія. Потому и бѣдствія представляются имъ не такими, каковы они—по природѣ; напротивъ, и легкое кажется имъ невыносимымъ. Не такъ бываетъ съ бѣдными: и невыносимое кажется имъ сноснымъ, потому что они сами уже думали о многомъ такомъ. Вѣдь не столько отъ свойства вещей, сколько отъ расположенія страждущихъ зависитъ, что постигающія насъ бѣдствія представляются то великими, то малыми. И чтобы не приводить мнѣ издалека примѣровъ на то и на другое, возьму ихъ изъ случившагося съ вами. Посмотрите же: бѣдные всѣ избѣжали, простые люди избавились отъ опасности, и наслаждаются полной свободой; а управлявшіе городомъ, содержавшіе лошадей, предсѣдательствовавшіе на играхъ и исправлявшіе другія общественныя должности,—эти люди сидятъ теперь въ темницѣ, боятся до крайности, терпятъ одни наказаніе за преступленія всѣхъ, живутъ въ непрестанномъ страхѣ и находятся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи, не по великости опасностей, но потому, что въ прежнее время жили въ роскоши.

2. И точно, многіе, когда мы ихъ утѣшали и убѣждали мужественно переносить несчастіе, говорили: „вѣдь мы никогда ни о чемъ такомъ и не думали, и не умѣли такъ любомудрствовать; поэтому нуждаемся во многомъ утѣшеніи“. Другіе опять думаютъ, что здоровье—причина удовольствія. Нѣтъ: многіе изъ здоровыхъ и сами тысячу разъ желали умереть, не могши перенести постигавшихъ ихъ огорченій. Иные опять говорятъ, что наслажденіе славою, обладаніе властію и начальствованіе, и ласкательство отъ многихъ доставляютъ непрестанную радость. И это не такъ. Да что и говорить о другихъ властяхъ? Если мы взойдемъ мыслію до самаго царскаго сана, то найдемъ, что живущій въ этомъ санѣ окруженъ множествомъ огорченій, и тѣмъ болѣе имѣетъ неизбѣжныхъ поводовъ къ скорби, чѣмъ большимъ занятъ онъ количествомъ дѣлъ. Нечего ужъ и говорить о войнахъ, сраженіяхъ и нападеніяхъ варваровъ: (царь) часто боится даже домашнихъ своихъ. Дѣйствительно, многіе изъ прежнихъ царей, избѣжавъ рукъ непріятельскихъ, не избѣжали козней отъ своихъ тѣлохранителей. А поводовъ къ печали у царей столько, сколько волнъ у моря. Итакъ, если и царскій санъ не дѣлаетъ жизни безпечальною, что же другое можетъ сдѣлать это? Изъ житейскаго—ничто; а изреченіе Павлово, при томъ краткое и малое,—оно одно откроетъ намъ это сокровище. Не нужно много словъ, ни продолжительнаго раз-

глагольствія: размыслимъ только объ этомъ изреченіи—и найдемъ путь, ведущій къ истинной радости. Павелъ не просто сказалъ: *радуйтеся всегда*, но присовокупилъ и причину непрерывной радости, сказавъ: *радуйтеся всегда о Господѣ*. Радующійся о Господѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лишенъ этой радости. Все дру-
183 гое, о чемъ мы радуемся, превратно, непостоянно и удобоизмѣнчиво; и не только этотъ имѣетъ въ себѣ недостатокъ, но и то еще, что, и будучи продолжительно, не доставляетъ намъ такой радости, которая бы прогоняла и затмевала печаль, причиняемую намъ другими предметами. А страхъ Божій имѣетъ то и другое: онъ твердъ и неподвиженъ, и столько источаетъ радости, что мы бываемъ совершенно нечувствительны къ другимъ бѣдствіямъ. Боящійся Бога, какъ должно, и надѣющійся на Него пріобрѣлъ себѣ самый корень радости и владѣетъ вполнѣ источникомъ благодушія. И какъ малая искра, упавъ въ безбрежное море, легко исчезаетъ, такъ, что бы ни случилось съ боящимся Бога, все, упадая какъ бы въ великое море благодушія, угасаетъ и исчезаетъ. А въ особенности удивительно то, что такой человѣкъ не перестаетъ радоваться и тогда, когда есть причина для печали. Если бы ничто не причиняло печали, не было бы велико для него и то, что онъ можетъ непрестанно радоваться. Но быть выше всего, когда постигаютъ многія бѣдствія, повергающія въ скорбь, и радоваться среди печали—вотъ это необычайно! Какъ никто не удивлялся бы, что три отрока не сгорѣли, если бы они были вдали отъ Вавилонской печи,—изумило же всѣхъ то, что они, пробывъ столько времени среди огня, вышли невредимѣе не бывшихъ въ немъ,—такъ и о святыхъ должно сказать, что, еслибы ихъ не постигало никакое искушеніе, мы не удивились бы, что они непрестанно радуются; а изумленія достойно и превышаетъ человѣческую природу то, что они, будучи окружены со всѣхъ сторонъ безчисленными волнами, находятся въ лучшемъ расположеніи, чѣмъ наслаждающіеся совершенною тишиною.

Итакъ, изъ сказаннаго ясно, что нельзя найти у мірскихъ людей ни одного рода жизни, въ которомъ бы благодушіе было постояннымъ достояніемъ; а что вѣрующій не можетъ не наслаждаться непрестанною радостію, и это постараюсь опять доказать, чтобы вы не только узнали эту безпечальную жизнь, но и поревновали о ней. Представимъ же человѣка, который не знаетъ за собою никакой вины, но имѣетъ добрую совѣсть, стремится къ будущему и пребываетъ въ благихъ надеждахъ: что можетъ, скажи мнѣ, повергнуть его въ печаль? Не всего ли невыносимѣе представляется смерть? Но ожиданіе ея не только не печалитъ, а еще весьма радуетъ его: онъ знаетъ, что наступленіе смерти есть из-

бавленіе отъ трудовъ и приведеніе къ вѣнцамъ и наградамъ, назначеннымъ для подвизавшихся въ благочестіи и добродѣтели. А безвременная кончина дѣтей? Но и это переноситъ онъ мужественно, и говоритъ словами Іова: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако и бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Если же смерть и потеря дѣтей не могутъ опечалить,—тѣмъ болѣе ущербъ въ имуществѣ, поношенія, обвиненія, клеветы и болѣзни тѣлесныя никогда не могутъ поразить столь великой и доблестной души. Такъ и апостолы подвергались побоямъ, но не скорбѣли. Велико уже и это; но гораздо важнѣе то, что они не только не скорбѣли, но и самые бичи дѣлали поводомъ къ еще большей радости, и возвратились *отъ лицъ собора, радующеся, яко за имя* Христа удостоились принять *безчестіе* (Дѣян. v, 41). Оскорбилъ кто и обругалъ такого человѣка? Но онъ наученъ Христомъ радоваться среди поношеній: *радуйтеся*, говоритъ (Христосъ), *и веселитеся, егда рекутъ всякъ* 184
золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради, яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Матѳ. v, 11, 12). Впалъ онъ въ болѣзнь? Но онъ слышалъ, какъ другой увѣщеваетъ и говоритъ: *въ болѣзни* и бѣдности *уповай нань: яко во огни искушается злато, и человѣцы пріятни въ пещи смиренія* (Сир. xxxviii, 9; II, 5, 6). Если же ни смерть, ни потеря имущества, ни болѣзнь тѣлесная, ни безчестіе, ни поруганіе, ни иное что подобное не можетъ его опечалить, напротивъ еще и радуетъ,—то какая будетъ у него еще причина печали? Что же, скажешь, развѣ святые не скорбѣли? Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *скорбь ми есть велія, и непрестающая сердцу моему* (Римл. IX, 2)? Вотъ это самое и удивительно, что скорбь приносила пользу и радость отъ самаго плача. Какъ бичи причиняли (апостоламъ) не боль, а радость, такъ опять и скорбь доставляла (Павлу) великіе тѣ вѣнцы. И вотъ что еще удивительно: мірская—не только печаль, но и радость наноситъ крайній вредъ, а въ дѣлахъ духовныхъ совсѣмъ напротивъ: не только радость, но и печаль имѣетъ великое сокровище благъ; а какъ это, я скажу. Нерѣдко иной въ мірѣ радуется, увидя врага въ несчастіи, и этою радостію навлекаетъ на себя великое наказаніе. Другой, опять, скорбитъ, увидя брата падшимъ, и этою скорбію пріобрѣтаетъ себѣ отъ Бога великое благоволеніе.

Видишь ли, какъ печаль по Богѣ лучше и полезнѣе радости мірской? Такъ и Павелъ печалился о грѣшникахъ, о невѣрующихъ въ Бога, и за эту печаль получилъ великую награду. Но чтобы сдѣлать мнѣ слова свои яснѣе, и чтобы вы узнали, что сказанное, хотя и удивительно, однако истинно, и что плачъ дѣйствительно часто ободряетъ скорбящія души и облегчаетъ обремененную со-

вѣсть (скажу вотъ что): многія изъ женъ, потерявъ любимѣйшихъ дѣтей, когда имъ препятствуютъ поплакать, порыдать и постенать, надрываются и умираютъ; если же сдѣлаютъ все, что свойственно скорбящимъ, то облегчаются и получаютъ утѣшеніе. И удивительно ли, что это бываетъ съ женами, когда можно видѣть, что и пророкъ испытываетъ то же? Вотъ почему онъ непрестанно говоритъ: *оставите мя, да горцѣ восплачуся, не належите утѣшати о сокрушеніи дщере рода моего* (Иса. XXII, 4). Итакъ, печаль часто приноситъ утѣшеніе. Если же это бываетъ въ мірѣ, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ духовныхъ. Посему (Павелъ) говоритъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). Слова эти кажутся неясными; онѣ вотъ что означаютъ: опечалился ты объ имуществѣ—не получилъ отъ этого никакой пользы. Опечалился о болѣзни—нисколько не помогъ, но еще болѣе повредилъ себѣ.

Я самъ слышалъ, какъ многіе, испытавъ это, винятъ себя и говорятъ сами себѣ: что̀ пользы, что я скорбѣлъ? И денегъ не возвратилъ, и себя разстроилъ. Но если ты попечалишься о грѣхѣ, то и его загладишь, и получишь величайшую радость. Если попечалишься о падшихъ братіяхъ, то и себя вразумишь и утѣшишь,
185 и ихъ возстановишь; а если и не принесешь имъ никакой пользы, такъ самъ получишь величайшую награду. И чтобы увѣриться тебѣ, что эта печаль о падшихъ, хотя бы мы нисколько не помогли имъ, приноситъ намъ величайшую награду, послушай, что говоритъ Іезекіилъ, или лучше, что чрезъ него вѣщаетъ самъ Богъ. Когда посылалъ Онъ нѣкоторыхъ разорить городъ (Іерусалимъ), и истребить огнемъ и мечемъ всѣ зданія съ ихъ жителями, то одному изъ нихъ повелѣваетъ такъ: *даждь знаменія на лица мужей стенящихъ и болѣзнующихъ*. А другимъ повелѣвъ и сказавъ: *отъ освященныхъ Моихъ начните*, присовокупилъ сіи слова: *и ко всѣмъ, на нихже есть знаменіе, не прикасайтеся* (Іез. IX, 4, 6). Почему это, скажи мнѣ? Потому что они, если и нисколько не помогаютъ (грѣшникамъ), все же стенаютъ и болѣзнуютъ о происходящемъ. А другихъ еще упрекаетъ (Богъ) въ томъ, что они, предаваясь роскоши и чревоугодію, и наслаждаясь великою свободою, не скорбѣли и не раздѣлили печали, когда видѣли, какъ іудеи были отводимы въ плѣнъ. Упрекаетъ же ихъ такими словами: *не страдаху ничесоже въ сокрушеніи Іосифовѣ* (Ам. VI, 4—6), называя Іосифомъ весь народъ. И опять: *не изыде живущая въ Енанѣ* [1]) оплакати *домъ сущій близъ ея* (Мих. I, 11). Хотя (грѣшники) и справедливо наказываются, однако (Богъ) хочетъ, чтобы мы со-

[1]) Въ славянск. перев. Библіи: *въ Сеннаарѣ*.

болѣзновали объ этомъ, а не радовались и веселились. Ежели Я, Который наказываю, говоритъ Онъ, дѣлаю это, не радуясь, и не услаждаюсь ихъ мученіемъ (*хотѣніемъ бо не хощу смерти грѣшника*—Іез. XVIII, 23, 32; ср. XXXIII, 11); то и ты долженъ подражать Господу, и болѣзновать о томъ самомъ, что (грѣшникъ) далъ случай и поводъ къ праведному наказанію. Посему кто печалится по Богѣ, тотъ получаетъ отъ этого великую пользу. Если же претерпѣвающіе побои блаженнѣе тѣхъ, которые наносятъ ихъ, если наши [1] страдальцы блаженнѣе язычниковъ, живущихъ въ покоѣ, и скорбящіе—веселящихся, то какой же еще можетъ быть у насъ поводъ къ скорби? Поэтому никого не должно называть блаженнымъ, кромѣ живущаго только по Богѣ; этихъ однихъ ублажаетъ и Писаніе. *Блаженъ*, говоритъ, *мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ* (Пс. I, 1). *Блаженъ, его же аще накажеши, Господи, и отъ закона Твоего научиши его* (Пс. XCIII, 12). *Блажени непорочніи въ путь* (Пс. CXVIII, 1). *Блажени вси надѣющіися нань* (Пс. II, 12). *Блаженъ языкъ, ему же Господь Богъ его* (Пс. XXXII, 12). *Блаженъ, ему же не зазрѣ душа его* (Сир. XIV, 2). *Блаженъ мужъ, боящйся Господа* (Пс. CXI, 1). И Христосъ опять (говоритъ) такъ: *блажени плачущіи, блажени нищіи, блажени кротцыи, блажени миротворцы, блажени изгнани правды ради* (Матѳ. V, 3—11). Видишь, какъ божественные законы вездѣ ублажаютъ не кого-либо изъ богатыхъ, ни изъ знатныхъ родомъ, ни изъ пользующихся славою, но стяжавшаго добродѣтель! Это потому, что требуется, чтобы основаніемъ всѣхъ нашихъ дѣлъ, или страданій, былъ страхъ Божій; и если ты заранѣе насадишь этотъ корень, то не только покой, честь, слава и уваженіе, но и обиды, и клеветы, и оскорбленія, и безчестіе, и мученія, и всѣ вообще бѣдствія произрастятъ тебѣ плоды радости. И какъ корни деревъ сами горьки, а плоды приносятъ намъ весьма пріятные, такъ и печаль по Богѣ принесетъ намъ великую радость. Кто только часто молился со скорбію и проливалъ слезы, тѣ знаютъ, какую получили они радость, какъ 186
очищали совѣсть, какъ возставали съ благою надеждою. Это потому, что, какъ я всегда говорю, не свойство вещей, а мысль наша обыкновенно печалитъ и радуетъ насъ. Итакъ, если мы настроимъ ее, каковою ей быть должно, то будемъ имѣть залогъ всякаго благодушія. Какъ тѣлу вредитъ и пользуетъ не столько свойство воздуха и внѣшнія вліянія, сколько собственное предрасположеніе; точно то же самое и съ душею, и тѣмъ еще болѣе, что тамъ неизбѣжность природы, а здѣсь все зависитъ отъ свободной воли. Поэтому Павелъ, претерпѣвъ безчисленныя бѣдствія:

---

[1] Т. е. христіанскіе.

кораблекрушенія, брани, насилія, навѣты, нападенія разбойниковъ, и все, чего и исчислить словомъ невозможно, и умирая каждый день, не только не скорбѣлъ и не роптанъ, но и хвалился, и радовался, и говорилъ: *нынѣ радуюся во страданіихъ моихъ о васъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ въ плоти моей* (1 Кол. I, 24). И опять: *не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ* (Римл. V, 3). А хвалиться значитъ радоваться въ высшей степени.

4. Итакъ, если желаешь радости, не ищи ни денегъ, ни тѣлеснаго здоровья, ни славы, ни власти, ни веселья, ни роскошныхъ трапезъ, ни шелковыхъ одеждъ, ни многоцѣнныхъ полей, ни блистательныхъ домовъ, и ничего другого тому подобнаго, но устремись къ любомудрію по Богѣ и держись добродѣтели: тогда ничто ни изъ настоящаго, ни изъ ожидаемаго не сможетъ опечалить тебя. То, что другихъ опечаливаетъ, для тебя будетъ приращеніемъ радости. И бичи, и смерть, и потери, и злословія, и обиды, и всѣ подобныя бѣдствія, если только наводятся на насъ ради Бога, и этотъ имѣютъ корень, вносятъ въ нашу душу великую радость.

Никто не сможетъ сдѣлать насъ несчастными, если мы сами не сдѣлаемъ себя такими; равно какъ никто не сможетъ сдѣлать насъ и блаженными, если не сдѣлаемъ себя таковыми мы сами, по благодати Божіей. И чтобы вы увѣрились, что блаженъ одинъ тотъ, кто боится Господа, это докажу вамъ теперь не прошедшимъ, но тѣмъ, что случилось съ нами. Всему нашему городу угрожало полное истребленіе, и изъ богатыхъ, знатныхъ и знаменитыхъ людей никто не осмѣлился показаться среди города, но всѣ убѣжали и ушли вонъ. А боящіеся Бога, обитатели монастырей, эти, пришедши сюда съ великимъ дерзновеніемъ, порѣшили все, и случившіяся уже бѣдствія, и ожидаемые еще ужасы такъ мало могли ихъ устрашить и повергнуть въ уныніе, что, находясь вдали отъ несчастія и не имѣя ничего общаго (съ жителями города), они бросились сами въ средину огня и всѣхъ исторгли оттуда. И что всѣмъ кажется страшнымъ и ужаснымъ — смерть—они готовы были принять со всею охотою, стремились къ ней съ бо̀льшею радостію, чѣмъ другіе—къ властямъ и почестямъ; знали они, что въ этомъ и состоитъ величайшая власть и честь, и самыми дѣлами доказали, что блаженъ только тотъ, кто держится высшаго любомудрія: онъ и не терпитъ никакой перемѣны, и не подвергается никакому злополучію, но наслаждается непрерывнымъ благоденствіемъ и посмѣвается надъ всѣми мнимыми непріятностями. Вотъ теперь первые сановники (города) находятся въ великой печали,
187 сидя въ темницѣ, отягченные цѣпями, и каждый день ожидая смерти,—а эти (иноки) наслаждаются чистѣйшимъ удовольствіемъ, еслибъ даже имъ пришлось претерпѣть какое несчастіе. И что

другимъ кажется страшнымъ, то для нихъ вожделѣнно, потому что они знаютъ, къ чему стремятся, и какая участь ожидаетъ ихъ по отшествіи отсюда. И живя такъ строго и посмѣваясь смерти, они однако же болѣзнуютъ о другихъ, и отъ этого получаютъ опять величайшую пользу. Постараемся же имѣть попеченіе о своей душѣ, и никакая нечаянность не въ состояніи будетъ опечалить насъ. Будемъ умолять Бога и о заключенныхъ въ темницу, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ постигшаго ихъ несчастія. Богъ могъ бы и вдругъ прекратить бѣдствіе, и не оставить и малыхъ слѣдовъ его; но, чтобы мы опять не впали въ прежнюю безпечность, Онъ положилъ потоку этихъ бѣдствій утихать постепенно и мало по малу, чѣмъ и удерживаетъ насъ въ одинаковомъ благоговѣніи. И что это правда, и многіе впали бы опять въ прежнюю безпечность, еслибы все (несчастіе) прекратилось вдругъ, это видно вотъ изъ чего. Еще есть остатки несчастія, еще неизвѣстно рѣшеніе царя, и всѣ, управлявшіе дѣлами города, въ узахъ; а многіе изъ жителей нашего города, по страсти мыться, бѣгутъ на рѣку, дѣлаютъ тамъ тысячу позорныхъ дѣлъ, безчинствуютъ, пляшутъ, водятъ хороводы, увлекаютъ за собою женщинъ. Какое могутъ они заслужить прощеніе, какое извиненіе? Или лучше, какого не заслужатъ наказанія и мученія? Глава города въ темницѣ, члены наши въ ссылкѣ, приговоръ о нихъ не извѣстенъ; а ты, скажи мнѣ, строишь хороводы, заводишь игры и смѣешься! Не можемъ же, говорятъ, оставаться немытыми? О, безстыдная, неблагодарная и развращенная мысль! Сколько прошло, скажи мнѣ, мѣсяцевъ, сколько годовъ? Еще нѣтъ двадцати дней, какъ заперты для тебя бани, и ты сѣтуешь и ропщешь, какъ будто не мылся цѣлый годъ! Такъ ли, скажи мнѣ, было съ тобою, когда ты ожидалъ нападенія воиновъ, когда каждый день думалъ умереть, когда убѣгалъ въ пустыни и спѣшилъ на вершины горъ? Если бы тогда предложилъ кто тебѣ не мыться цѣлый годъ, чтобы избавиться отъ предстоящей опасности, не съ готовностію ли бы ты принялъ и перенесъ это? И вотъ, когда бы должно было благодарить Бога, прекратившаго эту (опасность) безъ всякаго для насъ вреда, ты опять пляшешь и безчинствуешь, и, какъ страхъ прошелъ, опять впалъ ты еще въ бо́льшую безпечность. Такъ ли тронули тебя бѣдствія, что ты желаешь еще бань? Если бы бани и были открыты, то несчастіе содержимыхъ еще (въ темницѣ) не достаточно ли для того, чтобы заставить и не находящихся въ бѣдствіи забыть о всякомъ удовольствіи? Въ опасности жизнь, а ты помнишь о баняхъ и хочешь веселиться? Потому ли оказываешь небреженіе, что избѣгъ теперь (бѣдствія)? Смотри, не поставь себя въ опасность еще бо́льшаго наказанія, не вызови опять минувшей грозы

съ бо́льшею силою, и не подвергнись тому, что̀ говоритъ Христосъ о демонахъ. Когда, говоритъ Онъ, нечистый духъ выйдетъ и потомъ найдетъ домъ празднымъ и очищеннымъ, то, взявъ съ собою еще *седмь другихъ духовъ горшихъ себе*, входитъ въ душу *и бываютъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ* (Лук. XI, 24—26). Убоимся же и мы, чтобы, избавившись отъ прежняго несчастія, послѣдующимъ нерадѣніемъ не навлечь намъ на себя бо́льшихъ противъ прежняго бѣдствій. Знаю, что вы чисты отъ этого неразумія: такъ удерживайте, обуздывайте, вразумляйте и безчинствующихъ, чтобы намъ радоваться всегда, какъ заповѣдалъ Павелъ, чтобы и за свои добрыя дѣла, и за попеченіе о другихъ, и здѣсь и въ будущей жизни, получить намъ великую награду, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ воскресенье спасительной [1]) недѣли къ сельскимъ жителямъ, и о томъ, что не должно клясться.

187 ВЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩІЕ дни вы радостно отпраздновали память святыхъ мучениковъ, насладились духовнымъ торжествомъ, поликовали добрымъ ликованіемъ. Вы видѣли обнаженные бока, разсѣченныя ребра, льющуюся отовсюду кровь, безчисленные роды мученій. Вы видѣли, какъ природа человѣческая являетъ дѣла выше природы и какъ вѣнки сплетаются изъ крови. Вы устроили прекрасное торжественное шествіе по всему городу подъ водительствомъ славнаго вождя. А меня болѣзнь принудила противъ воли остаться дома. Впрочемъ, если я и не принималъ участія въ торжествѣ, то все же былъ участникомъ радости, если и не имѣлъ удовольствія быть на празднествѣ, то все же былъ соучастникомъ вашего веселья. Такова ужъ сила любви: она заставляетъ и неиспыты-

[1]) Τῇ Κυριακῇ τῆς ἐπισωζομένης... Симеонъ Аллацій въ соч. de Dominicis et hebdomadibus Graecorum говоритъ, что Ἐπισωζομένη назывался у каппадокійцевъ праздникъ Вознесенія Господня; тамъ же онъ замѣчаетъ, что ἡ Κυριακὴ τῆς ἐπισ. называлось 5-е воскресенье по Пасхѣ, т. е. то самое, которое предшествовало Вознесенію. Но Тильмонъ, а за нимъ и новѣйшіе издатели твореній Златоуста—Монфоконъ и Минь склонны скорѣе признать въ ἡ Κυριακὴ τῆς ἐπισωζομένης одно изъ послѣднихъ воскресеній четыредесятницы, въ частности—воскресеніе страстей (т. е. недѣлю ваій).

вающихъ удовольствія радоваться наравнѣ съ испытывающими, по-
буждая считать общими (всѣмъ намъ) блага ближнихъ. Поэтому-то 188
я, и дома сидя, радовался вмѣстѣ съ вами, (а сегодня), хоть и
не совсѣмъ еще оправился отъ болѣзни, поднялся и побѣжалъ
къ вамъ, чтобы видѣть ваши любезныя лица и принять участіе
въ настоящемъ празднествѣ. А настоящій день, полагаю я, пред-
ставляетъ величайшее торжество, по причинѣ присутствія нашихъ
братьевъ, которые придали сегодня блескъ нашему городу и укра-
сили наше собраніе. Люди эти хотя и отличны отъ насъ по языку [1]),
но согласны съ нами по вѣрѣ, живутъ въ тихомъ спокойствіи и
проводятъ воздержную и достославную жизнь. Въ самомъ дѣлѣ,
у этихъ мужей нѣтъ ни театровъ съ ихъ безчинствомъ, ни кон-
скихъ состязаній, ни развратныхъ женщинъ, ни прочей сумятицы
городской. Распутство во всѣхъ его видахъ изгнано, и повсюду
обильно процвѣтаетъ благонравіе. А причина этого въ томъ, что
жизнь ихъ полна труда, и училище добродѣтели и воздержности 189
они находятъ въ воздѣлываніи земли, занимаясь тѣмъ самымъ
искусствомъ, которое Богъ прежде всѣхъ прочихъ ввелъ въ нашу
жизнь. Адаму еще до согрѣшенія, когда онъ наслаждался
полной свободой, было предписано заниматься нѣкотораго рода
земледѣліемъ, не тяжелымъ, правда, и чуждымъ изнурительнаго
утомленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставлявшимъ ему великое любо-
мудріе. Поставилъ его, говорится (въ Писаніи), *дѣлати и хра-
нити* рай (Быт. II, 15). На кого бы вы ни посмотрѣли изъ этихъ
мужей, вы увидѣли бы, какъ каждый изъ нихъ въ одно время
впрягаетъ пашущихъ воловъ, тащитъ плугъ и разсѣкаетъ глубо-
кую борозду, въ другое—восходитъ на священное возвышеніе и
воздѣлываетъ души подчиненныхъ, то онъ срѣзаетъ серпомъ тер-
нія съ поля, то словомъ счищаетъ съ душъ грѣхи, потому что
они не стыдятся занятій землей, какъ жители нашего города, а
стыдятся праздности, зная, что она научила всякому злу и искони
была наставницей порока для возлюбившихъ ее. Эти люди больше,
чѣмъ кто-либо, мудрствуютъ наивысшею мудростію, показывая
свою добродѣтель не по внѣшности, а по самому убѣжденію. Что
касается мудрецовъ языческихъ, то они ничуть не лучше актеровъ
и комедіантовъ, такъ какъ не въ силахъ показать ничего боль-
шаго, кромѣ плаща [2]), бороды и длинной мантіи; а эти люди,
совершенно наоборотъ, распрощавшись съ посохомъ, бородою, и
прочими принадлежностями, украсили свою душу предписаніями

---

[1]) Жители селъ и деревень въ окрестностяхъ Антіохіи говорили сирскимъ языкомъ.

[2]) Τρίβων — спартанскій плащъ (короче и грубѣе, чѣмъ иматій), а также — потертое платье, которое носили бѣдные; со времени Сократа—обычная одежда всѣхъ философовъ.

истиннаго любомудрія, да и не одними лишь предписаніями, а и самыми дѣлами. И если вы спросите кого-нибудь изъ этихъ деревенскихъ жителей, ничего не знающихъ кромѣ своего заступа и плуга, о тѣхъ истинахъ, относительно которыхъ языческіе мудрецы не смогли сказать ничего здраваго, не смотря на безконечныя свои изысканія и длинныя разсужденія, онъ съ великой мудростью точно отвѣтитъ вамъ все. Да не это одно только удивительно, а и то еще, что они и дѣлами своими подтверждаютъ вѣру, основанную на истинахъ, потому что они непоколебимо увѣрены, что мы имѣемъ безсмертную душу, должны будемъ дать отчетъ о совершенномъ здѣсь и предстать страшному престолу, почему и всю жизнь свою устроили сообразно этимъ надеждамъ и стали выше всякой житейской суеты, будучи научены божественнымъ Писаніемъ, что *сvета суетствій, всяческая сvета* (Екклез. I, 2), и не стремятся ни къ какому призрачному блеску.

Эти люди и о Богѣ умѣютъ любомудрствовать такъ, какъ заповѣдалъ Богъ. Если ты возьмешь одного изъ нихъ и приведешь затѣмъ какого-нибудь языческаго мудреца, или—поелику теперь таковаго не найти—если, взявъ кого-нибудь изъ тѣхъ и раскрывъ книги древнихъ мудрецовъ, протчешь (написанное въ нихъ) и, сопоставивъ, сравнишь, что̀ отвѣчаютъ эти люди нынѣ, и что̀ мудрствовали тогда тѣ, то увидишь, сколь велика мудрость первыхъ, и какъ велико неразуміе послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ говорятъ, что и сущее не руководится Провидѣніемъ, и твореніе произошло не отъ Бога, и добродѣтель будто бы не достаточна сама по себѣ, а нужны еще деньги, благородное происхожденіе и внѣшній блескъ, и много другого, еще болѣе достойнаго смѣха,—эти люди, наоборотъ, мудрствуютъ и о Промыслѣ, и о загробномъ судѣ, и о творческой дѣятельности Бога, приведшей все изъ несущаго, и о всемъ прочемъ, нисколько, при этомъ, не будучи обязаны языческой
190 наукѣ. Кто не познаетъ отсюда силы Христа, которая неученыхъ и простецовъ показала настолько мудрѣйшими много хвалившихся своею мудростью, насколько разумные мужи превосходятъ малыхъ дѣтей? Какой имъ вредъ отъ того, что рѣчь ихъ проста, когда помышленія ихъ исполнены глубокой мудрости? Какая, наоборотъ, польза язычникамъ въ обработанномъ словѣ, когда умъ ихъ остается чуждъ мыслей? Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь имѣлъ ножъ, у котораго рукоятка серебряная, а самое лезвіе мягче всякаго свинца. Такъ точно и у нихъ: рѣчь изукрашена словами и именами, а мысль крайне немощна и ни на что рѣшительно для нихъ не пригодна. Совсѣмъ не такъ у этихъ мудрецовъ, а какъ разъ напротивъ: умъ ихъ полонъ глубокой духовной мудрости, и

жизнь слѣдуетъ ученію. У нихъ нѣтъ изнѣженныхъ женщинъ, нѣтъ ни украшеній въ одеждахъ, ни подкрашиваній и подрисовываній: всякое подобнаго рода растлѣніе нравовъ изгнано. Оттого-то они и подчиненныхъ себѣ людей очень легко пріучаютъ къ воздержности и съ полною точностью соблюдаютъ законъ Павла, повелѣвающій имѣть одежду и пропитаніе, и не искать ничего больше (1 Тимоѳ. VI, 8). У нихъ нѣтъ обычая натираться благовонными мазями, отуманивающими умъ, а сама земля, порождая травы, искуснѣе всякаго мировара, изготовляетъ для нихъ тонкое благоуханіе цвѣтковъ. И такъ какъ они изгнали всякую роскошь и удалили гибельные потоки пьянства, а пищу употребляютъ въ такомъ лишь количествѣ, сколько нужно для поддержанія жизни, то и тѣло у нихъ вслѣдствіе этого пользуется такимъ же полнымъ здоровьемъ, какъ и душа. Итакъ, не будемъ презирать этихъ людей за ихъ внѣшній видъ, а станемъ лучше дивиться ихъ разуму. Что̀ пользы, въ самомъ дѣлѣ, во внѣшнихъ одеждахъ, когда душа облачена жалостнѣе всякаго нищаго? Хвалить и удивляться человѣку слѣдуетъ не за одежды, равнымъ образомъ и не за тѣло, а за душу. Раскрой душу этихъ людей, и ты увидишь красоту ея и богатство по рѣчи, по убѣжденіямъ и по всему состоянію нравовъ.

2. Итакъ, пусть устыдятся язычники, пусть закроютъ въ смущеніи лицо свое и скроются со стыда за своихъ философовъ и за свою мудрость, которая немощнѣе всякаго безумія. Въ то время, какъ ихъ мудрецы при своей жизни едва смогли научить своимъ мнѣніямъ самое ничтожное число людей, да и этихъ лишились при малѣйшей случившейся опасности,—ученики Христа,—рыболовы, мытари, дѣлатели палатокъ,—въ теченіе немногихъ лѣтъ обратили къ истинѣ всю вселенную, и, не смотря на безчисленныя возникавшія съ тѣхъ поръ опасности, проповѣдь не только не угасла, а процвѣтаетъ и нынѣ и дѣлаетъ бо̀льшіе и бо̀льшіе успѣхи; они же научили мудрствовать людей несвѣдущихъ—земледѣльцевъ и пастуховъ. Эти-то послѣдніе, имѣя вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ и внѣдренную въ сердце любовь,—виновницу всякаго добра,—не смотря на дальній путь, поспѣшили придти къ намъ, чтобы обнять своихъ братьевъ.

Вотъ и мы за такіе дары,—разумѣю любовь и расположеніе,—отпустимъ ихъ, снабдивъ средствами на дорогу, и поведемъ опять рѣчь о клятвахъ, чтобы съ корнемъ вырвать у всѣхъ изъ ума эту порочную привычку. Но напередъ я хочу сегодня немного напом- 191
нить изъ сказаннаго вамъ раньше. Послѣ того какъ іудеи, удалившись изъ Персіи и освободившись отъ этой тиранніи, возвратились въ свое отечество, *и видѣхъ*,—говорится,—*серпъ летящъ, въ долготу лактей двадесяти, и въ широту десяти лактей* (Зах.

v, 1, 2), и отъ пророка, учившаго ихъ, слышали, что *сія клятва, исходящая на лице земли и* входящая въ *домъ кленущагося во лжу, и вселится посредѣ* [*дому его*], *и скончаетъ его, и древа его и каменія его* (ст. 3, 4). При чтеніи этихъ словъ въ свое время [1]), мы изслѣдовали, почему (Господь) губитъ не только самого клянущагося, а разрушаетъ и домъ его, и указывали причину этого въ томъ, что Богъ хочетъ, чтобы наказанія за тягчайшія преступленія навсегда оставались, дабы всѣ послѣ этого были благоразумны. А такъ какъ клятвопреступникъ по смерти неизбѣжно погребается и предается нѣдрамъ земли, то чтобы не похоронить вмѣстѣ съ тѣломъ и его нечестіе, Богъ и сдѣлалъ самый домъ могильнымъ памятникомъ, именно для того, чтобы всѣ проходящіе, видя его и зная причину разрушенія, бѣжали подражанія грѣху. Это случилось и съ содомлянами: когда они возгорѣлись похотью другъ на друга, сожжена была и сама земля ниспосланнымъ съ небесъ огнемъ, такъ какъ Богъ хотѣлъ, чтобы наказаніе и за этотъ грѣхъ пребывало постоянно (Быт. xix). И замѣть человѣколюбіе Бога: не самихъ грѣшниковъ заставилъ Онъ непрестанно горѣть въ огнѣ до настоящаго дня, но попаливъ ихъ разъ навсегда пожаромъ, сожегъ лицо земли и выставилъ его на видъ всѣмъ желающимъ послѣ того видѣть; и теперь видъ той земли блистательнѣе всякаго голоса убѣждаетъ всѣ послѣдующія поколѣнія, какъ бы взывая и говоря: не дерзайте на дѣла содомлянъ, чтобы не потерпѣть наказаній содомлянъ. Рѣчь, въ самомъ дѣлѣ, не такъ поражаетъ умъ, какъ ужасающій видъ, постоянно носящій слѣды несчастія. Это могутъ засвидѣтельствовать и побывавшіе въ тѣхъ странахъ; прежде, не смотря на то, что имъ часто приходилось слышать объ этомъ при чтеніи Писанія, они боялись не особенно сильно, а когда побывали и прошли ту страну, видѣли совершенное ея опустѣніе, созерцали слѣды пожара и нигдѣ не замѣчали настоящей земли, а все лишь золу и пепелъ, они уходили съ ужасомъ, получивъ отъ этого зрѣлища великій урокъ благоразумія, такъ какъ самый способъ казни напомнилъ образъ грѣха. Какъ тѣ ввели смѣшеніе бездѣтное, не завершавшееся чадорожденіемъ, такъ точно и Богъ навелъ мщеніе, которое сдѣлало чрево земли разъ навсегда бездѣтнымъ и лишеннымъ всякихъ плодовъ. Поэтому-то Богъ угрожаетъ разрушить и дома клянущихся, дабы чрезъ ихъ наказаніе сдѣлать другихъ болѣе благоразумными.

3. А я укажу вамъ сегодня не одинъ, и не два, и не три дома, разрушенныхъ за клятву, а цѣлый городъ и народъ бого-

---

[1]) Бесѣда xv, 5.

любезный, племя, всегда пользовавшееся особеннымъ попеченіемъ Промысла, и родъ, избѣжавшій многихъ опасностей. Въ самомъ дѣлѣ, — Іерусалимъ, градъ Божій, имѣвшій святой кивотъ и все его служеніе, городъ, гдѣ были пророки и благодать Духа, и кивотъ, и скрижали завѣта, и стамна златая, гдѣ часто появлялись ангелы, — этотъ самый городъ, не смотря на безконечное множе- 192
ство случавшихся войнъ и многочисленныя нападенія на него варваровъ, какъ будто окруженный стальною стѣной, всегда лишь смѣялся надъ всѣми этими (врагами), и въ то время, какъ вся страна была уже разорена, онъ одинъ не потерпѣлъ никакого несчастія. Еще удивительнѣе то, что онъ даже прогонялъ враговъ, часто нанося имъ тяжкіе удары, и пользовался у Бога столь великимъ попеченіемъ, что Самъ Богъ говорилъ: *яко грезнъ въ пустыни обрѣтохъ Израиля, и яко стража на смоковницѣ раннюю увидѣхъ отцы ихъ»* (Ос. IX, 10); и относительно, затѣмъ, самаго города: *имъ же образомъ обрѣтается ягода на грезнѣ и рекутъ: не погуби его* (Ис. LXV, 8). И все-таки этотъ возлюбленный Богомъ городъ, избѣжавшій и столь многихъ опасностей, и получившій прощеніе за многія преступленія, и одинъ лишь смогшій избѣжать плѣненія, въ то время какъ всѣ остальные были плѣнены не разъ, не два, а многократно, былъ низринутъ за одну только клятву. Какъ (именно), объ этомъ я сейчасъ скажу. Сталъ у нихъ царемъ нѣкто Седекія. Этотъ Седекія далъ Навуходоносору, варварскому царю, клятву, оставаться его союзникомъ; послѣ этого измѣнилъ и перебѣгъ на сторону царя египетскаго, показавъ полное презрѣніе къ клятвѣ, и потерпѣлъ то̀, что̀ сейчасъ вы услышите. Но напередъ необходимо сказать самую притчу пророка, которою онъ предуказывалъ все это. *Бысть слово Господне,* говоритъ пророкъ, *ко мнѣ, глаголя: сыне человѣчь, повѣждь повѣсть и рцы притчу, и речеши: сія глаголетъ Адонаи Господь: орелъ великій, великокрилый, долгій протяженіемъ, исполнь ногтей* (Іезек. XVII, 1—3). Здѣсь пророкъ назвалъ орломъ царя вавилонскаго, а великимъ и великокрылымъ и долгимъ по протяженію и исполненнымъ ногтей наименовалъ его по множеству войскъ, силѣ могущества и быстротѣ нападенія, потому что подобно тому, какъ для орла крылья и ногти служатъ оружіемъ, такъ и у царей таковымъ являются воины и кони. Итакъ, этотъ орелъ, говорится, *имать повелѣніе внити въ Ливанъ* (ст. 3). Что̀ значитъ: *повелѣніе?*—Рѣшеніе, твердое намѣреніе. А Ливаномъ пророкъ назвалъ Іудею, потому что послѣдняя лежитъ подлѣ этой горы. Затѣмъ, намѣреваясь говорить о клятвѣ и договорѣ, (пророкъ) продолжаетъ: *и взя отъ сѣмене земнаго и даде на поли плоднѣ да утвердитъ кореніе надъ водами многими, видно учини е.*

И прозябе, и бысть въ виноградъ немощенъ и малъ величествомъ, еже являтися лозіямъ его на немъ, и кореніе его подъ нимъ бяше (ст. 5—6) [1]. Здѣсь виноградомъ пророкъ назвалъ городъ Іерусалимъ, а указаніемъ на то, что лозы его лежали надъ самимъ орломъ, а корни его были внизу послѣдняго, пророкъ означалъ договоръ и союзъ съ нимъ, и что онъ самъ подчинилъ себя ему. Затѣмъ, желая указать беззаконіе, (пророкъ) говоритъ: *И бысть орелъ другій*,—говоря о царѣ египетскомъ,—*великъ, великокрилый, многъ ногтми, и виноградъ сей оплетаяся объ немъ, и оплетеніе его на немъ* [2]*), и лозіе свое испусти, еже напаяти себе. Сего ради рцы: сія глаголетъ Адонаи Господь: еда исправится* (ст. 7, 9), т. е. преступившій договоръ и клятвы будетъ ли въ силѣ устоять, спастись и не пасть? Затѣмъ, показавъ, что этого не будетъ, и городъ непремѣнно погибнетъ за клятвопреступленіе, (пророкъ) разсуждаетъ о самомъ наказаніи и называетъ причину: *не кореніе ли мягкоты его, и плодъ изгніетъ, и изсхнутъ вся лѣторасли его* (ст. 9)? И желая показать, что онъ будетъ разрушенъ
193 не человѣческою силой, но (именно) потому, что чрезъ клятвопреступленіе онъ сдѣлалъ себѣ врагомъ Бога, (пророкъ) присовокупилъ: *не мышцею ли великою, ни людми многими, еже исторгнути его изъ коренія его* (ст. 9). Такова притча. Далѣе пророкъ разъясняетъ ее, говоря такъ: *се грядетъ царь вавилонскъ на Іерусалимъ* (ст. 12). Затѣмъ, сказавъ далѣе кое о чемъ другомъ, (пророкъ) говоритъ о клятвѣ и союзѣ: *завѣщаетъ*, — говоритъ, — *съ нимъ завѣтъ* (ст. 13); затѣмъ, указывая на измѣну, говоритъ: *и отвержется отъ него, посылая послы своя во Египетъ, дати ему кони и люди многи* (ст. 15), и вслѣдъ за этимъ, показывая, что вся гибель происходитъ за клятвопреступленіе, присовокупляетъ: *аще не на мѣстѣ, идѣже царь воцаривый его, иже похули клятву мою и иже преступи завѣтъ мой съ нимъ средѣ Вавилона скончается. И не въ силѣ велицѣй, ниже въ народѣ мнозѣ. И похули клятву, еже преступити завѣтъ мой. Аще не клятву мою, юже похули, и завѣтъ мой, его же преступи, дамъ на главу его, и простру мрежу мою нань* (ст. 16—20). Видишь, какъ не одинъ, не два раза, а многократно говоритъ Господь, что Седекія терпитъ все это за клятвопреступленіе: неумолимъ Богъ,

[1]) Послѣднія слова 6-го ст. читаются въ текстѣ LXX: τοῦ ἐπιφαίνεσθαι αὐτῇ (ἀμπέλῳ) τὰ κλήματα αὐτῆς (ἀμπέλου) ἐπ'αὐτὴν καὶ αἱ ῥίζαι αὐτῆς ὑποκάτω αὐτῆς (ἀμπέλου) ἦσαν; въ текстѣ Злат. вмѣсто ἐπ'αὐτὴν и ὑποκάτω αὐτῆς читается: ἐπ αὐτὸν (ἀετὸν), ὑποκάτω αὐτοῦ (ἀετοῦ), т. е. лозы его (винограда) на немъ (орлѣ) и корни его (винограда) подъ нимъ (орломъ) были.

[2]) Этимъ словамъ (и оплетеніе его на немъ, καὶ ὁ ἕλιξ αὐτῆς ἐπ αὐτὸν) въ слав. соотвѣтствуютъ: «и кореніе его къ нему» (καὶ αἱ ῥίζαι αὐτῆς πρὸς αὐτὸν).

когда позорятъ клятву. Съ какою ревностью заботится Богъ о томъ, чтобы не попирались клятвы, это можно видѣть не только изъ наказанія, наведеннаго на городъ за клятвопреступленіе, но и изъ того, что Богъ медлитъ (наказаніемъ) и даетъ срокъ (на исправленіе). *Бысть*, говорится, *въ девятое лѣто царства Седекіи, въ мѣсяцъ вторый, въ десятый день мѣсяца* [1]), *пріиде Навуходоносоръ царь вавилонскій и вся сила его на Іерусалимъ; и обступи его и созда окрестъ его бойницы, и бысть градъ во облеженіи до первагонадесять лѣта Седекіи царя, девятаго дне мѣсяца, и превозможе гладъ во градѣ семъ и не бысть хлѣба ясти людемъ, и разсѣдеся градъ* (4 Царств. xxv, 1—4). Конечно, Богъ могъ бы тотчасъ же съ перваго дня предать ихъ и подчинить власти враговъ, но Онъ соизволилъ въ теченіе трехъ лѣтъ помедлить и заставилъ ихъ испытать тягчайшую осаду, для того именно, чтобы они, тѣснимые и извнѣ—страхомъ предъ врагами, и извнутри—голодомъ, одержащимъ городъ, принудили царя, хотя бы и противъ воли, подчиниться иноплеменнику, и чтобы такимъ образомъ нѣсколько ослабилось преступленіе. А что это правда, а не моя догадка, послушайте, что говоритъ ему Богъ чрезъ пророка: *аще изыдеши къ воеводамъ царя вавилонска, жива будетъ душа твоя и градъ сей не пожжется огнемъ, и живъ будеши ты и домъ твой. Аще же не изыдеши ты ко княземъ царя вавилонска, предастся градъ сей въ руцѣ Халдейстѣ и пожгутъ его, и ты не спасешися отъ руки ихъ. И рече царь: азъ опасеніе имамъ отъ Іудеевъ, избѣжавшихъ ко Халдеемъ, да не предадутъ мя въ руцѣ ихъ и поругаются ми. И рече Іеремія: не предадятъ тебе; послушай словесе Господня, еже азъ глаголю тебѣ, и лучше ти будетъ и жива будетъ душа твоя. И аще не восхощеши изыти, сіе слово, еже сказа мнѣ Господь: вся жены, оставшыяся въ дому царя Іудина, изведутся ко княземъ царя вавилонска, и тыя глаголютъ: прельстиша тя и премогоша тя мужи мирницы твои, и ослабиша во поползновеніихъ ногу твою, и отвратишася отъ тебе, и вся жены твоя изведутъ ко Халдеемъ: и ты не* 194 *утечеши отъ руки ихъ, яко рукою царя вавилонска ятъ будеши, и градъ сей пожжется огнемъ* (Iерем. xxxviii, 17—23). Но когда пророкъ этими словами не убѣдилъ Седекію, и послѣдній остался во грѣхѣ и беззаконіи, то черезъ три года Богъ предалъ городъ, показавъ и свое человѣколюбіе и неразуміе царя. Войдя съ великой легкостью, (враги) сожгли домъ Господень, и домъ

[1]) Въ слав. пер.: «бысть въ лѣто девятое царства его, въ мѣсяцъ десятый пріиде... Греч. (LXX) изд. 1810 г. ἐν τῷ μηνὶ τῷ δεκάτῳ ἑνδεκάτῃ τοῦ μηνός (одиннадцатый день мѣсяца).

царя, и домы Іерусалима, и начальникъ тѣлохранителей всѣ большія зданія сожегъ и разрушилъ стѣны Іерусалима, и повсюду былъ огонь варварскій, потому что клятва руководила пожаромъ и вездѣ разносила пламень. И остатокъ народа, бывшій въ городѣ, и перешедшихъ къ царю (вавилонскому) выселилъ начальникъ тѣлохранителей. *И столпы мѣдяна въ храмѣ Господни сокрушиша Халдеи, и подставы, и море мѣдяное въ храмѣ Господни сокрушиша Халдеи. И конобы и котлы, и фіалы, и кадилницы, и вся сосуды мѣдяныя, въ нихъ же служаху, взяша. И кадилницы, и фіалы златыя и серебряныя взяша, и столпы два, и подставы, и море, еже сотвори Соломонъ въ храмѣ Господни, взя Навузарданъ архимагиръ; и поятъ Сареа жерца перваго, и Сафана* [1]) *жерца втораго, и три стражи вратныя, и отъ града скопца единаго, поставленнаго надъ мужи военными, и пять мужей предстоящихъ предъ лицемъ царевымъ, и Сафана архистратига* [2]), *и книгочію и шестьдесятъ мужей; и поятъ я и приведе я къ царю вавилонскому, и порази ихъ царь и умори я* (4 Цар. xxv, 13—16, 18—21). Итакъ, вспомните теперь о серпѣ летящемъ и вселяющемся въ домѣ клятвопреступника, и разрушающемъ стѣны и дерево и камень. Вспомните, какъ эта клятва, войдя въ городъ, разрушила и дома, и храмъ, и стѣны, и блестящія зданія, и превратила городъ въ могилу; и ни Святое Святыхъ, ни священные сосуды, ни что другое не отстранило казни и мщенія за преступленіе клятвы. Такъ несчастно разрушенъ былъ городъ. Но самъ царь потерпѣлъ судьбу еще болѣе жалкую и скорбную. И подобно тому, какъ тотъ летящій серпъ истребилъ зданія, такъ точно онъ поразилъ и этого, когда онъ бѣжалъ. *Изыде*,—говорится,—*царь нощію путемъ вратъ и Халдеи окрестъ града бѣша, и погна сила Халдейская во слѣдъ царя, и яша его; и пояша царя, и приведоша его къ царю вавилонску, и глагола царь вавилонскій судъ съ Седекіею, и закла сыны его предъ лицемъ его и очи Седекіины избоде, и связа его узами и отведе его въ Вавилонъ* (ст. 4—7). Что̀ значитъ: *глагола съ нимъ судъ?*—Онъ потребовалъ у него отчета, разсудился съ нимъ, и сначала закололъ его дѣтей, чтобы онъ былъ зрителемъ своего несчастія и видѣлъ это жалостное и ужасное событіе, а потомъ ослѣпилъ уже и его. Для чего, опять, совершается это? Для того, чтобы онъ отправился къ варварамъ и обитающимъ тамъ іудеямъ въ качествѣ учителя, и чтобы взирающіе познали чрезъ ослѣпленнаго, какое зло есть клятвопреступленіе, да не только

[1]) τὸν Σαφὰν; въ слав. «Софонію» (Σοφονίαν).

[2]) Словъ «Сафана архистратига» совершенно нѣтъ въ слав. переводѣ, равно какъ и у LXX.

эти, а чтобы и всѣ, обитающіе по пути, видя связаннаго и ослѣпленнаго, познали изъ этого несчастія тяжесть грѣха. Посему-то 195
одинъ изъ пророковъ говоритъ: *не узритъ* (Седекія) *Вавилона* (Іезек. XII, 13), а другой, что *отведется въ Вавилонъ* (Иерем. XXXII, 5). Повидимому, пророчество противорѣчиво. Однако нѣтъ,— истинно и то, и другое. Дѣйствительно, Вавилона (Седекія) не видѣлъ, но въ то же время былъ и отведенъ въ Вавилонъ. Итакъ, какъ онъ не видѣлъ Вавилона? А такъ, что въ Іудеѣ онъ подвергся ослѣпленію, потому что здѣсь вѣроломно нарушена была клятва, здѣсь же она и отмщена, и самъ онъ потерпѣлъ казнь. А какъ отведенъ былъ въ Вавилонъ?—Ставши плѣнникомъ. Такъ какъ, слѣдовательно, было два наказанія—ослѣпленіе и плѣнъ, то пророки и раздѣлили ихъ, и одинъ, указывая на его ослѣпленіе, говоритъ: *не узритъ Вавилона*, а другой, намекая на его плѣненіе, говоритъ: *отведется въ Вавилонъ*.

4. Итакъ, братія, зная это и вспоминая сказанное раньше, отстанемъ наконецъ отъ дурной этой привычки; вотъ о чемъ прошу и умоляю всѣхъ васъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда отъ іудеевъ не требовалось совершенной мудрости, а допускались во многомъ послабленія, за одно только клятвопреступленіе постигъ столь великій гнѣвъ, такое разграбленіе и плѣнъ, то что̀ придется потерпѣть тѣмъ, которые клянутся теперь, послѣ явленія закона, запрещающаго дѣлать это, и такого восполненія заповѣдей? Развѣ отъ насъ требуется лишь то, чтобы мы пришли въ собраніе и прослушали то, о чемъ говорится здѣсь? Если мы, постоянно слушая, не исполняемъ того, что̀ говорится,—это поведетъ лишь къ бо̀льшему осужденію и неумолимому наказанію. Какое оправданіе и какое извиненіе будетъ у насъ, когда мы, съ ранняго возраста и до послѣдняго дня жизни собираясь здѣсь и получая такія наставленія, остаемся подобными тѣмъ (іудеямъ) и не стараемся исправить ни одного недостатка? Не указывай мнѣ на привычку. Я только негодую и сержусь, когда говорятъ, будто привычки мы побѣдить не можетъ: если мы не побѣдимъ привычки, то какъ станемъ выше похоти? Корень послѣдней имѣетъ свое начало въ самой природѣ, потому что (имѣть) желаніе естественно; но желать дурного—во всякомъ случаѣ—дѣло свободной воли; а что̀ до клятвы, то она получила начало даже и не въ свободной волѣ, а въ одномъ лишь легкомысліи.

И чтобы тебѣ знать, что не вслѣдствіе трудности дѣла, а благодаря лишь нашему легкомыслію до такой степени распространился этотъ порокъ, поразмыслимъ, какъ много гораздо болѣе трудныхъ дѣлъ совершаютъ люди, и притомъ не ожидая отсюда никакой награды. Поразмыслимъ, какія дѣла предписалъ діаволъ,

сколько требуютъ они труда, какъ много усилій; и однако трудность не послужила препятствіемъ къ исполненію этихъ предписаній. Скажи мнѣ, что̀ можетъ быть труднѣе, какъ когда какой-нибудь юноша, отдавъ себя въ распоряженіе (людей), долженствующихъ размягчить его тѣло и сдѣлать гибкими его члены, ревностно старается изогнуть все тѣло въ точное подобіе колеса и вертѣться по полу, и вращеніемъ глазъ, поворотами рукъ и всякими другими ужимками силится уподобиться женщинѣ, и не размышляетъ ни о трудности, ни о постыдности подобныхъ занятій? Кто не поразится опять, видя на сценѣ плясуновъ, которые пользуются членами своего тѣла какъ бы крыльями? А тѣ, что̀ бросаютъ въ воздухъ одинъ за другимъ ножи, потомъ ловятъ всѣ ихъ за ручку, кого бы не въ состояніи были пристыдить изъ тѣхъ, кто не желаетъ поднять никакого труда ради добродѣтели? Или что̀ можно
196 бы сказать про тѣхъ мужей, которые, нося на челѣ шестъ, на подобіе какъ бы дерева, утвержденнаго корнями въ землѣ, такъ и сохраняютъ его въ неподвижномъ состояніи? И что̀ удивительно еще болѣе,—они заставляютъ даже на верху шеста бороться маленькихъ дѣтей; и ни руки, никакой другой членъ тѣла, а одинъ лишь лобъ надежнѣе любой привязи носитъ этотъ шестъ безъ колебаній. Иной, опять, по самой тонкой веревкѣ шагаетъ съ такимъ безстрашіемъ, съ какимъ люди проходятъ по ровной плоскости. И однако все это, кажущееся неудобопостижимымъ и для ума, стало возможнымъ для искусства. Скажи мнѣ, что̀ подобное можемъ сказать мы о клятвахъ? Какую укажемъ трудность? Какое усиліе? Какое искусство? Какую опасность? Намъ нужно только немного старанія, и все для насъ вскорѣ будетъ достигнуто. И не говори мнѣ, что бо̀льшую часть ты уже исполнилъ: если ты не исполнилъ всего, считай, что ты рѣшительно ничего не сдѣлалъ, потому что это немногое, оставленное безъ вниманія, уничтожаетъ и все остальное. Часто вѣдь люди, построивъ домъ и наложивъ крышу, но не обративъ вниманія на одну лишь ниспавшую черепицу, губили весь домъ. То же самое можно наблюдать и на одеждахъ: и тутъ случившійся маленькій разрывъ, не будучи зашитъ, производитъ огромную прорѣху. Это часто бываетъ и съ потоками, такъ какъ и эти, разъ захватятъ только маленькій входъ, тотчасъ же введутъ и всю воду. Поэтому и ты, если и отовсюду оградилъ себя, а маленькая часть остается безъ защиты, то и эту послѣднюю огради отъ діавола, чтобы тебѣ быть обезопашеннымъ отовсюду. Видѣлъ серпъ? Видѣлъ главу Іоанна? Слышалъ исторію съ Сауломъ? Слышалъ объ образѣ плѣненія іудейскаго? Вмѣстѣ съ тѣмъ слышалъ изреченіе Христа, гласящее, что не только клятвопреступленіе, а и клятва чѣмъ бы то ни было есть дѣло діавольское и всецѣло изобрѣтеніе врага (Матѳ.

v, 33, 34)? Узналъ ты, что за клятвою всюду слѣдуетъ клятвопреступленіе? Итакъ, собери все это и напиши въ умѣ своемъ. Не видишь, какъ женщины и малыя дѣти привѣшиваютъ къ шеѣ Евангелія въ качествѣ великой охраны, и носятъ ихъ повсюду, куда бы ни пошли? А ты заповѣди и законы евангельскіе начертай въ своемъ умѣ. Тутъ не надо золота и денегъ, не требуется покупать и книгу, а нужно лишь одно произволеніе и расположеніе воодушевленной души,—и будешь имѣть вѣрнѣйшее Евангелія, нося его не совнѣ, а слагая его внутри, въ тайникахъ души. Посему, вставъ съ постели и выходя изъ своего дома, приводи себѣ на память слѣдующій законъ: *Я же глаголю вамъ не клятися всяко* (Матѳ. v, 34), и будетъ тебѣ это изреченіе вмѣсто поученія; не нужно много труда, а только немного вниманія. А что это правда, очевидно вотъ откуда. Призвавъ своего сына, постращай и погрози немного посѣчь его, если онъ не исполнитъ этого закона,—и увидишь, какъ онъ тотчасъ же отстанетъ отъ привычки. Какъ, поэтому, не безразсудно, если малыя дѣти, боясь нашего страха, исполняютъ заповѣдь, а мы даже и такъ не боимся Бога, какъ боятся насъ сыновья! Итакъ, что̀ я говорилъ раньше, то же самое говорю и теперь. Положимъ себѣ законъ—не заниматься ни публичными, ни частными дѣлами до тѣхъ поръ, пока не выполнимъ этого закона, а побуждаемые вся- 197
чески необходимостью, мы легко достигнемъ успѣха и украсимъ себя, украсимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весь городъ. Поразмысли только, чего бы стоило, если бы по всей вселенной разнесся слухъ о томъ, что въ Антіохіи господствуетъ обычай, свойственный христіанамъ, что тамъ не встрѣтишь ни одного человѣка, который бы произнесъ клятву, хотя бы настояла въ томъ и крайняя нужда. Безъ сомнѣнія, объ этомъ услышали бы сосѣдніе города, вѣрнѣе же не только сосѣдніе, а и до самыхъ концовъ земли дошла бы молва, такъ какъ естественно, что и торговцы, имѣющіе съ вами сношенія, и другіе, приходящіе оттуда, разсказали бы обо всемъ этомъ. Многіе, когда хвалятъ другіе города, указываютъ на гавани, на рынокъ, на богатство товаровъ: дайте же приходящимъ сюда возможность говорить, что того, что̀ есть въ Антіохіи, нельзя видѣть нигдѣ въ другихъ городахъ, такъ какъ люди, оби- 198
тающіе въ этомъ городѣ, предпочтутъ скорѣе вырѣзать языкъ, чѣмъ произнесть клятву. Это намъ будетъ украшеніемъ и твердыней; мало того—доставитъ еще и великую награду, такъ какъ несомнѣнно, что вамъ станутъ соревновать и подражать другіе. А если пріобрѣтшій даже одного или двоихъ получитъ у Бога великую награду, то какого вознагражденія не получите вы, воспитывающіе всю вселенную? Итакъ, должно стараться бодрствовать

и трезвиться, зная, что мы получимъ величайшее воздаяніе не только за собственное исправленіе, но и за исправленіе другихъ, и найдемъ великое благоволеніе у Бога, которое всѣ мы непрестанно получая, да достигнемъ царства небеснаго во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДВАДЦАТАЯ.

О томъ, что поста четыредесятницы недостаточно для приготовленія къ пріобщенію, а требуется преимущественно душевная добродѣтель; также о томъ, какъ возможно не злопамятствовать,—что у Бога много значитъ этотъ законъ, и что злопамятство, еще до геенны, наказываетъ преданныхъ ему; наконецъ, о воздержаніи отъ клятвъ, и о не переставшихъ клясться.

Время подходитъ у насъ уже къ концу поста: посему и мы предадимся большей (ревности о) добродѣтели. Какъ бѣгущимъ (на ристалищѣ) нѣтъ никакой прибыли (отъ того, что бѣгутъ), если они не получаютъ наградъ; такъ и намъ не будетъ никакой пользы отъ множества трудовъ и подвиговъ въ теченіе поста, если не будемъ въ состояніи вкусить священной трапезы съ чистою совѣстію. Для того и постъ и четыредесятница, и столь многодневныя собранія и бесѣды, и молитвы и поученія, чтобы мы, такою ревностію о божественныхъ заповѣдяхъ смывъ приставшіе къ намъ въ теченіе цѣлаго года грѣхи, съ духовнымъ дерзновеніемъ пріобщились благоговѣйно безкровной той жертвы: иначе, напрасно, и безъ цѣли, и безъ всякой пользы подъяли мы столько труда. Итакъ, каждый пусть подумаетъ самъ съ собою, какой недостатокъ исправилъ, какое доброе качество пріобрѣлъ, какой грѣхъ откинулъ, какое пятно смылъ, въ чемъ сдѣлался лучше. И, если онъ найдетъ, что отъ поста у него оказалась прибыль въ этой прекрасной куплѣ, и убѣдится, что много позаботился о своихъ ранахъ, то пусть приступаетъ. Но, если онъ былъ безпеченъ, и можетъ похвалиться только постомъ, а ни одного изъ добрыхъ дѣлъ не сдѣлалъ, то пусть остается внѣ, и войдетъ тогда, когда очистится отъ всѣхъ грѣховъ. Пусть никто не надѣется на одинъ постъ, если только онъ остался безъ исправленія въ грѣхахъ. Не постящійся можетъ получить извиненіе, ссылаясь на немощь тѣлесную, но не исправившемуся въ грѣхахъ нельзя получить оправданія.

Ты не постился по немощи плоти; а для чего не примирился съ врагами своими, скажи мнѣ? И здѣсь не хочешь ли сослаться на слабость тѣла? Опять, если ты питаешь зависть и злобу,—чѣмъ станешь оправдываться, скажи мнѣ? Въ (оправданіе) этихъ пороковъ никакъ нельзя ссылаться на немощь тѣлесную. И это было дѣломъ человѣколюбія Христова, что главнѣйшія и служащія опорою нашей жизни заповѣди нисколько не терпятъ отъ немощи тѣла. Итакъ, если и всѣ священные законы одинаково необходимы намъ, но болѣе всѣхъ тотъ, который повелѣваетъ не имѣть ни съ кѣмъ вражды, и не оставаться навсегда во гнѣвѣ, но тотчасъ примиряться; то вотъ мы сегодня и побесѣдуемъ съ вами объ этой заповѣди. Въ самомъ дѣлѣ, если блудодѣю и богохульнику невозможно быть причастникомъ священной трапезы,—тѣмъ болѣе имѣющему врага и злопамятствующему невозможно вкусить святаго причастія. И весьма справедливо! Блудникъ и любодѣй, лишь только удовлетворилъ похоть, то и положилъ конецъ грѣху; и если, воспрянувъ, захочетъ возстать отъ паденія и обнаружить потомъ великое раскаяніе, то получаетъ нѣкоторое облегченіе; но злопамятствующій каждый день дѣлаетъ грѣхъ, и никогда не кончаетъ его. Тамъ сдѣлано преступленіе, и конченъ грѣхъ: здѣсь каждодневно совершается грѣхъ. Итакъ, какое найдемъ мы, скажи мнѣ, извиненіе, добровольно отдаваясь такому злому звѣрю? И какъ хочешь ты, чтобы Господь былъ къ тебѣ снисходителенъ и кро- 198
токъ, когда самъ ты жестокъ и неумолимъ къ подобному тебѣ рабу? Но этотъ рабъ оскорбилъ тебя? И ты часто оскорбляешь Бога. Какое же сравненіе между подобнымъ тебѣ рабомъ и Господомъ? Притомъ, можетъ быть, тотъ оскорбилъ тебя, будучи самъ обиженъ тобою, и ты пришелъ въ раздраженіе; но самъ ты оскорбляешь Господа, не потерпѣвъ отъ Него вреда и оскорбленія, а получая каждодневно благодѣянія. Подумай же, что, если Богъ захочетъ строго взыскивать за все, что ни дѣлается противъ Него, мы не проживемъ и одного дня. *Аще беззаконія*, говоритъ пророкъ, *назриши*, *Господи*, *кто постоитъ* (Пс. cxxix, 3)? Не говорю уже о всѣхъ другихъ грѣхахъ, которые знаетъ только совѣсть грѣшника, и свидѣтель которыхъ одинъ Богъ, а изъ людей никто: если бы потребовался у насъ отчетъ въ этихъ явныхъ и открытыхъ грѣхахъ,—чѣмъ бы мы извинились въ нихъ? Если бы Богъ сталъ взыскивать за наше нерадѣніе и безпечность въ молитвахъ,—за то, что, стоя предъ Богомъ и молясь Ему, не оказываемъ Ему и такого благоговѣнія и почтенія, какое оказываютъ рабы господамъ, воины начальникамъ, друзья друзьямъ? Когда ты разговариваешь съ другомъ, то дѣлаешь это со вниманіемъ; а когда молишься Богу о грѣхахъ, просишь прощенія столь многихъ

беззаконій, и умоляешь о дарованіи тебѣ помилованія, то нерѣдко дѣлаешь это съ небреженіемъ, и, между тѣмъ какъ колѣна твои преклонены на землю, уму своему ты позволяешь блуждать по площади и дома, такъ что уста твои произносятъ слова безъ смысла и безъ цѣли; и такъ дѣлаемъ мы не одинъ разъ и не два, но многократно. Если бы за это одно Богъ захотѣлъ взыскать съ насъ, нашли ли бы мы извиненіе? Могли ли бы оправдаться? Не думаю.

2. Что же, если Онъ выведетъ наружу тѣ злыя рѣчи, которыя мы каждый день говоримъ другъ о другѣ, и тѣ неумѣстныя сужденія, которыя произносимъ о ближнемъ, не по какому-либо дѣлу, но по склонности осуждать и порочить (другихъ): что можемъ тогда сказать въ свое оправданіе? А если станетъ разбирать наши пытливые взгляды, и злыя похоти, возбуждаемыя въ нашемъ сердцѣ, когда отъ непозволительнаго блужданія очей получаемъ мы скверные и нечистые помыслы: какому подвергнемся наказанію? Опять, если потребуетъ у насъ отвѣта за бранныя слова (*иже бо*, сказано, *аще речетъ брату своему, уроде, повиненъ есть геенн*ѣ *огненней* (Матѳ. v, 22): можемъ ли мы открыть уста, или даже заикнуться и сказать противъ этого что-нибудь — малое или великое? А тщеславіе, какое выказываемъ и въ молитвѣ, и въ постѣ, и при подаяніи милостыни, если станемъ разбирать, не говорю — Богъ, но мы сами — грѣшники: будемъ ли въ состояніи взглянуть на небо? А коварства, какія сплетаемъ мы другъ противъ друга, когда то хвалимъ брата въ глаза и говоримъ съ нимъ подружески, то хулимъ за глаза? Вынесемъ ли должныя за нихъ наказанія? Что сказать о клятвахъ, о лжи, о клятвопреступленіяхъ, о несправедливомъ гнѣвѣ, о зависти, какую часто питаемъ къ счастливымъ, не только ко врагамъ, но и друзьямъ? Также о томъ, что радуемся несчастію другихъ и чужое горе почитаемъ облегченіемъ нашего?

Что потерпимъ, если (Богъ) потребуетъ у насъ отвѣта за ту небрежность, какую показываемъ въ церковныхъ собраніяхъ? Вы
200 знаете, что нерѣдко, когда самъ Богъ говоритъ ко всѣмъ намъ чрезъ пророка, мы въ это время ведемъ большіе и длинные разговоры съ ближнимъ о вещахъ, нисколько до насъ не касающихся. Какая же будетъ у насъ надежда на спасеніе, если Онъ, оставя все прочее, захочетъ наказать насъ за одинъ этотъ грѣхъ? Не сочти его за маловажный проступокъ, но, если хочешь видѣть тяжесть его, разсмотри этотъ самый проступокъ по отношенію къ людямъ — и тогда увидишь тяжесть грѣха. Осмѣлься, когда говоритъ съ тобою начальникъ, или даже какой другъ изъ числа болѣе почетныхъ, — осмѣлься, оставивъ его, разговаривать съ своимъ слугой: тогда увидишь, на какую дерзость отваживаешься, дѣлая

это по отношенію къ Богу. Тотъ, если будетъ изъ числа болѣе знатныхъ, подвергнетъ тебя и наказанію за оскорбленіе; а Богъ, хотя каждодневно терпитъ столь много, и еще болѣе этихъ оскорбленій, не отъ одного, не отъ двухъ и трехъ человѣкъ, но отъ всѣхъ почти насъ, однако переноситъ долготерпѣливо, и не только эти, но и другія, болѣе тяжкія оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, это грѣхи явные и вѣдомые всѣмъ, и почти всѣми дѣлаемые; но есть еще другіе грѣхи, о которыхъ знаетъ только совѣсть грѣшниковъ. Если подумаемъ и размыслимъ обо всѣхъ ихъ, то хотя бы мы были самые жестокіе и грубые люди, разсмотрѣвъ множество грѣховъ своихъ, отъ страха и тоски не въ силахъ будемъ и вспомнить о нанесенной намъ другими обидѣ. Вспомни объ огненной рѣкѣ, о ядовитомъ червѣ, о страшномъ судѣ, на которомъ все будетъ обнажено и объявлено, подумай, что скрываемое теперь открыто будетъ тогда. И вотъ, если простишь ближнему согрѣшенія, все это, чему предстоитъ тогда открыться, изгладится здѣсь, и ты отойдешь отсюда, не влача за собою ни одного изъ грѣховъ твоихъ,—такъ что ты (прощая) больше получаешь, нежели даешь. Много, конечно, сдѣлали мы такихъ грѣховъ, о которыхъ никто изъ постороннихъ не знаетъ: поэтому, отъ мысли, что въ тотъ день, на всеобщемъ зрѣлищѣ вселенной, наши грѣхи будутъ открыты предъ всѣми, мы страдаемъ болѣе, нежели отъ самаго наказанія, будучи мучимы и терзаемы совѣстію. Но такой стыдъ, такіе грѣхи, такое наказаніе можно отвратить прощеніемъ ближнему: нѣтъ ничего равнаго этой добродѣтели. Хочешь узнать силу этой добродѣтели? *Аще станутъ Моисей и Самуилъ предъ лицемъ Моимъ*, говоритъ Господь, *нѣсть душа Моя къ нимъ* (іудеямъ) (Iер. XV, 1). Однако кого Моисей и Самуилъ не могли спасти отъ гнѣва Божія, тѣхъ могла спасти эта заповѣдь (о прощеніи обидъ). Вотъ почему (Богъ) тѣмъ самымъ, о которыхъ сказалъ Онъ эти слова, постоянно внушалъ: *злобы кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ* (Зах. VII, 10); и: *кійждо злобы искреннято своего не помышляйте* (VIII, 17). Не сказалъ только—оставь, но—и въ умѣ не имѣй, и не помышляй, оставь весь гнѣвъ, истреби эту болячку. Ты думаешь, что мстишь врагу, но—прежде, чѣмъ его, ты мучишь себя, приставивъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ внутри, какъ палача, гнѣвъ, и терзая свою собственную утробу.

И что можетъ быть жалче человѣка, который непрестанно гнѣвается? Какъ бѣснующіеся никогда не бываютъ спокойны, такъ и злопамятливый и враждующій никогда не будетъ вкушать мира: онъ непрестанно воспламеняется, каждый день усиливаетъ бурю помысловъ, припоминая себѣ слова и дѣла оскорбителя своего и 201
раздражаясь при одномъ имени его. Произнеси только имя врага,—

онъ приходитъ въ ярость и терпитъ внутри сильную боль; увидитъ одно лице его,—пугается и трепещетъ, какъ будто подвергается крайнему бѣдствію. Даже если увидитъ кого изъ близкихъ къ нему, или его одежду, домъ, улицу: отъ всего этого терпитъ мученіе. Какъ при видѣ дружескихъ—и одеждъ, и лицъ, и обуви, и домовъ, и улицъ мы тотчасъ окрыляемся; такъ что ни увидимъ изъ принадлежащаго нашимъ врагамъ и непріятелямъ—слугу ли, друга ли, домъ, улицу, или другое что,—всѣмъ этимъ мы уязвляемся, и отъ каждаго изъ этихъ предметовъ бываютъ намъ частые, непрерывные удары.

3. Къ чему же такая досада, такое мученіе и наказаніе? Если бы и не угрожала злопамятливымъ геенна, то изъ-за того мученія, какое намъ причиняетъ вражда, надлежало бы прощать оскорбителямъ согрѣшенія: но, когда еще угрожаютъ безконечныя наказанія,—что можетъ быть безумнѣе, какъ, думая мстить врагу, наказывать самого себя и здѣсь и тамъ? Въ самомъ дѣлѣ, мы, увидимъ ли его счастливымъ, умираемъ съ печали; (увидимъ ли) несчастнымъ, боимся, чтобы не произошла какая-нибудь благопріятная перемѣна: а за то и другое готовится намъ неизбѣжное наказаніе. *Въ преткновеніи врага твоего*, сказано, *не возносися* (Притч. XXIV, 17). Не говори мнѣ о великости обиды: не она причиною твоей гнѣвливости, но то, что ты не помнишь о своихъ собственныхъ грѣхахъ и не имѣешь предъ очами геенны и страха Божія. Что это дѣйствительно такъ, я постараюсь доказать тебѣ событіями нашего города. Когда виновные въ законопреступныхъ тѣхъ дерзостяхъ приведены были въ судилище, когда огонь пылалъ внутри, и палачи стояли вокругъ и сѣкли по бокамъ; тогда, если бы кто изъ стоявшихъ тутъ сказалъ имъ со стороны: „если есть у васъ враги, перестаньте гнѣваться, и мы освободимъ васъ отъ этого наказанія"—не стали ли бы они цѣловать ноги? Если бы даже кто велѣлъ имъ пойти въ услуженіе къ нимъ,—и отъ этого не отказались бы. Если же человѣческое и конецъ имѣющее наказаніе можетъ обуздать гнѣвъ,—тѣмъ болѣе будущее наказаніе, если бы постоянно владѣло нашимъ умомъ, изгнало бы изъ души не только вражду, но и всякую злую мысль. И что легче, скажи мнѣ, какъ перестать гнѣваться на оскорбившаго? Развѣ нужно для этого пускаться въ дальній путь? Тратить деньги? Упрашивать другихъ? Довольно только захотѣть, и дѣло кончено. Какого же не заслуживаемъ мы наказанія, когда изъ-за мірскихъ дѣлъ оказываемъ и раболѣпную услужливость, и недостойную насъ угодливость, и тратимъ деньги, и разговариваемъ съ привратниками, чтобы только польстить негоднымъ людямъ, и все дѣлаемъ и говоримъ, лишь бы удалось наше предпріятіе; а ради

Божіихъ заповѣдей не хотимъ и попросить оскорбившаго насъ 202
брата, даже почитаемъ за стыдъ придти первыми? Того ли стыдишься, скажи мнѣ, что первый получишь пользу? Стыдиться должно противнаго—коснѣнія въ страсти (гнѣва) и выжиданія, чтобы оскорбившій пришелъ примириться: вотъ это для тебя и стыдъ, и позоръ, и вредъ величайшій; потому что, кто первый придетъ, тотъ все и получитъ. Если ты перестанешь гнѣваться, будучи упрошенъ другимъ, то ему и вмѣняется этотъ подвигъ, потому что ты исполнишь заповѣдь (о примиреніи) не изъ покорности Богу, а изъ угожденія тому человѣку. Но если тогда, когда никто не упрашивалъ тебя, когда и самъ оскорбитель не пришелъ къ тебѣ и не просилъ (прощенія), ты, выбросивъ изъ ума всякій стыдъ и всякую медлительность, самъ поспѣшишь къ оскорбившему тебя и прекратишь вражду, то этотъ подвигъ будетъ весь твой, и ты получишь всю награду. Если скажу я тебѣ—постись, ты представляешь мнѣ въ свое извиненіе немощь тѣлесную; если скажу—подавай бѣднымъ, указываешь на воспитаніе дѣтей и бѣдность; если скажу—ходи въ церковь,—на житейскія заботы; если скажу—слушай наставленія и понимай смыслъ поученія,—на свою простоту; если скажу—исправь другого, говоришь, что „онъ совѣтовъ моихъ не послушаетъ, потому что слова мои не разъ уже были не уважены". Пустые, конечно, это предлоги, но, по крайней мѣрѣ, можешь ты имѣть хоть предлогъ; а если скажу—перестань гнѣваться, на какой изъ этихъ предлоговъ можешь указать? Не можешь указать ни на слабость тѣла, ни на бѣдность, ни на простоту, ни на недосугъ, ни на что-либо другое: такъ, этотъ грѣхъ болѣе, чѣмъ всякій другой, не извинителенъ!

Какъ можешь ты простереть руки къ небу? Какъ повернуть языкъ? Какъ попросить о прощеніи? Если и захочетъ Богъ простить грѣхи твои, то самъ ты не позволяешь (простить), не прощая долговъ подобному тебѣ рабу. Но онъ жестокъ, суровъ и свирѣпъ,—онъ жаждетъ наказанія и мести? Поэтому-то особенно и прости. Много ты потерпѣлъ обидъ и лишеній, много безчестія и вреда въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, и поэтому хочешь видѣть врага наказаннымъ? И для этого опять тебѣ полезно простить. За что самъ ты отмстишь и отплатишь, словами ли, или дѣлами, или молитвою о наказаніи врага, за то Богъ не будетъ уже мстить, такъ какъ уже самъ ты наказалъ за себя; и не только не будетъ мстить (за тебя), но и тебя подвергнетъ наказанію, какъ оскорбленный (тобою).

4. И у людей бываетъ, что, когда мы ударимъ чужого слугу, господинъ его гнѣвается и считаетъ поступокъ нашъ за обиду себѣ, потому что, когда случится намъ потерпѣть оскорбленіе, отъ рабовъ ли, или отъ свободныхъ, мы должны искать суда у началь-

никовъ и у господъ. Если же и между людьми не безопасно самимъ мстить за себя, то тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ судитъ Богъ. Но ближній обидѣлъ и огорчилъ тебя, и сдѣлалъ тебѣ множество зла?

И въ этомъ случаѣ ты самъ не мсти ему, чтобы не оскорбить тебѣ своего Господа; предоставь Богу, и Онъ устроитъ дѣло гораздо лучше, нежели какъ тебѣ хочется. Тебѣ Онъ повелѣлъ только молиться за оскорбившаго, а какъ поступить съ нимъ, это по-
203 велѣлъ предоставить Ему. Самъ ты никогда не отмстишь за себя такъ, какъ Онъ готовъ отмстить за тебя, если только Ему предоставишь это,—если не будешь молиться о наказаніи оскорбившаго, но предашь судъ въ Его волю. Въ самомъ дѣлѣ, хотя бы мы и простили обидѣвшимъ, хотя бы примирились съ ними, хотя бы молились за нихъ, но, если они и сами не перемѣнятся и не сдѣлаются лучшими, Богъ не проститъ имъ, не проститъ, впрочемъ, для ихъ же пользы. Тебя онъ похвалитъ и одобритъ за любомудріе, а (врага) накажетъ, чтобы онъ не сдѣлался худшимъ отъ твоего любомудрія. Отсюда неосновательно мнѣніе толпы. Въ самомъ дѣлѣ многіе, на упрекъ съ нашей стороны въ томъ, что не внимали убѣжденію примириться съ врагами, нерѣдко представляли слѣдующее извиненіе,—которое есть не болѣе, какъ покрывало ихъ злости: „не хочу примириться (съ врагомъ), чтобы не сдѣлать его худшимъ и болѣе дерзкимъ, чтобы послѣ того онъ не сталъ меня презирать еще болѣе". А къ этому прибавляютъ еще и вотъ что: „многіе подумаютъ, будто я по слабости первый иду мириться и упрашиваю врага". Все это пустое: неусыпающее око видитъ твое расположеніе; поэтому не долженъ ты смотрѣть на подобныхъ тебѣ рабовъ, лишь бы тебѣ преклонить (къ себѣ) Судію, Который будетъ тебя судить. Если же опасаешься, чтобы врагъ изъ-за твоей кротости не сдѣлался худшимъ, то знай, что худшимъ онъ сдѣлается не въ этомъ случаѣ, а скорѣе въ томъ, если не примиришься съ нимъ. Будь онъ самый негодный человѣкъ, но, если и не словами, и не открыто, то по крайней мѣрѣ тайно одобритъ твое любомудріе, отдастъ честь твоей кротости въ совѣсти своей. Если же онъ, не смотря на (твои) доброту и угожденія, останется при той же злобѣ, то будетъ имѣть величайшаго мстителя въ Богѣ. И чтобы увѣриться вамъ, что и въ томъ случаѣ, когда мы будемъ молиться за враговъ и оскорбителей, Богъ не проститъ имъ, если они изъ-за нашего непамятозлобія сдѣлаются худшими, разскажу вамъ древнюю исторію. Осудила нѣкогда Маріамъ Моисея: что же Богъ?—Наслалъ на нее проказу и сдѣлалъ ее нечистою, хотя впрочемъ она была скромна и цѣломудренна. Потомъ, когда самъ оскорбленный Моисей просилъ прекратить гнѣвъ, Богъ не соизволилъ на это, но что сказалъ? *Аще*

бы отецъ ея плюя заплевалъ въ лице ея, не посрамится ли? Да отлучится седмь дней отъ полка (Числ. XII, 14). Смыслъ этого изреченія такой: „если бы у нея былъ отецъ, и наплевалъ ей въ лицо,—не перенесла ли бы она этого безчестія? Тебя хвалю за братскую любовь, кротость и снисходительность, а когда ее освободить отъ наказанія, это знаю Я". И ты окажи брату полное снисхожденіе, и прости ему грѣхи,—не изъ желанія ему бóльшаго наказанія, но по любви и доброму расположенію. Будь увѣренъ, что, чѣмъ болѣе онъ пренебрежетъ твою доброту, тѣмъ большее навлечетъ на себя наказаніе. Чтó говоришь — скажи мнѣ: отъ доброты онъ дѣлается худшимъ? Это—ему осужденіе, а тебѣ похвала: тебѣ похвала, потому что ты, и видя, что онъ дѣлается такимъ, не прекращаешь своей доброты къ нему для угожденія Богу; а ему осужденіе, потому что онъ не сдѣлался лучшимъ и отъ твоей доброты. А Павелъ говоритъ: „лучше пусть другіе будутъ осуждены ради 204
насъ, нежели мы ради другихъ". Не говори мнѣ этихъ пустыхъ словъ: „не подумалъ бы (врагъ), что я пришелъ къ нему по страху; не сталъ бы онъ еще болѣе презирать меня". Эти слова приличны душѣ дѣтской, безразсудной и гоняющейся за славою человѣческою. Пусть думаетъ (врагъ), что ты пришелъ по страху,—тебѣ же тогда будетъ большая награда за то, что ты, и напередъ зная это, все перенесъ ради страха Божія. Кто для того примиряется, чтобы получить славу отъ людей, тотъ умаляетъ плодъ воздаянія; а кто, вѣрно зная, что многіе осудятъ и осмѣютъ его, не перестаетъ однако искать примиренія, тотъ получитъ двойной и тройной вѣнецъ. А таковъ и есть въ особенности тотъ, кто дѣлаетъ это для Бога. Не говори мнѣ, что (врагъ) нанесъ такую-то и такую обиду: если бы онъ выказалъ на тебѣ всю злобу человѣческую, и въ такомъ случаѣ Богъ повелѣлъ тебѣ простить все.

5. Вотъ, напередъ говорю и объявляю, и громкимъ взываю голосомъ: никто изъ имѣющихъ врага да не приступаетъ къ священной трапезѣ и не принимаетъ тѣла Господня; никто приступающій да не имѣетъ врага! Имѣешь врага—не приступай. Хочешь приступить—примирись, и тогда приступи, и прикоснись къ святынѣ. Впрочемъ, не я говорю это, но самъ Господь, распятый за насъ. Онъ, чтобы примирить тебя съ Отцемъ, не отказался умереть и пролить кровь; а ты, чтобы примириться съ подобнымъ тебѣ рабомъ, не хочешь и слова сказать и придти первый? Послушай, что Онъ говоритъ о такихъ людяхъ. *Аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя* (Матѳ. V, 23). Не сказалъ: подожди, пока онъ придетъ къ тебѣ, или: переговори съ нимъ чрезъ какого-либо посредника, или: попроси кого другого, но: самъ пойди къ нему,—*шедъ, смири*-

рися съ братомъ твоимъ (ст. 24). Чудное дѣло! Онъ не считаетъ для себя безчестіемъ, когда оставляютъ даръ; а ты почитаешь униженіемъ—первому придти и примириться! Какъ же можно это простить, скажи мнѣ? Если увидишь, что у тебя отрубленъ какой-либо членъ, не дѣлаешь ли все, чтобы соединить его съ тѣломъ? Такъ же поступи съ братьями: когда увидишь, что они отсѣчены отъ дружбы твоей, поспѣши скорѣе принять ихъ въ свои объятія; не выжидай, чтобы они первые пришли къ тебѣ, но самъ первый устремись получить награду.

Съ однимъ только повелѣно намъ быть во враждѣ—съ діаволомъ: съ нимъ никогда не примиряйся; а къ брату никогда не питай въ сердцѣ злобы, но если и случится какое огорченіе, пусть будетъ оно развѣ на одинъ день, и долѣе дня да не продолжается. *Солнце*, сказано, *да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26). Если примиришься прежде вечера, получишь отъ Бога прощеніе; но, если долѣе пробудешь во враждѣ, то непріязнь твоя будетъ знакомъ не увлеченія отъ раздражительности и гнѣва, но злости,—знакомъ души развращенной и пре-
205 данной грѣху. Впрочемъ, зло не въ томъ только, что ты самъ себя лишаешь прощенія, а въ томъ, что и прекращеніе вражды становится болѣе затруднительнымъ: прошелъ одинъ день, стыдъ уже сталъ больше; проходитъ другой день, стыдъ еще увеличивается; а какъ пропустишь третій и четвертый день, то прибавится и пятый; такимъ же образомъ пять (дней) сдѣлаются десятью, десять двадцатью, двадцать сотнею; и наконецъ рана будетъ уже неизлѣчима, потому что, чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе расходимся мы другъ съ другомъ. Но, человѣкъ, не дай въ себѣ мѣста ни одной изъ этихъ неразумныхъ страстей; не стыдись и не краснѣй, и не говори про себя: „недавно мы такъ выбранили другъ друга; насказали тьму такихъ словъ, которыхъ нельзя и выговорить; и теперь пойду мириться? Кто же не осудитъ моего легкомыслія?“ Никто, у кого есть разумъ, не обвинитъ тебя въ легкомысліи, напротивъ, когда ты останешься непримиримымъ, тогда-то всѣ будутъ смѣяться надъ тобой, тогда-то дашь ты большой просторъ діаволу. Вѣдь вражда становится неудобопримиримою не только отъ времени, но и отъ случившихся въ теченіе этого времени дѣлъ. Какъ *любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. IV, 8), такъ вражда составляетъ и небывалые грѣхи, и у нея находятъ вѣру всѣ клеветники,—всѣ, кто радуется чужому несчастію и разглашаетъ чужіе пороки. Зная все это, предупреди и удержи брата, пока онъ совсѣмъ не отдалился; и, хотя бы для этого надлежало въ тотъ день обѣжать весь городъ, хотя бы выйти за стѣны городскія, хотя бы пройти дальній путь: оставь все, что у тебя въ рукахъ, и озаботься этимъ однимъ,—

какъ бы примириться съ братомъ. Если это дѣло и трудно, подумай, что все это дѣлаешь ты для Бога — и получишь достаточное ободреніе, и душу, коснящую и медлящую, краснѣющую и стыдящуюся, пробуди, постоянно напѣвая ей такія рѣчи: что медлишь? Что откладываешь и удерживаешься? Дѣло у насъ не о деньгахъ, и не о другомъ чемъ-либо временномъ, а о спасеніи. Богъ повелѣлъ дѣлать это — и все должно уступить Его заповѣдямъ? Дѣло это есть нѣкоторая духовная купля: не будемъ безпечны, не будемъ небрежны; пусть врагъ знаетъ, что столь великое усердіе показали мы для угожденія Богу; и пусть онъ станетъ опять оскорблять насъ, бить, или еще что-нибудь худшее дѣлать,—благодушно перенесемъ все, такъ какъ чрезъ это не столько окажемъ добра ему, сколько самимъ себѣ: добродѣтель эта болѣе всѣхъ поможетъ намъ въ тотъ день. Много и тяжко мы согрѣшили, и преступили законъ, и прогнѣвали Владыку нашего; но Онъ, по Своему человѣколюбію, далъ намъ этотъ способъ примиренія: не отвергнемъ же этого прекраснаго сокровища. Развѣ Онъ не былъ властенъ повелѣть только примириться, не предлагая намъ за то никакой награды? Вѣдь, никто не можетъ противорѣчить Его повелѣніямъ и поправлять ихъ. Однако Онъ, по великому Своему человѣколюбію, обѣщалъ намъ и награду—великую и неизъяснимую, которой мы болѣе всего желаемъ,—прощеніе нашихъ грѣховъ,—и этимъ облегчилъ для насъ самое послушаніе.

6. Какое же заслужимъ прощеніе, когда, имѣя получить и столь великую награду, не повинуемся Законодателю, но остаемся презрителями? А что это дѣйствительно—презрѣніе, видно изъ слѣдующаго. Если бы царь издалъ такой указъ, чтобы всѣ враждующіе мирились другъ съ другомъ, иначе потеряютъ голову,—не всѣ 206
ли мы поспѣшили бы примириться съ ближними? Я думаю. Какое же будемъ имѣть извиненіе, когда не воздаемъ Господу и такого почтенія, какое оказываемъ сорабамъ нашимъ? Поэтому повелѣно намъ говорить: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VI, 12).

Что̀ можетъ быть мягче, что̀ милосерднѣе этого повелѣнія? Тебя сдѣлалъ Онъ судіею въ прощеніи твоихъ грѣховъ: мало ты простишь — мало и тебѣ будетъ прощено; много простишь — много и тебѣ будетъ прощено; простишь отъ чистаго сердца — такъ и Богъ тебѣ проститъ; простивъ врагу, ты еще сдѣлаешь его и другомъ своимъ — такъ и Богъ поступитъ съ тобою. Итакъ, чѣмъ болѣе кто согрѣшилъ противъ насъ, тѣмъ болѣе должны мы спѣшить къ примиренію съ нимъ, потому что онъ становится причиной прощенія намъ бо̀льшаго числа грѣ-

ховъ. Хочешь ли знать, что нѣтъ никакого прощенія намъ и никто не избавитъ насъ, если мы злопамятствуемъ? Объясню слова мои примѣромъ. Чѣмъ оскорбилъ тебя ближній? Похитилъ деньги, описалъ, присвоилъ себѣ? Не довольствуюсь этимъ, но прибавлю и другія, еще бо́льшія этихъ, оскорбленія, какія только угодно тебѣ будетъ: онъ задумалъ убить тебя, устроилъ тебѣ тысячу опасностей, сдѣлалъ тебѣ всякое зло, и вообще не опустилъ ничего, что только свойственно человѣческой злобѣ? И, чтобы не говорить обо всемъ порознь, положимъ, что онъ нанесъ тебѣ такую обиду, какой никто никогда не дѣлалъ никому: и въ такомъ случаѣ тебѣ не будетъ прощенія, если станешь злопамятствовать. Какъ это?—сейчасъ скажу. Если бы слуга твой былъ тебѣ долженъ сто золотыхъ, а другой кто-нибудь былъ ему долженъ нѣсколько серебряныхъ монетъ; этотъ должникъ слуги твоего пришелъ бы и сталъ бы просить тебя и молить о прощеніи, и ты, призвавъ своего слугу, приказалъ бы ему простить долгъ этому человѣку, сказавъ: „долгъ этотъ я принимаю вмѣсто твоего долга мнѣ"; потомъ этотъ безстыдный и злой слуга сталъ бы опять душить своего должника: могъ ли бы кто исторгнуть его изъ твоихъ рукъ? Не далъ ли бы ты ему тысячу ударовъ, какъ оскорбленный имъ до крайности? И по дѣломъ!

Это же и Богъ сдѣлаетъ; въ тотъ день Онъ скажетъ тебѣ: „злой и негодный рабъ! Развѣ ты изъ своего простилъ ему? Тебѣ приказано было отдать изъ того, что ты былъ мнѣ долженъ: прости, сказано, и прощу тебѣ. Даже, если бы и этого Я не присовокупилъ, тебѣ и тогда надлежало бы простить изъ послушанія господину; но вотъ Я не приказывалъ, какъ господинъ, но просилъ милости, какъ у друга, притомъ изъ моей собственности, и обѣщалъ еще дать больше; и при всемъ этомъ ты не сдѣлался лучшимъ". Люди въ такихъ случаяхъ поступаютъ такъ: слагаютъ съ своихъ слугъ столько, сколько этимъ должны другіе; наприм., слуга долженъ сто золотыхъ, а слугѣ долженъ кто-либо десять золотыхъ; если этому слуга проститъ долгъ, господинъ прощаетъ ему не сто, но только десять, а всѣ прочіе взыскиваетъ. Богъ же не такъ; но, если ты простилъ сорабу твоему немногое, Онъ проститъ тебѣ все. Изъ чего это
207 видно? Изъ самой молитвы. *Аще отпущаете*, говоритъ, *человѣкомъ* долги *ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* долги ваши (Матѳ. vi, 14). Но сколько разности между сотнею динаріевъ и десятью тысячами талантовъ, столько между тѣми и этими долгами. Какого же не будешь достоинъ наказанія, когда, имѣя получить десять тысячъ талантовъ за сто динаріевъ, не прощаешь и этихъ немногихъ монетъ, и такимъ образомъ молитву эту обра-

щаешь противъ самого себя? Вѣдь, когда скажешь: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ*, и между тѣмъ самъ не простишь; то молишь Бога не о другомъ о чемъ, какъ о томъ, чтобы Онъ лишилъ тебя всякаго извиненія и прощенія. Но, не смѣю, говоришь ты, сказать: прости мнѣ, какъ я прощаю, а только (говорю): прости мнѣ. Къ чему же это? Хоть ты и не скажешь, но Богъ такъ дѣлаетъ: какъ ты простишь, такъ и Онъ проститъ. И это показалъ Онъ въ слѣдующихъ словахъ: *аще ли не отпущаете человѣкомъ, ни Отецъ вашъ* небесный *отпуститъ вамъ* (Матѳ. VI, 15). Не считай поэтому знакомъ благоговѣнія произносить неполное прошеніе, и не твори молитву въ половину; но, какъ повелѣлъ (Богъ), такъ и молись, чтобы хоть необходимость произносить эти слова каждодневно устрашала и побуждала тебя къ прощенію ближняго. Не говори мнѣ: „много я убѣждалъ, упрашивалъ и умолялъ — и (врагъ) не примирился"; не отставай, пока не примиришься. Не сказалъ Господь: оставь даръ твой, и поди, попроси брата твоего, но — *шедъ примирися;* слѣдовательно, сколько бы ни пришлось тебѣ просить, не отставай, пока не убѣдишь. Богъ всякій день проситъ насъ, и мы не слушаемъ; однако Онъ не перестаетъ просить: а ты не хочешь попросить подобнаго тебѣ раба? Какъ же можешь спастись? Но ты много разъ просилъ, и столько же разъ былъ отвергнутъ? За то бо́льшую получишь награду: чѣмъ болѣе онъ будетъ упорствовать, а ты станешь упрашивать, тѣмъ болѣе увеличится награда тебѣ; чѣмъ съ бо́льшимъ затрудненіемъ дѣлается дѣло, чѣмъ бо́льшаго труда стоитъ примиреніе, тѣмъ бо́льшее будетъ ему осужденіе, а тебѣ блистательнѣйшіе вѣнцы за терпѣніе. Это не только будемъ хвалить, но и выполнимъ на дѣлѣ; и не отстанемъ, пока не возстановимъ прежней дружбы (съ врагами). Мало того, чтобы не огорчать и не обижать врага, и не имѣть въ сердцѣ злобы на него, должно и его заставить имѣть къ намъ любовь.

Многіе, слышу, говорятъ: „я не враждую, и не огорчаюсь, да и не имѣю ничего общаго съ нимъ". Но Богъ не это повелѣлъ, чтобы не имѣлъ ты ничего общаго съ нимъ, но чтобы многое было у тебя общее съ нимъ. Потому-то онъ и братъ твой; потому-то (Господь) не сказалъ: прости брату твоему, что имѣешь на него; но что? *Шедъ прежде смирися* съ нимъ, если онъ имѣетъ что на тебя; и не отставай, пока не приведешь члена къ единенію. Для пріобрѣтенія добраго слуги ты и тратишь золото, и переговариваешь со многими купцами, часто отправляешься и въ дальній путь; а чтобы врага сдѣлать другомъ, для этого не двигаешься и не дѣлаешь ничего, скажи мнѣ? Какъ же можешь умолить Бога, пренебрегая такъ законы Его? Пріобрѣтеніе слуги не

великую доставитъ намъ пользу, а расположеніе врага къ дружбѣ—
208 и Бога сдѣлаетъ къ намъ милостивымъ и благоснисходительнымъ, и легко разрѣшитъ насъ отъ грѣховъ, и доставитъ намъ похвалу отъ людей и великую безопасность въ жизни,—потому что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть и одного врага. Когда онъ всѣмъ говоритъ о насъ тьму худого, то и честь жизни нашей страждетъ, и сердце наше не спокойно, и совѣсть возмущается, и мы выдерживаемъ непрерывную бурю помысловъ. Зная все это, спасемъ себя отъ наказанія и мученія, почтимъ предстоящій праздникъ исполненіемъ всего сказаннаго, и чего мы, ради его, желаемъ отъ царя, тѣмъ воспользоваться и сами дадимъ другимъ. Многіе, слышу, говорятъ, что царь, конечно, изъ почтенія къ святой Пасхѣ помилуетъ городъ и проститъ всѣ грѣхи. Какъ же не странно, что, когда намъ нужно получить прощеніе отъ другихъ, мы ссылаемся на праздникъ и на его важность, а когда намъ повелѣваютъ примиряться съ другими, не уважаемъ его и ставимъ ни во что? Дѣйствительно, никто такъ не унижаетъ это священное торжество, какъ совершающій его съ злопамятствомъ. Но, сказать правду, такой человѣкъ не можетъ и совершать этого праздника, хотя бы пробылъ безъ пищи десять дней сряду, потому что ни поста, ни праздника не можетъ быть тамъ, гдѣ вражда и злоба. Ты не осмѣливаешься прикоснуться неумытыми руками къ священной жертвѣ, хотя бы настояла великая нужда: не приступай же и съ неомытою душою; это гораздо преступнѣе того и влечетъ за собою большее наказаніе. Но ничто такъ не наполняетъ душу нечистотою, какъ гнѣвъ, постоянно въ ней остающійся. Гдѣ злоба и гнѣвъ, туда не прилетаетъ Духъ кротости. А человѣкъ, лишенный Святаго Духа, какую можетъ имѣть надежду на спасеніе? Какъ пойдетъ прямымъ путемъ? Итакъ, возлюбленный, не подвергай себя гибели и не лишай Божія заступленія желаніемъ мстить врагу. Если бы даже и трудно было это дѣло, то тяжести наказанія за неисполненіе было бы достаточно, чтобы возбудить и самаго сонливаго и безпечнаго человѣка, и заставить его понести всякій трудъ; между тѣмъ слово показало, что это дѣло весьма легкое, лишь бы мы захотѣли. Не будемъ же безпечны на счетъ своей жизни, но постараемся и сдѣлаемъ все, чтобы приступить намъ къ священной трапезѣ, не имѣя враговъ. Ни одна, ни одна изъ заповѣдей Божіихъ не будетъ трудна, если мы будемъ внимательны: это видно изъ примѣра тѣхъ, которые уже исправились. Сколь многіе увлекались привычкою къ клятвамъ и считали ее неисправимою? Однако, по милости Божіей, какъ употребили вы нѣсколько старанія, то большую часть этого порока смыли съ себя. Поэтому прошу отбросить и остальное, и сдѣлаться учите-

лями для другихъ. А тѣмъ, которые еще не исправились, но указываютъ намъ на долгое время, въ которое они прежде клялись, и говорятъ, что невозможно въ краткое время вырвать укоренившееся въ теченіе многихъ лѣтъ, — скажу вотъ что: гдѣ должно исполнить какое-либо повелѣніе Божіе, тамъ требуется не время, не множество дней, не продолжительность лѣтъ, но только страхъ 209
(Божій) и душа, исполненная благоговѣнія: тогда мы, несомнѣнно, успѣемъ и въ краткое время!

8. Чтобы не подумалось вамъ, будто я говорю это такъ просто, возьмите человѣка, котораго почитаете пристрастившимся къ клятвамъ, который больше произноситъ клятвъ, чѣмъ словъ; отдайте его мнѣ только на десять дней, и если я въ теченіе этихъ немногихъ дней не истреблю въ немъ этой привычки совершенно, присудите меня къ крайнему наказанію. Что эти слова не хвастовство, ясно будетъ вамъ изъ прежнихъ событій. Что было неразумнѣе и безразсуднѣе ниневитянъ? Однако, эти иноплеменники и неразумные, никогда не слыхавшіе ни одного любомудра, никогда не получившіе такихъ заповѣдей (христіанскихъ), услышавъ слова пророка: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4), въ три дня совсѣмъ бросили худую привычку: развратный сдѣлался цѣломудреннымъ, дерзкій кроткимъ, грабитель и хищникъ воздержнымъ и милостивымъ, безпечный трудолюбивымъ. Не одну, не двѣ, не три и не четыре страсти они уврачевали, но исправили всѣ свои пороки. Откуда же, скажешь, это видно? Изъ словъ пророка; кто осудилъ ихъ и сказалъ: *взыде вопль злобы* ихъ до небесъ (Іон. I, 2), тотъ самъ же засвидѣтельствовалъ о нихъ и противное, сказавъ: *видѣ Богъ, яко обратишася кійждо отъ путей своихъ лукавыхъ* (III, 10). Не сказалъ: отъ блуда, или прелюбодѣянія, или воровства, но: *отъ путей своихъ лукавыхъ*. Какъ же они обратились? Какъ вѣдаетъ Богъ, а не какъ судилъ человѣкъ. И мы не стыдимся, не краснѣемъ, что, тогда какъ иноплеменники въ три только дня бросили всѣ пороки, мы, въ продолженіе столь многихъ дней оглашаемые и поучаемые, не можемъ одолѣть и одной худой привычки? Они прежде уже дошли до крайняго нечестія (потому что, какъ услышишь, что *взыде вопль злобы* ихъ *ко Мнѣ*, разумѣй здѣсь чрезмѣрность нечестія ихъ); не смотря на это, могли въ три дня обратиться совершенно къ добродѣтели. Гдѣ страхъ Божій, тамъ нѣтъ надобности во многихъ дняхъ и въ долгомъ времени; равно какъ—гдѣ безстрашіе, тамъ нѣтъ пользы отъ (множества) дней. Кто заржавѣвшіе сосуды станетъ мыть только водою, тотъ хоть и много потратитъ времени, не выведетъ всей этой нечистоты; но, кто броситъ ихъ въ горнъ, тотъ въ краткій срокъ времени сдѣлаетъ ихъ свѣтлѣе новыхъ. Такъ и

душа, покрытая ржавчиною грѣха, не получитъ никакой пользы, если станетъ очищать себя и каждый день каяться просто и коекакъ; но, если повергнетъ себя въ горнъ страха Божія, то въ короткое время смоетъ съ себя всю нечистоту. Итакъ, не будемъ откладывать до завтра, потому что не знаемъ, *что родитъ находяй день* (Притч. XXVII, 1); не будемъ говорить: одолѣемъ эту привычку понемногу, потому что этому „понемногу“ никогда не будетъ конца. Вмѣсто этого, станемъ говорить вотъ что: не отстанемъ, пока сегодня же не исправимся отъ клятвъ, хотя бы подавляла насъ тысяча дѣлъ, хотя бы пришлось умереть, хотя бы—
210 потерпѣть наказаніе, хотя бы—всего лишиться; не дадимъ діаволу власти своею безпечностью и предлога къ промедленію. Когда увидитъ Богъ, что душа воспламенилась и ревность пробудилась въ тебѣ, то и Самъ поможетъ тебѣ исправиться. Такъ, прошу и умоляю, постараемся, чтобы и намъ не услышать, что *мужіе Ниневитстіи востанутъ, и осудятъ родъ сей* (Лук. XI, 32), потому что они, услышавъ (увѣщаніе) однажды, исправились, а мы, и много разъ слыша, не обратились; они совершили всякую добродѣтель, а мы—ни одной; они устрашились, услышавъ о разрушеніи города, а мы, слыша и о гееннѣ, не устрашаемся; они—не имѣя пророчествъ, а мы—пользуясь непрерывнымъ ученіемъ и великою благодатію. Говорю это теперь, осуждая васъ не за ваши собственные, но за чужіе грѣхи. Вы, какъ извѣстно мнѣ и и какъ прежде сказалъ я, исполнили уже этотъ законъ о клятвахъ: но этого недостаточно для нашего спасенія, если мы, притомъ, не научимъ и не исправимъ и другихъ; потому что и принесшій талантъ тотъ, хотя возвратилъ врученныя деньги въ цѣлости, однако подвергся наказанію за то, что не пріумножилъ даннаго (Матѳ. XXV, 30). Итакъ, не будемъ смотрѣть только на то, освободились ли мы сами отъ грѣха, но не отстанемъ, пока не освободимъ и другихъ; и каждый, слугъ ли имѣешь, или учениковъ, собравъ около себя друзей десять, приведи ихъ къ Богу. Но нѣтъ у тебя ни учениковъ, ни слугъ? Такъ есть друзья: ихъ исправь. И не говори мнѣ: „отъ частаго употребленія клятвъ мы отстали, а только изрѣдка увлекаемся къ нимъ“; брось и это—„изрѣдка“. Если потеряешь одинъ золотой, не обойдешь ли всѣхъ съ распросами и поисками, только бы найти его? Такъ поступи и съ клятвами. Если увидишь, что вырвалась у тебя одна клятва, плачь, стенай, какъ будто бы все имущество твое пропало. Опять говорю, что̀ и прежде: запрись дома, займись и потрудись съ женою, съ дѣтьми и домашними; скажи напередъ самъ себѣ: не примусь ни за частныя, ни за общественныя дѣла, пока не исправлю душу свою. Если вы научите дѣтей своихъ, и они научатъ своихъ дѣ-

тей, и такимъ образомъ исполненіе заповѣди, дошедши до конца вѣка и до пришествія Христова, всю награду за это принесетъ тѣмъ, кто положилъ корень. Если сынъ твой научится говорить: *повѣрь*, то не пойдетъ уже въ театръ, не войдетъ въ корчемницу, не займется игрою въ кости: слово это, лежа на устахъ подобно уздѣ, и противъ воли заставитъ его краснѣть и стыдиться; если же когда онъ и покажется тамъ, оно понудитъ его тотчасъ выбѣжать оттуда. Но такіе-то смѣются (надъ тобою)? Поплачь объ ихъ развращеніи. Многіе смѣялись и надъ Ноемъ, когда онъ строилъ ковчегъ; а какъ пришелъ потопъ, тогда онъ посмѣялся надъ ними; впрочемъ вѣрнѣе сказать, праведникъ и не посмѣялся надъ ними, но поплакалъ и возстеналъ. Итакъ, когда увидишь смѣющихся, подумай, что смѣющіеся теперь будутъ нѣкогда весьма горько плакать и скрежетать зубами, и вспомнятъ объ этомъ смѣхѣ, когда въ тотъ день будутъ стенать и скрежетать: тогда и ты вспомнишь объ этомъ смѣхѣ. Сколько смѣялся богачъ надъ Лазаремъ? А послѣ, увидѣвъ его въ лонѣ Авраама, оплакивалъ 212
уже самого себя.

9. Размышляя обо всемъ этомъ, понуждай всѣхъ, не медля, къ исполненію этой заповѣди. И не говори мнѣ, что (будешь дѣлать это) понемногу; не откладывай до завтра: этому *завтра*—никогда нѣтъ конца. Сорокъ дней уже прошло; если еще пройдетъ и святая Пасха, то никому уже не прощу, и употреблю не увѣщаніе, но запрещеніе и отлученіе, которымъ нельзя пренебрегать: ссылка на привычку—не сильное оправданіе! Почему воръ не ссылается на привычку и не освобождается отъ наказанія? Почему также и убійца и прелюбодѣй? Итакъ, напередъ говорю и объявляю всѣмъ, что, если я, сошедшись съ вами наединѣ и сдѣлавъ опытъ (а непремѣнно сдѣлаю), найду, что нѣкоторые не исправились въ этомъ недостаткѣ,—такихъ подвергну наказанію, прикажу не допускать къ святымъ тайнамъ, не для того, чтобы они оставались безъ нихъ, но—чтобы исправились и затѣмъ приступили, и съ чистою совѣстію вкусили священной трапезы: потому что это и значитъ быть причастникомъ. Молитвами же предстоятелей и всѣхъ святыхъ, исправивъ эти и всѣ другіе недостатки, да получимъ царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

На возвращеніе епископа Флавіана и примиреніе царя съ городомъ, и къ виновнымъ въ низверженіи статуй.

211 СЛОВАМИ, которыми всегда во время опасностей имѣлъ я
обычай начинать бесѣду къ вашей любви,—тѣми же словами
и сегодня начну слово къ вамъ, и скажу съ вами: *благосло-
венъ Богъ*, сподобившій насъ совершить сегодня этотъ свя-
щенный праздникъ съ великою радостію и веселіемъ, и возвра-
тившій тѣлу главу, овцамъ пастыря, ученикамъ учителя, воинамъ
вождя, священникамъ святителя; благословенъ Богъ, *творяй по
преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ* (Еф. III, 20)!
Намъ казалось достаточнымъ избавиться отъ тяготѣвшихъ надъ
нами бѣдствій, и мы объ этомъ только и молились; а Богъ, чело-
вѣколюбивый и всегда даяніемъ несравненно превышающій про-
шенія наши, возвратилъ намъ, сверхъ всякаго чаянія, и отца.
Кто могъ ожидать, что въ столь немногіе дни онъ и отправится,
и побесѣдуетъ съ царемъ, и прекратитъ бѣдствія (Антіохіи), и
опять возвратится къ намъ,—такъ скоро, что успѣетъ предварить
и священную Пасху и праздновать ее съ нами? Но вотъ, это не-
ожиданное сбылось, и получили мы отца, и тѣмъ большее вку-
шаемъ удовольствіе, что получили его теперь сверхъ ожиданія.
За все это будемъ благодарить человѣколюбиваго Бога и удив-
ляться Его силѣ и человѣколюбію, премудрости и попечительности
о (нашемъ) городѣ. Діаволъ покусился совсѣмъ разрушить (нашъ
городъ) дерзкимъ поступкомъ [1]), а Богъ чрезъ это несчастіе про-
славилъ и городъ, и святителя, и царя, и всѣхъ показалъ въ боль-
шемъ блескѣ. Городъ прославился тѣмъ, что, когда постигла его
такая опасность, онъ, миновавъ всѣхъ облеченныхъ властію, вла-
дѣющихъ великимъ богатствомъ, имѣющихъ великую силу у царя,
прибѣгнулъ къ церкви и къ святителю Божію, и съ великою
вѣрою предался вышней надеждѣ. Такъ, когда, по отшествіи об-
щаго отца [2]), многіе смущали заключенныхъ въ темницу и гово-
212 рили, что царь не смягчается въ гнѣвѣ, но еще болѣе раздра-
жается и замышляетъ совершенно разрушить городъ, и много
распускали другихъ слуховъ,—узники отъ этихъ слуховъ нисколько
не дѣлались боязливѣе; но, когда мы говорили, что слухи эти

---

[1]) Т. е. низверженіемъ царскихъ статуй.

[2]) Епископа Флавіана въ столицу.

ложны и суть козни діавола, хотящаго повергнуть въ уныніе умы ваши,—„не нуждаемся мы въ словесномъ утѣшеніи", отвѣчали они намъ, „знаемъ, къ кому вначалѣ мы прибѣгли, и какой надеждѣ предали себя: къ священному якорю прикрѣпили мы свое спасеніе, ввѣрили его не человѣку, но Богу всемогущему; поэтому и полагаемъ, что конецъ, навѣрно, будетъ хорошій; невозможно, невозможно, чтобы эта надежда была когда обманута". Сколькимъ вѣнцамъ, сколькимъ похваламъ равнозначуще это для нашего города? Какое привлечетъ Божіе благоволеніе и въ прочихъ дѣлахъ? Нѣтъ, не всякая душа можетъ, во время напора опасностей, сохранять бодрость, взирать къ Богу, и, презрѣвъ все человѣческое, искать той помощи!

Такъ, вотъ какъ прославился городъ! Но и святитель прославился не меньше, чѣмъ городъ. Онъ предалъ душу свою за всѣхъ, и хотя были многія препятствія—зима, старость, праздникъ, а не менѣе того, сестра, бывшая при послѣднемъ издыханіи,—онъ сталъ выше всѣхъ этихъ препятствій, и не сказалъ себѣ: „что это? Одна осталась у меня сестра, со мною влечетъ она иго Христово и жила вмѣстѣ столько времени, и та теперь при послѣднемъ издыханіи, а мы, оставивъ ее, уйдемъ отсюда, и не увидимъ, какъ будетъ она испускать дыханіе и послѣдніе звуки? Она каждодневно молила насъ и закрыть ей глаза, и сложить и сомкнуть уста, и позаботиться обо всемъ прочемъ, что нужно къ погребенію; а теперь, какъ сирая и безпомощная, ничего этого не получитъ отъ брата, отъ котораго получить особенно желала, но, разлучаясь съ жизнію, не увидитъ того, кто ей любезнѣе всѣхъ? Сколькихъ же смертей это будетъ ей тяжелѣе? Если бы даже она была далеко (отъ меня), не надлежало ли бы (мнѣ) бѣжать, и сдѣлать, и перенесть все, чтобы доставить ей это удовольствіе? А теперь, будучи близъ нея, оставлю ее, и уйду отсюда? Какъ же перенесетъ она послѣдующіе дни?"—Ничего такого онъ, не только не сказалъ, но и не подумалъ: напротивъ, предпочтя страхъ Божій всякому 213
родству, онъ хорошо зналъ, что, какъ кормчаго выказываютъ бури и вождя опасности, такъ и іерея—искушеніе. „Всѣ, говорилъ онъ, смотрятъ на насъ, и іудеи и язычники; не обманемъ же ихъ надеждъ на насъ, и не пропустимъ съ небреженіемъ такое кораблекрушеніе, но, поручивъ Богу всю судьбу нашу, отдадимъ и самую жизнь". Посмотри же, вслѣдъ за великодушіемъ іерея, и на Божіе человѣколюбіе: всѣмъ, что презрѣлъ онъ, всѣмъ этимъ насладился,—для того, чтобы и получилъ награду за усердіе, и въ неожиданномъ наслажденіи вкусилъ тѣмъ большее удовольствіе. Рѣшился онъ, для спасенія города, провести праздникъ на чужой сторонѣ, вдали отъ своихъ; а Богъ возвратилъ его намъ прежде Пасхи,

такъ что этотъ всеобщій праздникъ провелъ онъ съ нами, и въ этомъ получилъ и награду за рѣшимость, и вкусилъ тѣмъ большую радость. Не побоялся онъ (зимняго) времени года—и было тепло во все время его путешествія; не обратилъ вниманія на старость—и прошелъ этотъ далекій путь такъ легко, какъ бодрый юноша; не подумалъ о смерти сестры, не поддался слабости—и возвратившись, нашелъ ее въ живыхъ. Такъ все, что презрѣлъ онъ, все получилъ!

2. Такъ-то святитель прославился предъ Богомъ и предъ людьми! А царя это дѣло украсило блистательнѣе діадемы. И во-первыхъ, тогда сдѣлалось явнымъ, что онъ іереямъ готовъ даровать такую милость, какой—никому другому; потомъ,—что и весьма скоро даровалъ эту милость, и пересталъ гнѣваться. Но, чтобы яснѣе узнать великодушіе царя и мудрость святителя, а прежде и того и другой — человѣколюбіе Божіе, позвольте мнѣ пересказать вамъ немногое изъ бывшаго тамъ разговора.

А скажу то, что̀ узналъ отъ одного изъ стоявшихъ въ царскомъ дворцѣ: самъ отецъ [1]) не сказалъ намъ ни мало, ни много, но, подражая великодушію Павла, всегда скрываетъ свои добродѣтели, и кто бы гдѣ ни спрашивалъ его: „что сказалъ онъ царю, какъ убѣдилъ его, и какъ изгналъ изъ него весь гнѣвъ?“ отвѣчалъ такими словами: „мы нисколько не пособили дѣлу; самъ царь, какъ смягчилъ Богъ его сердце, еще до нашихъ словъ оставилъ весь гнѣвъ и прекратилъ ярость, и разговаривая о дѣлѣ, вспоминалъ обо всемъ случившемся безъ всякаго гнѣва, какъ будто другой кто-то оскорбленъ былъ“. Но, что онъ скрылъ по смиренію, то Богъ вывелъ наружу. Что же это такое? Разскажу вамъ; только поведу рѣчь нѣсколько съ начала. Святитель, отправившись изъ (нашего) города, гдѣ онъ оставилъ всѣхъ въ такомъ уныніи, перенесъ гораздо большія скорби, нежели мы, бывшіе въ самомъ бѣдствіи. Во-первыхъ, встрѣтившись на половинѣ дороги съ посланными отъ царя на слѣдствіе по дѣлу, и узнавъ отъ нихъ, для чего они посланы, и представляя въ умѣ грозившія городу бѣдствія,—возмущенія, смятенія, бѣгство, страхъ, безпокойство, опасности,—проливалъ потоки слезъ, потому что разрывалось сердце его: отцы, обыкновенно, скорбятъ гораздо болѣе,
314 когда не могутъ быть вмѣстѣ съ своими злостраждущими дѣтьми. То же случилось и съ этимъ сердобольнѣйшимъ (отцомъ): плакалъ онъ не только о грозившихъ намъ бѣдствіяхъ, но и о томъ, что онъ—вдали отъ насъ, терпящихъ оныя. Впрочемъ, и это было для нашего спасенія: когда узналъ онъ отъ посланныхъ о

[1]) Епископъ Флавіанъ.

гомъ (для чего они посланы), то пролилъ горячайшіе потоки слезъ, прибѣгнулъ къ Богу съ усерднѣйшею молитвою, и проводилъ ночи безъ сна, умоляя, чтобы помогъ Онъ такъ страждущему городу и укротилъ сердце царево. Когда же достигнулъ великаго града того [1]) и вступилъ въ царскія палаты, то остановился вдали отъ царя, безгласенъ, проливая слезы, склоняя лице внизъ, закрываясь, какъ будто самъ онъ сдѣлалъ всѣ тѣ (дерзости). Такъ поступилъ онъ для того, чтобы сперва положеніемъ, видомъ, слезами подвигнуть царя на милость, а потомъ начать и ходатайствовать за насъ; для виновныхъ остается одно оправданіе—молчать и ничего не говорить о сдѣланномъ. Хотѣлъ святитель одно чувство исторгнуть, а другое возбудить (въ царѣ): исторгнуть гнѣвъ, а возбудить скорбь, чтобы такимъ образомъ открыть путь словамъ защитительнымъ; что и случилось. И какъ Моисей, взошедши на гору, когда народъ согрѣшилъ, стоялъ безгласенъ, пока не вызвалъ его Богъ, сказавъ: *остави Мя, и потреблю* народъ сей (Исх. xxxii, 10),—такъ сдѣлалъ и святитель.

И вотъ царь, увидя его плачущимъ и поникшимъ долу, самъ подошелъ къ нему, и что чувствовалъ онъ изъ-за слезъ святителя, то выразилъ словами, обращенными къ нему. Это были слова не гнѣвающагося и негодующаго, но скорѣе скорбящаго и объятаго тяжкою печалію; и что это правда, узнаете, какъ услышите самыя слова. Не сказалъ (царь): „что это значитъ? Идешь ты ходатайствовать за людей негодныхъ и непотребныхъ, которымъ бы и жить не слѣдовало,—за непокорныхъ, за возмутителей, достойныхъ всякой казни?“ Нѣтъ, оставя всѣ эти слова, онъ сложилъ въ свою защиту рѣчь, исполненную скромности и важности, исчислилъ свои благодѣянія, какія только оказывалъ нашему городу за все время своего царствованія, и при каждомъ говорилъ: „это ли мнѣ надлежало потерпѣть за тѣ благодѣянія? За какія несправедливости сдѣлали они мнѣ эту обиду? Въ чемъ, маломъ или великомъ, могутъ они винить меня, что нанесли оскорбленіе не только мнѣ, но и умершимъ? Не довольно было остановить ярость на живыхъ; нѣтъ, они подумали, что не сдѣлаютъ еще достаточной дерзости, если не оскорбятъ и погребенныхъ. Обидѣли мы, какъ они думаютъ: такъ всетаки надлежало пощадить мертвыхъ, не сдѣлавшихъ никакой обиды; ихъ-то уже не могли они винить въ этомъ. Не всегда ли предпочиталъ я этотъ городъ всѣмъ, и не считалъ ли его любезнѣе родного города? И не всегдашнимъ ли моимъ желаніемъ было — увидѣть городъ этотъ, и не предъ всѣми ли дѣлалъ я такую клятву?“

---

[1]) Константинополя.

3. Здѣсь святитель, горько возопивъ и проливъ горячайшія слезы, не сталъ уже долѣе молчать; такъ какъ видѣлъ, что царево оправданіе служитъ тѣмъ къ большему обвиненію насъ. Поэтому онъ, тяжело и горько восстенавъ, сказалъ: признаемъ и не можемъ отрицать, государь, эту любовь, которую показалъ ты къ нашей родинѣ и поэтому-то особенно плачемъ, что демоны позавидовали
215 столько любимому (городу), и мы оказались неблагодарными предъ благодѣтелемъ и прогнѣвали сильно любящаго насъ. Разрушь, сожги, умертви, или другое что сдѣлай: все еще не накажешь насъ по заслугамъ; мы сами заранѣе поставили себя въ такое положеніе, которое хуже тысячи смертей. Что можетъ быть хуже того, что мы оказались прогнѣвавшими, безъ причины, благодѣтеля и столько любящаго,—что знаетъ это вся вселенная и обвиняетъ насъ въ крайней неблагодарности? Если бы варвары, напавъ на городъ нашъ, рузрушили стѣны, зажгли домы, и, взявъ плѣнниковъ, ушли съ ними,—несчастіе было бы меньше. Почему? Потому что, пока ты живъ и показывалъ бы такое къ намъ благоволеніе, оставалась бы надежда, что всѣ такія бѣдствія прекратятся,—мы опять придемъ въ прежнее положеніе и получимъ еще болѣе блестящую свободу. Но теперь, когда отнимется твое благоволеніе и погаснетъ любовь, которая защищала насъ лучше всякой стѣны, къ кому наконецъ прибѣгнемъ мы? Въ какое другое мѣсто посмотрѣть можемъ, раздраживъ столь любезнаго владыку и кроткаго отца? Поэтому, если (антіохійцы) совершили, повидимому, нетерпимыя преступленія, то они и пострадали болѣе всѣхъ; не смѣютъ ни на одного человѣка взглянуть, не могутъ свободно смотрѣть глазами и на солнце, потому что стыдъ со всѣхъ сторонъ сжимаетъ рѣсницы и заставляетъ закрываться. Лишившись такимъ образомъ душевной свободы, они теперь несчастнѣе всѣхъ плѣнниковъ, терпятъ крайнее безславіе, и, помышляя о великости золъ и о томъ, до какой дошли они дерзости, не могутъ и вздохнуть, потому что всѣхъ, населяющихъ вселенную, людей возставили противъ себя обвинителями, болѣе строгими, нежели самъ оскорбленный. Но, если захочешь, государь, есть врачество для этой раны, и средство противъ столькихъ золъ. Нерѣдко и между частными людьми бывало, что тяжкія и нестерпимыя оскорбленія служили поводомъ къ великому благорасположенію. Такъ случилось и съ нашей природой. Когда Богъ создалъ человѣка, ввелъ въ рай и удостоилъ великой чести, діаволъ, не терпя такого счастія, позавидовалъ ему и низринулъ его съ данной ему высоты. Но Богъ не только не оставилъ его, но еще, вмѣсто рая, отверзъ намъ небо, этимъ самымъ и являя свое человѣколюбіе, и еще болѣе наказывая діавола. Сдѣлай это и ты: демоны подвигли теперь все, чтобы лишить

твоего благоволенія городъ, болѣе всѣхъ любезный тебѣ; зная это, накажи насъ, какъ хочешь, только не лишай прежней любви. Но сказать ли нѣчто и удивительное? Если хочешь наказать устроившихъ это демоновъ, покажи къ намъ еще бо́льшее благоволеніе и впиши опять городъ нашъ въ число первыхъ, любимыхъ тобою городовъ. Если разрушишь его, распашешь и уничтожишь, такъ сдѣлаешь лишь то, чего они издавна хотѣли; но если оставишь гнѣвъ и снова объявишь, что любишь его, какъ любилъ прежде, то нанесешь имъ смертельную рану и крайнему подвергнешь наказанію, показавъ, что не только не было имъ успѣха въ замыслѣ, но еще случилось совершенно противное тому, чего они хотѣли. Да и справедливо поступишь, если это сдѣлаешь и помилуешь городъ, которому демоны позавидовали изъ-за любви твоей: если бы ты не такъ сильно любилъ его, то и они такъ не позавидовали бы ему. Поэтому какъ ни странно, но справедливо говорю, что 216
это потерпѣлъ (городъ) изъ-за тебя и изъ-за твоей любви. Сколькихъ пожаровъ, какого разрушенія не горестнѣе тѣ слова, которыя сказалъ ты въ свое оправданіе? Говоришь, что теперь ты оскорбленъ и потерпѣлъ то, чего—никогда ни одинъ изъ прежнихъ царей. Но, если хочешь, человѣколюбивѣйшій, мудрѣйшій и благочестивѣйшій,—это оскорбленіе украситъ тебя вѣнцомъ, который будетъ лучше и блистательнѣе, нежели эта діадема. Діадема эта, конечно, есть доказательство и твоей доблести; но служитъ также и свидѣтельствомъ щедрости давшаго ее. Вѣнецъ же, сплетаемый тебѣ этимъ человѣколюбіемъ, будетъ дѣломъ собственно твоимъ и твоего любомудрія: и всѣ будутъ не столько дивиться тебѣ изъ-за этихъ драгоцѣнныхъ камней, сколько хвалить тебя за побѣду надъ гнѣвомъ. Низвергнули твои статуи? Но тебѣ можно воздвигнуть еще болѣе блистательныя. Если простишь вину оскорбившимъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію, они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не золотой и не каменный столбъ на площади, но такой, который дороже всякаго вещества,—украшенный человѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ, каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ сердцѣ своемъ, и у тебя будетъ столько статуй, сколько есть и будетъ людей во вселенной. Не только мы, но и наши потомки, и потомки ихъ, всѣ услышатъ объ этомъ, и подивятся и полюбятъ тебя, какъ будто сами они получили благодѣяніе. И что не изъ лести говорю это, но такъ будетъ непремѣнно, въ доказательство этого разскажу тебѣ одну древнюю повѣсть, чтобы узналъ ты, что царей прославляютъ не столько войска, оружіе, деньги и многочисленность подданныхъ, сколько любомудріе и кротость души.

„О блаженномъ Константинѣ разсказываютъ, что, когда однажды его изображеніе избито было камнями, и многіе возбуждали его

предать виновныхъ суду и казни, говоря, что бросавшіе камни изранили все лице его, онъ, ощупавъ рукою лицо и кротко улыбнувшись, сказалъ: „не вижу на лицѣ никакой раны, напротивъ цѣла голова, цѣло и все лицо"; и люди эти, со стыдомъ и срамомъ, оставили такой недобрый совѣтъ. Слова эти доселѣ воспѣваются всѣми, и столь продолжительное время не ослабило и не истребило памяти объ этомъ любомудріи. Скольких же побѣдныхъ памятниковъ будетъ это блистательнѣе! Много воздвигъ онъ великихъ городовъ, много побѣдилъ и варваровъ—и ничего этого не помнимъ; а слова эти до сего дня воспѣваются: ихъ услышать всѣ,—и наши потомки, и потомки ихъ. И не это только дивно, что услышать, но и то, что пересказывающіе (эти слова) будутъ говорить, а слышащіе—принимать ихъ съ похвалами и одобреніемъ, и не будетъ никого, кто бы, услышавъ ихъ, могъ смолчать, но тотчасъ же воскликнетъ, и похвалитъ сказавшаго, и пожелаетъ ему множества благъ и по смерти. Если же онъ, за эти слова, заслужилъ такую славу у людей, то сколько вѣнцовъ получитъ отъ человѣколюбиваго Бога!

„И что говорить о Константинѣ и представлять чужіе примѣры, когда можно убѣждать тебя и твоими собственными подви-
217 гами? Вспомни недавнее время, когда, по наступленіи этого праздника, разослалъ ты по всей вселенной повелѣніе освободить заключенныхъ въ темницѣ и простить имъ вины, и, какъ будто бы этого было недостаточно для доказательства твоего человѣколюбія, написалъ: „о, еслибы возможно мнѣ было и умершихъ воззвать, и воскресить, и возвратить къ жизни!" Вспомни эти слова теперь: вотъ время воззвать, и воскресить, и возвратить къ жизни умершихъ! И эти (антіохійцы) уже умерли, и, еще до произнесенія приговора, городъ сталъ уже при самыхъ вратахъ адовыхъ. Воздвигни же его оттуда (это ты можешь сдѣлать) безъ денегъ, безъ издержекъ, безъ траты времени и безъ всякаго труда. Довольно тебѣ сказать только — и поднимешь лежащій во мракѣ городъ. Дай теперь ему называться уже по твоему человѣколюбію; онъ будетъ благодаренъ не столько первому своему основателю, сколько твоему приговору; и весьма справедливо. Тотъ далъ ему начало— и отошелъ; а ты воздвигнешь его тогда, какъ онъ, сдѣлавшись обширнымъ и великимъ, палъ послѣ этого долгаго благоденствія. Не столько было бы удивительно, когда бы овладѣли имъ враги и напали варвары, а ты освободилъ его отъ опасности, сколько будетъ удивительно, если пощадишь теперь: то дѣлали часто и многіе цари, а это сдѣлаешь ты одинъ, и первый, сверхъ всякаго ожиданія. Защищать подданныхъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и необычайнаго: это дѣло обыкновенное; но, потерпѣвъ

столько и столь великихъ оскорбленій, прекратить гнѣвъ—это выше всей природы человѣческой! Подумай, что теперь должно тебѣ позаботиться не только объ этомъ городѣ, но и о твоей славѣ, даже о всемъ христіанствѣ. Теперь и іудеи, и язычники, и вся вселенная, и варвары (вѣдь, и они услышали объ этомъ) обратили взоры на тебя и ждутъ, какой произнесешь приговоръ по этому дѣлу. И если произнесешь (приговоръ) человѣколюбивый и кроткій, всѣ похвалятъ такое рѣшеніе, прославятъ Бога, и скажутъ другъ другу: «вотъ каково могущество христіанства! Человѣка, которому нѣтъ равнаго на землѣ, который властенъ все погубить и разрушить, оно удержало, и обуздало, и научило терпѣнію, какого и простой человѣкъ не показывалъ. Истинно великъ Богъ христіанскій: изъ людей Онъ дѣлаетъ ангеловъ, и ставитъ ихъ выше всякой естественной необходимости!» Не бойся того напраснаго страха, и не внимай тѣмъ, которые говорятъ, будто прочіе города будутъ хуже и окажутъ еще болѣе неуваженія, если этотъ не будетъ наказанъ. Конечно, этого надлежало бы опасаться, когда бы ты не былъ въ состояніи наказать, и сдѣлавшіе это имѣли силы болѣе твоего, или были тебѣ равносильны. Но, когда они поражены ужасомъ и умираютъ отъ страха; когда, въ лицѣ моемъ, прибѣгнули къ стопамъ твоимъ, и всякій день ничего другого не ожидаютъ, кромѣ погибели; когда творятъ общія молитвы, взирая на небо и прося Бога, да пріидетъ и ходатайствуетъ вмѣстѣ съ нами; когда каждый распорядился уже о дѣлахъ своихъ, какъ бы находясь при послѣднемъ издыханіи:—не излишне ли такое опасеніе? Они и тогда, когда бы обречены были на смерть, не страдали бы такъ, какъ страдаютъ теперь, проводя столько дней въ страхѣ и трепетѣ, и по наступленіи вечера не надѣясь увидѣть зарю, а съ появленіемъ дня не чая дожить до вечера. Многіе 218
даже сдѣлались добычею звѣрей, когда убѣжали въ пустыни и переселились въ мѣста непроходимыя; не только мужчины, но и малыя дѣти, и благородныя и прекрасныя жены въ продолженіе многихъ ночей и дней скрываются въ пещерахъ, пропастяхъ и оврагахъ пустынныхъ. Новаго рода плѣнъ постигъ нашъ городъ: дома и стѣны цѣлы, а жители бѣдствуютъ хуже погорѣвшихъ городовъ; нѣтъ ни одного варвара, не видно непріятеля, а они несчастнѣе плѣнниковъ, и движеніе одного листа всѣхъ ихъ пугаетъ каждодневно. Это всѣ знаютъ, и не столько вразумились бы, еслибы увидѣли городъ разрушеннымъ, сколько (вразумляются) теперь, слыша объ этомъ несчастіи его. Итакъ, не думай, будто прочіе города будутъ хуже. Нѣтъ, если бы ты разрушилъ другіе города, и тогда не вразумилъ бы ихъ такъ, какъ нынѣ, когда смутнымъ ожиданіемъ будущаго наказалъ ты ихъ жесточе всякой

казни. Не протягивай же долѣе ихъ несчастій, но дай имъ наконецъ вздохнуть. Наказать виновныхъ и взыскать за проступки, конечно, легко и удобно; но пощадить оскорбившихъ и дать прощеніе провинившимся въ непростительномъ дѣлѣ,—это возможно развѣ для одного—двухъ, и особенно, когда оскорбленный будетъ царь. Затѣмъ, покорить себѣ страхомъ—легко; но сдѣлать всѣхъ друзьями, и заставить полюбить твое царствованіе и возсылать не только всѣмъ общія, но и каждому свои особенныя молитвы о твоемъ правленіи—это дѣло трудное. Пусть кто истратитъ тысячи денегъ, пусть двинетъ тысячи войскъ, пусть сдѣлаетъ, что угодно: не легко будетъ ему привлечь къ себѣ расположеніе такого множества людей, а для тебя теперь это будетъ легко и удобно. Сколько стоило бы тебѣ денегъ, сколько стоило бы трудовъ—пріобрѣсти въ краткое мгновеніе времени всю вселенную, и заставить всѣхъ людей, какъ нынѣшнихъ, такъ и будущихъ, просить (у Бога) и твоей главѣ всего, чего только просятъ они дѣтямъ своимъ? Если же такъ отъ людей, подумай, какую награду получишь отъ Бога, не только за то, что теперь дѣлается, но и за то, что впослѣдствіи будетъ сдѣлано другими. Вѣдь, если когда случится подобное нынѣшнему происшествіе, чего не дай Богъ, и нѣкоторые изъ оскорбленныхъ замыслятъ отмстить оскорбившимъ, твоя кротость и терпѣніе будутъ имъ вмѣсто всякаго наставленія и увѣщанія, и стыдно и совѣстно имъ будетъ, имѣя такой образецъ любомудрія, показаться худшими. Такъ, будешь ты учителемъ всѣхъ потомковъ, и, хотя бы они дошли до той же высоты любомудрія, однако ты будешь имѣть надъ ними преимущество, потому что не все равно—самому ли первому показать такую кротость, или, смотря на другихъ, подражать ихъ дѣламъ. Поэтому, какое бы ни показали послѣдующіе за тобою (цари) человѣколюбіе и кротость, вмѣстѣ съ ними получишь награду и ты: кто далъ корень, тотъ будетъ виновникомъ и плодовъ. Поэтому, съ тобою никто не можетъ раздѣлять теперь награду за человѣколюбіе: оно собственно твое только дѣло; а ты со всѣми, кто только впослѣдствіи явится подобнымъ тебѣ, можешь одинаково участвовать въ добромъ дѣлѣ, и получить такую же долю, какую
219 наставники въ ученикахъ. А если никого не будетъ такого, опять твоя слава и честь возрастать будутъ съ каждымъ поколѣніемъ. Подумай, каково это: услышать всѣ потомки, что, когда столь великій городъ подпалъ наказанію и мести, когда трепетали и устрашились всѣ, и военачальники, и градоправители, и судьи, и не смѣли подать и голоса за несчастныхъ,—предсталъ одинъ ходатай Божій, облеченный священствомъ, и однимъ видомъ, простою бесѣдою преклонилъ державнаго; и—чего этотъ не давалъ никому

изъ подданныхъ, то, изъ уваженія къ законамъ Божіимъ, далъ одному старцу. Вѣдь, и этимъ самымъ городъ не мало почтилъ тебя, государь, что послалъ меня ходатайствовать по этому дѣлу: они произнесли о тебѣ самое лучшее и прекрасное сужденіе,—что, тогда какъ всякое начальство подъ тобою, ты оказываешь предпочтеніе священникамъ Божіимъ, какъ бы ни были они незначительны. Впрочемъ, не отъ нихъ только иду теперь, но еще прежде, чѣмъ отъ нихъ, отъ общаго Владыки ангеловъ посланъ я сказать кротчайшей и снисходительнѣйшей душѣ твоей, вотъ что: *аще отпущаете человѣкамъ долги ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваши* (Матѳ. VI, 14). Итакъ, вспомни о томъ днѣ, въ который всѣ мы дадимъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Подумай, что, если и ты согрѣшилъ въ чемъ, то можешь загладить всѣ согрѣшенія этимъ приговоромъ и рѣшеніемъ,—безъ трудовъ, безъ усилій. Такъ, другіе ходатаи приносятъ золото, серебро и другіе подобные дары; а я пришелъ къ твоему царскому величеству съ священными законами, и представляю ихъ вмѣсто всякихъ даровъ, и молю тебя поступить подобно Владыкѣ твоему, Который, хотя каждодневно бываетъ нами оскорбляемъ, не престаетъ однако сообщать всѣмъ дары Свои. Не посрами же нашихъ надеждъ и обѣщаній не сдѣлай тщетными. Скажу тебѣ, между прочимъ, и то, что, если рѣшишься помиловать городъ, оказать ему прежнее благоволеніе, и оставить праведный этотъ гнѣвъ, я возвращусь съ великимъ дерзновеніемъ; если же отринешь городъ отъ сердца твоего, не только не возвращусь въ него и не увижу земли его, но однажды навсегда отрекусь отъ него, и запишусь въ другой городъ. Нѣтъ, никогда не припишусь къ тому городу, съ которымъ ты, человѣколюбивѣйшій и кротчайшій изъ всѣхъ людей, не хочешь примириться и войти въ общеніе“.

4. Сказавъ это и еще больше этого, святитель такъ тронулъ царя, что произошло то же, что нѣкогда случилось съ Іосифомъ Какъ этотъ тогда, увидя братьевъ, хотѣлъ бы плакать, но скрывалъ скорбь, чтобы не измѣнить притворству; такъ и царь—плакалъ въ душѣ, но не показывалъ этого изъ-за бывшихъ тутъ. Однако наконецъ онъ не могъ скрыть чувства и противъ воли обнаружилъ его. Послѣ этой рѣчи уже не нужно было ему другихъ словъ, а только одно произнесъ онъ слово, которое украсило его гораздо болѣе діадемы. Что же это за слово? — „Что удивительнаго и великаго, сказалъ онъ, если перестанемъ гнѣваться на оскорбившихъ—на людей, мы—люди же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради насъ сдѣлавшись рабомъ, и будучи распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молилъ Отца о распявшихъ Его такъ: *отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 220

xxiii, 34); такъ, что удивительнаго, если мы простимъ подобнымъ намъ рабамъ?“ А что эти слова были не лицемѣрны, это доказали всѣ событія, а не меньше ихъ и то, о чемъ намѣреваюсь теперь сказать. Когда святитель самъ хотѣлъ совершить тамъ (въ Константинополѣ) вмѣстѣ съ царемъ настоящій праздникъ, (царь) насильно заставилъ его ускорить (отбытіемъ) и поспѣшить, и явиться гражданамъ (Антіохіи). „Знаю, сказалъ онъ, что теперь души ихъ мятутся, и много еще слѣдовъ несчастія: иди, утѣшь. Когда увидятъ кормчаго, то и не вспомнятъ о миновавшей бурѣ, но совсѣмъ изгладятъ и самую память о бѣдствіяхъ“. Когда же святитель сталъ просить настоятельно, чтобы (царь) послалъ сына своего, онъ, желая показать ясно, что совершенно истребилъ въ душѣ весь гнѣвъ—„молитесь, сказалъ, чтобы устранились эти препятствія, чтобы утихли эти войны—и непремѣнно я самъ приду“. Что можетъ быть добрѣе этой души? Пусть устыдятся наконецъ язычники, или лучше, не устыдятся, но пусть вразумятся, оставятъ свое заблужденіе, обратятся къ силѣ христіанства, узнавъ отъ царя и отъ святителя наше (христіанское) любомудріе. Боголюбивѣйшій царь не остановился тогда и на этомъ: послѣ того, какъ святитель уже и выбылъ изъ города (столичнаго) и переплылъ море [1]), царь послалъ туда нѣкоторыхъ справиться и понаблюсти, чтобы тотъ не тратилъ времени и не отнималъ на половину радости у города (Антіохіи), проводя праздникъ въ другомъ мѣстѣ. Какой кроткій отецъ показалъ бы такую заботливость объ оскорбившихъ его? Скажу и еще нѣчто въ похвалу этого праведнаго (епископа). Совершивъ такое дѣло, онъ не поспѣшилъ, какъ сдѣлалъ бы всякій другой славолюбецъ, самъ принести грамоту, которою прекращалось наше бѣдствіе; но какъ самъ онъ шелъ довольно медленно, то упросилъ одного изъ искусныхъ въ верховой ѣздѣ опередить его и принести городу добрыя вѣсти, чтобы отъ медлительности его путешествія не продлилось уныніе. Единственнымъ желаніемъ было у него не то, чтобы самому принести эти счастливыя и весьма радостныя вѣсти, но—чтобы скорѣе успокоилось отечество наше.

Итакъ, что тогда сдѣлали вы, украсивъ площадь вѣнками, зажегши свѣтильники, разостлавъ предъ мастерскими ковры, и какъ тогда торжествовали, какъ будто бы городъ родился вновь: то же дѣлайте и во всякое время, (только) иначе, украшаясь не вѣнками изъ цвѣтовъ, но добродѣтелію, возжигая въ душѣ своей свѣтъ (добрыхъ) дѣлъ, радуясь духовною радостію. Никогда не переста-

—

[1]) Конечно, Босфоръ, которымъ отдѣляется европейскій берегъ, гдѣ стоитъ Константинополь, отъ азіатскаго.

немъ и благодарить Бога за все это, и изъявлять предъ Нимъ
великую признательность не только за то, что прекратилъ бѣд-
ствія, но и за то, что попустилъ ихъ: чрезъ то и другое Онъ
прославилъ нашъ городъ. *О сихъ* же всѣхъ, по слову пророче-
скому, *чадомъ своимъ повѣдите, а чада ваша чадомъ своимъ, а тѣ
роду другому* (Іоил. I, 3), чтобы всѣ, кто ни будетъ жить доскон-
чанія вѣка, познавъ человѣколюбіе Божіе, проявившееся на го-
родѣ, и ублажали насъ, получившихъ такую милость, и дивились
нашему Владыкѣ, возстановившему такъ падшій городъ, да и сами
получили бы пользу, всѣми этими событіями побуждаясь къ благо-
честію. Повѣствованіе о случившемся съ нами можетъ при-
носить весьма великую пользу, не только намъ, если будемъ
всегда о томъ помнить, но и нашимъ потомкамъ. Размышляя обо 221
всемъ этомъ, будемъ всегда, не только при прекращеніи бѣдствій,
но и при попущеніи ихъ, благодарить человѣколюбиваго Бога,—
узнавъ и изъ божественнаго Писанія, и изъ случившагося съ нами,
что Онъ всегда устрояетъ все ко благу нашему съ подобающимъ
Ему человѣколюбіемъ, которымъ постоянно пользуясь, да получимъ
мы и царство небесное, чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему
слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВА ОГЛАСИТЕЛЬНЫЯ.

Два огласительныхъ слова къ готовящимся ко крещенію произнесены св. Іоанномъ Златоустымъ, какъ полагаютъ, въ 387 г. во время св. Четыредесятницы: первое за тридцать дней до Пасхи, второе—десять дней спустя послѣ перваго.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Къ готовящимся къ просвѣщенію, и о томъ, почему крещеніе называется банею пакибытія, а не оставленія грѣховъ, и что опасно не только нарушать клятву, но и клясться, хотя бы мы клялись справедливо.

КАКЪ вождѣленъ и любезенъ намъ сонмъ юныхъ братій! 223
Я называю васъ братіями еще прежде рожденія и привѣтствую васъ, какъ родныхъ, еще прежде, нежели вы родились. Я знаю, вѣрно знаю, какой вы имѣете удостоиться чести и какой власти, а тѣхъ, которымъ предстоитъ получить власть, обыкновенно всѣ уважаютъ еще прежде полученія этой власти, чтобы услужливостію предварительно снискать себѣ ихъ благосклонность на будущее время. Это теперь дѣлаю и я, такъ какъ вамъ предстоитъ получить не только власть, но самое царство, и притомъ не просто царство, но царство небесное. Посему прошу и умоляю васъ, вспомните обо мнѣ, когда достигнете этого царства; какъ Іосифъ говорилъ начальнику виночерпіевъ: *помяни мя, егда благо ти будетъ* (Быт. xl, 14), такъ и я теперь говорю вамъ: *помяните мя, егда благо вамъ будетъ*. Не за истолкованіе сновъ я прошу у васъ этого воздаянія, подобно ему, такъ какъ я пришелъ не сны разгадывать вамъ, но возвѣщать о предметахъ небесныхъ и преподать благовѣстіе о тѣхъ благахъ, *иже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша*; таковы блага, *яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. ii, 9). Іосифъ говорилъ виночерпію: *еще три дни, и помянетъ фараонъ санъ твой, и паки поставитъ тя въ старѣйшинство твое винарско* (Быт. xl, 13); а я не говорю: еще три дня, и вы сдѣлаетесь виночерпіями властителя,—но: еще тридцать дней, и не фараонъ, а

Царь небесный возведетъ васъ въ горнее отечество, въ свободный Іерусалимъ, во градъ небесный. Тотъ говорилъ: *и подаси чашу фараону въ руку его* (ст. 13); а я не говорю: вы будете подавать чашу въ руки царя,—но: самъ Царь дастъ въ руки ваши чашу страшную и исполненную великой силы и драгоцѣннѣйшую всякой твари. Посвященные въ тайны знаютъ силу этой чаши; узнаете и вы спустя немного. Итакъ, вспомните обо мнѣ, когда войдете въ то царство, когда получите царскую одежду, когда облечетесь въ порфиру, обагренную кровію Владычнею, когда надѣнете діадему, испускающую со всѣхъ сторонъ лучи свѣтлѣе солнечныхъ. Таковы дары Жениха, хотя превышающіе ваше достоинство, но достойные Его человѣколюбія.

Посему я и ублажаю васъ еще прежде вступленія вашего въ
224 тотъ священный брачный чертогъ, и не только ублажаю, но и хвалю ваше благоразуміе, что вы приступаете къ крещенію не при послѣднемъ дыханіи, какъ безпечнѣйшіе изъ людей, но какъ благоразумные рабы, готовые съ великимъ благорасположеніемъ повиноваться Господу, уже съ этого времени съ великою покорностію и ревніемъ подклоняете выю души подъ иго Христово, принимаете это благое иго и возлагаете на себя это легкое бремя. Хотя и равны дары благодати для васъ и для принимающихъ таинство при концѣ жизни, но неодинаково расположеніе воли и приготовленіе къ дѣлу. Тѣ принимаютъ таинство на одрѣ, а вы въ нѣдрахъ Церкви, общей всѣмъ намъ матери; тѣ—въ скорби и слезахъ, а вы—въ радости и веселіи; тѣ—со стенаніемъ, а вы—съ благодарностію; тѣ—объятые сильною горячкою, а вы—исполняясь великаго духовнаго удовольствія. Поэтому здѣсь все соотвѣтствуетъ дару, а тамъ все противоположно дару: тамъ принимающіе таинство предаются великому сѣтованію и плачу, стоятъ кругомъ дѣти плачущіе, жена бьющая себя по ланитамъ, друзья печальные, слуги обливающіеся слезами, видъ всего дома уподобляется какому-то ненастному и мрачному дню; а если раскроешь самое сердце лежащаго, то найдешь его скорбнымъ болѣе всего этого. Какъ вѣтры, съ великою силою устремляющіеся одинъ противъ другого, раздѣляютъ море на многія части, такъ и мысли о постигающихъ его тогда бѣдствіяхъ, внѣдряясь въ душу больного, разрываютъ сердце его на множество заботъ. Взглянетъ ли онъ на дѣтей,—представляетъ ихъ сиротство; взглянетъ ли на жену,—думаетъ объ ея вдовствѣ; взглянетъ ли на слугъ,—приходитъ на мысль запустѣніе всего дома; обратится ли къ самому себѣ,—припоминаетъ свою настоящую жизнь и, готовясь разстаться съ нею, покрывается великимъ облакомъ печали. Такова душа намѣревающагося тогда принять таинство. Потомъ, среди такого смя-

тенія и безпокойства, входитъ священникъ, который для больного страшнѣе самой горячки, а для приближенныхъ къ больному ужаснѣе смерти, потому что прибытіе священника считается знакомъ большей безнадежности, нежели голосъ врача, отчаивающагося въ жизни больного, и источникъ вѣчной жизни кажется знакомъ смерти. Но я еще не сказалъ о самомъ главномъ злѣ: часто, среди смятеній со стороны родныхъ и приготовленій, душа, 225
покинувъ тѣло, отлетаетъ; а многимъ и присутствіе ея не приноситъ никакой пользы, потому что если готовящійся принять таинство не узнаетъ присутствующихъ, не слышитъ ихъ голоса и не можетъ произнести тѣхъ словъ, посредствомъ которыхъ онъ долженъ вступить въ блаженный завѣтъ съ общимъ всѣмъ намъ Владыкой, но лежитъ, какъ безжизненное дерево или камень, нисколько не отличаясь отъ мертваго, — то какая польза отъ принятія таинства при такомъ безчувствіи?

2. Тому, кто намѣревается приступить къ священнымъ и страшнымъ таинствамъ, надлежитъ быть трезвеннымъ и бодрымъ, свободнымъ отъ всякаго житейскаго попеченія, исполненнымъ великаго цѣломудрія и великой ревности, исторгнуть изъ ума всякіе помыслы, чуждые таинствамъ, и сдѣлать храмину свою во всѣхъ отношеніяхъ чистою, какъ намѣревающемуся принять самого Царя. Такъ подготовленъ вашъ умъ, таковы ваши помыслы, таково настроеніе вашей души. Ожидайте же за столь прекрасное расположеніе достойной награды отъ Бога, Который воздаяніями Своими превышаетъ заслуги оказывающихъ Ему повиновеніе. Но такъ какъ и сослужителямъ надлежитъ привносить должное съ ихъ стороны, то и мы привнесемъ должное съ нашей стороны, или лучше—и это не наше, а также Владычнее; ибо *что имаши*, говоритъ апостолъ, *егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися яко не пріемъ* (1 Кор. IV, 7)? Хотѣлъ бы я прежде всего сказать, почему наши отцы узаконили изъ всего года въ это время допускать чадъ Церкви къ принятію таинства (крещенія) и для чего они положили, послѣ нашихъ поученій, раздѣвать васъ и разувать, и раздѣтыхъ и разутыхъ, покрытыхъ только одною срачицею, препровождать къ словамъ заклинателей. Не просто и не напрасно они установили и этотъ видъ и это время; но то и другое имѣетъ таинственное и глубокое значеніе. Хотѣлъ бы я открыть его вамъ, но вижу, что теперь бесѣда призываетъ насъ къ другому нужнѣйшему предмету. Нужно сказать, что такое крещеніе, для чего оно введено въ нашу жизнь, и какія блага оно доставляетъ намъ.

Но, если хотите, будемъ бесѣдовать напередъ о названіи этого таинственнаго очищенія. Оно называется не однимъ наименованіемъ,

но многими и различными. Такъ, это очищеніе называется банею пакибытія: *спасе насъ*, говоритъ апостолъ, *банею пакибытія, и обновленія Духа Святаго* (Тим. III, 5). Называется и просвѣщеніемъ, какъ называетъ его опять Павелъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся многія страсти претерпѣсте страданій* (Евр. X, 32); и еще: *невозможно бо просвѣщенныхъ единою и отпадшихъ паки обновляти въ покаяніе* (Евр. VI, 4—6). Называется и крещеніемъ: *елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Называется и погребеніемъ: *спогребохомся убо ему*, говоритъ, *крещеніемъ въ смерть* (Римл. VI, 4). Называется и обрѣзаніемъ: *о немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти* (Кол. II, 11). Называется и крестомъ: *ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное* (Римл. VI, 6). Можно указать много и другихъ его наименованій, но, чтобы намъ не
226 употребить всего времени на исчисленіе названій этого дара, обратимся теперь къ первому названію и, объяснивъ его значеніе, прекратимъ бесѣду; рѣчь же начнемъ немного издалека. Есть общее всѣмъ людямъ омовеніе посредствомъ бань, которое обыкновенно омываетъ нечистоту тѣлесную. Есть омовеніе іудейское, которое хотя важнѣе перваго, но гораздо ниже благодатнаго,—такъ какъ и оно омываетъ нечистоту тѣлесную, но не только тѣлесную, а и зависящую отъ немощной совѣсти. Есть много вещей, которыя по свойству своему не нечисты, но становятся нечистыми отъ немощи совѣсти. Какъ въ отношеніи къ дѣтямъ маски и прочія пугалища, которыя по свойству своему не страшны, кажутся дѣтямъ страшными по слабости ихъ естества, такъ и въ отношеніи къ тому, о чемъ я сказалъ, наприм., прикосновеніе къ мертвымъ тѣламъ по свойству своему не нечисто, но когда оно случится съ человѣкомъ немощной совѣсти, то дѣлаетъ прикоснувшагося нечистымъ. Что это дѣло по свойству своему не нечисто, показалъ самъ учредитель закона Моисей, который несъ съ собою мертваго Іосифа, и однако остался чистымъ. Посему и Павелъ, разсуждая о такой нечистотѣ, происходящей не отъ природы, а отъ немощи совѣсти, говоритъ такъ: *ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти* (Римл. XIV, 14). Видишь ли, что нечистота происходитъ не отъ свойства вещей, а отъ немощи помышленія? И еще: *вся бо чиста, но зло человѣку претыканіемъ ядущему* (Римл. XIV, 20). Видишь ли, что не вкушеніе, но соблазнительное вкушеніе бываетъ причиною нечистоты?

3. Такую скверну очищало іудейское омовеніе; а омовеніе благодатное очищаетъ не такую нечистоту, но дѣйствительную, которая производитъ великое оскверненіе вмѣстѣ съ тѣломъ и въ

душѣ: оно дѣлаетъ чистыми не тѣхъ, которые прикоснулись къ мертвымъ тѣламъ, но которые коснулись мертвыхъ дѣлъ. Развратникъ ли кто, или блудникъ, или идолослужитель, или сдѣлалъ какое-либо другое зло, хотя бы даже онъ соединилъ въ себѣ всѣ человѣческіе пороки, но если онъ войдетъ въ водную купель, то выйдетъ изъ этихъ божественныхъ струй чище лучей солнечныхъ. А чтобы ты не считалъ сказаннаго преувеличеніемъ, послушай Павла, который говоритъ о силѣ этой купели: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. vi, 9, 10). Но какъ это, скажешь, относится къ вышесказанному? Требуется показать, очищаетъ ли все это сила купели. Выслушай же дальнѣйшее. *И сими убо нѣцыи бѣсте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (ст. 11). Мы обѣщали вамъ показать, что входящіе въ эту купель очищаются отъ всякой порочности, но рѣчь наша показала больше, т. е. что они дѣлаются не только чистыми, но и святыми и праведными: онъ не только сказалъ: *омыстеся*, но также: *освятистеся и оправдистеся*. Что можетъ быть удивительнѣе этого, когда безъ трудовъ, усилій и добрыхъ дѣлъ происходитъ оправданіе? Таково человѣколюбіе божественнаго дара: онъ 227
дѣлаетъ праведными и безъ усилій. Если указъ царя, написанный въ немногихъ словахъ, отпускаетъ на свободу виновныхъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ, а другихъ возводитъ на высочайшую степень почестей, то тѣмъ болѣе Святый Духъ Божій, всемогущій, можетъ и избавить насъ отъ всякаго зла, и даровать намъ великую праведность, и исполнить насъ великаго дерзновенія. И какъ искра, упавшая въ необъятное море, тотчасъ угасаетъ, и, поглощенная множествомъ воды, становится невидимою; такъ и вся человѣческая порочность, погружаясь въ купель божественнаго источника, потопляется и исчезаетъ скорѣе и легче той искры. Если же эта купель отпускаетъ всѣ наши грѣхи, то почему, скажешь, она называется не купелію отпущенія грѣховъ или купелію очищенія, но *банею пакибытія?* Потому, что она не просто отпускаетъ намъ грѣхи, не просто очищаетъ насъ отъ прегрѣшеній, но дѣлаетъ это такъ, что мы какъ бы вновь рождаемся. Подлинно, она вновь создаетъ и устрояетъ насъ, не образовывая насъ опять изъ земли, но созидая изъ другой стихіи, изъ естества воднаго: она не просто омываетъ сосудъ, но снова переплавляетъ его всецѣло. Омываемое, хотя бы тщательно было очищено, сохраняетъ слѣды своего качества и носитъ остатки нечистоты; но ввергаемое въ горнило и обновляемое посредствомъ пламени, очистившись отъ

всякой нечистоты и бывъ вынуто изъ печи, испускаетъ такой же блескъ, какъ и вновь отлитыя вещи. Какъ кто-нибудь, взявъ золотую статую, загрязнившуюся отъ долгаго времени, дыма, пыли и ржавчины, и переливъ ее, возвращаетъ ее намъ чистѣйшею и блестящею; такъ и Богъ, взявъ наше естество, поврежденное ржавчиною грѣха, затемненное великимъ дымомъ прегрѣшеній и потерявшее ту красоту, которую Онъ даровалъ ему вначалѣ, снова переплавляетъ его, ввергая въ воды, какъ въ горнило, и вмѣсто огня ниспосылая благодать Духа, и потомъ выводитъ насъ оттуда пересозданными, обновленными и въ блескѣ не уступающими лучамъ солнечнымъ, сокрушивъ ветхаго человѣка и устроивъ новаго, болѣе свѣтлаго, нежели прежній.

4. На это сокрушеніе и таинственное очищеніе указывая намъ, пророкъ нѣкогда сказалъ: *яко сосуды скудельничи сокрушиши я* (Псал. II, 9). А что здѣсь рѣчь о вѣрныхъ, ясно показываютъ намъ предшествующія слова: *Сынъ Мой еси ты*, говоритъ, *Азъ днесь родихъ тя: проси отъ мене, и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли* (ст. 7, 8). Видишь ли, какъ онъ упомянулъ о Церкви изъ язычниковъ и указалъ на устроенное вездѣ царство Христово? Потомъ еще говоритъ: *упасеши я жезломъ желѣзнымъ*, не тяжелымъ, но крѣпкимъ, *яко сосуды скуделничи сокрушиши я*. Вотъ представляется и купель въ таинственномъ смыслѣ; онъ не просто сказалъ: *сосуды глиняные*, но: *сосуды скуделничи*. Вникните: разбитые глиняные сосуды не могутъ быть исправлены, по причинѣ однажды полученной ими твердости въ огнѣ; а сосуды скудельника, только приготовленные изъ глины, но еще не обожженные, если и повредятся, легко могутъ принять другой видъ отъ искусства художника. Посему, говоря
328 о какомъ-нибудь неисправимомъ бѣдствіи, (Богъ) приводитъ въ примѣръ не сосуды скудельника, а сосудъ глиняный. Такъ, когда Онъ хотѣлъ внушить пророку и іудеямъ, что Онъ предалъ городъ неисправимому бѣдствію, то повелѣлъ взять глиняный сосудъ, разбить его предъ всѣмъ народомъ и сказать: такъ погибнетъ городъ и сокрушится (Іер. XIX, 10—11). Когда же Онъ хотѣлъ подать имъ добрыя надежды, то привелъ пророка въ домъ скудельника и не указалъ ему на сосудъ глиняный обожженный, а указалъ ему на сосудъ необожженный, выпавшій изъ рукъ скудельника, и прибавилъ, говоря: если скудельникъ этотъ, поднявъ выпавшій сосудъ, снова исправилъ, то тѣмъ болѣе Я развѣ не смогу исправить васъ падающихъ (Іер. XVIII, 2—6)? Итакъ Богъ можетъ не только исправить насъ бренныхъ посредствомъ бани пакибытія, но и, по принятіи силы Духа, падшихъ привести въ прежнее состояніе посредствомъ искренняго покаянія. Впрочемъ, теперь не

время говорить вамъ о покаяніи; или лучше, да не будетъ такого времени, когда бы вы нуждались въ этомъ врачествѣ, но да сохраните вы навсегда неповрежденною ту красоту и свѣтлость, какую вы имѣете получить нынѣ. А чтобы вамъ всегда сохранять ее, побесѣдуемъ съ вами немного и объ образѣ жизни. Въ этой школѣ борьбы не опасны для ратоборцевъ паденія, потому что идетъ борьба между своими и всѣ упражненія дѣлаются на тѣлахъ учителей. Когда же наступитъ время подвиговъ, когда откроется поприще, когда соберутся зрители, когда явится Подвигоположникъ, тогда уже необходимо будетъ или, будучи нерадивыми, пасть и удалиться съ великимъ безчестіемъ, или же, оказавъ рвеніе, получить вѣнцы и награды. Такъ и для васъ эти тридцать дней подобны нѣкоторой школѣ борьбы, времени ученія и упражненія. Поучимся въ эти дни побѣждать злого бѣса, потому что послѣ крещенія мы должны будемъ противъ него выступить, съ нимъ бороться и сражаться. Будемъ же съ этого времени узнавать козни его, какъ онъ коваренъ, откуда онъ удобно можетъ вредить намъ, чтобы, по наступленіи подвиговъ, намъ не изумляться и не смущаться, видя новыми для себя уловки его, но, приготовившись упражненіемъ между нами самими и изучивъ всѣ его козни, смѣло вступать въ борьбу съ нимъ.

Онъ обыкновенно вредитъ намъ всѣми мѣрами, но особенно посредствомъ языка и устъ. Никакой другой членъ такъ не пригоденъ ему для обольщенія и погибели нашей, какъ невоздержный языкъ и необузданныя уста. Отсюда происходитъ съ нами много паденій, чрезъ это мы впадаемъ въ тяжкія вины. Объясняя, какъ легко пасть чрезъ языкъ, нѣкто говоритъ: *мнози падоша остріемъ меча, но не якоже падшіи языкомъ* (Сирах. xxviii, 21); и, показывая тяжесть такого паденія, онъ же прибавляетъ: *поползновеніе на земли лучше, нежели поползновеніе отъ языка* (Сир. xx, 18). Смыслъ словъ его слѣдующій: лучше, говоритъ, упасть и разбить тѣло, нежели произнести такое слово, которое губитъ нашу душу. И не только говоритъ онъ о паденіяхъ, но и увѣщеваетъ имѣть великую предусмотрительность, чтобы не падать: *устамъ твоимъ*, говоритъ, *сотвори дверь и запору* (Сир. xxviii, 29),—не то, чтобы мы приготовили двери и запоры, но чтобы съ великою заботливостію удерживали языкъ отъ непристойныхъ словъ. И еще въ другомъ мѣстѣ пророкъ, показывая, что при нашемъ стараніи и прежде нашего старанія мы имѣемъ нужду въ высшемъ содѣйствіи, чтобы удержать внутри этого звѣря, и простирая руки къ Богу, говоритъ: *воздѣяніе руку моею жертва вечерняя: положи, Господи, храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія о устнахъ моихъ* (Псал. cxl, 2—3). Также и тотъ, котораго увѣщанія при-

ведены прежде, и онъ опять говоритъ: *кто дастъ ми во уста*
229 *моя хранилище и на устнѣ мои печать разумну* (Сир. XXII, 31)? Видишь ли, какъ каждый изъ нихъ страшится этихъ паденій, плачетъ, даетъ совѣты и молится, чтобы языкъ былъ тщательно сохраняемъ? Но почему, скажешь, Богъ далъ намъ этотъ членъ вначалѣ, если онъ приноситъ намъ такую погибель? Потому, что онъ приноситъ и великую пользу; и если бы мы прилагали стараніе, то онъ приносилъ бы только пользу и—никакого вреда. Послушай, что говоритъ тотъ, кто сказалъ и прежнее: *смерть и животъ въ руцѣ языка* (Притч. XVIII, 21)[1]). И Христосъ выражаетъ то же самое, когда говоритъ: *отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися* (Матѳ. XII, 37). Языкъ находится посрединѣ между такимъ или инымъ употребленіемъ, а ты—господинъ его. Такъ и мечъ лежитъ посрединѣ: если ты употребишь его противъ враговъ, то онъ дѣлается спасительнымъ для тебя орудіемъ; если же ты нанесешь ударъ самому себѣ, то причиною пораженія бываетъ не свойство желѣза, а твое беззаконіе. Такъ будемъ разсуждать и объ языкѣ: онъ—мечъ, лежащій посрединѣ; изощряй же его для обличенія своихъ грѣховъ, а не для нанесенія удара брату. Для того Богъ и оградилъ его двойною стѣною, рядомъ зубовъ и оградою губъ, чтобы онъ не произносилъ непристойныхъ словъ скоро и неосмотрительно. Удерживай его за ними; если же онъ не удерживается, то усмиряй его зубами, предавая плоть его имъ, какъ бы палачамъ, и кусая его,—потому что лучше ему нынѣ быть искусаннымъ за грѣхи, нежели тогда жаждать капли воды и, изсыхая въ огнѣ, не получать облегченія. А онъ обыкновенно совершаетъ много и другихъ грѣховъ, когда злословитъ, хулитъ, сквернословитъ, клевещетъ, клянется, нарушаетъ клятвы.

5. Но чтобы, говоря вамъ сегодня о всемъ вдругъ, не обременить вашего ума, мы предложимъ вамъ сперва одинъ законъ—хранить себя отъ клятвъ, предупреждая, что, если вы не будете избѣгать клятвъ, т. е. не только клятвопреступленій, но если не будете избѣгать и клятвъ, произносимыхъ при дѣлахъ справедливыхъ, то мы не будемъ говорить вамъ болѣе ни о какомъ другомъ предметѣ. Нелѣпо было бы, если бы въ то время какъ учители грамоты не преподаютъ дѣтямъ другого урока, пока не увидятъ, что первый хорошо запечатлѣнъ въ ихъ памяти,—мы стали преподавать дальнѣйшее тѣмъ, которые не могутъ съ точностію пересказать прежняго ученія; это значило бы не что иное, какъ лить воду въ дырявую бочку. Итакъ, чтобы вамъ не заградить нашихъ

[1]) Св. І. Златоустъ приписываетъ эти слова Іисусу сыну Сирахову.

устъ, приложите великую ревность къ этому предмету. Подлинно, тяжекъ этотъ грѣхъ, и весьма тяжекъ: онъ весьма тяжекъ потому, что не кажется тяжкимъ; потому я и боюсь его, что никто не боится его; потому эта болѣзнь и неизлѣчима, что она не считается болѣзнію. Какъ простой разговоръ не есть вина, такъ и это не представляется виною, но съ великою дерзостію совершается это беззаконіе, и если кто станетъ осуждать, то поднимается тотчасъ смѣхъ и множество насмѣшекъ, не надъ тѣми, которые осуждаются за клятву, а надъ тѣми, которые стараются исправить это зло. Потому-то я и веду продолжительную рѣчь объ этомъ, что хочу исторгнуть глубокій корень и уничтожить долговременное зло: разумѣю не только клятвопреступленія, но и самыя справедливыя клятвы. Но такой-то, скажешь, человѣкъ хорошій, имѣющій санъ священства, живетъ весьма цѣломудренно и благочестиво, однако клянется? Не говори мнѣ объ этомъ хорошемъ, воздержномъ, благочестивомъ и имѣющемъ санъ священства; но, если хочешь, пусть это будетъ Петръ, или Павелъ, или 230
ангелъ, нисшедшій съ неба, я и тогда не посмотрю на достоинство лица, потому что я читаю законъ о клятвѣ не рабскій, но царскій; а когда читается царскій указъ, тогда должно умолкнуть всякое достоинство рабовъ. Если ты можешь утверждать, что Христосъ повелѣлъ клясться или что Христосъ не наказываетъ за это,—докажи, и я покорюсь. Если же Онъ съ такою ревностію запрещаетъ это и оказываетъ такую попечительность объ этомъ предметѣ, что ставитъ клянущагося наравнѣ съ лукавымъ,—*лишше же сею*, т. е. *ей* и *ни*, *отъ діавола есть*, говоритъ Онъ (Матѳ. v, 37),—то для чего ты представляешь мнѣ такого-то и такого-то? Богъ произнесетъ приговоръ надъ тобою, основываясь не на небрежности подобныхъ тебѣ рабовъ, а на предписаніи Своихъ законовъ. Я повелѣлъ, скажетъ Онъ, и нужно было повиноваться, а не ссылаться на такого-то и не заниматься чужими грѣхами. Если великій Давидъ впалъ въ тяжкій грѣхъ, то, скажи мнѣ, неужели поэтому для насъ безопасно грѣшить? Посему нужно остерегаться этого и соревновать только добродѣтелямъ святыхъ, а гдѣ нерадѣніе и преступленіе закона, оттуда нужно убѣгать съ великимъ тщаніемъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ подобными себѣ рабами, а съ Владыкой, и Ему мы дадимъ отчетъ во всемъ, что сдѣлали во время жизни. Итакъ, будемъ готовиться къ тому суду; какъ бы ни былъ удивителенъ и великъ тотъ, кто нарушаетъ этотъ законъ, онъ непремѣнно получитъ наказаніе, назначенное за преступленіе, потому что Богъ не лицепріятенъ. Какъ же и какимъ образомъ можно избѣжать этого грѣха? Нужно не только показать, какъ тяжекъ грѣхъ, но и дать совѣтъ, какъ избѣжать

его. Ты имѣешь жену, имѣешь слугу, имѣешь дѣтей, и друга, и родственника, и сосѣда? Всѣмъ имъ поручи охранять тебя въ этомъ отношеніи. Привычка—дѣло важное; трудно отстать отъ нея и уберечься; она часто сбиваетъ насъ противъ нашей воли и нашего сознанія. Итакъ, чѣмъ болѣе ты знаешь силу привычки, тѣмъ болѣе старайся освободиться отъ худой привычки и пріучай себя къ другой, полезнѣйшей. Какъ теперь худая привычка часто можетъ увлекать тебя, не смотря на твое стараніе, опасеніе, осторожность, заботливость, такъ тогда, когда ты пріучишь себя къ доброй привычкѣ—не клясться, ты никогда не допустишь себя впасть въ грѣхъ клятвы, не смотря даже на свое желаніе и небрежность. Привычка, поистинѣ, великое дѣло: она имѣетъ силу природы. Посему, чтобы не трудиться непрестанно, пріобрѣтемъ себѣ другую привычку; у каждаго изъ живущихъ и обращающихся съ тобою проси милости, чтобы онъ совѣтовалъ и увѣщевалъ тебя избѣгать клятвъ, и обличалъ тебя, когда ты окажешься виновнымъ въ этомъ. Дѣлаемое ими тебѣ предостереженіе послужитъ и для нихъ совѣтомъ и побужденіемъ къ такой же добродѣтели, такъ какъ осуждающій другого за клятвы не скоро самъ впадетъ въ эту пропасть; а частыя клятвы—не малая пропасть, не только тогда, когда онѣ касаются предметовъ маловажныхъ, но и тогда, когда касаются предметовъ весьма важныхъ. Мы же, и покупая овощи, и споря о двухъ оболахъ, и гнѣваясь на слугъ, и угрожая имъ, во всемъ призываемъ во свидѣтели Бога. По такимъ предметамъ ты не посмѣешь на торжищѣ призвать въ свидѣтели и человѣка свободнаго, облеченнаго какимъ-нибудь обыкновеннымъ саномъ, если же рѣшишься, то подвергнешься наказанію за обиду; а Царя небеснаго и Владыку ангеловъ ты влечешь въ свидѣтель-
231 ство въ разговорѣ и о торговлѣ, и о деньгахъ, и о другихъ мелочахъ: возможно ли терпѣть это? Какимъ же образомъ мы можемъ освободиться отъ этой худой привычки? Обставимъ себя тѣми стражами, о которыхъ я сказалъ, назначимъ себѣ опредѣленное время для исправленія и положимъ наказаніе, если по прошествіи того времени не исправимся. А сколько времени достаточно будетъ намъ для этого? Я не думаю, чтобы людямъ весьма трезвеннымъ, бдительнымъ и неусыпно пекущимся о своемъ спасеніи нужно было болѣе десяти дней для совершеннаго оставленія худой привычки клясться. Если же мы и послѣ десяти дней будемъ замѣчены въ клятвѣ, то наложимъ на себя наказаніе и назначимъ величайшее возмездіе и пеню за преступленіе. Какое же наказаніе?
232 Этого я не опредѣляю, но предоставляю вамъ самимъ власть приговора. Такъ будемъ поступать съ самими собою не только въ отношеніи къ клятвамъ, но и въ отношеніи къ другимъ проступкамъ:

будемъ назначать себѣ время для тягчайшихъ наказаній, если когда допустимъ эти проступки, чтобы намъ придти чистыми къ нашему Владыкѣ, избавиться отъ огня геенскаго и съ дерзновеніемъ предстать предъ престоломъ Христовымъ, чего да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Къ готовящимся ко просвѣщенію, и о женахъ, украшающихъ себя плетеніемъ волосъ и золотомъ, и о тѣхъ, которые занимаются примѣтами или привѣсками, или заговорами,—что все чуждо христіанству.

Я ПРИШЕЛЪ потребовать отъ васъ прежде всего плодовъ 231
того, что сказано было вашей любви недавно,—такъ какъ мы говоримъ не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы и помнили сказанное и показывали то намъ дѣлами, или лучше не намъ, а Богу, знающему тайны души. Для того наше поученіе и называется оглашеніемъ, чтобы оно и въ нашемъ отсутствіи возглашалось въ душѣ вашей. Не удивляйтесь, что мы пришли требовать плодовъ отъ сѣмянъ по прошествіи только десяти дней: и въ продолженіе одного дня можно вмѣстѣ и посѣять сѣмена, и собрать жатву, потому что мы выступаемъ на подвиги, опираясь не на свою только силу, но и на помощь Божію. Итакъ тѣ, которые усвоили сказанное и исполнили на дѣлѣ, пусть продолжаютъ стремиться впередъ; а тѣ, которые еще не начинали этого добраго дѣла, пусть теперь начнутъ, чтобы послѣдующимъ усердіемъ отклонить отъ себя осужденіе за безпечность. Да, можно, можно и тому, кто былъ весьма безпеченъ, вознаградить всю потерю прошедшаго времени усиленнымъ послѣдующимъ усердіемъ. Посему, говоритъ псалмопѣвецъ, *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко во прогнѣваніи* (Псал. xciv, 7, 8). Этими словами онъ увѣщеваетъ и совѣтуетъ никогда не отчаиваться, но, пока мы здѣсь, имѣть благія надежды, простираться впередъ и стремиться *къ почести вышняго званія Божія* (Фил. iii, 14). Будемъ же такъ поступать и изслѣдуемъ названія этого великаго дара. Какъ невѣдѣніе о величіи сана дѣлаетъ безпечными тѣхъ, которые почтены имъ, такъ познаніе дѣлаетъ ихъ признательными и располагаетъ ихъ къ большему усердію. Съ другой стороны стыдно и смѣшно было бы, получивши отъ Бога такую честь, не знать, что значатъ ея названія. Но что я говорю

объ этомъ дарѣ? Если ты станешь размышлять объ общемъ имени рода нашего, то и отсюда получишь величайшій урокъ и увѣщаніе
232 къ добродѣтели. Это имя—*человѣкъ*—мы опредѣляемъ не такъ, какъ внѣшніе (язычники), но какъ повелѣваетъ Божественное Писаніе. Человѣкъ—не тотъ, кто имѣетъ только руки и ноги человѣческія, и не тотъ, кто имѣетъ только разумъ, но кто съ ревностію упражняется въ благочестіи и добродѣтели. Такъ, послушай, что Писаніе говоритъ объ Іовѣ: сказавъ, что *человѣкъ бяше въ странѣ Авситидійстѣй,* оно не описываетъ его тѣми признаками, которыми описываютъ человѣка внѣшніе, и не говоритъ, что онъ имѣлъ двѣ ноги и широкіе ногти, но, соединяя отличительныя черты его благочестія, говоритъ: *истиненъ, праведенъ, благочестивъ, удаляяся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1), выражая, что это и есть *человѣкъ*. Такъ и другой говоритъ: *Бога бойся, и заповѣди Его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. XII, 13). Если же названіе *человѣкъ* заключаетъ въ себѣ такое увѣщаніе къ добродѣтели, то тѣмъ болѣе названіе *вѣрный*. Вѣрнымъ ты называешься потому, что вѣруешь въ Бога и тебѣ самому Онъ вѣритъ, подавая оправданіе, освященіе, чистоту души, усыновленіе, царство небесное: все это Онъ ввѣрилъ и предоставилъ тебѣ, а ты съ своей стороны ввѣряешь и представляешь Ему другое: милостыню, молитвы, цѣломудріе и всѣ прочія добродѣтели. Но что я говорю—милостыню? Если ты подашь Ему даже *чашу студены воды* (Матѳ. X, 42), и это не погибнетъ для тебя, но и это Онъ вѣрно сохранитъ до того дня и воздастъ съ великимъ избыткомъ: то и удивительно, что Онъ не только сохраняетъ ввѣренное Ему, но и умножаетъ это воздаяніями.

То же повелѣлъ Онъ и тебѣ, по твоимъ силамъ, дѣлать съ тѣмъ, что тебѣ ввѣрено: увеличивать святость, которую ты получилъ, дѣлать болѣе свѣтлою праведность, полученную чрезъ крещеніе, являть болѣе блистательнымъ этотъ даръ,—какъ поступалъ и Павелъ, который послѣдующими трудами, ревностію и усердіемъ умножилъ всѣ блага, имъ полученныя. И замѣть попеченіе Божіе: Онъ и не все далъ тебѣ здѣсь, и не всего лишилъ, но одно далъ, а другое обѣщалъ. Для чего же Онъ не все далъ здѣсь? Для того, чтобы ты показалъ вѣру въ Него, по одному обѣщанію Его вѣруя въ то, что еще не дано. А для чего съ другой стороны Онъ не отложилъ всего до той жизни, но даровалъ
233 и благодать Духа, и праведность, и освященіе? Для того, чтобы облегчить тебѣ труды и чрезъ то, что уже дано, возбудить благую надежду на то, что будетъ. Потому ты и будешь называться новопросвѣщеннымъ, что у тебя всегда будетъ, если захочешь, новый свѣтъ, никогда неугасающій. Обыкновенный свѣтъ, хотя бы

мы желали или не желали, смѣняется мракомъ, а это солнце не знаетъ тьмы: *свѣтъ во тмѣ свѣтится и тма его не объятъ* (Іоан. I, 5). Дѣйствительно, не столько свѣтелъ бываетъ міръ при лучахъ восходящаго солнца, сколько ясна и свѣтла душа, получившая благодать Духа. Вникни тщательнѣе въ природу вещей: ночью во время мрака, иной, увидѣвъ веревку, часто принимаетъ ее за змія, отъ приближающагося друга убѣгаетъ какъ отъ врага, и, услышавъ какой-нибудь шумъ, объемлется страхомъ, а днемъ не бываетъ ничего такого, но все является такимъ, каково оно есть. То же случается и съ нашею душою: когда нисшедшая благодать изгоняетъ изъ ума тьму, тогда мы познаемъ точное значеніе вещей и для насъ становится ничтожнымъ то, что прежде казалось страшнымъ. Мы уже не боимся смерти, вѣрно научившись отъ этого священнаго тайнодѣйствія, что смерть не есть смерть, а сонъ и временное успокоеніе; не боимся ни бѣдности, ни болѣзни, и ничего другого подобнаго, узнавъ, что мы шествуемъ къ жизни лучшей, нетлѣнной, безсмертной и свободной отъ всякаго такого нестроенія.

2. Итакъ, не будемъ болѣе прилѣпляться къ житейскому,—ни къ роскошной трапезѣ, ни къ драгоцѣннымъ одеждамъ; ты имѣешь одежду важнѣйшую, имѣешь трапезу духовную, имѣешь славу высшую, и Христосъ для тебя все—и трапеза, и одежда, и домъ, и глава, и корень. *Елицы бо во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27),—вотъ, какъ Онъ сталъ одеждою для тебя. Хочешь ли знать, какъ Онъ дѣлается для тебя и трапезою? *Ядый мя*, говоритъ Онъ, *якоже Азъ живу Отца ради, и той живъ будетъ Мене ради* (Іоан. VI, 57). Онъ дѣлается и домомъ для тебя: *ядый Мою плоть, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Также и корнемъ: *Азъ есмь лоза*, говоритъ Онъ, *вы же рождіе* (Іоан. XV, 5). Онъ же и братъ твой, и другъ, и женихъ: *не ктому васъ глаголю рабы: вы друзи мои есте* (Іоан. XV, 15, 14). И Павелъ говоритъ: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). И еще: *яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ* (Римл. VIII, 29). И не только мы—братія Его, но и дѣти: *се*, говоритъ, *Азъ и дѣти, яже Ми даде Богъ* (Иса. VIII, 18). И не только дѣти, но и *уди* Его и *тѣло* Его (1 Кор. XII, 27). Но, находя все вышесказанное какъ бы недостаточнымъ для выраженія любви и благоволенія, которыя Онъ являетъ къ намъ, Онъ предложилъ и другое, большее и ближайшее доказательство, назвавъ Себя нашею *главою* (Ефес. I, 22). Зная все это, возлюбленный, воздавай своему Благодѣтелю лучшимъ образомъ жизни, и, представляя себѣ величіе жертвы, украшай члены своего тѣла. Подумай, что̀ принимаешь

ты рукою—и никогда не допускай ей ударить кого-нибудь, чтобы не посрамить руки, удостоившейся такого дара, грѣхомъ біенія; подумай, что принимаешь ты рукою, и соблюдай ее чистою отъ любостяжанія и всякаго хищенія. Помышляй, что не только рукою ты принимаешь, но и къ устамъ приближаешь жертву, и
234 соблюдай языкъ чистымъ отъ срамныхъ и обидныхъ словъ, отъ богохульства, клятвопреступленія и всего другого подобнаго, такъ какъ гибельно — тотъ языкъ, который служитъ столь страшнымъ таинствамъ, обагренъ такою кровію и сдѣлался золотымъ мечомъ, обращать въ орудіе злословія, оскорбленій и посмѣянія; устыдись чести, которой удостоилъ его Богъ, и не унижай его безчестіемъ грѣха. Обрати вниманіе также на то, что послѣ руки и языка еще сердце пріобщается этого страшнаго таинства, и никогда не строй козней противъ ближняго, но соблюдай умъ свой чистымъ отъ всякаго злоумышленія; такимъ же образомъ ты можешь оградить и глаза, и уши. Развѣ не нелѣпо послѣ этого таинственнаго голоса и нисходящаго съ небесъ, т. е. отъ херувимовъ, осквернить слухъ блудными пѣснями и развратными напѣвами? Не достойно ли крайняго наказанія — тѣми же глазами, которыми созерцаешь неизреченныя и страшныя таинства, смотрѣть на блудницъ и мысленно совершать прелюбодѣяніе? Ты, возлюбленный, приглашенъ на бракъ; не входи же одѣтымъ въ грязныя одежды, но возьми одежду, приличную браку. Если люди, приглашенные на чувственные браки, хотя бы они были бѣднѣе всѣхъ, часто заимствуютъ или покупаютъ чистую одежду и такимъ образомъ являются къ пригласившимъ ихъ,—то ты, приглашенный на бракъ духовный и пиршество царское, подумай, какую тебѣ нужно было бы купить одежду, или лучше, и покупать не нужно, а самъ Зовущій даетъ тебѣ ее даромъ, чтобы ты не могъ ссылаться и на бѣдность. Храни же ту одежду, которую ты получилъ; если ты потеряешь ее, то уже не сможешь ни занять, ни купить ея, потому что такая одежда нигдѣ не продается. Слышалъ ли ты, какъ нѣкогда приглашенные къ таинству стенали и били себя въ грудь отъ угрызенія совѣсти? Смотри же, возлюбленный, чтобы и тебѣ когда-нибудь не потерпѣть этого; а какъ не потерпишь, если не оставишь худой привычки ко злу? Посему я и прежде говорилъ, и теперь говорю, и не перестану говорить, что, кто не исправилъ своихъ нравственныхъ недостатковъ и не приготовилъ себя къ добродѣтелямъ, тотъ пусть и не крестится. Эта купель можетъ отпустить прежніе грѣхи; но не малъ страхъ и не маловажна опасность, чтобы мы опять возвратились къ нимъ, и чтобы врачество не сдѣлалось для насъ язвою. Чѣмъ больше благодать, тѣмъ строже будутъ наказаны тѣ, которые послѣ того согрѣшаютъ.

3. Итакъ, научимся отсюда—не возвращаться къ прежней блевотинѣ (2 Петр. II, 12). А что нужно напередъ покаяться и отстать отъ прежнихъ пороковъ, и такимъ образомъ приступать къ благодати, объ этомъ, послушай, что говоритъ Іоаннъ, и что верховный изъ апостоловъ, имѣющимъ креститься. Первый говоритъ: *сотворите плоды достойны покаянія, и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама* (Лук. III, 8); а второй говорилъ спрашивавшимъ его: *покайтеся и да крестится кійждо васъ во имя Господа Іисуса Христа* (Дѣян. II, 38). Кающійся уже не допускаетъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ покаялся; посему намъ и заповѣдано говорить: *отрицаюся тебе, сатана*,—чтобы намъ уже не возвращаться къ нему. Какъ бываетъ у живописцевъ, такъ пусть 235
будетъ и теперь: тѣ, положивъ доски, начертивъ на нихъ бѣлыя линіи и изобразивъ царскій образъ, прежде нежели наведутъ истинныя краски, со всею свободою одно стираютъ, а другое вмѣсто того пишутъ, исправляя погрѣшности и передѣлывая то, что нехорошо сдѣлано, но когда наконецъ наведутъ краски, то уже не властны опять стирать и перерисовывать, иначе они повредили бы красоту образа и дѣло вышло бы дурное; такъ точно поступай и ты: представляй, что душа твоя есть образъ. Итакъ прежде, нежели наведена будетъ на тебя истинная краска Духа, изгладь находящіяся въ тебѣ худыя привычки—божиться, или лгать, или оскорблять, или сквернословить, или смѣхотворствовать, или, если имѣешь привычку—дѣлать что-нибудь другое непозволительное, истреби эту привычку, чтобы послѣ крещенія опять не возвращаться къ ней. Купель уничтожаетъ грѣхи, а ты исправь привычку, чтобы, когда уже наведены краски и возсіялъ царскій образъ—тебѣ не изгладить его и на данную тебѣ отъ Бога красоту не наложить язвинъ и рубцовъ. Укроти гнѣвъ, угаси ярость; если кто причинилъ тебѣ вредъ или оскорбилъ, оплакивай его, а не досадуй, сострадай, а не раздражайся, и не говори: душѣ моей нанесенъ вредъ. Ничьей душѣ никѣмъ не можетъ быть нанесено вреда,—если мы сами не причинимъ вреда своей душѣ; а какъ, я скажу. Отнялъ ли кто у тебя имѣніе? Онъ нанесъ не душѣ твоей ущербъ, но деньгамъ; если же ты будешь злопамятствовать, то самъ ты нанесешь вредъ душѣ своей. Отнятыя деньги не причиняютъ ей никакого ущерба, но еще приносятъ пользу; а ты, не оставивъ гнѣва, отдашь тамъ отчетъ за это злопамятство. Злословилъ ли кто и оскорбилъ тебя? Онъ не нанесъ никакого вреда ни душѣ твоей, ни даже тѣлу; а если ты наоборотъ сталъ злословить и оскорблять его, то самъ ты причинилъ вредъ душѣ своей, такъ какъ долженъ будешь отдать отчетъ въ тѣхъ словахъ, которыя ты говорилъ. Это особенно я желаю внушить вамъ,—что

именно душѣ христіанина и вѣрующаго никто не можетъ причинить вреда, даже и самъ діаволъ. И не только то удивительно, что Богъ сдѣлалъ насъ недоступными для всякихъ козней, но и то, что Онъ сдѣлалъ насъ способными къ совершенію добродѣтелей, не смотря ни на какія препятствія, если только мы захотимъ этого,—будемъ ли мы бѣдны, или слабы тѣломъ, или отвержены, или незнатны, или рабы. Ни бѣдность, ни болѣзнь, ни увѣчье тѣлесное, ни рабство и ничто подобное никогда не можетъ быть препятствіемъ къ добродѣтели. Но что я говорю о бѣдномъ, и рабѣ, и незнатномъ? Если бы даже ты былъ узникомъ, и это не служитъ для тебя препятствіемъ къ добродѣтели; а какъ,—я скажу. Огорчилъ ли тебя кто-нибудь изъ сожителей и раздражилъ? Оставь гнѣвъ на него; развѣ узы, и бѣдность, и уничиженное состояніе препятствуютъ тебѣ въ этомъ? И что я говорю: препятствуютъ? Даже помогаютъ и содѣйствуютъ къ обузданію самомнѣнія. Видишь ли другого благоденствующимъ? Не завидуй: и здѣсь бѣдность не составляетъ препятствія. Также когда нужно
236 тебѣ молиться, дѣлай это съ тревзеннымъ и бодрымъ умомъ: и здѣсь не будетъ никакого препятствія. Оказывай всюду кротость, цѣломудріе и степенность: и для этого не нужна внѣшняя помощь. Величіе добродѣтели особенно и состоитъ въ томъ, что она не имѣетъ нужды ни въ богатствѣ, ни во власти, ни въ славѣ, и ни въ чемъ другомъ подобномъ, а въ одной только душѣ освященной, и не требуетъ ничего больше. Смотри: то же самое бываетъ и съ благодатію; хромъ ли кто, или лишенъ глазъ, или увѣченъ тѣломъ, или крайне слабъ здоровьемъ,—ни къ кому изъ нихъ благодать не находитъ препятствій приходить; она требуетъ одной только души, принимающей ее съ усердіемъ, и это все внѣшнее оставляетъ въ сторонѣ. Отъ мірскихъ воиновъ, для зачисленія ихъ въ войско, требуются и извѣстная мѣра роста, и тѣлесное здоровье; и не только это нужно имѣть намѣревающемуся сдѣлаться воиномъ, но и нужно быть свободнымъ, а кто въ рабскомъ состояніи, тотъ отвергается; Царь же небесный ничего такого не требуетъ, но принимаетъ въ свое воинство и рабовъ, и старцевъ, и разслабленныхъ членами, и не стыдится никого. Что можетъ быть человѣколюбивѣе этого? Что милосерднѣе? Онъ требуетъ только того, что отъ насъ зависитъ, тогда какъ тѣ требуютъ того, что отъ насъ не зависитъ. Рабство и свобода не отъ насъ зависятъ; также высокій и малый ростъ, старость и цвѣтущій возрастъ, и все тому подобное, не въ нашей власти; но быть кроткимъ и добрымъ и тому подобное—зависитъ отъ нашей воли. Богъ и требуетъ отъ насъ только того, что въ нашей власти; и это весьма естественно, потому что Онъ не для собственной

нужды, а для нашего блага призываетъ насъ къ Своей благодати, тогда какъ цари—на службу себѣ; при томъ тѣ ведутъ на войну чувственную, а Онъ на борьбу духовную. И не только во внѣшнихъ войнахъ, но и въ ратоборствахъ можно видѣть такой же примѣръ. Тѣ, которые намѣреваются выступить на это зрѣлище, начинаютъ подвиги не прежде, чѣмъ глашатай, взявъ ихъ, обведетъ кругомъ предъ глазами всѣхъ, восклицая и говоря: не обвиняетъ ли кто его? Между тѣмъ тамъ борьба не духовная, а тѣлесная; для чего же требовать доказательствъ благородства? А здѣсь нѣтъ ничего такого, все же—напротивъ, такъ какъ искусство борьбы зависитъ у насъ не отъ рукопашныхъ схватокъ, но отъ любомудрія души и доблести разума. Здѣсь Распорядитель подвиговъ поступаетъ напротивъ; Онъ не беретъ подвижника, не обводитъ его и не говоритъ: не обвиняетъ ли кто его,—но взываетъ: хотя бы всѣ люди, хотя бы бѣсы съ діаволомъ предстали и обвиняли его въ крайнихъ и гнусныхъ преступленіяхъ, Я не отвергаю его и не отвращаюсь, но, избавляя его отъ обвинителей и освобождая отъ пороковъ, веду на подвиги. И это такъ и должно быть, потому что тамъ распорядитель подвиговъ нисколько не содѣйствуетъ подвизающимся къ побѣдѣ, но остается въ сторонѣ, а здѣсь Распорядитель есть соратникъ и помощникъ въ подвигахъ благочестія, содѣйствующій подвижникамъ въ борьбѣ противъ діавола.

4. И не только то удивительно, что Онъ отпускаетъ намъ 237
грѣхи, но и то, что не открываетъ ихъ, не дѣлаетъ ихъ явными и общеизвѣстными, и не заставляетъ насъ выходить на средину и объявлять свои прегрѣшенія, но повелѣваетъ отдавать отчетъ Ему одному и исповѣдываться предъ Нимъ. Если бы кто изъ мірскихъ судей предложилъ кому-нибудь изъ пойманныхъ разбойниковъ или раскапывателей могилъ разсказать свои преступленія, и такимъ образомъ избавиться отъ наказанія, то они со всею охотою приняли бы это, презирая стыдъ ради своего спасенія. А здѣсь не бываетъ ничего такого, но Богъ и отпускаетъ грѣхи, и не заставляетъ объявлять ихъ въ присутствіи другихъ, но требуетъ только одного, чтобы самъ получающій отпущеніе позналъ величіе дара. Посему не нелѣпо ли, что тогда какъ Онъ, благодѣтельствуя намъ, довольствуется однимъ нашимъ свидѣтельствомъ, мы, оказывая Ему служеніе, стараемся имѣть другихъ свидѣтелями этого и дѣлаемъ иное для показу? Итакъ, удивляясь Его снисхожденію, будемъ оказывать должное съ нашей стороны, и прежде всего прочаго будемъ обуздывать невоздержность языка и не говорить непрестанно, ибо *отъ многословія не избѣжиши грѣха* (Прит. x, 19).

Если ты имѣешь сказать что-нибудь полезное, то раскрой уста; если же нѣтъ ничего необходимаго, то молчи; это—лучше.

Ремесленникъ ли ты? Пой псалмы, сидя. Но ты не хочешь пѣть устами? Дѣлай это мыслію. Псаломъ—великій собесѣдникъ; отъ этого ты не подвергнешься ничему опасному, но и въ мастерской будешь сидѣть, какъ въ монастырѣ, потому что не удобство мѣстъ, но строгость нравовъ доставляетъ намъ спокойствіе. Такъ Павелъ, занимаясь рукодѣльемъ въ мастерской, не потерпѣлъ никакого вреда для своей добродѣтели. Итакъ не говори: какъ я, ремесленникъ и бѣднякъ, могу любомудрствовать? Потому-то особенно ты и можешь любомудрствовать, что для благочестія бѣдность намъ пригоднѣе богатства и дѣятельность—праздности, а невнимательнымъ богатство служитъ даже препятствіемъ. Когда нужно укротить гнѣвъ, погасить зависть, обуздать ярость, совершить молитву, оказать скромность и кротость, благорасположеніе и любовь, тогда бѣдность можетъ ли быть препятствіемъ? Чтобы достигнуть этого, нужно не серебро расточать, но проявлять добрую волю. Милостыня особенно нуждается въ деньгахъ, но и она въ большемъ блескѣ обнаруживается при бѣдности; такъ, положившая два обола была бѣднѣе всѣхъ людей, однако превзошла всѣхъ (Лук. XXI, 2—4). Итакъ, не будемъ считать богатство чѣмъ-либо великимъ и не станемъ думать, будто золото лучше грязи; достоинство вещества зависитъ не отъ естественныхъ свойствъ его, но отъ нашего мнѣнія о немъ. Кто тщательно будетъ изслѣдовать, тотъ найдетъ, что желѣзо гораздо необходимѣе золота, такъ какъ послѣднее не имѣетъ никакого приложенія въ жизни, а первое доставляетъ намъ много пользы, помогая въ безчисленныхъ ремеслахъ. Но для чего я дѣлаю сравненіе между желѣзомъ и золотомъ? Даже и простыя камни нужнѣе драгоцѣнныхъ, такъ какъ изъ послѣднихъ не можетъ быть ничего полезнаго, а изъ первыхъ сдѣланы и домы, и стѣны, и города. Покажи мнѣ, какая можетъ быть польза отъ жемчужинъ, или лучше, какого не можетъ быть отъ нихъ вреда? Чтобы тебѣ носить одно такое зерно, тысячи бѣдныхъ томятся голодомъ; какое же ты найдешь оправданіе, какое прощеніе?

Ты желаешь украсить лице свое? Украшай его не жемчугомъ, но цѣломудріемъ и скромностію; тогда мужу пріятнѣе будетъ
238 смотрѣть на тебя. То украшеніе обыкновенно даетъ поводъ къ ревности, враждѣ, несогласію и ссорамъ,—а нѣтъ ничего непріятнѣе лица подозрѣваемаго,—украшеніе же милостынею и цѣломудріемъ удаляетъ всякую худую мысль и привязываетъ супруга крѣпче всякихъ узъ. Не столько природа дѣлаетъ лице красивымъ, сколько расположеніе взирающаго на него; а расположеніе обык-

новенно ничѣмъ такъ не пріобрѣтается, какъ цѣломудріемъ и скромностію. Такимъ образомъ, хотя бы жена была красивою, но, если мужъ чувствуетъ къ ней ненависть, то она будетъ казаться ему гнуснѣйшею изъ всѣхъ; напротивъ, хотя бы она и не была благообразною, но, если мужъ къ ней расположенъ, то она будетъ казаться ему красивѣйшею изъ всѣхъ, потому что мнѣніе зависитъ не отъ естественныхъ свойствъ видимаго, но отъ расположенія видящихъ. Итакъ, украшай лице цѣломудріемъ, скромностію, милостынею, человѣколюбіемъ, любовію, привѣтливостью къ мужу, кротостію, смиреніемъ, терпѣливостію; вотъ краски добродѣтели; ими ты привлечешь любовь не людей только, но и ангеловъ; за нихъ восхвалитъ тебя Самъ Богъ; когда же Богъ будетъ благоволить къ тебѣ, то конечно Онъ привяжетъ къ тебѣ и мужа. Если *мудрость человѣка просвѣтитъ лице его* (Еккл. VIII, 1), то тѣмъ болѣе добродѣтель жены просвѣтитъ лице ея. Если же ты считаешь великимъ свое украшеніе, то, скажи мнѣ, какая будетъ тебѣ польза въ тотъ день отъ этихъ жемчужинъ? И нужно ли говорить о томъ днѣ, когда можно показать все это и въ отношеніи къ настоящему? Такъ, когда нѣкоторые, обвиняемые въ оскорбленіи царя, были привлечены въ судилище и подвергались крайней опасности, тогда ихъ матери и жены, снявъ съ себя ожерелья, и золотыя вещи, и жемчугъ, и всѣ украшенія, и золотыя одежды, и надѣвъ простую и бѣдную одежду, посыпавъ себя пепломъ и повергшись предъ дверями судилища, такимъ образомъ преклоняли (къ милости) судей. Если же и въ здѣшнихъ судилищахъ золотыя украшенія, жемчугъ и разноцвѣтная одежда могли бы измѣнить и предать, а скромность, кротость, пепелъ, слезы и бѣдныя одежды скорѣе склоняютъ судей, то тѣмъ болѣе будетъ это на томъ неподкупномъ и страшномъ судѣ. Какой, скажи мнѣ, ты въ состояніи будешь дать отвѣтъ, какое оправданіе, когда Господь станетъ осуждать тебя за этотъ жемчугъ и выведетъ на средину бѣдныхъ, погибшихъ отъ голода? Посему Павелъ сказалъ: *не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. II, 9), такъ какъ съ этой стороны можетъ быть измѣна; и даже если бы мы и постоянно пользовались ими, то при смерти во всякомъ случаѣ лишимся ихъ. Напротивъ, добродѣтель доставляетъ всякую безопасность; она не измѣняетъ и не отпадаетъ, но и здѣсь дѣлаетъ насъ болѣе безопасными, и туда сопутствуетъ намъ. Хочешь ли пріобрѣсти жемчужины и никогда не лишаться этого богатства? Возьми всѣ украшенія и передай ихъ чрезъ бѣдныхъ въ руки Христовы. Онъ сбережетъ для тебя все богатство и, когда тѣло твое воскреснетъ съ великою свѣтлостію, тогда Онъ доставитъ тебѣ богатство лучшее и украшеніе

большее, нежели настоящее—ничтожное и смѣшное. Подумай, кому ты хочешь нравиться и для кого надѣваешь это украшеніе,—чтобы канатчикъ, мѣдникъ и лавочникъ, взирая на тебя, удивлялись? И ты не стыдишься и не краснѣешь, показывая себя тѣмъ,
239 которыхъ не считаешь достойными даже твоего привѣта, и дѣлая все это для нихъ?

Какимъ же образомъ тебѣ презрѣть весь этотъ мнимый блескъ? Если вспомнишь слова, произнесенныя тобою при совершеніи таинства: *отрицаюся тебе, сатана*, и гордыни твоей, и служенія тебѣ. Страсть къ украшенію драгоцѣнными камнями есть сатанинская гордость. Ты получилъ золото не для того, чтобы связывать имъ тѣло, но чтобы освобождать и питать бѣдныхъ. Итакъ, чаще повторяй: *отрицаюся тебе, сатана*. Ничего нѣтъ надежнѣе этого изреченія, если мы будемъ оправдывать его дѣлами.

5. Узнайте это и вы, намѣревающіеся принять таинство, прошу васъ, потому что это изреченіе есть договоръ съ Господомъ. Какъ мы, покупая рабовъ, напередъ спрашиваемъ самихъ продаваемыхъ, желаютъ ли они служить намъ,—такъ дѣлаетъ и Христосъ: намѣреваясь принять тебя въ служеніе, Онъ напередъ спрашиваетъ, желаешь ли ты оставить того свирѣпаго и жестокаго тирана, и принимаетъ отъ тебя договорныя условія, потому что власть Его не соединена съ принужденіемъ. И посмотри на человѣколюбіе (Божіе)! Мы прежде, нежели отдадимъ плату, спрашиваемъ продаваемыхъ, и когда узнаемъ ихъ желаніе, тогда и отдаемъ плату; а Христосъ не такъ, но Онъ уже отдалъ плату за всѣхъ насъ, драгоцѣнную кровь Свою,—*цѣною*, говоритъ (апостолъ), *куплени есте* (1 Кор. VII, 23),—и однако не принуждаетъ тѣхъ, которые не хотятъ служить Ему; если не угодно тебѣ, говоритъ Онъ, и самъ собою добровольно не хочешь записаться на службу Мнѣ, Я не принуждаю и не заставляю. Притомъ мы отнюдь не рѣшаемся покупать дурныхъ рабовъ, если же когда и рѣшаемся, то покупаемъ ихъ съ дурнымъ намѣреніемъ и такую даемъ за нихъ и цѣну; а Христосъ, искупая рабовъ неблагодарныхъ и беззаконныхъ, заплатилъ за нихъ цѣну, какъ за самаго лучшаго раба, даже гораздо большую, столько большую, что ни словомъ, ни мыслію невозможно представить ея величія,—вѣдь не небо и землю и море далъ Онъ, но, — что драгоцѣннѣе всего этого,—заплатилъ кровью Своею и такимъ образомъ искупилъ насъ; и послѣ всего этого Онъ не требуетъ отъ насъ ни свидѣтелей, ни рукописаній, но довольствуется однимъ изреченіемъ, и если ты скажешь отъ души: *отрицаюся тебе, сатана*, и гордыни твоея, то Онъ получилъ все. Посему скажемъ: *отрицаюся тебе, сатана*, скажемъ такъ, какъ имѣющіе тамъ въ тотъ

день отдать отчетъ въ этихъ словахъ, и будемъ соблюдать ихъ, чтобы этотъ залогъ возвратить тогда въ цѣлости; а гордыню сатанинскую составляютъ зрѣлища, конскія ристалища и всякій грѣхъ, также наблюденіе дней, ворожба и примѣты.

А что такое, скажешь, примѣты? Иногда кто-нибудь, вышедши изъ своего дома, видитъ человѣка одноглазаго или хромого, и принимаетъ это за дурное предзнаменованіе. Это—сатанинская гордость, такъ какъ не встрѣча съ человѣкомъ дѣлаетъ день дурнымъ, но грѣховная жизнь. Посему, когда ты выйдешь, одного только берегись, чтобы тебѣ не встрѣтиться съ грѣхомъ; грѣхъ подвергаетъ насъ паденію, а безъ него и діаволъ нисколько не сможетъ повредить намъ. Что говоришь ты? Видишь человѣка и принимаешь это за предзнаменованіе, а не видишь сѣти діавола, какъ онъ вооружаетъ тебя противъ того, кто не нанесъ тебѣ ни- 240
какой обиды, какъ онъ дѣлаетъ тебя врагомъ брату безъ всякаго справедливаго основанія? Богъ повелѣлъ любить и враговъ, а ты отвращаешься и отъ того, кто ничѣмъ не обидѣлъ тебя, не зная, въ чемъ винить его, и не подумаешь, какъ это смѣшно, какъ стыдно, а еще болѣе, какъ опасно? Сказать ли еще нѣчто другое, болѣе смѣшное? Я стыжусь и краснѣю, однако вынужденъ сказать для вашего спасенія. Если встрѣтится дѣвица, то говорятъ: день будетъ безплоденъ; а если встрѣтится блудница, то—счастливъ, хорошъ и весьма прибыленъ. Вы закрываетесь, ударяете себя въ чело и потупляете взоры въ землю? Но это нужно дѣлать не тогда, когда произносятся слова, а когда совершаются дѣла. Посмотри и здѣсь, какъ діаволъ прикрываетъ свои козни, чтобы мы отвращались отъ цѣломудренной женщины, а привѣтствовали и любили развратную. Такъ какъ онъ слышалъ слова Христовы: *всякъ, иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. v, 28), и видѣлъ, что многіе преодолѣвали невоздержаніе,—то онъ, желая другимъ путемъ опять ввести ихъ въ грѣхъ, внушилъ имъ чрезъ такую примѣту съ удовольствіемъ взирать на развратныхъ женщинъ.

А что сказать о тѣхъ, которые употребляютъ заговоры и привѣски и привязываютъ къ головамъ и ногамъ своимъ мѣдныя монеты Александра Македонскаго? Таковы ли, скажи мнѣ, наши надежды, чтобы послѣ креста и смерти Владыки намъ полагать надежду спасенія въ изображеніи языческаго царя? Неужели ты не знаешь, что совершилъ крестъ? Онъ разрушилъ смерть, подавилъ грѣхъ, упразднилъ адъ, сокрушилъ силу діавола,—и неужели онъ не достоинъ вѣры въ отношеніи къ тѣлесному здоровью? Онъ возстановилъ всю вселенную,—и ты не надѣешься на него? Чего же, скажи мнѣ, ты достоинъ? И не только привѣски ты употреб-

ляешь у себя, но и заговоры, вводя въ домъ свой пьяныхъ и изъ ума выжившихъ старухъ, и не стыдишься и не краснѣешь, послѣ такого любомудрія прилѣпляясь къ такимъ дѣламъ? И вотъ что всего тяжелѣе въ этомъ обольщеніи: когда мы увѣщеваемъ и отклоняемъ отъ него, думающіе оправдываться говорятъ, что женщина, заговаривающая такимъ образомъ, есть христіанка и ничего другого не произноситъ, кромѣ имени Божія. Но потому особенно я и ненавижу ее и отвращаюсь отъ нея, что она употребляетъ имя Божіе, въ оскорбленіе Ему, что она, называя себя христіанкою, оказываетъ дѣла языческія. И бѣсы произносили имя Божіе, но оставались бѣсами; и они говорили Христу: *вѣмы тя, кто еси, Святый Божій* (Марк. I, 24), и однако Онъ запретилъ имъ и изгналъ ихъ. Посему увѣщеваю васъ быть чистыми отъ этого обольщенія и имѣть при себѣ это изреченіе, какъ бы жезлъ. Какъ никто изъ васъ не рѣшится выйти на площадь безъ обуви и одежды, такъ и безъ этого изреченія никогда не выходи на площадь, но когда ты намѣреваешься переступить порогъ сѣней, то произнеси напередъ эти слова: *отрицаюся тебе*, *сатана*, и гордыни твоей, и служенія тебѣ, *и сочетаюся Тебѣ*, *Христе*; и никогда не выходи безъ этого изреченія; оно будетъ для тебя и жезломъ, и оружіемъ, и необоримымъ оплотомъ. Вмѣстѣ съ этими словами изобрази и крестъ на челѣ своемъ; тогда не только встрѣтившійся человѣкъ, но и самъ діаволъ не въ состояніи будетъ повредить тебѣ, видя тебя вездѣ съ этимъ оружіемъ. Все это усвой себѣ уже съ настоящаго времени, дабы, когда ты получишь печать, тебѣ быть готовымъ воиномъ и, одержавъ побѣду надъ діаволомъ, получить вѣнецъ правды, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДЫ О ДІАВОЛѢ.

Три нижеслѣдующія бесѣды, сказанныя св. Златоустомъ въ Антіохіи въ 388 г., имѣютъ связь между собою по главной мысли, въ нихъ излагаемой, именно что виною всѣхъ золъ, какія діаволъ вводитъ въ жизнь человѣческую, служитъ наша безпечность и нерадѣніе.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ, что демоны управляютъ человѣческими дѣлами,—равно и тѣхъ, которые негодуютъ на наказанія Божіи и соблазняются благополучіемъ нечестивыхъ и несчастіями праведныхъ.

Я ДУМАЛЪ, что отъ непрерывнаго собесѣдованія вы почув- 241—244
ствуете отвращеніе къ нашимъ словамъ, но, вижу, выходитъ противное: не отвращеніе рождается въ васъ отъ непрерывности бесѣдъ, но увеличивается желаніе; не пресыщеніе чувствуете вы, но удовольствіе,—выходитъ тоже, что и на мірскихъ пиршествахъ бываетъ съ любителями вина. Они чѣмъ болѣе пьютъ вина, тѣмъ большую возжигаютъ въ себѣ жажду: и въ васъ, чѣмъ болѣе мы предлагаемъ ученія, тѣмъ бо́льшую возжигаемъ охоту, тѣмъ болѣе увеличиваемъ желаніе, усиливаемъ любовь. Поэтому я, хотя и сознаю въ себѣ крайнюю бѣдность, не перестаю подражать разумнымъ хозяевамъ, предлагать вамъ непрерывную трапезу и ставить полную чашу ученія, такъ какъ вижу, что вы, 245
и выпивъ ее всю, уходите отсюда съ новою жаждою. Это обнаруживалось во всякое время, но особенно въ прошлое воскресенье. Что вы имѣете ненасытимую жажду къ словамъ Божіимъ, это показалъ особенно тотъ день, въ который я говорилъ къ вамъ, что не должно злословить другъ друга; когда я указалъ вамъ и безопаснѣйшій предметъ для осужденія, увѣщевая васъ порицать собственные грѣхи, а не любопытствовать о чужихъ; когда приводилъ въ примѣръ святыхъ, которые осуждали самихъ себя, но щадили другихъ,—(приводилъ) Павла, который говорилъ о себѣ, что онъ первый изъ грѣшниковъ (1 Тим. I, 15), и что его—богохульника, и гонителя, и обидчика помиловалъ Богъ (1 Тим. I, 13), который называлъ себя извергомъ, и не считалъ достойнымъ

даже имени апостольскаго (1 Кор. xv, 8—9),—Петра, который говорилъ: *изыде отъ мене, яко мужъ грѣшенъ есмь* (Лук. v, 8),—Матѳея, который называлъ себя мытаремъ и во время апостольства (Матѳ. x, 3),—Давида, который взывалъ и говорилъ: *беззаконія моя превзыдоша главу мою, и яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. xxxvii, 4),—Исаію, который рыдалъ и съ плачемъ вопіялъ: *яко нечистъ есмь и нечисты устнѣ имый* (Иса. vi, 5),—трехъ отроковъ, которые въ пещи огненной исповѣдали и говорили о себѣ, что они согрѣшили, преступили законъ, и не сохранили повелѣній Божіихъ (Дан. iii, 29—30),—Даніила, который плакалъ о томъ же. Когда, перечисливъ этихъ святыхъ, я назвалъ осуждающихъ мухами и представилъ справедливую причину такого сравненія, то есть, что, какъ тѣ (мухи) садятся на чужія раны, такъ и осуждающіе уязвляютъ чужіе грѣхи, причиняя чрезъ это болѣзнь и сообщающимся съ ними; когда дѣлающихъ противное назвалъ пчелами, не тѣми, которыя причиняютъ болѣзни, но—которыя устрояютъ ульи величайшаго благочестія и затѣмъ летаютъ по лугу добродѣтели святыхъ: тогда-то, тогда показали вы ненасытимую свою любовь! Рѣчь наша продлилась (тогда) долго, безмѣрно долго, какъ никогда еще не бывало, и многіе ожидали, что отъ такой продолжительности слова погаснетъ въ васъ усердіе (къ слушанію); но вышло противное: въ васъ еще болѣе разгоралось сердце, болѣе воспламенялось усердіе. Изъ чего же это видно? Изъ того, что рукоплесканія подъ конецъ увеличились и восклицанія усилились, и случилось то же самое, что бываетъ въ печахъ. Какъ тамъ сначала не очень яркъ бываетъ блескъ огня, но, когда пламя охватитъ накладенныя дрова, то и поднимается на большую высоту; такъ точно случилось и въ тотъ день. Сначала это собраніе волновалось не сильно; но когда рѣчь простерлась далеко, обняла всѣ части предмета, и предложено было обильнѣйшее наставленіе, тогда-то именно и разгорѣлась въ васъ охота къ слушанію, и стали раздаваться сильнѣйшія рукоплесканія. Поэтому я тогда, хотя и располагалъ было сказать меньше, нежели
246 сколько сказалъ, преступилъ однакожъ обыкновенную мѣру; а лучше сказать, нисколько не преступилъ я мѣры, потому что количество ученія привыкъ я измѣрять не множествомъ словъ, но расположеніемъ слушающихъ. У кого слушатели нерадивы, тотъ, хотя и сократитъ бесѣду, кажется скучнымъ; а у кого слушатели усердны, внимательны и бодры, тотъ, если и далеко продлитъ рѣчь, и тогда еще не удовлетворитъ желанію (слушателей).

Впрочемъ, такъ какъ въ такомъ множествѣ слушателей есть, конечно, и слабые, которые не могутъ прослѣдить (до конца) за продолжительнымъ словомъ, то я посовѣтую таковымъ вотъ что:

выслушавъ, что могутъ, пусть примутъ они это, и принявъ, сколько для нихъ вмѣстимо, пусть и удалятся отсюда; никто не запрещаетъ имъ (уходить), никто не принуждаетъ ихъ и оставаться здѣсь сверхъ силы; пусть не заставляютъ они насъ прервать слово прежде времени и обычнаго часа. Ты насытился, но братъ твой еще алчетъ; ты упоенъ обиліемъ сказаннаго, но братъ твой еще жаждетъ. Пусть же и онъ не отягощаетъ твоей слабости, заставляя тебя принять что-либо сверхъ силы; и ты не оскорбляй его усердія, препятствуя ему принять все, что только онъ можетъ вмѣстить.

2. Это бываетъ и на мірскихъ трапезахъ. Одни насыщаются скорѣе, другіе медленнѣе; но ни эти не укоряютъ тѣхъ, ни тѣ не осуждаютъ этихъ. Только тамъ выйти (изъ-за стола) скорѣе—похвально; а здѣсь выйти (изъ церкви) скорѣе—не похвально, но (только) простительно. Тамъ оставаться дольше предосудительно и позорно; а здѣсь выходить позднѣе—похвально и достойно величайшаго одобренія. Почему такъ? Потому, что тамъ отъ пресыщенія происходитъ разслабленіе, а здѣсь отъ духовнаго усердія и богоугодной ревности рождается постоянство и терпѣніе.

Но для вступленія довольно, время уже намъ перейти къ тому долгу, который остался за нами отъ того дня. О чемъ же тогда говорено было? О томъ, что у всѣхъ людей рѣчь была одна (Быт. xi, 1), какъ и природа одна, и не было никого, кто говорилъ бы на другомъ нарѣчіи, или языкѣ. Откуда же такое разнорѣчіе? Отъ безпечности тѣхъ, кои получили даръ (слова). О томъ и другомъ сказали мы тогда, доказавъ единорѣчіемъ—человѣколюбіе Господа, а разнорѣчіемъ—неблагодарность рабовъ, потому что Онъ, хотя и предвидѣлъ, что мы потеряемъ даръ, однакожъ далъ его; а тѣ, коимъ даръ былъ ввѣренъ, оказались небрежными въ храненіи ввѣреннаго. Итакъ, первое оправдательное доказательство то, что не Богъ отнялъ даръ, но мы потеряли данное. Второе затѣмъ то, что впослѣдствіи мы получили бо́льшіе, въ сравненіи съ потерянными, дары; за временные труды Онъ почтилъ (насъ) вѣчною жизнію, за тернія и волчцы произрастилъ въ душахъ нашихъ плодъ Духа. Ничего не было презрѣннѣе человѣка, и ничто не сдѣлалось почтеннѣе человѣка. Онъ былъ самою низшею частію разумнаго творенія, но ноги сдѣлались головою, и вмѣстѣ съ пер- 247
венцемъ [1]) вознеслись на царскій престолъ. Какъ если бы великодушный и благотворительный человѣкъ, увидя, что кто-либо, избѣжавъ кораблекрушенія, могъ спасти отъ волнъ одно только тѣло, принялъ (его) распростертыми руками, одѣлъ въ свѣтлую

[1]) Т. е. со Христомъ (1 Кор. xv, 20. Кол. i, 18).

одежду и оказалъ ему самую высокую почесть, такъ и Богъ поступилъ съ нашею природою. Человѣкъ потерялъ все, что имѣлъ,— дерзновеніе, общеніе съ Богомъ, собесѣдованіе въ раю, безпечальную жизнь, и вышелъ изъ рая нагимъ, какъ бы послѣ кораблекрушенія; но Богъ, принявъ его, тотчасъ одѣлъ и, исподоволь ведя его за руку, возвелъ на небо, хоть кораблекрушеніе и не заслуживало извиненія, потому что вся эта буря произошла не отъ напора вѣтровъ, а отъ безпечности пловца.

Но Богъ не посмотрѣлъ на это, а пожалѣлъ о великости несчастія, и—того, кто потерпѣлъ кораблекрушеніе въ пристани, принялъ такъ благосклонно, какъ будто бы онъ подвергся оному на самой срединѣ моря. Вѣдь пасть въ раю есть то же, что потерпѣть кораблекрушеніе въ пристани. Почему такъ? Потому что человѣкъ преткнулся и палъ тогда, когда еще въ нашу природу не вторглись ни скорбь, ни забота, ни труды, ни безпокойства, ни безчисленныя волненія страстей. И какъ морскіе разбойники, просверливъ иногда небольшимъ желѣзомъ корабль, впускаютъ снизу въ судно цѣлое море, такъ и тогда діаволъ, увидя корабль Адамовъ, т. е. душу, наполненную множествомъ добра, подошелъ, и однимъ словомъ, какъ бы небольшимъ какимъ желѣзомъ, просверливъ (этотъ корабль), похитилъ изъ него все богатство, и самое судно потопилъ. Но Богъ сдѣлалъ прибыль бо́льше потери,— возвелъ нашу природу на царскій престолъ. Поэтому и Павелъ взываетъ, говоря: *съ Нимъ воскреси, и спосади* насъ одесную Его *на небесныхъ да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣлное богатство благодати своея благостынею на насъ* (Еф. II, 6—7). Что говоришь? Дѣло сдѣлано и окончено, а ты говоришь: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ?* Развѣ Онъ еще не явилъ? Явилъ уже, только не всѣмъ людямъ, но мнѣ—вѣрующему, а невѣрующій еще не видѣлъ чуда. Но тогда, въ тотъ день, весь родъ человѣческій, выступивъ на средину, удивится тому, что сдѣлано; при томъ и для насъ тогда будетъ это яснѣе. Мы и теперь вѣруемъ, но не съ одинаковою ясностію представляютъ это чудо слухъ и зрѣніе. Удивляемся мы царямъ и тогда, какъ слышимъ о порфирѣ, діадемѣ, золотыхъ одеждахъ и царскомъ тронѣ, но еще болѣе удивляемся, когда, по открытіи завѣсъ, видимъ самого (царя) сидящимъ на высокомъ престолѣ. То же надобно сказать и о Единородномъ. Когда увидимъ мы, что небесныя завѣсы поднялись, и Царь ангеловъ сходитъ оттуда, окруженный небесными сонмами, тогда зрѣніе представитъ намъ это чудо въ бо́льшемъ видѣ; да и каково, подумай, увидѣть, что наша природа носится на херувимахъ и окружена всею ангельскою силою!
248

3. Посмотри и на мудрость Павлову: сколько выискиваетъ онъ

именъ, чтобы изобразить человѣколюбіе Божіе! Не сказалъ просто: *благодать*; не сказалъ также просто: *богатство*, но что?— *презѣльное богатство благодати благостынею*. Однакожъ и такъ выразился еще не довольно сильно. Какъ скользкія тѣла, и будучи удерживаемы тысячью рукъ, вырываются у насъ и легко ускользаютъ, такъ и человѣколюбія Божія, какими бы именами ни изображали мы, не можемъ обнять вполнѣ, но великость его чрезмѣрно превышаетъ слабость нашихъ словъ. И Павелъ, испытавъ это и видя, что великость человѣколюбія (Божія) преодолѣваетъ силу словъ, сказалъ только одно слово — и отступилъ. Какое же это слово? *Благодареніе же Богови о неизреченномъ Его дарѣ* (2 Кор. IX, 15). Въ самомъ дѣлѣ, никакое слово и никакой умъ не сможетъ выразить попечительности Божіей. Поэтому апостолъ здѣсь говоритъ, что она неизреченна, а въ другомъ мѣстѣ—что она превосходитъ и умъ нашъ, такъ говоря: *миръ Божій, превосходяй всякъ умъ да соблюдетъ сердца ваша* (Фил. IV, 7).

Но доселѣ, какъ сказалъ я, найдены эти два оправдательныя доказательства: одно то, что не Богъ отнялъ, но мы потеряли (даръ); а другое то, что намъ дарованы блага, гораздо многочисленнѣйшія и бóльшія въ сравненіи съ потерянными. Теперь я хочу сказать и о третьемъ доказательствѣ. Какое же это третье?— То, что, если бы Богъ и не далъ намъ впослѣдствіи бóльшія блага въ сравненіи съ потерянными, но только отнялъ (прежде) дарованныя намъ, когда мы сами подали поводъ къ тому (это надобно прибавить),—то и это одно уже достаточно доказывало бы Его попечительность объ насъ. Не только дать, но и отнять данное, есть знакъ величайшаго человѣколюбія; и (въ доказательство), если хотите, предложимъ слово о раѣ. Богъ далъ рай,—это знакъ Его попечительности; мы оказались недостойными дара,—это знакъ нашей непризнательности; Онъ отнялъ рай у недостойныхъ,—это было дѣломъ Его благости. Какая же благость, скажешь, въ отнятіи дара? Подожди, и, навѣрное, услышишь. Подумай, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ бы Каинъ, если бы жилъ въ раю послѣ убійства. Если уже онъ, и будучи изгнанъ изъ того жилища, осужденъ на страданіе и трудъ, видя близкую угрозу смерти, — если, имѣя предъ глазами несчастіе отца, и осязая еще, какъ бы руками, слѣды гнѣва Божія,—если и останавливаемый столькими бѣдствіями, впалъ въ такое нечестіе, что не узналъ природы, забылъ объ общности мукъ родившей, убилъ не причинившаго ему никакой обиды, коснулся братняго тѣла, обагрилъ кровію правую руку свою, и не послушался Бога, Который увѣщевалъ его быть спокойнымъ, но оскорбилъ Творца и нанесъ безчестіе родителямъ:

смотри, на какое злодѣйство не рѣшился бы онъ, если бы оставался въ раю. Если онъ и тогда, какъ лежало на немъ столько
249 уздъ, сдѣлалъ смертельные скачки, то въ какую бы пропасть онъ не низринулся, когда бы отняты были эти преграды?

Хочешь ли и отъ матери его узнать, сколь великимъ было благомъ изгнаніе изъ райскаго жилища? Разсмотри, что была Ева прежде, и чѣмъ стала послѣ. Прежде она обольстителя-діавола, этого злого демона, почитала болѣе достойнымъ вѣры, нежели заповѣди Божіи, и отъ одного взгляда на дерево попрала данный Богомъ законъ; когда же изгнана была изъ рая, то, смотри, какъ она стала лучше и благоразумнѣе: она, родивъ сына, говоритъ: *стяжахъ человѣка Богомъ* (Быт. IV, 1). Къ Господу тотчасъ прибѣгла та, которая предъ тѣмъ презрѣла Господа; уже не природѣ приписываетъ плодъ свой, и не силѣ брака усвояетъ рожденіе сына, но признаетъ Владыку природы, и Ему приноситъ благодарность за рожденіе дитяти. Та, которая прежде обольстила мужа, впослѣдствіи и дитя свое научила, и дала ему такое имя, которое могло приводить ему на память даръ Божій; а родивъ еще другого сына, говоритъ: *воскреси ми Богъ сѣмя вмѣсто Авеля, егоже уби Каинъ* (Быт. IV, 25). Жена помнитъ о несчастіи, и не ропщетъ, но еще благодаритъ Бога, и называетъ дитя по дару, доставляя ему въ этомъ всегдашній предметъ для наученія. Такъ и въ самомъ лишеніи Богъ далъ еще большія блага! Жена изгнана была изъ рая, но чрезъ изгнаніе приведена къ богопознанію, такъ что пріобрѣла больше, чѣмъ потеряла. Но если полезно было, скажешь, это изгнаніе изъ рая, то для чего и вначалѣ Богъ далъ рай? Полезно это было, человѣкъ, по причинѣ нашей безпечности, такъ какъ, если бы (прародители) были внимательны къ самимъ себѣ, и признательны къ Господу, и умѣли вести себя воздержно и скромно, то остались бы въ чести; но когда пренебрегли даннымъ даромъ, тогда полезнымъ оказалось изгнаніе. Для чего же вначалѣ Богъ далъ (рай)? Для того, чтобы показать Свое человѣколюбіе и то, что Онъ готовъ всегда возвести насъ въ большую честь, но что мы сами виною всѣхъ наказаній и мученій своихъ, лишая себя, по безпечности, данныхъ намъ благъ. И вотъ, какъ любящій отецъ вначалѣ позволяетъ сыну своему жить дома и пользоваться всѣмъ отцовскимъ; когда же увидитъ, что сынъ отъ этой чести сталъ хуже, лишаетъ его стола и удаляетъ отъ своего лица, а часто выгоняетъ и изъ самаго дома отцовскаго, чтобы онъ, по изгнаніи, сдѣлавшись лучше отъ этого позора и безчестія, показалъ себя достойнымъ опять возвратиться (въ домъ) и получить отцовское наслѣдство: такъ сдѣлалъ и Богъ. Онъ далъ человѣку рай, но, когда человѣкъ оказался недостой-

нымъ, изгналъ его, чтобы онъ, живя внѣ (рая) и въ безчестіи, сдѣлался лучше и благоразумнѣе, и затѣмъ оказался достойнымъ возвращенія. И вотъ, когда онъ впослѣдствіи сдѣлался лучше, Богъ опять вводитъ его (въ рай), и говоритъ: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Видишь, что не только дать рай,
но и изгнать изъ рая, было дѣломъ величайшей попечительности? 250
Если бы человѣкъ не былъ изгнанъ изъ рая, то и не оказался бы опять достойнымъ рая.

4. Это слово будемъ хранить въ памяти всегда; распространимъ его, если хотите, и на предлежащій предметъ. Богъ далъ всѣмъ общій языкъ: это дѣло Его человѣколюбія. Люди не воспользовались даромъ, какъ должно, но уклонились въ крайнее безуміе. Онъ опять отнялъ данное; потому что если они и тогда, какъ имѣли одинъ языкъ, впали въ такое безуміе, что захотѣли построить башню до неба, то не пожелали ль бы они ухватиться за самую вершину неба, если бы не тотчасъ были наказаны? Конечно, это было и невозможно для нихъ, однакожъ, судя по намѣренію, они готовы были на такое нечестіе. Все это предвидя, Богъ, за то, что они не воспользовались, какъ должно, однорѣчіемъ, разъединяетъ ихъ въ надлежащей степени разнорѣчіемъ. И посмотри на Его человѣколюбіе. *Се гласъ единъ всѣмъ*, говоритъ, *и сіе начаша творити* (Быт. XI, 1, 6).

Для чего не тотчасъ приступилъ онъ къ раздѣленію языка, но прежде оправдывается, какъ бы готовясь судиться въ судилищѣ? Никто вѣдь не скажетъ Ему: что Ты сдѣлалъ?—напротивъ, Онъ властенъ дѣлать все, что только хочетъ. Однакожъ Онъ, какъ будто подлежащій отвѣту, представляетъ оправданія, научая насъ быть кроткими и человѣколюбивыми. Въ самомъ дѣлѣ, если Владыка оправдывается предъ рабами, и притомъ оскорбившими (Его), тѣмъ болѣе мы должны извиняться другъ предъ другомъ, хотя бы потерпѣли величайшія оскорбленія. Смотри же, какъ Онъ оправдывается: *се устнѣ единѣ, и гласъ единъ всѣмъ, и сіе начаша творити* (Быт. XI, 1, 6). Какъ бы такъ сказалъ: никто, видя раздѣленіе языка, не поставляй этого Мнѣ въ вину; никто не думай, будто разнорѣчіе это введено въ людяхъ вначалѣ. *Се устнѣ единѣ, и гласъ единъ всѣмъ*, но они не воспользовались даромъ, какъ должно. И чтобы ты зналъ, что Богъ не столько наказываетъ за настоящее дѣло, сколько напередъ исправляетъ будущее, выслушай слѣдующія затѣмъ слова: *и нынѣ не оскудѣютъ отъ нихъ вся, елика аще восхотятъ творити* (Быт. XI, 6). Смыслъ этихъ словъ такой: если теперь они не потерпятъ наказанія, и не будутъ остановлены при самомъ корнѣ грѣховъ, то нигдѣ не остановятся во злѣ; это и значитъ: *не оскудѣютъ отъ нихъ вся*,

елика аще восхотять творити,—какъ бы такъ сказалъ: сверхъ этихъ, они сдѣлаютъ и другія, еще бóльшія беззаконія. Таковъ грѣхъ! Когда онъ не будетъ остановленъ въ самомъ началѣ, то, подобно огню, охватившему дрова, поднимается на несказанную высоту. Видишь, что и уничтоженіе однорѣчія было дѣломъ великаго человѣколюбія? Богъ повергъ людей въ разнорѣчіе, чтобы они не впали въ бóльшее нечестіе. Итакъ храните это слово въ памяти, и да будетъ у васъ всегда твердою и непоколебимою мысль, что Богъ благъ и человѣколюбивъ, не только когда благотворитъ, но и когда наказываетъ, потому что и наказанія Его и кары составляютъ величайшій удѣлъ благодѣянія, важнѣйшій видъ промышленія. Итакъ, когда увидишь, что случились неурожаи, и язвы, и засухи, и наводненіе, и безпорядочныя перемѣны въ воздухѣ, или другой подобный бичъ человѣческой природы, то не изъявляй досады и негодованія, но поклонись Творцу, подивись Его попе-
251 чительности. Онъ дѣлаетъ это, и наказываетъ тѣло, чтобы вразумить душу. И это, скажешь ты, Богъ дѣлаетъ? Да, Богъ дѣлаетъ это; и пусть предстанетъ здѣсь весь городъ, пусть вся вселенная, я не побоюсь сказать это. О, если бы у меня былъ голосъ сильнѣе трубы и могъ я стать на высокомъ мѣстѣ и предъ всѣми воскликнуть и засвидѣтельствовать, что Богъ дѣлаетъ это! Не по безумію говорю это, но имѣю на своей сторонѣ пророка, который со мною восклицаетъ и говоритъ: нѣтъ зла *во градѣ, еже Господь не сотвори* (Амос. III, 6). Но такъ какъ слово „зло" имѣетъ два смысла, то я и хочу сообщить вамъ точное его значеніе съ той и другой стороны, чтобы вы, изъ-за двусмысленности названія перемѣшавъ самые предметы, не впали въ богохульство.

5. Итакъ, есть зло — дѣйствительное зло, блудъ, прелюбодѣяніе, любостяжаніе и безчисленное множество пороковъ, достойныхъ крайняго осужденія и наказанія. Опять есть зло, а лучше сказать, не есть, а называется (зломъ), голодъ, язва, смерть, болѣзнь, и тому подобное: все это не можетъ быть (истиннымъ) зломъ, — потому я и сказалъ, что это называется только зломъ. Почему же? Потому, что если бы все это было зломъ, то не дѣлалось бы для насъ виною благъ, не обуздывало бы гордости, не искореняло бы безпечности, не возбуждало бы насъ къ рачительности и не дѣлало бы болѣе внимательными къ самимъ себѣ. *Егда убиваше я*, говоритъ Писаніе, *тогда взыскаху Его, и обращахуся и утреневаху къ Богу* (Псал. LXXVII, 34). Зло разумѣется здѣсь то, которое насъ вразумляетъ, дѣлаетъ доблестными и болѣе рачительными, приводитъ къ любомудрію, а не то, которое достойно проклятія и осужденія; это не Божіе дѣло, но изобрѣтеніе нашего произволенія, а то служитъ къ уничтоженію этого.

Зломъ называется здѣсь страданіе, причиняемое намъ наказаніями, и называется такъ оно не по собственной его природѣ, но приспособительно къ мнѣнію людей. Такъ какъ мы привыкли называть зломъ не только воровство и прелюбодѣяніе, но и несчастія, то (Богъ) назвалъ такъ страданіе, примѣняясь къ мнѣнію людей. Такъ, вотъ что означаютъ слова пророка: *нѣтъ зла во градѣ, еже Господь не сотвори*. Это же выразилъ Богъ и чрезъ Исаію: *Азъ Богъ, творяй миръ, и зиждяй злая* (Ис. XLV, 7), зломъ называя и здѣсь бѣдствія. На это зло дѣлаетъ намекъ и Христосъ въ Евангеліи, когда говоритъ ученикамъ: *довлѣетъ дневи злоба его* (Мѳ. VI, 34), т. е. огорченіе, безпокойство. Итакъ изъ всего видно, что зломъ (Богъ) называетъ здѣсь наказанія, и что эти наказанія Самъ Онъ насылаетъ на насъ, являя въ нихъ важнѣйшій видъ Своего Промысла. И врачъ не только тогда достоинъ хвалы, когда выводитъ больного въ сады и луга, или въ бани и купальни, или когда предлагаетъ ему роскошный столъ, но и когда заставляетъ его оставаться безъ пищи, мучитъ голодомъ и томитъ жаждою, — когда приковываетъ къ постели, и домъ дѣлаетъ темницею, лишаетъ больного самаго свѣта и закрываетъ комнату со всѣхъ сторонъ завѣсами, — когда подвергаетъ его и сѣченію, и жженію, и предписываетъ горькія лѣкарства: и тогда онъ тотъ же врачъ. Поэтому не странно ли — того, кто причиняетъ столько непріятностей, называть врачемъ, а Бога, если онъ сдѣлаетъ одну такую непріятность, напр. наведетъ голодъ, или 252
смерть, хулить и не признавать Промыслителемъ вселенной? А Онъ-то одинъ и есть истинный врачъ душъ и тѣлесъ. Потому-то часто Онъ, принявъ въ Свое попеченіе нашу природу, которая скачетъ отъ полноты счастія, а между тѣмъ одержима грѣховною горячкою, избавляетъ ее отъ болѣзней—бѣдностію, голодомъ, смертію, и другими бѣдствіями, и иными, какими Самъ знаетъ, врачествами. Но, скажешь, одни бѣдные чувствуютъ голодъ? Нѣтъ, Онъ наказываетъ не однимъ голодомъ, но и другими безчисленными бѣдствіями. Бѣднаго Онъ часто вразумляетъ голодомъ, а богатаго и въ изобиліи живущаго — опасностями, болѣзнями и преждевременными смертями, потому что Онъ изобрѣтателенъ и имѣетъ различныя врачества для нашего спасенія.

Такъ поступаютъ и судьи: они не только оказываютъ почести жителямъ городовъ, не только награждаютъ ихъ вѣнцами, не только даютъ имъ дары, но часто и наказываютъ ихъ. Поэтому у нихъ и мечъ изощренъ, и изготовлены ямы, и колеса, и палки, и палачи, и другіе безчисленные виды наказаній. Но что у судей палачъ, то у Бога голодъ, который, подобно палачу, наказываетъ насъ и отводитъ отъ зла. То же можно видѣть и у земледѣльцевъ:

они не только закрываютъ корень винограда, не только огораживаютъ его, но и обрѣзываютъ и отсѣкаютъ у него множество вѣтвей. Поэтому у нихъ есть не только заступъ, но и серпы, годные къ сѣченію. Однако мы не осуждаемъ ихъ, напротивъ, еще хвалимъ ихъ, особенно тогда, когда видимъ, что они отсѣкаютъ множество безполезныхъ вѣтвей, чтобы, отнявъ излишнія, лучше сохранить остальныя. Итакъ не странно ли: — отца, и врача, и судію, и земледѣльца такъ одобрять, и ни отца, который выгоняетъ сына изъ дома, ни врача, который изнуряетъ больного, ни судію, который наказываетъ, ни земледѣльца, который отсѣкаетъ вѣтви, не порицать и не обвинять, а Бога, если когда Онъ захочетъ насъ, какъ бы страждущихъ головною болью, излѣчить отъ великаго опьяненія въ нечестіи, порицать и осыпать безчисленными укоризнами? Какое безуміе — не давать Господу и того права къ защищенію себя, какое даемъ мы подобнымъ намъ рабамъ!

6. Это говорю теперь изъ опасенія за самихъ обвинителей, чтобы они, наступая на острія, не окровавили ногъ, чтобы, бросая камни на небо, не поранили себѣ голову. Но сверхъ того намѣренъ я сказать и еще нѣчто, гораздо болѣе важное. Не стану разсуждать болѣе, по снисхожденію къ нимъ, о томъ, для нашей ли пользы Богъ взялъ отъ насъ (даръ), и скажу только вотъ что: если бы Онъ взялъ (только) данное, такъ и за это никто не могъ бы обвинять Его; потому что Онъ былъ властенъ въ Своемъ. И людей, когда они довѣряютъ намъ свои деньги и даютъ взаймы серебро, мы благодаримъ за то время, на которое они ссудили насъ, а не бранимъ за то время, когда они берутъ отъ насъ свою собственность: неужели же, скажи мнѣ, станемъ мы винить Бога, когда Онъ хочетъ взять Свое? Не будетъ ли это крайне безумно? Но не такъ поступилъ великій и доблестный Іовъ: онъ, не только когда получалъ, но и когда терялъ,—и тогда свидѣтельствовалъ
253 величайшую благодарность, говоря такъ: *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. I, 21). Если же должно благодарить за то и другое въ отдѣльности, и потеря не менѣе полезна, какъ и самый даръ, то какое, скажи мнѣ, будемъ имѣть извиненіе, когда станемъ платить неблагодарностію Тому, Кто столько кротокъ, человѣколюбивъ и попечителенъ, Кто мудрѣе всякаго врача, сердобольнѣе всякаго отца, правдивѣе всякаго судіи, и рачительнѣе всякаго земледѣльца заботится о душахъ нашихъ,—когда станемъ негодовать на Того, предъ Кѣмъ должно благоговѣть? Можно ли быть еще безумнѣе и несмысленнѣе тѣхъ, которые, при такомъ благоустройствѣ (вселенной), говорятъ, что Богъ не промышляетъ о насъ? Если тотъ, кто

сталъ бы утверждать, что солнце темно и холодно, обнаружилъ бы такимъ сужденіемъ свое крайнее неразуміе, тѣмъ болѣе тотъ, кто сомнѣвается въ Божіемъ Промыслѣ, заслуживаетъ еще гораздо большихъ упрековъ въ безразсудствѣ.

Не такъ свѣтло солнце, какъ явно Провидѣніе Божіе: и однакожъ нѣкоторые дерзаютъ говорить, что демоны управляютъ нашими дѣлами. Что мнѣ дѣлать? Человѣколюбивъ твой Владыка: Онъ хочетъ лучше, чтобы ты оскорблялъ Его этими словами, нежели, чтобы, ввѣривъ демонамъ управленіе дѣлами твоими, убѣдился опытомъ, каково управляютъ демоны. Тогда ты хорошо узналъ бы ихъ злобу на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ можно и теперь представить вамъ ее на небольшомъ примѣрѣ. Встрѣтились со Христомъ нѣкоторые бѣсноватые, исшедшіе изъ гробовъ, и просили Его демоны позволить имъ войти въ стадо свиное. Онъ позволилъ, и они пошли, и тотчасъ низвергли всѣхъ (свиней) съ утеса въ море (Мѳ. VIII, 28—32): вотъ какъ управляютъ демоны. Но до свиней у нихъ не было никакого дѣла, а съ тобою всегда война непримиримая, брань непрестанная, вражда вѣчная. Если же тѣхъ (животныхъ), съ коими у нихъ ничего не было общаго, (демоны) не могли потерпѣть и на малое мгновеніе времени, то чего бы не сдѣлали они, когда бы взяли подъ свою власть насъ, которые враги имъ и безпрестанно уязвляемъ ихъ? Какихъ бы непоправимыхъ золъ не причинили намъ? Поэтому Богъ и позволилъ имъ войти въ стадо свиное, чтобы на тѣлахъ безсловесныхъ узналъ ты ихъ злобу. А что демоны и съ бѣсноватыми сдѣлали бы то же самое, что и со свиньями, еслибы бѣсноватые, и во время самаго бѣснованія, не были хранимы Промысломъ Божіимъ, это ясно всякому. Итакъ и теперь, когда увидишь человѣка, одержимаго демономъ, возблагоговѣй предъ Владыкой, познай злобу демоновъ, потому что можно видѣть на этихъ бѣснуемыхъ и то, и другое, человѣколюбіе Божіе, и злобу демоновъ,—злобу демоновъ, когда они возмущаютъ и мучатъ душу одержимаго,—человѣколюбіе Божіе, когда (Богъ) столь лютаго демона, который, вселившись въ человѣка, усиливается низринуть его въ бездну, удерживаетъ и останавливаетъ, не попуская ему вполнѣ выказать свою силу, но дозволяя обнаружить ее столько, сколько нужно для вразумленія человѣка и для обличенія собственной его (демона) злобы. Хочешь видѣть опять и изъ другого примѣра, какъ управляетъ демонъ, когда Богъ позволитъ ему выказать свою силу? Подумай 254
о стадахъ воловъ и овецъ Іова, какъ онъ потерялъ все въ одно мгновеніе времени; подумай о жалкой смерти его дѣтей, о пораженіи тѣла его,—и увидишь, какъ жестока, безчеловѣчна и безпощадна злоба демоновъ, а изъ этого ясно познаешь, что, если бы

Богъ предалъ во власть ихъ и вселенную, они все привели бы въ смятеніе и безпорядокъ, и съ нами поступили бы такъ же, какъ съ свиньями и тѣми стадами, не пощадили бы нашего спасенія и на краткое мгновеніе времени. Если бы демоны управляли, то мы были бы ничѣмъ не лучше бѣсноватыхъ,—напротивъ, еще и хуже ихъ, потому что тѣхъ Богъ не совсѣмъ предалъ неистовству демонóвъ, иначе они терпѣли бы гораздо большія мученія, нежели какія терпятъ теперь. Но я желалъ бы говорящихъ это спросить еще вотъ о чемъ: какой безпорядокъ въ мірѣ видятъ они, что все, случающееся съ нами, приписываютъ управленію демоновъ? Напротивъ, мы видимъ, что солнце въ теченіе столькихъ лѣтъ каждый день ходитъ правильно, многоразличный хоръ звѣздъ соблюдаетъ свой порядокъ, луна течетъ безостановочно, день и ночь смѣняются точно, всѣ твари, и горнія, и дольнія, какъ бы въ стройномъ какомъ хороводѣ, даже гораздо лучше и точнѣе, удерживаютъ каждая свое мѣсто, и не выходятъ изъ того порядка, какой вначалѣ, при созданіи ихъ, установилъ Богъ.

7. Но что пользы отъ этого, скажешь ты, когда небо, и солнце, и луна, и хоръ звѣздъ, и всѣ прочія твари находятся въ великомъ порядкѣ, а наши дѣла въ неустройствѣ и безпорядкѣ? Въ какомъ это, человѣкъ, неустройствѣ и безпорядкѣ? Такой-то, говоришь, богатъ, и притѣсняетъ, грабитъ, похищаетъ, и каждый день истрачиваетъ на вино имущество бѣдныхъ—и не терпитъ никакого несчастія; а другой живетъ скромно, украшается воздержаніемъ, справедливостію и всѣми другими добродѣтелями—и терпитъ бѣдность, и болѣзни, и крайнія бѣдствія? Такъ это соблазняетъ тебя? Это, говоришь. Въ такомъ случаѣ, почему, когда видишь ты, что и изъ грабителей многіе терпятъ несчастіе, и изъ добродѣтельныхъ нѣкоторые, или даже чрезвычайно многіе, наслаждаются счастіемъ, почему не оставляешь такого мнѣнія, и не прославляешь Господа? А меня это именно еще болѣе соблазняетъ. Почему же изъ двухъ злыхъ одинъ наказывается, а другой умираетъ безъ наказанія, и изъ двухъ добрыхъ одинъ получаетъ почести, а другой всю жизнь бѣдствуетъ? И въ этомъ самомъ сказывается величайшее дѣло Промысла Божія. Если бы Онъ здѣсь всѣхъ злыхъ наказывалъ и всѣхъ добрыхъ награждалъ, то излишенъ былъ бы день суда. Опять, когда бы ни одного злого не наказывалъ, и никого изъ добрыхъ не награждалъ, тогда порочные сдѣлались бы еще развратнѣе и хуже, такъ какъ они гораздо болѣе честныхъ людей склонны къ безпечности; и охотники до злорѣчія еще болѣе стали бы винить Бога, и сказали бы, что дѣла наши остаются совсѣмъ безъ Промысла. Если и теперь, когда нѣкоторые злые
285 наказываются, а добрые награждаются, говорятъ, будто дѣла чело-

вѣческія не управляются Промысломъ, то когда бы и этого не было, чего (богохульники) не сказали бы? Какихъ словъ не изрыгнули бы? Вотъ почему Богъ однихъ изъ злыхъ людей наказываетъ, а другихъ не наказываетъ, и однихъ изъ добрыхъ награждаетъ, а другихъ не награждаетъ. Не наказываетъ всѣхъ, чтобы увѣрить тебя, что есть воскресеніе; наказываетъ нѣкоторыхъ, чтобы безпечныхъ сдѣлать болѣе рачительными, возбуждая въ нихъ страхъ наказаніемъ другихъ. Опять, нѣкоторыхъ изъ добрыхъ награждаетъ, чтобы этими наградами побудить другихъ къ ревности о добродѣтели; но не награждаетъ всѣхъ, чтобы ты зналъ, что есть другое время, въ которое всѣмъ даны будутъ награды. Если бы здѣсь всѣ получали, что заслуживаютъ, то не стали бы вѣрить ученію о воскресеніи; а если бы никто не получалъ по заслугамъ, то очень многіе сдѣлались бы болѣе безпечными. Поэтому (Богъ) однихъ наказываетъ, а другихъ не наказываетъ, и дѣлаетъ это ко благу и наказываемыхъ и ненаказываемыхъ: въ однихъ Онъ истребляетъ порокъ, а другихъ чрезъ наказаніе первыхъ дѣлаетъ болѣе благоразумными. И это ясно видно изъ того, что сказалъ самъ Христосъ: когда возвѣстили Ему, что обрушившаяся башня задавила нѣсколько человѣкъ, Онъ сказалъ іудеямъ: вы думаете, что только одни тѣ были грѣшны? *Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся*, и вы потерпите то же самое (Лук. XIII, 2, 3).

Видишь, какъ и тѣ погибли за грѣхъ, и прочіе спаслись не за свою правду, но для того, чтобы, благодаря наказанію тѣхъ, сдѣлаться лучше! Итакъ наказаннымъ, скажешь, сдѣлана обида, потому что и сами они, не будучи наказаны, могли бы сдѣлаться лучше отъ наказанія другихъ? Но, если бы Богъ зналъ, что они исправятся покаяніемъ, то не наказалъ бы ихъ, потому что если Онъ, и предвидя, что многіе не воспользуются Его долготерпѣніемъ, терпитъ однакожъ ихъ съ великимъ снисхожденіемъ, совершая Свое дѣло и давая имъ возможность какъ-нибудь отстать отъ своего безумія, то какъ же Онъ лишилъ бы плодовъ покаянія тѣхъ, которые могутъ исправиться отъ наказанія другихъ? Стало быть, этимъ людямъ не сдѣлано никакой обиды, коль скоро и порокъ въ нихъ истребленъ наказаніемъ, и тамошнее мученіе будетъ имъ легче отъ того, что они здѣсь уже пострадали. Опять, и ненаказанные не понесли никакой обиды: они могли, если бы захотѣли, воспользоваться долготерпѣніемъ Божіимъ къ исправленію себя, и, удивившись незлобію (Господа), возблагоговѣть предъ безмѣрнымъ снисхожденіемъ, перейти когда-нибудь къ добродѣтели, и чужія наказанія обратить въ собственное спасеніе. Если же они остаются во злѣ, то виною этого не Богъ, Который для того и долготерпитъ, чтобы опять стяжать ихъ Себѣ, но сами

они недостойны извиненія, потому что не воспользовались, какъ должно, Божіимъ долготерпѣніемъ. Впрочемъ, не эту только указать можно причину того, почему не всѣ злые наказываются здѣсь, но и другую, не меньшую той. Какую же это? Ту, что, если бы Богъ всѣхъ подвергалъ наказаніямъ тотчасъ послѣ преступленій, то родъ нашъ давно бы уже истребился, и не могъ бы поддерживаться. И, чтобы увѣриться тебѣ, что это правда, послушай, что говоритъ пророкъ: *аще беззаконія назриши, Господи, кто постоитъ* (Псал. cxxix, 3)? Если же угодно и разсмотрѣть силу этого изреченія, то, не входя въ точное изслѣдованіе жизни каждаго (да и невозможно намъ знать, что̀ каждый сдѣлалъ въ своей жизни), укажемъ на то, въ чемъ, безпрекословно, мы всѣ согрѣ-
256 шаемъ, и изъ этого будетъ намъ видно и ясно, что, если бы мы наказывались за каждый грѣхъ, то давно бы погибли. Назвавшій брата уродомъ *повиненъ есть гееннѣ огненной* (Мѳ. v, 22), говоритъ Писаніе. Кто̀ изъ насъ не виновенъ въ этомъ грѣхѣ? Что̀ же? (Каждаго виновнаго) тотчасъ надлежало бы истребить? Но такимъ образомъ мы всѣ были бы давнымъ-давно истреблены и уничтожены. Опять, о клянущемся сказано, что онъ, хотя бы и нелoжно клялся, дѣлаетъ дѣла отъ лукаваго (Мѳ. v, 27). Кто же не клялся? Еще болѣе, кто не нарушалъ когда-либо клятвы? Взирающій на жену любострастными очами, по слову Писанія, есть настоящій любодѣй (Мѳ. v, 28). И въ этомъ грѣхѣ многіе найдутся виновными. Итакъ, если и явные грѣхи такъ велики и невыносимы, и каждый изъ нихъ порознь навлекаетъ на насъ неизбѣжное наказаніе, то, когда мы подумаемъ еще о тайныхъ грѣхахъ своихъ, тогда-то особенно признаемъ Промыслъ Божій, который не посылаетъ на насъ наказанія за каждый грѣхъ. Посему, когда увидишь, что иной грабитъ, неправедно обогащается, и за это не наказывается, — раскрой и ты свою совѣсть, разсмотри свою жизнь, изслѣдуй свои грѣхи, и узнаешь хорошо, что тебѣ первому не выгодно быть наказываемому за каждый грѣхъ. Потому-то многіе и кричатъ нещадно, что не смотрятъ на свои грѣхи прежде чужихъ, но, оставивъ свои, всѣ мы занимаемся чужими. Но впредь не будемъ дѣлать этого, а станемъ дѣлать противное; и если увидишь, что иной праведникъ терпитъ наказаніе, вспомни объ Іовѣ. Какъ бы ни былъ кто праведенъ, не будетъ однакожъ ни праведнѣе его, ни сколько-нибудь близокъ къ нему; и хотя бы терпѣлъ онъ безчисленное множество бѣдствій, все еще не перенесъ столько, сколько тотъ.

8. Итакъ, принявъ это во вниманіе, перестань обвинять Господа, зная, что Богъ не оставляетъ человѣка, когда попускаетъ ему страдать, но желаетъ увѣнчать его и сдѣлать болѣе славнымъ.

Если же увидишь, что грѣшникъ наказывается, вспомни о разслабленномъ, который тридцать восемь лѣтъ лежалъ на одрѣ. Въ удостовѣреніе, что и онъ преданъ былъ этой болѣзни за грѣхъ, послушай, что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14). Мы получаемъ или возмездіе за грѣхи, когда бываемъ наказываемы, или поводъ къ пріобрѣтенію вѣнцовъ, если, живя добродѣтельно, терпимъ несчастіе, — такъ что, въ правдѣ ли мы живемъ, или въ грѣхахъ, наказаніе полезно для насъ, потому что оно или дѣлаетъ насъ болѣе славными, или заставляетъ быть осмотрительнѣе, и облегчаетъ для насъ будущія муки. Что наказанный здѣсь и перенесшій это наказаніе съ благодарностію, тамъ потерпитъ легчайшее мученіе, послушай, какъ объ этомъ говоритъ Павелъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ* (умираютъ) *доволни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 30—32).

Зная все это, будемъ такъ и любомудрствовать о Промыслѣ Божіемъ, и прекословящимъ заграждать уста; и если какого-либо происшествія не объяснитъ умъ нашъ, не станемъ поэтому думать, будто нѣтъ Промысла о дѣлахъ нашихъ, но, постигнувъ 257 отчасти Промыслъ Божій, непостижимое предоставимъ Его неизслѣдимой премудрости. Въ самомъ дѣлѣ, если простому человѣку невозможно понять и человѣческаго искусства, — тѣмъ болѣе уму человѣческому нельзя постигнуть безпредѣльнаго Промысла Божія: *яко не испытани судове Его, и не изслѣдовани путіе Его* (Римл. xi, 33). Впрочемъ, такъ какъ и изъ малаго получили мы ясное и вѣрное познаніе обо всемъ, то будемъ благодарить Господа за все, что ни случается. Есть вѣдь для желающихъ любомудрствовать о Промыслѣ Божіемъ и другое непререкаемое доказательство. Мы спросимъ противниковъ: есть ли Богъ? Если они скажутъ, что нѣтъ, то мы не будемъ и отвѣчать, потому что, какъ безумные, такъ и говорящіе, что нѣтъ Бога, не стоятъ отвѣта. Если и корабль съ малымъ числомъ корабельщиковъ и пловцовъ не переплыветъ благополучно и одной стадіи безъ управляющей имъ руки, то тѣмъ болѣе столь великій міръ, заключающій въ себѣ такое множество тѣлъ, составленныхъ изъ разныхъ стихій, не просуществовалъ бы столько времени, если бы не было Промысла, управляющаго имъ, и эту вселенную постоянно поддерживающаго и сохраняющаго. Если же они, уваживъ всеобщее мнѣніе и опытъ, сознаются, что есть Богъ, то скажемъ 258 имъ вотъ что: если есть Богъ, какъ и дѣйствительно есть, то слѣдуетъ, что Онъ и справедливъ, ибо коль скоро Онъ несправед-

ливъ, то и не Богъ; а если справедливъ, то каждому воздастъ по заслугамъ. Но, мы видимъ, не всѣ здѣсь получаютъ по заслугамъ; поэтому необходимо надѣяться, что готовится какая-либо другая награда, дабы тогда, когда каждый получитъ по заслугамъ, открылось правосудіе Божіе. И вотъ это доказательство ведетъ насъ къ мысли не только о Промыслѣ, но и о воскресеніи. Итакъ, зная это, будемъ и сами размышлять о Промыслѣ и воскресеніи, и учить другихъ; всячески постараемся заграждать уста неистовствующихъ противъ Господа, и сами прославимъ Его во всемъ. Такимъ образомъ мы болѣе привлечемъ къ себѣ Его попечительность, и получимъ великую помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможемъ освободиться отъ дѣйствительнаго зла и достигнуть будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Противъ возражающихъ, почему діаволъ не истребленъ; также о томъ, что злоба его нисколько не вредитъ намъ, если мы внимательны къ самимъ себѣ,—и о покаяніи.

257 ИСААКЪ, пожелавъ нѣкогда вкусить снѣдь изъ рукъ сына, выслалъ его изъ дома на ловлю; а нашъ Исаакъ [1]), пожелавъ принять снѣдь изъ нашихъ рукъ, не насъ выслалъ изъ дома, но самъ притекъ къ нашей трапезѣ. Что можетъ быть любвеобильнѣе, что смиреннѣе его, удостоившаго показать столь пламенную любовь и соизволившаго такъ снизойти? Потому и мы, хоть и потеряли и силу голоса и крѣпость ногъ отъ утренней бесѣды, увидѣвъ отеческое лице, тотчасъ забыли слабость, отринули усталость, окрылились радостію; увидѣли свѣтлыя сѣдины— и душа исполнилась свѣта. Поэтому и предлагаемъ трапезу съ охотою, чтобы онъ, вкусивъ, благословилъ насъ. Здѣсь нѣтъ подлога и обмана, какъ тамъ. Тогда велѣно было принести одному, а принесъ другой; нѣтъ, мнѣ и приказано принести, я и принесъ. Благослови же насъ, отецъ, благословеніемъ духовнымъ, которое всѣ мы желаемъ получать всегда и которое полезно не только тебѣ, но и мнѣ, и всѣмъ этимъ [2]); умоли общаго нашего Вла-

---

[1]) Епископъ Флавіанъ.

[2]) Т. е. предстоящимъ въ храмѣ.

дыку, да продлитъ Онъ жизнь твою до глубокой старости Исаака: 258
это и для меня, и для этихъ дороже и необходимѣе росы небесной и тука земного.

Но время уже предложить трапезу. Какая же она? Это остатки того, о чемъ недавно сказано было къ вашей любви: мы все еще ведемъ слово о діаволѣ, которое начали за два дня предъ симъ, которое и (нынѣ) утромъ [1]) предложили гототящимся къ крещенію, когда бесѣдовали съ ними объ отреченіи (отъ діавола) и сочетаніи (со Христомъ). Дѣлаемъ же это не потому, чтобы намъ было пріятно говорить о діаволѣ, но потому, что ученіе о немъ доставляетъ намъ безопасность: онъ врагъ и непріятель, а ясно знать о врагахъ весьма нужно для безопасности. Мы сказали недавно, что онъ не побѣждаетъ (людей) ни силою, ни жестокостію, ни принужденіемъ, ни насиліемъ, потому что, если бы это было, онъ всѣхъ погубилъ бы. И въ доказательство этого мы привели свиней, надъ которыми демоны не осмѣлились показать свою злобу прежде позволенія Господа (Матѳ. VIII, 31); (указали на) стада воловъ и овецъ Іова, потому что и этихъ діаволъ не осмѣлился истребить, пока не получилъ власти свыше. Итакъ мы узнали, во-первыхъ, то, что діаволъ не одолѣваетъ насъ ни силою, ни принужденіемъ; затѣмъ, во-вторыхъ, присовокупили, что хотя онъ и одолѣваетъ обманомъ, но и то не всѣхъ, и въ примѣръ этого опять представили мы самого подвижника — Іова, противъ котораго сколько ни строилъ (діаволъ) козней, однакожъ не одолѣлъ его, напротивъ, самъ былъ побѣжденъ—и отступилъ. Остается
еще одинъ вопросъ. Какой же это? Говорятъ, что если (діаволъ) 259
не побѣждаетъ силою, такъ—хитростію, а поэтому лучше было бы истребить его. Пусть Іовъ побѣдилъ, за то Адамъ былъ обольщенъ и преткнулся; а если бы діаволъ однажды навсегда былъ уничтоженъ, то и Адамъ не палъ бы нѣкогда: теперь же, оставаясь, діаволъ побѣждается однимъ, а одолѣваетъ многихъ; его побѣждаютъ десять, а онъ одолѣваетъ и поражаетъ тысячи;—тысячи эти не погибли бы, еслибы діаволъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Что же скажемъ на это? Во-первыхъ то, что побѣждающіе гораздо большей достойны чести, чѣмъ побѣждаемые, хотя бы послѣднихъ было больше, а первыхъ меньше: *лучше бо*, сказано, *единъ*, творящій волю Божію, *нежели тысяща грѣшникъ* (Сир. XVI, 3). А во-вторыхъ то, что, съ уничтоженіемъ противника, самъ побѣдитель терпитъ отъ того вредъ: если попустишь оставаться противнику, то безпечные терпятъ вредъ, не изъ-за рачительныхъ, а отъ своей безпечности; а если уничтожишь противника, то

[1]) Упоминаемая здѣсь утренняя бесѣда не дошла до насъ.

рачительные изъ-за нерадивыхъ потерпятъ вредъ,—не обнаружатъ своей силы, и не получатъ вѣнцовъ.

2. Можетъ быть, вы еще не поняли сказаннаго: такъ нужно сказать объ этомъ яснѣе. Пусть будетъ одинъ противникъ, пусть будутъ и два борца, которые должны съ нимъ бороться, и изъ этихъ двухъ борцовъ одинъ пусть будетъ разстроенный отъ пресыщенія, преданный безпечности, изможденный, обезсиленный, а другой старательный, крѣпкій здоровьемъ, постоянно занимающійся въ палестрѣ различными упражненіями, всячески изучающій искусство борьбы. Если ты уничтожишь противника, которому изъ нихъ причинишь вредъ? Нерадивому ли и безпечному, или старательному, который столько трудился? Явно, что старательному: онъ, съ уничтоженіемъ противника, потерпѣлъ бы вредъ изъ-за нерадиваго, а нерадивый и въ томъ случаѣ, когда бы противникъ оставался, потерпѣлъ бы вредъ не изъ-за старательнаго, потому что палъ бы отъ собственнаго нерадѣнія.

Скажу и другое рѣшеніе на этотъ вопросъ, чтобы ты узналъ, что не діаволъ причиняетъ вредъ людямъ, но собственная безпечность невнимательныхъ вездѣ подвергаетъ ихъ паденію. Оставимъ діавола; онъ весьма золъ, только не по природѣ, но по произволу и свободѣ; а что діаволъ золъ не по природѣ, это можемъ узнать изъ самыхъ наименованій его. Онъ названъ клеветникомъ (διάβολος), отъ слова *клеветать* (διαβάλλειν), потому что онъ оклеветалъ человѣка предъ Богомъ, сказавъ: *еда туне Іовъ чтитъ Тебя? Но посли руку твою, и коснися, яже имать, аще не въ лице тя похулитъ* (Іов. I, 9, 11). Оклеветалъ опять и Бога предъ человѣкомъ, сказавъ: *огонь спаде съ небесе и пожже овцы* (ст. 16); онъ старался увѣрить Іова, будто война эта возгорѣлась свыше—съ небесъ, и вооружилъ раба противъ Владыки, и Владыку противъ раба, а вѣрнѣе сказать, не вооружилъ, но покушался, только не успѣлъ (вооружить). Такъ, когда увидишь, что и другой рабъ возстаетъ противъ Господа,—Адамъ противъ Бога, и вѣритъ клеветѣ
260 діавола, то знай, что діаволъ получилъ успѣхъ, не отъ своей силы, но отъ безпечности и нерадѣнія Адама. Вотъ почему онъ названъ діаволомъ (клеветникомъ)! Но клеветать и не клеветать—не отъ природы, но есть такое дѣйствіе, которое бываетъ и перестаетъ быть, является и исчезаетъ; а такія дѣйствія не входятъ въ составъ ни природы, ни сущности. Знаю, что для многихъ непонятно это слово о сущности и случайностяхъ; впрочемъ есть и такіе, которые способны слушать и болѣе тонкія (разсужденія), потому мы и сказали это. Хотите, перейду и къ другому наименованію (діавола)? Увидите, что и оно есть наименованіе не сущности и не природы. Діаволъ называется злымъ, а злость не отъ

природы, но отъ произволенія; потому что и она то бываетъ, то перестаетъ быть. Не говори мнѣ, что злость всегда есть въ діаволѣ: и въ немъ она не была вначалѣ, но явилась послѣ, почему и называется онъ отступникомъ; и хотя много есть злыхъ и людей, но онъ одинъ по преимуществу называется злымъ. Почему же такъ называется? Потому что онъ, не потерпѣвъ никакого зла отъ насъ, не имѣя повода винить насъ ни въ маломъ, ни въ великомъ, (а только) увидѣвъ человѣка въ чести, тотчасъ позавидовалъ его блаженству. Что можетъ быть хуже этой злости, когда возникаетъ вражда и война безъ всякой благовидной причины? Итакъ оставимъ діавола, и выведемъ на сцену тварь (природу), чтобы ты позналъ, что не бываетъ діаволъ виною нашихъ грѣховъ, если только мы захотимъ быть внимательными,—чтобы ты познала, что слабый волею, нерадивый и безпечный (человѣкъ) и безъ діавола падаетъ и низвергается во многія пропасти грѣха. Діаволъ золъ,—знаю это и я, знаютъ всѣ; но внимай тщательно тому, что будетъ сказано теперь. Это не маловажный предметъ, но такой, что о немъ говорятъ многіе часто и во многихъ мѣстахъ; о немъ великая распря и война не только у вѣрующихъ съ невѣрующими, но и у вѣрующихъ съ вѣрующими: а это весьма прискорбно!

3. Итакъ всѣ, какъ сказалъ я, признаютъ діавола злымъ. Что же скажемъ объ этой прекрасной и чудной твари (природѣ)? Ужели и тварь зла? Но кто столько нечестивъ, кто столько безразсуденъ и безуменъ, чтобы опорочить тварь? Итакъ, что скажемъ о ней? Она не зла, напротивъ прекрасна, и служитъ доказательствомъ Божіей премудрости, и силы, и человѣколюбія. Послушай, какъ удивляется ей пророкъ, говоря: *яко возвеличишася дѣла твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. сш, 24): не сталъ онъ изслѣдовать каждое (дѣло Божіе) порознь, но поникъ предъ непостижимою премудростію Божіей! А что (Богъ) создалъ тварь столь прекрасною и величественною съ благою цѣлію, послушай, какъ говоритъ нѣкто: *отъ величества и красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается* (Прем. Сол. хш, 5); послушай и Павла, который говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20). Тотъ и другой словами своими указали на то, что (тварь) руководитъ насъ къ богопознанію, что она помогаетъ намъ по- 261
знавать Господа. Что же? Если увидимъ, что эта самая прекрасная и чудная тварь бываетъ для многихъ причиною нечестія, ужели станемъ винить ее? Никакъ; напротивъ, (винить должны мы) тѣхъ, кои не воспользовались, какъ должно, лѣкарствомъ. Какъ же стала причиною нечестія эта (тварь), руководительница къ богопознанію? *Омрачишася*, говоритъ Писаніе, *помышленіи своими*, *мудріи и*

почтоша и послужиша твари паче Творца (Рим. I, 21—25). Здѣсь является на сцену отнюдь не діаволъ, отнюдь не демонъ. но одна лишь тварь,—учительница богопознанія. Какъ же сдѣлалась она причиною нечестія? Не по своей природѣ, но отъ безпечности невнимательныхъ. Что же? Не уничтожить ли намъ и тварь, скажи мнѣ?

Но что говорить о твари? Перейдемъ къ нашимъ членамъ; найдемъ, что и они бываютъ причиною погибели, когда мы невнимательны,—не по собственной ихъ природѣ, но отъ нашей безпечности. Смотри: глазъ данъ для того, чтобы ты, взирая на тварь, прославлялъ Владыку; но, если ты не хорошо станешь пользоваться глазомъ, онъ бываетъ для тебя виновникомъ любодѣянія. Языкъ данъ для того, чтобы ты прославлялъ, чтобы хвалилъ Творца; но, если ты не имѣешь надлежащей внимательности, онъ бываетъ у тебя виною богохульства. Руки даны для того, чтобы ты воздѣвалъ ихъ на молитву; но, если ты невоздерженъ. то простираешь ихъ на хищничество. Ноги даны для того, чтобы ты текъ на добрыя дѣла; но, если ты безпеченъ, то пойдешь ими на худыя дѣла. Видишь, что слабому все вредитъ; видишь, что слабаго и спасительныя лѣкарства подвергаютъ смерти, не по собственной ихъ природѣ, а по его слабости? Богъ создалъ небо, чтобы ты, подивившись дѣлу (рукъ Его), поклонился Владыкѣ: но иные, оставивъ Творца, поклонились самому небу, а это отъ ихъ нерадѣнія и неразумія. Но что говорить о твари? Что можетъ быть спасительнѣе креста? Но и этотъ крестъ для слабыхъ сдѣлался соблазномъ. *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть* (1 Кор. I, 18); и опять: *проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе* (Кор. I, 23). Что можетъ быть учительнѣе Павла и апостоловъ? Но эти апостолы для многихъ были запахомъ смертоноснымъ, почему и сказано: *овѣмъ убо воня смертная въ смерть: овѣмъ же животная въ животъ* (2 Кор. II, 16). Видишь, что слабый и отъ Павла получаетъ вредъ, а сильный и отъ діавола не терпитъ зла?

4. Хочешь, предложимъ слово и о Христѣ? Что сравнится съ тѣмъ спасеніемъ? Что благотворнѣе того пришествія? Но и это спасительное, благотворное пришествіе для многихъ послужило къ умноженію наказанія. *На судъ*, говоритъ Спаситель, *Азъ въ міръ сей пріидохъ, да невидящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). Что говоришь? Свѣтъ сдѣлался причиною слѣпоты? Не свѣтъ сдѣлался причиною слѣпоты, но слабыя очи души не могли принять свѣта. Видишь, что слабый отъ всего терпитъ вредъ, а сильный отъ всего получаетъ пользу, потому что

вездѣ виною произволеніе, вездѣ властвуетъ воля. А діаволъ, если хочешь знать, даже полезенъ намъ, только бы мы умѣли обращаться съ нимъ: тогда онъ доставляетъ намъ многія выгоды и не маловажныя пріобрѣтенія. Это многократно доказали мы и при- 262
мѣромъ Іова, но можно то же узнать и отъ Павла. Пиша о кровосмѣсникѣ, онъ такъ говоритъ: *предадите таковаго сатанѣ во измождение плоти, да духъ спасется* (1 Кор. v, 5). Вотъ, діаволъ сдѣлался и виновникомъ спасенія, только не по своей волѣ, но по искусству апостола. Какъ врачи берутъ змѣй и, отсѣкая у нихъ вредныя части, приготовляютъ изъ этихъ ядовитыхъ животныхъ лѣкарства, такъ поступилъ и Павелъ: изъ причиняемаго діаволомъ страданія онъ взялъ, что только было полезно, а прочее оставилъ. И чтобы зналъ ты, что (здѣсь) діаволъ не виновникъ спасенія, напротивъ старался погубить и поглотить человѣка, но что апостолъ своею мудростію сокрушилъ ему челюсть, послушай, что говоритъ онъ (апостолъ) о томъ же кровосмѣсникѣ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ: *утвердите къ нему любовь, да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый, и да не обидимы будемъ отъ сатаны* (2 Кор. II, 8, 7, 11), т. е. поспѣшимъ похитить человѣка изъ челюстей звѣря. Апостолъ часто пользовался діаволомъ, какъ палачемъ; а палачи наказываютъ преступниковъ, не какъ сами хотятъ, но какъ позволяютъ судьи, потому что законъ для палача — наказывать, какъ велятъ судьи. Видишь, на какое достоинство взошелъ апостолъ? Облеченный тѣломъ распоряжался безтѣлеснымъ, какъ палачемъ, и—что́ говоритъ діаволу объ Іовѣ общій всѣхъ Владыка, повелѣвая такъ: *коснись плоти его, но души его не касайся* (Іов. II, 6), полагая ему предѣлы и мѣру наказаній, чтобы этотъ свирѣпый звѣрь (діаволъ) не напалъ на него (Іова) слишкомъ нагло,—тоже дѣлаетъ и апостолъ. Предавая блудника діаволу, онъ говоритъ: *во измождение плоти* (1 Кор. v, 5), т. е. души его не касайся. Видишь власть раба? Не бойся же діавола, хоть онъ и безтѣлесенъ, потому что онъ палъ, а нѣтъ ничего слабѣе павшаго, хотя бы онъ не былъ облеченъ тѣломъ; равно какъ и нѣтъ ничего сильнѣе имѣющаго дерзновеніе (предъ Богомъ), хотя бы онъ облеченъ былъ въ смертное тѣло.

5. Все это сказано мною теперь не для того, чтобы діавола освободить отъ обвиненій, но чтобы васъ отвести отъ безпечности. Онъ-то сильно желаетъ, чтобы мы вину нашихъ грѣховъ слагали на него, дабы, питаясь этими надеждами и дѣлая всякаго рода грѣхи, увеличили мы свое наказаніе и не получили никакого извиненія оттого, что на него слагаемъ вину, подобно тому, какъ не получила и Ева. Но мы не будемъ дѣлать этого, а познаемъ

самихъ себя, узнаемъ свои раны: тогда будемъ въ состояніи приложить и лѣкарства; потому что не знающій болѣзни нисколько не позаботится объ (излѣченіи) недуга. Много согрѣшили мы, знаю это и я: всѣ мы находимся въ епитиміяхъ,—однакожъ не оставлены безъ (надежды на) помилованіе, не лишены покаянія, потому что стоимъ еще на поприщѣ борьбы, и находимся въ подвигахъ покаянія. Старецъ ты, и достигъ крайняго предѣла жизни?
263 Не думай однакожъ, будто отнято у тебя покаяніе; не отчаявайся въ своемъ спасеніи, но подумай о разбойникѣ, который на крестѣ спасенъ. Что короче того часа, въ который онъ получилъ вѣнецъ? Однакожъ и этого часа достаточно было ему для спасенія. Юноша ты? Не полагайся на юность, и не думай, что у тебя впереди довольно времени для жизни: *день Господенъ, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. v, 2). Для того (Богъ) и сдѣлалъ неизвѣстною нашу кончину, чтобы мы сдѣлали извѣстною свою заботливость и осмотрительность. Не видишь ли, сколько каждый день похищается преждевременною смертію? Поэтому и увѣщеваетъ нѣкто: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сир. v, 8), чтобы, когда будешь медлить, не погибнуть тебѣ. Старецъ да послѣдуетъ тому увѣщанію, а юноша этому внушенію. Но ты въ безопасности; ты богатъ и изобилуешь деньгами; съ тобою не бываетъ никакой непріятности? Но послушай, что говоритъ Павелъ: *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство* (1 Сол. v, 3). Дѣла (наши) весьма перемѣнчивы; мы не властны въ смерти; будемъ же властны въ добродѣтели: человѣколюбивъ Господь нашъ Христосъ!

6. Хотите, скажу и о путяхъ покаянія? Они многочисленны, разнообразны и различны, и всѣ ведутъ къ небу. Первый путь покаянія есть осужденіе грѣховъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Поэтому и пророкъ говорилъ: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеви: и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Псал. XXXI, 5). Итакъ, осуди и ты грѣхи свои: этого достаточно для Господа къ твоему оправданію, потому что осудившій грѣхи свои не такъ скоро рѣшится опять впасть въ нихъ. Пробуди внутри у себя обличителя—твою совѣсть, дабы тамъ — на судилищѣ Господнемъ не имѣть тебѣ обличителя. Вотъ одинъ путь покаянія, прекраснѣйшій! Есть и другой, не хуже этого, состоящій въ томъ, чтобы не злопамятствовать на враговъ, сдерживать гнѣвъ, прощать грѣхи сорабамъ, потому что въ такомъ случаѣ простятся намъ и наши грѣхи противъ Господа. Вотъ и второе средство очиститься отъ грѣховъ! *Аще бо отпущаете*, говоритъ Господь, *должникамъ вашимъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. VI, 14). Хочешь

знать и третій путь покаянія? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притомъ отъ самой глубины сердца. Не видѣлъ ли ты, какъ та вдовица умилостивила жестокаго судію (Лук. XVIII, 3)? А у тебя Владыка кроткій, снисходительный и человѣколюбивый!
Она просила (о защитѣ) противъ враговъ, а ты просишь не про- 264
тивъ враговъ, но о своемъ спасеніи. Если же хочешь знать и четвертый (путь покаянія), то назову милостыню: она имѣетъ великую и несказанную силу. И Навуходоносору, который совершалъ всякаго рода грѣхъ и всякое нечествіе, Даніилъ говоритъ: *царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ: грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. IV, 24). Что можетъ сравниться съ этимъ человѣколюбіемъ? Послѣ безчисленныхъ грѣховъ, послѣ столькихъ беззаконій, грѣшнику обѣщается прощеніе, если онъ будетъ человѣколюбивъ къ своимъ сорабамъ. Также, скромность и смиренномудріе, не менѣе всѣхъ сказанныхъ средствъ, заглаждаютъ грѣхи: свидѣтель тому мытарь, который не могъ указать на свои добрыя дѣла, но, вмѣсто всѣхъ (такихъ дѣлъ), выставляетъ смиреніе—и слагаетъ съ себя тяжкое бремя грѣховъ, (Лук. XVIII, 13). Вотъ мы показали пять путей покаянія: первый—осужденеіе грѣховъ, второй—отпущеніе грѣховъ ближнимъ, третій—состоящій въ молитвѣ, четвертый—въ милостынѣ, пятый—въ смиренномудріи. Итакъ, не оставайся въ праздности, но каждый день проходи по всѣмъ этимъ путямъ, потому что и пути удобные, и ты не можешь отговориться бѣдностію. Нѣтъ, хотя бы жилъ ты бѣднѣе всѣхъ, можешь и оставить гнѣвъ, и смириться, и помолиться усердно, и осудить грѣхи,—словомъ: бѣдность ни въ чемъ этомъ не служитъ помѣхою. И что говорю объ этомъ, когда и на томъ пути покаянія, на которомъ нужно издерживать деньги (разумѣю милостыню), и тамъ бѣдность нисколько не препятствуетъ намъ исполнить заповѣдь? Это показала вдовица, положившая двѣ лепты (Марк. XII, 42). Итакъ, узнавъ способъ врачеванія нашихъ ранъ, будемъ постоянно употреблять эти лѣкарства, чтобы, возстановивъ въ себѣ истинное здравіе, и вкусить намъ съ дерзновеніемъ священной трапезы, и срѣтить съ великою славою Царя славы Христа, и получить вѣчныя блага, благодатію, и щедротами, и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава, держава, честь Отцу со всесвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

О томъ, что грѣхъ отъ безпечности, а добродѣтель отъ рачительности, и что бдительному не могутъ повредить ни злые люди, ни самъ діаволъ; также доказательство, почерпнутое изъ многаго другого и изъ того, что касается Адама и Іова.

263—264 ПЕРЕДЪ вчерашнимъ днемъ мы бесѣдовали съ вашей любовью
о діаволѣ, а иные предъ вчерашнимъ же днемъ, когда шла
здѣсь такая бесѣда, сидѣли въ театрахъ и смотрѣли на
діавольскій праздникъ; они слушали блудныя пѣсни, вы внимали духовнымъ наставленіямъ; они вкушали скверну діавольскую,
вы насыщались духовнымъ мνромъ. Кто же увлекъ ихъ? Кто от-
265 лучилъ ихъ отъ священнаго стада? Ужели и ихъ обольстилъ діаволъ? Какъ же онъ не обольстилъ васъ? Вы и они—одинаковые люди, разумѣю—по природѣ; у васъ и у нихъ одинаковая душа, одинаковыя природныя наклонности: какъ же вы и они не одинаковы въ дѣлахъ? Такъ какъ не одинакова воля у васъ и у нихъ, то они—въ обольщеніи, а вы—не въ обольщеніи. Говорю это опять не въ оправданіе діавола, но чтобы освободить васъ отъ грѣховъ. Золъ діаволъ, признаю это и я; но онъ золъ для себя, а не для насъ, если только мы бдительны. Таково свойство грѣха: онъ пагубенъ только дѣлающимъ его; не такова, напротивъ, добродѣтель: она можетъ приносить пользу не только дѣлающимъ ее, но и ближнимъ. И чтобы увѣрился ты, что злой золъ для себя, а добрый добръ и для другихъ, представляю тебѣ свидѣтельство изъ Притчей. *Сыне*, сказано, *аще золъ будеши, единъ почерпнеши злая: аще же премудръ, себѣ и искреннему* (Притч. IX, 12).

Они обольщены въ театрахъ, а вы не обольщены: это самое важное опытное доказательство, ясное свидѣтельство и неопровержимый доводъ на то, что во всемъ властна воля. Этимъ-то доказательствомъ воспользуйся и ты. Когда увидишь, что человѣкъ живетъ порочно и дѣлаетъ всякій грѣхъ, между тѣмъ жалуется на Промыслъ Божій и говоритъ, будто Онъ предалъ нашу природу неизбѣжному року и судьбѣ, и жестокому владычеству демоновъ,—что этотъ человѣкъ во всемъ снимаетъ вину съ себя и слагаетъ на Создателя и Промыслителя вселенной: загради ему уста, не словомъ, но дѣломъ, указавъ на другого, такого же, какъ и онъ, человѣка, живущаго добродѣтельно и честно. Не нужно

длинныхъ рѣчей, не нужно стройнаго расположенія (доказательствъ), ни умозаключеній; доказательство—въ дѣлахъ. Скажи ему: и ты рабъ, и онъ рабъ; и ты человѣкъ, и онъ человѣкъ; въ томъ же мірѣ живешь ты, подъ тѣмъ же небомъ, тою же питаешься пищею: какъ же ты живешь порочно, а онъ добродѣтельно? Для того и Богъ попустилъ злымъ смѣшаться съ добрыми, и не далъ злымъ одной земли, а добрыхъ не помѣстилъ на другую вселенную, но смѣшалъ этихъ съ тѣми, чтобы доставить (людямъ) великую пользу. Добрые являются въ большей славѣ, когда, находясь среди препятствующихъ имъ жить праведно и влекущихъ къ грѣху, крѣпко держатся добродѣтели. *Подобаетъ бо*, сказано, *и ересемъ въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ* (1 Кор. XI, 19).

Такъ вотъ, для этого Богъ и попустилъ злымъ быть среди (добрыхъ), чтобы добрые просіяли болѣе. Видишь, какая польза? Впрочемъ польза (собственно) не отъ злыхъ, но отъ мужества добрыхъ. И Ною мы удивляемся, не потому только, что онъ былъ праведникъ, и не потому, что былъ совершенъ, но потому, что соблюлъ добродѣтель среди того племени развращеннаго и грѣшнаго, когда не было предъ нимъ примѣра добродѣтели, когда всѣ увлекали его къ пороку, а онъ во всемъ шелъ напротивъ имъ, какъ какой-либо путникъ, который идетъ по дорогѣ наперекоръ быстро стремящейся многочисленной толпѣ. Поэтому не просто сказано: *Ное праведенъ, совершенъ*, но прибавлено: *въ родѣ своемъ* (Быт. VI, 9),—въ развращенномъ, въ отчаянномъ, потому что не было никакой заботы о добродѣтели. Вотъ какая польза добрымъ отъ злыхъ! Такъ и деревья дѣлаются крѣпче, когда качаютъ ихъ противоположные вѣтры. Впрочемъ, и злымъ есть польза отъ со- 266
общества съ добрыми: они ихъ стыдятся, краснѣютъ, совѣстятся; если и не отстаютъ отъ грѣха, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ зло скрытно. И то не мало значитъ, что они не дѣлаютъ зла нагло: жизнь другихъ служитъ обличеніемъ порочности ихъ. Послушай, что говорятъ (нечестивые) о праведникѣ: *тяжекъ есть намъ и къ видѣнію* (Прем. II, 15). Не маловажное уже начало исправленія, когда (нечестивые) мучатся присутствіемъ праведника; они и не говорили бы этого, еслибы видъ праведника не терзалъ ихъ. А мученіе и терзаніе совѣсти отъ присутствія праведника будетъ для нихъ не малымъ препятствіемъ—дѣлать зло съ безстыдствомъ. Видишь, сколько пользы и добрымъ отъ злыхъ, и злымъ отъ добрыхъ? Поэтому Богъ не отдѣлилъ ихъ, но попустилъ смѣшаться между собою.

2. Тоже самое должны мы сказать и о діаволѣ. И его (Богъ) оставилъ здѣсь для того, чтобы тебя сдѣлать крѣпче, чтобы по-

движника показать въ большей славѣ, чтобы борьба была важнѣе. Итакъ, когда кто будетъ говорить: для чего Богъ оставилъ діавола?—скажи ему вотъ какія слова: бдительнымъ и внимательнымъ (діаволъ) не только нимало не вредитъ, но и приноситъ пользу,—не по своей волѣ, потому что она зла, но по мужеству тѣхъ людей, потому что они пользуются его злобою, какъ должно. Вотъ, и съ Іовомъ сразился (діаволъ), только не для того, чтобы его сдѣлать славнѣе, но—чтобы низринуть: онъ золъ по такому хотѣнію и намѣренію своему; однакожъ нисколько не повредилъ праведнику, напротивъ, этотъ получилъ еще большую пользу отъ борьбы, какъ это мы и доказали, и—демонъ выказалъ свою злобу, а праведникъ свое мужество. Но онъ, скажешь, многихъ и низлагаетъ? По ихъ слабости, а не по своей силѣ; и это уже доказано многимъ. Итакъ, исправь свою волю—и никогда ни отъ кого не потерпишь вреда, напротивъ, еще получишь величайшую пользу, не только отъ добрыхъ, но и отъ злыхъ. Для того Богъ, какъ я сказалъ прежде, и попустилъ людямъ быть вмѣстѣ, и особенно добрымъ съ злыми, чтобы тѣ и этихъ привлекли къ своей добродѣтели. Послушай, что Христосъ говоритъ ученикамъ: *подобно есть царствіе небесное* женѣ, которая *вземши* квасъ, *скры въ сатѣхъ трехъ муки* (Матѳ. XIII, 33). Итакъ праведники имѣютъ силу закваски, чтобы злыхъ дѣлать такими, каковы они сами. Но праведниковъ немного, такъ какъ и закваска невелика? Но эта малость не вредитъ тѣсту, напротивъ, и небольшая та закваска, заключающеюся въ ней силою, заквашиваетъ все тѣсто (1 Кор. V, 6). Такъ точно и сила праведниковъ—не въ количествѣ численномъ, но въ благодати Духа. Апостоловъ было двѣнадцать: видишь, какъ мала закваска? Вся вселенная была въ невѣріи: видишь, какъ много тѣста? Но эти двѣнадцать обратили къ себѣ всю вселенную. Закваска и тѣсто одинаковой природы, но не одинаковаго качества: поэтому Богъ оставилъ между праведниками злыхъ, чтобы они, будучи одинаковы съ праведниками по природѣ, сдѣлались одинаковыми и по расположенію воли.

Помните это, заграждайте этимъ уста лѣнивымъ, слабымъ, небрежнымъ, уклоняющимся отъ трудовъ добродѣтели, обвиняющимъ
267 общаго Владыку. *Согрѣшилъ ли еси*, сказано, *умолкни* (Быт. IV, 7). Не прибавляй другого, болѣе тяжкаго, грѣха: не такъ тяжко—грѣшить, какъ — послѣ грѣха обвинять Господа. Постарайся узнать виновника грѣха—и найдешь, что это не иной кто, какъ ты, сдѣлавшій грѣхъ. Во всемъ нужна добрая воля: это я доказалъ вамъ не голыми умозаключеніями, но примѣрами подобныхъ вамъ рабовъ, которые жили въ этомъ же мірѣ. Этимъ доказательствомъ воспользуйся и ты; такъ и общій Владыка будетъ судить насъ.

Научитесь этому способу доказательства, и никто не будетъ въ состояніи оспорить васъ. Блудодѣйствуетъ ли кто? Покажи ему другого—цѣломудренно живущаго. Лихоимствуетъ ли кто и похищаетъ чужое? Укажи ему на подающаго милостыню. Преданъ ли кто зависти и зложелательству? Укажи ему на свободнаго отъ этой страсти. Одержимъ ли кто гнѣвомъ? Выставь предъ нимъ умѣющаго обладать собою. Должно не только прибѣгать къ древнимъ сказаніямъ, но и брать примѣры изъ настоящаго, потому что и нынѣ, по благодати Божіей, есть подвиги не меньше прежнихъ. Не вѣритъ кто Писанію и считаетъ его ложнымъ? Не вѣритъ, что Іовъ былъ таковъ (какимъ изображается)? Укажи ему на другого человѣка, который подражаетъ въ жизни этому праведнику. Такъ и Господь будетъ судить насъ: Онъ поставитъ рабовъ съ такими же рабами, и произнесетъ рѣшеніе не по своему суду, чтобы кто не началъ опять говорить, какъ тотъ слуга, который получилъ талантъ, и вмѣсто таланта возвратилъ обвиненіе: *яко жестокъ еси* (Матѳ. xxv, 24). Надлежало бы ему стенать о томъ, что не удвоилъ таланта, а онъ сдѣлалъ еще болѣе тяжкій грѣхъ, прибавивъ къ своей безпечности клевету на господина. Что именно говоритъ онъ? *Видяхъ тя, яко жестокъ еси.* Несчастный и жалкій, неблагодарный и безпечный! Надлежало бы тебѣ обвинять себя въ праздности, и тѣмъ нѣсколько уменьшить прежній грѣхъ твой, а ты внесъ обвиненіе на господина — и удвоилъ, вмѣсто таланта, грѣхъ.

3. Богъ ставитъ рабовъ съ рабами для того, чтобы одни судили другихъ, и послѣдніе, будучи судимы первыми, не могли уже обвинять Господа. Поэтому (Христосъ) говоритъ: *пріидетъ Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего* (Мѳ. xvi, 27). Смотри на равенство славы; не сказалъ: во славѣ, подобной славѣ Отца, но: во славѣ Отца. *И соберетъ вся языцы* (Мѳ. xxv, 32). Страшное судилище, — страшное для грѣшниковъ и виновныхъ; напротивъ, вожделѣнное и пріятное для сознающихъ за собою добрыя дѣла! *И поставитъ овцы одесную, а козлища ошуюю* (ст. 33). И эти и тѣ—люди: почему же тѣ овцы, а эти козлята. Не по разности природы, но по различію воли. Почему же не дающіе милостыни названы козлятами? Потому, что это животное безплодно, и не можетъ доставлять владѣльцамъ пользы ни молокомъ, ни приплодомъ, ни шерстью, будучи совсѣмъ негодно къ такому плодоношенію по незрѣлости своего возраста. Вотъ почему (Христосъ) неприносящихъ плода милостыни назвалъ козлятами; а *сущихъ одесную*—овцами, потому что отъ нихъ большая прибыль—шерстью, приплодомъ, молокомъ. Что же (Господь) говоритъ этимъ? Видѣли вы меня алчущимъ, и напитали; нагимъ, и одѣли; странникомъ, и

приняли (ст. 35). А тѣмъ (говоритъ) противное, хотя и эти и
268 тѣ—одинаковые люди, и эти и тѣ получили одинаковыя обѣтованія, тѣмъ и другимъ предложены одинаковыя награды за добрыя дѣла, къ этимъ и къ тѣмъ пришелъ Онъ въ одинаковой наготѣ, въ одинаковой бѣдности и одинаково странникомъ: все одинаково и у тѣхъ, и у этихъ.

Почему же конецъ не одинаковъ? Потому что помѣшала воля; она одна сдѣлала такую разницу. Вотъ, почему тѣ (пошли) въ геенну, а эти въ царство. Если же бы у тѣхъ виною грѣховъ былъ діаволъ, то они не подлежали бы наказанію, такъ какъ другой согрѣшилъ и подвигнулъ (на грѣхъ). Видѣлъ ты здѣсь и грѣшниковъ, и праведниковъ? Видѣлъ, какъ (грѣшники), увидя подобныхъ себѣ рабовъ (праведниковъ), принуждены замолчать? Вотъ, сведемъ рѣчь и на другой примѣръ. Было, говорится, десять дѣвъ (Мѳ. xxv, 1—11). И здѣсь опять, по волѣ и дѣлаютъ добро, по волѣ и грѣшатъ, чтобы чрезъ сравненіе увидѣлъ ты и грѣхи этихъ, и добродѣтели тѣхъ: сравненіе дѣлаетъ предметъ яснѣе. И эти—дѣвы, и тѣ; и этихъ пять, и тѣхъ; и у этихъ, и у тѣхъ были свѣтильники; всѣ ожидали жениха. Почему же однѣ вошли (въ чертогъ), а другія не вошли? Потому что эти были безчеловѣчны, а тѣ кротки и человѣколюбивы. Видишь опять, что виною такого конца воля, а не діаволъ? Видѣлъ ты, какъ произносится судъ и рѣшеніе по сравненію подобныхъ съ подобными? (Такъ) рабы будутъ судить подобныхъ себѣ рабовъ. Хочешь, покажу тебѣ сравненіе и неподобныхъ другъ другу? Сравненіе неподобныхъ дѣлается для того, чтобы очевиднѣе былъ обвинительный приговоръ. *Мужіе Ниневитстіи*, сказано, *востанутъ и осудятъ родъ сей* (Мѳ. xii, 41). Подсудимые уже не одинаковы: одни иноплеменники, другіе іудеи; эти пользовались наставленіями пророковъ, а тѣ никогда не слышали слова Божія. Но различіе не только въ этомъ, а также и въ томъ, что туда приходилъ рабъ, а сюда Владыка, и тотъ, пришедши, предвозвѣщалъ разрушеніе (Ниневіи), а Сей благовѣствовалъ о царствѣ небесномъ. Кто же болѣе долженъ былъ повѣрить, иноплеменники ли, неразумные и никогда неслышавшіе божественнаго ученія, или тѣ, кои съ юныхъ лѣтъ питались пророческими книгами? Очевидно всякому, что іудеи болѣе: но вышло напротивъ. Эти не повѣрили и Господу, Который возвѣщалъ царство небесное, а тѣ повѣрили рабу, который угрожалъ разрушеніемъ,—дабы тѣмъ яснѣе обнаружилась и благопокорность тѣхъ (ниневитянъ), и злонравіе этихъ (іудеевъ). Что же тутъ демонъ? Что діаволъ? Что рокъ? Что судьба? Не всякій ли былъ самъ виною и грѣха, и добродѣтели? Если бы (іудеи) не сами были виновны, (Христосъ) не сказалъ бы: *осу-*

дять родъ сей; не сказалъ бы, что *и царица южская* осудитъ іудеевъ (ст. 42). Такъ, не только народы осуждаютъ народы, но нерѣдко и одинъ человѣкъ осуждаетъ цѣлый народъ, когда тѣ, которые могли бы скорѣе поддаться обольщенію, оказываются устоявшими противъ обольщенія, а тѣ, которые всячески должны бы одолѣть, являются побѣжденными. Поэтому вспомнили мы (теперь) и объ Адамѣ и объ Іовѣ: надобно же опять обратиться къ тому предмету, чтобы досказать и остальное. На Адама напалъ (діаволъ) простыми словами, а на Іова дѣлами; у этого отнялъ все богатство и дѣтей, а у того не взялъ ничего, ни малаго, ни великаго. Но лучше, разсмотримъ и самыя слова, и способъ нападенія. При- 269
шелъ, сказано, *змій, и рече женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа въ раи* (Быт. III, 1)? Здѣсь змій, тамъ—у Іова жена; великая разность и въ совѣтникахъ: тотъ рабъ, а эта подруга въ жизни; эта помощница, а тотъ подчиненный. Видишь, какой непростительный грѣхъ? Эту (Еву) прельстилъ подчиненный и рабъ, а того (Іова) не могла низринуть и подруга, и помощница. Но посмотримъ еще, что змій говоритъ. *Что яко рече Богъ: да неясте отъ всякаго древа?* Но Богъ сказалъ не такъ, а напротивъ. Смотри же на хитрость діавола: онъ сказалъ то, что (Богомъ) не сказано, чтобы узнать, что сказано. А жена что? Вмѣсто того, чтобы заградить уста (діаволу), вмѣсто того, чтобы не отвѣчать ему, она, по неразумію, высказала волю Господню, и этимъ дала ему крѣпкую опору.

4. Смотри, какое зло—ввѣряться необдуманно врагамъ и зложелателямъ! Поэтому Христосъ сказалъ: *не дадите святая псомъ, не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да некогда вращшеся расторгнутъ вы* (Мѳ. VII, 6). А это случилось съ Евою: дала она святое псу, свиньѣ, а тотъ (діаволъ) попралъ слова и, обратившись, растерзалъ жену. И смотри, какъ онъ лукавъ: *не смертію умрете*, говоритъ. Здѣсь обратите вниманіе на то, что жена въ состояніи была узнать обманъ. (Діаволъ) тотчасъ объявилъ вражду и брань противъ Бога, тотчасъ заговорилъ противъ (Него). Пусть такъ, ты говорила съ нимъ предъ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ знать волю (Божію): но зачѣмъ слушала его послѣ того, какъ онъ сказалъ противное? Богъ сказалъ: *смертію умрете*; а онъ заговорилъ противъ этого, и сказалъ: *не смертію умрете*. Что яснѣе этого противорѣчія? Откуда еще надлежало узнать врага и противника, какъ не отсюда—изъ того, что онъ заговорилъ противъ Бога? Такъ, надлежало бы тотчасъ бѣжать отъ яда, надлежало бы отскочить отъ сѣти. *Не смертію умрете*, говоритъ діаволъ; *вѣдяше бо Богъ, яко, въ онь же аще день снѣсте, отверзутся очи ваши, и будете яко бози* (Быт. III, 5). Обѣщаніемъ

бо́льшаго исторгъ (діаволъ у прародителей) и то добро, какое было у нихъ въ рукахъ; обѣщалъ сдѣлать ихъ богами, и подвергъ владычеству смерти. Итакъ, почему, жена, повѣрила ты діаволу? Что добраго увидѣла въ немъ? Не довольно ли было тебѣ высокаго достоинства Законодателя, т. е. что Онъ—Богъ, Творецъ и Создатель, а тотъ діаволъ и врагъ? Но еслибъ я и не назвалъ его діаволомъ,—ты вѣдь думала, что это простой змій,—такъ змія, по твоему, надлежало удостоить такой откровенной бесѣды,—объявить ему даже волю Господню? Видишь, что возможно было (женѣ) увидѣть обманъ, но она не захотѣла? Богъ далъ довольно доказательствъ Своей благости и явилъ Свою попечительность на дѣлѣ: создалъ человѣка изъ ничего, вдунулъ въ него душу, сотворилъ его по образу Своему, поставилъ владыкою надъ всѣмъ земнымъ, далъ ему помощницу, насадилъ рай, и, позволивъ ему пользоваться прочими древами, запретилъ только касаться одного, да и это самое запретилъ для его пользы. Діаволъ же не показалъ на дѣлѣ ни малаго, ни великаго добра, а только надмилъ жену голыми словами и пустыми надеждами—и обманулъ. Однакожъ жена признала діавола болѣе заслуживающимъ вѣры, не-
270 жели Бога, Который дѣлами доказалъ Свою благость; повѣрила тому, кто представилъ одни голыя слова, и ничего болѣе. Видишь, что обманъ произошелъ отъ одного неразумія и безпечности, а не отъ принужденія? И чтобы это узнать тебѣ яснѣе, послушай, какъ Писаніе обвиняетъ жену. Не сказало оно, что (жена) *яде*, бывъ обманута, но: увидя *древо, яко красно есть* (ст. 6). Стало быть вина—въ невоздержномъ зрѣніи (жены), а не въ одномъ обманѣ со стороны діавола: жена побѣждена собственною похотію, а не злостію демона. Поэтому она и не получила прощенія, но послѣ того, какъ сказала: *змій прельсти мя* (ст. 13), подверглась крайнему осужденію, потому что въ ея власти было не пасть. И чтобы тебѣ узнать это еще яснѣе, обратимъ слово къ Іову, отъ побѣжденныхъ къ побѣдившему, отъ пораженныхъ къ одолѣвшему: этотъ придастъ намъ болѣе ревности, чтобы поднять руки на діавола. Тамъ обольщалъ змій, и одолѣлъ; здѣсь жена, и не успѣла, хоть она и способнѣе была склонить, нежели тотъ. Притомъ, на Іова сдѣлано это нападеніе послѣ потери богатства, послѣ погибели дѣтей и всего имѣнія; а тамъ ничего такого не было: Адамъ не потерялъ дѣтей, не лишился богатства, не сидѣлъ на кучѣ помета, но жилъ въ *раю сладости* (ст. 23), пользовался всякаго рода древами, источникомъ, рѣками, и всякимъ другимъ удобствомъ. Не было у него ни труда, ни болѣзни, ни горя, ни заботъ, ни оскорбленій, ни пораганій, ни (другихъ) безчисленныхъ бѣдъ, какія обрушились на Іова: однакожъ, хоть

ничего такого не было, онъ (Адамъ) преткнулся и палъ. Не очевидно ли, что (онъ палъ) по безпечности? Равно какъ и Іовъ, если устоялъ мужественно и не палъ, когда всѣ тѣ бѣдствія обрушились и тяготѣли на немъ,—не очевидно ли, что и онъ (устоялъ) по бдительности душевной?

5. Такъ отъ того и другого можешь, возлюбленный, получить весьма великую пользу: остерегайся подражать Адаму, зная, сколько зла рождается отъ безпечности; поревнуй благочестію Іова, видя, сколько добра произрастаетъ отъ старательности. Этого увѣнчаннаго побѣдителя имѣй всегда въ мысляхъ, и во всякой скорби и бѣдѣ получишь достаточное утѣшеніе. Этотъ блаженный и доблестный стоитъ какъ бы на всеобщемъ зрѣлищѣ вселенной, и постигшими его несчастіями увѣщеваетъ всѣхъ переносить мужественно, что ни случится, и не поддаваться ни одному изъ постигающихъ бѣдствій. Нѣтъ, нѣтъ ни одного человѣческаго страданія, въ которомъ бы невозможно было получить отъ него утѣшенія: всѣ страданія, какія только разсѣяны въ цѣлой вселенной, сошлись вмѣстѣ и обрушились на одно его тѣло. Какое же будетъ прощеніе не могущему перенести съ благодареніемъ нѣкоторую только часть постигшихъ его бѣдствій, — его, который является переносящимъ не часть только бѣдствій, но всѣ несчастія человѣческія? А чтобы слова мои не показались тебѣ преувеличенными, разсмотримъ порознь каждое изъ постигшихъ его бѣдствій, и подтвердимъ справедливость этихъ словъ. И, если угодно, на первомъ мѣстѣ выставимъ то, что кажется невыносимѣе всего, — разумѣю бѣдность и происходящую отъ нея скорбь: это бѣдствіе оплакиваютъ всѣ люди, вездѣ. Итакъ, что было бѣднѣе Іова? Не бѣднѣе ли онъ былъ даже валяющихся въ баняхъ, спящихъ на печномъ пеплѣ, и вообще всѣхъ людей? У этихъ есть хоть изодранная одежда, а онъ сидѣлъ нагой, да и эту единствен- 271
ную одежду, которую имѣлъ онъ отъ природы, — одежду плоти, діаволъ испортилъ всю сильнымъ гноемъ; эти, опять, бѣдняки находятся хоть подъ кровлею банныхъ сѣней, скрываются хоть въ шалашѣ, а онъ день и ночь проводилъ подъ открытымъ небомъ, не получалъ защиты и отъ простой кровли; и, что еще важнѣе, эти сознаютъ за собою много худого, а онъ не зналъ за собою ничего, такъ какъ надобно замѣтить на счетъ каждаго изъ постигшихъ его бѣдствій, что онъ не зналъ и причины этихъ бѣдствій, и это самое усиливало его скорбь, увеличивало горесть. Итакъ эти, сказалъ я, могли винить себя во многомъ, а сознаніе, что наказываешься справедливо, не мало облегчаетъ въ несчастіи; но Іовъ лишенъ былъ и этого утѣшенія, потому что онъ, послѣ жизни самой добродѣтельной, подвергся такимъ наказаніямъ, ка-

кихъ заслуживаютъ только величайшіе преступники. Эти, что у насъ, бѣдные издавна и сначала ознакомились съ бѣдностію, а онъ впалъ въ бѣдность неожиданно, лишился богатства внезапно. Какъ знаніе причины бѣдствій весьма много способствуетъ къ утѣшенію, такъ и жизнь въ бѣдности легче для того, кто уже сначала свыкся съ бѣдностію: праведникъ лишенъ былъ и того, и другого утѣшенія,—и однакожъ не палъ. Видѣлъ ли ты его дошедшимъ до крайней бѣдности, — до такой, больше которой и найти нельзя?—Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть бѣднѣе нагого, того, кто не имѣетъ и крова? А Іовъ не могъ пользоваться даже и землею: онъ сидѣлъ не на землѣ, а на кучѣ помета. Такъ, когда увидишь и себя въ бѣдности, подумай о страданіи этого праведника, и тотчасъ воспрянешь и прогонишь всякую печальную мысль. Итакъ, это одно несчастіе (бѣдность) почитается у людей основаніемъ всѣхъ въ совокупности бѣдствій. Второе послѣ него, а лучше—прежде него, пораженіе тѣла (болѣзнію). Кто же и когда болѣлъ такъ (какъ Іовъ)? Кто подвергался такому недугу? Кто получалъ, или видѣлъ другого получавшимъ такую рану? Никто. У него (Іова) тѣло часъ-отъ-часу измождалось; изъ всѣхъ членовъ, какъ изъ источника, точились черви; это теченіе было непрерывное; зловоніе отовсюду сильное; постепенное изнуреніе и изможденіе тѣла отъ такой гнилости дѣлало самую пищу непріятною, и голодъ у него былъ странный и необычайный, потому что онъ не могъ вкушать и предлагаемой ему пищи. *Смрадъ бо*, говоритъ онъ, *зрю брашна моя* (Іов. VI, 7). Итакъ, человѣкъ, когда впадешь въ болѣзнь, вспомни объ этомъ тѣлѣ, объ этой святой плоти: точно, она была свята и чиста, хоть и имѣла столько ранъ. Пусть кто, и находясь въ войскѣ, напрасно и безъ всякой благовидной причины, будетъ подвѣшенъ на деревѣ и избитъ по бокамъ: и такой не считай этого позоромъ для себя и не вдавайся въ горе, представляя себѣ этого святаго. Но этому, скажешь, немалое утѣшеніе и отраду доставляла увѣренность, что эти бѣдствія посылаетъ на него Богъ? Эта-то мысль особенно и безпокоила и смущала его,—мысль, что правосудный Богъ, Коему онъ всячески угождалъ,—Онъ-то и возстаетъ на него. Точно, онъ не могъ найти никакой благовидной причины своихъ бѣдствій. А
272 какъ узналъ послѣ причину, смотри, какую показалъ богобоязливость. Когда Богъ сказалъ ему: *мниши ли мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведенъ* (Іов. XL, 3), онъ въ изумленіи отвѣчалъ: *руку положу на устѣхъ моихъ; единою глаголахъ, вторицею же не приложу* (XXXIX, 34, 35); и опять: *слухомъ уха слышахъ тя первѣе, нынѣ же око мое видѣ тя: тѣмъ же укорихъ самъ себе, и истаяхъ, и мню себе землю и пепелъ* (XLII, 5, 6).

6. Если ты считаешь это достаточнымъ къ утѣшенію, то можешь и самъ имѣть это утѣшеніе. Пусть случится тебѣ терпѣть какое-либо несчастіе, не для Бога, а отъ злобы людской: но, если ты будешь благодарить, а не поносить Того, Кто могъ воспрепятствовать, однакожъ попустилъ (это несчастіе) для твоего испытанія, то, какъ вѣнчаются пострадавшіе для Бога, такъ и ты получишь такую же награду, за то, что мужественно перенесъ причиненныя тебѣ людьми несчастія и возблагодарилъ Того, Кто могъ бы, но не благоволилъ остановить ихъ. Такъ вотъ, видѣлъ ты, что на праведника (Іова) наведены были и бѣдность, и болѣзнь,—обѣ въ крайней степени. Хочешь, покажу тебѣ, что съ такою же свирѣпостію напала тогда на этого доблестнаго (мужа) и война со стороны природы? Онъ потерялъ десятерыхъ дѣтей. десятерыхъ вдругъ, десятерыхъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, десятерыхъ отличавшихся добродѣтелію; и (потерялъ) не по общему закону природы, но отъ насильственной и жалкой смерти. Кто можетъ выразить такое несчастіе? Никто. Такъ, когда потеряешь сына и дочь вмѣстѣ, прибѣгни къ этому праведнику, и, конечно, найдешь себѣ великое утѣшеніе. Но эти ли только несчастія постигли его? Нѣтъ; оставленіе и измѣна со стороны друзей, поношенія и поруганія, брань и насмѣшки отъ всѣхъ: а быть у всѣхъ въ посмѣяніи—какъ это невыносимо! Обыкновенно, уязвляютъ нашу душу не столько самыя несчастія, сколько люди, кои позорятъ насъ въ несчастіяхъ. А у Іова не только не было утѣшителя, но еще нападали на него многіе ругатели со всѣхъ сторонъ. И ты видишь, какъ онъ жалуется на это, и говоритъ: даже и вы напали на меня (Іов. XIX, 5); называетъ друзей безжалостными (ст. 14), и говоритъ: оставили меня ближнія мои, и слуги мои говорили противъ меня; *призываху же сыны подложницъ моихъ* (ст. 17, 18). Другіе же, говоритъ, плевали на меня, и сталъ я всѣмъ въ притчу (XXX, 9); *возгнушася же мною одежда моя* (IX, 31). Это и слышать невыносимо, не только что вытерпѣть на самомъ дѣлѣ. Бѣдность крайняя; болѣзнь нестерпимая, новая и необычайная; потеря стольких и такихъ дѣтей и такимъ образомъ; поношеніе, насмѣшки и ругательства отъ людей; одни издѣвались, другіе поносили, иные презирали,—не только враги, но и друзья, не только друзья, но и слуги; и не только издѣвались и поносили, но и гнушались; притомъ, не два, не три и не десять дней, но въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; и,—что случилось съ нимъ однимъ,—онъ и ночью не имѣлъ отрады, но дневныя страданія его усиливало еще видѣніе ночныхъ ужасовъ. А для удостовѣренія, что онъ во время сна терпѣлъ еще тягчайшія страданія, послушай, что говоритъ онъ: *чего ради устрашаеши мя соніями и видѣніями ужа-*

саеши мя (VII, 14)? Какой желѣзный человѣкъ, какой адамантъ вынесъ бы столько страданій? Если и каждое изъ этихъ страданій, порознь, нестерпимо, такъ подумай, какую бурю подняли они,
273 сошедшись вмѣстѣ. Однакожъ онъ всѣ тѣ страданія перенесъ, *и во всѣхъ, приключившихся ему, не согрѣши* (II, 10), и не было лукавства въ устахъ его.

7. Да будутъ же страданія его лѣкарствомъ для нашихъ бѣдъ, и его ужасное волненіе—пристанью для нашихъ страданій. Будемъ, во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, вспоминать объ этомъ святомъ, и, видя, какъ одно тѣло (Іова) перенесло всѣ страданія человѣческія, мы благодушно перенесемъ постигающія насъ только немногія несчастія. Будемъ всегда прибѣгать къ этой книгѣ, какъ къ сердобольной матери, которая простираетъ руки во всѣ стороны, и принимаетъ, и ободряетъ испуганныхъ дѣтей,—и, пусть постигнутъ насъ самыя тяжкія бѣдствія, мы во всѣхъ ихъ получимъ достаточное утѣшеніе.

Если же скажешь: „то былъ Іовъ, и поэтому перенесъ, а я не таковъ, какъ онъ“, то этими словами ты только больше осудишь себя, а праведника похвалишь. Тебѣ бы надлежало болѣе
274 перенести, нежели ему. Почему же? Потому, что онъ (жилъ) до благодати и до закона, когда не было большой строгости въ жизни, не было такой благодати Духа, когда трудно было побѣждать грѣхъ, когда владычествовала клятва, когда смерть была страшна; а теперь борьба стала легче, потому что, по пришествіи Христовомъ, всѣ эти (препятствія) уничтожены. Стало быть, мы совершенно лишены извиненія, если послѣ столь долгаго времени, послѣ такой помощи и столь многихъ даровъ, сообщенныхъ намъ отъ Бога, не можемъ достигнуть одинаковаго съ Іовомъ совершенства. Все это имѣя въ мысляхъ, т. е. что страданія Іова были болѣе тяжки (нежели наши), и что онъ выступилъ на брань и сразился тогда, когда борьба была труднѣе,—будемъ переносить всѣ постигающія насъ бѣдствія мужественно и съ великою благодарностію, чтобы могли мы получить такіе же, какъ онъ, вѣнцы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДЫ О ПОКАЯНІИ.

Изъ девяти бесѣдъ о покаяніи принадлежность св. Златоусту первыхъ шести (отъ 1-й до 6-й включительно) не подлежитъ сомнѣнію; онѣ говорены были въ Антіохіи, но въ какомъ году и въ какомъ порядкѣ одна за другою—неизвѣстно; первая бесѣда, какъ видно изъ заглавія и самаго начала ея, произнесена св. Златоустомъ по возвращеніи его изъ села, куда удалялся онъ изъ Антіохіи для поправленія своего здоровья.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

О покаяніи, по возвращеніи изъ села.

ПОМНИЛИ ЛЬ вы о насъ, когда мы въ теченіе этого времени 277
были въ разлукѣ съ вами? Я такъ никогда не могъ забыть васъ, но, и оставивъ городъ, не оставилъ памяти о васъ. Какъ любители красивыхъ тѣлъ, куда бы ни пошли, вездѣ носятъ съ собою любимый образъ, такъ и мы, возлюбивъ красоту вашей души, всегда носимъ съ собою прекрасный образъ вашего духа. И какъ живописцы, смѣшивая различныя краски, дѣлаютъ изображенія тѣлъ, такъ и мы, вашу ревность къ собраніямъ, усердіе къ слушанію, благосклонность къ проповѣднику, и всѣ другія добрыя дѣла смѣшавъ, какъ бы различныя краски добродѣтели, начертали образъ вашей души, и, поставивъ его предъ очами ума, отъ созерцанія его получали немалое утѣшеніе въ разлукѣ съ вами. И этимъ мы занимались постоянно—и когда сидѣли дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себѣ вашу любовь. И этимъ созерцаніемъ услаждались мы не только днемъ, но и ночью; съ нами тогда было тоже, о чемъ сказалъ Соломонъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (Пѣс. Пѣс. v, 2); потребность сна смыкала наши вѣжды, но сила любви вашей пробуждала отъ сна очи души моей; и часто казалось мнѣ, будто я во снѣ бесѣдую съ вами. И въ самомъ дѣлѣ,

душа, обыкновенно, ночью представляетъ то, о чемъ размышляетъ днемъ; это же было тогда и съ нами: и не видя васъ плотскими глазами, я видѣлъ васъ очами любви, и не бывши съ вами тѣломъ, былъ съ вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашимъ воплемъ. Поэтому, хотя болѣзнь тѣлесная и побуждала меня оставаться тамъ (въ селѣ) долѣе и пользоваться цѣлительнымъ для плотского здоровья воздухомъ, но сила любви вашей не позволяла этого, напротивъ, вопіяла и не переставала докучать дотолѣ, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащаго времени и ваше сообщество поставить наравнѣ и съ здоровьемъ, и съ наслажденіемъ, и со всѣмъ, что только есть добраго. И мы, склонившись на ея убѣжденія, лучше захотѣли возвратиться съ остатками болѣзни, чѣмъ, стараясь о совершенномъ исцѣленіи отъ немощи тѣлесной, опечаливать долѣе любовь вашу. Живя и тамъ, я слышалъ ваши упреки,—частыя письма доносили ихъ до насъ; и
278 упрекающимъ я внималъ не менѣе, чѣмъ хвалящимъ, потому что упреки тѣ были выраженіемъ души, умѣющей любить. Вотъ почему я всталъ и поспѣшно пришелъ; вотъ почему я никогда не могъ выкинуть васъ изъ своего ума! И что̀ удивительнаго въ томъ, что я, живя въ селѣ и наслаждаясь свободою, помнилъ о вашей любви, когда Павелъ, обложенный узами, живя въ темницѣ, и видя безчисленное множество грозившихъ ему опасностей,—и въ темницѣ, какъ бы среди луга, помнилъ о братіяхъ, и писалъ имъ такъ: *якоже есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія* (Филип. I, 7)? Снаружи цѣпь отъ враговъ, а внутри цѣпь любви къ ученикамъ; но наружная (цѣпь) скована изъ желѣза, а внутренняя составлена изъ любви; ту часто онъ и снималъ, а этой никогда не разрывалъ. Напротивъ, какъ жены, испытавшія болѣзни рожденія и сдѣлавшіяся матерями, всегда привязаны бываютъ къ своимъ дѣтямъ, гдѣ бы они ни были, такъ, или еще гораздо крѣпче ихъ, и Павелъ всегда привязанъ былъ къ ученикамъ своимъ, и тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣзненнѣе духовное рожденіе плотского. Въ самомъ дѣлѣ, и онъ былъ въ мукахъ рожденія, и не однажды, но для однихъ и тѣхъ же дважды, и потому вопіялъ: *чадца моя, ими же паки болѣзную* (Гал. IV, 19). Этого никогда не можетъ испытать жена, никогда не вытерпитъ она въ другой разъ тѣ же муки рожденія; а Павелъ вытерпѣлъ то, чего нельзя видѣть въ природѣ,—онъ снова зачалъ тѣхъ, которыхъ уже разъ родилъ, снова перенесъ для нихъ жестокія муки рожденія. Поэтому, желая пристыдить ихъ, онъ и говорилъ: *ими же паки болѣзную*, какъ бы такъ говоря: пощадите меня; никакой сынъ въ другой разъ не подвергалъ матерняго чрева мукамъ

рожденія, а вы заставляете меня терпѣть это. Притомъ, тѣ бо-
лѣзни мучать одно мгновеніе, и прекращаются, коль скоро дитя
выйдетъ изъ утробы матерней, а эти не такъ, напротивъ, продол-
жаются даже по цѣлымъ мѣсяцамъ. Павелъ часто по цѣлому году
былъ въ мукахъ рожденія, и не могъ родить зачатыхъ имъ. Тамъ
трудъ плоти, а здѣсь болѣзни терзаютъ не чрево, но поражаютъ
самую силу души. И чтобы увѣриться, что эти болѣзни (духовнаго
рожденія) тяжелѣе, (подумай), какая мать рѣшилась когда-либо
пойти въ геенну за своихъ дѣтей? А Павелъ не только рѣшается
пойти въ геенну, но и желаетъ отлученъ быть отъ Христа, только
бы ему родить іудеевъ, для которыхъ онъ всегда и непрерывно
былъ въ мукахъ рожденія; и какъ это не сбывалось, то онъ съ
горестію говорилъ: *скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь
сердцу моему* (Рим. IX, 2). И здѣсь опять: *чадца моя, имиже
паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал.
IV, 19). Что блаженнѣе той утробы, которая могла рождать та-
кихъ дѣтей, кои способны имѣть въ себѣ Христа? Что плодоноснѣе
той, которая родила всю вселенную? Что сильнѣе той, которая
родившихся и возросшихъ недоносковъ могла снова зачать и пре-
образовать? Это въ естественныхъ родахъ невозможно. Но почему 279
Павелъ не сказалъ: *чадца моя*, ихже паки рождаю, но: *имиже
паки болѣзную*, хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ о себѣ, что онъ
рождаетъ: *о Христѣ бо Іисусѣ азъ вы родихъ* (1 Кор. IV, 15)?
Потому, что тамъ онъ хотѣлъ показать только сродство, а здѣсь
старался выставить и трудъ. Какъ же онъ называетъ чадами тѣхъ,
которые еще не родились? Если онъ болѣзнуетъ, значитъ, еще не
родилъ: какъ же называетъ чадами? Дабы ты зналъ, что онъ тер-
питъ уже не первыя муки рожденія, и этого довольно было, чтобы
пристыдить ихъ (галатянъ). Я, говоритъ, былъ уже разъ отцемъ
и перенесъ для васъ, какія слѣдовало, муки рожденія; и вы разъ
сдѣлались уже чадами: для чего же снова подвергаете меня вто-
ричнымъ мукамъ рожденія? Довольно скорбей и отъ перваго ро-
жденія: для чего же снова терзаете меня болѣзнями? Въ самомъ
дѣлѣ, паденія вѣрныхъ причиняли ему не меньшую скорбь, чѣмъ
и (грѣхи) еще неувѣровавшихъ: невыносимо тяжко было видѣть,
какъ они (вѣрующіе), послѣ участія въ такихъ таинствахъ, укло-
нялись въ нечестіе. Поэтому онъ весьма горько и жалобнѣе вся-
кой жены плакалъ и говорилъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную,
дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). А это гово-
рилъ онъ для того, чтобы въ то же время и ободрить и устрашить
(галатянъ). Показавъ, что Христосъ не вообразился въ нихъ, Па-
велъ повергъ ихъ въ смущеніе и страхъ; а давъ понять, что Онъ
можетъ вообразиться,—опять возбудилъ въ нихъ бодрость. Слова:

дондеже вообразится—показываютъ и то, что (Христосъ) еще не вообразился, и то, что Онъ можетъ снова вообразиться. Еслибъ это было невозможно, то (Павелъ) напрасно бы и говорилъ имъ: *дондеже вообразится Христосъ въ васъ*, и льстилъ бы ихъ суетными надеждами.

2. Итакъ, зная это, не станемъ и мы отчаиваться, но и не будемъ совершенно безпечны: то и другое пагубно. Отчаяніе не позволяетъ встать лежащему, а отъ безпечности падаетъ и стоящій; то обыкновенно лишаетъ пріобрѣтенныхъ благъ, эта не позволяетъ избавиться отъ постигшихъ золъ. Нерадѣніе низвергаетъ и съ самаго неба, а отчаяніе сводитъ въ самую бездну зла, тогда какъ отсутствіе отчаянія скоро изводитъ и оттуда. Вотъ, смотри на силу того и другого. Діаволъ прежде былъ добръ; но, сдѣлавшись безпечнымъ и отчаявшись, палъ въ такую злобу, что послѣ уже и не возсталъ. А что онъ былъ добръ,—такъ послушай, что (Христосъ) говоритъ: *видпхъ сатану, яко молнію съ небесе спадша* (Лук. x, 18). Сравненіе съ молніей показываетъ и свѣтлость прежняго состоянія, и быстроту паденія. Павелъ былъ хулитель, и гонитель, и обидчикъ; но какъ возревновалъ и не предался отчаянію, то и возсталъ и сдѣлался равнымъ ангеламъ. Напротивъ, Іуда былъ апостоломъ, но, предавшись безпечности, сдѣлался предателемъ. Опять, разбойникъ, такъ какъ не отчаялся и послѣ такой злой жизни, то прежде всѣхъ другихъ вошелъ въ рай; фарисей, по самонадѣянности, упалъ съ самаго верха добродѣтели; мытарь, не поддавшись отчаянію, такъ исправился, что упредилъ и того (фарисея). Хочешь, покажу тебѣ и цѣлый городъ, сдѣлавшій это? Такъ спасся цѣлый городъ ниневитянъ. Хотя приговоръ повергалъ ихъ въ отчаяніе,—такъ какъ (пророкъ) не
280 сказалъ, что, если они покаются, то спасутся, но просто: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4),—однакожъ, несмотря на то, что Богъ угрожалъ, и пророкъ вопіялъ, и приговоръ не допускалъ ни отсрочки, ни ограниченія, они не упали духомъ, и не потеряли доброй надежды. Богъ для того не сдѣлалъ (въ этомъ приговорѣ) ограниченія и не сказалъ: если покаются, то спасутся, чтобы и мы, когда услышимъ Божій приговоръ, произносимый безъ ограниченія, тоже не отчаивались и не унывали, взирая на этотъ примѣръ (ниневитянъ). Но человѣколюбіе Бога видно не изъ того только, что Онъ, хотя и не сдѣлалъ ограниченія въ приговорѣ, однакожъ примирился съ покаявшимися, а даже изъ того, что произнесъ безусловный приговоръ. Онъ сдѣлалъ это, чтобы увеличить (въ ниневитянахъ) страхъ и поразить великую ихъ безпечность. Да и самое время покаянія показываетъ неизреченное Его человѣколюбіе: что̀ такое могли значить

три дня, чтобы загладить столь великіе пороки? Не видишь ли, какъ и отсюда открывается Божія попечительность? Она-то преимущественно и содѣйствовала спасенію этого города.

Итакъ, зная это, не будемъ никогда отчаиваться, потому что нѣтъ ни одного столь сильнаго оружія у діавола, какъ отчаяніе. И мы не такъ радуемъ его, когда грѣшимъ, какъ—когда отчаиваемся. Можешь видѣть на блудникѣ, какъ Павелъ страшился отчаянія больше грѣха. Пиша къ коринѳянамъ, онъ такъ говорилъ: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яковоже ни во языцѣхъ именуется* (1 Кор. v, 1). Не сказалъ: на каковое не рѣшаются даже между язычниками, но: *ниже именуется*, то есть, чтó у нихъ не терпимо даже по имени, на то у васъ дерзнули самымъ дѣломъ. *И вы разгордѣсте*. Не сказалъ: и онъ (блудникъ) разгордѣлся; но, оставивъ согрѣшившаго, обращается къ здоровымъ, подобно тому, какъ поступаютъ врачи, которые, оставивъ больного, много говорятъ съ родными его. Съ другой стороны, и сами (здоровые) были причиною гордости его, потому что не осуждали и не устрашали его. Поэтому Павелъ сдѣлалъ вину общею, чтобы удобнѣе было лѣченіе раны. Худо грѣшить, но гораздо хуже еще гордиться грѣхами. Если надменіе праведностію уничтожаетъ праведность, тѣмъ болѣе надменіе грѣхами причинитъ намъ крайній вредъ, и будетъ гораздо виновнѣе самыхъ грѣховъ. Поэтому (Господь) говоритъ: *егда сотворите вся повелѣнная, глаголите, яко раби неключимии есмы* (Лук. xvii, 10). Если же сотворившіе все должны уничижать себя, тѣмъ болѣе грѣшнику прилично и плакать, и считать себя между послѣдними. На это именно указывая тогда, (апостолъ) говорилъ: *и не паче плакасте* (1 Кор. v, 2). Что говоришь? Другой согрѣшилъ, а я буду плакать? Да, говоритъ, потому что всѣ мы связаны между собою на подобіе тѣла и членовъ, а въ тѣлѣ мы видимъ, что, если и нога получитъ рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнѣе головы? Но она не смотритъ на (свое) достоинство во время несчастія; такъ и ты поступи. Поэтому и Павелъ увѣщеваетъ: *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. xii, 15). Поэтому и коринѳянамъ онъ говоритъ: *и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣлавый дѣло сіе* (1 Кор. 281
v, 2). Не сказалъ: и вы не постарались,—но что? *Не паче плакасте*, какъ будто всеобщая болѣзнь и зараза постигла городъ. Какъ бы такъ говоритъ онъ: потребны молитва и исповѣдь, и усердныя моленія, чтобы эта болѣзнь изгнана была изъ всего города. Видишь, какой навелъ на нихъ страхъ? Они думали, что зло остановилось только на согрѣшившемъ, и потому апостолъ возбуждаетъ въ нихъ безпокойство, говоря: *не вѣсте ли, яко малъ*

квасъ все смѣшеніе квасить (1 Кор. v, 6)? А это значитъ вотъ что: зло, распространяясь мало по малу, касается и прочихъ членовъ; поэтому тебѣ нужно озаботиться, какъ подобаетъ пекущемуся объ общемъ бѣдствіи. Не говори мнѣ, что онъ согрѣшилъ одинъ; посмотри на то, что этотъ грѣхъ есть нѣкотораго рода ядъ, и (отъ одного члена) распространяется по всему остальному тѣлу. И какъ во время пожара, и тѣ, которые еще не пострадали отъ него, суетятся не менѣе подвергшихся уже этому несчастію, и употребляютъ всѣ усилія, чтобы огонь, распространяясь, не дошелъ и до ихъ дверей; такъ и Павелъ возбуждаетъ коринѳянъ, говоря: пожаръ занялся; предупредимъ несчастіе; погасимъ пожаръ, прежде чѣмъ онъ объялъ церковь. Если же ты не обращаешь вниманія на грѣхъ, потому что онъ совершился въ тѣлѣ другого, то и въ этомъ случаѣ поступаешь весьма худо: вѣдь согрѣшившій есть членъ всего тѣла (церкви).

3. Но смотри еще на то, что, если ты полѣнишься и не обратишь вниманія (на чужой грѣхъ), онъ когда-нибудь овладѣетъ и тобою. Посему, если не ради брата, то, по крайней мѣрѣ, ради самого себя воспряни и останови заразу, не дай распространяться яду и прекрати губительный недугъ. Итакъ, сказавъ это и больше этого, и повелѣвъ предать грѣшника сатанѣ, Павелъ послѣ того, какъ (грѣшникъ) перемѣнился и сдѣлался лучше, говоритъ: *довольно таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ. Тѣмъ же утвердите къ нему любовь* (2 Кор. II, 6, 8). Такъ какъ онъ всѣмъ представилъ его, какъ общаго врага и непріятеля, отлучилъ отъ стада, и отсѣкъ отъ тѣла, то смотри, сколько употребляетъ теперь старанія, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказалъ: полюбите его, но—*утвердите къ нему любовь*, то есть, покажите любовь твердую и неизмѣнную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней враждѣ. Что сталось, скажи мнѣ? Не сатанѣ ли ты предалъ его? Да, говоритъ; только не для того, чтобы онъ оставался въ рукахъ сатаны, но чтобы скорѣе избавился изъ-подъ власти его. Смотри же, сколько Павелъ, какъ я сказалъ, боялся отчаянія, какъ сильнаго оружія діавола. Сказавши: *утвердите къ нему любовь*, присовокупляетъ и причину: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 7). Овца, говоритъ, въ пасти волка: поспѣшимъ же, исхитимъ ее, пока (волкъ) не поглотилъ и не погубилъ нашего члена. Корабль обуревается волнами: постараемся спасти его, пока не потонулъ. Какъ ладья тонетъ, когда море воздымается и волны востаютъ со всѣхъ сторонъ, такъ и душа, когда отвсюду обнимаетъ ее печаль, скоро гибнетъ, если никто не подастъ ей помощи; и спасительная печаль о грѣхахъ отъ

неумѣренности становится гибельною. И смотри, какая точность въ словахъ. Не сказалъ: да не погубитъ его діаволъ, но что? *Да* 282
необидими будемъ отъ сатаны (2 Кор. II, 11); а здѣсь слово обида (πλεονεξία) значитъ похищеніе чужого. Итакъ, показавъ, что согрѣшившій чрезъ покаяніе сдѣлался уже чужимъ для діавола и своимъ въ стадѣ Христовомъ, Павелъ говоритъ: *да необидими будемъ отъ сатаны*, потому что если сатана и послѣ этого будетъ удерживать его, то онъ похищаетъ уже нашъ членъ, беретъ овцу изъ нашего стада, такъ какъ тотъ уже сложилъ съ себя грѣхъ чрезъ покаяніе.

Такъ Павелъ, зная, что сдѣлалъ діаволъ съ Іудою, боялся, чтобы и здѣсь не случилось то же самое. Что же сдѣлалъ (діаволъ) съ Іудою? Іуда раскаялся: *согрѣшихъ*, говоритъ, *предавъ кровь неповинную* (Мѳ. XXVII, 4). Услышалъ эти слова діаволъ; понялъ, что Іуда вступаетъ на путь къ лучшему и идетъ къ спасенію—и устрашился такой перемѣны. Человѣколюбивъ, говоритъ, у него Господь: когда хотѣлъ (Іуда) предать Его, Онъ плакалъ о немъ и многократно вразумлялъ его: не гораздо ли болѣе приметъ его кающагося? Когда онъ былъ неисправимъ, и тогда влекъ и звалъ его къ себѣ: не гораздо ли болѣе привлечетъ къ себѣ исправившагося и познавшаго свой грѣхъ? Для этого-то Онъ пришелъ и на распятіе. Что же (діаволъ) сдѣлалъ? Смутилъ Іуду, омрачилъ чрезмѣрностію печали, гналъ, преслѣдовалъ, пока не довелъ до петли, пока не вывелъ изъ настоящей жизни и не лишилъ намѣренія покаяться. А что спасся бы и Іуда, еслибы остался живъ, это видно изъ примѣра распинателей. Если (Господь) спасъ вознесшихъ Его на крестъ, и на самомъ крестѣ умолялъ Отца и просилъ имъ прощенія въ грѣхѣ, то явно, что Онъ со всѣмъ благоволеніемъ принялъ бы и предателя, еслибъ этотъ принесъ надлежащее покаяніе; но онъ не въ состояніи былъ воспользоваться симъ врачествомъ, бывъ поглощенъ чрезмѣрною скорбію. Этого-то именно опасаясь, Павелъ понуждаетъ коринѳянъ исхитить того человѣка изъ челюстей діавола. И зачѣмъ говорить о томъ, что было у коринѳянъ? Петръ трижды отрекся послѣ участія въ таинствахъ, но слезами загладилъ все. Павелъ былъ гонитель, богохульникъ и обидчикъ, гналъ не только Распятаго, а также и всѣхъ послѣдователей Его; но—раскаялся, и сталъ апостоломъ. Богъ требуетъ отъ насъ только малаго повода, и даруетъ намъ отпущеніе многихъ грѣховъ. Скажу вамъ и притчу, которая служитъ подтвержденіемъ этого.

4. Были два брата; они раздѣлили между собою отеческое имѣніе, и одинъ изъ нихъ остался дома, а другой прожилъ все, что было ему дано, и ушелъ въ чужую сторону, не въ состояніи бу-

дучи переносить стыда отъ бѣдности. Эту притчу нашелъ я нужнымъ сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грѣхи, сдѣланные послѣ крещенія,—если мы будемъ внимательны. А это говорю не для того, чтобы вовлечь васъ въ безпечность, но чтобы отвлечь отъ отчаянія, потому что отчаяніе причиняетъ намъ больше зла, нежели безпечность. Итакъ, этотъ (блудный) сынъ представляетъ собою образъ падшихъ послѣ крещенія; а что онъ означаетъ падшихъ послѣ крещенія, видно вотъ откуда: онъ называется сыномъ, а сыномъ никто не можетъ назваться безъ крещенія. Онъ и жилъ въ домѣ отеческомъ, и получилъ долю во всемъ оте-
283 ческомъ имуществѣ, а прежде крещенія нельзя воспользоваться отеческимъ достояніемъ, ни получить наслѣдство. Такимъ образомъ все это указываетъ намъ на общество вѣрныхъ. Притомъ, (блудный сынъ) былъ братомъ жившаго честно, а братомъ не могъ быть безъ духовнаго возрожденія. Итакъ, этотъ (блудный сынъ), дойдя до крайней степени порока, что говоритъ? Возвращусь опять *ко отцу моему* (Лук. xv, 18). Отецъ для того и отпустилъ его и не помѣшалъ ему уйти на чужую сторону, чтобы онъ опытомъ узналъ, сколько получалъ благодѣяній, живя дома. И Богъ часто, когда не убѣдитъ словами, даетъ урокъ самыми дѣлами,—объ этомъ Онъ говорилъ къ іудеямъ. Такъ Онъ, когда, потративъ чрезъ пророковъ множество словъ, не убѣдилъ и не склонилъ (ихъ), то, опредѣливъ дать имъ урокъ наказаніемъ, говоритъ къ нимъ: *накажетъ тя отступленіе твое, и злоба твоя обличитъ тя* (Iер. II, 19). Слѣдовало бы вѣрить Ему и прежде самаго событія, но какъ они были столько безчувственны, что не вѣрили Его увѣщаніямъ и совѣтамъ, коими Онъ предотвращалъ ихъ отъ порока, то Онъ уже попускаетъ самымъ событіямъ вразумить ихъ, дабы хотя такимъ образомъ снова привлечь ихъ къ себѣ. Когда же блудный сынъ, ушедши на чужую сторону и дознавши опытомъ, какъ гибельно удаленіе изъ дома отеческаго, возвратился,—отецъ не позлопамятствовалъ, но принялъ его съ распростертыми руками. Отчего же такъ? Оттого, что онъ былъ отецъ, а не судья. И вотъ уже ликованія и пиршества, и праздники, и свѣтелъ и радостенъ сталъ весь домъ! Что говоришь? Это ли плата за порокъ? Не за порокъ, человѣкъ, но за возвращеніе (въ домъ); не за грѣхъ, но за покаяніе; не за худыя дѣла, но за исправленіе. И что еще больше,—когда старшій сынъ огорчился этимъ, отецъ и его ласково успокоилъ, говоря: *ты всегда со мною еси, а сей изгиблъ бѣ, и обрѣтеся, мертвъ бѣ, и оживе* (Лук. xv, 31, 32). Когда, говоритъ, нужно спасти погибшаго, то тутъ время не суда и строгаго изслѣдованія, но только человѣколюбія и прощенія. Ни одинъ врачъ, вмѣсто того, чтобы дать лѣ-

карство больному, не подвергаетъ его взысканіямъ и наказанію за безпорядочную жизнь. Если же блудному сыну надлежало непремѣнно понести и наказаніе, то достаточнымъ наказаніемъ для него была жизнь на чужой сторонѣ. Вѣдь столько времени онъ провелъ вдали отъ нашего сообщества, боролся и съ голодомъ, и съ униженіемъ, и съ крайними бѣдствіями. Поэтому говоритъ: *изгиблъ бѣ, и обрѣтеся, мертвъ бѣ, и оживе*. Не смотря, говоритъ, на настоящее, но подумай о великости прежняго несчастія; предъ тобою братъ, не чужой. Онъ возвратился къ отцу, который не можетъ помнить прежняго, а охотнѣе помнитъ только то, что мо- 284
жетъ побудить къ состраданію, милосердію, любви и снисходительности, свойственной родителямъ. Поэтому и сказалъ (отецъ) не о томъ, что сдѣлалъ (блудный сынъ), но о томъ, что онъ потерпѣлъ; напомнилъ не о томъ, что онъ истратилъ имущество, но о томъ, что перенесъ множество несчастій. Съ такою же, или еще съ большею, ревностію искалъ онъ овцу. Здѣсь сынъ самъ возвратился, а тамъ самъ пастырь пошелъ и, найдя овцу, привелъ ее и радовался о ней больше, чѣмъ о всѣхъ, возвратившихся благополучно. Смотри еще, какъ и возвратилъ: не бичемъ погонялъ, но, возложивъ на плеча, принесъ и снова соединилъ съ стадомъ. Итакъ, зная, что (Богъ) не только не отвращается отъ обращающихся, но и принимаетъ ихъ не хуже добродѣтельныхъ; что не только не подвергаетъ наказанію, но и Самъ идетъ отыскивать заблудшихъ и, найдя ихъ, радуется (о нихъ) болѣе, чѣмъ о тѣхъ, которые были въ безопасности,—не будемъ ни отчаиваться о грѣхахъ, ни излишне надѣяться на добрыя дѣла, но, и живя добродѣтельно, будемъ бояться, чтобы отъ излишней надежды не пасть, а когда согрѣшимъ, станемъ каяться. Что сказалъ я вначалѣ, то говорю и теперь, а именно, что и излишняя надежда стоящаго, и отчаяніе лежащаго, то и другое гибельны для нашего спасенія. Потому Павелъ, остерегая стоящихъ, говорилъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12), и опять: *боюся, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (ix, 27); а возставляя лежащихъ и побуждая къ большей ревности, писалъ къ коринѳянамъ такъ: *да не како восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ, и не покаявшихся* (2 Кор. xii, 21), показывая этимъ, что слезъ достойны не столько согрѣшающіе, сколько нераскаивающіеся во грѣхахъ. Да и пророкъ къ нимъ (грѣшникамъ) говоритъ: *еда падаяй не востаетъ, или отвращаяйся не обратится* (Іер. viii, 4)? И Давидъ ихъ же убѣждаетъ, говоря: *днесь, аще гласъ его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Пс. xciv, 8). Итакъ, доколѣ говорится это *днесь*, не будемъ отчаиваться, но имѣя благія надежды на Господа, и помышляя о безднѣ Его

человѣколюбія, изгнавъ изъ совѣсти все злое, съ великимъ усердіемъ и надеждою возьмемся за добродѣтель и покажемъ самое глубокое покаяніе, дабы, здѣсь сложивъ всѣ грѣхи, съ дерзновеніемъ могли мы стать предъ судилищемъ Христовымъ и получить царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

О покаяніи и о печали царя Ахаава, а также и о пророкѣ Іонѣ.

283—284 ВИДѢЛИ вы въ прошедшій воскресный день брань и побѣду— брань діавола, а побѣду Христа? Видѣли, какъ покаяніе было похваляемо, и діаволъ не снесъ пораженія, но убоялся и вострепеталъ? Отчего ты боишься, діаволъ, когда покаяніе похваляется? Отчего скорбишь? Отчего трепещешь? Да, говоритъ, не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогіе мои сосуды похитило это покаяніе. Какіе же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника,
285 хулителя. И подлинно, много сосудовъ похитило у него покаяніе, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный ударъ. Это можешь ты узнать, возлюбленный, изъ того, что недавно показалъ опытъ. Но отчего же мы не любимъ собираться сюда, и не приходимъ каждый день въ церковь для покаянія? Ты грѣшникъ? Приди въ церковь, чтобы исповѣдать грѣхи твои. Ты праведникъ? Приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другого.

Ты грѣшникъ? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяніе. Ты согрѣшилъ? Скажи Богу: я согрѣшилъ. Какой тутъ трудъ? Какое обремененіе? Какая скорбь? Какая тягость—сказать слово: я согрѣшилъ? Если самъ ты не назовешь себя грѣшникомъ, то развѣ не будешь обвиненъ діаволомъ? Предупреди же и лиши его этой чести; а его честь состоитъ въ томъ, чтобы обвинять. Почему же не предупреждаешь его, и не исповѣдуешь грѣха, и не изглаждаешь преступленія, когда знаешь, что есть противъ тебя такой обвинитель, который не можетъ умолчать? Ты согрѣшилъ? Приди въ церковь, скажи Богу: я согрѣшилъ. Ничего другого я отъ тебя не требую, кромѣ одного этого. Божественное Писаніе говоритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26): скажи грѣхъ, чтобы разрѣшить грѣхъ. Для этого

не нужны ни трудъ, ни многословіе, ни денежная издержка, ни что другое подобное: произнеси слово, откройся въ грѣхѣ, и скажи: я согрѣшилъ. Но откуда извѣстно, скажетъ кто-нибудь, что, если я первый скажу грѣхъ, то разрѣшу грѣхъ? Въ Писаніи есть примѣръ и такого человѣка, который исповѣдалъ грѣхъ—и загладилъ его, и такого, который не исповѣдалъ—и былъ осужденъ. Каинъ умертвилъ брата своего Авеля изъ зависти,—убійство было слѣдствіемъ зависти; онъ убилъ его, взявъ его съ собою въ поле. И что же говоритъ ему Богъ? *Гдѣ Авель братъ твой* (Быт. IV, 9)? Тотъ, кто знаетъ все, спрашиваетъ не по невѣдѣнію, но чтобы привлечь убійцу къ покаянію. А что Онъ спрашивалъ не по невѣдѣнію, это доказалъ самымъ вопросомъ: *Гдѣ Авель братъ твой?* Каинъ же отвѣчалъ: *не вѣмъ*; *еда стражъ брату моему есмь азъ* (ст. 9)? Пусть такъ, ты не стражъ: для чего же убійца? Ты не оберегалъ: для чего же умертвилъ? Но ты признаешься въ томъ [1])? Ты долженъ бы и беречь его. Что же Богъ къ нему? *Гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ отъ земли* (ст. 10). Тотчасъ обличилъ его и наложилъ на него наказаніе, не столько за убійство, сколько за безстыдство, потому что Богъ ненавидитъ не столько согрѣшающаго, сколько безстыднаго. И когда Каинъ раскаивался, (Богъ) не принялъ его, безъ сомнѣнія, потому, что онъ не первый исповѣдалъ свой грѣхъ. Что говоритъ (Каинъ)? *Вящшая вина моя, еже оставитися ми* (ст. 13); какъ бы такъ сказалъ: тяжко я согрѣшилъ, недостоинъ и наслаждаться жизнію. Что же къ нему Богъ? *Стеня и трясыйся будеши на земли* (ст. 12); такимъ образомъ опредѣлилъ ему страшное и тяжкое наказаніе. Не лишаю, говоритъ, тебя жизни, дабы истина не была предана забвенію, но 286
дѣлаю изъ тебя законъ, который бы могли всѣ читать, чтобы твое бѣдствіе стало матерію любомудрія. И Каинъ ходилъ всюду, какъ живой законъ, какъ столпъ движущійся,—безмолвный, и однакожъ издававшій голосъ звучнѣе всякой трубы. Никто не дѣлай, говорилъ онъ, того же, что я сдѣлалъ, дабы не потерпѣть того же, что я терплю. Онъ подвергся наказанію за безстыдство; осужденъ за грѣхъ, потому что не самъ исповѣдалъ его, но былъ обличенъ въ немъ. А если бы онъ самъ первый сказалъ свой грѣхъ, то загладилъ бы его.

2. Но чтобы убѣдиться тебѣ, что это дѣйствительно такъ, посмотри, какъ нѣкто другой, первый исповѣдавъ грѣхъ, загладилъ его. Обратимся къ Давиду, пророку и царю. Впрочемъ я охотнѣе называю его по пророчеству, такъ какъ царство его простиралось на Палестину, а пророчество—до предѣловъ вселенной; царство

[1]) Т. е. что не былъ стражемъ брату.

разрушилось въ короткое время, а пророчество приноситъ вѣчные глаголы. Лучше пусть солнце померкнетъ, чѣмъ слова Давида предадутся забвенію. Онъ впалъ въ прелюбодѣяніе и убійство. Онъ увидѣлъ, говоритъ Писаніе (2 Цар. xi, 2), моющуюся красивую женщину, и возгорѣлъ къ ней любовію; потомъ свои помыслы привелъ въ исполненіе. И вотъ пророкъ въ прелюбодѣяніи, драгоцѣнный перлъ—въ грязи. Но онъ еще не сознавалъ, что согрѣшилъ,—такъ былъ усыпленъ страстію! Когда правящій колесницею не трезвъ, то и колесница несется безпорядочно; а колесница и правящій ею то же, что наше тѣло и душа. Если душа омрачена, то и тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ. Доколѣ правящій колесницею стоитъ твердо, дотолѣ и колесница бѣжитъ хорошо; но когда онъ теряетъ силы и не можетъ править возжами, тогда и самая колесница является въ самомъ худомъ положеніи. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Доколѣ душа трезва и бодра, дотолѣ и само тѣло пребываетъ въ чистотѣ; а когда душа омрачена, тогда и само тѣло погрязаетъ въ нечистотѣ и сладострастіи. Что же Давидъ? Совершилъ прелюбодѣяніе, но не сознавалъ этого, и ни отъ кого не былъ обличаемъ. Притомъ, (совершилъ это) въ глубокой старости, дабы зналъ ты, что, если будешь безпеченъ, то и старость не принесетъ тебѣ пользы, и наоборотъ, если будешь рачителенъ, то и юность не можетъ повредить тебѣ. Не отъ возраста добрые нравы, но отъ душевнаго расположенія добрыя дѣла. Вотъ Даніилъ былъ только двѣнадцати лѣтъ—и судилъ; а старцы были преклонныхъ лѣтъ—и замыслили прелюбодѣяніе (Дан. xiii, 45 слѣд.); и какъ послѣднимъ не принесла пользы старость, такъ первому не повредила юность. И чтобы ты узналъ, что дѣла цѣломудрія зависятъ не отъ возраста, но отъ душевнаго расположенія, вотъ Давидъ, уже въ старости, впалъ въ прелюбодѣяніе, совершилъ убійство, и былъ въ такомъ состояніи, что и самъ не зналъ, что онъ согрѣшилъ, такъ какъ управитель—умъ былъ упоенъ невоздержаніемъ. Что же Богъ? Посылаетъ къ нему Наѳана пророка. Пророкъ приходитъ къ пророку. Такъ бываетъ и съ врачами: когда врачъ сдѣлается боленъ, тогда нуждается онъ въ другомъ врачѣ. То же самое и здѣсь. Пророкъ согрѣшилъ, пророкъ же принесъ и врачество. Итакъ, приходитъ къ нему Наѳанъ, и не
287 сейчасъ, какъ переступилъ порогъ, обличаетъ его, не говоритъ: беззаконникъ, непотребный, прелюбодѣй и убійца! Столько почестей получилъ ты отъ Бога—и попралъ заповѣди Его! Ничего такого не сказалъ Наѳанъ, дабы не сдѣлать его безстыднымъ, потому что оглашеніе грѣховъ вызываетъ согрѣшившаго на безстыдство. Итакъ, Наѳанъ приходитъ къ Давиду и сплетаетъ разсказъ о тяжебномъ дѣлѣ. Что же говоритъ? Царь, у меня есть къ тебѣ

жалоба. Былъ человѣкъ богатый, и былъ другой бѣдный. У богатаго были стада и много воловъ; а бѣдный имѣлъ только одну агницу, которая пила изъ его чаши, ѣла отъ стола его и спала на груди у него. Здѣсь (пророкъ) указываетъ на любовь мужа къ женѣ. Но пришелъ къ богатому одинъ гость, и онъ пожалѣлъ своего, и взялъ овцу бѣднаго и закололъ ее (2 Цар. XII, 1—4). Видишь, какъ Наѳанъ здѣсь сплетаетъ разсказъ, скрывая ножъ подъ губкою? Что же царь? Думая, что осуждаетъ другого, онъ тотчасъ же произнесъ приговоръ. Таковы люди! Противъ другихъ они охотно и быстро составляютъ и произносятъ приговоры. И что же говоритъ Давидъ? *Живъ Господь!* достоинъ смерти таковый *и агницу возвратитъ четверицею* (ст. 5). А что Наѳанъ? Онъ не сталъ долго смягчать рану, но тотчасъ открываетъ ее, и весьма быстро разрѣзываетъ, чтобы не уменьшить чувства боли. «Это ты, царь». Что же говоритъ царь? *Согрѣшихъ ко Господу*. Не сказалъ: кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послалъ тебя такъ смѣло говорить? Какъ ты дерзнулъ сдѣлать это? Ничего такого не сказалъ, но созналъ грѣхъ и сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу*. Что же Наѳанъ къ нему? *И Господь отъя согрѣшеніе твое* (ст. 13). Ты самъ осудилъ себя, я освобождаю тебя отъ осужденія; ты принесъ искреннее признаніе—и загладилъ грѣхъ; ты самъ подвергъ себя осужденію, я уничтожилъ приговоръ. Видишь, какъ исполнилось слово Писанія: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися?* Какой это трудъ—сказать первому свой грѣхъ?

3. Но есть и другой путь покаянія. Какой же это? Оплакиваніе грѣха. Ты согрѣшилъ? Плачь, и изгладишь грѣхъ. Какой это трудъ? Ничего больше не требую отъ тебя, кромѣ плача о грѣхѣ. Не приказываю тебѣ ни разсѣкать моря, ни входить въ пристани, ни путешествовать, ни отправляться въ дальній путь, ни тратить деньги, ни ввѣрять себя бурнымъ волнамъ,—но что? Поплачь о грѣхѣ. Но откуда, скажешь, извѣстно, что, если буду плакать, то уничтожу грѣхъ? Есть для тебя и на это доказательство въ божественномъ Писаніи. Былъ нѣкто Ахаавъ царь. Самъ онъ, говорится, былъ справедливъ; но изъ-за Іезавели, жены своей, царствовалъ худо. Онъ пожелалъ имѣть виноградникъ одного израильтянина, Навуѳея, и послалъ къ нему сказать: отдай мнѣ твой виноградникъ, который мнѣ захотѣлось имѣть, и возьми отъ меня или деньги, или другое мѣсто. Тотъ отвѣчалъ: не дай Богъ, чтобы 288
я продалъ тебѣ наслѣдіе отцевъ моихъ. Ахаавъ, хоть и желалъ имѣть виноградникъ (Навуѳея), однакожъ не хотѣлъ взять его силою, такъ что отъ этого впалъ въ болѣзнь. Но вотъ приходитъ къ нему Іезавель, женщина безстыдная и безсовѣстная, распутная и непотребная, и говоритъ: что ты печалишься и не ѣшь? Встань

и ѣшь; я сдѣлаю, что ты получишь виноградникъ Навуѳея израильтянина. И вотъ пишетъ отъ лица царя къ старѣйшинамъ письмо такого содержанія: объявите постъ, и поставьте лжесвидѣтелей противъ Навуѳея, (которые бы показали), что онъ (не) благословилъ Бога и царя, то есть, произнесъ хулу на нихъ. О, постъ. исполненный крайняго нечестія! Объявили постъ, чтобы совершить убійство! Что же послѣдовало? Навуѳей побитъ былъ камнями и умеръ. А Іезавель, узнавши объ этомъ, говоритъ Ахааву: встань, овладѣемъ виноградникомъ, потому что Навуѳей умеръ. Ахаавъ, хоть на время и опечалился, однакожъ пошелъ и овладѣлъ виноградникомъ. Богъ посылаетъ къ нему Илію пророка: поди, говоритъ, скажи Ахааву: за то, что ты убилъ (Навуѳея) и овладѣлъ (виноградникомъ его), прольется кровь твоя, и псы будутъ лизать кровь твою, и блудницы мыться въ крови твоей. Гнѣвъ Божескій, приговоръ рѣшительный, осужденіе окончательное! И смотри, куда (Богъ) посылаетъ его (Илію)? Въ виноградникъ. Гдѣ беззаконіе. тамъ и наказаніе (3 Цар. xxi, 2, 18). Что же далѣе? Увидѣвъ его (Илію), Ахаавъ говоритъ: *обрѣлъ еси мя, враже мой* (ст. 20); это значитъ: ты застигъ меня виновнымъ, потому что я согрѣшилъ; теперь имѣешь случай напасть на меня. *Обрѣлъ еси мя, враже мой*. Такъ какъ Илія всегда обличалъ Ахаава, то Ахаавъ, зная, что согрѣшилъ, говоритъ: ты и всегда меня обличалъ, но теперь благовременно наступаешь на меня; онъ сознавалъ, что согрѣшилъ. Въ отвѣтъ на это (Илія) объявляетъ ему приговоръ. *Сице глаголетъ Господь*, говоритъ онъ: *понеже ты убилъ еси, и пріялъ еси въ наслѣдіе* и пролилъ кровь мужа праведнаго, то прольется и твоя кровь, *и псы полижутъ ее, и блудницы измыются въ крови твоей* (ст. 19). Услышавъ сіе, Ахаавъ опечалился и плакалъ о грѣхѣ своемъ; онъ сознавалъ беззаконіе, и Богъ отмѣнилъ приговоръ, произнесенный на него. Впрочемъ Богъ напередъ оправдалъ себя предъ Иліею, чтобы онъ не оказался лжецомъ и чтобы не случилось съ нимъ того же, что случилось съ Іоною. А вотъ что случилось съ Іоною. Богъ говоритъ ему: поди, возвѣсти въ городѣ Ниневіи, гдѣ живетъ сто двадцать тысячъ человѣкъ, исключая женъ и дѣтей: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. i, 2). Зная человѣколюбіе Божіе, Іона не захотѣлъ пойти; но что дѣлаетъ? Предается бѣгству. Вотъ, говоритъ, я пойду проповѣдывать, а Ты, по Своему человѣколюбію, отмѣнишь Свой приговоръ, и убьютъ меня, какъ лжепророка. Однакожъ море, принявъ его, не скрыло, но возвратило землѣ и спасло для Ниневіи, точно такъ. какъ добрая служанка сохраняетъ свою сослужанку. *Сниде Іона*. говоритъ Писаніе, *еже бѣжати, и обрѣте корабль идущъ въ Ѳарсисъ, и даде наемъ свой и вниде въ онь* (Іон. i, 3). Куда бѣжишь,

Іона? Въ иную землю уходишь? Но *Господня земля и исполненіе* 289
ея (Псал. xxiii, 1). Или въ море? Но развѣ не знаешь, что *Того есть море, и Той основа е* (Псал. xciv, 5)? Или на небо? Но развѣ не слышалъ ты, что говоритъ Давидъ: *узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ* (Псал. viii 4)? Но, не смотря на это, онъ, объятый страхомъ, якобы убѣжалъ, потому что на самомъ дѣлѣ невозможно убѣжать отъ Бога. Когда же море выбросило его, онъ пришелъ въ Ниневію, и проповѣдывалъ такъ: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. iii, 4). А что дѣйствительно онъ предался бѣгству, имѣя въ мысляхъ то, что Богъ по человѣколюбію раскается о злѣ, которое опредѣлилъ ниневитянамъ, и что онъ явится лжепророкомъ, это доказываетъ самъ онъ. Проповѣдавъ въ Ниневіи, онъ вышелъ изъ города и наблюдалъ, что̀ будетъ. Когда же увидѣлъ, что три дня прошли и нигдѣ не случилось ничего, чѣмъ угрожалъ онъ,—возвращается къ прежней своей мысли и говоритъ: *не сія ли убо словеса моя, яже глаголахъ, яко милостивъ Господь и долготерпѣливъ, и каяйся о злобахъ человѣческихъ* (Іон. iv, 2)? Итакъ, чтобы не случилось того же съ Иліею, что и съ Іоною, Богъ объявляетъ ему причину, по которой Онъ простилъ Ахаава. Что же говоритъ Богъ Иліи? *Видѣлъ ли*, какъ ходилъ Ахаавъ въ скорби и печали предъ лицемъ Моимъ? Не сдѣлаю (поэтому) по нечестію его (3 Цар. xxi, 29). Чудное дѣло! Господь становится защитникомъ раба, и Богъ предъ человѣкомъ ходатайствуетъ за человѣка! Не думай, говоритъ, будто Я безъ причины простилъ его; онъ перемѣнилъ свой нравъ, и Я отмѣнилъ и укротилъ гнѣвъ Мой. Но и ты не будешь сочтенъ за лжепророка; и ты сказалъ правду. Еслибы онъ не измѣнилъ своего нрава, то потерпѣлъ бы, что назначено по приговору; но онъ перемѣнилъ нравъ, и Я укротилъ Свой гнѣвъ. И говоритъ Богъ Иліи: *видѣлъ ли*, какъ ходилъ Ахаавъ въ скорби и печали? Не сотворю по̀ гнѣву Моему. Видишь ли, что плачъ заглаждаетъ грѣхи?

4. Есть у тебя и третій путь покаянія. Я представляю тебѣ многіе пути покаянія, чтобы чрезъ разнообразіе путей сдѣлать для тебя удобнѣе спасеніе. Какой же это третій путь? Смиренномудріе. Будь смиренномудръ, и разрѣшишь узы грѣховныя. И на это есть доказательство въ Божественномъ Писаніи,—въ повѣствованіи о мытарѣ и фарисеѣ. Пришли, говоритъ Писаніе (Лук. xviii, 10), фарисей и мытарь въ церковь помолиться, и началъ фарисей вычислять свои добродѣтели. Я, говоритъ, не такой грѣшникъ, какъ всѣ люди, или какъ этотъ мытарь. Бѣдная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную: для чего же еще оскорбила и ближняго твоего? Мало было бы тебѣ вселенной, еслибы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всѣхъ, и не по-

щадила даже и одного человѣка. „Я не таковъ, какъ всѣ люди, или какъ этотъ мытарь: дважды въ недѣлю пощусь, даю бѣднымъ десятую часть моего имущества“. Надменныя слова произнесъ
290 (фарисей)! Несчастный человѣкъ! Пусть ты осудилъ всю вселенную: для чего же уязвилъ и стоящаго близъ тебя мытаря? Ты не удовольствовался бы осужденіемъ вселенной, еслибъ не осудилъ и стоящаго съ тобою (мытаря)? Что же мытарь? Услышавъ это, онъ не сказалъ: ты кто таковъ, что говоришь это обо мнѣ? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не имѣлъ сношеній, не жилъ со мною, не проводилъ много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидѣтель твоихъ добрыхъ дѣлъ? Зачѣмъ хвалишь самъ себя? Зачѣмъ льстишь самъ себѣ? Ничего такого не сказалъ мытарь, но, преклонившись, помолился и говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (ст. 14)! Чрезъ такое смиренномудріе мытарь сдѣлался праведнымъ. Фарисей вышелъ изъ храма, потерявъ праведность, а мытарь вышелъ, стяжавъ праведность,—и слова побѣдили дѣла. Одинъ дѣлами погубилъ праведность, а другой словомъ смиренномудрія стяжалъ праведность. Впрочемъ, это и не было смиренномудріе. Смиренномудріе состоитъ въ томъ, когда кто, будучи великимъ, уничижаетъ себя; но признаніе мытаря было не смиренномудріе, а сущая правда: слова его были справедливы, потому что онъ былъ грѣшникъ.

5. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что хуже мытаря? Онъ пользуется чужими несчастіями, участвуетъ въ плодахъ чужихъ трудовъ: о трудахъ не помышляетъ, а въ прибыли беретъ себѣ долю. Такъ, грѣхъ мытаря—самый тяжкій. Мытарь есть не что иное, какъ обезопашенное насиліе, узаконенный грѣхъ, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидитъ при пути и собираетъ плоды чужихъ трудовъ,—который, когда надобно трудиться, нисколько объ этомъ не заботится, а когда предстоитъ выгода, беретъ часть изъ того, надъ чѣмъ не трудился? Если же мытарь, будучи грѣшникомъ, получилъ столь великій даръ за смиренномудріе, то не гораздо ли болѣе (получитъ) человѣкъ добродѣтельный и смиренный? Итакъ, если ты исповѣдуешь грѣхи твои и покажешь смиренномудріе, то будешь оправданъ. Но хочешь ли узнать, кто истинно смиренномудръ? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудраго,—на Павла, учителя вселенной, духовнаго витію, сосудъ избранный, пристань необуреваемую, столпъ неколебимый,—(на Павла), который въ маломъ тѣлѣ обошелъ вселенную и какъ бы на крыльяхъ обтекъ ее. Посмотри, какъ онъ смиренно любомудрствуетъ, онъ—простолюдинъ и мудрецъ, бѣднякъ и богачъ. Его-то называю истинно смиренномудрымъ,—его, который понесъ безчисленные труды, одержалъ надъ діаволомъ безчисленныя побѣды,

проповѣдуетъ и говоритъ: *благодать Его не тща во мнѣ бысть, но паче всѣхъ потрудихся* (1 Кор. xv, 10). Онъ, потерпѣвшій темничное заключеніе, удары и бичеванія, уловившій посланіями вселенную, призванный небеснымъ голосомъ, онъ-то смиренномудрствуетъ, когда говоритъ: *азъ бо есмь мній апостолъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (ст. 9). Видишь великость смиренномудрія? Видишь, какъ Павелъ смиренномудрствуетъ, называя себя меньшимъ (изъ апостоловъ)? *Азъ бо есмь*, говоритъ, *мній апостолъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ.* Въ томъ-то и состоитъ истинное смиренномудріе, чтобы смиряться во всемъ и называть себя меньшимъ. Подумай, кто былъ сказавшій эти слова? Павелъ, гражданинъ небесный, хотя еще облеченный немощнымъ тѣломъ, столпъ церкви, земный ангелъ, человѣкъ небесный. Люблю оста- 291—292
навливаться на этомъ мужѣ и созерцать красоту его добродѣтели. Не столько радуетъ мои очи взошедшее и испускающее свѣтлые лучи солнце, сколько освѣщаетъ мою душу Павелъ. Солнце озаряетъ глаза, а Павелъ какъ бы на крыльяхъ возноситъ насъ къ самымъ сводамъ небесъ, и возводитъ душу выше солнца и луны. Такова сила добродѣтели: человѣка она дѣлаетъ ангеломъ, и душу какъ бы на крыльяхъ возноситъ къ небу. Этой добродѣтели учитъ насъ Павелъ: постараемся содѣлаться ревнителями его добродѣтели. Но мы не должны уклоняться отъ своего предмета. Нашею цѣлью было показать, что смиренномудріе есть третій путь покаянія, что мытарь не смиренномудрствовалъ, но говорилъ правду, когда обнаруживалъ грѣхи свои; что сталъ онъ праведнымъ, хотя и не тратилъ денегъ, не переплывалъ морей, не предпринималъ дальнихъ путешествій, не обтекалъ безпредѣльныхъ морей, не упрашивалъ друзей и не потратилъ много времени. Нѣтъ, однимъ уничиженіемъ онъ стяжалъ праведность и удостоился царствія небеснаго, которое да получимъ мы всѣ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

О милостынѣ и о десяти дѣвахъ.

ЗНАЕТЕ ЛИ, откуда у насъ началось недавно слово и гдѣ кончилось, или, съ какого предмета и до какого доведена прежняя бесѣда? Вы, думаю, забыли, гдѣ у насъ остановилось слово; а я знаю, и не виню васъ въ этомъ, не осуждаю. Каждый изъ васъ имѣетъ жену, печется о дѣтяхъ и забо- 291

тится о дѣлахъ домашнихъ; одни заняты службою въ войскѣ, другіе—ремесленники; словомъ: каждый изъ васъ озабоченъ различными нуждами. А мы съ этимъ [1]) имѣемъ дѣло, этимъ занимаемся, и въ этомъ проводимъ свое время. Стало быть, васъ нельзя порицать за это [2]), но должно хвалить за ревность, — за то, что вы ни въ одно воскресенье не покидаете насъ, но, оставляя все, приходите въ церковь. Это-то и составляетъ величайшее украшеніе нашего города, — не шумъ его, не предмѣстія, не позлащенные домы и столовыя комнаты, но жители ревностные и бодрые. И добрую породу дерева мы узнаемъ не по листьямъ, но по плодамъ. Тѣмъ-то мы и отличаемся предъ безсловесными животными, что имѣемъ (даръ) слова, изъясняемся словомъ и любимъ слово. Человѣкъ, не любящій слова, гораздо глупѣе скотовъ: онъ не знаетъ, для чего онъ почтенъ (даромъ слова), и откуда получилъ такую честь. Хорошо сказалъ пророкъ: *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Пс. XLVIII, 13). Ты—человѣкъ, одаренный словомъ, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь имѣть извиненіе? Потому изъ всѣхъ вы для меня самые незамѣнимые, что, какъ на крыльяхъ, слетаетесь къ (слушанію) слова о добродѣтели и поставляете все ниже божественныхъ реченій. Такъ вотъ и мы возьмемся за пред-
292 метъ и продолжимъ бесѣду о томъ, о чемъ говорили недавно: я долженъ вамъ, и охотно плачу долгъ, потому что это приноситъ мнѣ не бѣдность, но доставляетъ богатство. Въ дѣлахъ мірскихъ должники бѣгаютъ отъ заимодавцевъ, чтобы не отдать (долга); а я гонюсь (за вами), чтобы отдать—и весьма справедливо, потому что въ мірскихъ дѣлахъ отдача производитъ бѣдность, а въ словѣ отдача рождаетъ богатство. Напримѣръ: я долженъ кому-нибудь деньги; если возвращу ихъ, онѣ не могутъ быть и у него, и у меня; нѣтъ, - отъ меня онѣ ушли, а къ нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мнѣ находится, и вы всѣ его имѣете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я бѣденъ, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я одинъ богатъ; а если заплачу, то получаю плодъ вмѣстѣ со всѣми вами.

Итакъ, отдадимъ долгъ. Что же это за долгъ? Недавно разсуждали мы о покаяніи и сказали, что есть многіе и различные пути покаянія, чтобы легко было для насъ спасеніе. Если бы Богъ далъ намъ одинъ путь покаянія, мы стали бы отговариваться такъ: не можемъ идти этимъ путемъ, не можемъ спастись.

---

[1]) Т. е. проповѣданіемъ.
[2]) Т. е. непамятованіе о предметѣ прежней бесѣды.

Но вотъ, чтобы отнять у тебя этотъ предлогъ, Онъ далъ тебѣ не одинъ только путь, и не два, и не три, но многіе и различные, дабы чрезъ это множество сдѣлать для тебя легкимъ восхожденіе на небо. Сказали мы также, что покаяніе не трудно, и что нѣтъ въ немъ никакой тяжести. Ты грѣшникъ? Войди въ церковь, скажи: я согрѣшилъ—и загладишь грѣхъ. Въ примѣръ представили мы и Давида, который согрѣшилъ и загладилъ грѣхъ. Потомъ предложили и другой путь, то есть, плачъ о грѣхѣ, и говорили: какой это трудъ? Не нужно ни потратить деньги, ни пройти длинный путь, ни сдѣлать что-либо другое подобное, а надобно только поплакать о грѣхѣ. Тутъ привели мы изъ Писанія то, что Богъ перемѣнилъ свое опредѣленіе объ Ахаавѣ, потому что онъ заплакалъ и опечалился; и это самъ (Богъ) сказалъ Иліи: *видѣлъ ли*, какъ ходилъ Ахаавъ въ скорби и печали
предъ лицемъ Моимъ? Не сотворю по гнѣву моему (3 Цар. 293
XXI, 29). Затѣмъ указали мы и третій путь покаянія, и представили изъ Писанія фарисея и мытаря,—то есть, что фарисей, надменно похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показавъ чувство смиренія, вышелъ съ плодомъ праведности и, не употребивъ никакого труда, сдѣлался праведнымъ, — далъ слова, а получилъ дѣла. Теперь пойдемъ дальше и представимъ четвертый путь покаянія. Какой же это путь? Это милостыня, царица добродѣтелей, весьма скоро возводящая людей въ небесные своды, наилучшая защитница. Великое дѣло — милостыня; посему и Соломонъ восклицалъ: *велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Притч. xx, 6). Великъ полетъ у милостыни: она разсѣкаетъ воздухъ, проходитъ луну, восходитъ выше лучей солнечныхъ, достигаетъ до самыхъ небесъ. Но и тамъ она не останавливается; напротивъ, проходитъ и небо, обтекаетъ и сонмы ангеловъ, и лики архангеловъ, и всѣ высшія силы, и предстаетъ самому престолу царскому. Научись этому изъ самаго Писанія, которое говоритъ: *Корниліе, молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша предъ Бога* (Дѣян. x, 4). А слова *предъ Бога* значатъ вотъ что: хотя у тебя много грѣховъ, но, такъ какъ милостыня твоя защитница, то не бойся; ни одна изъ вышнихъ силъ не останавливаетъ ея; она требуетъ должнаго, имѣя въ рукахъ собственное рукописаніе. Это гласъ Самого Господа, что, кто сотворилъ *единому сихъ меньшихъ*, тотъ Мнѣ сотворилъ (Матѳ. xxv, 40). Такимъ образомъ, сколько бы ни было у тебя другихъ грѣховъ, твоя милостыня перевѣшиваетъ всѣ.

2. Развѣ не знаешь въ Евангеліи притчу о десяти дѣвахъ, какъ не имѣющія милостыни, хотя и подвизавшіяся въ дѣвствѣ, остались внѣ брачнаго чертога? Были, говоритъ (Писаніе), десять

дѣвъ, пять глупыхъ, и пять мудрыхъ; у мудрыхъ былъ елей, а у глупыхъ не было елея, поэтому ихъ свѣтильники стали гаснуть. Пришедши къ мудрымъ, глупыя сказали: дайте намъ елея изъ вашихъ сосудовъ (Матѳ. xxv, 1—8). Стыжусь я, и краснѣю, и плачу, когда слышу о дѣвѣ глупой; краснѣю, когда слышу, что онѣ названы такъ послѣ столь великой добродѣтели, послѣ подвиговъ дѣвства, послѣ того, какъ онѣ возлетѣли тѣломъ на небо и соревновали вышнимъ силамъ, — перенесли жаръ и одолѣли пламя сладострастія. Послѣ этого онѣ названы глупыми—и справедливо, потому что, сдѣлавъ великое, побѣждены были малымъ.
294 И пришли, сказано, глупыя, и сказали мудрымъ: дайте намъ елея изъ сосудовъ вашихъ. А эти отвѣчали: не можемъ дать вамъ. *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (ст. 8 и 9). И сдѣлали онѣ это не по жестокости и не по злобѣ, но по тѣснымъ обстоятельствамъ времени,—потому что ожидали пришествія жениха. Были у глупыхъ свѣтильники, но въ свѣтильникахъ мудрыхъ былъ елей, а у тѣхъ не было. Вѣдь дѣвство есть огонь, а милостыня—елей. Потому, какъ огонь гаснетъ, когда не будетъ для него подливаться елей, такъ гаснетъ и дѣвство, когда не имѣетъ милостыни. Дайте намъ елея (сказали глупыя) изъ сосудовъ вашихъ. А мудрыя въ отвѣтъ имъ: не можемъ дать вамъ. Это сказано не по злобѣ, а отъ страха: *еда како недостанетъ намъ и вамъ*,—какъ бы намъ, когда всѣ мы стараемся войти, какъ бы всѣмъ не остаться (внѣ брачнаго чертога). Подите лучше и купите у продающихъ. Кто же продавцы этого елея? Бѣдные, ради милостыни сидящіе предъ церковію. А за сколько (продается) онъ? За сколько хочешь: цѣны не назначаю, чтобы ты не ссылался на бѣдность. Сколько у тебя есть, за столько и купи. Есть у тебя оволъ [1])? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человѣколюбивъ. Нѣтъ у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. *Иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды* ради Меня, *не погубитъ мзды своея* (Матѳ. x, 42). Предметомъ купли и продажи—небо, и мы не заботимся! Дай хлѣбъ, и возьми рай; дай малое, и возьми великое; дай смертное, и возьми безсмертное; дай тлѣнное, и возьми нетлѣнное. Если бъ была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и въ большомъ количествѣ съѣстные припасы, и многое можно бы пріобрѣсть за малую цѣну: не распродали ль бы вы имущества, и, оставивъ все въ сторонѣ, не приняли ль бы участіе въ томъ торгѣ? И вотъ, гдѣ тлѣнное, тамъ вы показываете столько ревности; а гдѣ идетъ дѣло о безсмертномъ, тамъ вы столько нерадивы и безпечны? Дай бѣдному, и,—

[1]) Самая мелкая монета.

пусть самъ ты будешь молчать, — тысячи устъ заговорятъ въ защиту тебя, потому что милостыня востанетъ и защититъ (тебя): милостыня есть выкупъ души. Поэтому, какъ предъ дверьми церковными стоятъ сосуды, наполненные водою, чтобы ты мылъ руки, такъ внѣ церкви сидятъ и бѣдные, чтобы ты омывалъ руки души. Омылъ ты чувственныя руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бѣдность. Вдовица и въ крайней бѣдности ввела въ домъ свой Илію, и бѣдность не была (для нея) препятствіемъ, но съ великою радостію она приняла его; потому и получила достойные плоды и собрала жатву милостыни. Но, можетъ быть, слушатель скажетъ: дай мнѣ Илію. Что ищешь Илію? Господа Иліи даю тебѣ, и не питаешь Его: какъ же ты принялъ бы Илію, еслибъ нашелъ его? Христосъ, Господь всяческихъ, сказалъ: кто сотворилъ *единому сихъ меньшихъ*,—Мнѣ сотворилъ (Матѳ. xxv, 40). Если бы царь позвалъ кого-нибудь на вечерю и, 295
когда-бы предстали слуги, сказалъ къ нимъ: возблагодарите его много за меня; онъ пропиталъ и принялъ меня въ домъ свой, когда я былъ въ бѣдности, онъ оказалъ мнѣ много благодѣяній во время нужды,—не каждый ли бы употребилъ и потратилъ всѣ свои деньги для того, кому царь изъявилъ благодарность? Не каждый ли бы постарался сблизиться и подружиться съ нимъ?

3. Видѣли вы силу слова (царскаго)? Если же у царя — человѣка оно имѣетъ такую честь, то представь себѣ, что Христосъ въ тотъ день взываетъ предъ ангелами и всѣми силами, и говоритъ: этотъ человѣкъ на землѣ ввелъ Меня въ домъ свой; онъ оказалъ Мнѣ множество благодѣяній; онъ принялъ Меня—странника. Затѣмъ представь себѣ дерзновеніе (этого человѣка) среди ангеловъ, радость среди чиновъ небесныхъ. О комъ Христосъ свидѣтельствуетъ, тому какъ не имѣть дерзновенія предъ ангелами? Итакъ, братія, великое дѣло—милостыня. Возлюбимъ ее,—ей нѣтъ ничего равнаго; она можетъ и загладить грѣхи, и избавить отъ суда. Ты молчишь, — а она стоитъ и защищаетъ; или лучше, тогда какъ ты молчишь, тысячи устъ благодарятъ за тебя. Столько-то благъ отъ милостыни, а мы нерадимъ и не заботимся? Дай, по возможности, хлѣба. Нѣтъ у тебя хлѣба? Дай оволъ. Нѣтъ овола? Дай чашу холодной воды. Нѣтъ и этого? Поплачь съ несчастнымъ, и получишь награду,—награду не за вынужденное, но за свободное дѣло. Но вотъ, бесѣдуя объ этомъ, мы забыли о дѣвахъ; возвратимся же къ предмету. Дайте намъ, говорятъ, елея изъ сосудовъ вашихъ. Не можемъ дать вамъ, *еда како недостанетъ намъ и вамъ*; подите лучше и купите у продающихъ. *Идущимъ же имъ купити, пріиде женихъ*, и тѣ, у которыхъ были свѣтлыя лампады, *внидоша съ нимъ, и затворены быша двери*

брачнаго чертога. Пришли и пять глупыхъ, и начали стучать въ двери чертога, восклицая: *отверзи намъ;* а въ отвѣтъ имъ гласъ жениха извнутри: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ* (Матѳ. xxv. 8—12). Итакъ, послѣ столь великихъ трудовъ, что онѣ услышали? *Не вѣмъ васъ.* Это значитъ, какъ я сказалъ, что онѣ напрасно и безъ пользы пріобрѣли себѣ великое достояніе дѣвства. Подумай, онѣ отвержены послѣ столь великихъ трудовъ, послѣ того, какъ обуздали невоздержаніе, послѣ того, какъ имѣли состязаніе съ небесными силами, послѣ того, какъ посмѣялись надъ житейскими дѣлами, перенесли великій зной, переступили черезъ преграды, послѣ того, какъ возлетѣли отъ земли на небо, не разломили печати тѣла, пріобрѣли великую красоту дѣвства, вошли въ состязаніе съ ангелами, попрали требованія плоти, забыли природу, въ тѣлѣ совершили свойственное безтѣлеснымъ, послѣ того, какъ пріобрѣли великое и необоримое достояніе дѣвства, послѣ всего этого они услышали: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ*. Не подумай, будто я считаю маловажнымъ достоинство дѣвства: дѣвство таково, что изъ древнихъ никто не могъ сохранить его. По-
296 тому-то и велика благодать, что страшное для пророковъ и для древнихъ нынѣ стало весьма доступно. Что, въ самомъ дѣлѣ, было всего тяжелѣе и невыносимѣе? Дѣвство и презрѣніе смерти. Но ихъ не страшатся нынѣ и слабыя дѣвы. Въ самомъ дѣлѣ, соблюденіе дѣвства было такъ тяжко, что изъ древнихъ никто не могъ хранить его. Ной былъ праведенъ и имѣлъ свидѣтельство отъ Бога, но жилъ съ женою. Равнымъ образомъ Авраамъ и Исаакъ, сонаслѣдники ему въ обѣтованіи, жили съ женами. Цѣломудренный Іосифъ отказался сдѣлать великій грѣхъ прелюбодѣянія, но и онъ жилъ съ женою, потому что тяжко было состояніе дѣвства. Дѣвство утвердилось съ тѣхъ поръ, какъ выросъ цвѣтъ дѣвства. Итакъ никто изъ древнихъ не могъ хранить дѣвство, потому что великое дѣло—обуздать тѣло. Изобрази словомъ видъ дѣвства, и познай величіе этой добродѣтели. У ней каждый день брань, которая никогда не можетъ умолкнуть; эта брань хуже войны съ варварами. На войнѣ съ варварами бываетъ время отдыха, — когда ведутъ переговоры; тамъ иногда сражаются, иногда нѣтъ; тамъ наблюдается порядокъ и время. А на войнѣ, которая ведется противъ дѣвства, нѣтъ отдыха, потому что воюетъ діаволъ, который не знаетъ опредѣленнаго времени къ нападенію, не ожидаетъ условнаго знака къ сраженію, но всегда стоитъ и старается найти дѣву безоружною, чтобы нанести ей смертельную рану; и дѣва никогда не можетъ отдохнуть отъ этой брани, но всегда носитъ въ самой себѣ тревогу и воителя. И осужденные не такъ бѣдствуютъ, хотя и видятъ начальника только по

временамъ; а дѣва, куда ни пойдетъ, вездѣ имѣетъ при себѣ судію и носитъ съ собою врага. Этотъ врагъ не даетъ ей покоя ни вечеромъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, но воюетъ непрестанно, представляя ей наслажденіе, указывая на бракъ, чтобы исторгнуть изъ ней добродѣтель и породить въ ней порокъ, чтобы изгнать изъ нея цѣломудріе и всѣять въ нее блудъ: каждый часъ разгарается, пріятно поджигаемая, печь сладострастія. Подумай, какъ труденъ этотъ подвигъ: а онѣ (глупыя дѣвы) послѣ всего этого услышали: отойдите отъ меня, *не вѣмъ васъ*. Смотри, какое великое дѣло дѣвство: когда оно имѣетъ у себя сестру—милостыню, тогда никакія бѣдствія не одолѣваютъ его, но оно становится выше всего. Онѣ потому не вошли (въ брачный чертогъ), что при дѣвствѣ не имѣли милостыни. Стыдно сказать: поборовши сладострастіе, ты не презрѣла денегъ, но будучи дѣвою, отрѣшившеюся отъ жизни, и распявши себя, любишь деньги! Если бы ты возжелала мужа, и тогда была бы вина не столь велика, потому что ты возжелала бы предмета одинаковаго (съ тобою) по существу; но теперь вина гораздо больше, потому что ты возжелала чуждаго (тебѣ) предмета. Вотъ, замужнія злобно выказываютъ безчеловѣчіе, ссылаясь на дѣтей; если скажешь имъ: дай мнѣ милостыню,—у меня дѣти, говорятъ онѣ, не могу. Богъ далъ тебѣ дѣтей, ты получила плодъ чрева, для того, чтобы тебѣ быть человѣколюбивою, а не безчеловѣчною; повода къ человѣколюбію не обращай въ предлогъ къ безчеловѣчію. Хочешь оставить доброе наслѣдство твоимъ дѣтямъ? Оставь милостыню, чтобы всѣ стали хвалить тебя, и память твоя осталась славною. Но ты, не имѣющая дѣтей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

4. Но у насъ живо (въ умѣ) слово и о пути покаянія, и о ми- 297
лостынѣ. Сказали мы, что милостыня есть великое пріобрѣтеніе; затѣмъ перешли къ морю дѣвства. Итакъ, великій (путь) покаянія ты имѣешь въ милостынѣ, которая можетъ освободить (тебя) изъ узъ грѣховныхъ; но есть для тебя и другой путь покаянія, также весьма удобный, чрезъ который можешь освободиться отъ грѣховъ. Молись каждый часъ, не изнемогай въ молитвѣ, и нелѣностно умоляй человѣколюбіе Божіе, а Богъ не отвратится отъ постоянно молящагося, но проститъ тебѣ грѣхи твои и исполнитъ прошенія твои. Если ты, молясь, будешь услышанъ, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодареніе; если же не будешь услышанъ, пребывай въ молитвѣ, чтобы быть тебѣ услышаннымъ. И не говори: „много я молился, и не услышанъ“, потому что и это часто бываетъ для твоей же пользы. Богъ знаетъ, что ты лѣнивъ и безпеченъ, и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не

станешь молиться; и вотъ, самою нуждою заставляетъ тебя чаще бесѣдовать съ Богомъ и упражняться въ молитвѣ. Если ты, въ такой нуждѣ и имѣя надобность, лѣнишься и не продолжаешь молитвы, чтò было бы, еслибъ ты ни въ чемъ не нуждался? Стало быть, и это Онъ дѣлаетъ для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлялъ молитвы. Итакъ, пребывай въ молитвѣ, возлюбленный, и не лѣнись, потому что молитва можетъ совершить многое; и не приступай къ молитвѣ, какъ къ маловажному дѣлу. А что молитва доставляетъ прощеніе грѣховъ, это можешь узнать изъ божественнаго Евангелія. Что же оно говоритъ? Подобно царствіе небесное человѣку, который заперъ двери свои и легъ спать съ дѣтьми своими. Между тѣмъ вечеромъ пришелъ нѣкто взять у него хлѣбовъ и стучитъ, говоря: отвори мнѣ, мнѣ нужны хлѣбы. А онъ ему: не могу дать тебѣ теперь, потому что легли спать и мы, и дѣти наши. Тотъ продолжалъ стучать въ дверь, а этотъ опять говоритъ къ нему: не могу тебѣ дать, потому что легли спать и мы, и дѣти. Но тотъ и послѣ этого продолжалъ стучать, и не отходилъ, пока домохозяинъ не сказалъ: встаньте, дайте ему, и пусть онъ отойдетъ (Лук. xi, 5 и сл.). Итакъ, (Писаніе) учитъ тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, какъ не получишь (просимаго), пребывать (въ молитвѣ), пока не получишь. Много и другихъ путей покаянія найдешь въ Писаніи. Покаяніе, и прежде пришествія Христова, проповѣдывалось Іереміею, который говоритъ: *еда падаяй не востаетъ, или отвращаяйся не обратится* (Іер. viii, 4)? И опять: послѣ этого, послѣ того какъ она прелюбодѣйствовала, сказалъ ей: *обратись ко Мнѣ* (iii, 7). Много и другихъ [1]) различныхъ путей покаянія (Богъ) далъ намъ для того, чтобы отнять у насъ всякій предлогъ къ нерадѣнію. Еслибъ у насъ былъ только одинъ путь, мы бы не могли пойти по нему. Отъ этого оружія всегда убѣгаетъ діаволъ. Согрѣшилъ ты? Войди въ церковь, и загладь свой грѣхъ. Сколько бы ты ни падалъ на площади,—всякій разъ встаешь: также точно сколько разъ ни согрѣшишь,—покайся во грѣхѣ, не отчаивайся; согрѣшишь въ другой разъ, въ другой разъ покайся, чтобы по нерадѣнію совсѣмъ не потерять тебѣ надежды на обѣщанныя блага. Ты въ глубокой старости—и согрѣшилъ? Войди (въ церковь), покайся: здѣсь врачебница, а не судилище; здѣсь не истязуютъ, но даютъ прощеніе
298 въ грѣхахъ. Одному Богу скажи грѣхъ твой: *Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ Тобою сотворихъ* (Пс. l, 6),—и отпустится тебѣ грѣхъ. Есть у тебя и иной путь покаянія, не трудный, а самый легкій. Какой же это путь? Поплачь о грѣхѣ своемъ.

---

[1]) Т. е. кромѣ милостыни и молитвы.

Объ этомъ узнаешь ты изъ божественнаго Евангелія. Петръ, верховный изъ апостоловъ, первый въ церкви, другъ Христовъ, получившій откровеніе не отъ человѣковъ, но отъ Отца, какъ свидѣтельствуетъ о немъ Господь, говоря: *блаженъ еси, Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой небесный* (Матѳ. xvi, 17),—этотъ Петръ (когда называю Петра, разумѣю камень несокрушимый, скалу неподвижную, великаго апостола, перваго изъ учениковъ, первозваннаго, и перваго послѣдовавшаго на зовъ), онъ-то сдѣлалъ не какое-либо маловажное преступленіе, но очень великое, — отрекся отъ Самого Господа. Это говорю не въ обвиненіе праведника, но чтобы дать тебѣ побужденіе къ покаянію. Такъ онъ отвергся Самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всѣхъ. Но разскажемъ этотъ случай сначала. Спаситель зналъ, что во время Его преданія нѣкоторые отойдутъ (отъ Него), и говоритъ Петру: не хочешь ли и ты отойти? Но Петръ отвѣчалъ: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Матѳ. xxvi, 35; сн. Іоан. vi, 67). Что говоришь, Петръ? Богъ опредѣлилъ, а ты противодѣйствуешь? Но, хотя воля (Петра) и высказала свое (желаніе), однакожъ слабость природы (его) изобличилась. Когда же это? Въ ночь, въ которую преданъ былъ Христосъ. Тогда, сказано, стоялъ Петръ у горящихъ дровъ и грѣлся; и вотъ подошла къ нему одна служанка, и говоритъ: вчера и ты былъ съ этимъ человѣкомъ; а онъ въ отвѣтъ: не знаю сего человѣка. Потомъ (отрекся) и въ другой, и въ третій разъ—и исполнилось опредѣленіе (Божіе). Засимъ Христосъ взглянулъ на Петра, и этимъ взглядомъ подалъ голосъ; не заговорилъ съ нимъ устами, чтобы не обнаружить его предъ іудеями и не пристыдить своего ученика, но взглядомъ сказалъ ему: вотъ, Петръ, сбылось то, о чемъ Я говорилъ. Тогда и Петръ пришелъ въ чувство и началъ плакать, но заплакалъ не просто, а горько, и изъ слезъ очей сдѣлалъ второе крещеніе. Но заплакавъ такъ горько, онъ загладилъ свой грѣхъ, и послѣ этого ему ввѣрены ключи небесные. Если же плачъ Петра загладилъ столь великій грѣхъ, то какъ тебѣ не загладить грѣха, если будешь плакать? Отречься отъ своего Господа—было преступленіе не малое, но великое и весьма важное,—и однакожъ слезы загладили грѣхъ. Плачь же и ты о грѣхѣ своемъ, только плачь не просто и не для вида, но горько, какъ (плакалъ) Петръ; изведи потоки слезъ изъ самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простилъ тебѣ прегрѣшеніе. Человѣколюбивъ Господь; Онъ Самъ сказалъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися*, покаяться, *и живу быти ему* (Іезек. xxxiii, 11). Отъ тебя хочетъ небольшого труда, а Самъ даетъ великое; отъ тебя ожидаетъ повода, чтобы дать тебѣ сокровище спасенія. Пред-

ложи слезы, а Онъ дастъ тебѣ прощеніе; принеси покаяніе, а
299 Онъ даруетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ. Ты представь хоть малый предлогъ, чтобы имѣть благовидное оправданіе, потому что (въ дѣлѣ спасенія) одно зависитъ отъ Него, а другое отъ насъ. Если мы представимъ, что̀ зависитъ отъ насъ, то и Онъ даруетъ, что̀ зависитъ отъ Него. Но вотъ Онъ уже даровалъ, что̀ зависѣло отъ Него,—утвердилъ солнце, луну и разнообразный ходъ звѣздъ, разлилъ воздухъ, распростеръ землю, оградилъ море, далъ горы, долины, холмы, источники, озера, рѣки, безчисленные роды растеній. сады и все прочее. Принеси же и ты немногое, чтобы такимъ образомъ Онъ даровалъ тебѣ и высшія блага. Итакъ, не будемъ беззаботны о самихъ себѣ, и не отступимся отъ своего спасенія, имѣя такую бездну человѣколюбія Господа всѣхъ, Который даже кается о нашихъ грѣхахъ. Предлагается царство небесное и рай, и блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9),—и мы не будемъ всячески стараться привнести что-нибудь съ своей стороны, чтобы не лишиться этихъ благъ? Развѣ не знаешь, что говоритъ Павелъ, который много потрудился и одержалъ безчисленныя побѣды надъ діаволомъ,—который въ тѣлѣ прошелъ вселенную, обтекъ землю, и море, и воздухъ, и, какъ бы на крыльяхъ,
300 облетѣлъ вселенную,—который былъ забросанъ камнями, побитъ, потерпѣлъ побои, все перенесъ ради имени Божія, призванъ былъ свыше небеснымъ голосомъ? Смотри, что говоритъ онъ, какое произнесъ слово: мы получили, говоритъ, благодать отъ Бога, но и я потрудился и сдѣлалъ свое; *и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ ихъ потрудихся* и сдѣлалъ свое (1 Кор. XV, 10). Знаемъ, говоритъ, знаемъ великость благодати, которую мы получили; но не празднымъ она нашла и меня: извѣстны дѣла мои. Такъ и мы пріучимъ руки къ милостынѣ, чтобы привнести съ своей стороны нѣчто малое; станемъ плакать о грѣхѣ, стенать о беззаконіи, чтобы видно было, что и мы привносимъ хоть что-нибудь малое, между тѣмъ какъ то, что имѣетъ быть даровано намъ, велико и превышаетъ наши силы. Это рай и царство небесное, котораго да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

О покаяніи и молитвѣ.

Пастухи водятъ овецъ постоянно туда, гдѣ видятъ траву 299
гуще, и дотолѣ не выгоняютъ ихъ оттуда, пока стадо не пощиплетъ всю траву. Подражая имъ, и мы вотъ уже четвертый день пасемъ свое стадо на пастбищѣ покаянія, да и сегодня еще не располагаемся встать, потому что видимъ еще много пищи, много наслажденія и вмѣстѣ пользы.

Не столько древесныя вѣтви, служащія для овецъ кровомъ въ полдень, успокоиваютъ овецъ, доставляя пріятную и полезную тѣнь и располагая къ весьма сладкому сну, сколько чтеніе божественнаго Писанія ободряетъ и оживляетъ скорбящія и одержимыя печалію души, уничтожая силу и жаръ скорби, и доставляя утѣшеніе, которое пріятнѣе и сладостнѣе всякой тѣни. И дѣйствительно, оно доставляетъ намъ великое утѣшеніе, не только въ потерѣ имущества, не только въ утратѣ дѣтей, или въ другомъ подобномъ несчастіи, но и въ обстояніяхъ грѣховныхъ. Когда падетъ человѣкъ, уловленный и низринутый грѣхомъ, когда потомъ будетъ угрызать его совѣсть, и онъ, непрестанно памятуя о грѣхѣ, подавляется чрезмѣрною печалію, каждый день горитъ въ огнѣ, и, не смотря на множество утѣшителей, не получаетъ утѣшенія, тогда, войдя въ церковь и услышавъ, что многіе изъ святыхъ послѣ паденія возстали и снова вошли въ прежнюю славу, — непримѣтно получаетъ утѣшеніе. Притомъ людямъ мы, согрѣшивъ, часто не смѣемъ и открыть своего грѣха, потому что намъ стыдно и совѣстно; а если и откроемъ, то не получимъ такой пользы.
Но когда Богъ утѣшаетъ и касается нашего сердца, тогда сей- 300
часъ убѣжитъ всякая сатанинская печаль. Для того и описаны намъ паденія праведныхъ, чтобы и добродѣтельные, и грѣшники получали отъ нихъ величайшую пользу. Грѣшникъ не приходитъ въ отчаяніе и безнадежность, видя, что другой палъ и однакожъ могъ опять возстать; а добродѣтельный будетъ ревностнѣе и благонадежнѣе: когда онъ увидитъ, что многіе изъ тѣхъ, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхомъ ихъ паденія, будетъ всегда бдителенъ и покажетъ великую внимательность къ самому себѣ. И такимъ образомъ, одинъ, усовершаясь въ добродѣтели, а другой, грѣшникъ, избавляясь отъ отчаянія, первый будетъ стоять твердо, а послѣдній скоро возвратится въ то состояніе,

изъ котораго ниспалъ. Когда человѣкъ утѣшаетъ насъ въ печали, мы повидимому и утѣшаемся на нѣсколько времени, но потомъ опять впадаемъ въ прежнюю печаль. А когда Богъ вразумляетъ примѣромъ другихъ, согрѣшившихъ и покаявшихся, и спасшихся, тогда Онъ дѣлаетъ ясною намъ Свою благость, чтобы мы не сомнѣвались въ своемъ спасеніи, получая вѣрное и надежное утѣшеніе. Итакъ, древнія повѣствованія Писаній подаютъ всѣмъ желающимъ достаточное для скорбящихъ врачество, какъ въ обстояніяхъ грѣховныхъ, такъ и въ приключающихся опасностяхъ. Постигнетъ ли насъ лишеніе имущества, или обиды отъ клеветниковъ, или узы, или побои, или другое какое-либо бѣдствіе,—смотря на праведниковъ, которые потерпѣли и испытали то же самое, мы скоро можемъ придти въ себя. Въ болѣзняхъ тѣлесныхъ, если больной смотритъ на (другихъ) больныхъ, онъ чрезъ это увеличиваетъ свою болѣзнь, а часто получаетъ и новую болѣзнь: напримѣръ, нѣкоторые, увидя больныхъ глазами, и сами получали болѣзнь отъ одного взгляда. Но въ болѣзняхъ душевныхъ бываетъ
301 не такъ, а напротивъ: частое размышленіе о потерпѣвшихъ одинаковыя съ нами бѣдствія облегчаетъ для насъ скорбь о нашихъ бѣдствіяхъ. Поэтому и Павелъ точно такъ утѣшаетъ вѣрныхъ, выставляя имъ на видъ святыхъ, не только живыхъ, но и умершихъ. Бесѣдуя съ евреями, которые готовы были претнуться и пасть, онъ выставляетъ на видъ святыхъ мужей—Даніила, трехъ отроковъ, Илію, Елисея, говоря такъ: *заградиша уста львовъ, угасиша силу огненную, избѣгоша острея меча, каменіемъ побіени быша, руганіемъ и ранами искушеніе пріяша, еще же и узами и темницею; проидоша въ милотехъ, въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ міръ* (Евр. XI, 33—38).

А общеніе въ страданіяхъ доставляетъ скорбящимъ утѣшеніе: какъ терпѣть одному какое-либо бѣдствіе есть безотрадное несчастіе, такъ найти другого, удрученнаго такими же бѣдствіями, значитъ облегчить свою рану.

2. Итакъ, чтобы не унывать намъ ни въ какихъ тяжкихъ обстоятельствахъ, будемъ усердно внимать повѣствованіямъ Писаній. Отсюда мы получимъ великое ободреніе къ терпѣнію, потому что не только будемъ утѣшены общеніемъ съ потерпѣвшими одинаковыя съ нами бѣдствія, но и научимся, какъ избавиться отъ постигающихъ насъ золъ, какъ и по успокоеніи (отъ бѣдъ) оставаться ровными,—и не впадать въ безпечность, и не надмеваться гордостію. Ничего нѣтъ удивительнаго, если мы въ несчастіи смиряемъ и уничижаемъ себя, и выказываемъ великое благочестіе, потому что самыя искушенія заставляютъ и имѣющихъ каменное сердце дѣлать это, т. е. печалиться. Но (только) душѣ благоче-

ствивой и непрестанно имѣющей Бога предъ очами свойственно, и послѣ избавленія отъ искушеній, никогда не впадать въ забвеніе; а это часто случалось съ іудеями. Потому и пророкъ, посмѣваясь имъ, говорилъ: *егда убиваше я, тогда взыскаху Его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. LXXVII, 34). И Моисей, сознавая за ними то же самое, часто увѣщевалъ ихъ, говоря: *и ядый*, и пiяй, *и насытився, вонми себѣ, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. VI, 11—12). Между тѣмъ это и случилось, потому что сказано: *и яде Іаковъ и утолстѣ, и расширѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Итакъ, надобно удивляться святымъ не потому, что они были такъ благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что, и по прошествіи бури и съ наступленіемъ тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, какъ онъ можетъ безъ узды идти ровно; если же онъ прямо идетъ потому, что удерживается возжами и уздою, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: тогда эту стройность приписать должно не благородству животнаго, но силѣ узды. Это же должно сказать и о душѣ: не удивительно, если она ведетъ себя скромно, когда гнететъ ее страхъ; нѣтъ, тогда покажи мнѣ душевное любомудріе и всяческое благонравіе, когда пройдутъ искушенія и снимется узда страха. Но боюсь, чтобы, осуждая іудеевъ, мнѣ не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали отъ голода и заразы, отъ града и засухи, отъ пожаровъ и нашествія непріятелей, то 302
не каждый ли день церковь тѣсна была отъ множества собиравшихся? Великое тогда было у насъ любомудріе и пренебреженіе мірскими дѣлами; не тревожили насъ ни любовь къ деньгамъ, ни исканіе славы, ни страсть и стремленіе къ распутству, и никакой другой злой помыслъ, но всѣ вы предавались благочестію, съ молитвою и слезами. Блудникъ сталъ тогда воздерживаться, злопамятный спѣшилъ мириться, сребролюбецъ склонялся къ подаянію милостыни, гнѣвливый и дерзкій обращался къ смиренномудрію и кротости. Но когда Богъ разсѣялъ тотъ гнѣвъ, отвелъ бурю, и послѣ такого волненія устроилъ тишину, мы опять обратились къ прежнимъ дѣламъ. Объ этомъ я и тогда, во время самыхъ искушеній, напередъ говорилъ и предостерегалъ непрестанно, однакожъ не имѣлъ никакого успѣха, но всѣ тѣ (внушенія) вы выбросили изъ ума, какъ сонъ и мимошедшую тѣнь. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чемъ тогда говорилъ я, особенно боюсь теперь, чтобы намъ не навлечь на себя несчастій болѣе тяжкихъ, чѣмъ прежнія, и затѣмъ не получить отъ Бога неизлѣчимой раны. Когда часто согрѣшающій получаетъ отъ Бога прощеніе, и между тѣмъ не располагается такимъ долготерпѣ-

ніемъ къ оставленію нечестія, то такой человѣкъ наконецъ доводитъ Бога до того, что Онъ и противъ воли насылаетъ на него самое великое бѣдствіе, искореняетъ его въ конецъ, и уже не даетъ ему нисколько времени для покаянія,—какъ это случилось и съ фараономъ. Когда онъ, испытавъ великое долготерпѣніе Божіе въ первой, и во второй, и въ третьей, и въ четвертой, и въ послѣдующихъ казняхъ, нисколько не воспользовался этимъ, то наконецъ былъ истребленъ и совершенно уничтоженъ со всѣмъ городомъ. Это же потерпѣли и іудеи. Потому и Христосъ, опредѣляя истребить ихъ и подвергнуть конечному разоренію, говорилъ такъ: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте; се оставляется домъ вашъ пустъ* (Лук. XIII, 34—35). Итакъ боюсь, чтобы и намъ не потерпѣть того же, потому что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бѣдствіями. Впрочемъ говорю это не вамъ только, теперь присутствующимъ здѣсь, но и тѣмъ, которые прервали повседневное усердіе и забыли о прежнихъ скорбяхъ,—которымъ я непрестанно, съ крайнимъ усиліемъ, говорилъ, что, хотя и прошли искушенія, но память объ нихъ должна оставаться въ душахъ нашихъ, чтобы мы, постоянно памятуя о благодѣяніи, непрестанно благодарили Бога, даровавшаго его.

3. Это и тогда говорилъ я, и теперь говорю вамъ, а чрезъ васъ—имъ: будемъ подражать святымъ, которые ни скорбями не были побѣждаемы, ни отъ покоя не разслабѣвали, что бываетъ теперь со многими изъ насъ, какъ съ легкими ладьями, которыя отъ всякаго напора волнъ заливаются водою и тонутъ. Часто и бѣдность, нашедши на насъ, заливаетъ и потопляетъ насъ, и богатство, прибывши къ намъ, опять надмеваетъ насъ и повергаетъ въ крайнюю безпечность. Потому прошу, пусть каждый изъ насъ,
303 оставивъ все, настроитъ душу свою ко спасенію. Когда она хорошо настроена, тогда, какое бы ни постигло насъ бѣдствіе, голодъ ли, болѣзнь ли, клевета ли, расхищеніе ли имущества, или что бы то ни было другое,—все будетъ удобоносимо и легко, по заповѣди Господа и по надеждѣ на Него; равно какъ наоборотъ, у кого душа не благоустроена въ отношеніи къ Богу, такой человѣкъ испытаетъ много скорбей и заботъ, хотя бы и богатство текло къ нему, хотя бы были у него и дѣти, и безчисленное множество денегъ. Итакъ, не будемъ ни искать богатства, ни убѣгать бѣдности, но прежде всего позаботимся каждый о своей душѣ и сдѣлаемъ ее способною и къ распоряженію настоящею жизнію, и къ отшествію отсюда туда. Еще не много — и будетъ испытаніе каждаго изъ насъ, когда всѣ мы предстанемъ страшному судилищу Христову, окруженные своими дѣлами, и увидимъ собственными глазами—то слезы сиротъ, то постыдное распутство, кото-

рымъ осквернили мы душу свою, то стоны вдовъ, то побои (нанесенные) бѣднымъ, и разграбленіе нищихъ; (увидимъ) не только это и подобное этому, но и все, что только сдѣлали мы худого даже и въ мысляхъ, такъ какъ Онъ (Богъ) есть судія помышленій и цѣнитель мыслей (Евр. IV, 12), и опять: *испытуяй сердца и утробы* (Пс. VII, 10), и *воздающій коемуждо* по дѣлу *его* (Римл. II, 6).

Но это слово мое относится не только къ живущимъ въ мірѣ, но и къ тѣмъ, которые, по любви къ уединенной жизни, построили себѣ кельи въ горахъ, потому что они должны блюсти не только тѣла свои отъ оскверненія блудомъ, но и душу отъ всякаго сатанинскаго любостяжанія. Ап. Павелъ разсуждаетъ не о женахъ только, но и о мужахъ, и всей церкви, когда говоритъ, что дѣвствующая душа должна быть *свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34), и опять: представьте тѣла ваши *дѣву чисту* (2 Кор. XI, 2). А какъ чистую? *Не имущую скверны или порока* (Еф. V, 27). И тѣ дѣвы, у коихъ угасли свѣтильники, были дѣвы тѣломъ, но не чисты сердцемъ; и хотя мужъ не растлилъ ихъ, но растлила ихъ любовь къ деньгамъ. Тѣло у нихъ было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому что ими овладѣли злые помыслы,—сребролюбіе, и жестокосердіе, и гнѣвъ, и зависть, и лѣность и забывчивость, и гордость, и все это погубило достоинство ихъ дѣвства. Потому и Павелъ говоритъ: *да будетъ* дѣва *свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34), и опять: *дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Какъ тѣло растлѣвается блудомъ, такъ и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говоритъ: я дѣвственникъ по тѣлу, а въ душѣ завидуетъ брату, тотъ не дѣвственникъ: его дѣвство растлила связь съ завистію. Тщеславный также не дѣвственникъ: его дѣвство растлила любовь къ злословію; вошла (въ него) эта страсть—и нарушила его дѣвство. А кто ненавидитъ своего брата, тотъ болѣе человѣкоубійца, чѣмъ дѣвственникъ; и вообще, какою кто одержимъ бываетъ злою страстію, ею и растлѣваетъ свое дѣвство. Поэтому Павелъ устраняетъ (насъ) отъ всѣхъ этихъ злыхъ связей и повелѣваетъ намъ быть дѣвами, такъ чтобы добро- 304
вольно не принимали мы въ душу никакого противнаго помысла.

4. Что же намъ сказать на это? Какъ заслужить помилованіе? Какъ спастись? Вотъ что скажу: будемъ всегда носить въ сердцѣ молитву и плоды ея, то есть, смиренномудріе и кротость. *Научитеся отъ мене*, говоритъ Господь, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. XI, 29); и опять Давидъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. L, 19). Ничего такъ не принимаетъ и не любитъ Богъ, какъ душу кроткую, смиренномудрую

и благодарную. Смотри же и ты, братъ, когда что-либо неожиданное постигнетъ и опечалитъ тебя, не прибѣгай къ людямъ и не полагайся на человѣческую помощь, но, оставивъ всѣхъ (людей), востеки мыслію твоею къ врачу душъ. Уврачевать сердце можетъ единственно Тотъ, Кто одинъ создалъ сердца наши и знаетъ всѣ дѣла наши; Онъ можетъ войти въ совѣсть нашу, коснуться сердца и утѣшить душу. Если же Онъ не утѣшитъ сердецъ нашихъ, то безполезны и тщетны будутъ утѣшенія человѣческія; равно какъ и наоборотъ, когда Богъ успокоиваетъ и утѣшаетъ, тогда, пусть люди тысячекратно станутъ безпокоить насъ, они не въ состояніи будутъ нисколько повредить намъ, потому что, когда Онъ укрѣпитъ сердце, тогда никто не можетъ поколебать его.

Итакъ, зная это, возлюбленные, будемъ всегда прибѣгать къ Богу, Который и хочетъ, и можетъ избавить насъ отъ несчастія. Когда надобно умолять людей, то намъ необходимо напередъ и поговорить съ привратниками, и упросить прихлѣбниковъ и льстецовъ, и пройти длинный путь. Но у Бога нѣтъ ничего такого; Его можно упросить безъ посредника; Онъ склоняется на молитву безъ денегъ, безъ издержекъ; довольно только возопить сердцемъ и принесть слезы, и — лишь только войдешь, тотчасъ привлечешь Его къ себѣ. Притомъ, умоляя человѣка, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь врагъ, или другъ (нашихъ враговъ), или противникъ (нашъ) не услышалъ о нашемъ дѣлѣ, или другой кто не разсказалъ того, о чемъ мы говоримъ, и не извратилъ правды; а у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говоритъ Онъ, умолить Меня, приступи ко Мнѣ одинъ, безъ всякаго свидѣтеля, то есть, воззови сердцемъ, не приводя въ движеніе устъ. *Вниди*, говоритъ, *въ клѣть твою, затвори двери твоя и помолися Отцу твоему, иже втайнѣ: и Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. vi, 6). Смотри, какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говоритъ Онъ, пусть никто не видитъ этого; а когда я оказываю тебѣ честь, то вселенную привожу въ свидѣтели этого благодѣянія. Убѣдимся же, и будемъ молиться не напоказъ и не объ отмщеніи нашимъ врагамъ; не будемъ учить Его, какимъ образомъ помочь намъ. Если и людямъ, защищающимъ насъ и говорящимъ за насъ предъ мірскими судіями, мы разсказываемъ только дѣла наши, а образъ защиты предоставляемъ имъ, чтобы они по своему усмотрѣнію распорядились нашими дѣлами, тѣмъ болѣе такъ поступать должно въ отношеніи къ Богу. Сказалъ Ему твое дѣло, сказалъ, что̀ ты потерпѣлъ,—но отнюдь не говори
305 при этомъ, какъ помочь тебѣ; Онъ самъ хорошо знаетъ, что̀ полезно тебѣ. А есть много такихъ, которые, на молитвѣ, высказываютъ тысячу особыхъ прошеній, и говорятъ: Господи, дай мнѣ

здоровье тѣлесное, удвой мое имущество, отмсти моему врагу. Это весьма неразумно. Потому надобно, оставивъ все это, молить и просить только по примѣру мытаря, который говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13); а Онъ уже Самъ знаетъ, какъ помочь тебѣ: *ищите*, говоритъ Онъ, *прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Такъ-то, возлюбленные, будемъ любомудрствовать (молиться), съ усердіемъ и смиреніемъ, ударяя себя въ грудь, по примѣру того (мытаря)—и мы получимъ, чего просимъ. Если же мы молимся въ гнѣвѣ и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны предъ Богомъ. Сокрушимъ же наше сердце и уничижимъ нашу душу, и будемъ молиться какъ о самихъ себѣ, такъ и объ оскорбившихъ насъ. Если хочешь склонить Судію къ поданію помощи твоей душѣ и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалилъ тебя. Таковъ нравъ у Судіи: Онъ внемлетъ и подаетъ просимое особенно тѣмъ, которые молятся за враговъ, не помнятъ зла и не возстаютъ противъ своихъ враговъ. И въ какой мѣрѣ они дѣлаютъ это, въ той мѣрѣ и Богъ отмщаетъ ихъ врагамъ, если эти не обратятся къ покаянію.

5. Смотрите же, братія, когда кто-нибудь нанесетъ намъ какое-
либо безчестіе, не будемъ тотчасъ досадовать и печалиться, но
станемъ благодарить, терпѣливо перенося (обиду) и ожидая по-
мощи отъ Господа. Развѣ Богъ не могъ, еще прежде прошенія,
подать намъ блага, даровать намъ жизнь безпечальную и сво-
бодную отъ всякой скорби? Но Онъ дѣлаетъ то и другое по любви
къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего Онъ попускаетъ намъ испы-
тывать скорби, и не скоро избавляетъ отъ нихъ? Для чего? Для
того, чтобы мы обращались къ Нему съ мольбой о защитѣ, при-
бѣгали къ Нему и непрестанно призывали Его къ себѣ на по-
мощь. Для того и болѣзни тѣла, для того и скудость плодовъ,
для того и голодъ, чтобы мы изъ-за этихъ бѣдствій всегда прилѣп-
лялись къ Нему, и такимъ образомъ чрезъ временныя скорби сдѣ-
лались наслѣдниками вѣчной жизни. Стало быть, и за нихъ мы
должны благодарить Бога, Который многими способами врачуетъ и
спасаетъ души наши. Люди, если окажутъ намъ ничтожное благо-
дѣяніе, а мы впослѣдствіи хоть и невольно оскорбимъ ихъ какою-
нибудь малостію, тотчасъ попрекаютъ насъ своимъ благодѣяніемъ,
такъ что многіе проклинаютъ себя за то, что приняли отъ нихъ 307
какое бы то ни было благодѣяніе. Но Богъ не такъ поступаетъ;
напротивъ, когда, и послѣ полученныхъ отъ Него благодѣяній,
люди пренебрегаютъ и оскорбляютъ Его,—Онъ самъ защищается
и оправдывается предъ оскорбившими Его, говоря такъ: *людіе
мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. VI, 3)? Они не хотѣли именовать

Его Богомъ, а Онъ не переставалъ ихъ называть людьми; они отрекались отъ Его владычества, а Онъ не отвергалъ ихъ, но приближалъ и привлекалъ къ себѣ, говоря: *людіе мои, что сотворихъ вамъ* (Мих. VI, 3)? Развѣ Я, говоритъ, былъ тяжелъ для васъ, или суровъ, или обременителенъ? Этого вы не можете сказать. Но если бы и это было, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало вамъ бѣжать (отъ Меня): *который бо есть сынъ, егоже не наказуетъ отецъ* (Евр. XII, 7)? Однакожъ и этого не можете сказать. И опять въ другомъ мѣстѣ: *кое обрѣтоша отцы ваши во мнѣ погрѣшеніе* (Іер. II, 5)? Важны и удивительны эти слова; онѣ значатъ вотъ что: въ чемъ Я погрѣшилъ? Богъ говорилъ людямъ: въ чемъ Я погрѣшилъ; между тѣмъ, какъ и рабы не допускаютъ, чтобы господинъ ихъ сказалъ это! Притомъ (Богъ) не говоритъ: въ чемъ Я согрѣшилъ противъ васъ, — но противъ отцовъ вашихъ. Вы, говоритъ, не можете даже сказать и того, что питаете ко мнѣ отцовскую вражду, потому что и предкамъ вашимъ Я никогда не подавалъ повода жаловаться на Мое промышленіе, какъ будто бы Я пренебрегъ ихъ въ маломъ или великомъ. И не просто сказалъ: какое (погрѣшеніе) *имѣли* отцы ваши, но *кое нашли?* Много выискивали, много выслѣживали они, будучи столько лѣтъ подъ Моимъ владычествомъ, однакожъ не нашли во Мнѣ ни одного погрѣшенія. По всему этому будемъ непрестанно прибѣгать къ Нему, и во всякой печали искать Его утѣшенія, во всякомъ несчастіи—Его избавленія, Его милости, во всякомъ искушеніи—Его помощи. Какое бы ни было бѣдствіе, сколь бы велико ни было несчастіе, Онъ можетъ все прекратить и отстранить. Впрочемъ благость Его подастъ намъ не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и тѣлесное здоровье, и душевное любомудріе, и благія надежды, и то, что мы не будемъ спѣшны на грѣхъ. Итакъ, не будемъ роптать, какъ неблагодарные рабы, не будемъ и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастіемъ только одно, именно—грѣхъ противъ Него. И если мы такъ будемъ расположены къ Богу, то не постигнетъ насъ ни болѣзнь, ни бѣдность, ни безчестіе, ни скудость плодовъ и никакое другое кажущееся бѣдствіе, но всегда наслаждаясь чистою и невинною радостію, мы получимъ и будущія блага, по благости и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ.

О постѣ, также о пророкѣ Іонѣ, Даніилѣ, и о трехъ отрокахъ. Сказана предъ наступленіемъ святаго поста.

СВѢТЛЫЙ сегодня у насъ праздникъ, и торжественнѣе обыкно- 305—3(
веннаго собраніе. Какая же тому причина? Это, я знаю, дѣло поста еще не наступившаго, ноожидаемаго. Онъ насъ собралъ въ отеческій домъ, онъ сегодня привелъ въ матернія объятія и тѣхъ, которые доселѣ были лѣнивы. Если же постъ, только еще ожидаемый, внушилъ намъ столько ревности, то сколько благочестія онъ произведетъ въ насъ, когда явится и наступитъ? Такъ и городъ, ожидая прибытія страшнаго начальника, отлагаетъ совсѣмъ безпечность и выказываетъ великую ра- 307
чительность.

Но, услышавъ о постѣ, не испугайтесь (его, какъ) страшнаго начальника: онъ страшенъ не намъ, но демонамъ. Если кто одержимъ злымъ духомъ, покажи ему лице поста, и онъ, оковываемый страхомъ и удерживаемый какъ бы какими цѣпями, станетъ неподвижнѣе самыхъ камней, особенно когда увидитъ въ союзѣ съ постомъ сестру и подругу поста — молитву. Поэтому и Христосъ говоритъ: *сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ* (Матѳ. XVII, 21). Если же онъ такъ прогоняетъ непріятелей нашего спасенія и такъ страшенъ врагамъ нашей жизни, то надобно его любить и принимать съ радостію, а не бояться. Если чего должно бояться, то бояться надобно пьянства и объяденія, а не поста. Тѣ, связавъ у насъ сзади руки, предаютъ насъ рабами и плѣнниками жестокому владычеству страстей, какъ нѣкоему свирѣпому господину; а постъ, найдя насъ въ рабствѣ и въ узахъ, разрѣшаетъ отъ узъ, избавляетъ отъ жестокаго владычества и возвращаетъ на прежнюю свободу. Такъ, когда постъ и воюетъ противъ нашихъ враговъ, и освобождаетъ (насъ) отъ рабства, и возвращаетъ на свободу, то какого еще бо́льшаго надобно тебѣ доказательства его дружбы къ нашему роду? Вѣдь величайшимъ доказательствомъ дружбы считается то, когда (другіе) и любятъ, и ненавидятъ тѣхъ же самыхъ, кого и мы.

Хочешь узнать, какое украшеніе для людей постъ, какая онъ оборона и защита? Подумай о блаженномъ и чудномъ родѣ монашествующихъ. Они, убѣжавъ отъ мірскаго шума, и востекши на вершины горъ, и построивъ кельи въ тишинѣ пустыни, какъ въ нѣкоей спокойной пристани, взяли себѣ постъ въ товарищи и

сообщники на всю жизнь. Зато онъ и сдѣлалъ ихъ изъ людей ангелами; да и не ихъ однихъ, но кто и въ городахъ соблюдаетъ его,—всѣхъ возводитъ онъ на самую высоту любомудрія. И Моисей, и Илія—столпы ветхозавѣтныхъ пророковъ, хотя знамениты и велики были по другимъ (добродѣтелямъ), и имѣли великое дерзновеніе, однакожъ, когда хотѣли приступить къ Богу и бесѣдовать съ Нимъ—сколько это возможно человѣку,—прибѣгали къ посту и на его рукахъ возносились къ Богу. Поэтому и Богъ, лишь только создалъ человѣка, тотчасъ отдалъ его на руки посту, ему поручилъ его спасеніе, какъ нѣжной матери и наилучшему наставнику. *Отъ всякаго древа, еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте* (Быт. II, 16, 17) — это вѣдь родъ поста. Если же постъ необходимъ въ раю, то гораздо болѣе внѣ рая; если лѣкарство полезно прежде раны, то гораздо болѣе послѣ раны; если оружіе было нужно намъ еще до начала войны съ похотями, то гораздо болѣе необходимо споборничество поста по открытіи такой брани со стороны похотей и демоновъ. Если бы Адамъ послушалъ этого голоса [1]), то не услышалъ бы другого: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Но какъ не послушалъ онъ того (голоса), такъ за это (постигли его) смерть, и заботы, и горести, и пе-
308 чали, и жизнь тягостнѣйшая всякой смерти; за это тернія и волчцы; за это труды и болѣзни, и полная скорбей жизнь.

Видѣлъ ты, какъ Богъ гнѣвается, когда презираютъ постъ? Узнай же, какъ Онъ и радуется, когда чтутъ постъ. За пренебреженіе поста Онъ наказалъ преступника смертію, напротивъ за уваженіе къ посту избавлялъ (постящихся) отъ смерти. И чтобы показать тебѣ силу поста, (Богъ) далъ ему власть, послѣ уже приговора (надъ преступниками), по отправленіи ихъ на казнь, брать ведомыхъ на смерть съ самой средины пути и возвращать къ жизни. И это сдѣлалъ постъ не съ двумя, или тремя, или двадцатью человѣками, но даже съ цѣлымъ народомъ. Тогда, какъ великій и дивный городъ ниневитянъ лежалъ уже на колѣнахъ, склонилъ голову къ самой пропасти, и готовъ былъ принять направленный сверху ударъ,—постъ, какъ нѣкая свыше слетѣвшая сила, исторгъ его (городъ) изъ самыхъ вратъ смерти и возвратилъ къ жизни. Но если угодно, послушаемъ и самой исторіи. *И бысть*, сказано, *слово Господне ко Іонѣ, глаголя: возстани и иди въ Ниневію градъ великій* (Іон. I, 12). Богъ, предвидя бѣгство пророка, съ самаго начала хочетъ возбудить (въ Іонѣ) жалость величіемъ города. Но послушаемъ и проповѣди.

---

[1]) Т. е. повелѣнія Божія—не вкушать отъ древа познанія добра и зла.

Еще три дня, и Ниневія превратится (Іон. III, 4). Для чего же напередъ говоришь о томъ злѣ, которое хочешь сдѣлать? Для того, что не сдѣлаю того, о чемъ говорю напередъ. Для того Онъ угрожалъ и геенною, чтобы не отвести въ геенну: пусть, говоритъ, устрашаютъ васъ слова—и не опечаливаютъ дѣла. А для чего онъ ограничиваетъ срокъ столь краткимъ временемъ? Для того, чтобы ты и узналъ добродѣтель иноплеменниковъ,—иноплеменниковъ, то есть ниневитянъ, которые въ три дня могли утишить такой гнѣвъ (Божій) на ихъ грѣхи,—и подивился человѣколюбію Бога, Который удовольствовался трехдневнымъ покаяніемъ за столь великія беззаконія, и самъ ты не впадалъ бы въ отчаяніе, хотя бы и безъ числа согрѣшилъ. Какъ вялый душею и безпечный, хоть и получитъ много времени для покаянія, по лѣности не сдѣлаетъ ничего важнаго и не примирится съ Богомъ, такъ добрый и пылающій рвеніемъ, и съ великою ревностію совершающій покаяніе, можетъ и въ краткое мгновеніе загладить грѣхи многихъ годовъ. Петръ не трижды ли отрекся? Не съ клятвою ли, въ третій разъ? Не оттого ли, что испугался словъ какой-то ничтожной служанки? Что же? Много ли годовъ нужно было ему для покаянія? Нисколько; но въ одну и ту же ночь онъ и палъ и возсталъ, получилъ и рану и лѣкарство, и заболѣлъ и выздоровѣлъ. Какъ и какимъ образомъ? Тѣмъ, что онъ плакалъ и рыдалъ, или лучше тѣмъ, что плакалъ не просто, но съ великою горячностію, и отъ сердца; потому и евангелистъ не сказалъ, что онъ только плакалъ, но—*плакася горько* (Матѳ. XXVI, 75). А какова сила его слезъ, этого, говоритъ, никакое слово не можетъ изобразить; только послѣдствія ясно показываютъ. Преступно было то паденіе (Петра), потому что ни одинъ грѣхъ не можетъ сравняться съ отреченіемъ (отъ Христа), — однакожъ, и послѣ столь великаго грѣха, (Христосъ) снова возвелъ его въ прежнее достоинство и поручилъ ему управленіе вселенскою церковію, и—что всего важнѣе—представилъ его имѣющимъ больше любви къ Господу, нежели всѣ апостолы, потому что сказалъ: Петръ *любиши ли Мя паче сихъ* 309
(Іоан. XXI, 15)? А съ такою любовію ничто не можетъ сравняться въ качествѣ добродѣтели. Такъ, чтобы ты не сказалъ, что Богъ по справедливости простилъ ниневитянъ, какъ иноплеменниковъ и несмысленныхъ, — сказано вѣдь: *рабъ, не вѣдѣвый волю господина своего и не сотворивъ, біенъ будетъ мало* (Лук. XII, 47—48),— чтобы ты, говорю, не сказалъ этого, для этого Онъ и представилъ тебѣ Петра,—раба вполнѣ знавшаго волю Господа. И хотя онъ сдѣлалъ самый тяжкій грѣхъ, однакожъ смотри, на какую взошелъ высоту дерзновенія.

Такъ и ты не отчаивайся изъ-за грѣховъ: въ грѣхѣ всего

преступнѣе то, когда остаются въ грѣхѣ, и въ паденіи всего хуже то, когда лежатъ по паденіи. Объ этомъ и Павелъ плачетъ и рыдаетъ; это называетъ онъ достойнымъ слезъ: (боюсь) да не како, говоритъ, когда приду къ вамъ, *смиритъ* меня *Богъ и восплачуся многихъ*, не просто, *согрѣшшихъ*, но *не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже содѣяша* (2 Кор. XII, 21). А для покаянія какое время можетъ быть удобнѣе времени поста?

3. Но возвратимся къ исторіи. Услышавъ эти слова [1]), пророкъ *сниде въ Іоппію, еже бѣжати въ Ѳарсисъ отъ лица Господня* (Іон. I, 3). Куда бѣжишь, человѣкъ? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ пророкъ: *камо пойду отъ духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. CXXXVIII, 7)? На землю? Но *Господня земля, и исполненіе ея* (Пс. XXIII, 1). Въ адъ? *Аще сниду*, сказано, *во адъ, тамо еси* (Пс. CXXXVIII, 8). На небо? Но *аще взыду на небо, Ты тамо еси* (ст. 8). Или въ море? Но *и тамо*, сказано, *удержитъ мя десница Твоя* (ст. 10), что̀ и съ нимъ (Іоною) случилось. Но таковъ грѣхъ: онъ доводитъ душу нашу до великаго неразумія. Какъ люди съ отяжелѣвшею отъ опьянѣнія головою бродятъ безъ цѣли и безъ разбора, и случится ли предъ ними яма, или стремнина, или что другое, они падаютъ туда отъ неосмотрительности, — такъ и стремящіеся ко грѣху, какъ бы опьянѣвъ, отъ желанія совершить грѣхъ, не знаютъ, что дѣлаютъ, не видятъ ничего—ни настоящаго, ни будущаго.

Отъ Господа бѣжишь, скажи мнѣ? Такъ подожди немного, и на самомъ дѣлѣ узнаешь, что ты не можешь убѣжать и изъ рукъ подвластнаго Ему моря. Дѣйствительно, едва (Іона) взошелъ на корабль, какъ оно воздвигло волны и поднялось высоко. Какъ вѣрная служанка, нашедши бѣглаго сораба, похитившаго что-либо изъ господскаго имущества, дотолѣ не перестаетъ всячески безпокоить принявшихъ его, пока не возьметъ его съ собою, — такъ точно и море, нашедши и узнавъ своего сораба, всячески безпокоитъ корабельщиковъ, мятется, воетъ, и хоть не влечетъ въ судъ, но угрожаетъ потопленіемъ кораблю вмѣстѣ съ людьми, если не отдадутъ ему сораба. Что же корабельщики при этомъ? *Сотвориша*, сказано, *изметаніе сосудовъ, иже въ корабли* (Іон. I, 5). Но корабль не облегчался, такъ какъ вся тяжесть оставалась еще на немъ, т. е. тѣло пророка,—бремя тяжкое не по существу тѣла, но по тяжести грѣха, потому что нѣтъ ничего
310 столько тяжкаго и неудобоносимаго, какъ грѣхъ и непокорность. Поэтому и Захарія изобразилъ его подъ видомъ олова (Зах. V, 7);

---

[1]) *Востани и иди въ Ниневію* и проч. (Іон. I, 2).

а Давидъ, описывая существо его, сказалъ: *беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ* (Псал. xxxvii, 5). И Христосъ къ тѣмъ, которые жили во многихъ грѣхахъ, взывалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіи и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. xi, 28). Такъ грѣхъ и тогда отягощалъ корабль и готовъ былъ погрузить его въ воду; а Іона спалъ и храпѣлъ. Тяжелый это былъ сонъ,—не сонъ удовольствія, но скорби,—не беспечности, но печали, потому что добрые слуги скоро сознаютъ свои грѣхи, что случилось и съ Іоною. Совершивъ грѣхъ, онъ тогда же позналъ и тяжесть грѣха. Таково свойство грѣха, что онъ послѣ того, какъ родится, пробуждаетъ болѣзни въ породившей его душѣ; не такъ, какъ бываетъ при нашемъ рожденіи. Мы, лишь только родимся, прекращаемъ болѣзни рожденія, а онъ, коль скоро родится, терзаетъ болѣзнями породившіе его помыслы. Что же кормчій? *Пріиде*, сказано, *къ нему* (Іонѣ), *и рече: востани, и моли Господа Бога твоего* (Іон. i, 6). Онъ уже изъ опыта узналъ, что то была не обыкновенная буря, но наказаніе, ниспосланное отъ Бога,—такое волненіе, предъ которымъ безсильно искусство человѣческое, и что тутъ безполезны руки кормчаго; для укрощенія его нуженъ былъ другой, лучшій кормчій, управляющій всѣмъ міромъ; потребна была помощь свыше. Поэтому и корабельщики, оставя весла, и паруса, и снасти, и все, отнявъ руки отъ веселъ, подняли ихъ къ небу, и молили Бога. Когда же и это не помогло, тогда, говоритъ Писаніе, *метнуша жребія* (Іон. i, 7), и жребій открылъ наконецъ виновнаго. Впрочемъ они не просто взяли его и бросили въ воду, но среди столь великаго смятенія и тревоги, какъ бы среди великой тишины, устроили на кораблѣ судилище, дали ему (Іонѣ) говорить, дозволили защищаться, и все изслѣдовали тщательно, какъ будто должны были отдать кому отчетъ въ своемъ приговорѣ. Послушай же, какъ они изслѣдываютъ все, какъ бы въ судилищѣ. *Что твое дѣланіе есть, и откуду грядеши, и камо идеши, и отъ коея страны, и кіихъ людей еси ты* (Іон. i, 8)? Море уже обвиняло его, вопія противъ него, обличилъ его и засвидѣтельствовалъ противъ него жребій,—однакоже, они, не смотря ни на вопль моря, ни на свидѣтельство жребія, не произносятъ еще приговора, но, какъ въ судилищѣ, хотя присутствуютъ и обвинители, предстоятъ и свидѣтели и улики, судіи дотолѣ не произносятъ приговора, пока самъ подсудимый не повинится въ своемъ грѣхѣ, такъ и здѣсь корабельщики, люди иноплеменные и несмысленные, соблюдали порядокъ, какой бываетъ въ судахъ. И это (сдѣлали они) среди столь великаго страха, столь великаго волненія, столь великой тревоги, когда море не давало имъ и

вздохнуть, — такъ оно шумѣло и ярилось, съ неистовствомъ и воемъ воздымая непрестанныя волны. Откуда же, возлюбленные, происходила такая попечительность о пророкѣ? Отъ устроенія Божія. Богъ такъ устроилъ это, вразумляя чрезъ это пророка быть человѣколюбивымъ и кроткимъ, и какъ бы взывая къ нему
311 и говоря: подражай корабельщикамъ, несмысленнымъ. Они не пренебрегаютъ и одною душею, не безжалостны и къ одному твоему тѣлу; а ты предалъ, сколько отъ тебя зависѣло, цѣлый городъ, въ которомъ столько тысячъ жителей. Они, и открывъ виновника приключившихся имъ бѣдствій, не спѣшатъ произнести обвинительный приговоръ, а ты, и не имѣя причины обвинять ниневитянъ, потопилъ ихъ и погубилъ. Притомъ ты не послушалъ, когда Я повелѣвалъ тебѣ идти съ проповѣдію воззвать ихъ (ниневитянъ) ко спасенію; а эти (корабельщики), и безъ всякаго приказанія, употребляютъ всѣ средства, чтобы тебя, оказавшагося виновнымъ, избавить отъ наказанія. Въ самомъ дѣлѣ, корабельщики и послѣ обвиненія отъ моря, послѣ улики чрезъ жребій, когда и самъ (Іона) обвинилъ себя и признался въ бѣгствѣ, и тогда не устремились на погибель пророка, но медлили, удерживались и употребляли всѣ средства, чтобы, и послѣ такого обличенія, не предать его неистовству моря. Но этого не дозволило море, или—лучше—не допустилъ Богъ, желая вразумить Іону, какъ чрезъ корабельщиковъ, такъ и чрезъ кита. И точно, услышавъ: *возьмите мя, и ввержите въ море, и утолится море отъ васъ* (Іон. I, 12), — они усиливались подойти къ землѣ, но волны не дозволили.

4. Такъ вотъ ты видѣлъ пророка бѣгущимъ: послушай же, какъ онъ и исповѣдуется изъ глубины—изъ чрева китова. То сдѣлалъ (бѣжалъ) онъ, какъ человѣкъ, а это (исповѣданіе) совершилъ, какъ пророкъ. Итакъ море, принявъ его, ввергло, какъ въ нѣкую темницу, во чрево китово, чтобы сохранить Господу бѣглеца невредимымъ. Ни лютыя волны, взявшія его, не задушили его, ни болѣе лютый, чѣмъ волны, китъ, поглотившій его, не погубилъ во чревѣ, но сохранилъ и привелъ въ городъ. И море, и китъ оказали сверхъестественное послушаніе, чтобы пророкъ всѣмъ вразумился. И вотъ онъ, пришедши въ городъ, прочелъ приговоръ, какъ царскую грамоту о наказаніи, и воззвалъ, говоря: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4).

Услышали это ниневитяне, и не показали невѣрія и пренебреженія, но тотчасъ поспѣшили къ посту всѣ—мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дѣти, старцы; даже и безсловесныя не были изъяты отъ этого общественнаго подвига; всюду вретища, всюду пепелъ, всюду плачъ и вопль. И самъ облеченный

діадемою, сойдя съ царскаго престола, разостлалъ подъ собою вретище, посыпалъ пепелъ, и такимъ образомъ исхитилъ городъ изъ опасности. Открылось необычайное явленіе: порфира уступила вретищу! Въ самомъ дѣлѣ, для чего безсильна была порфира, то могло сдѣлать вретище; чего не сдѣлала діадема, то совершилъ пепелъ. Видишь, не напрасно сказалъ я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объяденія? Пьянство и объяденіе поколебали и грозили ниспровергнуть городъ, когда онъ стоялъ, а постъ поддержалъ его и тогда, какъ онъ колебался и готовъ былъ упасть. Съ постомъ и Даніилъ, войдя въ ровъ львиный, вышелъ оттуда такъ, какъ будто былъ тамъ съ кроткими овцами. Львы, хоть и кипѣли яростію, и бросали убійственные взгляды, однакожъ не коснулись лежавшей предъ ними трапезы[1]), но отказались отъ этой пищи, 312
тогда какъ и сама природа возбуждала ихъ (потому что нѣтъ ничего лютѣе этихъ звѣрей), и голодъ (потому что они не ѣли семь дней), какъ нѣкій внутренній палачъ, понуждалъ ихъ растерзать пророческую утробу. Съ постомъ и три отрока, войдя въ вавилонскую печь, и долгое время пробывъ въ огнѣ, вышли изъ печи съ тѣлами свѣтлѣе самаго огня. Но если тотъ огонь былъ дѣйствительно огонь, какъ же онъ не сдѣлалъ того, что свойственно огню? Если тѣла отроковъ были точно тѣла, какъ же они не потерпѣли того, что свойственно тѣламъ? Какъ? Спроси у поста, и онъ отвѣтитъ тебѣ, и самъ разрѣшитъ тебѣ загадку: это дѣйствительно была загадка. Природа тѣлъ боролась съ природою огня, и побѣда осталась за тѣлами! Видѣлъ ты чудную борьбу? Видѣлъ еще болѣе чудную побѣду? Подивись посту, и прими его съ распростертыми руками. Если онъ и помогаетъ въ печи, и сохраняетъ во рвѣ львиномъ, и изгоняетъ демоновъ, и измѣняетъ опредѣленіе Божіе, и укрощаетъ неистовство страстей, и возводитъ насъ къ свободѣ, и производитъ великую тишину въ помыслахъ нашихъ, то не крайне ли было бы безумно убѣгать и бояться его, когда столько благъ въ рукахъ у него? Онъ, говорятъ, изможлаетъ наше тѣло до немощи. Но тѣмъ болѣе *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ*, тѣмъ болѣе *внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). А лучше сказать, если захочешь тщательно изслѣдовать дѣло, то найдешь, что постъ есть мать и здоровья тѣлеснаго. И если не вѣришь моимъ словамъ, спроси объ этомъ у врачей, и они яснѣе покажутъ это. Воздержаніе они называютъ матерію здоровья, а о болѣзняхъ въ ногахъ, и о болѣзняхъ головныхъ, объ апоплексіи, и о рвотѣ, и о водяной болѣзни, и о воспаленіяхъ, и опухоляхъ, и о безчисленномъ мно-

[1]) Т. е. брошеннаго въ ровъ пророка.

жествѣ другихъ болѣзней говорятъ, что онѣ происходятъ отъ лакомства и пресыщенія, какъ отъ самаго нечистаго источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тѣла, и для цѣломудрія души.

5. Итакъ, не будемъ бояться поста, который избавляетъ насъ отъ столь великихъ золъ. Не безъ причины внушаю вамъ это, но потому, что вижу много такихъ людей, которые уклоняются и бѣгутъ прочь, какъ будто ихъ хотятъ отдать въ руки какой-либо суровой женѣ, и губятъ сегодня сами себя пьянствомъ и пресыщеніемъ. Поэтому совѣтую, не губите напередъ, объяденіемъ и пьянствомъ, ожидаемой отъ поста пользы. И люди съ разстроеннымъ желудкомъ, когда предъ тѣмъ, какъ надобно имъ принять горькое лѣкарство, наполнятъ себя излишнею пищею, и потомъ примутъ лѣкарство, то—горечь эту вытерпятъ, а пользы не получатъ, потому что они затруднили дѣйствіе лѣкарства на испорченныя мокроты. Поэтому врачи и совѣтуютъ имъ ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лѣкарствъ тотчасъ же обратилась на излишнія мокроты, причиняющія болѣзнь. Такъ бываетъ и съ постомъ. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра
313 примешь врачество поста, этимъ сдѣлаешь, что оно будетъ для тебя безполезно и безплодно, и ты, хоть понесешь трудъ, но не соберешь плодовъ поста, потому что онъ всю свою силу употребитъ противъ вреда, только что причиненнаго пьянствомъ. Если же ты приготовишь для него легкое тѣло и примешь лѣкарство съ трезвою мыслію, то можешь очистить много прежнихъ грѣховъ. Итакъ, не будемъ—и вступая въ постъ упиваться, и послѣ поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бываетъ, когда кто ударяетъ ногою больное тѣло, только что оправляющееся отъ болѣзни, и этимъ снова повергаетъ его въ болѣе тяжкую болѣзнь. Это бываетъ и съ нашею душею, когда мы въ обоихъ случаяхъ— и въ началѣ и въ концѣ поста—омрачаемъ облакомъ пьянства трезвость, полученную нами отъ воздержанія. Какъ готовящіеся сражаться съ дикими звѣрями сперва ограждаютъ главные члены свои многими оружіями и щитами, и затѣмъ уже вступаютъ въ борьбу съ звѣрями, такъ и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться съ постомъ, какъ бы съ дикимъ звѣремъ, ограждаютъ себя объяденіемъ, и, до крайности обременивъ и омрачивъ себя, весьма неразумно встрѣчаютъ тихое и кроткое лицо поста. И если спрошу тебя: для чего сегодня идешь въ баню?—ты
314 скажешь: чтобы съ чистымъ тѣломъ срѣтить постъ. А если спрошу: отчего упиваешься?—ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить въ постъ. Но не странно ли этотъ прекраснѣйшій праздникъ встрѣчать съ тѣломъ чистымъ, а съ душою нечистою и

опьянѣвшею? Можно бы сказать и больше этого, но для здравомыслящихъ и этого довольно для исправленія. Итакъ, надобно прекратить слово, потому что хочу я послушать и голоса отца. Мы, какъ малыя пастушескія дѣти, играемъ на легкой свирѣли, сидя подъ сѣнію этого святилища, какъ бы подъ дубомъ или тополемъ: а онъ, подобно тому, какъ отличный какой музыкантъ, настроивъ золотую арфу, стройностію звуковъ восхищаетъ всѣхъ слушателей,—такъ и онъ доставляетъ намъ великую пользу не стройностію звуковъ, но согласіемъ словъ и дѣлъ. Такихъ-то учителей и Христосъ ищетъ: *сотворивый*, сказалъ Онъ, *и научивый, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. v, 10). Таковъ и этотъ [1]); потому онъ и великъ въ царствіи небесномъ. Да сподобимся же и мы, по молитвамъ его и всѣхъ сослужителей, получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ.

Бесѣда о постѣ, сказанная въ шестую недѣлю святыя Четыредесятницы.

КАКЪ пріятны для насъ волны этого духовнаго моря,—пріятнѣе 313
и волнъ морскихъ! Эти воздвигаются возмущеніемъ вѣтровъ, а тѣ желаніемъ слышать (поученіе); эти, воздымаясь, приводятъ кормчаго въ великій страхъ, а тѣ, появляясь, влагаютъ въ говорящаго великое дерзновеніе. Эти служатъ знакомъ ярящагося моря, а тѣ признакомъ радостной души; эти ударяясь о камни, производятъ глухой шумъ, а тѣ, приражаясь къ слову ученія, издаютъ пріятный звукъ. Равнымъ образомъ и дуновеніе легкаго вѣтра, когда падаетъ на нивы и то приклоняетъ къ землѣ, то поднимаетъ вверхъ головки колосьевъ,—представляетъ на сушѣ подобіе морскихъ волнъ. Но и тѣхъ нивъ пріятнѣе эта нива [2]), потому что не дуновеніе вѣтерка, а благодать Св. Духа возбудила и согрѣла души ваши; и огонь, о которомъ нѣкогда сказалъ Христосъ: *огня пріидохъ воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгорѣся* (Лук. xii, 49),—этотъ огонь, вижу я, ввергнутъ и горитъ въ душахъ вашихъ. Поелику же страхъ Христовъ возжегъ

[1]) Т. е. епископъ Флавіанъ, въ присутствіи коего говорена была бесѣда.
[2]) Т. е. собраніе слушателей.

для насъ столько лампадъ, то вольемъ въ нихъ елей ученія, дабы свѣтъ у насъ былъ продолжительнѣе.

Вотъ уже время поста склоняется у насъ къ концу; дошедши до средины поприща, мы подошли уже къ концу (его), потому что, какъ тотъ, кто началъ, двинулся къ срединѣ, такъ тотъ, кто дошелъ до средины, касается конца. Итакъ, время (поста) скло-
314 няется къ концу, и ладья смотритъ уже въ пристань; но дѣло не въ томъ, чтобы войти въ пристань, а чтобы ввести (въ нее) ладью не безъ прибыли. Прошу всѣхъ васъ и молю, пусть каждый въ своей совѣсти разсмотритъ (свою) торговлю постомъ, и если найдетъ, что прибытокъ великъ, пусть еще умножаетъ (его) торговлею; если же (найдетъ, что) ничего не собрано, пусть употребитъ на эту торговлю остальное время. Пока стоитъ ярмарка, станемъ торговать для пріобрѣтенія большой прибыли, чтобы не уйти (намъ) съ пустыми руками, чтобы, подъявши трудъ поста, не лишиться награды за постъ. Можно вѣдь и понести трудъ поста, и не получить награды за постъ. Какъ? Когда отъ пищи мы воздерживаемся, а отъ грѣховъ не удерживаемся; когда мяса не ѣдимъ, а поѣдаемъ домы бѣдныхъ; когда виномъ не упиваемся, а упиваемся злою похотію; когда весь день проводимъ безъ пищи, и весь же день бываемъ на безстыдныхъ зрѣлищахъ. Вотъ и трудъ поста, и никакой награды за постъ, когда ходимъ на зрѣлища беззаконія. Не къ вамъ (мое) слово: знаю, что вы чисты отъ вины; но опечаленные имѣютъ обычай изливать гнѣвъ на присутствующихъ, когда нѣтъ при нихъ виновниковъ (ихъ печали). Какая выгода постящимся ходить на зрѣлища беззаконія, посѣщать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержанія, возсѣдать на сѣдалищѣ пагубы? Да, не погрѣшитъ тотъ, кто сцену, это пагубнѣйшее мѣсто, полное всякаго рода болѣзней, эту вавилонскую печь, назоветъ и сѣдалищемъ пагубы, и школою распутства, и училищемъ невоздержанія, и всѣмъ, что ни есть постыднѣйшаго.
315 Дѣйствительно, діаволъ, ввергнувъ городъ въ театръ, какъ бы въ какую печь, затѣмъ поджигаетъ снизу, подкладывая не хворостъ, какъ нѣкогда иноплеменникъ тотъ [1]), не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, любодѣйные взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворенія и самыя негодныя пѣсни. Ту печь разожгли руки иноплеменническія, а эту печь разжигаютъ помыслы, болѣе неразумные, чѣмъ иноплеменники. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здѣсь) пагубнѣе: онъ не тѣла сожигаетъ, но разрушаетъ благосостояніе души; а еще хуже то, что горящіе (въ этомъ огнѣ) даже и не чувствуютъ, потому что если бы чув-

---

[1]) Т. е. Навуходоносоръ, царь вавилонскій.

ствовали, то не производили бы громкаго смѣха при видѣ того, что происходитъ. А это-то и хуже всего, когда больной не знаетъ даже и того, что онъ боленъ, и сгарая жалкимъ и бѣдственнымъ образомъ, не чувствуетъ воспаленій. Какая польза въ постѣ, когда тѣло ты лишаешь дозволенной закономъ пищи, а душѣ даешь пищу противозаконную; когда цѣлые дни просиживаешь тамъ (въ театрѣ), смотря на посрамленіе и униженіе общей (человѣческой) природы, на женъ — блудницъ, на лицедѣевъ, которые, собирая все, что есть худого въ каждомъ домѣ, представляютъ зрѣлища любодѣянія? Да, тамъ можно видѣть и блудодѣянія, и прелюбодѣянія, можно слышать и богохульныя рѣчи, такъ что болѣзнь проникаетъ въ душу и чрезъ глаза, и чрезъ слухъ; (тамъ лицедѣи) представляютъ чужія несчастія, отъ чего дано имъ и позорное имя. Итакъ, какая прибыль отъ поста, когда душа питается всѣмъ этимъ? Какими глазами посмотришь ты на жену послѣ тѣхъ зрѣлищъ? Какъ взглянешь на сына, какъ на слугу, какъ на друга? Надобно или быть безстыднымъ, разсказывая о томъ, что бываетъ тамъ, или молчать, краснѣя отъ стыда. Но отсюда уходишь не такимъ; нѣтъ, ты можешь смѣло пересказывать дома все, что здѣсь говорится,—вѣщанія пророческія, ученія апостольскія, законы Господни,—можешь предлагать всю трапезу добродѣтели; а такимъ повѣствованіемъ жену ты сдѣлаешь болѣе цѣломудренною, сына болѣе разумнымъ, слугу болѣе преданнымъ, друга болѣе искреннимъ, да и самаго врага заставишь прекратить вражду.

2. Видишь, какъ эти наставленія во всемъ спасительны, а тѣ представленія совершенно непотребны. Какая же польза въ постѣ, скажи мнѣ, когда тѣломъ ты постишься, а глазами любодѣйствуешь? Вѣдь любодѣяніе состоитъ не только въ соитіи или совокупленіи тѣлесномъ, но и въ безстыдномъ взглядѣ. Какая же польза, когда ты бываешь и здѣсь, и тамъ? Я учу, а тотъ развращаетъ; я прилагаю лѣкарство къ болѣзни, а тотъ усиливаетъ причину болѣзни; я погашаю пламя природы, а тотъ разжигаетъ пламя похоти. Какая же польза, скажи мнѣ? *Единъ созидаяй, а другій разоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ* (Сир. XXXIV, 23)? Итакъ, будемъ проводить время—не здѣсь и тамъ, но только здѣсь, чтобы здѣсь проводить его съ пользою, не по-пусту, не напрасно и не въ осужденіе. *Единъ созидаяй, а другій разоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ?* Если бы даже и много было сози- 316
дающихъ, а одинъ разоряющій, и тогда легкость разрушенія восторжествовала бы надъ множествомъ созидающихъ. Поистинѣ, великій стыдъ, что и юноши, и старцы спѣшатъ къ такимъ занятіямъ. И пусть бы зло ограничивалось только стыдомъ, хотя и это для человѣка благороднаго не легко, напротивъ для благоразум-

наго весьма важная потеря—и позоръ и стыдъ; но не въ стыдѣ только наказаніе, нѣтъ, за это угрожаетъ еще великая казнь и мученіе. Сидящіе тамъ (на зрѣлищахъ) всѣ, по необходимости, уловляются грѣхомъ любодѣянія, не потому, чтобы совокуплялись съ находящимися тамъ женами, а потому, что смотрятъ на нихъ безстыдными глазами. А что и они неизбѣжно становятся виновными въ любодѣяніи, (въ доказательство этого), скажу вамъ не свое слово, чтобъ вы не пренебрегли (имъ), но прочитаю вамъ законъ Божій, которымъ уже нельзя пренебрегать. Что же говоритъ законъ Божій? *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши: Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. v, 27, 28). Видѣлъ ты совершеннаго прелюбодѣя? Видѣлъ вполнѣ учиненный грѣхъ? И что еще хуже—прелюбодѣя, уличеннаго въ любодѣяніи, не на человѣческомъ, но на Божественномъ судилищѣ, гдѣ наказанія нескончаемы? *Всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* (Спаситель) исторгаетъ не болѣзнь только, но и корень болѣзни. Корень любодѣянія безстыдная похоть, потому Онъ наказываетъ не только за любодѣяніе, но и за похоть, матерь любодѣянія. Такъ поступаютъ и врачи: они вооружаются не только противъ болѣзней, но и противъ самыхъ причинъ (ихъ); и если увидятъ, что больны глаза, останавливаютъ теченіе худыхъ мокротъ сверху, изъ висковъ. Такъ дѣлаетъ и Христосъ. Любодѣяніе есть тяжкая глазная болѣзнь, болѣзнь глазъ, не только тѣлесныхъ, но еще болѣе душевныхъ; поэтому (Онъ) тамъ и остановилъ токъ безстыдства страхомъ закона; поэтому и опредѣлилъ наказаніе не только за любодѣяніе, но и за похоть. *Уже любодѣйствова съ нею, въ сердцѣ своемъ*: а когда растлѣно сердце, то что пользы въ остальномъ тѣлѣ? Когда въ растеніяхъ и деревьяхъ увидимъ сердцевину изъѣденною, мы уже ни во что ставимъ остальную часть: такъ и въ человѣкѣ, когда сердце погибло, тщетно уже здоровье остального тѣла. Возница палъ, погибъ, низринутъ: такъ напрасно уже бѣгутъ кони. Труденъ законъ и имѣетъ въ себѣ много тяжкаго, зато великій даетъ и вѣнецъ: таковы именно дѣла трудныя, что они доставляютъ великія награды. Но ты обращай вниманіе не на трудъ, а размышляй о воздаяніи; такъ бываетъ и въ житейскихъ дѣлахъ. Если будешь имѣть въ виду трудность подвиговъ, дѣло покажется тяжелымъ и невыносимымъ, а если будешь смотрѣть на награду, оно будетъ легко и удобоносимо. Такъ и кормчій, еслибы смотрѣлъ только на волны, — никогда бы не вывелъ ладьи изъ пристани; но, смотря на прибытокъ, а не на волны, онъ отваживается пускаться и въ

неизмѣримое море. Такъ и воинъ, если будетъ смотрѣть на раны и пораженія,—никогда не надѣнетъ брони; если же будетъ смотрѣть не на раны, а на трофеи и побѣды, то устремится на сраженіе, какъ на лугъ. Такимъ образомъ и тяжкое по природѣ становится легкимъ, когда мы не о трудахъ только размышляемъ, но и смотримъ на награды за нихъ. Хочешь ли знать, какъ трудное по природѣ становится легкимъ? Послушай Павла, который гово- 317
ритъ: *еже бо нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчную славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Слова эти загадочны. Если *печали*, то какъ *легкое?* Если *легкое*, то какъ *печали?* Одно съ другимъ несовмѣстно. Но (Павелъ) разрѣшилъ загадку, показавъ легкость (печали) слѣдующими затѣмъ словами. Какими? *Не смотряющимъ намъ видимыхъ.* Предложилъ вѣнецъ—и сдѣлалъ подвигъ легкимъ; показалъ награду—и облегчилъ труды. Такъ и ты, когда увидишь жену, красивую лицемъ и въ свѣтлой одеждѣ; когда увидишь, что похоть подстрекаетъ (тебя), и что душа (твоя) ищетъ этого зрѣлища: воззри на уготованный тѣбѣ на небѣ вѣнецъ—и пройдешь мимо такого зрѣлища. Ты увидѣлъ подобную тебѣ рабыню? Помысли о Владыкѣ—и, несомнѣнно, прекратишь недугъ. Если и дѣти, идя за учителемъ, не рѣзвятся, не смотрятъ по сторонамъ, не пугаются, тѣмъ болѣе ты не испытаешь ничего такого, видя при себѣ мысленно Христа. *Иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.* Съ удовольствіемъ и очень часто повторяю я слова этого закона; о, еслибы могъ я и цѣлый день говорить объ этомъ вамъ, или лучше, не вамъ, но виновнымъ въ грѣхахъ,—а впрочемъ и вамъ, потому что и вы будете болѣе безопасны, и находящіеся въ болѣзни скорѣе выздоровѣютъ. *Иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ.*

3. Одного чтенія этихъ словъ достаточно для очищенія всякой гнилости грѣха. Но будьте снисходительны: мы очищаемъ раны, а очищающему раны необходимо употреблять и острыя лѣкарства. Чѣмъ долѣе будете вы внимать (этимъ) словамъ, тѣмъ болѣе будетъ очищаться гной. Какъ огонь, чѣмъ сильнѣе объемлетъ золото, тѣмъ болѣе истребляетъ ржавчину; такъ и страхъ, внушаемый этими словами, чѣмъ глубже проникнетъ въ душу вашу, тѣмъ болѣе очиститъ весь грѣхъ невоздержанія. Сожжемъ же его здѣсь словомъ ученія, чтобы не быть намъ въ необходимости сожечь его тамъ—огнемъ геенскимъ: этотъ огонь не коснется души, отшедшей отсюда чистою, но онъ обыметъ душу, отшедшую отсюда во грѣхахъ. *Когождо дѣло*, говоритъ Писаніе, *яковоже есть, огнь искуситъ* (1 Кор. III, 13). Будемъ испытывать самихъ себя

нынѣ безъ болѣзни, чтобы не быть испытанными тогда съ болѣзнію. Что ни говори, скажешь, а законъ труденъ. Что же? Богъ повелѣваетъ намъ невозможное? Нѣтъ, говорю я; сомкни свои уста, не обвиняй Господа; это не оправданіе, а новый грѣхъ, хуже прежняго. А что у многихъ грѣшниковъ есть обычай взводить обвиненіе на Господа,—такъ послушай. Приступилъ получившій пять талантовъ и принесъ другіе пять; приступилъ получившій два таланта и принесъ другіе два; приступилъ получившій (одинъ)
318 талантъ и, поелику не могъ принести другого таланта, то вмѣсто таланта принесъ обвиненіе. Какъ? *Видѣхъ тя*, говоритъ, *яко жестокъ еси*. О, безстыдный рабъ! Онъ не довольствуется грѣхомъ, но взноситъ еще обвиненіе на господина: *жнеши, идѣже не сѣялъ еси, и собираеши, идѣже не расточилъ еси* (Матѳ. xxv, 20—24). Такъ и въ настоящей жизни всѣ тѣ, которые не дѣлаютъ ничего добраго, усугубляютъ грѣхи свои обвиненіемъ Господа.

Итакъ, не обвиняй Господа: Онъ не заповѣдалъ невозможнаго? Хочешь знать, что Онъ не заповѣдалъ невозможнаго? Многіе дѣлаютъ даже больше заповѣданнаго, но они не сдѣлали бы этого при всемъ своемъ усердіи, если бы заповѣданное было невозможно. Господь не заповѣдалъ дѣвства, а многіе хранятъ (его); не заповѣдалъ нищеты, а многіе бросаютъ свое (имущество), свидѣтельствуя дѣлами, что заповѣди закона весьма легки: они не сдѣлали бы больше заповѣданнаго, если бы заповѣданное не было легкимъ. Господь не заповѣдалъ дѣвства, потому что кто заповѣдуетъ дѣвство, тотъ подчиняетъ человѣка необходимости закона и противъ воли его, а кто только совѣтуетъ, тотъ оставляетъ слушателя господиномъ (своей) воли. Посему-то и Павелъ говоритъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ, совѣтъ же даю* (1 Кор. vii, 25). Видишь, не повелѣніе, но совѣтъ? Видишь, не заповѣдь, а внушеніе? А тутъ большая разность: одно—дѣло необходимости, другое — дѣло произволенія. Не повелѣваю, говоритъ, чтобы не обременить; убѣждаю и совѣтую, чтобы склонить. Такъ и Христосъ не сказалъ: всѣ пребывайте въ дѣвствѣ, потому что, если бы Онъ повелѣлъ быть дѣвственниками всѣмъ, и эту заповѣдь сдѣлалъ закономъ, то и исполнившій (ее) не получилъ бы той великой чести, какую получаетъ теперь, и преступившій понесъ бы самое тяжкое наказаніе. Видишь, какъ Законодатель щадитъ насъ, какъ печется о нашемъ спасеніи? Развѣ Онъ не могъ дать и эту заповѣдь и сказать: хранящіе дѣвство да прославятся, а не хранящіе да будутъ наказаны? Но (чрезъ это) Онъ обременилъ бы нашу природу, а Онъ щадитъ ее. Онъ поставилъ дѣвство внѣ поприща, поставилъ выше мѣста борьбы, чтобы и соблюдающіе обнаружили величіе своей души, и несоблюдающіе воспользовались

снисхожденіемъ Владыки. Не далъ Онъ также заповѣди и о нищетѣ, не просто сказалъ: продай имѣніе твое, но: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое* (Матѳ. XIX, 21). Пусть (это) будетъ въ твоей волѣ; будь господиномъ (своего) намѣренія; не принуждаю, не обременяю; нѣтъ, исполняющаго я вѣнчаю, а не исполняющаго не наказываю. Что дѣлается по повелѣнію и долгу, то не заслуживаетъ великой награды; а что по произволенію и собственной ревности, то доставляетъ блистательные вѣнцы. И свидѣтелемъ этого представляю Павла: *аще благовѣствую*, говоритъ онъ: *нѣсть ми похвалы*. Почему? *Нужда бо ми належитъ. Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. IX, 16). Видишь, исполняющій предписанное закономъ не заслуживаетъ великой награды, потому что это необходимая обязанность; а неисполняющій подлежитъ наказанію и мученію. *Горе*, говоритъ, *мнѣ есть, аще не благовѣствую*. А въ разсужденіи прочаго, что (зависитъ) отъ произволенія, не такъ; но что? *Кая убо ми есть мзда? Да благовѣствуяй безъ мзды, положу благовѣстіе Христово, во еже не творити ми по области моей* 319
(ст. 18). Тамъ былъ законъ, поэтому (Павелъ) не заслуживалъ великой награды; а это было дѣломъ произволенія, потому онъ получилъ великую награду.

4. Все это сказано мною не безъ причины, но ради закона Божія, чтобы показать, что онъ не тяжекъ, не обременителенъ, не труденъ и не неисполнимъ. Теперь же докажемъ это и самыми словами Христа. *Иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*. Зналъ это и Христосъ, что многіе будутъ обвинять законъ въ трудности: посему не предложилъ его просто и въ отдѣльности, но тутъ же припоминаетъ и древній законъ, чтобы чрезъ сравненіе показать и легкость (закона), и свое человѣколюбіе. А какъ,—послушайте. Не сказалъ просто: *иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (слушайте это со вниманіемъ); но прежде напомнилъ о древнемъ законѣ, говоря: *слышасте, яко речено бысть древнимъ, не прелюбы сотвориши: Азъ же глаголю вамъ: всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*. Видѣлъ ты два закона—древній и новый, (одинъ), который далъ Моисей, и (другой), который вводитъ самъ Онъ? Впрочемъ и тотъ (Моисеевъ) Онъ же далъ, потому что и чрезъ Моисея Онъ говорилъ. А откуда видно, что и тотъ законъ далъ Онъ же? Приведу свидѣтельство не изъ Іоанна и не изъ апостоловъ, такъ какъ у меня теперь состязаніе съ іудеями, но изъ пророковъ, которымъ они, кажется, вѣрятъ,—изъ нихъ докажу, что и древній, и новый

(завѣтъ) имѣютъ одного Законодателя. Итакъ, чтò говоритъ Іеремія? *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ* (Іер. XXXI, 31). Видишь и новаго (завѣта) имя въ ветхомъ? Видишь, что и это названіе извѣстно стало за столько лѣтъ? *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ.* Но откуда видно, что и ветхій завѣтъ Онъ же (Христосъ) далъ? Сказавши: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ*, (Господь) присовокупилъ: *не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ* (ст. 32). Это такъ; но все еще мы не доказали своего предмета. Надобно выставить на видъ и объяснить все, что представляетъ случай къ спору, чтобы наше слово со всѣхъ сторонъ было чисто и чтобы безстыднымъ не осталось никакой отговорки. *Завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Богъ постановилъ завѣтъ съ Ноемъ, когда былъ потопъ, желая избавить насъ отъ страха, чтобы мы, и при видѣ наводненія, и всегда, какъ видимъ дождь, не боялись, что и опять будетъ та всеобщая гибель; поэтому, говоритъ, *завѣщаю завѣтъ съ тобою, и со всякою плотію* (Быт. IX, 9). Постановилъ также съ Авраамомъ завѣтъ обрѣзанія; постановилъ и чрезъ Моисея завѣтъ, извѣстный всѣмъ. Іеремія сказалъ: *завѣщаю вамъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Скажи, какимъ отцамъ? И Ной былъ отецъ, и Авраамъ былъ отецъ: о какихъ же говоритъ Онъ отцахъ? Неопредѣленность лицъ производитъ темноту. Здѣсь будьте внимательны. *Не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ.* Дабы ты не сказалъ, что (Богъ) говоритъ о завѣтѣ съ Ноемъ,—дабы не сказалъ, что говоритъ о завѣтѣ съ Авраамомъ,—Онъ вотъ какъ напомнилъ и о самомъ вре-
320 мени завѣтовъ. Сказавъ: *завѣщаю вамъ завѣтъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ вашимъ*, тутъ же указалъ и на время: *въ день, въ онь же емшу ми за руку ихъ, извести я отъ земли египетскія.* Видишь, какую ясность сообщило опредѣленіе времени? Теперь уже и іудей не противорѣчитъ: вспомни время, и прими законодательство. *Въ день, въ онь же емшу ми за руку ихъ.* Но для чего Богъ говоритъ и объ образѣ исхода (іудеевъ изъ Египта)? *Емшу ми за руку ихъ, извести я изъ земли египетскія.* Чтобы показать свою отеческую любовь, Онъ вывелъ ихъ, не какъ рабовъ, но взялъ, какъ отецъ дитя, и такъ освободилъ; не повелѣлъ, какъ рабу, позади себя идти, но взялъ за правую руку, какъ сына благороднаго и свободнаго, и такъ вывелъ. Видѣлъ ты, что у обоихъ завѣтовъ Законодатель одинъ? Теперь, когда состязаніе мы уже кончили, я докажу тебѣ это же и изъ новаго (завѣта), чтобы ты видѣлъ согласіе (обоихъ) завѣтовъ. Видѣлъ ты пророчество посредствомъ словъ? Познай и пророчество посредствомъ образовъ. Но какъ и это опять неясно, чтò такое пророчество посредствомъ образа, и чтò такое пророчество посредствомъ слова,—

то и это вкратцѣ объясню. Пророчество посредствомъ образа есть пророчество событій, а другое пророчество есть пророчество посредствомъ словъ; разумнѣйшихъ (Господь) убѣждалъ словами, а неразумныхъ видѣніемъ событій. Такъ какъ имѣло произойти событіе великое, и Богъ имѣлъ принять на себя плоть; такъ какъ земля имѣла сдѣлаться небомъ, и наше естество возвыситься до благородства ангеловъ; такъ какъ проповѣдь о будущихъ благахъ превышала надежду и ожиданіе,—то, чтобы новое и необычайное, явившись внезапно, не смутило тѣхъ, которые тогда будутъ его видѣть и слышать, (Богъ) заранѣе предъизображалъ (все это) посредствомъ дѣлъ и словъ, и такимъ образомъ пріучалъ нашъ слухъ и зрѣніе и приготовлялъ будущее. А это и было то самое, о чемъ мы говорили, т. е. что означаетъ пророчество посредствомъ образа и что означаетъ пророчество посредствомъ слова: одно—посредствомъ событій, другое—посредствомъ словъ. Скажу тебѣ пророчество и событіемъ и словомъ объ одномъ и томъ же: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его* (Иса. LIII, 7). Это пророчество словомъ. А когда Авраамъ приносилъ Исаака, то, увидѣвъ овна, запутавшагося рогами, принесъ его въ жертву на самомъ дѣлѣ, и въ немъ, какъ въ образѣ, предвозвѣстилъ намъ спасительную страсть.

5. Хочешь, докажу тебѣ дѣлами, что, какъ я говорилъ, оба эти завѣта имѣютъ одного Законодателя? Видѣлъ овча въ (пророчествѣ посредствомъ) слова (Иса. LIII, 7): познай (его) и въ событіи. *Глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти* (Гал. IV, 21). Хорошо (апостолъ) сказалъ: *хощете быти*,—потому что (они) не были; а если бы были подъ закономъ, то не были бы подъ закономъ. Слова эти, можетъ быть, загадочны: (объяснимъ ихъ). Законъ внимательныхъ (къ нему) приводитъ ко Христу; а кто отвергаетъ Учителя (Христа), тотъ не знаетъ и дѣтоводителя (закона, Гал. III, 25). Потому, говоритъ, *глаголите ми, иже подъ закономъ хощете быти, закона ли не слушаете: (писано бо есть), яко Авраамъ два сына имѣ, единаго отъ рабы, а другаго отъ свободныя, яже суть иносказаема* (Гал. IV, 22, 24). Видишь пророчество посредствомъ событія? Имѣть женъ—не слово, а собы- 321
тіе. Я показалъ тебѣ рабу и свободную въ словахъ, что одинъ Законодатель обоихъ завѣтовъ: узнай (теперь) то же самое и въ образахъ. Авраамъ имѣлъ двухъ женъ: это два завѣта и одинъ Законодатель. Какъ тамъ овенъ и овенъ—одинъ въ словѣ, другой въ дѣлѣ, и при этомъ великое согласіе въ дѣлахъ и словахъ, такъ и здѣсь два завѣта, и ихъ-то Іеремія предрекъ словомъ, а Авраамъ изобразилъ событіемъ,—тѣмъ, что имѣлъ двухъ женъ, потому что какъ одинъ мужъ и двѣ жены, такъ одинъ Законода-

тель и два завѣта. Но все это сказано и предложено (мною)—не должно вѣдь отступать отъ предмета—по поводу словъ: *иже воззритъ на жену, ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ*. Такъ, но дѣло, для котораго все это мы предложили, въ томъ, *для чего* (Христосъ) читаетъ имъ (Своимъ слушателямъ) древній законъ? Онъ говоритъ имъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши*. Зналъ Онъ, что заповѣдь трудна, не сама по себѣ, но по нерадѣнію слушающихъ. Многое и легкое само по себѣ становится неудобоисполнимымъ, когда мы нерадивы, равно какъ и трудное дѣлается легкимъ и удобоносимымъ, когда мы ревностны, потому что трудность — не въ природѣ вещей, но въ волѣ дѣлающихъ. А что это такъ, видно изъ слѣдующаго: медъ по своей природѣ сладокъ и весьма пріятенъ, но для больныхъ онъ и горекъ, и непріятенъ, однакоже не по собственной природѣ, а по болѣзни тѣхъ. Такъ и законъ, если кажется труднымъ, то не по своей природѣ, но по нашему нерадѣнію. Немногаго стоитъ мнѣ труда доказать, что онъ легокъ для исполненія; чтобы сдѣлать его труднымъ, для этого надлежало бы сказать иное. Теперь Онъ говоритъ: убѣгай взгляда на жену, отложи невоздержаніе; а чтобы онъ былъ труднымъ, для этого надлежало бы сказать наоборотъ: ближе знакомься съ женщинами, засматривайся на чужую красоту, и затѣмъ побѣждай похоть. Вотъ это было бы трудно. А что Онъ говоритъ: бѣги отъ печи, удались отъ огня, не приближайся къ пламени, чтобы быть тебѣ невредимымъ, — это весьма легко, потому что такая заповѣдь сообразна съ природою. *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши*. Итакъ, для чего (Христосъ) напоминаетъ намъ о древнемъ законѣ, намѣреваясь ввести другой? Дабы ты изъ сравненія (обоихъ законовъ) позналъ, что нѣтъ противорѣчія между тѣмъ и другимъ, потому что когда бываетъ сравненіе (двухъ предметовъ), то сужденіе (о нихъ) становится очевиднѣе. Такъ какъ нѣкоторые готовы были возразить, что (Христосъ), говоря это, вводитъ противный прежнему законъ, то вотъ, говоритъ Онъ, Я полагаю оба закона рядомъ: испытай и познай ихъ согласіе. Впрочемъ, дѣлаетъ Онъ такъ, не для этого только, но и для того, чтобы показать, что (новый законъ) и легокъ, и благовременно вводится. Съ этою цѣлію говоритъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши*: столько-то времени вы упражнялись въ древнемъ законѣ! Какъ учитель, обращаясь къ лѣнивому отроку, который хочетъ еще заниматься старыми уроками, и намѣреваясь повести его къ высшимъ (познаніямъ), говоритъ: подумай, сколько времени употребилъ ты на это ученье,—такъ и Христосъ: чтобы напом-

нить, что (слушатели) много времени упражнялись въ древнемъ законѣ и (много) посвятили ему, и что пора уже перейти къ высшему закону, указалъ имъ на бывшее нѣкогда у отцевъ ихъ 322
законодательство, говоря: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши*. То сказано было древнимъ,—*Азъ же глаголю вамъ*. Если бы Онъ говорилъ древнимъ, ты имѣлъ бы причину жаловаться, потому что тогда природа наша была менѣе совершенна; а когда природа (наша) пришла въ бо́льшую силу и сдѣлалась болѣе совершенною, тогда уже настало время и для ученія болѣе совершеннаго. Поэтому Христосъ, лишь только еще начинаетъ законодательство, (въ предотвращеніе того), чтобы кто-нибудь, видя большую строгость любомудрія, не предался безпечности и нерадѣнію, говоритъ: *аще не преизбудетъ правда ваша, паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). Большаго отъ меня требуешь труда? Почему? Развѣ я не одинаковой природы съ тѣми (древними)? Развѣ я не (такой же) человѣкъ, какъ и они? Такъ, чтобы не сказали этого, зачѣмъ т. е. увеличилъ для насъ труды, зачѣмъ назначилъ бо́льшіе подвиги, Господь напередъ отстранилъ это возраженіе, сказавъ о царствѣ небесномъ: бо́льшія, говоритъ, предлагаю я и награды. Сказавъ о трудахъ, сказавъ о подвигахъ, сказавъ о бо́льшей строгости законодательства, Онъ напомнилъ о наградахъ. Не Палестину, говоритъ, даю вамъ, не землю, текущую млекомъ и медомъ—нѣтъ, предлагаю вамъ самое небо. Впрочемъ, если мы имѣемъ преимущество (предъ древними), въ наградахъ за добродѣтели, то подлежимъ, въ случаѣ преступленія закона, и бо́льшему наказанію за грѣхи. Какъ жившіе до закона подверглись легчайшему наказанію, чѣмъ тѣ, кто жилъ во время закона: *елицы бо*, говоритъ, *безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ* (Рим. II, 12), то есть, не будутъ имѣть обвинителемъ своимъ закона, но произнесу, говоритъ, приговоръ надъ ними чрезъ самую природу ихъ, *между собою помысломъ осуждающимъ, или отвѣщающимъ*,—такъ и согрѣшающіе подъ благодатію потерпятъ тягчайшее наказаніе, чѣмъ тѣ, которые согрѣшали въ законѣ. Различіе между тѣми и другими Павелъ показалъ такъ: *отверися кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ, или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. x, 28, 29)? Видишь, подъ благодатію наказаніе больше, такъ какъ и награды больше? Но какъ я напомнилъ вамъ о страшныхъ и духовныхъ тайнахъ, то убѣждаю васъ, и молю, и прошу, и желаю со всѣмъ усердіемъ, да приступаете къ этой страшной трапезѣ, отложивъ

всякій грѣхъ. *Миръ*, говоритъ апостолъ, *имѣйте со всѣми и святыню, ея же кромѣ никто же узритъ Господа* (Евр. XII, 14). А кто недостоинъ видѣть Господа, тотъ недостоинъ и пріобщенія тѣла Господня. Поэтому Павелъ говоритъ: *каждый да искушаетъ себе, и тако отъ хлѣба даястъ и отъ чаши да піетъ* (1 Кор. XI, 28). Не обнаружилъ раны, не выставилъ вины на всеобщій позоръ, не представилъ свидѣтелей преступленія: нѣтъ, внутри— въ совѣсти, въ отсутствіи всѣхъ, кромѣ всевидящаго Бога, твори судъ и изслѣдованіе своихъ грѣховъ, и, разбирая всю жизнь, веди грѣхи на судилище ума; исправь проступки, и потомъ уже съ чистою совѣстію приступай къ священной трапезѣ, и прича-
323—324 щайся святой жертвы. Это имѣя въ умѣ, также помня сказанное нами о невоздержаніи и то, какое наказаніе угрожаетъ безстыдно смотрящимъ на лица женъ, а прежде и геенны имѣя предъ очами страхъ и любовь Божію, будемъ очищать себя во всемъ и такимъ образомъ приступать къ священнымъ тайнамъ, да пріимемъ ихъ, не въ судъ и осужденіе, но во спасеніе и здравіе души, и въ непрестанную надежду на это спасеніе, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ.

О покаяніи и сокрушеніи сердца, а также о томъ, что Богъ скоръ на спасеніе и медленъ на наказаніе; здѣсь же дивная повѣсть о Раави.

323 БОЖЕСТВЕННЫЙ апостолъ всегда говоритъ божественнымъ и небеснымъ языкомъ, и съ великимъ искусствомъ преподаетъ евангельское слово, изрекая правила вѣры не отъ собственнаго разума, а по царской своей власти. Преимущественно же онъ обнаруживаетъ такое искусство тогда, когда обращается съ рѣчью о покаяніи къ согрѣшающимъ. О томъ же самомъ предметѣ и я буду бесѣдовать съ вами. Итакъ, вы слышали,—коснусь сказаннаго лишь отчасти,—какъ этотъ доблестный и дивный мужъ, бесѣдуя съ коринѳянами, говорилъ: (боюсь) *еда како пришедъ не восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся* (2 Кор. XII, 20, 21). По природѣ этотъ великій учитель былъ человѣкъ, а по волѣ—Божій служитель, почему онъ и говоритъ какъ бы небеснымъ языкомъ, и какъ будто возглашая изъ самыхъ небесъ, и грѣшниковъ устрашаетъ угрозами, и кающимся обѣщаетъ прощеніе. Когда я говорю это, то приписываю власть не (личному) слову Павла, а возвожу все къ благодати Божіей, о чемъ гово-

рилъ нынѣ онъ самъ: или вы *искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3)? Итакъ, онъ предлагаетъ грѣшникамъ цѣлительное врачество и спасительное покаяніе. Но сегодня съ апостольскимъ чтеніемъ совпало и евангельское властное изреченіе Спасителя, изобильно дарующее отпущеніе грѣховъ. Исцѣляя разслабленнаго, Спаситель, какъ вы только что слышали, сказалъ: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои* многи (Марк. II, 5), а отпущеніе грѣховъ — источникъ спасенія и воздаяніе покаянія. Покаяніе есть врачество, истребляющее грѣхъ; оно есть даръ небесный, чудесная сила, благодатію побѣждающая силу законовъ, почему оно ни блудника не отвергаетъ, ни прелюбодѣя не отгоняетъ, ни пьяницы не отвращается, ни идолослужителемъ не гнушается, ни поносителя не отметаетъ, ни хулителя не гонитъ, ни гордеца, но всѣхъ премѣняетъ, потому что покаяніе—горнило грѣха. Но необходимо напередъ познать намѣреніе Божіе (когда Онъ терпитъ согрѣшающихъ), приступая къ такому разсмотрѣнію не по нашимъ домысламъ, а показывая, какъ истина свидѣтельствуется самими божественными Писаніями. Когда Богъ долготерпитъ грѣшникамъ, то имѣетъ двоякую спасительную цѣль: съ одной стороны Онъ ищетъ чрезъ покаяніе спасенія имъ самимъ, а съ другой—предуготовляетъ благодѣяніе для ихъ потомковъ, которые будутъ успѣвать въ добродѣтели. Богъ,—повторю опять,—долготерпитъ, 324
чтобы и самъ грѣшникъ покаялся, и своимъ потомкамъ не заключилъ пути во спасенію, потому что, хотя самъ грѣшникъ и остается нераскаяннымъ, Богъ часто щадитъ корень, чтобы сохранить плоды, часто же, какъ прежде сказалъ я, исправляетъ и самый корень; а когда послѣдній подвергается окончательной порчѣ, то Богъ отсрочиваетъ наказаніе, ожидая, чтобы другіе спаслись чрезъ покаяніе. А какъ? Выслушай (слѣдующее): Ѳарра, отецъ Авраама, былъ идолослужитель, однако не былъ наказанъ здѣсь за свое нечестіе; да это такъ и слѣдовало, потому что откуда произросъ бы такой плодъ вѣры, если бы Богъ пресѣкъ корень? Что́ хуже Исава? Посмотри здѣсь на другой примѣръ божественнаго милосердія. Что́ безстыднѣе его нечестія? Не онъ ли былъ блудодѣй и сквернитель, какъ сказалъ апостолъ (Евр. XII, 16)? Не матереубійца, не отцеубійца ли онъ? Не убійца ли брата, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ? Не онъ ли ненавидимъ былъ Богомъ, какъ свидѣтельствуетъ Писаніе, говоря: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (Римл. IX, 13)? Если же онъ и блудникъ, и братоубійца, и сквернитель, и ненавидимъ Богомъ, то почему онъ не удаляется (изъ міра), почему не исторгается, почему не постигаетъ его тотчасъ же достойная кара? Почему? Подлинно, слѣдуетъ указать причину. Если бы Богъ погубилъ его, то міръ ли-

шился бы величайшаго плода правды, а какого—послушай: Исавъ родилъ Рагуила, Рагуилъ Зару, Зара Іова. Видишь, какой погибъ бы цвѣтъ терпѣнія, если бы Богъ напередъ предалъ казни корень?

2. Такъ разсуждай и о всѣхъ событіяхъ. Такъ, Богъ показываетъ долготерпѣніе въ отношеніи къ египтянамъ, произносившимъ нетерпимыя хулы, ради тѣхъ церквей, которыя цвѣтутъ нынѣ въ Египтѣ, ради монастырей и избравшихъ ангельское житіе. Въ самомъ дѣлѣ, и законовѣды утверждаютъ, и римскіе законы предписываютъ беременную женщину, если послѣдняя совершитъ преступленіе, влекущее смертную казнь, предавать смерти не прежде, какъ она родитъ носимое во чревѣ. И такой законъ весьма справедливъ; составители законовъ не сочли справедливымъ губить заразъ съ преступною матерью неповиннаго младенца. Если же людскіе законы щадятъ ни въ чемъ неповинныхъ, то не гораздо ли больше, какъ и должно думать, сохранитъ корень Богъ, предуготовляя плодамъ его благодѣяніе покаянія. Обрати, наконецъ,
325 вниманіе на благодѣяніе покаянія и для самихъ грѣшниковъ; причина божественнаго милосердія и въ отношеніи къ нимъ—та же самая. Если бы наказаніе предупреждало исправленіе, то міръ окончательно бы погибъ и уничтожился. Если бы Богъ ускорялъ наказаніемъ, церковь не пріобрѣла бы Павла, не стяжала бы столь святаго и великаго мужа. Но Богъ терпѣлъ его хулы, чтобы показать его обращеніе. Долготерпѣніе Божіе сдѣлало гонителя проповѣдникомъ, долготерпѣніе Божіе превратило волка въ пастыря, долготерпѣніе Божіе изъ мытаря сдѣлало евангелиста, чрезъ долготерпѣніе Божіе мы всѣ помилованы, всѣ перемѣнились, всѣ обратились. Когда увидишь, какъ бывшій нѣкогда пьяницей сталъ постникомъ; когда увидишь, что хулитель сталъ богословомъ; когда увидишь, какъ сквернившій нѣкогда свои уста постыдными пѣснями теперь очищаетъ душу божественными пѣснопѣніями, — прославляй долготерпѣніе Божіе, восхваляй покаяніе и, смотря на такую перемѣну, говори: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. LXXVI, 11). Богъ благъ ко всѣмъ людямъ, но преимущественно являетъ Свое долготерпѣніе согрѣшающимъ. И если хочешь послушать нѣчто странное,—странное, впрочемъ, въ обычномъ смыслѣ, но истинное въ разсужденіи благочестія,—то выслушай.

Къ праведникамъ Богъ вездѣ является строгимъ, а къ грѣшникамъ благимъ, и будучи скоръ на помилованіе, Онъ возставляетъ падшаго грѣшника и говоритъ ему: *еда падаяй не воста-нетъ; или отвращаяйся не обратится* (Іер. VIII, 4)? И еще: для чего отвратилась *отвращеніемъ безстуднымъ* несмысленная дщерь Іудова (ст. 5)? И опять: *обратитеся ко Мнѣ и обращуся къ вамъ* (Зах. I, 3). И въ другомъ мѣстѣ Онъ, по великому Своему чело-

вѣколюбію, клятвою подтверждаетъ, что спасеніе дается покаяніемъ: *живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. xxxiii, 11). Праведнику же Богъ говоритъ: если сотворитъ человѣкъ всякую правду и всякую истину, и, совратившись, согрѣшитъ, не помяну правды его, но во грѣхѣ своемъ умретъ (Іезек. xviii, 24). Какая строгость къ праведнику! Какое щедролюбіе къ грѣшнику! Такъ Богъ употребляетъ разнообразныя и различныя средства, не Самъ премѣняясь, но раздѣляетъ щедроты Своей благости, сообразно нашей пользѣ. А какъ? Послушай. Если Онъ устрашитъ грѣшника, упорно пребывающаго во грѣхахъ, то приведетъ его къ отчаянію и лишитъ надежды; а если похвалитъ праведника, то ослабитъ силу его добродѣтели и сдѣлаетъ то, что послѣдній, какъ человѣкъ уже удостоившійся похвалы, будетъ нерадивъ къ подвигамъ (добродѣтели). Поэтому-то Онъ грѣшника милуетъ, а праведника устрашаетъ. *Страшенъ*, говоритъ Писаніе, *надъ всѣми окрестными Его* (Пс. lxxxviii, 8), и: *благъ Господь всяческимъ* (Пс. cxliv, 9). *Страшенъ*, говоритъ, *надъ всѣми окрестными Его*. Кто же эти окрестные, какъ не святые? *Богъ*, говоритъ Давидъ, *прославляемъ въ совѣтѣ святыхъ, велій и страшенъ есть надъ всѣми окрестными Его* (Пс. lxxxviii, 8). Если Онъ увидитъ падшаго, простираетъ руку милосердія; если увидитъ стоящаго, наводитъ (на него) страхъ, и поступаетъ Онъ такъ по справедливости и правосудію, потому что праведника страхомъ Онъ подкрѣпляетъ, а грѣшника милосердіемъ возставляетъ. Желаешь знать, какъ благовременна бываетъ его благость, и какъ полезна и пригодна бываетъ намъ Его строгость? (Въ такомъ случаѣ) тщательно внимай (словамъ моимъ), чтобы это высокое разсужденіе не ускользнуло отъ тебя. Жена грѣшница, погрязшая во всякаго рода грѣхахъ и беззаконіяхъ, повинная въ 326
стольких грѣхахъ, одержимая безчисленными грѣховными дѣлами, возжадавъ спасенія отъ покаянія, проникла на пиръ святыхъ,—пиромъ же святыхъ я называю (этотъ пиръ) потому, что здѣсь присутствовалъ Святый святыхъ. Когда Спаситель возлежалъ въ дому Симона фарисея, пришла эта грѣшная жена, коснулась ногъ Спасителя, омывала слезами ноги Его и отирала власами. И Человѣколюбецъ возставляетъ погребенную въ безчисленныхъ грѣхахъ, говоря: *отпущаются грѣси ея* (Лук. vii, 47). Я не намѣренъ теперь изслѣдовать всей этой исторіи, а (хочу) привести одно только свидѣтельство. Итакъ смотри, какая щедрость! *Его же* (мира) *ради глаголю ти: отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много*. Итакъ, грѣшная эта жена получила прощеніе стольких грѣховъ, а Марія, сестра Моисея, за малый ропотъ, осуждается на проказу (Числ. xii, 1). Грѣшникамъ Богъ говоритъ: *аще будутъ грѣси*

ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю (Ис. I, 18); покаяніемъ Онъ измѣняетъ мракъ въ свѣтъ и словомъ благости разрѣшаетъ безчисленные грѣхи; къ ходящему же въ правдѣ говоритъ: *иже аще речетъ брату своему уроде, повиненъ есть геенны огненнѣй* (Матѳ. V, 22). За одно слово онъ опредѣлилъ такое наказаніе, а при множествѣ грѣховъ, обнаруживаетъ великое снисхожденіе.

3. Замѣть еще и вотъ что достойное удивленія. Грѣхи наши считаются какъ бы долгами, и тогда какъ кающимся грѣшникамъ Богъ прощаетъ весь долгъ, отъ праведниковъ требуетъ напротивъ еще и лихвы. Приступилъ къ Нему человѣкъ, который долженъ былъ много талантовъ, и такъ какъ онъ каясь и съ усиленной просьбой молилъ о дѣлѣ, и сказалъ: *Господи, потерпи на мнѣ, и вся воздамъ* (Мѳ. XVIII, 26), то Человѣколюбецъ не ждалъ уплаты, а вмѣнилъ признаніе вмѣсто уплаты долга. Должнику десяти тысячъ талантовъ Онъ простилъ все рѣшительно, тогда какъ отъ праведниковъ, говоритъ Онъ, будетъ требовать еще лихвы: *почто не* дали *сребра моего купцемъ, и азъ пришедъ съ лихвою истязалъ быхъ* (Лук. XIX, 23). Я говорю это не потому, что Богъ будто бы враждебно относится къ праведникамъ,—для Бога нѣтъ ничего вожделѣннѣе праведника,—а потому, что, какъ я сказалъ раньше, грѣшника Онъ утѣшаетъ, чтобы возставить, а праведника устрашаетъ, чтобы утвердить (въ правдѣ); и первымъ прощаетъ многочисленные грѣхи какъ врагамъ и надменнымъ, въ послѣднихъ же строго примѣчаетъ и маловажное, желая, чтобы не было никакого недостатка въ ихъ совершенствѣ. Чтò въ этомъ мірѣ богатый, то праведникъ у Бога, и чтò въ мірѣ бѣдный, то у Бога грѣшникъ. Ничего нѣтъ бѣднѣе грѣшника, и ничего нѣтъ богаче добродѣтельнаго. Поэтому-то о живущихъ въ благочестіи и правотѣ Павелъ говоритъ: *благодарю Бога, яко во всемъ обогатистеся о Немъ во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ* (1 Кор. I, 4, 5), а о нечестивыхъ блаженный Іеремія говоритъ: *негли убози суть, того ради не возмогоша* слышать слово Господне (Іер. V, 4). Видишь, какъ убогими называетъ отторгнувшихся отъ благочестія? Итакъ, грѣшни-
327 ковъ, какъ убогихъ, Богъ милуетъ, отъ праведниковъ же, какъ отъ богатыхъ, взыскиваетъ; первымъ снисходитъ ради убожества, а отъ послѣднихъ, по богатству ихъ благочестія, строго требуетъ отчета. Какъ поступаетъ Онъ съ праведниками и грѣшниками, такъ точно поступаетъ съ богатыми и убогими. Подобно тому, какъ грѣшника Онъ возставляетъ милосердіемъ, а праведника устрашаетъ строгостью, такъ точно Онъ проявляетъ Свое попеченіе и въ дѣлахъ міра. Если Онъ видитъ блистающихъ достоинствами могущественныхъ царей, князей, всѣхъ (словомъ) кто изобилуетъ богатствомъ, то говоритъ съ ними, возбуждая страхъ, и

съ пользой присоединяетъ къ власти страхъ. *И нынѣ царіе разумѣйте: накажитеся вси судящіи земли. Работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. II, 10, 11), потому что Онъ есть *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ* (1 Тим. VI, 15). Гдѣ начальство власти, тамъ Онъ прилагаетъ страхъ Своего царства, гдѣ смиреніе простоты, тамъ приноситъ врачество Своего милосердія, потому что Онъ, великій Богъ—Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, и Онъ, снисходя съ Своего достоинства, является по изображенію священнаго Писанія и отцемъ сирыхъ, и судіею вдовицъ, будучи въ то же время Царемъ царствующихъ, Княземъ княжащихъ и Господомъ господствующихъ. Видишь, сколь велико Его щедрое милосердіе? Видишь, какъ полезенъ (тотъ) страхъ при благочестіи и власти, (который внушаетъ Онъ)? Тамъ, гдѣ Онъ усмотрѣлъ, что довольно будетъ для утѣшенія власти, приложилъ съ пользою страхъ; а гдѣ усмотрѣлъ угнетенное приниженностью сиротство и обнищавшее въ изнеможеніи вдовство, тамъ далъ въ утѣшеніе милосердіе. Я отецъ сирыхъ (Пс. LXVII, 6). Богъ поступаетъ двояко: являетъ Свое милосердіе и наказываетъ могущество. Онъ называетъ Себя Отцемъ сирыхъ, желая утѣшить несчастныхъ и въ то же время устрашить людей сильныхъ, чтобы они не обижали сиротъ и вдовицъ. Такъ какъ смерть похитила у нихъ—у одного—отца, у другой—мужа, то законъ божественной любви возстановляетъ тѣхъ, кого поразилъ законъ природы, и та же самая благодать въ лицѣ Царя святыхъ вдовѣ даетъ судію, а сиротѣ отца. Итакъ, если ты, нечестивецъ, притѣсняешь вдовицъ, то раздражаешь Пекущагося о нихъ, если обижаешь сиротъ, обижаешь сыновъ Божіихъ. Я, говоритъ, Отецъ сирыхъ и Судія вдовицъ (Пс. LXVII, 6). Кто же такъ дерзокъ въ своемъ нечестіи, чтобы обижать сыновъ Божіихъ и оскорблять вдовицъ, о которыхъ заботится Богъ? Видишь, какъ мудро уготовляетъ Онъ врачество благочестія; (видишь, какъ Онъ), не измѣняясь Самъ, а приспособляясь къ нуждамъ человѣческимъ, однимъ внушаетъ страхъ, а другимъ являетъ милосердіе? Итакъ, воспользуемся спасительнымъ врачествомъ покаянія, или лучше—получимъ отъ Бога врачующее насъ покаяніе, потому что не мы Ему приносимъ его, а Онъ намъ даровалъ его. Видишь строгость Его въ законѣ? Видишь милосердіе Его въ благодати? Когда я говорю о строгости въ законѣ, то не порицаю суда, а прославляю милосердіе евангельской благодати, потому что законъ неумолимо наказывалъ согрѣшающихъ, а благодать съ великимъ долготерпѣніемъ отлагаетъ казнь, чтобы привесть (согрѣшающаго) къ исправленію. Итакъ, братія, примемъ спасительное врачество покаянія, примемъ врачество, очищающее наши 328

328 грѣхи. Но истинное покаяніе не то, которое произносится лишь на словахъ, а то, которое утверждается дѣлами и, исходя изъ самаго сердца, истребляетъ скверну нечестія. *Измыйтеся*, сказано, (и) *чисти будите, отъимите лукавства отъ сердецъ вашихъ предъ очима моима* (Ис. I, 16). Что значитъ это излишество словъ въ выраженіи? Не достаточно ли было сказать: *отъимите лукавства отъ сердецъ вашихъ*, чтобы показать все? Почему же прибавлено: *предъ очима моима?* Потому, что иначе видятъ глаза людскіе, и иначе видитъ око Божіе. *Человѣкъ зритъ на лице, Богъ же зритъ на сердце* (I Цар. XVI, 7). Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаянія *предъ очима моима*, которыя испытываютъ тайники сердца.

4. Но и очистившись отъ грѣховъ, мы должны имѣть эти самые грѣхи предъ своими глазами. И если Богъ по Своему милосердію проститъ тебѣ грѣхъ, ты имѣй его предъ глазами ради безопасности своей души, потому что память о прежнихъ грѣхахъ предохраняетъ отъ будущихъ, и кто сокрушается о прежнихъ, тотъ остерегается отъ ихъ повторенія. Потому-то и Давидъ говоритъ: *и грѣхъ мой предо мною есть выну* (Пс. L, 5), чтобы, имѣя предъ глазами прежніе грѣхи, не впасть въ будущіе. А что Богъ требуетъ отъ насъ такого памятованія, послушай, какъ Самъ Онъ говоритъ: *Азъ есмь заглаждаяй* грѣхи *твоя*, и не *помяну. Ты же помяни и да судимся*, говоритъ Господь; *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 25, 26). Богъ не требуетъ для покаянія продолжительнаго срока: сказалъ твой грѣхъ— и ты оправданъ; покаялся—и помилованъ; не время оправдываетъ, а усердіе кающагося уничтожаетъ грѣхъ. Можетъ случиться, что и трудившійся много времени не достигнетъ спасенія, и въ короткое время искренно покаявшійся освободится отъ грѣха. Блаженный Самуилъ употребилъ много времени на молитву о Саулѣ и много ночей провелъ безъ сна, (молясь) о спасеніи согрѣшившаго, но Богъ, не взирая на время, потому что съ молитвой пророка не соединилось покаяніе согрѣшившаго, говоритъ Своему пророку: *доколѣ ты плачеши о Саулѣ; азъ же уничижихъ его* (1 Цар. XVI, 1). Слово: *доколѣ* означаетъ продолжительность (молитвы) и настойчивость молившагося. И Богъ пренебрегъ продолжительностью молитвы пророка, потому что съ ходатайствомъ праведника не соединилось покаяніе царя. Напротивъ, блаженному Давиду, который, получивъ отъ святого пророка Наѳана обличеніе грѣха, тотчасъ же вслѣдъ за угрозой обнаружилъ искреннее обращеніе и сказалъ: *согрѣшихъ ко Господу* (2 Цар. XII, 13),—одно это слово, въ одно мгновеніе произнесенное отъ чистаго сердца, тотчасъ же лишь только онъ покаялся, принесло всецѣлое спасеніе, потому что

за этимъ словомъ послѣдовало немедленное исправленіе. Поэтому Наѳанъ говоритъ ему: *и Господь отъя согрѣшеніе твое* (ст. 13).

Смотри же, какъ Богъ медлителенъ на наказаніе и скоръ на спасеніе. И подумай прежде всего, сколько времени милосердый (Богъ) отлагалъ обличеніе. Давидъ согрѣшилъ; жена понесла во чревѣ, и никакого обличенія въ грѣхѣ не послѣдовало; цѣлитель грѣха посылается послѣ того, какъ родился уже зачатый отъ грѣха младенецъ. Почему же Богъ не тотчасъ же привелъ къ 329
исправленію согрѣшившаго? Потому что зналъ Онъ, что въ увлеченіи грѣхомъ душа грѣшниковъ слѣпотствуетъ, что уши погруженныхъ въ глубь грѣха глухи; поэтому Онъ и медлитъ оказаніемъ помощи душѣ, въ которой пылаетъ страсть, и спустя такъ много времени даетъ обличеніе,—и въ одно мгновеніе совершается и покаяніе и прощеніе. *И Господь отъя согрѣшеніе твое.* О, домостроительство Божіе, приводящее ко спасенію угрозой! Видишь, какъ скоръ Богъ на спасеніе? Точно также поступаетъ Онъ и съ другими людьми, медля на погибель и ускоряя на спасеніе. У насъ, у людей,—употреблю такое сравненіе,—зданія строятся много времени, и простой домъ мы строимъ не мало времени; чтобы построить, требуется, такимъ образомъ, много времени, а чтобы разрушить—не много. А у Бога—наоборотъ. Когда Онъ устрояетъ, то строитъ скоро, а когда разрушаетъ, то разрушаетъ медленно. Скоръ Богъ на устроеніе, медленъ на разрушеніе, потому что Богу пристойно и то и другое; въ первомъ обнаруживается Его могущество, во второмъ—благость; по преизбытку могущества Онъ скоръ, по великой благости—медленъ. Слова наши подтверждаются самымъ дѣломъ. Въ шесть дней Богъ сотворилъ небо и землю, великія горы, равнины, скалы, долины, лѣса, травы, источники, рѣки, рай, все (словомъ) разнообразіе, поражающее глаза наши—это великое и широкое море, острова, приморскія и внутреннія страны; весь этотъ видимый міръ, со всей его красотой, Богъ сотворилъ въ шесть дней; и наполняющія этотъ міръ разумныя и неразумныя существа и весь видимый нами распорядокъ Онъ созидаетъ въ шесть дней. И этотъ Богъ, столь скорый въ созданіи (вселенной), по Своей благости оказался медлителенъ, когда захотѣлъ погубить одинъ городъ. Онъ хочетъ разрушить Іерихонъ и говоритъ Израилю: обходите его семь дней, и въ седьмой день падетъ стѣна (Іис. Нав. vi, 3—4). Ты созидаешь весь міръ въ шесть дней, и одинъ ли городъ разрушаешь въ семь дней? Что же препятствуетъ Твоему могуществу? Почему не вдругъ разрушаешь его? Не о Тебѣ ли восклицаетъ пророкъ: *аще отверзеши небо, трепетъ пріимутъ отъ Тебе горы, и растаютъ, яко воскъ отъ лица огня* (Ис. lxiv, 1, 2)? Не повѣдая ли о дѣлахъ

Твоей силы, говоритъ Давидъ: *не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морскія* (Пс. XLV, 3)? Ты можешь переставлять горы, ввергать ихъ въ море, а не хочешь (заразъ) разрушить одного непокорнаго города и назначаешь семь дней на его разореніе. Почему? Не потому, говоритъ, что могущество безсильно, а (потому, что) милосердіе долготерпѣливо. Дарую семь дней, какъ три дня Ниневіи; можетъ статься, что городъ приметъ проповѣдь покаянія и спасется. Но кто будетъ проповѣдывать имъ покаяніе? Враги облегали городъ, вождь окружалъ стѣны; великъ страхъ (въ городѣ), велико смятеніе! Какой же путь покаянія открылъ Ты имъ? Послалъ ли Ты пророка? Прислалъ ли благовѣстника? Былъ ли кто-нибудь у нихъ, кто внушилъ бы имъ полезное? Да, говоритъ, у нихъ былъ такой учитель покаянія— та дивная Раавъ, которую спасъ Я покаяніемъ. Она была изъ одного и того же рода; но такъ какъ она не была одинаковыхъ съ ними мыслей, то, не пріобщившись ихъ невѣрію, она не пріобщилась и грѣху ихъ.

5. И посмотри, какая необычная проповѣдь милосердія! Тотъ, который говоритъ въ законѣ: *не прелюбы сотвори*, не соблуди
330 (Исх. xx, 14), перемѣняя слово (закона) по милосердію, восклицаетъ чрезъ блаженнаго Іисуса: Раавъ блудница да будетъ жива (І. Нав. VI, 16). Этотъ Іисусъ, сынъ Навиновъ, говорящій: блудница да будетъ жива, былъ прообразомъ Господа Іисуса, Который говоритъ: *любодѣйцы и мытари* предварятъ *васъ въ царствіи* небесномъ (Мѳ. XXI, 31). Но если ей надлежитъ жить, то зачѣмъ она блудница? А если блудница, то для чего „да будетъ жива"? Я, говоритъ, указываю на прежнее ея состояніе, чтобы ты подивился происшедшей затѣмъ перемѣнѣ. Что̀ же такого, скажешь, сдѣлала Раавъ, что̀ принесло ей спасеніе? То ли, что приняла она съ миромъ соглядатаевъ? Такъ поступаетъ и (всякая) содержательница гостинницы. Не рѣчами одними только пріобрѣтаетъ она спасеніе, а предшествовавшею имъ вѣрою и любовью къ Богу. И чтобы тебѣ знать высоту ея вѣры, послушай, какъ само Писаніе повѣствуетъ и свидѣтельствуетъ о совершенныхъ ею добрыхъ дѣлахъ. Она жила въ непотребномъ домѣ, какъ драгоцѣнный камень, валяющійся въ грязи, какъ золото, затонувшее въ тинѣ, какъ цвѣтъ благочестія, заглушенный терніемъ; благочестивая душа была заключена въ злочестивомъ мѣстѣ. Обратите тщательное вниманіе на слова мои. Она приняла соглядатаевъ; и отъ Кого отрекся Израиль въ пустынѣ, Того Раавъ проповѣдала въ непотребномъ домѣ. Для чего упоминаю я объ Израилѣ въ пустынѣ? Когда гора исполнена была облакомъ, мракомъ, шумомъ трубъ, молніею и другими страшными явленіями, то изъ среды огня

Израиль услышалъ отъ Бога: *слыши Израилю: Господь Богъ* твой, *Господь единъ есть* (Втор. VI, 4), *да не будутъ тебѣ бози иніи* (Исх. XX, 3), Я *на небеси горѣ, и на земли долу, и нѣсть*, Богъ *развѣ* Меня (Втор. IV, 39). Израиль послѣ того, какъ выслушалъ это, слилъ тельца и отвергъ Бога; онъ забылъ Владыку, отвергнулъ Благодѣтеля и говоритъ Аарону: *сотвори намъ боги* (Исх. XXXII, 1). Если *боги*, то почему *сотвори*? Какъ могутъ быть богами, если ихъ можно сотворить? Такъ-то слѣпая страсть воюетъ сама съ собою и сама себя губитъ. Одинъ вылитъ телецъ, а неблагодарный Израиль восклицаетъ: *сіи бози твои, Израилю, иже изведоша тебя изъ земли египетскія* (Исх. XXXII, 4). *Сіи бози*: одного только видятъ тельца, одинъ созданный кумиръ, почему же (говорятъ) *сіи бози*? Этимъ народъ хотѣлъ показать, что онъ покланяется не тому только, что было предъ его взорами, а воображаетъ себѣ и многобожіе, высказываетъ свою мысль, а не просто разсуждаетъ о лежащемъ предъ глазами. Но возвратимся къ нашему предмету. Чтó слышалъ Израиль, ограждаемый столь многими чудесами, руководимый наставленіями закона, и отъ чего отвергся, то прославляетъ Раавъ, заключенная въ непотребномъ домѣ. Она говоритъ согладатаямъ: мы узнали, что сотворилъ Богъ вашъ египтянамъ. Іудей говоритъ: *сіи бози твои, иже изведоша тя изъ земли египетскія*, а блудница приписываетъ спасеніе не богамъ, а Богу: мы узнали, говоритъ она, чтó сотворилъ Богъ вашъ египтянамъ въ пустынѣ, услышали, и истаяло сердце наше и нѣтъ въ насъ силы (І. Нав. II, 9, 11). Узнали, чтó сотворилъ Богъ вашъ. Видишь, какъ она вѣрою воспринимаетъ слово Законодателя? Знаю, говоритъ она, *яко Богъ вашъ на небеси горѣ и на земли долу* и кромѣ Его нѣтъ Бога (ст. 11).

Раавъ прообразовала церковь, нѣкогда оскверненную демонскимъ блудодѣяніемъ, а нынѣ принявшую соглядатаевъ Христа—апостоловъ, посланныхъ не Іисусомъ Навиномъ, но Іисусомъ—истиннымъ Спасителемъ. *Вѣмъ*, говоритъ, *яко Богъ вашъ на небеси горѣ и на земли долу* и кромѣ Его нѣтъ Бога. Это (ученіе) приняли іудеи, и не сохранили; это (ученіе) услышала церковь, и вѣрно соблюла. Итакъ, всякой похвалы достойна Раавъ, про- 331
образовавшая собою церковь. Потому-то и доблестный Павелъ, уразумѣвъ достоинство ея вѣры и смотря на нее не какъ на отверженную по причинѣ прежняго состоянія ея, а какъ на угодную Богу по ея благочестивому обращенію, сопричисляетъ ее ко всѣмъ святымъ, и сказавъ: *вѣрою Авель принесе жертву* (Евр. XI, 4), вѣрою Авраамъ сдѣлалъ то-то и то-то, *вѣрою Ное сотвори ковчегъ* (ст. 7), вѣрою Моисей сдѣлалъ и совершилъ такія-то и такія-то дѣла и, упомянувъ по порядку многихъ святыхъ,

наконецъ присовокупилъ: *вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивльшимися, пріимши соглядателей, и инымъ путемъ изведши* (ст. 31). И посмотри, съ какою великою мудростью соединяетъ она свои добрыя чувства. Когда посланные царемъ сыскать соглядатаевъ говорятъ ей: „не вошли ли къ тебѣ мужи?"—она отвѣчаетъ имъ: „да, вошли". Сначала она утверждаетъ истину, чтобы присоединить затѣмъ ложь, потому что сама по себѣ одна ложь никогда не заслужитъ довѣрія, если не оградитъ себя напередъ истиной. Поэтому-то тѣ, кто желаетъ солгать убѣдительно, сначала говорятъ правду, и то, что извѣстно всѣмъ, а затѣмъ присоединяютъ уже ложное и сомнительное. „Вошли къ тебѣ соглядатели?" „Да", — говоритъ она. Если бы она сначала сказала „нѣтъ", то подала бы посланнымъ поводъ къ розыску. Но она говоритъ: вошли и вышли такимъ-то путемъ; *пожените и постигнете ихъ* (І. Нав. п, 5). О, прекрасная ложь! О, прекрасный обманъ, не предающій (на поруганіе) божественнаго, но сохраняющій благочестіе! Итакъ, если Раавъ покаяніемъ удостоилась такого спасенія, если она прославляется устами святыхъ, устами Іисуса Навина, возглашающаго въ пустынѣ: да жива будетъ Раавъ блудница, равно какъ и Павла, который говоритъ: *вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивльшимися*, то не тѣмъ ли больше получимъ спасеніе мы, если принесемъ покаяніе? Настоящая жизнь есть время покаянія; обременяющіе насъ грѣхи грозятъ намъ великой опасностью, если покаяніе не предотвратитъ наказанія. *Предварimъ лице Его во исповѣданіи* (Пс. xciv, 2), угасимъ пожаръ грѣховный, не изобильною водою, а малыми слезами. Великъ огонь грѣха, но угасаетъ отъ немногихъ слезъ, потому что слеза гаситъ пожаръ грѣховный и омываетъ зловоніе грѣха. Объ этомъ свидѣтельствуетъ блаженный Давидъ, когда онъ, указывая, какъ сильна слеза, говоритъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. vi, 7). Если бы онъ хотѣлъ означить только обиліе слезъ, то достаточно было бы сказать: *слезами моими постелю мою омочу;* для чего же онъ напередъ сказалъ: *измыю*? Для того, чтобы показать, что слезы омываютъ и очищаютъ отъ грѣховъ.

6. Грѣхи служатъ причиной всѣхъ несчастій; за грѣхи насылаются печали, за грѣхи безпокойства, за грѣхи войны, за грѣхи болѣзни и всѣ тяжкія страданія, какія только съ нами ни случаются. Подобно тому, какъ искусные врачи не довольствуются изслѣдованіемъ видимыхъ (признаковъ) болѣзней, а разыскиваютъ причину видимыхъ (ими болѣзней), такъ и Спаситель, желая показать, что грѣхъ служитъ причиной всѣхъ человѣческихъ бѣдствій, обращаясь къ разслабленному тѣломъ,—такъ какъ Цѣли-

тель душъ зналъ, что послѣдній сначала разслабѣлъ душой, а
затѣмъ уже и тѣломъ,—говоритъ ему: *се здравъ еси, ктому не
согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. v, 14): слѣдовательно,
причиной и предшествующей болѣзни былъ грѣхъ. Онъ служитъ
причиной наказанія, онъ причина печали, онъ бываетъ источни-
комъ и всякаго несчастія. Впрочемъ я дивлюсь тому, какъ Богъ, 332
опредѣлившій вначалѣ человѣку печаль (въ наказаніе) за грѣхъ,
нарушаетъ (новымъ) опредѣленіемъ (бывшее раньше) опредѣленіе
и уничтожаетъ (новымъ) осужденіемъ (прежде бывшее) осужденіе.
А какъ,—послушай. За грѣхъ дана была печаль, и печалью раз-
рушается грѣхъ. Тщательно внимай словамъ моимъ. Богъ, угро-
жая женѣ и налагая наказаніе за преступленіе, говоритъ ей: *въ
болѣзнехъ родиши чада* (Быт. III, 16), и этими словами показалъ,
что болѣзнь—плодъ грѣха. Но, о Великощедрый! То самое, что̀
далъ въ наказаніе, обратилъ (въ средство) къ спасенію. Грѣхъ
породилъ печаль, печаль истребила грѣхъ. Какъ червь, раждаясь
изъ дерева, губитъ самое дерево, такъ и печаль, рожденная
грѣхомъ, истребляетъ грѣхъ, когда сопровождается покаяніемъ.
Поэтому Павелъ и говоритъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе не-
раскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10). Прекрасна
печаль въ душахъ искренно кающихся; приличенъ грѣшникамъ
плачъ о грѣхахъ: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Мѳ.
v, 4); восплачь о грѣхѣ, чтобы тебѣ не восплакать о наказаніи;
оправдись предъ Судіею прежде, чѣмъ предстанешь предъ суди-
лищемъ. Или ты не знаешь, что всѣ, желающіе смягчить судію,
умоляютъ его не при самомъ разбирательствѣ дѣла, а умоляютъ
еще до прихода на судъ или чрезъ друзей, или чрезъ покро-
вителей, или какимъ-нибудь инымъ способомъ? То же слѣдуетъ
сказать и относительно Бога: во время суда нельзя уже склонить
Судію, до наступленія же суда можно умолить Его. Потому-то и
говорилъ Давидъ: *предварімъ лице Его во исповѣданіи* (Пс. XCIV, 2).
Тамъ Великаго Судію уже не прельститъ ораторское искусство,
не поколеблетъ могущество; Онъ ни на достоинства не взираетъ, ни
лица не стыдится, ни деньгами не подкупается, но страшно и
неумолимо Его правосудіе.

Итакъ, будемъ здѣсь смягчать и молить Судію; здѣсь станемъ
преклонять Его всѣми силами, но не деньгами; впрочемъ, если нужно
сказать правду, Человѣколюбецъ преклоняется и деньгами, которыя
принимаетъ Онъ не Самъ, а чрезъ бѣдныхъ. Дай нуждающемуся де-
негъ—и ты умолилъ Судію. Говорю это, заботясь о васъ, какъ
близкихъ друзьяхъ, потому что покаяніе безъ милостыни мертво
и лишено крыльевъ; не можетъ окрылиться покаяніе, не имѣя
крыла милостыни. Вотъ почему для Корнилія, чистосердечно по-

каявшагося, милостыня сдѣлалась крыломъ благочестія: *милостыни твоя*, говорится въ Писаніи, *и молитвы твоя взыдоша* на небо (Дѣян. x, 4), потому что, если бы покаяніе его не имѣло крыла милостыни, то не взошло бы на небо. Теперь (и намъ) отверзлось торжище милостыни: мы видимъ плѣнниковъ и нищихъ, видимъ бродящихъ на площади, видимъ вопіющихъ, видимъ плачущихъ, видимъ стонущихъ; дивное торжище предлежитъ намъ; цѣль же всякаго торжища и забота всякаго купца состоятъ не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ, чтобы за малую цѣну купить, что̀ продается, а продать за большую. Не въ этомъ ли цѣль всякаго купца? Не съ тѣмъ ли намѣреніемъ начинаютъ заниматься торговлей, чтобы за дорогую цѣну продать дешево купленное, и такимъ образомъ получить во много разъ бо̀льшіе барыши? Такое-то торжище предложилъ намъ и Богъ; пріобрѣти оправданіе не дорогою цѣною,
333 чтобы за дорогую продать его впослѣдствіи, если только воздаяніе можно назвать перепродажею. Здѣсь оправданіе покупается недорогою цѣной: ничего не стоющимъ кускомъ хлѣба, дешевой одеждой, чашей холодной воды: *иже напоитъ чашею студены воды, аминь глаголю вамъ*, говоритъ Учитель духовной купли, *не погубитъ мзды своея* (Матѳ. x, 42). За чашу студеной воды есть награда, а за одежды и деньги, подаваемыя съ цѣлью благодѣянія, не будетъ награды? Наоборотъ, даже великая награда. Итакъ, для чего упомянулъ Онъ о чашѣ студеной воды? Онъ хотѣлъ этимъ указать на милостыню, не требующую никакихъ издержекъ. На студеную воду ты не тратишь ни дровъ, не иждиваешь и ничего другого. Если же такъ высоко цѣнится милость благодѣянія тамъ, гдѣ подаяніе чуждо издержекъ, то какого воздаянія слѣдуетъ ожидать отъ праведнаго Судіи въ томъ случаѣ, когда снабжаютъ (бѣдныхъ) одеждами, раздаютъ деньги и обильно надѣляютъ прочими благами? Итакъ, доколѣ будутъ лежать предъ нами добродѣтели, которыя можно пріобрѣсти недорогою цѣною, возьмемъ ихъ, восхитимъ, купимъ у Великощедраго. *Жаждущіи*, говоритъ Писаніе, *идите на воду, и елицы не имате сребра, шедше купите* (Ис. LV, 1). Доколѣ предлежитъ торгъ, купимъ милостыню, лучше же сказать— милостынею купимъ спасеніе. Ты одѣваешь Христа, когда одѣваешь нищаго. Это, скажешь, я знаю прекрасно и твердо; это я и раньше зналъ, не ты первый учишь, не отъ тебя отъ перваго слышу это; не необычное ты проповѣдуешь, а чему часто учили насъ многіе изъ присутствующихъ. Знаю и самъ я, знаю, что васъ часто наставляли въ этихъ и подобныхъ истинахъ; но, о если бы мы, часто обучаясь имъ, хотя немного сдѣлали хорошаго! *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17). Дадимъ взаймы Богу милостыню, чтобы воспринять отъ Него милосердое воздаяніе. О,

сколь мудро это изреченіе: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови!* Почему не сказано: *милуяй нища* даетъ Богу, а: *взаимъ даетъ*? Знало Писаніе наше корыстолюбіе, примѣтило, что алчность наша, питаемая любостяжаніемъ, ищетъ излишества; для того и сказало оно не просто: *милуяй нищаго* даетъ Богу, дабы ты не подумалъ, что дѣло идетъ о простомъ возмездіи, но сказано: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови*. Если Богъ беретъ у насъ взаймы, то Онъ уже нашъ должникъ. Итакъ, какимъ же хочешь ты имѣть Его—судіею, или должникомъ? Должникъ чтитъ дающаго взаймы, судья же не щадитъ получающаго взаймы.

7. Необходимо разсмотрѣть еще и другую причину, почему Богъ сказалъ, что подающій бѣдняку даетъ взаймы Мнѣ. Такъ какъ Онъ зналъ, что наше любостяжаніе стремится къ прибытку, какъ я сказалъ раньше, и что имѣющій деньги ни въ какомъ случаѣ не захочетъ дать взаймы безъ ручательства, потому что заимодавецъ требуетъ или залога, или обезпеченія, или поручителя, и подъ этими тремя ручательствами ввѣряетъ свои деньги, т. е. когда, какъ выше сказано, или возьметъ поручительство, или залогъ, или обезпеченіе; такъ какъ зналъ Богъ, что безъ такихъ ручательствъ никто не даетъ взаймы, что всякій руководится не человѣколюбіемъ, а взираетъ на одну только прибыль, между тѣмъ бѣднякъ лишенъ подобнаго рода ручательствъ, потому что не имѣетъ ни залога,—ибо ничѣмъ не владѣетъ,—ни обезпеченія,—ибо нагъ,—ни поручителя,—ибо по бѣдности ему не довѣряютъ; такъ какъ зналъ Богъ, что бѣднякъ подвергается опасности по своей бѣдности, а имѣющій деньги подвергается опасности за свое жестокосердіе, то сдѣлалъ Себя посредникомъ (между тѣмъ и другимъ), для бѣдняка сталъ поручителемъ, а для заимодавца залогомъ. Не вѣришь ты, говоритъ Онъ, бѣдняку ради его скудости, повѣрь Мнѣ ради моего богатства. Увидѣлъ бѣднаго—и оказалъ сожалѣніе, увидѣлъ бѣднаго—и не презрѣлъ, но Себя Самого далъ порукою за неимущаго и по Своей великой благости 334
пришелъ на помощь нуждающемуся, о каковомъ Его милосердіи свидѣтельствуетъ блаженный Давидъ, говоря: *яко предста одесную убогаго* (Пс. сvііі, 31). *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови.* (Притч. xix, 17). Будь, говоритъ, благонадеженъ: Мнѣ взаймы даешь. Что́ же такое пріобрѣту я, если даю Тебѣ взаймы? Поистинѣ, преступнѣйшее дѣло—требовать отчета отъ Бога. Впрочемъ, снисходя твоему беззаконію и желая милосердіемъ побѣдить твою жестокость, изслѣдуемъ и это. Какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другимъ? Какого прибытка ищешь ты отъ нихъ? Не на сто ли ищешь одинъ, если ищешь законной лихвы; а если обогащаешься, увлекаясь своей алчностью, то со-

берешь двойной или тройной неправедный плодъ. Но я награждаю бóльшимъ твою страсть къ любостяжанію; иду дальше твоихъ ненасытимыхъ желаній; богатствомъ моимъ покрываю твои безмѣрныя стремленія. Ты ищешь въ сто разъ меньшаго, а Я даю тебѣ въ сто разъ большее. Итакъ, Ты заимствуешь, Господи, Ты берешь здѣсь отъ меня взаймы милостыню, подаваемую нищему, чтобы нѣкогда мнѣ воздать ее? Тогда я ищу договора и желаю утвердить взаимныя условія; объяви мнѣ время уплаты, назначь опредѣленный срокъ, когда я получу обратно долгъ. Совершенно излишни такія условія. *Вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ своихъ* (Пс. CXLIV, 13). Но такъ какъ честный должникъ обыкновенно опредѣляетъ срокъ и назначаетъ день (уплаты), то послушай, когда и гдѣ воздастъ тебѣ долгъ Тотъ, Кто взялъ у тебя взаймы чрезъ нищаго. Когда *сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своея, и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю, и речетъ сущимъ одесную Его* (здѣсь обрати вниманіе, какъ честно поступаетъ должникъ по отношенію къ заимодавцу, съ какою великою благодарностью воздаетъ взявшій взаймы): *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. За что? За то, что *взалкахся, и дасте Ми ясти;*
335 *возжадахся, и напоисте Мя; нагъ* былъ, *и одѣясте Мя; въ темницѣ, и пріидосте ко Мнѣ; боленъ* былъ, *и посѣтисте Мене; страненъ бѣхъ, и введосте Мене* (Матѳ. XXV, 31, 33—36). Тогда хорошо послужившіе въ этой жизни, взирая на собственную немощь и на достоинство взявшаго взаймы, говорятъ: *Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща и напитахомъ; или жаждуща, и напоихомъ* (ст. 37) Тебя, на Котораго *очи всѣхъ уповаютъ, и Ты даеши имъ пищу* въ изобиліи (Пс. CXLIV, 15)? О, великая благость! Онъ скрываетъ Свое величіе ради милосердія. *Взалкахся бо, и дасте Ми ясти*. О, великая благость! О, безмѣрная милость! *Даяй пищу всякой плоти* (Пс. CXXXV, 25), отверзающій руки Свои и исполняющій *всякое животно благоволенія* (Пс. CXLIV, 16), алкалъ, говоритъ, и *дасте Ми ясти*, не по униженію Своего достоинства, а по человѣколюбію Своему, ставшему порукой за бѣдныхъ. *Возжадахся, и напоисте Мя*. Кто говоритъ это? Тотъ, Кто вливаетъ водное естество въ озера, рѣки и источники, Тотъ, Кто говоритъ въ Евангеліи: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 38), Тотъ, Кто сказалъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* (ст. 37). Но говоритъ еще: *нагъ* былъ, *и одѣясте Мя*. Мы одѣли Того, Кто одѣваетъ небо облаками, Кто облекаетъ всю церковь и вселенную. *Елицы бо*, говорится въ Писаніи, *во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). *Въ темницѣ* былъ. Ты ли въ темницѣ, изводящій *око-*

ванныя (Пс. LXVII, 7)? Изъясни, что̀ говоришь, потому что величіе отрицаетъ говоримое Тобою. Когда видѣли мы Тебя въ такой нуждѣ? Когда сдѣлали это? *Понеже*, отвѣчаетъ Онъ, *единому сихъ меньшихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе* (ст. 40). Не истинно ли изреченіе: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови?* И вотъ что, замѣть, удивительно: ни о какой другой добродѣтели не упоминаетъ Онъ, кромѣ дѣлъ милостыни, хотя и могъ сказать: *пріидите благословеннiи*, потому что вы цѣломудренно жили, потому что сохранили дѣвство, избрали евангельское житіе, но умалчиваетъ объ этомъ, не потому, чтобы недостойно было упоминанія, а потому, что эти добродѣтели ниже милосердія. Но какъ этимъ, стоящимъ одесную, Онъ назначилъ царство, дарованное за милосердіе, такъ, наоборотъ, стоящимъ съ лѣвой стороны грозно изрекъ наказаніе за непринесеніе плода (милостыни). *Идите проклятіи* въ мракъ кромѣшній, *уготованный діаволу и аггеломъ его* (ст. 41). Почему? За что? За то, что алкалъ, *и не дасте Ми ясти* (ст. 42) Не сказалъ: за то, что блудодѣйствовали, прелюбодѣйствовали, за то, что воровали, лжесвидѣтельствовали, за то, что нарушили клятву; нѣтъ сомнѣнія, и это—пороки, но болѣе простительные, чѣмъ безчеловѣчіе и немилосердіе. Почему, Господи, не упоминаешь Ты о другихъ грѣхахъ? Не сужу, говоритъ, грѣхъ, но жестокость; не сужу согрѣшившихъ, но непокаявшихся. За жестокосердіе осуждаю васъ, за то, что, имѣя такое великое и сильное врачество къ спасенію—милостыню, которою заглаждаются всѣ грѣхи, вы презрѣли такое благодѣяніе. Итакъ я поношу жестокосердіе, какъ корень зла и всякаго нечестія; хвалю (напротивъ) милосердіе, какъ корень всѣхъ благъ,—и однимъ угрожаю огнемъ вѣчнымъ, а другимъ обѣщаю царство небесное. Хороши, Владыка, и обѣтованія Твои, прекрасно и Твое ожидаемое царство, равно полезна и геенна, которою Ты угрожаешь; одно—потому что поощряетъ насъ, другая—потому 336
что устрашаетъ. Прекрасно поощряетъ царство, а геенна къ пользѣ устрашаетъ, потому что Богъ грозитъ геенной не потому, чтобы желалъ ввергнуть въ геенну, а чтобы избавить насъ отъ геенны: если бы Онъ хотѣлъ наказать, то не грозилъ бы напередъ, чтобы мы не предостереглись и не избѣжали угрозы. Богъ угрожаетъ мщеніемъ, чтобы мы избѣжали дѣйствительнаго мщенія; устрашаетъ словомъ, чтобы не наказать самымъ дѣломъ. Итакъ, дадимъ Богу взаймы милосердіе. Дадимъ взаймы, чтобы, какъ я сказалъ раньше, обрѣсти Его должникомъ, а не судіей, потому что должникъ стыдится заимодавца, стыдится—и оказываетъ ему почтеніе. Если заимодавецъ придетъ къ дверямъ должника, то послѣдній убѣгаетъ, если не имѣетъ средствъ (къ уплатѣ), а если имѣетъ, смѣло принимаетъ его. Обрати вниманіе еще и на нѣчто

другое, что заставляетъ удивляться Праведному Судіи, если сравнить это съ образомъ поведенія людей. Если ты дашь взаймы какому-нибудь бѣдняку, а должникъ впослѣдствіи разбогатѣетъ и окажется наконецъ въ силахъ уплатить долгъ, тогда онъ отдаетъ его, таясь отъ людей, чтобы не испытывать стыда за прежнее свое состояніе, и выражаетъ (заимодавцу) благодарность, а благодѣяніе его скрываетъ, стыдясь прежней нужды. Богъ же поступаетъ не такъ: Онъ тайно беретъ взаймы, а возвращаетъ долгъ явно, потому что когда Онъ получаетъ заемъ, то получаетъ его чрезъ тайную милостыню, а когда отдаетъ, то отдаетъ предъ взорами всей твари. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: почему же Богъ точно такъ же, какъ Онъ даровалъ мнѣ—богатому, не далъ и бѣдному? Конечно, Онъ могъ дать одинáково и тебѣ, и убóгому; но не пожелалъ Онъ, чтобы и твое богатство было безплодно, и его бѣдность оставалась безъ награды. Тебѣ—богатому Онъ повелѣлъ богатѣть милостыней и расточать въ правдѣ, ибо *расточи*, сказано, *даде убогимъ: правда Его пребываетъ во вѣкъ* (Пс. сxі, 9). Видишь, что богатый посредствомъ милостыни собираетъ себѣ правду вѣчную? Разсуди опять и о бѣдномъ: у него нѣтъ богатства, которымъ онъ могъ бы заслужить правду; но зато у него есть бѣдность, которою онъ пріобрѣтаетъ терпѣніе вѣчное, ибо *терпѣніе убогихъ не погибнетъ* во вѣкъ (Пс. іх, 19) о Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВОСЬМАЯ.

О покаяніи.

335 Хотя вчера я отлучился отъ васъ, но не по своей волѣ, а по необходимости; отлучился отъ васъ тѣломъ, но не сердцемъ, отлучился плотью, но не мыслью, потому что я, насколько было силъ моихъ, обнималъ всѣхъ васъ и носилъ въ своей памяти. И вотъ опять, братія, лишь только временная эта болѣзнь оставила меня, я какъ можно скорѣе поспѣшилъ увидѣть лице ваше, и съ остатками еще недуга побѣжалъ къ вашей любви. Больные, излѣчившись отъ недуга, спѣшатъ въ купальни и бани, а я счелъ достойнымъ посмотрѣть вожделѣнныя лица ваши и удовлетворить, по долгу моему, вашему желанію слушать меня,—пожелалъ увидѣть это великое море, въ которомъ нѣтъ соли, море, не вздымаемое волнами; пришелъ я посмотрѣть вашу очищенную
336 ниву. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, такая пристань, какъ церковь? Гдѣ такой рай, какъ наше собраніе? Нѣтъ здѣсь змѣя — навѣтника, но Христосъ, открывающій тайны. Нѣтъ Евы, виновницы паденія, но церковь — возстановительница падшаго. Нѣтъ здѣсь листовъ

древесныхъ, но плодъ духовный. Нѣтъ здѣсь ограды терновой, но лоза плодовитая. А если я найду здѣсь терновникъ, то превращу его въ маслину, потому что тò, чтò бываетъ здѣсь, зависитъ не отъ недостатка природы, а отъ свободнаго произволенія. Если же увижу я волка, сдѣлаю его овцою, не чрезъ измѣненіе самой природы, а перемѣной его воли.

Поэтому не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы церковь лучшею ковчега, потому что ковчегъ принималъ животныхъ и сохранялъ ихъ такими же животными, а церковь принимаетъ животныхъ и премѣняетъ ихъ. Напримѣръ, вошелъ туда ястребъ—и вышелъ онъ (оттуда) ястребомъ, вошелъ волкъ—волкомъ и вышелъ; а здѣсь кто входитъ ястребомъ, выходитъ голубемъ, входитъ волкъ—выходитъ овца; входитъ змѣя, и выходитъ ягненокъ, не 337
потому, что перемѣняется природа, а оттого, что зло изгоняется. Вотъ почему я не перестаю говорить вамъ о покаяніи, потому что покаяніе, тягостное и страшное для грѣшника, есть врачество грѣховъ, средство, истребляющее беззаконія, иждивеніе слезъ, дерзновеніе къ Богу, оружіе на діавола, мечъ, отсѣкающій его голову, надежда на спасеніе, устраненіе отчаянія; оно отверзаетъ человѣку небо, оно возводитъ его въ рай, оно побѣждаетъ діавола. Вотъ почему не перестаю бесѣдовать о покаяніи, вселяющемъ въ насъ смѣлую надежду на побѣду (надъ врагомъ). Ты грѣшникъ? Не отчаивайся; не перестану укрѣплять васъ этими лѣкарствами, потому что знаю я, каково это оружіе противъ діавола—не предаваться намъ отчаянію. Если у тебя есть грѣхи, не отчаивайся,—не перестану постоянно повторять это,—и если каждый день согрѣшаешь, каждый день кайся. Подобно тому какъ въ обветшавшихъ домахъ, когда они сгніютъ, мы удаляемъ сгнившія части и замѣняемъ новыми, и никогда не покидаемъ подобныхъ заботъ, такъ точно и ты: обветшалъ сегодня отъ грѣха? Обнови себя покаяніемъ. Можно ли, скажешь, спастись покаявшемуся? Вполнѣ возможно. Хотя бы я всю жизнь провелъ въ грѣхахъ, но если покаюсь, спасусь? Конечно. Чѣмъ это можетъ быть доказано? Милосердіемъ твоего Владыки. Развѣ я надѣюсь на твое покаяніе? Развѣ твое покаяніе можетъ въ самомъ дѣлѣ очистить такія скверны? Если бы одно только покаяніе было, тебѣ дѣйствительно слѣдовало бы бояться; но такъ какъ съ покаяніемъ соединяется Божіе милосердіе, а для божественнаго милосердія мѣры нѣтъ и нельзя изречь словомъ Его благости,—твоя злоба имѣетъ мѣру, а у врачества нѣтъ мѣры; твоя злоба, какова бы ни была, есть злоба человѣческая, а человѣколюбіе Божіе неизреченно,—то надѣйся, что оно преодолѣетъ твою злобу. Подумай, можетъ ли упавшая въ море искра свѣтиться? Какъ мала искра

въ отношеніи къ морю, такъ ничтоженъ и грѣхъ въ отношеніи къ милосердію Божію, да и не такъ, а въ гораздо сильнѣйшей степени, потому что море, какъ бы оно велико ни было, все же имѣетъ предѣлы, а Божіе милосердіе безгранично.

Говорю это не съ той цѣлью, чтобы сдѣлать васъ нерадивыми, но чтобы внушить вамъ больше ревности. Часто убѣждалъ я не ходить въ театръ. Ты слышалъ, но не повиновался, ходилъ въ театръ, не послушалъ моего слова; не стыдись опять придти (сюда) и слушать. Слышалъ, скажешь ты, и не исполнилъ: какъ могу придти (сюда) опять? Но ты по крайней мѣрѣ ужъ сознаешь, что не исполнилъ; ты уже стыдишься; тебѣ совѣстно; ты безъ всякаго обличителя налагаешь уже на себя узду; слово мое уже вкоренилось въ тебѣ, поученіе мое исправляетъ тебя даже безъ моего присутствія. Ты не соблюлъ (сказаннаго), но ты осудилъ себя и тѣмъ наполовину уже соблюлъ; хоть ты и не соблюлъ, однако признался (по крайней мѣрѣ), что не соблюлъ. Кто осуждаетъ самъ себя за неисполненіе, тотъ стремится уже къ выполненію. Ты былъ на зрѣлищѣ? Совершилъ преступленіе? Сталъ плѣнникомъ блудницы? Но вышедши изъ театра, ты опять
338 опамятовался и почувствовалъ стыдъ? Приди. Ты опечалился? Помолись Богу: ты не далекъ уже отъ исправленія. Горе мнѣ, скажешь, — слышалъ я, и не исполнилъ: какъ войду въ церковь? Какъ стану опять слушать? Но тогда-то, напротивъ, и войди сюда, когда не соблюлъ, чтобы опять выслушать и исполнить. Если врачъ приложитъ тебѣ пластырь, но не вылѣчитъ тебя, то не прикладываетъ ли его опять на другой день? Когда дровосѣкъ, желая срубить дубъ, беретъ топоръ, рубитъ корень, то если съ одного удара не упадетъ безплодное дерево, не наноситъ ли онъ второго удара, четвертаго, пятаго, десятаго? Такъ и ты дѣлай. Блудница тотъ же дубъ, безплодное дерево, произращающее желуди — пищу безсловесныхъ свиней; она издавна укоренилась въ сердцѣ твоемъ, въ деревянной оградѣ заключила твою совѣсть. Слово мое тотъ же топоръ. Ты слушалъ его одинъ день; какъ же въ одинъ день упадетъ то, что вкоренилось издавна? Если и дважды услышишь, если и трижды, если и сто, и тысячу разъ, не будетъ удивительно; только вырви застарѣлый порокъ, дурную привычку. Манну вкушали іудеи и требовали египетскаго луку, говоря: хорошо было намъ въ Египтѣ. Такъ гнусна и зловредна привычка. И хотя бы ты десять дней пожилъ добродѣтельно; хотя бы сто, триста дней, я не буду еще доволенъ, и стану благодарить и обнимать тебя; я хочу только одного,— чтобы ты не ослабѣвалъ, а стыдился бы и осуждалъ себя.

2. Опять, бесѣдовалъ я о любви; ты выслушалъ, ушелъ и

ограбилъ? Дѣлами ты не оправдалъ наставленія? Не стыдись вновь придти въ церковь. Стыдись грѣшить, но не стыдись каяться. Смотри, что̀ сдѣлалъ тебѣ діаволъ. О двухъ вещахъ слѣдуетъ разсудить: о грѣхѣ и покаяніи. Грѣхъ есть рана, покаяніе—врачество. Что̀ для тѣла раны и лѣкарства, то для души грѣхи и покаяніе. Но грѣхъ сопровождается стыдомъ, а покаяніе даетъ дерзновеніе. Обрати тщательное вниманіе, умоляю тебя, на слова мои,—чтобы тебѣ не смѣшивать предметовъ, и не лишиться пользы (отъ моего наставленія). Язва и врачество, грѣхъ и покаяніе. Язва—грѣхъ; врачество—покаяніе. Въ язвѣ—гной; въ лѣкарствѣ—очищеніе гноя. Во грѣхѣ—гной, во грѣхѣ—поношеніе, во грѣхѣ—посмѣяніе; въ покаяніи—дерзновеніе, въ покаяніи—свобода, въ покаяніи—очищеніе грѣховъ. Обрати тщательное вниманіе. За грѣхомъ слѣдуетъ стыдъ; покаяніе сопровождается дерзновеніемъ. Уразумѣлъ, что̀ говорю я? Сатана извратилъ естественный порядокъ: грѣху онъ далъ дерзость, а покаянію—стыдъ. Не отстану до вечера (объяснять это), до тѣхъ поръ пока не разрѣшу (того, о чемъ началъ говорить). Я долженъ исполнить обѣщаніе и не могу отступить. Есть язва и лѣкарство. Въ язвѣ гной; лѣкарство обладаетъ силой очищать гной. Въ лѣкарствѣ ли гной? Въ язвѣ ли цѣлительная сила? Не имѣютъ ли и то и другое своего собственнаго свойства. Можетъ ли сообщиться первое послѣднему, или послѣднее первому? Ни въ какомъ случаѣ. Перейдемъ къ душѣ, отягченной грѣхами. Грѣхъ имѣетъ своимъ удѣломъ поношеніе и безчестіе; покаяніе сопровождается смѣлой надеждой, покаяніе соединено съ постомъ, покаяніе даетъ оправданіе. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). *Праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Притч. XVIII, 17). Итакъ 339
сатана, зная, что за грѣхомъ слѣдуетъ стыдъ, который легко можетъ отвратить отъ него согрѣшающаго, а покаяніе сопровождается дерзновеніемъ, которое въ силахъ привлечь кающагося, извратилъ естественный порядокъ, и стыдъ отдалъ покаянію, а дерзновеніе—грѣху. Какимъ же это образомъ? А вотъ какъ: плѣняется ктонибудь безумной страстью къ всенародной блудницѣ; слѣдуетъ онъ за блудницей какъ плѣнникъ, входитъ въ ея жилище, и не стыдясь, не краснѣя, отдается блудницѣ, совершаетъ грѣхъ, и нѣтъ у него ни стыда, ни стѣсненія. По окончаніи грѣха онъ выходитъ оттуда и стыдится покаяться. Несчастный! Когда отдавался блудницѣ, тогда тебѣ не было стыдно, а когда пришелъ каяться, тогда стыдишься? О чемъ о̀нъ, скажи мнѣ, стыдится теперь, если не стыдился, когда предавался блуду? Дѣлаетъ (постыдное) дѣло, и не стыдится, а слова стыдится? Злодѣйство діавола это. Въ грѣхѣ онъ не допускаетъ ему стыдиться, а всенародно дозволяетъ

ему безчестить себя, потому что знаетъ, что если грѣшникъ почувствуетъ стыдъ, то убѣжитъ отъ грѣха; въ покаяніи (напротивъ) заставляетъ его стыдиться, зная, что стыдящійся не покается. Два зла учиняетъ онъ: вовлекаетъ въ грѣхъ и удерживаетъ отъ покаянія. Въ чемъ же стыдъ, наконецъ? Когда предаешься блуду,— не стыдишься, а когда принимаешь врачество,—стыдишься? Тебѣ стыдно, когда освобождаешься отъ грѣха? Тогда надлежало тебѣ стыдиться, тогда долженъ былъ чувствовать стыдъ, когда грѣшилъ. Когда былъ грѣшникомъ,—не стыдился, когда же сталъ праведникомъ,—стыдишься? *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). О, милосердіе Владыки! Не сказалъ, „чтобы не быть наказаннымъ", но: *да оправдишися.* Неужели для него не достаточно, что Ты не наказываешь его, а еще дѣлаешь праведнымъ? Подлинно такъ. Но обрати тщательное вниманіе на изреченіе. Праведникомъ, говоритъ, сдѣлаю его. Гдѣ же сдѣлалъ это Богъ? Когда Онъ спасъ разбойника за то лишь, что тотъ сказалъ другому: *ни ли ты боишися Бога, и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева,* Спаситель говоритъ ему: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 41, 43). Не сказалъ: освобождаю тебя отъ наказанія и муки, но вводитъ его оправданнымъ въ рай.

Видишь, какъ онъ чрезъ исповѣданіе сталъ праведникомъ? Многомилосердъ Богъ! Онъ Сына не пощадилъ, чтобы пощадить раба; предалъ Единороднаго, чтобы искупить неблагодарныхъ рабовъ; кровь Сына Своего положилъ вмѣсто цѣны. О, человѣколюбіе Владыки! И не повторяй мнѣ опять: много согрѣшилъ я,—какъ я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой можетъ, и такъ, что изгладитъ грѣхи. Тщательно внимай слову. Изглаждаетъ Онъ такъ грѣхи, что не остается даже и слѣда ихъ. На тѣлахъ это невозможно: какъ бы много ни старался врачъ, сколько бы снадобій ни прикладывалъ къ ранѣ,—только рана скроется; и часто случается, что кто-нибудь получитъ ударъ по лицу и залѣчитъ рану, а шрамъ остается и безобразіемъ лица указываетъ на бывшую рану. Врачъ старается всевозможными средствами уничтожить и шрамъ, но оказывается не въ силахъ, потому что ему противится и слабость
340 природы, и безсиліе искусства, и ничтожество лѣкарствъ. Когда же Богъ изглаждаетъ грѣхи, то не оставляетъ ни шрама, не попускаетъ остаться и слѣду, но вмѣстѣ съ здоровьемъ даруетъ и благообразіе, вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ наказанія даетъ и оправданіе и дѣлаетъ согрѣшившаго равнымъ несогрѣшившему. Онъ уничтожаетъ грѣхъ, и обращаетъ его ни во что, какъ будто его и не было; такъ Онъ истребляетъ его, (что не остается) ни шрама, ни слѣда, ни примѣты, ни знака.

3. Но откуда видно это? Я долженъ представить и доказатель-

ство тому, о чемъ говорю, но не отъ собственныхъ домысловъ, а отъ Писаній дать подтвержденіе, чтобы свидѣтельство было вполнѣ надежно. Приведу вамъ (въ качествѣ доказательства) людей, покрытыхъ ранами, цѣлый народъ, исполненный язвами, гноемъ, червями (до того, что онъ) весь — рана, весь — язва, и однако можетъ такъ излѣчиться, что не останется ни шрама, ни слѣда, ни знака; приведу людей, которые имѣютъ не одну рану, не двѣ, не три, не четыре, а въ ранахъ съ ногъ до головы. Прилежно внимай словамъ моимъ, потому что всѣхъ касается это наше спасительное слово. Я приготовляю лѣкарства лучшія, чѣмъ (готовятъ) врачи, такія, какихъ не могутъ приготовить и цари. Чтò можетъ царь? Выпустить можетъ изъ темницы, но освободить отъ геенны не въ силахъ; можетъ дать денегъ, а души спасти не въ состояніи. Я вручаю васъ покровительству покаянія, чтобы вы узнали его могущество, чтобы узнали его силу, чтобы узнали, что грѣхъ не можетъ побѣдить его и что нѣтъ грѣха, который въ силахъ былъ бы преодолѣть его могущество. Приведу не одного, не двоихъ, не троихъ, а тысячи людей, покрытыхъ струпами, язвами, зараженныхъ безчисленными грѣхами, которые такъ могли спастись покаяніемъ, что не осталось ни слѣда, ни знака прежнихъ язвъ. Но усердно внимайте словамъ, да и не только внимайте, а и запоминайте то, что будетъ сказано, чтобы вы могли наставить и отсутствующихъ, и такимъ образомъ возжечь ревность тѣхъ, которые лишены пользы нынѣшняго слова. Итакъ, пусть предстанетъ Исаія, зрѣвшій серафимовъ, слышавшій ихъ таинственную пѣснь, и прорекшій много о Христѣ. Спросимъ, чтò говоритъ онъ. *Видѣніе, еже видѣ Исаіа на Іудею и на Іерусалимъ* (Ис. I, 1). Скажи видѣніе, какое видѣлъ ты, скажи мнѣ. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола* (ст. 2). Иное ты обѣщалъ, и иное говоришь. Чтò же иное обѣщалъ я? Ты начинаешь словами: *Видѣніе на Іудею и на Іерусалимъ*, а потомъ, оставивъ Іудею и Іерусалимъ, бесѣдуешь съ небомъ и обращаешь слово къ землѣ, оставивъ же и словесныхъ людей, бесѣдуешь съ безсловесными стихіями? Это потому, что словесные стали неразумнѣе безсловесныхъ. И не только поэтому, но подобно тому, какъ Моисей, намѣреваясь ввести іудеевъ въ землю обѣтованія и предвидя будущее, — что они пренебрегутъ дарованными имъ благами, — говоритъ: слыши небо, и да внушитъ *земля глаголы устъ моихъ* (Вт. XXXII, 1), засвидѣтельствую вамъ, іудеи, небомъ и землею, говоритъ Моисей, что если войдете въ обѣтованную землю и оставите Господа Бога, то разсѣяны будете по всѣмъ народамъ; такъ и Исаія, когда (при немъ) угроза готова была исполниться на дѣлѣ, не могъ призвать въ свидѣтели умершаго уже Моисея и тѣхъ, кто слышалъ его

и давно скончался, почему и призываетъ свидѣтелями тѣ самыя
341 стихіи, которыми свидѣтельствовалъ Моисей. Вотъ вы отпали отъ обѣтованія; вотъ вы оставили Бога: какъ поставлю въ свидѣтели тебя, Моисей? Ты умеръ и скончался. Какъ призову Аарона? И онъ предался смерти. Не можешь поставить меня въ свидѣтели? Призови стихіи, потому что и я при своей жизни не свидѣтельствовалъ ни самимъ Аарономъ, ни кѣмъ другимъ, потому именно, что они должны были скончаться, а пребывающими стихіями засвидѣтельствовалъ вамъ,—небомъ и землею. Итакъ, Исаія говоритъ: *слыши небо и внуши земле*. Васъ повелѣлъ призвать сегодня въ свидѣтели Моисей. Но не поэтому только призываетъ онъ эти стихіи, а и потому еще, что онъ говорилъ къ іудеямъ. *Слыши небо*, потому что ты одождило манну; *внуши земле*, потому что ты дала перепеловъ. *Слыши небо*, слышь, потому что ты одождило манну, ты явило сверхъестественное,—вверху было и гумну уподобилось. *Внуши земле*, потому что ты была долу, и устроила трапезу безъ предуготовленій. Бездѣйствовала природа, но дѣйствовала благодать. Не трудились волы, но произрасталъ колосъ; не было ни рукъ поварскихъ, ни приказанія, но манна, освященный источникъ, служила имъ вмѣсто всего. Природа забыла о своей немощи. Какъ не изнашивались одежды ихъ? Какъ не ветшала обувь ихъ? Все готово было къ ихъ услугамъ. *Слыши небо, и внуши земле*. Не смотря на всѣ удостовѣренія (Бож. покровительства) и явныя благодѣянія, Владыка терпитъ оскорбленіе. Къ кому обращу слово, какъ не къ вамъ? Человѣка не имѣю, который послушалъ бы (меня). Вотъ я пришелъ, и нѣтъ человѣка; говорилъ, и не было слушающаго. Съ неразумными бесѣдую, потому что разумные пали ниже неразумныхъ. Поэтому и другой пророкъ, видя, какъ безумствуетъ царь, какъ почитается кумиръ, а Богъ предается безчестію, и всѣ одержимы страхомъ, говоритъ: послушай, алтарь, послушай меня (3 Цар. XIII, 2). Ты говоришь съ камнемъ? Да, потому что царь безчувственнѣе камня. Послушай меня, алтарь, послушай: *сице глаголетъ Господь*, и тотчасъ же алтарь разсѣлся (ст. 5). Камень послушалъ, камень распался и пролилъ жертву. Какъ же не услышалъ человѣкъ? Онъ простеръ руку свою, чтобы схватить пророка. Что же дѣлаетъ Богъ? Онъ сдѣлалъ сухой его руку. Примѣчай, что сотворилъ (Богъ), замѣть милосердіе Владыки и грѣхъ раба. Почему съ самаго начала не изсушилъ Онъ его руки? Потому, что хотѣлъ вразумить его разрушеніемъ камня. Если бы не разрушился камень, пощадилъ бы я тебя; но такъ какъ камень развалился, а ты не исправился, то навожу на тебя гнѣвъ мой. Простеръ (царь) руку свою, чтобы схватить пророка, и высохла рука. Такъ водруженъ былъ трофей.

Столько оруженосцевъ и вождей, такое громадное войско присутствовало здѣсь, а онъ (царь) не могъ согнуть руки своей, рука такъ и оставалась (простертой), громко возвѣщая о пораженіи нечестія и побѣдѣ благочестія, милосердіи Божіемъ и о безуміи царя. И согнуть ее (царь) не могъ.

4. Но чтобы намъ, при постоянныхъ уклоненіяхъ въ сторону, не потерять изъ виду нашего предмета, покажемъ то, что обѣщали. Чтó же я обѣщалъ? Обѣщалъ я доказать, что если кто имѣетъ и множество ранъ, но покается и сдѣлаетъ доброе дѣло, то Богъ такъ заглаждаетъ ихъ, что не остается ни знака, ни слѣда, ни признака грѣховъ. Это я обѣщалъ, это постараюсь доказать. *Слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола.* Скажи мнѣ, чтó *возглагола* Онъ? *Сыны родихъ и возвысихъ, тіи* 342
же отвергошася мене. Позна волъ стяжавшаго (они безсловесныхъ безсловеснѣе); *и оселъ ясли господина своего* (несмысленнѣе ословъ они); *Израиль же Мене не позна и людіе* Меня *не разумѣша. Увы языкъ грѣшный* (Ис. I, 2—4). Зачѣмъ онъ говоритъ это? Развѣ нѣтъ надежды на спасеніе? Зачѣмъ, скажи мнѣ, говоришь ты: *увы?* Затѣмъ, что не нахожу исцѣленія. Почему говоришь: *увы?* Потому, что давалъ я врачество и не зажила рана,—поэтому Я и отвратился. Что же мнѣ дѣлать? Не стану и стараться объ излѣченіи. Словомъ *увы* Онъ подражаетъ плачущей женщинѣ, и хорошо поступаетъ. Обратите, прошу васъ, тщательное вниманіе. Почему говоритъ: *увы?* Потому, что то же самое бываетъ и при тѣлесныхъ болѣзняхъ. Когда врачъ видитъ, что для больного нѣтъ надежды на спасеніе, то плачетъ, и домашніе съ родственниками рыдаютъ и стенаютъ, но уже тщетно и напрасно, потому что когда больной долженъ умереть, то хотя бы восплакалъ весь міръ, онъ не воздвигнетъ его. Плачъ этотъ происходитъ слѣдовательно отъ печали, а не отъ того, что будто бы онъ могъ возвратить здоровье. Но въ отношеніи къ душѣ этого не бываетъ; если ты восплачешь, то часто случается, что и воскресишь мертваго душею. Почему? Потому, что умершее тѣло не возстаетъ человѣческою силою, а умершая душа возстаетъ чрезъ покаяніе. Смотри на блудника и восплачь о немъ, и не разъ возставишь его. Поэтому-то и Павелъ не только писалъ, не только увѣщевалъ, но и слезно плакалъ, уча (тому же) всѣхъ васъ. Пусть ты учишь; для чего еще и плачешь? Для того, чтобы, если безсильно будетъ наставленіе, помогли слезы. Такъ точно плачетъ и пророкъ. И Господь нашъ, предвидя разрушеніе Іерусалима, говоритъ: *Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя* къ нему (Матѳ. XXIII, 37), — обращается съ рѣчью къ падшему городу, подражая плачущему человѣку. Такъ и пророкъ

говоритъ: *увы языкъ грѣшный, людіе исполнени грѣховъ* (ст. 4). Нѣтъ здороваго мѣста на тѣлѣ. Видишь, какъ они покрыты язвами? *Сѣмя лукавое, сынове беззаконніи* (ст. 4). Почему плачешь ты, скажи мнѣ? *Остависте Господа и разгнѣвасте Святаго Израилева* (ст. 4). *Что еще уязвляетеся* (ст. 5)? Чѣмъ еще поражу васъ? Голодомъ ли? Губительною ли язвою? Всѣ наказанія посланы, а нечестіе ваше не истребилось. *Прилагающе беззаконія, всякая глава въ болѣзнь, и всякое сердце въ печаль* (ст. 5). Нѣтъ ни струпа, ни язвы (ст. 6). Новое говоришь ты. Незадолго ты говорилъ: *сѣмя лукавое, сынове беззаконніи; остависте Господа и разгнѣвасте Святаго Израилева*, и: *увы языкъ грѣшный*. Ты плачешь, скорбишь, рыдаешь, считаешь раны, а потомъ говоришь: *ни струпъ, ни язва?* Обрати вниманіе. Рана называется такъ тогда, когда всѣ прочія части тѣла здоровы, а одна часть поражена нечувствительностью. А здѣсь (пророкъ) говоритъ, что все тѣло—струпъ. *Ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся*, но *отъ ногъ даже до главы нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія. Земля ваша пуста, гради огнемъ пожжени, страну вашу чуждіи поядаютъ* (ст. 6, 7). Все это сдѣлалъ Я, и вы не исправились; Я употребилъ все искусство, а больной остается мертвъ. Придите, *услышите слово Господне, князи Содомстіи и Гоморрстіи. Что ми множество жертвъ вашихъ* (ст. 10, 11)? Такъ что же, Онъ обращаетъ рѣчь къ содомлянамъ? Нисколько, а самихъ
343 іудеевъ называетъ содомлянами; такъ какъ они подражали образу жизни послѣднихъ, то и называетъ ихъ именемъ. Придите, *услышите слово Господне, князи Содомстіи и Гоморрстіи. Что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь: исполненъ есмь всесожженій овнихъ и тука агнцовъ не хощу. Аще принесете ми семидалъ, всуе: кадило мерзость ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ ненавидитъ душа моя, поста и дне великаго не потерплю. Егда прострете руки ваша ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ* (ст. 11, 13--15). Что можетъ сравниться съ такимъ гнѣвомъ? Пророкъ призываетъ въ свидѣтели небо; плачетъ, проливаетъ слезы, рыдаетъ и говоритъ народу израильскому: нѣтъ *ни струпа*, нѣтъ *ни язвы*. Богъ гнѣвается, Онъ не принимаетъ ни жертвы, ни новомѣсячія, ни субботы, ни семидала, ни молитвы, ни воздѣянія рукъ. Видишь язву? Видишь неисцѣльную болѣзнь не у одного, не у двоихъ, не у десяти, а у тысячей? Что же затѣмъ? *Измыйтеся, чисти будите* (ст. 16). Есть ли грѣхъ, за который можно бы предаваться отчаянію? Самъ Богъ говоритъ: не слышу васъ (ст. 15), и затѣмъ говоритъ: *измыйтеся*. Для чего Ты говоришь это? То и другое говорится для пользы: то,—чтобы меня устрашить, другое, — чтобы привлечь. Если Ты не слышишь ихъ, у нихъ нѣтъ надежды на

спасеніе; если они не имѣютъ надежды спастись, то какъ говоришь Ты: *измыйтеся?* Но Онъ есть человѣколюбивый Отецъ, единый благій, милосердствующій болѣе всякаго отца. И чтобы увѣриться тебѣ, что Онъ Отецъ, Онъ говоритъ имъ: что сдѣлаю съ Іудой? Не знаешь, что̀ сдѣлаешь? Знаю, но не хочу. Свойство грѣховъ требуетъ (наказанія), но обиліе милосердія удерживаетъ. Что сдѣлаю тебѣ? Пощажу ли тебя? Но ты станешь еще безпечнѣе. Поражу ли тебя? Но этого не терпитъ милосердіе. Что сдѣлаю тебѣ? Истреблю ли тебя огнемъ, какъ Содомъ, или разрушу тебя, какъ Гоморру? *Превратися сердце мое* (Ос. XI, 8). Безстрастный подражаетъ страстному человѣку, или лучше нѣжнолюбящей матери. *Превратися*; такъ сказала бы жена отроку: превратилось сердце мое по природѣ материнской. Но Онъ не удовольствовался пер- 344
выми словами. Смутился въ раскаяніи моемъ (ст. 8). Богъ ли смущается? Нѣтъ! Да не будетъ! Божество чуждо смущенія; но, какъ сказалъ я, Богъ подражаетъ нашей рѣчи. *Превратися сердце мое; измыйтеся, чисти будите.* Что я обѣщалъ вамъ? То, что Богъ, принимая кающихся грѣшниковъ, хотя бы обремененныхъ безчисленными грѣхами и покрытыхъ (грѣховными) струпьями, такъ врачуетъ ихъ, что у нихъ не остается ни слѣда грѣховъ, не остается ни знака, не остается никакого напоминанія. *Измыйтеся, чисти будите, отъимите лукавства* ваши *отъ душъ вашихъ, научитеся добро творити* (Ис. I, 16, 17). Какое добро повелѣваешь Ты? *Судите сиру и оправдите вдовицу* (ст. 17). Не тяжки повелѣнія; сама природа ведетъ къ нимъ, потому что естественно оказывать состраданіе къ женщинѣ. *Пріидите и истяжимся.* Сдѣлайте ничтожное, а остальное приложу Я, немногое дайте Мнѣ, и Я дарую все. *Пріидите.* Куда же пойдемъ? Ко Мнѣ, Котораго вы раздражили, Котораго прогнѣвали, ко Мнѣ, Который сказалъ: „не слушаю васъ", чтобы, устрашившись угрозы, утолили вы гнѣвъ Мой. *Пріидите* къ неслышащему, чтобы я услышалъ. Что̀ же сотворишь Ты? Не оставлю слѣда (грѣховъ), не оставлю знака, не оставлю струпа. *Пріидите, истяжимся, глаголетъ Господь* (ст. 18), и говоритъ: *аще будутъ грѣхи яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (ст. 18). Неужели нигдѣ нѣтъ струпа? Нигдѣ скверны? И даже еще съ цвѣтомъ чистоты? *И аще будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (ст. 18). Неужели нигдѣ нѣтъ черноты, нигдѣ нѣтъ пятна? Какъ же будетъ это? Но развѣ не таковы обѣтованія? *Уста бо Господня глаголаша сія* (ст. 20). Вотъ, ты видѣлъ не только величіе обѣтованій, но и достоинство Даровавшаго ихъ. Все возможно Богу, могущему сдѣлать чистое изъ сквернаго. Итакъ, прослушавъ слова Его и познавъ врачество покаянія, станемъ возсылать ему славу, ибо Его слава и держава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

О покаяніи и о тѣхъ, кто оставляютъ собранія; здѣсь же о священной трапезѣ и судѣ.

343 Какъ сѣятелямъ нѣтъ никакой пользы, когда они бросаютъ сѣмена при дорогѣ, такъ и намъ нѣтъ никакой пользы отъ того, что именуемся христіанами, если не оправдываемъ наименованія соотвѣтствующими дѣлами. Если желаете, представлю вамъ достовѣрнаго свидѣтеля (этому), брата Божія, Іакова, который говоритъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. II, 20). Итакъ, всюду необходимо упражненіе въ (добрыхъ) дѣлахъ, а безъ него и наименованіе христіаниномъ не можетъ принести намъ пользы. И не удивляйся. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, какая польза воину отъ того, что онъ состоитъ на военной службѣ, когда онъ не достоинъ ея, и, будучи питаемъ на счетъ царя, не сражается за него? Можетъ быть,—хотя и ужасно слово мое,—лучше было бы
344 ему не вступать вовсе въ военную службу, чѣмъ вступивши не радѣть о царской чести. Какъ можетъ не подвергнуться наказанію тотъ, кто живетъ на счетъ царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душѣ. Но какъ, скажешь, живя въ мірѣ, среди безпокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человѣкъ? Хочешь, я кратко укажу тебѣ, что не мѣсто спасаетъ, а образъ жизни и произволеніе? Адамъ въ раю, какъ бы въ пристани, потерпѣлъ крушеніе, а Лотъ, живя среди содомлянъ, какъ бы въ морѣ, спасся. Іовъ заслужилъ оправданіе, будучи на гноищи, а Саулъ, пребывая въ чертогахъ, лишился и здѣшняго царства, и будущаго. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить въ мірѣ, среди безпокойства, и спастись. Откуда берется такое оправданіе? Отъ того, что вы не часто приходите, одни—на молитву, другіе—на божествен-
345 ныя собранія. Развѣ вы не видите, какъ стараются тѣ, кто желаетъ получить почести отъ земного царя, и какъ они склоняютъ къ ходатайству (за нихъ) другихъ, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тѣхъ, кто оставляетъ освященныя собранія и въ часъ страшной и таинственной трапезы занимается бесѣдами и пустыми разговорами. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Не обѣщался ли ты священнику, и на его слова: *горѣ имѣимъ* умъ нашъ и *сердца*, не сказалъ ли: *имамы ко Господу?* Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецомъ въ самый страшный часъ? Удивительно! Когда уготована таинственная трапеза, когда закалается за тебя Агнецъ Божій, когда за тебя подвизается священникъ, когда духовный огонь истекаетъ отъ пречистой тра-

пезы, предстоятъ херувимы, летаютъ серафимы, шестокрылые закрываютъ свои лица, всѣ безтѣлесныя силы молятъ за тебя вмѣстѣ съ іереемъ, духовный огонь снисходитъ съ неба, отъ пречистаго ребра изливается въ чашу кровь въ твое очищеніе,—ты не боишься, не стыдишься въ этотъ страшный часъ оказаться лжецомъ? Изъ ста шестидесяти восьми часовъ въ недѣлѣ одинъ лишь единственный часъ отдѣлилъ Себѣ Богъ: неужели ты и тотъ потратишь на дѣла житейскія, на смѣхъ и разговоры? Съ какою, послѣ этого, дерзостью приступишь ты къ таинствамъ? Съ какою оскверненною совѣстью? Неужели ты, съ пометомъ въ рукахъ, осмѣлился бы коснуться края одежды земного царя? Ни въ какомъ случаѣ.

Не полагай, что (это) хлѣбъ, и не думай, что вино, потому что они не выходятъ изъ человѣка, какъ прочіе роды пищи. Нѣтъ; не разсуждай такъ! Но подобно тому какъ воскъ, соприкасаясь съ огнемъ, ничего изъ себя не теряетъ, и ничего не получаетъ, такъ точно думай и здѣсь, что тайны срастворяются съ сущностію тѣла. Поэтому и приступая, не думайте, будто вы принимаете божественное тѣло отъ человѣка, а представляйте, что вы принимаете божественное тѣло какъ бы огонь изъ клещей самихъ серафимовъ, которыхъ видѣлъ Исаія (Ис. VI), спасительную же кровь станемъ принимать какъ бы касаясь устами божественнаго и пречистаго ребра. Не будемъ поэтому, братія, оставлять собраній, 346
равно какъ и въ нихъ предаваться празднымъ разговорамъ: будемъ стоять со страхомъ и трепетомъ, опустя взоръ долу, а душу имѣя горѣ, и съ воздыханіями будемъ восклицать не голосами, а сердцемъ. Не видите ли, какъ предстоящіе видимому, тлѣнному, временному и земному царю бываютъ недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждаютъ взоромъ въ разныя стороны, а стоятъ потупившись, смирно и со страхомъ? Возьми ихъ въ образецъ себѣ, человѣкъ. Такъ стойте предъ Богомъ, прошу васъ, какъ если бы вы явились предъ лицо земного царя. Предъ небеснымъ Царемъ должно стоять и гораздо съ большимъ страхомъ. Не перестану повторять, что́ часто и раньше говорилъ, пока не увижу васъ исправившимися. Входя въ церковь, войдемъ какъ пристойно предъ Богомъ, не питая въ душѣ злобы, чтобы при молитвѣ намъ не молиться противъ самихъ себя, говоря: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. VII, 12). Страшно слово это, и кто произноситъ его, какъ бы такъ взываетъ къ Богу: я оставилъ, Владыко, оставь и Ты; я отпустилъ, отпусти и Ты; простилъ, прости и Ты; самъ я не простилъ, не прощай и Ты; если я не отпустилъ ближнему, и Ты не отпускай моихъ согрѣшеній. Какою мѣрою мѣрилъ я, пусть отмѣрится и мнѣ.

Зная это и помышляя о томъ страшномъ днѣ и представляя тотъ огонь и страшныя наказанія, обратимся наконецъ отъ пути,

по которому блуждали. Настанетъ часъ, когда прекратится зрѣлище этого міра и не будетъ уже времени для подвиговъ. Нельзя по окончаніи жизни заниматься дѣлами, нельзя по прекращеніи зрѣлища стяжать вѣнокъ. Настоящее время—время покаянія; будущее—время суда; теперь—время подвиговъ, тогда—время вѣнцовъ; теперь—пора труда, тогда—время отрады; теперь—время изнуренія; тогда—время воздаянія. Воспряните, молю, воспряните и съ усердіемъ выслушаемъ то, что говорятъ намъ. Мы жили по плоти, станемъ же теперь жить по духу; мы жили въ плотскихъ удовольствіяхъ, будемъ теперь жить въ добродѣтеляхъ; жили въ небреженіи (о грѣхахъ), поживемъ же въ покаяніи. *Почто гордится земля и пепелъ* (Сир. x, 9)? Что надмеваешься, человѣкъ? Что слишкомъ хвалишься? На какую мірскую славу и богатство ты надѣешься? Пойдемъ, прошу тебя, ко гробамъ и увидимъ совершающіяся тамъ таинства, увидимъ разрушившееся естество, изъѣденныя кости, сгнившія тѣла. Если ты мудръ, поразмысли, и если разуменъ, скажи мнѣ: кто тутъ царь и кто простолюдинъ, кто благородный и кто рабъ, кто мудрый и кто неразумный?.. Гдѣ тутъ красота юности, гдѣ привлекательный взглядъ, гдѣ миловидныя очи, гдѣ прекрасный носъ, гдѣ розовыя уста, гдѣ цвѣтъ ланитъ, гдѣ блестящее чело? Не все ли прахъ? Не все ли пепелъ? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоніе? Не все ли тлѣніе? Имѣя все это въ умѣ и помышляя о нашемъ послѣднемъ днѣ, обратимся, братія, пока есть у насъ время, съ нашего пути, по которому мы блуждали. Честною кровію искуплены мы (1 Петр. I, 19). Для того Богъ на землѣ явился; для тебя, человѣкъ, Богъ на землѣ явился, не имѣя, *гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). О, чудо! Судія ради осужденныхъ приходитъ на судъ; Жизнь вкушаетъ смерти; Создатель терпитъ заушеніе отъ созданія; Невиди-
347—350 мый серафимами рабомъ оплевается, оцта и желчи вкушаетъ, копіемъ прободается и во гробъ полагается. И ты, человѣкъ, скажи мнѣ, нерадишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами). Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнилъ своего долга, потому что иная кровь владычняя и иная кровь рабская? Предупреди покаяніемъ и исправленіемъ исходъ души, чтобы, когда придетъ смерть, не оказалось уже безсильнымъ всякое врачество покаянія, потому что только на землѣ имѣетъ силу покаяніе, а въ аду оно уже безсильно. Взыщемъ Господа, пока есть у насъ время. Будемъ дѣлать добро, чтобы намъ избавиться и отъ будущей безконечной геенны и удостоиться царства небеснаго благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНЫЯ БЕСѢДЫ

на праздники Господни и святыхъ.

БЕСѢДА

въ день Рождества Спасителя нашего

Іисуса Христа, каковой день тогда еще не былъ общеизвѣстнымъ, но за немного передъ тѣмъ сталъ извѣстнымъ отъ нѣкоторыхъ, пришедшихъ съ запада и возвѣстившихъ о немъ [1]).

О ЧЕМЪ нѣкогда скорбѣли праотцы и предсказывали про- 351
роки и что желали видѣть праведники, то сбылось и сегодня получило исполненіе: *Богъ на земли явися* во плоти, *и съ человѣки поживе* (Варух. ш, 38). Посему возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные, такъ какъ если Іоаннъ, будучи во чревѣ матери, взыгралъ при входѣ Маріи къ Елизаветѣ, то гораздо болѣе намъ, взирающимъ не на Марію, но на Самаго Спасителя нашего, родившагося сегодня, надлежитъ взыграть и веселиться, поражаться и дивиться величію домостроительства (Божія), превосходящаго всякій умъ. Представь, какъ было бы величественно, если бы мы увидѣли солнце сшедшимъ съ небесъ, идущимъ по землѣ и отсюда изливающимъ на всѣхъ лучи свои. Если же видѣть такое событіе съ чувственнымъ свѣтиломъ для всѣхъ было бы изумительно, то подумай и разсуди теперь, какъ величественно видѣть Солнце правды изливающимъ лучи свои изъ нашей плоти и просвѣщающимъ наши души. Давно я жаждалъ видѣть этотъ день, и не просто

---

[1]) Настоящая бесѣда произнесена была Златоустомъ, какъ полагаютъ, 25 декабря 386 г. Такъ какъ обычай праздновать день Рождества Христова 25 декабря былъ новымъ въ Антіохійской церкви—еще десяти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ перенесенъ сюда съ запада (раньше же въ Антіохіи какъ и вообще на востокѣ, Рождество Христово праздновалось въ одинъ день съ Богоявленіемъ—6 января), то среди Антіохійской паствы возникли споры по поводу новаго праздника: одни признавали его, другіе отвергали. Настоящею бесѣдою св. Златоустъ желаетъ прекратить эти споры и приводитъ три доказательства въ пользу того, что день Рождества Христова долженъ праздноваться 25 декабря.

видѣть, но вмѣстѣ съ такимъ множествомъ народа, и непрестанно молился, чтобы наше собраніе было полно такъ, какъ полнымъ видимъ его теперь. Итакъ, это сбылось и получило исполненіе. Хотя нѣтъ еще десяти лѣтъ, какъ этотъ день сталъ извѣстенъ и знакомъ намъ, но, какъ будто издавна и за много лѣтъ преданный намъ, такъ онъ прославился отъ вашего усердія. Посему не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы его и новымъ и вмѣстѣ древнимъ,—новымъ потому, что онъ недавно сталъ извѣстенъ намъ, а древнимъ и давнимъ потому, что онъ скоро сравнялся съ древнѣйшими и возросъ до одинаковой съ ними степени. Прекрасныя и благородныя растенія, бывъ посажены въ землю, скоро достигаютъ великой высоты и отягчены бываютъ плодами: такъ и этотъ день, живущимъ на западѣ издавна извѣстный, а къ намъ принесенный теперь и не за много лѣтъ, вдругъ такъ возросъ и принесъ столь великій плодъ, что, какъ можно теперь видѣть, ограды наши наполнены и вся церковь стѣснена отъ многолюднаго стеченія. Ожидайте же себѣ достойнаго воздаянія за такое усердіе отъ родившагося сегодня по плоти Христа; Онъ, конечно, вознаградитъ за такую ревность, потому что любовь и усердіе къ этому дню служитъ величайшимъ доказательствомъ любви къ Родившемуся. Если же нужно принести что-нибудь и отъ насъ, сослужителей вашихъ, то и мы принесемъ то, что по силамъ нашимъ, или лучше, что благодать Божія дастъ намъ сказать для вашей
352 пользы. О чемъ же вы желаете слышать сегодня? О чемъ другомъ, какъ не объ этомъ же днѣ? Я хорошо знаю, что многіе и теперь еще спорятъ между собою, одни—осуждая, другіе—оправдывая, и много вездѣ говорятъ объ этомъ днѣ, одни — противъ него, доказывая, что онъ новый и недавній и теперь только введенный, и другіе — за него, утверждая, что онъ древній и давній, такъ какъ еще пророки предсказали о Рождествѣ Его и издавна этотъ день извѣстенъ и славенъ у живущихъ отъ Ѳракіи до Кадикса. Итакъ, объ этомъ и начнемъ рѣчь. Если онъ, оставаясь спорнымъ, пользуется такою любовію отъ васъ, то очевидно, что сдѣлавшись болѣе извѣстнымъ, онъ будетъ пользоваться гораздо большимъ уваженіемъ, когда ясное наставленіе произведетъ въ васъ большее къ нему расположеніе.

Я могу привести три доказательства, изъ которыхъ мы вполнѣ узнаемъ, что въ это именно время родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Богъ-Слово. Изъ этихъ трехъ доказательствъ одно состоитъ въ томъ, что этотъ праздникъ вездѣ такъ скоро сдѣлался извѣстнымъ, достигъ такой высоты и прославился. И какъ Гамаліилъ говорилъ о (христіанской) проповѣди, что *аще будетъ отъ человѣкъ, разорится, аще ли же отъ Бога есть, не можете ра-*

зорити то, да не како и богоборцы обрящетеся (Дѣян. v, 38, 39), такъ и я объ этомъ днѣ сказалъ бы съ дерзновеніемъ, что, такъ какъ Богъ Слово—отъ Бога, то чрезъ это онъ (т. е. день сей) не только не разорился, но и возрастаетъ съ каждымъ годомъ и становится болѣе знаменитымъ. Проповѣдь въ немного лѣтъ объяла всю вселенную, и хотя распространявшіе ее вездѣ были скинотворцы, рыбари, неученые, простецы, но уничиженность служителей нисколько не повредила ей, потому что сила Проповѣдуемаго предварительно устрояла все, уничтожала препятствія и являла собственное могущество.

2. Если кто изъ любящихъ споры не удовольствуется сказаннымъ, то можно привести и другое доказательство. Какое же это?—Изъ переписи, о которой упоминается въ Евангеліяхъ. *Бысть же,* говоритъ Евангелистъ, *во дни тыя, изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа, написати всю вселенную. Сіе написаніе первое бысть владящу Сиріею Киринію. И идяху вси написатися, кождо во свой градъ. Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета, во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею обрученою ему женою, сущею непраздною. Бысть же,* 353
егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей: и роди сына своего первенца, и повитъ его, и положи его въ яслехъ, зане не бѣ имъ мѣста во обители (Лук. II, 1—7). Отсюда видно, что Христосъ родился при первой переписи. А изъ древнихъ кодексовъ, публично хранящихся въ Римѣ, всякій желающій можетъ съ точностію узнать и время этой переписи. Что же, скажутъ, до этого намъ, которые и теперь не находимся тамъ и ранѣе не были? Выслушай и не сомнѣвайся, потому что мы приняли этотъ день отъ тѣхъ, которые въ точности знаютъ это и живутъ въ томъ городѣ, обитающіе тамъ, празднуя его издавна и по древнему преданію, теперь переслали свѣдѣніе о немъ и намъ. И Евангелистъ не безъ цѣли означилъ время (Рождества Христова), но дабы сдѣлать явнымъ и извѣстнымъ для насъ и самый день и показать домостроительство Божіе. И Августъ не произвольно и не самъ отъ себя издалъ тогда такое повелѣніе, но потому, что Богъ подвигнулъ его душу, дабы онъ, хотя невольно, послужилъ явленію Единороднаго. Какъ же это, скажутъ, содѣйствуетъ тому домостроительству? Не мало и не случайно, возлюбленный, но весьма много, и есть одно изъ необходимыхъ и нарочито устрояемыхъ дѣлъ. Какъ же это? Галилея есть область въ Палестинѣ, а Назаретъ—городъ галилейскій. Такъ и Іудея есть область, называемая такъ по имени своихъ обитателей, а Виѳлеемъ—городъ іудейскій. О Христѣ всѣ пророки предсказывали, что Онъ

не изъ Назарета, но изъ Виѳлеема придетъ и тамъ родится. Именно такъ написано: *и ты, Виѳлееме, земле Іудова, ничимже менши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди моя Израиля* (Матѳ. II, 6. Мих. V, 2). И іудеи на вопросъ Ирода: *гдѣ Христосъ рождается*, привели ему тогда это свидѣтельство (Матѳ. II, 5). Посему, когда и Наѳанаилъ Филиппу, сказавшему: *Іисуса, иже отъ Назарета, обрѣтохомъ*, отвѣчалъ: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти*, то Христосъ изрекъ о немъ: *се воистину Израилтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (Іоан. I, 45—47). За что же, скажутъ, Христосъ похвалилъ его? За то, что онъ не увлекся сообщеніемъ Филиппа, но зналъ ясно и точно, что не въ Назаретѣ и не въ Галилеи надлежитъ родиться Христу, но въ Іудеи и въ Виѳлеемѣ, какъ это дѣйствительно было. Такъ какъ Филиппъ не зналъ этого, а Наѳанаилъ, изучавшій законъ, отвѣчалъ согласно съ сказаннымъ въ древнемъ пророчествѣ, зная, что Христосъ придетъ не изъ Назарета, то Христосъ и сказалъ: *се воистину Израилтянинъ, въ немже льсти нѣсть.* Поэтому и нѣкоторые изъ іудеевъ говорили Никодиму: *испытай и виждь, яко пророкъ отъ Галилеи не приходитъ* (Іоан. VII, 52); и еще въ другомъ мѣстѣ: *не отъ Виѳлеемскія ли веси, идѣже бѣ Давидъ, Христосъ пріидетъ* (ст. 42)? И общее у всѣхъ было убѣжденіе, что непремѣнно оттуда надлежало придти Ему, а не изъ Галилеи.

354 Посему, такъ какъ Іосифъ и Марія, бывшіе гражданами Виѳлеема, но оставившіе его, расположились на жительство въ Назаретѣ и тамъ пребывали, какъ это случается часто со многими людьми, оставляющими тѣ города, въ которыхъ они родились, и живущими въ другихъ, къ которымъ они не принадлежатъ по своему рожденію, а между тѣмъ Христу надлежало родиться въ Виѳлеемѣ, то и вышло повелѣніе, которое, по устроенію Божію, заставляло ихъ невольно идти въ тотъ городъ. Законъ, повелѣвавшій каждому вписаться въ своемъ отечествѣ, заставлялъ ихъ двинуться оттуда, т. е. изъ Назарета, и придти въ Виѳлеемъ, чтобы вписаться. На это самое теперь указывая, и Евангелистъ говоритъ: *взыде же и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета, во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею обрученою ему женою, сущею непраздною. Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей: и роди сына своего первенца* (Лук. II, 4—7).

3. Видишь ли, возлюбленный, домостроительство Бога, и чрезъ невѣрныхъ и чрезъ вѣрныхъ устрояющаго дѣла свои, дабы чуждые благочестія узнали силу и могущество Его? Звѣзда вела волхвовъ

съ востока, а законъ влекъ Марію въ отечество, предсказанное пророками. Отсюда для насъ очевидно, что и Дѣва была изъ рода Давидова; такъ какъ она происходила изъ Виѳлеема, то очевидно, что она была изъ дома и рода Давидова. Это и выше объяснилъ Евангелистъ въ словахъ: *взыде же и Іосифъ отъ Галилеи съ Маріею, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова*. Поелику родословіе Іосифа изложено, а предковъ Маріи никто не исчислилъ намъ такъ, какъ его предковъ, то, дабы ты не сомнѣвался и не говорилъ: откуда видно, что и она происходитъ отъ Давида? — послушай (какъ говоритъ Евангелистъ): *въ мѣсяцѣ шестый посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ Галилейскій, ему же имя Назаретъ, къ дѣвѣ обрученнѣй мужеви, ему же имя Іосифъ, отъ дому Давидова* (Лук. I, 26. 27). Слова: *отъ дому Давидова*, надобно принимать сказанными о Дѣвѣ. И здѣсь, такимъ образомъ, то же выражается. Посему и вышло повелѣніе и законъ, приведшій ихъ въ Виѳлеемъ; какъ только они пришли въ городъ, вскорѣ и родился Іисусъ, а такъ какъ много народу стеклось тогда со всѣхъ сторонъ, мѣста были заняты и происходило великое стѣсненіе, то Онъ и былъ положенъ въ ясляхъ. Вотъ почему и волхвы тамъ поклонились Ему. Но чтобы представить вамъ доказательство яснѣе и очевиднѣе, прошу васъ, будьте теперь особенно внимательны: я хочу предложить пространное повѣствованіе и изложить древніе законы, дабы рѣчь моя была яснѣе для васъ во всѣхъ отношеніяхъ.

У іудеевъ былъ древній законъ, или лучше, начнемъ рѣчь съ болѣе ранняго. Когда Богъ избавилъ еврейскій народъ отъ египетскихъ мукъ и рабства чужеземному царю, то видя, что они имѣютъ остатки нечестія, увлекаются чувственными предметами и удивляются величію и красотѣ храмовъ, повелѣлъ 355
имъ построить храмъ, который не только цѣнностію матеріала и разнообразіемъ искусства, но и видомъ постройки превосходилъ всѣ храмы на землѣ. Какъ чадолюбивый отецъ, къ которому возвратился его сынъ, долгое время обращавшійся съ людьми порочными, развратными и потерянными и отвѣдавшій большой роскоши, — окружаетъ его вмѣстѣ съ безопасностью и почетомъ еще изобиліемъ, дабы онъ, ни въ чемъ не нуждаясь, не вспомнилъ о прежнихъ удовольствіяхъ и не пожелалъ обратиться къ нимъ; такъ и Богъ, видя, что іудеи увлекаются чувственными предметами, доставляетъ имъ и это въ превосходномъ видѣ, дабы они никогда не пришли къ пожеланію египетскаго или того, что они испытали у египтянъ. Онъ созидаетъ храмъ по образу всего міра, чувственнаго и умственнаго. Какъ въ мірѣ есть земля и небо и средостѣніе между ними—твердь, такъ Онъ

повелѣлъ построить и храмъ. Раздѣливъ этотъ храмъ на двѣ части и въ срединѣ ихъ распростерши завѣсу, внѣшнюю часть отъ завѣсы Онъ сдѣлалъ доступною для всѣхъ, а внутреннюю—недоступною и незримою для всѣхъ, кромѣ одного только первосвященника. Что это—не наша догадка, но дѣйствительно храмъ устроенъ былъ по образу всего міра, послушай, чтó говоритъ Павелъ о Христѣ, возшедшемъ на небо: *не въ рукотворенная бо святая вниде Христосъ, противообразная истинныхъ* (Евр. IX, 24), показывая, что устроенное здѣсь было образомъ истиннаго. А что и завѣса отдѣляла святое святыхъ отъ внѣшняго святилища, какъ это небо отдѣляетъ находящееся надъ нимъ отъ всего, находящагося у насъ, послушай, какъ и на это указалъ онъ, назвавъ небо завѣсою. Говоря о надеждѣ, что ее *аки котву имамы души, тверду же и извѣстну*, онъ прибавилъ: *и входящую во внутреннѣйшее завѣсы, идѣже предтеча о насъ вниде Іисусъ*, выше неба (Евр. VI, 19, 20). Видишь ли, какъ онъ назвалъ небо завѣсою? Внѣ завѣсы находились свѣтильникъ, и трапеза, и мѣдный жертвенникъ, принимавшій жертвы и всесожженія; а внутри за завѣсою—ковчегъ, обложенный со всѣхъ сторонъ золотомъ, вмѣщавшій въ себѣ скрижали завѣта, золотой сосудъ съ манною, и жезлъ Аароновъ процвѣтшій, и золотой жертвенникъ не для жертвъ и всесожженій, но для одного только ѳиміама. Во внѣшнюю часть позволялось входить всѣмъ, а во внутреннюю—одному первосвященнику. Объ этомъ самомъ я опять представлю свидѣтельство Павла, который говоритъ: *имяше убо первая скинія оправданія службы, святое же людское*,—святилищемъ мірскимъ онъ называетъ внѣшнюю скинію, потому что туда позволялось входить всему міру,—*въ ней же свѣтилникъ и трапеза и предложеніе хлѣбовъ. По вторѣй же завѣсѣ скинія, глаголемая святая святыхъ, злату имущи кадильницу, и ковчегъ завѣта, окованъ всюду златомъ, въ
356 немже стамна злата, имущая манну, и жезлъ Аароновъ прозябшій, и скрижали завѣта: превыше же его Херувимы славы, осѣняющіи олтарь. Симъ же тако устроеннымъ, въ первую убо скинію выну вхождаху священницы, службы совершающе: во вторую же единою въ лѣто единъ архіерей, не безъ крове, юже приноситъ за себе и о людскихъ невѣжествіихъ* (Евр. IX, 1—7). Видишь ли, что сюда входилъ одинъ только первосвященникъ, и притомъ однажды въ цѣлый годъ?

4. Какъ же, скажутъ, это относится къ настоящему дню? Подождите немного и не выражайте нетерпѣнія. Мы раскрываемъ источникъ съ самаго начала и стараемся дойти до самой вершины, чтобы удобнѣе сдѣлалось все для васъ яснымъ; впрочемъ, дабы не слишкомъ долго рѣчь моя была прикровенною и, оста-

ваясь неясною, не утомила васъ своею продолжительностію, теперь скажу вамъ причину, почему я излагалъ все это. Какая же причина? Въ то время, какъ Елизавета уже шестой мѣсяцъ носила во чревѣ Іоанна, зачала Марія. Итакъ, если мы узнаемъ, какой былъ этотъ шестой мѣсяцъ, то узнаемъ, когда зачала Марія; узнавъ затѣмъ, когда она зачала, узнаемъ, когда и родила, исчисливъ девять мѣсяцевъ отъ зачатія.

Откуда же мы узнаемъ, какой былъ шестой мѣсяцъ беременности Елизаветы? Если узнаемъ, какой былъ мѣсяцъ, въ который она зачала. Откуда же мы узнаемъ, какой былъ мѣсяцъ, въ который она зачала? Если узнаемъ, въ какое время получилъ благую вѣсть Захарія, мужъ ея. А это самое откуда можетъ быть намъ извѣстно? Изъ божественныхъ Писаній,—святое Евангеліе говоритъ, что Захаріи, находившемуся внутри святаго святыхъ, ангелъ принесъ благую вѣсть и предсказалъ ему о рожденіи Іоанна. Итакъ, если будетъ ясно показано изъ Писаній, что первосвященникъ входилъ во святое святыхъ однажды и одинъ, и въ какое время и въ какой мѣсяцъ года совершалось это вхожденіе однажды, то извѣстно будетъ время, въ которое принесена была благая вѣсть; а когда это будетъ ясно, то и начало зачатія будетъ всѣмъ извѣстно. А что первосвященникъ входилъ однажды въ годъ, это и Павелъ показалъ, и Моисей это же самое дѣлаетъ яснымъ, говоря такъ: *и рече Господь къ Моисею: глаголи Аарону, брату твоему, да не входитъ по вся часы въ святое внутрь завѣсы, предъ лице очистилища, еже есть надъ кивотомъ свидѣнія, и да не умретъ* (Левит. XVI, 2), и еще: *и всякъ человѣкъ да не будетъ въ скиніи свидѣнія, егда входитъ молитися во святое, дондеже изыдетъ: и да помолится о себѣ, и о домѣ своемъ, и о всемъ сонмѣ сыновъ Израилевыхъ, и изыдетъ ко олтарю, иже есть предъ Господемъ* (ст. 17. 18). Отсюда видно, что не во всякое время входилъ онъ во святое святыхъ и, когда онъ находился внутри, никому не позволялось подходить, и надлежало стоять внѣ завѣсы. Но замѣтьте это тщательно, потому что остается показать, какое было время, въ которое входилъ онъ во святое святыхъ, дѣлая это только однажды въ годъ. Откуда это извѣстно? 357
Изъ той же самой книги. Въ ней такъ говорится: *въ мѣсяцъ седмый, въ десятый день мѣсяца, покорите души ваша, и всякаго дѣла да не сотворите ни туземецъ, ни пришлецъ прилежай въ васъ: въ той бо день помолится о васъ, еже очистити васъ отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ предъ Господемъ, и чисти будете: суббота субботъ покой да будетъ сія вамъ, и покорите души ваша, законно вѣчно. Помолится жрецъ, его же аще помажутъ, и его же аще совершатъ руцѣ его, еже жрети ему по отцѣ своемъ, и да*

облечется въ ризу льняну свою, ризу святу, и да очиститъ святое святаю, и скинію свидѣнія, и олтарь да очиститъ, и о жерцѣхъ и о всемъ сонмѣ да помолится. И будетъ сіе вамъ законное вѣчное, еже молитися о сынѣхъ Израилевыхъ о всѣхъ грѣсѣхъ ихъ. Единою въ лѣто да сотворится, якоже заповѣда Господь Моисею (Лев. XVI, 29—34). Здѣсь говорится о праздникѣ кущей; тогда именно первосвященникъ входилъ однажды въ годъ; это показалъ и самъ Моисей, сказавъ: *единою въ лѣто да сотворится.*

5. Итакъ, если во время праздника кущей входилъ во святое святыхъ одинъ только первосвященникъ, то теперь мы докажемъ, что именно тогда явился ангелъ Захаріи, когда онъ находился во святомъ святыхъ,—потому что явился ему одному, когда онъ воскурялъ ѳиміамъ, а одинъ первосвященникъ никогда не входилъ, какъ только въ это время. Впрочемъ, ничто не препятствуетъ выслушать самыя слова (Писанія). *Бысть во дни Ирода, царя Іудейска, іерей нѣкій именемъ Захарія, и жена его отъ дщерей Аароновыхъ, и имя ей Елисаветь. Бысть же служащу ему въ чину череды своея предъ Богомъ, по обычаю священничества ключися ему покадити, вшедшу въ церковь Господню, и все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, во время ѳиміама* (Лук. I, 5, 10). Припомни здѣсь, возлюбленный, то свидѣтельство, которое говоритъ: *и всякъ человѣкъ да не будетъ въ скиніи свидѣнія, егда входитъ молитися во святое, дондеже изыдетъ* (Лев. XVI, 17). *Явися же ему ангелъ Господень, стоя одесную олтаря кадильнаго* (Лук. I, 11). Не сказалъ: алтаря жертвеннаго, но: *олтаря кадильнаго,*—потому что алтарь внѣшній былъ алтаремъ для жертвъ и всесожженій, а алтарь внутренній былъ алтаремъ кадильнымъ. Такъ, и изъ этого, и изъ явленія ему одному только, и изъ словъ, что внѣ былъ народъ, ожидавшій его, очевидно, что онъ вошелъ во святое святыхъ. *И смутися Захаріа видѣвъ, и страхъ нападе нанъ. Рече же къ нему ангелъ: не бойся, Захаріе, зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ. И бѣша людіе ждуще Захарію, и чудяхуся коснящу ему въ церкви. Изшедъ же,* объяснялся съ ними знаками и *не можаше глаголати къ нимъ* (Лук. I, 12, 13, 21, 22). Видишь ли, что онъ былъ внутри за завѣсою? Тогда и сообщена ему благая вѣсть. А временемъ
358 этого благовѣствованія былъ праздникъ кущей и постъ; таковъ именно смыслъ словъ: *покорите души ваша* (Левит. XVI, 29). Этотъ праздникъ совершается у іудеевъ въ послѣдніе дни мѣсяца сентября, какъ и вы тому свидѣтели, потому что тогда мы много и долго говорили противъ іудеевъ, осуждая неумѣстный постъ ихъ. Тогда же и зачала Елисавета, жена Захаріи, и *таяшеся*

мѣсяцъ пять, глаголющи, яко тако мнѣ сотвори Господь во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе мое въ человѣцѣхъ (Лук. I, 24—25). Теперь благовременно показать, что на шестомъ мѣсяцѣ беременности ея Іоанномъ, Марія получаетъ благую вѣсть о зачатіи. Гавріилъ пришелъ къ ней и сказалъ: *не бойся, Маріамъ, обрѣла бо еси благодать у Бога, и се зачнеши во чревѣ, и родиши сына, и наречеши имя ему, Іисусъ* (Лук. I, 30—31). Когда же она смутилась и пожелала узнать о способѣ (исполненія), то, отвѣщавъ, ангелъ рече ей: *Духъ святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется сынъ Божій: и се Елисаветь южика твоя, и та зачатъ сына въ старости своей, и сей мѣсяцъ шестый есть ей нарицаемѣй неплоды: яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (Лук. I, 35—37). Итакъ, если Елисавета зачала въ мѣсяцѣ сентябрѣ, какъ показано, то надобно сосчитать слѣдующіе шесть мѣсяцевъ; они суть: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ.

Значитъ, послѣ этого шестаго мѣсяца зачала Марія; сосчитавъ отсюда еще девять мѣсяцевъ, мы и дойдемъ до настоящаго мѣсяца. Такимъ образомъ первый мѣсяцъ зачатія Господа есть апрѣль, затѣмъ май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь—настоящій мѣсяцъ, въ который мы празднуемъ этотъ день. Впрочемъ, чтобы сказанное было для васъ еще болѣе яснымъ, я опять кратко повторю то же самое вашей любви. Однажды въ годъ входилъ одинъ только первосвященникъ во святое святыхъ. Когда это происходило? Въ мѣсяцѣ сентябрѣ. Итакъ, тогда входилъ Захарія во святое святыхъ, тогда и сообщена ему благая вѣсть объ Іоаннѣ. Посему, когда онъ удалился оттуда, то и зачала жена его. Послѣ же сентября, когда Елисавета была беременна шестой мѣсяцъ, которымъ былъ мартъ, зачала и Марія. Сосчитавъ съ апрѣля девять мѣсяцевъ, мы и дойдемъ до настоящаго мѣсяца, въ который родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ,

6. Вотъ касательно этого дня мы объяснили вамъ все; скажу еще объ одномъ, и прекращу рѣчь, предоставивъ сказать большее общему нашему учителю.

Такъ какъ многіе изъ еллиновъ (т. е. язычниковъ), слыша, что Богъ родился во плоти, смѣются съ глумленіемъ и многихъ 359
изъ простецовъ безпокоятъ и смущаютъ, то необходимо и къ нимъ сказать нѣчто, а также и къ смущающимся, чтобы никогда не приходили въ безпокойство, убѣждаемые безумными людьми, и не смущались отъ смѣха невѣрныхъ. И малыя дѣти часто смѣются, когда мы говоримъ о предметахъ серьезныхъ и занимаемся вещами необходимыми, но смѣхъ (ихъ) служитъ доказательствомъ не ничтожности осмѣиваемыхъ предметовъ, а неразумія смѣющихся. Такъ же

можно сказать и объ еллинахъ, что они, будучи въ состояніи едва ли не большаго неразумія, чѣмъ дѣти, глумятся надъ тѣмъ, что достойно трепета и можетъ исполнить великимъ удивленіемъ, а поистинѣ смѣшное почитаютъ и уважаютъ. Впрочемъ, и наши предметы, осмѣиваемые ими, остаются при своей почтенности, никакого не терпя ущерба для своей славы отъ ихъ смѣха; и ихъ предметы, всячески украшаемые, выказываютъ собственное безобразіе. Это ли не крайнее безуміе, когда они сами, люди на каждомъ шагу спотыкающіеся, вводя собственныхъ боговъ и въ камни, и въ деревья, и въ ничтожныхъ истукановъ, и заключая ихъ какъ бы въ темницѣ, думаютъ, что они ни дѣлаютъ, ни говорятъ ничего постыднаго, а насъ осуждаютъ, которые говоримъ, что Богъ, устроивъ для себя Духомъ святымъ живый храмъ, чрезъ него оказалъ благодѣяніе вселенной? Что же въ этомъ предосудительнаго? Если постыдно Богу обитать въ человѣческомъ тѣлѣ, то гораздо болѣе—въ камнѣ и деревѣ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ камень и дерево ниже человѣка,—если только не кажется имъ родъ нашъ ничтожнѣе этихъ безчувственныхъ вещей. Сами они дерзаютъ низводить существо Божіе до кошекъ и собакъ, а многіе изъ еретиковъ—даже до животныхъ еще худшихъ, чѣмъ эти. Мы же ничего такого не говоримъ и никогда не потерпѣли бы слушать, но то утверждаемъ, что Христосъ воспринялъ отъ дѣвическаго чрева плоть чистую, святую, непорочную и такую, которая явилась недоступною никакому грѣху, и возстановилъ собственное созданіе. Они и подобно имъ нечестиво поступающіе манихеи, низводя существо Божіе до собакъ, обезьянъ и различныхъ звѣрей (такъ какъ они утверждаютъ, что душа всѣхъ этихъ животныхъ происходитъ изъ Его существа), не содрогаются и не прячутся отъ стыда; а объ насъ говорятъ, что мы утверждаемъ недостойное Бога,—тогда какъ не можемъ даже допустить въ умѣ ничего подобнаго, но утверждаемъ то, что было прилично и подобало Ему, т. е. что Онъ, пришедши, возстановилъ Свое твореніе такимъ способомъ рожденія. Что, скажи мнѣ, говоришь ты, человѣкъ? Утверждая, что душа человѣкоубійцъ и волшебниковъ—изъ существа Божія, ты осмѣливаешься осуждать насъ за то, что мы не только сами не допускаемъ и не можемъ слышать ничего подобнаго, но и утверждающихъ это считаемъ причастными нечестію,—и говоримъ, что Богъ, устроивъ себѣ святый храмъ, чрезъ него ввелъ небесный распорядокъ въ нашу жизнь? И не достойны ли вы безчисленныхъ смертей и за обвиненія, которыми осуждаете насъ, и за нечестивыя дѣла, въ которыхъ не перестаете
360 нечествовать? Если непристойно Богу обитать въ чистомъ и непорочномъ тѣлѣ, какъ говорите вы, то гораздо непристойнѣе быть

въ тѣлѣ волшебника, раскапывателя могилъ, разбойника, обезьяны или собаки, а не въ тѣлѣ святомъ, непорочномъ и сѣдящемъ нынѣ одесную Отца. Да и какой вредъ или какое оскверненіе можетъ быть для Бога отъ такого домостроительства (нашего спасенія)? Не видите ли вы это солнце, у котораго тѣло чувственное и разрушимое, и скоропреходящее, хотя бы еллины и манихеи, слыша это, тысящекратно задыхались отъ досады? Не только оно, но и земля, и море, и всѣ вообще видимые твари подверглись суетѣ. Послушай, какъ Павелъ объясняетъ это, когда говоритъ: *суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи*. Потомъ, объясняя, что значитъ *повиноваться суетѣ*, онъ продолжаетъ, говоря: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. VIII, 20, 21). Слѣдовательно, теперь она скоро преходяща и тлѣнна, потому что *работать истлѣнію* значитъ не что иное, какъ быть тлѣнною. Итакъ, если солнце, тлѣнное тѣло, испускаетъ повсюду лучи, касаясь грязи, нечистотъ и многихъ другихъ подобныхъ вещей, отъ прикосновенія къ этимъ тѣламъ нисколько не повреждается въ чистотѣ своей, но опять собираетъ чистыми свои лучи, сообщая свои совершенства многимъ изъ воспринимающихъ его тѣлъ, само же не получая ни малѣйшаго зловонія и оскверненія,—то гораздо болѣе Солнце правды, Владыка безтѣлесныхъ силъ, войдя въ чистую плоть, не только не осквернился, но и ее сдѣлалъ еще болѣе чистою и святою. Помышляя о всемъ этомъ и припоминая голосъ, говорящій: *вселюся въ нихъ и похожду* (Лев. XXVI, 12; 2 Кор. VI, 16), и еще: *храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. III, 16), будемъ и мы говорить противъ тѣхъ и заградимъ постыдныя уста нечестивыхъ, а нашимъ благамъ будемъ радоваться и прославимъ воплотившагося Бога за такое снисхожденіе и по силамъ нашимъ окажемъ Ему достойную честь и воздаяніе; а для Бога отъ насъ никакого иного воздаянія быть не можетъ, какъ только спасеніе насъ и душъ нашихъ и попеченіе о добродѣтели.

7. Не будемъ же неблагодарными къ Благодѣтелю, но станемъ всѣ по силамъ нашимъ приносить все—вѣру, надежду, любовь, цѣломудріе, милосердіе, страннолюбіе. И къ чему я прежде убѣждалъ васъ, къ тому же и теперь, и всегда не перестану убѣждать. Къ чему же именно? Намѣреваясь приступить къ страшной и божественной этой трапезѣ и священному тайнодѣйствію, дѣлайте это со страхомъ и трепетомъ, съ чистою совѣстію, съ постомъ и молитвою, безъ шума, не безпокоя и не толкая ближнихъ, потому что это служитъ знакомъ крайняго безумія и необыкновеннаго презрѣнія и навлекаетъ на поступающихъ такъ великое 361

наказаніе и отмщеніе. Представь, человѣкъ, какой намѣреваешься ты касаться жертвы, къ какой приступить трапезѣ; обрати вниманіе, что ты, земля и пепелъ, причащаешься крови и тѣла Христовыхъ. Когда царь приглашаетъ васъ на пиршество, то вы возлежите со страхомъ и принимаете предлагаемыя яства съ почтеніемъ и спокойствіемъ; а когда Богъ приглашаетъ къ Своей трапезѣ и предлагаетъ собственнаго Сына, когда ангельскія силы предстоятъ со страхомъ и трепетомъ, херувимы закрываютъ лица свои и серафимы съ трепетомъ взываютъ: святъ, святъ, святъ Господь,—какъ ты, скажи мнѣ, осмѣливаешься кричать и съ шумомъ приступать къ этому духовному пиршеству? Развѣ ты не знаешь, что въ это время душа должна быть полна глубокой тишины? Нужны великій миръ и спокойствіе, а не шумъ, гнѣвъ и смятеніе, такъ какъ это дѣлаетъ приступающую душу нечистою. Какое можетъ быть прощеніе, если мы послѣ столь многихъ грѣховъ, даже и тогда, когда приступимъ къ таинству, не очищаемъ себя отъ тѣхъ безумныхъ страстей? Что вообще необходимѣе предлагаемаго здѣсь? Или что насъ такъ смущаетъ, чтобы мы, оставивъ духовное, устремились къ плотскому? Нѣтъ, прошу и умоляю, не будемъ навлекать на себя гнѣвъ Божій. Предлагаемое здѣсь есть спасительное врачество для нашихъ ранъ, богатство неоскудѣвающее и доставляющее намъ царство небесное. Будемъ же приступать съ трепетомъ, благодарить, припадать, исповѣдуя прегрѣшенія свои, проливать слезы, оплакивая свои бѣдствія, возсылать къ Богу усердныя молитвы, и такимъ образомъ, очищая себя, тихо и съ надлежащимъ благочиніемъ будемъ подходить, какъ приближающіеся къ Царю небесному; принявъ же непороч-
362 ную и святую жертву, будемъ лобызать ее, обнимать ее глазами, согрѣвать свой духъ, чтобы наше собраніе не послужило къ суду или къ осужденію нашему, но къ цѣломудрію души, къ любви, къ добродѣтели, къ примиренію съ Богомъ, къ прочному миру и залогу безчисленныхъ благъ, дабы намъ и себя освятить, и ближнимъ доставить назиданіе. Объ этомъ я часто говорю и не перестану говорить. И что пользы — стекаться сюда напрасно и тщетно, не научаясь ничему полезному? И какое пріобрѣтеніе— всегда говорить вамъ въ угоду? Настоящее время кратко, возлюбленные: будемъ же трезвиться, бодрствовать, воздерживаться, искренно оказывать всякое попеченіе о всѣхъ и богобоязливость во всемъ; нужно ли слушать божественныя изреченія, или молиться, или приступать (къ таинству), или дѣлать что-нибудь другое, пусть дѣлается это со страхомъ и трепетомъ, чтобы нерадѣніемъ не навлечь на себя проклятіе,—ибо *проклятъ*, говоритъ (пророкъ), *всякъ творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Іер. XLVIII,

10). Шумъ и гнѣвъ служатъ оскорбленіемъ предложенной жертвы. Крайнее небреженіе—представлять себя Богу оскверненнымъ. Послушай, что говоритъ объ этомъ апостолъ: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ* (1 Кор. III, 17). Итакъ, не будемъ возбуждать гнѣва Божія вмѣсто примиренія съ Нимъ, но, оказывая все усердіе и всю красоту и безмятежность души, будемъ приступать съ молитвою и сокрушеннымъ сердцемъ, дабы и этимъ самымъ умилостививъ Владыку нашего Іисуса Христа, мы могли получить обѣтованныя намъ блага, благодатію и человѣколюбіемъ Самого Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, съ Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

въ день Богоявленія,

противъ неприсутствующихъ въ священныхъ собраніяхъ, и о святомъ спасительномъ крещеніи Спасителя нашего Іисуса Христа, и о недостойно причащающихся, и о томъ, что оставляющіе божественную литургію прежде ея окончанія и выходящіе прежде заключительной молитвы уподобляются Іудѣ [1].

Всѣ вы сегодня въ радости, а я одинъ только въ печали. Когда 363
я посмотрю на это духовное море и вижу несмѣтное богатство церкви, и потомъ подумаю, что, по прошествіи праздника, это множество, отхлынувъ, опять удалится отъ насъ, то терзаюсь и скорблю душею о томъ, что церковь, родившая столько дѣтей, можетъ утѣшаться ими не въ каждое собраніе, но только въ праздникъ. Какое было бы духовное веселіе, какая радость, какая слава для Бога, какая польза для душъ, если бы мы при каждомъ собраніи видѣли ограды церкви такъ наполненными! Мореплаватели и кормчіе дѣлаютъ все, какъ бы переплыть море и достигнуть пристани, а мы ревнуемъ о томъ, чтобы непрестанно носиться по морю, постоянно погружаться въ волны житейскихъ дѣлъ, обращаться на площадяхъ и въ судилищахъ, здѣсь же встрѣчаемся едва однажды или дважды въ цѣлый годъ.

Или вы не знаете, что Богъ устроилъ церкви въ городахъ, какъ пристани на морѣ, дабы мы, прибѣгая сюда отъ бури жи-

[1]) Бесѣда произнесена, какъ съ вѣроятностью можно думать, въ 387 г. въ праздникъ Богоявленія: слѣдовательно, спустя нѣсколько дней послѣ предшествующей бесѣды—въ день Рождества Христова.

тейскихъ смятеній, наслаждались величайшею тишиною? Подлинно, здѣсь не нужно бояться ни бурнаго движенія волнъ, ни нападенія разбойниковъ, ни нашествія злодѣевъ, ни силы вѣтровъ, ни засады звѣрей; это—пристань свободная отъ всего такого, это—духовная пристань душъ. И вы сами свидѣтели сказанному. Если бы кто-нибудь изъ васъ раскрылъ теперь свою совѣсть, то нашелъ бы внутри себя великое спокойствіе: ни гнѣвъ не волнуетъ, ни похоть не воспламеняетъ, ни зависть не изсушаетъ, ни гордость не надмеваетъ, ни страсть тщеславія не снѣдаетъ, но всѣ эти звѣри укрощены, такъ какъ слушаніе божественныхъ Писаній, какъ бы нѣкоторая божественная чарующая пѣсня, проникаетъ чрезъ слухъ въ душу каждаго и усыпляетъ эти безумныя страсти. Какъ же не жалѣть о тѣхъ, которые, имѣя возможность наслаж-
364 даться такимъ любомудріемъ, не обращаются и не приходятъ постоянно къ общей матери всѣхъ церкви? Какое могъ бы ты указать мнѣ занятіе необходимѣе этого? Какое собраніе полезнѣе? И что препятствуетъ пребыванію здѣсь? Ты, конечно, скажешь мнѣ, что бѣдность бываетъ для тебя препятствіемъ участвовать въ этомъ прекрасномъ собраніи; но это—неосновательный предлогъ. Недѣля имѣетъ семь дней; эти семь дней Богъ раздѣлилъ съ нами такъ, что Себѣ не взялъ больше, и намъ не далъ меньше, и даже не раздѣлилъ ихъ по-ровну—не взялъ Себѣ трехъ и не далъ намъ трехъ, но тебѣ отдѣлилъ шесть дней, а для Себя оставилъ одинъ. Ты же и въ этотъ весь день не хочешь воздержаться отъ дѣлъ житейскихъ, но какъ поступаютъ святотатцы, такъ и ты осмѣливаешься поступать съ этимъ днемъ, похищая и употребляя его на житейскія заботы, тогда какъ онъ освященъ и назначенъ для слушанія духовныхъ поученій. Но что говорить о цѣломъ днѣ? Какъ поступила вдовица съ милостынею (Марк. XII, 42), такъ поступай и ты съ временемъ этого дня: какъ она положила двѣ лепты, и пріобрѣла великое благоволеніе отъ Бога, такъ и ты удѣли Богу два часа, и внесешь въ домъ свой прибыль безчисленныхъ дней. А если не воздержишься, то смотри, чтобы ты, не желая отрѣшиться отъ земныхъ пріобрѣтеній въ теченіе малой части дня, не лишился трудовъ цѣлыхъ годовъ. Богъ можетъ, когда пренебрегаютъ Имъ, уничтожить и собранныя богатства, какъ Онъ, угрожая, говорилъ іудеямъ, когда они нерадѣли о храмѣ: *внесосте я въ домы ваши и отдунухъ я, глаголетъ Господь* (Агг. 1, 9) [1]). Если ты приходишь къ намъ одинъ разъ или дважды въ годъ, то, скажи мнѣ, чему необходимому мы можемъ научить тебя—о душѣ, о тѣлѣ, о безсмертіи, о царствѣ небесномъ, о наказаніи, о гееннѣ, о долготерпѣніи Божіемъ, о прощеніи, о покаяніи, о крещеніи, объ

[1]) Такъ у Златоуста, въ славянской же Библіи: «внесосте я въ храмъ и отдунухъ я».

отпущеніи грѣховъ, о тваряхъ небесныхъ и земныхъ, о природѣ человѣческой, объ ангелахъ, о коварствѣ бѣсовъ, о козняхъ діавола, о поведеніи, о догматахъ, о правой вѣрѣ, объ извращенныхъ ересяхъ? Это и гораздо больше этого должно знать христіанину и о всемъ давать отвѣтъ спрашивающимъ васъ. А вы не можете узнать и малѣйшей части этого, собираясь сюда однажды въ 365
годъ, и притомъ мимоходомъ и по обычаю праздника, а не по благочестивому душевному расположенію, — ибо и то было бы хорошо, еслибы кто, присутствуя здѣсь при каждомъ собраніи, могъ въ точности удержать все это. Многіе изъ васъ, присутствующихъ здѣсь, имѣете рабовъ и сыновей, и, когда намѣреваетесь отдать ихъ учителямъ искусствъ, какихъ изберете, то вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаете свой домъ недоступнымъ для нихъ разъ навсегда, и заготовивъ одежду и пищу и все прочее необходимое для нихъ, помѣщаете ихъ вмѣстѣ съ учителемъ, запрещая имъ ходить въ вашъ домъ, дабы отъ постояннаго пребыванія тамъ и неразвлекаемаго никакими заботами занятія ученіе ихъ было успѣшнѣе. Но имѣя научиться не обыкновенному искусству, а величайшему изъ всѣхъ,—какъ угодить Богу и достигнуть небесныхъ благъ, вы думаете, что можно сдѣлать это мимоходомъ? Не безумно ли это? А что [эта] наука есть дѣло требущее великаго вниманія, послушай, что говоритъ [Христосъ]: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. xi, 29); и опять пророкъ: *пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Псал. xxxiii, 12); и еще: *упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. xlv, 11). Итакъ, много нужно (посвятить) времени для занятій тому, кто хочетъ усвоить себѣ это любомудріе.

2. Впрочемъ, чтобы намъ не употребить всего времени на обличеніе отсутствующихъ, мы, удовольствовавшись тѣмъ, что сказано для исправленія ихъ нерадѣнія, полюбомудрствуемъ теперь нѣсколько о настоящемъ праздникѣ. Многіе празднуютъ праздники и съ названіями ихъ знакомы, но поводовъ, по которымъ они установлены, не знаютъ. Такъ, о томъ, что настоящій праздникъ называется Богоявленіемъ, всѣмъ извѣстно; а какое это Богоявленіе, и одно ли оно или два, этого еще не знаютъ; между тѣмъ крайне стыдно и весьма смѣшно—каждый годъ празднуя этотъ праздникъ, не знать повода, по которому онъ установленъ. Посему прежде всего необходимо сказать вашей любви, что не одно Богоявленіе, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое—будущее, которое произойдетъ со славою при кончинѣ [міра]. О томъ и другомъ вы слышали сегодня отъ Павла, который, бесѣдуя съ Титомъ, говоритъ такъ о настоящемъ: *явися благодать Божія спаси-*

тельная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ; а о будущемъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 11—13). И пророкъ объ этомъ послѣднемъ сказалъ такъ: *солнце обратится во тму, и луна въ кровь, прежде неже пріити дню Господню великому и просвѣщенному* (Іоил. II, 31). Почему же Богоявленіемъ называется не тотъ день, въ который Онъ родился, а тотъ, въ который Онъ крестился? Настоящій день есть тотъ самый, въ который Онъ крестился и
366 освятилъ естество водъ. Посему въ этотъ праздникъ въ полночь всѣ, почерпнувъ воды, приносятъ ее домой и хранятъ во весь годъ, такъ какъ сегодня освящены воды; и происходитъ явное знаменіе: эта вода въ существѣ своемъ не портится отъ продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она цѣлый годъ, а часто два и три года остается неповрежденною и свѣжею, и послѣ столь долгаго времени не уступаетъ водамъ, только что взятымъ изъ источниковъ. Почему же этотъ день называется Богоявленіемъ? Потому, что Христосъ сдѣлался извѣстнымъ для всѣхъ не тогда, когда Онъ родился, но когда Онъ крестился; до этого дня Онъ не былъ извѣстенъ народу. А что народъ не зналъ Его и не разумѣлъ, кто Онъ былъ, объ этомъ послушай Іоанна Крестителя, который говоритъ: *посредѣ васъ стоитъ, Его же вы не вѣсте* (Іоан. I, 26). И удивительно ли, что другіе не знали Его, когда и самъ Креститель не зналъ Его до того дня? *И азъ*, говоритъ онъ, *не вѣдяхъ Его, но пославый мя крестити водою, Той мнѣ рече: надъ него же узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. I, 33). Отсюда видно, что два Богоявленія; а почему Христосъ приходитъ на крещеніе, объ этомъ необходимо сказать, а также и о томъ, на какое Онъ приходитъ крещеніе,—и то и другое необходимо знать. И напередъ надобно сказать вашей любви о послѣднемъ, такъ какъ изъ этого мы узнаемъ и первое. Было крещеніе іудейское, которое очищало тѣлесныя нечистоты, но не грѣхи совѣсти. Такъ, кто совершалъ прелюбодѣяніе, или кто рѣшался на воровство, или кто сдѣлалъ какое-нибудь другое беззаконіе, того оно не освобождало отъ вины. Но кто касался костей умершаго, кто вкушалъ пищу, запрещенную закономъ, кто приходилъ изъ [мѣста] заразы, кто обращался съ прокаженными, тотъ омывался, и до вечера былъ нечистъ, а потомъ очищался. *Да омыетъ тѣло свое водою чистою*, говорится въ Писаніи, *и нечистъ будетъ до вечера, и чистъ будетъ* (Левит. XV, 5, XXII, 7). Это не были въ самомъ дѣлѣ грѣхи или нечистоты, но такъ какъ іудеи были несовершенны, то Богъ, дѣлая ихъ чрезъ

это болѣе благочестивыми, съ самаго начала приготовлялъ ихъ къ точнѣйшему соблюденію важнѣйшаго.

3. Итакъ, іудейское очищеніе освобождало не отъ грѣховъ, а только отъ тѣлесныхъ нечистотъ. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождаетъ отъ грѣховъ, очищаетъ душу и подаетъ даръ Духа. И крещеніе Іоанново было гораздо выше іудейскаго, но ниже нашего; оно было какъ бы мостомъ между обоими крещеніями, ведущимъ чрезъ себя отъ перваго къ послѣднему, такъ какъ понуждало ихъ [іудеевъ] не къ соблюденію тѣлесныхъ очищеній, но вмѣсто таковыхъ увѣщевало и совѣтовало переходить отъ порока къ добродѣтели и надежду спасенія полагать въ совершеніи [добрыхъ] дѣлъ, а не въ разныхъ омовеніяхъ и очищеніяхъ водою. [Іоаннъ] не говорилъ: 367
вымой одежду твою, омой тѣло твое, и будешь чистъ; но что? *Сотворите плодъ достоинъ покаянія* (Мѳ. III, 8). Потому именно оно было выше іудейскаго, но ниже нашего, что крещеніе Іоанново не сообщало Духа Святаго и не доставляло благодатнаго прощенія; оно повелѣвало каяться, но не было властно отпускать [грѣхи]. Поэтому [Іоаннъ] и говорилъ: *азъ убо крещаю вы водою, Той же вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мѳ. III, 11). Очевидно, что Онъ не крестилъ Духомъ. Что же значитъ: *Духомъ Святымъ и огнемъ?* Вспомни тотъ день, въ который апостоламъ *явишася раздѣлени языцы яко огненни, и сѣде на единомъ коемждо ихъ* (Дѣян. II, 3). А что крещеніе Іоанново было несовершенно, не сообщало Духа и отпущенія грѣховъ, видно изъ слѣдующаго: Павелъ, *обрѣтъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святъ пріяли есте вѣровавше? Они же рѣша къ нему: но ниже, аще Духъ Святый есть, слышахомъ. Рече же къ нимъ: во что убо креститеся? Они же рекоша: во Іоанново крещеніе. Рече же Павелъ: Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія*,—покаянія, не отпущенія грѣховъ; для чего же Онъ крестилъ? *Людемъ глаголя: да во грядущаго по немъ вѣруютъ, сирѣчь въ Христа Іисуса. Слышавше же крестишася во имя Господа Іисуса. И возложшу Павлу на ня руцѣ, пріиде Духъ Святый на ня* (Дѣян. XIX, 1—6). Видишь ли, какъ несовершенно было крещеніе Іоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павелъ не крестилъ бы ихъ снова, не возлагалъ бы на нихъ рукъ; исполнивъ же то и другое, онъ показалъ превосходство апостольскаго крещенія, и то, что крещеніе Іоанново гораздо ниже его. Но изъ этого мы узнали различіе крещеній; теперь необходимо сказать, для чего Христосъ крестился и какимъ крещеніемъ. Ни прежнимъ—іудейскимъ, ни послѣдующимъ—нашимъ, потому что Онъ не имѣлъ нужды въ отпущеніи грѣховъ; да и какъ можетъ нуждаться въ этомъ Тотъ, Кто не имѣетъ ни-

какого грѣха? *Грѣха*, говорится въ Писаніи, Онъ *не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. II, 22); и еще: *кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ* (Іоан. VIII, 46)? И Духу не была непричастна плоть Его; да и какъ могло быть иначе, когда она вначалѣ была произведена Духомъ Святымъ? Итакъ, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Онъ не былъ подверженъ грѣхамъ, то для чего Онъ крестился? Но прежде намъ нужно узнать, какимъ Онъ крестился крещеніемъ, тогда и то будетъ яснымъ для насъ. Какимъ же крещеніемъ Онъ крестился? Не іудейскимъ, и не нашимъ, но Іоанновымъ. Для чего? Для того, чтобы ты изъ самаго свойства крещенія позналъ, что Онъ крестился не по причинѣ грѣха и не потому что имѣлъ нужду въ дарѣ Духа; какъ мы показали, это крещеніе было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Онъ приходилъ на Іорданъ не для отпущенія грѣховъ, и не для
368 полученія дара Духа. Но чтобы кто-нибудь изъ присутствовавшихъ тогда не подумалъ, что Онъ приходилъ для покаянія, подобно прочимъ, послушай, какъ Іоаннъ предупредилъ и это. Тогда какъ другимъ онъ говорилъ: *сотворите плодъ достоинъ покаянія*, послушай, что онъ говоритъ Ему: *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ* (Мѳ. III, 8. 14)? Этими словами онъ показалъ, что Христосъ приходилъ къ нему не по той же нуждѣ, по которой приходилъ народъ, и что Онъ тѣмъ болѣе далекъ былъ отъ нужды—креститься по той же причинѣ, что былъ гораздо выше и несравненно чище и самого Крестителя. Для чего же Онъ крестился, если сдѣлалъ это ни для покаянія, ни для отпущенія грѣховъ, ни для полученія дара Духа? По другимъ двумъ причинамъ, изъ которыхъ объ одной говоритъ ученикъ, а о другой Онъ Самъ сказалъ Іоанну. Итакъ, какую же причину этого крещенія высказалъ Іоаннъ? Ту, чтобы Христосъ сталъ извѣстнымъ народу, какъ и Павелъ говорилъ: *Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія, да во грядущаго по немъ вѣруютъ* (Дѣян. XIX, 4); это было завершеніемъ крещенія. Если бы обходить жилище каждаго и, подойдя къ дверямъ, вызывать на улицу и, держа Христа, говорить: это есть Сынъ Божій, то это дѣлало бы свидѣтельство подозрительнымъ и было бы весьма затруднительно; также, если бы, взявъ Христа, войти въ синагогу и показать Его, то и это самое опять сдѣлало бы свидѣтельство подозрительнымъ; но когда весь народъ стекся изъ всѣхъ городовъ къ Іордану и пребывалъ на берегахъ рѣки, то уже то обстоятельство, что и Самъ Онъ пришелъ креститься и получилъ удостовѣреніе свыше голосомъ Отца и нашествіемъ Духа въ видѣ голубя, дѣлало свидѣтельство о Немъ Іоанна несомнѣннымъ. Поэтому онъ и говоритъ: *и азъ не вѣдѣхъ Его*, представляя свидѣтельство свое достовѣрнымъ (Іоан. I, 31), такъ какъ они были по-

плоти родственниками между собою [*се Елисаветь, южика твоя, и та зачатъ сына*, говорилъ ангелъ Маріи о матери Іоанна (Лук. 1, 36); если же матери были въ родствѣ, то, очевидно, и дѣти]. Итакъ, поелику они были родственниками, то, дабы не показалось, будто Іоаннъ свидѣтельствуетъ о Христѣ по родству, благодать Духа устроила такъ, что Іоаннъ провелъ весь раннiй свой возрастъ въ пустынѣ, дабы не показалось, будто свидѣтельство высказывается по дружбѣ или по какому-нибудь подобному предвзятому основанію; но Іоаннъ, какъ былъ наученъ отъ Бога, такъ и возвѣстилъ о Немъ. Вотъ онъ и говоритъ: *и азъ не вѣдѣхъ Его*. Откуда же ты узналъ? *Пославый мя*, говоритъ, *крестити водою, Той мнѣ рече*. Что Онъ сказалъ тебѣ? *Надъ него же узриши Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на немъ, Той есть крестяй Духомъ Святымъ* (Іоан. I, 33). Видишь ли, что Духъ Святый снисшелъ не такъ, какъ въ первый разъ тогда нисшелъ на Него, но дабы показать проповѣданнаго, наитіемъ Своимъ, какъ бы перстомъ, указуя Его всѣмъ? По этой причинѣ Онъ пришелъ на крещеніе. Была и другая причина, о которой Онъ Самъ говоритъ; какая же именно? Когда Іоаннъ сказалъ: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко Мнѣ*,—то Онъ отвѣчалъ такъ: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. III, 14, 15). Видишь ли благоразуміе раба? Видишь ли смиреніе Владыки? Что же 369
значитъ: *исполнити всяку правду? Правдою* называется исполненіе всѣхъ заповѣдей, какъ говорится: *бѣста праведна оба, ходяще въ заповѣдехъ Господнихъ безпорочна* (Лук. 1, 6). Такъ какъ исполнять эту правду должны были всѣ люди, но никто изъ нихъ не соблюлъ и не исполнилъ ея, то Христосъ, приходя, исполняетъ эту правду.

4. А какая, скажетъ кто-нибудь, правда въ томъ, чтобы креститься? Повиновеніе пророку было правдою. Какъ Христосъ обрѣзался, принесъ жертву, хранилъ субботы и соблюдалъ іудейскіе праздники, такъ присоединилъ и это остальное—повиновался крестившему пророку. Воля Божія была, чтобы тогда всѣ крестились, о чемъ, послушай, какъ говоритъ Іоаннъ: *пославый мя крестити водою* (Іоан. I, 33); также и Христосъ: *мытаріе и людіе оправдиша Бога, крещшеся крещеніемъ Іоанновымъ, фарисее же и законницы совѣтъ Божій отвергоша о себѣ, не крещшеся отъ него* (Лук. VII, 29, 30). Итакъ, если повиновеніе Богу составляетъ правду, а Богъ послалъ Іоанна, чтобы крестить народъ, то Христосъ со всѣмъ другимъ, что требуется закономъ, исполнилъ и это. Представь себѣ, что заповѣди закона суть двѣсти динаріевъ; этотъ долгъ долженъ былъ уплатить родъ нашъ; но мы не уплатили, и насъ, подпавшихъ такой винѣ, объяла смерть. Христосъ,

пришедши и найдя насъ одержимыми ею, уплатилъ этотъ долгъ, исполнилъ должное и исхитилъ [отъ ней] тѣхъ, которые не могли уплатить. Посему Онъ не сказалъ: намъ должно сдѣлать то и то, но: *исполнити всяку правду.* Мнѣ, Владыкѣ имѣющему, говоритъ Онъ, надлежитъ уплатить за неимѣющихъ. Такова причина Его крещенія, чтобы видѣли, что Онъ исполнилъ весь законъ; и эта причина, и та, о которой сказано прежде. Поэтому и Духъ нисшелъ въ видѣ голубя: гдѣ примиреніе съ Богомъ, тамъ и голубь. Такъ и въ ковчегъ Ноевъ голубь принесъ масличную вѣтвь—знакъ человѣколюбія Божія и прекращенія бѣдствія; и теперь въ видѣ голубя, а не въ тѣлесномъ видѣ (это особенно должно замѣтить), нисходитъ Духъ, возвѣщая вселенной милость Божію и вмѣстѣ показывая, что духовный человѣкъ долженъ быть незлобивъ, простъ и невиненъ, какъ и Христосъ говоритъ: *аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидите въ царство небесное* (Мѳ. XVIII, 3). Но тотъ ковчегъ, по прекращеніи бѣдствія, остался на землѣ; а этотъ ковчегъ, по прекращеніи гнѣва, взятъ на небо, и нынѣ это непорочное и нетлѣнное тѣло находится одесную Отца.

Но такъ какъ я упомянулъ о тѣлѣ Господнемъ, то необходимо сказать вамъ немного и объ этомъ, и потомъ окончить рѣчь. Я знаю, что многіе у насъ приступятъ къ этой священной трапезѣ по случаю праздника. Итакъ должно, какъ я часто и прежде говорилъ, не праздники наблюдать, чтобы пріобщаться, а очищать
370 совѣсть, и тогда касаться священной жертвы. Преступный и нечистый не имѣетъ права и въ праздникъ причащаться этой святой и страшной плоти; а чистый и омывшій свои прегрѣшенія искреннимъ покаяніемъ въ правѣ и въ праздникъ и во всякое время причащаться божественныхъ таинъ и достоинъ наслаждаться божественными дарами. Но поелику, не знаю почему, нѣкоторые не обращаютъ на это вниманіе, и многіе, исполненные безчисленныхъ грѣховъ, видя наступившій праздникъ, какъ будто побуждаясь самимъ этимъ днемъ, приступаютъ къ святымъ тайнамъ, на которыя и смотрѣть не должно находящимся въ такомъ состояніи, то тѣхъ, которые извѣстны намъ, мы сами непремѣнно удалимъ, а неизвѣстныхъ намъ предоставимъ Богу, знающему тайны помышленій каждаго; теперь же постараемся исправить то, въ чемъ всѣ явно согрѣшаютъ. Въ чемъ же состоитъ этотъ грѣхъ? Въ томъ, что приступаютъ не съ трепетомъ, но съ давкою, ударяя другихъ, пылая гнѣвомъ, крича, злослова, толкая ближнихъ, полные смятенія. Объ этомъ я часто говорилъ и не перестану говорить. Не видите ли, какое бываетъ благочиніе на олимпійскихъ играхъ, когда распорядитель проходитъ по площади, съ вѣнцомъ на головѣ, одѣтый въ длинную одежду, держа въ рукѣ

жезлъ, а глашатай объявляетъ, чтобы было тихо и благоприлично? Не нелѣпо ли, что тамъ, гдѣ торжествуетъ діаволъ, бываетъ такое спокойствіе, а тамъ, гдѣ призываетъ къ Себѣ Христосъ, бываетъ великій шумъ? На площади безмолвіе, а въ церкви крикъ? На морѣ тишина, а въ пристани волненіе? Къ чему ты, скажи мнѣ, безпокоишься, человѣкъ? Чтó гонитъ тебя? Необходимыя дѣла, конечно, призываютъ тебя? Въ этотъ часъ ты особенно сознаешь, что у тебя есть дѣла, особенно помнишь, что ты находишься на землѣ, и думаешь, что обращаешься съ людьми? Но не каменной ли душѣ свойственно—думать, что въ такое время ты стоишь на землѣ, а не ликуешь съ ангелами, съ которыми ты возсылаешь таинственное пѣснопѣніе, съ которыми ты возносишь побѣдную пѣснь Богу? Для того Христосъ и назвалъ насъ орлами, сказавъ: *идѣже трупъ, тамо соберутся орли* (Мѳ. XXIV, 28), чтобы мы восходили на небо, чтобы парили въ высотѣ, возносясь на крыльяхъ духа; а мы, подобно зміямъ, пресмыкаемся во прахѣ и ѣдимъ землю. Хотите ли, я скажу, отчего бываетъ этотъ шумъ и крикъ? Оттого, что мы не на все время запираемъ для васъ двери, но позволяемъ прежде послѣдняго благодаренія стремительно выходить и уходить домой. Это и само по себѣ выражаетъ великое пренебреженіе. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Когда присутствуетъ Христосъ, предстоятъ ангелы, предлежитъ эта страшная трапеза, и братья твои еще участвуютъ въ таинствахъ, самъ ты, оставивъ все, убѣгаешь? Бывъ приглашенъ на обѣдъ, ты, хотя бы и прежде другихъ насытился, не осмѣливаешься выходить прежде друзей, когда другіе возлежатъ еще; а здѣсь, когда еще совершаются страшныя таинства Христовы, когда еще продолжается священнодѣйствіе, ты въ самой срединѣ оставляешь все и выходишь? И гдѣ это можетъ быть достойно прощенія? Какое можетъ быть оправданіе? Хотите ли, я скажу, чье дѣло дѣлаютъ тѣ, которые уходятъ прежде окончанія и не совершивъ благодарственныхъ пѣснопѣній по окончаніи трапезы? Можетъ быть, покажется жестокимъ 371
то, что будетъ сказано, однако необходимо сказать по причинѣ нерадѣнія многихъ. Іуда, пріобщившись послѣдней вечери въ ту послѣднюю ночь, поспѣшно вышелъ, тогда какъ всѣ прочіе еще возлежали. Вотъ кому подражаютъ и тѣ, которые спѣшатъ выйти прежде послѣдняго благодаренія! Если бы онъ не вышелъ, то не сдѣлался бы предателемъ; если бы не оставилъ соучениковъ, то не погибъ бы; если бы не отторгнулъ себя отъ стада, то волкъ не захватилъ бы его одного и не пожралъ бы; если бы не отдѣлилъ себя отъ пастыря, то не сдѣлался бы добычею звѣря. Посему онъ былъ съ іудеями, а тѣ съ Господомъ вышли, воспѣвая. Видишь ли, по какому образцу совершается послѣдняя молитва послѣ

жертвоприношенія? Будемъ же, возлюбленные, представлять себѣ это, будемъ помышлять объ этомъ, страшась предстоящаго за
372 то осужденія. Онъ [Христосъ] даетъ тебѣ Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодаришь за полученное? Когда ты вкушаешь тѣлесную пищу, то послѣ трапезы обращаешься къ молитвѣ; а когда пріобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь, видимую и невидимую, ты, человѣкъ и уничиженный по естеству, не остаешься благодарить Его словами и дѣлами? Не достойно ли это крайняго наказанія? Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, или шумѣли и кричали, но чтобы вы, благовременно вспоминая эти слова, показывали надлежащее благочиніе. Таинства и называются и суть таинства; а гдѣ таинства, тамъ великое молчаніе. Итакъ, будемъ приступать къ этой священной жертвѣ съ глубокимъ молчаніемъ, съ великимъ благочиніемъ, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, чтобы намъ заслужить большее благоволеніе у Бога, очистить свою душу и достигнуть вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, и держава, и поклоненіе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПРЕДАТЕЛЬСТВѢ ІУДЫ

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

О предательствѣ Іуды и о Пасхѣ, о преподаніи таинъ, а также и о непамятозлобіи. (Сказана) въ святый и великій четвертокъ *).

373 НЕМНОГО нужно сегодня сказать вашей любви; немного нужно сказать не потому, чтобы вы тяготились множествомъ проповѣдуемаго, — невозможно найти другой городъ, который былъ бы такъ любовно расположенъ къ слушанію духовныхъ бесѣдъ. Итакъ не потому мы скажемъ немного, что мы надоѣдаемъ вамъ множествомъ проповѣдуемаго, но потому, что сегодня есть важная причина къ сокращенію рѣчи: я вижу, что многіе изъ вѣрующихъ поспѣшаютъ къ пріобщенію страшныхъ таинъ. Поэтому, дабы они не лишились и этой трапезы, и не остались безъ той, необходимо пищу распредѣлить соразмѣрно, чтобы и съ той и съ другой стороны вамъ была польза и чтобы вы отошли,

*) Время произнесенія этой бесѣды съ точностью неизвѣстно; можно только полагать, что она произнесена ранѣе нижеслѣдующей второй бесѣды.

снабженные въ путь этою трапезою и нашими бесѣдами, и приступили къ страшному и ужасному пріобщенію со страхомъ, трепетомъ и надлежащимъ благоговѣніемъ.

Сегодня, возлюбленные, Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ преданъ; въ этотъ наступающій вечеръ іудеи взяли Его и пошли. Но не предавайся унынію, услышавъ, что Іисусъ былъ преданъ; или лучше, предайся унынію и плачь горько, но не о преданномъ Іисусѣ, а о предателѣ Іудѣ, потому что преданный спасъ вселенную, а предавшій погубилъ свою душу; преданный сѣдитъ нынѣ одесную Отца на небесахъ, а предавшій находится нынѣ во адѣ, ожидая неизбѣжнаго наказанія. О немъ плачь и воздыхай, о немъ скорби, какъ и Владыка нашъ плакалъ о немъ. Увидѣвъ его, говорится [въ Писаніи], *смутися и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. xiii, 21). О, сколь велико милосердіе Владыки: преданный скорбитъ о предавшемъ! Увидѣвъ его, говоритъ [евангелистъ], *смутися и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя*. Для чего Онъ опечалился? Для того, чтобы показать любовь Свою и вмѣстѣ научить насъ, что не того, кто терпитъ зло, а того, кто причиняетъ зло, нужно постоянно оплакивать. Послѣднее хуже перваго, или лучше сказать, первое, т. е. терпѣть зло, не есть зло, а причинять зло есть зло. Терпѣть зло,—это доставляетъ царство небесное; а причинять зло,—это подвергаетъ насъ гееннѣ и наказанію. *Блажени*, говоритъ Господь, *изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное* (Мѳ. v, 10). Видишь ли, какъ претерпѣвающій зло 374
получаетъ награду и воздаяніе—царство небесное? Послушай, какъ причиняющій зло подвергается наказанію и отмщенію. Павелъ, сказавъ объ іудеяхъ, что они *Господа убиша и пророковъ изгнаша* (1 Сол. ii, 15), присовокупилъ: *имже кончина будетъ по дѣломъ ихъ* (2 Кор. xi, 15). Видишь ли, какъ гонимые получаютъ царство, а гонящіе наслѣдуютъ гнѣвъ [Божій]? Это сказано мною теперь не безъ цѣли, а для того, чтобы мы не гнѣвались на враговъ, но жалѣли ихъ, оплакивали ихъ и сострадали имъ: они-то именно и терпятъ зло, враждуя противъ насъ. Если мы такъ настроимъ душу свою, то въ состояніи будемъ и молиться за нихъ. Для того я и бесѣдую съ вами уже четвертый день о молитвѣ за враговъ, чтобы это слово наставленія было твердо усвоено, укоренившись въ васъ отъ непрестаннаго внушенія. Для того я непрестанно и изливаюсь въ словахъ, чтобы опала опухоль гнѣва и утихло воспаленіе, такъ чтобы приступающій къ молитвѣ чистъ былъ отъ гнѣва. Христосъ заповѣдалъ это не только для враговъ, но и для насъ, прощающихъ имъ грѣхи, такъ какъ ты самъ больше пріобрѣтаешь, чѣмъ даешь, прекращая гнѣвъ на врага. Какъ же, скажешь, я больше пріобрѣтаю? Если ты простишь грѣхи врагу, то

тебѣ будутъ прощены твои прегрѣшенія противъ Владыки. Эти неисцѣльны и непростительны, а для тѣхъ есть великое облегченіе и прощеніе. Послушай, какъ Илій говорилъ сыновьямъ своимъ: *аще согрѣшая согрѣшитъ мужъ мужеви, помолятся о немъ ко Господу: аще же Господеви согрѣшитъ, кто помолится о немъ* (1 Цар. II, 25)? Такимъ образомъ эта рана не легко исцѣляется и молитвою; но, не исцѣляясь молитвою, она исцѣляется прощеніемъ грѣховъ ближнему. Поэтому грѣхи въ отношеніи къ Владыкѣ Христосъ назвалъ тысячами талантовъ, а грѣхи въ отношеніи къ ближнему — сотнею динаріевъ (Мѳ. XVIII, 23 — 35). Прости же сто динаріевъ, чтобы тебѣ были прощены тысячи талантовъ.

2. Впрочемъ, о молитвѣ за враговъ довольно сказано; возвратимся, если угодно, къ рѣчи о предательствѣ и посмотримъ, какъ преданъ былъ Господь нашъ. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій, ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его*
375 (Матѳ. XXVI, 14, 15)? Эти слова, по видимому, ясны и ничего болѣе въ нихъ не подразумѣвается; но если кто тщательно изслѣдуетъ каждое изъ этихъ словъ, то найдетъ въ нихъ много предметовъ для размышленія и великую глубину мыслей. И во-первыхъ—время; не напрасно Евангелистъ означаетъ его, не просто сказалъ онъ: *шедъ*, но прибавилъ: *тогда шедъ. Тогда*; скажи мнѣ: когда? И для чего онъ означаетъ время? Чему онъ хочетъ научить меня? Не безъ цѣли сказано это: *тогда*,—говорящій Духомъ не говоритъ напрасно и безъ цѣли. Что же значитъ это *тогда*? Предъ тѣмъ самымъ временемъ, предъ тѣмъ самымъ часомъ приходила блудница, *стклянницу мгра имущи*, и возлила этотъ елей на главу Господа (Мѳ. XXVI, 7). Она показала великую услужливость, показала великую вѣру, великое послушаніе и благоговѣніе; измѣнила прежнюю жизнь, сдѣлалась лучше и цѣломудреннѣе. Но когда блудница раскаялась, когда она снискала себѣ благоволеніе Владыки, тогда ученикъ предалъ Учителя. Для того и сказано: *тогда*, чтобы ты не обвинялъ Учителя въ немощи, когда увидишь, что ученикъ предаетъ Учителя. Сила Учителя была такова, что она привлекала и блудницъ къ повиновенію Ему.

Почему же, скажешь, обращавшій блудницъ не въ силахъ былъ привлечь къ себѣ ученика? Онъ въ силахъ былъ привлечь къ себѣ ученика, но не хотѣлъ сдѣлать его добрымъ по необходимости и привлечь къ Себѣ насильно. *Тогда шедъ*. Немаловажный предметъ для размышленія заключается и въ этомъ словѣ: *шедъ*; не бывъ призванъ первосвященниками, не бывъ принужденъ необходимостію или силою, но самъ по себѣ и отъ себя онъ произвелъ

коварство и предпринялъ такое намѣреніе, не имѣя никого сообщникомъ этого нечестія. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте.* Что значитъ: *единъ отъ обоюнадесяте?* И въ этихъ словахъ: *единъ отъ обоюнадесяте* выражается величайшее противъ него осужденіе. У Іисуса были и другіе ученики, числомъ семьдесятъ; но тѣ занимали второе мѣсто, не пользовались такою честію, не имѣли такого дерзновенія, не участвовали въ стольких тайнахъ, какъ двѣнадцать учениковъ. Эти были особенно отличены и составляли хоръ около Царя; это было приближенное общество Учителя; и отсюда ниспалъ Іуда. Итакъ, дабы ты зналъ, что не простой ученикъ предалъ Его, но одинъ изъ высшаго разряда, для этого и говоритъ евангелистъ: *единъ отъ обоюнадесяте.* И не стыдился написать это св. Матѳей. Для чего не стыдился? Для того, чтобы ты зналъ, что евангелисты всегда во всемъ говорятъ истину, и ничего не скрываютъ, даже и того, что̀ кажется унизительнымъ, потому что и это, повидимому унизительное, показываетъ человѣколюбіе Владыки: предателя, разбойника, вора Онъ удостоилъ такихъ благъ и до послѣдняго часа терпѣлъ его, вразумлялъ, увѣщевалъ и всячески оказывалъ попеченіе о немъ. Если же онъ не внималъ, то виною не Господь; свидѣтельница этому—блудница, она была внимательна къ самой себѣ—и спаслась. Итакъ, не отчаивайся, взирая на блудницу; и не будь самонадѣянъ, взирая на Іуду. То и другое гибельно, и самонадѣянность и отчаяніе; самонадѣянность стоящаго заставляетъ падать, а отчаяніе лежащему не позволяетъ встать. Поэтому и Павелъ увѣщевалъ такъ: *мняйся стояти да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12). 376
Ты имѣешь примѣры того и другого—какъ ученикъ, казавшійся стоящимъ, палъ, и какъ блудница павшая возстала. Склоненъ къ паденію нашъ умъ, удобопреклонна воля; поэтому намъ нужно со всѣхъ сторонъ оберегать и ограждать себя. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій.* Видишь ли, изъ какого хора ниспалъ онъ? Видишь ли, какимъ ученіемъ пренебрегъ онъ? Видишь ли, какое зло—безпечность и нерадѣніе? *Глаголемый Іуда Искаріотскій.* Для чего ты мнѣ называешь его городъ? О, если бы мнѣ не знать его! *Глаголемый Іуда Искаріотскій.* Для чего же ты называешь его городъ? Былъ другой ученикъ—Іуда, называемый Зилотомъ (ревнителемъ). Чтобы отъ одинаковости имени не произошло какой-нибудь ошибки, евангелистъ и отличилъ того отъ этого; этого назвалъ по доброму качеству его: *Іуда Зилотъ*, а того не назвалъ по злому его качеству—не сказалъ: *Іуда предатель.* Хотя слѣдовало бы, какъ этого назвалъ онъ по доброму качеству, такъ и того назвать по злому качеству и сказать: *Іуда предатель*; но, дабы научить тебя соблюдать языкъ

свой чистымъ отъ осужденія, онъ щадитъ и самого предателя. *Шедъ*, говоритъ, *единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* О нечестивыя эти слова! Какъ они исторглись изъ устъ, какъ подвигся языкъ? Какъ не оцѣпенѣло все тѣло? Какъ не помрачился умъ?

3. *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* Этому ли, скажи мнѣ, научилъ тебя Христосъ? Не поэтому ли говорилъ Онъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ* (Мѳ. x, 9), заранѣе сдерживая твою склонность къ сребролюбію? Не къ этому ли убѣждалъ Онъ постоянно, и вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. v, 39)? *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* О, безуміе! За что? скажи мнѣ. Въ чемъ маломъ или великомъ имѣя обвинить (Его), ты предаешь Учителя? За то, что Онъ тебѣ далъ власть надъ демонами? За то, что далъ силу исцѣлять болѣзни, очищать прокаженныхъ? За то, что далъ силу воскрешать мертвыхъ, что поставилъ господиномъ надъ властію смерти? За эти благодѣянія даешь ты такую отплату? *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* О, безуміе, или лучше, сребролюбіе! Оно породило все это зло; имъ увлеченный, онъ предалъ Учителя. Таковъ этотъ злой корень; онъ хуже бѣса приводитъ въ неистовство души, которыми овладѣваетъ, производитъ въ нихъ забвеніе о всемъ—и о себѣ, и о ближнихъ, и о законахъ природы, лишаетъ самаго смысла и дѣлаетъ безумными. Смотри, сколько вещей онъ изгладилъ изъ души Іуды: сообщество [съ Іисусомъ Христомъ], пріязнь, общеніе въ трапезѣ, чудеса, ученіе, увѣщаніе, наставленіе; все это тогда сребролюбіе ввергло въ забвеніе. Поэтому справедливо Павелъ говорилъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. vi, 10). *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* Велико безуміе этихъ словъ. Неужели, скажи мнѣ, можешь предать Того, Кто держитъ все, владычествуетъ надъ бѣсами, повелѣваетъ моремъ, есть Владыка всей природы? И дабы укротить его безуміе и показать, что, если бы Самъ Онъ не хотѣлъ, то не былъ бы преданъ, послушай, что̀ дѣлаетъ [Господь]. Въ самое время предательства, когда
377 вышли на него *съ дреколми, со свѣтилы и свѣщами*, Онъ говоритъ имъ: *кого ищете* (Іоан. xviii, 3, 4)? Они не знали Того, Кого намѣревались взять. Такъ далекъ былъ Іуда отъ возможности предать Его, что даже не видѣлъ присутствія Того, Кого намѣревался предать, тогда какъ были свѣтильники и столько свѣта. На это далъ указаніе и евангелистъ, сказавъ: они имѣли *свѣтилы и свѣщи*, и не видѣли Его.

Каждый день Господь напоминалъ ему и дѣлами и словами, внушая, что предатель не скроется [отъ Него]; не явно обличалъ его предъ всѣми, чтобы онъ не сдѣлался болѣе безстыднымъ, и не молчалъ, чтобы онъ, думая, что скрытъ, не приступилъ къ предательству безъ страха, но часто говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. XIII, 21),—впрочемъ не дѣлалъ его извѣстнымъ. Много говорилъ Онъ и о гееннѣ, много и о царствѣ, и въ томъ и другомъ показывалъ свою силу, и въ наказаніи грѣшниковъ и въ награжденіи добродѣтельныхъ. Но все это Іуда отвергъ, а Богъ не влекъ его силою. Такъ какъ Богъ создалъ насъ господами въ выборѣ и худыхъ и добрыхъ дѣлъ, и желаетъ, чтобы мы были добрыми по своей волѣ, то Онъ не принуждаетъ и не заставляетъ, если мы не хотимъ, потому что быть добрымъ по принужденію не значитъ быть добрымъ. Поэтому, такъ какъ и (Іуда) былъ господиномъ своихъ помысловъ и въ его власти было не повиноваться имъ и не склоняться къ сребролюбію, то онъ очевидно самъ ослѣпилъ свой умъ и отказался отъ собственнаго спасенія: *что ми*, говоритъ, *хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* Обличая слѣпоту ума его и безуміе его, евангелистъ говоритъ, что во время прибытія ихъ стоялъ близъ нихъ Іуда, сказавшій: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* И не изъ этого только можно видѣть силу Христову, но и изъ того, что по произнесеніи Имъ простого слова они отступили и пали на землю. Но такъ какъ они и послѣ этого не оставили безстыдства, то Онъ, наконецъ, предаетъ Себя, какъ бы такъ говоря: Я сдѣлалъ все съ Своей стороны, явилъ силу Свою, показалъ, что вы предпринимаете невозможное дѣло; Я хотѣлъ обуздать злобу вашу; но такъ какъ вы не захотѣли этого, а остались при своемъ безуміи, то, вотъ, Я предаю Себя. Это сказано мною для того, чтобы кто-нибудь не сталъ осуждать Христа, говоря: почему Онъ не измѣнилъ Іуду? Почему не сдѣлалъ его благоразумнымъ и добрымъ? Какъ слѣдовало сдѣлать его добрымъ? По принужденію, или по волѣ? Если—по принужденію, то такимъ образомъ онъ не могъ сдѣлаться лучшимъ, потому что никто не можетъ быть добрымъ по принужденію; если же—по волѣ и свободному рѣшенію, то Онъ [Христосъ] употребилъ всѣ мѣры, которыя могли исправить волю и намѣреніе. А если тотъ не хотѣлъ принять врачество, то это вина не врача, а отвергшаго врачеваніе. Посмотри, сколько сдѣлалъ Христосъ, чтобы склонить его на свою сторону и спасти его: научилъ его всякому любомудрію и дѣлами и словами, поставилъ его выше бѣсовъ, сдѣлалъ способнымъ совершать многія чудеса, устрашалъ угрозою геенны, вразумлялъ обѣтованіемъ царства, постоянно обличалъ тайныя его помышленія, но обличая не

выставлялъ на видъ всѣмъ, омылъ ноги его вмѣстѣ съ прочими [учениками], сдѣлалъ участникомъ Своей вечери и трапезы, не опустилъ ничего—ни малаго, ни великаго; но онъ добровольно остался неисправимымъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что онъ, имѣя возможность измѣниться, не хотѣлъ, и все произошло отъ его без-
378 печности, послушай. Предавъ Христа, онъ бросилъ тридцать сребренниковъ и сказалъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (Мѳ. XXVII, 4). Что это? Когда ты видѣлъ Его совершающимъ чудеса, то не говорилъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную*, но: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его*? А когда зло преуспѣло, и предательство достигло исполненія, и грѣхъ совершенъ, тогда ты созналъ этотъ грѣхъ? Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, когда мы предаемся безпечности, то и увѣщаніе не приноситъ намъ пользы; а когда бываемъ внимательны, то и сами собою можемъ возстать. Такъ и онъ: когда Учитель увѣщевалъ его,—не слушалъ; а когда никто не увѣщевалъ, то собственная совѣсть его пробудилась, и безъ всякаго учителя онъ перемѣнился, осудилъ то, на что дерзнулъ, и бросилъ тридцать сребренниковъ. *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его? Они же*, говоритъ евангелистъ, *поставиша ему тридесять сребреникъ* (Мѳ. XXVI, 15); предложили цѣну за кровь, не имѣющую цѣны. Для чего ты, Іуда, принимаешь тридцать сребренниковъ? Христосъ пришелъ даромъ пролить эту кровь за вселенную; а ты о ней дѣлаешь безстыдные договоры и условія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть безстыднѣе такого договора?

4. *Тогда приступиша ученицы* (Мѳ. XXVI, 17). *Тогда*; когда? Когда то произошло, когда предательство совершилось, когда Іуда погубилъ себя, тогда *приступиша ученицы ко Іисусу, глаголюще Ему: гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху?* Видишь ли ученика? Видишь ли [прочихъ] учениковъ? Тотъ предаетъ Владыку, а эти заботятся о пасхѣ; тотъ заключаетъ условія, а эти предлагаютъ услугу. Тотъ и эти пользовались одинаковыми чудесами, одинаковыми наставленіями, одинаковою властію; откуда же такая перемѣна? Отъ воли; она всегда бываетъ причиною всѣхъ благъ и золъ. *Гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху?* Это было въ нынѣшній вечеръ; Владыка не имѣлъ дома, и поэтому они говорятъ Ему: *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху*? Мы не имѣемъ опредѣленнаго пристанища, не имѣемъ ни шатра, ни дома. Пусть узнаютъ живущіе въ великолѣпныхъ домахъ, въ широкихъ портикахъ, въ пространныхъ оградахъ, что Христосъ не имѣлъ, гдѣ приклонить главу. Вотъ [ученики] и спрашиваютъ: *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху*? Какую пасху? Не эту — нашу, а пока іудейскую; ту именно приготовили ученики, а эту нашу — Онъ Самъ

приготовилъ, и не только Самъ приготовилъ ее, но и Самъ же Онъ сталъ пасхою. *Гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху?* Это была іудейская пасха, та, которая получила начало въ Египтѣ. Для чего же Христосъ вкушалъ ея? Для того, чтобы исполнить все, требуемое закономъ. Онъ, когда и крестился, говорилъ: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 15); Я пришелъ искупить человѣка отъ клятвы закона; ибо *посла Богъ сына Своего, рождаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ*, и прекратитъ самый законъ (Гал. IV, 4, 5). Дабы кто-нибудь не сказалъ, что Онъ потому уничтожилъ законъ, что не могъ исполнить его, какъ тяжкій, трудный и неудобоисполнимый,—Онъ сначала исполнилъ его весь, а потомъ и отмѣнилъ. Потому Онъ совершилъ и пасху, что пасха была предписана закономъ. А для чего законъ предписалъ вкушать пасху? Іудеи были неблагодарны къ своему Благодѣтелю и тотчасъ послѣ 379
благодѣяній забывали о повелѣніи Божіемъ. Такъ, когда они вышли изъ Египта, то даже видѣвъ море, раздѣлившееся и опять соединившееся, и другія безчисленныя чудеса, говорили: *сотворимъ себѣ боги, иже пойдутъ предъ нами* (Исх. XXXII, 1). Что говоришь ты? Чудеса еще предъ тобою, а ты уже забылъ о Благодѣтелѣ? И вотъ, такъ какъ они были столь безчувственны и неблагодарны, то съ учрежденіемъ праздниковъ Богъ связалъ воспоминанія о дарахъ Его; поэтому Онъ повелѣлъ закалать и пасху, дабы, когда спроситъ тебя, говоритъ Онъ, сынъ твой: что означаетъ эта пасха?—ты говорилъ, что наши предки въ Египтѣ помазали нѣкогда двери кровію овцы, чтобы губитель, пришедши и увидѣвъ, не дерзнулъ входить и не наносилъ удара (Исх. XII, 27—28). Такимъ образомъ потомъ этотъ праздникъ сталъ постояннымъ напоминаніемъ о спасеніи. И не только ту пользу получали они, что онъ напоминалъ имъ о древнихъ благодѣяніяхъ, но и другую, большую, отъ того, что онъ прообразовалъ будущее. Тотъ агнецъ былъ образомъ другого Агнца—духовнаго, овца—Овцы; то была тѣнь, а это—истина. Когда же явилось Солнце правды, тогда тѣнь наконецъ исчезла, такъ какъ при восходѣ солнца тѣнь скрывается. Поэтому на самой этой трапезѣ совершается та и другая пасха,—и прообразовательная, и истинная. Какъ живописцы на одной и той же доскѣ проводятъ черты и изображаютъ тѣнь, и потомъ накладываютъ на нее истинныя краски, такъ поступилъ и Христосъ: на одной и той же трапезѣ Онъ и предначерталъ прообразовательную пасху, и присоединилъ истинную. *Гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху?* Тогда была пасха іудейская; но когда взошло солнце, то свѣтильникъ пусть уже не является; когда наступила истина, то тѣнь пусть уже исчезнетъ.

5. Говорю это къ іудеямъ, такъ какъ они мнятъ, что совершаютъ пасху, и, необрѣзанные сердцами, съ безстыднымъ намѣреніемъ предлагаютъ опрѣсноки. Какъ, скажи мнѣ, іудей, ты совершаешь пасху? Храмъ разрушенъ, жертвенникъ уничтоженъ, святое святыхъ попрано, всякаго рода жертвы прекращены; для чего же ты дерзаешь совершать эти беззаконныя дѣла? Ты отошелъ нѣкогда въ Вавилонъ, и тамъ говорили плѣнившіе тебя: *воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ* (Псал. CXXXVI, 3); но ты не согласился. Это выразилъ Давидъ, сказавъ: *на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ: на вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша* (ст. 1, 2), т. е. псалтирь, цитру, лиру и прочее, такъ какъ ихъ употребляли они въ древности и посредствомъ ихъ пѣли псалмы. Отправившись въ плѣнъ, они взяли ихъ съ собою, чтобы имѣть напоминаніе о жизни въ отечествѣ, а не для того, чтобы употреблять ихъ. *Тамо*, говоритъ, *вопросиша насъ плѣншіи насъ о словесѣхъ пѣсней;* а мы сказали: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (ст. 3, 4)? Что говоришь ты? Пѣснь Господню ты не поешь на землѣ чужой, а пасху Господню совершаешь на землѣ чужой? Видишь ли неблагодарность? Видишь ли беззаконіе? Когда враги принуждали ихъ, то они не смѣли даже сказать псалма на землѣ чужой; а теперь сами отъ себя, въ то время, какъ никто не принуждаетъ и не заставляетъ ихъ, воздвигаютъ войну противъ Бога. Видишь ли, какъ нечисты опрѣс-
380 ноки, какъ беззаконенъ ихъ праздникъ, какъ уже не существуетъ пасха іудейская? Была нѣкогда пасха іудейская, но теперь отмѣнена, и наступила пасха духовная, которую преподалъ тогда Христосъ. Когда они [ученики] ѣли и пили, то Онъ, говорится [въ Евангеліи], *пріемъ хлѣбъ, преломи и рече: сіе есть тѣло Мое, за вы ломимое во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. XXVI, 26—27). Посвященные въ тайны разумѣютъ сказанное. Также и взявъ чашу, сказалъ: *сія есть кровь Моя, яже за многія изливаема, во оставленіе грѣховъ* (ст. 28). И Іуда присутствовалъ, когда Христосъ говорилъ это. *Сіе есть тѣло*, которое ты, Іуда, продалъ за тридцать сребренниковъ; *сія есть кровь*, о которой ты недавно заключилъ безстыдныя условія съ неблагодарными фарисеями. О, человѣколюбіе Христово! О, безуміе, о, неистовство Іуды! Этотъ продалъ Его за тридцать динаріевъ, а Христосъ и послѣ того не отказался бы самую проданную кровь Свою отдать продавшему *во оставленіе грѣховъ*, если бы этотъ захотѣлъ. Вѣдь и Іуда присутствовалъ и участвовалъ въ священной трапезѣ. Какъ ноги его вмѣстѣ съ прочими учениками умылъ Христосъ, такъ и въ священной трапезѣ онъ участвовалъ, для того, чтобы онъ не имѣлъ никакого предлога къ оправданію, если останется при своемъ не-

честіи. Христосъ оказалъ и употребилъ все съ Своей стороны, а онъ упорно остался при своемъ нечестивомъ намѣреніи.

6. Впрочемъ, уже время приступить къ этой страшной трапезѣ. Приступимъ же всѣ съ надлежащею скромностью и вниманіемъ; и никто пусть не будетъ Іудою, никто пусть не будетъ злымъ, никто пусть не скрываетъ въ себѣ яда, нося одно на устахъ, а другое въ умѣ. Предстоитъ Христосъ и теперь; Кто учредилъ ту трапезу, Тотъ же теперь устрояетъ и эту. Не человѣкъ претворяетъ предложенное въ тѣло и кровь Христову, но Самъ распятый за насъ Христосъ. Представляя Его образъ, стоитъ священникъ, произносящій тѣ слова; а дѣйствуетъ сила и благодать Божія. *Сіе есть тѣло Мое*, сказалъ Онъ. Эти слова претворяютъ предложенное, и какъ то изреченіе: *раститеся и множитеся и наполните землю* (Быт. 1, 28), хотя произнесено однажды, но въ дѣйствительности во все время даетъ нашей природѣ силу къ дѣторожденію; такъ и это изреченіе, произнесенное однажды, съ того времени донынѣ и до Его пришествія дѣлаетъ жертву совершенною на каждой трапезѣ въ церквахъ. Итакъ, никто пусть не приступаетъ коварнымъ, никто—исполненнымъ злобы, никто—имѣющимъ ядъ въ мысляхъ, чтобы не причащаться *во осужденіе*. И вотъ, послѣ принятія предложеннаго, въ Іуду вошелъ діаволъ, презрѣвъ не тѣло Господне, но презрѣвъ Іуду за его безстыдство, дабы ты зналъ, что на тѣхъ, которые недостойно причащаются божественныхъ таинъ, особенно нападаетъ и постоянно входитъ діаволъ, какъ и тогда въ Іуду. Такъ почести приносятъ пользу достойнымъ, а недостойно пользующихся ими подвергаютъ большему наказанію. Говорю это не для того, чтобы устрашить, но чтобы предостеречь. Пусть же никто не будетъ Іудою; никто, приступая, пусть не имѣетъ въ себѣ яда злобы. Эта жертва есть духовная пища; и какъ тѣлесная пища, попадая въ желудокъ, имѣющій худые соки, еще больше усиливаетъ немощь, не по своему свойству, но по болѣзни желудка, такъ обыкновенно бываетъ 381
и съ духовными таинствами. И они, когда сообщаются душѣ, исполненной злобы, то больше повреждаютъ и губятъ ее, не по своему свойству, но по болѣзни принявшей души. Итакъ, пусть никто не имѣетъ внутри себя злыхъ помысловъ, но очистимъ умъ; мы приступаемъ къ чистой жертвѣ,—сдѣлаемъ же душу свою святою; а сдѣлать это можно и въ одинъ день. Какъ и какимъ образомъ? Если ты имѣешь что-нибудь противъ врага, то оставь гнѣвъ, исцѣли рану, прекрати вражду, чтобы тебѣ получить пользу отъ этой трапезы, потому что ты приступаешь къ страшной и святой жертвѣ. Постыдись того, что служитъ основаніемъ самаго этого приношенія. Предлежитъ закланный Христосъ. Почему Онъ за-

кланъ и для чего? Для того, чтобы умиротворить небесное и земное, чтобы сдѣлать тебя другомъ ангеловъ, чтобы примирить тебя съ Богомъ всѣхъ, чтобы изъ врага и противника сдѣлать тебя другомъ. Онъ отдалъ душу Свою за ненавидящихъ Его; а ты остаешься враждующимъ противъ подобнаго тебѣ раба? Какъ же ты можешь приступить къ трапезѣ мира? Онъ не отказался даже умереть за тебя; а у тебя недостаетъ силъ для себя самого оставить гнѣвъ на подобнаго тебѣ раба? Какого это можетъ удостоиться прощенія? Онъ обидѣлъ меня, скажешь, и весьма много отнялъ у меня. Что же? Ущербъ только въ деньгахъ,—онъ еще не ранилъ тебя такъ, какъ Іуда Христа; однако Христосъ самую кровь Свою, которая пролита, отдалъ для спасенія пролившихъ ее. Что можешь ты сказать равное этому? Если ты не простилъ врага, то не ему нанесъ вредъ, а самому себѣ; ему ты часто вредилъ въ настоящей жизни, а себя самого сдѣлалъ недостойнымъ прощенія и безотвѣтнымъ въ будущій день. Ничего такъ не отвращается Богъ, какъ человѣка злопамятнаго, какъ сердца надменнаго и души раздражительной. Послушай же, что говоритъ Онъ: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши* раньше, стоя предъ алтаремъ, *яко братъ твой иматъ нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ бра-*
382 *томъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мѳ. v, 23, 24). Что говоришь ты: оставлю (даръ)? Да, для мира, говоритъ, съ братомъ твоимъ и принесена эта жертва. Посему, если эта жертва принесена для мира твоего съ братомъ, а ты не заключаешь мира, то напрасно ты участвуешь въ этой жертвѣ; безполезнымъ для тебя становится это благо. Сдѣлай же напередъ то, для чего принесена эта жертва, и тогда прекрасно ею воспользуешься. Для того нисшелъ Сынъ Божій, чтобы примирить естество наше съ Владыкой; не только Самъ для этого пришелъ Онъ, но [еще озабоченъ былъ тѣмъ], чтобы и насъ, совершающихъ это сдѣлать причастниками имени Его. *Блажени*, говоритъ Онъ, *миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мѳ. v, 9). Что сдѣлалъ Единородный Сынъ Божій, тоже сдѣлай и ты по силамъ человѣческимъ, ставши виновникомъ мира и для себя самого и для другихъ. Поэтому тебя, миротворца, Онъ и называетъ сыномъ Божіимъ; поэтому и преимущественно во время жертвы Онъ не упомянулъ ни о какой другой заповѣди, кромѣ примиренія съ братомъ, выражая, что это важнѣе всего. Я хотѣлъ еще болѣе продолжить рѣчь, но и сказаннаго довольно для внимательныхъ, если они будутъ помнить. Будемъ же, возлюбленные, постоянно помнить эти слова, и святыя лобзанія, и страшныя привѣтствія, которыя дѣлаемъ другъ

другу. Это соединяетъ наши души и производитъ то, что мы всѣ становимся однимъ тѣломъ, какъ и причащаемся всѣ одного тѣла. Соединимся же въ одно тѣло, не тѣла сочетавая другъ съ другомъ, но души связывая между собою союзомъ любви; такимъ образомъ мы можемъ съ дерзновеніемъ вкушать отъ предлагаемой трапезы. И хотя бы мы имѣли безчисленное множество праведныхъ дѣлъ, но, если будемъ злопамятными, то все будетъ тщетно и напрасно, и никакого отъ нихъ мы не сможемъ получить плода для спасенія. Итакъ, сознавая это, прекратимъ всякій гнѣвъ и, очиствъ совѣсть свою, со всѣмъ смиреніемъ и кротостію приступимъ къ трапезѣ Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, всякая слава, честь, держава, нынѣ и присно [и во вѣки вѣковъ]. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

о святой и тайной вечери Спасителя и предательствѣ Іуды, о пасхѣ и установленіи божественныхъ таинствъ, и о непамятозлобіи, сказанная во святой и великій четвергъ.

ХОТѢЛЪ Я, возлюбленные, продолжить бесѣду о патріархѣ 381
[Авраамѣ] и здѣсь предложить духовный пиръ, но неблагодарность предателя увлекаетъ нашъ языкъ къ бесѣдѣ о послѣднемъ, и обстоятельства [настоящаго] дня побуждаютъ сказать о безразсудномъ его преступленіи. Сегодня Господь нашъ І. Христосъ преданъ въ руки іудеевъ собственнымъ своимъ ученикомъ. Ты, возлюбленный, слыша это, не будь однако печаленъ и не огорчайся, слыша, что преданъ Владыка, вѣрнѣе же сказать, и скорби и плачь, но не о преданномъ Іисусѣ, а о предавшемъ Его Іудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, преданный Іисусъ спасъ вселенную, а предавшій Іуда погубилъ свою душу; преданный Іисусъ сѣдитъ одесную Отца на небесахъ, а предавшій Іуда теперь въ аду, ожидая неумолимаго и вѣчнаго наказанія. Вотъ о чемъ скорби, вотъ о чемъ плачь,
потому что и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видя Іуду, возмутился (духомъ) и заплакалъ. Видя его, говоритъ Евангеліе, *возмутися и рече*: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Іоан. XIII, 21). Почему возмутился Онъ? [Очевидно] при мысли о томъ, что послѣ стольких наставленій и совѣтовъ Іуда не замѣчалъ, въ какую бездну онъ себя толкаетъ. Видя безуміе ученика и сожалѣя его, Господь возмутился и заплакалъ. Объ этомъ говорятъ всѣ еванге- 382

листы, чтобы сильнѣе удостовѣрить истину домостроительства. Возмутился Господь, видя крайнюю неблагодарность ученика, научая насъ [чрезъ это] плакать больше всего о тѣхъ, кто творитъ зло, а не о тѣхъ, кто терпитъ зло. Тѣ, кто терпитъ обиды и неправды, скорѣе достойны почитаться блаженными. Поэтому-то и говорилъ Христосъ: *блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть царствіе*
383 *небесное* (Мѳ. v, 10). Видишь, какое пріобрѣтеніе указалъ Онъ для тѣхъ, которые терпятъ неправду? Посмотри опять въ другомъ мѣстѣ, (какое) неумолимое наказаніе (надлежитъ) творящимъ зло. Послушай блаженнаго Павла, который говоритъ: *вы же, братіе, подобницы бысте церквамъ Божіимъ сущимъ во Іудеи, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ іудей, убившихъ и Господа Іисуса и Его пророки и возбраняющихъ намъ*, говоритъ, *глаголати языкомъ, да спасутся, во еже исполнити имъ грѣхи своя; постиже же на нихъ гнѣвъ Божій до конца* (1 Ѳес. II, 14—16). Видишь, что всего больше достойно плакать и скорбѣть о творящихъ зло? Поэтому и милосердый Господь возмутился и плакалъ, видя дерзкій поступокъ ученика, являя и состраданіе къ ученику и показывая величіе Своего милосердія, что вплоть даже до самаго предательства не переставалъ заботиться объ исправленіи ученика. Итакъ, лучше о немъ горько плачь и скорби, потому что и Господь печалился о немъ. *Возмутися*, сказано, Іисусъ *и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя*. О, сколь велико милосердіе, сколь велика благость Владыки! Преданный скорбитъ о предателѣ. Видя, что онъ упорно остается въ нечестіи, возмутился *и рече: единъ отъ васъ предастъ Мя*. Смотри, какое долготерпѣніе! Какое человѣколюбіе! Какъ щадитъ неблагодарнаго! Онъ не хочетъ даже, чтобы Іуда совершилъ свой поступокъ безъ всякаго стыда, а приводитъ въ смущеніе и страхъ всѣхъ учениковъ, чтобы доставить ему нѣкоторый поводъ раскаяться въ безуміи. Но такъ какъ душа (предателя) остается безчувственной, не въ состояніи будучи воспринять сѣмени благочестія, не внемлетъ ни совѣту, ни увѣщанію, но омрачается страстью, стремится къ погибели, то онъ и не получилъ никакой пользы отъ столь великаго долготерпѣнія. *Единъ отъ васъ*, говоритъ, *предастъ Мя*. Для чего возмущался Онъ и скорбѣлъ? Для того, чтобы показать Свое человѣколюбіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ научить насъ, что больше всего должно плакать о тѣхъ, которые причиняютъ зло своему ближнему, потому что они навлекаютъ на себя гнѣвъ (Божій). Не о томъ, кто терпитъ зло, а кто причиняетъ зло,—о томъ всегда слѣдуетъ скорбѣть, потому что терпѣніе неправды доставляетъ намъ царство небесное, а причиненіе зла другому является для насъ причиной геенны и наказанія. *Блажени*, говоритъ, *изгнани*

правды ради. Видишь, какъ страданіе приноситъ въ награду и воздаяніе царство небесное? Послушай, какъ, наоборотъ, злодѣйство влечетъ за собой казнь и мщеніе. Павелъ, сказавъ объ іудеяхъ, что они убили Господа и изгнали пророковъ, присовокупилъ: *имъ же кончина по дѣломъ ихъ* (2 Кор. xi, 15). Видишь, какъ гонимые получаютъ царство небесное, а удѣломъ гонителей бываетъ гнѣвъ Божій?

Не безъ причины разсуждаю съ вами объ этомъ, возлюбленные, а съ намѣреніемъ—чтобы научиться намъ не гнѣваться на нашихъ враговъ, напротивъ, скорѣе жалѣть ихъ, плакать и скорбѣть о нихъ, потому что (подлинно) терпящіе зло суть именно тѣ, кто напрасно враждуетъ на насъ. Если мы такъ настроимъ свою душу, что не будемъ не только гнѣваться, а станемъ даже скорбѣть о нихъ, то будемъ въ состояніи, по слову Господа, и молиться о нихъ, а чрезъ это привлечемъ и великое благоволеніе съ неба. Поэтому-то я четвертый уже день бесѣдую съ вами о молитвѣ за 384
враговъ, чтобы отъ непрестаннаго повторенія увѣщанія слово наставленія глубже запечатлѣлось и укоренилось въ вашихъ душахъ. Потому безъ перерыва обращаюсь къ вамъ съ рѣчью, чтобы уничтожить опухоль гнѣва, чтобы утишить воспаленіе, чтобы чистъ былъ отъ гнѣва приходящій на молитву. И Христосъ не ради враговъ только убѣждаетъ дѣлать это (молиться за враговъ), а и ради насъ самихъ, когда мы отпускаемъ имъ согрѣшенія. Ты получаешь больше, чѣмъ даешь, оставляя гнѣвъ свой на врага. Какъ, скажешь, получаю больше? Внимай со тщаніемъ: если ты отпускаешь грѣхи врагу, тебѣ прощаются прегрѣшенія по отношенію къ Владыкѣ. Эти тяжки и едва могутъ быть прощены, а тѣ доставляютъ (тебѣ) милость и великое утѣшеніе (отъ Господа). Послушай Илія, который говоритъ своимъ сыновьямъ: *аще согрѣшая согрѣшитъ мужъ мужеви, іерей помолится о немъ, аще же Богу согрѣшитъ, кто помолится о немъ* (1 Цар. II, 25)? Такъ велика рана, что даже и молитвой не легко исцѣляется. Но тогда какъ молитвой не уничтожается такой грѣхъ, прощеніемъ грѣховъ врагамъ онъ тотчасъ же отпускается. Поэтому-то тѣ—грѣхи въ отношеніи къ Господу—Богъ назвалъ десятью тысячами талантовъ, а эти сотней динаріевъ (Мѳ. xviii, 23 сл.). Если ты простишь эти послѣднія, будутъ оставлены тебѣ десять тысячъ талантовъ.

2. О молитвѣ, однако, довольно сказано. Если же угодно, займемся тѣмъ, о чемъ сказано нѣсколько выше, возвратимся къ слову о предательствѣ, и посмотримъ, какъ преданъ былъ нашъ Господь. А чтобы видѣть все безуміе предателя и уразумѣть неблагодарность ученика и неизреченное милосердіе Господа, послушаемъ евангелиста, какъ онъ намъ повѣствуетъ о дерзкомъ поступкѣ

(Іуды). *Тогда*, говоритъ, *шедъ единъ отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій, ко архіереомъ, рече имъ: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Мѳ. XXVI. 14, 15)? Кажется, разсказъ ясенъ и не заключаетъ ничего особеннаго. Но если бы кто-нибудь разсмотрѣлъ каждое изъ этихъ реченій, (то оказалось бы, что) здѣсь многое подлежитъ разсмотрѣнію и много глубокихъ мыслей. И прежде всего, время. Не безъ цѣли, въ самомъ дѣлѣ, обозначаетъ его евангелистъ. Онъ не сказалъ просто: *шедъ*, а присовокупилъ: *тогда шедъ. Тогда*,—когда? И зачѣмъ онъ обозначаетъ время? Не напрасно указываетъ намъ время евангелистъ, говорящій отъ Духа Святаго, потому что говорящій отъ Духа ничего не изрекаетъ напрасно и безъ причины. Итакъ, что же значитъ это: тогда? Какъ разъ предъ тѣмъ, предъ этимъ самымъ часомъ, подошла молодая женщина съ алавастровымъ сосудомъ мνра и возливала этотъ елей на голову Господа. Женщина обнаружила великую вѣру, показала великую заботливость, послушаніе и благочестіе,— она отказалась отъ своей прежней жизни и сдѣлалась лучшей и болѣе благоразумной. И вотъ въ то время, когда блудница покаялась, когда познала Господа, тогда ученикъ предалъ Учителя. *Тогда*,—когда? Когда блудница, подойдя и выливъ алавастровый сосудъ мνра на ноги Іисуса (Лук. VII, 36—50), отерла ихъ своими волосами и обнаружила великую любовь, изглаждая въ себѣ грѣхи за всю свою жизнь такимъ исповѣданіемъ, когда онъ видѣлъ ее показавшей такое усердіе служить Учителю, тогда-то онъ поспѣшилъ на беззаконное предательство.
335 И въ то время, какъ та съ самой глубины нечестія взошла на самое небо, этотъ послѣ безчисленныхъ чудесъ и знаменій, послѣ стольких наставленій, послѣ неизреченнаго снисхожденія Господа, ниспалъ въ самую глубину ада. Вотъ какимъ зломъ является нерадивость и растлѣнная воля! Поэтому и Павелъ говорилъ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12), и пророкъ восклицалъ: *еда падаяй не востаетъ; или отвращаяйся не обратится* (Іер. VIII, 4)? (Эти два выраженія сказаны), чтобы тотъ, кто стоитъ, не былъ слишкомъ самонадѣянъ, а постоянно пребывалъ въ борьбѣ, и тотъ, кто палъ, не отчаивался. Такъ велико могущество Учителя, что оно заставляло подчиняться себѣ даже блудницъ и мытарей.

Что же, скажешь, Тотъ, Кто склонилъ блудницу, не имѣлъ силы привлечь ученика? Безъ сомнѣнія, Онъ силенъ былъ склонить къ Себѣ и ученика, но не хотѣлъ сдѣлать его добрымъ по принужденію и привлечь къ Себѣ насильно. Поэтому-то евангелистъ, повѣствуя намъ о поступкѣ этого неблагодарнаго ученика, говорилъ: *тогда шедъ*, т. е. не потому, что позванъ былъ другими,

и не по насилію съ чьей-нибудь стороны, не по стороннему побужденію, а склонился къ этому благодаря собственному внутреннему движенію, показавъ, что устремился на этотъ беззаконный и дерзкій поступокъ по собственной волѣ и рѣшенію, толкнулъ себя на предательство Владыки не движимый къ тому никакой сторонней причиной, а исходящей извнутри злобой. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте.* И это выраженіе: *единъ отъ обоюнадесяте* служитъ не малымъ обвиненіемъ (противъ Іуды). Такъ какъ было еще семьдесятъ другихъ учениковъ, то (евангелистъ) сказалъ: *единъ отъ обоюнадесяте*, т. е. изъ избраннѣйшихъ, изъ тѣхъ, которые каждый день обращались съ Нимъ, наслаждались самымъ близкимъ обществомъ съ Нимъ. Итакъ, чтобы ты зналъ, что Іуда былъ въ числѣ избранныхъ учениковъ, евангелистъ говоритъ: *единъ отъ обоюнадесяте*, не умалчиваетъ объ этомъ, дабы тебѣ убѣдиться, что это, по видимому, постыдное обстоятельство, именно — что Онъ удостоилъ предателя и вора такихъ великихъ благъ и не переставалъ увѣщевать его до самаго послѣдняго вечера,—показываетъ попечительность о насъ Господа. Видишь, какъ блудница спаслась, потому что омыла (ноги Іисуса), а ученикъ по нерадѣнію погибъ? Посему, смотря на блудницу, не отчаивайся, но и не будь самонадѣянно дерзокъ, взирая на ученика. Пагубно то и другое. Легкосклоненъ къ паденію умъ нашъ и превратна воля. Необходимо поэтому отовсюду оградить себя. *Тогда шедъ единъ отъ обоюнадесяте Іуда Искаріотскій.* Видишь, отъ какого лика отпалъ онъ? Видишь, какого ученія лишился? Видишь, какое великое зло безпечность? *Іуда*,—говоритъ,—*Искаріотскій*, потому что былъ еще другой, соименный ему, Іуда, называемый Іаковлевъ. Видишь мудрость евангелиста, что онъ обозначаетъ его намъ не по преступленію, а по мѣсту, а того (Іуду Іаковлева) дѣлаетъ извѣстнымъ не по мѣсту, а по имени отца. Хотя о первомъ послѣдовательнѣе было бы сказать: Іуда предатель, но чтобы научить насъ хранить свой языкъ чистымъ отъ обвиненія, онъ воздерживается отъ этого слова „предатель". Итакъ, научимся не упоминать укоризненно ни о комъ изъ враговъ. Если этотъ блаженный (апостолъ), повѣствуя о беззаконномъ преступленіи (Іуды), не захотѣлъ упрекнуть предателя, а умолчалъ объ этомъ, и называетъ его по мѣсту, откуда происходилъ онъ, то достойны ли будемъ мы какого-нибудь прощенія, если станемъ порицать ближнихъ? А мы часто упоминаемъ съ укоризной не только о врагахъ, но и о лицахъ, расположенныхъ 386
къ намъ. Убѣждаю—не дѣлать этого. И Павелъ увѣщеваетъ къ тому же, говоря: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Еф. IV, 29) Поэтому-то блаженный Матөей, будучи чистъ отъ всякаго подобнаго рода страсти, говорилъ: *тогда шедъ единъ*

отъ обоюнадесяте, глаголемый Іуда Искаріотскій, ко архіереомъ, рече: что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его (Мѳ. XXVI, 14—15)? О, злодѣйскій голосъ! О, безумное преступленіе! Трепещу, возлюбленные, когда помышляю объ этомъ. Какъ вырвалось слово изъ устъ? Какъ повернулся языкъ? Какъ душа не покинула тѣла? Какъ не онѣмѣли уста? Какъ не помутился разсудокъ?

3. *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* Скажи мнѣ, Іуда, этому ли поучалъ тебя Учитель столько времени? Неужели ты забылъ многократные совѣты? Не для того ли говорилъ Онъ: *не стяжите злата, ни сребра* (Мѳ. X, 9), съ самаго начала подавляя чрезмѣрную безумную любовь твою къ деньгамъ? Не увѣщевалъ ли Онъ, говоря: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. V, 39)? За что, скажи мнѣ, предаешь ты Учителя? За то ли, что Онъ даровалъ тебѣ власть надъ демонами, такъ что ты могъ исцѣлять и болѣзни, и очищать прокаженныхъ, и показывать много другихъ подобныхъ чудесъ? Итакъ, за такія благодѣянія ты такъ отплачиваешь Ему? О, безуміе, вѣрнѣе же—сребролюбіе! Все это зло причинило сребролюбіе, корень золъ—сребролюбіе, которое омрачаетъ наши души и попираетъ самые законы природы, лишаетъ насъ разсудка и не допускаетъ помнить ни дружбы, ни родства, ни чего другого, но разъ ослѣпивъ умныя наши очи, такъ и заставляетъ блуждать во мракѣ. Чтобы тебѣ яснѣе знать это, посмотри, сколько (добраго) изгнала (эта страсть) изъ души Іуды. Бесѣду (со Христомъ), жизнь (съ Нимъ), общеніе, чудное ученіе, все это предало забвенію вкравшееся (въ Іуду) сребролюбіе. Хорошо говорилъ Павелъ, что *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10). *Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его?* И ты, Іуда, предаешь Того, Кто все держитъ словомъ? Предаешь Непостижимаго, Творца неба и земли? Создателя нашего естества? Все составившаго словомъ и мановеніемъ? Чтобы показать, что Онъ преданъ по Своей волѣ, послушай, что̀ дѣлаетъ Онъ. Въ самый моментъ предательства, когда къ Нему подошли вооруженные мечами и дреколіемъ съ свѣтильниками и факелами, Онъ говоритъ послѣднимъ: *кого ищете* (Іоан. XVIII, 4)? Они не знали даже, кого должны были взять. Вотъ насколько безсиленъ былъ Іуда предать Его: Онъ не могъ даже видѣть Того, Кого намѣревался предать, когда Онъ былъ тутъ, и это при свѣтильникахъ и такомъ изобиліи свѣта. Что на это намекая именно, евангелистъ сказалъ, что у нихъ были свѣтильники и факелы, и они всетаки не могли найти Его, это видно изъ словъ: *стояше и Іуда съ ними* (ст. 5), тотъ, кто сказалъ: *азъ вамъ предамъ Его*. Господь ослѣпилъ умъ ихъ, желая показать собственное могущество, и чтобъ они сознали, что

предпринимають невозможное дѣло. Затѣмъ, услышавъ Его голосъ, они отступили назадъ и пали на землю. Видишь, какъ они не могли даже вынести голоса и паденіемъ ницъ явно обнаружили свое безсиліе? Замѣть милосердіе Господа. Когда и этимъ Господь не 387
тронулъ сердца ни безстыднаго предателя, ни неблагодарныхъ іудеевъ, тогда Онъ предаетъ Себя и какъ бы такъ говоритъ: когда Я показалъ, что они предпринимаютъ невозможное, Я хотѣлъ удержать ихъ безуміе; но они не хотятъ и упорно продолжаютъ оставаться въ нечестіи. Вотъ Я предаю Себя.

Говорю это вамъ, чтобы кто-нибудь не порицалъ Христа, говоря: почему Онъ не перемѣнилъ Іуду? Почему не сдѣлалъ его лучшимъ? Но какъ слѣдовало сдѣлать Іуду благоразумнымъ и послушнымъ? По принужденію, или по (собственному) рѣшенію? Если по принужденію, то и въ такомъ случаѣ онъ не могъ стать лучшимъ, потому что по принужденію никто не становится лучшимъ. А если по рѣшенію и волѣ, то Господь употребилъ все, что могло исправить его. Если же Іуда не захотѣлъ принять врачеванія, то вина не врача, а того, кто отвергъ услугу послѣдняго. Желаешь знать, сколько средствъ употребилъ Господь, чтобы опять пріобрѣсть Іуду? Онъ даровалъ ему много чудесъ, предрекъ ему о предательствѣ, не оставилъ ничего изъ того, что слѣдовало показать въ отношеніи къ ученику. И чтобъ знать тебѣ, что Іуда, будучи въ состояніи покаяться, не пожелалъ сдѣлать этого, и что все произошло отъ его безпечности (обрати вниманіе вотъ на что): когда онъ предалъ Господа и до конца обнаружилъ свое безуміе, онъ бросилъ тридцать сребренниковъ, говоря: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (Мѳ. xxvii, 4). Передъ этимъ же говорилъ: *что ми хощете дати и азъ вамъ предамъ Его?* Когда совершился грѣхъ, тогда познавъ грѣхъ! Отсюда научимся, что когда мы безпечны, ни убѣжденіе, ни увѣщаніе не принесутъ намъ пользы, а когда ревностны, то можемъ возстать и сами собою. Подумай въ самомъ дѣлѣ: когда Господь увѣщевалъ его и предостерегалъ отъ замышляемаго злодѣянія, онъ не послушалъ и не принялъ увѣщанія, а когда не было никакого совѣтника, собственная совѣсть возстала (противъ него), и онъ покаялся безъ всякаго учителя и бросилъ тридцать сребренниковъ. *Поставиша Ему*, говорится, *тридесять сребреникъ* (Матѳ. xxvi, 15). Цѣну крови назначили они Неимѣющему цѣны. Зачѣмъ берешь ты, Іуда, тридцать сребренниковъ? Даромъ пришелъ Христосъ пролить за вселенную кровь, о которой ты теперь договариваешься. Что постыднѣе этой торговли? Кто видѣлъ (подобную), кто слышалъ когда-нибудь?

4. Но чтобъ намъ узнать, каково было различіе между предателемъ и учениками, послушаемъ (евангелиста). Евангелистъ обстоя-

тельно повѣствуетъ намъ обо всемъ. Когда, говоритъ, совершилось это, когда приблизилось предательство, когда Іуда погубилъ себя, когда онъ заключилъ беззаконный договоръ *и искаше удобна времени*, говоритъ, *да Его предастъ* (Матѳ. XXVI, 16), тогда приступили къ Нему ученики, говоря, *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху* (ст. 17)? Видишь учениковъ, видишь ученика? Этотъ заботился, какъ бы предать (Господа), а тѣ—какъ бы услужить. Этотъ договаривался и замышлялъ получить цѣну владычней крови, а тѣ готовятся къ служенію (Господу). И этотъ и тѣ были участниками однихъ и тѣхъ же чудесъ, однихъ и тѣхъ же ученій. Откуда же различіе? Отъ направленія воли; она служитъ виновницей зла и добра. Былъ вечеръ, когда ученики говорили: *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху*? Познаемъ отсюда, что Христосъ не имѣлъ опредѣленнаго жилища. Пусть выслушаютъ тѣ, чтò строятъ пышные дома и обширные чертоги, что Сынъ Чело-
388 вѣческій не имѣетъ, гдѣ главы подклонить. Поэтому-то ученики говорятъ Ему: *гдѣ хощеши уготоваемъ Ти ясти пасху*? Какую пасху? Іудейскую, получившую начало въ Египтѣ, потому что въ первый разъ іудеи совершили ее тамъ. И зачѣмъ Христосъ совершаетъ ее? Подобно тому какъ Онъ исполнилъ всѣ прочія требованія закона, такъ поступаетъ и здѣсь. Поэтому Онъ и Іоанну говорилъ: *тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѳ. III, 15). Итакъ, ученики хотѣли приготовить не нашу пасху, а іудейскую. Они приготовили эту пасху, а нашу уготовалъ Христосъ, или лучше Онъ Самъ сталъ пасхой чрезъ честныя страданія. Для чего идетъ Онъ на страданія? Чтобы искупить насъ отъ клятвы закона. Поэтому и Павелъ восклицалъ: *посла Богъ Сына Своего, рождаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ* (Галат. IV, 4. 5). Итакъ, чтобъ не говорилъ кто-нибудь, будто Онъ потому отмѣнилъ законъ, что не могъ исполнить его, какъ тягостный, обременительный и трудно исполнимый, Онъ уничтожилъ его (лишь) тогда, когда выполнилъ его весь. Поэтому Онъ совершилъ и пасху, такъ какъ праздникъ пасхи былъ однимъ изъ предписаній закона. (А для чего этотъ праздникъ)—послушай: іудеи были неблагодарны къ Благодѣтелю и скоро забывали Его благодѣянія. И вотъ тебѣ доказательство: вышли они изъ Египта, прошли Чермное море, видѣли, какъ раздѣлилось оно и снова соединилось, и немного спустя послѣ этого говорятъ Аарону: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами* (Исх. XXXII, 1). Что говоришь ты, неблагодарный іудей? Ты видѣлъ такія чудеса и забылъ Бога, питающаго тебя, и совершенно не помнишь Благодѣтеля? Итакъ, такъ какъ они забывали о Его благодѣяніяхъ, то Богъ установле-

ніемъ праздниковъ закрѣпилъ воспоминаніе о дарахъ, чтобы волей-неволей они держали ихъ постоянно въ памяти. Такъ (праздновали пасху) они. Зачѣмъ? Дабы, когда (говоритъ Писаніе), спроситъ тебя сынъ твой: *что есть сіе* (Исх. xii, 26), ты сказалъ, что кровью этого агнца (отцы) помазали косяки дверей и избѣжали смерти, которую навелъ (ангелъ) губитель на всѣхъ живущихъ въ Египтѣ, а благодаря этой крови онъ не могъ войти (въ ихъ домы) и навести пораженіе. Итакъ, у нихъ жертвы не добровольныя, здѣсь же закалается Христосъ по Своей волѣ. Почему? Потому, что та жертва была образомъ жертвы духовной. И чтобы убѣдиться тебѣ, смотри, сколько сродства (между той и другой). (Тамъ) агнецъ, (и здѣсь) Агнецъ, только одинъ—безсловесный, а другой—словесный. (Тамъ) овца (и здѣсь) овца, но (тамъ) тѣнь, (а здѣсь) истина: явилось Солнце правды, и тѣнь исчезла, такъ какъ при солнцѣ тѣнь скрывается. Поэтому, и на таинственной трапезѣ (предлежитъ) Агнецъ, чтобы мы освящались Его кровію. Съ восходомъ солнца не можетъ быть видѣнъ свѣтильникъ, потому что бывшее служило образомъ будущаго.

5. Говорю это іудеямъ, чтобъ не думали, обманывая себя, будто совершаютъ пасху, потому что безстыдною мыслью предваряютъ они опрѣсноки и восхищаютъ праздникъ,—іудеямъ, которые не обрѣзаны сердцемъ и тяжко слышатъ ушами. Какъ, скажи мнѣ, совершаешь ты пасху, іудей? Храмъ срытъ до основанія, жертвенникъ разрушенъ, святое святыхъ разорено, уничтожены всѣ жертвы. Почему же ты осмѣливаешься преступать законъ? Отведенный нѣкогда въ Вавилонъ, ты слышалъ, какъ плѣнившіе васъ говорили: *воспойте намъ* пѣснь Господню (Пс. cxxxvi, 3), и ты не исполнилъ (желанія ихъ). Такъ почему совершаешь пасху внѣ Іерусалима? Ты сказалъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (ст. 4)? И указывая на это, 389
блаженный Давидъ говоритъ: на рѣкѣ Вавилонской *тамо сѣдохомъ и плакахомъ; на вербіихъ посредѣ его обѣсихомъ органы наша* (ст. 1, 2), — т. е. псалтирь, цитру и лиру, потому что ими пользовались въ древности и подъ ихъ звуки пѣли псалмы. *Тамо*, говоритъ, *вопросиша ны плѣнившіи насъ о словесѣхъ пѣсней*, и мы отвѣтили: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (ст. 3. 4)? Что, скажи мнѣ, говоришь ты? Ты не поешь пѣсни Господней въ чужой землѣ, а пасху въ чужой землѣ совершаешь? Видишь несмысленность іудеевъ? Когда понуждали враги, они не хотѣли пропѣть псалма на чужбинѣ, а нынѣ сами по себѣ, когда никто не принуждаетъ, враждуютъ съ Богомъ. Поэтому-то и блаженный Стефанъ говорилъ имъ: *вы присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. vii, 51). Видишь, какъ нечисты опрѣсноки?

Какъ противозаконенъ іудейскій праздникъ? Была нѣкогда іудейская пасха, но прекратилась. Тогда, говоритъ (Евангеліе), когда они ѣли и пили, Іисусъ, взявъ хлѣбъ въ святыя и пречистыя Свои руки, возблагодаривъ и преломивъ, сказалъ ученикамъ Своимъ: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое*, за васъ и за многихъ ломимое во оставленіе грѣховъ. Потомъ, взявъ чашу, далъ имъ, говоря: *сія есть кровь Моя, яже* за васъ *изливаема во оставленіе грѣховъ* (Мѳ. xxvi, 26, 27, 28). Былъ тутъ и Іуда, когда Господь говорилъ эти слова. *Сія есть кровь*, о, Іуда, которую ты продалъ за тридцать сребренниковъ! *Сія есть кровь*, о которой ты не задолго предъ тѣмъ безстыдно сторговался съ неблагодарными фарисеями. О, великое милосердіе Христа! О, неблагодарность Іуды! Владыка питалъ, а рабъ продавалъ. Этотъ продалъ Его, взявъ тридцать сребренниковъ, а Христосъ далъ выкупомъ за насъ собственную кровь, да и продавшему далъ бы, если бы конечно пожелалъ тотъ, потому что до предательства былъ тутъ и Іуда, былъ участникомъ святой трапезы и вкушалъ тайную вечерю. Какъ Господь омылъ ноги ученикамъ, такъ и въ священной трапезѣ Іуда принималъ участіе (вмѣстѣ со всѣми), чтобы онъ не имѣлъ никакого оправданія, а получилъ свой судъ. Онъ остался упоренъ въ нечестивомъ рѣшеніи и, удалившись, вмѣсто поцѣлуя совершилъ предательство, не вспомнивъ благодѣяній Господа, а послѣ предательства бросилъ тридцать сребренниковъ, говоря: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную*. О, слѣпота! Ты былъ участникомъ вечери, и предалъ Благодѣтеля? Но Господь добровольно исполнилъ написанное, *а горе тому, имже соблазнъ приходитъ* (Мѳ. xviii, 7).

6. Но время, наконецъ, приступить къ этой страшной и грозной трапезѣ. Итакъ, приступимъ всѣ съ чистой совѣстью. Пусть не будетъ здѣсь Іуды, съ лукавствомъ относящагося къ своему ближнему, (да не приступаетъ) никто изъ нечестивыхъ, имѣющій въ сердцѣ своемъ скрытый ядъ. И теперь присутствуетъ Христосъ, устроя трапезу. Не человѣкъ тотъ, кто претворяетъ предлежащее въ тѣло и кровь Христову. Священникъ стоитъ только, исполняя образъ, и приноситъ молитву, а все совершаетъ благодать и сила Божія. *Сіе*, говоритъ, *есть тѣло Мое*. Это изреченіе прелагаетъ предлежащее. И подобно тому, какъ то изреченіе, гласившее: *раститеся и множитеся и наполните землю* (Быт. i, 28), было словомъ—и стало дѣломъ, давая человѣческой
390 природѣ силы къ чадорожденію, такъ и это изреченіе, гласящее (сіе есть тѣло Мое), постоянно возращаетъ силою благодати тѣхъ, кто достойно принимаетъ (священную трапезу). Итакъ, да не будетъ (здѣсь) ни лукаваго, ни нечестиваго, ни хищника, ни

ругателя, ни братоненавистника, ни сребролюбца, ни пьяницы, ни корыстолюбца, ни мужеложника, ни завистника, да не будетъ (здѣсь) преданнаго блуду, ни татя, ни злоумышленника, чтобы не подвергнуться суду. Тогда Iуда недостойно былъ участникомъ тайной вечери и, выйдя, предалъ Господа. (Это случилось такъ для того) чтобы ты зналъ, что кто недостойно участвуетъ въ таинствахъ, на тѣхъ особенно всегда нападаетъ дiаволъ, и что они подвергаются бо́льшему наказанiю. Говорю это не съ цѣлью устрашить васъ, а чтобы сдѣлать васъ болѣе внимательными къ себѣ. Какъ тѣлесная пища, попавши въ худосочный желудокъ, усиливаетъ болѣзнь, такъ и пища духовная, когда она принимается недостойно, навлекаетъ большее осужденiе. Итакъ, убѣждаю, пусть никто (не приступаетъ), имѣя въ душѣ нечистые помыслы, но очистимъ наше сердце. Мы храмы Бога, если пребываемъ чисты. Сдѣлаемъ чистой душу нашу. Вѣдь это можно сдѣлать въ одинъ день. Какъ и какимъ образомъ? Если имѣешь что-нибудь противъ врага, брось гнѣвъ, прекрати вражду, чтобы получить отъ трапезы отпущенiе грѣховъ. Ты приступаешь къ страшной и святой жертвѣ. Въ качествѣ закалаемаго предлежитъ Христосъ. Но подумай, ради чего Онъ былъ закланъ. О, какихъ таинъ лишился ты, Iуда! Христосъ добровольно пострадалъ, чтобы разрушить *средостѣнiе ограды* (Еф. II, 14) и соединить земное съ небеснымъ, чтобы тебя, врага и недруга, сдѣлать общникомъ ангеловъ. Христосъ душу свою предалъ за тебя, а ты питаешь вражду къ сорабу? И какъ можешь ты приступать къ трапезѣ мира? Владыка твой не отказался претерпѣть все ради тебя, а ты не хочешь даже оставить свой гнѣвъ? Почему? скажи мнѣ. Любовь—корень, источникъ и мать всѣхъ благъ. Очень сильно, скажешь, обидѣлъ онъ меня, причинилъ слишкомъ много золъ, едва не подвергъ меня смертельной опасности? Но что̀ въ этомъ? Онъ еще не распялъ тебя на крестѣ, какъ iудеи распяли Господа. Если ты не оставишь ближнему своему обиды, то и Отецъ твой Небесный не отпуститъ тебѣ грѣховъ твоихъ. И съ какой совѣстью скажешь ты: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое* и слѣдующiя слова (Мѳ. VI, 9)? Равнымъ образомъ и кровь, которую пролили iудеи, Христосъ далъ за спасенiе проливших. Что равнаго этому можешь сдѣлать ты? Если ты не простишь врагу, то ты обидишь не его, а самого себя. Ты часто вредилъ ему въ теченiе настоящей жизни, а себѣ приготовилъ вѣчное наказанiе въ будущiй день (суда), потому что Богъ никого такъ не ненавидитъ, ни отъ кого такъ не отвращается, какъ отъ человѣка злопамятнаго, какъ отъ сердца гнѣвливаго и души пылающей (ненавистью). Послушай, что говоритъ Господь: *аще принесеши даръ*

твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Матѳ. v, 23, 24). Что говоришь? Я оставлю тамъ даръ, т. е. жертву? Да, говоритъ, потому что ради мира съ братомъ твоимъ установлена и самая жертва. Итакъ, если жертва (приносится) ради мира съ ближнимъ, а ты не соблюдаешь мира, то хотя бы ты и участвовалъ въ жертвѣ, для тебя безполезно это участіе
391 безъ желанія хранить миръ. Итакъ, сдѣлай сначала то (т. е. позаботься о мирѣ), ради чего и жертва принесена, и тогда пользуйся благими плодами послѣдней. Для того и Сынъ Божій пришелъ въ міръ, чтобы примирить наше естество Отцу, какъ и Павелъ говоритъ: *нынѣ же примири* себѣ все, *крестомъ убивъ вражду на немъ* (Колос. I, 22. Ефес. II, 16). Поэтому Онъ не только Самъ пришелъ, чтобы сотворить миръ, но ублажаетъ и насъ, если творимъ то же, и дѣлаетъ насъ общниками Своего имени (говоря): *блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мѳ. v, 9). Итакъ, что сдѣлалъ Христосъ, Сынъ Божій, то дѣлай и ты по силѣ человѣческой, заботясь о мирѣ и съ самимъ собою, и съ своимъ ближнимъ. Вотъ почему Сыномъ Божіимъ (Господь) называетъ миротворца, вотъ почему и при принесеніи жертвы Онъ не упомянулъ ни о какомъ другомъ дѣяніи праведномъ, кромѣ примиренія съ братомъ, показавъ, что любовь больше всѣхъ добродѣтелей Хотѣлось бы мнѣ, возлюбленные, продолжить рѣчь дальше, но и сказаннаго достаточно для тѣхъ, кто съ вниманіемъ и разумѣніемъ принимаетъ сѣмя благочестія и желаетъ внимать тому, что говорятъ. Будемъ же всегда помнить, убѣждаю (васъ), эти слова и то страшное привѣтствіе, которое даемъ другъ другу Это привѣтствіе соединяетъ души наши и дѣлаетъ то, что они всѣ становятся единымъ тѣломъ и членами Христа, потому что всѣ мы участники одного тѣла. Будемъ же поистинѣ единымъ тѣломъ, не тѣла смѣшивая, а души соединяя между собою союзомъ любви. Поступая такъ, мы будемъ въ состояніи съ дерзновеніемъ наслаждаться предлежащею трапезою и сдѣлаться наконецъ сосудами мира, дарованнаго Христомъ. Если же мы имѣемъ безчисленныя
392 совершенства, а остаемся злопамятными, то все дѣлаемъ тщетно и напрасно и не получимъ никакого плода въ разсужденіи спасенія. Спаситель предъ самымъ восхожденіемъ къ Отцу вмѣсто временной славы и великаго богатства оставляетъ слѣдующее наслѣдіе ученикамъ: *миръ Мой даю вамъ, миръ* Мой *оставляю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Въ самомъ дѣлѣ, какое богатство или какое изобиліе имущества было бы дороже того мира Христова, который превосходитъ всякій умъ и слово? Вотъ почему и пророкъ Малахія,

зная, что это самый тяжкій порокъ, говорилъ какъ бы отъ лица Божія: люди мои, *глаголите истину кійждо искреннему своему и кійждо злобы* въ сердцѣ искреннему своему да не помышляетъ *и клятвы лживыя не любите* и не умрете, домъ Израилевъ, говоритъ Господь (Зах. VIII, 16, 17); это какъ еслибы Онъ сказалъ: если будете лжецы, злопамятны, клятвопреступники, забудете заповѣди мои, то смертью умрете. Итакъ, зная все это, возлюбленные, оставимъ всякій гнѣвъ, станемъ пребывать въ мирѣ другъ съ другомъ и, вырвавъ корень зла и очистивъ свою совѣсть, съ кротостью, смиреніемъ и великимъ благоговѣніемъ приступимъ къ принятію страшныхъ этихъ и ужасныхъ таинствъ, подойдемъ не толкаясь, не топая ногами, безъ шума и крика, въ великомъ страхѣ и трепетѣ, съ сокрушеніемъ и слезами, чтобъ и милосердый Господь, призрѣвъ съ небесъ на наше мирное состояніе, нелицемѣрную любовь и братское общеніе любви, удостоилъ всѣхъ насъ и настоящихъ и обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БѢСѢДА О КЛАДБИЩѢ И О КРЕСТѢ

Господа и Бога и Спасителя Іисуса Христа *).

ЧАСТО я размышлялъ самъ въ себѣ, для чего отцы наши, 393
обойдя молитвенные домы, находящіеся въ городахъ, установили, чтобы сегодня собирались внѣ города, и здѣсь (совершали богослуженіе); не напрасно же и не безъ причины, кажется мнѣ, они сдѣлали это. Я доискивался причины, и по благодати Божіей нашелъ причину справедливую и основательную и приличную настоящему празднику. Какая же это причина? Мы совершаемъ воспоминаніе о крестѣ; а распятый на крестѣ былъ распятъ внѣ города: вотъ почему выводятъ насъ за городъ. За пастыремъ, говорится (въ Писаніи), слѣдуютъ овцы; гдѣ царь, тамъ воины, и гдѣ трупъ, тамъ и орлы. Поэтому-то внѣ города (мы собираемся),—но лучше напередъ докажемъ и изъ божественныхъ писаній, что именно поэтому. Дабы вы не подумали, что это наша догадка, я приведу вамъ въ свидѣтели Павла. Что говоритъ онъ

*) Бесѣда произнесена, какъ полагають, въ великую пятницу 392 г.

о жертвахъ? *Ихже бо кровь животныхъ вносится во Святая за грѣхи первосвященникомъ, сихъ тѣлеса сжигаются внѣ стана* (Евр. XIII, 11). Посему и Іисусъ, дабы освятить своею кровію народъ, пострадалъ внѣ вратъ. Выйдемъ же къ Нему внѣ стана, перенося Его уничиженіе. Это сказалъ, повелѣлъ Павелъ; мы послушались и вышли. Итакъ внѣ (города) мы собираемся поэтому. Но для чего именно въ этомъ храмѣ мучениковъ, а не въ другомъ какомъ-либо? По благодати Божіей нашъ городъ со всѣхъ сторонъ ограждается останками святыхъ. Почему же именно здѣсь, а не въ другомъ храмѣ мучениковъ отцы повелѣли намъ собираться? Потому, что здѣсь покоится множество умершихъ. Такъ какъ сегодня Іисусъ нисшелъ къ умершимъ, то мы и собираемся здѣсь. Поэтому и самое мѣсто названо усыпальницею (κοιμητήριον), дабы ты зналъ, что скончавшіеся и лежащіе здѣсь не умерли, но покоятся и спятъ. Прежде пришествія Христова смерть называлась смертію. *Въ оньже аще день снѣсте* отъ древа, сказано, *смертію умрете* (Быт. II,
394 17); и еще: *душа же согрѣшающая, та умретъ* (Іезек. XVIII, 20). И Давидъ говоритъ: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. XXXIII, 22); и еще: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV, 6). Также Іовъ: *смерть мужу покой* (Іов. III, 23). И не только смертію она называлась, но и адомъ. Послушай Давида, который говоритъ: *обаче Богъ избавитъ душу мою изъ руки адовы, егда пріемлетъ мя* (Псал. XLIII, 16); и Іаковъ: *сведете старость мою съ печалію во адъ* (Быт. XLII, 38). Такія названія имѣла наша кончина прежде; но когда пришелъ Христосъ и умеръ за жизнь міра, то смерть уже не называется смертію, а сномъ и успеніемъ. А что она дѣйствительно называется успеніемъ, видно изъ того, что Христосъ сказалъ: *Лазарь другъ нашъ успе* (Іоан. XI, 11). Не сказалъ: *умеръ*, хотя тотъ уже былъ умершимъ. И дабы тебѣ знать, что это названіе смерти успеніемъ не было обычнымъ, посмотри, какъ ученики, услышавъ это, смущаются и говорятъ: *Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (Іоан. XI, 12); такъ они еще не знали, что значили эти слова. Также Павелъ говоритъ къ нѣкоторымъ: *убо* усопшіе *погибоша* (1 Кор. XV, 18)? И еще въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ объ умершихъ: *мы живущіи не имамы предварити* усопшихъ (1 Сол. IV, 15); и еще въ иномъ мѣстѣ: *востани, спяй* (Ефес. V, 14); и, дабы показать, что онъ говоритъ это о мертвомъ, прибавляетъ: *и воскресни отъ мертвыхъ*. Видишь, какъ вездѣ смерть называется сномъ; посему и это мѣсто названо усыпальницею, такъ какъ и самое это названіе полезно для насъ и исполнено великаго любомудрія. Итакъ, когда ты провожаешь сюда мертваго, не сокрушайся, потому что провожаешь его не къ смерти, а ко сну. Этого названія достаточно тебѣ для утѣшенія

въ несчастіи. Знай же куда провожаешь его, — въ усыпальницу; и когда провожаешь, — послѣ смерти Христа, когда узы смерти уже расторгнуты. Такимъ образомъ и отъ мѣста и отъ времени вы можете получить великое утѣшеніе. Въ особенности же слова наши относятся къ женщинамъ, такъ какъ этотъ полъ преимущественно чувствителенъ и склоненъ къ унынію. У тебя есть достаточное врачество противъ унынія—названіе мѣста. Поэтому мы и собираемся здѣсь.

2. Сегодня Господь нашъ обошелъ всѣ мѣста ада; сегодня онъ *сокруши врата мѣдная и вереи желѣзныя сломи* (Иса. XLV, 2; 395
Псал. CVI, 16). Замѣть точность выраженія. Не сказано: отверзъ мѣдныя врата, но: *сокруши врата мѣдная*, чтобы темница сдѣлалась негодною; и не снялъ вереи, но *сломи* ихъ, чтобы стража сдѣлалась безсильною. Гдѣ нѣтъ ни двери, ни засова, тамъ не удержать никого, хотя бы кто и вошелъ. Итакъ, когда Христосъ сокрушилъ, кто другой въ состояніи будетъ исправить? Чтó Богъ разрушитъ, тó кто потомъ возстановитъ? Цари, когда намѣреваются освободить узниковъ, то, посылая предписанія, не такъ поступаютъ, но оставляютъ и двери и стражей темницы, и тѣмъ показываютъ, что необходимо опять войти туда или тѣмъ же, которые освобождаются, или другимъ вмѣсто нихъ. А Христосъ поступилъ не такъ: желая показать, что смерти пришелъ конецъ, Онъ сокрушилъ ея *врата мѣдная*. Мѣдными назвалъ ихъ пророкъ не потому, чтобы эти врата были изъ мѣди, но чтобы показать жестокость и неумолимость смерти. А дабы тебѣ убѣдиться, что мѣдь и желѣзо означаютъ здѣсь только суровость и непреклонность, послушай, что говоритъ Онъ одному безстыдному: *жила желѣзна выя твоя, и чело твое мѣдяно* (Иса. XLVIII, 4); Онъ сказалъ это не потому, чтобы тотъ имѣлъ желѣзную жилу, или мѣдное чело, но потому, что онъ имѣлъ видъ упорный, безстыдный и ожесточенный. Хочешь ли знать, какъ смерть была упорна, неумолима и тверда, точно алмазъ? Въ теченіе столь долгаго времени никто не склонилъ ее отпустить никого изъ находящихся въ ея власти, пока Владыка ангеловъ, нисшедши, не принудилъ ее къ тому. Сначала Онъ связалъ сильнаго, а потомъ расхитилъ сосуды его; потому пророкъ и прибавляетъ: *сокровища темная, невидимая* (Иса. XLV, 3). Хотя эти выраженія одинаковы, но смыслъ ихъ двоякій,— потому что есть мѣста темныя, но такія, которыя часто могутъ быть видимыми, какъ скоро внесенъ будетъ свѣтильникъ и свѣтъ, а это мѣсто ада было самое мрачное и безотрадное и никогда не причастно было природѣ свѣта: посему Онъ и назвалъ ихъ *темными, невидимыми*. И подлинно они были темными, пока не сошло туда Солнце правды, не освѣтило и не сдѣлало ада не-

бомъ,—потому что гдѣ Христосъ, тамъ и небо. Онъ называетъ адъ *сокровищами* темными; и это справедливо: тамъ хранилось великое богатство. Все естество человѣческое, составляющее богатство Божіе, было ограблено обольстившимъ перваго человѣка діаволомъ и предано въ узы смерти. А что все естество человѣческое было богатствомъ для Бога, это выражаетъ Павелъ, когда говоритъ: *Богъ всѣхъ, богатяй во всѣхъ призывающихъ Его* (Римл. x, 12). Какъ иной царь, поймавъ предводителя разбойниковъ, нападавшаго на города, грабившаго вездѣ и скрывшагося въ пещерѣ и спрятавшаго тамъ богатство, связываетъ этого разбойника и предаетъ его казни, а сокровища его переноситъ въ царское казнохранилище,—такъ сдѣлалъ и Христосъ: начальника разбойниковъ и темничнаго стража, діавола и смерть, Онъ связалъ своею смертію, а все богатство, т. е. родъ человѣческій, перенесъ въ царское храни-
396 лище. Это и Павелъ выражаетъ, когда говоритъ: *избави насъ отъ власти темныя и престави въ царство* (Сына) *любве своея* (Колос. i, 13). И удивительно то, что Самъ Царь явился; между тѣмъ никакой царь никогда не удостоилъ бы сдѣлать этого, но обыкновенно они освобождаютъ узниковъ чрезъ своихъ слугъ. А здѣсь не такъ, но Самъ Царь пришелъ къ узникамъ, и не постыдился и узниковъ,—потому что Онъ не станетъ стыдиться того, кого создалъ,—сокрушилъ врата, сломилъ верея, явился въ адъ, безсильною сдѣлалъ всякую охрану его и, взявъ связаннымъ темничнаго стража, такимъ образомъ возвратился къ намъ. Мучитель приведенъ плѣннымъ, сильный связанъ, сама смерть, бросивъ оружіе, обнаженною прибѣгла къ ногамъ Царя.

Видишь ли дивную побѣду? Видишь ли дѣйствія креста? Сказать ли тебѣ и нѣчто другое, болѣе удивительное? Узнай способъ побѣды, и тогда ты изумишься еще болѣе. Чѣмъ побѣдилъ діаволъ, тѣмъ же преодолѣлъ его Христосъ; взявъ его же орудія, Онъ ими и побѣдилъ его; а какъ, послушай. Дѣва, древо и смерть были знаками нашего пораженія: дѣвою была Ева, такъ какъ тогда она еще не познала мужа; древомъ было дерево рая; смертію было наказаніе Адама. Но вотъ, опять дѣва, древо и смерть, эти знаки пораженія, сдѣлались знаками побѣды. Вмѣсто Евы—Марія; вмѣсто древа познанія добра и зла—древо креста; вмѣсто смерти Адамовой—смерть Христова. Видишь ли, что чѣмъ побѣдилъ діаволъ, тѣмъ и самъ побѣждается? Чрезъ древо поразилъ діаволъ Адама; чрезъ крестъ преодолѣлъ діавола Христосъ; то древо низвергло въ адъ, это же древо и отшедшихъ извлекло оттуда. И опять, то древо укрыло плѣнника обнаженнаго, это же древо съ высоты открыло всѣмъ Побѣдителя обнаженнаго. Также и смерть: на ту смерть осуждались тѣ, кто будутъ жить послѣ

нея, эта же смерть воскресила и тѣхъ, кто жилъ прежде нея. *Кто возглаголетъ силы Господни* (Пс. cv, 2)? Чрезъ смерть мы сдѣлались безсмертными; таковы дѣйствія креста. Узналъ ли ты побѣду? Узналъ ли способъ побѣды? Узнай же, какъ легко (для насъ) совершилось это дѣло. Мы не обагряли оружія кровію, не стояли въ строю, не получали ранъ и не видѣли сраженія, а побѣду получили; подвигъ—Владыки, а вѣнецъ—нашъ. Итакъ, если эта побѣда стала и нашею, то всѣ мы, подобно воинамъ, воскликнемъ нынѣ побѣдную пѣснь; скажемъ, воспѣвая Владыку: *пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, побѣда? Гдѣ ти, аде, жало* (1 Кор. xv, 54, 55)? Вотъ что совершилъ для насъ крестъ; крестъ — трофей противъ бѣсовъ, оружіе противъ грѣха, мечъ, которымъ Христосъ пронзилъ змія; крестъ—изволеніе Отца, слава Единороднаго, веселіе Духа, украшеніе ангеловъ, утвержденіе церкви, похвала Павла, твердыня святыхъ, свѣтъ 397
всей вселенной. Какъ въ домѣ, объятомъ тьмою, кто-нибудь, зажегши свѣтильникъ и поставивъ его на возвышеніи, прогоняетъ тьму, такъ и Христосъ во вселенной, объятой мракомъ, водрузивъ крестъ, какъ бы нѣкоторый свѣтильникъ, и поднявъ его высоко, разсѣялъ весь мракъ на землѣ. И какъ свѣтильникъ содержитъ свѣтъ вверху на своей вершинѣ, такъ и крестъ вверху на своей вершинѣ имѣлъ сіяющее Солнце правды. Увидѣвъ Его пригвожденнымъ, міръ вострепеталъ, земля заколебалась, камни распались. Но, хотя и камни распались, безчувственность іудеевъ не распалась; завѣса раздралась, но не раздралось ихъ нечестивое единомысліе.

Почему раздралась завѣса? Потому, что храмъ не могъ видѣть Владыку распинаемымъ; тѣмъ, что произошло съ его завѣсою, онъ, какъ бы поощряя, говорилъ: пусть теперь всякій желающій попираетъ Святое святыхъ. Какая мнѣ польза въ немъ, когда внѣ его принесена такая жертва? Какая мнѣ польза въ завѣтѣ? Какая мнѣ польза въ законѣ? Напрасно и тщетно училъ я ихъ столь долгое время. То же выразилъ и пророкъ, взывая: *вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ* (Псал. ii, 1)? Они слышали, что *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Ис. liii, 7), и, изучая столь долгое время это пророчество, не увѣровали, когда событіе совершилось. Видишь ли, какъ они *поучишася тщетнымъ?* Для того произошло раздраніе въ храмѣ, чтобы предуказать запустѣніе, имѣющее послѣ этого быть въ немъ постоянно.

3. Такъ какъ и мы въ нынѣшній вечеръ увидимъ пригвожденнаго на крестѣ, какъ агнца, закланнаго и принесеннаго въ жертву, то приступимъ, увѣщеваю васъ, со страхомъ, съ великимъ почте-

ніемъ и благоговѣніемъ. Развѣ вы не знаете, какъ стояли ангелы при гробѣ, не имѣвшемъ тѣла Его, при гробѣ пустомъ? Такъ какъ онъ всецѣло воспринялъ въ себя тѣло Владычнее, то они воздаютъ великую честь и самому мѣсту. Ангелы, превосходящіе наше естество, съ такимъ почтеньемъ и благоговѣніемъ стояли при гробѣ; а мы, намѣреваясь приступить не къ гробу пустому, но къ самой трапезѣ, содержащей Агнца, приступимъ съ шумомъ и смятеніемъ? Какое же будетъ намъ послѣ того извиненіе? Не напрасно я говорю это, но потому, что вижу, какъ многіе въ этотъ вечеръ шумятъ, кричатъ, тѣснятъ другъ друга, толкаютъ, бранятъ и скорѣе уготовляютъ себѣ наказаніе, чѣмъ спасеніе; поэтому я и обращаю къ нимъ это увѣщаніе. Что дѣлаешь ты, человѣкъ?
398 Когда стоитъ предъ трапезою священникъ, воздѣвая руки къ небу, призывая Духа Святаго, чтобы Онъ сошелъ и коснулся предлежащаго, то бываетъ великая тишина, великое безмолвіе. Когда же Духъ даровалъ благодать, когда Онъ сошелъ, когда Онъ коснулся предлежащихъ даровъ, когда ты видишь Агнца уже закланнаго и изготовленнаго, тогда начинаешь шумъ, тогда смятеніе, тогда споръ, тогда брань? Какъ же ты можешь причаститься этой жертвы, приступая къ трапезѣ съ такимъ смятеніемъ? Не довольно для насъ того, что мы приступаемъ съ грѣхами, но и во время самаго приступленія мы не хотимъ воздержаться отъ прегрѣшеній? Въ самомъ дѣлѣ, когда мы споримъ, когда шумимъ, когда угрызаемъ другъ друга, то какъ будемъ безъ грѣховъ? Къ чему спѣшишь ты, скажи мнѣ? Для чего тѣснишься, видя закланнаго Агнца? Если бы даже во всю ночь пришлось взирать на эту жертву, то неужели, скажи мнѣ, такое зрѣлище могло бы произвесть пресыщеніе? Цѣлый день ты ждалъ, провелъ бо́льшую часть ночи, и такой подвигъ ты теряешь и губишь въ краткое мгновеніе времени? Помысли, что такое предлежитъ, и по какой причинѣ. Агнецъ закланъ для тебя, а ты съ пренебреженіемъ взираешь на Него закланнаго. *Идѣже*, сказано, *трупъ, тамо и орли* (Мѳ. xxiv, 28). А мы приступаемъ не какъ орлы, но какъ псы; таково наше безстыдство! Помысли, что было нѣкогда пролито. Это — кровь, кровь, которая изгладила рукописаніе грѣховъ, кровь, которая очистила твою душу, которая омыла твои нечистоты, которая восторжествовала надъ началами и властями, ибо *совлекъ*, говоритъ апостолъ, *начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изобличивъ ихъ* на крестѣ (Колосс. ii, 15). Этотъ трофей, говоритъ онъ, имѣетъ на себѣ много знаковъ побѣды; на вершинѣ креста высоко повѣшена добыча. Какъ мужественный царь, съ побѣдою окончивъ труднѣйшую войну, выставляетъ на высокомъ трофеѣ латы, щитъ и оружіе властителя и побѣжденныхъ его

воиновъ, такъ и Христосъ, съ побѣдою окончивъ войну противъ діавола, повѣсилъ на вершинѣ креста, какъ бы на какомъ-нибудь трофеѣ, всѣ его оружія—смерть, клятву, чтобы всѣ видѣли этотъ трофей, и силы вышнія, которыя на небесахъ, и люди, живущіе внизу—на землѣ, и сами побѣжденные злые бѣсы. Итакъ, если мы получили столь великій даръ, то покажемъ себя по силамъ своимъ достойными дарованныхъ намъ благъ, дабы сподобиться и царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ

о крестѣ и разбойникѣ, и о второмъ пришествіи Христа, и о непрестанной молитвѣ за враговъ [1]).

СЕГОДНЯ Господь нашъ Іисусъ Христосъ—на крестѣ, и мы 399
празднуемъ, чтобы ты зналъ, что крестъ — праздникъ и духовное торжество. Прежде крестъ служилъ именемъ наказанія, а теперь сталъ почетнымъ дѣломъ, прежде былъ символомъ осужденія, а теперь — знакомъ спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ сталъ для насъ причиною безчисленныхъ благъ: онъ освободилъ насъ отъ заблужденія, онъ просвѣтилъ сѣдящихъ во babкѣ, онъ примирилъ насъ бывшихъ во враждѣ съ Богомъ, онъ сдѣлалъ друзьями отчужденныхъ, онъ сдѣлалъ близкими бывшихъ далеко. Крестъ—уничтоженіе вражды, онъ—охрана мира, онъ сталъ для насъ сокровищемъ безчисленныхъ благъ. Благодаря кресту мы уже не блуждаемъ въ пустыняхъ, потому что познали истинный путь, уже не обитаемъ внѣ царства, потому что нашли дверь, не боимся огненныхъ стрѣлъ діавола, потому что увидѣли источникъ. Благодаря кресту мы уже не вдовствуемъ, потому что получили жениха, не боимся волка, потому что имѣемъ добраго пастыря. *Азъ есмь*, говоритъ, *пастырь добрый* (Іоан. x, 11). Благодаря кресту мы не трепещемъ предъ тиранномъ, потому что находимся около царя. Вотъ почему мы и празднуемъ, совершая память креста. Такъ повелѣлъ праздновать ради креста и Павелъ. *Да празднуемъ*, говоритъ, *не въ квасѣ ветсѣ, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 8). Затѣмъ, указывая причину,* присовокупилъ, что *пасха наша за ны пожрена бысть Христосъ* (ст. 7). Видишь, какимъ образомъ повелѣваетъ онъ

[1]) Время произнесенія этой, равно и слѣдующей—второй бесѣды, неизвѣстно.

праздновать ради креста? На крестѣ *пожренъ бысть Христосъ*, а гдѣ жертва, тамъ уничтоженіе грѣховъ, тамъ примиреніе съ Господомъ, тамъ праздникъ и радость. *Пасха наша за ны пожренъ бысть Христосъ*. Гдѣ, скажи мнѣ, *пожренъ бысть?* На высотѣ помоста. Необыченъ жертвенникъ этой жертвы, потому что
400 и жертва необычайная и небывалая. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же былъ и жертвой и священникомъ: жертвой былъ плотію, а священникомъ — духомъ. Одинъ и тотъ же приносилъ и былъ приносимъ плотію. Послушай, какъ изъяснилъ то и другое Павелъ. *Всякъ первосвященникъ*, говоритъ онъ, *отъ человѣкъ пріемлемь*, человѣками *поставляется. Тѣмже потреба имѣти что и сему, еже принесетъ* (Евр. v, 1; viii, 3); вотъ Самъ Онъ приноситъ Себя; а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что *Христосъ единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. ix, 28). Здѣсь Онъ принесенъ, тамъ—принесъ Себя. Видишь, какъ сталъ Онъ и жертвой и священникомъ, а жертвенникомъ былъ крестъ? Почему же, скажешь, жертва приносится не въ храмѣ, а внѣ города и стѣнъ? Чтобы исполнилось пророчество, что *со беззаконными вмѣнися* (Ис. liii, 12). Почему же закалается Онъ на высотѣ помоста, а не подъ кровомъ? Чтобы очистить воздушное естество; посему на высотѣ, не подъ простирающейся кровлей, а подъ кровомъ неба. Очищался воздухъ, когда въ высотѣ приносился въ жертву Агнецъ, но очищалась и земля, потому что на нее капала кровь изъ ребра. Для того—не подъ кровлей, для того—не въ храмѣ іудейскомъ, чтобы не утаили жертвы іудеи, и ты не подумалъ, что она приносится только за одинъ этотъ народъ. Для того—внѣ города и стѣнъ, чтобы тебѣ знать, что жертва всеобща, что приношеніе за всю землю, чтобы ты зналъ, что очищеніе всеобщее, не частное, какъ у іудеевъ. Іудеямъ Богъ повелѣлъ оставить всю землю и приносить жертвы и молиться въ одномъ мѣстѣ потому, что вся земля была нечиста, такъ какъ на ней носились дымъ, гарь и всякія другія зловонія отъ языческихъ жертвъ. А намъ теперь, такъ какъ пришедшій Христосъ очистилъ всю вселенную, всякое мѣсто стало мѣстомъ молитвы. Поэтому и Павелъ смѣло увѣщевалъ
401 безбоязненно молиться вездѣ, говоря: *хощу, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки* (1 Тим. ii, 8). Видишь, какъ очистилась вселенная? На всякомъ мѣстѣ мы можемъ воздѣвать святыя руки, потому что вся земля стала святѣе внутренняго святилища (храма): тамъ приносилась безсловесная овца, здѣсь же духовная, а насколько больше жертва, настолько больше и освященіе. Поэтому-то крестъ есть празднество.

2. Хочешь знать и другое совершонное имъ (крестомъ) дѣло?

Онъ отверзъ намъ сегодня рай, остававшійся заключеннымъ слишкомъ пять тысячъ лѣтъ, потому что въ этотъ день, въ этотъ часъ Богъ ввелъ (туда) разбойника, означая (этимъ) два совершонныя Имъ дѣла: одно—что отверзъ рай, другое—что ввелъ разбойника. Сегодня Онъ возвратилъ намъ древнее отечество, сегодня опять привелъ въ отечественный городъ и даровалъ обитель всему человѣческому естеству. *Днесь*, говоритъ, *со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Что говоришь? Ты распятъ и пригвожденъ, и обѣщаешь рай? Да, говоритъ, чтобы ты познал ъ на крестѣ мое могущество. Такъ какъ печально было зрѣлище, то чтобы ты обратилъ вниманіе не на естество креста, а познал ъ могущество Распинаемаго, Онъ совершаетъ на крестѣ это чудо, особенно обнаруживающее Его силу. Не мертваго воскрешая, не морю и вѣтрамъ повелѣвая, не демоновъ изгоняя, а будучи распинаемъ, оскорбляемъ, оплевываемъ, поносимъ, безславимъ, Онъ могъ премѣнить порочную душу разбойника, чтобы ты видѣлъ Его могущество въ обоихъ случаяхъ: Онъ привелъ въ смятеніе всю тварь, потрясъ скалы, привлекъ и удостоилъ чести душу разбойника, которая была безчувственнѣе камня: *днесь*, говоритъ, *со Мною будеши въ раи*. Херувимы, конечно, охраняли рай, но Христосъ—Владыка и херувимовъ; пламенный мечь былъ въ рукахъ ихъ, но Христосъ имѣетъ власть и надъ пламенемъ и геенной и надъ жизнью и смертью. Конечно, ни одинъ царь никогда не согласился бы посадить вмѣстѣ съ собою разбойника или какого-нибудь другого раба и ввести его такимъ образомъ въ городъ, а Христосъ это сдѣлалъ, и, входя въ священное отечество, вводитъ съ Собою разбойника, не попирая и не безчестя рая стопами разбойника, а напротивъ прославляя рай, потому что честь раю имѣть такого Владыку, Который и разбойника дѣлаетъ достойнымъ райскаго блаженства. Когда Онъ ввелъ въ царство небесное мытарей и блудницъ, то сдѣлалъ и это не безчестя его, а напротивъ почтилъ, показавъ, что Господь небеснаго царства такъ могуществен ъ, что и блудницъ и мытарей дѣлаетъ столь славными, что они являются достойными тамошней чести и награды. Подобно тому, какъ мы особенно дивимся врачу тогда, когда видимъ, что онъ освобождаетъ отъ недуга людей съ неисцѣлимыми болѣзнями и возвращаетъ имъ здоровье, такъ точно слѣдуетъ удивляться и Христу, когда Онъ врачуетъ неисцѣлимыя раны, когда мытаря и блудницу приводитъ въ такое состояніе здоровья, что они оказываются достойными небесъ. Но что такого обнаружилъ, скажешь, разбойникъ, чтобы послѣ креста получить рай? Хочешь, кратко укажу тебѣ доблесть его? Когда Петръ
отрекся долу, тогда разбойникъ исповѣдалъ горѣ. Говорю это, не 402
Петра порицая,—да не будетъ!—а желая показать величіе души

разбойника. Ученикъ не вынесъ угрозы ничтожной дѣвушки, а разбойникъ, видя, какъ весь предстоящій народъ, кричитъ, бѣснуется и бросаетъ хулы и насмѣшки, не обратилъ на нихъ вниманія, не посмотрѣлъ на видимое ничтожество Распятаго, но, проходя все это мимо очами вѣры и оставивъ ничтожныя препятствія, позналъ Владыку небесъ, и припавъ къ Нему, говорилъ: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. XXIII, 42). Не оставимъ вниманіемъ этого разбойника и не постыдимся взять въ качествѣ учителя того, кого Господь нашъ не устыдился ввести первымъ въ рай. Не постыдимся взять въ учители человѣка, который оказался прежде всей твари достойнымъ жительства на небесахъ, но тщательно изслѣдуемъ въ отдѣльности (всѣ его поступки), чтобы намъ познать силу креста. Не сказалъ ему (Христосъ), какъ Петру: гряди *по Мнѣ* и *сотворю* тебя *ловца человѣкомъ* (Мѳ. IV, 19), не сказалъ ему, какъ двѣнадцати (ученикамъ): *сядете на двоюнадесяте престолу судяще обѣманадесяте колѣнома израилевома* (Мѳ. XIX, 28). Напротивъ, Онъ даже не удостоилъ его совсѣмъ и слова. Онъ не показалъ ему чуда; разбойникъ не видѣлъ ни воскрешаемаго мертвеца, ни изгоняемыхъ демоновъ, не видѣлъ повинующагося моря; Христосъ ничего не сказалъ ему ни о царствѣ, ни о гееннѣ, и однако разбойникъ исповѣдалъ Его прежде всѣхъ, притомъ, когда другой поносилъ,— потому что другой разбойникъ поносилъ Его. Распятъ же былъ со Христомъ и другой разбойникъ, чтобы исполнилось пророчество: *со беззаконными вмѣнися* (Ис. LIII, 12), потому что іудеи хотѣли затмить славу Его, и вездѣ, что ни дѣлали, оскорбляли (Его), но истина сіяла вездѣ и возрастала чрезъ самыя препятствія. Итакъ, другой разбойникъ поносилъ Его. Видишь того разбойника и этого разбойника? Оба на крестѣ, оба за разбойническую жизнь, оба за нечестіе, но участь того и другого не одинакова. Одинъ наслѣдовалъ царство небесное, другой посланъ въ геенну. Такъ и вчера. Ученики и ученикъ, Іуда и одиннадцать. Тѣ говорили: *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху* (Мѳ. XXVI, 17), а этотъ готовилъ предательство и говорилъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (ст. 15)? Тѣ готовились къ служенію и къ божественному тайноводству, а этотъ поспѣшалъ на предательство. Такъ и здѣсь—разбойникъ и разбойникъ, но одинъ поноситъ, а другой покланяется, одинъ хулитъ, а другой прославляетъ и унимаетъ хулителя, говоря: *ни ли ты боишися Бога? Достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева* (Лук. XXIII, 40).

3. Видишь дерзновеніе разбойника? Видишь дерзновеніе его на крестѣ? Видишь любомудріе во время мученія и благочестіе при наказаніи? Кто не поразится (видя), что онъ сохранилъ при-

сутствіе духа, что онъ остался въ разумѣ, будучи пронзенъ гвоздями. Но онъ не только сохранилъ присутствіе духа, но и забывая себя самого, заботился о спасеніи другихъ, ставъ учителемъ на крестѣ, когда съ упрекомъ говорилъ: *ни ли ты боишися Бога?* Не обращай вниманія, говоритъ онъ, на земной судъ; есть другой невидимый Судія, есть судъ неподкупный; не смотри поэтому, что Онъ осужденъ на землѣ. Небесный судъ не таковъ. Здѣсь, на земномъ судѣ, и праведники осуждаются, и неправедные избѣгаютъ наказанія, и виновные освобождаются, и невинные наказываются, потому что судьи волей-неволей много погрѣшаютъ, 403
или не вѣдая правды и поддаваясь обману, или, хоть и знаютъ, но произносятъ часто приговоръ, будучи подкуплены деньгами. Въ небесномъ же судѣ нѣтъ ничего подобнаго. Богъ—Судія праведный, и судъ Его выйдетъ какъ свѣтъ, не затемняемый ни мракомъ, ни невѣдѣніемъ. Такъ (изъ-за опасенія), чтобы тотъ не говорилъ ему, что Христосъ осужденъ земнымъ судомъ, онъ возвелъ его къ суду небесному, напомнилъ (ему) о томъ страшномъ судилищѣ, говоря какъ бы такъ: смотри туда, и ты не произнесешь осуждающаго приговора, не станешь на сторону растлѣнныхъ земныхъ судей, но съ вѣрою примешь судъ на небѣ. Видишь любомудріе разбойника? Видишь его благоразуміе и мудрость? Тотчасъ съ креста онъ переселился на небо. Затѣмъ, сильно порицая другого разбойника, говоритъ: не боишься, что мы осуждены на то же. Что значитъ: осуждены на то же? На то же самое наказаніе. Не на крестѣ ли и ты? Итакъ, упрекая другого, ты, прежде чѣмъ его, порицаешь себя, потому что какъ тотъ, кто находится во грѣхахъ, порицая другого, порицаетъ, прежде чѣмъ того, себя, такъ и находящійся въ несчастіи и ставящій въ укоръ другому несчастіе, укоряетъ, прежде чѣмъ другого, себя самого. „На то же осуждены"... Онъ читаетъ ему апостольскій законъ, евангельскія слова, гласящія: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). „На то же осуждены". Что ты дѣлаешь, разбойникъ? Стараясь защитить Его, ты дѣлаешь Его общникомъ разбойника? Нѣтъ, говоритъ. Я уничтожаю такую мысль слѣдующими словами. Дабы ты не подумалъ, что чрезъ общеніе въ мученіяхъ онъ сдѣлалъ Его общникомъ грѣха, онъ присоединилъ поправку, говоря: *и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю* потерпѣли (Лук. XXIII, 41). Видишь совершенное исповѣданіе? Видишь, какъ онъ на крестѣ освободился отъ грѣховъ? *Глаголи*, сказано, *ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Ис. XLIII, 26). Никто не принуждалъ, никто не насиловалъ его, а самъ выставилъ себя на поруганіе, говоря: *и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю* пострадали: *Сей же ни единаго зла сотвори*. И послѣ

этого говоритъ: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ.* Онъ не осмѣлился сказать прежде: *помяни мя во царствіи Твоемъ,* чѣмъ сложилъ чрезъ исповѣданіе тяжесть грѣховъ.

Видишь, что значитъ исповѣданіе? Исповѣдалъ—и отверзъ (себѣ) рай; исповѣдалъ—и получилъ столь великое дерзновеніе, что проситъ царства послѣ разбоя. Видишь, причиною скольких благъ служитъ для насъ крестъ? Ты вспоминаешь о царствѣ? Что же такого ты видишь (что напоминало бы о немъ), скажи мнѣ? Видны гвозди и крестъ. Но самый-то этотъ крестъ, говоритъ, есть символъ царства. Потому называю Его царемъ, что вижу Его распинаемымъ на крестѣ, такъ какъ долгъ царя—умереть за подвластныхъ. Онъ Самъ сказалъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11),—такъ точно и добрый царь полагаетъ свою душу за подвластныхъ. Посему, такъ какъ Онъ положилъ душу Свою, то я и называю Его за это царемъ. *Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ.*

4. Видишь, какъ крестъ является символомъ царства (небеснаго)? Хочешь знать другія тому доказательства? Христосъ не оставилъ его на землѣ, а поднялъ его (съ Собою) и вознесъ на небо. Откуда видно это? Оттуда, что Онъ имѣетъ придти съ нимъ во второе и славное Свое пришествіе. Чтобы ты зналъ, какая честь подобаетъ кресту, для того Онъ назвалъ его и славой. Но
404 посмотримъ, какъ Онъ придетъ съ крестомъ. Необходимо привести этому доказательство. *Аще рекутъ,* говоритъ, *се въ сокровищахъ Христосъ, се въ пустыни есть, не изыдите* (Мѳ. xxiv, 26), говоритъ такъ о Своемъ второмъ славномъ пришествіи, въ виду лжехристовъ, лжепророковъ и антихриста, чтобы кто-нибудь, заблудившись, не попался послѣднему. Такъ какъ прежде Христа придетъ антихристъ, то чтобы кто-нибудь, ища пастыря, не попался волку, для того указываю тебѣ признакъ пришествія пастыря. Такъ какъ первое Его пришествіе было тайнымъ, то дабы ты не подумалъ, что и второе будетъ такимъ же, Онъ далъ этотъ знакъ. Тому пришествію естественно было быть тайнымъ, потому что Онъ пришелъ взыскать погибшаго, но то будетъ не таково. Какъ же, скажи? *Якоже бо молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Мѳ. xxiv, 27). Онъ явится всѣмъ за разъ, и никто не будетъ имѣть нужды спрашивать: здѣсь, или тамъ Христосъ? Подобно тому, какъ, при появленіи молніи, мы не имѣемъ нужды спрашивать, явилась ли она, такъ, когда совершится пришествіе Христово, для насъ не будетъ нужды изслѣдовать, пришелъ ли Христосъ. Но вопросъ въ томъ, съ крестомъ ли придетъ Онъ? Мы не забыли обѣщанія,—выслушай поэтому слѣдующее. *Тогда,* говоритъ. Когда

это: *тогда?* Когда придетъ Сынъ человѣческій. (Тогда) *солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего* (Матѳ. XXIV, 29). Таково-то будетъ тогда изобиліе свѣта, что и самыя блестящія звѣзды станутъ невидимы. *Тогда звѣзды спадутъ, тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси* (ст. 29, 30). Видишь, сколь велика сила знаменія креста? Солнце помрачится, и луна не будетъ видна, а оно является и блистаетъ, дабы ты зналъ, что оно свѣтлѣе солнца и луны. И подобно тому, какъ, при вступленіи въ городъ царя, воины, взявъ такъ называемыя знамена, несутъ ихъ на своихъ плечахъ, предвозвѣщая входъ царя, такъ и при нисхожденіи Господа съ небесъ предшествуютъ воинства ангеловъ и архангеловъ, неся на раменахъ знаменіе креста и возвѣщая намъ царское Его пришествіе. *Тогда силы небесныя подвигнутся* (ст. 29),—говоритъ объ ангелахъ,—трепетъ охватитъ ихъ тогда и великій страхъ. Почему, скажи мнѣ? Страшенъ будетъ тотъ судъ, потому что вся природа наша должна будетъ судиться и предстоять страшному Судіи. Но почему ангелы боятся и трепещутъ? Вѣдь не они будутъ судиться? Подобно тому, какъ когда судитъ начальникъ, не только подлежащій отвѣту, но и стоящіе вблизи (воины), не сознавая за собой никакой вины, боятся и трепещутъ изъ-за страха предъ судіей, такъ и тогда, хотя будетъ судима наша природа, но и не сознающіе за собой никакого преступленія ангелы будутъ бояться вслѣдствіе крайняго страха, внушаемаго Судіею. Но для чего явится тогда крестъ и для чего Спаситель придетъ съ нимъ? Для того, чтобы распявшіе Его познали свою собственную неблагодарность,—для того именно Онъ и показываетъ имъ самый этотъ символъ ихъ безстыдства. А что для этого Онъ принесетъ его, послушай пророка, который говоритъ: *тогда восплачутся колѣна земная*, видя Обвинителя и сознавая свой грѣхъ. И что ты дивишься, что Онъ придетъ съ крестомъ, если Онъ покажетъ тогда и самыя даже раны? *Воззрятъ*, говоритъ (пророкъ), *нань, Его же прободоша* (Зах. XII, 10). Подобно тому, какъ сдѣлалъ Онъ съ Ѳомой, желая уничтожить невѣріе ученика, 405
и по воскресеніи показалъ ему знаки гвоздей и язвы, говоря: *вложи руку твою и виждь, яко духъ плоти и кости не имать* (Іоан. XX, 27; Лук. XXIV, 39), такъ точно и тогда Онъ покажетъ раны и крестъ, дабы доказать, что Онъ есть тотъ, который былъ распятъ.

5. Но не только крестъ, а и самыя слова, сказанныя на крестѣ, являютъ неизреченное Его человѣколюбіе. Распинаемый на крестѣ, подвергаясь при этомъ осмѣяніямъ, поруганіямъ и заплеваніямъ, Онъ говорилъ: *Отче, отпусти имъ* грѣхъ: *не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). И распинаемый молится за

распинателей, хотя тѣ напротивъ говорили: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста и вѣруемъ* въ Тебя (Матѳ. xxvii, 40. 42). Но потому-то именно, что Онъ Сынъ Божій, Онъ и не сходитъ со креста, такъ какъ для того Онъ и пришелъ, чтобы быть распяту за насъ. *Сниди*, говорятъ, *со креста и вѣруемъ* въ Тебя. Это слова и отговорка невѣрія, потому что возстать изъ гроба, къ которому приваленъ былъ камень, было гораздо болѣе великимъ дѣломъ, чѣмъ сойти со креста; извести изъ гроба четверодневнаго мертваго Лазаря, повитаго пеленами, (также) было гораздо болѣе великимъ дѣломъ, чѣмъ сойти со креста. Итакъ они говорили: *аще Сынъ еси Божій, спасися Самъ*. Онъ дѣлалъ все, чтобы спасти поносящихъ Его, говоря: *отпусти имъ* грѣхъ: *не вѣдятъ бо, что творятъ*. Что же? Отпустилъ имъ грѣхъ? Отпустилъ, если они хотѣли каяться, а если бы Онъ не отпустилъ имъ грѣха, то Павелъ не сдѣлался бы апостоломъ; если бы не отпустилъ имъ грѣха, то не увѣровали бы тотчасъ ни три тысячи, ни пять тысячъ, ни безчисленное множество. А что увѣровало безчисленное множество іудеевъ, послушай, что говорятъ апостолы Павлу: *видиши ли, брате, колико темъ есть іудей вѣровавшихъ* (Дѣян. xxi, 20)?

Итакъ, будемъ подражать Господу и молиться за враговъ. Опять обращаюсь съ этимъ увѣщаніемъ: сегодня (уже) пятый день бесѣдую съ вами объ этомъ предметѣ, не потому, чтобы я замѣтилъ невнимательность съ вашей стороны,—да не будетъ,— а главнымъ образомъ въ надеждѣ, что вы убѣдитесь (моими совѣтами). А если есть (между вами) жестокосердые, гнѣвливые, злопамятные, которые не внемлютъ сказанному о молитвѣ (за враговъ), то можетъ быть они, устыдившись числомъ дней, отложатъ какъ-либо свою вражду и злобу. Подражай своему Владыкѣ. Онъ былъ распинаемъ и обращался съ молитвой къ Отцу за распинателей. Какъ, скажешь, могу я подражать Господу? Можешь, если желаешь, потому что если бы ты былъ не въ состояніи подражать, то какъ бы сказалъ (Спаситель): *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. xi, 29)? Если бы не возможно было подражать, то не сказалъ бы Павелъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Если, впрочемъ, ты не хочешь подражать Владыкѣ, то подражай сорабу,— разумѣю апостола Стефана, такъ какъ и онъ подражалъ Господу. И какъ Христосъ среди распинателей, оставивъ крестъ, оставивъ все, касающееся Его Самого, умоляетъ Отца за распинателей, такъ и этотъ рабъ среди побивающихъ, поражаемый всѣми, подъ ударами камней, не обращая вниманія на происходившія отъ этого страданія, говорилъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. vii, 60). Видишь, какъ говоритъ Сынъ? Видишь,

какъ молится рабъ? Тотъ говоритъ: *Отче, отпусти имъ* грѣхъ 406
этотъ: *не вѣдятъ бо, что творятъ*, а этотъ говоритъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего.* А чтобы ты зналъ, что онъ молится съ усердіемъ, (обрати вниманіе на то, что) онъ молится не просто стоя, будучи побиваемъ камнями, а сказалъ свою молитву, преклонивъ колѣна, съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ великимъ состраданіемъ. Хочешь, укажу тебѣ и другого сораба, который потерпѣлъ гораздо больше, чѣмъ этотъ? Павелъ говоритъ: *отъ іудей трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, нощь и день во глубинѣ сотворихъ* (2 Кор. XI, 25). Что же затѣмъ? *Молилбыхся*, говоритъ, *самъ отлученъ быти по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Римл. IX, 3). Не желаешь ли видѣть еще другого не въ Новомъ Завѣтѣ, а въ Ветхомъ? Это-то всего и удивительнѣе, что тамъ, гдѣ не было повелѣнія любить враговъ, а (предписывалось) вырывать око за око и зубъ за зубъ (Исх. XXI, 24, 25) и (за зло) воздавать одинаковымъ зломъ, тамъ дошли до апостольскаго любомудрія. Послушай, что̀ говоритъ Моисей, который многократно побиваемъ былъ камнями отъ іудеевъ и презираемъ ими. *Аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ ню же вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32). Видишь, какъ каждый изъ нихъ предпочитаетъ спасеніе другихъ своему собственному спасенію? Ты ни въ чемъ не согрѣшилъ; такъ почему же ты хочешь быть участникомъ въ наказаніи вмѣстѣ съ ними? Потому, говоритъ, что недостаточно чувствую счастіе, когда страдаютъ другіе. Довольно для насъ и этихъ примѣровъ. А чтобы намъ совершенно исправить себя, постараюсь представить еще одного (святого), который любомудрствуетъ объ этомъ. Блаженный и кроткій Давидъ, когда возмутилось противъ него все его войско и, вооруживъ сына его Авессалома, вручило послѣднему власть и хотѣло убить его, затѣмъ когда Богъ разгнѣвался за это (ибо что въ томъ, что (Богъ) привелъ другой предлогъ для избіенія?) и послалъ ангела съ мечемъ, чтобы поразить народъ съ неба, то, видя, какъ всѣ погибаютъ, что̀ говоритъ онъ? Я пастырь согрѣшилъ, и я пастырь зло сотворилъ: *да будетъ рука Твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Видишь, какъ сходны добродѣтели (въ В. и Н. Завѣтѣ)? Хочешь, укажу тебѣ и еще? Не затруднюсь (представить) еще одного, который любомудрствуетъ такимъ же образомъ. Пророкъ Самуилъ былъ такъ оскорбленъ, отверженъ, пренебреженъ іудеями, что Богъ, желая утѣшить его, говорилъ: *не тебе уничижиша, но мене* (1 Цар. VIII, 7). Что же этотъ уничиженный, пренебреженный, оскорбленный? Мнѣ же да не будетъ, говоритъ, *согрѣшити* такъ, чтобы *оставити молитися о васъ ко Господу*

(1 Цар. XII, 23). Онъ считалъ грѣхомъ не молиться за враговъ. Да не будетъ мнѣ согрѣшить такъ, чтобы не молиться о васъ. Христосъ говоритъ: *Отче, отпусти имъ грѣхъ: не вѣдятъ бо, что творятъ;* Стефанъ говоритъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего;* Павелъ говоритъ: *молилбыхся отлученъ быти по братіи моей, сродницѣхъ по плоти*; Моисей говоритъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави, аще же ни, изглади мя изъ книги, въ ню же вписалъ еси*; Давидъ говоритъ: *да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего*; Самуилъ говоритъ: мнѣ же да не будетъ согрѣшить *оставити молитися за васъ ко Господу*. Итакъ, скажи мнѣ, будемъ ли имѣть какое-нибудь извиненіе мы, когда и Владыка, и рабы, и святые ветхо- и ново-завѣтные, всѣ побуждаютъ
407 насъ къ молитвѣ за враговъ, если станемъ дѣлать противное и молиться противъ враговъ? Не станемъ дѣлать такъ, братія, увѣщеваю васъ, не станемъ,—потому что чѣмъ больше примѣровъ, тѣмъ больше и наказаніе, если мы не будемъ подражать имъ. Молитва за враговъ больше молитвы за друзей, и послѣдняя не приноситъ намъ столько пользы, сколько первая. *Аще бо любите любящихъ васъ*, вы не дѣлаете, говоритъ Христосъ, ничего великаго, *ибо и мытари такожде творятъ* (Мѳ. V, 46), такъ что если мы будемъ молиться за друзей, то мы еще нисколько не лучше язычниковъ
408 и мытарей, а если будемъ любить враговъ, то по мѣрѣ силъ человѣческихъ становимся подобными Богу, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. V, 45). Итакъ, будемъ подобны Отцу. *Будьте*, говоритъ Христосъ, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ*, чтобы намъ удостоиться и царства небеснаго благодатію и человѣколюбіемъ Господа и Бога и Спасителя нашего I. Христа, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

о крестѣ,—сказана во святый и великій пятокъ,—и объ исповѣданіи разбойника, и о томъ, что намъ должно молиться за враговъ.

407 Мы СОВЕРШАЕМЪ сегодня, возлюбленные, праздникъ и торжество, такъ какъ Господь нашъ на крестѣ пригвожденъ гвоздями. Не удивляйся, что мы празднуемъ, тогда какъ это событіе прискорбно; таково все духовное; оно бываетъ противно обычаю человѣческому. Дабы тебѣ точно знать это, вотъ крестъ прежде былъ именемъ осужденія и наказанія, а теперь

сталъ предметомъ почтеннымъ и вожделѣннымъ; прежде крестъ былъ орудіемъ позора и казни, а теперь сталъ источникомъ славы и чести. А что крестъ дѣйствительно есть слава, послушай Христа, Который говоритъ: *Отче, прослави Мя славою, юже имѣхъ у Тебе, прежде міръ не бысть* (Іоан. XVII, 5), называя славою крестъ. Крестъ—глава нашего спасенія; крестъ—причина безчисленныхъ благъ. Чрезъ него мы, бывшіе прежде безславными и отверженными, теперь приняты въ число сыновъ; чрезъ него мы уже не остаемся въ заблужденіи, но познали истину; чрезъ него мы, прежде покланявшіеся деревамъ и камнямъ, теперь познали Создателя всѣхъ; чрезъ него мы, бывшіе рабами грѣха, приведены въ свободу праведности; чрезъ него земля наконецъ сдѣлалась небомъ. Онъ освободилъ насъ отъ заблужденія, онъ привелъ насъ къ истинѣ, онъ устроилъ примиреніе между Богомъ и людьми, онъ, извлекши насъ изъ глубины порока, возвелъ на самую вершину добродѣтели, онъ истребилъ бѣсовское заблужденіе, онъ уничтожилъ обольщеніе. Чрезъ него уже не стало дыма, смрада и пролитія крови безсловесныхъ животныхъ, но вездѣ духовныя служенія, пѣснопѣнія и молитвы; чрезъ него бѣсы обращены въ бѣгство, чрезъ него діаволъ изгнанъ, чрезъ него человѣческое естество стало соревновать жизни ангельской, чрезъ него дѣвство водворилось на землѣ, потому что съ того времени, какъ пришелъ Родившійся отъ Дѣвы, естество человѣческое узнало этотъ путь къ добродѣтели. Онъ просвѣтилъ насъ, сидѣвшихъ во тьмѣ, онъ примирилъ насъ, враждовавшихъ (съ Богомъ) онъ сдѣлалъ близкими насъ, бывшихъ далеко, онъ сдѣлалъ своими насъ, бывшихъ чужими, онъ сдѣлалъ гражданами неба насъ, бывшихъ странниками, онъ сдѣлался у насъ прекращеніемъ войнъ, онъ сталъ для насъ опорою мира. Чрезъ 408
него мы уже не боимся разженныхъ стрѣлъ діавола, такъ какъ нашли источникъ жизни; чрезъ него мы перестали быть во вдовствѣ, такъ какъ пріобрѣли жениха; чрезъ него мы уже не боимся волка, такъ какъ узнали добраго пастыря. *Азъ бо есмь*, говоритъ [Господь], *пастырь добрый* (Іоан. X, 11). Чрезъ него мы уже не страшимся тиранна, такъ какъ прибѣгли къ царю. Видишь ли, сколькихъ благъ причина для насъ крестъ? Поэтому справедливо мы совершаемъ праздникъ. Такъ и Павелъ увѣщеваетъ праздновать, когда говоритъ: *да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 8). Почему же ты, блаженный Павелъ, повелѣваешь намъ праздновать? Скажи причину. *Ибо пасха наша*, говоритъ, *за ны пожренъ бысть Христосъ Богъ* (ст. 7). Видишь ли, какъ крестъ служитъ предметомъ празднованія? Узналъ ты, что онъ повелѣваетъ праздновать ради креста? На крестѣ принесена

жертва; а гдѣ жертва, тамъ отпущеніе грѣховъ, тамъ примиреніе съ Господомъ, тамъ праздникъ и радость. *Пасха наша*, говоритъ, *за ны пожренъ бысть Христосъ.* Гдѣ, скажи, Онъ пожренъ? На высокомъ крестѣ. Новый и дивный жертвенникъ, потому что и жертва дивная и необычайная. Самъ Онъ—и жертва и священникъ, жертва по плоти, а священникъ по духу; Самъ Онъ и принесъ, и былъ принесенъ. Послушай опять Павла, который говоритъ: *всякъ бо первосвященникъ отъ человѣкъ пріемлемъ, за человѣки поставляется на службы, яже къ Богу: тѣмже потреба имѣти что и сему, еже принесетъ* (Евр. v, 1; viii, 3). Вотъ доселѣ Онъ приноситъ. А въ другомъ мѣстѣ апостолъ говоритъ: *тако и Христосъ единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи* (Евр. ix, 28). Вотъ здѣсь Онъ *принесенъ*, а тамъ *принесъ* Самого Себя. Видишь, какъ Онъ сдѣлался и жертвою и священникомъ, а жертвенникомъ былъ крестъ. Впрочемъ нужно знать, почему эта жертва принесена не въ храмѣ,—разумѣю храмъ іудейскій,—а внѣ города, за его стѣнами. Внѣ города Онъ распятъ, какъ какой-нибудь преступникъ, чтобы исполнилось сказанное пророкомъ: *и со беззаконными вмѣнися* (Иса. LIII, 12).

Для чего же за городомъ Онъ распятъ на высокомъ мѣстѣ, а не подъ какою-нибудь кровлею? И это не безъ причины, а для того, чтобы очистить естество воздуха. Поэтому — на высокомъ мѣстѣ, не подъ навѣсомъ кровли, но, вмѣсто кровли, подъ сводомъ неба, чтобы очистилось все небо, въ то время какъ этотъ
409 Агнецъ былъ закалаемъ на высотѣ. Очистилось небо, очистилась и земля. Кровь капала изъ бока Его на землю и очистила все ея оскверненіе. По этой-то причинѣ жертва принесена не подъ кровлею. Но почему же не въ самомъ храмѣ іудейскомъ? И это опять не безъ причины, а для того, чтобы іудеи не сдѣлали своею собственностью эту жертву, для того, чтобы ты не думалъ, будто за одинъ только этотъ народъ принесена эта жертва; потому она принесена внѣ города, за его стѣнами, дабы ты зналъ, что это—жертва вселенская, дабы ты зналъ, что это — приношеніе за всю землю, и что это—общее очищеніе всего естества нашего. Іудеямъ Богъ повелѣлъ оставить всю землю и приносить жертвы на одномъ мѣстѣ, молиться на одномъ мѣстѣ, потому что вся земля была тогда нечиста отъ дыма, смрада, крови идольской и прочихъ нечистотъ языческихъ; поэтому Онъ назначилъ имъ одно мѣсто. Но когда пришелъ Христосъ и пострадалъ внѣ города, то очистилъ всю землю, сдѣлалъ всякое мѣсто удобнымъ для молитвы. Хочешь ли знать, какъ вся земли наконецъ сдѣлалась храмомъ, и какъ всякое мѣсто стало удобнымъ для молитвы? Послушай опять блаженнаго Павла, который говоритъ: *на всякомъ мѣстѣ воздѣюще*

преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія (1 Тим. II, 8). Видишь ли, какъ Онъ очистилъ вселенную? Видишь ли, какъ мы вездѣ можемъ воздѣвать чистыя руки? Вся земля сдѣлалась наконецъ святою, даже святѣе святынь іудейскихъ. Почему? Потому, что тамъ приносилась безсловесная, а здѣсь принесена словесная овца. Посему сколь выше словесное безсловеснаго, столь превосходнѣе и здѣшнее освященіе. Итакъ поистинѣ крестъ—праздникъ.

2. Хочешь ли знать и другое величайшее дѣйствіе креста, превосходящее всякій человѣческій умъ? Сегодня онъ отверзъ заключенный рай; сегодня онъ ввелъ въ него разбойника; совершилъ два величайшихъ дѣла—и рай отверзъ и разбойника ввелъ, возвратилъ ему древнее отечество, привелъ его въ отечественный городъ. *Днесь*, сказалъ [Господь], *со мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43). Что говоришь Ты? Самъ распятъ и пригвожденъ ко кресту гвоздями, а обѣщаешь рай? Какъ же ты доставишь это? И Павелъ вѣдь говоритъ: *распятъ бысть отъ немощи* (2 Кор. XIII, 4). Но выслушай, что прибавляетъ онъ: *но живъ есть отъ силы Божія*. И еще въ другомъ мѣстѣ: *сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Посему, говоритъ, Я и обѣщаю теперь на крестѣ, чтобы и изъ этого ты позналъ Мою силу. Такъ какъ событіе было печальное, то, дабы ты, обращая вниманіе на свойство креста, не предавался унынію, но взирая на могущество Распятаго, былъ веселъ и бодръ, для этого Онъ и здѣсь показываетъ тебѣ силу Свою. Не мертваго воскрешая, не морю повелѣвая, не бѣсамъ запрещая, но бывъ распятъ, пригвожденъ, подвергаясь оскорбленію, оплеванію, злословію, осмѣянію и поношенію у всѣхъ, Онъ имѣлъ силу привлечь къ Себѣ порочную душу разбойника. Посмотри, какъ могущество Его блистаетъ съ двухъ сторонъ: Онъ поколебалъ основаніе (земли), расторгъ камни, и душу разбойника, которая была безчувственнѣе камня, сдѣлалъ мягче воска. *Днесь со Мною будеши въ раи*. Что говоришь Ты? Херувимъ и пламенный мечъ стерегутъ рай, а Ты обѣщаешь входъ туда разбойнику? Да, гово- 410
ритъ, потому что Я—Владыка и херувимовъ и имѣю власть надъ пламенемъ и геенной, надъ жизнію и смертію. Поэтому Онъ и говоритъ: *днесь со Мною будеши въ раи*. Когда эти силы видятъ Владыку, тотчасъ отступаютъ и устраняются. Никакой царь никогда не рѣшился бы посадить съ собою разбойника, или другого кого-нибудь изъ подобныхъ рабовъ, и такимъ образомъ вступить въ городъ; а человѣколюбивый Владыка сдѣлалъ это. Входя въ священное отечество, Онъ вводитъ съ Собою разбойника, не безчестя рая ногами разбойника,—да не будетъ,—но тѣмъ еще болѣе оказывая честь раю, потому что честь для рая имѣть такого

Владыку, столь могущественнаго и человѣколюбиваго, что и разбойника Онъ можетъ сдѣлать достойнымъ райскихъ наслажденій. И, когда Онъ призывалъ въ царство мытарей и блудницъ, дѣлалъ это, не посрамляя царства, но еще болѣе воздавая ему честь и показывая, что таковъ Господь небеснаго царства, что и блудницъ и мытарей Онъ дѣлалъ столь безукоризненными, что они оказывались достойными тамошней чести и награды. Какъ врачу мы удивляемся тогда, когда видимъ, что онъ, избавивъ отъ немощи людей, одержимыхъ неизлѣчимыми болѣзнями, возвратилъ имъ полное здоровье, такъ и Христу удивляйся, возлюбленный, и изумляйся, что Онъ, взявъ людей, одержимыхъ неизлѣчимыми душевными болѣзнями, могъ избавить ихъ отъ порока и явить достойными небеснаго царства тѣхъ, которые дошли до крайняго нечестія. *Днесь со Мною будеши въ раи*. Велика честь, безпредѣльно человѣколюбіе, неизреченно изобиліе благости: войти вмѣстѣ съ Владыкою—это большая честь, нежели войти въ рай. Но что это, скажи мнѣ? Что такое сдѣлалъ разбойникъ, чтобы вдругъ съ креста оказаться достойнымъ рая? Хочешь ли, я кратко скажу объ этомъ и покажу доблесть разбойника? Когда Петръ, верховный изъ учениковъ, отрекся внизу, тогда онъ, находясь вверху—на крестѣ, исповѣдалъ (Христа). Говорю это не въ осужденіе Петра,—да не будетъ, — но желая показать величіе души разбойника и превосходное его любомудріе. Тотъ не устоялъ предъ угрозою простой служанки; а этотъ, видя, какъ весь народъ неистовствовалъ, стоялъ кругомъ, кричалъ и произносилъ тысячи злословій Распятому, не посмотрѣлъ на уничиженіе Распятаго, но, прозирая чрезъ все это очами вѣры и оставивъ всѣ униженія и препятствія внизу, призналъ небеснаго Владыку, сказавъ краткія тѣ, но показывающія его достойнымъ рая, слова: *помяни мя, Господи, во царствіи си* (Лук. XXIII, 42). Не оставимъ безъ вниманія этихъ словъ, не постыдимся взять себѣ учителемъ разбойника, котораго Владыка нашъ не постыдился ввести въ рай прежде всѣхъ; не постыдимся взять себѣ учителемъ человѣка, который первый изъ всего рода человѣческаго оказался достойнымъ жизни въ раю. Изслѣдуемъ же каждое изъ словъ его, чтобы и отсюда познать намъ силу креста. Ему не говорилъ Господь, какъ Петру и Андрею: *грядите и сотворю вы ловца человѣкомъ* (Матѳ. IV, 19); не говорилъ
411 ему, какъ двѣнадцати ученикамъ: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома израилевома* (Матѳ. XIX, 28); даже не удостоилъ его ни слова. Онъ не видѣлъ чудесъ—ни мертваго востающаго, ни бѣсовъ изгоняемыхъ, ни моря повинующагося велѣнію Господа, ни бесѣдовалъ съ Нимъ о царствѣ; откуда узналъ онъ и названіе царства? Посмотримъ же на великое его благоразуміе.

Другой разбойникъ, говорится въ Евангеліи, *хуляше Его* (Лук. XXIII, 39), потому что и другой разбойникъ былъ распятъ вмѣстѣ съ Нимъ, чтобы исполнилось сказанное пророкомъ: *и со беззаконными вмѣнися* (Иса. LIII, 12). Безумные іудеи хотѣли помрачить славу Его и со всѣхъ сторонъ искажали происшедшее; но истина отъ всего возрастала и отъ самыхъ препятствій дѣлалась яснѣйшею. Итакъ, другой разбойникъ хулилъ Его; одинъ же изъ евангелистовъ говоритъ, что оба они поносили Іисуса (Марк. XV, 32). И это справедливо; но это еще болѣе возвышаетъ доблесть того разбойника. Вѣроятно вначалѣ и онъ злословилъ, но потомъ вдругъ столь великую показалъ перемѣну. Итакъ, другой разбойникъ, говорится, *хуляше Его*. Видишь ли разбойника и разбойника? Оба они на крестѣ, оба за пороки, оба за разбойническую жизнь; но не одна и та же участь постигла обоихъ: одинъ наслѣдовалъ царство, а другой ввերженъ въ геенну. Такъ и вчера были ученикъ и ученики; но одинъ готовился къ предательству, а другіе предлагали услуги. Тотъ говорилъ фарисеямъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Матѳ. XXVI, 15)? А эти, приступивъ къ Іисусу, говорили: *гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху* (ст. 17)? Такъ и здѣсь разбойникъ и разбойникъ; но одинъ злословитъ, а другой заграждаетъ ему уста; одинъ хулитъ, а другой укоряетъ его,—и это тогда, когда онъ видитъ, что Христосъ распятъ и осужденъ, и народъ снизу злословитъ и громко кричитъ; однако ничто изъ всего этого не отвратило его и не отклонило отъ надлежащаго прославленія, но и на другого разбойника онъ сильно нападаетъ и говоритъ ему: *ни ли ты боишися Бога* (Лук. XXIII, 40)?

3. Видишь ли дерзновеніе разбойника? Видишь ли, какъ и на крестѣ онъ не забываетъ своего собственнаго ремесла, но самымъ исповѣданіемъ похищаетъ царство? *Ни ли ты боишися Бога*, говоритъ онъ. Видишь ли дерзновеніе (его) на крестѣ? Видишь ли любомудріе, видишь ли благоговѣніе? Онъ былъ при своемъ сознаніи, сохранилъ здравомысліе, хотя былъ прибитъ гвоздями и терпѣлъ невыносимыя страданія отъ гвоздей; не достоинъ ли онъ удивленія за такое благородное мужество? Я сказалъ бы, что онъ не только достоинъ удивленія, но и по справедливости долженъ быть ублажаемъ, такъ какъ онъ не только не обращалъ вниманія на свои страданія, но, оставивъ себя, заботился и о другомъ, старался избавить его отъ заблужденія и сдѣлаться учителемъ на крестѣ. *Ни ли ты*, говоритъ, *боишися Бога*? Онъ какъ бы такъ говоритъ ему: не смотри на то судилище, которое здѣсь внизу, не суди по виду, не взирай только на происходящее; есть другой Судія—невидимый и неподкупное судилище, не могущее ошибаться.

Итакъ, не смотри на то, что Онъ осужденъ внизу, вверху—не то. Здѣсь въ нижнемъ судилищѣ часто и невинные осуждаются, а виновные освобождаются, праведные приговариваются къ наказа-
412 ніямъ, а неправедные избѣгаютъ ихъ, потому что многіе изъ людей частію добровольно, частію невольно извращаютъ дѣла судимыхъ,—или, не зная правды и обманываясь, или же зная, но будучи подкуплены деньгами, измѣняютъ истинѣ и осуждаютъ невинныхъ. Но тамъ вверху нѣтъ ничего подобнаго, потому что Богъ есть Судія праведный, и судъ Его изыдстъ, какъ свѣтъ: не имѣетъ тьмы, не имѣетъ прикровенности, не допускаетъ никакого искаженія. Дабы (этотъ разбойникъ) не сказалъ: Онъ осужденъ здѣсь внизу, къ чему же ты защищаешь Его? — возвелъ его къ горнему судилищу, къ страшному престолу, къ неподкупному суду, къ непогрѣшимому Судіи, напомнилъ ему о страшномъ судѣ. Туда смотри, говоритъ, и ты не произнесешь осуждающаго приговора, не станешь вмѣстѣ съ людьми, находящимися внизу, но подивишься и примешь вышній судъ. *Ни ли ты*, говоритъ, *боишися Бога*? Видишь ли любомудріе разбойника, видишь ли благоразуміе, видишь ли ученіе? Вдругъ со креста онъ воспарилъ на небо. Посмотри, какъ онъ уже исполняетъ апостольскій законъ, не себя только имѣетъ въ виду, но дѣлаетъ все и употребляетъ всѣ мѣры, чтобы и другого избавить отъ заблужденія и привести къ истинѣ,—сказавъ: *ни ли ты боишися Бога*, онъ присовокупилъ: *яко въ томже осужденъ еси* (Лук. xxiii, 40). Посмотри на совершенное исповѣданіе. Что значитъ: *въ томже осужденъ еси*? На то же самое, говоритъ, наказаніе, такъ какъ и мы находимся на крестѣ. Посему, понося Его, ты, прежде Него, подвергаешь злословію себя самого. Какъ находящійся во грѣхахъ, осуждая другого, осуждаетъ себя самого, прежде него, такъ и находящійся въ несчастіи, и поносящій несчастіе другого, прежде него, поноситъ себя самого. *Въ томже осужденъ еси*, говоритъ онъ; читаетъ ему апостольскій законъ, изрекающій евангельскія слова: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. vii, 1). *Яко въ томже осужденъ еси*. Что дѣлаешь ты, разбойникъ? Не дѣлаешь ли ты Христа сообщникомъ вашимъ, когда говоришь: *въ томже осужденъ еси*? Нѣтъ, говоритъ, я прибавляю для исправленія словъ своихъ слѣдующее: *и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева* (Лук. xxiii, 41). Дабы ты, услышавъ его слова: *въ томже осужденъ еси*, не подумалъ, будто онъ представляетъ Христа сообщникомъ грѣха, для этого онъ прибавляетъ поправку и говоритъ: *мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева*. Видишь ли совершенную исповѣдь на крестѣ? Видишь ли, какъ онъ омылъ свои грѣхи этими сло-

вами? Видишь ли, какъ онъ исполнилъ пророческое наставленіе: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26)? Никто не принуждалъ его, никто не обвинялъ, никто не нападалъ, самъ онъ становится обвинителемъ себя самого; посему никого уже другого послѣ не имѣетъ обвинителемъ. Онъ предвосхитилъ дѣло обвинителя, и самъ выставилъ свое имя на позорномъ столбѣ, сказавъ: *мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единаго зла сотвори*. Видишь глубочайшее благоговѣніе? Когда такимъ образомъ онъ обвинилъ самъ себя, когда обнаружилъ свои дѣла, когда произнесъ защиту за Владыку, сказавъ: *мы убо въ правду: сей же ни единаго зла сотвори*,—тогда осмѣлился предложить и просьбу: *помяни мя, Господи*, говоритъ, *егда пріидеши во царствіи си* (Лук. XXIII, 42). Онъ не дерзалъ прежде сказать: *помяни мя*, пока исповѣданіемъ не очистилъ себя отъ нечистоты грѣховъ, пока осужденіемъ своимъ не сдѣлалъ себя невиннымъ, пока обвиненіемъ себя не сложилъ прегрѣшеній своихъ. 418

Видишь ли, какъ много имѣетъ силы исповѣданіе и на самомъ крестѣ? Слыша это, возлюбленный, никогда не отчаивайся, но, представляя неизреченное величіе человѣколюбія Божія, поспѣши исправленіемъ отъ грѣховъ. Если Онъ разбойника, бывшаго на крестѣ, удостоилъ столь великой чести, то тѣмъ болѣе удостоитъ насъ Своего человѣколюбія, если мы захотимъ исповѣдаться въ нашихъ прегрѣшеніяхъ. Итакъ, дабы и намъ воспользоваться Его человѣколюбіемъ, не устыдимся исповѣдать грѣхи свои, потому что велика сила исповѣди и много можетъ сдѣлать она. Вотъ и разбойникъ исповѣдался—и нашелъ отверстый рай; исповѣдался—и получилъ дерзновеніе, будучи разбойникомъ, просить царства. До того времени онъ не просилъ небеснаго царства. Какъ, скажи мнѣ, разбойникъ, ты вспомнилъ о царствѣ? Что такое ты увидѣлъ теперь? Гвозди и крестъ предъ глазами твоими, обвиненія, насмѣшки и злословія. Да, говоритъ онъ, но самый крестъ кажется мнѣ знакомъ царства; потому я и называю Его царемъ, что вижу Его распятымъ,—царю свойственно умирать за подданныхъ. Онъ самъ сказалъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11): такъ и добрый царь полагаетъ душу свою за подданныхъ. Посему, такъ какъ Онъ положилъ душу Свою, то я и называю Его царемъ. *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си.*

4. Хочешь ли знать, какъ крестъ служитъ знакомъ царства, и какъ этотъ предметъ достоинъ почтенія? Господь не допустилъ ему оставаться на землѣ, но извлекъ его и вознесъ на небо. Откуда это извѣстно? Съ нимъ Онъ имѣетъ придти при второмъ прише-

ствіи Своемъ. Посмотримъ же, какъ Онъ имѣетъ придти съ нимъ. Послушай, какъ говоритъ объ этомъ Самъ Христосъ: *егда рекутъ вамъ: се въ пустыни есть, не изыдите, се въ сокровищахъ, не имите вѣры* (Матѳ. xxiv, 26); говоритъ такъ о второмъ Своемъ пришествіи, по поводу лжехристовъ, лжепророковъ, антихриста, чтобы кто-нибудь, обманувшись, не подпалъ власти его. Такъ какъ прежде Христа придетъ антихристъ, то, дабы ищущіе пастыря не попали на волка, Я объявляю, говоритъ, вамъ признаки пришествія пастыря. Если первое пришествіе Его было прикровенное, то не подумайте, говоритъ, что и второе будетъ такое же. То по справедливости было прикровенно, потому что Онъ приходилъ найти погибшее; а это будетъ не такъ. А какъ? Скажи и научи. *Якоже молнія*, говоритъ, *исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. xxiv, 27). Онъ явится всѣмъ вдругъ; никому не нужно будетъ спрашивать. Какъ при явленіи молніи мы не имѣемъ нужды изслѣдовать, была ли молнія, такъ и при явленіи Его намъ не нужно будетъ изслѣдовать, пришелъ ли Христосъ. Впрочемъ, мы еще и теперь не сказали о предложенномъ вопросѣ, со крестомъ ли придетъ
414 Онъ. Послушай же, какъ Онъ и это ясно объявляетъ. *Тогда*, говоритъ, т. е. когда Я приду, *солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего* (Матѳ. xxiv, 29). Такой будетъ тогда избытокъ свѣта, что и свѣтлѣйшія звѣзды скроются. *И звѣзды*, говоритъ, *спадутъ, и тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси* (Матѳ. xxiv, 30). Видишь ли, сколь велико превосходство этого знаменія, какова свѣтлость, каковъ блескъ? Солнце помрачается, луна не показывается, звѣзды падаютъ, а оно одно является, дабы ты зналъ, что оно свѣтлѣе луны и блистательнѣе солнца. Какъ при входѣ царя предшествующія ему войска несутъ на плечахъ знамена и предвозвѣщаютъ прибытіе царя, такъ и при нисшествіи Владыки твари съ небесъ будутъ предшествовать воинства ангеловъ и архангеловъ, неся это знаменіе и предвозвѣщая намъ пришествіе Царя. *Тогда*, говоритъ Онъ, *и силы небесныя подвигнутся*, разумѣя ангеловъ и архангеловъ, и всѣ невидимыя силы, потому что ихъ обниметъ трепетъ, великій страхъ и ужасъ. Почему же, скажи мнѣ, и тѣ силы приходятъ въ страхъ? По основательной причинѣ: страшное будетъ тогда судилище, все естество человѣческое будетъ судимо, будетъ отдавать отчетъ и предстоять предъ страшнымъ престоломъ. Почему же однако и ангелы тогда будутъ трепетать и безплотныя силы придутъ въ ужасъ, между тѣмъ какъ не они будутъ судимы? Какъ тогда, когда судія призываетъ на судъ виновныхъ и садится на высокомъ мѣстѣ, не одни только виновные, но и одинаковые съ ними по званію предстоящіе, хотя не сознаютъ

за собою ничего, однако боятся и трепещутъ отъ страха предъ судіею,—такъ и тогда, когда естество наше будетъ судимо и станутъ отъ него требовать отчетъ въ прегрѣшеніяхъ, и ангелы, не сознающіе за собою ничего, и прочія силы будутъ страшиться и трепетать предъ грознымъ Судіею. Такимъ образомъ это мы узнали. Но для чего и почему Онъ придетъ съ крестомъ? Узнай и этому причину. Дабы распявшіе Его уразумѣли изъ самыхъ дѣлъ свое собственное безуміе, для этого Онъ покажетъ имъ самое обличеніе ихъ безумія. Но дабы тебѣ знать, что Онъ принесетъ крестъ именно для того, чтобы обвинить ихъ, послушай, какъ говоритъ о немъ евангелистъ: *тогда явится знаменіе Сына человѣческаго, и восплачутся вся колѣна земная*, видя обвинителя и сознавая свой грѣхъ (Матѳ. XXIV, 30). И чему ты удивляешься, что Онъ придетъ, неся крестъ? Онъ придетъ, нося на Себѣ даже Свои язвы. Откуда извѣстно, что Онъ придетъ, нося на Себѣ язвы? Послушай пророка, который говоритъ: *воззрятъ нань, его же прободоша* (Захар. XII, 10). Какъ поступилъ Онъ съ Ѳомою—желая исправить невѣріе этого ученика, показалъ ему язвы гвоздиныя и самыя раны и сказалъ: *принеси перстъ твой и принеси руку твою, и виждь, яко духъ плоти и кости не иматъ* (Іоан. XX, 27. Лук. XXIV, 39), дабы показать ему, что Онъ истинно воскресъ,—такъ и тогда Онъ принесетъ Свои язвы и крестъ, дабы показать имъ, что Онъ именно тотъ, котораго распяли. Это—великое и спасительное благо и ясное свидѣтельство человѣколюбія Божія!

5. Впрочемъ не только крестъ, но и самыя слова, сказанныя Имъ на крестѣ, показываютъ Его неизреченное человѣколюбіе. 415
Выслушай эти слова. Когда распявшіе стояли вокругъ Его и пылали яростью, тогда Онъ сказалъ: *Отче, отпусти имъ* этотъ грѣхъ; *не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Видишь ли человѣколюбіе Владыки? Будучи распятъ, Онъ просилъ за распинающихъ, хотя они насмѣхались и поносили Его, говоря: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. XXVII, 40). Но потому Онъ и не сошелъ со креста, что Онъ есть Сынъ Божій, такъ какъ для того Онъ и пришелъ, чтобы быть распятымъ за насъ. *Да снидетъ со креста*, говорили они, *да* [*видимъ и*] *вѣруемъ въ Него* (Матѳ. XXVII, 42). Посмотри на слова безстыдства и предлоги невѣрія: Онъ сдѣлалъ дѣла важнѣе схожденія со креста, и они не вѣровали, а теперь говорятъ: *сниди со креста*—и повѣримъ Тебѣ. Гораздо важнѣе схожденія со креста—воскресить мертваго, ко гробу котораго привален камень; гораздо важнѣе схожденія со креста—вывести изъ гроба четверодневнаго Лазаря съ пеленами, которыми онъ былъ обвитъ. Видишь ли слова безумія? Видишь ли чрезмѣрное неистовство? Но слушайте со вниманіемъ, прошу васъ, дабы

вамъ видѣть чрезмѣрное человѣколюбіе Божіе, и какъ Христосъ самымъ безуміемъ ихъ воспользовался, какъ поводомъ къ прощенію. *Отче*, сказалъ Онъ, *отпусти имъ* этотъ грѣхъ; *не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Онъ какъ бы слѣдующее выражаетъ этими словами: они не въ своемъ умѣ и не знаютъ, что дѣлаютъ. Они говорили: *аще Сынъ еси Божій, спасися самъ* (Матѳ. XXVII, 40); а Онъ старался спасти ихъ, поносившихъ Его, издѣвавшихся и злословившихъ. *Отпусти имъ*, говоритъ, этотъ грѣхъ; *не вѣдятъ бо, что творятъ*. Что же? Отпустилъ ли имъ [Богъ] этотъ грѣхъ? Отпустилъ тѣмъ, которые захотѣли явить покаяніе. Если бы Онъ не простилъ имъ этого грѣха, то Павелъ не былъ бы апостоломъ; если бы Онъ не простилъ имъ этого грѣха, то не увѣровали бы въ Него вдругъ три тысячи и пять тысячъ и потомъ многое множество іудеевъ. Послушай, что говоритъ Іаковъ Павлу въ Іерусалимѣ: *видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ* (Дѣян. XXI, 20).

Будемъ же и мы, увѣщеваю васъ, подражать Владыкѣ и молиться за враговъ. Къ чему вчера я убѣждалъ васъ, и теперь къ этому опять убѣждаю: видя величіе прекраснаго дѣянія, подражайте своему Владыкѣ, — Онъ былъ распятъ, и молился за распинающихъ. Но какъ могу я, скажешь, подражать Владыкѣ? Если захочешь, можешь; если бы это было невозможно, то Онъ не сказалъ бы: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ, XI, 29); если бы невозможно было для человѣка подражать Ему, то Павелъ не сказалъ бы: *подражатели мнѣ бывайте, яко же и азъ Христу* (1 Кор. XI, 1). Впрочемъ, если ты не желаешь подражать Владыкѣ, то подражай подобному тебѣ рабу, — говорю о Стефанѣ, который первый открылъ двери мученичества: онъ подражалъ Владыкѣ, потому что какъ Владыка, вися (на крестѣ) среди распявшихъ Его, молился за распинателей, такъ и этотъ рабъ, находясь среди побивавшихъ его камнями, когда всѣ бросали и онъ принималъ на себя тучи камней, тогда, не обращая вниманія на причиняемыя ими страданія, говорилъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60). Видишь, какъ Сынъ бесѣдуетъ (съ Отцемъ), и какъ рабъ молится. Тотъ говоритъ: *Отче, отпусти имъ* грѣхъ сей; *не вѣ-*
416 *дятъ бо, что творятъ;* а этотъ говоритъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего*. И чтобы ты зналъ, что онъ дѣлаетъ это съ усердіемъ, онъ не просто молился, не небрежно и не стоя, но преклонивъ колѣна, съ сокрушеніемъ, съ великимъ состраданіемъ. Хочешь ли, я покажу тебѣ и другого подобнаго тебѣ раба, еще болѣе великаго, который также произносилъ молитву за враговъ? Послушай, что говоритъ блаженный Павелъ. Сказавъ, сколько

онъ потерпѣлъ, именно: *отъ Іудей пятькраты четыредесять разве̂ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною* (2 Кор. xi, 24, 25); исчисливъ рядъ (бѣдствій) и козни, которыя онъ терпѣлъ отъ нихъ ежедневно, онъ же говоритъ: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть Израилите* (Рим. ix, 3—4). Хочешь ли видѣть и другихъ, не только въ новомъ, но и въ ветхомъ завѣтѣ, которые дѣлали то же самое? Это особенно удивительно, когда тѣ, кому не было повелѣно любить враговъ, но исторгать око за око и зубъ за зубъ и мстить равнымъ за равное, достигали до высоты апостольской. Послушай, что говоритъ Моисей, въ котораго іудеи часто бросали камни: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ ню же вписалъ еси* (Исх. xxxii, 32). Видишь ли, какъ каждый изъ праведниковъ предпочиталъ безопасность другихъ собственному спасенію? Ты ни въ чемъ не согрѣшилъ: для чего же хочешь участвовать въ ихъ наказаніи? Я, говоритъ, не чувствую себя счастливымъ, когда другіе страждутъ. Можно указать еще на другого, который произносилъ такую же молитву. Я нарочито привожу много примѣровъ, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ мы исправили себя и исторгли изъ души своей эту тяжкую болѣзнь, т. е. зложелательство врагамъ. Послушай и блаженнаго Давида, что̀ говоритъ онъ, когда Богъ разгнѣвался и послалъ ангела для наказанія народа, когда онъ видитъ ангела, показывавшаго обнаженный мечъ и готоваго нанести ударъ: *азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы, что сотвориша; да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. xxiv, 17). Видишь ли опять сродныя прекрасныя дѣянія? Хочешь ли—я укажу тебѣ и еще на другого, который дѣлалъ то же? Самуилъ пророкъ былъ такъ оскорбленъ, презрѣнъ и униженъ іудеями, что Богъ хотѣлъ утѣшить его. Слушайте со вниманіемъ, увѣщеваю васъ. Богъ сказалъ ему: *не тебе уничижиша, но Мене* (1 Цар. viii, 7). Что же тотъ, котораго уничижили, унизили, презрѣли, оскорбили? Послушай, что говоритъ онъ: *да никакоже ми согрѣшити Господу, оставити еже молитися о васъ* (1 Цар. xii, 23). Онъ считалъ грѣхомъ — не молиться за враговъ. Да не будетъ со мною, говоритъ, такого грѣха, чтобы не молиться за васъ. Видишь ли, какъ каждый изъ праведниковъ старался слѣдовать Владыкѣ въ этомъ прекрасномъ дѣяніи? Итакъ, сдѣлаемъ снова обозрѣніе вышесказаннаго. Владыка говоритъ: *Отче, отпусти имъ* этотъ грѣхъ, *не вѣдятъ бо, что творятъ*. Стефанъ сказалъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего*. Павелъ говоритъ: *молилбыхся самъ азъ*

отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ
418 *по плоти.* Моисей подобнымъ же образомъ: *аще оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси.* Давидъ говоритъ: *да будетъ рука Твоя на мнѣ и на домъ отца моего.* Самуилъ также: *да никакоже ми согрѣшити, оставити еже молитися о васъ.* Какое же мы будемъ имѣть извиненіе, когда всѣ, жившіе и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ, побуждаютъ насъ къ молитвѣ за враговъ, а мы не будемъ стараться со всѣмъ тщаніемъ исполнять это? Итакъ, не будемъ нерадивыми, увѣщеваю васъ. Чѣмъ больше примѣровъ, тѣмъ больше будетъ наказаніе, если не станемъ подражать имъ. Гораздо важнѣе—молиться за враговъ, нежели за друзей; не столько приноситъ намъ пользы молитва за друзей, сколько молитва за враговъ. Послушай Христа, Который говоритъ: *аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате; не и мытари ли тожде творятъ* (Матѳ. v, 46)? Посему, когда мы будемъ молиться за друзей, то мы еще не лучше мытарей; а если будемъ любить враговъ и молиться за враговъ, то будемъ подобными Богу по силамъ человѣческимъ. *Да будете,* говоритъ Онъ, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. v, 45). Итакъ, если и отъ Владыки и отъ рабовъ мы имѣемъ примѣры,—покажемъ ревность, станемъ исполнять эту добродѣтель, дабы намъ удостоиться получить царство небесное и съ большимъ дерзновеніемъ приступить къ этой страшной трапезѣ, очистивъ свою совѣсть, и достигнуть обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

О ВОСКРЕСЕНІИ МЕРТВЫХЪ.

417 ПРЕЖДЕ мы бесѣдовали съ вами о догматахъ и о славѣ Единороднаго Сына Божія, заграждая уста унижающихъ Его достоинство и отчуждающихъ Его отъ Родителя [1]). Сегодня хочу заняться ученіемъ преимущественно нравственнымъ и предложить поученіе вообще о жизни и поведеніи; вѣрнѣе сказать,

---

[1]) Указывается на бесѣды противъ аномеевъ и, такъ какъ бесѣды противъ аномеевъ сказаны въ 386 году, то и бесѣду о воскресеніи мертвыхъ нужно относить къ ближайшему затѣмъ времени, всего вѣроятнѣе къ началу 387.

и эта бесѣда будетъ не только нравственная, но и догматическая, такъ какъ я намѣренъ изложить ученіе о воскресеніи. Этотъ предметъ многосторонenъ; онъ и въ догматахъ служитъ руководствомъ для насъ, благоустрояетъ и жизнь нашу, освобождаетъ и Промыслъ Божій отъ всякаго обвиненія. Какъ невѣрованіе въ него разстраиваетъ нашу жизнь, наполняетъ ее безчисленными бѣдствіями и ниспровергаетъ все, такъ вѣрованіе убѣждаетъ насъ въ бытіи
Промысла, располагаетъ тщательно заботиться о добродѣтели и съ 418
великою ревностію избѣгать порока и наполняетъ все спокойствіемъ и миромъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не ожидаетъ воскресенія и не вѣритъ, что онъ отдастъ отчетъ за свои здѣшнія дѣла, а думаетъ, что все наше ограничивается настоящею жизнію и за нею нѣтъ больше ничего, тотъ не будетъ заботиться о добродѣтели, — да и какъ онъ будетъ заботиться, когда не ожидаетъ никакого воздаянія за труды?—не отстанетъ и отъ зла, не ожидая себѣ никакого наказанія за злыя дѣла свои; но, предавшись постыднымъ страстямъ, впадетъ въ пороки всякаго рода. А кто убѣжденъ въ будущемъ судѣ и имѣетъ предъ очами то страшное судилище, неизбѣжный отчетъ въ дѣлахъ и неподкупный приговоръ, тотъ всячески будетъ
стараться соблюдать и цѣломудріе и кротость и другія добродѣ- 419
тели, а невоздержанія и дерзости и всякаго другого порока избѣгать; чрезъ это онъ будетъ въ состояніи безъ всякаго затрудненія и заградить уста обвиняющимъ Промыслъ Божій.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые, видя, что люди кроткіе, цѣломудренные и живущіе по правдѣ терпятъ бѣдность, бываютъ притѣсняемы, подвергаются клеветамъ, едва имѣютъ необходимое пропитаніе, часто страдаютъ и продолжительною болѣзнію, и тяжкими недугами, и не получаютъ никакой помощи, а обманщики, нечестивцы и преданные разнымъ порокамъ изобилуютъ богатствомъ, роскошествуютъ, одѣваются въ блестящія одежды, сопровождаются огромной толпою слугъ, служатъ предметомъ удивленія, пользуются властію, имѣютъ великое дерзновеніе предъ самимъ царемъ,—видя это, нѣкоторые обвиняютъ Промыслъ Божій и говорятъ: гдѣ же тутъ Промыслъ? Гдѣ же праведный судъ? Цѣломудренный и кроткій бѣдствуетъ, а невоздержный и развратный благоденствуетъ; тому удивляются, а этого презираютъ; тотъ наслаждается великою роскошью, а этотъ—въ бѣдности и крайнемъ затрудненіи. Сомнѣвающійся въ будущей жизни замолчитъ и рѣшительно ничего не скажетъ, а умѣющій мудрствовать о воскресеніи легко остановитъ хулу и негодующимъ на это скажетъ: перестаньте изощрять языкъ свой противъ сотворившаго васъ Бога; дѣла наши не ограничиваются настоящею жизнію, но мы стремимся къ другой жизни, гораздо болѣе продолжительной, или—лучше—не имѣющей конца;

и тамъ этотъ бѣднякъ, живущій добродѣтельно, непремѣнно получитъ воздаяніе за труды свои, а развратникъ и обманщикъ подвергнутся наказанію за свое нечестіе и неправедныя удовольствія. Итакъ, не будемъ судить о Промыслѣ Божіемъ только по настоящему, а станемъ судить и по будущему. Настоящая жизнь есть борьба, подвигъ, поприще, а будущая—воздаяніе, вѣнецъ, награда. Какъ ратоборцу въ борьбѣ нужно сражаться въ поту, въ пыли, въ зноѣ, въ трудахъ и страданіяхъ, такъ и праведнику здѣсь нужно много терпѣть и все переносить великодушно, если онъ хочетъ получить тамъ свѣтлые вѣнцы. А если кого смущаетъ благоденствіе нечестивыхъ, тотъ пусть еще представитъ, что, какъ разбойники, и расхитители гробницъ, и человѣкоубійцы, и морскіе пираты, прежде, нежели они попадутъ въ судилище, наслаждаются изобиліемъ, пріобрѣтая свое благополучіе чужими несчастіями, собирая неправедное богатство и всякій день пьянствуя, когда же подвергнутся приговору судіи, то за все это получаютъ наказаніе,—такъ и тѣ, которые покупаютъ блудницъ, устрояютъ сибаритскія пиршества, гордо поднимаютъ брови, величаются на торжищѣ и притѣсняютъ бѣдныхъ, и они въ то время, когда придетъ Единородный Сынъ Божій съ ангелами Своими, сядетъ на престолѣ и поставитъ предъ Собою всю вселенную, будучи приведены нагими и безъ всякой пышности, не имѣя ни въ комъ ни защитника, ни покровителя, безъ всякой пощады будутъ ввержены въ огненныя
420 рѣки. Посему не ублажай ихъ за здѣшнія ихъ наслажденія, но плачь о предстоящемъ имъ наказаніи, равно и праведнаго не называй несчастнымъ за здѣшнюю его бѣдность, но ублажай за будущее богатство благъ, и вкорени въ душѣ своей ученіе о воскресеніи, дабы тебѣ, если ты благочестивъ и подвергаешься искушеніямъ, сдѣлаться болѣе терпѣливымъ, почерпая болѣе ревности въ надеждахъ на будущее, а если — нечестивъ, отступить отъ нечестія, соблюдая себя цѣломудреннѣйшимъ по страху будущаго наказанія.

2. Поэтому и Павелъ непрестанно повторяетъ намъ ученіе о воскресеніи, какъ и сегодня вы слышали такія слова его: *вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, храмину отъ Бога имамы, нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. v, 1). Впрочемъ обратимся къ тому, что сказано выше, и посмотримъ, какъ онъ перешелъ къ ученію о воскресеніи. Не спроста и не случайно выдвигаетъ онъ постоянно это ученіе, а съ намѣреніемъ научить будущему и вмѣстѣ съ тѣмъ желая укрѣпить подвижниковъ благочестія. Нынѣ, правда, по благодати Божіей, мы наслаждаемся полнымъ миромъ, такъ какъ и цари живутъ въ благочестіи, и начальники узнали истину, и простолюдины и города и

народы, освободившись отъ заблужденія, всѣ покланяются Христу; но тогда, въ началѣ проповѣди, когда сѣмена благочестія только что посѣявались, была война сильная, разнообразная и разнородная. На вѣрныхъ возставали и начальники, и цари, и домашніе, и родные, и всѣ; даже вопреки самой природы велась эта война, часто отецъ предавалъ сына, мать—дочь, господинъ—раба. И не только одни города, не только страны, а часто и дома возставали другъ на друга, и тогдашнее смятеніе было тяжелѣе всякой междоусобной войны, такъ какъ и имущество расхищалось, и свобода отнималась, и самой жизни грозила опасность, и не потому, что нападали и притѣсняли варвары, а потому, что сами тѣ, которые считались повелителями и начальниками, были настроены къ подчиненнымъ хуже всякихъ непріятелей. И Павелъ, указывая на это, говорилъ: *много подвигъ подъясте страданій, ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше, ово же общницы бывше живущымъ тако: ибо узамъ моимъ спострадасте, и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. x, 32—34). И галатамъ онъ говоритъ: *толика пострадасте туне; аще точію и туне* (III, 4); и ѳессалоникійцамъ и филиппійцамъ, и всѣмъ вообще, кому посылаетъ письма, онъ свидѣтельствуетъ о многомъ подобномъ. И не то только было тяжело, что отвнѣ была воздвигаема жестокая и постоянная война, но и то, что между самими вѣрующими возникали нѣкоторые соблазны, споры, состязанія, несогласія; выражая это самое, Павелъ говорилъ: *внѣуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. VII, 5). И эта война была гораздо тяжелѣе внѣшней и для учениковъ, и для учителей. Поэтому-то и Павелъ не такъ боялся козней враговъ, какъ внутреннихъ паденій и преступленій между своими. Такъ, когда впалъ въ блудъ нѣкто у коринѳянъ, — онъ проводилъ все время въ сѣтованіи о преступникѣ, терзаясь сердцемъ и горько рыдая.

Было еще и третіе обстоятельство, которое не меньше вышесказанныхъ тяготило вѣрующихъ, именно—самое свойство дѣла, 421 требовавшаго многихъ усилій и трудовъ. Не легокъ, въ самомъ дѣлѣ, и не удобенъ былъ путь, по которому вели ихъ апостолы, но трудный и неудобопроходимый, для котораго нужна душа любомудрая, неусыпная и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненная. Поэтому и Христосъ называлъ этотъ путь узкимъ и тѣснымъ. Имъ нельзя было жить безъ страха, какъ язычникамъ, въ дѣлахъ постыдныхъ, пьянствѣ, объяденіи, роскоши и пышности, имъ нужно было и обуздывать гнѣвъ, и укрощать непристойныя пожеланія, и презирать богатство, и пренебрегать славою, и быть выше зависти и клеветы. А какихъ трудовъ требуютъ такіе подвиги, это знаютъ тѣ, которые ежедневно борются со страстями. Что, скажи мнѣ,

свирѣпѣе нечистой похоти, которая, подобно бѣшеному псу, непрестанно бросается на насъ, всякій день безпокоитъ насъ и требуетъ души, постоянно бодрствующей? Что̀ мучительнѣе гнѣва? Пріятно отмстить обидѣвшему, но это не позволялось. И что̀ я говорю: не позволялось мстить обидѣвшему? Должно было благодѣтельствовать обижающимъ, благословлять злословящихъ, не произносить даже ни одного оскорбительнаго слова. Цѣломудріе же требовалось обнаруживать не въ дѣлахъ только, но и въ самыхъ помышленіяхъ; нужно было удерживаться не только отъ нечистаго дѣла, но и отъ (нечистаго) взгляда, и даже не взирать съ услажденіемъ на лица благообразныхъ женщинъ, такъ какъ и за такой взглядъ можно подвергнуться крайнему наказанію. Такъ велика была война отвнѣ, великъ страхъ внутри, много трудовъ въ совершеніи дѣлъ добродѣтельныхъ. Къ этому присоединялось и четвертое обстоятельство—неопытность тѣхъ, которые имѣли подвизаться столь великимъ подвигомъ. Апостолы приняли такихъ людей, которые не наслѣдовали отъ предковъ благочестіе, но были воспитаны въ нѣгѣ, роскоши, пьянствѣ, распутствѣ и невоздержаніи. А это не мало затрудняло подвиги, то есть, что они не издревле и не отъ предковъ научились такому любомудрію, а только теперь приступили къ этимъ подвигамъ.

3. Итакъ, когда подвижникамъ представлялось столько затрудненій, апостолъ, желая ободрить ихъ въ трудѣ, часто говорилъ о воскресеніи. И не этимъ только онъ увѣщеваетъ и укрѣпляетъ ратоборцевъ, но и повѣствованіемъ о собственныхъ страданіяхъ. Поэтому, прежде чѣмъ завести рѣчь о воскресеніи, онъ излагаетъ свои страданія, говоря такъ: *во всемъ скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми: гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе* (2 Кор. IV, 8, 9), указывая этимъ на ежедневныя смерти, т. е. что подвижники были какъ бы живыми мертвецами, ежедневно предаваемыми на смерть. Внушивъ имъ это, онъ потомъ ведетъ рѣчь о воскресеніи. *Ибо вѣруемъ*, говоритъ, *яко воздвигій Господа нашего Іисуса Христа, и насъ со Іисусомъ воздвигнетъ и предпоставитъ съ вами: тѣмже не стужаемъ си* (ст. 14, 16), имѣя величайшимъ утѣшеніемъ въ подвигахъ надежду на будущія блага. И не сказалъ имъ: посему не стужайте; но что? *Тѣмже не стужаемъ си*,—выражая, что и самъ онъ непрестанно въ подвигахъ. На олимпійскихъ состязаніяхъ ратоборецъ подвизается внутри, распорядитель же, сидя
422 вдали, подаетъ помощь словами, и настолько лишь помогаетъ ратоборцу, насколько можетъ кричать и восклицать; а подойти ближе и подать помощь руками не позволяетъ ему никакой законъ. А въ подвигахъ благочестія бываетъ не такъ; но здѣсь

одинъ и тотъ же бываетъ и распорядителемъ борьбы и вмѣстѣ ратоборцемъ. Поэтому онъ сидитъ не внѣ поприща, но вступаетъ въ самыя состязанія и укрѣпляетъ тѣхъ, которые борются вмѣстѣ съ нимъ, говоря: *тѣмже не стужаемъ си*. Не сказалъ: *тѣмже не стужаю*, но: *тѣмже не стужаемъ*, желая ободрить ихъ похвалами. *Но аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (ст. 16). Посмотри на мудрость апостольскую: сперва онъ ободрилъ ихъ самыми страданіями ихъ, сказавъ: *во всемъ скорбяще, но не стужающе си*; ободрилъ и воскресеніемъ Іисуса, сказавъ: *воздвигій Іисуса и насъ воздвигнетъ*.

Потомъ употребляетъ и другой способъ утѣшенія. Такъ какъ многіе изъ людей, малодушные, слабые и жалкіе, хотя и вѣрятъ въ воскресеніе, но обращаютъ на него мало вниманія, за отдаленностію времени, колеблются и падаютъ, то онъ прежде воскресенія указываетъ имъ на другую награду и воздаяніе. Въ чемъ же именно это послѣднее? *Аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни*. Внѣшнимъ человѣкомъ называетъ онъ тѣло, внутреннимъ человѣкомъ именуетъ душу. Смыслъ словъ его слѣдующій: еще прежде воскресенія и наслажденія будущею славою, мы уже получаемъ не малое воздаяніе за труды въ томъ, что отъ самыхъ скорбей душа наша обновляется, становится болѣе мудрою и благоговѣйною, пріобрѣтаетъ большее терпѣніе, становится твердѣйшею и сильнѣйшею. Какъ тѣ, которые совершаютъ тѣлесные подвиги, еще прежде вѣнцовъ и наградъ получаютъ великую награду въ самомъ упражненіи и борьбѣ, дѣлая чрезъ упражненіе свои тѣла болѣе здоровыми и крѣпкими и избѣгая всякой болѣзни, такъ точно и въ подвигахъ добродѣтели, еще прежде, чѣмъ отверзется небо, прежде чѣмъ придетъ Сынъ Божій, прежде чѣмъ мы получимъ воздаяніе, великую награду мы получаемъ отъ нихъ уже въ томъ, что душа наша становится болѣе любомудрою. Какъ тѣ, которые много плавали по морямъ, испытали множество волненій, боролись съ многими звѣрями, выдержали много бурь, еще прежде выгодъ самой торговли получаютъ не малую пользу отъ такого продолжительнаго путешествія въ томъ, что пріобрѣтаютъ смѣлость и отважность на морѣ, и безстрашно и съ удовольствіемъ совершаютъ морскія странствованія,—такъ точно и въ настоящей жизни тотъ, кто перенесъ много скорбей для Христа, кто потерпѣлъ много бѣдствій, еще прежде царства небеснаго получаетъ великое воздаяніе въ томъ, что пріобрѣтаетъ уже дерзновеніе предъ Богомъ и дѣлаетъ душу свою болѣе возвышенною, такъ что нако- 423
нецъ посмѣвается надъ всѣми бѣдствіями.

А чтобы сказанное стало очевиднѣе, я хочу пояснить это

на примѣрѣ. Самъ именно Павелъ, испытавшій множество бѣдствій, не малое получалъ воздаяніе уже и въ томъ, что посмѣвался надъ мучителями, противостоялъ неистовому народу, презиралъ всякое мученіе, оставался непреклоннымъ и предъ звѣрями, и предъ желѣзомъ, и предъ морями, и предъ пропастями, и предъ возмущеніями, и предъ ковнями, и предъ всѣми бѣдствіями; а съ этимъ что̀ можетъ сравниться? Въ самомъ дѣлѣ, человѣка неопытнаго и не переносившаго никакой бѣды обыкновенно смущаютъ и маловажныя дѣла, или—лучше—не только самыя дѣла, но и одно лишь ожиданіе ихъ; что̀ я говорю: одно ожиданіе?—даже тѣни пугаютъ и устрашаютъ такого человѣка. Напротивъ, кто приступаетъ къ подвигамъ, испытавъ все и претерпѣвъ безчисленныя бѣдствія, тотъ бываетъ выше всѣхъ ихъ и посмѣивается надъ угрожающими, какъ надъ каркающими воронами. Не малъ этотъ вѣнецъ, не маловажна эта награда, когда ничто человѣческое не можетъ опечалить его, когда страшное для другихъ дѣлается для него не стоющимъ вниманія, когда надъ тѣмъ, чего другіе страшатся и трепещутъ, онъ можетъ посмѣиваться, силою своего терпѣнія достигнувъ любомудрія силъ ангельскихъ. Подлинно, если мы ублажаемъ тѣло, которое можетъ безъ боли переносить и холодъ, и зной, и голодъ, и недостатокъ, и путешествіе, и другіе труды, то гораздо больше должно ублажать душу, которая можетъ мужественно и неустрашимо переносить всѣ удары бѣдствій, и во всѣхъ обстоятельствахъ сохранять свой умъ свободнымъ отъ рабства. Такой человѣкъ царственнѣе самихъ царей, потому что царю могутъ много вредить своими замыслами и злодѣяніями и оруженосцы, и друзья, и враги, а тому, у кого такая душа, какъ я теперь сказалъ, не можетъ повредить ни царь, ни оруженосецъ, ни слуга, ни другъ, ни врагъ, ни самъ діаволъ: да и какъ это было бы возможно, когда онъ научился не признавать бѣдствіемъ ничего, что̀ другими считается бѣдствіемъ?

4. Таковъ былъ блаженный Павелъ; поэтому онъ и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой; *скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ; якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вмѣнихомся якоже овцы заколенія: но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Рим. VIII, 35—37). То же самое выразилъ онъ и тамъ, сказавъ: *аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Слабѣе,—какъ бы такъ говоритъ онъ,—становится тѣло, но душа дѣлается сильнѣе и крѣпче и болѣе окрыляется. Подобно тому, какъ воинъ, носящій тяжелое оружіе, какъ бы онъ ни былъ муже-

ственъ и храбръ, не можетъ быть страшенъ для непріятелей, потому что тяжесть оружія препятствуетъ быстротѣ ногъ и воинской ловкости, а если возьметъ оружіе легкое и удобоносимое, то налетаетъ на противниковъ, подобно птицѣ, такъ и тотъ, кто не утучняетъ своей плоти ни пьянствомъ, ни нѣгою, ни роскошью, но постами, молитвами и великимъ терпѣніемъ въ скорбяхъ дѣлаетъ ее болѣе легкою и тонкою, какъ птица, несущаяся сверху, 324
съ великою стремительностію нападаетъ на полки бѣсовъ, легко низлагаетъ супротивныя силы и покоряетъ ихъ себѣ. Такъ и Павелъ, принявъ много побоевъ, попавъ въ темницу и бывъ закованъ въ колоду, имѣлъ тѣло уже изнуренное трудами, но душу крѣпкую и сильную, и столь силенъ былъ въ узахъ, что однимъ голосомъ потрясъ основанія темницы, свободнаго отъ узъ темничнаго стража привелъ узникомъ къ ногамъ своимъ и отверзъ запертыя двери. Итакъ, Павелъ доставилъ намъ не малое утѣшеніе еще прежде воскресенія тѣмъ, что отъ искушеній мы дѣлаемся лучше и любомудреннѣе. Поэтому онъ и говоритъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3—5). И другой нѣкто говоритъ: мужъ неискушенный неискусенъ, а неопытный не имѣетъ никакой цѣны (Сирах. xxxiv, 10). Такимъ образомъ отъ скорби мы получаемъ не мало пользы еще прежде воскресенія тѣмъ, что душа наша становится испытаннѣе, мудрѣе и разумнѣе, и избавляется отъ всякой робости. Посему онъ и говоритъ: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни.* Какъ, скажи, онъ обновляется? Такъ, что изгоняется всякое малодушіе, подавляются непристойныя пожеланія, сребролюбіе, тщеславіе, истребляются и прочіе всѣ вообще растлѣнные помыслы. Какъ душа, преданная бездѣйствію и безпечности, легко овладѣвается этими страстями, такъ душа, непрестанно занятая подвигами благочестія, не имѣетъ даже и досуга подумать когда-нибудь о нихъ, потому что заботливость о подвигахъ отвлекаетъ ее отъ всѣхъ страстей. Посему онъ и сказалъ: *обновляется по вся дни.* Потомъ, желая еще утѣшить души, скорбящія среди приключающихся бѣдствій и не умѣющія любомудрствовать, онъ ободряетъ ихъ надеждою на будущее, говоря такъ: *еже бо нынѣ легкое печали по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчную славы содѣловаетъ намъ, не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна* (2 Кор. iv, 17, 18). Смыслъ словъ его слѣдующій: скорбь много пользы приноситъ намъ и здѣсь, дѣлая нашу душу болѣе разумною и любомудрою, но послѣ она доставитъ намъ и безчисленныя блага въ будущемъ, блага не равноцѣнныя трудамъ, но далеко прево-

сходящія подвиги и въ количествѣ и въ качествѣ. Объясняя, говорю, то и другое, Павелъ дѣлаетъ сравненіе важности опасностей съ важностію наградъ, и кратковременному противополагаетъ вѣчное, легкому—тяжелое, скорби—славу. Скорбь, говоритъ, временна и легка, а успокоеніе, — впрочемъ онъ не сказалъ: успокоеніе, а *слава*, что гораздо больше успокоенія,—вѣчно, постоянно и велико. *Тяготою* же здѣсь онъ выразилъ не обременительность и трудность, а многоцѣнность и важность, по обычаю тѣхъ многихъ, которые обыкновенно называютъ многоцѣнное и
425 вѣскимъ. Итакъ, когда онъ говоритъ: *тяготу славы*, онъ разумѣетъ великость славы. Не о томъ только думай,—какъ бы такъ говоритъ онъ,—что тебя мучатъ и преслѣдуютъ, но и о вѣнцахъ и наградахъ, которыя гораздо больше и блистательнѣе настоящихъ благъ, и не имѣютъ ни конца, ни предѣла. Но эти блага, скажешь, на опытѣ, а тѣ въ надеждѣ; эти явны, а тѣ не видны, отдаленны и высоки. Но хотя они и не видны, однако явственнѣе видимыхъ. Что я говорю: явственнѣе? — ихъ ты можешь видѣть лучше, нежели эти; потому что эти проходятъ, а тѣ всегда пребываютъ. Поэтому онъ и присовокупилъ: *не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна.*

5. Если же ты скажешь: какъ могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое? — то я постараюсь привести тебя къ вѣрѣ въ это посредствомъ дѣлъ житейскихъ. И тлѣнными вещами, находящимися въ мірѣ, не скоро сталъ бы заниматься кто-нибудь, если бы прежде видимаго не взиралъ на невидимое. Напримѣръ: торговецъ переноситъ много бурь, волненій, кораблекрушеній и разныхъ затрудненій, но становится богатымъ послѣ бурь, когда сложитъ товары и долго будетъ производить торговлю. Такимъ образомъ бури прежде, а товары послѣ; моря и волны уже являются ему, когда онъ выходитъ изъ пристани, а прибыли еще не видно,—она еще пока въ надеждѣ. И однако, если бы онъ напередъ не видѣлъ этой неявной и неприсущей, находящейся не въ рукахъ, а только въ надеждѣ, прибыли, то не дотронулся бы и до (этого) присущаго и видимаго. Такъ и земледѣлецъ запрягаетъ воловъ, влачитъ плугъ, проводитъ глубокую борозду, бросаетъ сѣмена, тратитъ все, что имѣетъ, переноситъ и морозъ, и иней, и дожди, и много другихъ непріятностей, а послѣ этого труда ожидаетъ увидѣть богатую жатву и полное хлѣба гумно. Видишь ли, какъ и здѣсь напередъ трудъ, а потомъ награда, и притомъ награда неизвѣстна, а трудъ извѣстенъ и очевиденъ, та еще въ надеждѣ, а этотъ на опытѣ? Однако и онъ, если бы напередъ не смотрѣлъ на неизвѣстную, неявную и невидимую тѣ-

лесными глазами награду, то не только не запрягалъ бы воловъ, не влачилъ плуга, не бросалъ сѣмянъ, но и не вышелъ бы никогда изъ дома для такой работы. Итакъ, не безразсудно ли—въ дѣлахъ житейскихъ прежде явнаго смотрѣть на неявное, прежде наградъ переносить труды, прежде терпѣть всѣ неудобства, а потомъ ожидать отъ того пользы, и побуждаясь надеждою на невидимое приниматься за видимое, а въ дѣлахъ Божіихъ колебаться и недоумѣвать, требовать воздаяній прежде трудовъ, являться малодушнѣе и земледѣльцевъ и мореплавателей? И не потому только мы оказываемся хуже ихъ, что не довѣряемъ будущему, но не меньше того и по другой причинѣ. Почему же именно? Потому, что тѣ, даже вовсе не имѣя увѣренности въ благополучномъ окончаніи своихъ дѣлъ, не оставляютъ трудовъ, а ты, имѣя достовѣрнаго поручителя за вѣнцы, не смотря даже и на это, не подражаешь ихъ терпѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, земледѣлецъ, посѣявъ сѣмена, обработавъ землю и увидѣвъ богатыя нивы, часто теряетъ плоды трудовъ своихъ отъ града, или отъ зловредной росы, или отъ саранчи, или отъ какой-нибудь другой подобной бѣды, и 426
послѣ многихъ усилій возвращается домой съ пустыми руками. Также и торговецъ, проплывъ широкое море съ наполненнымъ товарами судномъ, часто при самомъ входѣ въ пристань, подвергшись нападенію вѣтровъ, ударяется о какую-нибудь скалу, едва спасши лишь тѣло, нагимъ выходитъ (на берегъ). И вообще во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ при концѣ нерѣдко случается много подобныхъ бѣдствій. А въ твоихъ подвигахъ этого не бываетъ; но кто подвизался, кто сѣялъ благочестіе и перенесъ много трудовъ, тотъ непремѣнно достигаетъ конца, потому что награды за эти труды Богъ ввѣрилъ не перемѣнчивости воздуха и не стремленію вѣтровъ, а положилъ ихъ на небесахъ, въ недоступныхъ сокровищницахъ. Посему и Павелъ сказалъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3—5). Итакъ не говори, что будущее не явно, потому что если ты захочешь тщательно изслѣдовать, то оно гораздо виднѣе того, что̀ въ рукахъ. Это самое и показываетъ намъ Павелъ, когда называетъ одни блага вѣчными, а другія временными, подъ *временностію* разумѣя тлѣнность ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, они лишь только явятся, какъ и улетаютъ; лишь только придутъ, какъ и убѣгаютъ; смѣны ихъ быстры, обладаніе ими невѣрно. Это случается (какъ вы можете видѣть) и съ богатствомъ, и славой, и властью, и благообразіемъ тѣлъ, и силой, и вообще со всѣмъ житейскимъ. Поэтому и пророкъ, обличая роскошествующихъ и неистово пристрастившихся къ богатству и всѣмъ другимъ пустымъ вещамъ, говоритъ:

аки стояща мнѣша сія, и не яко бѣжаща (Амос. VI, 5); какъ нельзя удержать тѣнь, такъ и житейскіе предметы,—одни изъ нихъ разрушаются при смерти, а другіе еще прежде смерти уплываютъ быстрѣе всякаго потока. Будущее же не таково; оно не знаетъ перемѣны, не допускаетъ переворота, не испытываетъ старости, не терпитъ никакого измѣненія, но постоянно цвѣтетъ и пребываетъ въ одномъ и томъ же благолѣпіи. Такимъ образомъ, если надобно назвать что-нибудь неявнымъ, неизвѣстнымъ и невѣрнымъ, то слѣдуетъ назвать такъ блага настоящія, которыя не остаются у пріобрѣтшихъ ихъ, но смѣняютъ владѣльцевъ и каждый день переходятъ отъ одного къ другому, а отъ другого къ третьему. Объяснивъ намъ все это и потому настоящее назвавъ временнымъ, а будущее вѣчнымъ, Павелъ начинаетъ рѣчь о воскресеніи и говоритъ такъ: *вѣмы бо, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, храмину отъ Бога имамы, нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ* (2 Кор. v, 1).

6. Посмотри опять и здѣсь, какія точныя онъ употребляетъ выраженія, самыми названіями обнаруживая силу мыслей. Въ самомъ дѣлѣ, не спроста назвалъ онъ тѣло обиталищемъ души, но указываетъ намъ на временность настоящей жизни и объявляетъ о перемѣнѣ на лучшее, какъ бы такъ говоря: зачѣмъ ты воздыхаешь и плачешь, возлюбленный, что тебя бьютъ, гонятъ и заключаютъ въ темницу? Зачѣмъ ты оплакиваешь эти частныя бѣдствія, когда тебѣ надобно подвергнуться всецѣлому разрушенію
427 тѣла, или—лучше—не просто тѣла, но тлѣнія, находящагося въ тѣлѣ? А чтобы доказать, что эти частныя бѣдствія не только не должны печалить насъ, по еще радовать, онъ заявляетъ, что всеобщее и послѣднее разрушеніе составляетъ для насъ предметъ желаній, называя такъ разрушеніе чрезъ смерть. И далѣе: *ибо въ семъ* тѣлѣ *воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе* (2 Кор. v, 2). Двумя словами: *храмина тѣла*—онъ или называетъ самое тѣло, или подъ храминою тѣла разумѣетъ дома, въ которыхъ мы обитаемъ, города, внѣшній видъ настоящей жизни. И не просто сказалъ: *вѣмъ*, но: *вѣмы*, ссылаясь и на вѣдѣніе слушателей; я бесѣдую, какъ бы такъ говоритъ онъ, не о сомнительныхъ и неизвѣстныхъ предметахъ, но о томъ, что вы уже приняли вѣрою, увѣровавъ въ воскресеніе Господа. Посему мы и называемъ тѣла умершихъ храминами. Посмотри еще, какое точное онъ употребилъ выраженіе; не сказалъ: истребится и уничтожится, но: *разорится*, показывая, что оно—тѣло разрушается, чтобы возстать болѣе блистательнымъ и свѣтлымъ. Затѣмъ подобно тому какъ онъ сравнивалъ труды съ наградами по качеству, продолжительности и количеству, такъ точно поступаетъ онъ и здѣсь,

называя разрушающееся тѣло *обиталищемъ*, а возстающее *жилищемъ*, и не просто жилищемъ, но *вѣчнымъ*, и не просто вѣчнымъ, но *небеснымъ*, показывая превосходство его и по продолжительности и по мѣсту; то земное, а это небесное; то временное, а это вѣчное. Теперь мы, по немощи плотской, имѣемъ нужду и въ тѣлѣ и въ жилищѣ; а тогда одно и то же будетъ и тѣломъ и жилищемъ, не имѣя нужды ни въ кровлѣ, ни въ какихъ-нибудь покровахъ, потому что для него нетлѣніе будетъ достаточно вмѣсто всего. Далѣе, показывая превосходство соблюдаемыхъ для насъ благъ, онъ говоритъ: *ибо въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ* (2 Кор. v, 4). Не сказалъ: *воздыхаю*, но обобщаетъ эту мысль. *Ибо въ семъ*, говоритъ, *воздыхаемъ*, желая привлечь и слушателей къ своему любомудрію и сдѣлать ихъ общниками своего сужденія. *Ибо въ семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное пооблещися желающе.* Не сказалъ просто: *облещися*, но дополнилъ: *пооблещися*, и прибавилъ: *аще точію и облекшеся не нази обрящемся* (2 Кор. v, 3). Эти слова кажутся неясными; но они становятся ясными изъ слѣдующаго за ними прибавленія: *ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми: понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися.*

Видишь, какъ онъ не забываетъ своихъ словъ, и не называетъ этого тѣла жилищемъ, но опять—обиталищемъ: *понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися?* Здѣсь онъ наноситъ смертельный ударъ тѣмъ, которые унижаютъ тѣлесное естество и порицаютъ нашу плоть. Когда онъ сказалъ, что мы *воздыхаемъ* и не желаемъ *совлещися*, то, чтобы ты не подумалъ, будто онъ убѣгаетъ отъ тѣла, какъ отъ зла, причины нечестія, врага и непріятеля, послушай, какъ онъ предостерегаетъ отъ этого мнѣнія, во-первыхъ, словами: *воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе*, потому что облекающійся надѣваетъ на дѣйствительное еще нѣчто другое; потомъ словами: *воздыхаемъ отягчаеми, понеже не хощемъ совлещися, но пооблещися желающе.* Смыслъ словъ его слѣдующій: Не плоть, какъ бы такъ говоритъ онъ, хотимъ сложить съ
себя, а тлѣніе; не тѣло, а смерть. Иное—тѣло и иное—смерть; 428
иное—тѣло и иное—тлѣніе; ни тѣло—не тлѣніе, ни тлѣніе—не тѣло; тѣло, правда, тлѣнно, однако тѣло не есть тлѣніе; тѣло смертно, тѣмъ не менѣе тѣло не есть смерть; но тѣло было дѣломъ Божіимъ, а тлѣніе и смерть введены грѣхомъ. Итакъ, я хочу, говоритъ, снять съ себя чуждое, не свое; а чуждое—не тѣло, но тлѣніе; поэтому онъ и говоритъ: *понеже не хощемъ совлещися*, то есть, тѣла, *но пооблещися* въ тѣлѣ нетлѣніемъ. Тѣло есть среднее между тлѣніемъ и нетлѣніемъ. Оно снимаетъ съ себя тлѣніе и облекается въ нетлѣніе; свергаетъ съ себя то, что̀ получило отъ грѣха, и пріобрѣтаетъ то, что̀ даровала благо-

дать Божія. И чтобы ты убѣдился, что онъ относитъ слово: *совлещися* не къ тѣлу, а къ тлѣнію и смерти, выслушай прибавленное непосредственно вслѣдъ за тѣмъ. Сказавъ: *не хощемъ совлещися, но пооблещися*, онъ не сказалъ: *да пожерто будетъ тѣло безтѣлесностію*, но что?—*да пожерто будетъ мертвенное животомъ*, то есть, чтобы оно уничтожилось, чтобы оно истребилось, такъ что, слѣдовательно, онъ говоритъ объ истребленіи не тѣла, но смерти и тлѣнія. Грядущая жизнь уничтожаетъ и истребляетъ не тѣло, а приставшее къ нему тлѣніе и смерть. Итакъ, воздыханіе бываетъ не ради тѣла, но ради присущаго ему тлѣнія. Тѣло и на самомъ дѣлѣ тягостно, обременительно и грубо, не по собственному естеству, а отъ приставшей къ нему позднѣе смертности; само же тѣло не есть тлѣнно, но нетлѣнно. Его благородство таково, что и въ самомъ тлѣніи оно показываетъ свое достоинство. Тѣнь, напримѣръ, апостоловъ прогоняла безтѣлесныя силы; ихъ прахъ и пепелъ побѣждалъ бѣсовъ; и одежды, находившіяся на ихъ тѣлахъ, уничтожали болѣзни и возвращали здоровье.

7. Не говори мнѣ о мокротѣ, желчи, потѣ, нечистотѣ и о прочемъ, на что указываютъ порицающіе тѣло, потому что это принадлежало не естеству тѣла, а прившедшей послѣ тлѣнности. Если ты хочешь убѣдиться въ его достоинствѣ, то вникни въ расположеніе всѣхъ частей его, ихъ внѣшній видъ, дѣйствія и взаимное согласіе, и ты увидишь, что отношеніе этихъ членовъ другъ къ другу правильнѣе, чѣмъ въ любомъ городѣ, который управляется хорошими законами и гдѣ всѣ граждане—люди мудрые. Если же ты, оставивъ это безъ вниманія, станешь указывать только на его тлѣнность и смертность, то и здѣсь мы не затруднимся представить оправданіе. Что отсюда не только не происходитъ никакого вреда, но и великая польза для рода человѣческаго, очевидно изъ слѣдующаго: всѣ святые, находясь въ этомъ тѣлѣ, явили ангельскую жизнь, и не было отъ него для нихъ никакого вреда на пути добродѣтели; а склонные къ нечестію въ тлѣнности тѣла имѣли не малое препятствіе къ продолженію своего беззаконія. Ужъ если многіе изъ людей, бывъ облечены въ
429 это тлѣнное и страстное тѣло, возмечтали о своемъ равенствѣ съ Богомъ и для пріобрѣтенія себѣ такой славы дѣлали много усилій, то, если бы они не имѣли страстнаго и тлѣннаго тѣла, обличителя ихъ слабости, кого изъ неразумныхъ не обольстили бы они? Итакъ, когда тѣло является препятствіемъ и нечестію, которое есть послѣдній предѣлъ зла, и святымъ доставляетъ поводъ оказывать душевное мужество, то какое извиненіе могутъ имѣть тѣ, которые его порицаютъ и злословятъ? И не только это мы можемъ сказать о немъ, но и то еще, что оно содѣйствуетъ

намъ въ богопознаніи. Если въ самомъ вѣкѣ *невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. I, 20), и *вѣра отъ слуха* (Рим. X, 17), то очевидно, что душа посредствомъ глазъ и ушей руководится къ познанію создавшаго ее Бога. Поэтому-то самому и Павелъ любитъ его и восклицаетъ, говоря, что *не хощемъ совлещися* его, *но пооблещися* съ нимъ въ безсмертіе (2 Кор. V, 4).

И не говори мнѣ: какъ тѣло можетъ опять возстать и сдѣлаться нетлѣннымъ? Когда дѣйствуетъ сила Божія, то *какъ* не должно имѣть мѣста. Но что я говорю о Богѣ? Онъ устроилъ, что самъ ты совершаешь воскресеніе, то въ сѣменахъ, то въ искусствахъ, то въ металлическихъ веществахъ. Такъ сѣмена, если напередъ не умрутъ, не сгніютъ и не истлѣютъ, то не произращаютъ колоса. Такимъ образомъ какъ тамъ, смотря на гніющее и разлагающееся зерно, ты не сомнѣваешься въ его возстаніи, но считаешь это яснѣйшимъ для себя доказательствомъ,— потому что если бы оно не сдѣлалось гніющимъ и тлѣющимъ, то никогда не возстало бы,—такъ разсуждай и о своемъ тѣлѣ: когда видишь тлѣніе, тогда особенно и любомудрствуй о воскресеніи. Смерть, дѣйствительно, есть не что иное, какъ совершенное уничтоженіе тлѣнія, потому что смерть разрушаетъ не просто тѣло, но тлѣнность его. Тоже можно видѣть и на металлическихъ веществахъ. Опытные въ этихъ дѣлахъ берутъ золотоносную землю и, бросивъ ее въ горнило, вырабатываютъ золото; также изъ смѣси песку и другихъ веществъ дѣлаютъ чистое стекло. Теперь, скажи мнѣ, неужели благодать Божія не въ состояніи будетъ сдѣлать того, что дѣлаетъ сила огня? Кто изъ имѣющихъ сколько-нибудь ума можетъ сказать это? Помысли, какъ Богъ сотворилъ тебя вначалѣ, и не сомнѣвайся въ воскресеніи. Не землю ли Онъ взялъ тогда и образовалъ? Что труднѣе,—сотворить ли изъ земли плоть, жилы, кожу, кости, нервы, вены, артеріи, органическія и простыя тѣла, глаза, уши, ноздри, ноги, руки, и каждому изъ этихъ членовъ сообщить и особенную и общую дѣятельность, или подвергшееся тлѣнію сдѣлать безсмертнымъ? Не видишь ли, какъ земля однообразна, а тѣло разнородно и многообразно и по дѣйствіямъ, и по цвѣту, и по сложенію, и по свойствамъ, и по всему другому? Какъ же, скажи мнѣ, ты сомнѣваешься въ будущемъ? Но какая нужда говорить о тѣлахъ? Какъ, скажи мнѣ, Богъ сотворилъ безчисленныя силы и сонмы ангеловъ, архангеловъ и высшіе чины ихъ? Я не въ состояніи указать иного способа кромѣ того, что для Него достаточно было только захотѣть. Неужели же сотворившій столько безтѣлесныхъ воинствъ не можетъ опять обновить истлѣвшее тѣло человѣческое и даровать

ему высшее достоинство? Кто такъ безразсуденъ, чтобы сомнѣ-
430 ваться въ этомъ и отвергать воскресеніе? Подлинно, если не
воскреснетъ тѣло, то не воскреснетъ человѣкъ, потому что человѣкъ есть не только душа, но душа и тѣло. Поэтому, если воскреснетъ только душа, то существо воскреснетъ на половину, а не всецѣло; притомъ же въ отношеніи къ душѣ собственно нельзя и говорить о воскресеніи, такъ какъ воскресеніе свойственно умершему и разложившемуся, а разлагается не душа, но тѣло. Что же значитъ изреченіе: *аще точію и облекшеся, не нази обрящемся* (2 Кор. v, 3)? Здѣсь предлагается намъ великая и неизреченная тайна. Какая же именно? Та, о которой апостолъ говоритъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *вси воскреснемъ, каждый же во своемъ чинѣ* (1 Кор. xv, 22, 23). Что же значатъ эти слова? То, что и эллинъ, и іудей, и еретикъ, и всякій человѣкъ, пришедшій въ этотъ міръ, воскреснетъ въ тотъ день. Указывая на это самое, онъ говорилъ: *вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся, вскорѣ, во мгновеніи ока, въ послѣдней трубѣ* (Кор. xv, 51, 52).

8. Такъ какъ воскресеніе будетъ для всѣхъ вообще, для благочестивыхъ и нечестивыхъ, злыхъ и добрыхъ людей, то, чтобы въ виду этого ты не подумалъ, будто произойдетъ несправедливый судъ, и не сказалъ себѣ: что это такое: воскресну я, съ усердіемъ столько трудившійся и бѣдствовавшій, воскреснетъ также и язычникъ, и нечествовавшій, и покланявшійся идоламъ и не знавшій Христа, и насладится такою же честію?—дабы ты, говоря это, не смущался, то послушай, что̀ изрекаетъ апостолъ: *аще точію и облекшеся, не нази обрящемся* (2 Кор. v, 3). Но какъ, скажешь, можно облекшемуся въ нетлѣніе и безсмертіе оказаться нагимъ? Какъ? Когда мы будемъ чужды славы и лишимся дерзновенія предъ Богомъ. Тѣла грѣшниковъ дѣйствительно возстанутъ нетлѣнными и безсмертными; но эта честь будетъ для нихъ средствомъ къ наказанію и мученію: они возстанутъ нетлѣнными для того, чтобы постоянно горѣть, потому что, если тотъ огонь неугасимъ, то для него нужны и тѣла, никогда не уничтожаемыя. Поэтому онъ и говоритъ: *аще точію и облекшеся, не нази обрящемся.* Не то только, на самомъ дѣлѣ, желательно, чтобы мы воскресли и облеклись въ безсмертіе, но чтобы, воскресши и облекшись въ безсмертіе, не явились лишенными славы и дерзновенія предъ Богомъ, чтобы насъ не предали огню. Поэтому онъ и говоритъ: *аще точію и облекшеся, не нази обрящемся.* Далѣе, желая сдѣлать ученіе о воскресеніи достовѣрнѣйшимъ и сказавъ, что *пожерто будетъ мертвенное животомъ*, онъ присовокупилъ: *сотворивый же насъ въ сіе истое Богъ* (2 Кор. v, 4, 5). Смыслъ словъ его слѣдующій: вначалѣ Богъ сотворилъ человѣка

не для того, чтобы онъ погибъ, но чтобы шествовалъ къ нетлѣнію, такъ что и тогда, когда Онъ допустилъ смерть, допустилъ ее съ тою мыслію, чтобы ты вразумлялся этимъ наказаніемъ и, сдѣлавшись лучшимъ, могъ опять достигать безсмертія. Такова была воля и мысль Божія издревле и отъ начала, и съ такимъ опредѣленіемъ Онъ создалъ перваго человѣка; это показалъ Онъ намъ тотчасъ въ самомъ началѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Онъ не хотѣлъ вначалѣ открыть намъ дверей воскресенія, то не попустилъ бы Авелю, украшавшемуся всѣми добродѣтелями и бывшему любезнымъ Ему, претерпѣть то, что онъ претерпѣлъ; теперь же, 431
показывая намъ, что мы идемъ къ другой жизни и существуетъ нѣкоторый другой вѣкъ праведныхъ, въ которомъ приготовлены награды и вѣнцы, Онъ попустилъ первому праведнику отойти отсюда, не получивъ здѣсь наградъ за труды свои, чтобы онъ страданіями своими взывалъ и говорилъ всѣмъ, что послѣ здѣшней жизни есть нѣкоторое воздаяніе, награда и возмездіе. Потому Онъ и Еноха преселилъ и Илію восхитилъ, чтобы внушить намъ ученіе о воскресеніи. Такимъ образомъ для удостовѣренія въ этомъ достаточно могущества Творца; но если кто-нибудь изъ немощнѣйшихъ желаетъ получить другое доказательство и залогъ будущаго воскресенія, то и это Богъ даровалъ съ великою щедростію, ниспославъ въ великомъ изобиліи благодать Духа. Поэтому и Павелъ, подтвердивъ ученіе о воскресеніи Христовымъ воскресеніемъ и тѣмъ, что Виновникъ его Богъ, присовокупилъ слѣдующее изреченіе: *и даде намъ обрученіе* (залогъ), не денегъ, не золота и серебра, но *обрученіе Духа* (2 Кор. v, 5); а залогъ есть часть всего и ручательство за все. Какъ въ договорахъ тотъ, кто получилъ залогъ, не сомнѣвается и увѣренъ во всемъ прочемъ, такъ и ты, получивъ залогъ, то есть, дары Духа, уже не сомнѣвайся въ уготованныхъ благахъ. Если ты воскрешаешь мертвыхъ, исцѣляешь слѣпыхъ, изгоняешь бѣсовъ, очищаешь прокаженныхъ, врачуешь болѣзни, разрушаешь смерть, можешь совершать столь много и такихъ дѣлъ въ слабомъ и смертномъ тѣлѣ, то какъ получишь ты прощеніе, сомнѣваясь въ воскресеніи? Если теперь, когда еще не настало время воздаянія, но еще продолжаются подвиги, Богъ наградилъ насъ такими вѣнцами, то представь, какія блага дастъ Онъ тебѣ во время воздаянія. Если же кто-нибудь скажетъ: мы не видимъ теперь такихъ знаменій и не имѣемъ такой силы, то я замѣчу, что нѣтъ никакого различія, теперь ли, или прежде совершалось это. А что это совершаемо было прежде—при апосто- 432
лахъ, о томъ свидѣтельствуютъ церкви по всей вселенной, народы, города и племена, притекшія къ простымъ людямъ и рыбарямъ. Не покорили бы, въ самомъ дѣлѣ, вселенной люди неученые,

бѣдные, неимущіе и уничиженные, если бы они не имѣли помощи въ знаменіяхъ. Впрочемъ, и ты не остался чуждымъ благодати Духа, но еще и нынѣ много знаменій этого дара, которыя гораздо важнѣе и удивительнѣе даже вышеисчисленныхъ, потому что не одно и то же—воскресить умершое тѣло, или избавить отъ погибели душу умерщвленную грѣхами, что совершается чрезъ крещеніе; не одно и то же—отогнать болѣзни плоти, или сложить бремя грѣховъ; не одно и то же—исправить поврежденный глазъ, или озарить свѣтомъ помраченную душу. Такъ, если бы не было залога Духа и нынѣ, то не существовало бы крещенія, не было бы ни отпущенія грѣховъ, ни оправданія и освященія, не получали бы мы усыновленія, не были бы причастниками таинствъ, — потому что безъ благодати Духа не могло бы быть таинственнаго тѣла и крови; не имѣли бы мы и священниковъ, потому что безъ Его наитія не можетъ быть рукоположеній. Можно было бы указать и много другихъ знаменій благодати Духа. Такимъ образомъ и ты имѣешь залогъ Духа, слагаешь мертвенность души и неправость помысловъ и оставляешь нечистую жизнь. Не будемъ же сомнѣваться въ будущемъ, получивъ такіе залоги; всесторонне усвоивъ ученіе о воскресеніи, покажемъ и жизнь, достойную этого ученія, чтобы достигнуть неизмѣняющихся благъ, превосходящихъ всякое слово и умъ человѣческій, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ПРОТИВЪ УПИВАЮЩИХСЯ И О ВОСКРЕСЕНІИ,

сказанное во святую и великую недѣлю Пасхи [1]).

433 МЫ ОТЛОЖИЛИ бремя поста, но не будемъ откладывать плодовъ поста, потому что можно отложить бремя поста и собирать плоды поста. Прошелъ трудъ подвиговъ, но не должно проходить усердіе къ добрымъ дѣламъ; прошелъ постъ, но пусть останется благочестіе; или лучше сказать: не прошелъ и постъ. Впрочемъ не бойтесь; это сказалъ я, не думая проповѣдывать вамъ о другой четыредесятницѣ, но желая внушить вамъ такія же добродѣтели. Прошелъ постъ тѣлесный, но не прошелъ постъ духовный; этотъ лучше того, и тотъ установленъ для этого. Какъ

¹) Предполагаютъ, что сказано въ 395 г.

тогда, когда вы постились, я говорилъ вамъ, что постясь можно не поститься,—такъ и теперь говорю, что можно не постясь поститься. Можетъ быть, эти слова кажутся загадкою, но я приведу и разрѣшеніе вопроса. Какъ можно постясь не поститься? Это бываетъ тогда, когда кто-нибудь воздерживается отъ яствъ, а не воздерживается отъ грѣховъ. Какъ можно не постясь поститься? Это бываетъ тогда, когда кто-нибудь вкушаетъ пищу, но не услаждается грѣхомъ. Этотъ постъ лучше того, и не только лучше, но и легче; во время того поста многіе ссылались на свою тѣлесную слабость, на жестокій зудъ: я весь въ чесоткѣ, говорили они, не могу выносить неомовенія; питье воды мнѣ вредно; я не могу употреблять въ пищу овощей. Много такого слышалъ я тогда отъ многихъ; а при этомъ постѣ нельзя сказать ничего подобнаго. Пользуйся омовеніями, участвуй въ трапезѣ, употребляй вино умѣренно, и если хочешь вкушать мясо, никто не препятствуетъ; пользуйся всѣмъ, но только воздержись отъ грѣха. Видишь ли, какъ этотъ постъ легокъ для всѣхъ? При немъ нельзя ссылаться на слабость тѣлесную; это—чистое дѣло души. Можно и не пивши вина быть пьянымъ, равно можно пить вино и быть трезвымъ. А что бываетъ опьяненіе безъ вина, послушай пророка, который говоритъ: *горе, піяніи безъ вина* (Иса. xxviii, 1). Какъ можно упиваться безъ вина? Когда ты не будешь умѣрять необузданности страстей благочестивымъ размышленіемъ. Можно пить вино и не быть пьянымъ; если бы это было невозможно, то Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею не далъ бы такого предписанія: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23). Опьяненіе есть не что иное, какъ неестественное изступленіе души, извращеніе помысловъ, недостатокъ разсужденія, отсутствіе соображенія. А это происходитъ не отъ одного опьяненія виномъ, но и отъ опьяненія гнѣвомъ и непристойною похотью. Какъ горячку производитъ и безсонница, производитъ и изнуреніе, 434
производитъ и уныніе, производятъ и испорченные соки и различныя причины, а страданіе и болѣзнь бываетъ одна и та же, такъ и здѣсь: опьяненіе происходитъ и отъ вина, происходитъ и отъ похоти, происходитъ и отъ испорченныхъ соковъ и отъ различныхъ причинъ, а страданіе и болѣзнь одна и та же. Будемъ же воздерживаться отъ пьянства; не говорю: будемъ воздерживаться отъ вина, но: будемъ воздерживаться отъ пьянства. Не отъ вина происходитъ пьянство,—вино есть созданіе Божіе, а созданіе Божіе не причиняетъ ничего худаго,—но порочная воля производитъ пьянство. А что можно упиваться и иначе, не однимъ виномъ, послушай, что говоритъ Павелъ: *не упивайтеся виномъ*, выражая, что можно упиваться и иначе, *не упивайтеся*

виномъ, въ немже есть блудъ (Ефес. v, 18). Удивительнымъ образомъ въ краткихъ словахъ выразилъ онъ все осужденіе пьянству. Что значитъ: *не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ?* Блудными называемъ мы тѣхъ молодыхъ людей, которые, получивъ отцовское наслѣдство, тратятъ все вдругъ, не разсуждая, кому что нужно дать, и когда дать, но безъ разбора—и одежды, и золото, и серебро, и все отцовское богатство издерживаютъ на блудницъ и развратниковъ. Таково пьянство: овладѣвая умомъ пьянствующихъ, какъ бы распутнымъ юношею, и плѣнивъ ихъ разсудокъ, оно заставляетъ ихъ истрачивать весь запасъ мыслей неосмотрительно и безъ всякой осторожности. Пьяный не знаетъ, что нужно говорить и о чемъ молчать, но постоянно открытъ ротъ его; нѣтъ ни затвора, ни дверей на устахъ его; пьяный не умѣетъ распоряжаться рѣчами своими съ разсужденіемъ, не умѣетъ расположить богатства мыслей, не умѣетъ одно приберечь, а другое издержать, но все тратитъ и извергаетъ. Пьянство есть добровольное неистовство, утрата разсудка; пьянство есть несчастіе, надъ которымъ смѣются, болѣзнь надъ которою издѣваются, произвольное бѣснованіе,—оно хуже умопомѣшательства.

2. Хочешь ли знать, какъ пьяный бываетъ хуже и бѣсноватаго? Бѣсноватаго всѣ мы жалѣемъ, а отъ этого отвращаемся; тому сострадаемъ, а на этого гнѣваемся и негодуемъ. Почему? Потому, что у того болѣзнь отъ (діавольской) напасти, а у этого отъ безпечности; у того отъ козней враговъ, а у этого отъ козней собственныхъ помысловъ. Но терпитъ пьяный то же самое, что и бѣсноватый, такъ же кружится, такъ же приходитъ въ изступленіе, такъ же падаетъ, такъ же извращаетъ глазные зрачки,
435 такъ же трясется, лежа на землѣ, испускаетъ изо рта пѣну и такимъ образомъ изливаетъ нечистую слюну; и уста его наполняются невыносимымъ зловоніемъ. Такой человѣкъ непріятенъ для друзей, смѣшонъ для враговъ, презирается слугами, отвратителенъ для жены, несносенъ для всѣхъ, противнѣе самыхъ безсловесныхъ. Безсловесныя животныя пьютъ дотолѣ, пока чувствуютъ жажду, и ограничиваютъ пожеланіе потребностію, а этотъ по невоздержанію своему простираетъ пожеланіе далѣе потребности и становится безразсуднѣе безсловесныхъ. Особенно же тяжело то, что эта болѣзнь, полная столькихъ золъ и производящая столько несчастій, даже и не считается виною; но за столами богачей бываетъ соперничество и состязаніе въ этомъ срамѣ и сильно спорятъ другъ съ другомъ о томъ, кто покажетъ себя образцомъ (въ этомъ дѣлѣ), кто болѣе возбудитъ смѣха, кто болѣе ослабитъ свои нервы, кто болѣе изнуритъ свои силы, кто больше оскорбитъ общаго Владыку; тогда можно видѣть дьявольское со-

стяжаніе и соревнованіе. Пьяный жалокъ болѣе мертваго. Этотъ лежитъ безчувственный и не можетъ дѣлать ни добра, ни зла; а тотъ способенъ дѣлать зло и, зарывъ душу какъ въ могилѣ въ своемъ тѣлѣ, мертвымъ являетъ свое тѣло. Видишь ли, какъ онъ жалче бѣсноватаго, какъ безчувственнѣе мертвыхъ? Хочешь ли, я скажу еще нѣчто большее и тягчайшее всего этого? Пьянствующій человѣкъ не можетъ войти въ царство небесное. Кто говоритъ это? Павелъ. *Не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. vi, 9, 10). Слышалъ ли, въ какой сонмъ онъ помѣстилъ его? Вмѣстѣ съ развратниками, съ блудниками, съ идолослужителями, съ прелюбодѣями, съ хульниками, съ любостяжателями, съ грабителями. Итакъ что же? Неужели, скажешь, пьяница и развратникъ одно и то же? Неужели пьянина и идолослужитель одно и тоже? Не говори мнѣ этого, человѣкъ; я прочиталъ тебѣ божественные законы; не требуй у меня отчета; спроси Павла, и онъ отвѣтитъ тебѣ. Я не могу сказать, вмѣстѣ ли съ ними, или не вмѣстѣ съ ними онъ подвергнется наказанію, но что онъ, подобно идолослужителю, будетъ лишенъ царства, это я могу утверждать со всею силою; а если это несомнѣнно, то для чего ты требуешь у меня отчета въ томъ, какъ велика мѣра этого грѣха? Если онъ останется за дверями, если онъ лишится царства, если не получитъ спасенія, если будетъ посланъ на вѣчное, мученіе, то для чего ты представляешь мнѣ мѣры, вѣсы и степени грѣховъ? Поистинѣ, возлюбленные, ужасное и весьма тяжкое дѣло—пьянство. Не о васъ я говорю,— да не будетъ,—я вполнѣ убѣжденъ, что ваша душа чиста отъ этой болѣзни и этой страсти, и доказательствомъ вашего здоровья служитъ пребываніе ваше здѣсь, усердное собраніе, внимательное слушаніе, потому что никто, упивающійся виномъ, не можетъ жаждать божественныхъ изреченій. *Не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ; но исполняйтеся Духомъ* (Ефес. v, 18). Вотъ прекрасное опьяненіе: насыщай душу свою Духомъ, чтобы не насыщать ея пьянствомъ; напередъ займи этимъ свою душу и свои помыслы, чтобы не нашла мѣста въ нихъ та безстыдная страсть. Посему онъ и не сказалъ: причащайтесь Духа, но: *исполняйтеся Духомъ*. До верха наполни Духомъ свою душу, какъ 438
чашу, чтобы діаволъ уже не могъ вложить въ нее ничего; нужно не просто причащаться Духа, но исполняться Духомъ, *псалмами, пѣніями, и пѣснями духовными* (Еф. v, 19), которыми вы исполнились сегодня. Поэтому я и увѣренъ въ вашемъ воздержаніи. Есть у насъ прекрасная чаша упоенія, — чаша упоенія, про-

изводящая воздержаніе, а не разслабленіе. Какая же? Чаша духовная, чаша спасительная, чистая чаша крови Господней. Она не производитъ пьянства, не производитъ разслабленія; она не разслабляетъ силъ, а возбуждаетъ силы; не ослабляетъ нервъ, но напрягаетъ нервы; она производитъ бодрость; она служитъ предметовъ благоговѣнія для ангеловъ, предметомъ ужаса для бѣсовъ, предметомъ почитанія для людей, предметомъ любви для Владыки. Видишь, какъ говоритъ Давидъ объ этой чашѣ духовной, предлежащей на этой трапезѣ: *уготовалъ еси предо мною трапезу, сопротивъ стужающымъ мнѣ, умастилъ еси елеемъ главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя яко державна* (Псал. XXII, 5). Дабы ты, услышавъ слово *упоеніе*, не испугался вдругъ и не подумалъ, что оно производитъ слабость, онъ прибавилъ, *яко державна* и сильна. Новый образъ упоенія влагаетъ крѣпость, дѣлаетъ бодрымъ и сильнымъ! Онъ истекаетъ изъ духовнаго камня; онъ не извращаетъ помысловъ, а возбуждаетъ помыслы духовные.

3. Будемъ же упиваться этимъ *упоеніемъ*, а отъ того будемъ воздерживаться, чтобы намъ не посрамить настоящаго праздника; настоящій же праздникъ есть праздникъ не земли только, но и неба. Нынѣ радость на землѣ, нынѣ радость на небѣ. И если при обращеніи одного грѣшника бываетъ радость на землѣ и на небѣ (Лук. XV, 10), то тѣмъ болѣе будетъ радость на небѣ, когда вся вселенная исторгнута изъ рукъ діавола. Нынѣ ликуютъ ангелы, нынѣ радуются архангелы, нынѣ херувимы и серафимы празднуютъ съ нами настоящій праздникъ; они не стыдятся подобныхъ имъ рабовъ, но сорадуются нашимъ благамъ. Хотя получена эта благодать отъ Владыки нами, но удовольствіе общее у нихъ съ нами. И что я говорю о подобныхъ намъ рабахъ? Самъ Владыка ихъ и нашъ не стыдится праздновать вмѣстѣ съ нами. Почему же слѣдуетъ сказать, что и Онъ не стыдится? *Желаніемъ*, говорилъ Онъ, *вожделѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15); а если Онъ возжелалъ праздновать вмѣстѣ съ нами пасху, то— очевидно — праздновать и воскресеніе. Итакъ, когда радуются ангелы и архангелы, и Владыка всѣхъ небесныхъ силъ празднуетъ вмѣстѣ съ нами, — какой можетъ оставаться еще поводъ къ печали?

Никто изъ бѣдныхъ пусть не унываетъ по причинѣ своей бѣдности, потому что это духовный праздникъ; никто изъ богатыхъ пусть не превозносится богатствомъ, потому что отъ денегъ нисколько не можетъ увеличиться радость этого праздника. На праздникахъ мірскихъ, житейскихъ, гдѣ бываетъ великое невоздержаніе, гдѣ обильная трапеза и объяденіе, гдѣ безчинство и
437 смѣхъ, гдѣ всякая сатанинская роскошь, тамъ по справедливости

бѣдному бываетъ грустно, а богатому весело. Почему? Потому, что богатый устрояетъ обильную трапезу и болѣе наслаждается роскошью, а бѣдному бѣдность препятствуетъ показать такую же пышность. А здѣсь нѣтъ ничего подобнаго; одна трапеза для богатаго и для бѣднаго; богатъ ли кто, онъ не можетъ прибавить ничего къ этой трапезѣ; бѣденъ ли кто, онъ при своей бѣдности нисколько не меньше можетъ участвовать въ предложенномъ, потому что это—божественная благодать. И что удивляешься ты, если одна и та же трапеза и для богатаго и для бѣднаго? Для самого царя, носящаго діадему, облеченнаго въ багряницу, которому вручена власть надъ землею, для этого царя и для бѣдняка, просящаго милостыни, предлагается одна и та же трапеза. Таковы дары Владыки; Онъ допускаетъ къ участію въ нихъ, сообразуясь не съ знатностью, а съ произволеніемъ и образомъ мыслей.

Когда ты увидишь въ церкви бѣднаго, стоящаго вмѣстѣ съ богатымъ, простолюдина съ начальникомъ, незнатнаго съ знатнымъ, внѣ церкви трепетавшаго предъ вельможами стоящимъ внутри церкви безъ страха предъ вельможами, то разумѣй, что значитъ: тогда *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ* (Ис. XI, 6). *Волкомъ* Писаніе называетъ богатаго, а агнцемъ бѣднаго. Откуда же видно, что богатый съ бѣднымъ будетъ вмѣстѣ, какъ волкъ съ агнцемъ? Слушай внимательно. Часто богатый и бѣдный стоятъ въ церкви; наступаетъ часъ принятія божественныхъ таинъ; богатый удаляется, какъ не посвященный, а бѣдный вступаетъ въ небесную обитель, и богатый не изъявляетъ негодованія, такъ какъ знаетъ, что онъ чуждъ божественныхъ таинъ. Но,—о, божественная благодать!—не только равночестность существуетъ въ церкви по благодати Божіей, но и часто бѣдный имѣетъ предъ богатымъ первенство въ благочестіи, когда они стоятъ въ церкви; богатство не приноситъ никакой пользы имѣющему его безъ благочестія, и бѣдность нисколько не вредитъ вѣрующему, съ дерзновеніемъ приступающему къ святому жертвеннику. Это я говорю, возлюбленные, объ оглашенныхъ, а не вообще о богатыхъ. Обрати вниманіе, возлюбленный, какъ иногда господинъ удаляется изъ церкви, а вѣрующій рабъ приступаетъ къ таинствамъ; госпожа уходитъ, а раба остается,—ибо *лица Богъ человѣча не пріемлетъ* (Гал. II, 6). Итакъ, въ церкви нѣтъ раба и свободнаго; но рабомъ Писаніе признаетъ того, кто преданъ грѣху,—ибо *творяй грѣхъ*, говоритъ оно, *рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34),—и того признаетъ свободнымъ, кто освобожденъ божественною благодатію.

Къ этой трапезѣ и царь и бѣднякъ приступаютъ съ одинаковымъ дерзновеніемъ, съ одинаковою честію, а иногда бѣднякъ даже съ большею честію. Почему? Потому, что царь, связанный

безчисленными дѣлами, со всѣхъ сторонъ обуревается, какъ корабль, и дѣлается причастнымъ множеству грѣховъ; а бѣдный, заботясь только о необходимой пищѣ, проводя необремененную дѣлами и безмятежную жизнь, оставаясь спокойнымъ, какъ бы сидя въ пристани, приступаетъ къ этой трапезѣ съ великою безопасностію. Опять, на мірскихъ праздникахъ бѣдняку бываетъ грустно, а богатому весело, не только по причинѣ трапезы, но и по причинѣ одежды, такъ какъ, что они претерпѣваютъ по отношенію къ трапезѣ, то же переносятъ и по отношенію къ одеждѣ: когда бѣдный видитъ человѣка зажиточнаго, одѣтаго въ драгоцѣнную
438 одежду, то сокрушается и жалуется всѣмъ на свое злополучіе. А здѣсь устраненъ и этотъ недостатокъ, такъ какъ здѣсь у всѣхъ одна одежда,—спасительная купель: *елицы бо*, сказано, *во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). Итакъ, не будемъ срамить этого праздника пьянствомъ; Владыка нашъ одинаково почтилъ богатыхъ и бѣдныхъ, рабовъ и господъ; отплатимъ же Владыкѣ за такое благоволеніе къ намъ; а самая лучшая отплата—чистота жизни и трезвенность души. Для такого праздника и торжества нужны не деньги и не издержки, а доброе произволеніе и образъ мыслей, потому что именно такого рода здѣсь предметы купли. Здѣсь продается не что-нибудь вещественное, но слушаніе божественныхъ изреченій, молитвы отцовъ, благословенія священниковъ, единомысліе, миръ и согласіе, духовные дары, духовная награда.

Будемъ же праздновать этотъ величайшій и свѣтлый праздникъ, въ который воскресъ Господь, будемъ праздновать его свѣтло и вмѣстѣ благочестиво. Господь воскресъ—и воскресилъ вмѣстѣ съ собою вселенную; Онъ воскресъ, расторгнувъ узы смерти. Адамъ согрѣшилъ—и умеръ; а Христосъ не согрѣшилъ, но также умеръ. Это необычайно и дивно: тотъ согрѣшилъ—и умеръ, а этотъ не согрѣшилъ—и также умеръ. Для чего? Для того, чтобы согрѣшившій и умершій могъ чрезъ несогрѣшившаго и умершаго освободиться отъ узъ смерти. Такъ бываетъ и въ денежныхъ дѣлахъ: часто одинъ бываетъ должникомъ и, не имѣя возможности заплатить, содержится въ узахъ; а другой, не будучи должникомъ, но имѣя возможность заплатить, уплачиваетъ и освобождаетъ виновнаго. Такъ было и съ Адамомъ; Адамъ сдѣлался должникомъ и былъ во власти діавола, но не имѣлъ возможности заплатить; Христосъ не былъ должникомъ и не находился во власти діавола, но могъ заплатить долгъ. Онъ пришелъ и заплатилъ смертью за того, кто былъ во власти діавола, чтобы избавить его.

4. Видишь ли дѣйствія воскресенія? Мы умерли двоякою смер-

тію, и потому ожидаемъ двоякаго и воскресенія. Христосъ умеръ одною смертію, потому Онъ и воскресъ однимъ воскресеніемъ. Какъ это? Я скажу. Адамъ умеръ и по тѣлу и по душѣ, умеръ и грѣхомъ и естествомъ: *въ оньже аще день снѣсте отъ древа, смертію умрете* (Быт. II, 17). Однако естествомъ онъ не умеръ въ тотъ же день, но умеръ грѣхомъ; это — смерть души, а то — смерть тѣла. Впрочемъ, когда ты слышишь о смерти души, то не подумай, что душа умираетъ: она безсмертна; а смерть души есть грѣхъ и вѣчное наказаніе. Посему и Христосъ говоритъ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѳ. X, 28); а погибшее существуетъ, но только не зримо для того, кто лишился его. Смерть, какъ я сказалъ, у насъ двоякая, потому и воскресеніе должно быть двоякое. А у Христа одна смерть, такъ какъ Христосъ не согрѣшилъ; но и эта одна смерть 439
была для насъ, такъ какъ Онъ не подлежалъ смерти: Онъ не былъ повиненъ грѣху, слѣдовательно и смерти. Посему Онъ и воскресъ воскресеніемъ только отъ одной смерти; а мы, умершіе двоякою смертію, воскресаемъ и двоякимъ воскресеніемъ. Однимъ мы воскресли пока отъ грѣха, такъ какъ погреблись вмѣстѣ съ Нимъ въ крещеніи, и возстали вмѣстѣ съ Нимъ чрезъ крещеніе. Это— одно воскресеніе, отпущеніе грѣховъ; а второе воскресеніе—воскресеніе тѣла. Онъ далъ тебѣ бо́льшее, ожидай и меньшаго; первое воскресеніе гораздо важнѣе послѣдняго, такъ какъ гораздо важнѣе—избавиться отъ грѣховъ, нежели видѣть тѣло воскресшимъ. Тѣло пало потому, что согрѣшило; посему, если грѣхъ есть начало паденія, то начало возстанія есть освобожденіе отъ грѣха. Мы уже возстали бо́льшимъ воскресеніемъ, свергнувъ тяжкую смерть грѣховную и снявъ съ себя ветхую одежду; не будемъ же отчаиваться въ меньшемъ. И мы нѣкогда возстали этимъ воскресеніемъ, когда были крещены, и эти прекрасные агнцы, вчера вечеромъ удостоившіеся крещенія. Третьяго дня Христосъ былъ распятъ, но воскресъ въ прошедшую ночь, и они третьяго дня были объяты грѣхомъ, но возстали вмѣстѣ съ Нимъ; Онъ умеръ тѣломъ— и возсталъ тѣломъ, а они были мертвы грѣхомъ—и возстали, освободившись отъ грѣховъ. Земля произращаетъ намъ въ это время весны розы, фіалки и другіе цвѣты, а воды явили намъ лугъ еще болѣе пріятнымъ, нежели земля. Не удивляйся, что изъ водъ произрасли цвѣты; и земля производитъ растенія не по собственной природѣ, а по повелѣнію Владыки. И вначалѣ природа водъ произвела движущихся животныхъ: *да изведутъ*, сказано, *воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 20)—и повелѣніе стало дѣломъ, и неодушевленное вещество произвело одушевленныхъ животныхъ; такъ

и нынѣ *да изведутъ воды* не *гады душъ живыхъ*, но духовные дары. Тогда воды произвели безсловесныхъ и безгласныхъ рыбъ, а нынѣ онѣ произвели рыбъ словесныхъ и духовныхъ рыбъ, уловленныхъ апостолами: *грядита*, сказалъ имъ Христосъ, *и сотворю вы ловца человѣкомъ* (Мате. IV, 19): Онъ говорилъ тогда объ этой именно ловлѣ. Поистинѣ, это—новый способъ ловли; рыболовы извлекаютъ изъ воды, а мы ввергаемъ въ воду, и такимъ образомъ уловляемъ. Была нѣкогда купель и у іудеевъ; но послушай, какую имѣла силу эта купель, чтобы тебѣ узнать бѣдность іудеевъ, чтобы узнать богатство церкви. То была купель водная, и ангелъ сходилъ туда и возмущалъ воду; потомъ, послѣ возмущенія воды, входилъ въ нее одинъ изъ больныхъ и исцѣлялся, одинъ только въ годъ исцѣлялся, и тотчасъ благодать отнималась, не по бѣдности Дающаго, а по слабости принимающихъ. Итакъ, ангелъ сходилъ въ купель и возмущалъ воду, и одинъ изъ боль-
440 ныхъ исцѣлялся; сошелъ Владыка ангеловъ въ Іорданъ и возмутилъ воду—и исцѣлилъ всю вселенную. Посему тамъ второй, сходившій послѣ перваго, не исцѣлялся, потому что такая благодать дана была іудеямъ немощнымъ, бѣднымъ, а здѣсь если послѣ перваго войдетъ второй, послѣ второго третій, послѣ третьяго четвертый, и хотя бы десять, хотя бы двадцать, хотя бы сто, хотя бы тысячи и хотя бы ты ввергъ всю вселенную въ эту купель, благодать не изсякаетъ, даръ не истощается, струи не оскверняются. Новый родъ очищенія,—онъ не тѣлесный: тамъ, чѣмъ больше тѣлъ будетъ омывать вода, тѣмъ болѣе загрязняется; а здѣсь, чѣмъ больше лицъ омываетъ она, тѣмъ дѣлается чище.

5. Видишь ли величіе дара? Соблюдай же, человѣкъ, величіе этого дара. Не позволительно тебѣ жить безразлично; назначь себѣ законъ со всею точностію, потому что жизнь есть подвигъ и борьба, а *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. IX, 25). Сказать ли тебѣ одинъ лучшій и безопасный образъ дѣйствій? Извергнемъ изъ души то, что̀ кажется безразличнымъ, но рождаетъ грѣхи. Изъ дѣйствій одни суть грѣхи, а другія не грѣхи, но бываютъ причиною грѣховъ; напримѣръ, смѣхъ по природѣ не есть грѣхъ, но онъ бываетъ грѣхомъ, если простирается чрезъ мѣру, потому что отъ смѣха происходитъ насмѣшливость, отъ насмѣшливости—срамословіе, отъ срамословія — постыдныя дѣла, а за постыдными дѣлами—наказаніе и мученіе. Исторгни же прежде корень, чтобы исторгнуть всю болѣзнь; если мы будемъ остерегаться безразличнаго, то никогда не впадемъ въ запрещенное. Такъ, для многихъ кажется безразличнымъ—смотрѣть на женщинъ; но отъ этого раждается безстыдное вожделѣніе, изъ вожделѣнія—блудъ, а отъ блуда опять—наказаніе и мученіе. Такъ и роскошь

повидимому ничего не представляетъ страшнаго, но отсюда—пьянство и безчисленное множество золъ, сопряженныхъ съ пьянствомъ. Итакъ, во всемъ будемъ истреблять начало грѣховъ. Для этого вы получаете непрестанныя наставленія каждый день; для этого мы сряду седмь дней дѣлаемъ собраніе, предлагая вамъ духовную трапезу, давая вамъ вкушать отъ божественныхъ изреченій, приготовляя васъ каждый день къ борьбѣ, вооружая васъ противъ діавола, такъ какъ нынѣ онъ свирѣпѣе нападаетъ,—чѣмъ больше даръ, тѣмъ больше и борьба. Если діаволъ не потерпѣлъ, видѣвъ одного въ раю, то какъ, скажи мнѣ, потерпитъ онъ, видя столь многихъ на небѣ? Ты раздражилъ звѣря, но не бойся; ты получилъ бо́льшую силу, изощренный мечъ: имъ поражай змія. Для того Богъ и попустилъ ему разсвирѣпѣть противъ тебя, чтобы ты на самомъ опытѣ узналъ могущество силы твоей. Какъ превосходный учитель (ратоборства), взявъ какого-нибудь ратоборца нечистаго, безсильнаго и находившагося въ пренебреженіи, и намастивъ его, обучивъ и исправивъ тѣло его, не позволяетъ ему потомъ оставаться въ бездѣйствіи, но повелѣваетъ выйти на подвиги, чтобы показать на опытѣ, какая сообщена ему сила,—такъ сдѣлалъ и Христосъ. Онъ могъ уничтожить врага; но дабы ты позналъ превосходство благодати, величіе духовной силы, которую ты получилъ въ крещеніи, Онъ попускаетъ ему вступать съ тобою 441
въ борьбу, доставляя тебѣ много случаевъ къ полученію вѣнцовъ. Поэтому седмь дней сряду вы пользуетесь наставленіями, чтобы въ точности научиться пріемамъ борьбы. Съ другой стороны совершающееся теперь есть духовный бракъ; а брачное торжество продолжается седмь дней. Посему и мы установили, чтобы вы седмь дней присутствовали здѣсь при этомъ священномъ бракѣ. Но тамъ послѣ седми дней торжество прекращается; а здѣсь, если хочешь, можешь постоянно присутствовать при священномъ бракѣ. Въ мірскихъ бракахъ невѣста послѣ перваго или второго мѣсяца бываетъ уже менѣе любезною жениху; а здѣсь не такъ, но чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ пламеннѣе дѣлается любовь жениха, тѣмъ искреннѣе объятія, тѣмъ духовнѣе общеніе, если мы будемъ бодрствовать. Кромѣ того, для тѣхъ послѣ юности наступаетъ старость; а здѣсь—послѣ старости юность и юность, никогда 442
не имѣющая конца, если мы захотимъ этого. Велика благодать, но она будетъ еще больше, если мы захотимъ; и Павелъ былъ великъ, когда крестился, но сталъ еще больше впослѣдствіи, когда проповѣдывалъ, когда опровергалъ іудеевъ; потомъ онъ былъ восхищенъ въ рай, восходилъ на третіе небо. Такимъ образомъ и намъ можно, если пожелаемъ, возрастать, увеличивать благодать, данную намъ въ крещеніи; а увеличивается она чрезъ добрыя

дѣла, дѣлается свѣтлѣйшею и намъ доставляетъ яснѣйшій свѣтъ. Если это будетъ, то мы съ великимъ дерзновеніемъ войдемъ въ брачный чертогъ вмѣстѣ съ Женихомъ и станемъ наслаждаться благами, уготованными любящимъ Его, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

НА ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА;

сказана въ храмѣ мучениковъ въ Романезіи, куда перенесены были тѣла мучениковъ, лежавшія подъ спудомъ близъ труповъ еретиковъ, и положены особо наверху [1]).

441 И въ то время, когда мы совершали память креста, мы совершали праздникъ внѣ города; и теперь, когда чтимъ вознесеніе Распятаго въ этотъ славный и свѣтлый день, мы празднуемъ опять внѣ города. Мы дѣлаемъ это, желая не городъ унизить, но стараясь почтить мучениковъ. Дабы эти святые не стали уко-
442 рять насъ и говорить: „мы не удостоились видѣть ни одного дня Владыки нашего празднуемымъ въ нашихъ обителяхъ“, дабы эти святые не стали укорять насъ и говорить: „вотъ мы пролили за Него кровь свою и сподобились положить за Него головы свои, а не сподобились видѣть день праздника Его совершаемымъ въ нашихъ жилищахъ“, для этого мы, оставивъ городъ, прибѣгли къ ногамъ этихъ святыхъ по случаю настоящаго дня, оправдываясь предъ ними и за прошедшее время. Если и прежде надлежало прибѣгать къ этимъ мужественнымъ подвижникамъ благочестія,
443 когда они лежали подъ спудомъ, то тѣмъ болѣе нужно дѣлать тоже теперь, когда эти жемчужины лежатъ особо, когда овцы отдѣлены отъ волковъ, когда живые отлучены отъ мертвыхъ. Для нихъ самихъ и прежде не было никакого вреда отъ того, что они находились въ общемъ съ еретиками мѣстѣ погребенія, такъ какъ чьи души на небесахъ, тѣхъ тѣла не терпѣли вреда отъ такого сосѣдства,—чья душа въ рукѣ Божіей, того останки ничего не терпятъ отъ мѣстоположенія. Для нихъ самихъ не было никакого вреда и прежде; но народъ у насъ терпѣлъ не малый вредъ отъ

[1]) Романезія — загородная мѣстность въ Антіохіи. Годъ произнесенія бесѣды неизвѣстенъ.

мѣстности, прибѣгая къ останкамъ мучениковъ, и совершая молитвы съ колебаніемъ и сомнѣніемъ, потому что не зналъ, гдѣ гробницы святыхъ и гдѣ лежатъ истинныя сокровища. Здѣсь происходило тоже, что было бы со стадами овецъ, которыя, стремясь напиться чистыхъ потоковъ, пришли бы къ чистымъ источникамъ, но, почувствовавъ вблизи смрадъ и зловоніе, отступили бы назадъ; такъ бывало и съ нашею паствою. Народъ приходилъ къ чистымъ источникамъ мучениковъ, но, чувствуя еретическое зловоніе, распространявшееся вблизи, отступалъ назадъ. Видя это, мудрый нашъ пастырь и общій учитель, устрояющій все къ назиданію церкви, пламенный любитель и ревнитель мучениковъ [1]), не могъ долѣе сносить такого зла. Что же онъ сдѣлалъ? Посмотрите на мудрость его: мутные и смрадные потоки онъ засыпалъ и отвелъ вонъ, а чистые источники мучениковъ поставилъ въ чистомъ мѣстѣ. И замѣтьте, какое оказалъ онъ человѣколюбіе къ мертвымъ, какую честь мученикамъ, какое попеченіе о народѣ: къ мертвымъ онъ оказалъ человѣколюбіе, не сдвинувъ костей ихъ, но оставивъ ихъ на прежнемъ мѣстѣ; мученикамъ воздалъ честь, освободивъ ихъ отъ худого сосѣдства; о народѣ явилъ попеченіе, не попустивъ ему болѣе совершать молитвы съ сомнѣніемъ.

Посему мы и привели васъ сюда, чтобы собраніе было торжественнѣе, зрѣлище блистательнѣе, когда собрались не только люди, но и мученики, и не только мученики, но и ангелы. Подлинно, здѣсь и ангелы присутствуютъ: сегодня составилось собраніе ангеловъ и мучениковъ. Если ты хочешь видѣть и ангеловъ и мучениковъ, то открой очи вѣры, и увидишь это зрѣлище; вѣдь, если весь воздухъ наполненъ ангелами, то тѣмъ болѣе церковь; если церковь, то тѣмъ болѣе въ настоящій день, когда возносится Владыка ихъ. А что весь воздухъ наполненъ ангелами, послушай, какъ говоритъ апостолъ, увѣщевая женъ имѣть покрывало на головѣ: *должна есть жена власть имѣти на главѣ ангелъ ради* (1 Кор. xi, 10). Также Іаковъ: *ангелъ, иже мя избавляетъ* отъ юности моей (Быт. xlviii, 16). И бывшіе въ домѣ вмѣстѣ съ апостолами говорили Родѣ: *ангелъ его есть* (Дѣян. xii, 15). И еще Іаковъ: я видѣлъ, говоритъ, полкъ ангеловъ (Быт. xxxii, 2). Почему онъ видѣлъ полкъ и воинство ангеловъ на землѣ? Какъ 444
царь повелѣваетъ войскамъ находиться въ каждомъ городѣ, дабы непріятель не сдѣлалъ нападенія и не вторгся въ городъ, такъ точно и Богъ, поелику въ этомъ воздухѣ находятся свирѣпые и жестокіе бѣсы, всегда воздвигающіе войны, и враги мира, противопоставилъ имъ воинства ангеловъ, чтобы они однимъ появленіемъ

---

[1]) Епископъ Флавіанъ.

своимъ укрощали бѣсовъ, а намъ всегда доставляли миръ. А чтобы тебѣ знать, что есть ангелы мира, послушай, какъ діаконы всегда произносятъ въ молитвахъ: *ангела мирна* просимъ. Видишь ли, что здѣсь присутствуютъ и ангелы и мученики? Посему кто жалче тѣхъ, которые сегодня отсутствуютъ? Кто блаженнѣе насъ, которые пришли и наслаждаемся этимъ торжествомъ? Впрочемъ рѣчь объ ангелахъ мы оставимъ до другого времени, а теперь поведемъ рѣчь по поводу настоящаго праздника.

2. Какой же нынѣ праздникъ? Важный и великій, возлюбленные, превосходящій человѣческій умъ и достойный щедрости устроившаго его Бога. Нынѣ примиреніе у Бога съ родомъ человѣческимъ, нынѣ долговременная вражда прекратилась и продолжительная война окончилась, нынѣ наступилъ нѣкоторый дивный миръ, никогда неожидавшійся прежде. И кто могъ надѣяться, что Богъ намѣренъ былъ помириться съ человѣкомъ? Это не потому, чтобы Владыка былъ не человѣколюбивъ, но потому, что слуга нерадивъ; не потому, чтобы Господь былъ жестокъ, но потому, что рабъ неблагодаренъ. Хочешь ли знать, какъ мы оскорбили сего человѣколюбиваго, кроткаго нашего Владыку? Надлежитъ знать причину прежней нашей вражды, чтобы ты, увидѣвъ насъ, враговъ и непріятелей, удостоенными чести, подивился человѣколюбію Почтившаго, чтобы ты не думалъ, будто перемѣна произошла отъ собственныхъ нашихъ заслугъ, чтобы ты, познавъ чрезмѣрность благодати Его, не переставалъ постоянно благодарить Его за величіе даровъ. Итакъ, хочешь ли знать, какъ мы оскорбили нашего Владыку, человѣколюбиваго, кроткаго, благого, устрояющаго все для нашего спасенія? Онъ имѣлъ въ мысляхъ нѣкогда совершенно истребить родъ нашъ и такъ разгнѣвался на насъ, что опредѣлилъ погубить насъ съ женами и дѣтьми, звѣрями и скотами и со всею землею. Если желаешь, я тебѣ дамъ выслушать самое опредѣленіе: *потреблю*, говорилъ Онъ, *человѣка, егоже сотворихъ, отъ лица земли*, и звѣри и скоты: *зане размыслихъ, яко сотворихъ* человѣка (Быт. VI, 6, 7). А дабы ты зналъ, что Онъ не возненавидѣлъ естество наше, но отвращался пороковъ, Онъ, сказавъ: *потреблю человѣка, егоже сотворихъ, отъ лица земли*, говоритъ человѣку: *время всякаго человѣка пріиде предъ Мя* (ст. 13). Если бы Онъ ненавидѣлъ человѣка, то не сталъ бы бесѣдовать съ человѣкомъ. А теперь видишь, какъ Онъ не только не желалъ совершить то, что́ угрожалъ совершить, но еще оправдывался—Господь предъ рабомъ, бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ равнымъ Себѣ другомъ, и объявлялъ причины предстоявшей гибели, не для того, чтобы человѣкъ зналъ эти причины, но чтобы, сказавъ о томъ другимъ, сдѣлалъ ихъ болѣе благоразумными. Итакъ, родъ нашъ,

какъ я сказалъ, такъ худо велъ себя прежде, что находился въ опасности — быть истребленнымъ съ самой земли. А нынѣ мы, казавшіеся недостойными земли, вознесены на небеса; мы, недо- 445
стойные земного владычества, возвысились до горняго царства, взошли выше небесъ, заняли царскій престолъ, и то же самое естество, отъ котораго херувимы охраняли рай, нынѣ возсѣдитъ выше херувимовъ. Какъ же совершилось это дивное и великое дѣло? Какъ мы, оскорбившіе Бога, казавшіеся недостойными земли и потерявшіе земное владычество, вознеслись на такую высоту? Какъ окончена война? Какъ прекратился гнѣвъ? Какъ? Удивительно то, что миръ произошелъ такимъ образомъ, что не люди, несправедливо враждовавшіе противъ Бога, (просили о мирѣ), но Самъ Богъ, справедливо гнѣвавшійся, увѣщевалъ насъ. *По Христѣ убо молимъ*, говоритъ апостолъ, *яко Богу молящу нами* (2 Кор. v, 20). Что это? Онъ оскорбленъ и Самъ увѣщеваетъ? Да; Онъ — Богъ и потому увѣщеваетъ, какъ человѣколюбивый отецъ.

И смотри, что происходитъ: посредникомъ дѣлается Сынъ увѣщевающаго, а не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, и никто изъ рабовъ. Что же дѣлаетъ посредникъ? То, что свойственно посреднику. Какъ тамъ, гдѣ какіе-либо два человѣка отвращаются другъ отъ друга и не хотятъ примириться, кто-нибудь третій, пришедши и предложивъ себя въ посредники между ними, прекращаетъ взаимную ихъ вражду, такъ сдѣлалъ и Христосъ. Богъ гнѣвался на насъ, мы отвращались отъ Бога, человѣколюбиваго Владыки; Христосъ же, предложивъ Себя въ посредники, примирилъ то и другое естество. Какъ же Онъ предложилъ Себя въ посредники? Онъ принялъ на Себя наказаніе, которое мы должны были понести отъ Отца, и претерпѣлъ слѣдовавшее затѣмъ мученіе и здѣшнее поношеніе. Хочешь ли знать, какъ Онъ принялъ на Себя то и другое? *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва*, говоритъ апостолъ (Гал. III, 13). Видишь ли, какъ Онъ принялъ наказаніе, угрожавшее свыше? Посмотри, какъ претерпѣлъ Онъ и поношенія, причиняемыя на землѣ. *Поношенія поносящихъ Ти*, говоритъ псалмопѣвецъ, *нападоша на мя* (Псал. LXVIII, 10). Видишь ли, какъ Онъ прекратилъ вражду, какъ Онъ не переставалъ дѣлать и терпѣть все и употреблять всѣ мѣры, пока не привелъ непріятеля и врага къ Самому Богу и не сдѣлалъ его другомъ? И основаніе этихъ благъ — настоящій день, когда Христосъ, какъ бы взявъ начатокъ естества нашего, вознесъ его Владыкѣ. Какъ бываетъ съ плодоносными полями, когда кто-нибудь, взявъ немного колосьевъ, сдѣлавъ малый снопъ и принесши его Богу, этою малою частію низводитъ благословеніе на всю ниву, такъ поступилъ и Христосъ: одною плотію

Своею, какъ начаткомъ, Онъ низвелъ благословеніе на весь родъ нашъ. Но почему Онъ вознесъ не все естество наше? Потому, что не будетъ начатокъ, когда кто принесетъ все; но тогда будетъ онъ, когда кто, принесши малое, чрезъ это малое уготовитъ благословеніе на все. Но, скажешь, для начатка слѣдовало бы принести
446 первозданнаго человѣка, такъ какъ начаткомъ называется то, что первымъ происходитъ, первымъ произрастаетъ. Нѣтъ, возлюбленный, это не будетъ начаткомъ, когда мы принесемъ первый плодъ, незрѣлый и тощій, но—когда принесемъ плодъ совершенный. Посему, такъ какъ тотъ плодъ былъ подвластенъ грѣху, то онъ и не былъ принесенъ, хотя былъ и первый; а этотъ плодъ свободенъ отъ грѣха, и потому онъ принесенъ, хотя явился послѣ: это и есть начатокъ.

3. Дабы тебѣ убѣдиться, что начатокъ есть не первый произрастающій плодъ, но плодъ совершенный, прекрасный и достигшій надлежащей зрѣлости, я приведу тебѣ свидѣтельство изъ Писаній: *егда внидете*, говорилъ Моисей къ народу, *въ землю, юже Господь Богъ вашъ даетъ вамъ, и насадите всяко древо снѣдное, плодъ его три лѣта нечистъ да будетъ вамъ, да не снѣстся: въ лѣто же четвертое будетъ всякъ плодъ его святъ Господу* (Лев. XIX, 23, 24). Если бы начаткомъ было первое произрастающее, то надлежало бы приносить Господу плодъ, произраставшій въ первый годъ; но здѣсь говорится: *плодъ его три лѣта нечистъ да будетъ* тебѣ,—оставь его, потому что дерево слабо, плодъ его тощъ и незрѣлъ; *въ лѣто же четвертое будетъ святъ Господу*. И посмотри на мудрость Законодателя: Онъ не позволилъ и вкушать этого плода, дабы человѣкъ не принималъ его прежде Бога, не позволилъ и приносить его, дабы не былъ приносимъ Господу плодъ незрѣлый. Оставь это, говоритъ Онъ, потому что это—первые плоды, и не приноси ихъ, потому что они недостойны чести Принимающаго. Видишь ли, что начатокъ есть не первое произрастающее, но совершенное? Это сказано нами о плоти, которую принесъ Христосъ. Итакъ, Онъ принесъ Отцу начатокъ нашего естества; а Отецъ оказалъ такое почтеніе къ этому дару, какъ по достоинству Принесшаго, такъ и по чистотѣ принесеннаго, что принялъ его собственными руками, помѣстилъ даръ подлѣ Себя и сказалъ: *сѣди одесную Мене* (Псал. CIX, 1). Къ какому естеству Богъ сказалъ: *сѣди одесную Мене?* Къ тому, которое выслушало: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Не довольно ли было для него возвыситься надъ небесами? Не довольно ли было стать вмѣстѣ съ ангелами? Не была ли неизреченною и эта честь? Но оно превзошло ангеловъ, прошло мимо архангеловъ, превзошло херувимовъ, вознеслось выше сера-

фимовъ, миновало начальства, и остановилось не прежде, какъ достигши престола Владыки. Видишь ли это пространство отъ неба до земли? Или—лучше—начнемъ съ низу: видишь ли, какое разстояніе отъ ада до земли, также отъ земли до неба, потомъ отъ неба до неба горняго, а отъ этого до ангеловъ, до архангеловъ, до вышнихъ силъ, до самаго престола царскаго? Выше всего этого разстоянія и этой высоты Онъ вознесъ наше естество. Смотри, какъ низко (человѣкъ) находился и какъ высоко вознесенъ; не- 447
возможно было ни сойти ниже того, куда нисшелъ человѣкъ, ни вознестись выше того, куда вознесъ его Христосъ. Это выражая, Павелъ говорилъ: *сшедый, Той есть и восшедый* (Еф. IV, 10). Куда Онъ нисходилъ? *Въ дольнѣйшія страны земли* (ст. 9); а восшелъ *превыше всѣхъ небесъ*. Замѣть, кто восшелъ, или какое естество, или въ какомъ состояніи оно было прежде. Я съ охотою останавливаюсь на ничтожествѣ нашего рода, чтобы познать чрезвычайную честь, дарованную намъ человѣколюбіемъ Владыки. Мы были землею и прахомъ, но это еще не вина, потому что это — немощь природы. Мы сдѣлались несмысленнѣе безсловесныхъ животныхъ, потому что человѣкъ *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 21). А уподобиться безсмысленнымъ значитъ сдѣлаться хуже безсмысленныхъ, потому что быть безсмысленнымъ по природѣ и оставаться въ безсмысліи, это—дѣло естественное, а ниспасть въ безуміе тѣмъ, которые почтены разумомъ, это — вина воли. Посему, когда ты слышишь: *уподобися скотомъ несмысленнымъ*, то не думай, что псалмопѣвецъ сказалъ это, желая представить людей равными безсмысленнымъ животнымъ: онъ сказалъ это, желая показать, что они и хуже животныхъ. Подлинно, мы были хуже и безчувственнѣе безсловесныхъ, не потому только, что ниспали такъ, будучи людьми, но и потому, что дошли до еще большаго неразумія. Выражая это, Исаія говорилъ: *позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна* (Иса. I, 3). Впрочемъ не будемъ стыдиться прежняго: *идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20). Видишь, какъ мы были безсмысленнѣе скотовъ; хочешь ли видѣть, какъ мы были безсмысленнѣе и птицъ? *Горлица и ластовица сельная, врабія сохраниша времена входовъ своихъ: людіе же мои сіи не познаша судебъ Господнихъ* (Іер. VIII, 7). Вотъ мы безсмысленнѣе и ословъ, и воловъ, и птицъ, горлицы и ласточки. Хочешь ли узнать и другое безсмысліе наше? Премудрый дѣлаетъ насъ учениками муравьевъ: такъ мы потеряли естественный смыслъ! *Иди*, говоритъ онъ, *ко мравію и поревнуй, видѣвъ пути его* (Притч. VI, 6). Мы, сотворенные по образу Божію, сдѣлались учениками муравьевъ;

но виною этого не Творецъ, а мы, не сохранившіе образа Его. Что я говорю о муравьяхъ? Мы были безчувственнѣе камней. Хочешь ли, я приведу свидѣтельство и на это? *Слышите горы судъ Господень, и дебри основанія земли, яко судъ Господень къ людемъ Его* Мих. vi, 2). Ты судишься съ людьми, а призываешь основанія земли? Да, говоритъ Онъ, потому что люди безчувственнѣе основаній земли. Какой же еще станешь ты требовать крайности порока, когда мы безчувственнѣе ословъ, безсмысленнѣе воловъ, неразумнѣе ласточки и горлицы, глупѣе муравьевъ, безчувственнѣе камней, и даже оказываемся равными зміямъ? *Ярость ихъ*, сказано, *по подобію змиину* (Псал. lvii, 5); *ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ* (Пс. cxxxix, 3). Но нужно ли говорить о безчувственности безсловесныхъ, когда мы, оказывается, именуемся чадами самого діавола? *Вы*, говоритъ, *отца вашего діавола есте* (Іоан. viii, 44).

448 4. И однако мы, безчувственные, неразумные, безсмысленные, бывшіе безчувственнѣе камней, ниже всѣхъ, безчестные и презрѣннѣйшіе,—какъ мнѣ сказать, какъ выразиться, какъ произнести это слово? — презрѣнное естество, безумнѣйшее всѣхъ, нынѣ стало выше всѣхъ. Нынѣ ангелы получили то, чего давно желали; нынѣ архангелы узрѣли то, чего давно жаждали: узрѣли наше естество блистающимъ на престолѣ царскомъ, сіяющимъ славою и красотою безсмертною. Да, этого давно желали ангелы, этого давно жаждали архангелы. Хотя наша честь и превзошла ихъ (честь), однако они радуются нашимъ благамъ; равно и тогда, когда мы несли наказаніе, они скорбѣли; херувимы, хотя охраняли рай, тѣмъ не менѣе скорбѣли. И какъ слуга, взявъ сослужителя своего подъ стражу по приказанію господина, хотя и стережетъ сослужителя своего, однако, изъ состраданія къ этому сослужителю, скорбитъ о случившемся съ нимъ,—такъ и херувимы, хотя и приняли рай для храненія, однако скорбѣли на этой стражѣ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что они дѣйствительно скорбѣли, я объясню тебѣ это примѣромъ людей. Когда ты видишь, что люди сострадаютъ своимъ сослужителямъ, то послѣ того уже не сомнѣвайся о херувимахъ, потому что эти силы гораздо любвеобильнѣе людей. А кто изъ праведниковъ не скорбѣлъ о людяхъ, которые были наказываемы справедливо и послѣ безчисленныхъ грѣховъ? Удивительно, что они скорбѣли, зная грѣхи людей и видя, что они оскорбили Владыку. Такъ Моисей, послѣ идолослуженія евреевъ, говорилъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. xxxii, 32). Что это? Ты видишь нечестіе и скорбишь о наказуемыхъ? Потому я и скорблю, говоритъ онъ, что они наказываются и подали причины къ справедливому на-

казанію. А Іезекіиль, увидѣвъ ангела, поражающаго народъ, съ великимъ воплемъ и стенаніемъ возгласилъ: *о люте мнѣ, Господи, еда потребляеши Ты останки Израилевы* (Iезек. IX, 8)? И Іеремія: *накажи насъ, Господи, обаче въ судѣ, а не въ ярости, да не умаленыхъ насъ сотвориши* (Iер. X, 24). Если же Моисей, Іезекіиль и Іеремія скорбѣли, то ужели силы небесныя нисколько не состраждутъ намъ въ нашихъ бѣдствіяхъ? Можетъ ли это быть? Что они наше считаютъ за свое, вспомни, какую радость изъявили они, когда увидѣли, что Владыка примирился съ нами. Если бы они не скорбѣли прежде, то не возрадовались бы послѣ. А что они радовались, видно изъ словъ Христовыхъ: *яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. XV, 7). Если же ангелы, видя одного обращающагося грѣшника, радуются, то какъ имъ не испытывать величайшаго удовольствія, видя нынѣ все естество, въ начаткѣ его, вознесеннымъ на небо? Выслушай и еще, какъ радуются вышніе сонмы о нашемъ примиреніи (съ Богомъ). Когда Господь нашъ родился по плоти, то 449
они, увидѣвъ, что Онъ примирился съ людьми, — а если бы Онъ не примирился, то и не снизошелъ бы настолько, — увидѣвъ это, они составили хоръ на землѣ и восклицали, говоря: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Дабы тебѣ убѣдиться, что они потому прославляютъ Бога, что земля получила блага, они присовокупили и причину: *на земли миръ*, говорятъ они, *въ человѣцѣхъ благоволеніе*, враждебныхъ, неблагодарныхъ. Видишь, какъ они прославляютъ Бога за чужія блага, или — лучше — за свои, потому что наши блага они считаютъ своими. Хочешь ли знать, что и ожидая увидѣть Его возносящимся, они радовались и восхищались? Послушай Христа, Который говоритъ, что они восходили и нисходили непрестанно; а это свойственно желающимъ видѣть дивное зрѣлище. Откуда же извѣстно, что они восходили и нисходили? Послушай Самого Христа, Который говоритъ: *отселѣ узрите небо отверсто и ангелы Божія восходящыя и нисходящыя надъ Сына человѣческаго* (Іоан. I, 51). Таково свойство любящихъ: они даже не ожидаютъ времени, но предупреждаютъ срокъ своею радостію. Посему они нисходятъ, стремясь увидѣть необычайное и дивное то зрѣлище, — человѣка, явившагося на небѣ. Посему всегда являлись ангелы, — и когда Онъ родился, и когда воскресъ, и нынѣ, когда возносился. *И се*, сказано, *мужа два стаста во одеждахъ бѣлъ*, самымъ видомъ своимъ обнаруживая радость, *иже и рекоста* ученикамъ: *мужіе галилейстіи, что стоите? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 10, 11).

5. Здѣсь слушайте меня со вниманіемъ. Для чего ангелы говорятъ это? Развѣ, ученики не имѣли глазъ? Развѣ они не видѣли событія? Не сказалъ ли евангелистъ, что *зрящымъ имъ взятся* (Дѣян. I, 9)? Почему же предстали ангелы, научая ихъ, что Христосъ вознесся на небо? По двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что разлука со Христомъ всегда печалила учениковъ; а что она печалила ихъ, послушай, что Онъ говорилъ имъ: *никтоже отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши; но, яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша* (Іоан. XVI, 5, 6). Если мы не можемъ (равнодушно) переносить разлуку съ друзьями и родственниками нашими, то ученики, видя Спасителя, наставника, попечителя, человѣколюбиваго, кроткаго, благого, разлучающимся съ ними, могли ли не печалиться, могли ли не скорбѣть? Посему и предсталъ ангелъ, утѣшая ихъ въ скорби объ отшествіи Господа вѣстію о второмъ Его пришествіи: *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ* (Дѣян. I, 11). Вы впали въ скорбь, говоритъ онъ, что Христосъ вознесся? Не скорбите: Онъ опять придетъ. Дабы они не сдѣлали того же, что сдѣлалъ Елисей, который, увидѣвъ учителя своего взятымъ на небо, *растерза ризы своя* (4 Цар. II, 12),—такъ какъ никто не предсталъ
450 ему и не говорилъ, что Илія придетъ опять,—дабы и они не сдѣлали того же, для этого предстали ангелы, утѣшая ихъ въ печали. Вотъ одна причина явленія ангеловъ. Не менѣе важна и другая причина, по которой ангелъ и присовокупилъ: *вознесыйся*. Какая же это причина? Христосъ вознесся *на небо*. Велико разстояніе между землею и небомъ, и сила зрѣнія не могла слѣдить за тѣломъ, вознесшимся до небесъ, но какъ птица, летящая въ высоту, чѣмъ болѣе возвышается, тѣмъ болѣе скрывается отъ нашего взора, такъ точно и тѣло Христово, чѣмъ болѣе восходило въ высоту, тѣмъ болѣе скрывалось, такъ какъ глаза, по слабости своей, не могли слѣдить за нимъ на столь великомъ разстояніи. Посему предстали ангелы, возвѣщая восшествіе Его на небо, дабы ученики не подумали, что Христосъ восшелъ *яко на небо*, подобно Иліѣ, но — что Онъ вознесся на самое небо. Потому и сказано: *вознесыйся отъ васъ на небо*, — и это прибавлено не напрасно. Илія взятъ былъ *яко на небо*, потому что онъ былъ рабъ; Іисусъ же вознесся *на небо*, потому что Онъ — Владыка; тотъ—на колесницѣ огненной, а этотъ—на облакѣ. Когда нужно было призвать раба, послана была колесница; а когда—Сына, то—престолъ царскій, и не просто престолъ царскій, но Отеческій. Объ Отцѣ говоритъ Исаія: *се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ* (Иса. XIX, 1). Посему, такъ какъ Отецъ *сѣдитъ на облацѣ*, то и Сыну Онъ послалъ облако. Илія при восхожденіи

ниспустилъ милоть на Елисея; а Іисусъ, восшедши, ниспослалъ дары на учениковъ, дѣлающіе не одного пророка, но множество Елисеевъ, или лучше сказать, гораздо большихъ и славнѣйшихъ его. Востанемъ же, возлюбленные, и устремимъ взоры наши ко второму пришествію Христову. Павелъ говоритъ: *Самъ Господь, въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ, снидетъ съ небесе: и мы живущіи, оставшіи, восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ* (1 Солун. IV, 16, 17), но не всѣ. А что мы не всѣ будемъ восхищены, но одни останутся, а другіе будутъ восхищены, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Христосъ: *тогда будетѣ двѣ вкупѣ мелющѣ въ жерновахъ, едина поемлется, и едина оставляется: будета два на одрѣ единомъ, единъ поемлется, а другій оставляется* (Лук. XVII, 34, 35; Матѳ. XXIV, 40, 41). Что значитъ эта притча? Что значитъ эта сокровенная тайна? Жерновъ означаетъ всѣхъ, живущихъ въ бѣдности и скорбяхъ; а одръ и успокоеніе означаетъ всѣхъ, наслаждающихся богатствомъ и почестями. Господь, желая показать, что и изъ бѣдныхъ спасаются и погибаютъ, сказалъ, что изъ мелющихъ жерновами *едина поемлется и едина оставляется*, и изъ лежащихъ на одрѣ, *единъ поемлется, а другій оставляется*. Онъ выражаетъ то, что грѣшники оставляются здѣсь и ожидаютъ наказанія, а праведники подъемлются на облака. Какъ при вшествіи царя въ городъ, облеченные саномъ и властію и имѣющіе великое дерзновеніе предъ царемъ выходятъ изъ города на встрѣчу къ нему, а 451
преступники и осужденные остаются подъ стражею внутри города, ожидая царскаго приговора,—такъ и во время пришествія Господа, имѣющіе дерзновеніе предъ Нимъ срѣтятъ Его на воздухѣ, а виновные и сознающіе за собою множество грѣховъ будутъ здѣсь ожидать Судію. Тогда и мы *восхищени будемъ*. Сказавъ: *мы*, я не включаю себя самого въ число восхищаемыхъ; я не столь безчувственъ и неразуменъ, чтобы не сознавать собственныхъ грѣховъ. Если бы я не опасался возмутить радость настоящаго праздника, то горько восплакалъ бы, вспомнивъ это изреченіе, потому что вспомнилъ и о собственныхъ грѣхахъ. Но такъ какъ я не хочу нарушать веселія настоящаго праздника, то здѣсь окончу рѣчь, оставивъ въ васъ живое памятованіе о томъ днѣ, чтобы ни богатый не радовался о богатствѣ своемъ, ни бѣдный не считалъ себя несчастнымъ по причинѣ бѣдности своей, но каждый поступалъ такъ или иначе, смотря по тому, что сознаетъ онъ за собою. Ни богатство не дѣлаетъ блаженнымъ, ни бѣдность—несчастнымъ; но кто удостоится *восхищенія* на облакахъ, тотъ блаженъ и преблаженъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе всѣхъ; 452
равно какъ и лишившійся того несчастенъ и пренесчастенъ, хотя

бы онъ былъ богаче всѣхъ. Говорю это для того, чтобы мы, пребывающіе во грѣхахъ, оплакивали самихъ себя, а всѣ, живущіе въ добрыхъ подвигахъ, ободрялись, и не только ободрялись, но имѣли твердую увѣренность. Впрочемъ и первые должны не только плакать, но и исправлять себя, такъ какъ и порочный можетъ, оставивъ пороки, обратиться къ добродѣтели и сравняться съ тѣми, которые отъ начала провождали добродѣтельную жизнь: объ этомъ и мы будемъ стараться. Тѣ, которые сознаютъ себя добродѣтельными, пусть пребываютъ въ благочестіи, постоянно умножая это благое пріобрѣтеніе и увеличивая прежнее дерзновеніе; а не имѣющіе дерзновенія и сознающіе за собою много грѣховъ, будемъ исправляться, дабы и намъ достигнуть до ихъ дерзновенія, и всѣмъ вмѣстѣ и единодушно съ подобающею славою встрѣтить Царя ангеловъ и сподобиться блаженной радости во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ

НА СВЯТУЮ ПЯТИДЕСЯТИНЦУ,

и о томъ, почему нынѣ не бываютъ знаменія, и что дѣла и слова наши записываются [1]).

453 ОПЯТЬ праздникъ, опять торжество и опять многочадная и чадолюбивая церковь украшается множествомъ чадъ. Но какая ей польза отъ чадолюбія, если она только въ праздники, а не постоянно видитъ вожделѣнныя лица своихъ дѣтей, подобно тому, какъ если бы кто, имѣя прекрасную одежду, не имѣлъ дозволенія пользоваться ею постоянно? Многочисленность приходящихъ есть одежда церкви, какъ и пророкъ въ древности сказалъ, говоря о церкви: *всѣми ими аки въ красоту облечешися и обложиши себе ими, яко утварію невѣста* (Иса. XLIX, 18). Какъ цѣломудренная и благородная женщина, облекшись въ одежду, простирающуюся до пятъ, кажется благообразнѣйшею и лучшею, такъ и церковь, покрываясь множествомъ тѣлъ вашихъ, какъ бы длинною одеждою, является сегодня болѣе блистательною. Не видно у ней сегодня ни одной части обнаженной, какъ въ предшествующіе дни; виновники же тогдашняго ея обнаженія тѣ,

---

[1]) 1-я и 2-я бесѣда въ день Пятидесятницы произнесены въ Антіохіи; годъ произнесенія неизвѣстенъ.

которые только сегодня пришли, а не всегда прикрываютъ мать свою. А что не малая опасность видѣть мать свою обнаженною, вспомнимъ древнюю исторію, вспомнимъ о томъ, кто видѣлъ отца своего обнаженнымъ, и за этотъ взглядъ потерпѣлъ наказаніе. Хотя не онъ самъ обнажилъ отца, но только увидѣлъ отца обнаженнымъ, однако онъ не избавился отъ наказанія, за то только, что увидѣлъ (Быт. IX, 20—25); тѣ же, которые пришли сегодня, а прежде не приходили, не только видятъ мать свою обнаженною, но дѣлаютъ ее обнаженною. Если же видѣвшій наготу не избѣгъ наказанія, то какъ могутъ удостоиться прощенія тѣ, которые причиняютъ наготу? Это я говорю, желая не устрашить васъ, но для того, чтобы намъ избѣжать наказанія, чтобы избѣжать проклятія Хама, чтобы заслужить благоволеніе, подражая Симу и Іафету, и чтобы и намъ всегда прикрывать мать свою. Это іудеямъ свойственно было являться предъ Богомъ только трижды въ годъ, имъ было сказано: *три краты въ лѣтѣ да явишися предъ Господемъ Богомъ твоимъ* (Исх. XXIII, 17); а отъ насъ Богъ желаетъ, чтобы мы являлись предъ Нимъ непрестанно. У нихъ причиною столь немногихъ собраній были разстоянія мѣстъ; тогда богослуженіе ограничено было однимъ мѣстомъ; времена ихъ собранія и присутствованія при немъ были немногочисленны, такъ какъ необходимо было покланяться въ Іерусалимѣ, а въ другомъ мѣстѣ—нигдѣ. Поэтому имъ повелѣно являться предъ Богомъ трижды въ годъ,—разстояніе пути служило имъ оправданіемъ; а для насъ не можетъ быть никакого способа оправданія. Они были разсѣяны 454
по всей землѣ: *бяху же*, говорится (въ Писаніи), *во Іерусалимѣ живущіи Іудеи мужіе благоговѣйніи отъ всего языка, иже подъ небесемъ* (Дѣян. II, 5). А мы всѣ живемъ въ одномъ городѣ, обитаемъ въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ, часто не отдѣляемся отъ церкви даже однимъ переулкомъ, и однако такъ рѣдко заходимъ въ это священное собраніе, какъ будто мы отдѣлены широкими морями. Имъ повелѣно было праздновать только въ три времени; а намъ повелѣно дѣлать это непрестанно, такъ какъ у насъ всегда праздникъ. А дабы вамъ удостовѣриться, что у насъ всегда праздникъ, я скажу вамъ о причинахъ праздниковъ, и вы узнаете, что у насъ въ каждый день праздникъ. Итакъ, первый праздникъ у насъ Богоявленіе [1]). Какая же причина этого праздника? Та,

[1]) Изъ важнѣйшихъ праздниковъ св. Златоустъ перечисляетъ только три, причемъ первымъ называетъ Богоявленіе, вторымъ—Пасху, третьимъ—Пятидесятницу: вѣроятно, онъ приспособлялся въ этомъ случаѣ къ издревле установившемуся обычаю у антіохіанъ—почитать эти три праздника за самые важные, и такъ какъ Рождество Христово, которое въ ряду праздниковъ должно бы быть поставлено на первомъ мѣстѣ, еще недавно въ Антіохіи стало праздноваться особо отъ Богоявленія, то онъ не упоминаетъ его особо.

что Богъ *на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 38), та, что Богъ, Единородный Сынъ Божій, былъ съ нами; а это бываетъ всегда. *Се,* говоритъ Онъ, *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 20); посему Богоявленіе можно праздновать во всѣ дни. Что значитъ праздникъ Пасхи? Какая его причина? Мы тогда возвѣщаемъ смерть Господа,—это и есть Пасха; но и это мы дѣлаемъ не въ одно опредѣленное время. Павелъ, желая доставить намъ независимость отъ временъ и показать, что можно всегда совершать Пасху, говоритъ: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. XI, 26). Итакъ, если мы всегда можемъ возвѣщать смерть Господню, то можемъ всегда совершать и Пасху. Хотите ли знать, что и сегодняшній праздникъ можетъ быть совершаемъ ежедневно, или—лучше, что онъ бываетъ ежедневно? Посмотримъ, какая причина настоящаго праздника и почему мы празднуемъ его? Это потому, что Духъ нисшелъ къ намъ,—какъ Единородный Сынъ Божій находится съ людьми вѣрными, такъ и Духъ Божій. Откуда это извѣстно? *Аще любите Мя,* говоритъ (Спаситель), *заповѣди моя соблюдите. И Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины* (Іоан. XIV, 15—17). Посему, какъ Христосъ сказалъ о Себѣ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка,* и мы можемъ всегда праздновать Богоявленіе, такъ и о Духѣ Онъ сказалъ: *будетъ съ вами въ вѣкъ,* и мы можемъ всегда праздновать Пятидесятницу.

2. Дабы вамъ убѣдиться, что намъ можно праздновать постоянно, что нѣтъ для этого опредѣленнаго времени, и мы не связаны зависимостію отъ времени, послушайте, что говоритъ
455 Павелъ: *тѣмже да празднуемъ* (1 Кор. V, 8). Тогда, когда онъ писалъ это, не было праздника, не было ни Пасхи, ни Богоявленія, ни Пятидесятницы; но онъ желаетъ показать, что не время составляетъ праздникъ, а чистая совѣсть, что праздникъ есть не что иное, какъ радость, радость же духовную и разумную производитъ не что иное, какъ сознаніе добрыхъ дѣлъ,—посему, кто имѣетъ добрую совѣсть и такія же дѣла, тотъ можетъ постоянно праздновать. Итакъ, желая показать это самое, Павелъ сказалъ: *тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 8). Видишь ли, какъ онъ не связываетъ тебя зависимостію отъ временъ, но увѣщеваетъ имѣть чистую совѣсть? Я хотѣлъ бы употребить на это всю бесѣду: захватившіе кого-нибудь въ свои руки послѣ долгаго времени, не легко выпускаютъ его, и такъ какъ мы васъ, приходящихъ сюда чрезъ годъ, захватили въ свои сѣти, то не хотимъ отпустить сегодня. Но чтобы вамъ не удалиться

безъ наставленія касательно праздника, надобно отъ этого увѣщанія обратить рѣчь къ причинѣ праздника. Многія блага многократно нисходили съ неба для всего рода человѣческаго; но такія, какія ниспосланы сегодня, не были ниспосылаемы никогда прежде. Узнайте же, какія блага были прежде и какія сегодня, чтобы вамъ видѣть различіе между тѣми и другими. *Одожди Богъ манну ясти, и хлѣбъ небесный даде имъ: хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ* (Псал. LXXVII, 24, 25); дѣло, поистинѣ, великое и достойное человѣколюбія Божія! Послѣ того ниспосланъ былъ огонь для исправленія заблудшаго народа іудейскаго и пожралъ жертву съ жертвенника (3 Цар. XVIII, 38). Потомъ, когда всѣ были истощены голодомъ, былъ ниспосланъ дождь и произвелъ великое плодородіе. Велики эти блага и удивительны; но настоящія гораздо больше, потому что не манна, огонь и дождь ниспосланы сегодня, но потокъ духовныхъ дарованій, ниспосланы свыше обильные дожди, не землю возбуждающіе къ плодородію, но располагающіе человѣческое естество воздавать плоды добродѣтели Воздѣлывателю людей. И тѣ, которые приняли каплю оттуда, тотчасъ забывали свое естество, и внезапно вся земля наполнилась ангелами, ангелами не небесными, но такими, которые въ человѣческомъ тѣлѣ показываютъ добродѣтель, свойственную безплотнымъ силамъ. Не ангелы низошли долу, но, что удивительнѣе, дольніе возвысились до ихъ добродѣтели; они не свергли плоти и не одними душами восходили, но, пребывая въ своемъ естествѣ, сдѣлались ангелами по произволенію. А дабы ты зналъ, что и прежнее наказаніе, когда было сказано: *земля еси и въ землю отидеши* (Быт. III, 19), не было наказаніемъ, Богъ благоволилъ оставить тебя на землѣ, чтобы еще болѣе открылась сила Духа, совершающая такія дѣла чрезъ бренное тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, можно было видѣть, какъ бренный языкъ повелѣвалъ бѣсами; можно было видѣть, какъ бренная рука исцѣляла болѣзни; или—лучше—можно было видѣть, какъ не рука только бренная, но, что гораздо удивительнѣе, тѣни бренныхъ тѣлъ преодолѣвали и смерть и безплотныя силы, т. е. бѣсовъ. Какъ при появленіи солнца тьма разсѣевается, дикіе звѣри удаляются въ свои логовища, убійцы, разбойники и раскапыватели могилъ убѣгаютъ на вершины горъ, такъ и тогда, когда 456
являлся Петръ и возвышалъ свой голосъ,—тьма заблужденія разсѣевалась, діаволъ удалялся, бѣсы обращались въ бѣгство, плотскія страсти подавлялись, душевныя болѣзни исцѣлялись, всякій порокъ изгонялся и добродѣтель водворялась на землѣ. Какъ если бы кто-нибудь изъ царской сокровищницы, заключающей въ себѣ золото и драгоцѣнные камни, могъ взять хотя малую часть

того, что съ почетомъ охраняется въ ней, хотя бы одинъ только камень, то сдѣлался бы обладателемъ великаго богатства, такъ— и отъ устъ апостольскихъ: уста ихъ были царскими сокровищницами, заключавшими въ себѣ сокровище исцѣленій, и каждое слово, исходящее изъ нихъ, доставляло великое богатство духовное. Тогда поистинѣ можно было видѣть, что *словеса Господня вожделѣнны паче злата и камене честна многа* (Псал. XVIII, 11), такъ какъ чего не могли сдѣлать ни золото, ни драгоцѣнные камни, то дѣлали слова Петра. Какое количество талантовъ золота могло бы исцѣлить хромого отъ рожденія? А слово Петра въ состояніи было исправить этотъ природный недостатокъ. Онъ сказалъ: *во имя Іисуса Христа востани и ходи* (Дѣян. III, 6), и слово стало дѣломъ. Видишь ли, какъ слова ихъ *вожделѣнны паче злата и камене честна многа?* Видишь ли, что уста ихъ были царскими сокровищницами? Поистинѣ они были и врачами вселенной, и земледѣльцами, и кормчими: врачами, потому что исцѣляли болѣзни; земледѣльцами, потому что сѣяли слово благочестія; кормчими, потому что укрощали бурю заблужденій. Посему и Христосъ иногда говорилъ имъ, какъ врачамъ: *ходяще болящыя исцѣляйте* (Матѳ. X, 7—8); иногда говорилъ, какъ земледѣльцамъ: *се послахъ вы жати, идѣже вы не трудистеся* (Іоан. IV, 38); а иногда бесѣдовалъ съ ними, какъ съ кормчими и рыбарями, и говорилъ въ одномъ мѣстѣ: *сотворю вы ловца человѣкомъ* (Матѳ. IV, 19), и Петру: *не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя* (Лук. V, 10). И можно было видѣть чудеса за чудесами. За десять дней предъ симъ наше естество взошло на царскій престолъ, а сегодня Духъ Святый нисшелъ на наше естество; Господь вознесъ нашъ начатокъ, и низвелъ Духа Святаго. Иный Господь надѣляетъ этими дарами, такъ какъ и Духъ есть Господь, домостроительство же о насъ раздѣлили между собою Отецъ, Сынъ и Святый Духъ. Еще не прошло десяти дней, какъ вознесся Христосъ, и уже ниспослалъ Онъ намъ духовныя дарованія, дары примиренія. Дабы никто не сомнѣвался и не недоумѣвалъ, сдѣлалъ ли что-нибудь Христосъ, по вознесеніи, примирилъ ли съ нами Отца, умилостивилъ ли Его, дабы показать намъ, что Онъ (дѣйствительно) примирилъ Его съ нашимъ естествомъ, Онъ тотчасъ послалъ намъ дары примиренія. Такъ, когда враги соединяются и примиряются между собою, то за примиреніемъ тотчасъ слѣдуютъ обмѣнъ привѣтствій, дружескіе пріемы и дары. Вотъ и мы послали вѣру—и получили оттуда дарованія; послали послушаніе—и получили оправданіе.

457 3. А чтобы вы знали, что дарованіе Святаго Духа есть даръ Божія примиренія, я постараюсь убѣдить васъ въ этомъ изъ Пи-

саній, сначала объяснивъ слова свои отъ противнаго и показавъ, что Богъ удерживаетъ благодать Духа, когда гнѣвается на насъ, дабы ты, убѣдившись, что отсутствіе Святаго Духа есть знакъ Его гнѣва, и увидѣвъ, что Духъ опять ниспосылается, позналъ, что, если бы Онъ не примирился, то и не послалъ бы Духа Святаго. Откуда же мы узнаемъ это? Престарѣлый Илій былъ человѣкъ въ другихъ отношеніяхъ почтенный и благоразумный, но не умѣвшій исправлять порочность дѣтей своихъ, по чрезмѣрной къ нимъ любви. Послушайте вы, которые имѣете дѣтей, какъ вы должны умѣрять свою къ нимъ любовь и ласковость. Илій огорчилъ этимъ Бога и привелъ Его въ такой гнѣвъ, что Онъ отвратился отъ всего народа. Посему, написавшій объ этомъ, желая показать, что Богъ совершенно отвратился отъ нихъ, говоритъ: *глаголъ Господенъ бѣ честенъ, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. III, 1), называя здѣсь *честнымъ* рѣдкое; этимъ онъ выразилъ, что дары пророчества тогда были рѣдки. Также другой, плача и рыдая о гнѣвѣ Божіемъ, говоритъ: *нѣсть во время сіе князя и пророка* (Дан. III, 38). И евангелистъ говоритъ: *не убо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39). Такъ какъ Онъ еще не былъ распятъ, то, говоритъ, и Духъ Святый не былъ дарованъ людямъ,—*прославленъ* значитъ: *распятъ*. Хотя это событіе по природѣ своей позорно, но такъ какъ оно было совершено за любимыхъ, то Христосъ называетъ его славою. А почему, скажи мнѣ, Духъ не былъ дарованъ прежде распятія? Потому, что вселенная была еще во грѣхахъ, въ злобѣ, во враждѣ и безчестіи, такъ какъ еще не былъ принесенъ въ жертву Агнецъ, взявшій на себя грѣхи міра. Итакъ, доколѣ Христосъ еще не былъ распятъ, дотолѣ не было и примиренія; а доколѣ не было примиренія, дотолѣ по справедливости не былъ ниспосланъ и Духъ. Такимъ образомъ ниспосланіе Духа есть знакъ примиренія. Посему и Христосъ говоритъ: *уне есть вамъ, да Азъ иду: аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ* (Іоан. XVI, 7). Если я не пойду, говоритъ Онъ, и не примирю Отца, то не пошлю вамъ Утѣшителя. Видите ли, сколько доказательствъ мы представили вамъ на то, что отсутствіе Духа Святаго въ людяхъ есть знакъ гнѣва Божія? *Глаголъ Господенъ бѣ честенъ, не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. III, 1). *Нѣсть во время сіе князя и пророка* (Дан. III, 38). *Не убо бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. VII, 39). *Аще бо не иду Азъ, Онъ не пріидетъ* (Іоан. XVI, 7). Итакъ, отсутствіе Духа Святаго есть знакъ гнѣва Божія. А когда ты видишь, что Духъ Святый ниспосылается обильно, то уже нисколько не сомнѣвайся въ примиреніи. Гдѣ же, скажешь, нынѣ Духъ Святый? Тогда дѣйствительно можно было

говорить это, когда были знаменія: мертвые воскресали и всѣ прокаженные очищались; а нынѣ чѣмъ мы докажемъ, что Духъ Святый съ нами? Не бойтесь; я покажу, что Духъ Святый пребываетъ и у насъ нынѣ. Какъ и какимъ образомъ? Такъ: если бы не было у насъ Духа Святаго, то какъ эти, просвѣщенные въ эту
458 священную ночь, избавились бы отъ грѣховъ? Безъ дѣйствія Духа не можетъ быть и отпущенія грѣховъ. Послушайте Павла, который говоритъ: *бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ различнымъ: егда же благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, иxже сотворихомъ мы, но по своей его милости спасе насъ банею пакибытія, и обновленія Духа Святаго* (Тит. III, 3—5). И еще въ другомъ мѣстѣ: *не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9—10). Видишь ли всѣ виды пороковъ? *И сими убо нѣцыи бѣсте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся.* Какимъ образомъ? Вопросъ въ томъ, чрезъ Духа ли Святаго мы освободились отъ пороковъ. Послушай же: *но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа Іисуса и Духомъ Бога нашего* (ст. 11). Видишь ли, что Духъ Святый изгладилъ всѣ тѣ пороки?

4. Гдѣ теперь хулящіе достоинство Духа? Если Онъ не отпускаетъ грѣховъ, то напрасно принимается въ крещеніи; если же Онъ отпускаетъ грѣхи, то напрасно хулится еретиками. Если бы не было Духа Святаго, то мы не могли бы назвать Господомъ Іисуса, потому что *никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII, 3). Если бы не было Духа Святаго, то мы вѣрные не могли бы призывать Бога, а мы говоримъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ.* Какъ не могли бы мы называть Іисуса Господомъ, такъ не могли бы называть и Бога Отцемъ. Откуда это видно? Изъ словъ того же апостола: *понеже есте сынове*, говоритъ онъ, *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. IV, 6). Итакъ, когда ты называешь Отцемъ, то помни, что ты удостоился такъ называть Его потому, что Духъ движетъ душу твою. Если бы не было Духа, то въ Церкви не было бы слова премудрости и вѣдѣнія: *овому бо Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума* (1 Кор. XII, 8). Если бы не было Святаго Духа, то не было бы въ церкви пастырей и учителей, потому что и они поставляются Духомъ, какъ и Павелъ говоритъ: *въ немже васъ Духъ Святый постави* пастыри и *епископы* (Дѣян. XX, 28). Видишь ли, что и это—отъ Духа? Если бы не было Духа Святаго въ нашемъ

общемъ отцѣ и учителѣ, то, когда незадолго предъ симъ онъ входилъ на это священное возвышеніе и преподалъ всѣмъ вамъ миръ, вы не отвѣтствовали бы ему всѣ вмѣстѣ: *и духови твоему*. Посему не только тогда, когда онъ восходитъ (сюда), и бесѣдуетъ съ вами, или молится за васъ, вы произносите эти слова, но и тогда, когда онъ предстоитъ предъ этою священною трапезою, когда намѣревается принести страшную жертву,—посвященные въ тайны знаютъ, о чемъ я говорю,—онъ не касается предлежащаго прежде, нежели испроситъ вамъ благодать отъ Господа, и вы отвѣтите ему: *и духови твоему*, напоминая себѣ этимъ отвѣтомъ, что самъ присутствующій ничего не совершаетъ и что пред- 459
лежащіе дары совершаются не человѣческимъ естествомъ, но благодать Духа, присущая и на все нисходящая, уготовляетъ эту таинственную жертву. Хотя присутствуетъ человѣкъ, но дѣйствуетъ чрезъ него Богъ. Итакъ, не смотри на природу видимаго, но представляй благодать невидимую. На этомъ священномъ престолѣ не совершается ничего человѣческаго. Если бы не присутствовалъ Духъ, то не существовала бы и церковь; если же церковь существуетъ, то очевидно, что Духъ присутствуетъ.

Почему же, скажешь, не бываетъ нынѣ знаменій? Здѣсь слушайте меня со вниманіемъ; я отъ многихъ слышу этотъ непрестанный и всегдашній вопросъ: почему тогда всѣ крещаемые горили языками, а нынѣ уже нѣтъ? Напередъ узнаемъ, что значитъ говорить языками, а потомъ скажемъ и причину. Что же значитъ говорить языками? Крещаемый тотчасъ начиналъ говорить на языкѣ индійцевъ, египтянъ, персовъ, скиѳовъ, ѳракіянъ, и одинъ человѣкъ получалъ многіе языки; и если бы эти, крещенные нынѣ, крещены были тогда, то ты тотчасъ услышалъ бы ихъ говорящими разными языками. Павелъ, говорится (въ Писаніи), нашедши нѣкоторыхъ крещенныхъ крещеніемъ Іоанновымъ, сказалъ имъ: *аще Духъ Святый пріясте вѣровавше? Они же рѣша къ нему: но ниже аще Духъ Святый есть, слышахомъ*. Онъ тотчасъ повелѣлъ имъ креститься, *и возложшу Павлу на ня руцѣ, пріиде Духъ Святый на ня*, и всѣ *глаголаху языки* (Дѣян. xix, 2—6). Почему же нынѣ превращена и отъята отъ людей эта благодать? Не потому, чтобы Богъ хотѣлъ унизить насъ, но потому напротивъ, что оказываетъ намъ великую честь. Какъ? Я скажу. Въ то время люди, недавно отставшіе отъ идоловъ, были болѣе несмысленны; умъ ихъ былъ еще очень тупъ и грубъ; они были преданы и изумлялись всему вещественному; у нихъ еще не было никакого понятія о дарахъ безтѣлесныхъ, и они не знали даже, что такое благодать духовная и созерцаемая одною вѣрою: поэтому тогда и были знаменія. Одни изъ духовныхъ дарованій невидимы

и постигаются одною только вѣрою, а другія обнаруживаются и въ чувственномъ знаменіи для удостовѣренія невѣрныхъ. Напримѣръ: отпущеніе грѣховъ есть дѣло духовное, есть даръ невидимый, потому что мы не видимъ тѣлесными глазами, какъ очищаются грѣхи наши. Почему? Потому, что очищается душа, а душа не бываетъ видима тѣлесными очами. Итакъ, очищеніе грѣховъ есть даръ духовный, который не можетъ быть замѣтенъ для тѣлесныхъ очей; а способность говорить разными языками, хотя также происходитъ отъ духовнаго дѣйствія Духа, однако представляетъ знаменіе чувственное и удобозримое для невѣрныхъ. Языкъ, слышимый внѣ, есть обнаруженіе и показатель дѣйствія, происходящаго внутри души, т. е. невидимаго. Посему и Павелъ говоритъ: *комуждо же дается явленіе Духа на пользу* (1 Кор. XII, 7). Итакъ, я не имѣю нынѣ нужды въ знаменіяхъ. Почему? Потому, что и безъ дарованія знаменія я научился вѣровать во Владыку. Невѣрующій имѣетъ нужду въ залогѣ, а я, вѣрующій, не нуждаюсь ни въ залогѣ, ни въ знаменіи, но, хотя я и не говорю языками, однако знаю, что я очищенъ отъ грѣховъ. Тѣ тогда
460 не повѣрили бы, если бы не получили знаменія: поэтому имъ и давались знаменія, какъ залогъ вѣры, которою они вѣровали, такъ что знаменія давались имъ, не какъ вѣрнымъ, но какъ еще невѣрнымъ, чтобы они сдѣлались вѣрными. Такъ и Павелъ говоритъ: *знаменія не вѣрующымъ, но невѣрнымъ* (1 Кор. XIV, 22). Видите ли, что прекращеніе знаменій служитъ доказательствомъ не того, что Богъ унижаетъ насъ, но того, что Онъ оказываетъ намъ честь? Онъ сдѣлалъ это, желая показать вѣру нашу, — что мы вѣруемъ въ Него безъ залоговъ и знаменій. Тѣ, если бы напередъ не получили знаменія и залога, то не повѣрили бы Ему въ невидимомъ; а я и безъ этого показываю всю вѣру. Вотъ причина, почему нынѣ не бываютъ знаменія.

5. Хотѣлъ бы я сказать и о причинѣ праздника и показать, что такое Пятидесятница, почему въ этотъ праздникъ поданъ даръ, почему въ огненныхъ языкахъ и почему чрезъ десять дней; но вижу, что поученіе слишкомъ затянулось. Поэтому, прибавивъ немногое, окончу рѣчь. *Егда скончавашася дніе пятдесятницы, явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни* (Дѣян. II, 1, 3), — не огненные, но *яко огненни*, чтобы ты не подозрѣвалъ въ Духѣ ничего чувственнаго. Какъ на струи іорданскія Онъ сошелъ не голубемъ, но въ видѣ голубя (Лук. III, 22), такъ и здѣсь не огнемъ, но въ видѣ огня. Также и выше сказано: *яко носиму дыханію бурну* (Дѣян. II, 2), не *дыханію бурну*, но *яко носиму дыханію бурну*. Почему же Іезекіиль получилъ даръ пророчества не посредствомъ подобія огня, но посредствомъ книги, а апостолы по-

лучаютъ дары посредствомъ огня? О немъ говорится, что [Богъ] далъ въ уста его свитокъ книжный, въ которомъ *вписано рыданіе и жалость и горе, и писана быша предняя и задняя* (Іезек. II, 9, 10), и онъ съѣлъ его, и *бысть во устѣхъ его, яко медъ, сладокъ* (Іезек. III, 3). А объ апостолахъ не такъ, но: *явишася имъ языцы, яко огненни.* Итакъ, почему тамъ свитокъ и письмена, а здѣсь языкъ и огонь? Потому, что тотъ шелъ обличать грѣхи и оплакивать іудейскія бѣдствія, а эти шли истреблять грѣхи вселенной, — посему тотъ получилъ свитокъ для памятованія о грядущихъ бѣдствіяхъ, а эти получили огонь, чтобы попалить и истребить всѣ грѣхи вселенной. Какъ огонь, упавъ въ терніе, легко истребляетъ его всецѣло, такъ и благодать Духа истребляетъ грѣхи людей. Но при этомъ событіи безчувственные іудеи, вмѣсто того, чтобы изумляться, трепетать и поклоняться Подателю дара, опять показываютъ свое собственное безуміе, обвиняя апостоловъ, исполненныхъ Духа, въ опьянѣніи. Они, говорятъ, *виномъ исполнени суть* (Дѣян. II, 13). Представь неблагодарность людей и посмотри на благодарность ангеловъ. Ангелы, увидѣвъ начатокъ нашъ возводимымъ [на небо], радовались и говорили: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы* (Псал. XXIII, 7); а люди, увидѣвъ нисшедшую къ намъ благодать Духа, 461
говорятъ, что принявшіе благодать пьяны, и не смутились даже временемъ года: вѣдь во время весны не возможно было найти вина, а тогда была весна. Впрочемъ, оставимъ ихъ и посмотримъ на воздаяніе человѣколюбиваго Бога. Христосъ взялъ начатокъ нашего естества и воздалъ намъ благодать Духа; и какъ бываетъ послѣ продолжительной войны, когда кончено сраженіе и заключается миръ, такъ что бывшіе между собою во враждѣ даютъ другъ другу поруку и заложниковъ, такъ произошло и между Богомъ и человѣческимъ естествомъ: оно послало Ему въ поруку и заложникомъ свой начатокъ, который вознесъ Христосъ, а Онъ въ замѣнъ послалъ намъ въ поруку и заложникомъ Духа Святаго. А что мы имѣемъ поруку и заложника, это видно изъ слѣдующаго: порука и заложники должны быть царскаго рода, поэтому и ниспосланъ намъ Духъ Святый, какъ царственный по естеству, равно какъ и вознесшійся отъ насъ былъ царскаго рода, потому что Онъ былъ отъ сѣмени Давидова. Поэтому я уже больше не страшусь, такъ какъ начатокъ нашъ возсѣдаетъ горѣ; поэтому, хотя бы кто говорилъ мнѣ о червѣ не умирающемъ, или объ огнѣ не угасающемъ, или о другихъ наказаніяхъ и мученіяхъ, я уже не боюсь, или лучше, хотя и боюсь, но не отчаиваюсь въ своемъ спасеніи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Богъ не желалъ даровать великія блага роду нашему, то не взялъ бы начатка нашего горѣ. Прежде мы,

взирая на небо и представляя безплотныя силы, яснѣе усматривали свое ничтожество чрезъ сравненіе съ вышними силами, а теперь, когда мы хотимъ видѣть свое благородство, то взираемъ горѣ, на небо, на самый престолъ царскій,—тамъ возсѣдаетъ начатокъ отъ насъ. Такъ и придетъ Сынъ Божій съ неба судить насъ. Поэтому будемъ приготовляться, чтобы не лишиться той славы,—а непремѣнно придетъ и не замедлитъ общій нашъ Владыка, придетъ ведя съ Собою воинства, полки ангеловъ, соборы архангеловъ, строи мучениковъ, лики праведниковъ, сонмы пророковъ и апостоловъ, и среди этихъ невещественныхъ воинствъ явится Самъ, какъ царь, въ невыразимой и неизреченной славѣ.

6. Итакъ, будемъ дѣлать все, чтобы не лишиться той славы. Хотите ли, я скажу и страшное? Это не для того, чтобы опечалить (васъ), но чтобы исправить. Тогда предъ тѣмъ престоломъ будетъ течь рѣка огненная; тогда раскроются книги; судъ будетъ страшный и ужасный; какъ въ судилищѣ, будутъ читаны записи о нашей жизни. Объ этихъ книгахъ много говорятъ и пророки. Такъ, Моисей говоритъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32). Также и Христосъ говорилъ ученикамъ: *о семъ не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. X, 20). И пророкъ Давидъ: *въ книзѣ твоей вси напишутся, во днехъ созиждутся, и никтоже въ нихъ* (Псал. CXXXVIII, 16); и еще: *да потребятся отъ книги живыхъ, и съ праведными да не напишутся* (Псал. LXVIII, 29). Видишь ли, что одни изглаждаются, а другіе вписываются? Хочешь
462 ли знать, что не только праведные вписываются въ тѣхъ книгахъ, но вписаны тамъ и грѣхи наши? Теперь время праздника: будемъ поучаться тому, чѣмъ мы можемъ избавиться отъ наказанія. Страшно это слово, но вмѣстѣ полезно и прибыльно, потому что избавляетъ насъ отъ необходимости испытать (наказаніе) на самомъ дѣлѣ. Итакъ, будемъ знать, что грѣхи записываются, и что̀ мы здѣсь ни скажемъ, тотчасъ вносится туда и записывается. А откуда это извѣстно? О такихъ предметахъ нельзя изъясняться просто. Малахія [1]) говоритъ іудеямъ: горе прогнѣвляющимъ Господа; и *о чемъ прогнѣвахомъ Его? Зане рѣсте: всякъ, творяй зло, добръ предъ Господемъ;* это—слова рабовъ неблагодарныхъ; и *въ нихъ самъ благоволи*, т. е. въ развращенныхъ, говоритъ, не служившихъ Ему (Малах. II, 17). Вотъ мы *сохранихомъ храненія Его и блажимъ чуждихъ;* мы, говорили они, ежедневно служимъ, а другіе наслаждаются благами (Малах. III, 14, 15). Это часто

---

[1]) У Златоуста вмѣсто Малахіи названъ Михей.

говорятъ и рабы о господахъ. Впрочемъ человѣку говорить это о человѣкѣ не столь опасно, хотя и опасно; но говорить это объ общемъ Владыкѣ вселенной, Владыкѣ милостивомъ и человѣколюбивомъ, достойно всякаго осужденія и крайняго наказанія. А дабы тебѣ убѣдиться, что такія слова записываются, послушай, что говоритъ пророкъ: вотъ это *написано въ книгѣ* живущихъ *въ памятъ* предъ лицемъ Бога (Малах. III, 16). Записываются не потому, чтобы Богу вспомнить день, но чтобы представить книгу, какъ нѣкоторую улику и обвиненіе. Можетъ быть, я потрясъ душу вашу страхомъ; но не вашу, а напередъ свою. Итакъ, прекращу рѣчь, или—лучше—страхъ, а еще лучше, не прекращу, но смягчу; пусть онъ остается и очищаетъ душу вашу, но суровость его мы уменьшимъ. Какъ же мы можемъ уменьшить ее? Если покажемъ, что грѣхи не только записываются, но и изглаждаются. Въ судилищѣ все, что подсудимый ни скажетъ при записываніи, непремѣнно записывается навсегда и уже не можетъ быть изглаждено; а въ той книгѣ, хотя бы ты и сказалъ что-нибудь худое, потомъ, если захочешь, опять изгладится. Откуда это извѣстно? Изъ Писанія: *отврати лице Твое*, говоритъ псалмопѣвецъ, *отъ грѣхъ моихъ, и вся беззаконія моя очисти* (Псал. L, 11). Никто не изглаждаетъ того, что не написано; и такъ какъ грѣхи записаны, то онъ и молится объ ихъ изглажденіи. А нѣкто другой научаетъ и тому, какъ они изглаждаются: *милостынями и вѣрами*, говоритъ онъ, *очищаются грѣси* (Притч. XV, 27),—не только изглаждаются, но и очищаются, такъ что не остается и слѣда. Притомъ изглаждается не только то, что вписано послѣ крещенія, но и то, что вписано прежде этого омовенія,—все то очищается водою крещенія и крестомъ Христовымъ, какъ говоритъ Павелъ: *истребивъ еже на насъ рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ, и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестѣ* (Кол. II, 14). Видишь ли, какъ изглаждено это рукописаніе? И не только изглаждено, но и разорвано; гвозди крестные такъ разорвали его, что 463
оно сдѣлалось непригоднымъ. Впрочемъ, это все изглаждено благодатію и человѣколюбивою силою распятаго Христа; а сдѣланное послѣ крещенія требуетъ великаго старанія, чтобы оно опять было изглаждено. Такъ какъ уже нѣтъ второго омовенія, а нужны наши слезы, покаяніе, исповѣдь, милостыня, молитва и всякое другое благочестивое занятіе, то и очищаются сдѣланные послѣ крещенія грѣхи съ великимъ трудомъ и усиліемъ. Итакъ, будемъ прилагать всякое стараніе, чтобы изгладить ихъ здѣсь и избавиться отъ тамошняго стыда и наказанія. И хотя бы мы сдѣлали безчисленное множество грѣховъ, мы можемъ, если захотимъ, сложить все это бремя грѣховъ. Будемъ же имѣть такое желаніе,

потому что гораздо лучше немного потрудиться здѣсь и избавиться отъ неизбѣжнаго наказанія, нежели, проведши это краткое время въ нерадѣніи, впасть въ тѣ нескончаемыя мученія. Впрочемъ, уже время обозрѣть сказанное. Мы сдѣлали укоръ приходящимъ сюда только чрезъ годъ, что они оставляютъ мать свою обнаженною, напомнили имъ древнее событіе, и проклятіе, и благословеніе; бесѣдовали о праздникахъ іудейскихъ и о томъ, почему Богъ повелѣлъ іудеямъ являться предъ Нимъ трижды въ годъ; сказали, что у насъ праздникъ бываетъ во всякое время, и Пятидесятница, и Пасха, и Богоявленіе; сказали, что праздникъ производится чистою совѣстью, а не опредѣленнымъ кругомъ дней и временъ; потомъ мы перешли къ дарамъ, ниспосланнымъ свыше,—сказали, что они суть знакъ примиренія; доказали присутствіе Духа Свя-
464 таго отпущеніемъ грѣховъ, отвѣтомъ пастырю, словомъ премудрости и вѣдѣнія, рукоположеніями, таинственною жертвою; сказали, что мы имѣемъ взаимныхъ заложниковъ и поруку; присовокупили причину, по которой нынѣ уже не видны знаменія; послѣ того напомнили о страшномъ судѣ, о книгахъ, которыя тогда раскроются, и о томъ, что всѣ наши грѣхи записываются; объяснили, что они опять изглаждаются, если мы захотимъ. Помните все это; если же невозможно помнить все, то изъ всего удержите въ памяти сказанное о книгахъ, и все, что бы вы ни говорили, говорите съ осторожностію, точно имѣя при себѣ записчика; всегда сохраняйте эти слова въ свѣжей памяти, чтобы тѣмъ изъ васъ, которые вписаны въ книгѣ праведныхъ, умножать добродѣтели, а тѣмъ изъ насъ, которые имѣютъ записанными много грѣховъ, изгладить ихъ здѣсь, когда никто не видитъ, и избавиться отъ будущаго ихъ обнаруженія. А возможно, какъ мы показали, изгладить всѣ записанные грѣхи стараніемъ, молитвою и усиленнымъ благочестіемъ. Итакъ, будемъ стараться объ этомъ во всякое время, чтобы, по отшествіи туда, намъ получить прощеніе и всѣмъ избѣжать неминуемыхъ наказаній, чтобы, избавившись отъ нихъ, всѣмъ намъ удостоиться царствія небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

НА СВЯТУЮ ПЯТИДЕСЯТНИЦУ.

Велики, возлюбленные, и выше всякаго слова человѣческаго 463
дары, ниспосланные намъ сегодня отъ человѣколюбиваго Бога,—будемъ поэтому всѣ мы вмѣстѣ радоваться и съ восторгомъ прославлять нашего Владыку. И подлинно, нынѣшній день для насъ праздникъ и торжество. Какъ въ преемствѣ дней и временъ года одна перемѣна слѣдуетъ за другою, такъ точно и въ церкви праздникъ слѣдуетъ за праздникомъ и одинъ отсылаетъ насъ къ другому. Недавно мы праздновали кресту, страданію, воскресенію, потомъ вознесенію на небо Господа нашего Іисуса Христа; а сегодня наконецъ достигли до самой вершины благъ, вступили въ самую столицу праздниковъ, пришли къ самому плоду обѣтованія Господня. *Аще Азъ иду*, сказалъ Онъ, *иного утѣшителя послю къ вамъ, и не оставлю васъ сиры* (Іоан. xiv, 18. xvi, 7). Видите ли Его попеченіе? Видите ли неизреченное человѣколюбіе? Предъ этими днями Онъ восшелъ на небо, воспріялъ царскій престолъ и возсѣлъ одесную Отца, а сегодня даруетъ намъ пришествіе Святаго Духа, и чрезъ Него ниспосылаетъ намъ съ небесъ безчисленныя блага. И что, скажи мнѣ, изъ относящагося къ нашему спасенію не Духомъ устроено для
насъ? Чрезъ Него мы освобождаемся отъ рабства, призываемся 464
въ свободу, вводимся въ усыновленіе, вновь, такъ сказать, созидаемся, слагаемъ съ себя тяжкое и смрадное бремя грѣховъ; чрезъ Духа Святаго мы видимъ лики священниковъ, имѣемъ полки учителей; отъ этого источника и дары откровеній, и дарованія исцѣленій; и всѣмъ прочимъ, что обыкновенно украшаетъ ее, церковь снабдѣвается отсюда. И Павелъ взываетъ такъ: *вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. xii, 11). *Якоже хощетъ*, говоритъ онъ, а не какъ Ему повелѣвается; *раздѣляя*, а не подвергаясь раздѣленію; *властвуя самъ*, а не подлежа власти. Такимъ образомъ, Павелъ приписываетъ и Духу Святому такую же власть, какую, по свидѣтельству его, имѣетъ Отецъ. Какъ объ отцѣ Онъ говоритъ: *Богъ есть дѣйствуяй вся во всѣхъ* (1 Кор. xii, 6), такъ и о Святомъ Духѣ: *вся же сія*, говоритъ, *дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ*. Видишь ли совершенную власть? У кого одна сущность, у тѣхъ, очевидно, одна и

самобытность; у кого равночестно достоинство, у тѣхъ одна и сила и власть. Чрезъ Него мы получили отпущеніе грѣховъ; чрезъ Него мы смыли всякую нечистоту; по Его дару мы, притекшіе къ благодати, стали изъ людей ангелами, не перемѣнившись по естеству, но, что гораздо удивительнѣе, оставаясь въ естествѣ
465 человѣческомъ, проявляемъ жизнь ангельскую. Такова сила Святаго Духа. Какъ чувственный огонь, принявъ мягкую глину, дѣлаетъ ее твердою черепицею, такъ точно и огонь Духа, объявъ благомыслящую душу, хотя бы нашелъ ее мягче глины, дѣлаетъ ее тверже желѣза, и того, кто незадолго былъ оскверненъ нечистотою грѣховною, вдругъ являетъ свѣтлѣйшимъ солнца. Этому научая насъ, блаженный Павелъ взывалъ такъ: *не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужителе, ни прелюбодпе, ни сквернителе, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадителе, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9—10). Исчисливъ, такъ сказать, всѣ виды нечестія и научивъ, что виновные въ такихъ грѣхахъ чужды царствія, онъ тотчасъ прибавилъ: *и сими нѣцыи бѣсте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся.* Какъ и какимъ образомъ? Скажи,—въ этомъ и вопросъ. *Именемъ Господа нашего Іисуса Христа*, говоритъ, *и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. VI, 11). Видишь ли, возлюбленный, силу Святаго Духа? Видишь ли, что Духъ Святый истребилъ все это нечестіе и тѣхъ, которые прежде погибали отъ собственныхъ грѣховъ, вдругъ возвелъ до высочайшихъ почестей.

2. Кто же достойно пожалѣетъ и оплачетъ тѣхъ, которые рѣшаются хулить достоинство Духа, которые, какъ бы умоизступленные, даже величіемъ благодѣяній не могутъ быть удержаны отъ своего безумія; но осмѣливаются дѣлать все ко вреду своего спасенія, отнимая у Него, сколько это возможно для нихъ, достоинство Владыки, и стараются низвести Его въ рядъ тварей? Я хотѣлъ бы спросить ихъ: для чего вы объявляете такую войну противъ достоинства Духа, или лучше, противъ собственнаго спасенія, и не хотите взять въ разсужденіе сказанное Спасителемъ ученикамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 19)? Видишь ли равночестное достоинство? Видишь ли точно выраженное согласіе? Видишь ли нераздѣльность Троицы? Развѣ есть здѣсь различіе, или измѣненіе, или уменьшеніе? Къ чему вы осмѣливаетесь прибавлять къ словамъ Господа новое повелѣніе? Или вы не знаете, что и въ человѣческихъ дѣлахъ, если бы кто покусился или дошелъ до такой дерзости, что прибавилъ бы что-нибудь или убавилъ въ граматѣ царя, который одного съ нами рода и причастенъ одному и тому же естеству, то подвергся бы крайнему на-

казанію и ничто не могло бы избавить его отъ этого наказанія? Если же столь велика опасность изъ-за человѣка, то какое можетъ быть прощеніе тѣмъ, которые оказываютъ столь великое безуміе, покушаются искажать слова общаго нашего Спасителя и не хотятъ слушать и Павла, который имѣлъ въ себѣ Христа, и который громкимъ голосомъ взывалъ и говорилъ такъ: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. II, 9)? Итакъ, если ни око не видало, ни ухо не слыхало, ни сердце не могло вмѣстить по- 466
знанія о томъ, что уготовано любящимъ Его, то откуда мы, блаженный Павелъ, можемъ получить познаніе объ этомъ? Подожди немного, и услышишь, какъ онъ объясняетъ и это. Онъ прибавляетъ: *намъ же Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ* (1 Кор. II, 10); и на этомъ не останавливается, но чтобы показать и величіе силы и единосущіе Духа съ Отцемъ и Сыномъ, говоритъ: *Духъ бо вся испытуетъ и глубины Божія.* Потомъ, желая изъ примѣра человѣческаго преподать намъ точнѣйшее наставленіе, присовокупляетъ: *кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Видишь ли совершенное наставленіе? Какъ того, что находится въ умѣ человѣка, говоритъ онъ, не можетъ знать никто другой, а только самъ онъ одинъ знаетъ свое, такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія,—а это весьма важно и вполнѣ достаточно показываетъ достоинство Духа. Приводя этотъ примѣръ, онъ какъ бы такъ говоритъ: невозможно, чтобы кто-нибудь изъ людей когда-нибудь не зналъ того, что находится въ умѣ его; и какъ это не возможно, такъ и Божіе, говоритъ онъ, съ такою же точностію знаетъ Духъ Святый. Недоумѣваю,—неужели и эти слова блаженнаго Павла не повліяютъ на людей, которые по собственному предубѣжденію, ко вреду своего спасенія, объявляютъ такую войну противъ достоинства Духа, отнимаютъ у Него, сколько это возможно для нихъ, достоинство Владыки и низводятъ Его въ ничтожество тварей? Но если они расположены спорить, возставая противъ сказаннаго въ божественномъ Писаніи,—то мы, принимая божественныя наставленія, какъ свыше принесенныя прорицанія, станемъ возсылать подобающее славословіе, показывая съ правою вѣрою и правильное разумѣніе истины. Итакъ, противъ тѣхъ, которые рѣшаются учить противно изреченному Духомъ, довольно сказано; но вашей любви необходимо сказать, почему Господь не тотчасъ послѣ Своего вознесенія даровалъ намъ виновника такихъ благъ, а попустилъ, чтобы ученики прежде провели нѣсколько дней и пробыли одни съ самими собою, и тогда ниспослалъ благодать

Духа. Не напрасно и не безъ причины было и это. Онъ зналъ, что родъ человѣческій недостаточно цѣнитъ тѣ блага, которыя у него въ рукахъ, и не чтитъ по достоинству того, что является пріятнымъ и великимъ, если не случится что-нибудь и изъ противоположнаго. Напримѣръ, скажемъ объ этомъ яснѣе: здоровый и сильный тѣломъ не чувствуетъ и не можетъ въ точности знать, сколько благъ доставляло ему здоровье, если онъ не испытаетъ болѣзни, когда его постигнетъ немощь; также и тотъ, кто видитъ днемъ, не такъ цѣнилъ бы свѣтъ, если бы его не смѣняла темнота ночи. Подлинно, испытаніе противоположнаго всегда бываетъ яснымъ учителемъ относительно того, чѣмъ мы прежде наслаждались. Посему и тогда, такъ какъ ученики въ присутствіи (Христа) наслаждались безчисленными благами и во время обращенія
467 сь Нимъ были въ великомъ благоденствіи,—всѣ вѣдь жители Палестины взирали на лица ихъ, какъ на нѣкоторые свѣтильники, потому что они и воскрешали мертвыхъ, и очищали прокаженныхъ, и изгоняли бѣсовъ, и исцѣляли болѣзни и много другихъ являли чудесъ,—посему, такъ какъ они были столь извѣстны и славны, то Онъ и попустилъ имъ на малое время лишиться силы Содѣйствовавшаго имъ, дабы они, оставшись безъ нея, узнали, какъ много Его присутствіе доставляло имъ благости, и, восчувствовавъ важность прежнихъ благъ, съ большею готовностію приняли и даръ Утѣшителя. Духъ Святый и утѣшилъ ихъ въ скорби и свѣтомъ Своимъ озарилъ ихъ, сѣтовавшихъ по причинѣ разлуки съ Учителемъ и исполненныхъ унынія, и воздвигъ почти лежащихъ, и разогналъ облако печали, и разрѣшилъ недоумѣніе. Такъ какъ они слышали повелѣніе Господа: *шедше научите вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19), но еще недоумѣвали и не знали, куда каждому изъ нихъ должно направиться и въ какой странѣ вселенной нужно проповѣдывать ученіе,—то приходитъ Духъ Святый въ видѣ языковъ, отдѣляя каждому изъ нихъ страны учительства во вселенной, и даннымъ языкомъ какъ бы на нѣкоторой скрижали обозначая каждому предѣлъ ввѣреннаго ему начальства и учительства.

Вотъ почему Духъ сошелъ въ видѣ языковъ; и не только поэтому, но и для того, чтобы напомнить намъ о древнемъ событіи. Такъ какъ въ древности люди, впавъ въ безуміе, вздумали построить башню, которая достигала бы до неба, а Богъ чрезъ раздѣленіе языковъ разрушилъ ихъ злое согласіе, то нынѣ Духъ Святый нисходитъ на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, чтобы чрезъ это соединить раздѣленную вселенную. И совершилось дѣло новое и дивное: какъ тогда, въ древности, языки раздѣлили вселенную и расторгли злое согласіе, такъ нынѣ языки соединили вселенную и бывшее раздѣленнымъ привели въ единомысліе. Итакъ,

для этого Онъ сошелъ въ видѣ языковъ, а языки были какъ огненные, потому что въ насъ разрослось терніе грѣха. Какъ земля тучная и плодородная, если остается невоздѣлываемою, произращаетъ великое множество терній, такъ точно и наше естество, вышедши изъ рукъ Создателя прекраснымъ и способнымъ къ произведенію плодовъ добродѣтели, но не принимая въ сѣбя плуга благочестія и сѣмени богопознанія, породило нечестіе, какъ бы нѣкоторое терніе и другое безполезное растеніе. И какъ часто бываетъ не видно лица земли отъ множества терній и дурныхъ травъ, такъ и благородства и чистоты души нашей не видно было, пока Воздѣлыватель человѣческаго естества, пришедши и ниспославши огонь Духа, не очистилъ ея и не сдѣлалъ способною къ принятію небеснаго сѣмени.

3. Такія и еще большія блага дарованы намъ въ настоящій день. Поэтому я увѣщеваю,—станемъ и мы праздновать сообразно 468 съ достоинствомъ дарованныхъ намъ благъ, не вѣнки возлагая на ворота, но украшая души, не площадь убирая покровами, но просвѣтляя душу одеждами добродѣтелей, дабы такимъ образомъ мы могли и принять благодать Духа, и собрать происходящіе отъ Него плоды.

Какіе же плоды Духа? Послушаемъ Павла, который говоритъ: *плодъ духовный есть любы, радость, миръ* (Гал. v, 22). Посмотри на точность его выраженій, на послѣдовательность ученія: сначала онъ поставилъ любовь, и потомъ упомянулъ о томъ, что слѣдуетъ далѣе; положилъ корень, и потомъ показалъ плодъ; утвердилъ основаніе, и потомъ возвелъ зданіе; началъ съ источника, и потомъ перешелъ къ потокамъ. Не прежде можетъ быть положено основаніе радости, какъ если напередъ мы станемъ считать благоденствіе другихъ своимъ собственнымъ и блага ближняго принимать за свои собственныя; а это можетъ произойти не иначе, какъ если возобладаетъ въ насъ сила любви. Любовь есть корень, источникъ и матерь всего добраго. Подлинно она, какъ корень, произращаетъ безчисленныя вѣтви добродѣтелей; какъ источникъ, производитъ множество потоковъ; какъ мать, объемлетъ въ лонѣ своемъ прибѣгающихъ къ ней. Зная это, блаженный Павелъ и назвалъ ее плодомъ Духа; а въ другомъ мѣстѣ онъ усвоилъ ей такое преимущество, что назвалъ ее даже исполненіемъ закона: *исполненіе убо закона*, говоритъ онъ, *любы есть* (Римл. xiii, 10). И Владыка всѣхъ, въ качествѣ надежнаго признака и достовѣрнаго отличія Своихъ учениковъ, предложилъ намъ не иное что, но любовь, сказавъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiii, 35). Поэтому, увѣщеваю, къ ней всѣ мы прибѣгнемъ, къ ней прилѣпимся и съ нею

встрѣтимъ этотъ праздникъ, такъ какъ гдѣ любовь, тамъ перестаютъ проявлять себя душевные недостатки, гдѣ любовь, тамъ утихаютъ неразумные порывы души. *Любы*, сказано, *не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ* (1 Кор. XIII, 4, 5). Любовь не дѣлаетъ зла ближнему; гдѣ господствуетъ любовь, тамъ не бываетъ Каина, убивающаго брата. Уничтожь источникъ зависти, уничтожишь и потокъ всѣхъ золъ: отрѣжь корень, уничтожишь вмѣстѣ и плодъ. Это я говорю, заботясь болѣе о тѣхъ, которые завидуютъ, нежели о тѣхъ, которымъ завидуютъ, такъ какъ первые особенно и причиняютъ себѣ величайшій вредъ и навлекаютъ на себя великую гибель; а для тѣхъ, которымъ завидуютъ, зависть служитъ, если они захотятъ, даже поводомъ къ полученію вѣнцовъ. Посмотри, какъ праведнаго Авеля воспѣваютъ и прославляютъ каждый день, и причина убіенія сдѣлалась для него поводомъ къ прославленію. Онъ и послѣ смерти смѣло вѣщаетъ своею
469 кровію и громкимъ голосомъ обвиняетъ убійцу; тотъ, оставшись въ живыхъ, въ воздаяніе за дѣла, получилъ плодъ дѣлъ своихъ, и проводилъ жизнь *стеня и трясыйся на земли* (Быт. IV, 12), тогда какъ убитый и лежащій на землѣ, послѣ смерти, показывалъ еще большее дерзновеніе. И какъ тому и живому грѣхъ приготовилъ жизнь несчастнѣе мертвыхъ, такъ этого и по смерти добродѣтель еще болѣе прославила. Поэтому и мы, дабы пріобрѣсти намъ и здѣсь и тамъ большее дерзновеніе, дабы получить намъ большую радость отъ праздника, снимемъ съ души всѣ нечистыя одежды, особенно же сбросимъ одежду зависти, потому что хотя бы мы повидимому совершили безчисленное множество добрыхъ дѣлъ, но лишимся всего, если на насъ лежитъ бременемъ эта ужасная
470 и жестокая зараза,—и дай Богъ избѣжать ея всѣмъ намъ, особенно же тѣмъ, которые сегодня, благодатію крещенія, совлекли съ себя ветхую одежду грѣховъ и могутъ блистать подобно лучамъ солнечнымъ. Итакъ, убѣждаю васъ, вписанныхъ сегодня въ сыновство и облекшихся въ эту свѣтлую одежду: соблюдайте ту свѣтлость, въ какой вы теперь находитесь, всячески охраняя ее, со всѣхъ сторонъ заграждая входъ діаволу, дабы, получивъ обильнѣйшую благодать Духа, вы могли принести плоды — иной въ тридцать кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной во сто, и удостоились съ дерзновеніемъ встрѣтить Царя небеснаго, когда Онъ благоволитъ придти и распредѣлять неизреченныя блага между проведшими настоящую жизнь добродѣтельно, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

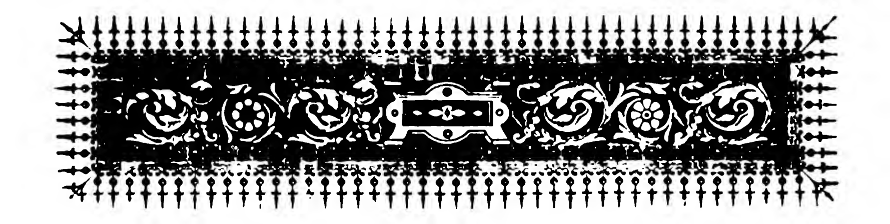
КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1896.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1896 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Іоаннъ*.

Товарищество **«Печатня С. П. Яковлева». Невскій просп., № 132.**



БЕСѢДЫ О СВ. АПОСТОЛѢ ПАВЛѢ.

Семь бесѣдъ о св. апостолѣ Павлѣ произнесены въ Антіохіи.—Время произнесеній неизвѣстно; по нѣкоторымъ соображеніямъ (Тиллемона) это было въ 387-мъ году.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

НЕ ПОГРѢШИЛЪ бы тотъ, кто назвалъ бы душу Павла лу- 473
гомъ добродѣтелей и раемъ духовнымъ: такъ обильно процвѣталъ онъ благодатію и столь достойное благодати явилъ любомудріе души! Такъ какъ онъ сдѣлался избраннымъ сосудомъ и хорошо очистилъ себя, то на него обильно излился даръ Духа. Отсюда источилъ онъ намъ и дивныя рѣки, не четыре только, подобно райскому источнику, но гораздо многочисленнѣйшія, которыя текутъ ежедневно и не землю орошаютъ, а возбуждаютъ души человѣческія къ принесенію плодовъ добродѣтели. Какое же слово будетъ достаточно для изображенія совершенствъ его, или какой языкъ будетъ въ состояніи достойно изобразить похвалу ему? Когда въ одной душѣ совмѣщаются всѣ добродѣтели человѣческія, притомъ всѣ съ преизбыткомъ, и не только человѣческія, но и ангельскія, то какъ мы найдемъ похвалы, равныя ея величію? Однако изъ-за этого мы не будемъ молчать, но по этому самому и больше всего поэтому именно и будемъ говорить. Въ томъ и состоитъ величайшій родъ похвалы, когда величіе совершенствъ своимъ превосходствомъ превышаетъ искусство слова, и пораженіе тогда бываетъ для насъ славнѣе тысячи трофеевъ. Итакъ, откуда всего удобнѣе было бы начать похвалы? Откуда же больше, какъ не съ того, чтобы прежде всего показать, что онъ имѣлъ добродѣтели всѣхъ (святыхъ)? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ни оказали доблестнаго пророки, патріархи, праведники, апостолы, мученики,

все это въ совокупности имѣлъ онъ въ такой высокой степени, въ какой никто изъ нихъ не обладалъ въ отдѣльности тѣмъ добромъ, которое имѣлъ изъ нихъ каждый. Посмотри: Авель принесъ жертву (Быт. IV, 4)—и за то прославляется; но если представить жертву Павлову, то окажется, что она столько превосходитъ ту, сколько небо—землю. На какую бы указать вамъ? Потому что жертва его не одна. Онъ каждый день приносилъ въ жертву себя самого, и это приношеніе опять совершалъ вдвойнѣ—и умирая каждый день и нося мертвенность въ тѣлѣ своемъ (1 Кор. XV, 31; 2 Кор. IV, 10). Онъ непрестанно боролся съ опасностями, и закалалъ себя волею своею, и такъ умерщвлялъ естество плотское, что нисколько не меньше находился въ состояніи закалаемыхъ жертвъ, но еще гораздо больше. Не воловъ и овецъ приносилъ онъ, но себя самого вдвойнѣ закалалъ каждый день. Поэтому онъ и осмѣлился сказать: *азъ бо уже жренъ бываю*, называя жертвою кровь свою (2 Тим. IV, 6).

474 Впрочемъ, онъ не довольствовался этими жертвами, но, совершенно посвятивъ себя, принесъ (Богу) и вселенную, и сушу и море, и Элладу и варварскую страну, и всю вообще землю, какую только освѣщаетъ солнце; ее онъ, какъ бы какая птица, облеталъ всю, не просто обходя, но истребляя терніе грѣховъ, посѣевая ученіе благочестія, изгоняя заблужденіе, распространяя истину, дѣлая изъ людей ангеловъ, или—лучше—дѣлая людей изъ бѣсовъ ангелами. Посему, готовясь отойти послѣ многихъ трудовъ и непрестанныхъ побѣдъ своихъ, онъ въ утѣшеніе ученикамъ говорилъ: *аще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашея, радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ: такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся мнѣ* (Филип. II, 17, 18). Что же можетъ сравниться съ этою жертвою,—которую онъ заклалъ мечемъ духовнымъ, которую принесъ на жертвенникѣ, находящемся превыше небесъ? Авель былъ коварно убитъ Каиномъ, и потому прославился; но я исчислилъ тебѣ множество смертей,—столько, сколько дней провелъ въ дѣлѣ проповѣди этотъ блаженный (апостолъ). Если же ты хочешь знать и о той смерти, которая постигла его на самомъ дѣлѣ, то Авель палъ отъ руки брата, которому онъ не сдѣлалъ ни обиды, ни благодѣянія, а Павелъ былъ умерщвленъ тѣми, которыхъ онъ старался избавить отъ безчисленныхъ золъ и для которыхъ переносилъ всѣ свои страданія. Ной былъ праведенъ и совершенъ въ родѣ своемъ, и былъ таковъ одинъ только между всѣми (Быт. VI, 9). Но и Павелъ былъ таковъ одинъ лишь между всѣми. Тотъ спасъ только себя самого съ дѣтьми; а этотъ, когда гораздо сильнѣйшій потопъ объялъ вселенную, исторгъ изъ среды волнъ, не посредствомъ ковчега, сколоченнаго изъ досокъ, но вмѣсто досокъ составивъ

посланія,—не двухъ, трехъ или пятерыхъ родственниковъ, но всю вселенную, которая готова была погрузиться въ нихъ. Да и не таковъ былъ этотъ ковчегъ, чтобы пребывать на одномъ мѣстѣ, но достигалъ до предѣловъ вселенной, и съ тѣхъ поръ донынѣ Павелъ вводитъ всѣхъ въ этотъ ковчегъ, потому что онъ устроенъ соразмѣрно съ множествомъ спасаемыхъ и, принимая такихъ, которые безсмысленнѣе безсловесныхъ животныхъ, дѣлаетъ ихъ подобными вышнимъ силамъ,—и такимъ образомъ превосходитъ тотъ ковчегъ. Тотъ, принявъ ворона, выпускалъ опять ворона (Быт. VIII), и принявъ волка, не измѣнялъ его звѣрства; а этотъ не такъ, но принявъ волковъ, дѣлалъ ихъ овцами, принявъ ястребовъ и коршуновъ, отпускалъ ихъ голубями, устраняя отъ природы человѣче- 475
ской всякую безсловесность и звѣрство, внѣдрялъ кротость духа; и донынѣ остается плавающимъ этотъ ковчегъ, и не разрушается. Буря нечестія не смогла разбить досокъ его, а напротивъ онъ, плавая среди бури, укротилъ свирѣпость ея; и весьма естественно, потому что не замазкою и смолою намащены эти доски, но Духомъ Святымъ. Аврааму всѣ удивляются, потому что онъ, услышавъ: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1), оставилъ отечество, и домъ, и друзей, и родственниковъ,—повелѣніе Божіе было для него всѣмъ. Этому удивляемся и мы; но что можетъ сравниться съ Павломъ? Онъ оставилъ для Іисуса не отечество, домъ и родственниковъ, но самый міръ, вѣрнѣе—презрѣлъ самое небо и небо небесъ, и искалъ только одного—любви Іисуса. Послушай, какъ онъ самъ выражаетъ это, когда говоритъ: *ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина не возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія* (Римл. VIII, 38, 39). Тотъ, подвергая себя самого опасностямъ, избавилъ племянника своего отъ иноплеменниковъ; а этотъ не племянника, не три или пять городовъ, но всю вселенную исхитилъ изъ рукъ не иноплеменниковъ, но самихъ бѣсовъ, подвергаясь каждый день безчисленнымъ опасностямъ и собственными смертями доставляя великую безопасность другимъ. Тамъ верхъ добродѣтелей и крайнюю степень любомудрія составляетъ принесеніе сына въ жертву; но и здѣсь у Павла мы найдемъ преимущество, потому что не сына, а себя самого онъ тысящекратно приносилъ въ жертву, какъ я сказалъ выше. Чему можно удивляться въ Исаакѣ? Кромѣ многаго другого, особенно его незлобію, тому, что онъ, копая колодцы и бывъ изгоняемъ изъ своихъ предѣловъ (Быт. XXVI), не противился, но терпѣлъ, видя засыпаемые колодцы, и постоянно переходилъ на другое мѣсто, не вооружаясь никогда на обижавшихъ его, но уступая и вездѣ отказываясь отъ собственнаго имѣнія, доколѣ не насытилъ неправедной жадности ихъ. Но Павелъ, видя не колодцы,

засыпаемые камнями, но собственное свое тѣло, не уступалъ только, какъ тотъ, а тѣхъ самыхъ, которые бросали на него камни, старался возвести на небо; чѣмъ больше засыпали этотъ источникъ, тѣмъ больше онъ прорывался и обильнѣйшія изливалъ постоянно рѣки. Писаніе удивляется терпѣнію сына Исаакова. Но какая адамантовая душа можетъ оказать терпѣніе Павлово? Онъ трудился не дважды семь лѣтъ, но всю жизнь за невѣсту Христову, перенося не зной только дневной и холодъ ночной, но терпя безчисленныя тучи искушеній, то принимая бичеванія, то подвергаясь побиванію тѣла камнями, то сражаясь съ звѣрями, то борясь съ моремъ, непрестанно день и ночь претерпѣвая голодъ и холодъ, подпадая
476 всюду опасностямъ и исторгая овецъ изъ пасти діавола. Іосифъ былъ цѣломудренъ. Но я боюсь, не будетъ ли смѣшно—восхвалять за это Павла, который распялъ себя для міра и не только на красоту тѣлесную, но и на всѣ вещи смотрѣлъ такъ, какъ мы (смотримъ) на прахъ и пепелъ, и былъ нечувствителенъ къ нимъ, какъ мертвый къ мертвому. Такъ онъ, тщательно укрощая естественныя пожеланія, никогда не питалъ никакого пристрастія ни къ чему человѣческому.

Всѣ люди удивляются Іову, и весьма справедливо: онъ былъ дѣйствительно великій подвижникъ и можетъ равняться съ самимъ Павломъ по терпѣнію, по чистотѣ жизни, по исповѣданію Бога, по крѣпкой борьбѣ, по дивной побѣдѣ, послѣдовавшей за борьбою. Но Павелъ не нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ такихъ подвигахъ, а много лѣтъ, не глыбы земли обливая гноемъ, сидя на гноищѣ, а непрестанно впадая въ самую пасть невидимаго льва и, борясь съ безчисленными искушеніями, былъ тверже всякаго камня; и не отъ трехъ или четырехъ друзей, но отъ невѣрующихъ лжебратій терпѣлъ оскорбленія, оплеванія и злословія. Велико было гостепріимство Іова и попеченіе о нуждающихся? И мы не будемъ опровергать этого; но находимъ, что оно столько ниже попеченія Павлова, сколько тѣло ниже души. Чтó тотъ дѣлалъ для страждущихъ тѣломъ, тò этотъ дѣлалъ для немощныхъ душею, исправляя всѣхъ хромлющихъ и слѣпотствующихъ умомъ и облекая нагихъ и непристойныхъ одеждою любомудрія; да и въ отношеніи къ тѣлеснымъ нуждамъ онъ столько превосходилъ его, сколько важнѣе помогать нуждающимся, когда самъ терпишь бѣдность и голодъ, нежели дѣлать это отъ избытка. У того домъ отворенъ былъ для всякаго приходящаго; а у этого душа была открыта для всей вселенной и принимала въ себя всѣ народы. Поэтому онъ и говорилъ: *не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ: утѣсняетеся же во утробахъ вашихъ* (2 Кор. VI, 12). Тотъ былъ щедръ для нуждающихся, имѣя у себя безчисленное множество овецъ и воловъ; а этотъ, не имѣя у себя

ничего, кромѣ тѣла, самымъ этимъ тѣломъ трудился для нуждающихся: нуждамъ моимъ, говоритъ онъ, *и сущымъ со мною послужистѣ руцѣ мои сіи* (Дѣян. xx, 34), то есть, тѣлесными работами доставлялъ онъ содержаніе алчущимъ и жаждущимъ. Черви и раны причиняли Іову жестокія и нестерпимыя мученія? Признаю это и я; но если противопоставишь этому бичеванія, какія терпѣлъ Павелъ столько лѣтъ, непрестанный голодъ его, наготу, узы, темницу, опасности, козни противъ него отъ своихъ, отъ чужихъ, отъ властителей, отъ всей вселенной, и вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе тяжелое, именно—скорби о падающихъ, заботу о всѣхъ церквахъ, пламенное безпокойство, какое испытывалъ онъ о каждомъ изъ соблазняющихся,—то увидишь, какъ душа, переносившая это, 477
была тверже камня и превосходила (крѣпостію) желѣзо и адамантъ. Такимъ образомъ, что̀ тотъ переносилъ тѣломъ, то̀ этотъ душею, и сильнѣе всякаго червя снѣдала душу его скорбь о каждомъ изъ соблазняющихся. Поэтому онъ непрестанно проливалъ источники слезъ не только днемъ, но и ночью, и о каждомъ изъ нихъ мучился тяжелѣе всякой жены рождающей; потому и говорилъ: *чадца моя, ими же паки болѣзную* (Гал. iv, 19). Кому можно удивляться послѣ Іова? Конечно, Моисею. Но Павелъ и его превзошелъ во многомъ. Много въ немъ великаго, главное же и высшее достоинство этой святой души состоитъ въ томъ, что онъ для спасенія іудеевъ соглашался самъ быть изглажденнымъ изъ книги Божіей (Исх. xxxii, 32). Но онъ рѣшался погибнуть вмѣстѣ съ другими; а Павелъ рѣшался не вмѣстѣ съ другими погибнуть, но такъ, чтобы другіе спаслись, а онъ самъ лишился вѣчной славы. Тотъ боролся съ фараономъ, а этотъ—съ діаволомъ ежедневно; тотъ подвизался за одинъ народъ, а этотъ — за всю вселенную, обливаясь не по̀томъ, но кровію вмѣсто пота, и исправляя не только населенныя земли, но и пустынныя, не только Элладу, но и варварскую страну.

Затѣмъ надлежало бы представить Іисуса (Навина), и Самуила, и прочихъ пророковъ, но чтобы слишкомъ не распространить бесѣды, перейдемъ къ главнѣйшимъ изъ нихъ, потому что когда онъ, окажется выше этихъ, то и о прочихъ не останется никакого сомнѣнія. Итакъ, кто главнѣйшіе?

Кто же послѣ вышеупомянутыхъ, если не Давидъ, и Илія, и Іоаннъ, изъ которыхъ одинъ—предтеча перваго, а другой—предтеча второго пришествія Господня, и потому называются одинъ именемъ другого? Что отличнаго въ Давидѣ? Смиренномудріе и любовь къ Богу. Но кто больше, или по крайней мѣрѣ кто не меньше Павловой души имѣлъ то и другое? Что удивительнаго въ Иліѣ? То ли, что онъ заключилъ небо, навелъ голодъ и низ-

велъ огонь? Нѣтъ, я думаю, а то, что онъ ревновалъ о Господѣ и былъ въ этомъ сильнѣе огня. Но если посмотришь на ревность Павла, то увидишь, что онъ столько превосходитъ Илію, сколько тотъ превосходитъ прочихъ пророковъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сравниться съ тѣми словами, которыя онъ говорилъ, ревнуя о славѣ Господней: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Римл. IX, 3)? Поэтому, тогда какъ ему предстояли небеса, вѣнцы и награды, онъ не спѣшилъ, медлилъ и говорилъ: *еже пребывати во плоти,*
478 *нужнѣйше есть васъ ради* (Фил. I, 24). Посему ни одной ни изъ видимыхъ тварей, ни изъ невидимыхъ онъ не считалъ достаточною для выраженія его любви и ревности, но искалъ другой, не существующей, чтобы выразить то, чего хотѣлъ и желалъ. Іоаннъ ѣлъ акриды и дикій медъ. Но Павелъ среди вселенной жилъ такъ, какъ тотъ въ пустынѣ,—не акридами питаясь и дикимъ медомъ, но имѣя трапезу гораздо бѣднѣе и даже нуждаясь въ необходимой пищѣ по ревности къ проповѣди. Тотъ показалъ великую смѣлость въ обличеніи Ирода? Но этотъ заграждалъ уста не одному, двумъ или тремъ, а безчисленному множеству подобныхъ ему, или, лучше сказать, гораздо болѣе свирѣпымъ, чѣмъ тотъ тиранъ. Остается, наконецъ, сравнить Павла съ ангелами: поэтому, оставивъ землю, вознесемся на своды небесные. Никто пусть не считаетъ рѣчи нашей дерзкою. Если Писаніе называетъ ангеломъ Іоанна и священниковъ, то что удивительнаго, когда мы сравнимъ съ этими силами того, кто превосходнѣе всѣхъ? Что же въ нихъ есть великаго? То, что они во всей точности повинуются Богу, о чемъ и Давидъ съ удивленіемъ говоритъ: *силніи крѣпостію, творящіи слово Его* (Псал. CII, 20). Подлинно, нѣтъ ничего равнаго этому, хотя бы они были тысящекратно безтѣлесными, такъ какъ то особенно и дѣлаетъ ихъ блаженными, что они повинуются повелѣніямъ (Божіимъ) и ни въ чемъ не ослушиваются. Но и въ Павлѣ можно видѣть, какъ онъ соблюдалъ это въ точности: онъ не только исполнялъ слово Божіе, но и всѣ повелѣнія и даже сверхъ повелѣній, какъ онъ самъ выразилъ это, сказавъ: *кая убо ми есть мзда; да благовѣствуяй безъ мзды положу благовѣстіе Христово* (1 Кор. IX, 18)? Что еще съ удивленіемъ говоритъ пророкъ объ ангелахъ? *Творяй ангелы своя духи*, говоритъ онъ, *и слуги своя пламень огненный* (Псал. CIII, 4). Но и это можно видѣть въ Павлѣ, потому что онъ, какъ духъ и огонь, обтекалъ всю вселенную и очищалъ землю. Но онъ еще не достигъ неба? Это и удивительно, что онъ былъ таковъ на землѣ и, бывъ облеченъ смертнымъ тѣломъ, равнялся съ безтѣлесными силами. Какого же осужденія достойны мы, если, тогда какъ одинъ человѣкъ совмѣщаетъ въ

себѣ всѣ добродѣтели, мы не стараемся подражать ему даже въ малѣйшей части? Итакъ, помышляя объ этомъ, постараемся избавить себя отъ осужденія и подражать его ревности, чтобы удостоиться получить такія же блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

ЧТО ТАКОЕ человѣкъ, каково благородство нашей природы и къ 477—478
какой добродѣтели способно это существо, — больше всѣхъ
людей показалъ на себѣ Павелъ. Съ того времени, какъ сталъ 479
(апостоломъ), донынѣ онъ громкимъ голосомъ оправдываетъ Господа противъ всѣхъ, осуждающихъ Его за такое устроеніе насъ, побуждаетъ къ добродѣтели, заграждаетъ безстыдныя уста хулителей и показываетъ, что между ангелами и людьми не велико разстояніе, если мы захотимъ быть внимательными къ самимъ себѣ. Онъ получилъ не иное естество, имѣлъ не иную душу, жилъ не въ иномъ мірѣ, но былъ воспитанъ на такой же землѣ, въ такой же странѣ, подъ такими же законами и обычаями, и превзошелъ всѣхъ людей, бывшихъ съ того времени, какъ стали существовать люди. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что добродѣтель трудна, а порокъ легокъ? Павелъ утверждаетъ противное имъ: *еже нынѣ легкое печали*, говоритъ онъ, *по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчную славы содѣловаетъ* (2 Кор. IV, 17). Если же легки скорби, то тѣмъ болѣе—внутреннія удовольствія.

И не только то въ немъ удивительно, что отъ избытка ревности онъ не чувствовалъ трудовъ, подъятыхъ для добродѣтели, но что и этой послѣдней онъ преданъ былъ не ради награды. Мы и при предстоящихъ наградахъ не выдерживаемъ трудовъ для добродѣтели; а онъ и безъ наградъ исполнялъ и любилъ ее, и кажущіяся препятствія къ ней побѣждалъ со всею легкостію, не ссылаясь ни на слабость тѣла, ни на множество дѣлъ, ни на власть природы, и ни на что другое. Не смотря на то, что онъ былъ обремененъ заботами больше всѣхъ военачальниковъ и царей на землѣ, онъ съ каждымъ днемъ однако возрасталъ въ силахъ, и съ увеличеніемъ для него опасностей пріобрѣталъ новую ревность, какъ онъ самъ выражалъ это, когда говорилъ: *задняя убо забывая, въ предняя же простираяся* (Фил. III, 13); и ожидая смерти, призывалъ къ участію въ этой радости, говоря: *радуйтеся и сора-*

дуйтеся мнѣ (Фил. II, 18); и при видѣ опасностей, обидъ и всякаго безчестія, также ликовалъ, и въ посланіи къ Коринѳянамъ говорилъ: *тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, во изгнаніихъ* (2 Кор. XII, 10). Все это онъ называлъ оружіемъ правды, выражая, что и отсюда онъ получалъ величайшую пользу, и со всѣхъ сторонъ былъ неуловимъ для враговъ. Вездѣ встрѣчая удары, оскорбленія, злословія, онъ, совершая какъ бы торжественное шествіе и воздвигая по всей землѣ непрерывные трофеи, восхищался и возносилъ благодарность Богу, говоря: *Богу же благодареніе, всегда побѣдители насъ творящему* (2 Кор. II, 14).

Безчестія и оскорбленія за проповѣдь онъ искалъ больше, чѣмъ мы—чести, смерти больше, чѣмъ мы жизни, бѣдности больше, чѣмъ мы богатства, трудовъ больше, чѣмъ другіе покоя, и не просто больше, но гораздо больше, печали больше, нежели другіе радо-
480 сти, и молитвъ за враговъ больше, нежели другіе молитвъ противъ враговъ. Такимъ образомъ онъ превращалъ порядокъ вещей, или—лучше—мы превратили его, а онъ соблюдалъ его такъ, какъ установилъ Богъ. Все первое естественно, а послѣднее напротивъ. Кто служитъ тому доказательствомъ? Павелъ, который былъ человѣкомъ и однако искалъ перваго больше, нежели послѣдняго. Одно только было для него страшно и опасно,—оскорбить Бога, а болѣе ничто; равно и вожделѣннымъ для него было не что иное, какъ угождать Богу; не говорю: ничто изъ настоящаго [не было для него вожделѣнно], но даже и изъ будущаго. Не говори мнѣ о городахъ, народахъ, царяхъ, войскѣ, оружіи, богатствѣ, начальствѣ и власти,—это онъ не считалъ даже и за паутину; но представь то, что на небесахъ, и тогда увидишь силу любви его ко Христу. Питая эту любовь, онъ не удивлялся достоинству ни ангеловъ, ни архангеловъ, и ничему другому подобному, потому что имѣлъ въ себѣ то, что выше всего,—любовь Христову,—и съ нею онъ считалъ себя блаженнѣе всѣхъ, а безъ нея не желалъ быть ни съ Господствами, ни съ Началами, ни съ Властями; съ этою любовію онъ лучше желалъ быть въ числѣ послѣднихъ и наказываемыхъ, нежели безъ нея въ числѣ высшихъ и получающихъ почести; единственное наказаніе для него было — лишиться этой любви: это было для него геенною, мученіемъ, верхомъ золъ; равно какъ имѣть ее было наслажденіемъ: въ этомъ для него была жизнь, міръ, ангелъ, настоящее, будущее, царство, обѣтованіе, верхъ благъ. Все другое, что не относилось сюда, онъ не считалъ ни прискорбнымъ, ни пріятнымъ, но презиралъ все видимое точно гнилую траву. Властители и народы, дышащіе гнѣвомъ, казались ему комарами, а смерть, казни и безчисленныя мученія—дѣтскими игрушками, кромѣ развѣ, когда онъ терпѣлъ изъ-за Христа: тогда и ими

онъ восхищался, и узами величался такъ, какъ не величался и Неронъ, имѣя діадему на головѣ, и въ темницѣ жилъ, какъ на самомъ небѣ, и раны и бичеванія принималъ съ большимъ удовольствіемъ, нежели другіе хватаютъ награды. Онъ любилъ труды не меньше награды, считая самые труды наградою для себя,—почему и называлъ ихъ благодатію. Посмотри: разрѣшиться и быть со Христомъ было для него наградою, а оставаться во плоти—подвигомъ; однако онъ избираетъ послѣднее преимущественно предъ первымъ, и говоритъ, что это для него необходимѣе. Быть отлученнымъ отъ Христа было для него подвигомъ и трудомъ, или—вѣрнѣе—выше и подвига и труда, а быть со Христомъ—наградою, однако, для Христа онъ избираетъ первое преимущественно предъ послѣднимъ. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что все это было ему пріятно ради Христа. И я также говорю, что ему до- 481
ставляло великое удовольствіе то, что намъ причиняетъ скорбь. Но для чего я говорю объ опасностяхъ и другихъ бѣдствіяхъ? Онъ былъ непрестанно въ скорби,—посему и говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Кто-нибудь скажетъ, что и въ скорби есть удовольствіе; напр., многіе, потерявъ дѣтей и имѣя свободу—плакать, находятъ утѣшеніе, а если имъ препятствуютъ въ этомъ, то печалятся. Такъ и Павелъ, проливая слезы ночь и день, находилъ въ нихъ утѣшеніе, потому что никто такъ не плакалъ о собственныхъ бѣдствіяхъ, какъ онъ о чужихъ. Что, думаешь ты, чувствовалъ онъ, когда, видя, что іудеи не спасаются, просилъ быть самому ему лишеннымъ вышней славы, чтобы они спаслись (Римл. ix, 3)? Отсюда видно, что неспасеніе ихъ было для него гораздо тяжелѣе, потому что если бы это не было тяжелѣе, онъ не просилъ бы о томъ; онъ избралъ то (лишеніе небесной славы), какъ легчайшее и болѣе утѣшительное, и не просто лишь желалъ, но и взывалъ такъ: *яко скорбь ми есть и болѣзнь сердцу моему* (Римл. ix, 2). Итакъ, кто ежедневно, такъ сказать, плакалъ о живущихъ по всей вселенной, и о всѣхъ вообще народахъ и городахъ, и о каждомъ порознь, того съ чѣмъ можно сравнить? Съ какимъ желѣзомъ? Съ какимъ адамантомъ? Какою можно назвать эту душу? Золотою или адамантовою? Она была тверже всякаго адаманта, дороже золота и драгоцѣнныхъ камней; первый онъ превосходилъ своею твердостію, а послѣдніе — своею драгоцѣнностію. Съ чѣмъ же можно сравнить ее? Ни съ чѣмъ существующимъ.

Если бы адамантъ сдѣлался золотомъ и золото адамантомъ, тогда составилось бы изъ нихъ нѣкоторое для ней подобіе. Но для чего мнѣ сравнивать ее съ адамантомъ и золотомъ? Весь міръ противопоставь ей, и тогда увидишь, что душа Павлова важнѣе

его. Въ самомъ дѣлѣ, если о тѣхъ, которые скитались въ милотяхъ, въ пещерахъ и въ малой части вселенной, онъ говоритъ [что весь міръ не былъ достоинъ ихъ] (Евр. xi, 38), то гораздо болѣе мы можемъ сказать о немъ самомъ, что онъ достоинствомъ своимъ былъ равенъ всѣмъ. Но если міръ не стоитъ его, то кто же стоитъ? Можетъ быть небо? Нѣтъ, и оно мало, потому что, если онъ самъ небу и тому, что на небѣ, предпочелъ любовь Господню, то гораздо болѣе Господь, Который столько превышаетъ его благостію, сколько добро выше зла, предпочтетъ его множеству небесъ. Онъ любитъ насъ не такъ, какъ мы Его, но настолько больше, что невозможно выразить никакимъ словомъ. Посмотри, чего удостоилъ Онъ Павла еще прежде будущаго воскресенія: восхитилъ его въ рай, вознесъ на третіе небо, сообщилъ ему такія тайны, какихъ нельзя пересказать никому изъ имѣющихъ человѣческую природу; и весьма справедливо, потому что онъ, ходя еще по землѣ, все дѣлалъ такъ, какъ бы жилъ въ обществѣ ангеловъ, бывъ связанъ смертнымъ тѣломъ, являлъ ихъ чи-
482 стоту и, бывъ подверженъ такимъ немощамъ, старался быть нисколько не ниже вышнихъ силъ. Подлинно, какъ птица, онъ леталъ по вселенной, и, какъ безтѣлесный, презиралъ труды и опасности, и, какъ бы уже достигшій неба, пренебрегалъ всѣмъ земнымъ, и, какъ бы обращающійся съ самими безтѣлесными силами, былъ постоянно бодръ. Хотя и ангеламъ часто были ввѣряемы различные народы, но ни одинъ изъ нихъ не устроилъ такъ ввѣреннаго себѣ народа, какъ Павелъ всю вселенную. Не говори мнѣ, что не Павелъ былъ устроителемъ ея, съ этимъ согласенъ и я. Но если и не самъ онъ успѣвалъ въ этомъ, то и въ такомъ случаѣ нельзя лишить его похвалы за это, такъ какъ онъ сдѣлалъ себя достойнымъ такой благодати. Михаилу ввѣренъ былъ народъ іудейскій, а Павлу—суша и море, обитаемыя страны и необитаемыя. Говорю это не къ униженію ангеловъ, нѣтъ, но дабы показать, что, и будучи человѣкомъ, можно быть вмѣстѣ съ ними и стоять подлѣ нихъ. И для чего не ангеламъ было ввѣрено это? Для того, чтобы ты не имѣлъ никакого извиненія въ своемъ нерадѣніи, и не ссылался на различіе естества для оправданія своей безпечности. А между тѣмъ произошло и еще болѣе дивное. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удивительно, и не странно, что слово, произносимое бреннымъ языкомъ, прогоняетъ смерть, разрѣшаетъ грѣхи, исправляетъ поврежденную природу и дѣлаетъ землю небомъ? Потому я и удивляюсь силѣ Божіей, потому и изумляюсь ревности Павла, что онъ принялъ такую благодать, что онъ такъ приготовилъ себя. И васъ увѣщеваю не удивляться только, но и подражать этому образцу добродѣтели, потому что такимъ обра-

зомъ мы можемъ сдѣлаться участниками одинаковыхъ съ нимъ вѣнцовъ. Если же ты удивляешься, слыша, что, совершивъ то же, и ты получишь то же, то послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе окончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія: не токможе мнѣ, но и всѣмъ, возлюбльшымъ явленіе Его* (2 Тим. IV, 7, 8). Видишь ли, какъ онъ призываетъ всѣхъ участвовать въ томъ же? Итакъ, если всѣмъ предстоитъ то же, постараемся всѣ сдѣлаться достойными обѣтованныхъ благъ; будемъ смотрѣть не на величіе только и превосходство дѣлъ его, но и на силу его ревности, которою онъ пріобрѣлъ себѣ такую благодать, и на сродство природы, по которому онъ имѣлъ все то же, что и мы. Такимъ образомъ и весьма трудное для исполненія окажется для насъ удобнымъ и легкимъ, и потрудившись въ это краткое время, мы удостоимся носить не тлѣнный и безсмертный вѣнецъ, благодатію и человѣколюбіемъ 483—4
Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ

о Святомъ Апостолѣ Павлѣ.

Блаженный Павелъ, выражая силу человѣческой ревности 483
и то, что мы можемъ достигать до самаго неба,—оставивъ ангеловъ, архангеловъ и прочія силы, иногда повелѣваетъ только по нему одному подражать Христу: *подражатели мнѣ бывайте*, говоритъ онъ, *якоже и азъ Христу* (1 Кор. XI, 1); а иногда и безъ себя возводитъ ихъ къ Самому Богу: *бывайте убо*, говоритъ, *подражатели Богу, якоже чада возлюбленная* (Ефес. V, 1). Потомъ, желая показать, что ничто столько не составляетъ этого подражанія, какъ общеполезная жизнь и стараніе—быть полезнымъ для каждаго, онъ присовокупляетъ: *ходите въ любви* (Ефес. V, 2). Поэтому, сказавъ: *подражатели мнѣ бывайте*, онъ тотчасъ начинаетъ бесѣдовать о любви, выражая, что эта особенно добродѣтель приближаетъ къ Богу. Всѣ прочія ниже ея, и всѣ имѣютъ отношеніе къ одному человѣку, напр., борьба съ похотью, война съ чревомъ, сопротивленіе сребролюбію, сраженіе съ гнѣвомъ; а любовь—это общее у насъ съ Богомъ. Поэтому и Христосъ говорилъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть, да будете* подоб-

ными Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. v, 44, 45). И Павелъ, признавая это главнымъ изъ благъ, совершалъ его съ великимъ усердіемъ. Подлинно, никто такъ не любилъ враговъ, никто такъ не благодѣтельствовалъ строившимъ ему козни, никто такъ не страдалъ за оскорбителей своихъ,—потому что онъ смотрѣлъ не на то, что̀ самъ терпѣлъ, но помышлялъ объ общности природы, и чѣмъ бо̀льше они свирѣпствовали, тѣмъ больше онъ жалѣлъ объ ихъ неистовствѣ. Какъ отецъ скорбитъ о сынѣ, впадшемъ въ сумасшествіе, и чѣмъ больше больной оскорбляетъ и бьетъ его, тѣмъ больше онъ жалѣетъ и оплакиваетъ его,—такъ и Павелъ, по чрезмѣрности бѣсовскихъ дѣйствій заключая о силѣ болѣзни оскорблявшихъ его, располагался къ бо̀льшему о нихъ попеченію.

Послушай, съ какою кротостію, съ какимъ состраданіемъ онъ говоритъ намъ о тѣхъ самыхъ, которые пять разъ бичевали его, побивали камнями, связывали, жаждали его крови и ежедневно желали растерзать его: *свидѣтельствую бо имъ*, говоритъ онъ, *яко ревность Божію имутъ, но не по разуму* (Рим. x, 2). И въ другомъ мѣстѣ, обуздывая тѣхъ, которые превозносились надъ ними,
484 говоритъ: *не высокомудрствуй, но бойся: аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ* (Рим. xi, 20, 21). Такъ какъ онъ зналъ опредѣленіе Господа, произнесенное противъ нихъ, то дѣлалъ все, что было въ его власти,—непрестанно плакалъ о нихъ, скорбѣлъ, останавливалъ желавшихъ нападать на нихъ и по возможности старался найти для нихъ хотя тѣнь извиненія. И такъ какъ не могъ убѣдить ихъ словомъ, по упорству ихъ и ожесточенію, то обращался къ непрестаннымъ молитвамъ: *братіе*, говорилъ онъ, *благоволеніе убо* мое *и молитва* моя *яже къ Богу* о нихъ *есть во спасеніе* (Рим. x, 1). Напоминалъ имъ и о благихъ надеждахъ: *нераскаянна бо*, говорилъ, *дарованія и званіе Божіе* (Рим. xi, 29),—чтобы они не отчаялись совершѐнно и не погибли. Все это было знакомъ его попечительности и великой къ нимъ горячности, равно какъ и слѣдующія его слова: *пріидетъ отъ Сіона избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (Рим. xi, 26). Такъ сильно онъ мучился и терзался, видя погибающихъ! Поэтому старался найти себѣ и много утѣшеній въ такой скорби, и говорилъ: *пріидетъ избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова*; и еще: *такожде и сіи противишася вашей милости, да и тіи помилованы будутъ* (Рим. xi, 31). Такъ поступалъ и Іеремія, стараясь и употребляя всѣ силы—найти какое-нибудь оправданіе грѣшникамъ, и говорилъ: *беззаконія наша противусташа намъ, сотвори намъ ради* тебе (Іерем. xiv, 7), и еще: *нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ и исправитъ шествіе свое* (Іерем. x,23). И въ другомъ

мѣстѣ говорится: *помяни, яко персть есмы* (Псал. CII, 14). Такъ обыкновенно поступаютъ молящіеся за грѣшниковъ: если они не могутъ сказать ничего основательнаго, то придумываютъ какую-нибудь тѣнь оправданія, которая хотя не можетъ быть принята за непреложную истину, однако утѣшаетъ тѣхъ, которые скорбятъ о погибающихъ. Поэтому и мы не будемъ въ точности изслѣдовать такихъ оправданій, но помня, что это—слова скорбящей души, ищущей сказать что-нибудь за грѣшниковъ, такъ и будемъ принимать ихъ. Но развѣ онъ былъ такой только въ отношеніи къ іудеямъ, а ко внѣшнимъ не таковъ? Нѣтъ; онъ былъ всѣхъ сострадательнѣе и къ своимъ, и къ чужимъ. Послушай, что̀ говоритъ онъ Тимоѳею: *рабу же Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ діаволскія сѣти, живи уловлени отъ него въ свою его волю* (2 Тим. II, 24—26). Хочешь ли видѣть, какъ онъ бесѣдовалъ и съ согрѣшившими? Послушай, что говоритъ онъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *боюся же, еда како пришедъ, не якоже хощу, обрящу васъ*; и немного послѣ: *да не паки* 485
пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся о нечистотѣ и студоложствіи, яже содѣяша (2 Кор. XII, 20, 21). И въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). Послушай, какъ и о блудникѣ онъ скорбитъ не меньше его самого и ходатайствуетъ за него, говоря: *утвердите къ нему любовь* (2 Кор. II, 8), и когда отлучалъ его, то дѣлалъ это со многими слезами: *отъ печали бо многія*, говоритъ, *и туги сердца написахъ вамъ, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имамъ изобилно къ вамъ* (2 Кор. II, 4); и еще: *быхъ іудеемъ яко іудей, подзаконнымъ яко подзаконенъ, немощнымъ яко немощенъ, всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 20, 22); и еще въ другомъ мѣстѣ: *да представлю всякаго человѣка совершенна о Христѣ Іисусѣ* (Кол. I, 28). Видишь ли душу, которая выше всей земли? Всякаго человѣка онъ хотѣлъ представить такимъ, и, съ своей стороны, всѣхъ представилъ. Подлинно, какъ бы самъ родивъ всю вселенную, онъ безпокоился, трудился, старался всѣхъ ввести въ царство, исцѣляя, увѣщевая, обѣщая, молясь, упрашивая, устрашая бѣсовъ, прогоняя развращающихъ, своимъ присутствіемъ, посланіями, словами, дѣлами, чрезъ учениковъ и самъ лично поднимая падающихъ, укрѣпляя стоящихъ, возстановляя поверженныхъ, врачуя сокрушенныхъ, возбуждая безпечныхъ, страшно вопія противъ враговъ, грозно взирая на противниковъ; подобно какому-нибудь вое-

начальнику или отличному врачу, онъ самъ былъ и оруженосцемъ, и щитоносцемъ, и защитникомъ, и помощникомъ, самъ былъ всѣмъ для войска; и не только о духовныхъ потребностяхъ, но и о тѣлесныхъ обнаруживалъ великое попеченіе, великую заботливость. Послушай, какъ онъ пишетъ объ одной женщинѣ къ цѣлому народу: *вручаю же вамъ*, говоритъ, *Фиву сестру нашу, сущу служительницу церкве яже въ Кенхреехъ, да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ, и спосиѣшествуйте ей, о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи* (Рим. XVI, 1, 2). И еще: *вѣсте домъ Стефаниновъ: да и вы повинуйтеся таковымъ*; и еще: *познавайте таковыя* (1 Кор. XVI, 15, 18). Любви святыхъ свойственно помогать и въ этихъ нуждахъ. Такъ и Елисей не духовную только пользу оказалъ принявшей его женщинѣ, но старался вознаградить ее и вещественными благами; поэтому и говорилъ: *аще есть тебѣ слово къ царю или ко князю* (4 Цар. IV, 13)? Что же удивительнаго, если Павелъ употреблялъ ходатайство въ посланіяхъ и, призывая кого-нибудь къ себѣ, не считалъ недостойнымъ и того, чтобы позаботиться о нужномъ для нихъ на пути и упомянуть объ этомъ въ посланіи? Такъ въ посланіи къ Титу онъ говоритъ: *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, да ничтоже имъ*
486 *скудно будетъ* (Тит. III, 13). Если же онъ, дѣлая порученія, такъ тщательно заботился, то тѣмъ болѣе сдѣлалъ бы все, когда бы видѣлъ находящихся въ опасности. Посмотри, какъ онъ въ посланіи къ Филимону заботится объ Онисимѣ, какъ мудро, какъ ревностно пишетъ о немъ. Если же объ одномъ рабѣ, и притомъ сбѣжавшемъ и унесшемъ много отъ господина своего, онъ не отказался составить цѣлое посланіе, то представь, каковъ онъ былъ въ отношеніи къ другимъ. Одно только онъ считалъ постыднымъ—пренебрегать чѣмъ-нибудь, потребнымъ для спасенія. Поэтому онъ употреблялъ всѣ средства и не щадилъ ничего для спасаемыхъ, ни словъ, ни имущества, ни тѣла; многократно жертвуя своею жизнію, онъ тѣмъ болѣе не пожалѣлъ бы имущества, если бы имѣлъ его. Но что я говорю: если бы имѣлъ? Не смотря и на отсутствіе (у него имущества), можно доказать, что онъ не жалѣлъ его. Не принимай этихъ словъ за загадку, а послушай опять, какъ онъ самъ говоритъ: *азъ въ сладость иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ* (2 Кор. XII, 15). И въ рѣчи къ Ефесянамъ говоритъ: *сами вѣсте, яко требованію моему и сущымъ со мною послужиста руцѣ мои сіи* (Дѣян. XX, 34). Будучи великъ въ главной изъ добродѣтелей—любви, онъ былъ сильнѣе всякаго пламени; какъ желѣзо, брошенное въ огонь, все дѣлается огнемъ, такъ и онъ, пылая огнемъ любви, весь сталъ любовію; и какъ общій отецъ всей вселенной, онъ поступалъ со всѣми по-

добно родителямъ, или—лучше—превосходилъ всѣхъ родителей заботами о тѣлесныхъ и духовныхъ нуждахъ, не щадя для возлюбленныхъ ничего, ни имущества, ни словъ, ни тѣла, ни души.

Поэтому онъ и называлъ любовь исполненіемъ закона, союзомъ совершенства, матерію всѣхъ благъ, началомъ и концомъ добродѣтели, поэтому и говорилъ: *конецъ же завѣщанія есть любы отъ чиста сердца и совѣсти благія* (Тим. I, 5); и еще: *еже бо не прелюбы сотвориши, не убіеши, и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе* (Римл. XIII, 9). Итакъ, если и начало, и конецъ, и всѣ блага—въ любви, будемъ и въ ней соревновать Павлу, потому что и онъ чрезъ нее сдѣлался такимъ. Не указывай мнѣ на мертвыхъ, которыхъ онъ воскрешалъ, и на прокаженныхъ, которыхъ онъ очищалъ: Богъ не потребуетъ отъ тебя ничего такого. Пріобрѣти любовь Павлову—и получишь совершенный вѣнецъ. Кто говоритъ это? Самъ питавшій въ себѣ любовь; онъ поставлялъ ее выше и знаменій, и чудесъ, и многаго другого. Такъ какъ онъ вполнѣ руководился ею, то и зналъ въ точности силу ея. Чрезъ нее онъ и самъ сдѣлался такимъ, и ничто столько не доставило ему достоинства, какъ сила любви,—почему онъ и говорилъ: *ревнуйте дарованій большихъ, и еще по превосхожденію путь вамъ показую*, называя любовь этимъ превосходнымъ и удобнымъ путемъ (1 Кор. XII, 31). Будемъ же и мы постоянно ходить этимъ путемъ, дабы намъ увидѣть Павла, или—лучше—Господа Павлова, и сподо- 487—88
биться нетлѣнныхъ вѣнцовъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

БЛАЖЕННЫЙ Павелъ, сегодня собравшій насъ и вселен- 487
ную просвѣтившій, былъ нѣкогда пораженъ слѣпотою, во время (своего) призванія; но слѣпота его послужила къ просвѣщенію вселенной. Такъ какъ онъ худо смотрѣлъ, то Богъ хорошо ослѣпилъ его, чтобы онъ прозрѣлъ съ пользою: этимъ Онъ и доказательство Своей силы представилъ, и предъизобразилъ въ страданіи будущее, и научилъ способу проповѣданія, тому, что онъ, отвергши отъ себя все прежнее и закрывъ самые глаза, долженъ былъ послѣдовать (Христу). Поэтому и самъ онъ, выражая то же

самое, восклицалъ: *аще кто мнится мудръ быти въ васъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18); такъ что и ему невозможно было хорошо прозрѣть, напередъ не ослѣпнувъ хорошо, не отвергнувъ собственныхъ, возмущавшихъ его помысловъ и не предавшись во всемъ вѣрѣ. Впрочемъ никто, слыша это, пусть не думаетъ, что это призваніе его было вынужденнымъ; онъ могъ возвратиться и опять къ тому, отъ чего отсталъ. Многіе, видѣвъ даже бо́льшія чудеса, возвращались къ прежнему, какъ въ новомъ, такъ и ветхомъ завѣтѣ, какъ, напримѣръ, Іуда, Навуходоносоръ, Елима волхвъ, Симонъ, Ананія и Сапфира, весь іудейскій народъ. А Павелъ не такъ; но, прозрѣвъ, онъ устремился къ чистому свѣту и воспарилъ къ небу. Если хочешь знать, для чего онъ былъ ослѣпленъ, послушай его самого: *слышасте бо*, говоритъ онъ, *мое житіе иногда въ жидовствѣ, яко по премногу гонихъ церковь, и разрушахъ ю, и преспѣвахъ въ жидовствѣ паче многихъ сверстникъ въ родѣ моемъ, излиха ревнитель сый отческихъ моихъ преданій* (Галат. I, 13, 14). Такъ какъ онъ былъ силенъ и упоренъ, то для него нужна была и узда сильнѣйшая, чтобы, увлекшись порывомъ ревности, онъ не ослушался и того, что будетъ ему сказано. Поэтому Господь, желая удержать ярость его, сначала укрощаетъ волны бурной его страсти посредствомъ ослѣпленія, а потомъ бесѣдуетъ съ нимъ, показывая непостижимость Своей премудрости и превосходство вѣдѣнія и научая, что съ Кѣмъ онъ борется, отъ Того не можетъ перенести не только наказанія, но и благодѣянія, такъ какъ не мракъ ослѣпилъ его, но избытокъ свѣта омрачилъ его. Почему же, скажешь, не было сдѣлано этого вначалѣ? Не спрашивай объ этомъ, и не изслѣдуй, а предоставь благопотребность времени непостижимому Промыслу Божію. Такъ поступаетъ и самъ Павелъ, когда говоритъ: *егда же благоволи*
488 *(Богъ) избравый мя отъ чрева матере моея, и призвавый благодатію Своею явити Сына Своего во мнѣ* (Галат. I, 15, 16). Поэтому и ты не изслѣдуй ничего больше, когда говоритъ такъ Павелъ. Тогда, тогда это было благовременно, когда прекращены были соблазны. А мы научимся отсюда, что никто никогда ни изъ бывшихъ прежде (Павла), ни онъ не находилъ (Христа) самъ собою, но Христосъ являлъ Себя, почему и говорилъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоанн. XV, 15). Иначе, почему Павелъ не увѣровалъ, видя мертвыхъ, воскрешаемыхъ Его именемъ? Видя хромого ходящимъ, бѣсовъ обращающимися въ бѣгство, разслабленныхъ укрѣпляющимися, онъ не получилъ никакой пользы,—а не знать этого не могъ тотъ, который такъ слѣдилъ за апостолами, и когда Стефана побивали камнями, онъ былъ при этомъ и видѣлъ лице его, *яко лице ангела* (Дѣян. VI, 15), но

и отсюда не получилъ никакой пользы. Почему же онъ не получилъ отсюда никакой пользы? Потому, что еще не былъ призванъ.

Впрочемъ, слыша это, не подумай, что призваніе бываетъ вынужденное. Нѣтъ, Богъ не принуждаетъ, но оставляетъ (насъ) и послѣ призванія властными въ своихъ расположеніяхъ. Такъ, Онъ открылъ Себя и іудеямъ, когда надлежало, но они не хотѣли принять Его по любви къ славѣ человѣческой (Іоан. XII, 43). А если кто изъ невѣрующихъ скажетъ: откуда видно, что Онъ призвалъ Павла съ неба, и этотъ увѣровалъ, — для чего и меня Онъ не призвалъ?—то мы отвѣтимъ ему слѣдующее: ты, человѣкъ, скажи мнѣ, вѣруешь ли этому? Если вѣруешь, то этого достаточно тебѣ для доказательства; а если ты не вѣруешь, что Господь призвалъ Павла съ неба, то какъ ты говоришь: почему и меня Онъ не призвалъ? Если же вѣруешь, что Онъ призвалъ, то этого достаточно тебѣ для доказательства. Вѣруй же; и тебя Онъ призываетъ съ неба, если у тебя душа благопослушна; а если ты не благопослушенъ и развращенъ, то и сошедшій свыше голосъ не будетъ достаточенъ для твоего спасенія. Сколько разъ іудеи слышали голосъ, сходящій съ неба,—и не увѣровали! Сколько видѣли знаменій и въ новомъ и въ ветхомъ завѣтѣ—и не сдѣлались лучшими! Напротивъ въ ветхомъ завѣтѣ они послѣ безчисленныхъ чудесъ слили тельца; а іерихонская блудница, не видѣвшая ничего подобнаго, показала удивительную вѣру предъ соглядатаями. И въ землѣ обѣтованной, при знаменіяхъ, они оставались безчувственнѣе камней; а ниневитяне, только увидѣвъ Іону, увѣровали и покаялись, и отклонили гнѣвъ Божій. Въ новомъ завѣтѣ, во время 489
самаго пришествія Христа, разбойникъ, увидѣвъ Его распятымъ, исповѣдалъ Его; а они, видѣвъ Его воскрешающимъ мертвыхъ, связали и распяли.

Что же въ наше время? Огонь, исшедшій изъ основаній храма іерусалимскаго, не поразилъ ли строителей и такимъ образомъ не удержалъ ли ихъ отъ тогдашняго беззаконнаго предпріятія—и всетаки они не перемѣнились и не оставили своего упорства? Сколько послѣ того было тогда и другихъ чудесъ—и однако они не получили отсюда никакой пользы? Таковы, напр., молнія, ниспавшая на кровлю храма аполлонова, отвѣтъ самого того бѣса, который понудилъ тогдашняго царя перенести лежавшаго вблизи мученика, сказавъ, что онъ не можетъ прорицать, пока будетъ видѣть близъ себя гробницу мученика,—такъ какъ она стояла по сосѣдству. Затѣмъ дядя этого царя, осквернившій священные сосуды, умеръ съѣденный червями; а завѣдывавшій царскою казною, за другое беззаконіе, сдѣланное имъ въ отношеніи къ церкви, погибъ, лопнувъ по срединѣ (чрева). Также источники наши, кото-

рые превосходили рѣки своимъ теченіемъ, внезапно скрылись и изсохли, чего прежде съ ними никогда не случалось, но (случилось тогда), когда царь осквернилъ страну жертвами и возліяніями. Что сказать о голодѣ, бывшемъ при этомъ царѣ въ городахъ по всей вселенной, о смерти самого царя въ странѣ персидской, о сумашествіи его предъ смертію, о войскѣ, оставленномъ среди варваровъ, какъ бы въ какомъ неводѣ и сѣтяхъ, и его удивительномъ и необыкновенномъ возвращеніи оттуда? И когда нечестивый царь погибъ жалкимъ образомъ, а другой благочестивый преемствовалъ ему, тогда тотчасъ всѣ бѣдствія превратились, и воины, попавшіе въ сѣти и не находившіе нигдѣ никакого выхода, избавившись, наконецъ, по мановенію Божію отъ варваровъ, возвратились съ полною безопасностію. Кого не въ состояніи все это привлечь къ благочестію? А настоящее не гораздо ли удивительнѣе прежняго? Не крестъ ли проповѣдуется—и стекается вселенная? Не поносная ли смерть возвѣщается—и всѣ прибѣгаютъ? Развѣ не тысячи людей были распинаемы? Развѣ не висѣли съ самимъ Христомъ два разбойника? Развѣ мало было мудрыхъ? Развѣ мало было сильныхъ? А чье имя когда-нибудь имѣло такую силу? И что я говорю о мудрыхъ и сильныхъ? Развѣ не было знаменитыхъ царей? А кто въ столь короткое время овладѣлъ вселенною? Не говори мнѣ о различныхъ и разнообразныхъ ересяхъ: всѣ онѣ проповѣдуютъ одного и того же Христа, хотя и не всѣ здраво; но всѣ поклоняются Ему, распятому въ Палестинѣ при Понтіѣ
490 Пилатѣ. Не представляетъ ли все это болѣе яснаго доказательства силы Его, чѣмъ тотъ голосъ, который нисшелъ съ неба? Почему ни одинъ царь не одержалъ такой побѣды, какую одержалъ Онъ, и притомъ при безчисленныхъ препятствіяхъ? Вѣдь и цари воевали, и властители вооружались, и всѣ народы возставали—и однако наше не было побѣждено, но сдѣлалось еще славнѣе.

Откуда же, скажите мнѣ, такая сила? Онъ, скажешь, былъ волхвъ. Итакъ, только Онъ одинъ былъ такой волхвъ? Вы, конечно, слышали, что много было волхвовъ и у персовъ, и у индійцевъ, и теперь еще есть; но даже и имени ихъ нигдѣ не слышно. Но, скажешь, тіанскій обманщикъ и чародѣй также прославился. Гдѣ и когда? Въ малой части вселенной и на короткое время, и вскорѣ исчезъ и погибъ, не оставивъ ни церкви, ни народа, ничего другого подобнаго. Но что я говорю объ исчезнувшихъ волхвахъ и чародѣяхъ? Отчего запустѣли всѣ капища боговъ, и Додонское, и Кларійское, и всѣ эти нечестивыя прорицалища молчатъ и замкнули уста свои? Отчего бѣсы трепещутъ не только Самого Распятаго, но и костей тѣхъ, которые умерщвлены за Него? Отчего они, лишь услышавъ о крестѣ, обращаются въ бѣгство? Кажется,

имъ слѣдовало бы смѣяться, потому что развѣ крестъ—что-нибудь славное и знаменитое? Напротивъ, постыдное и поносное: онъ есть орудіе смерти преступника, смерти самой послѣдней, проклятой у іудеевъ, поносной у язычниковъ. Отчего же бѣсы страшатся его? Не правда ли, что отъ силы Распятаго на немъ? Если бы они боялись креста самого по себѣ, то и это было бы весьма недостойно боговъ; но многіе и до Него и послѣ Него были распяты, а два даже вмѣстѣ съ Нимъ. Что же, если кто станетъ призывать имя разбойника распятаго, или того или другого кого-нибудь, побѣжитъ бѣсъ? Нѣтъ, но еще посмѣется. А когда упомянешь Іисуса Назарянина, то они бѣгутъ, какъ отъ огня. Итакъ, что скажешь? Отчего въ Немъ такая сила? Не оттого ли, что Онъ обманщикъ? Но не таковы Его заповѣди; притомъ обманщиковъ было много. Не оттого ли, что Онъ волхвъ? Но не то свидѣтельствуетъ Его ученіе; да и волхвовъ часто бывало великое множество. Не оттого ли, что Онъ мудръ? Но и мудрецовъ часто бывало много. Итакъ, кто имѣлъ такую силу? Никто никогда, даже приблизительно въ малой мѣрѣ. Отсюда очевидно, что не потому, будто Онъ былъ волхвъ или обманщикъ, а потому, что Онъ былъ исправитель таковыхъ и нѣкая божественная и непобѣдимая сила, и вотъ почему Онъ и Самъ преодолѣлъ все, и въ этого скинотворца (Павла) вдохнулъ такую силу, о которой свидѣтельствуютъ самыя дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, стоявшій на торжищѣ, занимавшійся кожевеннымъ ремесломъ, оказалъ такую силу, что въ трид- 491
цать не полныхъ даже лѣтъ привелъ къ истинѣ и римлянъ, и персовъ, и индійцевъ, и скиѳовъ, и эѳіоповъ, и савроматовъ, и парѳянъ, и мидянъ, и сарацинъ, и весь вообще родъ человѣческій. Какимъ же образомъ, скажи мнѣ, этотъ простой человѣкъ, жившій въ мастерской, работавшій долотомъ, и самъ сталъ такъ любомудрствовать, и другихъ научилъ—и народы, и города, и страны, не обнаруживая краснорѣчія, а совсѣмъ напротивъ, отличаясь крайнимъ неискусствомъ? Послушай, какъ онъ самъ не стыдясь говоритъ: *аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. XI, 6). Богатства онъ не имѣлъ; объ этомъ самъ онъ говорилъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ* (1 Кор. IV, 11). Да что говорить о богатствѣ, когда онъ часто нуждался въ необходимой пищѣ и не имѣлъ одежды для одѣянія себя? А что и по ремеслу онъ не былъ славенъ, и это показываетъ ученикъ его: *и пребысть*, говоритъ, у Акилы и Прискиллы, *зане единохудожникомъ быти имъ: бяху бо скинотворцы хитростію* (Дѣян. XVIII, 3). Не былъ онъ знаменитъ ни по предкамъ—какъ могъ быть такимъ занимавшійся подобнымъ ремесломъ? — ни по отечеству, ни по своему народу. И однако, выступивъ и явившись

только, онъ все у непріятелей приводилъ въ смятеніе, все разстроивалъ и, подобно огню, попавшему въ хворостъ и сѣно, истреблялъ дѣла бѣсовскія и все измѣнялъ въ то, во что хотѣлъ. И не только то удивительно, что онъ самъ, бывъ такимъ, имѣлъ такую силу, но и то, что большая часть и учениковъ его были люди бѣдные, простые, неученые, терпѣвшіе голодъ, незнатные и происходившіе отъ незнатныхъ. Объ этомъ самъ онъ свидѣтельствуетъ и не стыдится говорить объ ихъ бѣдности и даже просить для нихъ милостыни: *гряду*, говоритъ онъ, *во Іерусалимъ служити святымъ* (Рим. XV, 25); и еще: *по единѣй отъ суббот кійждо васъ да полагаетъ у себе сохраняя, да, не егда приду, тогда собранія бываютъ* (1 Кор. XVI, 2). А что большая часть ихъ состояла изъ простолюдиновъ, объ этомъ онъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *видите званіе ваше, яко не мнози премудри по плоти;* и изъ незнатныхъ: *не мнози*, говоритъ, *благородни;* и не только были незнатные, но и весьма уничиженные: *и немощная міра*, говоритъ, *избра Богъ, и несущая, да сущая упразднитъ* (1 Кор. I, 26—28). Но, будучи простымъ и неученымъ, не былъ ли онъ убѣдителенъ на словахъ? И этого не было, какъ онъ самъ опять показываетъ, когда говоритъ: *и азъ пріидохъ къ вамъ не по превосходному словеси, или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство* (Божіе). *Не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ, точію Іисуса Христа, и сего распята. И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ премудрости словесѣхъ* (1 Кор. II, 1, 2, 4). Но предметъ проповѣди не былъ ли привлекателенъ? Напротивъ, послушай, что говоритъ онъ и объ этомъ: *понеже и іудее знаменія просятъ и еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распятаго, іудеемъ убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе*
492 (1 Кор. I, 22, 23). Но не пользовался ли онъ безопасностію? Напротивъ, онъ никогда не имѣлъ и отдыха отъ опасностей. *И азъ*, говоритъ, *въ немощи, и страсѣ, и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ* (1 Кор. II, 3). И не только онъ самъ, но и ученики его терпѣли то же: *воспоминайте же*, говоритъ, *первые дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ претерпѣсте страданій: ово убо поношеньми и скорбми позоръ бывше, овоже общницы бывше живущымъ тако: ибо разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. X, 32, 34); и въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ говоритъ: *вы бо тажде пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже тіи отъ іудей, убившихъ и Господа и Его пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Солун. II, 14, 15); и въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *зане избыточествуютъ страданія Христова въ васъ;* и какъ вы участвуете въ страданіяхъ, такъ и въ *утѣшеніи* (2 Кор. I, 5); и къ

Галатамъ: *толико пострадасте*, говоритъ, *туне*, *аще точію и туне* (Галат. III, 4).

Итакъ, если и проповѣдникъ былъ простолюдинъ и бѣдный и незнатный, и предметъ проповѣди не имѣлъ привлекательности, представлялъ даже соблазнъ, и слушатели были бѣдные, слабые и ничтожные, и опасности слѣдовали другъ за другомъ какъ для учителей, такъ и для учениковъ, и проповѣдуемый былъ распятый, то что помогло ему побѣдить? Не очевидно ли, что нѣкая божественная и неизреченная сила? Совершенно очевидно, и это же можно видѣть и изъ противнаго. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы видимъ, что соединилось все противоположное тому: и богатство, и благородство, и знатность отечества, и сила краснорѣчія, и безопасность, и великія пособія, и однако все предпринятое тотчасъ же разрушено, а противники побѣдили, то, скажи мнѣ, какая бы тому была причина? Здѣсь случилось бы то же, какъ если бы царь съ войскомъ, оружіемъ и воинскимъ искусствомъ не могъ побѣдить варваровъ, а какой-нибудь бѣднякъ, нагой и одинокій, не имѣя ни копья, ни одежды, пришелъ и совершилъ то, чего другіе не могли сдѣлать съ оружіемъ и снарядами. Итакъ, не будь безразсуденъ, но ежедневно разсуждай объ этомъ и покланяйся силѣ Распятаго. Если бы ты увидѣлъ, что кто-нибудь строитъ укрѣпленія, проводитъ рвы, приставляетъ къ стѣнамъ машины, куетъ оружіе, собираетъ воиновъ, имѣетъ безчисленное множество денегъ, и между тѣмъ не можетъ взять одного города, а другой сражается съ обнаженнымъ тѣломъ, пользуется одними лишь руками, и проходитъ не одинъ, не два, не двадцать городовъ, а безчисленное множество по вселенной и беретъ ихъ съ самыми жителями, то сказалъ ли бы ты, что это—дѣло человѣческой силы? Такъ, очевидно, и здѣсь. Потому Богъ попустилъ и разбойникамъ 493
быть распятыми (вмѣстѣ съ Христомъ), и прежде Него явиться нѣкоторымъ обманщикамъ, чтобы чрезъ сравненіе открылось превосходство истины для самыхъ безчувственныхъ, и дабы ты зналъ, что онъ не былъ изъ числа ихъ, но между Нимъ и ими великое и безпредѣльное различіе. И ничто не въ силахъ было помрачить славы Его,—ни общеніе (съ разбойниками) въ однихъ и тѣхъ же страданіяхъ, ни то, что Онъ жилъ въ одно время (съ обманщиками). Если бѣсы боялись креста, а не силы Распятаго, то говорящимъ такъ заграждаютъ уста два разбойника; а если (скажутъ), что всему благопріятствовали обстоятельства времени, то противъ этого говорятъ послѣдователи Ѳевды и Іуды, которые въ то же время покушались на насъ, при помощи даже многихъ знаменій—и были истреблены. Это, какъ я сказалъ, Богъ допустилъ для того, чтобы съ преизбыткомъ показать дѣла Свои. Для того Онъ попу-

стилъ явиться и лжепророкамъ при пророкахъ, и лжеапостоламъ при апостолахъ, дабы ты зналъ, что ничто не можетъ помрачить дѣлъ Его.

Представить ли тебѣ и съ другой стороны дивную и необычайную силу проповѣди, показать ли тебѣ, какъ она росла и распространялась чрезъ самихъ враговъ? Нѣкоторые, враждуя нѣкогда противъ Павла, стали проповѣдывать его ученіе въ Римѣ. Желая раздражить Нерона, враждебнаго къ Павлу, они сами стали проповѣдывать, чтобы, при большемъ распространеніи ученія и умноженіи учениковъ, гнѣвъ тирана еще болѣе воспламенился и этотъ звѣрь разсвирѣпѣлъ еще болѣе. Объ этомъ говорилъ самъ Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ: *разумѣти же хощу вамъ, братіе, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша. Яко множайшіи братія надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово (Божіе) глаголати. Нѣцыи убо по зависти и ревности, друзіи же и за благоволеніе Христа проповѣдуютъ. Ови убо отъ рвенія нечистѣ, мняще печаль нанести узамъ моимъ. Ови же отъ любве вѣдяще, яко во отвѣтъ благовѣствованія лежу. Что убо; обаче всяцѣмъ образомъ, аще лицемѣріемъ, аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть* (Филипп. I, 12—18). Видишь ли, какъ многіе проповѣдывали изъ зависти? Однако истина побѣждала и посредствомъ враговъ.

Вмѣстѣ съ этими были и другія препятствія. Такъ, и древніе законы не только не помогали (проповѣди), но еще и противодѣйствовали, и (на христіанъ) возставали какъ злоба, такъ и невѣжество клеветниковъ: они имѣютъ, говорили, царемъ Христа,—потому что они не знали вышняго царства Его, страшнаго и безконечнаго, а клеветали на христіанъ, будто они вводятъ тираннію во вселенную, и преслѣдовали ихъ по общественнымъ побужденіямъ всѣ и по частнымъ — каждый въ отдѣльности: по общественнымъ за то, будто (христіанами) подрывается государственное устройство и низвращаются законы, а по частнымъ — за то, будто отъ нихъ каждый домъ расторгается и разстроивается. Тогда отецъ возставалъ на сына, сынъ отрекался отъ отца, жены отъ мужей, мужья отъ женъ, дочери отъ матерей, родные отъ родныхъ, друзья отъ друзей, и происходила многоразличная и разнообразная борьба,
494 вторгавшаяся въ домы, раздѣлявшая родственниковъ, смущавшая совѣты, безпокоившая судилища, такъ какъ разрушались отеческіе обычаи, уничтожались празднества и служеніе бѣсамъ, о чемъ древніе законодатели заботились больше всего другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ и подозрѣніе въ тиранніи производило то, что христіанъ вездѣ гнали. И никто не можетъ сказать, что такъ было между язычниками, а между іудеями было спокойно; напротивъ, послѣд-

ніе нападали еще съ большею лютостію, потому что и они обвиняли христіанъ въ ниспроверженіи государственнаго устройства. *Не престаетъ*, говорили они (о Стефанѣ), *глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе и законъ* (Дѣян. VI, 13). Но тогда, какъ пламень поднимался отвсюду—отъ домовъ, отъ городовъ, отъ полей, отъ пустыни, отъ язычниковъ, отъ іудеевъ, отъ начальниковъ, отъ подчиненныхъ, отъ родныхъ, отъ земли, отъ моря, отъ царей, и всѣ другъ друга возбуждали къ жестокости и нападали свирѣпѣе всякаго звѣря, блаженный Павелъ, попавъ въ такія печи, стоя среди волковъ и получая со всѣхъ сторонъ удары, не только не былъ низложенъ, но и всѣхъ тѣхъ обратилъ къ истинѣ. Скажу еще и о другихъ войнахъ, самыхъ трудныхъ; это—война съ лжеапостолами и, что больше всего печалило его, война съ немощными изъ своихъ, потому что многіе вѣрующіе развращались,—но и это онъ преодолѣлъ. Какъ и какою силою? *Оружія наша*, говоритъ онъ, *не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4, 5). Отъ этого все вдругъ измѣнялось и преобразовывалось. Какъ тогда, когда зажжены костры, терніе, истребляясь мало по малу, уступаетъ и исчезаетъ предъ пламенемъ и оставляетъ нивы чистыми, такъ точно и тогда, когда языкъ Павла говорилъ и обнималъ все сильнѣе огня, уступало и исчезало все—и служеніе бѣсамъ, и празднества, и торжества, и отеческіе обычаи, и нарушеніе законовъ, и неистовство народовъ, и угрозы властителей, и козни своихъ, и злоухищренія лжеапостоловъ; или—лучше—какъ при восходѣ солнца и мракъ исчезаетъ, и дикіе звѣри скрываются и уходятъ въ логовища, и разбойники убѣгаютъ, и человѣкоубійцы уходятъ въ пещеры, и морскіе разбойники удаляются, и расхитители гробницъ убѣгаютъ, и прелюбодѣи, и воры, и грабители, опасаясь быть обличенными свѣтомъ, уходятъ куда-нибудь далеко и скрываются, и все становится яснымъ, и свѣтлымъ, и земля и море, потому что лучи свыше озаряютъ
все: моря, горы, страны, города,—такъ точно и тогда, когда явилась проповѣдь, которую Павелъ сѣялъ вездѣ, заблужденіе исчезало, а водворялась истина; смрадъ и дымъ, кимвалы и тимпаны, пьянство и обжорство, блудодѣянія и прелюбодѣянія и прочее, совершавшееся въ идольскихъ капищахъ, о чемъ и говорить непристойно, превращалось и уничтожалось, подобно тому какъ воскъ таетъ отъ огня, или какъ солома истребляется пламенемъ, а свѣтлое пламя истины восходило ярко и высоко до самаго неба, будучи возвышаемо самыми противящимися ему и усиливаемо препятствующими, и ни опасности не останавливали неудержимаго его стремленія и разлива, ни власть застарѣлой привычки, ни сила 495

отеческихъ обычаевъ и законовъ, ни неудобопріемлемость ученія заповѣдей, и ничто иное изъ сказаннаго. А чтобы тебѣ убѣдиться, какъ это важно, погрози язычникамъ, не говорю — опасностями, смертію и голодомъ, но малымъ лишеніемъ имущества, и ты увидишь, что они тотчасъ измѣнятся. А наши не таковы; но, тогда какъ всѣ они были разсѣкаемы, умерщвляемы и гонимы вездѣ различными способами преслѣдованій,—дѣлались еще бодрѣйшими.

И что говорить о нынѣшнихъ язычникахъ, низкихъ и презрѣнныхъ? Представимъ тѣхъ, которые были нѣкогда знамениты и славились любомудріемъ, Платона, Діагора [1]), Клазоменянина (Анаксагора) и многихъ другихъ подобныхъ, и тогда увидишь силу (евангельской) проповѣди. Послѣ того, какъ Сократъ принялъ ядъ, иные удалились въ Мегару, боясь пострадать такимъ же образомъ; иные лишились и отечества и свободы, не склонивъ на свою сторону никого, кромѣ одной женщины; а Киттеянинъ (Платонъ), оста-
496 вивъ свою политику въ письменахъ, съ тѣмъ и умеръ. И хотя тогда ничто не препятствовало—ни опасность, ни невѣжество, а напротивъ они были и сильны краснорѣчіемъ, и обладали богатствомъ, и принадлежали отечеству у всѣхъ прославленному, однако ничего не успѣли сдѣлать. Таково свойство заблужденія,—что оно разсѣивается и тогда, какъ никто не тревожитъ его; и таково свойство истины,—что она возвышается и тогда, какъ многіе возстаютъ противъ нея. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сама дѣйствительность: не нужно ни словъ, ни рѣчей, когда отвсюду взываетъ вселенная — города, села, земля, море, обитаемыя страны и необитаемыя, и вершины горъ. Господь не оставилъ и пустыню безъ участія въ благодѣяніяхъ Его, но и ее преисполнилъ благами, которыя Онъ, пришедши съ неба, принесъ намъ чрезъ языкъ Павла, чрезъ дарованную ему благодать. Такъ какъ онъ имѣлъ ревность, достойную этого дара, то и благодать обильно возсіяла въ немъ и бóльшая часть сказаннаго совершена была его устами.

Итакъ, если Богъ такъ почтилъ родъ нашъ, что одного человѣка удостоилъ сдѣлаться виновникомъ столь многихъ доблестныхъ дѣлъ, то станемъ и мы соревновать, подражать и стараться быть подобными ему, и не будемъ считать этого невозможнымъ. Я часто говорилъ и не перестану говорить, что и тѣло у него было такое же, какъ у насъ, и пища такая же, и душа такая же; но воля у него была великая и ревность пламенная. Это и сдѣлало его такимъ. Поэтому никто пусть не унываетъ, никто пусть не отчаивается. Если ты приготовишь свою душу, то ничто не воспрепятствуетъ и тебѣ получить такую же благодать, потому что

---

[1]) По другому чтенію—Пиѳагора.

Богъ не лицепріятенъ. И Павла Онъ создалъ, и тебя Онъ же произвелъ; какъ его Онъ—Владыка, такъ—и твой; какъ его прославилъ, такъ и тебя хочетъ увѣнчать. Дадимъ же обѣщаніе очистить себя, чтобы и намъ, получивъ обильную благодать, удостоиться тѣхъ же благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЯТАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

ГДѢ ТЕПЕРЬ тѣ, которые обвиняютъ смерть и говорятъ, что 495
это страстное и тлѣнное тѣло служитъ для нихъ препятствіемъ къ добродѣтели? Пусть они слушаютъ о дѣлахъ Павла— и оставятъ эту злую клевету. Какой вредъ нанесла смерть нашему роду? Какимъ препятствіемъ для добродѣтели послужила тлѣнность? Посмотри на Павла, и увидишь, что смертность доставила намъ даже величайшую пользу. Если бы онъ не былъ смертнымъ, то не могъ бы сказать, или—лучше—не могъ бы
показать того, что онъ выразилъ дѣлами: *по вся дни умираю*: 496
тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ (1 Кор. xv, 31). Во всемъ намъ должно имѣть душевное усердіе,—и нисколько не будетъ препятствіемъ то, что мы подвержены вышесказанному. Развѣ Павелъ не былъ смертнымъ? Развѣ не былъ простолюдиномъ? Развѣ не былъ бѣднымъ и не пріобрѣталъ пищу ежедневными трудами? Развѣ не имѣлъ тѣла, подверженнаго всѣмъ естественнымъ потребностямъ? А что воспрепятствовало ему сдѣлаться такимъ, какимъ онъ былъ? Ничто. Поэтому никто изъ бѣдныхъ пусть не падаетъ духомъ, никто изъ простолюдиновъ пусть не унываетъ, никто изъ уничиженныхъ пусть не сѣтуетъ, но только
тѣ, которые имѣютъ душу разслабленную и умъ обезсилѣвшій. 497
Одно только бываетъ препятствіемъ къ добродѣтели—порочность души и разслабленіе ума, а кромѣ того ничто другое. Это видно изъ примѣра блаженнаго (апостола), собравшаго насъ нынѣ. Какъ ему нисколько не повредило вышеуказанное, такъ напротивъ язычникамъ не принесло никакой пользы ни краснорѣчіе, ни обиліе богатства, ни знатность рода, ни величіе славы, ни власть. Что говорить о людяхъ? Или лучше, для чего долго держать рѣчь о землѣ, когда можно намъ сказать о вышнихъ силахъ, началахъ, властяхъ и міродержителяхъ тьмы вѣка сего? Какую пользу принесло имъ то, что они получили такое естество? Не явятся ли всѣ эти силы, чтобы быть судимыми Павломъ и подобными ему? *Не вѣсте ли*, говоритъ онъ, *яко ангеловъ судити имамы, а не*

точію житейских (1 Кор. VI, 3)? Итакъ, не будемъ печалиться ни о чемъ другомъ, кромѣ одного только порока, и не будемъ веселиться и радоваться ничему другому, кромѣ одной только добродѣтели. Если мы будемъ ревностно упражняться въ ней, то ничто не воспрепятствуетъ намъ сдѣлаться подобными Павлу. И онъ сдѣлался такимъ не только по благодати, но и по собственной ревности, и по благодати потому, что былъ ревностенъ. Съ избыткомъ было въ немъ то и другое—и дарованія Божіи сообщены были ему, и собственное расположеніе было въ немъ. Хочешь ли знать дарованія Божіи? Одеждъ Павла боялись бѣсы. Но я не удивляюсь этому, равно какъ и тому, что тѣнь Петра прогоняла болѣзни, удивляюсь же тому, что онъ явился дѣлающимъ дивное еще до полученія благодати, съ самаго порога и съ самаго начала; еще не имѣя такой силы, и не получивъ рукоположенія, онъ воспламенился такою ревностію ко Христу, что возстановилъ противъ себя весь народъ іудейскій. Видя себя въ такой опасности, что даже стали стеречь городъ (Дѣян. IX, 24—25; 2. Кор. XI, 32), онъ спустился по стѣнѣ въ корзинѣ и удалился; но и затѣмъ не впалъ въ безпечность, въ робость и страхъ, а возъимѣлъ отъ этого еще большую ревность, и благоразумно устраняясь отъ опасностей, не устраняясь однакожъ ни отъ какого подвига проповѣди, но взявъ опять крестъ, послѣдовалъ, хотя и имѣлъ предъ собою примѣръ Стефана и видѣлъ, что іудеи всего больше противъ него дышатъ ненавистью и желаютъ пожрать самую плоть его. Такимъ образомъ онъ не подвергалъ себя безразсудно опасностямъ, а съ другой стороны, убѣгая ихъ, не оставался недѣятельнымъ. Онъ весьма любилъ настоящую жизнь по причинѣ пользы, происходящей отъ нея, но и весьма презиралъ ее по любомудрію, до котораго достигъ онъ чрезъ это презрѣніе, или по сильному желанію отойти къ Іисусу. И вотъ что всегда я говорю о немъ, и никогда не перестану говорить: никто, впадая въ про-
498 тивоположныя обстоятельства, не обращалъ такъ въ пользу и тѣхъ и другихъ; никто столько не любилъ настоящей жизни даже изъ тѣхъ, которые сильно любятъ свою душу, и никто столько не презиралъ ея даже изъ тѣхъ, которые насильственно убиваютъ себя. Такъ онъ былъ чистъ отъ всякаго пожеланія и не пристращался ни къ чему настоящему, но всегда соглашалъ свое желаніе съ волею Божіею; иногда говорилъ, что жизнь необходимѣе союза и общенія со Христомъ, а иногда считалъ ее столь тяжкою и невыносимою, что воздыхалъ и стремился къ отрѣшенію отъ ней. Онъ желалъ только того, что приносило ему пользу по Богѣ, хотя иногда это и было противоположно прежнимъ его дѣйствіямъ. Онъ былъ неодинаковъ и разнообразенъ, не изъ лицемѣрія,—да не будетъ,—но былъ всѣмъ,

чего требовала польза проповѣди и спасеніе людей, подражая въ этомъ своему Господу. И Богъ вѣдь являлся и человѣкомъ, когда надлежало быть этому, и въ огнѣ, когда требовали этого обстоятельства,—(являлся) то въ образѣ вооруженнаго воина, то въ видѣ старца, то въ вѣтрѣ, то какъ путникъ, то какъ настоящій человѣкъ, при чемъ не отказался даже умереть. Когда я говорю: этому надлежало быть, то пусть никто не считаетъ сказаннаго необходимостію (для Бога), но только дѣломъ Его человѣколюбія. Иногда Онъ возсѣдалъ на престолѣ, а иногда на херувимахъ: но все это дѣлалъ по цѣлямъ домостроительства,—почему и говорилъ чрезъ пророка: *Азъ видѣнія умножихъ, и въ рукахъ пророческихъ уподобихся* (Ос. xii, 10). Такъ и Павелъ, подражая своему Господу, не подлежитъ осужденію за то, что онъ являлся то какъ іудей, то какъ незнающій закона; то соблюдалъ законъ, то пренебрегалъ закономъ; иногда дорожилъ настоящею жизнію, иногда презиралъ ее; то просилъ денегъ, то отвергалъ и предлагаемыя; приносилъ жертвы и остригался—и снова проклиналъ дѣлающихъ то же; то совершалъ обрѣзаніе, то отвергалъ обрѣзаніе. Эти дѣйствія были противоположны, но мысль и намѣреніе, съ какими это дѣлалось, были весьма послѣдовательны и согласны между собою.

Одного искалъ онъ—спасенія слушавшихъ и видѣвшихъ. Поэтому-то именно онъ то превозноситъ законъ, то отвергаетъ его, такъ какъ онъ былъ неодинаковъ и разнообразенъ не только въ дѣлахъ, но и словахъ,—не перемѣняя мысли и не дѣлаясь то тѣмъ, то другимъ, но оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, и приспособляя каждое слово свое къ даннымъ обстоятельствамъ. Не порицай же его за это, а напротивъ за это самое особенно прославляй его и 499
увѣнчай. Такъ и врача, когда видишь, какъ онъ то прижигаетъ, то дѣлаетъ припарки, то употребляетъ желѣзо, то лѣкарство, иногда лишаетъ пищи и питья, а иногда дозволяетъ больному вполнѣ насыщаться ими, иногда окутываетъ его со всѣхъ сторонъ, а иногда приказываетъ этому же самому больному, когда онъ согрѣлся, выпить цѣлый сосудъ холодной воды, — ты не будешь осуждать за разнообразіе и постоянную перемѣну средствъ, напротивъ, тогда-то особенно и будешь хвалить искусство, видя, какъ то самое, что намъ кажется противнымъ и вреднымъ, онъ употребляетъ съ увѣренностію и предлагаетъ безопасно. Такъ дѣйствуетъ человѣкъ искусный. Если же мы одобряемъ врача за его противоположныя дѣйствія, то гораздо болѣе должно прославлять душу Павла, которая такъ приспособлялась къ страждущимъ, потому что страждущіе душею не меньше больныхъ тѣломъ нуждаются въ искусствѣ и разнообразныхъ пособіяхъ, и если прямо приступить къ нимъ, то потеряется всякая надежда на ихъ

спасеніе. И что удивительнаго, если такъ поступаютъ люди, когда
Богъ всемогущій употребляетъ такой же способъ врачеванія и не
всегда прямо бесѣдуетъ съ нами? Такъ какъ Онъ желаетъ, чтобы
мы были добрыми по своей волѣ, а не по принужденію и насилію,
то нужно было и для Него разнообразіе дѣйствій, не по Его безси-
лію,—да не будетъ,—а по нашей немощи. Для Него достаточно
только сдѣлать мановеніе, или—вѣрнѣе—только захотѣть, чтобы
сдѣлать все, чего Онъ ни захочетъ; а мы, однажды сдѣлав-
шись властными надъ самими собою, не соглашаемся во всемъ
покоряться Ему. Такимъ образомъ, если бы Онъ сталъ влечь
насъ противъ воли, то отнялъ бы то, что̀ Самъ даровалъ,
т. е. свободу произволенія. Посему, чтобы этого не случи-
лось, необходимы для Него многіе способы дѣйствованія. Это
сказано нами не просто, а въ виду разнообразныхъ и мудрыхъ
дѣйствій блаженнаго Павла. Такъ, когда ты видишь его избѣгаю-
щимъ опасностей, то удивляйся ему столько же, сколько и тогда,
когда видишь его идущимъ на нихъ; какъ послѣднее—знакъ его
мужества, такъ первое—мудрости. Когда видишь его говорящимъ
о себѣ высоко, удивляйся столько же, сколько и тогда, когда ви-
дишь его уничижающимъ себя; какъ послѣднее—знакъ смиренно-
мудрія, такъ первое—великодушія. Когда видишь его хвалящимся,
удивляйся столько же, сколько и тогда, когда видишь его отвер-
гающимъ отъ себя похвалу; послѣднее—знакъ нрава негордаго, а
первое—любвеобильнаго и человѣколюбиваго, потому что онъ по-
ступалъ такъ, устрояя спасеніе многихъ, почему и говорилъ:
аще изумихомся, Богови: аще ли цѣломудрствуемъ, вамъ (2 Кор.
v, 13). Подлинно, никто другой не имѣлъ столько поводовъ къ
гордости, и однако никто другой не былъ такъ чистъ отъ над-
менности. Посмотри: *разумъ кичитъ* (1 Кор. viii, 1), и это всѣ
мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Павломъ. И въ немъ было столько
разума, сколько ни въ комъ изъ людей, когда-либо существовав-
шихъ, однако онъ не превозносится имъ, но и въ этомъ самомъ
уничижаетъ себя. Такъ онъ говоритъ: *отъ части разумѣваемъ, и*
500 *отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. xiii 9); и еще: *братіе, азъ себе не
у помышляю достигша* (Фил. iii, 13); и еще: *аще кто мнится вѣ-
дѣти что, не у что разумѣ* (1 Кор. viii, 2). Постъ также надме-
ваетъ; это показываетъ фарисей, который говорилъ: *пощуся два
краты* въ недѣлю (Лук. xviii, 12). А Павелъ не только постясь, но
и претерпѣвая голодъ, называлъ себя *извергомъ* (1 Кор. xv, 8).

Что говорить о постѣ и разумѣ, когда у него были такія и
столь частыя бесѣды съ Богомъ, какихъ не имѣлъ никто ни изъ
пророковъ, ни изъ апостоловъ, и однако поэтому онъ смирялся
еще болѣе? Не говори мнѣ о бесѣдахъ написанныхъ,—о большей

части ихъ онъ умолчалъ: не о всѣхъ сказалъ, чтобы не приписать
самому себѣ великой славы, и не о всѣхъ умолчалъ, чтобы не разверзлись уста лжеапостоловъ. Ничего не дѣлалъ онъ спроста, но
все по справедливой и основательной причинѣ, и съ такою мудростію совершалъ противоположныя дѣла, что во всемъ оказывается
достойнымъ одинаковыхъ похвалъ. Говоря это, вотъ что я разумѣю: великое благо—не говорить о себѣ ничего великаго; но Павелъ дѣлалъ и это такъ благовременно, что заслуживаетъ похвалъ
больше тогда, когда сказалъ, нежели когда бы молчалъ, и если бы
онъ не сдѣлалъ этого, то заслуживалъ бы осужденія больше, нежели тѣ, которые безвременно хвалятъ себя, потому что, если бы
онъ не хвалился, то погубилъ бы и предалъ все, и возвысилъ бы
дѣла враговъ. Такъ онъ умѣлъ всегда пользоваться временемъ, дѣлать и запрещенное съ правою мыслію и съ такою пользою, что
заслуживаетъ за это похвалы не меньше, чѣмъ и за исполненіе
предписаннаго. Подлинно, Павелъ, хвалясь, заслужилъ больше
одобренія, нежели иной—скрывая свои добрыя дѣла, такъ какъ никто
изъ скрывавшихъ свои дѣла не совершилъ столько добрыхъ дѣлъ,
сколько онъ, говорившій о своихъ. И то здѣсь еще удивительнѣе,
что онъ не только говорилъ о нихъ, но и говорилъ столько, сколько
было нужно. Когда обстоятельства предоставляли ему великую свободу говорить о себѣ, онъ не пользовался ею неумѣренно, а зналъ,
до какого предѣла нужно было дойти. И этимъ онъ не ограничился,
но чтобы не соблазнить другихъ и не расположить ихъ къ самохвальству, онъ называетъ себя за то безумнымъ, потому что самъ
дѣлалъ это по требованію нужды. Могло случиться, что другіе,
взирая на него, стали бы понапрасну и неразумно пользоваться
его примѣромъ, — какъ бываетъ часто съ врачами, когда одинъ
благовременно употребляетъ какое-нибудь лѣкарство, а другой, употребляя то же безвременно, причиняетъ вредъ, и отнимаетъ силу
у лѣкарства. Чтобы не случилось этого и здѣсь, смотри, какую
употребляетъ онъ предосторожность, намѣреваясь хвалить себя:
онъ не однажды и не дважды, но многократно уклоняется: *о да
бысте*, говоритъ, *мало потерпѣли безумію моему* (2 Кор. XI, 1);
и еще: *а еже глаголю, не глаголю по Господѣ, но яко въ безуміи:
о немже аще дерзаетъ* кто въ безуміи, *глаголю, дерзаю и азъ* 501
(2 Кор. XI, 17, 21). Сказавъ это, онъ не ограничился тѣмъ, но,
намѣреваясь опять приступить къ похваламъ (себѣ), скрываетъ
себя и говоритъ: *вѣмъ человѣка*, и еще: *о таковѣмъ похвалюся, о
себѣ же не похвалюся* (2 Кор. XII, 2, 5), и послѣ всего этого:
быхъ, говоритъ, *несмысленъ, вы мя понудисте* (2 Кор. XII, 11).
Итакъ, кто столь безразсуденъ и крайне безчувственъ, что видя,
какъ этотъ святой, даже при требованіи такой необходимости,

медлитъ и уклоняется говорить о себѣ что-нибудь великое,—подобно коню, который, подбѣгая къ оврагу, постоянно отскакиваетъ назадъ, — хотя бы и намѣреваясь совершить великое дѣло, не станетъ всѣми силами избѣгать похвалы себѣ и только по требованію обстоятельствъ прибѣгнетъ къ этому? Хочешь ли, я представлю тебѣ въ немъ нѣчто и другое подобное? Поистинѣ, удивительно и то, что онъ не считалъ достаточнымъ свидѣтельства совѣсти, но и насъ училъ, какъ долженъ каждый приступать къ этому, не самъ только оправдываясь требованіемъ обстоятельствъ, но и другихъ научая — не избѣгать похвалы въ случаѣ нужды, а съ другой стороны не прибѣгать къ ней безвременно. Въ самомъ дѣлѣ, тѣми словами, которыя онъ сказалъ, онъ какъ бы выразилъ слѣдующее: великое зло говорить о себѣ что-нибудь великое и дивное; признакъ крайняго безумія, возлюбленный, величать себя похвалами безъ всякой нужды и нужды настоятельной; это не значитъ говорить по Господу, а больше служитъ знакомъ глупости и лишаетъ насъ всякой награды за многіе подвиги и труды. Все это и больше того Павелъ говорилъ всѣмъ, когда оправдывался (въ похвалахъ себѣ) и въ случаѣ необходимости. Но еще важнѣе то, что онъ, и въ случаѣ необходимости, не все высказывалъ, но умалчивалъ о большемъ и важнѣйшемъ. *Пріиду бо,* говорилъ онъ, *въ видѣнія и откровенія Господня: щажду же, да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. xii, 1, 6). Этими словами онъ научаетъ всѣхъ, чтобы мы, даже въ случаѣ необходимости, высказывали не все, что сознаемъ за собою, а только то, что полезно для слушателей.

Такъ поступалъ и Самуилъ; и объ этомъ святомъ упомянуть не излишне, такъ какъ и его похвалы служатъ въ нашу пользу; онъ также нѣкогда хвалилъ себя и высказывалъ свои добрыя дѣла. Но какія? Тѣ, которыя знать полезно было слушателямъ. Онъ не распространялся ни о цѣломудріи, ни о смиренномудріи, ни о непамятозлобіи, но о чемъ? О томъ, что особенно нужно было знать
502 царствовавшему въ то время,—о справедливости и о томъ, чтобы имѣть руки чистыя отъ даровъ (1 Цар. xvii, 34). Также Давидъ, когда хвалился, то хвалился тѣмъ, чѣмъ могъ исправить слушателя; и онъ не говорилъ о какой-нибудь другой своей добродѣтели, но указалъ на медвѣдя и льва, и ничего болѣе, потому что говорить о себѣ больше надлежащаго свойственно человѣку честолюбивому и тщеславному, а говорить то, что можетъ быть необходимымъ для настоящей пользы, свойственно человѣколюбивому и имѣющему въ виду пользу многихъ. Тоже дѣлалъ и Павелъ. На него клеветали, будто онъ не истинный апостолъ и не имѣетъ никакой силы. Поэтому необходимо было обратиться къ тому, что особенно

бенно доказывало его достоинство. Видишь ли, чѣмъ онъ научалъ слушателя не хвалиться напрасно? Во-первыхъ, объясненіемъ того, что онъ дѣлалъ это по необходимости; во-вторыхъ, тѣмъ, что называлъ себя даже безумнымъ и выставлялъ много оправданій; въ-третьихъ, тѣмъ, что не все высказывалъ, но о большемъ умалчивалъ да и то, когда требовала необходимость; въ-четвертыхъ тѣмъ, что говорилъ отъ другого лица, сказавъ: *вѣмъ человѣка* (2 Кор. XII, 2); въ-пятыхъ, тѣмъ, что выставлялъ на видъ не всю какую-нибудь добродѣтель, а ту сторону ея, которая особенно была нужна для настоящаго случая. И не только тогда, когда хвалилъ себя, но и когда укорялъ другихъ, онъ былъ таковъ. Хотя и запрещено укорять брата, но Павелъ и это дѣлалъ такъ пристойно, что заслужилъ похвалу больше одобряющихъ. Такъ, галатовъ онъ называетъ *несмысленными* и разъ и два (Гал. III, 1), и критянъ—*утробами праздными и злыми звѣрями* (Тит. I, 12); однако и за это онъ прославляется, потому что онъ преподалъ намъ правило и законъ—не поблажать людямъ, небрегущимъ о Богѣ, но обращать къ нимъ рѣчь обличительную. И всему у него есть мѣра; потому-то онъ достоинъ похвалы за все, что ни дѣлалъ и ни говорилъ: укоряетъ ли онъ, или хвалитъ, отвращается ли отъ кого, или заботится, превозноситъ ли себя, или уничижаетъ, хвалится, или смиряется. И что тебѣ удивляться, если укоризна и порицаніе доставляютъ похвалу, когда доставляли похвалу и убійство, и обманъ, и хитрость, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ? Итакъ, изслѣдовавъ все это тщательно, будемъ и удивляться Павлу, и прославлять Бога, и сами такъ пользоваться его (примѣромъ), чтобы достигнуть вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ШЕСТАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

ЖЕЛАЕТЕ ли сегодня, возлюбленные, чтобы мы, оставивъ великія и дивныя дѣла Павла, представили то, что нѣкото- 501—2
рымъ кажется заслуживающимъ нѣкотораго порицанія? Мы 503
увидимъ, что и послѣднее не меньше первыхъ дѣлаетъ его славнымъ и великимъ. Что же въ немъ заслуживаетъ порицанія? Видѣли нѣкогда, говорятъ, какъ онъ страшился побоевъ. Дѣйствительно видѣли, когда били его ремнями, и не только тогда, но и

въ другомъ мѣстѣ, у порфиропродательницы, когда онъ даже защищался предъ тѣми, которые хотѣли вывести его; поступая такъ, онъ имѣлъ не иную какую-нибудь цѣль, какъ доставить себѣ безопасность, и чтобы опять не подвергнуться тому же. Что же скажемъ мы? То, что ничто не показываетъ его такъ великимъ и дивнымъ, какъ это сказанное, потому что имѣя какъ будто такую душу, не дерзкую и не отчаянную, и тѣло, столь чувствительное къ ударамъ и трепещущее побоевъ, онъ не менѣе безтѣлесныхъ силъ презиралъ все, кажущееся страшнымъ, когда требовало этого время. Итакъ, когда ты видишь его предъ ударами предающимся страху, то припомни тѣ слова, которыми онъ превзошелъ небеса и соревновалъ ангеламъ: *кто ны разлучитъ*, говорилъ онъ, *отъ любве Божія; скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или бѣда, или мечъ* (Римл. VIII, 35)? Припомни тѣ слова, которыми онъ выражаетъ ничтожество подобныхъ бѣдствій: *еже бо нынѣ*, говоритъ, *легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчную славы содѣловаетъ намъ, не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17, 18). Присовокупи къ тому ежедневныя скорби, смерти каждый день, и, представивъ это, удивляйся Павлу, и самъ не предавайся отчаянію. Эта самая видимая слабость природы служитъ величайшимъ доказательствомъ его добродѣтели, когда онъ оказался такимъ, не бывъ чуждымъ многихъ нуждъ. Такъ какъ чрезмѣрность опасностей могла многимъ внушить мнѣніе и, можетъ быть, расположила бы подозрѣвать, будто онъ былъ выше людей и потому сдѣлался такимъ, то и попущено было ему страдать, дабы ты зналъ, что по природѣ онъ былъ одинъ изъ многихъ, а по ревности сталъ не только выше многихъ, но и однимъ изъ ангеловъ. Съ такою душею и съ такимъ тѣломъ онъ переносилъ тысячи смертей и презиралъ настоящее и будущее, почему и произнесъ эти великія и для многихъ невѣроятныя слова: *молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Римл. IX, 3). Возможно въ самомъ дѣлѣ, если только мы захотимъ, побѣдить всякую природную немощь силою хотѣнія, и нѣтъ ни одной изъ заповѣдей Христовыхъ, которой невозможно было бы исполнить людямъ, потому что если мы окажемъ такую ревность, какую можемъ имѣть, то и Богъ подастъ намъ великую помощь, и такимъ образомъ мы останемся непобѣдимы для всѣхъ случающихся бѣдствій. Не страхъ побоевъ достоинъ осужденія, а совершеніе изъ-за страха побоевъ чего-нибудь недостойнаго благочестія, такъ что боязнь побоевъ дѣлаетъ непобѣдимаго въ подвигахъ болѣе достойнымъ удивленія, сравнительно съ тѣмъ, кто не боится ихъ. Чрезъ
504 это болѣе просіяваетъ сила хотѣнія, потому что страшиться по-

боевъ свойственно природѣ, а не дѣлать ничего непристойнаго изъ боязни побоевъ свойственно волѣ, исправляющей этотъ недостатокъ природы и преодолѣвающей немощь ея. Такъ и скорбѣть не предосудительно, но предосудительно отъ скорби говорить или дѣлать что-нибудь неугодное Богу. Если бы я сказалъ, что Павелъ не былъ человѣкомъ, то ты справедливо могъ бы указать мнѣ на недостатки его природы, чтобы этимъ обличить мою рѣчь; если же я говорю и утверждаю, что онъ былъ человѣкъ и ничѣмъ не выше насъ по природѣ, но сдѣлался выше по волѣ, то напрасно ты представляешь мнѣ это, или—лучше—не напрасно, а въ пользу Павла. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ ты показываешь, каковъ онъ былъ, если, имѣя такую природу, могъ совершать тѣ, что выше природы; и не только его превозносишь, но и заграждаешь уста нерадивымъ, не позволяя имъ ссылаться на насиліе природы, а направляя ихъ къ упражненію воли.

Но, скажутъ, (Павелъ) страшился нѣкогда смерти? Такъ; но и это зависѣло отъ природы; и однако тотъ самый, который боялся смерти, говорилъ: *ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми* (2 Кор. v, 4); и еще: *мы сами въ себѣ воздыхаемъ* (Римл. viii, 23). Видишь ли, какъ онъ противопоставлялъ природной немощи силу воли? Такъ и многіе мученики, будучи ведомы на смерть, часто блѣднѣли и исполнялись страха и трепета; но потому особенно они и удивительны, что, страшась смерти, не избѣгали смерти ради Іисуса. Такъ и Павелъ, боясь смерти, не отказывается даже отъ геенны изъ любви къ Іисусу, и, страшась кончины, желаетъ отрѣшиться (отъ тѣла). И не одинъ онъ былъ таковъ, но и верховный изъ апостоловъ, часто говорившій, что онъ готовъ отдать душу, весьма страшился смерти. Послушай, что объ этомъ говоритъ ему Христосъ: *егда же состарѣешися*, опояшутъ тебя и поведутъ, *аможе не хощеши* (Іоан. xxi, 18), выражая немощь природы, не воли. Природа оказываетъ свое дѣйствіе (надъ нами) и противъ нашей воли, и преодолѣть ея немощи невозможно даже и весьма желающему и старающемуся объ этомъ; но отсюда мы не получаемъ никакого вреда, а еще дѣлаемся болѣе удивительными. Что за вина—бояться смерти? И не похвально ли—страшась смерти, не дѣлать изъ страха ничего недостойнаго свободнаго человѣка? Не въ томъ вина, чтобы имѣть природу съ недостатками, а въ томъ, чтобы раболѣпствовать этимъ недостаткамъ, такъ что побѣждающій немощь ея силою воли великъ и достоинъ удивленія: этимъ онъ показываетъ, какова сила воли, и заграждаетъ уста 505
тѣмъ, которые говорятъ: для чего мы не сотворены добрыми по природѣ? Какое различіе—быть такимъ по природѣ, или по волѣ? И послѣднее не лучше ли перваго? Во столько лучше, сколько

доставляетъ вѣнцевъ и свѣтлой славы. Но дѣйствіе природы твердо? А если ты постараешься имѣть мужественную волю, то послѣдняя будетъ тверже первой. Развѣ ты не видишь въ тѣлахъ мучениковъ, разсѣкаемыхъ мечами, какъ природа уступала желѣзу, а воля не уступала ему и не посрамлялась? Не видишь ли, скажи мнѣ, въ Авраамѣ, какъ воля побѣдила природу, когда ему повелѣно было принесть въ жертву сына, и какъ первая явилась могущественнѣе послѣдней? Не видишь ли, какъ тоже самое случилось съ тремя отроками? Не слышишь ли и мірскую пословицу, которая говоритъ, что воля отъ привычки дѣлается второю природою? А я сказалъ бы, что и первою, какъ видно изъ вышесказаннаго. Видишь ли, что можно имѣть и свойственную природѣ крѣпость, если воля будетъ мужественна и бодра, и что бо́льшей заслуживаетъ похвалы тотъ, кто избралъ и захотѣлъ быть, а не по принужденію сталъ добрымъ? Это—добро по преимуществу. Посему, когда Павелъ говоритъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. IX, 27), тогда особенно я восхваляю его, видя, что онъ не безъ труда исполнялъ добродѣтели, и потому легкость (этого дѣла) у него не можетъ служить предлогомъ къ лѣности для живущихъ послѣ него. И когда еще онъ говоритъ: *азъ распяхся міру* (Гал. VI, 14), то я увѣнчиваю его волю. Возможно, подлинно возможно ревности воли соперничать съ силою природы. Если мы представимъ (Павла), этотъ самый столбъ добродѣтели, то найдемъ, что добру, пріобрѣтенному имъ по волѣ, онъ старался сообщить крѣпость природы. Такъ, онъ чувствовалъ боль, когда подвергался ударамъ, но презиралъ ихъ не менѣе безплотныхъ силъ, не чувствующихъ боли, такъ что отъ него можно было слышать слова, которыя заставляютъ думать, что онъ былъ даже не нашей природы. Именно, когда онъ говоритъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. VI, 14), и еще: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), то что иное можно сказать, какъ не то, что онъ отрѣшился отъ самаго тѣла? Что же значатъ слова его: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ* (2 Кор. XII, 7)? Это не что иное, какъ указаніе на то, что такое страданіе ограничивалось тѣломъ его, не потому, будто оно не простиралось внутрь, а потому, что силою воли Павелъ отклонялъ и прогонялъ его. А что́ значитъ, когда онъ говоритъ много другого, болѣе удивительнаго, когда радуется среди бичеваній и хвалится узами? Что же иное могъ бы этимъ сказать, какъ не то, о чемъ я сказалъ, т. е. что слова: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю*, и боюсь, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (2 Кор. IX, 27), показываютъ немощь природы, а предыдущія, приведенныя мною,—превосходство воли?

То и другое сказано для того, чтобы ты за величіе не приписалъ ему другой природы и самъ не сталъ отчаяваться, а за уничиженіе не укорялъ святой души, но чтобы и чрезъ это также, бро- 506
сивъ отчаяніе, предался лучшимъ надеждамъ. Потому-то онъ указываетъ и на благодать Божію съ преизбыткомъ, или—лучше—не съ преизбыткомъ, но съ благою мыслію, чтобы ты ничего не считалъ принадлежащимъ себѣ, а о своей ревности говоритъ для того, чтобы ты, возложивъ все на Бога, не предался сну и нерадѣнію. У Павла ты найдешь всему мѣры и правила, тщательно опредѣленныя. Но, скажутъ, онъ порицалъ нѣкогда мѣдника Александра. Что-же? Это были слова не гнѣва, но скорби объ истинѣ: онъ скорбѣлъ не о себѣ, а о томъ, что мѣдникъ противился проповѣди. *Зѣло бо противится*, говоритъ, не мнѣ, но *словесемъ нашымъ* (2 Тим. IV, 15),—такъ что это порицаніе не только показывало любовь его къ истинѣ, но и служило утѣшеніемъ для учениковъ. Такъ какъ всѣ могли соблазняться, еслибы противники истины ничего не терпѣли, то онъ и говоритъ это. А нѣкогда онъ молилъ Бога противъ нѣкоторыхъ другихъ, говоря: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющымъ насъ* (2 Сол. I, 6)? Но онъ не желалъ наказанія имъ,—да не будетъ,—а старался утѣшить оскорбляемыхъ; поэтому и прибавилъ: *а вамъ оскорбляемымъ отраду* (ст. 7). Когда онъ самъ терпѣлъ что-нибудь непріятное, то, послушай, какъ любомудрствовалъ и воздавалъ противникамъ: *укоряеми*, говоритъ, *благословляемъ, гоними терпимъ, хулими молимъ* (1 Кор. IV, 12, 13). Если же сказанное или сдѣланное имъ за другихъ ты припишешь гнѣву, то можешь сказать, что онъ по гнѣву ослѣпилъ и укорилъ и Елиму, что также и Петръ по гнѣву поразилъ смертію Ананію и Сапфиру. Но никто не будетъ такъ неразуменъ и безсмысленъ, чтобы сказать это. Мы находимъ и многое другое въ словахъ и дѣйствіяхъ Павла, что кажется тяжелымъ; но это въ особенности и показываетъ кротость его. Такъ, когда онъ предаетъ сатанѣ коринѳскаго блудника, то дѣлаетъ это изъ великой любви и добраго расположенія, какъ видно изъ втораго посланія. Когда онъ угрожаетъ іудеямъ и говоритъ: *постиже на нихъ гнѣвъ до конца* (1 Сол. II, 16), то дѣлаетъ это не потому, будто былъ исполненъ гнѣва,—ты вѣдь слышишь, какъ онъ непрестанно молится за нихъ,—но потому, что желалъ устрашить ихъ и сдѣлать благоразумнѣйшими. Но, скажутъ, онъ оскорбилъ первосвященника, сказавъ: *бити тя имать Богъ, стѣно повапленая* (Дѣян. XXIII, 3). Мы знаемъ, что нѣкоторые въ оправданіе этого говорятъ, что эти слова были пророчествомъ; я не осуждаю говорящихъ это, потому что дѣйствительно это исполнилось и такъ умеръ первосвященникъ. Если же какой-нибудь упорнѣйшій про-

тивникъ станетъ противорѣчить и, разбирая дѣло съ излишнею точностію, возразитъ: если это было пророчество, то для чего
507 (Павелъ) извинялся, говоря, *не вѣдахъ, яко архіерей есть* (ст. 5),—то мы скажемъ: для того, чтобы другихъ вразумить и научить обращаться съ начальниками почтительно, какъ поступалъ и Христосъ. Онъ, высказавъ о книжникахъ и фарисеяхъ много такого, что говорилось и не говорилось о нихъ, замѣчаетъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ блюсти, творите* (Мато. xxiii, 2, 4).

Такъ точно и Павелъ здѣсь сохранилъ и достоинство (первосвященника), и вмѣстѣ предсказалъ будущее. Если же онъ отвергъ Іоанна (Дѣян. xv, 38), то и это сдѣлалъ достойно своего попеченія о проповѣди. Кто принялъ такое служеніе, тотъ не долженъ быть ни медленнымъ, ни безпечнымъ, а мужественнымъ и твердымъ, не долженъ и касаться этого прекраснаго дѣла, если онъ не намѣренъ тысящекратно подвергать свою жизнь смерти и опасностямъ, какъ и Самъ говоритъ Христосъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Маѳ. xvi, 24). А кто не имѣетъ такого расположенія, тотъ губитъ и многихъ другихъ, и гораздо полезнѣе было бы ему оставаться въ покоѣ съ самимъ собою, нежели выставляться на видъ и принимать бремя, превосходящее его силы; иначе онъ погубитъ и себя и ввѣренныхъ ему. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не безразсудно, если въ то время какъ никто, не зная искусства кормчаго и борьбы съ волнами, не рѣшается сѣсть при рулѣ, хотя бы тысячи принуждали его,—идущему на проповѣдь приниматься за это дѣло безъ подготовки и какъ случится, и неосмотрительно брать на себя дѣло, угрожающее тысячею смертей? Подлинно, ни кормчему, ни борцу съ звѣрями, ни рѣшающемуся на единоборство, ни кому-нибудь другому не нужно имѣть души, столь готовой на смерть и истязанія, сколько тому, кто принимаетъ на себя дѣло проповѣди. Здѣсь и опасности больше, и противники свирѣпѣе, и такого рода смерть, и цѣль поставлена не маловажная: небо назначено въ награду, геенна въ наказаніе грѣшникамъ, и погибель
508 души и спасеніе. Такая готовность необходима не только для принимающаго на себя дѣло проповѣди, но и для всякаго вѣрующаго, потому что всѣмъ заповѣдуется взять крестъ и слѣдовать (Христу): если же—всѣмъ, то гораздо болѣе учителямъ и пастырямъ, изъ которыхъ былъ тогда и Іоаннъ, называемый Маркомъ. Поэтому онъ справедливо былъ отвергнутъ, такъ какъ, поставивъ себя впереди войска, онъ стоялъ весьма не мужественно; потому Павелъ и отвергъ его, чтобы его нетвердость не остановила его собственнаго сильнаго стремленія. Если же Лука говоритъ, что

между ними произошла *распря* (Дѣян. xv, 39), то не ставь имъ этого въ укоризну. Не сердиться есть зло, а сердиться неразумно и безъ всякой причины: *ярость неправедная*, говоритъ Премудрый, не останется ненаказанной (Сир. I, 22), не просто *ярость*, но—*неправедная*. И Христосъ говоритъ: *гнѣваяйся на брата своего всуе* (Матѳ. v, 22), а не просто—*гнѣваяйся*. И пророкъ говоритъ: *гнѣвайтеся и не согрѣшайте* (Псал. IV, 5). Если бы не слѣдовало обнаруживать этого душевнаго движенія, даже по требованію обстоятельствъ, то напрасно и безъ цѣли оно было бы прирождено намъ; но вѣдь не напрасно. Творецъ внѣдрилъ его въ насъ для исправленія грѣшниковъ, возбужденія лѣнивой и безпечной души, для пробужденія спящаго и предавшагося разслабленію; какъ острота въ желѣзномъ оружіи, такъ сила гнѣва внѣдрена въ нашей душѣ, чтобы мы пользовались имъ надлежащимъ образомъ. Поэтому и Павелъ часто пользовался имъ, и во гнѣвѣ своемъ былъ вожделѣннѣе говорящихъ кротко, дѣлая все въ надлежащее время для пользы проповѣди. Вѣдь кротость не вообще хороша, но тогда, когда этого требуетъ время; а безъ этого и она бываетъ слабостію, и гнѣвъ дерзостію. Все это говорилъ я не въ оправданіе Павла: онъ не нуждается въ нашей рѣчи, такъ какъ *ему похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога* (Римл. II, 29),—но чтобы научить слушателей пользоваться всѣмъ по надлежащему, какъ я сказалъ выше. Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи отвсюду извлекать пользу, и съ большимъ богатствомъ достигнуть безмятежной пристани, и удостоиться нетлѣнныхъ вѣнцовъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА СЕДЬМАЯ

о святомъ апостолѣ Павлѣ.

КОГДА несущіе царскія знамена входятъ въ города при зву- 507—5
кахъ трубы и въ сопровожденіи многихъ воиновъ, тогда обыкновенно весь народъ стекается, чтобы послушать звуковъ и посмотрѣть на знамя высоко несомое и на мужество несущаго. Такъ какъ и Павелъ сегодня входитъ, не въ городъ, а во вселенную, то соберемся и мы всѣ. Онъ несетъ знамя не земного царя, но крестъ вышняго Христа, и ему предшествуютъ не люди,

но ангелы, какъ въ честь несомаго, такъ и для безопасности несущаго.

509 Въ самомъ дѣлѣ, если устрояющимъ собственную жизнь и недѣлающимъ ничего для общества, отъ Господа всѣмъ дарованы ангелы хранители, какъ нѣкто говоритъ: *ангелъ, иже мя избавляетъ* отъ юности моей (Быт. XLVIII, 16),—то гораздо болѣе тѣмъ, которымъ ввѣрена вселенная и которые носятъ такое бремя даровъ, присущи вышнія силы. У людей мірскихъ удостоившіеся вышеуказанной чести облекаются въ одежды, надѣваютъ на шею золотое украшеніе и во всѣхъ отношеніяхъ бываютъ блистательными; а этотъ, облекшись оковами вмѣсто золота, несетъ крестъ; этотъ испытываетъ гоненія; этотъ терпитъ бичеванія и голодъ. Но не скорби, возлюбленный; это украшеніе гораздо лучше и блистательнѣе того и угодно Богу, почему Павелъ, нося его, и не утомлялся. Подлинно удивительно, что съ узами, бичеваніями и ранами онъ былъ славнѣе носящихъ пурпуръ и діадему. А что онъ былъ славнѣе, и что эти слова не пустой звукъ, это доказали его одежды. Если бы ты положилъ на больного тысячу діадемъ и столько же порфиръ, то не могъ бы превратить ни малѣйшей доли пламени; а его полотенца, приложенныя къ тѣламъ страждущихъ, прогоняли всякую болѣзнь. Это и естественно: если разбойники, видя то знамя, не осмѣливаются приступить, но убѣгаютъ безъ оглядки, то тѣмъ больше болѣзни и бѣсы, видя это знаменіе, обращаются въ бѣгство. Носилъ же (его Павелъ) не съ тѣмъ, чтобы только самому одному нести его, но чтобы всѣхъ сдѣлать такими же и научить нести его. Поэтому онъ и говорилъ: *подобни ми бывайте, яко же имате образъ насъ* (Филипп. III, 17); и еще: *яже слышасте и видѣсте во мнѣ, сія творите* (Фил. IV, 9); и еще: *вамъ даровася, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филипп. I, 29). Достоинства настоящей жизни тогда имѣютъ бóльшую важность, когда они соединяются только въ одномъ человѣкѣ; а въ отношеніи къ духовнымъ бываетъ напротивъ: тогда особенно блестятъ эти почести, когда многіе дѣлаются участниками достоинства, когда участвующій не одинъ, но многіе вмѣстѣ съ нимъ пользуются однимъ и тѣмъ же.

Вотъ ты видишь, что всѣ христіане знаменоносцы и каждый носитъ имя Христово предъ народами и царями; а Павелъ—и въ виду геенны и въ виду мученія. Но послѣдняго онъ не сказалъ, потому что всѣ не могли вынести (этого). Видишь ли, къ какой добродѣтели способно наше естество: почтеннѣе человѣка нѣтъ ничего, хотя онъ и остается смертнымъ? Въ самомъ дѣлѣ, на что могъ бы ты указать мнѣ больше его? На что равное? Какимъ ангеламъ и архангеламъ не равенъ тотъ, кто сказалъ такое изрече-

ніе? Если онъ, находясь въ смертномъ и тлѣнномъ тѣлѣ, отдавалъ за Христа все, что было у него, и даже чего не было,—отдавалъ же онъ и настоящее, и будущее, и высоту, и глубину, и иную тварь,—то, если бы онъ былъ безтѣлесенъ по естеству, чего не сказалъ бы онъ, чего не сдѣлалъ бы? Такъ и ангеламъ я удивляюсь потому, что они удостоились такой чести, а не потому, что они безтѣлесны,—и діаволъ вѣдь безтѣлесенъ и невидимъ, однако онъ несчастнѣе всѣхъ, такъ какъ оскорбилъ Создателя Бога. Отсюда и людей мы называемъ несчастными не тогда, когда видимъ ихъ облеченными тѣломъ, но когда они пользуются имъ не надлежащимъ образомъ. И Павелъ былъ облеченъ тѣломъ. Отчего же онъ сталъ такимъ? И самъ отъ себя, и отъ Бога, и потому отъ Бога, что самъ отъ себя,—такъ какъ Богъ не лицепріятенъ. Если же скажешь: какъ возможно подражать такимъ мужамъ? то послушай, что говоритъ онъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. xi, 1). Онъ былъ подражателемъ Христу, а ты не можешь—и подобному себѣ рабу? Онъ соревновалъ Господу, а ты не можешь—и подобному себѣ служителю? Какое же ты будешь имѣть оправданіе? А какъ, скажешь, онъ подражалъ Христу? Это можешь видѣть съ самаго начала и вступленія его (въ христіанскую церковь). Онъ изъ священныхъ водъ (крещенія) вышелъ съ такимъ пламенемъ, что не ожидалъ себѣ учителя, не ожидалъ Петра, не ходилъ къ Іакову, ни къ кому-нибудь другому, но, движимый ревностію, такъ воспламенилъ (своею проповѣдію) городъ, что противъ него, поднялась жестокая война. Когда онъ былъ еще іудеемъ, то дѣлалъ больше своего званія, связывая (христіанъ), отводя (въ темницы), выводя предъ народъ. Такъ и Моисей, не бывъ еще никѣмъ поставленъ, защищалъ своихъ единоплеменниковъ отъ несправедливости иноплеменниковъ. 510

Это—знакъ мужественной души и благороднаго сердца, не могущаго безмолвно переносить несчастія другихъ, хотя бы никто не поставлялъ на то. А что Моисей справедливо стремился къ власти, это показалъ Богъ, поставивъ его на то впослѣдствіи, какъ поступилъ Онъ и съ Павломъ. А что и послѣдній хорошо сдѣлалъ, приступивъ тогда къ проповѣди и ученію, это показалъ Богъ, вскорѣ возведши его въ званіе учителя. Если бы они стремились къ дѣламъ для своей чести и власти и для угожденія себѣ самимъ, то справедливо заслуживали бы осужденіе; но такъ какъ они возлюбили опасности и искали смерти, чтобы спасти всѣхъ другихъ, то кто будетъ такъ жалокъ, чтобы обвинять ихъ за такую ревность? А что они дѣлали это изъ любви къ спасенію погибающихъ, это показало и опредѣленіе Божіе, показала и погибель тѣхъ, которые нечестиво желали этой чести. Стремились нѣкогда и другіе къ че-

сти и власти, но всѣ погибли, одни бывъ сожжены огнемъ, другіе бывъ поглощены разверзшеюся землею,—потому что они дѣлали это не для руководительства (другими), а по властолюбію. Покушался (священнодѣйствовать) и Озія, но сталъ прокаженнымъ
511 (2 Пар. xxvi); покушался и Симонъ, но былъ осужденъ и подвергся крайней опасности (Дѣян. viii); рѣшился и Павелъ, и былъ увѣнчанъ не священствомъ и почестями, но служеніемъ, трудами и опасностями. И такъ какъ онъ рѣшился на это по великой ревности и усердію, за то онъ и прославляется и съ самаго начала сдѣлался знаменитымъ. Какъ поставленный начальникъ, если не надлежащимъ образомъ исполняетъ свое дѣло, заслуживаетъ большого наказанія, такъ тотъ, кто хотя не поставленъ, но исправляетъ надлежащимъ образомъ, не говорю — дѣла священства, но дѣла попеченія о многихъ, достоинъ всякой чести. Такъ и Павелъ, сильнѣйшій огня, ни одного дня не провелъ въ покоѣ, но какъ только вышелъ изъ священнаго источника водъ, возжегъ въ себѣ великій пламень, и не обратилъ вниманія ни на опасности, ни на насмѣшки и посрамленіе со стороны іудеевъ, ни на ихъ невѣріе, и ни на что другое подобное, но, получивъ другое зрѣніе, зрѣніе любви, и другой разумъ, устремился съ великою силою, какъ бы какой потокъ, ниспровергая все іудейское и доказывая Писаніями, что Іисусъ есть Христосъ. Еще не было въ немъ многихъ даровъ благодати, еще не былъ онъ удостоенъ такого Духа, и однако тотчасъ сталъ пламенѣть и дѣлать все до пожертвованія своею душею; такъ онъ поступалъ во всемъ, точно вознаграждая за прошедшее время, и старался броситься въ то мѣсто битвы, которое изобиловало опасностями и страхомъ.

Но, будучи столь смѣлымъ, стремительнымъ, и дыша огнемъ, онъ съ другой стороны былъ столь кротокъ и послушенъ учителямъ, что не противился имъ при такомъ порывѣ своей ревности. Такъ, они сказали ему, пламенѣвшему тогда и доходившему до изступленія, что ему должно идти въ Тарсъ и Кесарію, и онъ не противорѣчилъ; сказали, что ему должно спуститься по стѣнѣ, и онъ согласился; посовѣтовали остричься, и онъ не воспротивился; сказали, чтобы онъ не выходилъ на зрѣлище, и онъ послушался. Такъ онъ во всемъ имѣлъ въ виду одну пользу вѣрующихъ, миръ и согласіе, и всегда сохранялъ себя для проповѣди. Поэтому, когда ты слышишь, что онъ посылаетъ къ тысяченачальнику племянника, желая избавиться отъ опасностей, что онъ требуетъ суда кесарева и спѣшитъ въ Римъ, то не думай, будто онъ дѣлаетъ это по робости. Кто воздыхалъ о томъ, что оставался въ этой жизни, тотъ какъ не рѣшился бы лучше быть со Христомъ? Кто презиралъ небо и пренебрегалъ ангелами для Христа, тотъ какъ могъ же-

лать благъ настоящихъ? Для чего же онъ такъ поступалъ? Для того, чтобы продолжать проповѣдь и отойти отсюда съ многими людьми, увѣнчавъ всѣхъ ихъ. Подлинно, онъ боялся, чтобы ему не отойти отсюда бѣднымъ и не достигшимъ спасенія многихъ, 512
почему и говорилъ: *а еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филипп. I, 24). Поэтому же видя, что судъ произнесъ выгодный для него приговоръ, что и Фестъ сказалъ *): *отпущенъ быти можаше человѣкъ сей, аще не бы Кесаря нарицалъ* (Дѣян. XXVI, 32), и будучи связанъ и ведомъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ узниковъ, совершившихъ безчисленныя злодѣянія, онъ не стыдился быть связаннымъ вмѣстѣ съ ними, но еще заботился о всѣхъ, плывшихъ съ нимъ, не боясь за себя и зная, что самъ былъ въ безопасности. Переплывая такое море въ узахъ, онъ радовался, какъ будто отправляясь для полученія величайшей власти. Обращеніе города римлянъ представлялось ему не малою наградою. Между тѣмъ онъ не оставлялъ безъ вниманія и бывшихъ съ нимъ на кораблѣ, но вразумлялъ и ихъ, разсказывая бывшее ему видѣніе, изъ котораго они узнали, что всѣ плывшіе съ нимъ спасаются ради него. Это дѣлалъ онъ не съ тѣмъ, чтобы превознести себя, но чтобы расположить ихъ къ послушанію себѣ. Для того и Богъ попустилъ взволноваться морю, чтобы всячески открылась Павлова благодать, и чрезъ непослушаніе ему и чрезъ послушаніе. Такъ, когда онъ совѣтовалъ не плыть, и не послушались его, то опасность дошла до крайности; однако онъ и тогда не былъ жестокъ, но опять заботился о нихъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, и дѣлалъ все для того, чтобы никто не погибъ.

Прибывъ въ Римъ, онъ и тамъ съ какою кротостію возвѣщаетъ истину? Съ какою свободою заграждаетъ уста непокорнымъ? Впрочемъ и здѣсь онъ не останавливается, но и отсюда отправляется въ Испанію. Такъ среди опасностей онъ дѣлался смѣлѣе, и отъ нихъ становился дерзновеннѣе, не только онъ одинъ, но чрезъ него и ученики. Какъ тогда, когда они видѣли бы его ослабѣвающимъ и недѣятельнымъ, они, можетъ быть, и упали бы духомъ; такъ точно, когда видѣли, что онъ дѣлается мужественнѣйшимъ среди опасностей и умножавшихся гоненій, они проповѣдывали съ дерзновеніемъ. На это указывая, онъ говорилъ: *и множайшіи братіи о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово (Божіе) глаголати* (Филипп. I, 14). Если военачальникъ бываетъ храбръ не только тогда, когда поражаетъ и убиваетъ (враговъ), но и когда самъ получаетъ раны, то онъ дѣлаетъ своихъ подчиненныхъ смѣлѣе, и притомъ (достигаетъ этого) въ

*) Въ Дѣян. XXVI, 32: Агриппа Фесту.

большей степени тогда, когда получаетъ раны, нежели когда наноситъ раны. Когда они видятъ, что онъ облитъ кровью и израненъ, и однако не отступаетъ предъ врагами, но стоитъ мужественно, потрясаетъ копьемъ, бросаетъ его въ непріятелей, и не поддается страданіямъ, то и сами сражаются съ большимъ рвеніемъ. Тоже было и съ Павломъ. Видя его связаннымъ и проповѣдующимъ въ темницѣ, подвергающимся бичеванію и обращающимъ
513 бичующихъ, ученики его получали большее дерзновеніе. Посему, выражая это, онъ не сказалъ просто: *надѣявшіися*, но прибавилъ: *паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати*, т. е. братія стали смѣлыми теперь больше, нежели когда я былъ свободенъ отъ узъ. Тогда и самъ онъ исполнялся бо́льшаго рвенія, потому что тогда больше нападалъ на враговъ; усиленіе гоненій усиливало и смѣлость его и побуждало къ большему дерзновенію. Былъ онъ нѣкогда заключенъ въ темницу, и такъ просіялъ, что потрясъ ея основанія, открылъ двери, обратилъ къ себѣ темничнаго стража, и едва не убѣдилъ судію, какъ тотъ говорилъ: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти* (Дѣян. XXVI, 28). Бросали въ него также камни, а онъ обратилъ городъ, бросавшій въ него камни; призывали его на судъ, то іудеи, то аѳиняне—и судьи дѣлались его учениками, противники—послушными. Какъ огонь, попавши въ различныя вещества, болѣе разгорается, и отъ подлагаемаго вещества болѣе усиливается,—такъ и языкъ Павла, къ кому бы ни обращался, привлекалъ ихъ къ себѣ, и возстававшіе на него, будучи уловляемы его рѣчами, скоро дѣлались пищею этому духовному огню, а чрезъ нихъ проповѣдь опять возрастала и переходила къ другимъ. Поэтому онъ и говорилъ: *я въ узахъ, но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. II, 9). Его гнали, но это гоненіе имѣло послѣдствіемъ посольство учителей; и что сдѣлали бы друзья и сообщники, то самое дѣлали враги, не позволяя ему оставаться въ одной странѣ, а своими кознями и гоненіями препровождая всюду врача,
514 такъ чтобы всѣ могли слушать бесѣду его. Опять связывали его, и еще болѣе возбуждали его ревность; преслѣдовали учениковъ, и чрезъ это посылали учителя къ тѣмъ, которые не имѣли его; препровождали въ высшее судилище, и чрезъ это доставляли пользу большему городу. Поэтому-то іудеи съ горестію говорили объ апостолахъ: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. IV, 16)? Чѣмъ мы стѣсняемъ, говорятъ они, тѣмъ самымъ болѣе усиливаемъ. Они предали Павла темничному стражу, чтобы стерегъ его тщательно,—а онъ былъ еще тщательнѣе связанъ Павломъ; отправили его съ узниками, чтобы онъ не убѣжалъ,—а онъ научилъ узниковъ христіанскому ученію; отправили его моремъ, чтобы по неволѣ совершить путь скорѣе,—но случившееся кораблекрушеніе послужило

поводомъ къ наставленію плывшихъ вмѣстѣ съ нимъ; угрожали безчисленными наказаніями, чтобы заглушить проповѣдь,—но она еще болѣе возрастала. И какъ о Господѣ говорили: убьемъ Его, *да не пріидутъ римляне и возмутъ* и городъ нашъ и языкъ (Іоан. xi, 48), а случилось противное,—такъ какъ именно потому, что убили Его, римляне взяли и народъ ихъ и городъ, и что считали препятствіемъ, то сдѣлалось пособіемъ проповѣди,—такъ и тогда, когда проповѣдывалъ Павелъ, что враги предпринимали для истребленія ученія, тѣмъ самымъ распространяли его и вознесли до неизреченной высоты. За все это возблагодаримъ виновника Бога, ублажимъ Павла, чрезъ котораго это совершилось, и будемъ молиться, чтобы и намъ сподобиться такихъ же благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСѢДА

о святомъ отцѣ нашемъ Мелетіѣ,

архіепископѣ Антіохіи великой, и о ревности собравшихся [1]).

СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ обводя глазами это священное стадо 515
и видя городъ весь здѣсь присутствующимъ, не знаю, кого мнѣ ублажать прежде,—святого Мелетія, что онъ и по смерти пользуется такою честію, или вашу любовь, что вы оказываете столько расположенія къ своимъ пастырямъ и послѣ ихъ смерти. Подлинно, блаженъ онъ, что смогъ оставить такое очарованіе любви во всѣхъ васъ; блаженны и вы, что, принявъ залогъ любви, донынѣ постоянно сохраняете его неизмѣннымъ въ отношеніи къ тому, кто далъ его вамъ. Уже пятый годъ прошелъ съ того времени, какъ онъ отошелъ къ вожделѣнному Іисусу, но вы поспѣшили настрѣчу ему сегодня съ такою кипучею ревностію, какъ будто видѣлись съ нимъ вчера или третьяго дня. Поэтому можно позавидовать ему, что произвелъ такихъ дѣтей; но можно позавидовать и вамъ, что вашимъ жребіемъ было имѣть такого отца. Благороденъ и удивителенъ корень, но и плоды достойны этого корня. Въ самомъ дѣлѣ, какъ корень какой-либо дивный, скрываясь въ нѣдрахъ земли, хотя самъ и не виденъ, обнаруживаетъ однакожъ добрую силу свою чрезъ плоды, такъ точно и блаженный Мелетій, скрытый въ этой гробницѣ, хотя самъ невидимъ

[1]) Память св. Мелетія празднуется 12 февраля, и въ этотъ же день, въ 387 году, по всей вѣроятности произнесена бесѣда.

для насъ для глазъ тѣлесныхъ,обнаруживаетъ однакожъ чрезъ васъ плоды свои, силу своей благодати; и если бы мы стали молчать, то и одно это празднество и горячее ваше усердіе достаточно для для того, чтобы громче трубы возгласить о любви святаго Мелетія къ дѣтямъ, потому что онъ воспламенилъ въ душѣ вашей такую любовь къ себѣ, что вы и имя его одно горячо принимаете и возбуждаетесь при самомъ его названіи.

Поэтому и я теперь не просто, но нарочито и съ намѣреніемъ постоянно вставляю среди моихъ словъ это имя, и какъ иной, сплетая золотой вѣнецъ и осыпая его перлами, множествомъ камней дѣлаетъ діадему блистательнѣе, такъ и я, сплетая сегодня вѣнецъ похвалъ для блаженной этой главы, вставляю въ словѣ своемъ постоянныя упоминанія его имени, какъ-бы множества перловъ, надѣясь этимъ сдѣлать его болѣе пріятнымъ и блистательнымъ. Таковъ законъ и таково свойство любящихъ,—привязываться и къ однимъ только именамъ любимыхъ, и къ самымъ названіямъ относиться съ горячностію, что̀ и вы испытали въ отношеніи къ сему блаженному. Въ самомъ началѣ, какъ онъ прибылъ въ городъ и вы приняли его, каждый изъ васъ называлъ свое дитя его именемъ, думая чрезъ это имя ввести святого въ домъ свой, и матери, минуя отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, давали новорожденнымъ дѣтямъ имя блаженнаго Мелетія. Благочестивая ревность побѣждала природу, и дѣти съ этого времени были любезными для родителей не
516 по естественной только любви, но и по расположенію къ такому имени. Самое имя это считали и украшеніемъ родства, и утвержденіемъ дома, и спасеніемъ для называющихся имъ, и утѣшеніемъ любви; и какъ сѣдящіе во тьмѣ, какъ скоро зажжена одна лампада, зажигаютъ отъ нея много свѣтильниковъ, и каждый вноситъ ихъ въ домъ свой, такъ точно и тогда, когда это имя, какъ свѣтъ, явилось въ городѣ, каждый вносилъ въ свой домъ имя этого блаженнаго, какъ бы зажигая свѣтильникъ и какъ бы пріобрѣтая чрезъ такое названіе сокровище безчисленныхъ благъ. Подлинно, происходившее тогда было обученіемъ благочестію: по необходимости постоянно вспоминая это имя и содержа въ душѣ самого святого, находили въ имени его оружіе для отгнанія всякой безумной страсти и помысла; и сдѣлалось оно столь общеупотребительнымъ, что вездѣ, и на улицахъ, и на торжищахъ, и на поляхъ, и на дорогахъ, отовсюду слышалось это имя. Впрочемъ не къ имени только его вы питали такую привязанность, но и къ внѣшнему его виду. Какъ вы поступали съ его именемъ, такъ поступали и съ его изображеніемъ. Многіе начертывали этотъ святой образъ и на перстняхъ—вмѣсто камней, и на печатяхъ, и на чашахъ, и на стѣнахъ комнатъ, вездѣ,—чтобы не только слышать

святое имя его, но и вездѣ видѣть тѣлесный образъ его, и имѣть двойное утѣшеніе въ разлукѣ съ нимъ.

Тотчасъ по вступленіи онъ былъ изгнанъ изъ города, потому что враги истины преслѣдовали его; а Богъ попустилъ это, желая показать вмѣстѣ и его добродѣтель, и ваше мужество. Такъ какъ онъ, пришедши какъ бы Моисей въ Египетъ, избавилъ городъ отъ еретическаго заблужденія и, отсѣкши гнилые и неисцѣльно больные члены отъ остальнаго тѣла, возвратилъ цѣлой церкви совершенное здоровье, то враги истины, не вынося такого исправленія, склонили тогда царя изгнать его изъ города, надѣясь такимъ образомъ восторжествовать надъ истиною и разрушить исправленіе прежде бывшаго. Но случилось противное тому, чего они ожидали, и еще болѣе обнаружилась ваша ревность, и еще яснѣе просіяло его умѣнье научать: его (умѣнье)—въ томъ, что въ теченіе неполныхъ тридцати дней онъ смогъ такъ утвердить васъ въ ревности по вѣрѣ, что когда и безчисленные вѣтры потомъ налегали, ученіе это осталось непоколебимымъ; а ваша ревность обнаружилась въ томъ, что вы съ такимъ тщаніемъ приняли сѣмена, посѣянныя имъ въ теченіе неполныхъ тридцати дней, что они пустили корни въ глубину вашей души и не поддались уже ни одному изъ случавшихся послѣ того искушеній.

2. Несправедливо было бы опустить и то, что́ случилось при 517
самомъ изгнаніи. Когда начальникъ города, посадивъ на колесницѣ близъ себя святого, проѣзжалъ быстро среди площади, то камни, какъ градъ, со всѣхъ сторонъ посыпались на голову начальника, потому что граждане не переносили разлуки и хотѣли лучше лишиться настоящей жизни, нежели видѣть отторгнутымъ этого святого. Что же сдѣлалъ тогда этотъ блаженный? Увидѣвъ бросаемые камни, онъ покрылъ голову начальника своими одеждами, и враговъ пристыдивъ чрезмѣрною кротостію, и вмѣстѣ ученикамъ своимъ преподавъ наставленіе, какое должно оказывать незлобіе къ обижающимъ, и какъ не только не слѣдуетъ дѣлать имъ никакого зла, но, если и отъ другихъ угрожаетъ имъ опасность, то и ее отклонять со всею ревностію. Кто не изумлялся тогда, видя и неистовую любовь граждан, и поражаясь высокимъ любомудріемъ учителя, его смиреніемъ и кротостію? Подлинно, неожиданно было случившееся тогда. Пастырь былъ изгоняемъ, а овцы не разсѣивались; кормчій былъ выбрасываемъ, а ладья не погружалась; земледѣлецъ подвергался преслѣдованію, а виноградъ приносилъ большій плодъ. Такъ какъ вы были связаны другъ съ другомъ союзомъ любви, то ни наведенныя искушенія, ни возникшія опасности, ни дальность пути, ни продолжительность времени, и ничто другое не смогло отлучить васъ отъ общенія съ блаженнымъ пастыремъ.

Онъ былъ изгоняемъ для того, чтобы сталъ далекимъ отъ дѣтей; но случилось противное: онъ еще тѣснѣе соединился съ вами узами любви, и отправился въ Арменію, взявъ съ собою весь городъ. Тѣло его, конечно, оставалось въ томъ отечествѣ, но сердце и умъ, воспаряя благодатію Духа, какъ бы на какихъ крыльяхъ, и постоянно присутствуя среди васъ, содержали весь этотъ народъ въ душѣ его. То же самое испытали и вы. Сидя здѣсь въ предѣлахъ этого города, вы духомъ любви ежедневно улетали въ Арменію, смотрѣли на святое лице, слушали пріятнѣйшій и блаженный голосъ, и затѣмъ опять возвращались. По этой причинѣ Богъ и попустилъ ему тотчасъ быть изгнаннымъ изъ города, чтобы, какъ я прежде сказалъ, показать нападающимъ на васъ врагамъ и твердость вашей вѣры, и его опытность въ ученіи.

Это ясно и изъ того, что, возвратившись послѣ перваго изгнанія, онъ пробылъ здѣсь не тридцать только дней, но (цѣлые) мѣсяцы и годы, не одинъ и не два, а больше, и такъ какъ вы дали достаточное доказательство твердости въ вѣрѣ, то Богъ и далъ вамъ снова безбоязненно наслаждаться отцемъ. Подлинно, величайшее было наслажденіе — видѣть святое лице его. Не только когда онъ училъ, или говорилъ, но и когда просто смотрѣли на него, онъ былъ въ состояніи внѣдрить всякое ученіе добродѣтели въ душу зрителей. Поэтому, когда онъ возвращался къ вамъ и весь городъ перешелъ на дорогу, то одни близко подходили къ нему, прикасались къ ногамъ, цѣловали руки и слушали голосъ; а другіе, задержанные толпою, только издали глядя на него, получали отъ лицезрѣнія его какъ будто достаточное благословеніе, чувствовали себя нисколько не хуже находившихся вблизи, и такимъ
518 образомъ уходили съ полнымъ довольствомъ. И что бывало при апостолахъ, то же случилось и при немъ. Какъ при апостолахъ, тѣ, которые не могли подойти и быть близко, отъ тѣни ихъ, простиравшейся и издали касавшейся ихъ, получали такую же благодать и одинаково здоровыми уходили,—такъ точно и теперь тѣ, которые не могли подойти, чувствовали какъ бы нѣкоторую духовную славу, исходившую отъ святой главы сей и достигавшую до самыхъ отдаленныхъ, и всѣ уходили, отъ одного лицезрѣнія его исполнившись всякаго благословенія.

3. Когда наконецъ общему всѣхъ Богу угодно было воззвать его изъ настоящей жизни и поставить въ ликъ ангеловъ, то и это произошло не просто, но вызываетъ его грамата царя, подвигнутаго къ тому Богомъ, — вызываетъ его не въ близкое какое-либо и сосѣднее мѣсто, въ самую Ѳракію, чтобы и галаты, и виѳиняне, и киликійцы и каппадокійцы и всѣ живущіе близъ Ѳракіи узнали наше сокровище, чтобы епископы всей земли, взирая на

святость его, какъ на первоначальный образецъ, и получивъ въ немъ очевидный, ясный примѣръ служенія въ этомъ достоинствѣ, имѣли вѣрное и яснѣйшее правило, по которому должно устроять церкви и управлять. Тогда многіе изъ многихъ мѣстъ вселенной стеклись туда, какъ ради величія города, такъ и по причинѣ пребыванія въ немъ царя; епископы же церквей всѣ созваны были туда царскими граматами, потому что церкви, оправившись отъ долгой войны и бури, начинали пользоваться миромъ и тишиною. Поэтому тогда прибылъ туда и онъ (святой Мелетій). И какъ при трехъ отрокахъ, когда они имѣли быть прославленными и увѣнчанными, погасивъ силу огня, поправъ гордость властителя и обличивъ всякій видъ нечестія, сидѣли зрители со всей вселенной, (сатрапы же и власти высшія и мѣстныя со всей земли были созваны по другой причинѣ, но сдѣлались зрителями и этихъ подвижниковъ), такъ точно случилось и теперь, чтобы составилось для блаженнаго блестящее собраніе зрителей: присутствовали созванные по иной причинѣ епископы, управлявшіе церквами всей земли, и созерцали этого святого. Когда же они насмотрѣлись на него, и вѣрно познали его благочестіе, мудрость, ревность по вѣрѣ и всякую совершенную въ немъ добродѣтель, подобающую священнослужителю, тогда Богъ воззвалъ его къ Себѣ.

Случилось же это и изъ жалости къ нашему городу. Если бы онъ здѣсь испустилъ духъ, невыносимо должно бы было стать бремя этого несчастія. Кто могъ бы видѣть этого блаженнаго испускающимъ послѣдніе вздохи? Кто могъ бы видѣть вѣки глазъ его закрывающимися и уста смыкающимися, вѣщающими послѣднія слова? Кто, видя это, не палъ бы духомъ отъ великаго несчастія? Посему, чтобы не было этого, Богъ устроилъ, что онъ испустилъ духъ въ чужой странѣ, дабы въ промежуточное время размысливъ о несчастіи и пріучивъ нашъ умъ къ горести, мы не были потрясены въ душѣ, когда увидимъ его прибывшаго мертвымъ, какъ дѣйствительно и случилось. Когда городъ встрѣчалъ святое тѣло его, то, хотя и въ такихъ обстоятельствахъ сѣтовалъ и сильно рыдалъ, но скоро оставилъ этотъ плачъ какъ по сказанной причинѣ, такъ и по другой, о которой намѣреваюсь сказать. 519

Именно: человѣколюбивый Богъ, сжалившись надъ нашею скорбію, скоро указалъ намъ другого пастыря [1]), который съ великою точностію сохраняетъ черты предшественника и представляетъ образецъ всякой добродѣтели, который, по вступленіи на престолъ, тотчасъ сложилъ съ насъ печальную одежду и угасилъ скорбь, а память о блаженномъ возобновилъ еще болѣе. Боль исчезла, уны-

[1]) Т. е. епископа Флавіана.

ніе совершенно устранено, а любовь воспламенилась еще сильнѣе, хотя обыкновенно этого не бываетъ и при потерѣ самыхъ любимыхъ. Когда кто-нибудь потеряетъ любимаго сына или жена—уважаемаго мужа, то, доколѣ сохраняетъ о немъ живую память, и скорбь болѣе сильно снѣдаетъ душу; а когда время проходя смягчитъ скорбь, то вмѣстѣ съ силою скорби угасаетъ и живость вос-
520 поминанія. Съ этимъ же блаженнымъ было напротивъ: уныніе уже совершенно изгнано, а память о немъ не исчезла вмѣстѣ съ печалію, но еще больше возрасла. И свидѣтели этому—вы, которые, спустя столько времени (послѣ его кончины), какъ пчелы сотъ, окружили тѣло блаженнаго Мелетія. Побужденіемъ къ тому было не естественное расположеніе къ нему, но здравое сужденіе ума; поэтому память о немъ и не угасла съ его смертію и не ослабѣла отъ времени, но увеличивается и болѣе возрастаетъ не только въ тѣхъ изъ васъ, которые видѣли его, но и въ невидавшихъ. Это-то и удивительно, что даже и тѣ, которые были еще очень молоды при его жизни, сами воспламеняются любовію къ нему. Такимъ образомъ вы, старцы, имѣете преимущество предъ невидѣвшими его въ томъ именно, что были вмѣстѣ съ нимъ и наслаждались святымъ общеніемъ; а невидѣвшіе имѣютъ то преимущество предъ вами, что, не видѣвъ этого мужа, оказываютъ любовь къ нему не менѣе васъ, видѣвшихъ его. Будемъ же молиться всѣ вмѣстѣ, начальники и подчиненные, жены и мужи, старцы и юноши, рабы и свободные,—имѣя самого блаженнаго Мелетія участникомъ этой молитвы (а нынѣ у него большее дерзновеніе и болѣе горячая любовь къ намъ), чтобы эта любовь въ насъ возрастала, и чтобы всѣмъ намъ удостоиться подобно тому, какъ здѣсь находимся близъ его гробницы, такъ и тамъ имѣть возможность быть близъ его вѣчной обители, и получить уготованныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСѢДА

о святомъ мученикѣ Лукіанѣ [1].

519-20 ЧЕГО боялся я вчера, то и случилось, сбылось нынѣ: когда прошелъ праздникъ, ушелъ съ нимъ вмѣстѣ отъ насъ и народъ, и собраніе у насъ сдѣлалось меньше. Я зналъ вполнѣ, что
521 это случится, однако не отмѣнилъ поэтому поученія, такъ

[1]) Память его праздновалась 7 января, когда — въ 387 году—и произнесена бесѣда.

какъ хотя не всѣ, слушавшіе вчера, оказали повиновеніе, но не всѣ и непослушны оказались; а это не мало для насъ въ смыслѣ утѣшенія. Поэтому и сегодня я не уклонюсь отъ поученія, такъ какъ если и не чрезъ насъ, то чрезъ васъ во всякомъ случаѣ они услышатъ сказанное. Подлинно, кто могъ бы въ молчаніи перенести такую безпечность ихъ, или извинить и оправдать тѣхъ, которые, видѣвъ столько времени мать свою (церковь) и насладившись въ ней благами, удалились и не смогли вторично опять возвратиться, уподобились не голубицѣ Ноевой, но ворону, и притомъ тогда, какъ зима и волненіе еще продолжаются, и все болѣе жестокая каждый день поднимается буря, а этотъ святый ковчегъ стоитъ посрединѣ и всѣхъ зоветъ и привлекаетъ къ себѣ и прибѣгающимъ къ нему доставляетъ великую безопасность? Онъ отражаетъ не удары воды и волнъ, но непрестанныя возстанія неразумнѣйшихъ страстей, истребляетъ зависть, низлагаетъ безуміе. Здѣсь и богатый не сможетъ презирать бѣднаго, слыша изъ божественныхъ Писаній, что *всяка плоть сѣно и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный* (Иса. XL, 6), и бѣдный, увидѣвъ другого богатымъ, не предастся зависти, слыша и самъ слова другого пророка: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его: яко, внегда умрети ему, не возметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Псал. XLVIII, 17, 18). Такова природа этого богатства: оно не сопутствуетъ имѣющимъ его, не переселяется отсюда вмѣстѣ съ пріобрѣтшими его, не защищаетъ, когда они бываютъ судимы тамъ и подвергаются наказаніямъ, но совершенно отлучается отъ нихъ смертію, а многихъ покидало и прежде смерти; пользованіе имъ невѣрно, наслажденіе ненадежно, пріобрѣтеніе опасно. Но не таковы свойства добродѣтели и милостыни; это сокровище неприкосновенно. Откуда извѣстно это? Тотъ, кто любомудрствовалъ о здѣшнемъ богатствѣ и сказалъ, что *не снидетъ съ нимъ слава его позади его*, онъ же и о сокровищахъ милостыни, всегда пребывающихъ и никогда не похищаемыхъ, научилъ насъ, сказавъ такъ: *расточи, даде убогимъ, правда его пребываетъ во вѣкъ* (Псал. CXI, 9). Что можетъ быть удивительнѣе этого? Собираемое погибаетъ, а расточаемое остается цѣлымъ,—и весьма справедливо, такъ какъ одно принимаетъ Богъ, а изъ руки Божіей никто не можетъ похитить, другое же сохраняется въ сокровищахъ человѣческихъ, гдѣ подвергается многимъ ковнямъ, гдѣ много зависти и недоброжелательства. Итакъ, возлюбленный, не лѣнись проводить здѣсь время, потому что, если какая-нибудь скорбь возмущаетъ тебя, здѣсь она прогоняется; если—житейскія заботы, онѣ убѣгаютъ; если—безумныя страсти, онѣ погасаютъ; а съ торжища, отъ зрѣлищъ и изъ дру-

гихъ внѣшнихъ собраній мы возвращаемся домой, обремененные множествомъ заботъ, скорбями и болѣзнями душевными.
522 Если ты постоянно будешь проводить время здѣсь, то непремѣнно сложишь съ себя и то зло, какое ты получилъ отвнѣ; а если станешь уклоняться и убѣгать, то и тѣ блага, какія ты пріобрѣлъ отъ божественныхъ Писаній, непремѣнно потеряешь, мало по малу расточая свое богатство во внѣшнихъ собраніяхъ и бесѣдахъ. А что это справедливо, постарайтесь, вышедши отсюда, повидать небывшихъ здѣсь сегодня, и вы увидите, сколько различія между вашимъ благодушіемъ и ихъ душевнымъ разстройствомъ. Не такъ прекрасна и пріятна невѣста, сидящая въ брачномъ чертогѣ, какъ дивна и славна душа, являющаяся въ церкви благоухающею духовными ароматами. Кто приходитъ сюда съ вѣрою и усердіемъ, тотъ выходитъ съ безчисленными сокровищами; какъ только онъ откроетъ уста, тотчасъ исполняетъ присутствующихъ всякимъ благоуханіемъ и духовнымъ богатствомъ; и хотя бы постигли его безчисленныя бѣдствія, онъ все перенесетъ легко, получивъ здѣсь отъ божественныхъ Писаній достаточное побужденіе къ терпѣнію и любомудрію. И какъ стоящій постоянно на скалѣ смѣется надъ волнами, такъ и участвующій постоянно въ (церковныхъ) собраніяхъ и орошаемый божественными изреченіями, утвердивъ себя какъ бы на скалѣ правильнаго сужденія о вещахъ, не увлечется ничѣмъ человѣческимъ, ставши выше напора житейскихъ дѣлъ. Получивъ великую пользу и душевное утѣшеніе не только отъ поученія, но и отъ молитвы, и отъ отеческаго благословенія, и отъ общаго собранія, и отъ любви братій, и отъ многаго другаго, онъ такимъ образомъ возвращается, принося домой безчисленныя блага. Посмотри же, какого вы сподобитесь сегодня благословенія, и какую тѣ понесутъ потерю. Вы уйдете отсюда, получивъ награду мучениковъ, а они, кромѣ того, что лишатся этой прибыли, потерпятъ еще другой вредъ, навлекши на себя отъ безполезныхъ занятій большую кучу заботъ. Какъ *пріемляй пророка, во имя пророчо, мзду пророчу пріиметъ, и пріемляй праведника во имя праведничо, мзду праведничу пріиметъ* (Матѳ. x, 41), такъ и принимающій мученика во имя мученика получитъ награду мученика; а пріемъ мученика—собираться въ память его, участвовать въ бесѣдѣ объ его подвигахъ, дивиться совершенному имъ, соревновать добродѣтели, передавать другимъ доблести его. Таково угощеніе мучениковъ; такъ принимаютъ этихъ святыхъ,—какъ и вы поступили сегодня!

2. Итакъ, вчера Господь нашъ крестился водою, а сегодня рабъ крещается кровію; вчера отверзались врата неба, сегодня попраны врата ада. Не удивляйтесь, если я мученичество назвалъ креще-

ніемъ: и здѣсь Духъ витаетъ съ великимъ обиліемъ, и бываетъ изглажденіе грѣховъ и дивное нѣкое и чудное очищеніе души, и какъ крещаемые—водою, такъ претерпѣвающіе мученичество омываются собственною кровію, что случилось и съ этимъ (мучени- 523
комъ Лукіаномъ). Но прежде рѣчи объ убіеніи его, необходимо сказать о коварствѣ діавола. Увидѣвъ ясно, что мученикъ посмѣвался всякому наказанію и мученію внѣшнему и что, и печь разжегши, и яму ископавъ, и колесо приготовивъ, и поднявъ на дерево, и свергнувъ въ пропасть, и бросивъ на зубы звѣрей, не смогъ онъ преодолѣть любомудрія святого, (діаволъ) придумалъ другой, жесточайшій способъ и постарался изыскать такое мученіе, которое было бы и самымъ рѣзкимъ и вмѣстѣ самымъ продолжительнымъ. Такъ какъ изъ наказаній невыносимыя доставляютъ весьма скорое избавленіе, а болѣе продолжительныя причиняютъ меньшую боль, то онъ постарался найти наказаніе, совмѣщающее то и другое, и продолжительность и чрезвычайную, невыносимую боль, чтобы и силою, и продолжительностію времени сокрушить твердость души мученика.

Что же онъ дѣлаетъ? Онъ предаетъ святого сего голоду. А ты, услышавъ о голодѣ, не оставляй этого слова безъ вниманія; это самая жестокая изъ всѣхъ смертей; свидѣтелями тому—испытавшіе голодъ; не дай Богъ намъ испытать его; мы хорошо научены молиться, *да не внидемъ въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41). Онъ (голодъ), какъ бы палачъ какой, сидящій внутри утробы, терзаетъ всѣ члены, сильнѣе всякаго огня и звѣря пожирая со всѣхъ сторонъ тѣло, причиняя постоянную и невыразимую боль. И чтобы зналъ ты, каковъ голодъ, (скажу, что и дѣтей) часто съѣдали матери, не вынесши силы этого зла. И пророкъ, оплакивая это бѣдствіе, сказалъ: *руцы женъ милосердыхъ свариша дѣти своя* (Плач. Іер. IV, 10). Матери ѣли тѣхъ, кого родили, и чрево родившее дѣлалось гробомъ для рожденныхъ имъ дѣтей, и голодъ побѣждалъ природу, или вѣрнѣе—не природу только, но и волю; но мужества этого святого онъ не побѣдилъ. Кто не изумится, услышавъ это? Что въ самомъ дѣлѣ сильнѣе природы? Что перемѣнчивѣе воли? И однако, чтобы ты зналъ, что нѣтъ ничего сильнѣе страха Божія, воля оказалась тверже природы; матерей посрамляло это мученіе и заставляло забывать болѣзни рожденія, а этого святого не могло уронить; не преодолѣла его любомудрія, и не побѣдила его мужества эта казнь, но пребывалъ онъ тверже всякаго адаманта, услаждаясь благими надеждами, восхищаясь поводомъ къ подвигамъ, имѣя достаточное утѣшеніе въ самой причинѣ борьбы, особенно же слушая постоянно слова Павла: *во алчбѣ и жажди, въ зимѣ и наготѣ* (2 Кор. XI, 27); и еще: *до нынѣшняго часа и ал-*

чемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ (1 Кор. IV, 11), такъ какъ онъ зналъ, вѣрно зналъ, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Когда же скверный демонъ увидѣлъ, что онъ не поддается и такой крайности, то сдѣлалъ мученіе еще болѣе
524 тяжкимъ: взявъ идоложертвенное и наполнивъ имъ трапезу, онъ положилъ это предъ его глазами, чтобы готовою возможностію ослабить твердость его воли, потому что мы не такъ уловляемся, когда не видно соблазнительныхъ предметовъ, какъ въ то время, когда они находятся предъ нашими глазами, какъ и похоть къ женщинамъ легче одолѣваемъ, не видя благообразной женщины, нежели постоянно смотря на нее. Однако праведникъ побѣдилъ и эту хитрость, и чѣмъ діаволъ думалъ ослабить его мужество, это болѣе всего и укрѣпило его къ подвигамъ: онъ не только не потерпѣлъ ничего отъ взгляда на идоложертвенное, но еще болѣе сталъ отвращаться отъ него и гнушаться. И что мы испытываемъ по отношенію къ врагамъ, — чѣмъ больше мы смотримъ на нихъ, тѣмъ больше ненавидимъ ихъ и отвращаемся,— это же испыталъ онъ тогда въ отношеніи къ той мерзкой жертвѣ: видя ее, онъ еще больше гнушался и избѣгалъ ея, и постоянное созерцаніе возбуждало въ немъ еще болѣе ненависти и отвращенія къ предложенному. Хотя голодъ и сильно вопіялъ внутри и повелѣвалъ коснуться предложеннаго, но страхъ Божій отводилъ руки и заставлялъ забыть самую природу; смотря на скверную и проклятую трапезу, (мученикъ) вспоминалъ о другой, страшной и исполненной Духа трапезѣ, и такъ воспламенялся, что избралъ лучше перенести и вытерпѣть все, нежели вкусить тѣхъ скверныхъ снѣдей. Вспоминалъ онъ и о трапезѣ трехъ отроковъ, которые, будучи въ молодости взяты въ плѣнъ и лишены всякой защиты, въ землѣ чужой и странѣ варварской показали такое любомудріе, что мужество ихъ воспѣвается донынѣ. Тогда какъ іудеи, и собственною владѣя землею, предавались нечестію, и въ храмѣ находясь, служили идоламъ, эти юноши, отведенные въ варварскую страну, гдѣ идолы и поводъ ко всякому нечестію, постоянно соблюдали отеческіе обычаи. Если же плѣнники и рабы, и юные, говоритъ онъ, прежде благодати показали такое любомудріе, то какого прощенія будемъ достойны мы, если не сможемъ опередить ихъ даже и въ той же самой добродѣтели?

3. Размышляя обо всемъ этомъ, онъ посмѣвался злобѣ діавола, презиралъ его козни и не поддавался ничему видимому. Поэтому, когда нечистый тотъ увидѣлъ, что ни въ чемъ ему никакой нѣтъ пользы, то ведетъ его опять въ судилище и пытая предлагаетъ непрерывные вопросы. А онъ на каждый вопросъ отвѣчалъ одно

только: я христіанинъ; и когда палачъ говорилъ: какого ты отечества?—я христіанинъ, отвѣчалъ онъ; какое у тебя занятіе?—я христіанинъ; кто предки? — онъ на все отвѣчалъ: я христіанинъ, однимъ этимъ простымъ словомъ поражая голову діавола и нанося ему постоянныя одну за другою раны. Хотя онъ обладалъ и внѣшнимъ образованіемъ, но вѣрно зналъ, что въ такихъ состязаніяхъ нужно не риторство, а вѣра, не сила слова, а боголюбивая душа; достаточно, говоритъ, одного слова, чтобы обратить въ бѣгство все полчище діавольское. Для тѣхъ, которые не тщательно вникаютъ въ дѣло, этотъ отвѣтъ покажется, пожалуй, неумѣстнымъ; но кто остановитъ на немъ вниманіе, тотъ усмотритъ и изъ него мудрость 525
мученика. Сказавъ: я христіанинъ, онъ объяснилъ этимъ и свое отечество, и родъ, и занятіе, и все. Какимъ образомъ? Я говорю: христіанинъ не имѣетъ города на землѣ, но вышній Іерусалимъ: *вышній Іерусалимъ*, говоритъ (апостолъ), *свободь есть, иже есть мати намъ* (Гал. IV, 26). Христіанинъ не имѣетъ занятія на землѣ, но посвящаетъ себя вышнему образу жизни: *наше бо житіе*, говоритъ (апостолъ), *на небесѣхъ есть* (Филипп. III, 20). Христіанинъ имѣетъ своими сродниками и согражданами всѣхъ святыхъ: мы *сожителе святымъ*, говоритъ (апостолъ), *и присніи Богу* (Ефес. II, 19). Такимъ образомъ онъ (мученикъ) однимъ словомъ съ точностію указалъ, кто онъ, откуда, и отъ кого, и чѣмъ обыкновенно занимался. Съ этимъ словомъ онъ и жизнь кончилъ, и отошелъ, понесши ко Христу залогъ въ цѣлости, и потомковъ убѣждая своими страданіями—быть твердыми и не бояться ничего, развѣ только грѣха и отреченія.

Итакъ, зная это, будемъ и мы во время мира заботиться о томъ, что нужно для войны, дабы съ наступленіемъ войны и намъ воздвигнуть блистательный трофей. Онъ презрѣлъ голодъ, презримъ и мы роскошь и уничтожимъ власть чрева, чтобы, когда настанетъ время, требующее отъ насъ такого же мужества, мы, напередъ 526
приготовившись посредствомъ меньшихъ подвиговъ, явились славными во время борьбы. Онъ говорилъ смѣло предъ начальниками и царями: будемъ дѣлать это нынѣ и мы, и если будемъ засѣдать въ собраніяхъ богатыхъ и славныхъ язычниковъ, станемъ смѣло исповѣдывать вѣру, посмѣваться ихъ заблужденію. Если они начнутъ свое превозносить, а наше унижать, не станемъ молчать и переносить спокойно, но, раскрывъ ихъ гнусность, будемъ прославлять все христіанское съ великою мудростію и смѣлостію; и какъ царь діадему на головѣ, такъ и мы будемъ вездѣ носить исповѣданіе вѣры. Не столько его украшаетъ вѣнецъ, сколько насъ обыкновенно—вѣра и ея исповѣданіе; и не словами только, но и самыми дѣлами станемъ дѣлать это, являя и жизнь во всемъ

достойную исповѣданія, чтобы гнусностію дѣлъ не посрамить догматовъ, но, во всемъ прославляя нашего Владыку, насладиться и здѣсь и тамъ честію, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, держава и честь, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СВЯТОМЪ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКѢ ВАВИЛѢ [1]).

527—528 ХОТѢЛЪ я сегодня отдать долгъ, который недавно, бывши здѣсь, я обѣщалъ вамъ; но что мнѣ дѣлать? Блаженный Вавила, явившійся тѣмъ временемъ, позвалъ насъ къ себѣ, не
529 голосъ подавши, но блескомъ вида своего привлекши насъ. Не гнѣвайтесь поэтому на отсрочку уплаты; во всякомъ случаѣ чѣмъ больше пройдетъ времени, тѣмъ болѣе возрастетъ и прибыль для васъ: мы уплотимъ серебро съ лихвой, потому что и Владыка, ввѣрившій намъ его, такъ повелѣлъ (Лук. XIX, 23). Итакъ, не сомнѣваясь касательно этого долга, такъ какъ и капиталъ и проценты вамъ остаются, не пропустимъ и сегодня случившейся прибыли, но насладимся подвигами блаженнаго Вавилы.

Впрочемъ, какъ управлялъ онъ нашею церковію, и спасъ этотъ священный корабль среди непогоды, бури и волнъ, какое показалъ дерзновеніе предъ царемъ, какъ душу свою положилъ за овецъ и принялъ то блаженное закланіе, объ этомъ и подобномъ говорить предоставимъ старѣйшимъ изъ учителей и общему нашему отцу (епископу). О древнѣйшихъ событіяхъ прекрасно могутъ разсказать вамъ старцы, а что случилось недавно и на нашемъ вѣку, это разскажу вамъ я, юный,—разумѣю происшедшее послѣ кончины мученика, послѣ погребенія его, и въ то время, когда онъ пребывалъ въ предмѣстіи города. Знаю, что язычники будутъ смѣяться надъ этимъ нашимъ обѣщаніемъ, когда мы обѣщаемъ говорить о славныхъ дѣлахъ, послѣ кончины и погребенія совершенныхъ погребеннымъ и обратившимся въ прахъ; но изъ-за этого мы конечно не станемъ молчать, а по этой самой причинѣ больше всего и будемъ говорить, чтобы, показавъ на самомъ дѣлѣ такое чудо, обратить смѣхъ на ихъ

---

[1]) Память св. Вавилы праздновалось 24 января, къ какому времени нужно относить и произнесеніе бесѣды; годъ произнесенія — по вѣроятному предположенію—387-й.

голову. У человѣка вообще не бываетъ, конечно, подвиговъ послѣ смерти; но у мученика можетъ быть и много и великихъ, не для того, чтобы ему сдѣлаться болѣе славнымъ (онъ нисколько не нуждается въ одобреніи народа), но чтобы ты, невѣрный, понялъ, что смерть мучениковъ не есть смерть, а начало лучшей жизни, вступленіе въ жизнь болѣе духовную, преставленіе отъ худшаго къ лучшему. Не на то гляди, что лежитъ предъ тобою нагое тѣло мученика, лишенное душевной дѣятельности, а разсмотри то, что въ немъ присутствуетъ иная, высшая самой души, сила, благодать Святаго Духа, которая чрезъ свои чудотворенія всѣмъ говоритъ въ защиту воскресенія. Если мертвымъ и обратившимся въ прахъ тѣламъ Богъ даровалъ силу большую, нежели у всѣхъ живыхъ, то тѣмъ болѣе Онъ даруетъ имъ жизнь лучшую прежней и блаженнѣйшую во время раздаянія вѣнцовъ. Какіе же подвиги этого мученика? Не смущайтесь, если мы поведемъ бесѣду нѣсколько издалека. Вѣдь тѣ, которые хотятъ хорошо показать картины, нѣсколько отводятъ зрителей отъ доски и потомъ уже открываютъ ихъ, на разстояніи давая имъ яснѣе видѣть. Потерпите же и вы, пока мы отводимъ назадъ слово.

Когда превзошедшій всѣхъ нечестіемъ Юліанъ вступилъ на царскій престолъ и принялъ скипетръ господства, онъ тотчасъ
поднялъ руки на Создателя своего Бога, отрекся отъ Благодѣтеля, 530
и снизу, отъ земли, смотря на небо, залаялъ подобно бѣшенымъ псамъ, которые одинаково поднимаютъ лай и на тѣхъ, кто не кормитъ ихъ, и на тѣхъ, кто кормитъ, или—лучше—сталъ неистовствовать хуже и ихъ. Они одинаково отвращаются и ненавидятъ какъ своихъ, такъ и чужихъ, а онъ предъ врагами спасенія, бѣсами, вилялъ хвостомъ и оказывалъ имъ всякаго рода служеніе, Благодѣтеля же и Спасителя, который не пощадилъ для него даже Единороднаго Своего, отвергся и возненавидѣлъ, и поносилъ крестъ, ту вещь, которая возстановила лежавшую во прахѣ вселенную, прогнала отовсюду тьму и озарила насъ свѣтомъ, блистательнымъ болѣе лучей солнца. И на этомъ не остановился въ своемъ неистовствѣ, но обѣщалъ истребить изъ среды вселенной родъ галилеянъ: такъ онъ обыкновенно называлъ насъ,—хотя, если онъ считалъ имя христіанъ предметомъ отвращенія и вполнѣ постыдною вещью, то для чего пожелалъ безчестить насъ не этимъ самымъ, а чужимъ именемъ? Онъ хорошо зналъ, что названіе, означающее близость ко Христу, служитъ великимъ украшеніемъ не только людямъ, но и ангеламъ и вышнимъ силамъ. Поэтому онъ и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы отнять у насъ это украшеніе и прекратить проповѣдь. Но это было невозможно, жалкій и несчастный человѣкъ, какъ невозможно было разрушить небо, пога-

сить солнце, поколебать и низвергнуть основанія земли. Это предвозвѣстилъ и Христосъ, сказавъ такъ: *небо и земля мимо идутъ, словеса же моя не мимо идутъ* (Мѳ. xxiv, 35). Но ты не выносишь словъ Христа: такъ послушай голосъ событій. Я, удостоившійся познать, что значитъ изреченіе Божіе, какъ оно могущественно и необоримо, вѣрую, что оно достовѣрнѣе и порядка природы, и опыта всѣхъ событій; а ты, пресмыкающійся по землѣ и пристрастившійся къ изслѣдованію человѣческихъ мнѣній, прими свидѣтельство событій,—я ни въ чемъ не противорѣчу и не спорю.

2. Что же говорятъ событія? Христосъ сказалъ, что легче погибнуть небу и землѣ, нежели пропасть какому-либо изъ словъ Его; противъ этого сталъ говорить тотъ царь и угрожалъ истребить эти догматы. Гдѣ же царь, угрожавшій такъ? Погибъ, исчезъ, и теперь во адѣ ждетъ себѣ неизбѣжнаго наказанія. А гдѣ Христосъ, изрекшій тѣ слова? На небесахъ, одесную Отца занимаетъ высочайшій престолъ славы. Гдѣ хульныя рѣчи царя и необузданный языкъ? Онъ сдѣлался пепломъ, прахомъ и пищею червей. А гдѣ изреченіе Христово? Оно сіяетъ истиною дѣлъ, и слѣдственно блистаетъ въ событіи, какъ бы съ золотого столба. Ничего не опустилъ тогда царь, намѣреваясь воздвигнуть противъ насъ войну, но и волшебниковъ призывалъ, и чародѣевъ собиралъ, и все наполнено было демонами и злыми духами.

531 Какое же было воздаяніе за это служеніе? Разрушеніе городовъ и голодъ, жесточайшій изъ всѣхъ голодовъ. Вы конечно знаете и помните, какъ пусто было безъ товаровъ торжище, какихъ смутъ полны были мастерскія, когда каждый старался прежде другихъ схватить попавшееся на глаза и уйти. И что я говорю о голодѣ, когда самые источники оставались безъ воды, источники, которые затмѣвали рѣки обиліемъ воды? Но такъ какъ я упомянулъ объ источникахъ, то взойдемъ наконецъ въ Дафну, и обратимъ рѣчь къ дѣяніямъ мученика. Вы, конечно, желаете еще выставить на позоръ мерзости язычниковъ, но и такъ, имѣя его при себѣ, принудимъ мы ихъ отступить, потому что гдѣ память мучениковъ, тамъ во всякомъ случаѣ и позоръ язычниковъ. Итакъ этотъ царь, взойдя въ Дафну, непрестанно надоѣдалъ Аполлону, приставая съ просьбами и мольбами, чтобы сказалъ ему что-нибудь о будущемъ. Что же прорицатель, великій богъ язычниковъ? Мертвые, сказалъ онъ, препятствуютъ мнѣ говорить; но ты разрушь гробницы, выкопай кости, перенеси мертвыхъ. Что можетъ быть нечестивѣе этихъ повелѣній? Демонъ вводитъ странные законы раскапыванія гробницъ и выдумываетъ новые способы изгнанія чужихъ. Кто слыхалъ, чтобы мертвые были когда-нибудь изгоняемы? Кто видалъ, чтобы приказывалось переносить съ одного мѣста на другое

бездушныя тѣла, какъ онъ повелѣлъ, разрушая до основанія общіе законы природы? Общіе законы природы у всѣхъ людей—покрывать умершаго землею, предавать погребенію и хоронить въ нѣдрахъ матери всѣхъ—земли. Этихъ законовъ не колебалъ никогда ни эллинъ, ни варваръ, ни скиѳъ, ни иной кто даже превосходящій ихъ грубостію, но всѣ чтутъ и соблюдаютъ ихъ: такъ они священны и почтенны для всѣхъ. Но демонъ, снявъ маску, съ открытою головою возстаетъ противъ общихъ уставовъ природы: мертвые, говоритъ онъ, скверна. Не мертвые скверна, лукавѣйшій демонъ, а злая воля есть мерзость. Если же надо сказать и нѣчто удивительное, то скорѣе тѣла живыхъ исполнены зла, нежели тѣла умершихъ нечисты, потому что тѣ служатъ велѣніямъ души, эти же лежатъ неподвижно, а неподвижное и не имѣющее никакого чувства бываетъ свободно и отъ всякой вины. Впрочемъ я не говорю, чтобы и тѣла живыхъ людей были по самой природѣ нечисты, но что вездѣ за преступленія всѣхъ отвѣтственна злая и развращенная воля.

Нѣтъ, Аполлонъ, не мертвое тѣло есть скверна, но гнаться за дѣвицею цѣломудренною, чтобы лишить ее дѣвственной чести, и плакать, не получивъ удачи въ безстыдномъ дѣлѣ,—это вотъ достойно и осужденія и наказанія! Много было и у насъ пророковъ дивныхъ и великихъ, много предсказывавшихъ о будущемъ и никогда не повелѣвали они вопрошавшимъ выкапывать кости умершихъ; а Іезекіиль, стоя близъ самыхъ костей, не только не встрѣтилъ въ нихъ себѣ никакого препятствія, но и возвратилъ ихъ опять къ жизни, облекши ихъ плотію, жилами и кожею. Великій же Моисей не 532
только стоялъ подлѣ мертвыхъ костей, но даже цѣлаго мертвеца несъ съ собою—Іосифа—и при этомъ предсказывалъ будущее. И это вполнѣ естественно, потому что ихъ слова были благодатію Духа Святаго, а слова тѣхъ—обманъ и ложь, которая ничѣмъ не можетъ быть прикрыта. Что тѣ слова были отговоркою и предлогомъ, и что боялся онъ блаженнаго Вавилы, ясно изъ того, что сдѣлалъ царь: оставивъ всѣхъ остальныхъ мертвецовъ, онъ перенесъ одного только этого мученика. И притомъ, если бы онъ дѣлалъ это, гнушаясь имъ, а не боясь, то надо было приказать, чтобы гробницу разломали, потопили въ морѣ, удалили въ пустое мѣсто, или уничтожили другимъ какимъ-нибудь образомъ: это свойственно было гнушающемуся. Такъ сдѣлалъ Богъ, когда говорилъ евреямъ о мерзостяхъ язычниковъ: Онъ повелѣлъ сокрушить столбы ихъ, а не нести эти мерзости изъ предмѣстій въ города.

3. Итакъ, мученикъ былъ перенесенъ, но демонъ и послѣ того не наслаждался безопасностію, а тотчасъ узналъ, что кости-то мученика возможно перенести, но рукъ мученика избѣжать не-

возможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ гробницу эту съ тѣломъ повезли въ городъ, и молнія свыше ударила въ голову идола, и все попалила. По крайней мѣрѣ тогда, если уже не прежде, надлежало нечестивому царю разгнѣваться и излить гнѣвъ свой на храмъ мученика; но и тогда не дерзнулъ онъ: такой овладѣлъ имъ страхъ; и хотя видѣлъ онъ, что пожаръ нестерпимъ, и точно зналъ причину его, однако былъ тихъ. И не это только удивительно, что онъ не разрушилъ храма мученика, но и то, что не дерзнулъ опять покрыть кровлею капище. Онъ зналъ, точно зналъ, что этотъ ударъ былъ посланъ отъ Бога, и боялся, чтобы дальнѣйшими своими замыслами не призвать того же огня на собственную голову. Посему онъ терпѣливо и смотрѣлъ на приведенный въ запустѣніе храмъ Аполлоновъ. И не было никакой другой причины, почему онъ не исправилъ случившагося, какъ только страхъ, по которому онъ невольно смирялся, даже и зная, сколько оставляетъ онъ безчестія демону и сколько славы мученику. И нынѣ вѣдь стоятъ эти стѣны вмѣсто трофеевъ, громче трубы издаютъ звукъ и видомъ возвѣщаютъ живущимъ въ Дафнѣ, въ городѣ, приходящимъ издалека, настоящимъ и будущимъ, обо всемъ,—о борьбѣ, о сраженіи, побѣдѣ мученика. Живущему вдали отъ предмѣстія, при видѣ и храма святого безъ гробницы, и капища Аполлонова лишеннаго кровли, естественно спросить о причинѣ того и другого, и узнавъ такимъ образомъ всю исторію, уходить отсюда. Таковы подвиги мученика, совершенные послѣ кончины! Потому я и ублажаю вашъ городъ, что вы показали много усердія къ этому святому. Въ то время, когда онъ возвращался изъ Дафны, весь нашъ городъ потекъ на дорогу, и торжища запустѣли безъ мужчинъ, а домы запустѣли безъ женщинъ, внутренніе же покои пусты стали безъ дѣвъ: такъ всякій возрастъ и
533 всякій полъ устремились изъ города, какъ бы для встрѣчи отца, по истеченіи долгаго времени возвращающагося изъ дальняго путешествія! Вы отдали его въ хоръ равныхъ ему по ревности; но благодать Божія не попустила ему остаться тамъ навсегда, а опять переселила его на ту сторону рѣки, такъ что многія мѣста исполнились благоуханія мученика. И по прибытіи сюда онъ не долженъ былъ быть одинокимъ, но скоро получилъ себѣ сосѣдомъ и сожителемъ единонравнаго [1]). И этотъ имѣлъ одинаковую съ нимъ власть, и равное показалъ дерзновеніе о благочестіи,—поэтому не напрасно, кажется, получилъ и одно съ нимъ жилище этотъ дивный приверженецъ мученика. Онъ столько времени трудился тамъ, непрестанно посылая письма къ царю, безпокоя на-

---

[1]) Вѣроятно епископа антіохійскаго, погребеннаго въ одномъ храмѣ съ св. Вавилою въ Дафнѣ.

чальниковъ, принося мученику и тѣлесное служеніе. Вы знаете навѣрное и помните, какъ онъ, лѣтомъ, когда полуденные лучи раскаляли небо, съ сотрудниками своими каждый день ходилъ туда, не какъ зритель только, но чтобы участвовать въ работахъ. Онъ часто и носилъ камни, и тянулъ веревки, и усерднѣе работниковъ прислуживалъ всякому, кто имѣлъ нужду въ помощи при постройкѣ. Зналъ онъ, вѣрно зналъ, какія награды будутъ уготованы ему за это,—потому непрестанно и служилъ мученикамъ, не только прекрасными зданіями и непрерывными праздиествами, но еще лучшимъ этого способомъ. Какой же это способъ? Онъ подражаетъ ихъ жизни, соревнуетъ ихъ мужеству, всячески по возможности утверждаетъ въ себѣ самомъ образъ мучениковъ. Смотри: они предали тѣла на закланіе, а онъ *умертвилъ уды иже на земли* (Колос. III, 5); они устояли противъ пламени огненнаго, а онъ погасилъ пламень похоти; они сражались съ зубами звѣрей, но и онъ укротилъ самую жестокую изъ нашихъ страстей—гнѣвъ. За все это возблагодаримъ Бога, за то, что Онъ даровалъ намъ и столь доблестныхъ мучениковъ, и пастырей, достойныхъ мучениковъ, *въ совершеніе святыхъ, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. IV, 12), съ Которымъ Отцу слава, честь, держава, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о блаженномъ Вавилѣ, а также противъ Юліана, и къ язычникамъ [1]).

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, готовясь уже идти на 533
страданіе и умереть животворною смертію, въ самую послѣднюю ночь, призвавъ особо учениковъ Своихъ, о многомъ и иномъ бесѣдовалъ наставляя ихъ, и между прочимъ сказалъ имъ слѣдующее: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Было много и другихъ учителей, и учениковъ имѣли они, и чудеса показывали, какъ хвалятся язычники, но ни одинъ изъ нихъ никогда не бралъ себѣ и въ голову что-либо подобное, не дерзнулъ и сказать. И никто изъ язычниковъ, какъ ни безстыдны они во всемъ, не могъ бы доказать, что у нихъ находится такое предсказаніе, или изреченіе. Хотя многіе разсказываютъ о разныхъ у нихъ чудотворцахъ, которые будто показывали призраки умершихъ и образы нѣкоторыхъ мертвыхъ, и говорятъ, будто иные

---

[1]) Время составленія слова (предназначавшагося, повидимому, для чтенія, а не для произнесенія) въ точности неизвѣстно,—приблизительно лишь можно предполагать, что въ 382-мъ году.

слышали какіе-то голоса изъ гробницъ; но чтобы кто-нибудь изъ людей, жившихъ и почитаемыхъ у нихъ, или изъ тѣхъ, которыхъ послѣ смерти они признали богами, сказалъ ученикамъ своимъ что-нибудь подобное, этого никто изъ нихъ не сталъ бы никогда утверждать. Если хотите, я скажу и причину, почему они, лгавшіе обо всемъ другомъ не краснѣя и съ открытою головою, ничего подобнаго никогда не смѣли выдумать. Не просто и не безъ основанія удержались они отъ такой выдумки, но злодѣйски соображали эти губители, что намѣревающійся обольстить долженъ составить нѣчто вѣроятное, полное всякихъ прикрасъ и, чтобы не быть обличеннымъ, трудное для распознаванія. Опытные
534 рыболовы и птицеловы обыкновенно кладутъ не голыя сѣти, но тщательно прикрываютъ ихъ со всѣхъ сторонъ приманками и такимъ образомъ каждый изъ нихъ овладѣваетъ тою и другою добычею; а если они, открывъ сѣти, оставятъ ихъ видными для тѣхъ, кого хотятъ ловить, то ни рыбы, ни птицы никогда не попадутъ въ эти сѣти, и даже не станутъ подходить къ нимъ, такъ что рыбакъ и охотникъ уйдутъ домой каждый съ пустыми руками. Такъ какъ и языческіе учители хотѣли ловить людей, то и они не бросали голаго обмана въ море жизни, но выдумавъ и сочинивъ то, что могло уловить болѣе неразумныхъ, остереглись заходить далеко во лжи, опасаясь преувеличенія и боясь, чтобы неумѣренностію второго не уничтожить и перваго. Если бы они сказали, что кто-либо у нихъ возвѣстилъ нѣчто такое, что̀ нашъ Спаситель сказалъ Своимъ ученикамъ, то и обманутые ими стали бы смѣяться надъ ними, какъ надъ людьми, которые не смогли и солгать съ вѣроятностію, потому что подобное предсказать и исполнить поистинѣ свойственно одной только Его блаженной силѣ.

Если же демоны и могли нѣкогда нѣсколько обольщать обманутыхъ ими, то это было, когда источникъ свѣта еще не былъ извѣстенъ большинству. Но и тогда само собою видно было, и при остальныхъ обманахъ, и при самыхъ жертвоприношеніяхъ, что совершавшееся было дѣломъ бѣсовъ. Приказывать, чтобы жертвенники ихъ обагрялись человѣческою кровію, и требовать, чтобы такія жертвы приносились имъ родителями, — какого не превышаетъ это величайшаго безумія? Никогда не насыщаясь нашими бѣдствіями и не зная никакого предѣла и конца борьбы съ нами, но вѣчно неистовствуя, они, какъ-будто не довольно было имъ насыщать ярость тѣмъ, что вмѣсто овецъ и воловъ закала-
535 лись на ихъ жертвенникахъ женщины и дѣти, придумали необыкновенное преступленіе человѣкоубійства и ввели новѣйшій родъ нечестія. Кому должно было оплакивать убіеніе погубляемыхъ, тѣхъ самыхъ они убѣдили приводить ихъ на это несчастное убіе-

ніе. И чтобы унижались не одни только людьми постановленные законы, они извратили въ самомъ основаніи даже и законы природы, возбудивъ ее до неистовства противъ себя самой и введя въ жизнь человѣческую самое преступное изъ всѣхъ убійствъ. Никакихъ враговъ, наконецъ, такъ не боялись всѣ, какъ родителей; и, на кого больше всѣхъ должно было надѣяться, этихъ-то больше всѣхъ и подозрѣвали и отвращались. Такъ эти каратели посредствомъ тѣхъ самыхъ, чрезъ кого Богъ приводилъ (дѣтей) къ созерцанію этого міра, посредствомъ тѣхъ же старались лишить ихъ этого дара, дѣлая виновниками смерти тѣхъ, которые послужили къ жизни, какъ будто желая показать, что имъ не было никакой иной пользы отъ благости Божіей: не будутъ они нуждаться въ другихъ убійцахъ кромѣ родившихъ ихъ. Такъ было бы и въ томъ случаѣ, если бы воспослѣдовало какое-нибудь великое чудо (а изъ сказаннаго видно, что все тутъ маловажно, недостойно никакого вниманія и исполнено великаго обмана), но такъ же и въ томъ случаѣ, если бы совершилось великое что-нибудь, и тогда сказаннаго мною достаточно для того, чтобы доказать не совсѣмъ лишеннымъ ума, каковы были дѣлавшіе это, какъ они полны скверны, и какъ все устрояли для извращенія и жизни и состоянія нашего.

2. Господь же нашъ Іисусъ ничего такого не повелѣвалъ намъ, но дивенъ будучи по Своимъ чудесамъ, а не менѣе чудесъ и по заповѣдямъ, справедливо отъ всѣхъ почитается поклоненіемъ и вѣрою въ Его божество. Онъ пришедши прекратилъ это беззаконіе и, что болѣе удивительно, избавилъ отъ этого свирѣпаго и жестокаго насилія не только насъ покланяющихся Ему, но и тѣхъ, которые злословятъ Его, такъ какъ и изъ язычниковъ никто уже не принуждается приносить такія жертвы своимъ демонамъ. Съ такимъ всегда человѣколюбіемъ относится Онъ къ роду нашему; и больше сдѣлалъ Богъ врагамъ Своимъ добра, нежели демоны причинили друзьямъ своимъ зла. Демоны заставляли своихъ служителей и почитателей становиться убійцами собственныхъ дѣтей; а Христосъ отвращающихся отъ Него избавилъ отъ этихъ приказаній и свободу отъ этого звѣрскаго служенія и дивный этотъ миръ не ограничилъ одними только Своими, но ввелъ и среди чужихъ, показавъ, что тѣ были мучителями, врагами и губителями нашего рода, а потому и поступали съ преданными имъ, какъ съ чужими, и были они чужды другъ другу, Онъ же былъ Царь, Устроитель и Спаситель всего рода человѣческаго, почему и отчуждавшихся отъ Него щадилъ, какъ Своихъ. Да и все естество человѣческое,— Его созданіе, какъ говоритъ и ученикъ Его: *во своя пріиде, и свои Его не пріяша* (Іоан. I, 11). Но описывать все Его человѣ- 536
колюбіе въ настоящее время неумѣстно; и даже, если бы кто

сталъ цѣлые вѣка говорить о Немъ, и имѣлъ столько силы, сколько подобаетъ безплотнымъ силамъ, то и тогда онъ не дотронулся бы до Его достоинства. Какъ Онъ благъ, это знаетъ только Онъ одинъ, потому что и благъ такъ только Онъ одинъ. Посмотри же, что̀ говоритъ Онъ ученикамъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Не сообщилъ бы Онъ имъ столь великой чести, если бы не былъ весьма и безконечно благимъ. Если же кто съ сомнѣніемъ спроситъ у насъ, когда исполнилось это предсказаніе, то взявъ въ руки книгу, которая называется Дѣяніями Апостоловъ,—она впрочемъ содержитъ не всѣ дѣянія и не всѣхъ ихъ, но только одного, или двухъ, и притомъ немногочисленныя,—онъ увидитъ, что больные, лежавшіе на одрахъ, получали здоровье, какъ скоро достигала до нихъ только тѣнь этихъ блаженныхъ, а многимъ изъ бѣсноватыхъ не нужно было ничего, кромѣ одеждъ Павла, для избавленія ихъ отъ мучившаго ихъ демона. Если же кто станетъ называть это хвастовствомъ и разсказываніемъ невѣроятныхъ вымысловъ, то видимаго нынѣ достаточно для того, чтобы заградить и пристыдить хульныя уста и остановить необузданный языкъ. Нѣтъ въ нашей вселенной ни страны, ни народа, ни города, гдѣ бы не воспѣвались эти чудеса, которыя не возбудили бы никогда удивленія, если бы были вымыслами. Засвидѣтельствовать это можете вы сами; и намъ не нужно даже брать у другихъ удостовѣренія на эти слова, когда вы, враги наши, доставляете его намъ. Скажи мнѣ, почему какого-нибудь Зороастра и Замолксиса и по имени большинство не знаютъ, а вѣрнѣе—никто не знаетъ, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ? Не потому ли, что все, разсказываемое о нихъ, было вымысломъ? А между тѣмъ и они, и составившіе разсказъ о нихъ были, говорятъ, способны—первые изобрѣтать и совершать чародѣйства, послѣдніе—прикрывать ложь вѣроятностію разсказа. Но все бываетъ напраснымъ и тщетнымъ, когда предметъ разсказа гнилъ и ложенъ; равно какъ, когда онъ крѣпокъ и истиненъ, напраснымъ и тщетнымъ бываетъ опять все придумываемое врагами для его опроверженія, потому что сила истины не нуждается ни въ какой помощи, и, хотя бы тысячи угашали ее, она не только не исчезаетъ, но чрезъ тѣхъ самыхъ, которые стараются повредить ей, выступаетъ блистательнѣе и возвышеннѣе, посмѣваясь надъ неистовствующими и тщетно изнуряющими самихъ себя.

Событія наши, которыя вы называете вымысломъ, старались опровергнуть и тиранны, и цари; и непобѣдимые на словахъ софисты, даже философы, и чародѣи, и волхвы, и демоны,—*и изнеможе на ня*, по слову пророческому, *языкъ ихъ, и стрѣлы мла-*

денецъ быша язвы ихъ (Псал. LXIII, 8, 9). Цари получили только ту выгоду отъ козней противъ насъ, что пріобрѣли себѣ у всѣхъ славу свирѣпости; въ ярости противъ мучениковъ увлекшись до жестокости противуестественной, они безсознательно подвергли себя безчисленнымъ порицаніямъ. А философы и искусные риторы, пользовавшіеся у большинства великою славою, одни за (свою) почтенность, а другіе за красноречіе, послѣ борьбы съ нами сдѣлались смѣшными и стали считаться нисколько не лучшими болтающихъ попросту дѣтей. Изъ столь многихъ племенъ
и народовъ они не смогли переубѣдить ни мудраго, ни глупаго, ни 537
мужчины, ни женщины, ни даже малаго дитяти, а написанное ими такъ смѣшно, что и самыя книги ихъ давно уничтожились, большая же часть, какъ только появились, уже и исчезли. Если же гдѣ и находится что-нибудь сохранившимся, то находятъ это сохранившимся у христіанъ,—такъ далеки мы отъ того, чтобы опасаться вреда какого-либо отъ ихъ козней, такъ посмѣваемся великой изысканности ихъ ухищреній! Какъ не боялись бы мы—впрочемъ и показали мы это,—если бы у насъ были тѣла адамантовыя и нетлѣнныя, брать руками скорпіоновъ, змѣй и огонь, такъ и теперь, когда Христосъ такъ настроилъ намъ души и вѣру, мы не страшимся имѣть при себѣ яды враговъ. И если намъ повелѣно попирать ногами змѣевъ, скорпіоновъ и всякую тиранію діавола, то тѣмъ болѣе червей и жуковъ, а таково различіе между вредомъ отъ нихъ и ковнями лукаваго демона.

3. Таковы наши дѣла; а что касается до вашихъ, то противъ нихъ никто никогда не воевалъ, такъ какъ непозволительно христіанамъ ниспровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но (заповѣдано)—убѣжденіемъ, словомъ и кротостію совершать спасеніе людей. Поэтому ни одинъ царь изъ принявшихъ ученіе Христово не издавалъ противъ васъ такихъ указовъ, какіе выдумали противъ насъ служившіе ученію демоновъ. Однако, наслаждавшееся такимъ спокойствіемъ и никогда никѣмъ не тревожимое заблужденіе языческаго суевѣрія само собою угасло и само собою распалось, подобно тому, какъ тѣла, подвергшіяся продолжительной чахоткѣ, не испытывая ни отъ кого вреда, сами собою тлѣютъ и, разлагаясь, мало по малу уничтожаются. Такъ, хотя этотъ сатанинскій смѣхъ еще не совсѣмъ истребленъ съ земли, но и то, что уже совершилось, достаточно для того, чтобы увѣрить васъ и касательно будущаго. Когда большая часть уже разрушена въ такое короткое время, то никто не подыметъ спора объ остальномъ. Когда городъ взятъ, и стѣны разрушены, и мѣста совѣщаній, зрѣлищъ и гуляній сожжены, и всѣ взрослые умерщвлены, тогда никто, при видѣ полусожженныхъ портиковъ и стоящихъ еще частей

немногихъ зданій, со старухами и малыми дѣтьми, не станетъ спорить съ побѣдителемъ, преодолѣвшимъ большее, что будто бы онъ не можетъ сдѣлать остальнаго. А дѣла рыбарей не таковы, но процвѣтаютъ съ каждымъ днемъ, хотя достигли они нашего времени не на свободѣ и въ спокойствіи, а среди скорби, преслѣдованій и борьбы. Язычество, распространенное по всей землѣ и владѣвшее душами всѣхъ людей, послѣ такой силы и возрастанія, такъ наконецъ разрушено силою Христовою; а наша проповѣдь не тогда стала имѣть враговъ, когда вездѣ распространилась и утвердилась, но прежде, чѣмъ укрѣпилась и укоренилась въ душахъ слушателей, съ самаго начала должна была противостать всей вселенной, *началомъ и властемъ и міродержителемъ тмы вѣка сего, духовомъ злобы* (Еф. VI, 13), потому что, когда еще не разгорѣлась хорошо искра вѣры, потекли на нее рѣки и бездны
538 со всѣхъ сторонъ. А вы знаете, что не все равно, вырывать ли растеніе, укоренившееся множествомъ лѣтъ, или только что посаженное въ землю. Но и при такомъ положеніи дѣлъ, хотя, какъ я сказалъ, эту еще малую искру благочестія затопило море противниковъ, она не только не погасла отъ него, но, становясь больше и свѣтлѣе, скоро проникала всюду, легко разрушая и истребляя дѣла враговъ, а дѣла своихъ возвышая и поднимая до неизреченной высоты, не смотря на то, что ей служили люди незначительные и неизвѣстные. Причиною же этого были не рѣчи и чудеса рыбарей тѣхъ, но дѣйствовавшая въ нихъ сила Христова. Въ числѣ совершавшихъ это одинъ былъ скинотворецъ — Павелъ, а Петръ — рыбарь; такимъ простымъ и уничиженнымъ людямъ никогда не пришло бы и выдумать что-нибудь подобное, развѣ только кто скажетъ, что они съума сошли и безумствовали. Но что они не безумствовали, ясно какъ изъ того, что они совершили словами, такъ и изъ того, что еще и нынѣ вѣрятъ имъ. Такъ никогда не лгали и такъ просто не хвалились. И, какъ я сказалъ вначалѣ, кто хочетъ обмануть, тотъ конечно лжетъ, но лжетъ не такъ, чтобы это было явно для всѣхъ. Если и по совершеніи событій, когда свидѣтельствуютъ о достиженіи цѣли столь многіе, частію увѣровавши и въ тѣ времена, частію въ последующее время повсюду прославляя это, не только у насъ, но и у варваровъ, и у людей еще болѣе дикихъ,—находятся всетаки иные, которые послѣ столь многихъ доказательствъ и послѣ, такъ сказать, свидѣтельства цѣлой вселенной, не вѣрятъ этимъ событіямъ, и притомъ многіе безъ всякаго испытанія и изслѣдованія-то кто вначалѣ, не видѣвъ такихъ дѣлъ и не имѣя достовѣрныхъ о нихъ свидѣтельствъ, принялъ бы душею эту вѣру? Да что во; обще и побудило бы апостоловъ выдумать и составить нѣчто по-

добное? Не полагались же они ни на силу слова (какъ и полагаться, если иной изъ нихъ совсѣмъ не зналъ и грамоты?), ни на обиліе богатства, такъ какъ они едва имѣли необходимую пищу, и оба жили трудомъ рукъ своихъ. Не кстати имъ было высокомудрствовать и по знаменитости рода, такъ какъ объ отцѣ одного изъ нихъ мы даже не знаемъ, кто онъ былъ,—до того онъ былъ незнатенъ и неизвѣстенъ,—а Петровъ отецъ, хотя извѣстенъ, но имѣетъ только то преимущество предъ другимъ, что Писаніе сдѣлало лишь извѣстнымъ для насъ его имя, и то ради сына. Если же кто захочетъ узнать страну и народъ, то найдетъ, что одинъ киликіянинъ, а другой гражданинъ незнатнаго города, или лучше не города, а послѣдняго селенія—Виѳсаиды; такъ называется мѣстечко въ Галилеѣ, изъ котораго происходилъ этотъ блаженный. А кто услышитъ и объ ихъ ремеслахъ, то увидитъ, что и въ нихъ не было ничего великаго и важнаго, такъ какъ хотя скинотворецъ почтеннѣе рыбаря, но ниже остальныхъ ремесленниковъ. Откуда же, скажи мнѣ, откуда взяли они смѣлости разыграть такую сцену? Какими воодушевлялись они надеждами? На что полагались? Не на удочку ли и крючекъ, или на ножъ и шило? Не удавитесь ли сами вы, гдѣ-либо вдали, или не броситесь ли въ пропасть, навлекая на себя упрекъ въ такомъ безуміи?

4. Но, если хотите, положимъ по вашему, что и невозможность эта стала возможна, что одинъ, пришедши съ озера, говоритъ: тѣнь моего тѣла воскрешаетъ мертвыхъ; а другой, убѣжавъ отъ кожъ 539
скинотворческой швальни, хвастаетъ тѣмъ же самымъ относительно своихъ одеждъ: кто изъ слушающихъ это былъ бы такъ безуменъ, чтобы въ такихъ дѣлахъ повѣрить голымъ словамъ? Почему же никто изъ художниковъ того времени никогда не говорилъ о себѣ ничего подобнаго, или кто-нибудь другой объ немъ? А если бы наши чудеса были вымысломъ, то естественно было ожидать, что жившіе послѣ апостоловъ легче стали бы лгать подобнымъ же образомъ. Они не имѣли предъ собою примѣра другихъ, чтобы надѣяться на успѣхъ вымысла; а жившіе послѣ нихъ, глядя на нихъ, скорѣе рѣшались бы на вымыселъ, когда примѣръ первыхъ побуждалъ бы вторыхъ дѣйствовать смѣло, какъ будто на землѣ нѣтъ никого имѣющаго умъ, но всѣ пришли въ изступленіе и безуміе, и какъ будто всѣмъ желающимъ возможно и говорить о себѣ, что угодно, и находить этому вѣру. Пусты, смѣшны и свойственны языческой глупости такія рѣчи. Какъ, еслибы кто-нибудь вздумалъ стрѣлять въ небо, чтобы разсѣчь его своими стрѣлами, или вычерпывать океанъ, чтобы опустошить его своими руками, то каждый изъ образованныхъ сталъ бы смѣяться надъ нимъ, а болѣе степенные и оплакали бы его обильными слезами; такъ точно и когда

язычники возражаютъ намъ, можно и смѣяться надъ ними и плакать, потому что они берутся за дѣла гораздо болѣе трудныя, нежели тотъ, кто надѣется ранить небо и исчерпать бездну. Свѣтъ никогда не будетъ мракомъ, пока онъ свѣтъ; и истина нашихъ дѣлъ не будетъ опровергнута, потому что она—истина, а сильнѣе ея нѣтъ ничего. Итакъ, всякій не сошедшій съ ума и не безумный согласится, что и древнее, извѣстное намъ по слуху, достовѣрно не менѣе настоящаго и видимаго нами; а чтобы еще болѣе возвысить нашу побѣду, я хочу разсказать объ одномъ дивномъ событіи, совершившемся при нашемъ поколѣніи. Но не смущайтесь, если я, обѣщаясь разсказать о чудѣ, бывшемъ при насъ, начну разсказъ повѣствованіемъ изъ древней исторіи, потому что я не остановлюсь на немъ только одномъ и не о такомъ древнемъ буду говорить, которое чуждо новѣйшему событію: оба они имѣютъ отношеніе между собою и разрывать послѣдовательность ихъ нельзя, какъ вы сами хорошо узнаете, выслушавъ самыя событія.

5. При нашихъ предкахъ былъ одинъ царь; я не могу говорить, каковъ былъ этотъ царь въ остальномъ, но, услышавъ о злодѣяніи, на которое онъ дерзнулъ, вы поймете, какъ и въ остальномъ былъ жестокъ нравъ его. Какое же было это злодѣяніе? Одинъ народъ, воевавшій съ этимъ царемъ, рѣшился прекратить войну, чтобы и другихъ не убивать и самимъ больше не быть убиваемыми отъ другихъ, освободиться отъ хлопотъ, опасностей и страха, довольствоваться своимъ состояніемъ и не искать ничего бо̀льшаго, такъ какъ лучше безъ опасенія наслаждаться умѣреннымъ, нежели стремясь къ бо̀льшему быть всегда въ страхѣ и трепетѣ, всю жизнь дѣлать зло другимъ и себѣ получать (то же) отъ другихъ. Итакъ, рѣшившись прекратить войну и жить спокойно, они надумали скрѣпить это благо твердымъ договоромъ и надежными условіями. И заключивъ договоръ и обмѣнявшись клятвами, старались сверхъ того убѣдить своего царя, что еслибы онъ отдалъ своего сына, совсѣмъ еще ребенка, надежнымъ залогомъ мира, то внушилъ бы прежнимъ врагамъ своимъ увѣренность и доставилъ имъ доказательство собственнаго настрое-
540 нія,—что искренно онъ заключаетъ миръ съ ними. Такими рѣчами они убѣдили его и царь отдалъ своего сына, какъ думалось ему, друзьямъ и союзникамъ, но, какъ показалъ конецъ, свирѣпѣйшему изъ всѣхъ звѣрю. Взявъ по закону дружбы и договора это царское дитя, врагъ все разомъ попралъ и ниспровергъ—и клятвы, и условія, и стыдъ предъ людьми, и благоговѣніе предъ Богомъ, и жалость къ возрасту; ни юность отрока не смягчила этого звѣря, ни слѣдующій за такими преступленіями судъ не устрашилъ этого дикаря, не повліяли на него и слова отца, отдавшаго сына, ко-

торыми тотъ, вручая сына, вѣроятно просилъ его, умоляя содержать его съ великою заботливостью, называя его отцемъ дитяти и убѣждая воспитывать и содержать его такъ, какъ бы онъ самъ родилъ его, и сдѣлать его достойнымъ благородства своихъ предковъ, и при этихъ словахъ вложивъ правую руку сына въ правую руку убійцы, и потомъ разставшись со слезами. Ни о чемъ потомъ не думалъ этотъ злодѣй, но вдругъ, выбросивъ все изъ души своей, совершаетъ убійство, преступнѣйшее изъ всѣхъ убійствъ. Подлинно, такое злодѣяніе хуже и дѣтоубійства; свидѣтелями вы сами, которые,—если только по моимъ чувствамъ можно заключать о вашихъ,—не столько скорбѣли бы, если бы услышали, что онъ убилъ собственнаго сына, такъ какъ тогда казались бы ниспровергнутыми вмѣстѣ съ общественными законами и законы природы, а здѣсь вмѣстѣ сошлось многое, что своимъ множествомъ преодолѣваетъ и естественное влеченіе. Когда я представлю себѣ мальчика, не сдѣлавшаго другому никакого зла, отданнаго отцомъ, отторгнутаго отъ прародительскаго царства, промѣнявшаго собственную роскошь, славу и честь на жизнь въ чужой странѣ, для того чтобы злодѣю можно было быть увѣрену въ твердости договора, и потомъ подвергшагося дурному отъ него обращенію, лишившагося для него домашнихъ удовольствій и наконецъ убитаго имъ, то я испытываю противоположныя чувствованія, душевное томленіе и досаду, изъ которыхъ одно происходитъ отъ гнѣва, а другое отъ скорби. А когда я представлю себѣ, какъ этотъ злодѣй вооружается, поднимаетъ мечъ, беретъ юношу за шею, и тою самою рукою, которою принялъ залогъ, вонзаетъ въ нее мечъ, то я рвусь и задыхаюсь отъ гнѣва. Опять же когда посмотрю на юношу, испугавшагося и трепещущаго, испускающаго послѣднія вопли, призывающаго своего отца и называющаго его виновникомъ этого, приписывающаго убійство не тому, кто вонзаетъ ему мечъ въ горло, но своему родителю, не имѣющаго возможности ни убѣжать, ни отмстить за себя, но тщетно укоряющаго своего отца, и наконецъ принимающаго ударъ, отъ котораго онъ содрогается, бьется на полу и обагряетъ землю потоками крови, тогда терзается моя внутренность, помрачается умъ и какая-то густая мгла скорби разливается въ глазахъ. Но этотъ звѣрь не чувствовалъ ничего такого, а какъ будто намѣревался зарѣзать ягненка или теленка, такъ относился и къ этому гнусному убійству. И когда мальчикъ, получивъ ударъ, лежалъ мертвымъ, убійца послѣ преступленія вновь начинаетъ борьбу, стараясь последующимъ затмить прежнее. Можетъ быть, кто подумаетъ, что я скажу о погребеніи, или о томъ, что послѣ убіенія онъ не далъ убитому и клочка земли; нѣтъ, я скажу о другомъ, еще болѣе

дерзкомъ. Обагривъ беззаконныя свои руки такою кровію и со-
541 вершивъ эту новую трагедію, этотъ безстыдникъ, жестокій болѣе самыхъ камней, какъ будто не совершивъ вовсе никакой дерзости, пошелъ въ церковь Божію. Быть можетъ, нѣкоторые удивляются, какъ столь дерзкій не былъ пораженъ ударомъ отъ Бога, какъ Богъ не послалъ на него свыше громъ, не сжегъ предъ входомъ безстыдное лице молніею. Но если нѣкоторые думаютъ такъ, то я хвалю ихъ и удивляюсь ихъ горячности, однако говорю, что въ этомъ удивленіи и похвалахъ есть у нихъ не малый недостатокъ. Они справедливо вознегодовали на беззаконное убійство отрока и на столь дерзкое оскорбленіе божественныхъ заповѣдей; но кипя гнѣвомъ, не столько разсмотрѣли, сколько нужно увидѣть. На небесахъ есть другой законъ, много высшій этого правосудія. Какой же это законъ? Тотъ, чтобы на грѣшниковъ не тотчасъ посылать наказаніе, но давать преступнику время и срокъ очиститься отъ грѣховъ и посредствомъ покаянія сравняться съ тѣми, которые не совершили никакого зла, что̀ именно и тогда показалъ Богъ на этомъ злодѣѣ, хотя онъ не получилъ никакой пользы, но остался неисправимымъ. Человѣколюбивый Господь, и это предвидѣвшій, всетаки не презрѣлъ его, не оставилъ дѣлать свое дѣло, а Самъ и посѣтилъ больного и содѣлалъ, что̀ было нужно для его выздоровленія; но тотъ не захотѣлъ принять лѣкарство, а убилъ и врача, посланнаго къ нему. Лѣкарство же и способъ лѣченія были таковы.

6. Въ то время, когда дерзко совершалась эта безчеловѣчная и жалкая драма, случилось, что нашею паствою управлялъ одинъ великій и дивный человѣкъ, если только нужно называть его человѣкомъ; имя ему было Вавила. Этотъ человѣкъ, которому ввѣрена была тогда здѣшняя Христова церковь, благодатію Духа, не скажу— превосходилъ Илію и подражателя его Іоанна, чтобы не сказать слишкомъ много, но достигъ того, что нисколько не уступалъ въ дерзновеніи этимъ доблестнымъ мужамъ. Не тетрарха немногихъ городовъ, не царя одного народа, но того, который владѣлъ большею частію всей вселенной, этого самаго человѣкоубійцу, который обладалъ многими народами, многими городами и безчисленнымъ войскомъ, и былъ страшенъ вездѣ какъ по величію своей власти, такъ и по дерзости своего нрава, онъ отлучилъ отъ церкви, какъ низкаго и недостойнаго вовсе уваженія невольника съ такою твердостію и съ такимъ безстрашіемъ, съ какимъ пастухъ отдѣлилъ бы отъ стада паршивую и больную овцу, препятствуя переходу болѣзни отъ больной на прочихъ. Онъ сдѣлалъ это, подтверждая на дѣлѣ слово Спасителя, что рабъ только тотъ, кто совершаетъ грѣхъ, хотя бы онъ имѣлъ на головѣ своей тысячи вѣнцовъ, хотя бы казался владыкою всѣхъ людей на землѣ; а кто

не сознаетъ за собою ничего худого, тотъ, хотя бы считался въ ряду подданныхъ, царственнѣе всѣхъ царей. Такимъ образомъ подначальный распоряжался начальникомъ, и подчиненный судилъ владѣющаго всѣми и произносилъ осуждающій его приговоръ. А ты, слыша это, не пропускай сказаннаго безъ вниманія: уже это извѣстіе, что царя изгналъ изъ преддверія храма нѣкто изъ подчиненныхъ его власти, само по себѣ достаточно для того, чтобы возбудить и поразить душу слушателей. Если же хочешь въ точ- 542
ности понять все это дивное событіе, то не слова голыя слушай, но представь себѣ копьеносцевъ, щитоносцевъ, военачальниковъ, вельможъ, живущихъ въ царскихъ чертогахъ и поставленныхъ надъ городами, пышность предшествующихъ, множество сопровождающихъ, скороходовъ, всю остальную свиту; потомъ среди нихъ самого (царя), идущаго съ великою надменностію и кажущагося еще болѣе величественнымъ отъ одеждъ, багряницы и драгоцѣнныхъ камней, покрывающихъ всю правую сторону и застежку хламиды и блистающихъ отъ діадемы на самой головѣ. Но не останавливай на этомъ свою картину, а представь далѣе себѣ и раба Божія, блаженнаго Вавилу, смиренный его видъ, простую одежду, сокрушенную душу и умъ чуждый дерзости. И тогда, нарисовавъ и противопоставивъ такъ ихъ обоихъ, ты хорошо поймешь это дивное событіе, или—лучше сказать—и тогда ты не во всей точности воспримешь его: этого дерзновенія не можетъ представить никакое слово, ни зрѣлище, но одинъ только опытъ и примѣненіе его. Твердость этой доблестной души можетъ хорошо понять только тотъ одинъ, кто самъ можетъ достигать одинаковой съ нимъ высоты дерзновенія. Какъ подошелъ старецъ? Какъ онъ растолкалъ копьеносцевъ? Какъ открылъ уста? Какъ говорилъ? Какъ обличалъ? Какъ положилъ правую руку на грудь, еще пламенѣвшую гнѣвомъ и дышавшую убійствомъ? Какъ отлучилъ человѣкоубійцу? Ничто изъ происходившаго тогда не устрашило его и неудержало отъ намѣренія. О, непреклонная душа и высокій умъ! О, небесные помыслы и ангельская твердость! Какъ будто все то великолѣпіе онъ видѣлъ только написаннымъ на стѣнѣ,—такъ невозмутимо совершалъ все это доблестный мужъ! Онъ наставленъ былъ божественнымъ ученіемъ, что всѣ предметы міра суть тѣнь и сновидѣніе, и даже ничтожнѣе ихъ. Посему ничто подобное не устрашило его, но еще болѣе ободряло; то зрѣлище видимаго переносило душу его къ вышнему Царю, сѣдящему на херувимахъ и видящему бездны, къ престолу славному и высокому, къ воинству небесному, къ миріадамъ ангеловъ, къ тысячамъ архангеловъ, къ сѣдалищу страшному, къ судилищу нелицепріятному, къ рѣкѣ огненной, къ самому Судіи. Поэтому, переселивъ всего себя съ

земли на небо, какъ бы предстоя тому Судіи и слыша Его повелѣніе изгнать изъ священной паствы преступника и злодѣя,—онъ изгналъ его и отлучилъ отъ прочихъ овецъ и не обращалъ вниманія ни на что видимое и кажущееся страшнымъ, но, весьма мужественно и благородно отлучивъ его, защитилъ оскорбляемые имъ законы Божіи. Какою же, должно ожидать, смѣлостію отличался онъ въ отношеніи къ остальнымъ? Тотъ, кто съ такою властію относился къ царю, кого изъ прочихъ побоялся бы? Я предполагаю, или—лучше—не предполагаю, а увѣренъ, что этотъ мужъ никогда ни дѣлалъ, ни говорилъ ничего въ угожденіе или по враждѣ, но и въ отношеніи къ страху, и въ отношеніи къ болѣе сильному—къ лести, и въ отношеніи ко всему подобному, чего много между людьми, оставался доблестнымъ и мужественнымъ, и никогда ни мало не нарушалъ праваго суда. И если *одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопа ноги возвѣщаютъ яже о немъ* (Сир. XIX, 27), то гораздо болѣе подобные подвиги достаточно могутъ показать намъ всю добродѣтель остальной жизни; и нужно удивляться въ немъ не только смѣлости, но и тому, что онъ простеръ смѣлость до такой степени, и тому, что съ другой стороны отнюдь не довелъ ея до излишества.

543 7. Такова мудрость Христова: она не позволяетъ ратоборствовать ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много, но во всемъ соблюдаетъ соразмѣрность. Между тѣмъ св. Вавила могъ бы, если бы захотѣлъ, пройти и дальше. Тому, кто отказался отъ жизни (а онъ и не начиналъ бы дѣла, если бы не вооружился такими мыслями),—свободно можно было сдѣлать все, и осыпать царя оскорбленіями, и сорвать съ его головы діадему, и нанести удары въ лицо, когда уже положилъ свою руку на его грудь. Но онъ не сдѣлалъ ничего такого: его душа была проникнута духовною солію, почему онъ и не дѣлалъ ничего тщетно и напрасно, а все съ правильнымъ разумнымъ сужденіемъ и здравымъ расположеніемъ, не такъ, какъ мудрецы языческіе, которые никогда не бываютъ дерзновенными въ мѣру, а всегда, такъ сказать, или больше или меньше надлежащаго, такъ что никогда нельзя приписать имъ мужества, но всегда неразумныя страсти: или робость, когда они недостаточно смѣлы, или, когда они преступаютъ мѣру, то всѣ замѣчаютъ въ нихъ надменность и тщеславіе. Но не такъ этотъ блаженный: онъ не просто пришедшее на умъ дѣлалъ, но, все тщательно разобравъ и сообразивъ свои мысли съ законами божественными, потомъ и приводилъ ихъ въ исполненіе. Посему онъ не на поверхности только дѣлалъ надрѣзъ, чтобы не осталась большая часть пораженнаго болѣзнію, но и не глубже надлежащаго, чтобы излишествомъ разрѣза опять не повредить здоровья, но, сообразивъ разрѣзъ съ бо-

лѣзнію, производитъ превосходное врачеваніе. Поэтому я смѣло могу сказать, что онъ былъ чистъ и отъ гнѣва, и робости, и гордости, и тщеславія, и вражды, и страха, и лести.

А если надо сказать и нѣчто странное, то я удивляюсь этому блаженному не столько за то, что онъ рѣшился противостать ярости властителя, сколько за то, что понялъ, въ какой мѣрѣ надо было это сдѣлать, и ничего лишняго ни сдѣлалъ, ни сказалъ. Что последнее удивительнѣе перваго, можно видѣть изъ того, что многіе перваго достигли, а послѣдняго не могли сдѣлать, такъ какъ просто быть дерзновеннымъ свойственно часто и обыкновеннымъ людямъ, но чтобы оказывать себя такимъ сколько должно, въ надлежащее время, съ приличною соразмѣрностію и съ благоразуміемъ, для этого требуется душа весьма великая и дивная. Такъ и Семей весьма сильно порицалъ блаженнаго Давида и называлъ его *мужемъ кровей* (2 Цар. XVI, 7); но я не могу назвать этого дерзновеніемъ, а—невоздержностію языка, дерзостію ума, необузданностію, неразуміемъ, всѣмъ скорѣе, нежели дерзновеніемъ. Я думаю, тому, кто хочетъ быть обличителемъ, должно какъ можно дальше отклонять душу свою отъ дерзости и гордости и показывать силу свою только въ сущности словъ и дѣлъ. Такъ и питомцы врачей, когда имъ нужно разрѣзывать загноившіеся члены, или остановить въ нихъ воспаленіе, приступаютъ къ врачеванію, не приводя себя напередъ въ гнѣвъ, а напротивъ тогда особенно и стараются сохранить умъ свой въ надлежащемъ спокойствіи, чтобы его смущеніе не повредило ихъ искусству. Если же тотъ, кто хочетъ лѣчить тѣло, имѣетъ нужду 544
въ такомъ спокойствіи, то врачующаго души, въ какое, скажи мнѣ, поставимъ мы состояніе и какого потребуемъ отъ него любомудрія? Очевидно, гораздо большаго, такого, какое показалъ этотъ доблестный мученикъ. Онъ, какъ бы полагая намъ нѣкоторые правила и законы, чтобы отъ нихъ намъ и въ остальномъ заимствовать соразмѣрныя указанія, такъ отвергъ того несчастнаго отъ священной ограды. И повидимому, одинъ подвигъ совершенъ былъ; но если кто вникнетъ въ него и тщательно разсмотритъ со всѣхъ сторонъ, то найдетъ въ немъ вмѣстѣ еще и другое и третье доброе дѣло и великое сокровище пользы. Хотя изгнанникъ тогда былъ одинъ, но пользу чрезъ него получили многіе. Въ подвластной тирану области (а это была большая часть вселенной),—всѣ невѣрующіе были поражены и удивились, узнавъ, какое дерзновеніе сообщаетъ Христосъ рабамъ Своимъ, осмѣивали свое раболѣпство, неволю и униженіе, видѣли, сколько различія между благородствомъ христіанъ и постыднымъ состояніемъ язычниковъ. У нихъ тѣ, которымъ ввѣрено попеченіе о храмахъ, служатъ больше царямъ, нежели богамъ и идоламъ, и изъ страха къ нимъ сидятъ при своихъ исту-

канахъ, такъ что злые демоны царямъ обязаны благодарностію за оказываемую имъ честь. Какъ скоро случится кому-нибудь, не раздѣляющему ихъ образа мыслей, достигнуть этой власти, то всякій, входящій въ идольскіе храмы, увидитъ по стѣнамъ вездѣ растянутыя ткани пауковъ и пыль, лежащую на истуканѣ въ такомъ количествѣ, что не видно ни носа, ни глаза и никакой другой части лица; а изъ жертвенниковъ отъ однихъ остаются только остатки, большая же часть разрушена, другіе же со всѣхъ сторонъ окружаетъ такая высокая трава, что незнающій можетъ принять видимое имъ за кучу сора. Причиною же то, что прежде имъ можно было воровать, сколько хотѣли, и кормиться посредствомъ служенія истуканамъ, а теперь для чего они станутъ мучить себя? Сидя при идолахъ и изнуряясь, они не ожидаютъ отъ нихъ никакой награды, потому что это—дерево и камни, побужденіе же оказывать идоламъ притворное служеніе, т. е. честь отъ властителей, уничтожилось, когда цари сдѣлались благоразумными и стали покланяться Сыну Божію.

8. Не такъ бываетъ у насъ, а совершенно напротивъ. Когда восходитъ на царскій престолъ кто-нибудь, согласный съ нами въ исповѣданіи Бога, тогда христіане бываютъ болѣе равнодушны къ своимъ дѣламъ: такъ далеки они отъ того, чтобы укрѣпляться человѣческими почестями; а когда получитъ власть человѣкъ нечестивый, вездѣ преслѣдующій насъ и подвергающій безчисленнымъ бѣдствіямъ, тогда наше положеніе становится превосходнымъ и болѣе блистательнымъ, тогда время доблестей и трофеевъ, тогда случай достиженія вѣнцовъ, похвалъ и всякаго отличія. Если же кто-нибудь скажетъ, что и теперь есть города, оказывающіе такое же суевѣріе въ безумномъ почитаніи идоловъ, то во-первыхъ насчитаетъ немного и небольшихъ, а кромѣ того и не ослабитъ этимъ нашихъ словъ. Предметъ тотъ же, только вмѣсто царя жители города воздаютъ имъ такую же честь; и причина служенія—пирушки, попойки вседневныя и всенощныя, флейты и тимпаны, срамныя безъ всякаго стыда рѣчи, и еще болѣе срамныя дѣла, лопаніе отъ обжорства, неистовствованіе отъ пьянства и впаденіе въ постыднѣйшее бѣшенство; этими позорными издержками поддерживается еще и
545 сохраняется падающее заблужденіе. Богатѣйшіе, собирая людей, которые изъ-за бездѣльничанія мучатся голодомъ, содержатъ ихъ въ видѣ паразитовъ и собакъ, питающихся отъ стола, набиваютъ безстыдное чрево ихъ остатками отъ беззаконныхъ пирушекъ, и пользуются ими такъ, какъ хотятъ. А мы, разъ навсегда возненавидѣвъ ваше безуміе и беззаконіе, не кормимъ людей, живущихъ въ праздности и потому необходимо страдающихъ отъ голода, но убѣждаемъ ихъ трудами доставлять содержаніе и себѣ и другимъ;

тѣмъ, которые увѣчны тѣломъ, мы позволяемъ пользоваться только необходимою пищею отъ людей достаточныхъ; а пирушки, попойки и всякое остальное безуміе и безстыдство у насъ изгнаны, и вмѣсто этого введено, *елика суть честна, елика пречиста, елика праведна, елика доброхвальна, аще коя добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. IV, 8). И все прочее, что хвастливо разсказываютъ о бывшихъ у нихъ философахъ, доказываетъ ихъ тщеславіе, дерзость и свойства дѣтскаго ума. У насъ никто не заключалъ себя въ бочку и не расхаживалъ по площади, одѣвши рубище. Такія дѣйствія, хотя кажутся удивительными и сопряжены съ великимъ трудомъ и крайними страданіями, но не заслуживаютъ никакой похвалы. Вотъ злоба діавола: служащихъ ему онъ предаетъ такимъ трудамъ, которые и мучатъ обольщенныхъ и дѣлаютъ ихъ смѣшными больше всѣхъ, такъ какъ трудъ, не приносящій никакой пользы, не заслуживаетъ никакой похвалы.

И нынѣ есть люди испорченные и исполненные безчисленныхъ пороковъ, которые показываютъ гораздо больше того философа: одни изъ нихъ глотаютъ острые отточенные гвозди, другіе жуютъ и проглатываютъ подошвы, иные рѣшаются на дѣла и этихъ еще худшія; но хотя подобное гораздо удивительнѣе бочки и рубища, мы не одобряемъ этого, равно какъ и того, а наравнѣ съ тѣмъ философомъ порицаемъ и оплакиваемъ и ихъ и всѣхъ, понапрасну совершающихъ подобныя прельщенія. Но онъ показалъ великое дерзновеніе предъ царемъ? Посмотримъ и великое это дерзновеніе, не пустѣе ли и оно прельщенія съ бочкой. Какое же дерзновеніе? Когда македонянинъ шелъ на персовъ и ставши предъ нимъ побуждалъ объявить, не имѣетъ ли онъ въ чемъ нужды, -то онъ отвѣчалъ: ни въ чемъ, кромѣ того, чтобы царь не затѣнялъ его, такъ какъ философъ грѣлся тогда на солнцѣ. Вы не стыдитесь? Не закрываетесь? Не уходите зарыться гдѣ-нибудь въ землю, превозносясь тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться? Не гораздо ли было бы лучше, надѣвъ на себя одежду взрослаго, быть дѣятельнымъ и попросить тогда у царя чего-нибудь полезнаго, нежели сидѣть въ рубищѣ и грѣться, подобно маленькимъ груднымъ дѣтямъ, которыхъ мамки, вымывъ и намазавъ, кладутъ для того же, для чего сидѣлъ тогда и философъ, прося себѣ милости, какой могла бы просить жалкая старуха? Но, можетъ быть, удивительно его дерзновеніе? Напротивъ, ничего нѣтъ страннѣе его. Хорошему человѣку нужно все дѣлать для общей пользы и для исправленія жизни другихъ; а просьба 546
о томъ, чтобы не заслоняли солнца, спасла ли какой городъ, какой домъ, какого мужчину, какую женщину? Покажи пользу отъ этого дерзновенія, какъ мы показали ее относительно мученика и въ послѣдующемъ покажемъ ее еще яснѣе.

9. Между тѣмъ (св. Вавила) наказалъ беззаконника,—настолько, насколько можно священнику наказать,—обуздалъ высокомѣріе начальствующихъ, охранилъ отъ колебанія законы Божіи, совершилъ отмщеніе за убитаго злобно юношу, отмщеніе самое тяжелое изъ всѣхъ для имѣющихъ умъ. Вы, конечно, помните, какъ въ то время, когда я говорилъ объ убійствѣ, каждый изъ слушателей воспламенялся, желалъ взять злодѣя въ свои руки, и молился, чтобы откуда-нибудь явился мститель за убійство. Это и сдѣлалъ тотъ блаженный и наложилъ на него наказаніе, приличное и достаточное для его вразумленія, если бы онъ не былъ совершенно безчувственнымъ; не просилъ онъ царя отступить и не заслонять согрѣвавшее его солнце, но безстыдно вторгавшагося въ священную ограду и все приводившаго въ смятеніе отогналъ отъ дворовъ Господнихъ, какъ какого-нибудь пса и раба непотребнаго. Видишь ли, что не хвастаясь говорилъ я, доказывая, что дивныя дѣла вашихъ философовъ—онъ обличилъ какъ дѣла дѣтскаго ума? Но, скажешь, тотъ синопянинъ (Діогенъ) былъ и цѣломудренъ, и жизнь проводилъ въ воздержаніи, не вступалъ даже и въ законный бракъ. Прибавь же: какъ и какимъ образомъ? Но ты не прибавишь этого, а охотнѣе лишишь его похвалъ за цѣломудріе, нежели скажешь, каково было его цѣломудріе: такъ оно было гнусно и полно великаго срама. Я могъ бы указать на болтовню и другихъ, на ихъ пустыя и постыдныя дѣла; въ какомъ отношеніи полезно, скажи мнѣ, питаться человѣческимъ сѣменемъ, какъ дѣлалъ стагиритъ (Аристотель)? Какая польза смѣшиваться съ матерями и сестрами, какъ установилъ вождь стоической философіи (Зенонъ)? И о начальникѣ академіи и его учителѣ и о другихъ, которыхъ еще болѣе почитаютъ, я доказалъ бы, что они постыднѣе и этихъ, и педерастію, которую они считаютъ чѣмъ-то почтеннымъ и относящимся къ любомудрію, я раскрылъ бы, снявъ всякое иносказаніе, если бы наше слово не вышло слишкомъ длиннымъ, и не поспѣшало къ другому предмету, и если бы не обличались достаточно и по одному смѣшныя стороны всѣхъ ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда главный изъ нихъ, котораго философія была, повидимому, строже и по свободѣ рѣчи и по воздержанію, является столь постыднымъ, нелѣпымъ и неумѣреннымъ (говорилъ же онъ, что питаться человѣческою плотію дѣло безразличное), то какіе у насъ будутъ еще разговоры съ остальными, если стоявшій во главѣ этого занятія и блиставшій больше прочихъ оказался для всѣхъ столь смѣшнымъ, незрѣлымъ и неразумнымъ? Возвратимся поэтому къ тому, отъ чего мы отступили, заведя рѣчь объ этомъ. Блаженный такимъ образомъ обуздалъ невѣрныхъ, а вѣрныхъ сдѣлалъ болѣе благоговѣйными, не только част-

ныхъ людей, но и воиновъ, и военачальниковъ, и градоначальниковъ, показавъ, что и царь, и послѣдній изъ всѣхъ у христіанъ суть только одни имена, и что носящій діадему будетъ ничѣмъ не лучше самаго послѣдняго, когда онъ долженъ быть обличенъ и наказанъ. Кромѣ того онъ заградилъ уста всѣмъ тѣмъ безстыдникамъ, которые говорятъ, что у насъ все хвастливые вымыслы, по- 547
казавъ на дѣлѣ апостольское дерзновеніе и научивъ, что и въ древности безъ сомнѣнія были такіе же мужи, когда проявленіе знаменій давало имъ еще большую власть. Есть и третій немаловажный подвигъ: у имѣющихъ впослѣдствіи священствовать и царствовать—у послѣднихъ онъ смирилъ умы, а у первыхъ возвысилъ, показавъ, что получившій священство есть болѣе властный блюститель надъ землею и надъ совершающимся на землѣ, нежели носящій багряницу, и что надобно не уменьшать величіе этой власти, но скорѣе отказываться отъ жизни, нежели отъ правъ, которыя Богъ свыше удѣлилъ въ жребій этой власти. Умершій такимъ образомъ могъ бы и по смерти приносить пользу всѣмъ, а покинувшій свой постъ не только по смерти не приноситъ никому пользы, но и при жизни дѣлаетъ бо̀льшую часть подвластныхъ ему болѣе слабыми, и у внѣшнихъ становится предметомъ презрѣнія и посмѣянія. Отшедши же отсюда, онъ съ великимъ стыдомъ и униженіемъ предстанетъ престолу Христову, а оттуда опять повлекутъ его въ пещь приставленныя къ тому силы. Посему нѣкое мудрое слово и увѣщеваетъ: *не пріими лица на душу твою* (Сирах. IV, 26). Если же не безопасно лицемѣрить, когда обижаютъ человѣка, то какого наказанія не будетъ достоинъ тотъ, кто молчалъ и не обращалъ вниманія, когда были оскорбляемы законы божественные? Вмѣстѣ съ этимъ онъ преподалъ и еще иной добрый урокъ, не меньшій тѣхъ,—что каждый долженъ дѣлать свое дѣло, хотя бы никто не получалъ отъ того пользы. И онъ самъ тогда не принесъ никакой пользы царю своимъ дерзновеніемъ, однако исполнилъ все свое дѣло и не опустилъ ничего.

Но больной по собственному безумію погубилъ искусство врача, съ великимъ гнѣвомъ отнявъ лѣкарство отъ раны. Точно для нечестія недостаточно было убить и безстыдно вторгнуться въ храмъ Божій,—онъ къ убійству прибавилъ другое убійство, какъ бы стараясь превзойти первое вторымъ и вмѣстѣ затьмить предшествовавшія страданія чрезмѣрностію послѣдующихъ (таково-то неистовство діавола,—что онъ соединяетъ и противоположное), и чрезъ это обоимъ этимъ убійствамъ онъ далъ ту особенность, что между ними есть нѣкоторое соотвѣтствіе. Первое убійство, т. е. отрока, болѣе второго жалко; а второе, т. е. блаженнаго Вавилы, болѣе перваго преступно. Душа, однажды вкусившая

грѣха и пришедшая въ безчувственное состояніе, болѣе и болѣе увеличиваетъ свою болѣзнь. Какъ искра, упавшая въ огромный лѣсъ, тотчасъ зажигаетъ попавшееся ей, но не останавливается на одномъ только этомъ, а распространяется и на все прочее, и чѣмъ болѣе обнимаетъ своимъ пламенемъ, тѣмъ большую пріобрѣтаетъ силу для истребленія остальнаго, такъ что множество объятыхъ огнемъ деревъ бываетъ какъ бы засадою для имѣющихъ быть объятыми, оттого что пламя въ охваченномъ всегда находитъ оружіе противъ остающагося еще,—такова и природа грѣха: когда онъ займетъ помыслы чьей-нибудь души и не будетъ никого, кто прекратилъ бы это зло, то, простираясь далѣе, онъ становится болѣе тяжкимъ и трудно-истребимымъ; поэтому-то грѣхи послѣдующіе часто бываютъ упорнѣе прежнихъ, такъ какъ душа отъ прибавленія послѣдующихъ болѣе и болѣе надмевается гор-
548 достію и презрительностію, и чрезъ это собственную силу ослабляетъ, а силу грѣха питаетъ. Такъ многіе, сами того не замѣчая, впадали въ грѣхи всякаго рода, потому что не погашали начинавшагося пламени. Такъ и этотъ несчастливецъ прибавилъ къ прежнимъ грѣхамъ другіе, болѣе тяжкіе. Послѣ того, какъ погубилъ того юношу, онъ отъ убійства устремился къ оскорбленію храма, а отсюда опять идя далѣе этимъ путемъ, вооружился безумно противъ священства, и связавъ святого желѣзными узами и ввергнувъ въ темницу, такимъ образомъ мстилъ ему, подвергая его наказанію за благодѣяніе, и за что должно было прославить его, увѣнчать и почитать болѣе родителей, за то заставилъ его терпѣть узы злодѣевъ, подвергая страданію отъ этихъ узъ.

10. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, грѣхъ, начавшись и не имѣя никого, кто препятствовалъ бы ему идти далѣе, становится неукротимымъ и неудержимымъ, подобно бѣшенымъ конямъ, которые, выкинувъ изо рта удила и сбросивъ всадника съ хребта своего навзничь, бываютъ неудержимы для встрѣчающихся, и, когда никто не останавливаетъ ихъ, въ безпорядочномъ стремленіи несутся въ пропасть. Врагъ нашего спасенія для того и приводитъ такія души въ неистовство, чтобы, захвативъ ихъ въ отсутствіе врачей, погубить и подвергнуть безчисленнымъ бѣдствіямъ. Такъ и больные тѣломъ, доколѣ позволяютъ врачамъ приходить къ нимъ, имѣютъ много надежды на выздоровленіе; но когда, впавъ въ сумашествіе, начинаютъ бить и кусать тѣхъ, которые хотятъ излѣчить ихъ отъ болѣзни, тогда дѣлаются неизцѣлимо больными, не по свойству болѣзни, а по отсутствію тѣхъ, которые могли бы избавить ихъ отъ бѣшенства. Въ такое состояніе привелъ себя и этотъ (царь): встрѣтивъ врача, который хотѣлъ исцѣлить его рану, онъ тотчасъ прогналъ его и отвелъ какъ

можно дальше отъ своего дома. Здѣсь можно было событіе съ Иродомъ не только узнать по слуху, но и видѣть глазами въ большемъ объемѣ, такъ какъ діаволъ опять вывелъ его на зрѣлище жизни, только съ большею торжественностію и обстановкою, на мѣсто тетрарха поставивъ царя и вмѣсто одной вины давши дѣлу двойное содержаніе, много болѣе притомъ гнусное, сравнительно съ первою, такъ что не по числу только, но и по самому свойству дѣйствій эта трагедія стала болѣе блестящею. Не бракъ здѣсь оскорблялся, какъ тамъ, и не изъ беззаконнаго смѣшенія лукавый сплелъ это происшествіе, но изъ преступнѣйшаго осквернeнія дѣтоубійствомъ, изъ жесточайшаго насилія и изъ беззаконія, не въ отношеніи къ женѣ, но къ самой святынѣ. Брошенный такимъ образомъ въ темницу, блаженный радовался узамъ своимъ, но скорбѣлъ о погибели того, кто связалъ его. Ни отецъ, ни воспитатель, когда пріобрѣтаютъ извѣстность вслѣдствіе пороковъ и неудачъ—первый своего сына, а второй ученика, не испытываютъ отъ этой извѣстности чуждаго печали удовольствія. Поэтому и блаженный Павелъ говорилъ коринѳянамъ: *молимся же ни единаго зла сотворити вамъ, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко не искусни будемъ* (2 Кор. XIII, 7). Такъ и для этого дивнаго мужа вожделѣннѣе наградъ за 549
узы было тогда спасеніе ученика и то, чтобы ученикъ, вразумившись, лишилъ его этихъ похвалъ, или лучше, чтобы онъ вовсе не впадалъ въ такую развращенность. Святые не хотятъ, чтобы вѣнцы имъ сплетались изъ чужихъ несчастій; если же не хотятъ изъ чужихъ, то тѣмъ болѣе изъ несчастій, случающихся со своими. Потому и блаженный Давидъ послѣ трофеевъ и побѣды сѣтовалъ и плакалъ, такъ какъ эта побѣда соединена была съ несчастіемъ его сына; и отправлявшимся военачальникамъ заповѣдалъ многое въ защиту этого мятежника, желавшихъ убить его удерживалъ, говоря: *пощадите отрока Авессалома* (2 Цар. XVIII, 5), и, когда тотъ палъ, оплакивалъ его и съ стонами и горькими слезами призывалъ своего врага.

Если же плотскій отецъ такъ чадолюбивъ, то тѣмъ болѣе духовный. А что духовные отцы попечительнѣе отцовъ плотскихъ, послушай Павла, который говоритъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Впрочемъ здѣсь представляется намъ равенство; хотя (плотскіе) отцы едва ли могутъ произносить такія слова, но допустимъ, что они достигаютъ и до этого,—а намъ нужно доказать нѣчто большее. Чѣмъ же мы докажемъ это? Тѣмъ же опять сердцемъ и словами законодателя (Моисея). Что же говорилъ тотъ? *Аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, и мя изглади изъ*

книги, въ нюже вписалъ еси (Исх. xxxii, 32). Ни одинъ отецъ, которому можно наслаждаться безчисленными благами, не пожелалъ бы подвергнуться наказанію вмѣстѣ съ дѣтьми; но апостолъ, какъ жившій подъ благодатію, и такую любовь еще усиливаетъ ради Христа. Онъ желалъ не вмѣстѣ съ другими подвергнуться наказанію, какъ тотъ, но молился о своей погибели ради того, чтобы другимъ удалось спастись, говоря: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ иже по плоти* (Рим. ix, 3). Таково благосердіе и состраданіе въ душахъ святыхъ! Поэтому и св. Вавила болѣе и болѣе терзался въ сердцѣ, видя, что царь идетъ далѣе и далѣе къ погибели. И что дѣлалъ онъ, дѣлалъ не только страдая за храмъ, но и по чувству любви къ царю, потому что кто наноситъ оскорбленіе служенію Божію, тотъ нисколько не вредитъ ему, а на себя навлекаетъ безчисленныя бѣдствія.

11. Посему этотъ чадолюбивый отецъ, видя, что наглецъ въ ярости стремится въ пропасть, старался удержать его безумное стремленіе, какъ какого-нибудь необузданнаго коня, поспѣшая укоризною оттолкнуть его назадъ. Но тотъ несчастный не допустилъ этого; а, закусивъ удила и сопротивляясь, предавшись гнѣву и бѣшенству вмѣсто правыхъ помысловъ, бросился въ бездну крайней погибели; выведя святого изъ темницы, онъ приказалъ отвести его связаннымъ на смерть. Дѣйствительно совершавшееся было противоположно тому, что было видимо. Связанный разрѣшался разомъ отъ всѣхъ узъ и желѣзныхъ и тѣхъ, которые еще крѣпче, т. е. отъ заботъ и трудовъ, и отъ всего прочаго, окружающаго насъ въ этой тлѣнной жизни; а тотъ, кто казался свободнымъ отъ
550 желѣза и стали, облагался другими болѣе тяжелыми узами, связываемый цѣпями грѣховъ. Итакъ, готовясь быть убитымъ, блаженный завѣщалъ, чтобы тѣло его погребено было вмѣстѣ съ желѣзными оковами, указывая, что и кажущееся позорнымъ, когда оно ради Христа, бываетъ почтенно и славно, и что испытывающему это не только не нужно скрываться, но нужно еще хвалиться этимъ. И въ этомъ онъ подражалъ блаженному Павлу, который со всѣхъ сторонъ показывалъ свои язвы, узы, цѣпь, хвалясь и величаясь тѣмъ, чего другіе стыдились. А что стыдились, это самъ онъ сдѣлалъ яснымъ для насъ своею защитительною рѣчью предъ Агриппою. Когда тотъ сказалъ: *вмалѣ мя препираеши христіанина быти*, то Павелъ отвѣчалъ: *молилъ убо быхъ Бога, и вмалѣ и во мнозѣ, не токмо тебе, но и всѣхъ окрестъ стоящихъ, быти христіанъ, кромѣ узъ сихъ* (Дѣян. xxvi, 28, 29); этого онъ не прибавилъ бы, если бы вещь эта не казалась для многихъ позорною. А святые, любя Владыку, съ великимъ усердіемъ прини-

мали страданія за Владыку и становились отъ нихъ болѣе радостными. Такъ одинъ говоритъ: *радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I, 24); а Лука говоритъ это же самое о прочемъ хорѣ апостоловъ: послѣ многихъ бичеваній они ушли, говоритъ, *радующеся, яко сподобишася за имя Христово безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). Итакъ, чтобы кто-нибудь изъ невѣрныхъ не подумалъ, будто его подвиги были слѣдствіемъ необходимости и униженія, онъ велитъ погребсти съ тѣломъ и самые знаки этихъ подвиговъ, выражая, что они ему весьма пріятны и любезны, по сильной привязанности его къ любви Христовой. И теперь лежатъ эти узы вмѣстѣ съ его прахомъ, внушая всѣмъ предстоятелямъ церквей, что хотя бы надлежало быть связанными, или быть убитыми, или потерпѣть что бы то ни было, все они должны переносить охотно и съ великимъ удовольствіемъ, дабы не предать и не постыдить ввѣренной намъ власти ни въ малѣйшей части. Такъ блистательно кончилъ жизнь свою этотъ блаженный! Можетъ быть кто подумаетъ, что здѣсь и мы окончимъ слово, — потому что по окончаніи жизни не бываетъ поводовъ къ подвигамъ и мужеству, подобно тому, какъ невозможно сплетать вѣнки борцамъ, когда кончились состязанія. Но такъ думать естественно язычникамъ, которые надежду свою ограничили настоящею жизнію; а мы, для которыхъ здѣшняя смерть бываетъ началомъ другой радостнѣйшей жизни, далеки отъ такого мнѣнія и предположенія. И что—справедливо, мы яснѣе докажемъ въ другомъ словѣ; пока же и дѣянія, совершенныя доблестнымъ Вавилою послѣ смерти, достаточны для того, чтобы дать много вѣры нашему слову. Послѣ того, какъ онъ до смерти подвизался за истину, и до крови противоборствовалъ грѣху, и чтобы не оставить мѣста, которое назначилъ ему великій Царь, отдалъ свою душу, и умеръ блистательнѣе всякаго героя, его приняло небо, а тѣло, которое послужило ему въ борьбѣ, приняла земля, и такимъ образомъ тварь раздѣлила подвижника. Онъ могъ бы быть преложенъ, подобно Еноху, или восхищенъ, подобно Иліи, которымъ онъ подражалъ; но Богъ, человѣколюбивый и дающій намъ безчисленные случаи ко спасенію, вмѣстѣ съ прочими путями проложилъ намъ и этотъ, достаточно призывающій насъ къ добродѣтели, оставивъ пока у насъ мощи святыхъ. И подлинно, послѣ
силы слова второе мѣсто занимаютъ гробы святыхъ въ дѣлѣ воз- 551
бужденія взирающихъ на нихъ душъ къ такой же ревности; и когда кто предстанетъ гдѣ-нибудь предъ такой гробницей, онъ тотчасъ начинаетъ ясно чувствовать ея дѣйствіе. Видъ гробницы, проникая въ душу, и поражаетъ ее, и возбуждаетъ, и приводитъ въ такое состояніе, какъ будто самъ лежащій въ ней молится вмѣстѣ, стоитъ предъ нами и мы видимъ его; и такимъ образомъ чело-

вѣкъ, испытывающій это, исполняется великой ревности и уходитъ отсюда, сдѣлавшись инымъ человѣкомъ. Всякій можетъ убѣдиться, что представленіе объ умершихъ возбуждается въ душахъ живыхъ самыми мѣстами (ихъ погребенія), если приведётъ себѣ на память людей плачущихъ, которые, какъ скоро приблизятся къ гробницамъ умершихъ, то какъ будто видя стоящими вмѣсто гроба самихъ лежащихъ въ гробѣ, тотчасъ отъ входа начинаютъ призывать ихъ. А многіе изъ одержимыхъ невыносимою печалію поселялись навсегда при гробахъ умершихъ, чего они, конечно, не дѣлали бы, если бы не получали нѣкотораго утѣшенія изъ созерцанія самыхъ мѣстъ. Но что я говорю о мѣстѣ и гробѣ? Часто одинъ взглядъ на одежду умершихъ и одно слово ихъ, пришедшее на умъ, возбуждаетъ душу и возстановляетъ слабѣющую о нихъ память. Поэтому Богъ и оставилъ намъ мощи святыхъ.

12. А что я теперь вовсе не хвастая говорю это, но сдѣлалъ это для нашей пользы, въ этомъ достаточно удостовѣряютъ какъ чудеса, каждодневно совершаемыя мучениками, такъ и множество стекающихся къ нимъ людей, не менѣе же того и доблестныя дѣла этого блаженнаго, совершенныя по смерти. Послѣ того, какъ онъ былъ погребенъ, какъ самъ завѣщалъ, и прошло уже много времени послѣ его погребенія, такъ что въ гробѣ остались только кости и прахъ, одному изъ послѣдующихъ царей угодно было перенесть гробницу въ это предмѣстіе—Дафну; угодно было потому, что Богъ подвигнулъ къ тому душу царя. Онъ, видя, что это мѣсто попало во власть распутныхъ юношей и находится въ опасности сдѣлаться недоступнымъ для болѣе почтенныхъ и желающихъ жить скромно, пожалѣлъ о бѣдственномъ его состояніи и послалъ ему защитника отъ оскорбленій. Богъ сдѣлалъ это мѣсто прекраснымъ и привлекательнымъ и по обилію водъ, и по красотѣ, и по свойству земли, и по благорастворенію воздуха, для того, чтобы мы не только отдыхали здѣсь, но чтобы и прославляли за это превосходнаго Художника; а врагъ нашего спасенія, который всегда коварно обращаетъ дары Божіи во зло, напередъ занявъ это мѣсто толпою развратныхъ юношей и жилищами демоновъ, разгласилъ о немъ и нѣкоторую постыдную басню, такъ что чрезъ нее пріятное предмѣстіе было посвящено демону. А басня была слѣдующая.

Дафна, говорятъ, была дѣвица, дочь рѣки Ладона; представлять же рѣки рождающими и превращать существа рождающіяся въ безчувственныя вещи и выдумывать много подобныхъ небылицъ всегда свойственно заблуждающимся. Эту-то благообразную дѣвицу, говорятъ, увидѣлъ нѣкогда Аполлонъ, и увидѣвши, почувствовалъ страсть къ ней и въ страсти погнался за нею, что-

бы схватить, а она побѣжала и, добѣжавъ до этого предмѣстія, остановилась; мать защитила ее отъ такого оскорбленія, отверзла тотчасъ свои объятія и приняла дѣвицу, а вмѣсто нея произвела 552
соименное ей растеніе; необдуманный любовникъ, потерявъ предметъ любви, сталъ обнимать дерево, присвоилъ себѣ и растеніе и мѣсто, сидѣлъ потомъ постоянно въ этой мѣстности и полюбилъ его и пристрастился къ нему болѣе всѣхъ мѣстъ на землѣ; а потомъ тогдашній царь повелѣлъ построить для него храмъ и жертвенникъ, чтобы демонъ могъ утѣшать этимъ мѣстомъ свое неистовство. Это—басня; но вредъ, происходившій отъ басни, уже не былъ баснею. Такъ какъ развратные юноши раньше уже, какъ я сказалъ, осквернили красоту предмѣстія, проводя тамъ время въ пирушкахъ и попойкахъ, то, желая усилить такое зло, діаволъ и басню эту выдумалъ и демона поселилъ, чтобы такая повѣсть еще болѣе разжигала ихъ распутство и нечестіе. Для уничтоженія такихъ золъ нашъ царь нашелъ самое мудрое средство—переселить святого и послать къ больнымъ врача. Если бы повелѣніемъ и властію царскою былъ загражденъ путь въ предмѣстіе жителямъ города, это показалось бы дѣломъ насилія, или—лучше—жестокости и великой грубости; а если бы прибавлено было, чтобы приходили сюда люди болѣе скромные и воздержные, а невоздержныхъ и распутныхъ не пускали бы, то это повелѣніе было бы невыполнимо, такъ какъ нужно было бы ежедневно производить судъ, разбирая жизнь каждаго; присутствіе же блаженнаго оказалось единственнымъ превосходнымъ выходомъ изъ этихъ затрудненій; (царь считалъ) мученика достаточно сильнымъ для того, чтобы и разрушить силу діавола, и исправить развратность юношей,—и не обманулся въ надеждѣ. Какъ скоро кто приходитъ въ Дафну и въ преддверіи предмѣстія видитъ храмъ мученика, тотчасъ становится сдержаннѣе, подобно какому-нибудь юношѣ, увидѣвшему на пирушкѣ наставника, стоящаго подлѣ и взглядомъ приказывающаго съ надлежащимъ благочиніемъ и пить, и ѣсть, и говорить, и смѣяться, остерегаясь, чтобы, преступивъ мѣру, не посрамить своей чести; а сдѣлавшись болѣе благоговѣйнымъ отъ этого созерцанія, и представляя себѣ блаженнаго, онъ тотчасъ поспѣшаетъ къ гробницѣ, и придя туда, проникается еще большимъ страхомъ и, отвергнувъ всякое легкомысліе, окрыляется, и такимъ образомъ уходитъ. Тѣхъ, которые идутъ изъ города, мученикъ, встрѣчая на пути, посылаетъ съ такимъ цѣломудріемъ отдохнуть въ Дафнѣ, только что не восклицая къ нимъ такими словами: *радуйтеся Господеви съ трепетомъ* (Пс. п, 11), и прилагая апостольское слово: *аще убо ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. x, 31). А

тѣхъ, которые по принятіи пищи возвращаются въ городъ, если имъ случится по разсѣянности сбросить съ себя узду и впасть въ опьяненіе или неумѣстное невоздержаніе, онъ, принявъ опять въ свое пристанище нетрезвыми, не отпускаетъ уходить домой съ вредомъ отъ опьяненія, но, вразумивъ страхомъ, возвращаетъ ихъ въ то состояніе трезвости, какое они соблюдали прежде, чѣмъ впали въ опьяненіе. Подлинно, какъ бы легкій вѣтерокъ какой вѣетъ отовсюду на присутствующихъ въ храмѣ мученика, вѣтерокъ не чувственный и укрѣпляющій тѣло, но могущій проникать въ самую душу, благоустрояющій ее во всѣхъ отношеніяхъ и свергающій съ нея всякое земное бремя; онъ оживляетъ ее, обремененную и падающую, и дѣлаетъ болѣе легкою.

553 13. Красота Дафны привлекаетъ къ себѣ и болѣе лѣнивыхъ; а мученикъ, какъ бы сидя на ловитвѣ и подстерегая входящихъ, удерживаетъ ихъ нѣкоторое время, и, приведя ихъ сперва въ порядокъ, отпускаетъ такъ, что они послѣ уже не распутно, а честно пользуются любимымъ мѣстомъ. Такъ какъ одни изъ людей по нерадѣнію, а другіе по житейскимъ заботамъ не хотятъ приходить къ гробамъ мучениковъ, то Богъ устроилъ, чтобы они были уловляемы такимъ способомъ и получали душевное врачеваніе; и бываетъ подобное тому, какъ если бы кто-нибудь больного, не принимающаго полезныхъ лѣкарствъ, перехитрилъ, примѣшавъ къ лѣкарству какую-нибудь сласть. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени врачуемые приходятъ въ такое состояніе, что уже не одно только удовольствіе, но и любовь къ святому для многихъ дѣлается побужденіемъ къ путешествію въ это предмѣстіе; или—лучше сказать—болѣе скромные приходятъ сюда только по одному этому побужденію, менѣе ихъ скромные по тому и другому, а еще болѣе этихъ несовершенные приходятъ только для одного удовольствія; но когда они придутъ, то призвавшій ихъ и угостившій своими благами мученикъ, хорошо вооруживъ ихъ, не допускаетъ имъ чувствовать ничего худого. И совершаемое здѣсь вразумленіе людей разсѣянныхъ и безпечныхъ и какъ бы изъятіе ихъ изъ среды неистовства одинаково удивительно, какъ если бы кто-либо, попавъ въ печь, не потерпѣлъ отъ огня ничего. Когда молодость и безразсудная смѣлость, вино и пресыщеніе сильнѣе пламени охватываютъ мысли, тогда роса отъ блаженнаго, нисходя чрезъ взоры въ душу взирающихъ, погашаетъ пламя, останавливаетъ пожаръ и орошаетъ умъ великимъ благоговѣніемъ. Такъ блаженный сокрушилъ насиліе распутства; а какъ онъ угасилъ силу демона? Этимъ самымъ онъ прежде всего сдѣлалъ бездѣйственнымъ и его присутствіе и вредъ отъ басни, а потомъ изгналъ и самого демона. Но прежде, чѣмъ говорить о способѣ изгнанія, прошу васъ замѣ-

тить то, что онъ не тотчасъ по прибытіи своемъ изгналъ его, а остававшагося его сдѣлалъ недѣйствующимъ, заградилъ ему уста и показалъ его безгласнѣе камней; преодолѣть же его остававшагося было дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ и изгнать его. Тотъ, кто всѣхъ повсюду обольщалъ прежде, не смѣлъ взглянуть и на прахъ блаженнаго Вавилы; такова сила святыхъ: при жизни ихъ не выносятъ ни тѣней ихъ, ни одеждъ, а по смерти трепещутъ и гробницъ! И если кто не вѣритъ дѣламъ, совершеннымъ апостолами, тотъ, видя настоящее, пусть отстанетъ отъ своего безстыдства. Тотъ, кто искони побѣждалъ все у язычниковъ, получивъ запрещеніе отъ мученика, какъ отъ владыки, прекратилъ свой лай и не издавалъ ни звука. Сперва, конечно, казалось, что онъ дѣлаетъ это потому, что не сталъ получать жертвъ и прочаго служенія. Таково именно свойство демоновъ, что, когда служатъ имъ смрадомъ жертвъ, дымомъ и кровью, то они приходятъ лизать, какъ кровожадные и прожорливые псы; а когда никто не доставляетъ имъ этого, то они какъ бы погибаютъ какимъ-то голодомъ. Когда совершаются жертвоприношенія и постыдныя посвященія въ таинства, — а таинства ихъ суть не что иное, какъ непристойныя любовныя связи, дѣторастлѣнія, нарушенія браковъ, разрушенія семействъ, не говорю уже на сей разъ о преступныхъ 554
способахъ убійства и болѣе убійствъ беззаконныхъ вечеряхъ,— когда совершается это, тогда они присутствуютъ и веселятся, хотя бы совершающіе это были злодѣи, или обманщики, или язва (сама); а лучше—другіе никто и не совершаютъ этого служенія. Человѣкъ благоразумный, кроткій и честный не станетъ терпѣть безчинства и пьянства, и не будетъ ни самъ говорить срамныхъ словъ, ни слушать какого-нибудь другого такого безстыдника. Въ самомъ дѣлѣ, если бы діаволъ заботился о человѣческой добродѣтели и хотя мало вниманія обращалъ на благоденствіе прилѣпляющихся къ нему, то, конечно, не искалъ бы ничего, кромѣ хорошей жизни и чистоты нравовъ, и оставилъ бы всѣ постыдныя пиршества; но такъ какъ для демоновъ нѣтъ ничего дороже погибели человѣческой, то и понятно, что они и услаждаются, и почитаются тѣмъ, что обыкновенно извращаетъ нашу жизнь и истребляетъ все доброе съ самаго основанія.

14. Итакъ сначала казалось, что и этотъ (демонъ) потому же молчитъ, но впослѣдствіи былъ онъ обличенъ, что связанъ былъ крѣпкою необходимостію. Сильный страхъ, напавшій на него, какъ бы какая узда, препятствовалъ ему употреблять противъ людей обычное обольщеніе. Откуда это извѣстно? Не смущайтесь; я приступаю къ самому доказательству, послѣ котораго и привыкшимъ къ безстыдству невозможно будетъ съ тѣмъ же безстыд-

ствомъ отвергать ни древнихъ чудесъ, ни силы мученика, ни слабости демона. Я не имѣю нужды объяснять это какими-нибудь предположеніями и вѣроятными доводами, но представлю свидѣтельство объ этомъ самого демона. Онъ самъ нанесъ вамъ смертельный ударъ и пресѣкъ всю вашу дерзость въ рѣчахъ. Но не гнѣвайтесь на него; не добровольно разрушилъ онъ свои дѣла, но сдѣлалъ это вынужденный высшею силою. Какъ же это было и какимъ образомъ? Когда умеръ царь, перенесшій мученика, тогда преемникомъ этой власти объявилъ брата его тотъ, кто и первому прежде далъ эту честь; впрочемъ и этотъ получаетъ царскую власть безъ діадемы, потому что такая же степень власти принадлежала и умершему брату. Будучи же обманщикомъ и нечестивцемъ, онъ [1]) сначала притворялся мыслящимъ по-христіански ради давшаго ему власть; а когда и этотъ окончилъ жизнь, то, сбросивъ наконецъ маску, онъ съ открытою головою объявилъ и всѣмъ сдѣлалъ извѣстнымъ суевѣріе, котораго онъ тайно держался издавна, и послалъ по всей вселенной повелѣнія возобновлять храмы идоловъ, возстановлять жертвенники, воздавать старинныя почести демонамъ и доставлять имъ большіе доходы изъ многихъ мѣстъ. Поэтому волхвы, колдуны, гадатели, наблюдатели полета птицъ и ежемѣсячныхъ перемѣнъ и производители всякаго волшебства стеклись отовсюду съ вселенной, и можно было видѣть царскіе чертоги наполненными людьми безчестными и бѣглыми. И давно томившіеся голодомъ, и тѣ которые были пойманы въ приготовленіи ядовъ и въ злодѣяніяхъ, и жившіе въ темницахъ, и работавшіе въ рудникахъ, и другіе, которые едва могли жить по-
555 стыдными промыслами, вдругъ оказавшись жрецами и іерофантами, были въ большой чести. Царь удалялъ и ни во что ставилъ военачальниковъ и правителей, а мужчинъ развратныхъ и женщинъ блудныхъ, выведши изъ домовъ, гдѣ они прежде жили, водилъ съ собою по всему городу и переулкамъ. Конь императорскій и всѣ оруженосцы слѣдовали позади на большомъ разстояніи; а содержатели блудницъ и сводницы, и весь хороводъ развратниковъ, окруживъ царя, находившагося среди ихъ, ходили по торжищу, произнося такія слова и такъ смѣясь, какъ свойственно людямъ этого ремесла. Знаемъ, что потомкамъ нашимъ покажется это невѣроятнымъ по чрезмѣрности и неумѣстности: вѣдь и частный человѣкъ изъ людей, ведущихъ низкую и постыдную жизнь, не захотѣлъ бы такъ безчинствовать публично. Но тѣмъ, которые еще живутъ, мнѣ ничего не нужно говорить; они присутствовали и видѣли эти событія, они же и слушаютъ теперь этотъ разсказъ. Я по-

[1]) Т. е. Юліанъ Богоотступникъ.

тому и описываю это предъ живыми свидѣтелями, чтобы кто не подумалъ, что я лгу съ великою смѣлостію, разсказывая о древнемъ предъ невидавшими того. Изъ видѣвшихъ это еще находятся въ живыхъ и старики и юноши; ихъ всѣхъ я прошу, если что-нибудь прибавлено мною, подойти и обличить меня. Но не въ прибавкахъ они могутъ обличить меня, а только въ пропускахъ, потому что невозможно представить словомъ всю чрезмѣрность его безобразія. Тѣмъ же, которые послѣ этого не будутъ вѣрить, я сказалъ бы, что вашъ демонъ, котораго вы называете Афродитою, не стыдится имѣть такихъ служителей; нисколько поэтому не удивительно, что и этотъ несчастный, однажды предавъ себя на посмѣяніе демонамъ, не скрывалъ того, чѣмъ хвалятся почитаемые имъ боги. А что сказать о вызываніи мертвыхъ и убіеніи дѣтей? Эти жертвы, которыя дерзали приносить прежде пришествія Христова, а послѣ Его явленія прекратились, (язычники) опять возымѣли дерзость приносить, впрочемъ не явно, такъ какъ, хотя онъ былъ и царь и все дѣлалъ своею властію, но чрезмѣрная преступность этихъ дѣйствій превышала и величіе его власти; дерзали однако и на это.

15. Этотъ царь, постоянно ходившій въ Дафну съ множествомъ даровъ и множествомъ жертвъ и проливавшій потоки крови отъ убіенія животныхъ, сильно налегалъ на демона, требуя предсказанія и прося высказать, что у него на умѣ. Но тотъ мудрецъ, который, какъ говорятъ, знаетъ число песка и объемы моря, понимаетъ нѣмого и слышитъ не говорящаго, уклонился сказать прямо и открыто (на томъ основаніи), что онъ не могъ говорить, такъ какъ уста его заграждены святымъ Вавилою и исходящею отъ сосѣдей силою; боясь сдѣлаться смѣшнымъ у своихъ почитателей, но желая прикрыть свое пораженіе, онъ высказалъ такой предлогъ молчанія, который болѣе самого молчанія сдѣлалъ его смѣшнымъ. Тѣмъ онъ обнаружилъ бы только свою слабость, а теперь показалъ и слабость, и гнусность, и безстыдство, стараясь затемнить незатемняемое. Какой же это предлогъ? Мѣсто Дафна, сказалъ онъ, наполнено мертвыми, и это препятствуетъ предсказанію. Насколько лучше было бы, о, несчастный, исповѣдать силу мученика, 556
нежели отговариваться такъ безстыдно? Такъ поступилъ демонъ; а безразсудный царь, какъ бы забавляясь на сценѣ и разъигрывая представленіе, тотчасъ устремился на блаженнаго Вавилу. Но, гнусные и прегнусные, не обманывали ли вы намѣренно другъ друга и не притворствовали ли на погибель остальнымъ? Для чего ты (демонъ) безъименно и неопредѣленно говоришь о мертвыхъ, а ты (императоръ), какъ бы выслушавъ опредѣленное указаніе по имени, оставивъ прочихъ, безпокоишь одного только святого? По изреченію демона слѣдовало вырыть всѣ гробы, находящіеся въ Дафнѣ, и отправить

какъ можно дальше отъ взора боговъ это страшилище.—„Но онъ говорилъ не о всѣхъ мертвыхъ".—Такъ почему же не высказалъ этого прямо? Вѣроятно тебѣ, разъигрывающему обманчивое представленіе, онъ задалъ эту загадку. Я, сказалъ онъ, говорю о мертвыхъ, чтобы не стало очевиднымъ мое пораженіе, и кромѣ того я боюсь назвать святого по имени; а ты понимай сказанное, и вмѣсто всѣхъ подвинь мученика, потому что онъ заградилъ намъ уста. Онъ зналъ, что безуміе почитателей его такъ велико, что они не могли понять и столь явнаго обмана; если бы всѣ пришли въ изступленіе, если бы сошли съ ума, и въ такомъ случаѣ не осталось бы непонятымъ это пораженіе: такъ оно ясно и очевидно для всѣхъ! Если мертвыя тѣла людей, какъ говоришь ты, какая-то скверна и мерзость, то тѣмъ болѣе трупы животныхъ, насколько этотъ родъ презрѣннѣе рода человѣческаго; а близъ храма зарыты были кости многихъ и собакъ, и обезьянъ, и ословъ; ихъ больше нужно было перенести, если только ты не считаешь людей болѣе обезьянъ презрѣнными. Гдѣ нынѣ тѣ, которые оскорбляютъ прекрасное созданіе Божіе—солнце, сотворенное для служенія намъ, приписывая это свѣтило демону и даже называя его демономъ? Солнце разливаетъ свой свѣтъ по вселенной, хотя безчисленные мертвецы лежатъ въ землѣ, и нигдѣ не скрываетъ ни лучей своихъ, ни силы ихъ по причинѣ оскверненій; а вашъ богъ не отвращается и не ненавидитъ срамной жизни, волхвованій и убійствъ, напротивъ и любитъ ихъ, и радуется, и благоволитъ о нихъ, отъ нашихъ же тѣлъ отвращается, между тѣмъ какъ всякій видъ зла самимъ совершающимъ его кажется достойнымъ бозконечнаго осужденія, а тѣло мертвое и неподвижное не подлежитъ никакой укоризнѣ и винѣ. Но таково настроеніе вашихъ демоновъ, что они гнушаются тѣмъ, что̀ не гнусно, а почитаютъ и одобряютъ то, что достойно всякой ненависти и отвращенія. Человѣкъ добрый не встрѣтитъ препятствія отъ мертваго тѣла ни захотѣть чего-нибудь полезнаго, ни сдѣлать что-нибудь должное, но если онъ здравъ душею, то, живя и у самыхъ гробовъ, окажетъ и цѣломудріе, и справедливость, и всякую добродѣтель. И всякій художникъ безпрепятственно сдѣлаетъ все, что относится къ его искусству, и предложитъ нуждающимся въ немъ, не только сидя близъ мертвыхъ, но даже если бы ему нужно было сооружать самыя гробницы для умершихъ; также и живописецъ, и каменщикъ, и плотникъ, и мѣдникъ, и всѣ исполняютъ свои дѣла; одинъ только изъ всѣхъ Аполлонъ говоритъ, что мертвые препятствуютъ ему провидѣть будущее. И у насъ были мужи великіе и дивные, и предсказывали о будущемъ за четыреста и за тысячи лѣтъ и, предсказывая, ничего этого ни требовали, не порицали, не приказывали разрывать гробы мертвыхъ и выбрасывать

лежащихъ, не выдумывали страннаго и безстыднаго способа раскапыванія гробницъ; но одни изъ нихъ, живя среди народовъ без- 557
божныхъ и нечестивыхъ, а другіе находясь среди варваровъ, гдѣ совершалось все, поистинѣ достойное отвращенія и омерзенія, истинно предсказывали все, и нечистота другихъ нисколько не препятствовала имъ въ предсказаніи. Почему же это? Потому, что они, если что говорили, говорили по дѣйствію истинно божественной силы; а демонъ, какъ непричастный этому дѣйствію и лишенный его, не могъ ничего предсказать; но чтобы не показаться безпомощнымъ, онъ по необходимости представляетъ только вѣроятные, хотя и смѣшные предлоги. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, почему онъ въ прежнее время никогда не говорилъ и не возглашалъ чего-либо подобнаго? Потому, что тогда онъ имѣлъ предлогъ въ томъ, что его не почитаютъ; а когда у него было отнято оправданіе, то онъ прибѣгъ къ мертвымъ, опасаясь, чтобы не потерпѣть чего-нибудь. Онъ не хотѣлъ быть посрамленнымъ, но вы принудили его къ тому, многимъ служеніемъ отнявъ у него оправданіе и не оставивъ ему возможности укрываться недостаткомъ жертвъ.

16. Услышавъ это, лицемѣръ (Юліанъ) повелѣлъ унести гробницу, чтобы пораженіе сдѣлалось явнымъ и извѣстнымъ для всѣхъ. Если бы тотъ сказалъ: по причинѣ святого не могу я говорить, но ничего не трогайте и не тревожьте болѣе,—то это было бы извѣстно однимъ только его приверженцамъ, которые постыдились бы передать это другимъ; а теперь, какъ бы стараясь разгласить свою слабость, онъ заставилъ сдѣлать все то, послѣ чего и желающему невозможно было прикрыть происшедшаго. Невозможно уже было поддержать обманъ, потому что никто изъ остальныхъ мертвецовъ, а только одинъ мученикъ былъ перенесенъ оттуда. И не только жители этого города, предмѣстія и селеній, но и вдали отъ этихъ мѣстъ находящіеся, не видя стоящей гробницы и потомъ спрашивая о причинѣ, тотчасъ узнавали, что демонъ, упрашиваемый царемъ дать предсказаніе, отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого, пока кто-нибудь не удалитъ отъ него блаженнаго Вавилу. Между тѣмъ ты, достойный посмѣянія, могъ бы прибѣгнуть и къ другимъ уловкамъ, какія ты часто дѣлаешь, всегда изобрѣтая множество хитростей въ затруднительныхъ случаяхъ: такъ, лидійцу (Крезу) ты сказалъ, что онъ, *перешедши рѣку Алисъ*, разрушитъ великое государство—и показалъ его на кострѣ; и наканунѣ Саламина ты употребилъ ту же самую хитрость, и сдѣлалъ смѣшное прибавленіе, потому что изреченіе: *погубишь ты дѣтей женъ*, было подобно изреченію для лидійца; а прибавленіе: *или при посѣвѣ Димитры или при сборѣ ея*—весьма смѣшно и похоже на то, что говорятъ шуты на перекресткахъ. Но ты не захотѣлъ

этого. Можно было и прикрыть слово неясностію, потому что и это всегда свойственно твоему искусству; но опять стали бы настаивать всѣ, не понявши и требуя разрѣшенія. Также можно было тебѣ прибѣгнуть къ звѣздамъ; и это вѣдь часто ты дѣлаешь и не стыдишься и не краснѣешь, такъ какъ рѣчь у тебя не къ мужамъ, обладающимъ умомъ, но къ скотамъ и даже безумнѣйшимъ скотовъ; они были
558 не мудрѣе эллиновъ, слушавшихъ подобныя изреченія и не удалившихся отъ обмана. — «Но они поняли бы ложь».—Въ такомъ случаѣ слѣдовало сказать правду одному только жрецу, а онъ лучше тебя съумѣлъ бы прикрыть пораженіе; а теперь кто убѣдилъ тебя, несчастный, ввергнуть себя въ столь явное безстыдство? Но, можетъ быть, ты нисколько не виноватъ, а царь худо перетолковалъ, такъ какъ, выслушавъ о мертвыхъ неопредѣленно, устремился на одного только святого. Да, онъ обличилъ тебя и обнаружилъ обманъ, но конечно не намѣренно, такъ какъ невозможно было, чтобы одинъ и тотъ же и почтилъ такими жертвами, и съ другой стороны оскорбилъ того же самаго. Нѣтъ, всѣхъ васъ вмѣстѣ помрачила сила мученика и не допустила разумѣть происходящее; и хотя все дѣлалось какъ будто противъ христіанъ, но посмѣяніе обратилось не на терпящихъ насмѣшки, а на самихъ насмѣшниковъ. Какъ сумасшедшіе всегда представляютъ себѣ, что они мстятъ ближнимъ, нанося удары стѣнамъ и угрожая присутствующимъ возможными и невозможными бѣдствіями, но срамятъ своими дѣйствіями не ихъ, а самихъ себя,—такъ точно было и тогда. Гробница была влекома по всему пути, и мученикъ, какъ атлетъ какой, возвращался со вторымъ вѣнцомъ въ свой городъ, въ которомъ онъ былъ увѣнчанъ и первымъ. Такимъ образомъ, если кто не допускаетъ воскресенія (мертвыхъ), то пусть наконецъ устыдится, взирая на блистательныя дѣла этого мученика послѣ его кончины. Онъ, какъ бы какой герой, присоединялъ трофеи къ трофеямъ, къ великимъ большіе и къ удивительнымъ удивительнѣйшіе. Въ самомъ дѣлѣ, тогда онъ боролся съ однимъ только царемъ, а теперь и съ царемъ и съ демономъ; тогда онъ отъ священной ограды отогналъ властителя, а теперь отъ всей мѣстности Дафны отвелъ губителя, не рукою дѣйствуя, какъ прежде, но невидимою силою побѣждая невидимую. При жизни его человѣкоубійца не вынесъ его дерзновенія, а по смерти не стерпѣлъ его праха ни царь, ни демонъ, побуждавшій царя сдѣлать это. А что онъ поразилъ бóльшимъ страхомъ этихъ послѣднихъ, нежели перваго, видно изъ слѣдующаго: тотъ, взявъ его, связалъ и убилъ, а эти только перенесли (его тѣло). Почему ни тотъ не повелѣлъ, ни этотъ не захотѣлъ потопить гробницу? Почему не сокрушилъ ея и не сжегъ? Почему не приказалъ отнести ее въ пустыню и необитаемое мѣсто?

Если это была мерзость и скверна и если по отвращенію, а не по страху, онъ двинулъ ее оттуда, то не въ городъ слѣдовало вносить эту мерзость, а удалить въ горы и лѣса.

17. Но этотъ несчастный не хуже самого Аполлона зналъ силу блаженнаго и дерзновеніе его предъ Богомъ, и боялся, чтобы, сдѣлавъ это, не навлечь на себя молніи или какого-нибудь другого бѣдствія. Онъ имѣлъ много доказательствъ силы Христовой, явленной какъ на царствовавшихъ прежде него, такъ и на управлявшихъ тогда вмѣстѣ съ нимъ его государствомъ. Изъ царствовавшихъ прежде тѣ, которые дерзали на подобное, послѣ многихъ невыносимыхъ несчастій оканчивали жизнь постыдно и жалко; такъ, например, у одного еще при жизни сами собою выскочили зрачки глазъ,—это былъ Максиминъ; другой сошелъ съ ума; третій подвергся иному подобному несчастію, и такимъ образомъ скончался. А изъ жившихъ тогда съ нимъ дядя его по отцу, который болѣе легкомысленно неистовствовалъ противъ насъ и дерз- 559 нулъ коснуться священныхъ сосудовъ нечистыми руками, и, не довольствуясь и этимъ, зашелъ въ поруганіи еще далѣе (онъ именно, переворотивъ ихъ, поставивъ на полу и разложивъ, сѣлъ такъ на нихъ),—тотчасъ подвергся наказанію за это преступное сидѣніе. Въ загнившихъ срамныхъ членахъ его зародились черви—и такъ, что явно было, что эта болѣзнь была ниспослана отъ Бога; врачи, закалая жирныхъ и иностранныхъ птицъ и прикладывая ихъ къ зараженнымъ членамъ, вызывали червей; но черви не уходили, а упорно держались въ загнившихъ членахъ, и такимъ образомъ, истощая его въ теченіе многихъ дней, жестоко погубили. А другой нѣкто, поставленный хранителемъ царскихъ сокровищъ, прежде чѣмъ переступилъ порогъ царскихъ чертоговъ, внезапно лопнулъ по срединѣ, потерпѣвъ наказаніе за какое-то другое подобное преступленіе. Все это и большее того (перечислять же все теперь не время) представляя въ умѣ своемъ, нечестивецъ боялся простирать дерзость свою далѣе. А что я говорю это теперь не отъ себя самого, очевидно будетъ для насъ изъ того, что было совершено имъ послѣ этого; но пока мы будемъ держаться порядка событій.

Что же было вслѣдъ за тѣмъ? Это—удивительное дѣло, показывающее не только силу, но и неизреченное человѣколюбіе Божіе. Святый мученикъ находился внутри священной ограды, въ которой онъ былъ и прежде, нежели придти въ Дафну, а лукавый демонъ тотчасъ понялъ, что онъ тщетно изобрѣталъ обольщенія и что велъ борьбу не съ мертвымъ, а съ живымъ и дѣйствующимъ, съ тѣмъ, кто сильнѣе не только его, но и всѣхъ демоновъ (мученикомъ). Умоливъ Бога ниспослать огонь на капище, вмѣстѣ сжегъ

всю кровлю, и истребивъ идола до конца ногъ и показавъ, что онъ пепелъ и прахъ, стѣны всѣ оставилъ стоять въ цѣлости. И если бы кто теперь пришелъ къ тому мѣсту, то не сказалъ бы, что это происшествіе было дѣломъ огня; пожаръ былъ не безпорядочный и происходилъ точно и не отъ бездушнаго вещества, но какъ будто какая-нибудь рука водила огонь и указывала, что слѣдовало пощадить, и что истребить,—такъ стройно и искусно раскрыто было капище, и стало оно подобнымъ не просто сожженнымъ зданіямъ, но такимъ, которыхъ ограды въ надлежащемъ видѣ, а не достаетъ одной только кровли. Все прочее, и колонны, какъ поддерживающія кровлю, такъ и преддверіе, всѣ устояли, кромѣ одной въ задней части зданія; но и эта не просто была предана тогда разрушенію, но по причинѣ, о которой мы скажемъ послѣ. Когда же это случилось, тотчасъ ведутъ жреца этого демона въ судилище и заставляютъ назвать виновника; но такъ какъ онъ не могъ, то, подвергнувъ его пыткамъ, нанесли ему много ударовъ; а потомъ, поднявъ его на воздухъ, скоблили ему бока, но не узнали ничего болѣе, а произошло подобное бывшему при воскресеніи Христовомъ. И тогда были поставлены воины стеречь тѣло Іисусово, чтобы, какъ говорили, ученикамъ не удалось совершить покражу; но дѣло вышло такъ, что не осталось даже и безстыдной отговорки у желающихъ повредить вѣрѣ въ воскресеніе. И здѣсь жрецъ былъ привлеченъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, что происшествіе было дѣломъ не гнѣва Божія, а злоумышленія
560 человѣческаго; но, среди пытокъ и мученій не могши выдать никого, онъ засвидѣтельствовалъ, что огонь былъ посланъ отъ Бога, такъ что и желающимъ быть безстыдными не осталось уже никакого основанія. Но теперь благовременно сказать то, что я хотѣлъ сейчасъ предъ этимъ сказать, но отложилъ. Что же именно? То, что мученикъ страхомъ поразилъ душу царя, такъ что онъ не смѣлъ простираться далѣе. Навѣрное жреца, которому прежде оказывалъ такую честь, онъ не подвергъ бы за кровлю такимъ страданіямъ и не разстерзалъ бы хуже кровожаднаго звѣря,—а онъ, пожалуй, и поѣлъ бы плоти его, если бы только это не казалось гнуснымъ для всѣхъ,—святого же, заградившаго самыя уста демона, опять не перенесъ бы въ городъ, чтобы онъ былъ въ большей чести. Если уже не прежде, когда демонъ признался въ своемъ пораженіи, то послѣ пожара онъ все ниспровергъ бы и истребилъ, сожегъ бы и гробницу и оба храма мученика, какъ находящійся въ Дафнѣ, такъ и находящійся въ городѣ, если бы страхъ не былъ больше гнѣва, и ужасъ не превышалъ досады. Вѣдь большинству людей свойственно, когда завладѣетъ ими гнѣвъ и печаль, и если не схватятъ они виновниковъ страданій, изливать гнѣвъ просто на

попадающихся и подозрительныхъ. А мученикъ не былъ далеко отъ этого подозрѣнія, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ прибылъ въ городъ, и огонь сошелъ на капище. Но, какъ я сказалъ, страсть боролась со страстію и боязнь превышала гнѣвъ. Представь, въ какомъ состояніи былъ этотъ добрякъ, войдя въ предмѣстіе, и видя храмъ мученика стоящимъ, а капище сожженнымъ, и идола уничтоженнымъ, и жертвы истребленными и всякую память о его собственной щедрости и сатанинской пышности изглаженною. Навѣрное, если бы при видѣ этого и не объялъ его ни гнѣвъ, ни досада, онъ всетаки не перенесъ бы стыда и великаго посмѣянія, но простеръ бы беззаконныя руки и на храмъ блаженнаго мученика, если бы то, о чемъ я сказалъ, не удерживало его. Подлинно, событіе было не маловажное, но пресѣкло всю дерзость язычниковъ, угасило всю радость ихъ и навело на нихъ такой мракъ унынія, какъ будто погибли всѣ капища.

18. А что я не хвастливо говорю это, въ доказательство приведу самыя слова плача и рѣчи, которую тогда составилъ городской софистъ (Ливаній) объ этомъ демонѣ. Начало плача таково: „мужи, глаза которыхъ, равно какъ и мои, покрылъ мракъ,—не станемъ уже называть этого города ни прекраснымъ, ни великимъ“. Потомъ, упомянувъ и сказавъ нѣчто о баснѣ касательно Дафны (предлагать всю рѣчь здѣсь не время, чтобы не сдѣлать бесѣды слишкомъ пространною),—онъ говоритъ, что нѣкогда царь персидскій; взявши городъ, пощадилъ капище; вотъ эти слова: „ведшій противъ насъ войско почелъ за лучшее для себя сохранить храмъ, и красота статуи одержала верхъ надъ яростію варвара; а теперь, о, солнце и земля, кто или откуда этотъ врагъ, который и безъ тяжеловооруженныхъ, и безъ всадниковъ, и безъ легкихъ войскъ, малою искрою истребилъ все?“ Затѣмъ показывая, что его побѣдилъ блаженный (Вавила) тогда, когда дѣла язычниковъ особенно процвѣтали жертвоприношеніями и обрядами, говоритъ: „нашего храма и великій тотъ потопъ не разрушилъ, а при 561
ясной погодѣ, когда прошла уже туча, онъ низвергнутъ“,—называя тучею и потопомъ время прежняго царя. И опять немного далѣе оплакиваетъ то же самое еще горестнѣе, говоря: „потомъ, когда жертвенники твои жаждали крови, ты, Аполлонъ, и пренебрегаемый, оставался вѣрнымъ стражемъ Дафны; а иногда будучи и оскорбляемъ и лишаемъ внѣшняго украшенія, ты переносилъ это; теперь же, послѣ множества овецъ и множества воловъ, принявъ къ ногѣ своей священныя уста царя, увидѣвъ того, о комъ ты предсказывалъ, созерцаемый этимъ предвозвѣщеннымъ, избавившись отъ злого сосѣдства одного мертвеца, безпокоившаго тебя вблизи, среди самаго почитанія ты быстро удалился; чѣмъ еще мы будемъ

хвалиться предъ людьми, помнящими твои священнодѣйствія и статуи?“ Что говоришь ты, плачевный пѣвецъ? Подвергаясь безчестію и оскорбленіямъ, онъ оставался непоколебимо стражемъ Дафны; а принимая почести и служеніе, не имѣлъ силы сохранить и собственный храмъ, и притомъ зная, что послѣ его паденія подвергнется еще большему безчестію, чѣмъ прежде? Кто же, софистъ, мертвецъ-то, безпокоившій твоего бога? Какое это злое сосѣдство? Здѣсь онъ, дойдя до подвиговъ блаженнаго Вавилы и не имѣя возможности умолчать о своемъ посрамленіи, закрылся просто и пробѣжалъ мимо. Что демонъ испытывалъ безпокойства и стѣсненіе отъ мученика, сказалъ, но не прибавилъ того, какъ демонъ, стараясь прикрыть свое пораженіе, еще болѣе обнаружилъ его,—потому и говоритъ просто: „избавившись отъ злого сосѣдства“. Почему же ты, пустословъ, не говоришь о мертвецѣ, кто онъ былъ, почему онъ одинъ безпокоилъ твоего бога и почему онъ одинъ былъ перенесенъ? И почему, скажи мнѣ, ты называешь его злымъ сосѣдствомъ? Не потому ли, что онъ обличилъ обманъ демона? Но это дѣло не какого-нибудь злого сосѣдства, равно какъ и не мертваго, но живого, дѣйствующаго, добраго, покровительствующаго, заботящагося и принимающаго всѣ мѣры къ вашему спасенію, если бы только вы захотѣли. И дабы вамъ больше невозможно было обольщать самихъ себя и говорить, будто демонъ, гнѣваясь и жалуясь на недостатокъ жертвъ и оставаясь недоволенъ прочимъ служеніемъ, удалился добровольно, для того мученикъ и прогналъ его изъ всего этого мѣста, которое больше всѣхъ было любезно ему и которое онъ такъ предпочиталъ остальнымъ, что и подвергаясь безчестію сидѣлъ въ немъ. Ты самъ предупредилъ объ этомъ, сказавъ: „и въ такое время, когда множество овецъ и множество воловъ закалалъ ему царь“,—такъ что со всѣхъ сторонъ становится ясно, что Дафну онъ оставилъ, вынужденный и гонимый большею силою. Можно было прогнать его, и оставивъ идола въ цѣлости, но вы не повѣрили бы, какъ не вѣрили и прежде, когда онъ былъ связанъ мученикомъ, упорно продолжая служить. Посему св. мученикъ, оставивъ прежде идола стоять, тогда низвергъ его, когда пламя нечестія высоко поднялось, показывая этимъ, что побѣдителю нужно такъ побѣждать, не усмиренныхъ преодолѣвая враговъ, но надмевающихся и ликующихъ. Почему самъ онъ не повелѣлъ тогда царю, вводившему его въ Дафну, разрушить капище и перенести идола, какъ перенесли его гробницу? Потому, что онъ не терпѣлъ вреда отъ него, не имѣлъ и нужды въ тѣлесной помощи, но и тогда и
562 теперь низвергъ его безъ руки человѣческой. Первой побѣды своей онъ и не открылъ намъ, но только заградилъ (Аполлону) уста, и успокоился. Таковы святые: они желаютъ только исполнить нужное

для спасенія людей, а не объявлять еще о себѣ народу, что это—ихъ подвиги, развѣ когда заставитъ какая-нибудь необходимость; необходимостію же я опять называю попеченіе о спасаемыхъ, какъ и было тогда. Такъ какъ зло обольщенія усиливалось, то наконецъ открывается намъ и побѣда, но открывается не побѣдителемъ, а самимъ побѣжденнымъ. Такъ это свидѣтельство стало несомнѣннымъ и для враговъ, когда святой и при наставшей необходимости уклонялся говорить о самомъ себѣ; а такъ какъ заблужденіе и такимъ образомъ не прекращалось, но безчувственнѣйшіе камней еще продолжали упорно призывать побѣжденнаго и оставались слѣпыми къ столь явной истинѣ, то по необходимости ниспосланъ былъ огонь на идола, чтобы чрезъ этотъ пожаръ погасить другой пожаръ—идолослуженія.

19. Итакъ, для чего ты упрекаешь демона, говоря: „среди самаго почитанія ты быстро удалился?“ Не добровольно онъ удалился, но прогнанъ и изверженъ противъ воли и по принужденію тогда, когда особенно хотѣлъ оставаться и ради дыма и ради жертвъ. Дѣйствительно, тогдашній властитель, какъ будто для того и царствовавшій, чтобы истребить животныхъ всей вселенной, такъ нещадно закалалъ овецъ и воловъ при жертвенникахъ и дошелъ до такого неистовства, что многіе и изъ почитаемыхъ у нихъ философами называли его поваромъ, мясникомъ и тому подобными названіями. Отъ столь обильной трапезы, и смрада жертвъ, и дыма, и потоковъ крови не удалился бы добровольно демонъ, который и безъ этого, какъ говоришь ты, оставался тамъ по безумной страсти къ возлюбленной. Впрочемъ, остановивъ пока наше слово, послушаемъ затѣмъ плача софиста. Оставивъ Аполлона, къ Зевсу обращается онъ опять съ воплями, говоря: „какого, о, Зевсъ, лишились мы пристанища для страждущей души; какъ свободна отъ шума мѣстность Дафна, а еще свободнѣе—храмъ, какъ бы пристань въ пристани, устроенная самою природою; оба они свободны отъ треволненій, но еще больше спокойствія доставляетъ второй; кто не избавлялся тамъ отъ болѣзни, кто—отъ страха, кто—отъ скорби, кто пожелалъ бы острововъ блаженныхъ?“ Какого же пристанища лишились мы, нечестивый? Болѣе ли свободно отъ шума это капище и какая неволнуемая пристань тамъ, гдѣ флейты, тимпаны, безчинства, пирушки и попойки? Кто не избавлялся тамъ, говоритъ онъ, отъ болѣзни? Но кто изъ приверженныхъ къ тебѣ не получалъ тамъ болѣзни, хотя прежде былъ и здоровъ, и притомъ болѣзни самой тяжелой изъ всѣхъ? Кто покланяется демону и слушаетъ басню о Дафнѣ и видитъ такое неистовство бога, что онъ и по исчезновеніи его возлюбленной еще сидитъ на томъ мѣстѣ и при томъ же деревѣ, тотъ какого не получитъ отсюда пламени неистовства,

чемъ вы считаете его сильнѣе всѣхъ. А если ты уступаешь ему первенство и въ стрѣльбѣ и въ предсказываніи, то какъ ты съ частію знанія надѣялся сдѣлать то, чего не смогъ обладающій цѣлымъ знаніемъ?

20. Смѣшно это и вздорно. Не имѣлъ онъ нисколько дара предсказаній и если бы и имѣлъ, не получилъ бы успѣха. Не человѣкъ, не человѣкъ сдѣлалъ это, но нѣкоторая божественная сила. Причину я скажу послѣ; а пока неизлишне узнать, за что онъ обвиняетъ Ифеста въ неблагодарности, такими словами: „Ифестъ, хранитель огня, не пригрозилъ истреблявшему огню, хотя долженъ былъ воздать благодарность этому богу за древнее указаніе". Какую благодарность? Какое древнее указаніе? Скажи. Для чего скрываешь ты почтенныя дѣянія боговъ твоихъ? Вѣдь если бы ты и объ услугѣ самой сказалъ, то еще болѣе показалъ бы неблагодарность Ифеста. Но ты стыдишься и краснѣешь,—такъ мы смѣло скажемъ за тебя. Какая же это услуга? Говорятъ, что нѣкогда Арей, влюбившись въ Афродиту, но боясь Ифеста (который былъ ея мужемъ), подстерегъ его отсутствіе и пришелъ къ ней. Аполлонъ же, увидѣвъ ихъ совокупившимися, пошелъ къ Ифесту и донесъ о прелюбодѣяніи, а этотъ, пришедши и нашедши обоихъ ихъ на ложѣ, связалъ ихъ такъ, какъ они были, и призвалъ боговъ на постыдное зрѣлище, и такимъ образомъ наказалъ ихъ за прелюбодѣяніе. Будучи за это, говоритъ онъ, обязанъ благодарностію, Ифестъ не воздалъ благодарности, когда обстоятельства требовали. А что Зевсъ, прекрасный человѣкъ? И его ты также обвиняешь въ жестокости. „И Зевсъ, управляющій дождями,—говоришь ты,—
565 не послалъ воды на пламя, хотя онъ нѣкогда погасилъ костеръ для царя лидійцевъ, находившагося въ несчастіи". Хорошо ты сдѣлалъ, напомнивъ намъ и о лидійцѣ, такъ какъ и его этотъ нечистый демонъ обманулъ, возбудивъ гордость пустыми надеждами и ввергнувъ въ явную погибель. И если бы Киръ не былъ человѣколюбивъ, то нисколько не помогъ бы тому царю и Зевсъ, такъ что напрасно ты обвиняешь Зевса, будто онъ предпочелъ лидійца своему сыну; онъ и себѣ-то самому не могъ помочь, будучи пораженъ молніею тамъ, гдѣ былъ почитаемъ болѣе всѣхъ городовъ, т. е. въ городѣ Ромула. Но выслушаемъ и остальныя слова плача: такимъ образомъ мы хорошо узнаемъ скорбь, которая объяла ихъ души. „Мужи, я влекусь душею къ образу бога, и мысль представляетъ глазамъ моимъ его образъ, мягкость вида, нѣжность кожи, и притомъ въ камнѣ, поясъ, около груди стягивающій золотую одежду, такъ что однѣ части ея скрываются, а другія выставляются. Весь же обликъ его чьего не укрощалъ кипучаго гнѣва? Онъ уподоблялся поющему стройную пѣснь, а нѣкто и слышалъ

его, какъ говорятъ, въ полдень играющимъ на цитрѣ. Счастливыя уши! А эта пѣснь, быть можетъ, была хвалою землѣ, на которую, кажется мнѣ, онъ дѣлалъ и возліяніе изъ золотой чаши за то, что она скрыла дѣвицу, разверзшись и опять сомкнувшись". Потомъ, погоревавъ нѣсколько о пожарѣ, онъ говоритъ: „взывалъ путникъ при видѣ поднимавшагося пламени; смутилась живущая въ рощѣ Дафны жрица бога; удары въ грудь и пронзительный вопль, сильный и страшный, пройдя по лѣсистой мѣстности, достигаетъ до города; глаза властителя, только что вкусившіе сонъ, возстали отъ ложа при горестномъ словѣ. Бѣшено гналъ онъ, требуя крыльевъ Ермія, самъ отправился отыскивать корень зла, пламенѣя внутри не менѣе храма; между тѣмъ балки съ потолка летѣли внизъ, унося съ собою огонь, истребляя все, къ чему приближались, Аполлона тотчасъ же, какъ стоявшаго не далеко отъ кровли, а потомъ и прочія украшенія, статуи бывшихъ тамъ Музъ, блестящіе камни, красивыя колонны. Толпа же стояла вокругъ, испуская вопли, но не имѣя возможности помочь, какъ случается съ тѣми, которые видятъ кораблекрушеніе съ земли, отъ которыхъ помощь — оплакиваніе случившагося. Великій конечно подняли плачъ вышедшія изъ источниковъ нимфы, великій (плачъ) — и Зевсъ, находящійся вблизи, какъ и слѣдовало при разрушеніи знаковъ почитанія его сына, великій (плачъ) — и толпа безчисленныхъ демоновъ, живущихъ въ рощѣ, нисколько не меньшій плачъ подняла среди города Калліопа, когда распорядитель хора Музъ терпѣлъ отъ огня". Затѣмъ къ концу говоритъ: „будь же и теперь, Аполлонъ, такимъ, какимъ сдѣлалъ тебя Хрисъ, проклинавшій ахеянъ, исполненнымъ гнѣва и подобнымъ ночи,—потому что, когда мы возвращали тебѣ украшенія и возстановляли все, что было отнято, тогда предвосхищено то, что мы почитали, какъ будто какой-нибудь женихъ удалился, когда уже сплетались вѣнки".

21. Таковъ плачъ, или—лучше—немногія части этого плача. А во мнѣ рождается удивленіе, какъ онъ думаетъ возвеличить бога тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться, представляя его въ полдень играющимъ на цитрѣ нисколько не лучше невоздержнаго и развратнаго юноши, говоря, что предметомъ пѣсни была возлюбленная, и называя счастливымъ и уши, внимавшія постыдной 566
пѣсни. Что нѣкоторые изъ жителей Дафны и сосѣди ихъ плакали, и начальникъ города воспламенился и ничего больше плача не сдѣлалъ, это нисколько не удивительно; а что и сами боги были въ такой же безпомощности и только плакали подобно имъ, и ни Зевсъ, ни Калліопа, ни великая толпа демоновъ, ни самыя нимфы не могли ничего сдѣлать съ пожаромъ, а всѣ только поднимали вопли и стоны, — это весьма смѣшно. Итакъ, сказанное

достаточно доказываетъ, что они получили великій ударъ,—потому что среди плачевной рѣчи онъ прямо признался, что они такимъ образомъ поражены были смертельно. Посему царь не перенесъ бы этого съ кротостью, если бы не удерживалъ его болѣе сильный страхъ и трепетъ. Теперь время указать и причину, почему Богъ излилъ гнѣвъ свой не на царя, а на демона, и почему огонь истребилъ не весь храмъ, но, истребивъ кровлю, уничтожилъ вмѣстѣ и идола. Не просто и не безъ причины сдѣлалось это, но все совершено Божіимъ человѣколюбіемъ къ заблуждающимся. Онъ, знающій все прежде бытія его, между прочимъ зналъ и то, что, если бы молнія устремилась на царя, то присутствующіе и видѣвшіе ударъ устрашились бы на время, а по прошествіи второго и третьяго года и память о событіи прошла бы и многіе не стали бы вѣрить чуду. А если капище будетъ захвачено огнемъ, то оно яснѣе всякаго глашатая не только жившимъ тогда, но и всѣмъ послѣдующимъ будетъ возвѣщать гнѣвъ Божій, такъ что и у желающихъ быть безстыдными и скрывать это событіе будетъ отнятъ всякій предлогъ. Каждый, прибывшій на это мѣсто, получаетъ такое впечатлѣніе, какъ будто пожаръ случился недавно, и какой-то ужасъ находитъ на него, и, воззрѣвъ на небо, онъ тотчасъ прославляетъ силу Совершившаго это. Подобно тому, какъ если кто-нибудь, разоривъ пещеру и убѣжище какого-либо предводителя разбойниковъ, выведетъ связаннымъ жившаго тамъ, и, взявъ все его имущество, оставитъ то мѣсто въ прибѣжище дикимъ звѣрямъ и воронамъ, тогда каждый изъ подходящихъ къ этому убѣжищу, взглянувъ на мѣсто, воображаетъ и представляетъ себѣ набѣги и разбои, и наружность прежде жившаго въ немъ,—такъ бываетъ и здѣсь. Издали увидѣвъ колонны, потомъ подошедши и переступивъ порогъ, представляютъ себѣ отвратительность демона, обольщеніе и козни его, и отходятъ, изумляясь гнѣву и силѣ Божіей, — такъ что прежнее жилище заблужденія и богохульства теперь становится поводомъ къ славословію: такъ премудръ нашъ Богъ! И такія дивныя чудеса Онъ совершаетъ не въ первый разъ теперь, но издревле и отъ первыхъ родовъ. Исчислять все теперь не время, но я напомню о томъ, что̀ кажется вполнѣ подобнымъ этому. Во время войны, возникшей нѣкогда въ Палестинѣ у іудеевъ съ нѣкоторыми иноплеменниками,враги, оставшись побѣдителями и взявъ кивотъ Божій, какъ военную добычу и лучшую часть ея, посвятили его одному изъ туземныхъ идоловъ, — имя ему было Дагонъ. Когда кивотъ былъ внесенъ, то сперва истуканъ упалъ и лежалъ лицемъ внизъ; но такъ какъ они не поняли могущества силы Божіей по этому па-
567 денію, но поднявши опять поставили идола на своемъ мѣстѣ, то,

пришедши на слѣдующій день утромъ, увидѣли его уже не упавшимъ только, но совершенно разломаннымъ. Руки его, оторванныя отъ плечъ, были брошены на порогъ капища вмѣстѣ съ ногами, а остальная часть истукана растерзанная разбросана была въ другое мѣсто (1 Цар. гл. V). Также и у содомлянъ,— если можно сравнить малое съ великимъ, — для того вмѣстѣ съ жителями и земля сожженная огнемъ погибла и стала безплодною, чтобы не только жившіе тогда, но и всѣ, послѣ нихъ, вразумлялись тѣми мѣстами (Быт. XIX). Если бы наказаніе ограничилось людьми, то послѣ не стали бы вѣрить событію; поэтому получаетъ ударъ и мѣсто, которое можетъ существовать долгое время и напоминаетъ каждому изъ наступающихъ поколѣній, что совершающимъ такія дѣла положено закономъ терпѣть такія бѣдствія, хотя бы и не тотчасъ потерпѣли они наказаніе. Вотъ уже двадцатый годъ съ того времени, и ничто болѣе изъ зданія, пощаженнаго огнемъ, не погибло, но твердо и крѣпко стоятъ части его, избѣжавшія огня, и такъ онѣ крѣпки, что выдержатъ и сто лѣтъ, и еще дважды столько, и даже гораздо большее того время. И удивительно ли, что ни одна изъ колоннъ, отдѣлившаяся отъ другой, не упала на землю? Одна изъ колоннъ, у задней стороны зданія, тогда только разбитая, и та не упала, но сдвинувшись съ своего мѣста и припавъ къ стѣнѣ, такъ и осталась; и одна часть ея, отъ основанія до излома, косо оперлась на стѣну, а другая, отъ излома до вершины, стоитъ ровно поддерживаемая нижнею частію. Хотя и вѣтры часто сильно налетали на это мѣсто и землетрясенія были и земля колебалась, но не поколебались остатки отъ пламени, а стоятъ твердо, только что не крича, что они сохранены для вразумленія будущихъ поколѣній.

22. Это, можно сказать, было причиною, почему не все капище было истреблено огнемъ; а почему молнія не царя поразила, на это можно изслѣдующему найти и другую причину, происходящую изъ того же источника, т. е. отъ благости и человѣколюбія Христова. Потому Онъ отклонилъ огонь отъ головы царя и низвергъ его на кровлю, чтобы царь, наученный несчастіями другихъ, избѣжалъ назначеннаго ему наказанія, перемѣнившись и освободившись отъ заблужденія. Не одно только это и не первое знаменіе Своей силы далъ ему Христосъ, но кромѣ того давалъ и много другихъ не меньшихъ этого. Такъ, и дядя его и хранитель сокровищъ—оба лишились жизни, и голодъ случился въ городѣ тотчасъ съ нимъ вмѣстѣ, и недостатокъ воды, какого никогда не случалось прежде, чѣмъ онъ сталъ приносить жертвы при источникахъ, и многое кромѣ этого другое, случившееся какъ въ войскѣ, такъ и въ городахъ, достаточно для того, чтобы смягчить и каменную душу,

не только своимъ множествомъ и тѣмъ, что все происходило вмѣстѣ и одно за другимъ и вслѣдъ за дерзостями, какъ нѣкогда при царѣ египетскомъ, но и сами по себѣ показанныя чудеса были таковы, что одно не нуждалось въ другомъ для обращенія видящихъ, но каждое изъ нихъ и само по себѣ въ состояніи было произвести это. Не говоря о прочихъ, кого изъ людей, не слишкомъ безчувственныхъ, не поразило бы знаменіе, показанное на основаніяхъ древняго храма іерусалимскаго? Что же это было? Этотъ тиранъ, видя, что вѣра Христова распространилась по всей подвластной
568 ему области, достигла уже и персовъ и другихъ дальнѣйшихъ варваровъ, дѣлаетъ опять успѣхи далѣе внутри ихъ и заняла, такъ сказать, всю подсолнечную, терзался и досадовалъ и готовился къ войнѣ противъ церквей; но не разумѣлъ, несчастный, что онъ пралъ противъ рожна. И во-первыхъ, онъ пытался возстановить храмъ въ Іерусалимѣ, который сила Христова разрушила до основанія, язычникъ служилъ дѣлу іудеевъ, желая чрезъ это испытать силу Христову. Онъ призвалъ нѣкоторыхъ изъ іудеевъ и приказалъ имъ приносить жертвы, потому что предки ихъ, говорилъ онъ, совершали богослуженіе такимъ образомъ; но такъ какъ они прибѣгли къ той отговоркѣ, что имъ не позволительно послѣ паденія храма совершать это внѣ древней столицы, то онъ велѣлъ имъ, взявъ деньги изъ царскаго казнохранилища и все прочее, что нужно было доставить на постройку, идти и возстановить храмъ и возвратиться къ древнему обычаю жертвоприношеній. Тѣ безумные, заблуждающіеся отъ рожденія и до старости имѣющіе нужду въ ученіи, отправились содѣйствовать царю; но какъ скоро начали вырывать землю, то огонь вырвавшійся изъ основаній, тотчасъ истребилъ всѣхъ ихъ. Когда объ этомъ донесено было царю, то онъ не рѣшился потомъ простирать далѣе свою дерзость, потому что удерживалъ его страхъ; но не хотѣлъ отстать и отъ заблужденія демоновъ, однажды подчинившись имъ,—однако успокоился пока.

Когда же прошло немного времени, онъ принялся за тотъ же тщетный трудъ, храмъ-то уже не осмѣливаясь строить, но съ другихъ сторонъ бросая въ насъ стрѣлы; пуститься въ войну открыто онъ пока медлилъ, во-первыхъ и больше всего по убѣжденію, что взялся бы за очевидно невозможное, а во-вторыхъ потому, что не хотѣлъ доставить намъ никакого повода—увѣнчаться вѣнцомъ мученичества. Подлинно, для него было невыносимо и хуже всякаго несчастія, если кто-нибудь, выведенный публично, до смерти переносилъ мученія за истину; такую душевную показывалъ онъ вражду къ намъ. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что, если бы онъ дерзнулъ на это, всѣ отдали бы души свои за Христа; но, будучи злобенъ и коваренъ, онъ вездѣ отпускалъ на свободу всѣхъ, нака-

занныхъ предстоятелями церквей за какіе-нибудь проступки и лишенныхъ власти, давая такимъ образомъ власть людямъ нечестивѣйшимъ, низвращая церковные законы и вооружая всѣхъ другъ противъ друга, такъ какъ надѣялся, что ихъ легко будетъ наконецъ уловить, если они напередъ изнурятъ себя войною другъ съ другомъ. Такъ одного, лишеннаго церковной власти и за извращеніе ученія и за порочную жизнь (имя ему былъ Стефанъ), онъ велитъ опять возвести на престолъ учителя; и имя Господне старался истребить, сколько это зависѣло отъ него, называя галилеянами вмѣсто христіанъ и самъ въ своихъ указахъ и начальникамъ повелѣвая дѣлать тоже. Среди тѣхъ знаменій, о которыхъ я говорилъ, обнаружившихся въ голодѣ и засухѣ, онъ оставался при томъ же безстыдствѣ и жестокосердіи. Затѣмъ, предпринимая походъ противъ персовъ и выступая съ такою гордостію, какъ будто истребитъ онъ весь народъ варварскій, онъ угрожалъ намъ безчисленными угрозами, говоря, что по возвращеніи оттуда онъ совершенно истребитъ всѣхъ. Война съ нами, думалъ онъ, тяжелѣе 569
персидской, и должно напередъ окончить ту меньшую, и тогда приступить къ этой, большей. Это сообщили намъ тѣ, которые участвовали въ его намѣреніи. Однако, кипя гнѣвомъ противъ насъ и съ каждымъ днемъ предаваясь большему неистовству, онъ никогда не останавливался на одной и той же мысли, но, отложивъ прежнее намѣреніе, опять сталъ угрожать намъ гоненіемъ. Но Богъ, желая удержать и усмирить его горячее воодушевленіе, опять показалъ знаменіе, ниспославъ огонь на капище въ Дафнѣ.

23. Онъ же и при этомъ не укротилъ своей ярости, но терзаясь желаніемъ нашей погибели, даже не дожидалъ времени, которымъ угрожалъ, а, готовясь перейти Евфратъ, сталъ дѣлать опытъ надъ воинами и, совративъ нѣкоторыхъ немногихъ лестію, воспротивившихся однако не отпустилъ изъ войска, боясь, чтобы, отпустивъ ихъ, не ослабить войска противъ персовъ.

Кто разскажетъ намъ послѣдующее за тѣмъ, гораздо ужаснѣйшее всего, что происходило и въ пустынѣ, и на морѣ, и въ Египтѣ, когда былъ наказываемъ безчувственный фараонъ и всѣ (египтяне) потонули? Какъ тогда египтянинъ за то, что не хотѣлъ покориться и сдѣлаться лучшимъ ни при одномъ изъ такихъ бѣдствій, погибъ наконецъ съ самимъ войскомъ, такъ и теперь, когда царь стоялъ безстыдно предъ всѣми дивными дѣлами Божіими и не хотѣлъ ничѣмъ отъ нихъ воспользоваться, но оставался неисправимымъ, Богъ окружилъ его наконецъ крайними бѣдствіями, дабы, если онъ не хотѣлъ образумиться бѣдствіями другихъ, то другіе сдѣлались лучшими отъ его страданій. Уведя съ собою столько десятковъ тысячъ воиновъ, сколько не водилъ никогда никто изъ царей, и надѣясь взять всю Пер-

сію однимъ набѣгомъ и безъ труда, онъ дѣйствовалъ такъ несчастно жалко, какъ будто онъ имѣлъ съ собою войско изъ женщинъ больше и малыхъ дѣтей, а не изъ мужей. И во-первыхъ, онъ по собственному неблагоразумію привелъ ихъ въ такую нужду, что они питались конскимъ мясомъ и умирали, погибая одни отъ голода, а другіе отъ жажды. Какъ бы предводительствуя персами и стараясь не ихъ захватить, но предать имъ своихъ, онъ заключилъ этихъ послѣднихъ въ мѣста непроходимыя и, только что не связавши, предалъ врагамъ. Впрочемъ всѣхъ бывшихъ тамъ бѣдствій не можетъ пересказать никто изъ тѣхъ, которые видѣли и испытали ихъ: такъ они превышаютъ всякое вѣроятіе. Кратко сказать: когда онъ палъ постыднымъ и жалкимъ образомъ,—одни говорятъ, что онъ умеръ, застрѣленный кѣмъ-то изъ обозной прислуги, негодовавшимъ на положеніе дѣлъ, а другіе говорятъ, что они не знаютъ его убійцы, но что только онъ былъ раненъ и просилъ погребсти его въ землѣ киликійской, гдѣ и лежитъ теперь,—когда онъ палъ постыднымъ образомъ, то воины, видя себя въ крайнемъ положеніи, обратились съ просьбою къ врагамъ и, давъ имъ клятву—очистить самую твердую изъ всѣхъ крѣпость, которая была какъ бы несокрушимою стѣною всей нашей страны,—благодаря человѣколюбію варваровъ, спаслись такимъ образомъ
570 бѣгствомъ и возвратились изъ многихъ немногіе, и притомъ изнуренные тѣломъ, стыдясь заключеннаго ими договора, но вынуждаемые клятвою отступить отъ своего отеческаго достоянія. И можно было видѣть зрѣлище, плачевнѣйшее всякаго плѣна: жители того города отъ тѣхъ самыхъ, отъ кого они надѣялись получить благодарность за то, что подобно оградѣ доставляли безопасность всѣмъ живущимъ внутри (государства) и за всѣхъ подвергались сами постоянно всѣмъ опасностямъ,—отъ тѣхъ потерпѣли дѣйствія враждебныя, будучи переселяемы въ чужую землю, оставивъ свои домы и поля и лишившись всего прародительскаго достоянія, и все это потерпѣвъ отъ своихъ. Такія блага мы получили отъ доблестнаго царя! Это сказано не безъ причины, но чтобы разрѣшить недоумѣніе спрашивающихъ, почему Богъ не наказалъ царя съ самаго начала? Потому, что хотѣлъ удержать его, часто неистовствовавшаго, отъ дальнѣйшаго увлеченія, и исправить бѣдствіями другихъ; но такъ какъ онъ противился, то предалъ его крайнимъ бѣдствіямъ, оставляя истинное воздаяніе за его дерзости до великаго дня, настоящимъ же наказаніемъ возбуждая лѣнивѣйшихъ и дѣлая ихъ болѣе благоразумными. Таково долготерпѣніе Божіе: тѣхъ, которые не надлежащимъ образомъ пользуются имъ, оно подвергаетъ, наконецъ, жесточайшему наказанію, и какъ для кающихся оно полезно, такъ для непокорныхъ

и упорныхъ бываетъ поводомъ къ бо́льшимъ наказаніямъ. Если же кто скажетъ: что же,—развѣ Богъ не предвидѣлъ, что этотъ тиранъ будутъ неисправимъ? — то мы скажемъ, что предвидѣлъ, но Онъ никогда не перестаетъ, по предвѣдѣнію нашей злобы, дѣлать Свое дѣло, и, хотя бы мы и не принимали внушенія, Онъ оказываетъ собственное человѣколюбіе. А если мы предаемся бо́льшему злу, то уже это не отъ Него, Который долготерпѣлъ не для того, чтобы намъ погибнуть, а чтобы намъ спастись, но отъ насъ, возгордившихся противъ неизреченнаго Его долготерпѣнія. Такъ является безпредѣльность Его человѣколюбія. Когда мы не захотимъ сами воспользоваться великимъ Его долготерпѣніемъ, тогда Онъ обращаетъ его въ пользу другихъ, повсюду являя вмѣстѣ и человѣколюбіе и премудрость, какъ было и тогда. Тиранъ такимъ образомъ окончилъ жизнь, а памятниками его неистовства и силы блаженнаго Вавилы, стоятъ и капище и храмъ мученика, первое въ запустѣніи, а послѣдній съ тою же силою, какую имѣлъ и прежде. Рака же мученика опять не переносится по устроенію и въ этомъ случаѣ Божію, для того, чтобы приходящимъ были яснѣе извѣстны славныя дѣла святаго. Каждый изъ приходящихъ съ чужой стороны, приблизившись къ этому мѣсту и отыскивая мученика, и потомъ не видя его тамъ, тотчасъ идетъ спрашивать о причинѣ, и выслушавъ такимъ образомъ всю исторію, уходитъ, получивъ бо́льше пользы, нежели прежде; такимъ образомъ, и приходя въ Дафну и опять оставляя ее, онъ дѣлаетъ величайшее пріобрѣтеніе.

Такова сила мучениковъ живыхъ и умершихъ, и остающихся на мѣстахъ и опять оставляющихъ ихъ. Подлинно, отъ начала до конца славныя дѣла этого мученика слѣдовали въ непрерывной связи. Посмотри, онъ вступился за оскорбляемые законы Божіи, и за убитаго подвергъ наказанію, какому слѣдовало; показалъ, какое различіе между священствомъ и царскою властію, укротилъ всю мірскую гордость и попралъ житейское тщеславіе, научилъ 571
царей не простирать своей власти далѣе данной имъ отъ Бога мѣры, показалъ и священнымъ лицамъ, какъ должно имъ пользоваться своею властію. Это и больше этого онъ сдѣлалъ, когда былъ во плоти; а когда преставился и отошелъ, то разрушилъ силу демона, обличилъ заблужденіе язычниковъ, раскрылъ пустословіе гаданія, сокрушилъ его маску и показалъ въ наготѣ все 572
лицемѣріе его, заградивъ уста бывшему, повидимому, господствующимъ въ этомъ дѣлѣ и захвативъ его съ великою силою. И теперь стоятъ стѣны капища, возвѣщая всѣмъ посрамленіе, посмѣяніе и безсиліе демона, вѣнцы, побѣду и силу мученика. Таково могущество святыхъ; такъ оно непобѣдимо и страшно—и для царей, и для демоновъ, и для самого предводителя демоновъ.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСѢДА

о святыхъ мученикахъ Іувентинѣ и Максиминѣ [1]),

пострадавшихъ при Юліанѣ Отступникѣ.

571 НЕДАВНО собиралъ насъ здѣсь блаженный Вавила съ тремя отроками [2]), сегодня двоица святыхъ воиновъ поставила въ строй воинство Христово; тогда четверица мучениковъ, а теперь двоица мучениковъ. Различенъ ихъ возрастъ, но одна вѣра; не одинаковы подвиги, но то же самое мужество; тѣ древни по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница церкви: въ ней есть и новыя и старыя жемчужины, но одна красота у всѣхъ. Не увядаетъ цвѣтъ ихъ, не пропадаетъ отъ времени; этотъ блескъ по свойству своему не допускаетъ ржавчины старости. Вещественное богатство проходитъ и уступаетъ продолжительности времени: и одежды изнашиваются, и домы разрушаются, и золото ржавѣетъ, и всякаго рода чувственное богатство истребляется временемъ и пропадаетъ; въ сокровищахъ же духовныхъ — не такъ, но всегда и во всемъ мученики остаются
572 въ одинаковомъ цвѣтѣ и юности, сіяя и блистая славою собственнаго свѣта. Зная это, и вы не почитаете иначе древнихъ и иначе новыхъ мучениковъ, но всѣхъ ихъ почитаете и принимаете съ одинаковымъ усердіемъ, съ одинаковою любовію, съ одинаковымъ расположеніемъ. Вы не время изслѣдуете, но ищете мужества, благочестія душевнаго, вѣры непоколебимой, ревности окрыленной и горячей, такой, какую показали собравшіе насъ сегодня. Они такъ кипѣли любовію къ Богу, что возмогли безъ гоненія украситься вѣнцемъ мученичества, безъ сраженія поставить трофей, безъ войны одержать побѣду, безъ борьбы получить награду; а какъ это, я скажу; но позвольте мнѣ начать разсказъ немного выше.

573 Былъ въ нашемъ вѣкѣ одинъ царь, превзошедшій нечестіемъ всѣхъ бывшихъ прежде, о которомъ и я недавно бесѣдовалъ съ вами. Этотъ царь, видя, что обстоятельства наши становятся блистательными отъ этого, т. е. отъ смерти мучениковъ, и что не только мужи, но и нѣжныя дѣти и незнавшія брака дѣвы, и вообще всякій возрастъ и каждый полъ стремятся на смерть за благочестіе, терзался и досадовалъ, и не хотѣлъ открыто провоз-

---

[1]) Произнесена въ Антіохіи вскорѣ послѣ бесѣды о св. Вавилѣ и предъ четвертою бесѣдою о Лазарѣ, въ день памяти свв. Іувентина и Максимина, совершавшейся, какъ видно отсюда, въ концѣ января.

[2]) Т. е. Урваномъ, Прилидіаномъ и Еполлоніемъ, которыхъ память празднуется вмѣстѣ съ памятію св. Вавилы.

гласить войну. Всѣ, говорилъ онъ, какъ пчелы на сотъ, полетятъ на мученичество; и это узналъ онъ не отъ другого кого-нибудь, но отъ своихъ предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и властители воевали противъ церкви, и народы непрестанно возставали, когда еще мала была искра благочестія; однако они не погасили ея и не погубили, но сами они погибли,—а искра та, увеличиваясь, поднялась на высоту и объяла всю вселенную, тогда какъ всѣ вѣрные были убиваемы, сожигаемы, низвергаемы съ утесовъ, потопляемы въ морѣ, отдаваемы дикимъ звѣрямъ. Они попирали угли, какъ грязь, на моря и волны смотрѣли, какъ на луга, стремились къ мечу, какъ къ діадемѣ и вѣнцу, и посрамляли всякаго рода мученія, перенося ихъ не только мужественно, но и съ великою радостію и охотою. Какъ растенія скорѣе растутъ, будучи орошаемы, такъ и вѣра наша, подвергаясь нападеніямъ, болѣе цвѣтетъ, и, испытывая гоненія, болѣе умножается, и не столько водная влага обыкновенно дѣлаетъ сады цвѣтущими, сколько кровь мучениковъ напаяетъ церкви. Зная все это и больше этого, тотъ царь боялся открыто поднять на насъ войну, чтобы, говорилъ онъ, не доставить имъ возможности воздвигать постоянно трофеи, одерживать непрестанно побѣды и украшаться вѣнцами. Что же онъ дѣлаетъ? Посмотрите на его коварство. Всѣмъ врачамъ, и воинамъ, и софистамъ, и риторамъ онъ повелѣлъ или отказаться отъ своихъ должностей или съ клятвою отречься отъ вѣры, издали такимъ образомъ направляя противъ насъ войну, чтобы, если они уступятъ, пораженіе ихъ было достойно смѣха, изъ-за того, что они не предпочли благочестія богатству, а если мужественно устоятъ и преодолѣютъ, то побѣда не была бы совершенно блистательною и трофей не былъ славенъ, такъ какъ не великое дѣло—пренебречь искусство и ремесло для благочестія. И на этомъ одномъ онъ не останавливается; но если кто въ прежнія времена, когда были благочестивые цари, или ниспровергалъ жертвенники, или разрушалъ капища, или бралъ жертвы, или сдѣлалъ что-нибудь подобное, то былъ онъ привлекаемъ въ судилище и убиваемъ, и не только сдѣлавшій что-нибудь подобное, но и только обвиненный въ этомъ. Множество и другихъ разнообразныхъ предлоговъ придумывалъ онъ, чтобы погубить всѣхъ, живущихъ въ благочестіи. И все это онъ дѣлалъ, желая помрачить вѣнецъ мученичества, чтобы убійства у него продолжались и умерщвленія совершались, а награды мучениковъ не являлись блистательными. Но въ этомъ онъ не имѣлъ никакого успѣха, потому что пострадавшіе имѣютъ получить вѣнецъ, во всякомъ случаѣ, не по его приговору и не отъ его злобы, а по суду неподкупному, т. е. вышнему.

2. Итакъ, когда дѣла находились въ такомъ положеніи, и царь 574

тотъ мучился желаніемъ начать войну противъ насъ и боялся пораженія,—тогда случилось быть воинскому пиршеству, въ которомъ участвовали собравшіе насъ сегодня мученики, и, какъ обыкновенно бываетъ на пиршествахъ, между множествомъ разговоровъ, когда другіе говорили объ иномъ, они стали оплакивать настоящія бѣдствія, ублажали прежнее время и говорили между собою и присутствовавшимъ: стоитъ ли вообще жить послѣ этого, дышать и смотрѣть на это солнце, когда попираются священные законы, благочестіе подвергается оскорбленіямъ, общій Владыка твари терпитъ безчестіе, когда все наполнилось смрадомъ и дымомъ отъ нечистыхъ жертвъ, и мы даже не можемъ дышать чистымъ воздухомъ? Не пропусти ты у меня этихъ словъ безъ вниманія, но представь, въ какое время они были сказаны, посмотри и на благоговѣніе говорившихъ. Если на воинскомъ пиршествѣ, гдѣ бываетъ цѣльное вино, пьянство, соревнованіе въ крайнемъ пресыщеніи и состязаніе въ невоздержаніи и безпутствѣ, они такъ воздыхали и такъ плакали, то каковы они были дома, находясь одни между собою? Каковы были во время молитвъ тѣ, которые въ самое время пиршества такъ сокрушались и являли сердца апостольскія? Другіе падали, а они плакали; иной безбожничалъ, а они пламенѣли; они не чувствовали собственнаго здоровья по причинѣ болѣзни братій, но, какъ бы назначенные общими предстателями вселенной, такъ скорбѣли и плакали о постигавшихъ ее бѣдствіяхъ. Эти слова ихъ не остались втайнѣ; но одинъ изъ участвовавшихъ въ этой трапезѣ, коварный и льстивый, желая угодить царю, пересказалъ ему все, что было говорено. Онъ же, найдя то, чего давно искалъ, и ухватившись за предлогъ, по которому можно было лишить ихъ мученическихъ наградъ, приказываетъ взять въ казну все ихъ имущество, обвиняя въ преступленіи за такія рѣчи, и повелѣлъ отвести ихъ обнаженными въ темницу. А они радовались и величались. Къ чему намъ, говорили они, богатство и драгоцѣнная одежда? Даже, если бы нужно было для Христа снять и послѣднюю одежду—самую плоть, то и ея мы не пожалѣемъ, но отдадимъ и ее. Дома ихъ затѣмъ были запечатаны и все имущество ихъ разграблено. Какъ люди, намѣревающіеся отправиться въ далекое отечество, часто посылаютъ впередъ деньги, вырученныя за домъ свой, такъ точно случилось и съ ними. Такъ какъ они имѣли отойти на небо, то напередъ отправлено было ихъ имущество, и сами враги содѣйствовали этой отправкѣ, потому что не только въ видѣ милостыни раздаваемое богатство переходитъ на небо, но и то, которое расхищаютъ враги вѣры и гонители живущихъ въ благочестіи, и оно собирается тамъ же. А что послѣднее не меньше перваго, послу-

шай, что говоритъ Павелъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, ждуще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее* (Евр. x, 34). Итакъ, мученики были въ темницѣ, и весь городъ стекался туда. Хотя ужасы, угрозы и великія опасности предстояли тому, кто пришелъ бы и бесѣдовалъ и сообщался съ ними въ рѣчахъ, но страхъ Божій отклонялъ все это, и многіе тогда ради нихъ сдѣлались мучениками за общеніе съ ними, презирая настоящую жизнь; при стеченіи множества людей тамъ совершались постоянныя псалмопѣнія, священныя 575
всенощныя бдѣнія, собесѣдованія, исполненныя духовнаго назиданія; и когда закрыта была церковь, тогда темница сдѣлалась церковію. Не только приходившіе отвнѣ, но и пребывавшіе внутри получали величайшіе уроки добродѣтели и цѣломудрія отъ терпѣнія и вѣры этихъ святыхъ. Услышавъ объ этомъ, царь еще болѣе мучился, и, желая довести ихъ до паденія и истребить это усердіе, подослалъ къ нимъ съ злымъ умысломъ нѣкоторыхъ нечестивыхъ и хитрыхъ людей, которые, сидя часто съ ними, когда заставали ихъ однихъ, и предлагая совѣты какъ бы отъ самихъ себя, а не по порученію царя, убѣждали ихъ оставить благочестіе и перейти въ нечестію; такимъ образомъ, говорили они, вы не только отстраните угрожающую вамъ опасность, но и получите бо́льшую честь и бо́льшую власть, укротивъ такъ гнѣвъ царя; не видите ли, что и другіе товарищи ваши сдѣлали то же самое? Но они отвѣчали: по этому самому мы и будемъ стоять мужественно, чтобы принести самихъ себя, какъ бы въ жертву, за паденіе тѣхъ. Человѣколюбивъ у насъ Владыка: Онъ умѣетъ, принявъ и одну жертву, примиряться со всею вселенною. И какъ три отрока говорили: *яко нѣсть во время сіе князя, и пророка, и вожда: ниже всесожженія, ниже жертвы, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою, и обрѣсти милость: но душею сокрушенною и духомъ смиренія, да пріяти будемъ* (Дан. III, 38, 39), такъ и эти мученики, видя алтари разрушаемыми, церкви запираемыми, священниковъ изгоняемыми, всѣхъ вѣрныхъ гонимыми, старались принести себя Господу за всѣхъ, и, оставивъ воинскіе ряды, спѣшили присоединиться къ ликамъ ангельскимъ. Если мы, говорили они, и не умремъ теперь, то непремѣнно умремъ немного позднѣе и испытаемъ то же самое; лучше же умереть за Царя ангеловъ, нежели за человѣка столь нечестиваго; лучше поднять оружіе за отечество вышнее, нежели за нижнее и ногами попираемое; здѣсь, если кто и умретъ, не получитъ отъ царя ничего достойнаго своего усердія: вѣдь что человѣкъ можетъ дать уже умершему? Часто, даже не удостоивши и погребенія, его оставляютъ лежать на добычу псамъ. А если мы умремъ за Царя ангеловъ, то полу-

чимъ тѣла съ большею славою, востанемъ съ великимъ блескомъ и получимъ гораздо большія трудовъ воздаянія и вѣнцы. Итакъ, возьмемъ духовное оружіе; не нужно намъ стрѣлъ и луковъ, не нужно никакого другого чувственнаго оружія; на все достаточно намъ языка. Подлинно, уста святыхъ суть колчанъ, ими постоянно одни за другими наносятся удары въ голову діавола.

3. Это и подобное этому было донесено царю; но онъ не отставалъ, а принимался вновь предлагать чрезъ тѣхъ обольщенія. Такъ дѣйствовалъ этотъ хитрый, коварный и умный на злое дѣло человѣкъ для того, чтобы, если мученики, ослабѣвъ, покорятся, вывести ихъ предъ глазами всѣхъ и заставить наконецъ принести жертву; а если они неизмѣнно будутъ проявлять твердое муже-
576 ство и доблестно устоятъ въ борьбѣ, то побѣда ихъ не была бы видима, а обвинилъ бы онъ ихъ и казнилъ какъ будто за преступленіе. Но Тотъ, Кто открываетъ глубокое и сокровенное, не попустилъ скрыться кознямъ и остаться коварству невидимымъ. А какъ тогда жена египетская, схватившая Іосифа въ своей комнатѣ, въ великой тишинѣ надѣялась укрыться отъ всѣхъ людей, но не укрылась отъ неусыпнаго ока, и не отъ него только, но и отъ людей, жившихъ послѣ, и что она говорила Іосифу безъ свидѣтелей, то возвѣщается по всей вселенной,—такъ точно и этотъ царь надѣялся укрыться, говоря въ темницѣ чрезъ подосланныхъ совѣтниковъ, но не укрылся; напротивъ, всѣ послѣ узнали козни, коварство, побѣду и трофей. Когда именно потрачено было и протекло много времени, и множество дней не ослабило ихъ ревности, но еще болѣе укрѣпило ихъ усердіе и сдѣлало очень многихъ подражателями ихъ, царь наконецъ повелѣваетъ въ полночь отвести ихъ на мѣсто казни. И выведены были эти свѣтильники среди мрака, и обезглавлены. Тогда головы ихъ сдѣлались еще болѣе страшными для діавола, нежели когда они издавали голосъ, подобно головѣ Іоанна, которая была не такъ страшна, когда говорила, какъ тогда, когда безмолвно лежала на блюдѣ, потому что и кровь святыхъ имѣетъ голосъ, не ушами слышимый, но охватывающій совѣсть убійцъ. Послѣ блаженной кончины мучениковъ тѣ, которые, подвергая собственную жизнь опасности, стремятся къ пріобрѣтенію такихъ останковъ, унесли этихъ героевъ, и сдѣлались сами живыми мучениками. Хотя они и не были обезглавлены, но они, напередъ рѣшившись потерпѣть это, устремились на пріобрѣтеніе тѣлъ мучениковъ. Бывшие при этомъ и удостоившіеся видѣть эти новоубіенныя тѣла говорятъ, что, когда они предъ погребеніемъ лежали другъ подлѣ друга, то на лицахъ ихъ сіяла такая благодать, какая, по словамъ Луки, была у Стефана, когда онъ имѣлъ защищаться предъ іудеями (Дѣян. VI, 15), и не было никого, кто

предстоялъ бы тогда предъ ними безъ страха. Такъ самый видъ поражалъ всѣхъ взиравшихъ, и всѣ взывали словами Давида: *неразлучни въ животѣ своемъ и въ смерти своей неразлучишася* (2 Цар. I, 23). Они вмѣстѣ и были исповѣдниками, и жили въ темницѣ, и отведены на мѣсто казни, и сложили головы, и одна гробница содержитъ тѣла обоихъ, равно какъ и одна обитель приметъ опять эти тѣла на небесахъ, когда они будутъ восхищены съ большею славою. Этихъ мучениковъ достойно назвать и столпами, и скалами, и башнями, и свѣтильниками, и вмѣстѣ тельцами. Какъ столпы, они поддерживаютъ церковь; какъ башни, ограждаютъ ее; какъ скалы, отражаютъ всякое нападеніе, доставляя великую тишину находящимся внутри; какъ свѣтильники, они отогнали тьму нечестія, и какъ тельцы, душею и тѣломъ съ одинаковою ревностію влекли благое иго Христово. Будемъ же постоянно приходить къ нимъ, прикасаться къ гробницѣ ихъ и съ вѣрою обнимать ихъ останки, дабы получить отсюда нѣкоторое благословеніе. Какъ воины, указывая на раны, полученныя ими отъ враговъ, съ дерзновеніемъ бесѣдуютъ съ царемъ,—такъ и они, неся на рукахъ отсѣченныя головы свои и выставляя ихъ на видъ, легко могутъ получить все, чего ни пожелаютъ, отъ Царя небеснаго. Итакъ, съ
великою вѣрою, съ великимъ усердіемъ будемъ приходить туда, 577
чтобы и отъ вида этихъ святыхъ памятниковъ, и отъ мысли о подвигахъ, и отъ всего получивъ много великихъ сокровищъ, могли мы и настоящую жизнь провести согласно съ волею Божіею и въ
ту пристань приплыть съ великою прибылью, получить царство 578
небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь и поклоненіе, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСѢДА

о св. мученицѣ Пелагіи, что въ Антіохіи [1]).

БЛАГОСЛОВЕНЪ Богъ: вотъ и жены уже забавляются смертію, 579
и отроковицы посмѣваются кончинѣ, и дѣвы весьма юныя и незнавшія брака прыгаютъ на самое жало ада и не терпятъ никакого вреда. Всѣ эти блага получили мы ради Христа, родившагося отъ Дѣвы; послѣ того блаженнаго зачатія и поразительнѣйшаго рожденія разслабла смерть, сокрушилась сила діавола и сдѣлалась наконецъ презрѣнною не только для мужей,

[1]) Произнесена въ Антіохіи. Память св. Пелагіи 8 октября.

но и для женъ, и не для женъ только, но и для отроковицъ. Какъ ловкій пастухъ, поймавъ льва, который пугалъ его скотъ и вредилъ всему стаду, выбивъ у него зубы, обрѣзавъ когти и обстригши гриву, дѣлаетъ его презрѣннымъ и смѣшнымъ и наконецъ отдаетъ его для забавы пастушескимъ дѣтямъ и отроковицамъ,—такъ точно и Христосъ, уловивъ смерть, которая была страшна для нашего естества и пугала весь родъ нашъ, и разсѣявъ весь этотъ страхъ, отдалъ ее въ забаву даже дѣвамъ. Посему и блаженная Пелагія устремилась на нее съ такою радостію, что не дожидалась и рукъ палачей, не вошла и въ судилище, но преизбыткомъ собственной ревности предупредила ихъ жестокость. Она была готова и къ мученіямъ, и къ пыткамъ, и ко всякаго рода наказаніямъ, но боялась, чтобы не потерять вѣнца дѣвства. И чтобы ты зналъ, что она боялась наглости нечестивыхъ, для того она и предупреждаетъ ихъ и предвосхищаетъ себя отъ постыднаго оскорбленія. Изъ мужей никто никогда не рѣшался на что-либо подобное, но всѣ они слѣдовали въ судилище и тамъ показывали свое мужество; а жены, по природѣ болѣе доступныя оскорбленіямъ, придумали для себя такой родъ кончины. Если бы можно было и сохранить дѣвство и получить вѣнцы мученичества, то она не отказалась бы идти въ судилище; но такъ какъ тамъ она непремѣнно лишилась бы того или другого, то она почла крайнимъ неразуміемъ умереть увѣнчанною только въ половину, тогда какъ ей возможно было одержать обѣ побѣды. Посему она и не хотѣла уйти въ судилище, чтобы не сдѣлаться зрѣлищемъ для наглыхъ взоровъ, чтобы не позволить безстыднымъ взглядамъ насладиться созерцаніемъ ея лица и поругаться надъ святымъ ея тѣломъ, но изъ внутренней комнаты и женскаго терема пошла въ другую комнату—на небо. Великое дѣло—видѣть палачей, стоящихъ вокругъ и терзающихъ ребра; но и это не меньше того. Когда чувство уже притупилось отъ разнообразныхъ мученій, то и смерть кажется уже не страшною, но нѣкоторымъ освобожденіемъ и отдохновеніемъ отъ налегающихъ бѣдствій; а для той, которая еще не испытала ничего подобнаго, имѣетъ тѣло еще неповрежденное и еще не чувствуетъ никакой боли, нужно много рѣшимости и мужества, чтобы насильственною смертію лишить себя настоящей жизни. Такимъ обра-
580 зомъ, если ты удивляешься терпѣнію тѣхъ, то подивись и ея мужеству; и если ты изумляешься выносливости тѣхъ, то изумись и ея отвагѣ, что она рѣшилась на такую смерть. Не безъ вниманія прослушай случившееся, но представь, въ какомъ расположеніи духа была нѣжная отроковица, не знавшая ничего кромѣ своей комнаты, когда вдругъ прибыли воины, стали у дверей, зовутъ ее въ судилище, влекутъ на площадь для такихъ и столь

важныхъ дѣлъ. Не было тамъ съ нею ни отца, ни матери, ни кормилицы, ни служанки, ни сосѣдки, ни подруги; но она одна была захвачена въ среду тѣхъ палачей. Не достойно ли восторга и изумленія, что она имѣла силы выйти и отвѣчать этимъ палачамъ воинамъ, открыть уста, произнести слово, смотрѣть, стоять и дышать? Это было дѣломъ не человѣческой природы, большую часть внесло мановеніе Божіе. Впрочемъ, и сама она не оставалась праздною, но оказала все и съ своей стороны: готовность, присутствіе духа, мужество, желаніе, рѣшимость, поспѣшность, ревность; а что все это пришло къ концу, это зависѣло отъ Божіей помощи и вышняго благоволенія, такъ что слѣдуетъ и удивляться ей и ублажать ее: ублажать за Божіе содѣйствіе, а удивляться за собственную ея готовность. Кто по справедливости не удивится, услышавъ, что она въ одно мгновеніе времени и задумала такое намѣреніе, и рѣшилась на него, и привела въ исполненіе? Вы всѣ, конечно, знаете, какъ часто мы, задумавъ что-нибудь за долгое время, когда наступитъ время нашего испытанія и малый страхъ обниметъ нашу душу, теряемъ всѣ свои мысли, вдругъ испугавшись подвига. А она въ одно мгновеніе времени была въ состояніи и предпринять такое страшное и ужасное намѣреніе, и постановить рѣшеніе, и исполнить самымъ дѣломъ, и ни страхъ предъ присутствующими, ни краткость времени, ни безпомощность преслѣдуемой, ни одиночество ея въ домѣ, и ничто другое подобное не смутило этой блаженной; но какъ бы въ присутствіи какихъ-либо друзей и знакомыхъ, она дѣлала все безъ боязни. И вполнѣ справедливо, потому что она не одна была въ домѣ, но имѣла совѣтникомъ своимъ Іисуса. Онъ былъ при ней, Онъ касался ея сердца, Онъ ободрялъ ея душу, Онъ одинъ прогонялъ страхъ. Впрочемъ, Онъ дѣлалъ это не безъ причины, но потому, что сама мученица предварительно сдѣлала себя достойною Его помощи.

2. Итакъ вышедши, она попросила у воиновъ позволенія опять войти и переодѣться; и вошедши, переодѣлась, облекшись въ нетлѣніе вмѣсто тлѣнія, въ безсмертіе вмѣсто смерти, въ жизнь безконечную вмѣсто жизни временной. Кромѣ вышесказаннаго я удивляюсь и тому, какъ воины дали это позволеніе, какъ жена обманула мужей, какъ они не заподозрили ничего изъ имѣвшаго случиться, какъ они не поняли обмана. Нельзя же сказать, чтобы никто не дѣлалъ ничего подобнаго; напротивъ, вѣроятно, многіе и разбивались о скалы, и бросались въ море, и пронзали себѣ грудь мечемъ, и надѣвали себѣ петлю, и многими подобными дѣйствіями изобиловало то время; но Богъ ослѣпилъ сердце ихъ, такъ 581
что они не поняли обмана. Посему она и вырвалась изъ

сѣтей; какъ лань, попавшая прямо въ руки ловчихъ и потомъ убѣжавшая отъ нихъ на неприступную вершину горы, куда не достигаютъ ни ноги ловчихъ, ни пущенныя стрѣлы, наконецъ останавливается на бѣгу и безбоязненно смотритъ на тѣхъ, которые прежде преслѣдовали ее,—такъ точно и эта мученица, попавъ въ самыя руки ловчихъ и бывъ захвачена въ стѣнахъ, какъ бы въ сѣтяхъ, взбѣжала не на вершину горы, но на вершину самаго неба, куда наконецъ имъ уже невозможно было придти. Потомъ, взирая оттуда на нихъ, возвращающихся съ пустыми руками, она радовалась, видя великій позоръ, причиненный невѣрнымъ. Подлинно. представь, что это было такое: судія сидѣлъ, палачи стояли предъ нимъ. пытки были приготовлены, весь народъ собрался, дожидали воиновъ. всѣ услаждались удовольствіемъ, надѣясь получить добычу, а ушедшіе для этого возвращаются назадъ съ поникшими взорами и разсказываютъ о случившемся происшествіи. Какой стыдъ, какая досада, какой срамъ естественно объяли всѣхъ невѣрныхъ! Какъ удалялись они съ поникшими взорами, пристыженные, научившись самымъ дѣломъ, что война у нихъ была не на людей, а на Бога! Когда Іосифа хотѣла обольстить госпожа его, то онъ, оставивъ тогда у этой варварской женщины одежду свою, схваченную нечестивыми руками, вышелъ нагимъ; а эта мученица не позволила даже, чтобы тѣло ея было схвачено наглыми руками, но вознесшись обнаженною душею и оставивъ святую плоть свою у враговъ, привела ихъ въ великое затрудненіе,—и они не знали, что дѣлать затѣмъ съ ея останками. Таковы славныя дѣла Божіи: рабовъ Своихъ Онъ изводитъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ въ великое благоустройство, а враговъ Своихъ и противниковъ, хотя бы они повидимому находились въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, приводитъ въ крайнее затрудненіе. Что можетъ быть хуже того затрудненія, въ которое попала тогда эта отроковица? И что лучше того удобства, въ которомъ находились тогда воины? Они захватили ее одну, заключенную въ домѣ какъ бы въ темницѣ, и однако ушли, не получивъ добычи. Съ другой стороны отроковица была лишена помощниковъ и защитниковъ, не видѣла ни откуда никакого выхода изъ бѣдственнаго положенія, находилась уже близъ пасти тѣхъ дикихъ звѣрей, и, можно сказать, вырвавшись изъ самой глотки ихъ, избѣгла козней и побѣдила воиновъ, судей, начальниковъ. Пока она была жива, то они всѣ надѣялись преодолѣть ее; а когда скончалась, то они попали въ великое затрудненіе, показавшее имъ, что смерть мучениковъ есть побѣда мучениковъ. И случилось то же самое, какъ если бы большой грузовой корабль, наполненный драгоцѣнными камнями, подвергшись нападенію опасной волны, угрожавшей за-

лить его и потопить при самомъ устьѣ гавани, ускользнулъ изъ подъ самаго напора воды и, получивъ съ тѣмъ вмѣстѣ толчекъ, съ большею скоростію вошелъ бы въ пристань. Такъ точно и блаженная Пелагія. Прибытіе воиновъ, страхъ ожидаемыхъ пытокъ, угроза судіи, напавъ на нее сильнѣе всякой волны, побудили ее съ большою скоростію возлетѣть на небо; и та волна, которая имѣла затопить корабль, привела его въ безмятежную пристань; и упало затѣмъ внизъ это тѣло, свѣтлѣйшее всякой молніи, поражая взоры діавола. И подлинно, не такъ бываетъ страшна для 582
насъ молнія, низвергающаяся съ небесъ, какъ тѣло мученицы ужаснѣе всякой молніи устрашало полки демоновъ.

3. А дабы убѣдиться, что это совершилось не безъ божественной помощи, это особенно ясно изъ самой силы рѣшимости, также изъ того, что воины не поняли обмана и дали позволеніе, и изъ того, что дѣло пришло къ концу; но не меньше сказаннаго можно понять это и изъ самаго образа кончины. Многіе, упавши съ высокой кровли, не терпѣли никакого вреда; другіе же, повредивъ нѣкоторые члены тѣла, жили опять долгое время послѣ паденія; а съ этою блаженною Богъ не попустилъ случиться ничему подобному, но повелѣлъ душѣ тотчасъ оставить тѣло, принявъ ее, какъ уже довольно подвизавшуюся и совершившую все. Смертъ ея была слѣдствіемъ не естественнаго паденія, а повелѣнія Божія. Потомъ это тѣло лежало не на ложѣ, а на землѣ; но, лежа на землѣ, оно не стало безчестнымъ, а напротивъ самая земля сдѣлалась достопочитаемою, потому что приняла тѣло, облеченное такою славою. Такимъ образомъ отъ самаго этого лежанія на землѣ это тѣло было болѣе всего достопочтеннымъ, — потому что поруганія за Христа доставляютъ намъ увеличеніе чести. Итакъ, это дѣвственное и чистѣйшее всякаго золота тѣло лежало на землѣ, въ тѣсномъ мѣстѣ; но ангелы окружали его, и всѣ архангелы почитали, и Христосъ былъ при немъ. Если господа сопровождаютъ болѣе достойныхъ рабовъ своихъ умершихъ, и не стыдятся, — то тѣмъ болѣе Христосъ не постыдится почтить Своимъ присутствіемъ ту, которая за Него положила свою душу, и подверглась такой опасности. Такъ она лежала, имѣя великій погребальный покровъ— мученичество, украшаясь красотою исповѣданія, облекшись одеждою, драгоцѣннѣйшею всякой царской багряницы, всякой драгоцѣнной порфиры, и притомъ двоякою одеждою—дѣвства и мученичества; съ этими покровами она предстанетъ и къ престолу Христову. Будемъ же и мы стараться и при жизни и по смерти облекаться въ подобную одежду, зная, что иной украсившій свое тѣло золотыми одеждами не получаетъ никакой пользы, но еще навлекаетъ на себя осужденіе многихъ, какъ не оставившій тщеславія и при

смерти; а того, кто облекъ себя добродѣтелію, многіе будутъ хвалить и послѣ смерти. Славнѣе самыхъ палатъ царскихъ будетъ у всѣхъ тотъ гробъ, гдѣ лежитъ тѣло жившее въ благочестіи и добродѣтели. И свидѣтели этому вы, пробѣгающіе мимо гробницъ богачей, хотя бы и съ золотыми одеждами, какъ мимо пещеръ, а къ этой святой прибѣгающіе съ усердіемъ потому, что эта мученица отошла, облекши себя вмѣсто золотыхъ одеждъ мученичествомъ, исповѣданіемъ и дѣвствомъ. Будемъ же подражать ей по силѣ нашей: она презрѣла жизнь, будемъ и мы презирать удовольствія, посмѣемся роскоши, оставимъ пьянство, убѣжимъ объяденія. Не безъ причины я говорю это теперь, но потому, что вижу, какъ многіе, по окончаніи этого духовнаго зрѣлища, бѣгутъ на пьянство и объяденіе, къ трапезамъ въ гостинницахъ и на прочее безчинство. Посему прошу и умоляю—всегда имѣть въ памяти и умѣ эту святую, не срамить торжества и не терять дерзновенія, пріобрѣтаемаго нами отъ этого праздника. Не напрасно и бесѣдуя съ язычниками, мы хвалимся множествомъ собирающихся на праздникъ, пристыжая ихъ и говоря, что одна умершая отроковица каждогодно привлекаетъ къ себѣ цѣлый го-
583 родъ и столько народа, и что спустя столь много лѣтъ никакое время не прекратило торжества въ честь ея; но если они узнаютъ, что дѣлается на этомъ праздникѣ, то мы утратимъ бо́льшую часть похвалъ. Это множество, присутствующее нынѣ, если соберется съ благопристойностію, составитъ для насъ величайшее украшеніе; а если съ небрежностію и великою разсѣянностію, то—позоръ и обвиненіе.

4. Итакъ, чтобы намъ похвалиться множествомъ вашей любви, будемъ возвращаться домой съ такою благопристойностію, съ какою слѣдуетъ возвращаться бывшимъ вмѣстѣ съ такою мученицею. А кто [illegible] такъ возвратится домой, тотъ не только не получилъ никакой пользы, но еще навлекъ на себя величайшую опасность. Знаю, что вы свободны отъ этихъ болѣзней, но этого недостаточно для вашего оправданія, а нужно и братій безчинствующихъ обращать къ величайшему благочинію и приводить въ приличный видъ. Ты почтилъ мученицу своимъ присутствіемъ? Почти же ее и исправленіемъ сочленовъ твоихъ; если ты замѣтилъ неумѣстный смѣхъ, неприличное бѣганье, нескромную походку и ненадлежащій видъ, то подойди къ дѣлающимъ это и посмотри на нихъ строго и гнѣвно. Но они не обратятъ вниманія и засмѣются еще больше? Возьми съ собою двухъ, или трехъ, или и болѣе братій, чтобы самое множество ваше внушало уваженіе. Если же и такъ ты не проймешь ихъ безумія, то объяви объ нихъ священникамъ; а впрочемъ быть не можетъ, чтобы они дошли до такого безстыдства,

что и послѣ порицаній и увѣщаній не послушаются, не постыдятся и не прекратятъ неумѣстнаго и ребяческаго ликованія. Если ты пріобрѣтешь хотя десять человѣкъ, хотя трехъ, хотя двухъ, хотя только одного, то придешь получивъ великую прибыль. Путь весьма длиненъ; воспользуемся же длиннотою его для того, чтобы возобновить въ памяти сказанное; наполнимъ многолюдный путь ароматами. Подлинно, не столь прекраснымъ показался бы этотъ путь, если бы кто-нибудь, разложивъ по всему нему кадильницы, наполнилъ воздухъ благовоніемъ, сколь прекраснымъ покажется онъ теперь, если всѣ, идущіе по нему сегодня, пойдутъ домой, разсказывая другъ другу подвиги мученицы, и каждый сдѣлаетъ языкъ свой кадильницею. Не видите ли вы, когда царь вступаетъ въ городъ, съ какимъ благочиніемъ съ обѣихъ сторонъ стройно идутъ вооруженные воины, внушая другъ другу идти тихо и съ 584
большимъ страхомъ, чтобы зрителямъ стоило посмотрѣть на нихъ? Будемъ и мы подражать имъ, потому что и мы предшествуемъ Царю, Царю не видимому, не земному, но Владыкѣ ангеловъ. Такъ станемъ входить и мы благочинно, внушая другъ другу—идти стройно и въ порядкѣ, чтобы намъ приводить зрителей въ изумленіе не многочисленностію только, но и порядкомъ. Даже если бы и не было никого другого, но мы одни только шли по пути, и тогда не слѣдовало бы безчинствовать, ради неусыпающаго Ока, вездѣ присутствующаго и все видящаго; но теперь представьте, что среди насъ замѣшалось много еретиковъ, и если они увидятъ, что мы такъ ликуемъ, смѣемся, кричимъ, пьянствуемъ, то уйдутъ, крайне осудивъ насъ. Если же соблазняющій одного подвергается неизбѣжному наказанію, то мы, соблазняя столь многихъ, какому подвергнемся наказанію? Впрочемъ, не дай Богъ, чтобы, послѣ этихъ словъ и такого увѣщанія, кто-нибудь нашелся виновнымъ въ вышесказанномъ. Если и прежде такіе дерзкіе поступки были неизвинительны, то послѣ такихъ совѣтовъ и обличенія они дѣлаютъ наказаніе гораздо болѣе неизбѣжнымъ и для тѣхъ, которые совершаютъ ихъ, и для тѣхъ, которые равнодушно смотрятъ на совершаемое. Итакъ, чтобы вамъ и тѣхъ избавить отъ наказанія, и самимъ пріобрѣсти бóльшую награду, примите на себя попеченіе о нашихъ братіяхъ, расположите ихъ припоминать и повторять сказанное, чтобы, занявшись этимъ во время пути, а также и дома оставшимся и оставленнымъ принесши остатки этой трапезы, составить и тамъ свѣтлое пиршество. Такимъ образомъ мы и больше насладимся этимъ праздникомъ, и пріобрѣтемъ себѣ большее благоволеніе святой мученицы, почитая ее истиннымъ почитаніемъ. Ей гораздо больше удовольствія доставитъ, когда мы уйдемъ отсюда съ плодами и нѣкоторою духовною пользою, нежели когда мы при-

демъ сюда и будемъ безчинствовать. Молитвами этой святой и подвизавшихся подобно ей, да сподобитесь вы помнить въ точности и это и прочее сказанное, и, показавъ все на дѣлѣ, постоянно благоугождать во всемъ Богу, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ

о св. мученицѣ Пелагіи [1]).

585 БОЛЬШАГО, конечно, собранія достойна была бы святая дѣва Пелагія; велики были подвиги этой дѣвы, и требуютъ потому болѣе многочисленнаго собранія зрителей. Но для ней довольно Христа, Который, и одинъ присутствуя, украшаетъ праздникъ и торжество этой дѣвы больше всякаго украшенія, потому что, гдѣ присутствуетъ Христосъ, тамъ находится ликъ всѣхъ ангеловъ. Правда, и всѣ мученики показали, что тѣла ихъ крѣпче мученій, и потому сдѣлали изъ себя нѣкоторое великое зрѣлище борьбы противъ діавола, преодолѣвъ самымъ тѣломъ безтѣлесныхъ духовъ, и представивъ плоть свою твердо сопротивлявшеюся желѣзу; но когда я вижу, какъ и самыя отроковицы жаждутъ умереть за распятаго Христа, тогда еще болѣе смѣюсь надъ безуміемъ діавола, который, придумавъ себѣ множество мѣстъ для оракуловъ, какъ будто онъ станетъ предсказывать въ нихъ будущее, не могъ предвидѣть и предсказать то, какое посрамленіе, достойное всякаго смѣха, потерпитъ онъ сегодня. Въ самомъ дѣлѣ, что можно привести смѣшнѣе того, что нынѣ потерпѣлъ діаволъ? Онъ уловилъ въ сѣть дѣву, и однако не получилъ самой добычи; схватилъ отроковицу, и не могъ удержать ее, какъ будто схватилъ тѣнь, а не дѣву. Такъ какъ она соединяла въ себѣ простоту голубя съ мудростію змія, то хотя была захвачена, какъ простой голубь, однако убѣжала, какъ мудрый змій; бывъ захвачена, она не отчаивалась въ побѣдѣ; бывъ задержана по тѣлу, не была плѣнена по духу или уму, но придумала нѣкоторую хитрость, которою бы могла осмѣять неразуміе тѣхъ, кѣмъ была захвачена и оставить ихъ изумленными. Что же это было? Отроковица притворно объявила, будто перемѣнила свое намѣреніе, и чтобы это казалось вѣроятнымъ, явила лице свое веселымъ, хотя поставлена была въ опасности такого волненія и кораблекрушенія. Воины, увлеченные этимъ вымысломъ и обманутые веселостію отроковицы,

---

[1]) Бесѣда эта издана только въ латинскомъ переводѣ.

начали обращаться съ нею человѣколюбивѣе. Когда она попросила у нихъ позволенія отлучиться на столько времени, пока она надѣнетъ себѣ украшеніе, приличное невѣстѣ, то воины дали ей возможность идти, такъ какъ они думали, что этимъ они не только сдѣлаютъ пріятное дѣвѣ, но и самимъ судьею болѣе будутъ похвалены, если приведутъ отроковицу въ красивой одеждѣ. Она же, получивъ возможность выполнить свое намѣреніе, тотчасъ одѣлась въ одежду, которая поистинѣ прекрасна. Облекшись и укрѣпивъ себя душевнымъ мужествомъ и великою надеждою воскресенія, она побѣжала до самаго верха кровли и оттуда бросилась внизъ. Та- 586
кимъ образомъ она совершила такого рода подвигъ, который, какъ нѣчто великое, діаволъ осмѣлился нѣкогда предложить самому Господу, когда сказалъ: *аще Сынъ еси Божій, верзися низу* (Матѳ. IV, 6). Весьма изумляюсь я вѣрѣ и величію души этой отроковицы. Чего не подумала бы тогда сама въ себѣ другая дѣва? Она конечно сказала бы: я бросаюсь внизъ съ этого мѣста, такъ какъ принуждена сдѣлать это по тому самому, что боюсь позора. Похвально намѣреніе, если только за паденіемъ этимъ послѣдуетъ смерть, потому что хотя бы враги и стали неистовствовать надо мною мертвою, я не буду чувствовать, и они сдѣлаютъ это безъ моего вѣдома. Но если члены упавшаго на землю тѣла будутъ изломаны, а душа останется въ членахъ, то, страдая и болѣзненно перенося тѣлесное уродство, я однако и тогда буду приведена къ судьѣ и потерплю то, чего всегда боялась; предадутъ позору тѣло мое съ поврежденными членами и отпустятъ меня обезчещенною, и такимъ образомъ я понесу двоякое бѣдствіе,—поврежденіе тѣлесныхъ членовъ и лишеніе дѣвства. Этого, конечно, достаточно было бы для того, чтобы смутить другую дѣву. А она была такъ увѣрена, какъ будто кто-нибудь ручался ей въ окончаніи дѣла, и потому охотно поспѣшила броситься внизъ. Итакъ ты, діаволъ, побѣжденъ мужествомъ и величіемъ души юной дѣвы. На то, что предлагалъ ты нѣкогда самому Господу, вызвала тебя отроковица, Его служительница, и, добѣжавъ до вершины кровли, сама бросилась оттуда внизъ; и хотя была вызвана судьею, но не повиновалась тебѣ, внушившему это, и не приняла коварной борьбы: знала она твои хитрые замыслы,—что ты часто имѣешь обыкновеніе призывать самихъ дѣвъ къ судьямъ, какъ будто для полученія наказаній, но послѣ безъ борьбы съ тѣми, которыя пошли на борьбу, выбрасываешь ихъ какъ еще болѣе жалкихъ плѣнниковъ. Но если ты дѣйствительно вызываешь отроковицу на борьбу или на состязаніе, то сразись съ нею теперь, когда она бросается съ кровли, и удержи ее, падающую оттуда; осмѣлься стать противъ нея и выдержать борьбу; употреби хитрость, какую хочешь; предъ-

тобою земля вмѣсто поля сраженія; вынимай теперь мечи свои, чтобы нанести смерть; подставь жестокія орудія убійства умерщвляемымъ людямъ; устрой погибель падающей отроковицѣ. Да, она превзошла всѣ твои тайныя и коварныя козни, какъ безсильнѣйшія, и, что еще больше, не просила у Бога и того, что написано: *ангеломъ Своимъ заповѣдай о мнѣ, Господи, да некогда преткну о камень ногу мою* (Лук. IV, 10, 11); но просила о томъ, чтобы послѣ са-
585—6 маго паденія Онъ повелѣлъ душѣ выйти изъ тѣла. О, отроковица, по роду и полу женщина, а по духу мужчина! О, дѣва, которую должно восхвалять двумя названіями, какъ поставленную въ сонмѣ дѣвъ и въ ликѣ мучениковъ! О, отроковица, столь скромная, что не доставила невоздержному судьѣ возможности насладиться даже самымъ видомъ твоимъ! Будемъ же и мы подражать скромности этой отроковицы и воздвигать трофеи побѣды противъ своихъ страстей; сокрушимъ нападеніе неумѣренности и невоздержанія и укрѣпимъ духъ свой къ сохраненію благочестія; отклонимъ самыхъ судей отъ искушеній, а когда будетъ благовременно, покажемъ себя не дерзкими, но смѣлыми; наконецъ умертвимъ члены наши, которые на землѣ, дабы самъ Господь сдѣлалъ это смиренное тѣло наше такимъ и привелъ въ такое состояніе, чтобы сообщить ему видъ собственнаго Его тѣла: Ему да будетъ слава и держава во вѣки. Аминь.

ПОХВАЛА

святому священномученику Игнатію Богоносцу,

бывшему архіепископу Антіохіи великой, который былъ отведенъ въ Римъ и тамъ потерпѣлъ мученичество, а оттуда опять перенесенъ въ Антіохію [1]).

587 Щедрые и честолюбивые учредители пиршествъ устрояютъ частыя и непрерывныя пиршества для того, чтобы и показать свое богатство, и вмѣстѣ обнаружить свое благорасположеніе къ друзьямъ. Такъ и благодать Духа, представляя намъ доказательство своей силы и показывая великое благорасположеніе къ друзьямъ Божіимъ, предлагаетъ намъ постоянно и непрерывно трапезы мучениковъ. Недавно угощала насъ съ великимъ радушіемъ весьма юная и безбрачная отроковица, блаженная мученица Пелагія; сегодня опять возобновилъ

[1]) Слово это произнесено въ Антіохіи, послѣ бесѣды о св. Пелагіи, вѣроятно въ день памяти св. Игнатія, 20 декабря.

праздникъ ея блаженный и доблестный мученикъ Игнатій. Различны лица, но трапеза одна; мѣняются подвиги, но вѣнецъ одинъ; разнообразны состязанія, но награда та же самая. Къ внѣшнимъ состязаніямъ, гдѣ нужны тѣлесные труды, по справедливости допускаются одни только мужи; а здѣсь, гдѣ все состязаніе касается души, поприще открыто для того и другого пола, зрители сидятъ для того и другого рода. Не одни только мужи вступали сюда, дабы жены, ссылаясь на слабость пола, не думали имѣть благовидное оправданіе, и не однѣ только жены подвизались, дабы не былъ посрамленъ мужескій полъ; но и изъ тѣхъ и изъ другихъ многіе провозглашены побѣдителями и получили вѣнцы, дабы ты самымъ дѣломъ убѣдился, что во Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. III, 28), что ни полъ, ни слабость тѣлесная, ни возрастъ, и ничто другое подобное не можетъ препятствовать шествующимъ по пути благочестія, если мужественная готовность, бодрое настроеніе духа и горячее и пламенное чувство страха Божія вкоренены въ душахъ нашихъ. Поэтому и отроковицы, и жены, и мужи, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и всякое званіе, и всякій возрастъ, и тотъ и другой полъ выступали на эти подвиги и ни откуда не потерпѣли никакого вреда, такъ какъ мужественную рѣшимость вносили они въ эти подвиги. Впрочемъ, время зоветъ уже насъ къ повѣствованію о славныхъ дѣлахъ этого блаженнаго мужа; но умъ смущается и тревожится; не зная, о чемъ говорить во-первыхъ, о чемъ во-вторыхъ, о чемъ въ-третьихъ: такое множество похвалъ заливаетъ насъ со всѣхъ сторонъ! Мы находимся въ такомъ же состояніи, какъ если бы кто, войдя на лугъ и увидѣвъ множество розъ, множество фіалокъ, и столько же лилій и другихъ весеннихъ цвѣтовъ, различныхъ и разнообразныхъ, недоумѣвалъ, на что ему посмотрѣть прежде, на что послѣ, — потому что каждый изъ видимыхъ цвѣтовъ привлекаетъ къ себѣ взоры его. Такъ и мы, войдя на этотъ духовный лугъ дѣяній Игнатія и созерцая не весенніе цвѣты, но самые плоды Духа различные и разнообразные въ душѣ его, смущаемся и недоумѣваемъ, не зная, на что прежде обратить вниманіе, когда каждый изъ этихъ видимыхъ плодовъ отвлекаетъ отъ сосѣднихъ ему душевный взоръ нашъ и привлекаетъ его къ созерцанію своей красоты. Посмотрите: онъ управлялъ нашею 588
церковію доблестно и съ такою тщательностію, какой желаетъ Христосъ. Онъ показалъ на дѣлѣ тотъ высочайшій образецъ и правило епископства, которые опредѣлилъ Христосъ. Слыша слова Христовы, что *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11), онъ предалъ ее за овецъ со всѣмъ мужествомъ.

Онъ близко обращался съ апостолами и почерпалъ отъ нихъ

духовныя струн. Каковъ же естественно былъ тотъ, кто съ ними воспитывался и вездѣ при нихъ находился, имѣлъ общеніе съ ними и въ рѣчахъ и въ неизреченномъ, и былъ признанъ ими достойнымъ такой власти? Наступило опять время, которое требовало мужества и души, презирающей все настоящее, кипящей божественною любовію и предпочитающей невидимое видимому,—и онъ съ такою легкостію сложилъ съ себя тѣло, съ какою иной снялъ бы съ себя одежду. О чемъ же намъ сказать прежде? Объ ученіи ли апостольскомъ, которое онъ выражалъ во всемъ, или о презрѣніи настоящей жизни, или о добродѣтельной ревности, съ какою онъ управлялъ церковію? Кого мы прежде будемъ прославлять: мученика, или епископа, или апостола? Благодать Духа сплела тройственный вѣнецъ и украсила имъ эту святую голову, или—лучше сказать—вѣнецъ многоразличный, потому что, если кто тщательно разберетъ каждый изъ его вѣнцовъ, то найдетъ, что изъ нихъ и другіе вѣнцы произрастаютъ намъ.

2. Если желаете, приступимъ напередъ къ похваламъ епископству его. Кажется, не одинъ ли это вѣнецъ? Но разберемъ его въ словѣ, и вы увидите, что изъ него произойдутъ у насъ и два вѣнца, и три, и болѣе. Я удивляюсь этому мужу не потому только, что онъ оказался достойнымъ такой власти, но и потому, что эта власть вручена ему была тѣми святыми и что руки блаженныхъ апостоловъ касались священной головы его. А это не мало служитъ въ похвалу ему, не потому только, что онъ получилъ свыше бо́льшую благодать, и не потому только, что они низвели на него обильнѣйшую силу Духа, но и потому, что они засвидѣтельствовали присутствіе въ немъ человѣческихъ добродѣтелей. А какимъ образомъ, я скажу. Павелъ въ посланіи къ Титу, — а когда я говорю о Павлѣ, то разумѣю не только его одного, но и Петра, и Іакова, и Іоанна и весь ихъ сонмъ, потому что какъ въ одной лирѣ, хотя различны струны, но гармонія одна, такъ и въ сонмѣ апостоловъ, хотя различны лица, но ученіе одно, такъ какъ одинъ былъ художникъ, Духъ Святый, приводившій въ движеніе души ихъ, что̀ и выражаетъ Павелъ говоря: *аще убо они, аще ли азъ, тако проповѣдуемъ* (1 Кор. xv, 11),—итакъ въ посланіи къ Титу, показывая, каковъ
589 долженъ быть епископъ, Павелъ говоритъ: *подобаетъ бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю: не себѣ угождающу, не гнѣвливу, не піяницѣ, не біицѣ, не скверностяжателну, но страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержателну, держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и другихъ утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящыяся обличати* (Тит. I, 7—9). И опять къ Тимоѳею, пиша о томъ же предметѣ, онъ говоритъ такъ: *аще кто епископства хо-*

щетъ, добра дѣла желаетъ: подобаетъ убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, честну, страннолюбиву, учителну, не бійцѣ, не піяницѣ, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу (1 Тим. III, 1—3). Видишь ли, какого совершенства добродѣтели требуетъ онъ отъ епископа? Какъ отличный какой живописецъ, составивъ различныя краски, чтобы сдѣлать первоначальный портретъ съ царскаго лица, выполняетъ это дѣло со всею тщательностью, чтобы всѣ, которые будутъ подражать ему и писать съ него, имѣли вѣрный портретъ, такъ точно и блаженный Павелъ, какъ бы изображая царскій портретъ и приготовляя первообразъ его, соединилъ различныя краски добродѣтелей и въ совершенствѣ изобразилъ намъ отличительныя черты епископства, чтобы каждый, восходящій на эту степень власти, взирая на него, столь же тщательно сообразовался съ нимъ во всемъ. Итакъ, я смѣло могу сказать, что блаженный Игнатій напечатлѣлъ въ душѣ своей весь этотъ образецъ съ точностію, и былъ и непороченъ, и безукоризненъ, и не самолюбивъ, и не гнѣвливъ, и не пьяница, и не бійца, и не сварливъ, и не сребролюбивъ, но справедливъ, преподобенъ, воздерженъ, держался вѣрнаго слова, согласно съ ученіемъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, и всѣ прочія имѣлъ качества, какихъ требовалъ Павелъ. А какое, скажешь, доказательство на это? (То, что) сами, сказавшіе это, рукоположили его съ такою тщательностію; убѣждая другихъ производить испытаніе тѣмъ, которые имѣли восходить на этотъ престолъ власти, они сами не могли дѣлать этого небрежно и если бы не видѣли всѣхъ этихъ добродѣтелей насажденными въ душѣ этого мученика, то и не вручили бы ему этой власти. Они вполнѣ знали, какая опасность предстоитъ тѣмъ, которые совершаютъ такія рукоположенія безъ разбора и какъ случится. Это самое опять объясняя, Павелъ въ посланіи къ тому же Тимоѳею говорилъ: *руки скоро ни возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужымъ грѣхомъ* (1. Тим. V, 22). Что говоришь ты? Другой согрѣшилъ, а я буду участникомъ его вины и наказанія? Да, говоритъ онъ, такъ какъ ты даешь возможность — грѣшить. Какъ, если кто вручитъ человѣку неистовому и безумному острый мечъ, и безумный совершитъ имъ убійство, вину принимаетъ на себя давшій этотъ мечъ,—такъ и тотъ, кто даетъ право этой власти человѣку, живущему въ порокахъ, навлекаетъ на свою собственную голову весь огонь его грѣховъ и дерзостей: кто посадилъ корень, тотъ всегда бываетъ виновникомъ того, что произрастаетъ отъ него. Видишь ли, какъ вѣнецъ его епископства явился у насъ двойнымъ, и какъ достоинство рукоположившихъ его сдѣлало его власть блистательнѣйшею и вполнѣ засвидѣтельствовало объ его добродѣтеляхъ?

3. Хотите ли, я открою вамъ и другой вѣнецъ, произрастаю-
590 щій изъ этого же самаго? Представимъ то время, въ которое онъ получилъ власть епископства. Не все вѣдь равно—управлять церковію теперь, или тогда, какъ не все равно—идти по дорогѣ, уже проложенной и хорошо устроенной, послѣ многихъ путниковъ, или по дорогѣ, которая теперь въ первый разъ должна быть проложена, которая наполнена пропастями, камнями и звѣрями, и по которой еще никогда никто не проходилъ. Нынѣ, по благости Божіей, нѣтъ никакой опасности епископамъ, но вездѣ глубокій миръ, и всѣ мы наслаждаемся спокойствіемъ, такъ какъ ученіе благочестія распространилось до концевъ вселенной, и цари вмѣстѣ съ нами тщательно соблюдаютъ вѣру. Но тогда ничего этого не было; напротивъ, куда ни посмотришь, вездѣ были утесы, пропасти, войны, сраженія, опасности; и начальники, и цари, и народы, и города, и племена, и свои, и чужіе замышляли зло противъ вѣрующихъ. И не въ одномъ только этомъ состояло бѣдствіе, но и въ томъ, что многіе изъ самихъ увѣровавшихъ, какъ недавно принявшіе чуждое имъ ученіе, имѣли нужду въ великомъ снисхожденіи, были еще слабы и часто были сбиваемы съ ногъ; а это не менѣе внѣшнихъ войнъ огорчало учителей, или — вѣрнѣе сказать—гораздо болѣе, потому что внѣшнія битвы и нападенія доставляли имъ даже великое удовольствіе вслѣдствіе надежды на уготованныя награды. Поэтому и апостолы возвращались *отъ лица собора, радующеся*, что подверглись бичеванію (Дѣян. v, 41); и Павелъ взываетъ говоря: *радуюся во страданіихъ моихъ* (Колос. I, 24), и всегда хвалится скорбями. А раны ближнихъ и паденія братій не давали имъ и духъ перевести, но, подобно тягчайшему ярму, постоянно обременяли и угнетали выю души ихъ. Послушай, какъ горько скорбитъ объ этомъ Павелъ, такъ радовавшійся среди страданій: *кто изнемогаетъ*, говоритъ онъ, *и не изнемогаю, кто соблазняется, и азъ не разжизаюся?* И еще: *боюся, еда како пришедъ, не яцѣхъ же хощу, обрящу васъ, и азъ обрящуся вамъ, якова же не хощете*. И немного послѣ: *да не паки пришедша мя къ вамъ смиритъ Богъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ, и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже содѣяша* (2 Кор. XI, 29. XII, 20, 21). И постоянно видишь его скорбящимъ и плачущимъ о своихъ, всегда боящимся и трепещущимъ за вѣрующихъ. Итакъ, какъ мы кормчему удивляемся не тогда, когда онъ на спокойномъ морѣ и на кораблѣ, гонимомъ благопріятнымъ вѣтромъ, сможетъ сохранить плывущихъ, но въ томъ случаѣ, если море свирѣпствуетъ, волны воздымаются, самые путники на кораблѣ бунтуютъ, великая буря и совнѣ и совнутри облегаетъ плывущихъ, а между тѣмъ онъ смо-

жетъ управлять судномъ со всею безопасностію; такъ и тѣмъ, кому поручены были тогда церкви, мы должны гораздо больше удивляться и изумляться, нежели тѣмъ, которые нынѣ управляютъ ею, потому что тогда была сильная война и извнѣ и внутри, было еще болѣе нѣжно растеніе вѣры и требовало великой заботливости, и церковное общество, подобно новорожденному младенцу, имѣло нужду въ великомъ попеченіи и въ душѣ особенно мудрой, которая бы могла воспитывать его. А чтобы вы яснѣе узнали, какихъ
вѣнцовъ достойны были тѣ, кому ввѣрена была тогда церковь, 591
и какъ трудно и опасно приниматься за дѣло въ самомъ началѣ и прежде другихъ приступать къ нему, я приведу вамъ свидѣтельство Христа, Который за то подаетъ голосъ и подтверждаетъ высказанную нами мысль. Онъ, видя многихъ идущихъ къ Нему и желая показать апостоламъ, что пророки больше ихъ трудились, говоритъ: *иніи трудишася, и вы въ трудъ ихъ внидосте* (Іоан. IV, 38). Хотя апостолы трудились гораздо больше пророковъ, но такъ какъ тѣ первыми сѣяли слово благочестія и привлекали къ истинѣ еще неученыя души людей, то имъ и присуждается большая часть труда.

Не все равно—учить, пришедши послѣ многихъ другихъ учителей, или самому первому бросать сѣмена: то, что уже было изучаемо и сдѣлалось привычнымъ для многихъ, легко бываетъ принимаемо; а то, что слышатъ теперь въ первый разъ, смущаетъ душу слушателей и представляетъ много затрудненій для учащихъ. Потому и въ Аѳинахъ смутились слушатели и отступили отъ Павла, укоряя его: *странна нѣкая влагаеши во ушеса наша* (Дѣян. XVII, 20). Если и теперь управленіе церковію доставляетъ много заботы и труда ея кормчимъ, то представь, не вдвое ли, и втрое и во много разъ больше труда было тогда, когда были постоянныя опасности, войны, козни и страхъ. Невозможно, невозможно выразить словомъ тѣ трудности, которыя переносили тогда эти святые мужи; ихъ можетъ знать только тотъ, кто самъ испыталъ ихъ.

4. Скажу и о четвертомъ вѣнцѣ, который является намъ изъ того же епископства. Какой же это? Тотъ, что онъ управлялъ нашимъ отечественнымъ городомъ. Трудно управлять и сотнею людей или только пятьюдесятью; но имѣть на рукахъ такой городъ и народъ, простирающійся до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, это какую, думаешь ты, показываетъ добродѣтель и мудрость? Какъ въ войскахъ важнѣйшіе и многочисленнѣйшіе отряды вручаются болѣе мудрымъ полководцамъ, такъ и города большіе и многолюднѣйшіе ввѣряются опытнѣйшимъ правителямъ. Притомъ и самъ Богъ имѣлъ великое попеченіе объ этомъ городѣ, какъ показалъ Онъ это самыми дѣлами: Петру, предстоятелю всей все-

ленной, которому вручилъ ключи неба, которому предоставилъ руководить и устроять все, Онъ повелѣлъ провести здѣсь долгое время,—такъ для Него нашъ городъ былъ равенъ всей вселенной. Но упомянувъ о Петрѣ, я усмотрѣлъ и пятый вѣнецъ, сплетающійся отсюда, тотъ, что Игнатій преемствовалъ Петру во власти. Какъ вынимающій большой камень изъ основанія, старается конечно поставить вмѣсто него другой, равный ему, если не хочетъ поколебать и испортить все зданіе, такъ точно и тогда, когда Петръ имѣлъ уйти отсюда, благодать Духа поставила вмѣсто него другого равнаго Петру учителя, чтобы уже построенное зданіе не было испорчено незначительностію преемника. Итакъ, мы насчитали пять вѣнцевъ, отъ величія власти, отъ достоинства рукоположившихъ его, отъ трудности времени, отъ обширности города, отъ добродѣтели передавшаго ему епископство. Сплетши всѣ эти
592 вѣнцы, можно было бы намъ говорить и о шестомъ, и седьмомъ, и болѣе; но чтобы, употребивъ все время на бесѣду объ епископствѣ, не лишиться намъ повѣствованія о мученикѣ, приступимъ наконецъ къ изложенію и этого подвига. Нѣкогда была воздвигнута противъ церквей жестокая война и, какъ бы при владычествѣ на землѣ жесточайшей тираніи, всѣ были захватываемы среди площади, будучи обвиняемы не за что-либо неумѣстное, но за то, что, оставивъ заблужденіе, обращались къ благочестію, отступали отъ служенія демонамъ, признавали истиннаго Бога и покланялись Единородному Его Сыну. За что слѣдовало ихъ удостоить вѣнцевъ, удивленія и почестей, за то были подвергаемы наказанію и терзаемы безчисленными мученіями всѣ, принявшіе вѣру, особенно же предстоятели церквей. Діаволъ, коварный и искусный изобрѣтатель такихъ козней, надѣялся, что, погубивъ пастырей, онъ легко сможетъ расхитить стада. Но *запинаяй премудрыя въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19), желая показать ему, что не люди управляютъ Его церквами, а самъ Онъ вездѣ пасетъ вѣрующихъ въ Него, попустилъ быть этому, чтобы діаволъ, видя, что и по истребленіи пастырей благочестіе не уменьшается и слово проповѣди не угасаетъ, а еще болѣе возрастаетъ, узналъ изъ самыхъ дѣлъ и самъ и всѣ служащіе ему такими гоненіями, что наши дѣла не человѣческія, но основа ученія имѣетъ корень свыше, съ небесъ, что самъ Богъ вездѣ управляетъ церквами и что воюющій съ Богомъ никогда не можетъ остаться побѣдителемъ. И не одно только это зло дѣлалъ діаволъ, но и другое не меньшее этого: онъ не дозволялъ умерщвлять епископовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ они предстоятельствовали, но убивалъ ихъ, уводя въ чужую страну; а дѣлалъ онъ это и какъ попытку уловить ихъ, лишенныхъ необходимаго, такъ и въ надеждѣ ослабить ихъ трудностію пути, что

сдѣлалъ онъ и съ этимъ блаженнымъ мужемъ. Онъ вызвалъ его изъ нашего города въ Римъ, назначая ему длиннѣйшія, двойныя разстоянія для бѣга, надѣясь и длиннотою пути и множествомъ дней низвергнуть мужество его, но не зная того, что онъ имѣлъ сотрудникомъ и спутникомъ своимъ въ такомъ путешествіи Іисуса, и потому становился еще болѣе сильнымъ, представлялъ бо̀льшія доказательства присущей ему силы и больше скрѣплялъ церкви. Попутные города, стекаясь со всѣхъ сторонъ, ободряли подвижника, и провожали его съ великимъ запасомъ для пути, подвизаясь вмѣстѣ съ нимъ молитвами и моленіями. И сами они получали не малое утѣшеніе, видя мученика идущимъ на смерть съ такою готовностію, съ какою естественно было идти призываемому въ царскіе небесные чертоги. Изъ мужественной ревности и свѣтлаго взора его они самымъ дѣломъ убѣждались, что то, на что онъ шелъ, было не смерть, но нѣкоторое отшествіе, переселеніе и восхожденіе на небо. Этому научалъ онъ и словами и дѣлами всѣ города, какіе проходилъ. И что случилось съ іудеями, когда они, связавъ Павла и отославъ его въ Римъ, думали, что посылаютъ его на смерть, а между тѣмъ послали учителемъ для жившихъ тамъ іудеевъ, то же самое было и съ Игнатіемъ, и притомъ 593
съ избыткомъ. Онъ прошелъ дивнымъ учителемъ не только для жителей Рима, но и для всѣхъ городовъ, лежащихъ на пути, убѣждая презирать настоящую жизнь, ни во что вмѣнять видимое, любить будущее, взирать на небо и не смущаться никакими бѣдствіями настоящей жизни. Научая ихъ этому и большему этого самыми дѣлами, онъ совершалъ путь, какъ какое-либо солнце, восходящее съ востока и текущее на западъ, или—лучше сказать—даже свѣтлѣе его, потому что солнце шествуетъ вверху, изливая чувственный свѣтъ, а Игнатій сіялъ прямо внизу, изливая въ души мысленный свѣтъ ученія, и солнце, склоняясь въ страны западныя, скрывается и тотчасъ производитъ ночь, а этотъ мужъ, удалившись въ западныя страны, возсіялъ оттуда еще свѣтлѣе; оказалъ даже на пути всѣмъ величайшія благодѣянія, когда же вступилъ въ городъ (Римъ), то и его научилъ любомудрію. Для того Богъ и попустилъ ему тамъ окончить жизнь, чтобы кончина его стала урокомъ благочестія для всѣхъ, живущихъ въ Римѣ. Вы, по благодати Божіей, не нуждались болѣе ни въ какомъ доказательствѣ, уже укоренившись въ вѣрѣ; а жители Рима, гдѣ великое тогда было нечестіе, имѣли нужду въ бо̀льшей помощи. Посему и Петръ, и Павелъ, и послѣ нихъ этотъ мужъ, всѣ тамъ принесены были въ жертву, какъ для того, чтобы этотъ городъ, оскверненный кровію идоловъ, очистить собственною кровію, такъ и для того, чтобы самымъ дѣломъ представить доказательство воскресенія распятаго

Христа, убѣдивъ жителей Рима, что они не презирали бы настоящей жизни съ такимъ удовольствіемъ, если бы не были сами вполнѣ убѣждены, что они взойдутъ къ распятому Іисусу и увидятъ его на небесахъ. Сильнѣйшимъ поистинѣ доказательствомъ воскресенія служитъ то, что Христосъ умерщвленный явилъ послѣ смерти такую силу, что живыхъ людей убѣдилъ презирать и отечество, и домъ, и друзей, и родныхъ, и самую жизнь ради исповѣданія Его, и настоящимъ удовольствіямъ предпочитать бичеванія, опасности и смерть. Такіе подвиги свойственны не мертвецу и не оставшемуся во гробѣ, но воскресшему и живому. Иначе какъ объяснить то, что при жизни Его всѣ апостолы, обращавшіеся съ Нимъ, отъ страха оказались слабыми, предали учителя и разбѣжались; а когда Онъ умеръ, то не только Петръ и Павелъ, но и Игнатій, не видавшій Его и не насладившійся общеніемъ съ Нимъ, показали такую ревность по Немъ, что предали за Него самую душу?

5. Итакъ, чтобы всѣ жители Рима на дѣлѣ убѣдились въ этомъ, Богъ попустилъ святому тамъ окончить жизнь; а что именно по такой причинѣ, это я удостовѣрю самымъ способомъ его кончины. Онъ принялъ обвинительный приговоръ не внѣ го-
594 родскихъ стѣнъ, въ оврагѣ, или въ темницѣ, или въ какомъ-нибудь углу, но среди театра, въ присутствіи всего города, претерпѣлъ мученичество отъ выпущенныхъ на него звѣрей, чтобы, предъ глазами всѣхъ воздвигнувъ трофей побѣды надъ діаволомъ, сдѣлать всѣхъ зрителей подражателями своихъ подвиговъ, не только умирая столь мужественно, но и умирая съ радостію. Онъ такъ радостно смотрѣлъ на дикихъ звѣрей, какъ будто не насильственно долженъ былъ разстаться съ жизнію, но призывался въ жизнь лучшую, духовнѣйшую. Откуда это видно? Изъ словъ, которыя онъ произнесъ, приготовляясь къ смерти. Услышавъ, что его ожидаетъ такой родъ казни, онъ сказалъ: желалъ бы я получить пользу отъ этихъ звѣрей! Таковы любящіе: они съ радостію принимаютъ все, что ни терпятъ за любимыхъ, и тѣмъ болѣе считаютъ удовлетвореннымъ свое желаніе, чѣмъ мучительнѣе ихъ страданія, какъ случилось и съ нимъ. Онъ старался подражать апостоламъ не только смертію, но и готовностію къ смерти. Слыша, что они, принявъ бичеваніе, возвращались съ радостію, и онъ хотѣлъ не только кончиною, но и радостію своею подражать учителямъ, — потому и говорилъ: желалъ бы я получить пользу отъ звѣрей! Уста звѣрей онъ считалъ гораздо болѣе кроткими, нежели языкъ мучителя, и весьма справедливо, потому что этотъ призывалъ къ гееннѣ, а уста тѣхъ препровождали къ царству. Затѣмъ, когда окончилъ онъ тамъ жизнь свою, или — вѣрнѣе — возшелъ на небо, онъ возвратился увѣнчаннымъ. И это было дѣ-

ломъ Промысла Божія, что Онъ опять возвратилъ его къ намъ и раздѣлилъ мученика между городами. Римъ принялъ текущую кровь его, а вы почтены его останками; вы наслаждались его епископствомъ, а тѣ насладились его мученичествомъ; они видѣли его подвизающимся, побѣждающимъ и увѣнчиваемымъ, а вы постоянно имѣете его съ собою; на малое время Богъ отлучилъ его отъ васъ, и даровалъ его вамъ съ большею славою. Какъ взявшіе взаймы деньги отдаютъ съ лихвою то, чтò получили, такъ и Богъ, взявъ отъ васъ на малое время это драгоцѣнное сокровище и показавъ его тому городу, отдалъ его вамъ съ бóльшимъ блескомъ. Вы отпустили епископа—и приняли мученика; отпустили съ молитвами—и приняли съ вѣнцами; и не вы одни только, но и всѣ лежащіе на пути города. Съ какими чувствами, думаете, они взирали на эти возвращающіеся останки? Какое они получали удовольствіе? Какъ радовались? Какими похвалами со всѣхъ сторонъ осыпали увѣнчаннаго побѣдителя? Какъ храбраго атлета, побѣдившаго всѣхъ своихъ противниковъ и съ блестящею славою вышедшаго съ мѣста борьбы, зрители тотчасъ принимаютъ и не даютъ ему даже ступить на землю, но несутъ его домой на рукахъ своихъ, осыпая безчисленными похвалами,—такъ точно и этого святого города, начиная отъ Рима, преемственно принимали тогда и несли на раменахъ своихъ до здѣшняго города, восхваляя увѣнчаннаго побѣдителя, прославляя Судію борьбы, смѣясь надъ діаволомъ за то, что его хитрость получила противоположное окончаніе, и чтò онъ думалъ дѣлать противъ мученика, то становилось въ пользу ему. Тогда мученикъ доставилъ пользу и утвержденіе всѣмъ тѣмъ городамъ, а съ того времени до настоящаго дня онъ обогащаетъ вашъ городъ; и какъ постоянное со- 595
кровище, каждый день раздѣляемое и неоскудѣвающее, обогащаетъ всѣхъ, заимствующихъ отъ него, такъ точно и блаженный Игнатій приходящихъ къ нему отпускаетъ домой, исполняя благословеній, дерзновенія, бодрости и великаго мужества.

Итакъ, не сегодня только, но и каждый день будемъ приходить къ нему для полученія отъ него духовныхъ плодовъ. Можетъ, поистинѣ можетъ приходящій сюда съ вѣрою получить великія блага, потому что не только тѣла, но и самыя гробницы святыхъ исполнены духовной благодати. Если при Елисеѣ случилось, что мертвый, прикоснувшись только къ гробницѣ его, расторгъ узы смерти и снова возвратился къ жизни, то гораздо болѣе нынѣ, когда благодать обильнѣе, когда дѣйствіе Духа сильнѣе, прикасающійся къ этой гробницѣ съ вѣрою можетъ получить отъ нея великую силу. Поэтому Богъ и оставилъ намъ мощи святыхъ, желая привести насъ къ одинаковой съ ними ревности и дать

намъ надежное прибѣжище и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, постоянно постигающихъ насъ. Итакъ, убѣждаю всѣхъ васъ, находится ли кто въ унынiи, или въ болѣзняхъ, или въ скорбяхъ, или въ ка-
596 комъ-нибудь другомъ житейскомъ несчастіи, или въ глубинѣ грѣховъ, пусть съ вѣрою приходитъ сюда, и онъ избавится отъ всего этого, и возвратится съ великою радостію, получивъ облегченіе совѣсти отъ одного созерцанія; или—лучше—не однимъ только находящимся въ несчастіяхъ необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился въ радости, въ славѣ, во власти, или имѣлъ великое дерзновеніе предъ Богомъ, и тотъ пусть не пренебрегаетъ этою пользою. Онъ, пришедши сюда и увидѣвъ этого святого, сдѣлаетъ свои блага непоколебимыми, воспоминаніемъ объ его подвигахъ научивъ душу свою умѣрять себя и не допустивъ совѣсти своей превозноситься своими дѣлами. А не малое дѣло для находящихся въ счастіи — не гордиться своимъ благоденствіемъ, но умѣть скромно пользоваться счастіемъ. Такимъ образомъ для всѣхъ это сокровище полезно, это прибѣжище благопотребно, — для падшихъ, чтобы имъ избавиться отъ искушеній, для благоденствующихъ, чтобы блага ихъ остались прочными, для недужныхъ, чтобы имъ возвратить себѣ здоровье, и для здоровыхъ, чтобы имъ не впасть въ болѣзнь. Помышляя о всемъ этомъ, будемъ предпочитать пребываніе здѣсь всякой радости и всякому удовольствію, чтобы и радуясь и вмѣстѣ получая пользу, мы возмогли и тамъ сдѣлаться сожителями и сообщниками этимъ святымъ, молитвами самихъ святыхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

святому отцу нашему Евстаѳію, архіепископу Антіохіи великой [1]).

597 ОДИНЪ МУДРЫЙ и опытный въ любомудріи мужъ, въ точности изучившій природу дѣлъ человѣческихъ и познавшій ихъ непрочность, что ничего нѣтъ надежнаго и вѣрнаго, внушаетъ всѣмъ вообще людямъ не ублажать никого прежде смерти (Сир. XI, 28). Посему, такъ какъ блаженный Евстаѳій уже скончался, мы со всею смѣлостію уже можемъ прославлять его,

[1]) Слово это произнесено въ Антіохіи позднѣе бесѣды объ обличеніи ап. Петра ап. Павломъ и предъ похвалою св. мученику Роману. Память св. Евстаѳія празднуется 17 ноября.

потому что если никого не должно ублажать прежде смерти, то ублажать достойныхъ послѣ ихъ кончины можно безукоризненно. Подлинно, онъ уже прошелъ пучину житейскихъ дѣлъ, избавился отъ возмущенія волнъ, приплылъ въ тихую и безмятежную при- 598
стань, не подлежитъ неизвѣстности будущаго, не подверженъ паденію, но, какъ бы стоя теперь на какомъ-нибудь камнѣ и высокой скалѣ, смѣется надъ всякими волнами. Итакъ, ублажать его—безопасно, прославлять его—безукоризненно, потому что онъ уже не боится перемѣны, не опасается паденія. Мы, еще живущіе, подобно колеблющимся среди моря, подлежимъ многимъ перемѣнамъ; какъ тѣ то поднимаются вверхъ, когда воздымаются волны, то низвергаются въ самую бездну, при чемъ ни это возвышеніе не безопасно, ни это низверженіе не постоянно, потому что то и другое зависитъ отъ водъ, текущихъ и не останавливающихся,—такъ 599
точно и въ дѣлахъ человѣческихъ нѣтъ ничего твердаго и постояннаго, но часты и быстры перемѣны. Одинъ счастіемъ вознесенъ на высоту, а другой несчастіемъ низринутъ въ глубокую бездну; но и тотъ пусть не гордится, и этотъ не отчаивается, потому что каждаго постигнетъ весьма скорая перемѣна,—тотъ же не (испытываетъ этого), кто переселился на небо, отошелъ къ вожделѣнному Іисусу, пришелъ въ страну безмятежную, откуда *отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе* (Иса. xxxv, 10). Тамъ нѣтъ ни подобія перемѣны, нѣтъ ни тѣни измѣненія, но все твердо и непоколебимо, все крѣпко и устойчиво, все нетлѣнно и безсмертно, все неразрушимо и пребываетъ навсегда. Поэтому и говорится: *прежде смерти не блажи никогоже* (Сир. xi, 28). Почему? Потому, что будущее неизвѣстно, и естество наше слабо; воля не дѣятельна, грѣхъ легко овладѣваетъ нами и много сѣтей: *познавай*, говорится, *яко посредѣ сѣтей минуеши* (Сир. ix, 18); непрестанныя искушенія, великое множество дѣлъ, постоянное нападеніе бѣсовъ, непрерывныя возстанія страстей: вотъ почему и говорится: *прежде смерти не блажи никогоже*. Итакъ, ублажать достойнаго послѣ его смерти безопасно; или лучше, не просто послѣ его смерти, но послѣ смерти такой, когда кто окончитъ жизнь съ вѣнцемъ, съ исповѣданіемъ и вѣрою нелицемѣрною. Если нѣкто назвалъ блаженными и просто умершихъ, то не гораздо ли болѣе (можно такъ назвать) умершихъ такимъ образомъ?

Кто же, скажешь, назвалъ блаженными просто умершихъ? Соломонъ, премудрый Соломонъ. Не будь невнимателенъ къ этому мужу, но представь, кто онъ былъ, какъ жилъ, въ какой безопасности и наслажденіи провелъ пріятную и безпечальную жизнь. Онъ прошелъ всѣ роды удовольствій, обдумалъ всѣ способы душевнаго наслажденія, изыскалъ различные и многообразные виды радостей,

и, повѣствуя о нихъ, говорилъ: *создахъ ми домы, насадихъ ми винограды, сотворихъ ми вертограды и сады, сотворихъ ми купѣли водныя, притяжахъ рабы и рабыни, и домочадцы быша ми, и стяжаніе скота и стадъ ми бысть, собрахъ злато и сребро*, подобно песку, *сотворихъ ми поющихъ и поющыя, виночерпцы и виночерпицы* (Еккл. II, 4 — 8). Итакъ, что самъ онъ говоритъ при такомъ обиліи богатства, имуществъ, удовольствій и наслажденій? *Ублажихъ азъ*, говоритъ, *умершихъ паче живыхъ, и благъ паче сихъ, иже аще не бысть* (Еккл. IV, 2, 3). Поистинѣ достовѣрный обличитель наслажденій, произносящій о нихъ такой приговоръ. Если бы кто-нибудь изъ жившихъ въ бѣдности и нищетѣ произнесъ этотъ приговоръ противъ удовольствій, то можно было бы подумать, что онъ осуждаетъ ихъ не по справедливости, а по незнанію ихъ; но когда порицаетъ ихъ тотъ, кто прошелъ всѣ эти удовольствія и изслѣдовалъ каждый путь ихъ, то осужденіе уже не подлежитъ сомнѣнію. Можетъ быть, вы думаете, что слово наше уклонилось отъ настоящаго своего предмета; но если мы вникнемъ, то найдемъ, что сказанное находится съ нимъ въ ближайшемъ отношеніи. Въ дни памяти мучениковъ необходимо
600 послѣдовательно и бесѣды вести о любомудріи. Говоримъ это не осуждая настоящую жизнь,—да не будетъ,—но порицая удовольствія, потому что не жизнь есть зло, но — жизнь безцѣльная, необдуманная.

2. Итакъ, кто прожилъ настоящую жизнь въ добрыхъ дѣлахъ и въ надеждѣ будущихъ благъ, тотъ возможетъ сказать, подобно Павлу, что *иже жити во плоти, много паче лучше; сіе бо плодъ дѣла* (Филип. I, 22—24), — какъ было и съ блаженнымъ Евстаѳіемъ, который и жизнію и смертію воспользовался по надлежащему. Онъ потерпѣлъ смерть за Христа не въ собственной странѣ, а въ чужой. Это — дѣло враговъ; они изгнали его изъ отечества, дабы посрамить его, но онъ сдѣлался еще славнѣе и знаменитѣе чрезъ изгнаніе на чужбину, какъ доказалъ и конецъ дѣлъ. Такова слава его, что, тогда какъ тѣло его покоится во Ѳракіи, память его ежедневно процвѣтаетъ у насъ, и, хотя гробъ его находится въ той варварской странѣ, но любовь наша, не смотря на столь великое разстояніе и столь долгое время, ежедневно возрастаетъ: или лучше, если нужно сказать правду, и гробъ его у насъ, а не только во Ѳракіи. Памятниками святыхъ служатъ не могилы, гробницы, столбы и надписи, но добрыя дѣла, ревность по вѣрѣ и чистая предъ Богомъ совѣсть. Подлинно, блистательнѣе всякаго столба воздвигнута мученику эта церковь, заключающая въ себѣ письмена не безгласныя, но самыми дѣлами громче трубы возвѣщающія его память и славу; и каждый изъ васъ, присутствую-

щихъ здѣсь, есть гробница этого святого, гробница одушевленная и духовная. Если я раскрою совѣсть каждаго изъ васъ, присутствующихъ, то найду, что этотъ святой пребываетъ внутри души вашей. Видите ли, какъ враги не пріобрѣли ничего, какъ они не угасили славы его, но еще болѣе возвысили ее и сдѣлали блистательнѣйшею, устроивъ столько гробницъ вмѣсто одной, гробницъ одушевленныхъ, гробницъ издающихъ голосъ, гробницъ приготовляющихся къ такой же ревности? Поэтому я и называю тѣла святыхъ источниками, и корнями, и мѵромъ духовнымъ. Почему? Потому, что каждый изъ упомянутыхъ предметовъ не удерживаетъ собственной доброты въ себѣ только, но и распространяетъ ее на далекое разстояніе. Напримѣръ: источники даютъ много воды и не удерживаютъ ее въ своихъ нѣдрахъ, но, производя длинныя рѣки, соединяются съ моремъ, и длиною ихъ, какъ бы протянутою рукою, берутся за морскія воды. Также корень растеній скрывается внизу, въ нѣдрахъ земли, но не удерживаетъ всей силы своей въ глубинѣ; и особенно таково свойство виноградныхъ лозъ, вьющихся по деревьямъ. Когда онѣ распространяютъ свои вѣтви по высокимъ стволамъ, то простираютъ вьющіяся по этимъ подпоркамъ отрасли на далекое разстояніе, образуя густотою своихъ листьевъ какую-то длинную кровлю. Таково свойство и мѵра: часто оно лежитъ въ каморкѣ, но благоуханіе его, распространяясь чрезъ окна на улицы, переулки и площади, и ходящимъ внѣ даетъ знать о скрывающейся внутри добротѣ ароматовъ. Если же источникъ, 601
и корень, и растенія, и ароматы по природѣ своей имѣютъ такую силу, то гораздо болѣе тѣла святыхъ; а что сказанное мною неложно, свидѣтели — вы сами. Такъ, тѣло этого мученика лежитъ во Ѳракіи; а вы, не во Ѳракіи находясь, но отстоя далеко отъ той страны, ощущаете благоуханіе на такомъ разстояніи,—и поэтому и собрались, такъ что ни дальность пути не воспрепятствовала, ни продолжительность времени не заглушила. Таково свойство духовныхъ доблестей; онѣ не прерываются никакимъ тѣлеснымъ препятствіемъ, но цвѣтутъ и возрастаютъ каждый день, и ни продолжительность времени не ослабляетъ ихъ, ни пространство пути не преграждаетъ.

Не удивляйтесь однакожъ, что, начиная это слово и похвалы, я назвалъ этого святого мученикомъ; онъ своею смертію окончилъ жизнь: какъ же онъ мученикъ? Я часто говорилъ вашей любви, что мученикомъ дѣлаетъ не одна только смерть, но и душевное расположеніе. Не за конецъ дѣла, но и за намѣреніе часто сплетается вѣнецъ мученичества. И не я, но Павелъ даетъ такое опредѣленіе мученичеству, говоря именно такъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. xv, 31). Какъ ты умираешь каждый день? Какъ возможно

одному смертному тѣлу принять множество смертей? Расположеніемъ, говоритъ, и готовностію къ смерти. Такъ судитъ и Богъ; и Авраамъ не окровавилъ меча, не обагрилъ жертвенника, не заклалъ Исаака,—однакоже совершилъ жертвоприношеніе. Кто говоритъ это? Самъ принявшій жертву: *не пощадѣлъ еси*, говоритъ Онъ, *сына твоего возлюбленнаго Мене ради* (Быт. XXII, 12). Между тѣмъ Авраамъ взялъ его живымъ и возвратилъ здоровымъ; какъ же онъ *не пощадѣлъ*? А такъ, что о такихъ жертвахъ я сужу, говоритъ Господь, не по концу дѣлъ, но по расположенію рѣшающихся. Не умертвила рука, но умертвило намѣреніе; не вонзился мечъ въ горло отрока, не перерѣзалъ шеи, но бываетъ жертва и безъ крови. Знаютъ, о чемъ говорится, посвященные въ тайны. Посему и та жертва совершилась безъ крови, такъ какъ она имѣла быть прообразомъ этой. Видишь ли, какъ еще въ ветхомъ завѣтѣ предначертанъ образъ? Не отрицай же истины.

3. Итакъ этотъ мученикъ, — а наше слово показало его мученикомъ, — готовъ былъ на безчисленныя смерти, и всѣ ихъ претерпѣлъ расположеніемъ и ревностію,—много опасностей, постигшихъ его, перенесъ и самымъ опытомъ. И изъ отечества изгнали его, и на чужбину отправили, и многое другое воздвигли тогда противъ этого блаженнаго, хотя не имѣли никакой справедливой причины къ обвиненію, а только то, что, слушаясь словъ Павла: *почтоша и послужиша твари паче Творца* (Рим. I, 25), онъ удалился отъ нечестія и убоялся беззаконія; но это достойно вѣнцовъ, а не обвиненія. Ты же посмотри на злобу діавола. Такъ какъ еще недавно прекратилась языческая война и всѣ церкви только что отдохнули отъ жестокихъ и непрерывныхъ гоненій, и еще немного прошло времени, какъ затворены были всѣ храмы (идольскіе), погашены жертвенники и сокрушено все бѣсов-
602 ское неистовство, то это печалило злого бѣса, и онъ не могъ спокойно переносить мира церкви; что же онъ дѣлаетъ? Онъ производитъ еще другую жестокую войну. Та была внѣшняя, а эта внутренняя; въ такой же войнѣ гораздо труднѣе сберечь себя, и легче погибнуть подвергающимся ей.

Въ это-то время блаженный этотъ управлялъ нашею церковію. Болѣзнь эта, какъ нѣкоторая сильная зараза, поднялась изъ странъ Египта; потомъ, пройдя чрезъ промежуточные города, скоро вторглась и въ нашъ городъ. Но онъ, бодрствуя, и наблюдая, и предвидя издалека все, имѣвшее случиться, отклонялъ приближавшуюся войну, и, какъ мудрый врачъ, прежде чѣмъ болѣзнь вторглась въ городъ, пребывая здѣсь, приготовлялъ лѣкарства, и управлялъ этимъ священнымъ кораблемъ съ великою предусмотрительностію, посѣщая всѣ мѣста, воодушевляя корабельщиковъ,

мореходцевъ, всѣхъ пловцевъ, и возбуждая ихъ къ вниманію и бодрствованію, какъ будто морскіе разбойники нападали и покушались отнять сокровище вѣры. И не только здѣсь онъ примѣнялъ такое попеченіе, но и повсюду посылалъ людей, которые бы учили, убѣждали, совѣтовали, заграждали доступъ противникамъ. Онъ былъ хорошо наученъ благодатію Духа, что предстоятель церкви долженъ заботиться не о той одной церкви, которая вручена ему Духомъ, но и о всей церкви по вселенной; этому научился онъ изъ священныхъ молитвъ. Если должно, говорилъ онъ, творить молитвы за вселенскую церковь, отъ концевъ до концевъ вселенной, то тѣмъ болѣе должно проявлять и попеченіе объ ней о всей, равно заботиться о всѣхъ (церквахъ) и пещись о всѣхъ. И что было со Стефаномъ, это случилось и съ нимъ. Какъ іудеи, не въ силахъ будучи противиться мудрости Стефана, побили того святого камнями (Дѣян. VII, 58),—такъ и эти, не въ силахъ будучи противиться мудрости Евстаѳія и видя, что укрѣпленія охраняются, изгоняютъ наконецъ проповѣдника изъ города. Но голосъ его не замолкъ; человѣкъ былъ изгнанъ, а слово ученія не было изгнано. Такъ и Павелъ былъ связанъ, а слово Божіе не было связано (2 Тим. II, 9); и этотъ былъ въ чужой странѣ, а ученіе его съ нами. Итакъ, изгнавши его, они стремительно напали, подобно сильному потоку, но ни растеній не исторгли, ни сѣмянъ не залили, ни воздѣланной нивы не повредили: такъ укоренилось хорошо и искусно воздѣланное его мудростію! Впрочемъ нужно сказать, для чего Богъ попустилъ ему быть изгнаннымъ отсюда. Эта церковь только что передохнула; имѣла не малое утѣшеніе въ управленіи Евстаѳія; онъ со всѣхъ сторонъ ограждалъ ее и отражалъ нападенія враговъ.

Для чего же онъ былъ изгнанъ, для чего Богъ попустилъ гонителямъ его? Для чего? Не подумайте, что слова мои послужатъ къ разрѣшенію одного только этого недоумѣнія; нѣтъ, если случится вамъ говорить о подобномъ и съ язычниками, или еретиками, то, что будетъ сказано, будетъ достаточно къ разрѣшенію 603
всякаго недоумѣнія. Богъ попускаетъ истинной и апостольской вѣрѣ Своей подвергаться многимъ нападеніямъ, а ересямъ и язычеству попускаетъ наслаждаться спокойствіемъ; для чего? Для того, чтобы ты позналъ слабость ихъ, когда онѣ, и не тревожимыя, сами собою разрушаются, и чтобы ты убѣдился въ силѣ вѣры, которая терпитъ нападенія, и чрезъ самихъ противниковъ умножается. А что это не моя догадка, но божественный отвѣтъ, данный свыше, послушаемъ, что̀ говоритъ объ этомъ Павелъ,—и онъ вѣдь нѣкогда испытывалъ нѣчто человѣческое, потому что, хотя онъ былъ и Павелъ, но причастенъ былъ нашего естества.

Что же онъ испытывалъ? Онъ былъ гонимъ, подвергался нападеніямъ, терпѣлъ бичеванія, подвергался безчисленнымъ кознямъ отвнѣ и извнутри, отъ казавшихся своими, отъ чужихъ; и нужно ли исчислять, сколько онъ перенесъ бѣдствій? Итакъ, изнемогая и уже не перенося нападеній враговъ, которые всегда разрушали его ученіе и противились его слову, онъ припадаетъ къ Господу, призываетъ Его и говоритъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ: о семъ трикраты Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 7—9). Знаю, что нѣкоторые считаютъ это немощью тѣлесною; но это не такъ, не такъ, — а называетъ онъ ангеломъ сатаны людей, противодѣйствовавшихъ ему, потому что это *сатана* есть слово еврейское; *сатана* значитъ: *противникъ*. Такимъ образомъ орудія діавола и людей, служащихъ ему, Павелъ называетъ ангелами его. Почему же, скажутъ, прибавлено: *плоти*? Потому, что плоть подвергалась бичеваніямъ, но душа была легка, возбуждаясь надеждою будущихъ благъ; козни враговъ не касались души его и не сокрушали внутреннихъ помысловъ, но достигали только плоти, и эта война не могла проникнуть внутрь. Такъ какъ плоть была раздираема, бичуема, связываема—связать же душу невозможно было,—то онъ и говоритъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ*, намекая на искушенія, скорби, гоненія. Потомъ что? *О семъ трикраты*, говоритъ, *Господа молихъ*, то есть, часто я молился, говоритъ, чтобы хотя немного отдохнуть отъ искушеній. Но вы помните причину, о которой я сказалъ, что Богъ попускаетъ рабамъ Своимъ терпѣть бичеванія, быть гонимыми и испытывать безчисленныя бѣдствія, именно для того, чтобы показать Свою силу. Вотъ и здѣсь апостолъ, молившійся о томъ, чтобы отступили отъ него безчисленныя бѣдствія и противники, не получилъ просимаго; приводитъ и причину, почему онъ не получилъ просимаго. Какая же это причина? Ничто не препятствуетъ опять напомнить ее. *Довлѣетъ ти*, говоритъ Онъ, *благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается*.

4. Видишь ли, что Богъ для того попускаетъ ангеламъ сатаны нападать на рабовъ Его и причинять имъ безчисленныя бѣдствія, чтобы проявилась сила Его? Поистинѣ, съ язычниками ли или съ жалкими іудеями мы станемъ разсуждать, для насъ достаточно будетъ для доказательства божественной силы то, что вѣра, подвергаясь безчисленнымъ войнамъ, одержала верхъ, и тогда какъ
604 вся вселенная противоборствовала и всѣ съ великимъ жаромъ гнали тѣхъ двѣнадцать человѣкъ, т. е. апостоловъ, опи, бичуемые, гонимые и терпѣвшіе безчисленныя бѣдствія, были въ состояніи въ

короткое время съ полнымъ превосходствомъ побѣдить причинявшихъ имъ это. Для того Богъ попустилъ и блаженному Евстаѳію быть отправленнымъ на чужбину, чтобы еще болѣе показать намъ и силу истины и безсиліе еретиковъ. Итакъ онъ, отправляясь въ ссылку, хотя покинулъ городъ, но любви къ вамъ не покинулъ, и хотя былъ изгнанъ изъ церкви, но не считалъ себя чуждымъ предстоятельства и попеченія о васъ, а тогда еще болѣе оказывалъ попеченіе и заботливость, и, призвавъ всѣхъ, увѣщевалъ не отлучаться, не уступать волкамъ и не предавать имъ паствы, но оставаться внутри, заграждая имъ уста и обличая ихъ, а простѣйшихъ изъ братьевъ утверждая. А что онъ повелѣлъ хорошо, это показалъ конецъ дѣла: если бы вы тогда не остались въ церкви, то большая часть города погибла бы, потому что въ пустынѣ волки пожираютъ овецъ; но его рѣчь воспрепятствовала имъ безстыдно обнаружить свою злобу. Впрочемъ, не одинъ только конецъ дѣла показалъ это, но и слова Павла, такъ какъ онъ по наставленію апостола сдѣлалъ такое увѣщаніе. Что же говоритъ Павелъ? Готовясь нѣкогда быть отведеннымъ въ Римъ въ послѣднее путешествіе, послѣ котораго уже не надѣялся видѣть учениковъ, онъ говорилъ: я болѣе не увижу васъ; говорилъ это, не опечалить ихъ желая, но утвердить. Итакъ, намѣреваясь отправиться оттуда, онъ утверждалъ ихъ такими словами: *вѣмъ, яко по отшествіи моемъ внидутъ въ васъ волцы тяжцы, и отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная* (Дѣян. xx, 29, 30). Трoякая война: естество дикихъ звѣрей, жестокость войны, то, что нападаютъ не чужіе, а свои, поэтому естественно война болѣе жестока. Въ самомъ дѣлѣ, если кто станетъ нападать на меня и воевать отвнѣ, то я легко смогу побѣдить его; если же рана зарождается внутри, отъ самого тѣла, то зло становится трудно исцѣлимымъ. Такъ точно было и тогда. Поэтому онъ и увѣщевалъ, говоря: *внимайте себѣ и всему стаду* (ст. 28); не сказалъ: покинувъ овецъ, бѣгите вонъ. Слѣдуя этому наставленію, и блаженный Евстаѳій увѣщевалъ учениковъ своихъ,—что именно слышалъ этотъ мудрый и доблестный учитель, это слово исполнилъ онъ на дѣлѣ. Такъ, при нападеніи волковъ, онъ не покинулъ овецъ, и хотя не восходилъ на престолъ начальствованія, но это ничего не значило для благородной и любомудрой души. Почести начальниковъ онъ оставлялъ другимъ, а труды начальниковъ переносилъ самъ, обращаясь среди волковъ. Зубы звѣрей нисколько не вредили ему: настолько вѣра его была сильнѣе ихъ угрызеній! Такимъ образомъ, вращаясь внутри, и занимая всѣхъ ихъ борьбою съ нимъ самимъ, онъ доставлялъ овцамъ великую безопасность. Но онъ не одно только это дѣлалъ, что заграждалъ

605 уста врагамъ, и отражалъ богохульства, но обходилъ и самыхъ овецъ и узнавалъ, не уязвленъ ли кто стрѣлою, не получилъ ли тяжелой раны, и тотчасъ прикладывалъ лѣкарство. Дѣлая это, онъ во всѣхъ вложилъ закваску истинной вѣры, и не прежде отошелъ, какъ когда уже, по устроенію Божію, блаженный Мелетій пришелъ принять все это тѣсто; тотъ посѣялъ, а этотъ пришедши пожалъ. Такъ было и при Моисеѣ и Ааронѣ. Они, подобно закваскѣ, обращаясь среди египтянъ, сдѣлали многихъ ревнителями своего благочестія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Моисей, когда говоритъ, что *мнози пришельцы изыдоша* вмѣстѣ съ израильтянами (Исх. XII, 38). Этому Моисею подражая, блаженный еще прежде начальствованія исполнялъ дѣла начальства, потому что и Моисей, еще не получивъ руководительства народомъ, весьма сильно и му-
606 жественно наказывалъ обижающихъ, защищалъ обижаемыхъ, и оставивъ царскую трапезу, почести и преимущества, поспѣшилъ къ глинѣ и дѣланію кирпичей, полагая, что попеченіе о своихъ почтеннѣе всякой роскоши, удовольствія и почестей. На него взирая тогда, и этотъ увѣщевалъ всѣхъ начальниковъ имѣть попеченіе о народѣ, и предпочелъ покою труды и изгнанія отовсюду, подвергаясь непрестаннымъ озлобленіямъ каждый день. Но все для него было легко, потому что самое дѣло доставляло ему достаточное утѣшеніе въ случившемся. За все это воздавъ благодарность Богу, будемъ подражать добродѣтелямъ этихъ святыхъ, чтобы участвовать съ ними и въ вѣнцахъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПЕРВОЕ

о святомъ мученикѣ Романѣ [1]).

605 Опять память мучениковъ и опять праздникъ и духовное торжество. Они страдали, и мы радуемся; они подвизались, и мы веселимся; ихъ—вѣнецъ, и слава—общая, или—лучше—слава всей церкви. Какъ же, скажешь, это можетъ быть? Такъ, что мученики суть наши части и члены; но *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ,*
606 *съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XII, 26). Вѣнчается голова—и

[1]) Произнесено въ Антіохіи послѣ похвальнаго слова св. Евстафію, въ день памяти св. Романа—18 ноября.

остальное тѣло веселится. Одинъ дѣлается побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ—и весь народъ радуется и принимаетъ его съ великою похвалою. Если же на Олимпійскихъ играхъ получаютъ такое удовольствіе тѣ, которые нисколько не участвовали въ трудахъ, то тѣмъ болѣе это можетъ быть при подвижникахъ благочестія. Мы—ноги, а мученики—голова; но *не можетъ рещи глава ногамъ: не требѣ ми есте* (1 Кор. XII, 21). Прославлены члены, 607
но превосходство славы не отчуждаетъ ихъ отъ союза съ остальными частями: тогда особенно они и славны, когда не отклоняются отъ союза съ нами; такъ и глазъ, будучи свѣтлѣе всего остального тѣла, тогда сохраняетъ свойственную ему славу, когда не отдѣляется отъ остального тѣла. И что я говорю о мученикахъ? Если Владыка ихъ не устыдился быть нашею главою, то тѣмъ болѣе они не стыдятся быть нашими членами, потому что въ нихъ вкоренена любовь, а любовь обыкновенно соединяетъ и связываетъ раздѣленное и не слишкомъ разбираетъ достоинства. Поэтому какъ они сострадаютъ намъ въ грѣхахъ нашихъ, такъ мы радуемся съ ними ихъ подвигамъ. Такъ и Павелъ повелѣлъ дѣлать, сказавъ: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15). Но плакать съ плачущими не трудно, а радоваться съ радующимися не очень легко: мы легче сострадаемъ находящимся въ несчастіяхъ, нежели сорадуемся благоденствующимъ. Тамъ самое свойство несчастія достаточно для того, чтобы подвинуть къ состраданію и камень; а здѣсь, при благосостояніи, зависть и недоброжелательство не дозволяютъ не очень любомудрому быть участникомъ въ удовольствіи. Подлинно, какъ любовь соединяетъ и связываетъ раздѣленное, такъ зависть раздѣляетъ соединенное. Поэтому, прошу, будемъ стараться сорадоваться благоденствующимъ, чтобы очистить свою душу отъ зависти и недоброжелательства, — ничто такъ не отгоняетъ эту тяжкую и трудно-излѣчимую болѣзнь, какъ сорадованіе живущимъ добродѣтельно. Послушай, какъ Павелъ высокъ въ томъ и другомъ отношеніи: *кто*, говоритъ онъ, *изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Не сказалъ: и я не печалюсь, но: *и азъ не разжизаюся*, желая словомъ *разжизаться* представить намъ напряженность своей скорби. И еще, въ другомъ посланіи: *безъ насъ воцаристеся*, говоритъ, *и о дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали* (1 Кор. IV, 8). И еще: *нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. III, 8). Смотри, какъ вожделѣнно было для него благоденствіе братій: онъ даже не считалъ себя живущимъ, если они не спасаются.

Человѣкъ, восхищенный до третьяго неба, вознесенный въ рай, участвовавшій въ неизреченныхъ тайнахъ и получившій такое дерзновеніе предъ Богомъ, не очень чувствовалъ эти блага, если не

видѣлъ и братій спасающимися вмѣстѣ съ нимъ. Онъ зналъ, вѣрно зналъ, что ничто не больше любви и не равно ей, даже самое мученичество, которое есть верховное изъ всѣхъ благъ; а какимъ образомъ, послушай. Любовь и безъ мученичества дѣлаетъ учениками Христа, а мученичество безъ любви не могло бы сдѣлать этого. Откуда это видно? Изъ самыхъ словъ Христа; Онъ говорилъ ученикамъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любите другъ друга* (Іоан. XIII, 35). Вотъ, любовь
608 безъ мученичества дѣлаетъ учениками. А что мученичество безъ любви не только не дѣлаетъ учениками, но и не приноситъ никакой пользы тому, кто терпитъ, послушай Павла, который говоритъ: *аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3).

2. Потому особенно я люблю этого святого, собравшаго насъ сегодня, блаженнаго Романа, что вмѣстѣ съ мученичествомъ онъ явилъ великую любовь; поэтому и былъ отсѣченъ ему святой языкъ. Подлинно, не излишне изслѣдовать и то, почему не повелъ его діаволъ на истязанія, казни и мученія, но отрѣзалъ ему языкъ. Онъ сдѣлалъ это не напрасно, а съ большимъ лукавствомъ: вѣдь это—звѣрь коварный и дѣлаетъ и воздвигаетъ все противъ нашего спасенія. Изслѣдуемъ же, для чего онъ рѣшился на отсѣченіе языка; но поведемъ рѣчь нѣсколько выше: такимъ образомъ мы узнаемъ и Божіе человѣколюбіе, и терпѣніе мученика, и злобу діавола, а познавъ Божіе человѣколюбіе, возблагодаримъ Господа, узнавъ терпѣніе мученика, будемъ подражать подобному намъ рабу, понявъ же злобу діавола, будемъ отвращаться этого врага. Для того Богъ и далъ намъ разумѣть козни его, чтобы, возненавидѣвъ его болѣе, мы удобнѣе побѣждали его. А что можно узнавать замыслы его, послушай, что говоритъ Павелъ о прелюбодѣѣ. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ такъ: *утвердите къ нему любовь, да не обидимы будемъ отъ сатаны: не не разумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 8, 11). Что же за причина, по которой онъ отсѣкъ мученику языкъ? Позвольте мнѣ начать разсказъ нѣсколько выше. Жестокая война нѣкогда была возбуждена противъ церквей: не варвары дѣлали набѣги на города и не какіе-либо иноземцы, но сами тѣ, которые повидимому были предстоятелями нашей вселенной, поступали съ подчиненными суровѣе и свирѣпѣе всѣхъ варваровъ, враговъ и тирановъ; не свобода только, и отечество, и имущество, и настоящая жизнь тогда были въ опасности, но царство небесное, и уготованныя блага, и безсмертная жизнь, и исповѣданіе Христово. Придуманъ былъ нѣкоторый новый способъ плѣненія; не изъ здѣшняго города изгоняли, но старались лишить вышняго Іерусалима свободнаго, и при-

нуждали каждаго принести въ жертву душу на жертвенникахъ, отречься съ клятвою отъ своего Господа, подчиниться тираніи бѣсовъ, служить губителямъ и врагамъ нашего спасенія—бѣсамъ, что было тягостнѣе и несноснѣе тысячъ смертей и всякой геенны для душъ христолюбивыхъ. Тогда-то, когда многіе были потопляемы, и буря усиливалась, и многіе терпѣли кораблекрушеніе, этотъ блаженный Романъ, пройдя въ среду ихъ, разсудилъ не тотчасъ предать самого себя опасностямъ, но напередъ устрашенныхъ, упавшихъ духомъ, предающихъ собственное свое спасеніе —собралъ, ободрилъ и приготовилъ къ новой борьбѣ, упавшихъ возстановляя, а стоявшихъ укрѣпляя молитвами, и увѣщаніями, и совѣтами, много любомудрствуя о будущихъ и о настоящихъ вещахъ, доказывая, 609
что эти временны, а тѣ вѣчны, противопоставляя трудамъ воздаянія, истязаніямъ вѣнцы, страданіямъ награды, научая, какова жизнь настоящая и какова будущая, и сколь велико различіе между тою и другою, и что умереть нужно во всякомъ случаѣ, если и не такимъ образомъ окончимъ мы жизнь, то, во всякомъ случаѣ, по необходимому закону природы, спустя немного времени, разстанемся съ этими тѣлами. Такими и подобными этому увѣщаніями онъ укрѣплялъ ослабѣвшія руки, утверждалъ колѣна разслабленныя (Евр. xii, 12), возвращалъ бѣглецовъ, отгонялъ страхъ, удалялъ уныніе, внушалъ бодрость, дѣлалъ вмѣсто боязливыхъ отважными, вмѣсто сернъ и ланей львами, дышущими великою силою, устроялъ воинство Христово, обращалъ нашъ стыдъ на головы враговъ. Поэтому діаволъ, увидѣвъ, что вдругъ произошла перемѣна, и что тѣ, которые вчера и третьяго дня страшились его и трепетали, теперь смѣются надъ нимъ и дѣйствуютъ смѣло, выступаютъ противъ опасностей, кидаются на мученія, и узнавъ виновника, оставилъ всѣхъ и наконецъ весь дышалъ гнѣвомъ на него, двигая противъ этой блаженной главы всю свою силу и неистовство. И что онъ дѣлаетъ? Посмотрите на злобу его. Онъ не повелъ мученика на истязанія, не отсѣкъ его голову, потому что прошедшее время научило его, что все это было напрасно и тщетно: это не только не прекращало ревности вѣрующихъ, но еще болѣе напрягало ее, дѣлало ее и болѣе сильною и болѣе горячею. Я, говоритъ, подстилалъ горячія уголья, а они шли какъ бы на розы; зажигалъ огонь, а они бросались какъ бы въ источники прохладныхъ водъ; скоблилъ ребра, прорѣзалъ глубокія борозды и изводилъ потоки крови, а они красовались, какъ бы осыпанные со всѣхъ сторонъ золотомъ; я низвергалъ съ стремнинъ и погружалъ въ море, а они, какъ будто не въ пропасть нисходя, но восходя на самое небо, въ такомъ были состояніи восхищенія и восторга, и какъ бы ликуя на священномъ торжествѣ и играя на зеленѣю-

щемъ лугу, такъ бросался каждый изъ нихъ на мученія, какъ будто принимали они не мученія, но весенніе цвѣты и получали вѣнцы, и избыткомъ своей ревности предупреждали мои мученія. Что же, говоритъ, теперь нужно дѣлать? Отсѣку ли ему голову? Но произойдетъ то, чего онъ желаетъ, и ученики получатъ большее увѣщаніе чрезъ дѣла его, такъ какъ онъ увѣщевалъ, что смерть мучениковъ есть не смерть, но жизнь, не имѣющая конца, что ради нея особенно надобно терпѣть все и что должно презирать смерть. Итакъ, если я отсѣку голову, и онъ перенесетъ это мужественно, то дѣлами еще яснѣе научитъ ихъ, что такъ должно презирать смерть, и еще болѣе ободритъ ихъ души и, скончавшись, вдохнетъ въ нихъ еще бо̀льшую ревность. Поэтому онъ отсѣкъ ему языкъ, чтобы ученики мученика, лишившись голоса, которымъ
610 наслаждались, оставшись безъ совѣта и безъ увѣщанія, сдѣлались болѣе робкими и вновь пришли въ прежнее уныніе, не имѣя того, кто одушевлялъ ихъ, возбуждалъ и вооружалъ.

3. И посмотри на злобу діавола. Иродъ отсѣкъ голову Іоанна, а этотъ—не голову, а только языкъ. Почему? По великой злобѣ и жестокости. Если, говоритъ, я отсѣку голову и онъ умретъ, отойдетъ, не видя гибели своихъ братьевъ; а я хочу поставить его свидѣтелемъ паденій и несчастія собственныхъ его воиновъ, чтобы онъ томился мукою, видя падающихъ, но не имѣя возможности подать имъ руку и не будучи въ состояніи предлагать совѣты, какъ прежде, такъ какъ голосъ пропадаетъ вмѣстѣ съ языкомъ.

Но *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) обратилъ это ухищреніе на его голову: діаволъ не только не лишилъ ихъ совѣта, но и сдѣлалъ то, что они получили большее увѣщаніе и стали пользоваться болѣе духовнымъ наставленіемъ. Когда онъ настоялъ на этомъ, то призывается наконецъ для отсѣченія врачъ, и дѣлается палачемъ вмѣсто врача, не исправляя больной членъ, а повреждая здоровый; но, исторгнувъ языкъ, онъ не смогъ исторгнуть вмѣстѣ съ нимъ и голосъ. Языкъ тѣлесный былъ отсѣченъ, а языкъ благодати прилетѣлъ въ уста блаженнаго; природа лишилась своего члена, будучи принуждена къ тому желѣзомъ, а благодать не допустила, чтобы вмѣстѣ былъ потерянъ и голосъ,—почему ученики и стали пользоваться болѣе духовнымъ наставленіемъ, слушая не человѣческій голосъ, какъ прежде, но нѣкоторый божественный, и духовный, и высшій нашей природы; и всѣ стекались, сверху ангелы и снизу люди, каждый желая видѣть уста безъ языка и слышать того, кто такъ говорилъ. Такъ было чудно и необычайно, что уста говорили безъ языка, принося діаволу много стыда, а мученику много славы, ученикамъ же ве-

ликое утѣшеніе и побужденіе къ терпѣнію. Таково обыкновеніе у Бога издревле и съ самаго начала: то, что діаволъ замыслитъ противъ насъ, Онъ обращаетъ на его голову и устрояетъ къ нашему спасенію. Смотри: тотъ изгналъ человѣка изъ рая, а Богъ открылъ ему небо; тотъ лишилъ его владычества земного, а Богъ далъ ему царство небесное и помѣстилъ наше естество на царскомъ престолѣ. Такъ всегда Онъ даетъ блага, большія тѣхъ, какія діаволъ старается отнять. А дѣлаетъ Онъ это для того, чтобы заставить его быть медленнѣе въ козняхъ противъ насъ, а насъ научить никогда не бояться его ухищреній, какъ и здѣсь случилось съ мученикомъ. Діаволъ надѣялся лишить его голоса, а Богъ даровалъ ему гораздо лучшій и превосходнѣйшій, потому что не одно и то же было—говорить съ языкомъ и—безъ языка: то было дѣло естественное и общее для всѣхъ, а это сверхъестественное и принадлежащее только ему одному. Если бы даже мученикъ и остался безгласнымъ по отсѣченіи языка, и тогда у него выполнены были бы всѣ условія борьбы и вѣнецъ былъ бы готовъ, потому что величайшимъ пораженіемъ діавола и яснымъ доказательствомъ его было самое отсѣченіе языка. Если ты, сквер- 611
ный и всескверный, не боялся языка, то для чего ты отсѣкъ его? Для чего ты не оставилъ орудія борьбы, но затворилъ ристалище? Какъ если бы кто, желая состязаться въ борьбѣ, но получивъ тяжкія раны, и наконецъ, не въ состояніи будучи противиться, приказалъ отрубить руки противнику, и такимъ образомъ сталъ бить его, то не нужно было бы другого доказательства для того, чтобы присудить побѣду тому, у кого отрублены руки,—такъ точно и въ отношеніи къ мученику отсѣченіе языка было яснѣйшимъ изъ всѣхъ доказательствомъ побѣды надъ діаволомъ. Хотя языкъ былъ смертенъ, но такъ какъ онъ наносилъ діаволу безсмертныя раны, то поэтому діаволъ весь и дышалъ гнѣвомъ противъ него, подвергая самого себя большему посрамленію, а мученику доставляя свѣтлѣйшій вѣнецъ, потому что какъ удивительно—видѣть дерево безъ корня и рѣку безъ источника, такъ и—голосъ безъ языка.

4. Гдѣ теперь тѣ, которые не вѣруютъ въ воскресеніе тѣлъ? Вотъ голосъ и умеръ и воскресъ, и въ одно мгновеніе времени произошло то и другое. Это даже гораздо больше воскресенія тѣлъ, потому что тамъ естество тѣлъ остается, а разрушается только ихъ сочетаніе, а здѣсь самое основаніе голоса было истреблено, и однако онъ опять сталъ еще болѣе свѣтлымъ. Если ты отнимешь отъ флейты дульца, то этотъ инструментъ будетъ потомъ безполезнымъ; но не такова флейта духовная,—напротивъ, даже лишенная языка, она не только не была безгласною, но издавала пѣснь еще болѣе благозвучную и таинственную и съ

болѣе изумительнымъ искусствомъ. Также и отъ цитры, если кто отниметъ только кольцо, то празденъ становится художникъ, безполезно искусство, инструментъ никуда не годенъ; а здѣсь ничего такого, но все напротивъ. Цитрой были уста, кольцомъ языкъ, художникомъ душа, искусствомъ исповѣданіе; и, хотя отнято было кольцо, т. е. языкъ, однако ни художникъ, ни искусство, ни инструментъ не сдѣлались безполезными, но всѣ показали свойственную имъ силу. Кто сдѣлалъ это? Кто показалъ такія чудныя и необычайныя дѣла? Богъ, Который одинъ творитъ чудеса, о Которомъ говоритъ Давидъ: *Господи Господь нашъ, яко чудно имя твое по всей земли, яко взятся великолѣпіе твое превыше небесъ. Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. VIII, 2, 3). Но тогда—изъ устъ младенецъ и ссущихъ, а теперь—
612 изъ устъ безъязычныхъ; тогда природа не созрѣвшая, а теперь уста, лишенныя языка; тогда въ дѣтяхъ былъ корень нѣжный, но плодъ совершенный, а здѣсь самый корень былъ истребленъ, и это не препятствовало рожденію плода, такъ какъ плодъ языка—голосъ. Позднѣйшія чудеса удивительнѣе прежнихъ. Дабы мы не отказались вѣрить этимъ чудесамъ, для этого имъ предшествовали тѣ, чтобы мы не смущались послѣдними, пріучивъ умъ нашъ къ прежнимъ; и для того совершились новыя чудеса, чтобы тѣмъ, сокрытымъ и давнимъ, мы вѣрили при помощи явныхъ и бывшихъ недавно. Такъ нѣкогда и жезлъ Аарона произрастилъ, какъ теперь произрастили уста мученика. Но почему тогда произрастилъ жезлъ Аарона? Потому, что безчестили священника. Почему же теперь произрастили уста мученика? Потому, что хулили великаго архіерея, Іисуса Христа. Посмотри, какое сродство въ чудѣ и превосходство. Какъ тотъ жезлъ, не будучи соединенъ съ корнемъ и не извлекая влаги изъ земли, лишенный доставляемаго ею питанія и потерявшій плодородную силу, вдругъ показалъ плодъ,—такъ точно и здѣсь голосъ, лишившись корня и не имѣя силы отъ этого орудія, вдругъ произросъ въ устахъ сухихъ и безплодныхъ. Въ этомъ сродство, а въ другомъ превосходство, потому что великое различіе между тѣмъ и другимъ плодомъ. Тотъ былъ чувственный, а этотъ духовный, и самыя небеса открывалъ онъ тому, кто издавалъ тогда этотъ голосъ. Будемъ о всемъ этомъ радоваться вмѣстѣ съ мученикомъ, будемъ прославлять Бога, совершившаго такія чудеса, будемъ подражать терпѣнію подобнаго намъ раба, возблагодаримъ Владыку за Его благодать, примемъ въ сказанномъ достаточное утѣшеніе въ искушеніяхъ и, изумляясь могуществу создавшаго насъ Бога и Его попеченію, будемъ представлять все, нужное отъ насъ, а потребное отъ Него непремѣнно послѣдуетъ. Хотя бы люди, хотя бы бѣсы,

хотя бы самъ діаволъ поражалъ насъ,—ни въ чемъ не успѣютъ враждующіе противъ насъ, только бы мы оказывали собственную ревность и представляли все, что должно представлять отъ насъ. Такимъ образомъ мы и здѣсь пріобрѣтемъ помощь Божію и въ будущей жизни получимъ великую славу и спасеніе, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

о святомъ мученикѣ Романѣ [1]).

ГИМНАСТИЧЕСКІЯ упражненія доставляютъ тѣламъ крѣпость 611
и знаніе искусства атлетовъ; а воспоминанія о мученикахъ
вооружаютъ души противъ ухищреній бѣсовъ и научаютъ
бороться съ ними. Показывая силу подвижниковъ и непре-
клонную борьбу съ истязаніями, они придаютъ благочестію смѣ- 612
лость, представляя въ повѣствованіяхъ о мученіяхъ, какъ бы на
мѣстѣ подвиговъ, пройденное каждымъ мученикомъ поприще. Та-
ково и воспоминаніе о подвижникѣ, увѣнчанномъ сегодня. Въ
самомъ дѣлѣ, кто не выступитъ смѣло на поприще противъ діа-
вола, наставивъ свою душу подвигами мученика, котораго не по-
колебало множество такихъ опасностей? Тогда по міру водила 613
хороводы великая тиранія нечестія; жизнь уподоблялась морю, колеблемому съ самой глубины; огромныя морскія волны переливались на землю, и сильная буря нечестія со всѣхъ сторонъ обливала корабль благочестія, такъ что среди нея много кормчихъ умерло, и пловцовъ не малое число потонуло, и все было исполнено горькаго страха и кораблекрушеній. Цари дышали сильнѣе бури, тираны поднимали страшныя волны, престолы правителей колебались, судіи провозглашали отреченіе отъ Христа, законодатели угрожали жестокими наказаніями, мужей похищали къ бѣсовскимъ жертвоприношеніямъ, женъ влекли къ мерзости жертвенниковъ, и дѣвъ тащили къ этому безумію, священниковъ предавали на изгнаніе и убіеніе, вѣрныхъ изгоняли изъ священныхъ оградъ. Для столь великой битвы вооружился мученикъ, и такимъ

---

[1]) Принадлежность этого слова св. Златоусту сомнительна въ виду большого различія въ слогѣ и языкѣ между нимъ и подлинными словами св. отца.

опасностямъ онъ противопоставилъ свою душу, смѣясь надъ этой борьбой, какъ надъ какимъ-то сраженіемъ съ тѣнію, и точно пылью на ристалищѣ попирая судей вѣрою, онъ возбудилъ душу тогдашняго судіи, остановивъ задуманный имъ противъ церкви бѣгъ. За это доблестный мужъ тотчасъ былъ восхищенъ на казнь, и хотя употреблено было множество разнообразныхъ мученій, но мученикъ уподоблялся цитрѣ, кольцомъ истязаній движимъ будучи къ изданію звуковъ; палачи, обступившіе его, сокрушали ему тѣло, а онъ, какъ мѣдь какая, получая удары, издавалъ пѣснь благочестія; повѣсивъ на деревѣ, они терзали его, а онъ привѣтствовалъ это дерево, какъ древо жизни; они раздирали щеки праведника, какъ ребра, а онъ проповѣдывалъ, какъ бы получивъ множество устъ, и посрамлялъ противника новымъ пораженіемъ.

Когда онъ увидѣлъ, что судія призываетъ его къ служенію бѣсамъ, то проситъ привести дитя съ торжища, чтобы сдѣлать его судіею требованій судіи, и приведенному дитяти предложилъ вопросъ объ этомъ предметѣ. Дитя, сказалъ онъ, Богу ли справедливо покланяться, или называемымъ ими богамъ? Велико превосходство мудрости мученика: судьею судіи онъ ставитъ ребенка; а онъ тотчасъ подалъ голосъ за Христа, чтобы очевидно было, что и дѣти умнѣе нечестивыхъ судей, или лучше, чтобы мученикъ явился не только мученикомъ, но и руководителемъ мучениковъ. Однако и это не ослабило неистовства судіи, но тотчасъ мученикъ, вмѣстѣ съ дитятей, былъ схваченъ въ колоду, за мученіемъ въ колодѣ слѣдовала темница, а за нею приговоръ, назначившій подвижникамъ различныя казни: дитя онъ присудилъ къ смерти, а мученика къ отсѣченію языка. Кто слыхалъ о такомъ образѣ суда? Судьи бичуютъ подсудимыхъ, принуждая ихъ сознаться въ томъ, что они знаютъ за собою; а этотъ нечестивый судія отсѣкаетъ языкъ, заставляя молчать о томъ, что онъ знаетъ за собою. О, жестокое изобрѣтеніе обмана! Я не могъ, говоритъ, сразить мудрствующую о Христѣ душу; по крайней мѣрѣ отсѣку языкъ, говорящій о Христѣ. Отсѣки языкъ, мучитель, чтобы тебѣ познать, что природа и безъ языка проповѣдуетъ о Христѣ; исторгни языкъ изъ устъ, чтобы тебѣ познать, что истиненъ Обѣщавшій дары языковъ. Орудіе языка было отсѣчено, а слово полилось еще
614 сильнѣе, освободившись отъ языка, какъ бы отъ какого-нибудь препятствія. Новое и необыкновенное зрѣлище: тѣлесный съ тѣлесными бесѣдуетъ безтѣлесно. Такъ приличествуетъ этому мученику пѣснь пророка: *исполнишася радости уста наша, и языкъ нашъ веселія* (Пс. cxxv, 2); исполнились радости уста, принесши Христу новую жертву—языкъ, объятъ былъ великимъ веселіемъ языкъ, явившись мученикомъ, предтечею мученика. О, языкъ,

предварившій душу въ сонмахъ мучениковъ! О, уста, породившія сокровеннаго мученика! О, языкъ, имѣвшій жертвенникомъ уста! О, уста, имѣвшія жертвою языкъ! Никто не зналъ, доблестный мужъ, что ты въ устахъ твоихъ имѣешь храмъ, храмъ, въ которомъ ты заклалъ необычнаго агнца,—единокровный языкъ.

2. Какой же ораторъ достойно увѣнчаетъ твои добродѣтели? Ты получилъ отъ природы языкъ, но ты воспиталъ изъ него мученика; ты получилъ уста, хранилище языка, но ты устроилъ изъ устъ жертвенникъ для языка; ты получилъ кольцо, чтобы извлекать звуки, но ты показалъ его колосомъ отсѣкаемымъ; ты получилъ языкъ, служителя словъ, но ты принесъ его въ жертву Христу, какъ непорочную овцу. Какимъ же приличнымъ названіемъ я почту языкъ твой? Какимъ именемъ украшу языкъ твой? Палачи приложили къ нему желѣзо, а онъ, подобно связанному Исааку, не отскочилъ, но, лежа въ устахъ, какъ на жертвенникѣ, съ радостію принялъ ударъ, научая языки людей, что имъ должно не только говорить ради Христа, но и быть усѣкаемыми. Ты, доблестный мужъ, восхитилъ честь равную жертвоприношенію патріарха, принесши единородную отрасль языка вмѣсто единороднаго сына. Посему прекрасно Христосъ насадилъ тебѣ другой языкъ, потому что нашелъ тебя добрымъ воздѣлывателемъ прежняго; прекрасно даровалъ Онъ тебѣ языкъ безтѣлесный, потому что ангельской душѣ не былъ приличенъ плотскій; прекрасно воздалъ Онъ тебѣ воздаяніе за языкъ: ты принесъ языкъ свой въ жертву Владыкѣ, а Онъ уплатилъ за него витійствующимъ голосомъ; и произошло между языкомъ и Христомъ взаимное соглашеніе: языкъ отсѣкается за Христа, а Христосъ говоритъ вмѣсто языка.

Гдѣ теперь у насъ Македоній, сражающійся противъ Утѣшителя, подавшаго дарованіе языковъ? А что я не лгу, прилагая Божеству Утѣшителя благодатные дары, свидѣтель намъ блаженный Павелъ, который нынѣ взываетъ къ вашему вниманію: *вся сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11); *якоже хощетъ*, говоритъ, а не какъ ему повелѣвается. Но, чтобы, дѣлая какія-нибудь прибавленія къ этимъ словамъ, не завалить намъ вашей памяти множествомъ, запомнимъ одно это сильное изреченіе объ Утѣшителѣ, и такимъ образомъ выйдемъ отсюда, презирая тѣхъ, но снисходя пока къ заблуждающимся и покланяясь Божеству Утѣ- 615
шителя. Итакъ, пророческая труба, предъуказывая вселенское согласіе о Христѣ, говорила: *яко познаютъ Мя, отъ мала ихъ даже и до великаго ихъ* (Іер. XXXI, 34), и *всякъ языкъ исповѣстся Богови истинному* (Исая. XLV, 23). Пророкъ, какъ я сказалъ,

объемлетъ сѣтію боговѣдѣнія всякій языкъ; а мы сегодня послушаемъ и безъязычнаго оратора, защищающаго благочестіе, потому что онъ, какъ нѣкоторая цитра, безъ кольца, прославляетъ Создателя. Итакъ, пусть скажетъ и блаженный Романъ: *языкъ мой трость книжника скорописца* (Пс. XLIV, 2). Какой языкъ? Не тотъ, который отняло желѣзо, но тотъ, который изваяла благодать Духа, потому что, когда исторгнутъ былъ языкъ, то благодать Духа заняла его мѣсто. Имѣли и апостолы языки, но, чтобы явилась сила Дѣйствующаго, бреніе бездѣйствовало, а говорилъ огонь небесный. Имѣло и Моисеево писаніе образъ того, что выше слова: у него купина и огонь. Огонь апостольскій въ купинѣ прообразовалъ звуки проповѣди и голосъ дается бездушному, чтобы повѣрили ему, когда онъ коснется одушевленныхъ орудій. Если прикосновеніе этого огня сдѣлало и бездушное говорящимъ, то не долженъ ли онъ былъ, наполнивъ души разумныя, своимъ прикосновеніемъ извлечь изъ нихъ самую стройную пѣснь? Этой благодати былъ причастникомъ и славный Романъ, который, и по отсѣченіи языка, обличалъ мучителя яснѣйшимъ голосомъ. Этотъ мучитель никакъ не поспѣшилъ бы отсѣчь языкъ, если бы не боялся токовъ обличеній, еслибы не страшился потока проповѣди, еслибы не надѣялся усмирить волны евангельскаго краснорѣчія. Но посмотримъ, что заставило мучителя пойти на такую дерзость.

3. Нѣкогда нечестивецъ, принесшій жертву бѣсамъ, преисполненный дыма и смрада жертвъ и оскверненный каплями нечестія, поспѣшно шелъ къ церкви и, неся предъ собою окровавленную сѣкиру, искалъ безкровнаго жертвенника для беззаконнаго священнодѣйствія. Но неистовство мучителя не утаилось отъ мученика: тотчасъ, выбѣжавъ въ преддверіе, онъ удерживаетъ уже несущійся разливъ нечестія, и какъ искусный кормчій, видя, что море устремляется на носъ корабля, не остается въ бездѣйствіи, но быстро перебѣгаетъ чрезъ весь корабль и, рулемъ приведши въ движеніе корму, ставитъ судно прямо противъ волнъ и, приподнявъ часть его, находившуюся въ опасности, разсѣкаетъ громадную волну и съ нѣкоторымъ искусствомъ бороздитъ взволнованное море,—такъ сдѣлалъ и блаженный Романъ. Когда море идолопоклонства ревѣло богохульствомъ, и неистовствовало противъ корабля церковнаго, и изрыгало на жертвенники пѣну крови, онъ одинъ вооружается противъ бушующаго моря и, видя, что корабль находится въ крайней опасности, пробуждаетъ находящагося на кораблѣ Владыку, пробуждаетъ Его, уснувшаго сномъ долготерпѣнія. Онъ видитъ море, возмущаемое противными вѣтрами, и произноситъ слова бѣдствовавшихъ учениковъ: *наставниче, спаси*,

погибаемъ (Лук. VIII, 24); морскіе разбойники окружаютъ корабль, волки осаждаютъ стадо, воры подкапываютъ чертогъ твой, блудныя пѣсни оглашаютъ невѣсту твою, опять змій разрушаетъ стѣну рая, основной камень церкви колеблется; но Ты брось съ неба евангельскій якорь, и укрѣпи потрясаемый камень: *наставниче, спаси, погибаемъ*. Общая опасность раздѣляетъ мученика: онъ и къ Господу взываетъ съ дерзновеніемъ, и противъ мучителя устремляетъ потокъ языка своего. Останови, тиранъ, говоритъ онъ, этотъ бѣшеный бѣгъ; познай мѣру своего безсилія; чти предѣлы Распятаго; а предѣлы Распятаго—не стѣны церкви, но концы вселенной; стряхни мракъ неистовства; взгляни на землю—и пойми слабость своей природы; взгляни на небо—и подумай о великости борьбы; отвергни безсильную помощь бѣсовъ; разсмотри, что бѣсы, пораженные крестомъ, выставляютъ тебя защитникомъ своихъ жертвенниковъ. Для чего ты гонишься за неуловимымъ? Для чего пускаешь стрѣлы въ безпредѣльное? Развѣ Богъ ограничивается стѣнами? Божество неограниченно. Развѣ Владыку нашего можно видѣть очами? Онъ незримъ и безвиденъ по существу, а изображается и бываетъ видимымъ по человѣчеству. Развѣ Онъ обитаетъ въ деревѣ и камнѣ и продаетъ свое промышленіе за быка и овцу? Развѣ жертвенникъ служитъ посредникомъ въ соглашеніяхъ съ Нимъ? Это—жадное нищенство твоихъ бѣсовъ. Мой Владыка, или—лучше,—Владыка всѣхъ—Христосъ обитаетъ на небѣ и управляетъ міромъ, и жертва Ему—душа, обращающая къ нему взоры, и одна для Него пища—спасеніе вѣрующихъ. Перестань поднимать оружіе противъ церкви: стадо на землѣ, а пастырь на небѣ; вѣтви на землѣ, а виноградная лоза на небѣ; если отсѣчешь вѣтви, то поможешь разростись лозѣ. Руки твои полны крови; мечъ твой обагренъ безсловесными жертвами; пощади невинныхъ животныхъ, и обрати мечъ на насъ, обличающихъ тебя; пощади безсловесныхъ, которые молчатъ, и умерщвляй насъ, осуждающихъ тебя. Я боюсь не столько меча, убивающаго людей, сколько жертвенной сѣкиры; мечъ, убивающій людей, разсѣкаетъ тѣло, а жертвенная сѣкира убиваетъ душу; мечъ, убивающій людей, закалаетъ приносимое въ жертву, а жертвенная сѣкира погубляетъ вмѣстѣ и приносимое въ жертву и приносящаго жертву. Рѣжь мою шею, но не оскверняй жертвенника; ты имѣешь добровольную жертву,—для чего же связываешь плѣннаго вола, противящагося? Если ты хочешь принести жертву, то въ преддверіи церкви приноси жертву словесную.

Не выноситъ мучитель чрезмѣрнаго дерзновенія мученика, но тотчасъ начинаетъ жертвоприношеніе съ его языка. Итакъ, онъ отсѣкаетъ языкъ не потому, чтобы хотѣлъ истребить его, но потому, что враждовалъ на проповѣдь, не столько по ненависти къ

проповѣднику, сколько по недоброжелательству къ проповѣдуемому.
Но *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) воз-
вращаетъ съ неба отсѣченное орудіе голоса, невидимымъ языкомъ
подпираетъ охромѣвшій звукъ и даруетъ голосъ безъязычному,
самымъ дѣломъ показывая мучителю сотвореніе человѣка. И какъ
617 выкапывающіе колодезь, раскапывая жилы, даютъ водѣ болѣе ши-
рокій истокъ, такъ и мучитель, перекопавъ желѣзомъ корень
языка, былъ облитъ сильнѣйшими потоками обличеній. Хотѣлъ я
до конца веселиться рѣчью о мученикѣ, но наступило соотвѣт-
618 ствующее время и побуждаетъ меня замолчать; впрочемъ сказан-
наго достаточно для вашей пользы, а для довершенія сказаннаго
нужны наставленія нашего отца. Сокроемъ же сказанное въ нѣд-
рахъ памяти, а для того, что̀ будетъ сказано, раскроемъ бразды
души; и за все будемъ покланяться творящему чудеса Христу,
потому что Ему слава со Отцемъ и Всесвятымъ Духомъ, нынѣ и
присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ [1])

о святыхъ Маккавеяхъ и о матери ихъ.

17 КАКЪ блистателенъ и радостенъ у насъ городъ! Сегодняшній
день свѣтлѣе всего года, не потому, чтобы солнце сегодня
бросало на землю лучи свѣтлѣе обыкновенныхъ, а потому,
что свѣтъ святыхъ мучениковъ озарилъ нашъ городъ бли-
стательнѣе всякой молніи. Подлинно, они свѣтлѣе тысячи солнцевъ
и блистательнѣе великихъ свѣтилъ; отъ нихъ земля сегодня вели-
колѣпнѣе неба. Не говори мнѣ о прахѣ, не представляй пепла и
истлѣвшихъ отъ времени костей ихъ, но открой очи вѣры и по-
смотри на присущую имъ силу Божію, на облекшую ихъ благо-
дать Духа, на окружающую ихъ славу небеснаго свѣта. Не такіе
лучи падаютъ на землю съ солнечнаго круга, какое сіяніе и
блескъ исходитъ изъ этихъ тѣлъ, ослѣпляя даже взоры діавола.
Какъ предводители разбойниковъ и расхитители гробницъ, увидѣвъ
лежащее гдѣ-нибудь царское оружіе: латы, щитъ и шлемъ, все
сіяющее золотомъ, тотчасъ отскакиваютъ прочь, и не смѣютъ ни
приблизиться, ни прикоснуться къ нимъ, имѣя въ виду великую
618 опасность, если осмѣлятся сдѣлать что-нибудь подобное,—такъ
точно и бѣсы, эти истинные предводители разбойниковъ, гдѣ уви-
дятъ лежащія тѣла мучениковъ, тотчасъ отскакиваютъ прочь и
обращаются въ бѣгство. Они смотрятъ не на смертную ихъ при-

[1]) Всѣ три бесѣды о св. Маккавеяхъ произнесены въ Антіохіи, въ какомъ году—
неизвѣстно.

роду, но на неизреченное величіе Христа, Который дѣйствовалъ въ нихъ. Подлинно, въ эти оружія облекался не ангелъ, не архангелъ и не другая какая-либо сотворенная сила, но самъ Владыка ангеловъ. И какъ Павелъ восклицалъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3), такъ и они могутъ восклицать и говорить: или вы ищете доказательства на то, что въ насъ подвизался Христосъ? Драгоцѣнны эти тѣла, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носятъ язвы за Христа. И какъ царскій вѣнецъ, украшенный со всѣхъ сторонъ различными камнями, производитъ разнообразный блескъ, такъ точно и тѣла святыхъ мучениковъ, усѣянныя язвами за Христа, какъ бы дорогими камнями, являются драгоцѣннѣе и великолѣпнѣе всякой царской діадемы. Мірскіе распорядители ратоборствъ, назначивъ борьбу, считаютъ за величайшую славу, когда выводятъ на поприще и на подвиги молодыхъ и крѣпкихъ бойцовъ, которые бы, прежде нежели отличатся въ ратоборствѣ, благоустройствомъ своихъ членовъ возбуждали въ зрителяхъ удивленіе; но здѣсь не такъ, а совершенно напротивъ. Христосъ, открывъ ратоборство, не такое, какъ тѣ, но страшное и ужасное, потому что здѣсь не сраженіе людей съ людьми, а борьба людей съ бѣсами,—открывъ намъ такое ратоборство, вывелъ на подвиги не молодыхъ и крѣпкихъ бойцовъ, но малолѣтнихъ отроковъ 619
и съ ними старца Елеазара, и кромѣ того престарѣлую жену, мать этихъ отроковъ. Что же это значитъ, Владыко? Столь неспособный возрастъ ты выводишь на поприще для ратоборства? Кто слыхалъ, чтобы когда-нибудь выходила на борьбу женщина въ такой старости? Никто не слыхалъ этого; но Я, говоритъ Онъ, самыми дѣлами оправдаю это дивное, новое и никогда неслыханное событіе; Я не такой распорядитель ратоборствъ, чтобы предоставлять все силѣ ратоборцевъ, но Я самъ нахожусь при Моихъ подвижникахъ, помогаю имъ и подаю руку, и большая часть дѣйствій ихъ происходитъ отъ Моей помощи.

Итакъ, когда ты увидишь, что женщина дряхлая, престарѣлая, нуждающаяся въ посохѣ, выходитъ на борьбу, низлагаетъ бѣшенство тирана, превосходитъ безплотныя силы, легко побѣждаетъ діавола, съ великою силою сокрушаетъ крѣпость его, то подивись благодати Распорядителя ратоборства, изумляйся предъ силою Христовою. Не крѣпки тѣломъ эти ратоборцы, но крѣпки вѣрою; немощна ихъ природа, но могущественна умастившая ихъ благодать; ослабѣли тѣла отъ старости, но окрѣпли умы любовію къ благочестію. Это не чувственная борьба; посему взирай на этихъ подвижниковъ не по внѣшности, а проникни мыслію въ благоустроеніе души ихъ, познай силу ихъ вѣры, дабы убѣдиться, что сражаю-

щійся съ бѣсами не имѣетъ нужды ни въ крѣпкомъ тѣлесномъ сложеніи, ни въ цвѣтущемъ возрастѣ, но, хотя бы онъ былъ весьма молодъ, или достигъ до крайней старости, а имѣлъ бы душу доблестную и твердую,—отъ возраста онъ нисколько не терпитъ вреда въ подвигахъ.

2. Что и говорить о старцѣ и юношѣ, когда и женщины выходили на эти подвиги и получали свѣтлые вѣнцы? На мірскія ратоборства, требующія извѣстнаго и возраста, и пола, и званія, не допускаютъ ни рабовъ, ни женщинъ, ни стариковъ, ни дѣтей; а здѣсь поприще со всею свободою открыто для всякаго званія, для всякаго возраста и для всякаго пола, дабы ты позналъ щедродательность и неизреченную силу Учредителя этого подвига и видѣлъ на самомъ дѣлѣ подтвержденіе апостольскаго изреченія: *сила* Его *въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9), потому что, когда дѣти и старцы оказываютъ силу сверхъестественную, то совершенно ясно видна благодать дѣйствующаго въ нихъ Бога.

А чтобы ты убѣдился, что эта внѣшняя (тѣлесная) немощь подвижниковъ дѣлаетъ ихъ еще болѣе славными вѣнценосцами, мы теперь, оставивъ старца и отроковъ, представимъ слабѣйшую ихъ, женщину, престарѣлую, мать семерыхъ дѣтей, потому что и болѣзни рожденія служатъ не малымъ препятствіемъ къ такимъ подвигамъ. Что́ же прежде всего достойно въ ней удивленія? Слабость ли пола, или преклонность возраста, или удобораздражаемость (материнскаго) сочувствія? И это все—великія препятствія къ подвигу, требующему такого терпѣнія. Но я могу сказать и еще нѣчто другое, важнѣйшее этого, изъ чего мы увидимъ
620 и мужество жены, и все коварство діавола. Что же это такое? Посмотри на злобу нечистаго бѣса: онъ ее не прежде всѣхъ извлекъ на поприще, но послѣ дѣтей вывелъ на подвиги. Для чего? Для того, чтобы, мученіями семерыхъ дѣтей предварительно помутивъ ея разсудокъ и сокрушивъ крѣпость души, послѣ того, какъ отъ зрѣлища сыновнихъ страданій истощатся ея силы, потомъ легко побѣдить ее, уже изнемогшую. Не на то смотри, что они терпѣли мученія, но замѣть то, что она при каждомъ изъ нихъ чувствовала тягчайшія страданія и съ каждымъ изъ нихъ подвергалась смерти. То, что говорю я, хорошо знаютъ тѣ женщины, которыя испытали болѣзни дѣторожденія и сдѣлались матерями. Часто мать, видя свое дитя страждущимъ горячкою, готова бываетъ вытерпѣть все, и даже перевести пламя болѣзни изъ его тѣла на саму себя: такъ матери считаютъ страданія дѣтей болѣе несносными, нежели свои собственныя бѣдствія. Если же это справедливо, какъ и дѣйствительно справедливо, то эта мать терзалась страданіями дѣтей сильнѣе самихъ дѣтей, и боль-

шее мученичество было у матери, нежели у дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ только слухъ о болѣзни одного дитяти раздираетъ утробу матери, то чего не вытерпѣла она, когда былъ умерщвляемъ не одинъ сынъ, а такой сонмъ дѣтей, и когда она не по слуху узнавала объ ихъ страданіяхъ, но своими глазами видѣла случившееся? Какъ она не лишилась разсудка, видя, какъ каждаго изъ нихъ медленно убивали различными и страшными муками? Какъ не исторглась душа изъ ея тѣла? Какъ она при первомъ взглядѣ не бросилась на костеръ, чтобы избавиться отъ зрѣлища послѣдующихъ мученій? Хотя она была и любомудрая жена, но—мать; хотя и боголюбивая, но—облеченная плотію; хотя преданная (вѣрѣ), но—причастная женской природѣ; хотя пламенѣвшая ревностію къ благочестію, но—связанная узами болѣзней дѣторожденія. Если мы, мужчины, видя преступника, котораго ведутъ по торжищу съ веревкою при устахъ и влекутъ къ мѣсту казни, часто сокрушаемся отъ одного этого зрѣлища, не имѣя никакого основанія любить его, а имѣя даже достаточное побужденіе удерживаться отъ такого чувства состраданія въ злодѣйствахъ осужденнаго,—то что должна была перенесть она, видя не какого-нибудь одного преступника, ведомаго на казнь, но семерыхъ сыновей своихъ, вмѣстѣ въ одинъ день убиваемыхъ не скорою смертію, но разнообразными пытками? Подлинно, если бы это была женщина каменная, если бы внутренность ея была составлена изъ адаманта, и тогда не возмутилась ли бы, не почувствовала ли бы она чего-нибудь такого, что̀ свойственно чувствовать женщинѣ и матери? Вспомни, какъ мы удивляемся праотцу Аврааму, что онъ, принося въ жертву своего сына, связалъ его и положилъ на жертвенникъ, и тогда ты хорошо поймешь, каково мужество этой жены. О, горестнѣйшее и вмѣстѣ пріятнѣйшее зрѣлище: горестнѣйшее по свойству того, что происходило; пріятнѣйшее по расположенію той, которая была зрительницею! Она не смотрѣла на текущую кровь, но взирала на сплетаемые вѣнцы правды; не смотрѣла на строгаемые бока, но взирала на уготовляемыя вѣчныя обители; не смотрѣла на около стоявшихъ 621
палачей, но взирала на окружавшихъ (ее съ дѣтьми) ангеловъ; забыла о болѣзняхъ рожденія, презрѣла природу, не смотрѣла на возрастъ, презрѣла природу, дѣйствующую столь тиранически, природу, которая обыкновенно владычествуетъ и надъ звѣрями. Такъ, многіе изъ звѣрей, съ трудомъ уловимыхъ, уловляются, когда они по привязанности къ дѣтямъ забываютъ о собственномъ спасеніи, и по небреженію о себѣ попадаютъ въ руки ловчихъ; и нѣтъ ни одного животнаго столь слабаго, чтобы оно не защищало дѣтей своихъ, или столь кроткаго, чтобы оно не раздража-

лось, когда убиваютъ его дѣтей. А эта жена преодолѣла власть природы, простирающуюся и на разумныхъ людей и на безсловесныхъ животныхъ, и не только не бросилась на голову тирана и не исцарапала ему лица, видя терзаемыхъ дѣтей своихъ, но показала такое чрезвычайное любомудріе, что даже сама приготовляла для него безчеловѣчное пиршество, и тогда какъ первыя дѣти еще были мучимы, укрѣпляла остальныхъ къ перенесенію такихъ же страданій.

3. Пусть слушаютъ это матери, пусть подражаютъ мужеству этой жены и любви ея къ дѣтямъ, пусть онѣ такъ воспитываютъ дѣтей своихъ. Не родить только—дѣло матери: это зависитъ отъ природы, но воспитывать—дѣло матери, потому что это зависитъ отъ воли. А чтобы ты убѣдился, что не рожденіе дѣлаетъ матерію, но хорошее воспитаніе ихъ, послушай Павла, который удостоиваетъ вѣнца вдову не за рожденіе, а за воспитаніе дѣтей. Сказавъ: *вдовица да причитается не менши лѣтъ шестидесятихъ бывши, въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема*, онъ указалъ потомъ на главное изъ добрыхъ дѣлъ. Какое же именно? *Аще чада воспитала есть*, говоритъ; не сказалъ: если она родила дѣтей, но: *аще чада воспитала есть* (1 Тим. v, 9, 10). Представимъ же, что должна была вытерпѣть эта жена,—если только должно назвать ее женою,—которая видѣла, какъ пальцы (сына ея) трепетали на горячихъ угольяхъ, голова спадала, желѣзная рука ложилась на голову другого сына и сдирала съ нея кожу, и между тѣмъ страдалецъ еще стоялъ и разговаривалъ. Какъ она могла раскрыть уста? Какъ могла двигать языкъ? Какъ душа ея не вылетѣла изъ тѣла? Какъ?—Я объясню это. Она не смотрѣла на землю, но готовилась только къ будущему; она боялась только одного, чтобы тиранъ не сдѣлалъ пощады и раньше не прекратилъ борьбы, чтобы не расторгъ сонма дѣтей ея, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не остались неувѣнчанными. А что она этого боялась, видно изъ того, что послѣдняго сына она почти руками своими взяла и поставила на жаровню, употребивъ вмѣсто рукъ словесное къ нему увѣщаніе и наставленіе. Мы не можемъ безъ скорби слышать и о чужихъ бѣдствіяхъ, а она безъ скорби смотрѣла на собственныя. Будемъ же не просто слушать объ этомъ, но каждый изъ слушателей пусть перенесетъ всѣ эти печальныя событія на своихъ собственныхъ дѣтей; пусть представитъ любезныя лица ихъ и, представивъ предъ собою своихъ возлюбленныхъ, пусть припишетъ имъ эти страданія,—тогда онъ и пойметъ хорошо силу сказаннаго; или—лучше—и тогда не пойметъ вполнѣ, потому что собственныхъ страданій не можетъ изобразить никакое слово, а только опытъ даетъ о нихъ понятіе. Теперь, послѣ увѣнчанія

семи сыновей, умѣстно сказать о ней слѣдующее пророческое изреченіе: ты *же яко маслина плодовита въ дому Божіи* (Псал. LI, 10). На олимпійскихъ играхъ, гдѣ часто сходятся тысячи бойцевъ, вѣнецъ возлагается только на одного; а здѣсь изъ семи ратоборцевъ стало семь вѣнценосцевъ. Какую ниву можешь ты показать мнѣ столь плодородную, какое чрево—столь плодовитое, какое дѣторожденіе подобное этому? Мать сыновъ Зеведеевыхъ сдѣлалась матерію апостоловъ, но—только двоихъ, а чтобы одно 622
чрево произвело семь мучениковъ,—этого я не знаю; притомъ она и сама себя приложила къ нимъ, сдѣлавъ прибавку не одной только мученицы, но гораздо бо́льшаго числа. Изъ семерыхъ сыновей стало только семь мучениковъ; а тѣло матери, придавшей и себя къ нимъ, хотя было одно, но замѣняло собою дважды семь мучениковъ, какъ потому, что она мучилась при каждомъ изъ нихъ, такъ и потому, что она же и ихъ сдѣлала такими, родивъ намъ цѣлую церковь мучениковъ. Семерыхъ сыновей родила она, и ни одного для земли, но всѣхъ для неба, или—лучше—всѣхъ ихъ родила для Царя небеснаго, въ жизнь будущую. Итакъ, діаволъ вывелъ ее на ратоборство послѣднею по той причинѣ, о которой я выше сказалъ, т. е., чтобы, напередъ истощившись въ силахъ зрѣлищемъ мученій (сыновей своихъ), она сдѣлалась удобопобѣдимою, выступивъ послѣднею противъ врага. Если люди, видя текущую кровь, впадаютъ часто въ изнеможеніе, и много нужно пособій, чтобы возвратить оставляющую ихъ жизнь и отлетающую изъ тѣла душу, то эта жена, видя такіе потоки крови, истекавшіе не изъ чуждаго, но изъ сыновняго тѣла, чего не вытерпѣла, какого смущенія не испытала въ душѣ? Итакъ діаволъ, какъ я выше сказалъ, привлекъ ее на подвиги послѣ дѣтей для того, чтобы она сдѣлалась слабѣе, но произошло противное: она вышла на подвиги еще съ большею бодростію. Отчего и почему? Потому, что она уже не боялась и не безпокоилась за кого-нибудь изъ оставшихся при ней дѣтей, чтобы они, какъ-нибудь ослабѣвъ духомъ, не лишились вѣнцовъ; но, какъ бы сложивъ всѣхъ ихъ въ безопасное хранилище,—на небо, препроводивъ ихъ къ горнимъ вѣнцамъ и неизмѣннымъ благамъ, она смѣло вышла на борьбу съ великою радостію; и сама, приложивъ собственное тѣло къ сонму дѣтей, какъ бы драгоцѣннѣйшій камень къ какому-либо вѣнцу, отошла къ возлюбленному Іисусу, оставивъ намъ величайшее утѣшеніе и увѣщаніе, увѣщаніе дѣлами своими—съ твердою душою и возвышеннымъ умомъ принимать всѣ бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, какой мужъ, какая жена, какой старецъ, какой юноша можетъ получить извиненіе или имѣть оправданіе, если страшится угрожающихъ ему за Христа опасностей, послѣ того, какъ жена пре-

старѣлая, мать столь многихъ дѣтей, подвизавшаяся прежде благодати, когда еще заключены были врата смерти, грѣхъ еще не былъ истребленъ и смерть не была поражена, съ такимъ усердіемъ и мужествомъ претерпѣла такія мученія для Бога? Помышляя о всемъ этомъ, и жены и мужи, и юноши и старцы, начертавъ на сердцѣ своемъ, какъ бы на какой-нибудь доскѣ, подвиги и ратоборство этой жены, будемъ сохранять въ душѣ нашей ея терпѣніе, какъ постоянное наставленіе къ презрѣнію бѣдствій, дабы мы, будучи здѣсь подражателями добродѣтелей этихъ святыхъ, и тамъ могли быть общниками вѣнцовъ ихъ. Какое они показали любомудріе въ опасностяхъ, такое и мы покажемъ терпѣніе въ обузданіи безумныхъ страстей—гнѣва, корыстолюбія, сластолюбія, тщеславія и всего прочаго подобнаго. Если мы преодолѣемъ пламень этихъ страстей, какъ они—огонь, то будемъ имѣть возмож-
623—4 ность стать близъ нихъ и имѣть одинаковое съ ними дерзновеніе, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ВТОРАЯ
о святыхъ Маккавеяхъ.

623 ВСѢХЪ святыхъ мучениковъ восхвалить однимъ языкомъ невозможно, и хотя бы мы имѣли тысячи устъ и столько же языковъ, насъ недостало бы для этихъ похвалъ. Взирая на подвиги семи мучениковъ, я нахожусь въ такомъ же состояніи, какъ если бы сребролюбивый человѣкъ, стоя при источникѣ, источающемъ золото и имѣющемъ семь устьевъ, захотѣлъ исчерпать изъ него все, но послѣ долгаго и невыразимаго труда, оставивъ въ немъ большую часть, принужденъ былъ бы отойти, потому что, сколько ни черпай изъ источника, въ немъ остается еще больше. Что же? Если мы не можемъ воздать по достоинству, то молчать ли намъ? Нѣтъ, потому что принимающіе эти дары суть мученики, которые въ разсужденіи такихъ приношеній подражаютъ своему Владыкѣ. А какъ поступаетъ Онъ? Когда кто-нибудь принесетъ къ Нему дары, то Онъ соразмѣряетъ награду не съ величиною принесеннаго, но съ усердіемъ принесшаго. Такъ поступилъ Онъ съ извѣстною вдовицею: эта жена положила двѣ лепты, и была предпочтена тѣмъ, которые положили много (Лук. XXI, 2—4), потому что Богъ взираетъ не на малость денегъ, а на драгоцѣнность расположенія; денегъ—двѣ лепты, а расположеніе дороже

тысячи талантовъ золота. Поэтому смѣло приступимъ къ похваламъ, и, что̀ мы сдѣлали вчера, тоже пусть будетъ, если угодно, и сегодня. Вчера мы, взявъ одну мать, о ней вели всю рѣчь,—сдѣлали же это не съ тѣмъ, чтобы отдѣлить ее отъ сонма дѣтей, но чтобы это богатство было у насъ безопаснѣе; такъ точно поступимъ и теперь: взявъ отдѣльно одного изъ сыновей, скажемъ немного объ немъ, потому что нужно опасаться, чтобы похвалы семи мученикамъ, соединившись вмѣстѣ, подобно семи рѣкамъ, не затопили у насъ рѣчи. Итакъ, возьмемъ одного изъ юношей, не съ тѣмъ, чтобы отдѣлить и его отъ сонма братьевъ, но чтобы сдѣлать для себя бремя легкимъ; и когда одинъ будетъ восхваленъ, то вѣнецъ будетъ общимъ и для прочихъ, такъ какъ всѣ они участвовали въ однихъ и тѣхъ же подвигахъ. Впрочемъ и сегодня мать непремѣнно войдетъ въ нашу рѣчь, хотя мы не ея касаемся, потому что самая послѣдовательность рѣчи непремѣнно привлечетъ ее и не допуститъ, чтобы она оставила дѣтей: если она не отстала отъ своихъ чадъ въ подвигахъ, то не отлучится отъ нихъ и въ похвалахъ.

Кого же намъ взять изъ семи подвижниковъ? Перваго ли, или второго, или третьяго, или послѣдняго? Лучше сказать, между ними нѣтъ никого послѣдняго, потому что это—сонмъ, а въ сонмѣ не видно ни начала, ни конца; но чтобы сдѣлать восхваляемаго болѣе извѣстнымъ, мы скажемъ о послѣднемъ по возрасту. Подвиги ихъ—братскіе, и дѣла—сродныя; а гдѣ сходство дѣлъ, тамъ 624
нѣтъ перваго и второго. Возьмемъ же послѣдняго по возрасту и равновозрастнаго по духу, равновозрастнаго не только братьямъ, но и самому старцу (Елеазару). Онъ одинъ изъ братьевъ веденъ былъ на мученія не связанный, потому что онъ не дожидался рукъ палачей, но собственною ревностію предупредилъ жестокость ихъ, и былъ веденъ не связанный. Не былъ зрителемъ его ни одинъ изъ братьевъ, потому что всѣ они уже скончались; но были у него зрители достопочтеннѣе братьевъ—глаза матери. Не говорилъ ли я вамъ, что и безъ нашего усилія мать непремѣнно войдетъ (въ нашу рѣчь)? Вотъ и привела ее послѣдовательность рѣчи. Это зрѣлище было такъ достопочтенно и велико, что и самое воинство ангеловъ, также и братья смотрѣли на него,—уже не съ земли, а съ небесъ, потому что они сидѣли увѣнчанные, какъ судьи на олимпійскихъ играхъ, не мнѣніе произнося о борьбѣ, но готовые принять увѣнчаннаго побѣдителя. Итакъ, онъ стоялъ несвязанный и произносилъ слова, исполненныя любомудрія; онъ хотѣлъ обратить тирана къ собственному благочестію, но такъ какъ не могъ, то сдѣлалъ наконецъ свое дѣло—предалъ себя на мученіе. Тотъ жалѣлъ объ его юности, а этотъ оплакивалъ его нечестіе; не на

одно и тоже смотрѣли тиранъ и мученикъ,—у нихъ обоихъ были одинаковы глаза плотскіе, но очи вѣры не одинаковы: тотъ смотрѣлъ на настоящую жизнь, а этотъ взиралъ на будущую, къ которой имѣлъ онъ возлетѣть; тиранъ видѣлъ сковороды, а мученикъ видѣлъ геенну, въ которую тиранъ имѣлъ ввергнуть самъ себя.

Если мы удивляемся Исааку, что онъ, будучи связанъ и положенъ отцемъ, не соскочилъ съ жертвенника и не убѣжалъ, видя поднятый на него ножъ,—то гораздо болѣе надобно удивляться этому мученику, что онъ не былъ связанъ, не имѣлъ даже и нужды въ узахъ и не дожидался рукъ палачей, но самъ для себя былъ и жертвою, и священникомъ, и жертвенникомъ. Посмотрѣвъ кругомъ и не видя ни одного изъ братьевъ, онъ смутился и рѣшился поспѣшить и достигнуть того, чтобы не отдѣлиться отъ этого прекраснаго сонма. Вотъ почему онъ и не дожидался рукъ палачей; онъ боялся состраданія тирана, чтобы этотъ, сжалившись надъ нимъ, не отторгъ его отъ общества братьевъ,—поэтому онъ напередъ избавилъ себя отъ безчеловѣчнаго человѣколюбія. А многое могло тронуть тирана: юность возраста, мученія столь многихъ братьевъ, которыми могъ бы насытиться и дикій звѣрь (хотя
625 онъ не насытился), старость матери и то, что для него не было никакой пользы отъ казни предшествовавшихъ.

2. Представивъ все это, юноша предалъ себя на мученіе, котораго избѣгать не слѣдовало, и бросился на жаровню, какъ бы въ источникъ прохладныхъ водъ, считая ее божественною банею и крещеніемъ. Какъ люди, палимые жаромъ, кидаются въ струи холодной воды, такъ онъ, пламенѣя любовію къ братьямъ, устремился на эту казнь.

Притомъ и мать присовокупила увѣщаніе, не потому, чтобы онъ имѣлъ нужду въ увѣщаніи, но чтобы ты узналъ опять твердость этой жены. Она ни при одномъ изъ семи сыновей не показала материнской скорби, или лучше, при каждомъ изъ нихъ испытала материнскую скорбь; не сказала самой себѣ: что это?—сонмъ дѣтей похищенъ у меня; остался одинъ этотъ; послѣ него мнѣ угрожаетъ безчадіе; кто же будетъ питать меня въ старости, если этотъ умретъ?—не довольно ли было бы для меня отдать половину, а если не половину, то двѣ части (сыновей)?—неужели и этого, который одинъ остался мнѣ на утѣшеніе въ старости, неужели и его еще отдамъ? Ничего такого она не сказала и не подумала, но словеснымъ увѣщаніемъ, какъ бы руками, поднявъ положила сына на жаровню, прославляя Бога за то, что Онъ принялъ весь плодъ чрева ея, и никого не отвергнулъ, но собралъ всѣ плоды съ дерева. Итакъ, я смѣло могу сказать, что она вытерпѣла больше дѣтей, потому что у нихъ самое изнеможеніе уба-

вляло много боли, а она съ несмущеннымъ умомъ и свѣтлымъ сознаніемъ естественно воспринимала яснѣйшее ощущеніе происходившаго. И нужно было видѣть троякій огонь: одинъ—зажженный тираномъ, другой—зажженный природою, третій—воспламененный Духомъ Святымъ. Не такъ разжегъ печь вавилонскій тиранъ, какъ разжегъ печь этотъ тиранъ для матери; тамъ пищею огня были нефть, смола, охлопье и хворостъ; а здѣсь—природа, болѣзни деторожденія, чадолюбіе, согласіе дѣтей. Не такъ терзались они, лежа на огнѣ, какъ терзалась она отъ любви къ дѣтямъ; и однако она побѣдила силою благочестія; природа боролась съ благодатію, и побѣда осталась на сторонѣ благодати; благочестіе преодолѣло болѣзни дѣторожденія, и огонь восторжествовалъ надъ огнемъ—духовный надъ естественнымъ, разженнымъ жестокостію тирана. Подобно тому какъ морская скала, принимая удары волнъ, сама остается неподвижною, а волны разбиваетъ въ пѣну и легко уничтожаетъ, такъ точно и сердце этой жены, принимая удары скорбей, какъ скала въ морѣ—волны, само оставалось непоколебимымъ, а удары эти сокрушало мыслію твердою и исполненною любомудрія. Она старалась доказать тирану, что она—истинная мать ихъ, а они—истинныя дѣти ея, не по сродству природы, а по 626
общенію въ добродѣтели; въ огнѣ думала она видѣть не казнь, а брачный свѣтильникъ. Не такъ радуется мать, украшая дѣтей на бракъ, какъ радовалась она, видя ихъ казненными; и какъ будто на одного надѣвая брачную одежду, другому сплетая вѣнки, третьему приготовляя брачный чертогъ,—такъ она веселилась, видя одного идущимъ на жаровню, другого бѣгущимъ на сковороду, третьяго лишаемымъ головы. Все было полно дыма и смрада, и всѣми чувствами она ощущала дѣтей,—глазами видя, слухомъ слыша любезнѣйшія слова, самыми ноздрями принимая дымъ отъ тѣлъ пріятный и непріятный, непріятный для невѣрныхъ, а для Бога и для нея всего пріятнѣйшій, тотъ дымъ, который заражалъ воздухъ, но не заразилъ сердца жены, потому что она стояла твердою и непоколебимою, терпѣливо перенося все происходившее. Впрочемъ, уже время прекратить бесѣду, чтобы имъ были воздаиы большія похвалы отъ общаго нашего учителя [1]).

Пусть подражаютъ этой женѣ отцы, пусть соревнуютъ матери, и жены, и мужья, и живущіе въ дѣвствѣ, и одѣтые въ рубища, и облеченные въ золотыя цѣпи,—потому что какой бы мы ни достигли степени строгости въ жизни и любомудрія, любомудріе этой жены идетъ впереди нашего терпѣнія. Поэтому никто изъ достигшихъ до высокой степени мужества и терпѣнія пусть не счи-

[1]) Т. е. епископа Флавіана.

таетъ недостойнымъ имѣть своею учительницею эту престарѣлую жену; но всѣ вообще, и живущіе въ городахъ, и обитающіе въ пустыняхъ, и хранящіе дѣвство, и съ честію пребывающіе въ непорочномъ супружествѣ, и презирающіе все настоящее, и распявшіе тѣло,—будемъ молиться, чтобы, совершивъ одинаковый съ нею подвигъ, удостоиться одинаковаго съ нею дерзновенія, и стать близъ нея въ тотъ день, молитвами этой святой и дѣтей ея и дополняющаго сонмъ ихъ Елеазара, старца великаго, доблестнаго и показавшаго въ бѣдствіяхъ адамантовую душу. А можемъ удостоиться мы этого, если при ихъ святыхъ молитвахъ сдѣлаемъ все, зависящее и отъ насъ самихъ, прежде борьбы и бѣдствій во время мира преодолѣвая свои страсти, укрощая безпорядочныя движенія плоти, изнуряя и порабощая тѣло. Если мы такъ будемъ жить во время мира, то получимъ свѣтлые вѣнцы за предуготовительные подвиги; а если человѣколюбивому Богу угодно будетъ вывести насъ на такую же борьбу, то мы выйдемъ на бой готовыми, и получимъ небесныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ

о святыхъ Маккавеяхъ.

625—6 ИМѢЯ въ виду съ одной стороны похвалу, подобающую мученикамъ за дѣла ихъ, а съ другой—взирая на тѣсную толпу
627 собравшихся, я недоумѣваю. Поэтому, если угодно, въ настоящее время отложимъ наставленіе, и постараемся подражать твердости мучениковъ. Итакъ, первый пусть предстанетъ предъ нами старецъ Елеазаръ, начало подвиговъ, основаніе мученичества, вступленіе въ борьбу, предводитель мужества, предтеча терпѣнія, юная старость, первомученикъ ветхаго завѣта, подобіе верховнаго изъ апостоловъ Петра. Утомился врагъ, употребляя ласки и мученія, но не переставалъ мучимый произносить свою рѣчь; стоялъ старецъ, дрожащій отъ старости, и сидѣлъ тиранъ, дышащій угрозой и убійствомъ; но дрожащій отошелъ торжествующимъ, а надмевающійся отошелъ побѣжденнымъ; стояла дряхлость, подвергаемая мученіямъ, и производила судъ юность, гордо свирѣпствовавшая, но побѣда осталась на сторонѣ дряхлости. О, новый родъ побѣды! Все воинство метавшихъ стрѣлы обратилъ въ бѣгство одинъ старецъ, подвергавшійся ударамъ. Дивные под-

виги старца не попускаютъ мнѣ перейти къ мужеству юношей; однако намъ нужно обратиться и къ нимъ, показавшимъ силу свою надъ тираномъ; и они одержали надъ нимъ славную побѣду, потому что не подобало юности оказаться менѣе безстрашной, чѣмъ старости. Итакъ, одинъ за другимъ были увѣнчаны семь доблестныхъ юношей, дѣти одной утробы, вышедшіе на одно сраженіе. Впрочемъ, если угодно, я не стану говорить о нихъ (вамъ), ревностные почитатели твердыхъ мучениковъ. Затѣмъ, какъ я сказалъ, были увѣнчаны семь доблестныхъ юношей, дѣти одной утробы, вышедшіе на одно сраженіе, украшенные братствомъ по рожденію и одинаковыми нравами, предавая себя одинъ послѣ другого на подвиги. Теперь мнѣ нужно повторить предъ вами, великодушные слушатели, это евангельское изреченіе: *блажено чрево, носившее* васъ, и *сосца*, которые вы сосали (Лук. xi, 27). Упомянувъ о сосцахъ и чревѣ, я перейду теперь къ матери этихъ доблестныхъ подвижниковъ, которая въ одномъ своемъ тѣлѣ неоднократно умирала или—лучше—была неоднократно уби- 628
ваема, и ни разу не предалась сѣтованію,—къ неуязвимой и вмѣстѣ много уязвленной. Не столько смущалъ ее первый изъ сыновей, влекомый на смерть, сколько страшилъ второй, еще не выступившій на подвиги; не столько потомъ огорчала ее смерть второго, сколько страшила жизнь третьяго сына, которой конецъ былъ еще неизвѣстенъ; мало озабочивалъ ее третій и четвертый сынъ, предаваемый смерти, пока пятый еще не былъ умерщвленъ; и паденіе шестого не побѣдило ея любомудрія; оставался наконецъ послѣднимъ для подвиговъ седьмой, дополнившій семитонную цитру мучениковъ. Что же? Смутилась ли она отъ незрѣлости его возраста, стала ли скорбѣть при видѣ отнимаемаго остатка ея природы? Напротивъ, она сама влекла дитя на смерть, если не руками, то совѣтами. Не расторгай, сынъ мой, говорила она, числа вѣнцовъ; будь общникомъ братьевъ, какъ въ рожденіи, такъ и въ подвигахъ; подражай сродству природы сродствомъ въ дѣлахъ; покажи себя и въ борьбѣ братомъ убитыхъ; седьмымъ сыномъ родился ты у меня по природѣ, седьмымъ мученикомъ будь у меня по волѣ; не допусти, сынъ мой, чтобы я называлась матерію семи сыновей, но шести мучениковъ. Гдѣ теперь тѣ, которые не хотятъ дѣлать приношенія Богу даже изъ своего имущества? Нынѣ мать привела къ Господу семерыхъ юныхъ сыновей—и не смутилась, жертвуя своею утробою; а у насъ многіе иногда жалѣютъ принести и нѣсколько мелкихъ монетъ. Будемъ же приносить въ жертву Богу и души, и имущества, и тѣла, во всемъ прославляя Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Еще о маккавеяхъ [1]).

627—28 Оттиски царскихъ изображеній можно находить не только блещущими на золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ предметахъ, но тотъ же самый образъ можно видѣть начертаннымъ и на мѣди. И различіе матеріаловъ не отнимаетъ у изображенія его достоинства: изображенія, сдѣланныя изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, нисколько не теряютъ своей чести отъ того, что тѣ же самыя изображенія воспроизводятся на матеріалахъ низшаго качества, потому что всѣмъ имъ даетъ одинаковое достоинство царскій образъ, который, нисколько не унижая себя родомъ матеріаловъ, дѣлаетъ болѣе почетнымъ тотъ, который его принимаетъ.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСѢДА

о святыхъ мученицахъ Вериникѣ и Просдокѣ дѣвахъ и о матери ихъ Домнинѣ [2]).

629 1. Не прошло еще и двадцати дней, какъ мы совершали память креста, и вотъ уже совершаемъ память мученицъ. Видишь ли, какъ скоро явился плодъ смерти Христовой? Ради той Овцы потерпѣли закланіе эти юницы, ради того Агнца эти жертвы, ради той Жертвы эти приношенія. Не прошло еще двадцати дней, и уже древо креста произрастило прекрасныя отрасли мучениковъ; таковы дѣйствія Христовой смерти. Итакъ, смотри доказательство сказаннаго тогда, оправдавшееся сегодня самыми дѣлами. Тогда я говорилъ: *сокруши врата мѣдная и вереи желѣзныя сломи* (Пс. cvi, 16); сегодня это открылось на самомъ дѣлѣ. Если бы Онъ не сокрушилъ вратъ мѣдныхъ, то жены не дерзнули бы войти такъ легко, при заключенныхъ вратахъ; если бы Онъ не сломилъ желѣзной вереи, то дѣвы не смогли бы снять ее; если бы Онъ не сдѣлалъ темницу непригодною, то мученицы не вошли бы съ такимъ безстрашіемъ. Благословенъ Богъ, — жена смѣло возстаетъ на смерть,—жена, введшая смерть въ нашу жизнь, (жена)—древнее орудіе діавола, это (орудіе) низложило силу діавола; сосудъ немощный и удобосокрушимый сталъ оружіемъ непобѣдимымъ; жены смѣло возстаютъ на смерть: кто не изумился

[1]) Изъ соч. св. Іоанна Дамаскина: «Объ иконахъ». Этого отрывка нѣтъ ни въ одной изъ трехъ бесѣдъ, быть можетъ, потому, что которая-нибудь изъ нихъ, всего вѣроятнѣе третья, дошла до насъ не въ цѣломъ видѣ.

[2]) Произнесена спустя менѣе двадцати дней послѣ сказанной въ великій пятокъ бесѣды о кладбищѣ и о крестѣ, въ день памяти св. мученицъ, совершавшейся, вѣроятно, въ срединѣ (15-го) апрѣля.

бы? Да посрамятся язычники, да постыдятся іудеи, невѣрующіе воскресенію Христову. Для чего, скажи мнѣ, ищешь ты большаго знаменія этого воскресенія, когда видишь совершившеюся такую перемѣну въ дѣлахъ? Жены смѣло возстаютъ на смерть, на то, что́ прежде и для святыхъ мужей было страшно и ужасно.

Узнай же прежній страхъ предъ нею, чтобы, видя нынѣшнее презрѣніе къ ней, дивился ты виновнику этой перемѣны—Богу; узнай прежнюю ея силу, чтобы, убѣдившись въ настоящемъ ея безсиліи, ты благодарилъ Христа, Который сдѣлалъ ее совершенно безсильною. Прежде, возлюбленный, не было ничего сильнѣе смерти и ничего слабѣе насъ, а теперь нѣтъ ничего слабѣе ея и ничего сильнѣе насъ. Видишь ли, какая превосходная произошла перемѣна, какъ Богъ сдѣлалъ сильное слабымъ, а слабое сильнымъ, явивъ намъ въ томъ и другомъ свое могущество? Но чтобы 630
сказанное не было только однимъ выраженіемъ личнаго мнѣнія, я приведу и доказательство. И во-первыхъ, если угодно, мы покажемъ, какъ прежде боялись смерти не только грѣшники, но и святые люди, имѣвшіе великое дерзновеніе предъ Богомъ, отличавшіеся доблестными дѣлами и достигшіе всякой добродѣтели. Впрочемъ я показываю это не для того, чтобы осуждать намъ святыхъ, но чтобы подивиться силѣ Божіей. Итакъ, откуда видно, что ликъ смерти прежде былъ страшенъ и всѣ ужасались ея и трепетали? Изъ примѣра перваго патріарха. Авраамъ, патріархъ, праведникъ, другъ Божій, оставившій отечество, и домъ, и родныхъ, и друзей, и презрѣвшій все настоящее ради повелѣнія Божія, такъ боялся и страшился смерти, что, намѣреваясь войти въ Египетъ, сказалъ женѣ своей слѣдующее: *вѣмъ, яко жена добролична еси ты: будетъ убо, егда увидятъ тя Египтяне, тебе снабдятъ, мене же убіютъ.* Что же? *Рцы, яко сестра ему есмь, да добро мнѣ будетъ тебе ради, и будетъ жива душа моя тебе ради* (Быт. XII, 11—13). Что это, святой и патріархъ? Ты пренебрегаешь безчестіемъ жены, оскорбленіемъ брачнаго ложа, разрушеніемъ брака? Такъ боишься ты, скажи мнѣ, смерти? И не только пренебрегаешь этимъ, но и сплетаешь обманъ вмѣстѣ съ женою, разыгрываешь вмѣстѣ съ нею постыдную драму, и чтобы царь египетскій, покушаясь на прелюбодѣяніе, не сдѣлалъ этого явно, надѣваешь ей маску сестры, снимая съ нея имя жены? Впрочемъ я боюсь, чтобы стараясь ослабить силу смерти, намъ не показаться осуждающими праведника; поэтому, я постараюсь сдѣлать то и другое, и показать безсиліе смерти и исхитить его отъ такого осужденія. Но прежде необходимо доказать, что онъ боялся смерти, и тогда избавить его отъ нареканій. Посмотримъ же, какое страшное и невыносимое дѣло испыталъ онъ,—

потому что видѣть свою жену посрамляемою и смотрѣть, какъ съ
631 нею совершаютъ прелюбодѣяніе, это невыносимѣе и тысячъ смертей. Но что я говорю: какъ съ нею совершаютъ прелюбодѣяніе? Даже, если мужъ имѣетъ въ душѣ простую мысль подозрительную касательно ея, и тогда для него вся жизнь становится не въ жизнь. Страсть ревности составляетъ для него огонь и пламень неукротимый, котораго мучительную и непреодолимую силу выражая, нѣкто сказалъ: *исполнена бо ревности ярость мужа ея: не измѣнитъ ни единою цѣною вражды, не пощадитъ въ день суда, ниже разрѣшится многими дарми* (Прит. vi, 34, 35); и еще въ другомъ мѣстѣ: *жестока яко адъ ревность* (Пѣсн. viii, 6). Какъ невозможно, говоритъ онъ, склонить адъ деньгами, такъ и ревниваго успокоить и примирить. Многіе часто отдали бы душу свою, чтобы найти прелюбодѣя, и охотно стали бы пить самую кровь человѣка, оскорбившаго жену, и рѣшились бы сдѣлать и потерпѣть все для этого; а праведникъ однако перенесъ эту невыносимую, мучительную и непреодолимую страсть съ величайшимъ терпѣніемъ и пренебрегъ оскорбленіемъ жены своей по страху смерти и кончины.

2. Итакъ, отсюда видно, что онъ боялся смерти; теперь же время избавить его отъ нареканій и обвиненія за это, сказавъ напередъ самое обвиненіе. Какое же это обвиненіе? Ему, говорятъ, должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорбленіемъ жены; за это и обвиняютъ его нѣкоторые, что онъ рѣшился лучше спасти свою жизнь, нежели цѣломудріе жены. Что говоришь ты? Ему должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорбленіемъ жены? Но какая была бы польза? Если бы онъ умирая могъ исхитить этимъ жену отъ оскорбленія, то вы говорите это прекрасно; но если умерши онъ не приносилъ никакой пользы женѣ для спасенія отъ оскорбленія, то для чего ему тщетно и напрасно жертвовать своею жизнію? А дабы тебѣ убѣдиться, что онъ и умерши не могъ бы исхитить ее отъ прелюбодѣянія, послушай, что говоритъ онъ: *и будетъ, егда увидятъ тя Египтяне, тебе снабдятъ, мене же убіютъ* (Быт. xii, 12). Такимъ образомъ имѣли произойти два преступленія, прелюбодѣяніе и убійство; дѣломъ не малаго благоразумія было изъ этихъ двухъ предотвратить по крайней мѣрѣ одно. Если бы онъ (опять скажу то же), предавъ душу свою, спасъ жену отъ оскорбленія, и египтяне, убивъ праведника, не коснулись бы Сарры, то ты обвиняешь справедливо; но если и по смерти его жена одинаково имѣла подвергнуться оскорбленію, то для чего ты осуждаешь праведника за то, что когда имѣли случиться два преступленія, прелюбодѣяніе и убійство, онъ своею мудростію предотвратилъ одно изъ

нихъ, т. е. человѣкоубійство? За это, напротивъ, должно было хвалить его, что именно онъ сохранилъ руку прелюбодѣя чистою отъ крови. Ты не можешь сказать, что она самыми словами „я сестра его“ увлекала египтянина къ оскорбленію, потому что, если бы она и сказала „я жена его“, и въ такомъ случаѣ онъ не отсталъ бы. Это объяснилъ и самъ Авраамъ, сказавъ: *егда увидятъ тя, рекутъ, яко жена его сія, и убіютъ мя, тебе же снабдятъ* (Быт. XII, 12). Такъ, если бы она сказала, что она была женою его, то совершилось бы и прелюбодѣяніе и убійство; но когда она сказала, что сестра, то убійство предотвращалось. Видишь, какъ изъ 632
двухъ имѣвшихъ совершиться преступленій, онъ своею мудростію устранилъ одно?

Хочешь ли узнать, какъ онъ, по возможности съ своей стороны, уничтожилъ также и вину прелюбодѣянія, такъ что не допустилъ египтянина сдѣлаться и совершеннымъ прелюбодѣемъ? Выслушай опять внимательно самыя слова его: *рцы*, говоритъ, *яко сестра ему есмь*. Что говоритъ онъ? Взявшій сестру его не прелюбодѣй, потому что прелюбодѣй судится по намѣренію. Такъ и Іуда, вошедшій къ невѣсткѣ своей Ѳамари, не считался прелюбодѣемъ, потому что вошелъ къ ней не какъ къ невѣсткѣ, но какъ къ блудницѣ (Быт. XXXVIII, 15). Такъ и здѣсь египтянинъ, имѣвшій взять ее не какъ жену Авраама, но какъ сестру, не сталъ бы считаться прелюбодѣемъ. Но, скажутъ, какъ это относится къ Аврааму, который зналъ, что отдавалъ жену свою, а не сестру? И въ этомъ онъ не виновенъ. Если бы египтянинъ, услышавъ, что она жена Авраама, удержался бы отъ оскорбленія, то ты справедливо осуждалъ бы праведника, а если имя жены нисколько не могло помочь Саррѣ въ отраженіи оскорбленія, какъ и самъ онъ сказалъ: *рекутъ, яко жена его есть сія, и снабдятъ тебе*, то тѣмъ болѣе надо хвалить праведника за то, что въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ могъ и сохранить египтянина чистымъ отъ крови и, по своей возможности, уменьшить вину оскорбленія.

Обратимъ теперь слово и къ внуку его—Іакову, и ты увидишь, что и онъ боялся и страшился смерти, человѣкъ съ юнаго возраста показавшій апостольское любомудріе. Какъ Павелъ далъ законъ ученикамъ говоря: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8), такъ и онъ просилъ у Бога слѣдующаго: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти, и ризу облещися*, то довольно намъ (Быт. XXVIII, 20). Однако и онъ, не искавшій ничего больше необходимаго, презрѣвшій домъ свой, получившій благословенія, повиновавшійся матери, другъ Божій, мудростію пересилившій природу (такъ какъ онъ, будучи вторымъ по природѣ, сталъ первымъ по благословеніямъ), онъ, имѣвшій такую силу, бывшій столь

любомудрымъ, показавшій такое благочестіе,—послѣ безчисленныхъ трудовъ, послѣ безчисленныхъ состязаній, послѣ безчисленныхъ подвиговъ и многихъ вѣнцовъ, возвращаясь въ отечество и готовясь встрѣтиться съ братомъ, какъ бы ожидая увидѣть дикаго звѣря и боясь его злопамятства, припадаетъ къ Богу и взываетъ: *изми мя отъ руки Исава брата моего: яко боюся азъ его, да не когда пришедъ убіетъ мя и матерь съ чады* (Быт. XXXII, 11). Видишь ли, какъ и онъ боялся смерти, какъ трепеталъ и взывалъ къ Богу объ этомъ? Хочешь ли, я покажу опять тебѣ и другого великаго человѣка, испытавшаго то же самое? Представь себѣ Илію, душу, достигавшую до небесъ и божественную. Тотъ, который заключилъ небо и опять отверзъ его, низвелъ огонь свыше, принесъ дивную жертву, ревновалъ по Богѣ, показалъ ангельскую жизнь въ
633 человѣческомъ тѣлѣ, не имѣлъ ничего, кромѣ милоти, былъ выше всего человѣческаго,—такъ трепеталъ и боялся смерти, что послѣ всего этого, послѣ неба и жертвоприношенія, послѣ милоти и пустыни, послѣ такого любомудрія и дерзновенія, убоялся слабой женщины и вслѣдствіе того обратился въ бѣгство. Когда Іезавель сказала: *сія да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ, аще не утро душу твою положу, яко же душу единаго отъ умерших*, *то убояся Илія*, говорится въ Писаніи, *и бѣжа путь четыредесяти дній* (3 Цар. XIX, 2—8).

3. Видишь, какъ страшна смерть? Прославимъ же Владыку, что страшное для пророковъ Онъ сдѣлалъ презрѣннымъ для женъ. Илія убѣгалъ отъ смерти, жены прибѣжали на смерть; онъ отскочилъ отъ смерти, а онѣ стремились къ смерти. Видишь, какая вдругъ совершилась перемѣна? Мужи, подобные Аврааму и Иліѣ, боятся смерти, а жены попрали смерть, какъ грязь, своими ногами. Но не будемъ осуждать и тѣхъ святыхъ; это не ихъ вина, это была немощь природы, а не вина воли. Богъ хотѣлъ, чтобы тогда смерть была страшна, дабы послѣ открылось величіе благодати; хотѣлъ, чтобы она была страшна, такъ какъ она была наказаніемъ; потому не хотѣлъ Онъ, чтобы угроза наказанія ослабѣла, дабы люди послѣ того не сдѣлались болѣе безпечными. Пусть остается, говорилъ Онъ, этотъ приговоръ, устрашая и вразумляя ихъ, будетъ, будетъ время, когда они освободятся и отъ этого страха, чтó дѣйствительно и случилось. А что Онъ освободилъ насъ отъ этого страха, это показываютъ мученики, прежде же мучениковъ показываетъ Павелъ. Ты слышалъ, какъ въ ветхомъ завѣтѣ говорилъ Авраамъ: *тебе снабдятъ, мене же убіютъ?* Слышалъ, какъ говорилъ Іаковъ: *изми мя, Господи, отъ руки Исава брата моего, яко боюся азъ его?*

Видѣлъ, какъ Илія бѣжалъ отъ женской угрозы ради смерти?

Послушай же, какъ относится къ этому дѣлу Павелъ, считаетъ ли онъ смерть страшною, какъ они, печалится ли при ея наступленіи и боится ли. Напротивъ, онъ считаетъ ее даже вожделѣнною, и потому говоритъ: *разрѣшитися мнѣ и со Христомъ быти многою паче лучше* (Фил. I, 23); для тѣхъ страшно, а для него *лучше;* для тѣхъ непріятно, а для него пріятно; и весьма естественно, потому что прежде смерть низводила въ адъ, а теперь смерть препровождаетъ ко Христу. Поэтому Іаковъ говоритъ: *сведете старость мою съ печалію во адъ* (Быт. XLII, 38); а Павелъ говорилъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти мнѣ многою паче лучше.* Впрочемъ, онъ говорилъ это не осуждая настоящей жизни, (да не будетъ, остережемся, чтобы не дать мѣста нападеніямъ еретиковъ), и не избѣгая ея, какъ зла, но стремясь къ будущей, какъ къ лучшей. Онъ не сказалъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти хорошо* просто, но *лучше*; а лучшее бываетъ лучше чего-либо хорошаго. Какъ въ словахъ: *вдаяй браку свою дѣву добрѣ творитъ, и не вдаяй лучше творитъ* (1 Кор. VII, 38), онъ показываетъ, что бракъ хорошъ, но дѣвство лучше, такъ точно и здѣсь: хороша, говоритъ, настоящая жизнь, но будущая гораздо лучше. 634
И въ другомъ мѣстѣ, разсуждая объ этомъ же самомъ, онъ говорилъ: *аще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашея, радуюся и сорадуюся всѣмъ вамъ: такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся* (Фил. II, 17, 18). Что говоришь ты? Ты умираешь, Павелъ, и призываешь людей къ участію въ радости? Что, скажи мнѣ, случилось съ тобою? Я не умираю, говоритъ онъ, но восхожу къ лучшей жизни. Какъ люди, получающіе власть, приглашаютъ многихъ участвовать въ ихъ радости, такъ и Павелъ, идя на смерть, призывалъ другихъ сочувствовать ему, потому что смерть есть отдыхъ и избавленіе отъ трудовъ, воздаяніе за подвиги, награда за борьбу и вѣнецъ. Поэтому вначалѣ по умершимъ бывали рыданія и плачъ, а теперь—псалмы и пѣснопѣнія. Такъ Іакова оплакивали сорокъ дней, столько же дней и Моисея оплакивали, и іудеи сѣтовали, потому что смерть тогда была смертію, а теперь не такъ, но бываютъ пѣснопѣнія, молитвы и псалмы; все это показываетъ, что смерть заключаетъ въ себѣ удовольствіе—вѣдь псалмы символъ радости: *благодушествуетъ ли кто въ васъ*, говорится, *да поетъ* (Іак. V, 13). Такъ какъ мы исполнены радости, то и поемъ по умершимъ псалмы, которые убѣждаютъ насъ не бояться смерти. *Обратися душе моя въ покой твой*, говорится, *яко Господь благодѣйствова тя* (Псал. CXIV, 6). Видишь, что смерть есть благодѣяніе и отдыхъ? Вошедшій въ этотъ покой почилъ отъ дѣлъ своихъ, какъ Богъ—отъ Своихъ.

4. Это о смерти; теперь же обратимся къ похвалѣ мученицамъ,

если вы не утомились слушать, потому что сказанное заимствовало для
себя поводъ отъ похвалы мученицамъ; но необходимо обратить рѣчь
немного выше. Нѣкогда возбуждена была противъ церкви тяжелая
война, жесточайшая изъ всѣхъ войнъ; это была война двоякая—
внутренняя и внѣшняя; одна съ домашними, другая съ врагами,
одна съ чужими, другая съ близкими. Если бы она была и про-
стою войною, зло было бы невыносимо, и если бы она наступала
только отвнѣ, и тогда размѣры бѣдствій были бы велики; но те-
перь она была двоякою, и та, которая велась съ домашними,
была тяжелѣе внѣшней. Открытаго врага легко можно остеречься;
но тотъ, кто имѣетъ маску друга, а скрываетъ въ себѣ враждеб-
ныя чувства, трудно уловимъ для подвергающихся его кознямъ.
Итакъ, тогда была двоякая война, одна междоусобная, другая на-
двигалась отъ внѣшнихъ, или—лучше—если нужно сказать правду,
та и другая война была междоусобною. И нападающіе отвнѣ,
судьи и начальники и воины, были не иноплеменники какіе-ни-
будь и варвары, или люди иного правленія и царства, но управ-
лялись одними и тѣми же законами, жили въ одномъ и томъ же
отечествѣ, участвовали въ одной и той же общественной жизни.
Итакъ, междоусобною была война и съ судьями, но болѣе жесто-
кая была война съ родными, необыкновенная, странная и испол-
ненная великой свирѣпости. Братья предавали братьевъ, отцы
635 дѣтей, мужья женъ, всѣ права родства были попираемы, вся все-
ленная была въ смятеніи, и никто тогда никого не признавалъ,
потому что діаволъ владычествовалъ съ чрезмѣрною силою. Итакъ,
среди такого смятенія и войны эти жены, если только можно на-
зывать ихъ женами,—такъ какъ въ женскомъ тѣлѣ онѣ показали
духъ мужей, или—лучше—не только показали духъ мужей, но и
превзошли самую природу и состязались съ безтѣлесными силами,—
итакъ эти жены, оставивъ городъ и домъ и родныхъ, пересели-
лись въ чужую страну. Когда Христосъ, говорили онѣ, подвер-
гается безчестію, то не должно быть для насъ ничего драгоцѣн-
наго и нужнаго; поэтому, оставивъ все, онѣ ушли. Подобно тому,
какъ въ загорѣвшемся среди ночи домѣ спящіе внутри, услышавъ
смятеніе, тотчасъ вскакиваютъ съ постели и убѣгаютъ изъ дверей
дома, не взявъ съ собою ничего изъ находящагося внутри, по-
тому что заботятся только объ одномъ, какъ бы скорѣе унести
свое тѣло отъ пламени и опередить теченіе огня, распространяю-
щагося съ великою скоростію,—такъ точно сдѣлали и эти жены.
Видя всю вселенную въ пламени, онѣ тотчасъ вскочили и выско-
чили изъ воротъ города, заботясь только объ одномъ, чтобы всѣми
мѣрами соблюсти спасеніе своей души. Подлинно, тогда былъ
сильный пожаръ и господствовалъ глубокій мракъ, мракъ темнѣе

ночного, и потому, какъ бы во мракѣ, друзья не узнавали друзей и мужья предавали женъ, мимо враговъ проходили, а на друзей и на домашнихъ нападали,—было жестокое ночное сраженіе, и все полно было великаго смятенія.

Тогда онѣ вышли, оставивъ отечество и подражая патріарху Аврааму, которому было сказано: *изыди отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1). Время гоненія побудило и ихъ уйти отъ земли и отъ сродниковъ, чтобы унаслѣдовать небо. И вотъ вышла изъ дома жена, имѣя при себѣ двухъ дочерей. Не пропусти этого безъ вниманія, слыша, что вышли женщины, благородно воспитанныя и никогда не испытавшія такихъ бѣдствій, но представь въ умѣ своемъ, каково было это несчастіе, сколько трудностей заключало въ себѣ это дѣло. Если люди, предпринимающіе умѣренное путешествіе, запасшіеся лошадьми, имѣющіе слугъ, путешествующіе съ безопасностію, имѣющіе возможность возвратиться, когда имъ угодно, испытываютъ много трудностей, переносятъ много непріятностей,—то, когда отправляется женщина и дѣвы, когда нѣтъ слугъ, а есть предательство друзей, и смятеніе, и безпорядокъ, и невыносимый страхъ, и разнообразныя для нихъ опасности, и бѣгство ради души, и враги со всѣхъ сторонъ, какое слово можетъ представить подвиги этихъ женъ, мужество, великодушіе, вѣру? Если бы вышла одна мать, то подвигъ не былъ бы столь невыносимымъ; но теперь она повела и дочерей, и притомъ двухъ дѣвъ, такъ что опасность была двойная и забота много увеличивалась, потому что чѣмъ больше имѣнія, тѣмъ труднѣе охрана. Итакъ она вышла, имѣя при себѣ дѣвъ, и не имѣя возможности скрывать ихъ во внутреннихъ покояхъ. Вы знаете, что 636
для сохраненія цвѣта дѣвства употребляются и внутренніе покои, и женскія отдѣленія въ домѣ, и двери, и запоры, и стражи, и наблюдатели, и служанки, и воспитательницы, и постоянное присутствіе матери, и попеченіе отца, и множество заботъ со стороны родителей, и при всемъ томъ онъ едва сохраняется; а она была лишена всякой подобной охраны: какъ же она могла сохранить ихъ? Чрезъ соблюденіе божественныхъ законовъ. Она не имѣла вокругъ себя стѣнъ жилища, но имѣла крѣпкую руку, покрывающую свыше; она не имѣла ни двери, ни запора, но имѣла истинную дверь, ограждающую отъ козней. И какъ домъ Лота, хотя и былъ осаждаемъ среди Содома, но не потерпѣлъ никакого вреда, потому что внутри его находились ангелы,—такъ точно и эти мученицы, находясь между содомлянами и всякими врагами и осаждаемыя со всѣхъ сторонъ, не потерпѣли никакого вреда, потому что въ ихъ душахъ обиталъ Владыка ангеловъ; и проходя пустыннымъ путемъ, онѣ нисколько не пострадали; потому что

держали истинный путь, ведшій ихъ на небо. Поэтому среди такой войны и смятенія, объятыя волнами, онѣ шли съ безопасностію; и удивительно, что овцы были ведены среди волковъ, агницы проходили среди львовъ, и однако никто не смотрѣлъ на нихъ нескромными глазами, но какъ содомлянамъ, стоявшимъ близъ двери, Богъ не попустилъ видѣть входа (Быт. IX, 10), такъ и тогда Онъ ослѣпилъ взоры всѣхъ, чтобы не были оскорблены дѣвственныя тѣла.

5. Итакъ, онѣ отправляются въ городъ, называемый Едессою, въ городъ, который былъ грубѣе многихъ, но и благочестивѣе, такъ какъ что̀, по мнѣнію ихъ, могло сравниться съ этимъ городомъ, чтобы найти убѣжище среди такого волненія и имѣть пристань среди такой бури? И городъ принимаетъ странницъ, странницъ земли, но гражданокъ неба; и, принявъ, сохранилъ этотъ залогъ. Впрочемъ пусть никто не обвиняетъ этихъ женъ въ слабости за то, что онѣ убѣжали; онѣ исполняли повелѣніе Господа, которое говоритъ: *егда гонятъ вы изъ града сего, бѣгайте въ другій* (Матѳ. X, 23). Слышавъ это, и онѣ убѣжали, и пока сплетенъ былъ имъ одинъ вѣнецъ; какой же это? Вѣнецъ за презрѣніе всего настоящаго: *иже оставитъ братію, и сестры*, или отечество, или домъ, или друзей, или родныхъ, *сторицею пріиметъ*, сказано, *и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѳ. XIX, 29). И были онѣ тамъ, имѣя сожителемъ Христа,—*идѣже бо еста два или тріе собрани*, тамъ Онъ *посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20); а когда онѣ были не только собраны, но и бѣжали ради имени Его, то не гораздо ли болѣе привлекли себѣ Его помощь? Когда эти жены проживали тамъ, вдругъ вездѣ стали разсылаться лукавыя повелѣнія, исполненныя великаго насилія и варварской жестокости; въ нихъ говорилось: пусть домашніе предаютъ домашнихъ, мужья—женъ, отцы—дѣтей, дѣти—отцовъ, братья—братьевъ, друзья—друзей. Ты же припомни здѣсь слова Христовы и подивись Его пред-
637 сказанію,—все это Онъ предсказалъ раньше: *предастъ*, сказалъ Онъ, *братъ брата и отецъ чадо, и востанутъ чада на родители* (Матѳ. X, 21). А предсказалъ Онъ это тогда для слѣдующихъ трехъ цѣлей: во-первыхъ, для того, чтобы мы познали Его силу и то, что Онъ есть истинный Богъ, провидящій издалека еще не случившееся; а что дѣйствительно ради этого Онъ предсказывалъ будущее, послушай, какъ Онъ самъ говоритъ: *сего ради рѣхъ вамъ, прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете яко Азъ есмь* (Іоан. XIV, 29). Во-вторыхъ же, чтобы никто изъ враговъ не говорилъ, что это происходитъ по Его невѣдѣнію или немощи; ранѣе предвидѣвшій могъ и воспрепятствовать, но не воспрепятствовалъ, чтобы вѣнцы были болѣе блистательными,—по-

этому Онъ предсказывалъ это. И ради иной—третьей цѣли Онъ предсказывалъ. Какая же это именно? Та, чтобы сдѣлать подвигъ болѣе легкимъ для находящихся на аренѣ, такъ какъ неожиданныя бѣдствія, каковы бы они ни были, кажутся тяжелыми и невыносимыми, а ожидавшіяся и напередъ обдуманныя бываютъ легкими и удобными. Такимъ образомъ тогда враги, издавая такія повелѣнія, и обнаруживали свою жестокость, и невольно подтверждали пророчество Христово; братья предавали братьевъ и отцы дѣтей; самая природа возставала на саму себя, родство раздѣлялось между собою, всѣ законы извращались до основанія, и все было исполнено нѣкотораго смятенія и безпорядка, и бѣсы наполняли тогда домы кровію родныхъ. Отецъ, предавшій сына, конечно и убивалъ его; хотя онъ и не вонзалъ меча и не совершалъ убійства своею рукою, но намѣреніемъ совершалъ все, потому что кто предалъ убійцѣ имѣющаго быть убитымъ, тотъ самъ совершилъ убійство. Сдѣлаемъ же ихъ дѣтоубійцами, говорили бѣсы, сдѣлаемъ дѣтей отцеубійцами посредствомъ предательства: а въ древности приносились имъ такія жертвы, и отцы закалали дѣтей. Объ этомъ взывалъ пророкъ, говоря: *пожроша сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Псал. cv, 37); и такой они жаждали крови!

Такъ какъ Христосъ прекратилъ эти нечестивыя и отвратительныя жертвоприношенія, то они старались опять возобновить ихъ, но не смѣли безстыдно и открыто сказать: закалайте дѣтей вашихъ,—потому что никто не сталъ бы слушаться,—а инымъ путемъ они проводятъ это повелѣніе и хитро выдумываютъ этотъ законъ, приказавъ чрезъ судей отцамъ предавать дѣтей. Для насъ, говорятъ они, нѣтъ разницы, заколетъ ли кто самъ, или предастъ на закланіе сына, потому что и тотъ и этотъ—дѣтоубійца. Итакъ, можно было видѣть отцеубійцъ, дѣтоубійцъ, братоубійцъ, и все исполненнымъ смятенія и безпорядка; но эти жены наслаждались глубокимъ миромъ, потому что ихъ со всѣхъ сторонъ ограждала надежда на будущее. Находясь и въ чужой странѣ, онѣ не были на чужбинѣ: онѣ имѣли истинное отечество—вѣру, имѣли свой городъ—исповѣданіе, и, питаясь благими надеждами, не чувствовали ничего настоящаго, потому что взирали только на будущее. Когда дѣла были въ такомъ положеніи, останавливается въ томъ городѣ отецъ, имѣя при себѣ воиновъ для ловли добычи, останавливается отецъ и мужъ, отецъ этихъ дочерей и мужъ этой жены, если только можно назвать отцомъ или мужемъ того, кто 638
служитъ такимъ дѣламъ. Впрочемъ, лучше пощадимъ его, сколько возможно, такъ какъ онъ былъ отцомъ мучеицъ и мужемъ мученицы,—не станемъ нашими обвиненіями дѣлать рану его болѣе тяжкою.

6. Посмотри на благоразуміе этихъ женъ: когда должно было бѣжать, онѣ убѣжали, а когда нужно было вступить въ состязанія, онѣ остановились и, будучи схвачены, слѣдовали любви Христовой, потому что какъ не должно навлекать на себя искушеній, такъ нужно бороться съ ними, когда они наступятъ, чтобы тамъ показать кротость, а здѣсь мужество. Это именно и онѣ тогда сдѣлали: и возвратились, и стали подвизаться, потому что и поприще открылось и время призывало къ подвигамъ,—а подвизались онѣ слѣдующимъ образомъ.

Пришли онѣ въ городъ, называемый Іераполемъ, а оттуда взошли въ городъ, поистинѣ священный, такимъ способомъ. Около той дороги, по которой онѣ возвращались, протекала рѣка, и онѣ скрылись отъ воиновъ, когда эти обѣдали и пьянствовали, а нѣкоторые говорятъ, что и отецъ содѣйствовалъ имъ обмануть воиновъ, чему я и вѣрю: можетъ быть, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы чрезъ такое предательство можно было ему въ день суда представить хотя малое оправданіе въ свою пользу, то именно, что онъ содѣйствовалъ, помогалъ и сдѣлалъ болѣе легкимъ шествіе ихъ къ мученичеству. Принявъ, такимъ образомъ, его въ помощники и нашедши чрезъ него возможность обмануть воиновъ, онѣ вошли въ средину рѣки и опустились въ ея волны. Вошла мать съ двумя дочерьми,—пусть слушаютъ и матери и дѣвы, и пусть однѣ такъ повинуются матерямъ, а другія такъ воспитываютъ дочерей, такъ любятъ дѣтей своихъ. Итакъ, вошла мать въ срединѣ, держа по обѣ стороны дочерей, замужняя среди незамужнихъ; и было супружество среди дѣвства, а посреди ихъ Христосъ. Какъ корень дерева, имѣющій по обѣ стороны двѣ стоящія вѣтви, такъ и эта блаженная вошла тогда, имѣя по обѣ стороны этихъ дѣвъ, и опустила ихъ въ воду; и такимъ образомъ онѣ утонули, или—лучше—не утонули, но крестились новымъ и необыкновеннымъ крещеніемъ. И если ты хочешь убѣдиться, что это событіе было несомнѣннымъ крещеніемъ, послушай, какъ Христосъ называетъ смерть Свою крещеніемъ. Такъ, бесѣдуя съ сынами Зеведеевыми, Онъ говоритъ: *чашу убо Мою испіета, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, имате креститися* (Мат. xx, 23). А какимъ крещеніемъ крестился Христосъ, послѣ крещенія Іоаннова, кромѣ смерти и креста? Какъ Іаковъ, не распятый, но усѣченный въ голову мечемъ, крестился крещеніемъ Христовымъ, такъ и эти, хотя и не были распяты, но скончавшись отъ воды, крестились крещеніемъ Христовымъ; а крестила ихъ мать. Что говоришь ты? Женщина
639 креститъ? Да, такимъ крещеніемъ и женщины крестятъ какъ именно и она тогда крестила и была священникомъ; она привела разумныя жертвы, и произволеніе было для нея рукоположеніемъ; и то

удивительно, что, принося жертву, она не имѣла нужды ни въ жертвенникѣ, ни въ дровахъ, ни въ огнѣ, ни въ ножѣ, такъ какъ стала всѣмъ, и жертвенникомъ, и дровами, и ножемъ, и огнемъ; и одно и то же было жертвоприношеніемъ и крещеніемъ, несомнѣннымъ болѣе обыкновеннаго крещенія. Объ этомъ говоритъ Павелъ: *сообразни быхомъ подобію смерти Его* (Римл. VI, 5); а о крещеніи мучениковъ уже не говоритъ: *подобію смерти Его*, но: *сообразуемся смерти Его* (Филип. III, 10). Итакъ, мать ввела дочерей въ рѣку, какъ бы не въ рѣку намѣреваясь ввести ихъ, но какъ бы вводя въ самые чертоги священные, ввела ихъ, держа по обѣ стороны и говоря: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Иса. VIII, 18); Ты мнѣ далъ ихъ, Тебѣ я вручаю ихъ, достояніе мое и саму себя. Такимъ образомъ мученичество этой жены было двоякое или лучше трoякое: чрезъ саму себя однажды, и чрезъ двухъ дочерей дважды она потерпѣла мученичество. И какъ намѣреваясь броситься сама, она имѣла нужду въ великомъ терпѣніи, такъ и увлекая за собою дѣтей, нуждалась въ другомъ такомъ же терпѣніи, или лучше, въ гораздо большемъ,—потому что жены обыкновенно не такъ скорбятъ тогда, когда сами готовятся умереть, какъ, когда дочери ихъ должны потерпѣть это. И она большее потерпѣла мученичество чрезъ дочерей,—она сопротивлялась силѣ самой природы, устояла противъ пламени материнскихъ мукъ, противъ невыносимаго смятенія сердца и противъ возмущенія утробы. Если при видѣ одной умирающей дочери жизнь считаютъ не въ жизнь, то эта, не умирающими у ней вдругъ видя двухъ дочерей, но собственною рукою увлекая ихъ на смерть, представь, какія показала на себѣ мученія, на самомъ дѣлѣ потерпѣвъ то, что для другихъ невыносимо даже слышать. Воины, ничего не зная объ этомъ, оставались въ надеждѣ взять ихъ опять, а онѣ уже были съ воинами Христовыми, съ небесными ангелами; но стражи не видали этого потому, что не имѣли очей вѣры. Павелъ говоритъ о матери, что она *спасется чадородія ради* (1 Тим. II, 15); а здѣсь дочери спаслись посредствомъ матери. Такъ матерямъ должно рождать дѣтей. Подлинно, эти болѣзни рожденія лучше первыхъ; хотя въ нихъ сильнѣе страданія, но больше пользы. Объ этихъ мукахъ рожденія знаютъ тѣ, которыя были матерями; онѣ знаютъ, каковы муки — видѣть умирающими дочерей своихъ; но самой собственноручно стать причиною ихъ смерти, это невыразимо бóльшая степень.

7. Но почему эта жена не пошла въ судилище? Она хотѣла прежде сраженія получить трофей, прежде подвиговъ схватить вѣнецъ, прежде борьбы получить награды, боясь не мученій, а наглыхъ взоровъ невѣрныхъ; она не боялась того, чтобы кто-ни-

будь не сталъ терзать ея реберъ, но боялась, чтобы кто-нибудь не растлилъ дѣвства дочерей. А что она боялась этимъ страхомъ, а не тѣмъ, и поэтому не пошла въ судилище,—видно изъ слѣдую-
640 щаго: въ рѣкѣ она испытала гораздо бо́льшія мученія, потому что гораздо тяжелѣе и болѣзненнѣе, какъ я прежде сказалъ, потоплять своею рукою собственную утробу, т. е. дочерей, и видѣть ихъ утопающими, нежели видѣть свою плоть терзаемою; и гораздо больше любомудрія нужно было ей для того, чтобы быть въ состояніи держать руки дѣтей и увлекать ихъ съ собою въ рѣчныя волны, нежели для того, чтобы переносить пытки; не одинаково мучительно—видѣть дочерей страждущими отъ другихъ, или самой содѣйствовать ихъ смерти, самой стать орудіемъ кончины, самой замѣнять для нихъ палачей: послѣднее гораздо тяжелѣе и невыносимѣе перваго. Слова мои засвидѣтельствуете всѣ вы, которыя были матерями, испытывали болѣзни рожденія, имѣли дочерей. Какъ она схватила за руку дѣтей своихъ? Какъ не оцѣпенѣла рука ея? Какъ не ослабли жилы? Какъ не измѣнилъ разсудокъ? Какъ умъ могъ служить тому, что дѣлалось? Подлинно, происходившее было горше тысячи пытокъ, потому что у ней вмѣсто тѣла была терзаема душа. Впрочемъ доколѣ мы будемъ усиливаться достигнуть недостижимаго? Никакое слово не сможетъ представить величіе этого страданія; но одна только испытавшая это и подвизавшаяся жена знаетъ, каковы эти подвиги. Пусть слушаютъ это матери, пусть слушаютъ дѣвы: матери для того, чтобы такъ воспитывать дочерей, а дѣвы для того, чтобы такъ повиноваться матерямъ. Нужно не только хвалить мать, повелѣвшую это, но удивляться и дочерямъ, которыя послушались ея въ этомъ; ни мать не имѣла нужды въ узахъ для этихъ жертвъ и приношеній, ни юницы не отскочили, но съ одинаковымъ духомъ и усердіемъ влекли ярмо мученичества, и такимъ образомъ вошли въ рѣку, оставивъ обувь на берегу; сдѣлали же онѣ это изъ жалости къ стражамъ,—такова была предусмотрительность этихъ святыхъ! Онѣ постарались оставить имъ способъ оправдаться въ судилищѣ, чтобы жестокій и суровый судья не могъ обвинить ихъ въ измѣнѣ и въ томъ, что они, взявъ серебро, отпустили этихъ женщинъ; поэтому онѣ и оставили обувь, которая подтверждала сознаніе воиновъ, что не съ вѣдома ихъ, но безъ вѣдома, онѣ сами бросились въ рѣку. Можетъ быть, велика стала у васъ любовь къ этимъ святымъ: будемъ же съ этимъ пламенемъ припадать къ ихъ останкамъ; будемъ обнимать ихъ гробницы, потому что и гробницы мучениковъ могутъ имѣть великую силу, равно какъ и кости мучениковъ имѣютъ великую силу. И не только въ день этого праздника, но и въ другіе дни будемъ постоянно при

нихъ, будемъ призывать ихъ, будемъ просить, чтобы онѣ были нашими предстательницами; онѣ имѣютъ великое дерзновеніе не только при жизни, но и по смерти, и гораздо болѣе по смерти, потому что нынѣ онѣ носятъ язвы Христовы, а показывая эти язвы, онѣ могутъ о всемъ умолить Царя. Итакъ, если у нихъ такая сила и близость къ Богу, то мы, поставивъ себя въ близость къ нимъ непрестаннымъ посѣщеніемъ ихъ и постояннымъ пребываніемъ съ ними, будемъ снискивать себѣ чрезъ нихъ человѣколюбіе Божіе, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о четверодневномъ Лазарѣ [1]).

НЕДАВНО предъ вами, возлюбленные, сплетая цвѣтистый вѣ- 641
нокъ весны и изображая словами, какъ бы на картинѣ, это время года, мы показывали не только цвѣтущія рощи и зеленѣющіе луга и способствующіе оживленію вѣтерки, но изложили, что и наше естество проявляетъ въ это время признаки воскресенія, и желая найти предметъ, соотвѣтствующій времени, привлекли ожившаго Лазаря. Но, будучи не въ состояніи исполнить обѣщаніе, мы окончили рѣчь въ самомъ началѣ. Изслѣдуя прежде всего, почему о Лазарѣ умолчали прочіе евангелисты, а написалъ одинъ только Іоаннъ, мы сказали, что Духъ Святый, пресѣкая заранѣе подозрѣніе относительно вымысла, допустилъ евангелистамъ сходно и согласно описать чудеса Спасителя, но при этомъ устроилъ, что одинъ изъ нихъ опускалъ одно, другой — другое, представляя въ этомъ очевидное доказательство того, что Евангелія написаны ими безъ дурного умысла, безъ приготовленія, не по соглашенію и не изъ угожденія кому-либо, такъ что все выражаетъ безъискусственную истину и тогда, когда оказывается что-нибудь недостающее. Но такъ какъ это достаточно подготовлено нами тогда, то посмотримъ, какая была благовременная нужда евангелисту въ чудѣ, совершенномъ надъ Лазаремъ. Спаситель, много и часто бесѣдуя съ учениками о Своемъ 642

[1]) Произнесено, судя по выраженію: смерть женъ празднуется на самомъ гробѣ Лазаря, въ день св. мучениць Домнины, Верники и Просдоки. Относительно подлинности этого слова возможны сомнѣнія.

страданіи, видѣлъ, что они цѣпенѣютъ и ужасаются такихъ словъ, считаютъ предъуказываемое страданіе болѣе слѣдствіемъ слабости, нежели домостроительства, колеблются еще человѣческими сужденіями и трепещутъ. Поэтому, когда уже приближается страданіе и готовъ водрузиться крестъ, Онъ воскрешаетъ умершаго Лазаря, чтобы самымъ дѣломъ научить учащихся, что крестъ и смерть не слѣдствіе слабости, чтобы убѣдить присутствующихъ, что Онъ повелѣваетъ смертію и вызываетъ душу, отрѣшившуюся отъ земныхъ узъ. Съ нѣкоторою цѣлію Онъ сопоставляетъ добровольную смерть, быть можетъ, предначертывая на Лазарѣ Свое трехдневное воскресеніе, утѣшая малодушныхъ сокращеннымъ срокомъ пребыванія Своего подъ землею, въ преддверіи креста ослабляя надлежащимъ образомъ страхъ учениковъ и показывая, что дарованное Имъ другому легко будетъ осуществлено Имъ и для Себя самого, самыми дѣлами вразумляя сомнѣвающихся, и такимъ образомъ приноровляя слова къ дѣламъ, и дѣлами Своими возвѣщая приблизительно слѣдующее: никогда не оставлялъ Я воспринятаго человѣчества непричастнымъ божественной силы; но то какъ человѣкъ, то какъ Богъ, или являя естество, или удостовѣряя до-
643 мостроительство, и научая болѣе низкое усвоять человѣчеству, а болѣе высокое возносить къ Божеству, и чрезъ такое неравное смѣшеніе дѣлъ, изъясняя неравное соединеніе естествъ, а посредствомъ власти надъ страданіями показывая добровольность Своихъ страданій,—Я, какъ Богъ, обуздалъ естество, продолживъ постъ на сорокъ дней, и, какъ человѣкъ, потомъ взалкалъ, и изнурился; Я, какъ Богъ, усмирилъ бушующее море; Я, какъ человѣкъ, былъ искушаемъ отъ діавола и, какъ Богъ, повелѣніемъ изгонялъ бѣсовъ; Я, какъ человѣкъ, имѣю страдать за людей; но, чтобы вы не приписали этого слабости, Я предъ приходомъ смерти вызываю одержимаго смертію, и явивъ сперва силу Божества, потомъ уплачиваю древній долгъ человѣчества; разрѣшивъ узы, потомъ самъ принимаю узы, и самыми этими дѣлами (показываю), что *область имамъ положити душу Мою*, *и область имамъ паки пріяти ю* (Іоан. x, 18). Таково ученіе Спасителя, преподаваемое дѣлами. Если бы не такъ это было, и если бы Онъ не съ цѣлію нѣкоторою откладывалъ чудотвореніе надъ Лазаремъ, то, несомнѣнно, когда на пути возвѣстили Ему о болѣзни Лазаря, — *посласте бо*, говоритъ евангелистъ, *сестрѣ* его къ Господу, *глаголюще: се, его же любиши, болитъ* (Іоан. xi, 3),—Онъ, услышавъ нѣчто такое, не отложилъ бы надолго, но, какъ сдѣлалъ съ сотникомъ и сиро-финикіянкой и спасъ сына перваго отсутствующаго и дочь послѣдней отсутствующую, такъ сдѣлалъ бы и съ Мароою, извѣщавшею о братѣ, что онъ болитъ. Теперь же Онъ нарочито

ожидаетъ его смерти, и долго медлитъ, и съ намѣреніемъ откладываетъ свое прибытіе, чтобы показать побѣду надъ смертію прежде своей борьбы со смертію; Онъ откладываетъ на три дня, для подтвержденія дѣйствительности смерти; въ присутствіи іудеевъ открываетъ гробъ, чтобы сдѣлать вѣстниками чуда тѣхъ, которые гнали Его; молитвою и призываніемъ Отца пробуждаетъ Лазаря, чтобы не показалось, будто Онъ возстаетъ противъ законовъ Создателя. Посмотри и на эту особенность: Онъ не сказалъ: Лазарь оживи; но что? *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43), чтобы научить присутствующихъ, что Онъ — Тотъ, Который нарицаетъ *несущая, яко сущая* (Римл. IV, 17), чтобы показать присутствующимъ, что Онъ — Богъ живыхъ, а не мертвыхъ, чтобы благовременно показать, что нѣтъ препятствій для божественнаго повелѣнія, и напомнить предстоящимъ о Томъ, Который сказалъ: *да будетъ твердь, да соберутся воды въ собраніе едино, да прорастить земля быліе травное, да изведутъ воды гады душъ живыхъ* (Быт. I, 6, 9, 11, 20). *Лазаре, гряди вонъ*; это—для умноженія и укрѣпленія вѣры собравшихся, чтобы одежда и повязки свидѣтельствовали о смерти, а немедленное послушаніе и безпрепятственный страхъ возвѣстили о власти Господа. *Лазаре, гряди вонъ*, и разложившійся всталъ, сгнившій сталъ чувствовать, мертвецъ повиновался, связанный побѣжалъ, и оплакиваемый запрыгалъ. Но для чего Спаситель употребилъ въ настоящемъ случаѣ громкое воззваніе? Евангелистъ говоритъ: *сія рекъ, гласомъ велікимъ воззва: Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43). Этимъ воззваніемъ Онъ, можетъ быть, предъизобразилъ будущее воскресеніе; *вострубитъ бо*, сказано, *и мертвіи воскреснутъ* (1 Кор. XV, 52). Много и еще я могъ бы сказать объ этомъ, но меня отвлекаетъ другой предметъ, и отъ гроба я принужденъ перейти ко гробу.

Подлинно, благовременно сравнить гробъ Лазаря съ гробами, 644
и не неблаговременно, кажется, смерть женъ празднуется на самомъ его гробѣ. Тамъ гробъ, и здѣсь гробъ; но гробъ Лазаря отверзаемый открываетъ силу Христову, а гробъ этихъ женъ заключенный и дѣйствующій проповѣдуетъ благодать Спасителя; тамъ мертвый сверхъестественно выходящій изъ гроба, здѣсь жены неестественно прибѣгаютъ къ гробамъ; тамъ знаменіе божественной силы, здѣсь доказательство доблестной воли; тамъ Лазарь... смерти... смѣло вступаетъ [1]); тамъ оживленіе послѣ смерти, здѣсь жизнь; тамъ смерть насильственно ограблена, здѣсь смерть явно попирается; того (Лазаря) смерть, ссудивши жизнію, скоро опять взяла назадъ, или—лучше—какъ сказано: *пріяша жены отъ воскре-*

[1]) Здѣсь текстъ рукописи испорченъ и даетъ лишь отрывочныя слова.

сенія мертвыхъ своихъ (Евр. xi, 35), по повелѣнію Божію, а эти отъ временной жизни перескочили въ жизнь безконечную, мать и дочери, собравшія насъ сегодня,—благочестивая мать, претерпѣвшая болѣзни рожденія, и дочери, неиспытавшія этихъ болѣзней, мать, разрѣшившая дѣвство для рожденія дѣвъ, мать, родившая чистоту, мать, родившая дѣвъ по закону естественному. Мучитель, повсюду ратовавшій противъ благочестивыхъ, обращавшій мечъ варварскихъ убійствъ противъ единокровныхъ, мучитель, гнавшій незримаго Христа, мучитель, думавшій посредствомъ стада поразить Пастыря, мучитель, пытавшійся метать стрѣлы въ небо, мучитель, завидовавшій распространенію царства Христова, этотъ мучитель былъ мужъ преслѣдующій и несочетавшійся, неприступныя же дѣвы—сочетавшіяся въ борьбѣ. Имущество было разграблено, отечество отнято, нечестивые воины влекли любительницъ цѣломудрія и скромности, какъ разбойники, принуждая поклониться изображенію мысленнаго Навуходоносора. Но и эта вавилонская печь сдѣлала для трехъ мученицъ то же, что и та, разрѣшивъ узы и тѣла и души, отпустила души свободно летѣть на небо. А древній змій, который преслѣдовалъ Еву въ раю, который уловляетъ простыя и невинныя души, видя рѣку, сдѣлавшуюся кровавою купелію, и потокъ, исполнившійся божественнаго Духа, и преслѣдуя блаженныхъ до самой рѣки, былъ отраженъ водами, растворенными огнемъ духовнымъ, и скрывъ въ самомъ себѣ гордость свою, оплакивалъ неуспѣшность своей древней хитрости, видѣлъ, какъ тѣ жены, которыя прежде легко были обольщаемы и приводимы въ ужасъ, самоувѣренно выступаютъ противъ смерти, и смотрѣлъ, какъ та пята, которую онъ стерегъ уязвить, взлетаетъ отъ земли на небо. Впрочемъ, достаточно восхваливъ побѣдоносныхъ женъ, присоединивъ вездѣ къ предмету рѣчи полезныя замѣчанія, украсивъ древній гробъ новымъ гробомъ, соединивъ необыкновенное оживленіе съ терпѣливою смертію, предложивъ мужамъ и женамъ примѣры добродѣтели и благочестія, и показавъ восхваляемую смерть и вожделѣнное воскресеніе, возблагодаримъ Христа, имѣющаго власть жизни и смерти, Которому слава и держава, съ Отцемъ и Святымъ и Животворящимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о мученикахъ и о сокрушеніи и милостынѣ, — сказана въ городѣ, когда епископъ отбылъ на село для празднованія дня мучениковъ [1]).

ВЧЕРА день мучениковъ, и сегодня день мучениковъ; о, если 645
бы и всегда намъ совершать день мучениковъ! Если помѣшавшіеся на зрѣлищахъ и глазѣющіе на конскія ристалища, никогда не насыщаются этими непристойными зрѣлищами, то гораздо болѣе намъ должно имѣть ненасытимое расположеніе къ праздникамъ святыхъ. Тамъ діавольское торжество, а здѣсь христіанскій праздникъ; тамъ скачутъ бѣсы, а здѣсь ликуютъ ангелы; тамъ погибель душъ, а здѣсь спасеніе всѣхъ собирающихся. Однако и тамъ есть нѣкоторое удовольствіе? Но не такое, какое здѣсь. Что за удовольствіе—смотрѣть на коней, бѣгающихъ тщетно и напрасно? А здѣсь ты видишь не запряжки безсловесныхъ, но безчисленныя колесницы мучениковъ и Бога, стоящаго на этихъ колесницахъ и устремляющаго путь къ небу. А что души святыхъ суть колесница Божія, послушай пророка, который говоритъ: *колесница Божія тмами темъ, тысящи гобзующихъ* (Псал. LXVII, 18). Чѣмъ одарилъ Онъ вышнія силы, то даровалъ и нашему естеству. Онъ сѣдитъ на херувимахъ, какъ и псаломъ говоритъ: *взыде на херувимы, и летѣ* (Псал. XVII, 11); и еще: *сѣдяй на херувимѣхъ и видяй бездны* (Дан. III, 54). Это Онъ далъ также и намъ; на нихъ Онъ сѣдитъ, въ насъ обитаетъ: *яко вселюся и похожду въ нихъ* (2 Кор. VI, 16; Лев. XXVI, 12). Они стали 646
колесницею, мы храмомъ. Видишь ли сродство чести? Видишь ли, какъ Онъ умиротворилъ горнее и дольнее? Поэтому мы нисколько не отстали отъ ангеловъ, если захотимъ. Но, какъ я сказалъ вначалѣ, вчера день мучениковъ, и сегодня день мучениковъ, не тѣхъ, которые у насъ, но тѣхъ, которые въ селѣ, или—лучше—и тѣ у насъ. Городъ и село въ дѣлахъ житейскихъ различаются между собою, но въ отношеніи къ благочестію обобщаются и имѣютъ единеніе. Не смотри на варварскій языкъ тамошнихъ жителей, но—на любомудрую ихъ душу. Какая польза отъ согласія въ рѣчи, когда мысли не согласны? И какой вредъ отъ различія въ рѣчи, когда есть единеніе въ вѣрѣ? Въ этомъ отношеніи и село ничѣмъ не хуже города, потому что въ главномъ изъ

---

[1]) Произнесена послѣ бесѣдъ о Маккавеяхъ и своимъ содержаніемъ возбудила въ нѣкоторыхъ неудовольствіе, отвѣтомъ на которое была далѣе помѣщаемая бесѣда о томъ, что опасно говорить къ народу съ угодливостью.

благъ они равночестны. Поэтому и Господь нашъ Іисусъ Христосъ не въ городахъ только пребывалъ, а села оставлялъ пустыми и праздными, но *прохождаше сквозѣ грады и веси, проповѣдая Евангеліе, и исцѣляя всякъ недугъ и всяку язю* (Лук. XIII, 22; Матѳ. IX, 35). Ему подражая, и общій нашъ пастырь и учитель оставилъ насъ и пошелъ къ тѣмъ, или—лучше—не оставилъ
647 насъ, уйдя къ нимъ, потому что ушелъ къ нашимъ братьямъ. И какъ, когда совершался праздникъ Маккавеевъ, все село стеклось въ городъ, такъ теперь, когда отправляется праздникъ тамошнихъ мучениковъ, всему городу слѣдовало бы переселиться къ нимъ. Для того Богъ и насадилъ мучениковъ не только въ городахъ, но и въ самомъ селѣ, чтобы по случаю праздниковъ мы имѣли необходимый поводъ къ взаимному общенію, — и больше (мучениковъ) въ селѣ, нежели въ городѣ. Недостаточному Богъ далъ болѣе обильную честь; это—немощнѣйшій членъ, потому онъ и получилъ большее врачеваніе, такъ какъ живущіе въ городахъ постоянно пользуются ученіемъ, а живущіе въ деревнѣ не участвуютъ въ этомъ изобиліи.

Итакъ Богъ, утѣшая въ недостаткѣ учителей обиліемъ мучениковъ, устроилъ, что у тѣхъ больше погребено мучениковъ. Они не слышатъ непрестанно голоса учителей; за то слышатъ голосъ мучениковъ, который вѣщаетъ къ нимъ изъ гроба и имѣетъ большую силу. А чтобы убѣдиться, что мученики и молча имѣютъ болѣе силы, нежели мы говорящіе, (вспомните, что) многіе, часто бесѣдуя со многими о добродѣтели, не имѣли никакого успѣха, другіе же молча совершили величайшія дѣла своею свѣтлою жизнію; тѣмъ больше совершили это мученики, издавая не голосъ изъ устъ, но гораздо высшій изустнаго—голосъ самыхъ дѣлъ, которымъ они бесѣдуютъ со всѣмъ человѣческимъ естествомъ, говоря такія слова: посмотрите на насъ, какія мы потерпѣли бѣдствія. А что мы потерпѣли, будучи осуждены на смерть и найдя вѣчную жизнь? Мы удостоились положить тѣла свои за Христа; но если бы мы теперь не предали ихъ за Христа, то, спустя немного, должны были бы и невольно разлучить ихъ съ временною жизнію; если бы мученичество не пришло и не взяло ихъ, то общая природная смерть пришла бы и разрушила бы ихъ. Потому мы непрестанно благодаримъ Бога, что Онъ удостоилъ насъ смертію, неизбѣжно необходимою, воспользоваться ко спасенію нашихъ душъ, и то, что составляетъ необходимый долгъ, принялъ отъ насъ, какъ даръ, и притомъ съ величайшею честію. Однако мученія тяжки и несносны? Но они продолжаются краткій моментъ времени, а блаженство отъ нихъ—безконечные вѣки; или—лучше—даже и на краткое мгновеніе времени эти мученія не тяжки для тѣхъ, которые взираютъ

на будущее и стремятся къ Распорядителю подвиговъ. Такъ и блаженный Стефанъ очами вѣры созерцалъ Христа, и поэтому не видѣлъ дождя камней, но вмѣсто нихъ исчислялъ награды и вѣнцы (Дѣян. VII, 55). Такъ и ты перенеси взоръ свой отъ настоящаго къ будущему, и не получишь даже кратковременнаго ощущенія бѣдствій.

2. Это и больше того говорятъ мученики, и убѣждаютъ гораздо больше, нежели мы. Въ самомъ дѣлѣ, когда я говорю, что мученіе не заключаетъ въ себѣ ничего тяжкаго, то слова мои не кажутся достовѣрными, такъ какъ разсуждать о подобномъ на словахъ нисколько не трудно; а мученикъ, говорящій дѣлами, не встрѣчаетъ ни въ комъ противорѣчія. И какъ бываетъ въ баняхъ, когда ванна 648
наполнена горячею водою, и никто не осмѣливается спуститься въ нее,—пока сидящіе на краяхъ побуждаютъ къ этому другъ друга словами, то никого не убѣждаютъ; а когда одинъ кто-нибудь изъ нихъ или опуститъ руку или, разувъ ногу, смѣло бросится всѣмъ тѣломъ, то и молча, лучше говорящихъ много, убѣдитъ сидящихъ вверху спуститься въ ванну,—такъ и у мучениковъ: здѣсь, вмѣсто ванны съ водою, предстоитъ костеръ. Такимъ образомъ снаружи, стоящіе кругомъ, хотя бы увѣщевали безчисленными рѣчами, не очень убѣждаютъ; а когда одинъ кто-нибудь изъ мучениковъ не ногу только или руку спуститъ внизъ, но ввергнетъ все тѣло, предлагая сильнѣйшій всякаго увѣщанія и совѣта опытъ на самомъ дѣлѣ, то изгоняетъ страхъ изъ окружающихъ.

Видите ли, сколько сильнѣе голосъ и безмолвствующихъ мучениковъ. Поэтому Богъ и оставилъ намъ тѣла ихъ; поэтому они, давно побѣдивъ, доселѣ еще не воскресли, но, хотя уже за столько времени претерпѣли подвиги, еще не получили воскресенія, не получили ради тебя и ради твоей пользы, чтобы и ты, помышляя о такомъ подвижникѣ, возбуждался къ подобному подвигу. Имъ самимъ нѣтъ никакого вреда отъ этого замедленія; а для тебя происходитъ величайшая польза отъ этого обстоятельства. Они впослѣдствіи получатъ то, чего не получаютъ нынѣ; а если бы Богъ теперь же взялъ ихъ отсюда, то лишилъ бы насъ великаго назиданія и утѣшенія, такъ какъ поистинѣ величайшее назиданіе и утѣшеніе бываетъ всѣмъ людямъ отъ гробовъ этихъ святыхъ. Свидѣтели сказаннаго—вы сами. Часто мы угрожали, ласкали, устрашали, увѣщевали васъ, но вы не оказывали такого усердія къ молитвѣ и не возбуждались; а пришедши во храмъ мучениковъ, не слыша ни отъ кого совѣта, увидѣвъ только гробъ святыхъ, вы стали проливать обильные источники слезъ и стали горячи въ молитвахъ. Мученикъ лежитъ безгласенъ, въ совершенномъ молчаніи: что же такое трогаетъ совѣсть и заставляетъ ручьи слезъ

литься, какъ изъ источника? Самое представленіе о мученикѣ и воспоминаніе о всемъ совершенномъ имъ. Какъ бѣдные, когда увидятъ другихъ богатыми, достигшими высокихъ званій, окруженными отъ тѣлохранителей, пользующимися у царя великою честію изъ благосостоянія другихъ яснѣе познавая собственную бѣдность, проливаютъ слезы,—такъ точно и мы, когда вспомнимъ о дерзновеніи мучениковъ, какое имѣютъ они предъ Царемъ всѣхъ—Богомъ, о свѣтлости и славѣ ихъ, вспомнимъ также о собственныхъ грѣхахъ, то изъ богатства ихъ яснѣе увидѣвъ собственную бѣд-
649 ность, сѣтуемъ и скорбимъ, познавая, какъ далеко мы отстоимъ отъ нихъ; это и производитъ слезы. Для того Богъ и оставилъ намъ здѣсь тѣла ихъ, чтобы, когда куча занятій и множество житейскихъ заботъ наведетъ густой мракъ на нашу душу отъ частныхъ или общественныхъ дѣлъ (а ихъ такъ много), тогда, оставивъ домъ, вышедши изъ города, простившись съ этимъ шумомъ, мы удалились бы въ храмъ мучениковъ, насладились тамошнимъ духовнымъ вѣяніемъ, забыли о множествѣ дѣлъ, утѣшились спокойствіемъ, побыли вмѣстѣ съ святыми, помолились Распорядителю ихъ подвиговъ о нашемъ спасеніи, пролили многія моленія, и, чрезъ все это сложивъ бремя съ своей совѣсти, возвратились опять домой съ великою душевною радостію.

Гробницы мучениковъ суть ничто иное, какъ безопасныя гавани, источники духовныхъ водъ, сокровища богатства неистощимыя и никогда неисчерпаемыя. Какъ гавани, принимая корабли, заливаемыя множествомъ волнъ, поставляютъ ихъ въ безопасность, такъ точно и гробницы мучениковъ, принявъ наши души, заливаемыя житейскими дѣлами, поставляютъ ихъ въ великую тишину и безопасность. И какъ источники холодныхъ водъ оживляютъ тѣла, изнуренныя трудомъ и жаромъ, такъ точно и эти гробницы прохлаждаютъ души, опаленныя неумѣстными страстями, и погашаютъ при одномъ на нихъ взглядѣ, и неумѣстную похоть, и изсушающую зависть, и пламенный гнѣвъ, и все другое, что̀ ни тревожило бы насъ. И сокровищъ онѣ гораздо лучше, потому что денежныя сокровища подвергаютъ многимъ опасностямъ тѣхъ, кто находитъ ихъ, и, будучи раздѣлены на многія части, отъ этого раздѣленія уменьшаются; а здѣсь нѣтъ ничего такого, но въ противоположность чувственнымъ сокровищамъ и пріобрѣтеніе безопасно, и раздѣленіе не производитъ уменьшенія. Тѣ, какъ я сейчасъ сказалъ, будучи раздроблены на части, дѣлаются меньше; а эти, когда будутъ раздѣлены между многими, тогда еще болѣе показываютъ свое богатство. Таково естество предметовъ духовныхъ: они отъ раздробленія увеличиваются, отъ раздѣленія умножаются. Не такъ пріятны луга, представляющіе зрителямъ розы и фіалки, какъ—

гробы мучениковъ, доставляющіе душамъ зрителей нѣкоторое неувядающее и ненарушимое удовольствіе.

3. Итакъ, съ вѣрою прикоснемся къ этимъ гробницамъ, воспламенимся душею, подымемъ плачъ. Много грѣховъ совершено нами,—и великихъ грѣховъ; поэтому мы имѣемъ нужду въ великомъ врачеваніи, въ крѣпкомъ исповѣданіи. Святые мученики пролили кровь свою—твои глаза пусть прольютъ слезы; и слезы могутъ погасить костеръ грѣховъ. Имъ были раздираемы ребра, они видѣли вокругъ себя палачей,—такъ и ты сдѣлай со своею совѣстію: посади судящій умъ на престолъ неподкупнаго сужденія, выведи на средину всѣ грѣхи твои, приставь къ проступкамъ грозныя мысли, укроти непристойныя пожеланія, отъ которыхъ произошли грѣхи, пусть будутъ они раздираемы великою силою. 650
Если мы такимъ образомъ позаботимся судить сами себя, то избѣжимъ и того страшнаго судилища. А что судящій нынѣ самъ себя и требующій отъ себя строгаго отчета во грѣхахъ, не подвергнется осужденію въ будущемъ, объ этомъ послушай Павла, который говоритъ: *аще бо быхомъ осуждали себе, не быхомъ осуждени были отъ Господа* (1 Кор. xi, 31). Укоряя тѣхъ, которые недостойно пріобщались таинъ, онъ такъ говорилъ: *ядый и піяй недостойнѣ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (ст. 27—29). А этимъ говоритъ онъ слѣдующее: какъ распявшіе Іисуса, говоритъ, такъ и недостойно пріобщающіеся таинъ понесутъ наказаніе. Пусть никто не осудитъ это слово за преувеличеніе. Тѣло Господне есть царская одежда; а разорвавшій царскую багряницу и замаравшій ее нечистыми руками одинаково оскорбляютъ,—посему одинаково и наказываются; такъ бываетъ и въ отношеніи къ тѣлу Христову. Іудеи растерзали его гвоздями на крестѣ, а ты, живя во грѣхахъ,—нечистымъ языкомъ и мыслію. Поэтому и одинаковымъ наказаніемъ пригрозилъ тебѣ Павелъ, и дальше говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ доволни* (ст. 30). Затѣмъ, показывая, что требующіе отъ самихъ себя здѣсь отчета во грѣхахъ, осуждающіе проступки свои, и потомъ уже не впадающіе въ тѣ же грѣхи, смогутъ исхитить себя отъ будущаго, страшнаго и неумолимаго приговора, онъ прибавляетъ: *аще бо быхомъ себе осуждали, не быхомъ осуждени были:* нынѣ же *судими, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (ст. 31, 32). Итакъ, будемъ терзать свою душу, сильно наказывая невоздержные помыслы; будемъ смывать нечистоты свои слезами; великъ плодъ этихъ рыданій, велико назиданіе и утѣшеніе. Какъ велико наказаніе за смѣхъ и распущенность, такъ напротивъ постоянныя рыданія производятъ утѣшеніе: *блажени плачущіи*, говорится, *яко утѣшатся* (Мате. v, 5);

горе смѣющимся, яко тіи восплачутъ (Лук. VI, 25). Поэтому и Павелъ, хотя не сознавалъ за собою никакого грѣха, проводилъ все время въ слезахъ и рыданіяхъ. Кто говоритъ объ этомъ? Самъ этотъ блаженный: *три лѣта*, говоритъ онъ, *нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ* (Дѣян. XX, 31). Онъ—три года, а мы—хотя бы одинъ мѣсяцъ; онъ—ночи и дни, онъ—за чужіе грѣхи, а мы—хотя бы за собственные проступки, онъ—ничего не сознавая за собою, а мы—хотя бы ради обремененной нашей совѣсти. Почему же онъ плачетъ? Для чего не только учитъ и увѣщеваетъ, но прибавляетъ и слезы? Какъ чадолюбивый отецъ, у котораго единственный сынъ впалъ въ болѣзнь и не принимаетъ лѣкарствъ отъ врачей, но отвергаетъ ихъ, сѣвши
651 при немъ, ласкаетъ его, цѣлуетъ, обнимаетъ, и этою чрезмѣрною заботливостію желаетъ привлечь его и убѣдить—принять помощь врачеванія,—такъ и Павелъ, любя вѣрующихъ всей вселенной, какъ единственнаго сына, и видя, что многіе впали въ худое состояніе и въ неисцѣльныя болѣзни душевныя и однако не принимаютъ охотно обличеніе и исправленіе укоризною, но удаляются отъ него, удерживалъ ихъ слезами, чтобы они, видя его плачущимъ и рыдающимъ, и тронувшись этимъ видомъ, приняли врачеваніе и, избавившись отъ болѣзни, пришли въ прежнее здоровье; поэтому онъ, поучая, всегда плакалъ.

Если же Павелъ прилагалъ такую заботливость къ чужимъ грѣхамъ, то какую намъ должно прилагать ревность къ исправленію собственныхъ? Велика—въ смыслѣ пользы—сила печали по Богѣ; о ней говоря, Исаія, или—лучше—Богъ чрезъ Исаію возвѣстилъ такъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его* (Иса. LVII, 17). Я не наложилъ, говоритъ, наказанія, соразмѣрнаго преступленію. Въ добрыхъ дѣлахъ Богъ превышаетъ мѣру воздаяніями, а за грѣхи, по Своему человѣколюбію многократно обличая, налагаетъ на преступившихъ малое наказаніе. Намекая на это и здѣсь, Онъ сказалъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его, и видѣхъ, яко опечалися, и пойде дряхлъ, и исцѣлихъ пути его* (Иса. LVII, 17—18).

4. Видишь ли, какъ и быстра очень и велика польза покаянія? Немного наказавъ его за грѣхи, и увидѣвъ, что онъ сталъ прискорбенъ и печаленъ, Я оставилъ, говоритъ Богъ, и это малое наказаніе. Такъ Богъ готовъ къ примиренію съ нами и только ищетъ малаго повода къ этому! Доставимъ же Ему случаи—показать любовь къ намъ, постараемся соблюдать себя чистыми отъ грѣховъ; если же когда-нибудь преткнемся, скоро возстанемъ, оплакивая проступки съ полною искренностію, чтобы намъ получить радость по Богѣ. Если грѣшникъ примирилъ съ собою Бога тѣмъ, что *опечалися и пойде дряхлъ*, то чего не сдѣлаетъ тотъ, кто и слезы

прибавитъ къ этому и будетъ призывать Его съ великимъ напряженіемъ? Знаю, что душа ваша теперь разгорѣлась; но, чтобы намъ, вышедши отсюда, не охладить этого жара, но удержать его въ себѣ, сдѣлаемъ это. Нива души вашей плодоносна, принимаетъ сѣмена и тотчасъ даетъ колосья, не нуждается ни въ промедленіи, ни во времени; но я боюсь вашего врага.

Внѣ церкви стоитъ діаволъ; онъ не смѣетъ войти въ эту священную ограду, потому что гдѣ стадо Христово, тамъ волкъ не показывается, но, боясь Пастыря, стоитъ внѣ. Когда мы выйдемъ отсюда, не станемъ тотчасъ отдаваться непристойнымъ собраніямъ, или празднымъ рѣчамъ и безполезнымъ занятіямъ, но, пока еще держимъ въ памяти сказанное, поспѣшимъ домой, и каждый, сѣвши съ женою и дѣтьми, пусть внимательно размыслитъ о сказанномъ. А если не хотите пойти домой, то, собравъ дружески тѣхъ, которые слушали вмѣстѣ съ вами, сядьте наединѣ, и, предлагая отъ себя каждый то, что́ могъ сохранить, вторично составьте полное поученіе, чтобы вамъ собираться сюда не напрасно. Повелѣнія 652
Божіи суть свѣтильникъ: *свѣтилникъ бо заповѣдь закона, и свѣтъ, и жизнь, и обличеніе, и наказаніе* (Притч. VI, 23); а кто зажигаетъ свѣтильникъ, тотъ не останавливается на торжищѣ, но спѣшитъ домой, дабы не погасъ огонь отъ дуновенія вѣтра, дабы не истощился пламень отъ долгаго промедленія; такъ точно поступимъ и мы. Духъ Святый зажегъ намъ Свое ученіе, поэтому, вышедши отсюда и будучи исполнены того, что слышали, съ другомъ ли, съ родственникомъ ли, съ домашнимъ ли, или съ кѣмъ другимъ мы встрѣтимся, пройдемъ мимо, чтобы, когда мы будемъ разговаривать съ нимъ о лишнемъ и безполезномъ, не погасъ между тѣмъ огонь ученія, но чтобы онъ пламенѣлъ въ душѣ, какъ въ домѣ, и, горя въ возвышенныхъ помыслахъ, какъ бы на какомъ свѣтильникѣ, освѣщалъ все внутреннее. Подлинно, странно было бы — видѣть душу, оставленную безъ ученія, тогда какъ мы никогда не терпимъ видѣть вечеромъ домъ безъ свѣтильника и свѣта. Оттого у насъ и происходитъ много грѣховъ, что мы не скоро зажигаемъ свѣтильникъ въ душѣ; оттого мы и падаемъ каждый день, оттого многое и лежитъ у насъ въ душѣ безъ пользы и какъ случится, что мы, выслушавъ божественныя изреченія, еще прежде, нежели пройдемъ преддверіе церковное, тотчасъ бросаемъ ихъ, и, погасивъ свѣтъ, ходимъ въ большомъ мракѣ.

Но, если это было прежде, пусть послѣ того уже не будетъ; постараемся имѣть постоянно горящій свѣтильникъ въ душѣ, и, прежде чѣмъ домъ, будемъ украшать душу. Тотъ вѣдь остается здѣсь, а эту мы возьмемъ, и отходя отсюда; посему и должно удостоивать ее бо́льшаго попеченія. А теперь есть такіе жалкіе люди,

которые украшают здѣшніе домы свои и золотыми потолками, и разноцвѣтными камнями, и живописными картинами, и блестящими столбами, и всѣмъ прочимъ; а душу небрежно оставляютъ въ состояніи хуже всякой опустѣлой гостинницы, исполненною грязи, дыма, великаго зловонія, въ невыразимомъ запустѣніи. А причиною всего этого то, что въ насъ не горитъ постоянно свѣтильникъ ученія; поэтому необходимое оставлено въ пренебреженіи, а ничего не стоющее пользуется великимъ вниманіемъ. Это сказано мною не къ богатымъ только, но и къ бѣднымъ. И эти часто, украшая по силѣ домъ свой, душу оставляютъ въ небреженіи. Посему я дѣлаю общее тѣмъ и другимъ наставленіе, увѣщевая и совѣтуя—о дѣлахъ настоящей жизни заботиться не много, а все стараніе тратить на попеченіе о предметахъ духовныхъ и необходимыхъ. Бѣдный пусть взираетъ на вдовицу, положившую два овола [1]) (Лук. XXI, 2), и не считаетъ бѣдности препятствіемъ къ дѣламъ милости и человѣколюбія. Богатый пусть помышляетъ объ Іовѣ, и какъ тотъ употреблялъ все свое имущество не на себя, а на бѣдныхъ, такъ и
653 онъ. Потому Іовъ и перенесъ доблестно отнятіе имущества, что еще прежде искушенія діавольскаго пріучился отчуждать его. Такъ и ты презирай имѣющееся богатство, чтобы, если нѣкогда оно и отойдетъ, тебѣ не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имѣешь его, чтобы, когда лишишься, тебѣ имѣть двоякую пользу,—уготованную тебѣ награду за прекрасную трату, и происходящее отъ презрѣнія любомудріе, которое бываетъ полезно во время лишенія богатства. Для того оно и называется имуществомъ (χρήματα), чтобы мы употребляли (χρώμεθα) его на нужное, а не зарывали бы; для того оно называется стяжаніемъ (κτήματα), чтобы мы владѣли (κτησώμεθα) имъ, а не были его владѣніемъ. Ты—господинъ большого богатства? Не будь же рабомъ того, чего владыкою сдѣлалъ
654 тебя Богъ, а не бываешь рабомъ тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нѣтъ ничего непостояннѣе богатства, нѣтъ ничего измѣнчивѣе благосостоянія. Итакъ, поелику обладаніе ими непрочно и часто они улетаютъ отъ насъ быстрѣе всякой птицы и убѣгаютъ неблагодарнѣе всякаго бѣглаго раба, то, пока мы владыки надъ ними, будемъ пользоваться ими на должное, чтобы намъ, пріобрѣтши на непрочное богатство прочныя блага, наслѣдовать уготованное на небесахъ сокровище, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Аттическая монета около 4 копѣекъ.

БЕСѢДА

о томъ, что говорить къ народу съ угодливостію опасно какъ для тѣхъ, кто говоритъ, такъ и для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ, и что рѣчь противъ собственныхъ прегрѣшеній — полезна и является величайшею справедливостью.

ДОСТАТОЧНО, я думаю, мы недавно нападали на васъ, и причинили вамъ очень глубокую рану. Слѣдовательно, сегодня необходимо предложить врачеваніе и доставить болѣе пріятныя лѣкарства. Это — наилучшій способъ врачеванія: не только рѣзать, но и перевязывать раны; это—достойный удивленія законъ наставленія: не только порицать, но и увѣщевать и утѣшать. Такъ повелѣлъ и Павелъ: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). И если кто всегда утѣшаетъ, то этимъ дѣлаетъ слушателей болѣе безпечными; и если только порицаетъ, то дѣлаетъ ихъ болѣе ожесточенными, потому что, не имѣя возможности перенести бремя непрерывныхъ обличеній, они тотчасъ поспѣшно убѣгаютъ. Поэтому должно, чтобъ былъ какой-нибудь разнообразный способъ наставленія. Итакъ, поелику въ предшествующій день рѣчь очень сильно огорчила умъ каждаго, сегодня намъ необходимо болѣе ласковое наставленіе, и на огорченія, происшедшія отъ обличеній, необходимо накапать, какъ бы елей, ласковость рѣчи, сначала напомнивъ вамъ о самыхъ обличеніяхъ. 653

Недавно мы прочитали вамъ постановленіе Павла относительно общенія въ таинствахъ, предназначенное для всѣхъ, посвященныхъ въ таинства. Законъ же былъ таковъ,—вѣдь ничто не препятствуетъ и теперь снова прочитать его: *да искушаетъ* каждый *себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ* (1 Кор. XI, 28). Посвященные въ таинства знаютъ, что̀ говоримъ, и какой это—хлѣбъ, какая—чаша. *Ядый бо и піяй*, говоритъ (Писаніе), *недостойнѣ* Господа, *повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (—29, 27). Мы прочитали вамъ этотъ законъ; изъяснили и смыслъ изреченія. Мы сказали, что̀ значитъ: *повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни*,— что онъ понесетъ то же наказаніе, какое потерпятъ распявшіе Христа. Какъ тѣ, говоритъ, убійцы сдѣлались повинными въ крови, такъ и эти, недостойно причащающіеся таинствъ; это именно и значитъ: *повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни*. Казалось, что сказанное страдаетъ большимъ преувеличеніемъ, и угроза эта нестерпима; мы присоединили и размышленіе, съ помощію примѣра, имѣющее большое соотвѣтствіе. Подобно тому, говорилъ я, какъ

654 если кто разрываетъ царскую багряницу, и пятнаетъ грязью, то онъ почти что оскорбляетъ царя, облеченнаго въ нее, — такъ, конечно, и здѣсь: и тѣ, которые убили Тѣло Господне, и тѣ, которые принимаютъ Его съ нечистою мыслію, равно оскорбляютъ царское одѣяніе. Іудеи разорвали Его на крестѣ, оскверняетъ и тотъ, кто принимаетъ Его съ нечистою душею, такъ что, хотя и различны грѣхи, но одинаково оскорбленіе. Это многихъ потревожило, это многихъ смутило; уязвило совѣсть слушателей, лучше же сказать: не только слушателей, но прежде, чѣмъ васъ, и меня— говорящаго; обще наставленіе, общи раны; поэтому прилагаю и общія врачества. Это было дѣло Божія человѣколюбія, чтобъ и говорящій, и слушающіе подлежали однимъ и тѣмъ же законамъ, были причастны одному и тому же естеству, чтобъ каждый былъ одинаково отвѣтственъ въ томъ, что преступаетъ законъ. Для чего? Для того, чтобы онъ предлагалъ упрекъ въ соразмѣрной степени, чтобы сдѣлался снисходительнымъ къ согрѣшающимъ, чтобы, вспоминая о своей собственной немощи, не причинялъ несноснаго обличенія. Поэтому Богъ не свелъ съ небесъ ангеловъ и не приставилъ ихъ учителями къ человѣческому естеству, чтобы по причинѣ превосходства своей природы и по причинѣ невѣдѣнія человѣческой немощи они не дѣлали упрековъ противъ насъ очень безпощадно; но Онъ далъ смертныхъ людей учителями и священниками, людей, облеченныхъ немощію, чтобы одно и то же, виновность въ томъ же самомъ и говорящаго, и слушающихъ сдѣлалась уздой для языка говорящаго человѣка, не позволяющею дѣлать обвиненій свыше мѣры. И что это—истинно, самъ Павелъ, положившій этотъ законъ, разъяснилъ намъ и причину, сказавши такъ: *всякъ бо первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемъ, за человѣки поставляется, сострадати могій невѣжствующимъ и заблуждающимъ* (Евр. v, 1, 2). По какому случаю и почему? Понеже *и той немощію обложенъ есть* (—2). Видишь, что немощь дѣлается основаніемъ къ состраданію и сродство естества не позволяетъ упрекающему когда-либо впасть въ безмѣрность, хотя бы онъ былъ одержимъ и большимъ соревнованіемъ? Но зачѣмъ я сказалъ это? Чтобы вы не говорили: ты,—будучи чистъ отъ грѣховъ,
655 будучи свободенъ отъ скорби, происходящей по причинѣ упрека,— съ великою силою наносишь намъ очень глубокую рану. Я прежде чувствую боль, такъ какъ и самъ я подверженъ прегрѣшеніямъ. *Яко вси есмы во эпитиміахъ* (І. Сир. viii, 6); и: никто не *похвалится чисто имѣти сердце* (Притч. xx, 9). Итакъ, я сдѣлалъ тѣ обличенія не потому, что любомудрствовалъ въ области чуждыхъ мнѣ бѣдствій и не вслѣдствіе какого-либо безчеловѣчія, но движимый великою заботливостью. При врачеваніи тѣлъ, тотъ, кто

наноситъ ударъ, не получаетъ никакого ощущенія удара, а тотъ, кого рѣжутъ, одинъ только онъ разрывается отъ болей; но при врачеваніи душъ бываетъ не такъ,—если только я сколько-нибудь не ошибаюсь, о дѣлахъ прочихъ людей судя по моимъ собственнымъ,—но говорящій самъ прежде мучится отъ боли, всякій разъ какъ упрекаетъ другихъ. Мы не такъ скорбимъ, обличаемые со стороны другихъ, какъ обличая другихъ за грѣхи, въ которыхъ мы виновны, потому что тотчасъ совѣсть начинаетъ порицать говорящаго, и то обстоятельство, что облеченный достоинствомъ учительства впадаетъ въ одни и тѣ же съ учениками прегрѣшенія и имѣетъ нужду въ тѣхъ же самыхъ обличеніяхъ, причиняетъ говорящему болѣе горькую печаль.

2. И не безъ причины оплакиваю теперь это, но, такъ какъ многіе, не вынесши тяжести сказаннаго, по возвращеніи назадъ, выражали недовольство, негодовали, говоря: ты отводишь насъ отъ священной трапезы и прогоняешь отъ пріобщенія,—то по этой причинѣ я и былъ вынужденъ сказать, чтобы вы поняли, что я не отвожу, но скорѣе—собираю вмѣстѣ; не прогоняю и не удаляю, но путемъ обличеній болѣе привлекаю къ себѣ. Страхъ предъ возвѣщеннымъ наказаніемъ, падая на совѣсть грѣшниковъ такъ, какъ—огонь на воскъ, уничтожаетъ и расплавляетъ наши прегрѣшенія, постоянно будучи въ дѣйствіи, а дѣлая умъ чистымъ и блистающимъ, влагаетъ въ насъ бо̀льшее дерзновеніе; отъ дерзновенія же и вслѣдствіе веселаго настроенія духъ можетъ сдѣлаться болѣе склоннымъ къ непрерывному общенію въ неизреченныхъ и страшныхъ таинствахъ. И подобно тому, какъ дающій горькія лѣкарства людямъ, лишеннымъ аппетита, и очищающій дурные соки пробуждаетъ въ нихъ потерянный аппетитъ, и производитъ то, что они съ бо̀льшею готовностію касаются обычной пищи,—точно такъ и говорящій горькія слова и очищающій ими умъ отъ дурныхъ помысловъ и устраняющій тяжелое бремя прегрѣшеній даетъ совѣсти возможность перевести дыханіе и производитъ то, что она съ большимъ удовольствіемъ вкушаетъ Господня Тѣла. Поэтому не негодовать должно за то, что̀ сказано, а прославлять и хвалить.

Если же нѣкоторые—очень немощны и не переносятъ этой нашей защиты, то я могъ бы сказать имъ, что изъясняю вамъ не свои собственные законы, а читаю письмена, сшедшія съ небесъ; и необходимо, чтобы, когда мнѣ ввѣрено это служеніе, я или сказалъ все съ дерзновеніемъ, что̀ содержится въ нихъ, всюду ища пользы для слушателей, а не удовольствія, или чтобы, боясь ненависти слушателей, путемъ этой неблаговременной угодливости, пожертвовалъ и своимъ, и ихъ спасеніемъ. А что и для гово-

рящаго, и для слушателей весьма опасно умалчивать о чемъ-
656 либо изъ божественныхъ законовъ, и что учителя судятся какъ виновники въ убійствахъ, когда не изъясняютъ всѣхъ законовъ Божіихъ безъ страха,—я опять представлю вамъ въ свидѣтели Павла. Прибѣгаю же во всѣхъ дѣлахъ непрерывно къ этой святой душѣ по той причинѣ, что изреченія Павла суть нѣкоторые полезные и божественные законы, такъ какъ не Павелъ говоритъ, но Христосъ, движущій его душу, чрезъ него говоритъ все, что тотъ сказалъ. Итакъ, что̀ говоритъ Павелъ? Призвавъ жителей Ефеса и сказавъ имъ послѣднюю рѣчь, такъ какъ уже намѣренъ былъ удалиться отъ нихъ,—уча начальниковъ ихъ тому, что какъ проливающіе кровь учениковъ, такъ и не говорящіе имъ полезнаго подлежатъ взысканіямъ и наказаніямъ, — такъ почти говоритъ: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ*. Почему? *Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. xx, 26, 27); если бы онъ убоялся возвѣстить, то не былъ бы чистъ отъ крови, но былъ бы судимъ, какъ человѣкоубійца, и вполнѣ естественно, потому что человѣкоубійца умерщвляетъ одно только тѣло, а говорящій льстиво и дѣлающій слушателей болѣе безпечными губитъ душу; тотъ предаетъ нынѣшней смерти, а этотъ губитъ душу и отсылаетъ на безсмертныя мученія и наказанія. Итакъ, развѣ одинъ только Павелъ говоритъ это? Никоимъ образомъ, но и прежде Павла Богъ, въ Свою очередь, устами пророка загадочно предвѣщаетъ то же самое, такъ говоря: *стража дахъ тя дому Израилеву* (Іезек. III, 17). Что значитъ: *стража?* Стражемъ называется тотъ, кто, въ то время какъ войска находятся внизу, занимаетъ высокую и холмистую мѣстность и оттуда наблюдаетъ за нападающими непріятелями, и находящимся внизу объявляетъ о нападеніи, и возбуждаетъ къ приготовленію на сраженіе, такъ чтобъ не напали на нихъ—не охраняемыхъ и не умертвили ихъ съ большою легкостью. Итакъ, поелику многихъ ужасовъ изъ числа угрожающихъ намъ мы не видимъ, проводя жизнь на землѣ, — то благодать Божія устроила, чтобы стоящіе какъ бы на высокомъ мѣстѣ пророчества, святые пророки заранѣе предуказывали, что намъ угрожаетъ грядущій гнѣвъ Божій, чтобы мы придя въ себя чрезъ покаяніе и исправивъ нашу падшую душу, задолго раньше отвели отъ себя Богомъ посланный ударъ. Поэтому Онъ говоритъ: *стража дахъ тя дому Израилеву*, чтобы ты предвозвѣстилъ, что угрожаетъ грядущее несчастіе,—подобно тому какъ тотъ возвѣщаетъ о наступленіи враговъ. И не малое наказаніе Онъ налагаетъ на непредваряющаго о Божіемъ гнѣвѣ. Какое именно? Души погибающихъ, говоритъ Онъ, *отъ руки твоея взыщу* (III, 20). Кто же въ такой степени жестокъ и безчеловѣченъ, и нечувствителенъ, чтобы сталъ обвинять говорящаго и не-

престанно бесѣдующаго о Божіемъ гнѣвѣ, имѣющаго подвергнуться столь великому наказанію, если бы онъ промолчалъ? Итакъ, что не полезно намъ—говорящимъ умалчивать объ этомъ, достаточно научили насъ и пророкъ и апостолъ; а что и вамъ—слушающимъ не полезно это, будетъ ясно изъ слѣдующаго. Если бы я, умолчавъ, скрывалъ молчаніемъ грѣхи, то по праву сталъ бы негодовать каждый, справедливо сталъ бы сердиться, если бы я и не молчалъ; если же, сколько бы ни молчали мы теперь, во всякомъ случаѣ тамъ грѣхи по необходимости обнаружатся, то—какая 657
польза могла бы быть отъ молчанія? Пользы—никакой, а вредъ—крайній. Всякій разъ, какъ я скажу теперь,—веду къ покаянію и сокрушенію душевному; если же буду молчать, то здѣсь и не вспомнимъ о тѣхъ грѣхахъ, какіе допущены нами, и не раскаемся; тамъ же увидимъ ихъ предъ глазами своими обнаженными и открытыми, и будемъ плакать безъ пользы и тщетно.

3. Итакъ, если во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы или тамъ, или здѣсь мы сокрушались о своихъ прегрѣшеніяхъ, то лучше—здѣсь, а не тамъ. Откуда это ясно? Изъ пророческихъ словъ, изъ евангельскихъ. Пророкъ говоритъ: *во адѣ кто исповѣстся Тебѣ* (Псал. VI, 6)? Не потому, что не исповѣдуемся, но потому, что дѣлаемъ это напрасно. Христосъ же научилъ этому самому и чрезъ притчу. Былъ нѣкій бѣднякъ—Лазарь, говоритъ Онъ; всюду былъ онъ покрытъ струпьями (Лук. XVI, 19), имѣя неизлѣчимую болѣзнь; нѣкоторый же другой человѣкъ—богачъ не удѣлялъ бѣдняку даже крошекъ. Впрочемъ зачѣмъ нужно излагать всю притчу? Вы знаете всю эту исторію, о безчеловѣчіи богача, какъ онъ не удѣлялъ бѣдняку отъ трапезы,—о бѣдности послѣдняго и голодѣ, съ которымъ онъ непрерывно боролся. Но такъ въ здѣшней жизни; а послѣ того, какъ каждый умеръ, богачъ видитъ того бѣдняка на лонѣ Авраамовомъ. И что̀ говоритъ: *отче Аврааме, посли его* (Лазаря), *да омочитъ концомъ перста своего языкъ мой*, чтобы отдохнуть отъ боли (—24). Видѣлъ ты воздаяніе? Онъ не удѣлялъ крошекъ,—не получаетъ за то и капли воды. *Въ нюже бо мѣру*, говорится, *мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мрк. IV, 24). Что же Авраамъ? *Чадо, воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая; и нынѣ* этотъ *здѣ утѣшается, ты же страждеши* (Лук. XVI, 25). Но,—что̀ и изслѣдуется,—хотя люди сокрушаются изъ-за грѣховъ и перемѣняются и, благодаря гееннѣ, дѣлаются лучшими, однако это нисколько не приноситъ имъ пользы въ отношеніи къ облегченію мукъ пламени, такъ какъ *отче, да послеши его въ домъ* мой,—говоритъ тотъ,—чтобы онъ возвѣстилъ моимъ сродникамъ, *да не и тіи пріидутъ на мѣсто сіе* (—27, 28). Самъ не получивъ благодѣянія, пытается доставить послѣ спасеніе другимъ. Ты видѣлъ, какъ онъ

до этого времени былъ безчеловѣченъ, какъ послѣ этого сталъ человѣколюбивъ? Пока былъ живъ, онъ проходилъ мимо лежавшаго предъ его глазами Лазаря, теперь же заботится и объ отсутствующихъ родственникахъ; тогда, находясь среди изобилія, не склонялся къ милосердому созерцанію бѣдняка, теперь же, будучи среди мученій и неотвратимыхъ пытокъ, заботится о своихъ родственникахъ и проситъ, чтобъ былъ посланъ имѣющій возвѣстить имъ объ этомъ. Видишь, какъ человѣколюбивъ сталъ онъ, и кротокъ, и сострадателенъ?

Что же? Извлекъ ли онъ для себя какую-либо пользу изъ покаянія? Получилась ли какая-либо для него выгода отъ сокрушенія? Никоимъ образомъ, такъ какъ это покаяніе неблаговременно. Зрѣлище окончилось, бои прекратились, уже не осталось удобнаго времени для состязаній; поэтому увѣщеваю и прошу, и умоляю: здѣсь должно горевать и плакать изъ-за грѣховъ. Пусть здѣсь опечаливаютъ насъ слова, и пусть тамъ не устрашаютъ дѣла; пусть здѣсь уязвляетъ насъ слово, и пусть не уязвляетъ насъ тамъ ядовитый червь; пусть здѣсь жжетъ насъ порицаніе, и пусть не жжетъ тамъ геенна огненная. И послѣдовательно, чтобъ печалящіеся здѣсь были утѣшены тамъ; совершенно необходимо, чтобъ здѣсь роскошествующіе и смѣющіеся и безпечально относящіеся
658 къ своимъ прегрѣшеніямъ опечалились тамъ и скорбѣли и скрежетали зубами. Не мое это слово, но самого Того, Кто тогда будетъ судить насъ. *Блажени*, говоритъ Онъ, *плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Мѳ. v, 4). *Горе вамъ, смѣющимся нынѣ, яко восплачете* (Лук. vi, 25). Итакъ, что лучше — промѣнять продолжающееся лишь опредѣленное время сокрушеніе и сѣтованіе на вѣчныя блага и на наслажденіе, не имѣющее конца,—или, проведя здѣсь въ веселіи эту краткую и преходящую жизнь, отойти изъ нея съ тѣмъ, чтобъ тамъ подвергнуться вѣчнымъ наказаніямъ? Быть можетъ ты стыдишься и краснѣешь предъ мыслью высказать прегрѣшенія? Но если бы даже надлежало говорить объ этомъ и обнаруживать при людяхъ, то и при такихъ условіяхъ не должно было бы стыдиться: впадать въ грѣхъ—стыдъ, а не признаться въ допущенномъ грѣхѣ; теперь же и нѣтъ надобности исповѣдываться въ присутствіи свидѣтелей. Предъ размышленіями совѣсти пусть происходитъ изслѣдованіе содѣянныхъ грѣховъ; судилище пусть будетъ безъ свидѣтелей; Богъ одинъ только да видитъ тебя—исповѣдующагося,—Богъ, не порицающій грѣхи, но разрѣшающій ихъ изъ-за исповѣданія. Но даже и при такихъ условіяхъ ты медлишь и отговариваешься? Знаю и я, что совѣсть не выноситъ воспоминанія о собственныхъ прегрѣшеніяхъ, такъ что, если только придемъ къ воспоминанію о допущенныхъ нами

прегрѣшеніяхъ, то умъ прыгаетъ, какъ бы какой неукротимый, молодой и непокорный конь. Но удержи его, обуздай, погладь рукою, сдѣлай его кроткимъ, убѣди, что, если теперь онъ не исповѣдуется, то будетъ исповѣдываться тамъ, гдѣ—бо́льшее наказаніе, гдѣ—бо́льшее безчестіе. Здѣсь судилище безъ свидѣтелей, и ты—согрѣшившій—ведешь судъ съ собой самимъ; тамъ же всѣ грѣхи будутъ приведены въ средину зрѣлища вселенной, если напередъ не изгладимъ ихъ здѣсь. Ты стыдишься сознаться въ прегрѣшеніяхъ? Стыдись дѣлать грѣхи. Мы же, всякій разъ какъ дѣлаемъ ихъ, отваживаемся безразсудно и безстыдно; а когда нужно бываетъ сознаться, тогда стыдимся и медлимъ, между тѣмъ какъ должно было бы дѣлать это съ готовностью. Порицать за грѣхи не стыдъ, но — справедливость и добродѣтель; если бы не было справедливостью и добродѣтелью, то Богъ не назначилъ бы за это награды. А что исповѣданіе имѣетъ награды, послушай, что̀ говоритъ (Писаніе): *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26). Кто стыдится дѣла, благодаря которому становится праведнымъ? Кто стыдится исповѣдать прегрѣшенія, чтобы уничтожить послѣднія? Ужели Господь для того повелѣваетъ сознаться, чтобы наказать? Не для того, чтобы наказать, но—чтобы даровать прощеніе.

4. Во внѣшнихъ судилищахъ за сознаніемъ слѣдуетъ наказаніе. Посему и псаломъ, предусматривая это самое, чтобы кто-либо, боясь наказанія послѣ исповѣданія, не сталъ отрицать своихъ грѣховъ, говоритъ: *исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его* (CV, 1). Ужели Онъ не знаетъ твоихъ прегрѣшеній, если ты не сознаешься? Итакъ, какого ты достигаешь успѣха чрезъ то, что не исповѣдуешься? Ужели ты можешь остаться скрытымъ? Хотя бы ты не сказалъ, Онъ знаетъ; если же ты скажешь, Онъ забываетъ, потому что вотъ Я—Богъ, *заглаждаяй беззаконія твоя, и не помяну* (Иса. XLIII, 25). Видишь ли? Я *не помяну*, говоритъ, такъ какъ это свойственно человѣколюбію; ты же вспомни, чтобы получить случай къ исправленію. 659
Услышавъ это, Павелъ самъ непрерывно вспоминалъ о тѣхъ грѣхахъ, о которыхъ Богъ не помнилъ, — вспоминалъ, такъ именно говоря: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ Церковь* (1 Кор. XV, 9); и: *Христосъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15). Не сказалъ: *былъ*, но: *есмь*. Возъимѣло мѣсто прощеніе грѣховъ отъ Бога, — а воспоминаніе о прощенныхъ грѣхахъ не помрачалось у Павла; что̀ Господь изгладилъ, это онъ самъ обнаруживалъ. Вы слышали пророка, говорящаго: и *не помяну*; ты же помни. Богъ называетъ его *сосудомъ избранія* (Дѣян. IX, 15), а онъ называетъ себя первымъ

изъ грѣшниковъ. Если же онъ не забывалъ о прощенныхъ прегрѣшеніяхъ, то поразмысли, какъ онъ помнилъ о Божіихъ благодѣяніяхъ. И зачѣмъ я говорю о томъ, что память о грѣхахъ не посрамляетъ? Не столь славными дѣлаетъ насъ память о добрыхъ поступкахъ, какъ воспоминаніе о грѣхахъ; лучше же сказать: воспоминаніе о добрыхъ поступкахъ не только не дѣлаетъ славными, но даже исполняетъ стыда и осужденія; память же о грѣхахъ преисполняетъ насъ дерзновеніемъ и великою праведностью. Кто говоритъ это? Фарисей и мытарь. Одинъ, объявивъ прегрѣшенія, возвратился оправданнымъ; другой же, объявивъ добрые поступки, возвратился, ставъ ниже мытаря. Видишь, какой вредъ— вспоминать о добрыхъ поступкахъ, — какая польза не предать забвенію прегрѣшенія? И весьма естественно, потому что кто помнитъ о добрыхъ поступкахъ, тотъ увлекается высокомѣріемъ, презираетъ остальныхъ людей, чтò именно и случилось съ фарисеемъ, который не дошелъ бы до столь великаго тщеславія, не сказалъ бы: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы* (Лук. XVIII, 11), если бы не помнилъ о своемъ постѣ и десятинѣ; память же о грѣхахъ укрощаетъ умъ, убѣждаетъ быть смиренномудрымъ и чрезъ смиренномудріе привлекаетъ Божіе благоволеніе. Послушай, прошу, какъ и Христосъ повелѣваетъ намъ предавать забвенію свои добрые поступки. *Егда сотворите* все это, *глаголите: яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Ты говори о себѣ, что — непотребный рабъ, — не я дѣлаю тебя непотребнымъ; если ты сознáешься въ своей ничтожности, я дѣлаю тебя славнымъ и увѣнчиваю.

Видишь, сколькими доказательствами намъ засвидѣтельствовано, что память о грѣхахъ доставляетъ пользу и что память о добрыхъ поступкахъ приноситъ вредъ,—и, въ свою очередь, наоборотъ, что за забвеніе грѣховъ навлекается наказаніе намъ, а за забвеніе добрыхъ поступковъ бываетъ намъ польза? Желаешь понять и съ другой стороны, что величайшая добродѣтель — помнить о грѣхахъ? Послушай Іова. Какъ онъ въ другихъ случаяхъ гордился, такъ и при исповѣданіи прегрѣшеній, такъ именно говоря: *аще же и согрѣшая неволею* [1]) *не посрамихся народнаго множества, еже не повѣдати* грѣховъ моихъ (Іов. XXXI, 33, 34). А чтò онъ говоритъ, имѣетъ такой смыслъ: никогда собраніе сорабовъ не привело меня въ стыдъ. Какая польза отъ того, что о мнѣ не знаютъ люди, когда Судія знаетъ все; какой вредъ отъ того, что они знаютъ о допущенныхъ мною прегрѣшеніяхъ, когда Тотъ желаетъ освободить отъ наказанія? И хотя бы всѣ осуждали, я нисколько не забо-

---

[1]) У св. І. Злат. *добровольно*.

чусь о мнѣніи ихъ, если оправдаетъ Судія; и хотя бы всѣ восхваляли и изумились мнѣ, опять для меня нѣтъ никакой пользы отъ ихъ приговора, если Тотъ меня осуждаетъ. Всюду должно смотрѣть на Того, и дѣлать въ отношеніи къ прегрѣшеніямъ то же самое, что именно дѣлаемъ въ отношеніи къ тратѣ денегъ. Тотчасъ послѣ 660
того, какъ встали съ постели, прежде чѣмъ пойдемъ на рынокъ или займемся какимъ-либо частнымъ или общественнымъ дѣломъ, призвавъ слугу, требуемъ отчетъ въ истраченномъ, чтобы знать, что̀ истрачено дурно, а что на должное, и какъ много осталось; и если мы узнаемъ, что оставшагося—немного, то всячески придумываемъ средства къ доходамъ, чтобы не быть незамѣтно истребленными голодомъ. Итакъ, станемъ дѣлать это и въ отношеніи къ нашимъ дѣламъ. Призвавъ нашу совѣсть, дадимъ ей отчетъ въ словахъ, дѣлахъ, въ помышленіяхъ; изслѣдуемъ, что̀ истрачено на должное, а что—къ нашему вреду; какое слово истрачено дурно, на поношенія, на сквернословіе, на оскорбленія; какая мысль побудила глазъ къ распутству; какой помыслъ, ко вреду нашему, перешелъ въ дѣло, осуществленный или съ помощію рукъ, или—языка, или—самыхъ глазъ; и постараемся отстать отъ неумѣстной траты, а вмѣсто того, что однажды истрачено дурно, постараемся сберечь другіе доходы; вмѣсто словъ, произнесенныхъ безразсудно, будемъ произносить молитвы, вмѣсто взоровъ, ставшихъ нецѣломудренными, прибѣгнемъ къ милостынямъ, постамъ. Если мы намѣрены тратить неразумно, ничего не сберегая, не собирая себѣ добра, то, впавъ въ крайнюю бѣдность, незамѣтно стяжемъ себѣ наказаніе вѣчнымъ огнемъ. Итакъ, мы имѣемъ обыкновеніе давать отчетъ въ деньгахъ около разсвѣта, а въ дѣлахъ, въ томъ, что совершено нами послѣ того, какъ настал день, и во всемъ сказанномъ потребуемъ отъ себя отчетовъ послѣ ужина и послѣ наступленія самаго вечера, лежа на постели, когда никто не безпокоитъ, когда никто не тревожитъ; и если увидимъ, что въ чемъ-либо согрѣшили, то накажемъ совѣсть, сдѣлаемъ выговоръ уму, уязвимъ разсудокъ такъ сильно, чтобъ болѣе мы уже не дерзнули, вставъ, привести себя къ той же самой безднѣ грѣха, помня о вечерней ранѣ.

5. Что это время болѣе удобно для таковаго требованія отчетовъ, послушай, что̀ говоритъ пророкъ: *яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся* (Псал. IV, 5). Многое по наступленіи дня дѣлаемъ не такъ, какъ желаемъ; и друзья раздражаютъ, и слуги приводятъ въ неистовство, и жена огорчаетъ, и дитя опечаливаетъ, и множество житейскихъ и общественныхъ дѣлъ окружаетъ насъ; и не можемъ тогда понимать даже и того, какимъ образомъ обманываемъ себя. Но, освободившись

отъ всего этого и вечеромъ оставшись наединѣ съ самими собою, и наслаждаясь большимъ спокойствіемъ, устроимъ на ложѣ судилище, чтобы съ помощію таковаго суда умилостивлять Бога. Если же ежедневно будемъ грѣшить и ранить нашу душу, никогда не вникая въ это, то подобно тому, какъ получающіе непрерывныя раны, а потомъ нерадѣющіе о нихъ, пріобрѣтаютъ себѣ лихорадки и навлекаютъ невыносимую смерть,—такъ, конечно, и мы вслѣдствіе этого
661 непрерывнаго безчувствія навлекаемъ на себя неминуемое наказаніе. Я знаю, что сказанное—тягостно, но оно приноситъ большую выгоду. У насъ—милостивый Господь; Онъ желаетъ только найти предлогъ, и тотчасъ обнаруживаетъ всякое человѣколюбіе. Если бы, согрѣшая и оставаясь ненаказанными, мы не дѣлались худшими, то Онъ и удалялъ бы отъ насъ наказаніе; но Онъ ясно знаетъ, что безнаказанность согрѣшающихъ вредитъ имъ не меньше самыхъ грѣховъ. Поэтому налагаетъ наказаніе, не за прошедшее взыскуя вину, но исправляя будущее. И чтобы ты понялъ, что это—истинно, послушай что Онъ говоритъ Моисею: *остави Мя и, возъярився гнѣвомъ, потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10). Оставь Меня, говорилъ Онъ, не потому, что Моисей удерживалъ Его, такъ какъ тотъ ничего не сказалъ Ему, но предстоялъ въ молчаніи,—а желая дать ему случай къ мольбѣ за нихъ. Такъ какъ тѣ допустили грѣхъ, достойный наказанія и наказанія неизбѣжнаго, и, однако, Онъ не хотѣлъ наказать ихъ, а проявить къ нимъ человѣколюбіе, но такъ какъ это дѣлало ихъ болѣе безпечными, то Онъ устраиваетъ одно и другое, такъ чтобъ и наказанія не было нанесено, и чтобы тѣ вслѣдствіе безнаказанности не сдѣлались болѣе безпечными, понявъ, что они избѣжали гнѣва Господня не въ виду ихъ собственнаго достоинства, а по предстательству Моисея. Это и мы часто дѣлаемъ, и, не желая ни подвергать наказанію слугъ, допустившихъ проступки, достойные наказанія, ни освобождать отъ страха предъ ожидающимъ наказаніемъ, просимъ друзей исхитить ихъ изъ нашихъ рукъ, такъ чтобы и страхъ въ нихъ оставался въ полной силѣ, и чтобы они избѣжали съ нашей стороны ударовъ. То же сдѣлалъ и Богъ; а что это—истинно, ясно изъ самыхъ словъ: *остави Мя*, говоритъ, *и возъярився гнѣвомъ*... И мы, когда желаемъ наказывать, а намъ не позволяютъ этого, приходимъ въ состояніе гнѣва. Онъ же говоритъ: *остави Мя, и, возъярився гнѣвомъ*,—чтобы ты понялъ, что гнѣвъ не страсть въ Богѣ, но что называется этимъ именемъ назначаемое намъ наказаніе. Итакъ, когда услышишь, что Моисей говоритъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави* (Исх. XXXII, 32), то прежде, чѣмъ предъ рабомъ, приди въ изумленіе предъ Господомъ по той причинѣ, что Онъ самъ доставилъ ему случаи къ этому человѣколюбію. Но не здѣсь

только сдѣлалъ Онъ это, но то же самое говоритъ и къ Іереміи, и къ Іезекіилю: *обыдите и воззрите* на *путяхъ* Іерусалима; если есть кто *творящій судъ* и правду, *милосердъ буду* къ нимъ (Іер. v, 1). [1]). Ты увидѣлъ человѣколюбіе? Добродѣтелью одного пользуются многіе даже и порочные люди, но изъ-за порочности множества, даже если среди многочисленнаго народа и одинъ окажется поступающимъ добродѣтельно, (послѣдній) не раздѣляетъ ихъ участи; напротивъ, одинъ человѣкъ, право живущій, будетъ въ состояніи исхитить отъ гнѣва Божія цѣлый народъ, а цѣлое государство развращенное не будетъ въ состояніи привлечь къ собственному наказанію и мученію и погубить человѣка справедливо живущаго. Это ясно и изъ исторіи Ноя: когда всѣ, дѣйствительно, погибали, одинъ только онъ былъ сохраняемъ; ясно и изъ жизни Моисея: одинъ только онъ, дѣйствительно, оказался въ состояніи явиться съ ходатайствомъ за таковой народъ. Я же могу представить и другое, бо́льшее доказательство Божія человѣколюбія. Когда Онъ не найдетъ живыхъ людей, имѣющихъ дерзновеніе и могущихъ явиться съ ходатайствомъ за согрѣшившихъ, то прибѣгаетъ къ умершимъ и говоритъ, что ради ихъ отпускаетъ грѣхи, какъ дѣйствительно и сказалъ Езекіи: *защищу градъ сей Мене ради и Давида ради, раба Моего* (4 Цар. xx, 6), уже умершаго. Итакъ, зная, что Богъ все движетъ и дѣлаетъ, чтобы освободить насъ отъ наказанія и мученія, будемъ доставлять Ему многочисленные случаи къ этому, исповѣдуясь, раскаиваясь, плача, молясь, прекращая гнѣвъ на ближнихъ, улучшая бѣдность близкихъ, бодрствуя въ молитвахъ, обнаруживая смиренномудріе, непрестанно помня о грѣхахъ.

Не достаточно сказать, что я—грѣшникъ, но должно вспомнить и о самыхъ грѣхахъ о каждомъ въ отдѣльности. Подобно тому какъ огонь, попавшій въ терновникъ, легко уничтожаетъ его, такъ помышленіе, постоянно направленное на допущенные грѣхи, легко уничтожаетъ ихъ и потопляетъ. Богъ же, оставляющій безъ вниманія беззаконія, удаляющій неправды, да избавитъ насъ отъ грѣховъ и да удостоитъ небеснаго царства, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

[1]) Въ Библіи читаемъ: *обыдите пути Іерусалимскія и воззрите... аще обрящете мужа творящаго судъ и ищуща вѣры. и милосердъ буду ему...*

БЕСѢДА

о мученикахъ [1]).

661—662 ПРАЗДНИКИ мучениковъ признаются не только по круговороту дней, но и по расположенію празднующихъ. Напримѣръ: ты сталъ подражать мученику, поревновалъ его до-
663 бродѣтели, пошелъ по слѣдамъ его любомудрія? Вотъ ты, и безъ наступленія дня мученика, отпраздновалъ праздникъ мученика, потому что честь мученику—подражаніе мученику. Какъ тѣ, которые совершаютъ худыя дѣла, бываютъ и въ праздники безъ праздниковъ, такъ и тѣ, которые слѣдуютъ добродѣтели, и безъ торжества совершаютъ праздникъ, потому что праздникъ отмѣчается чистотою совѣсти. Это выражалъ и Павелъ, когда говорилъ: *тѣмже да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. ѵ, 8). Такимъ образомъ есть безквасное у іудеевъ, есть и у насъ; но у нихъ безквасное изъ муки, а у насъ—чистота жизни, жизнь свободная отъ всякаго порока, такъ что, кто соблюдаетъ жизнь свою чистою отъ нечистоты и пятенъ, тотъ каждодневно празднуетъ и всегда торжествуетъ, хотя бы и не въ день мучениковъ, и не въ ихъ храмахъ, но и сидя дома. Можно и у себя праздновать праздникъ мучениковъ. Говорю это не для того, чтобы намъ не приходить къ гробамъ мучениковъ, но чтобы, пришедши, мы встрѣчали праздникъ съ надлежащимъ усердіемъ и не только въ дни ихъ, но и безъ этихъ дней, оказывали одинаковое благоговѣніе. Кто не порадуется сегодня нашему собранію, этому свѣтлому зрѣлищу, кипучей любви, горячему расположенію, неудержимой страсти? Почти весь городъ переселился сюда, и ни раба не удержалъ страхъ предъ господиномъ, ни бѣднаго—нужда бѣдности, ни старца—слабость возраста, ни жену—нѣжность пола, ни богатаго—гордость отъ изобилія, ни начальника—надменность власти; но любовь къ мученикамъ, устранивъ всякое подобное неравенство, и слабость природы, и нужду бѣдности, одною цѣпью привлекла сюда такое множество и окрылила любовью къ мученикамъ, какъ будто теперь вы устроиваетесь жить на небѣ: поправъ всякую похоть невоздержанія и непотребства, вы пламенѣете любовію къ мученикамъ. Какъ при восхожденіи солнца

[1]) Произнесена въ селѣ близъ Антіохіи по поводу того, что многіе по окончаніи богослуженія тотчасъ отдались недостойному провожденію времени.

дикіе звѣри разбѣгаются и скрываются въ свои пещеры, такъ и когда свѣтъ мучениковъ озаряетъ наши души, всѣ болѣзни ея погребаются, и возгорается свѣтлый пламень любомудрія. А чтобы намъ не только теперь, но и постоянно, и по окончаніи настоящаго духовнаго зрѣлища, сохранять этотъ пламень, возвратимся и домой съ тѣмъ же самымъ благоговѣніемъ, не пускаясь въ мѣста пьянства и блудодѣянія, въ опьянѣніе и пиршества. Вы обратили ночь въ день, посредствомъ священныхъ всенощныхъ бдѣній; не обращайте же опять дня въ ночь посредствомъ пьянства и невоздержанія и блудныхъ пѣсней. Ты почтилъ мучениковъ своимъ прибытіемъ, слушаніемъ, усердіемъ; почти же ихъ и пристойнымъ возвращеніемъ домой, чтобы кто-нибудь, увидѣвъ тебя безчинствующимъ въ мѣстѣ пьянства, не сказалъ, что ты приходилъ не ради мучениковъ, а чтобъ усилить свою страсть, чтобы удовлетворить порочной похоти. Говорю это, не препятствуя веселиться, но препятствуя грѣшить, не препятствуя пить, а препятствуя пьянствовать. Нé вино худо, но неумѣренность порочна; вино есть даръ Божій, а неумѣренность — изобрѣтеніе діавола. Итакъ, *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся* 664
Ему съ трепетомъ (Пс. II, 11).

Ты хочешь насладиться веселіемъ? Наслаждайся дома, гдѣ, если и произойдетъ опьянѣніе, много прикрывающихъ,—а не въ мѣстѣ пьянства, чтобы тебѣ не быть общимъ зрѣлищемъ для присутствующихъ и соблазномъ для другихъ. Говорю это, не приказывая дома пьянствовать, но не проводить время въ мѣстахъ пьянства. Представь, какъ смѣшно, — послѣ такого собранія, послѣ всенощныхъ бдѣній, послѣ слушанія священнаго Писанія, послѣ пріобщенія божественныхъ таинъ и послѣ духовнаго ликованія, мужу или женѣ являться въ мѣстѣ пьянства и проводить тамъ цѣлые дни. Развѣ вы не знаете, какое положено наказаніе пьянствующимъ? Они извергнутся изъ царства Божія, лишатся неизреченныхъ благъ и будутъ посланы въ вѣчный огонь. Кто говоритъ это? Блаженный Павелъ: *ни лихоимцы*, говоритъ онъ, *ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 10). Что можетъ быть несчастнѣе пьяницы, когда онъ за малое удовольствіе лишится наслажденія такимъ царствомъ? Лучше сказать: даже и удовольствіемъ не можетъ воспользоваться пьяница, потому что удовольствіе—въ умѣренности, а въ неумѣренности — безчувственность. Кто не чувствуетъ, гдѣ онъ сидитъ или лежитъ, тотъ какъ можетъ чувствовать удовольствіе отъ питья? Кто самаго солнца не можетъ видѣть отъ густого облака опьянѣнія, тотъ какъ можетъ наслаждаться радостію? Мракъ его таковъ, что и лучи солнечные не въ

состояніи разогнать у него эту тьму. Всегда, возлюбленные, пьянство зло, но особенно въ день мучениковъ. Здѣсь вмѣстѣ съ грѣхомъ есть и величайшее оскорбленіе, и глупость, и униженіе божественныхъ вѣщаній,—поэтому можетъ быть и двойное наказаніе. Итакъ, если ты, пришедши къ мученикамъ, намѣреваешься, по выходѣ отсюда, пьянствовать, то лучше бы тебѣ оставаться дома, и не безчинствовать, не оскорблять праздника мучениковъ, не соблазнять ближняго, не вредить душѣ, не прибавлять грѣховъ. Ты пришелъ посмотрѣть на людей, терпѣвшихъ скобленія, облитыхъ кровію, украшенныхъ множествомъ ранъ, отказавшихся отъ настоящей жизни, стремившихся къ будущей: будь же достоинъ этихъ подвижниковъ. Они презирали жизнь, ты презирай удовольствія; они отказались отъ настоящей жизни, ты откажись отъ страсти къ пьянству.

Но ты хочешь получить удовольствіе? Оставайся при гробѣ мученика, проливай тамъ источники слезъ, сокрушайся душею, получай благословеніе отъ этого гроба; пріобрѣтши ходатайство его въ молитвахъ, проводи всегда время въ слушаніи повѣствованій объ его подвигахъ, обнимай его гробницу, пригвозди себя къ его ракѣ, потому что не только кости мучениковъ, но и гробы ихъ и раки источаютъ великое благословеніе. Прими святый елей и помажь все свое тѣло, языкъ, уста, шею, глаза, и никогда не впадешь въ кораблекрушеніе пьянства, такъ какъ елей своимъ благоуханіемъ напоминаетъ тебѣ о подвигахъ мучениковъ, обуз-
665 дываетъ всякое невоздержаніе, удерживаетъ въ великомъ терпѣніи и побѣждаетъ душевныя болѣзни. Но ты хочешь проводить время въ рощахъ, лугахъ и садахъ? Только не теперь, когда столько народу, но въ другой день; сегодня время подвиговъ, сегодня зрѣлище борьбы, а не удовольствія и не отдохновенія. Ты пришелъ сюда не для того, чтобы предаться лѣности, но чтобы научиться—бороться, сражаться всѣми способами и, будучи человѣкомъ, сокрушать силу невидимыхъ бѣсовъ. А никто, пришедши на мѣсто борьбы, не предается удовольствіямъ, и, прибывши во время подвиговъ, не занимается украшеніемъ себя, и во время сраженія не заботится о трапезахъ. Поэтому и ты, пришедши посмотрѣть на мужество души и крѣпость ума, на трофей новый и необычайный, на нѣкоторую особенную борьбу, на раны и сраженія, на всевозможное состязаніе человѣческое, не вводи дѣйствій бѣсовскихъ, предаваясь пьянству и удовольствіямъ послѣ этого необыкновеннаго и страшнаго зрѣлища, но пріобрѣтши душевную пользу, отправляйся съ нею домой, самымъ видомъ своимъ показывая всѣмъ, что ты возвратился, видѣвъ мучениковъ. Какъ возвращающіеся со зрѣлищъ замѣтны для всѣхъ потому, что бы-

ваютъ смущены, разстроены, разслаблены, и носятъ въ себѣ 666
образы всего, тамъ происходившаго, — такъ и возвращающемуся отъ созерцанія мучениковъ надлежитъ быть замѣтнымъ для всѣхъ по взору, по осанкѣ, по походкѣ, по сокрушенію, по сосредоточенности душевной, дышать пламенемъ, быть скромнымъ, сокрушеннымъ, трезвеннымъ, бодрымъ, въ самыхъ движеніяхъ тѣла выражающимъ внутреннее любомудріе. Такъ будемъ мы возвращаться въ городъ, съ надлежащею благопристойностію, съ благоприличною походкою, съ благоразуміемъ и цѣломудріемъ, съ кроткимъ и мирнымъ взоромъ: *одѣяніе бо мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопа ноги возвѣстятъ яже о немъ* (Сирах. XIX, 27). Такъ всегда будемъ возвращаться отъ мучениковъ, отъ духовныхъ ароматовъ, небесныхъ луговъ, новыхъ и дивныхъ зрѣлищъ, чтобы и намъ самимъ получить великое облегченіе, и для другихъ стать защитниками свободы, и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

святому мученику Юліану [1]).

ЕСЛИ на землѣ таковы почести мученикамъ, то по отшествіи 665—6
отсюда какіе вѣнцы сплетаются на небесахъ святымъ ихъ главамъ? Если прежде воскресенія такова слава ихъ, то каково будетъ сіяніе ихъ послѣ воскресенія? Если отъ подобныхъ себѣ рабовъ они получаютъ такое почитаніе, то какого
благоволенія сподобятся отъ Господа? Если мы, лукавые, умѣемъ 667
такъ почитать подвижниковъ изъ подобныхъ намъ рабовъ и благоговѣть предъ ними, потому что они подвизались за Христа, то насколько болѣе Отецъ нашъ небесный дастъ безчисленныя блага потрудившимся для Него (Матѳ. VII, 11)? Подлинно, щедръ и человѣколюбивъ Онъ; но не поэтому только ожидаютъ ихъ великія почести, а и потому, что Онъ—должникъ ихъ. Не за насъ были закалаемы мученики, и однако мы стекаемся въ честь ихъ. Если же мы, за которыхъ они не были закалаемы, стекаемся, то чего не сдѣлаетъ Христосъ, за Котораго они положили свои головы? Если тѣмъ, кому Онъ ничего не былъ долженъ, далъ Онъ

---

[1]) Слово это произнесено въ Антіохіи, гдѣ почивали и мощи мученика и храмъ былъ его имени. Память св. Юліана—21 іюня.

столь великія блага, то какихъ даровъ не воздастъ Онъ тѣмъ, предъ кѣмъ Онъ—должникъ? Ничего Онъ не былъ прежде долженъ вселенной: *вси бо*, говоритъ Павелъ, *согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Римл. III, 23); или—лучше—за Нимъ въ долгу были казнь и мученія, и однако, будучи долженъ воздать намъ казни и мученія, Онъ даровалъ жизнь вѣчную. Итакъ, если тѣмъ, кому Онъ долженъ былъ казнями, далъ Онъ царство, то чего не дастъ тѣмъ, кому долженъ жизнію вѣчною? Какими почестями не почтитъ Онъ ихъ? Если за ненавидившихъ Его Онъ распялся и пролилъ кровь, то чего не сдѣлаетъ для тѣхъ, которые пролили кровь свою за Его исповѣданіе? Если отвращающихся и удаляющихся Онъ возлюбилъ такъ, что даже умеръ за нихъ, то возлюбившихъ Его въ высочайшей степени (ибо *больши сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13)),—съ какимъ приметъ Онъ благоволеніемъ и почитаніемъ? Подвижники внѣшнихъ состязаній на одномъ и томъ же ристалищѣ и ратоборствуютъ, и побѣждаютъ, и провозглашаются побѣдителями, и увѣнчиваются; но съ подвижниками благочестія бываетъ не такъ: ратоборствовали они въ настоящемъ вѣкѣ, а увѣнчиваются въ будущемъ; борятся съ діаволомъ и побѣждаютъ здѣсь, а провозглашаются побѣдителями тамъ. И дабы вамъ убѣдиться, что это справедливо, что не здѣсь даются имъ вѣнцы, но тамъ ожидаютъ ихъ всѣ дары, послушайте Павла, который говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды;* гдѣ и когда? *Его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. IV, 7, 8). Здѣсь онъ состязался, а тамъ увѣнчивается; здѣсь побѣдилъ, а тамъ провозглашается. Послушайте, что̀ и сегодня онъ взываетъ и говоритъ: *по вѣрѣ умроша сіи вси, не пріемше обѣтованій, но издалеча видѣвше я, и цѣловавше* (Евр. XI, 13). Для чего же у подвижниковъ внѣшнихъ вмѣстѣ и побѣды и вѣнцы, а у подвижниковъ благочестія побѣды и вѣнцы не вмѣстѣ, но на такомъ разстояніи времени? Они подвизались, трудились здѣсь, потерпѣли безчисленное множество ранъ, и Господь не тотчасъ увѣнчиваетъ ихъ? Не тотчасъ, говоритъ (апостолъ),—потому что настоящая жизнь по природѣ своей не вмѣщаетъ величія той чести; настоящій вѣкъ скоропреходящъ и краткокъ, а тотъ безпредѣленъ, безсмертенъ и безконеченъ.

Посему Господь и удѣлилъ труды вѣку краткому и временному, а вѣнцы сохранилъ для нестарѣющагося и безконечнаго,
668 чтобы и тяжесть трудовъ облегчалась, ограничиваясь краткостію времени, и наслажденіе вѣнцами было постоянно и нескончаемо, простираясь на вѣчность тѣхъ безпредѣльныхъ вѣковъ. Такимъ

образомъ Онъ отложилъ даръ, желая больше почтить ихъ; и не только для этого, но и для того, чтобы они имѣли удовольствіе уже чистое. Какъ тотъ, кто прежде наслаждается и пользуется удовольствіями, а послѣ того страдаетъ, не чувствуетъ настоящаго наслажденія по причинѣ ожиданія будущихъ бѣдствій; такъ тотъ, кто прежде борется, подвизается, терпитъ безчисленныя бѣдствія, а послѣ того увѣнчивается, не чувствуетъ настоящихъ золъ, ободряемый надеждою будущихъ благъ. И не только надеждою въ будущемъ Онъ облегчилъ имъ настоящій трудъ, но и тѣмъ, что устроилъ быть скорби по порядку прежде наслажденія, чтобы они, взирая на него, не очень были угнетаемы настоящими бѣдствіями. Такъ и бойцы охотно принимаютъ раны, взирая не на боль, а на вѣнецъ; такъ и мореплаватели, перенося безчисленныя опасности, бури и тяжкую какую-то войну, будучи готовы къ бою и съ дикими звѣрями и съ морскими разбойниками, не думаютъ ни о чемъ подобномъ, а смотрятъ на пристани и обогащеніе торговлею. Такъ и мученики, претерпѣвая безчисленныя страданія и испытывая терзаніе тѣла различными мученіями, не смотрѣли ни на что подобное, но устремляли взоръ къ небу и къ тамошнимъ благамъ. А дабы вамъ убѣдиться, что тяжкое по природѣ и невыносимое становится легкимъ и весьма удобнымъ отъ надежды на будущее, послушайте первостоятеля такихъ благъ: *еже бо*, говоритъ онъ, *нынѣ легкое печали, по преумноженію въ преспѣяніе, тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ*,—какимъ, скажи мнѣ, образомъ?—*не смотряющымъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 17, 18).

2. Все это сказано мною не попросту, но для васъ, чтобы вы, когда увидите кого-нибудь наслаждающимся и пользующимся удовольствіями въ этой жизни, а тамъ имѣющаго подвергнуться наказанію, не ублажали его за настоящія наслажденія, а пожалѣли по причинѣ будущаго наказанія. И съ другой стороны, когда кого-нибудь изъ имѣющихъ тамъ наслаждаться великою честію увидите въ скорби, въ тѣснотѣ и среди безчисленныхъ бѣдствій въ этой временной жизни, то не оплакивайте его за настоящія бѣдствія, но ублажайте и считайте достойнымъ ревнованія ради назначенныхъ ему вѣнцевъ въ тѣхъ безпредѣльныхъ вѣкахъ. Празднуемаго нынѣ святого произвелъ киликійскій народъ, который произвелъ и Павла; онъ былъ согражданинъ апостола, и оба служителя церкви оттуда предложены намъ.

Когда открылось поприще благочестія, и время призывало его къ подвигамъ, то онъ попадаетъ къ жестокому звѣрю, бывшему тогда судьѣ. И посмотрите, какова хитрость! Видя твердое убѣжденіе святого и невозможность сокрушить силу его рѣшимости жестокостью казни, судья употребляетъ противъ него медленность и

отсрочки, постоянно то вызывая мученика, то отсылая назадъ. Онъ не въ одинъ день, выслушавъ, отсѣкъ ему голову, чтобы скорость казни не сдѣлала для него подвигъ болѣе легкимъ, но ежедневно
669 вызывалъ его и отсылалъ назадъ, дѣлалъ допросы, угрожалъ безчисленными пытками, соблазнялъ льстивыми рѣчами, пускалъ въ ходъ всѣ хитрости, стараясь поколебать это непоколебимое основаніе,—и водилъ его цѣлый годъ по всей Киликіи, желая посрамить его, а лучше сказать, чего не предполагалъ онъ, дѣлая его болѣе славнымъ; самъ же мученикъ восклицалъ и воспѣвалъ съ Павломъ: *благодареніе Богу, побѣдители насъ творящему о Христѣ Іисусѣ, и воню разума его являющу нами во всякомъ мѣстѣ* (2 Кор. II, 14). Какъ муро, пока лежитъ въ одномъ мѣстѣ, въ немъ только наполняетъ воздухъ благоуханіемъ, а когда будетъ пронесено по многимъ мѣстамъ, то всѣ ихъ наполняетъ своею добротою,—такъ точно случилось тогда и съ этимъ мученикомъ. Его водили, намѣреваясь посрамить, но вышло противное: чрезъ такіе проводы подвижникъ становился славнѣйшимъ и всѣхъ жителей страны киликійской дѣлалъ соревнователями своей добродѣтели. Его водили вездѣ, чтобы не только по слуху знали о его подвигахъ, но и собственными глазами видѣли бы зрители самого вѣнценосца; и чѣмъ дальнѣйшія разстоянія (мучитель) устроялъ ему, тѣмъ славнѣе становились всѣ его шествія, чѣмъ большія полагалъ ему препятствія, тѣмъ болѣе удивительными являлись подвиги, чѣмъ долговременнѣе растягивалъ ему скорбь, тѣмъ виднѣе дѣлалъ его терпѣніе. Золото, чѣмъ болѣе времени подвергается дѣйствію огня, тѣмъ становится чище; такъ и душа этого святого, мучимая тогда, отъ времени болѣе просіявала, и мучитель водилъ въ мученикѣ не что иное, какъ трофей побѣды надъ самимъ собою и діаволомъ, обличеніе жестокости язычниковъ, доказательство благочестія христіанъ, величайшее знаменіе силы Христовой, назиданіе и внушеніе вѣрнымъ, чтобы и они охотно выдерживали такіе же подвиги, проповѣдника славы Божіей, учителя въ искусствѣ такихъ подвиговъ. Подлинно, онъ призывалъ всѣхъ послѣдовать его ревности, не голосомъ только совѣтуя, но и самыми дѣлами своими издавая звукъ громче трубы. Какъ *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1), не голосъ издавая, но великолѣпіемъ вида своего приводя зрителя въ удивленіе предъ Создателемъ, такъ точно повѣдалъ славу Божію и этотъ мученикъ, будучи и самъ небомъ, и притомъ гораздо блистательнѣйшимъ этого видимаго, потому что не столько хоры звѣздъ придаютъ блеска небу, сколько струи ранъ умножали блескъ тѣла мученика. А дабы вамъ убѣдиться, что раны мученика блистательнѣе утвержденныхъ на небѣ звѣздъ, посмотрите.

На то небо и на звѣзды смотрятъ и люди, и бѣсы, а на раны

мученика люди вѣрные смотрятъ, но бѣсы не смѣютъ прямо смотрѣть; если же и пытаются взглянуть, то тотчасъ ослѣпляются взоры ихъ, не имѣя силы вынести исходящаго оттуда блеска. Я докажу это не только давними случаями, но бывающими еще и нынѣ. Взявъ кого-нибудь, одержимаго бѣсомъ и бѣснующагося, приведи къ этому святому гробу, гдѣ останки мученика, и ты уви- 670
дишь, что онъ непремѣнно отскочитъ и убѣжитъ. Какъ будто ему предстоитъ идти по горячимъ угольямъ, такъ онъ выскакиваетъ тотчасъ изъ самаго преддверія, не осмѣливаясь взглянуть даже на самую раку. Если же теперь, спустя столь долгое время, когда мученикъ сталъ прахомъ и пепломъ, бѣсы не смѣютъ взглянуть на памятникъ и на обнаженныя кости святого, то явно, что и тогда, когда они видѣли его обагреннымъ кровію со всѣхъ сторонъ, блиставшимъ ранами болѣе, нежели солнце лучами, они были поражаемы и съ пораженными взорами убѣгали.

3. Видишь, какъ раны мучениковъ блистательнѣе и удивительнѣе звѣздъ небесныхъ и бо́льшую имѣютъ силу? Такимъ образомъ святый выведенъ былъ на средину, и горькія муки окружали его отвсюду,—страхъ будущаго, тяжесть настоящаго, боль отъ наступившаго, томленіе отъ ожидаемаго. Палачи, окружавшіе тѣло его, подобно дикимъ звѣрямъ, терзали ребра его, скоблили плоть, обнажали кости, доходили до самыхъ внутренностей; но, хотя переискали все, не смогли однако похитить сокровище вѣры. Въ царскихъ сокровищницахъ, гдѣ хранится золото и другое неоцѣненное богатство, какъ только разломаешь стѣны, или отворишь двери, тотчасъ увидишь лежащее сокровище; а здѣсь, съ этимъ святымъ и христоноснымъ храмомъ, произошло противное: палачи разломали стѣны, расторгли грудь, однакожъ лежавшаго въ ней богатства не видали и не могли взять; но что испытали жители Содома, которые стояли у самой двери Лотова жилища, и не нашли входа (Быт. xix, 11), тоже и они,—переискали вездѣ тѣло мученика, но овладѣть сокровищемъ и опустошить богатство вѣры не могли. Таковы душевныя доблести святыхъ: неотъемлемыя и непреодолимыя, онѣ заключены въ непоколебимости души ихъ, какъ бы въ какомъ-нибудь недоступномъ убѣжищѣ, и ни взоры мучителей не увидятъ ихъ, ни руки палачей не въ состояніи отнять ихъ, но, хотя бы они растерзали самое сердце, которому преимущественно ввѣрено душевное мужество, хотя бы разсѣкли его на мелкія части,—и такимъ образомъ не опустошили бы они этого богатства, а еще болѣе увеличили бы его; причиною же то, что въ такихъ душахъ обитаетъ Богъ, а воюющему съ Богомъ никогда не возможно одержать побѣды, но неизбѣжно должно удалиться посрамленнымъ и потерпѣвшимъ постыдное пораженіе. Поэтому и въ то время прои-

зошло прямо противное обычному. Вездѣ дѣла одерживаютъ верхъ надъ словами; а тогда слова одержали верхъ надъ дѣлами. Какимъ образомъ? Мучители употребляли въ дѣйствіе огонь, желѣзо, пытки; употребляли истязанія, мученія, бичеванія; совершенно истерзали ребра его; но страдалецъ остался неодолимъ: онъ только говорилъ. издавалъ одинъ только голосъ—и слово одержало верхъ надъ дѣлами. Изъ устъ мученика исходилъ святой голосъ—и вмѣстѣ съ нимъ изливался свѣтъ блистательнѣе луча солнечнаго. Свѣтъ этого луча таковъ, каково разстояніе отъ неба до земли, или лучше даже и этого всего разстоянія онъ не можетъ пройти, когда посреди встрѣтится или кровля, или стѣна, или облако, или какое-
671 нибудь другое тѣло, но отражается и дальнѣйшее движеніе его преграждается этими препятствіями; а голосъ мученика, исшедши изъ святыхъ устъ его, вознесся на самое небо. Онъ прошелъ небо небесъ; увидѣли его ангелы, и отступили,—архангелы, и посторонились; херувимы и прочія силы повели его вверхъ, и не прежде остановились, какъ когда привели его къ самому престолу царскому.

Послѣ этого голоса, когда тогдашній судья увидѣлъ, что всѣ средства употреблены тщетно и напрасно, что онъ идетъ противъ рожна и разбиваетъ адамантъ, что онъ дѣлаетъ? Онъ приступаетъ наконецъ къ явному своему пораженію, и лишаетъ мученика настоящей жизни,—такъ какъ смерть мучениковъ есть явное пораженіе убивающихъ и блистательная побѣда убиваемыхъ. Но посмотри, какой ужасный и жестокій придумалъ онъ родъ смерти, достаточно показывающій жестокость мучителя и мужество мученика. Какой же именно родъ казни? Принесши мѣшокъ и наполнивъ его пескомъ, онъ сажаетъ туда скорпіоновъ, змѣй, ехиднъ и драконовъ, сажаетъ вмѣстѣ съ ними и святого, и бросаетъ въ море. И вотъ былъ мученикъ вмѣстѣ съ звѣрями, и заключенъ опять праведный человѣкъ вмѣстѣ съ звѣрями; я сказалъ: опять, чтобы вы вспомнили древнее повѣствованіе о Даніилѣ. Того заключили въ ровъ, а этого посадили въ мѣшокъ; тогда привалили камень, а здѣсь зашили мѣшокъ, сдѣлавъ для праведника еще тѣснѣйшую темницу. Но звѣри вездѣ уважаютъ тѣла святыхъ, въ посрамленіе и осужденіе тѣхъ, которые почтены даромъ слова и удостоены быть людьми, но чрезмѣрною лютостію своею затмѣваютъ свирѣпость дикихъ звѣрей,—каковъ, конечно, былъ и этотъ мучитель. И можно было видѣть дивное чудо, не меньшее чуда съ Даніиломъ. Какъ тогда удивились вавилоняне, увидѣвъ его чрезъ много дней вышедшимъ изъ рва львинаго, такъ удивились ангелы, видя душу Юліана изъ мѣшка и волнъ восходящею на небо. Даніилъ поразилъ и побѣдилъ двухъ львовъ, впрочемъ тѣлесныхъ; этотъ поразилъ и

побѣдилъ одного льва, но мысленнаго, врага нашего діавола, который, говорится, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. v, 8); но и онъ былъ побѣжденъ мужествомъ мученика, который сложилъ съ себя ядъ грѣха, а потому его онъ и не поглотилъ, потому и не боялся ни льва, ни ярости звѣрей.

4. Хотите я разскажу еще другое древнее повѣствованіе, гдѣ праведникъ и звѣри? Вспомните о потопѣ при Ноѣ и о ковчегѣ. И тогда праведникъ и звѣри вмѣстѣ; но Ной вошелъ человѣкомъ, и вышелъ человѣкомъ, а Юліанъ вошелъ человѣкомъ, и вышелъ ангеломъ; тотъ вошелъ съ земли, и вышелъ опять на землю, а этотъ вошелъ въ мѣшокъ съ земли, и изъ мѣшка отошелъ на небо. Море взяло его не для того, чтобы умертвить, но чтобы увѣнчать, и, увѣнчавъ, возвратило намъ тѣло мученика, этотъ святой ковчегъ; его мы хранимъ до настоящаго дня, какъ сокровищницу безчисленныхъ благъ. Богъ раздѣлилъ съ нами мучениковъ: Самъ взявъ душу ихъ, тѣла Онъ какъ бы далъ намъ, чтобы святыя 672
кости ихъ были у насъ постояннымъ напоминаніемъ объ ихъ добродѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, кто смотритъ на окровавленное оружіе бойца, на его щитъ, копье и латы, тотчасъ, хотя бы это былъ лѣнивѣйшій изъ всѣхъ, вскакиваетъ, горячится и стремится къ войнѣ, видомъ этого оружія побуждаясь къ совершенію такихъ же подвиговъ,—то мы, взирая не на оружіе, а на самое тѣло святого, удостоившееся быть окровавленнымъ за исповѣданіе Христово, хотя бы мы были боязливѣе всѣхъ, можемъ ли не возъимѣть великой ревности, когда это зрѣлище, какъ бы какой огонь, проникаетъ въ нашу душу и призываетъ насъ на такой же подвигъ? Для того Богъ и оставилъ намъ тѣла святыхъ до времени воскресенія, чтобы мы имѣли въ нихъ урокъ величайшаго любомудрія. Впрочемъ, немощію нашего языка да не уменьшаются похвалы мученика, но да ожидаютъ распорядителя подвиговъ—Бога. Кто даетъ имъ вѣнцы, тотъ и восхвалитъ ихъ; похвала имъ не отъ людей, но отъ Бога; и то, что̀ мы сказали, сказали не для того, чтобы показать мученика болѣе свѣтлымъ, но чтобы васъ сдѣлать болѣе ревностными. Оставивъ же похвалы ему, обратимъ всю рѣчь къ вамъ,—а лучше сказать, похвалы мученикамъ не возмо̀жно прекратить, когда кто бесѣдуетъ въ церкви о предметахъ полезныхъ. Будьте же внимательны; я хочу сегодня истребить дурной старинный обычай, чтобы намъ не только приходить къ мученикамъ, но и подражать мученикамъ, такъ какъ чествованіе мучениковъ не только въ томъ, чтобы приходить къ нимъ, но еще прежде этого въ томъ, чтобы соревновать ихъ мужеству. Поэтому прежде всего надобно указать дурной обычай, потому что, не зная болѣзни, не удобно примѣнять и врачество;

и я раскрою прежде рану, а потомъ приложу лѣкарство. Какой же это дурной обычай? Нѣкоторые изъ собравшихся здѣсь сегодня (я не стану обвинять въ этой винѣ всю церковь), по безпечности и простотѣ, оставивъ насъ, завтра устремятся въ Дафну— расточать завтра то, что мы собрали сегодня, и разрушать то, что мы создали. Итакъ, чтобы присутствіе здѣсь не осталось для нихъ безплоднымъ, скажемъ немного объ этомъ, и окончимъ рѣчь. Зачѣмъ, скажи мнѣ, спѣшишь ты въ это предмѣстіе города? Вотъ здѣсь — предмѣстіе горняго Іерусалима; вотъ здѣсь — духовная Дафна! Тамъ источники водъ, здѣсь источники мучениковъ; тамъ кипарисы, безплодныя деревья, здѣсь останки святыхъ, корни насажденія на землѣ, и простирающіяся до неба вѣтви. Хочешь видѣть и плодъ этихъ вѣтвей? Открой очи вѣры, и я тотчасъ покажу тебѣ естество этихъ дивныхъ плодовъ. Плодъ этихъ вѣтвей не яблоки, не орѣхи, и не другое что-нибудь тлѣнное и погибаю-
673 щее, но исцѣленіе увѣчныхъ тѣлъ, отпущеніе грѣховъ, истребленіе порока, уврачеваніе душевныхъ болѣзней, непрестанная молитва, дерзновеніе предъ Богомъ, все—духовное и преисполненное небесныхъ благъ. Эти плоды, постоянно срываемые, всегда остаются въ изобиліи, и никогда не бываетъ въ нихъ недостатка у тѣхъ, кто ихъ воздѣлываетъ. Притомъ дерева, растущія на землѣ, приносятъ плоды однажды въ годъ, и если не сорвешь ихъ, то съ наступленіемъ зимняго времени и дерева теряютъ свое благолѣпіе, когда плоды портятся и опадаютъ; а эти не знаютъ ни зимы, ни лѣта, не подлежатъ вліянію временъ года, и никогда нельзя видѣть ихъ обнаженными отъ ихъ плодовъ, но всегда они стоятъ въ одинаковомъ благолѣпіи; не касается ихъ ни тлѣніе, ни перемѣна временъ. Такъ, сколь многіе съ тѣхъ поръ, какъ это тѣло насаждено на землѣ, собирали безчисленныя исцѣленія отъ этой святой гробницы, и однако плодовъ не убавилось,—жатвы пожинали, а колосья не оскудѣли, черпали изъ источника, а потоки не опустѣли, напротивъ происходитъ нѣкоторый постоянный приливъ, никогда не изсякающій, но въ замѣнъ почерпаемаго всегда производящій еще обильнѣйшее чудо. Впрочемъ не только совершаются чудеса, но и преподаются уроки любомудрія. Если ты богатъ, и гордишься, и имѣешь надменную душу, то, пришедши сюда, увидѣвъ мученика и обдумавъ разность между твоимъ богатствомъ и его изобиліемъ, ты тотчасъ смиришь гордость и, отложивъ надменность, уйдешь отсюда съ полнымъ здоровьемъ въ душѣ; если же ты бѣденъ, и считаешь себя презираемымъ, то, пришедши, увидѣвъ богатство мученика и посмѣявшись надъ внѣшнимъ богатствомъ, выйдешь отсюда, исполнившись великаго любомудрія, и хотя бы нанесены были тебѣ оскорбленія, или убытки, или раны,

увидѣвъ, что ты еще не столько пострадалъ, сколько этотъ святой мученикъ, ты также получишь отсюда достаточное утѣшеніе. Видишь, каковы плоды этихъ корней, какъ они неизсякаемы, какъ духовны, какъ они касаются самой души? Я не запрещаю ходить въ предмѣстіе, но запрещаю—идти завтра. Для чего? Для того, чтобы наслажденіе было безукоризненнымъ, чтобы удовольствіе было чистымъ, чтобы не приходило осужденіе. Въ иной день можно и насладиться удовольствіемъ, и избѣжать грѣха. Если же ты хочешь и нынѣ наслаждаться удовольствіемъ, то что пріятнѣе этого собранія, что прелестнѣе этого духовнаго зрѣлища, собранія сочленовъ твоихъ, твоихъ братьевъ? Но ты хочешь участвовать и въ тѣлесной трапезѣ? Можно, по окончаніи собранія, здѣсь подлѣ храма мучениковъ, расположившись подъ смоковницею, или подъ виноградникомъ, и тѣлу дать отдыхъ, и совѣсть избавить отъ осужденія. Мученикъ, видимый вблизи, находящійся подлѣ и предстоящій самой трапезѣ, не допуститъ удовольствію разлиться въ грѣхъ; но, какъ бы какой наставникъ, или превосходный отецъ, созерцаемый очами вѣры, онъ сдерживаетъ смѣхъ, отсѣкаетъ непристойныя удовольствія, уничтожаетъ всѣ порывы плоти, которыхъ тамъ невозможно избѣжать. Почему? Потому, что завтра захватятъ предмѣстіе хороводы людей; а видъ такихъ людей часто и желающаго быть благоразумнымъ невольно приведетъ къ подражанію подобному безстыдству, и особенно, когда среди нихъ присутствуетъ и діаволъ,—а онъ бываетъ тамъ, вызываемый блудными пѣснями, срамными рѣчами, бѣсовскимъ ликованіемъ. Но ты от- 674
рекся отъ всего этого ликованія и опредѣлилъ себя на служеніе Христу въ тотъ день, въ который удостоился священныхъ таинъ. Помни же тѣ слова и тотъ обѣтъ, и избѣгай ихъ нарушенія.

5. Я хочу побесѣдовать и съ тѣми, которые присутствуютъ здѣсь и не пойдутъ туда, и поручить имъ спасеніе прочихъ. Такъ и врачъ, пришедши къ больному, не много говоритъ съ лежащимъ, но, призвавъ приближенныхъ къ нему, имъ даетъ всѣ наставленія касательно лѣкарствъ, кушанья и остальнаго ухода. Почему? Потому, что больной не сейчасъ принимаетъ совѣтъ, а здоровый съ полною готовностію выслушиваетъ, что̀ говорится. Поэтому и я, послѣ нихъ, хочу побесѣдовать и съ вами. Заранѣе захватимъ завтра ворота, займемъ дороги, снимемъ съ повозокъ мужчины мужчинъ, а женщины женщинъ, приведемъ ихъ сюда, не будемъ стыдиться. Гдѣ спасеніе брата, тамъ нѣтъ стыда. Если они не стыдятся, отправляясь на беззаконное ликованіе, то гораздо болѣе намъ не должно стыдиться, намѣреваясь возвратить ихъ къ этому священному торжеству. Когда предстоитъ спасеніе брата, не будемъ отказываться ни отъ чего. Если Хри-

стосъ умеръ за насъ, то намъ должно терпѣть все за нихъ; хотя бы они стали наносить удары, хотя бы стали браниться, ты держи и не прежде отставай, пока приведешь ихъ къ святому мученику; хотя бы пришлось устроить судъ изъ прохожихъ, желающіе пусть слушаютъ: я хочу, скажи, спасти брата, вижу погибающую душу и не могу пренебречь родствомъ. Кто хочетъ, пусть осуждаетъ; кто хочетъ, пусть обвиняетъ; но, вѣрнѣе, никто не осудитъ, напротивъ, всѣ похвалятъ, всѣ одобрятъ. Не за деньги, не въ отмщеніе за личную обиду, и не за иное что-нибудь житейское я спорю и сражаюсь, а за спасеніе брата: кто не одобритъ этого, кто не подивится? Насъ, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ по родству плотскому, родство духовное связало любовью сильнѣе родителей. Если хотите, возьмемъ съ собою и мученика,—онъ не постыдится пойти и спасти братій. Представимъ его очамъ ихъ, пусть устрашатся его присутствія, пусть постыдятся его увѣщанія и просьбы, — а онъ не постыдится и просить. Если Владыка его умоляетъ естество наше: *по Христѣ посолствуемъ*, говоритъ Павелъ, *яко Богу молящу нами*, *примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. v, 20),—то тѣмъ болѣе сдѣлаетъ это рабъ Его. Одно только печалитъ его—погибель наша, одно радуетъ—спасеніе наше, и потому онъ не откажется сдѣлать ничего для этого. Не будемъ же и мы стыдиться и не будемъ считать этого излишнимъ. Если охотники ходятъ по стремнинамъ, горамъ, пропастямъ и по всякому непроходимому мѣсту, желая поймать зайца, или серну, или что-нибудь другое подобное, или часто даже какихъ-нибудь дикихъ птицъ,—то какъ ты, имѣя въ виду отвесть отъ погибели не ничтожное безсловесное, но духовнаго брата, за котораго умеръ Христосъ, отказываешься и стыдишься не горы и лѣса проходить,
675 а только выйти къ воротамъ? Какое, скажи мнѣ, будешь ты имѣть оправданіе? Развѣ ты не слышишь, какъ одинъ мудрый увѣщеваетъ и говоритъ: *есть стыдъ наводяй грѣхъ* (Сирах. IV, 25)? Но ты боишься, чтобы кто-нибудь не осудилъ тебя? Сложи вину на меня, сказавшаго это; скажи, что такъ велѣлъ учитель; я готовъ судиться съ осуждающими и представить оправданіе. Но, лучше сказать, ни васъ, ни насъ не осудитъ никто, хотя бы былъ и очень безстыденъ; напротивъ, одобрятъ всѣ, не только жители нашего отечественнаго города, но и сосѣднихъ городовъ, и подивятся намъ за попечительность, за то, что такова у насъ сила любви, такова ревность взаимной привязанности. Но что̀ я говорю о людяхъ? Самъ Владыка ангеловъ одобритъ насъ. Итакъ, зная награду, не презримъ этой охоты, возвратимся завтра сюда не одни, но пусть каждый придетъ, ведя съ собою добычу. Если только ты придешь въ тотъ часъ, когда выходящій изъ дома от-

правляется въ дорогу, и отвлечешь его на путешествіе сюда, то 676
потомъ не будетъ никакого затрудненія; напротивъ, по прошествіи нѣкотораго времени, и онъ принесетъ тебѣ великую благодарность, и всѣ прочіе похвалятъ васъ и подивятся; а что всего важнѣе, небесный Владыка дастъ вамъ за это великія награды, умножитъ и эту прибыль и эту хвалу. Такимъ образомъ представляя себѣ прибыль, какая произойдетъ для насъ отсюда, разсѣемся всѣ предъ городомъ, схватимъ нашихъ братьевъ и приведемъ сюда, чтобы и завтра у насъ было полное зрѣлище и всецѣлое торжество, чтобы святый мученикъ, за здѣшнее усердіе, принялъ насъ въ вѣчныя обители съ великимъ дерзновеніемъ, котораго да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

святому мученику Варлааму [1]).

КЪ ЭТОМУ священному празднику и торжеству созвалъ насъ 675
блаженный Варлаамъ, не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы намъ быть слушателями похвалъ, но чтобы быть подражателями его подвиговъ. Въ дѣлахъ житейскихъ люди, достигающіе высокой власти, никогда не захотятъ видѣть другихъ участниками одной съ ними чести, потому что тамъ зависть и ненависть нарушаютъ любовь; а въ дѣлахъ духовныхъ не такъ, но совершенно напротивъ: мученики тогда особенно и чувствуютъ свою честь, когда видятъ подобныхъ себѣ рабовъ достигшими участія въ ихъ благахъ, такъ что кто хочетъ хвалить мучениковъ, пусть подражаетъ мученикамъ, кто хочетъ превозносить похвалами подвижниковъ благочестія, пусть подражаетъ трудамъ ихъ,—это принесетъ 676
мученикамъ удовольствіе не меньше собственныхъ ихъ доблестей. А чтобы убѣдиться тебѣ, что дѣйствительно они тогда особенно чувствуютъ собственныя блага, когда видятъ насъ въ безопасности, и считаютъ это величайшею для себя честію, послушай Павла, который говоритъ: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Го-*

[1]) Слово это произнесено въ Антіохіи, наканунѣ бесѣды на слова: *не хощу васъ не вѣдѣти братіе яко отцы наши вси подъ облакомъ быша* (1 Корѳ. х, 1). Память св. Варлаама совершалась вѣроятно 31 мая.

сподѣ (1 Сол. III, 8). И Моисей прежде него говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ, остави: аще же ни, и мя изглади изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32); я не чувствую, говоритъ, вышней почести по причинѣ ихъ несчастія. Общество вѣрныхъ есть связное тѣло: какая же польза головѣ быть увѣнчанною, когда ноги подвергаются мученію?

677 А какъ можно, скажешь, подражать теперь мученикамъ? Теперь не время гоненія. Знаю это и я; не время гоненія, но время мученичества; не время такихъ подвиговъ, но время вѣнцовъ; не преслѣдуютъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; не гонитъ мучитель, но гонитъ діаволъ, который тяжелѣе всѣхъ мучителей; ты не видишь предъ собою угольевъ, но видишь разженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись съ звѣрями, а ты обуздывай гнѣвъ, этого дикаго и неукротимаго звѣря; они устояли противъ невыносимыхъ мукъ, а ты преодолѣвай непристойные и порочные помыслы, изобилующіе въ твоемъ сердцѣ,—такъ подражай мученикамъ. *Нынѣ бо нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы сея, къ духовомъ злобы* (Ефес. VI, 12). Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть песъ бѣшеный и неистовый; хотя бы тысячи разъ ты отгонялъ его, онъ тысячи разъ нападаетъ и не отстаетъ; жестокъ пламень угольевъ, но этотъ—пламень похоти еще хуже; мы никогда не имѣемъ перемирія въ этой войнѣ, никогда не имѣетъ отдыха въ настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и вѣнецъ былъ свѣтелъ. Поэтому Павелъ всегда и вооружаетъ насъ, такъ какъ всегда время войны, такъ какъ врагъ всегда бодрствуетъ. Хочешь знать, что похоть жжетъ не меньше огня? Послушай Соломона, который говоритъ: *ходити кто будетъ на угліехъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли; тако входяй къ женѣ ближняго своего и всякъ прикасаяйся ей не безъ вины будетъ* (Притч. VI, 28, 29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничаетъ съ естествомъ огня? Какъ невозможно прикасающемуся къ огню не получить обжога, такъ взглядъ на красивыя лица быстрѣе огня охватываетъ невоздержную на взгляды душу; и чѣмъ служитъ для огня горючее какое-нибудь вещество, тѣмъ красота тѣлесная для глазъ людей похотливыхъ. Посему не должно давать огню похоти пищи—внѣшняго созерцанія, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнѣйшее распространеніе пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствіе, во время преобладанія страстей, обыкновенно сильнѣе огня сожигаетъ душу, если кто не будетъ мужественно, съ терпѣніемъ и вѣрою, противодѣйствовать каждой страсти, подобно тому, какъ блаженный и

доблестный подвижникъ Христовъ Варлаамъ поступилъ съ своею рукою. Онъ держалъ въ правой рукѣ цѣлый костеръ, и не поддался боли, но оставался безстрастнѣе статуй; или—лучше—хотя и испытывалъ боль и страдалъ,—такъ какъ у него было тѣло, а не желѣзо,—но, испытывая боль и страдая, показалъ въ смертномъ тѣлѣ любомудріе безплотныхъ силъ.

2. Но чтобы эта исторія была болѣе ясна, я дальше начну разсказъ объ его мученичествѣ, а ты посмотри на коварство діавола. Однихъ святыхъ онъ ставилъ на сковороды, другихъ бросалъ въ котлы, кипящіе сильнѣе огня, однимъ скоблилъ бока, 678
другихъ погружалъ въ море, иныхъ предавалъ звѣрямъ, другихъ ввергалъ въ печь, однимъ раздроблялъ члены, съ другихъ еще съ живыхъ сдиралъ кожу, инымъ подъ окровавленныя тѣла подлагалъ уголья, и искры, попадавшія въ раны, терзали ихъ рѣзче всякаго звѣря, для иныхъ выдумывалъ иныя болѣе тяжелыя мученія. Но видя, что все это осталось осмѣяннымъ, и что страдальцы преодолѣвали это съ великою твердостію и приходившимъ послѣ нихъ на тѣ же подвиги служили величайшимъ побужденіемъ къ мужеству,—что̀ онъ дѣлаетъ? Онъ придумываетъ новый родъ козней, чтобы неожиданностію и необычностію мученія низвергнуть душу мученика, такъ какъ то, что знаемъ и о чемъ слыхали, будь оно и невыносимо, бываетъ пренебрегаемо, какъ извѣстное уже и ожидаемое, а неожиданное, хотя и легкое, бываетъ несноснѣе всего. Итакъ, пусть будетъ новая борьба, и пусть будетъ необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутивъ подвижника, легко уронили его. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ выводитъ святого изъ темницы связаннымъ. И то было дѣломъ его коварства, чтобы не вдругъ съ самаго начала употреблять тяжелыя орудія и причинять страшныя мученія, но начинать борьбу съ меньшаго. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будутъ поражены, пораженіе ихъ было позорнымъ, потому что они не устояли и противъ малаго; если же они преодолѣютъ и побѣдятъ, то чтобы, изнуривъ силы свои на меньшемъ, были при большемъ легко одолимыми. Поэтому онъ напередъ употреблялъ меньшія, чтобы, преодолѣетъ ли онъ или не преодолѣетъ, не обмануться: если я преодолѣю, говорилъ онъ, то посмѣюсь; а если не преодолѣю, то сдѣлаю болѣе слабыми для будущаго. Итакъ, онъ выводитъ его изъ темницы, а онъ вышелъ, какъ доблестный подвижникъ, долгое время упражнявшійся въ палестрѣ; и въ самомъ дѣлѣ темница для мученика была школою борьбы, и тамъ, наединѣ бесѣдуя съ Богомъ, онъ научился отъ Него всякой борьбѣ, потому что гдѣ такія узы, тамъ и Христосъ.

Итакъ, онъ вышелъ, сдѣлавшись болѣе крѣпкимъ отъ болѣе

долгаго пребыванія въ темницѣ; когда же по выходѣ его діаволъ чрезъ служителей своего беззаконія вывелъ его на средину, то не привязалъ его къ дереву и не окружилъ палачами, такъ какъ видѣлъ, что онъ желаетъ этого и напередъ освоился съ мыслью объ этомъ наказаніи; но употребляетъ противъ этой башни нѣкоторое необыкновенное, новое и неожиданное орудіе, которое могло бы произвести ея паденіе: вѣдь онъ во всѣхъ случаяхъ старается больше обманомъ свалить святыхъ, нежели мучить болію. Какое же это орудіе? Приказавъ ему протянуть перевернутую навзничь руку надъ жертвенникомъ, они положили на ней горячія уголья и ладонъ, чтобы, если онъ почувствуетъ боль и перевернетъ руку, то они вмѣнятъ это ему въ жертвоприношеніе и отреченіе (отъ вѣры). Видишь ли, какъ коваренъ діаволъ? Но посмотри, какъ *запинаяй премудрыя въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) сдѣлалъ тщетными козни его,
679 и самую напряженность разнообразныхъ хитростей обратилъ къ возвышенію и умноженію большей славы мученику. Когда врагъ, употребивъ безчисленныя злоухищренія, отходитъ затѣмъ побѣжденнымъ, тогда подвижникъ благочестія является еще болѣе славнымъ, какъ случилось и здѣсь. Блаженный Варлаамъ простоялъ, не наклонивъ и не перевернувъ руку, какъ будто она была составлена изъ желѣза, между тѣмъ какъ, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виною мученика.

3. Здѣсь внимательно слушайте меня всѣ, чтобы убѣдиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы пораженіемъ. Почему? Потому, что какъ мы судимъ о тѣхъ, которымъ терзаютъ ребра, или мучатъ какъ-либо иначе, такъ должно судить и здѣсь. Если они не выдержатъ и принесутъ жертву, это вина ихъ слабости, что, не перенесши страданій, они принесли жертву; если же они, претерпѣвая мученія, заболѣютъ отъ страданій, но не измѣнятъ благочестію, то никто не обвиняетъ ихъ за эти болѣзни, но мы еще больше хвалимъ ихъ и удивляемся за то, что они, и изнемогая отъ страданій, вытерпѣли и не отреклись. Такъ и здѣсь: если бы блаженный Варлаамъ, не вынося сожиганія, обѣщался принести жертву, то былъ бы побѣжденъ; а если бы рука его перевернулась, тогда какъ онъ не уступалъ, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жилъ, соотвѣтственно ихъ силѣ, рука склонилась бы отъ огня противъ воли святого. Какъ мы не осуждаемъ тѣхъ, которымъ терзаютъ ребра, за то, что разрывается ихъ плоть, или лучше,—приведу болѣе близкій примѣръ,—какъ никто не станетъ порицать страждущихъ горячкою и судорогами за то, что изгибаются ихъ руки, потому что это происходитъ не отъ ихъ изнѣженности, но отъ болѣзненнаго жара, который истощаетъ влагу и неесте-

ственно стягиваетъ связь нервовъ, такъ никто не сталъ бы порицать и этого святого, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и безъ воли страждущаго ею, обыкновенно стягиваетъ и извращаетъ члены, то тѣмъ болѣе могли сдѣлать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученикъ и не поддавался. Однако они не сдѣлали этого, чтобы ты съ избыткомъ убѣдился, что благодать Божія была присуща и укрѣпляла подвижника и исправляла недостатокъ природы; поэтому и самая рука его не испытала свойственнаго ей, но какъ будто составленная изъ адаманта оставалась не перевернувшеюся. Кто тогда, взирая на это, не удивился бы? Кто не вострепеталъ бы? Смотрѣли свыше ангелы, взирали архангелы; зрѣлище было блистательное и поистинѣ превышающее природу человѣческую. Подлинно, кто не пожелалъ бы видѣть человѣка, который подвизался и не испытывалъ свойственнаго людямъ, который самъ былъ и жертвенникомъ, и жертвою, и жрецомъ? Посему двоякое восходило куреніе, одно отъ сожигаемаго ѳиміама, а другое отъ растопляемой плоти; и послѣднее куреніе было пріятнѣе перваго, послѣднее благоуханіе лучше перваго. Здѣсь случи- 680
лось то же, что̀ и съ купиною: какъ та купина горѣла и не сгорала, такъ и здѣсь рука горѣла, но душа не сгорала; тѣло истреблялось, но вѣра не истощалась; плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячія уголья, прожигая средину руки, падали внизъ, но мужество души не упадало; рука была повреждена и исчезла,—потому что была изъ плоти, а не изъ адаманта,—но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпѣніе. Какъ храбрый воинъ, вошедшій въ среду непріятелей и разбившій строй сражающихся съ нимъ, сломавъ свой мечъ отъ множества непрестанныхъ ударовъ, ищетъ обернувшись другого меча, потому что еще не насытился избіеніемъ враговъ,—такъ точно и душа блаженнаго Варлаама, потерявъ одну руку, при пораженіи бѣсовскихъ ополченій, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мнѣ, что онъ отдалъ только одну руку; но прежде этого представь себѣ, что предавшій руку отдалъ бы и голову, предалъ бы и ребра, противосталъ и огню, и звѣрямъ, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всѣмъ, когда-либо слыханнымъ мученіямъ, и все потерпѣлъ, если не самымъ опытомъ, то намѣреніемъ. Мученики идутъ не на опредѣленныя мученія, но готовятъ себя на неизвѣстныя казни; они не господа надъ волею мучителей и не назначаютъ имъ предѣловъ и мѣры мученій, но какимъ бы бѣдамъ ни пожелала подвергнуть ихъ безчеловѣчная и звѣрская воля мучителей, на тѣ они и выходятъ съ рѣшимостію—развѣ только тѣло, изнемогши среди мученій, оставитъ неисполненнымъ желаніе мучителей. Итакъ, плоть его истреб-

лялась, а воля дѣлалась болѣе ревностною, превосходя самыя уголья своимъ блескомъ и сіяя больше ихъ, потому что внутри его горѣлъ духовный огонь, гораздо болѣе этого огня яркій. Потому онъ и не чувствовалъ внѣшняго пламени, что внутри его горѣлъ свѣтлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станемъ же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Какъ вначалѣ я говорилъ, такъ и теперь говорю: каждый пусть не только въ настоящій часъ удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведетъ съ собою этого святого, пусть введетъ его въ свой домъ, или—лучше—въ свое сердце посредствомъ воспоминанія о сказанномъ. Прими его, какъ выше сказано, и въ сердцѣ своемъ поставь его съ простертою рукою, прими увѣнчаннаго побѣдителя и никогда не попускай ему выйти изъ ума твоего. Для того мы и привели васъ къ гробницамъ святыхъ мучениковъ, чтобы и отъ взгляда на нихъ вы получили нѣкоторое побужденіе къ добродѣтели и подготовлялись къ той же ревности. Такъ воина возбуждаетъ и молва о героѣ, а гораздо болѣе видъ его и взглядъ на него, особенно когда воинъ, вошедши въ самый шатеръ героя,
681 увидитъ окровавленный мечъ, лежащую голову непріятеля, висящую вверху добычу, свѣжую кровь, капающую съ рукъ того, кто поставилъ трофей, вездѣ лежащія копья и щиты, стрѣлы и всякое другое оружіе. Посему и мы собрались здѣсь. Гробъ мучениковъ есть воинскій шатеръ; и если ты откроешь очи вѣры, то увидишь здѣсь лежащую броню правды, щитъ вѣры, шлемъ спасенія, обувь благовѣствованія, мечъ духовный, самую главу діавола, поверженную на землю (Ефес. VI, 14—17). Когда у гроба мученика ты видишь бѣсноватаго, лежащаго навзничь, и часто терзающаго себя самого, то видишь не что иное, какъ отсѣченную голову лукаваго. Эти оружія и теперь еще лежатъ при воинахъ Христовыхъ; и какъ цари погребаютъ героевъ вмѣстѣ съ оружіемъ, такъ сдѣлалъ и Христосъ, и погребъ ихъ съ оружіемъ, чтобы и прежде воскресенія показать всю славу и силу святыхъ. Познай же духовное ихъ всеоружіе, и ты отойдешь отсюда, получивъ величайшую пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война съ діаволомъ, великая, сильная и постоянная.

Итакъ, изучай способы борьбы, чтобы подражать и побѣдамъ; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолѣпіе; не считай блаженными богатѣющихъ, но ублажай мучениковъ, не тѣхъ, что въ роскоши, но тѣхъ, что на сковородахъ, не за роскошною трапезою, но въ кипящемъ котлѣ, не въ баняхъ ежедневно бывающихъ, но въ жестокихъ печахъ, не благовоніями пахнущихъ, но испускающихъ дымъ и смрадъ отъ сожигаемой плоти. Это благоуханіе лучше и полезнѣе того; то ведетъ къ мученію употребляю-

щихъ его, а это къ наградамъ и вышнимъ вѣнцамъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что роскошь есть зло, равно какъ и намащеніе благовонными мастями, и пьянство, и неумѣренное употребленіе вина, и роскошная трапеза, послушай, чтò говоритъ пророкъ: *люте, спящіи на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ, и ласкосердствующіи на постеляхъ своихъ, ядущіи козлища отъ паствъ, и телцы отъ стадъ млекомъ питаеми, піющіи процѣженое вино, и первыми вонями мажущіися* (Амос. VI, 4—6). Если же это запрещалось въ ветхомъ завѣтѣ, то тѣмъ болѣе при благодати, гдѣ больше любомудрія. Это сказано мною какъ къ мужамъ, такъ и къ женамъ; поприще общее,—нѣтъ различія пола въ станѣ Христовомъ, но одно собраніе. И жены могутъ надѣвать броню, ограждать себя щитомъ и бросать стрѣлу, какъ во время мученичества, такъ и въ другое, когда требуется великое дерзновеніе. Какъ превосходный стрѣлокъ, искусно бросивъ съ тетивы стрѣлу, приводитъ въ смятеніе весь строй непріятелей,—такъ и святые мученики и всѣ по- 682
борники истины, противясь кознямъ діавола, съ языка своего, какъ бы съ тетивы, искусно пускаютъ слова, и они, подобно стрѣламъ, летящимъ по воздуху, попадая въ невидимыя полчища бѣсовъ, приводятъ въ смятеніе все ихъ воинство. То же самое произошло и съ блаженнымъ этимъ Варлаамомъ: простыми словами, какъ бы летучими стрѣлами, онъ приводилъ въ смятеніе діавольскій станъ. Будемъ и мы подражать этому искусству. Не видите ли, въ какомъ изнеможеніи бываютъ возвращающіеся съ зрѣлищъ? А причиною то, что они тщательно внимаютъ происходящему тамъ, и оттуда они приходятъ, сохраняя въ душахъ своихъ и извращенія глазъ, и движенія рукъ, и круженія ногъ, и образы всѣхъ показанныхъ видовъ извращенія мучимаго тѣла. Какъ же не нелѣпо, что они на погибель души своей оказываютъ такую заботливость и постоянно удерживаютъ въ памяти происходящее тамъ, а мы, имѣя сравняться съ ангелами чрезъ подражаніе здѣшнему, не оказываемъ равнаго съ ними усердія къ соблюденію сказаннаго? Нѣтъ, прошу и умоляю, не будемъ такъ нерадивы о своемъ спасеніи, но станемъ всѣ сохранять мучениковъ въ душахъ своихъ, съ ихъ сковородами, съ котлами, съ прочими мученіями, и, какъ живописцы часто очищаютъ картину, потемнѣвшую отъ дыма, отъ сажи и отъ продолжительности времени, такъ и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминаніемъ о святыхъ мученикахъ: когда приходящія житейскія заботы помрачатъ душу твою, ты очисти ее воспоминаніемъ о мученикахъ. Если ты будешь имѣть это воспоминаніе въ душѣ своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бѣдности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего изъ дѣлъ человѣческихъ—изъ блистательныхъ не

станешь считать чѣмъ-нибудь великимъ, а изъ прискорбныхъ—невыносимымъ, но, ставъ выше всего этого, будешь имѣть въ постоянномъ созерцаніи этого образа урокъ добродѣтели. Кто видитъ каждый день воиновъ, мужественно дѣйствующихъ въ войнахъ и битвахъ, тотъ никогда не пожелаетъ роскоши и не изнѣженною и разсѣянною жизнію будетъ восхищаться, но строгою, твердою и готовою на подвиги. Да и что̀ общаго между пьянствомъ и сраженіемъ, между чревоугодіемъ и мужествомъ, между благовонными мастями и оружіемъ, между войною и пиршествами? Ты—воинъ Христовъ, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься объ украшеніяхъ; ты—доблестный подвижникъ: будь же мужественъ, а не заботься о нарядахъ. Такъ будемъ подражать этимъ святымъ; такъ почтимъ этихъ героевъ, увѣнчанныхъ побѣдителей, друзей Божіихъ, и, прошедши одинаковый съ ними путь, мы удостоимся одинаковыхъ съ ними вѣнцовъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

святой великомученицѣ Дросидѣ, и о памятованіи смерти [1]).

683 ТРУДОЛЮБИВЫЕ изъ пастырей, увидѣвъ во время долгой зимы свѣтлый лучъ и день потеплѣе, выводятъ овецъ изъ хлѣва и отводятъ ихъ на обычныя пастбища; подражая имъ и нашъ добрый пастырь вывелъ это священное стадо и духовную паству Христову на эти духовныя пастбища святыхъ. Хотя овцы насыщаются и стоя при ясляхъ, но когда онѣ выходятъ за ограды, тогда получаютъ отъ полей большую пользу, съ великимъ наслажденіемъ склоняясь и обрывая зубами траву, дыша чистымъ воздухомъ, взирая на ясные и блестящіе солнечные лучи, прыгая около озеръ, источниковъ и рѣкъ; и самая земля, вездѣ украшенная цвѣтами, приноситъ имъ нѣкоторое удовольствіе. И не для нихъ только, но и для насъ въ этомъ есть великая польза, такъ какъ хотя и внутри предлагалась намъ трапеза, полная духовныхъ яствъ, но выходъ къ этимъ святымъ имѣетъ и нѣкоторое душевное удовольствіе и пользу не меньше удовольствія, не по-

[1]) Слово это произнесено въ селѣ близъ Антіохіи, куда собралъ народъ епископъ Флавіанъ, пользуясь хорошимъ яснымъ днемъ. Память св. Дросиды совершалась вѣроятно 14 декабря.

тому, что мы дышимъ чистымъ воздухомъ, но потому, что взираемъ на высокія дѣла этихъ доблестныхъ лицъ, восторгаясь не при водныхъ рѣкахъ, но при рѣкахъ благодатныхъ дарованій, не склоняясь и обрывая траву зубами, но разсказывая о добродѣтеляхъ мучениковъ, не землю видя украшенную цвѣтами, но взирая на тѣла, преисполненныя дарованіями духовными. И хотя каждый изъ мученическихъ храмовъ доставляетъ собирающимся не малую пользу, но больше всѣхъ этотъ: какъ только кто-нибудь войдетъ въ преддверіе, тотчасъ множество гробовъ со всѣхъ сторонъ попадаетъ на глаза и, куда онъ ни посмотритъ, вездѣ видитъ гробницы и памятники и раки отшедшихъ. А это созерцаніе гробовъ не мало содѣйствуетъ намъ въ дѣлѣ любомудрія. Отъ этого созерцанія душа, если она безпечна, скоро сосредоточивается, а если ревностна и бодрственна, дѣлается болѣе ревностною; и тотъ, кто оплакиваетъ свою бѣдность, отъ этого зрѣлища тотчасъ получаетъ 684
утѣшеніе, и тотъ, кто превозносится богатствомъ, смиряется и сокрушается. Взглядъ на гробницы заставляетъ каждаго изъ взирающихъ и невольно любомудрствовать о собственной кончинѣ, и убѣждаетъ не считать надежнымъ ничего настоящаго—ни скорбнаго, ни пріятнаго; а кто убѣжденъ въ этомъ, тотъ не легко уловляется сѣтію грѣха. Посему одинъ премудрый и предлагаетъ увѣщаніе: *во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сирах. VII, 39): и другой согласно съ нимъ высказываетъ такой совѣтъ: *уготовляй на исходъ дѣла твоя, и уготовися къ пути* (Притч. XXIV, 27), говоря не о чувственномъ пути, но объ отшествіи отсюда. Если мы постоянно и каждый день будемъ взирать на неизвѣстность кончины, то не скоро впадемъ въ грѣхи: ни радости житейскія не въ состояніи будутъ надмевать насъ, ни скорби низлагать и смущать, такъ какъ конецъ тѣхъ и другихъ неизвѣстенъ. Часто сегодня живущій не доживаетъ и до вечера. Такъ, проводящимъ время внутри города не очень удобно думать объ этомъ и любомудрствовать; а тѣ, которые вышли за стѣны его, пришли къ этимъ гробницамъ и увидѣли множество отшедшихъ, по необходимости, волею и неволею, получаютъ такія мысли отъ этого зрѣлища, а получивъ дѣлаются возвышеннѣе, и освобождаются отъ пристрастія къ предметамъ житейскимъ. И не только будемъ мы получать такія мысли, но будемъ имѣть и достаточное побужденіе спѣшить и готовиться къ вѣчному нашему отечеству и устроять все, зависящее отъ насъ для отшествія туда, познавъ, что если мы оставимъ что-либо здѣсь изъ нашего, оставленное принесетъ намъ вредъ. Какъ путешественникъ, совершающій продолжительный путь и поспѣшающій въ свое отечество, непремѣнно тратитъ и теряетъ все, что онъ оставитъ въ гостинницѣ,—

такъ точно и мы теряемъ все, что оставимъ здѣсь изъ нашего, уходя отсюда. Поэтому нужно отправлять туда одно вмѣстѣ съ
685 собою, а другое прежде себя. Настоящая жизнь есть путь, и нѣтъ въ ней ничего постояннаго, но мы проходимъ мимо и скорбей ея и радостей. Потому именно я и люблю эту мѣстность больше всѣхъ другихъ, что не только при собраніи, но и безъ собранія часто приходя сюда, я постоянно вспоминалъ эти слова, между тѣмъ какъ глаза мои тихо, въ великомъ безмолвіи, взираютъ на гробницы и переносятъ душу къ отшедшимъ и тамошнему ихъ состоянію.

2. Потому я и удивляюсь этому доблестному отцу [1]), что онъ, воспользовавшись тихимъ днемъ, вывелъ насъ сюда, подъ предводительствомъ и руководствомъ блаженной Дросиды, которой память мы совершаемъ. Подлинно, кромѣ вышесказаннаго еще и другую бо́льшую пользу можно получать отъ этого мѣста. Когда мы, прошедши мимо прочихъ гробницъ, приходимъ къ ракамъ мучениковъ, то нашъ умъ дѣлается возвышеннѣе, душа дѣятельнѣе, усердіе сильнѣе, вѣра жарче.

Такъ, когда мы обдумаемъ труды, подвиги, награды, воздаянія и вѣнцы этихъ святыхъ, то находимъ еще другое большее побужденіе къ смиренномудрію. И хотя бы кто совершилъ великія дѣла, онъ станетъ считать себя несдѣлавшимъ ничего великаго, сравнивая свою добродѣтель съ ихъ подвигами; и тотъ, кто не сдѣлалъ ничего великаго и добраго, не будетъ отчаиваться въ своемъ спасеніи, получивъ отъ ихъ мужества побужденіе заниматься пріобрѣтеніемъ добродѣтели и подумавъ въ себѣ самомъ, что можетъ быть случится и ему когда-нибудь, если удостоитъ Божіе человѣколюбіе, сдѣлать такіе же прыжки, вдругъ взойти на небо и сподобиться того величайшаго дерзновенія; и размышляя объ этомъ и другомъ, гораздо болѣе этого важномъ, они могутъ уходить отсюда. Смерть мучениковъ есть поощреніе вѣрныхъ, дерзновеніе церкви, утвержденіе христіанства, разрушеніе смерти, доказательство воскресенія, осмѣяніе бѣсовъ, осужденіе діавола, ученіе любомудрія, внушеніе презрѣнія къ благамъ настоящимъ и путь стремленія къ будущимъ, утѣшеніе въ постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, побужденіе къ терпѣнію, руководство къ мужеству, корень и источникъ и мать всѣхъ благъ; и если вы хотите, мы докажемъ каждое изъ этихъ выраженій и скажемъ, какъ она бываетъ поощреніемъ вѣрныхъ, дерзновеніемъ церквей, доказательствомъ воскресенія, и всѣмъ прочимъ, что̀ я сказалъ теперь. Итакъ, когда пойдутъ у насъ въ ходъ споры съ язычниками и битвы о догматахъ и станутъ они

[1]) Т. е. епископу Флавіану.

клеветать на нашу вѣру, то вмѣстѣ съ прочимъ представимъ имъ и это, т. е. смерть мучениковъ, и скажемъ: кто убѣдилъ ихъ презирать настоящую жизнь? Если Христосъ умеръ и не воскресъ, то кто совершилъ эти сверхъестественныя дѣла? Относительно того, что не можетъ человѣческая сила въ теченіе столь долгаго времени убѣждать столь много тысячъ не только мужей, но и женъ
и безбрачныхъ дѣвъ и малыхъ дѣтей, чтобы они презирали на- 686
стоящую жизнь, смѣло шли на дикихъ звѣрей, смѣялись надъ огнемъ, попирали всякаго рода наказанія и мученія, и стремились къ будущей жизни, (противники наши) даже не будутъ имѣть нужды въ нашихъ доводáхъ, но спросятъ самихъ себя и получатъ достаточное доказательство сказаннаго. Съ того времени, какъ пришелъ Христосъ, были невѣрные цари, были и вѣрные, но изъ невѣрныхъ большая часть ввергали вѣрующихъ въ пропасти, въ костры, въ бездны, въ моря, предавали бѣшенству дикихъ звѣрей и разнообразнымъ наказаніямъ и мученіямъ, всѣми способами исторгая вѣру изъ души ихъ, однако ничего не достигли, но отошли посрамленными, и хотя вѣрующіе были терзаемы всѣми способами, но вѣра возрастала еще болѣе. А благочестивый царь ни одинъ никогда не рѣшался наказывать и мучить кого-либо изъ невѣрующихъ, принуждая его отстать отъ заблужденія,—и однако заблужденіе и такъ само собою проходитъ и исчезаетъ, чтобы ты убѣдился и въ силѣ истины и въ слабости лжи, когда послѣдняя сама собою и безъ всякаго притѣсненія исчезаетъ, а первая чрезъ самыя препятствія возрастаетъ и поднимается до неизреченной высоты: причина же та, что въ душахъ мучениковъ и живетъ и дѣйствуетъ Христосъ. Итакъ, когда скажутъ, что Онъ не воскресъ, то мы спросимъ ихъ: кто же совершилъ эти дѣла? Мертвый, скажи мнѣ? Но столько было мертвыхъ, и ни одинъ не сдѣлалъ этого. Онъ былъ волшебникъ и заклинатель? Но было много и волшебниковъ, и заклинателей, и обманщиковъ, и всѣ они умолкли, и остатковъ ихъ нѣтъ нигдѣ, но вмѣстѣ съ ихъ жизнію угасли и дѣла волшебства ихъ; а дѣла Христовы возрастаютъ каждый день, и вполнѣ естественно,—потому что эти дѣла совершались не волшебствомъ, но божественною силою, почему они и не разрушаются. Но лучше я представлю въ доказательство силы не то только, что они возрастаютъ, но и то, что (возрастаютъ) ко благу и къ спасенію нашей жизни. Послѣ Его пришествія жители земли сдѣлались изъ звѣрей людьми, или—лучше —изъ людей стали ангелами всѣ, истинно внимающіе Ему. Но, скажутъ, мученики были обмануты и обольщены, и потому презирали настоящую жизнь. Затѣмъ первые не разубѣдили вторыхъ, вторые—третьихъ, но чѣмъ долѣе продолжались гоненія, тѣмъ болѣе возрасталъ и этотъ подвигъ, и

никто въ теченіе столь долгаго времени не созналь заблужденія. Но гдѣ смыслъ въ этомъ?

Если они были обольщены, то почему бѣсы боятся праха ихъ? Почему убѣгають и отъ гробницъ? Конечно, бѣсы не потому поступають такъ, будто они боятся мертвыхъ. Вотъ, тысячи мертвыхъ по всей землѣ, и однако бѣсы бывають близъ нихъ, и многихъ бѣсноватыхъ можно видѣть живущими въ пустыняхъ и гробницахъ; а гдѣ погребены кости мучениковъ, оттуда они бѣгутъ, какъ отъ какого-нибудь огня и невыносимаго мученія, возвѣщая громкимъ голосомъ бичующую ихъ внутреннюю силу.

687 3. Этимъ доказывается, что смерть мучениковъ есть обличеніе безсилія бѣсовъ; а что она служитъ обвиненіемъ и безчувственности ихъ, видно изъ слѣдующаго. Когда они, то есть мученики, будучи подчинены тѣлу и естественнымъ нуждамъ, окруженные великимъ множествомъ скорбей и страданій, провождая тлѣнную жизнь и обитая на землѣ, оказываются такъ презирающими настоящую жизнь по любви къ создавшему ихъ Богу; а тѣ, будучи свободны отъ плоти и всей этой скорби и страданія, оказываются такъ высокомѣрны и неблагодарны къ Благодѣтелю,—то какое они будутъ имѣть оправданіе, какое прощеніе? Никакого никогда, потому что добродѣтель мучениковъ съ великою силою осуждаетъ злобу ихъ. Осуждаютъ не только люди людей, болѣе ревностные болѣе безпечныхъ, но ревность ихъ и самихъ бѣсовъ осуждаетъ. Это выразилъ и Павелъ, когда сказалъ: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ*, разумѣя ангеловъ діавола, отступниковъ (1 Кор. VI, 3)? Но какъ, скажешь, мы будемъ судить ихъ? Не сидя—конечно—и требуя отъ нихъ отчета, но нашею ревностію осуждая ихъ безпечность. И это самое онъ выразилъ, сказавъ: *и аще вами судъ пріиметъ міръ* (ст. 2); не сказалъ: предъ вами, но: *чрезъ васъ*. Равнымъ образомъ, когда (Христосъ) говоритъ: *мужіе Ниневитстіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Лук. XI, 32), то не въ томъ смыслѣ, что ниневитяне потребуютъ отчета отъ невѣровавшихъ тогда изъ іудеевъ, но что вѣра тѣхъ осудитъ невѣріе этихъ. Отъ мучениковъ можно весьма многимъ воспользоваться и для добродѣтели и для презрѣнія настоящихъ благъ. Когда ты увидишь, что они презирали всю жизнь, то, хотя бы ты былъ безчувственнѣе и нерадивѣе всѣхъ, ты получишь самые возвышенные помыслы, будешь смѣяться надъ роскошью, презирать деньги, и пожелаешь тамошней жизни; будешь ли въ болѣзняхъ, ты получишь величайшее побужденіе къ терпѣнію въ страданіяхъ мучениковъ; будешь ли угнетаемъ бѣдностію, или какимъ-нибудь другимъ тягчайшимъ зломъ, ты, взирая на величіе причиненныхъ имъ мученій, получишь достаточное

утѣшеніе во всѣхъ постигшихъ тебя бѣдствіяхъ. Поэтому я особенно люблю дни памяти мучениковъ, люблю и привѣтствую всѣ, но особенно, когда встрѣчаются подвижницами женщины. Чѣмъ слабѣе сосудъ, тѣмъ больше благодать, тѣмъ блистательнѣе трофей, тѣмъ славнѣе побѣда, не по немощи естества подвижниковъ, но и потому, что врагъ, чѣмъ одержалъ побѣду, тѣмъ же нынѣ самъ уловленъ. Чрезъ дѣву діаволъ умертвилъ нѣкогда Адама; чрезъ Дѣву впослѣдствіи Христосъ поборолъ діавола, и тотъ мечъ, который былъ изощренъ у него противъ насъ, отсѣкъ голову дракона, подобно тому, какъ случилось и при Давидѣ. Какъ тогда этотъ праведникъ, подбѣжавши, отсѣкъ голову Голіаѳа собственнымъ мечемъ этого иноплеменника, такъ точно и теперь: женою діаволъ побѣдилъ, женою и побѣжденъ. Она была для него оружіемъ прежде, она же теперь сдѣлалась орудіемъ его убіенія, сосудомъ непобѣдимымъ. Первая жена согрѣшила и умерла, эта умерла, чтобы не грѣшить; та, возгордившись тогда надеждою отъ пустого обѣщанія, попрала законы Божіи, эта презрѣла и настоя- 688
щую жизнь, чтобы не отречься отъ вѣры въ Благодѣтеля. Какое же послѣ того можетъ быть оправданіе изнѣженнымъ мужамъ, какое прощеніе, когда жены поступаютъ такъ мужественно, когда онѣ такъ смѣло выступаютъ на подвиги благочестія? Подлинно, ни полъ, ни возрастъ, и ничто другое не можетъ воспрепятствовать, когда есть усердіе, ревность и пламенная вѣра; этимъ всѣмъ будемъ и мы пріобрѣтать себѣ благодать Божію, какъ было и съ этою блаженною (Дросидою). У ней было слабо тѣло, беззащитенъ полъ, несовершенъ возрастъ, но нисшедшая благодать покрыла немощь всего этого, потому что нашла ревность мужественную, вѣру нелицемѣрную, и душу, готовую на опасности.

4. Нѣтъ, нѣтъ ничего сильнѣе того, кто съ великою ревностію держитъ вкорененнымъ въ себѣ страхъ Божій; но, хотя бы угрожалъ ему огонь, или желѣзо, или звѣри, или что бы то ни было другое, онъ презираетъ все съ великою легкостію, какъ и эта блаженная Дросида. Когда тиранъ зажегъ костеръ,—не ввергнулъ же онъ ее въ пропасть и не отсѣкъ ей голову, чтобы краткость мученія не сдѣлала ей подвигъ болѣе легкимъ, но желая поразить ея умъ и одолѣть не порабощенную душу ея видомъ костра, бросилъ ее въ средину его, — итакъ, когда онъ зажегъ костеръ, и печь разгорѣлась и пламя поднималось весьма высоко, тогда блаженная мученица, взирая на это, и сама воспламенялась ревностію и кипѣла огнемъ любви Христовой, вспомнивъ трехъ отроковъ и помысливъ сама въ себѣ, что она участвуетъ въ ихъ подвигахъ и возлагаетъ на себя одинаковые съ ними вѣнцы. Какъ пришедшіе въ изступленіе не видятъ ничего изъ видимаго, какъ

оно есть, но, хотя бы видѣли изощренный мечъ, прямо головою бросаются на него, и хотя бы видѣли костеръ, или пропасть, или бездну, или море, или что бы то ни было другое, безстрашно бросаются на все,—такъ точно и она, будучи объята изступленіемъ не такимъ,—да не будетъ,—но другимъ, почтеннымъ болѣе всякаго благоразумія, и погрузившись въ любовь Христову, не видѣла ничего изъ видимаго, но, переселившись на небо и туда перемѣстивши душу, смѣялась надъ всѣми бѣдствіями и считала огонь не огнемъ, а росою. Поэтому я называю этотъ костеръ и чистѣйшимъ источникомъ воды, и нѣкоторою дивною красильнею, и горниломъ. Подлинно, какъ золото въ горнилѣ, такъ душа этой блаженной чрезъ этотъ костеръ дѣлалась чистѣйшею. Плоть ея истаевала, кости изсушались, жилы сожигались, и тѣлесный сокъ текъ со всѣхъ сторонъ; но вѣра души дѣлалась болѣе твердою и свѣтлою. Враги, взирая на это, считали ее погибшею, а она больше очищалась; и какъ несвѣдущій человѣкъ, стоя и видя золото растаявшимъ, текущимъ и смѣшивающимся съ пепломъ, считаетъ его погибшимъ и испорченнымъ, но художникъ и вполнѣ
689 опытный въ этомъ знаетъ, что такимъ образомъ оно дѣлается болѣе чистымъ, и послѣ раскаливанія извлекаетъ и собираетъ его совершенно свѣтлымъ,—такъ точно и въ отношеніи къ ней, невѣрные, видя плоть ея истаевающею и растекающеюся, думали, что она дѣлается пепломъ и прахомъ, а вѣрные очень хорошо знали, что истаевая она отлагаетъ всякую нечистоту и восходитъ свѣтлѣйшею, получивъ безсмертіе. Даже на самомъ кострѣ, прежде воскресенія, она одержала не малую побѣду надъ противными силами, такъ какъ плоть ея, разрушаемая огнемъ и издававшая трескъ, обращала ихъ въ бѣгство съ великимъ превосходствомъ. И какъ мужественный воинъ, облекшись мѣднымъ оружіемъ, самымъ шумомъ оружія поражаетъ болѣе боязливыхъ изъ противниковъ,—такъ точно и тогда блаженная Дросида трескомъ своей кожи обращала въ бѣгство тѣ силы, и не только однимъ этимъ способомъ, но и другимъ, не меньшимъ этого. Лишь только она вошла на костеръ, какъ дымъ, поднявшись на высоту и распространившись въ воздухѣ, задушилъ всѣхъ бѣсовъ, летающихъ въ воздухѣ, прогналъ діавола, очистилъ естество самаго воздуха. Послѣ того какъ воздухъ былъ оскверняемъ дымомъ идоловъ, поднялся другой дымъ, который очистилъ приставшую къ нему отъ нихъ нечистоту. И сравненіе съ источникомъ можетъ быть приложено къ этому костру. Какъ бы снявъ одежду при источникѣ и омывая въ немъ тѣло, такъ она въ этомъ пламени сложивъ свою плоть легче всякой одежды и освѣтивъ душу, поспѣшила къ Жениху въ сопровожденіи свѣщеносцевъ. Если ужъ ангелы отвели

того покрытаго язвами Лазаря въ лоно Авраама, то тѣмъ больше ее сопровождали они, какъ тѣлохранители, взявъ ее изъ пламени, какъ бы изъ какого-нибудь священнаго убѣжища и брачнаго чертога и возводя къ вышнему Жениху. А почему я назвалъ этотъ костеръ также красильнею? Потому, что она, какъ бы въ какой-нибудь дивной красильнѣ, сдѣлавшись царскою багряницею, отправилась къ вышнему Царю и съ великимъ дерзновеніемъ вошла на своды небесные, между тѣмъ какъ самъ Христосъ невидимою рукою поддерживалъ святую голову мученицы и крестилъ ее огнемъ, какъ бы водою. О, чудный костеръ! Какое сокровище содержалъ онъ,—этотъ прахъ и пепелъ, дорогой болѣе всякаго золота, благовоннѣйшій всякихъ ароматовъ, драгоцѣннѣйшій всякихъ камней! И въ самомъ дѣлѣ, чего не можетъ сдѣлать богатство и золото, то могутъ — останки мучениковъ. Золото никогда ни болѣзни не исцѣляло, ни смерти не прогоняло, а кости мучениковъ совершали и то и другое, одно при нашихъ предкахъ, другое и при насъ. Это не только мы, но и жившіе прежде пришествія Христова праведники умѣли понимать вполнѣ точно; такъ, когда всѣ выходили изъ Египта, и одни уносили золото, другіе серебро, тогда Моисей вмѣсто всякаго богатства взялъ и несъ кости Іосифа, относя въ нихъ съ собою домой сокровище величайшее и исполненное безчисленныхъ благъ.

5. Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: для чего же онъ пе- 690
ренесъ ихъ изъ Египта въ Палестину? Въ день памяти мучениковъ осебенно нужно изслѣдовать это. Многіе, весьма заботясь о своемъ погребеніи, завѣщали родственникамъ, чтобы, если имъ случится скончаться и въ другомъ мѣстѣ, они перенесли ихъ для погребенія домой; потомъ, укоряемые за это отъ насъ въ малодушіи, прикрывались отъ насъ этою исторіею, и когда мы говорили, что нѣтъ никакого различія, дома ли кто, или въ чужой землѣ получитъ погребеніе, они говорили: если нѣтъ никакого различія, то для чего же Моисей, взявъ кости Іосифа, перенесъ ихъ изъ Египта въ Палестину? А я скажу еще больше, что не только Моисей взялъ ихъ, но что и Іосифъ, умирая, завѣщалъ. А это, дѣйствительно, болѣе важно. *Посѣщеніемъ*, сказалъ онъ, *посѣтитъ васъ Богъ: и вознесите кости моя* (Быт. l, 24, 25). Для чего же и этотъ завѣщалъ, и тотъ послушался? Сказанное достойно изслѣдованія. Что говоришь ты? Патріархъ, презиравшій настоящую жизнь и пренебрегавшій всѣмъ, котораго не достоинъ былъ міръ, странникъ и пришлецъ, помышлявшій ежедневно о небесномъ, взиравшій на вышній Іерусалимъ, этотъ, доколѣ жилъ, по страху Божію потерялъ и отечество и свободу, жилъ въ темницѣ и не былъ увлеченъ въ тамошнія козни; а когда готовился умереть, то становится такъ мелоченъ, что такъ

много заботится о перенесеніи костей своихъ и за столько времени повелѣваетъ вынести останки его? Кто можетъ сказать это? Какая была прибыль, или какая польза умершему отъ перенесенія костей его? Почему же онъ завѣщалъ это? Не о костяхъ своихъ вовсе заботясь, но можно сказать, что боясь и нечестія египтянъ. Такъ какъ онъ сдѣлалъ много великихъ благодѣяній, былъ и питателемъ ихъ и покровителемъ, нашелъ величайшее облегченіе отъ голода, и то, что никому не было извѣстно, онъ первый и одинъ открылъ и всѣмъ объявилъ, и, истолковавъ сновидѣнія, не только предсказалъ голодъ, но и предложилъ достаточное врачество противъ него, такъ наполнивъ житницы египетскія, что никто не чувствовалъ наступленія голода,—то, чтобы за величіе благодѣянія не быть признаннымъ по смерти за бога,—вѣдь тѣ варвары легко дѣлаютъ изъ людей боговъ,—онъ, отнимая всякій поводъ къ нечестію, и повелѣлъ перенести кости домой. Это—одна причина; можно сказать и о другой, несомнѣнной, потому что ее можно доказать Писаніями. О какой же именно? Онъ зналъ, слышалъ отъ отца, а тотъ отъ дѣда узналъ нисшедшее къ нему слово, что египтяне будутъ много лѣтъ порабощать и притѣснять евреевъ. *Будетъ бо сѣмя твое пресельно въ земли чуждей, и поработятъ е, и озлобятъ, лѣтъ четыриста*, сказалъ Богъ Аврааму (Быт. xv, 13). Поэтому, чтобы они, изнемогая отъ продолжительности времени и не перенося бѣдствія, не отчаялись въ своемъ возвращеніи и не пали духомъ, онъ, давая имъ величайшій залогъ надежды, предсказалъ о возвращеніи костей своихъ, дабы они, помышляя въ самихъ себѣ,
691 что, если бы праведникъ не былъ крѣпко и вполнѣ убѣжденъ, что всѣ мы возвратимся, то не завѣщалъ бы о костяхъ своихъ,—имѣли несомнѣнное доказательство и твердую надежду на возвращеніе въ отечество. А что это истинно и что поэтому онъ предсказалъ о костяхъ своихъ, не о погребеніи заботясь, а принимая мѣры противъ ихъ невѣрія, послушай, что говоритъ Павелъ: *вѣрою, Іосифъ умирая, о исхожденіи сыновъ Израилевыхъ памятствова, и о костехъ своихъ заповѣда* (Евр. xi, 22). Что значитъ: *вѣрою?* Какъ бы слѣдующее: онъ предвидѣлъ, что должно было случиться спустя долгое время, и то, что потомки его непремѣнно вновь займутъ родину. И вотъ, чтобы указать на это, онъ предсказалъ то и другое; и чудно и дивно было видѣть, какъ при исходѣ были несены его кости. Тотъ самый Іосифъ, который свелъ евреевъ въ Египетъ, опять предшествовалъ имъ и при возвращеніи, укрѣпляя въ нихъ терпѣніе и надежду на будущее. Видя предъ глазами своими эти останки, затѣмъ вспоминая всю эту исторію и размышляя сами въ себѣ, какъ онъ подвергся ковнямъ отъ братьевъ, былъ ввергенъ въ ровъ, подвергался крайней опасности, жилъ въ темницѣ, и о всемъ про-

чемъ, случившемся съ нимъ, потомъ представляя, какъ онъ послѣ всего этого сдѣлался царемъ и первымъ въ Египтѣ, и попечителемъ и покровителемъ столь многихъ, они имѣли достаточныя надежды на избавленіе отъ бѣдствій, постоянно постигавшихъ ихъ, научаясь отъ костей праведника, что никто изъ вѣровавшихъ въ Бога и ожидавшихъ отъ Него помощи никогда не былъ Имъ оставленъ.

И подлинно, хотя бы что-нибудь прискорбное и неожиданное и случилось между обѣщаніями и ихъ исполненіемъ, оно никогда не можетъ лишить надѣющихся желаннаго конца, но непремѣнно случится то, что предсказано вышнимъ приговоромъ, и сдѣлаетъ славнѣйшими ожидающихъ съ терпѣніемъ всего предсказаннаго Богомъ. Поэтому Іосифъ и заповѣдалъ о костяхъ своихъ.

6. Итакъ, не будемъ такъ много заботиться о погребеніи дома, и станемъ трепетать не предъ смертію, а предъ грѣхомъ. Не смерть родила грѣхъ, но грѣхъ произвелъ намъ смерть, смерть же стала врачествомъ грѣха. А что нужно бояться не смерти, но грѣха, послушай, что говоритъ пророкъ: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. cxv, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *смерть грѣшниковъ люта* (Псал. xxxiii, 22). Видишь ли, что внимательные къ самимъ себѣ могутъ получить отъ смерти даже величайшую пользу, а безпечные и нерадивые принимаютъ ее въ видѣ наказанія? Не попросту я веду рѣчь и объ этомъ предметѣ; но такъ какъ многіе, слышу я, часто говорятъ о родахъ смерти, и однихъ изъ нихъ, которые на самомъ дѣлѣ не позорны, стыдятся, а другихъ, достойныхъ величайшаго осужденія, не порицаютъ, то ради этого я хочу сегодня изслѣдовать и этотъ предметъ. Въ день мучениковъ благовременно и этого рода любомудріе. Я слыхалъ много говорящихъ: хуже собаки умеръ такой-то въ чужой странѣ, никто изъ родственниковъ не былъ при немъ и не предавалъ его землѣ, но едва немногіе изъ сосѣдей созвали другъ друга, какъ-то въ складчину одѣли его, и такимъ образомъ онъ преданъ былъ погребенію. Посему чтобы это не огорчало насъ, необходимо исправить и это мнѣніе. Не это, о, человѣкъ, значитъ
умереть хуже собаки; умереть хуже собаки значитъ умереть 692
во грѣхѣ, а не окончить жизнь въ чужой странѣ. Не говори ты мнѣ о томъ, кого несутъ на позолоченномъ ложѣ, въ сопровожденіи всего города, кого славословитъ народъ, на кого наброшены въ великомъ изобиліи шелковыя и золотыя одежды: это значитъ не что иное, какъ только предлагать обильнѣйшую трапезу червямъ. Не указывай же мнѣ на него, но покажи этого самаго человѣка, сопровождаемаго съ такою почестію, въ тотъ день, когда Христосъ сядетъ на высокомъ престолѣ, когда его введутъ, при-

зовутъ, потребуютъ отчета въ томъ, что̀ онъ говорилъ, что̀ дѣлалъ, что думалъ. Тогда никто изъ этого множества народа не защититъ его, не избавитъ его отъ наказанія и мученія, не помогутъ ему эти возгласы и славословія, но съ поникшею головою, съ боязнію, со стыдомъ отъ обвиненій за дѣла свои, онъ будетъ отведенъ, влекомый злыми силами въ безконечныя мученія съ жесточайшимъ скрежетомъ зубовъ, безполезно наконецъ рыдая и терзаясь отъ невыносимыхъ страданій.

Таково тамошнее, но и здѣшнее, право, также невыносимо. Послѣ славословій, произносимыхъ при всѣхъ за деньги, или по какому-нибудь страху, всѣ, услышишь, будутъ порицать его и на улицахъ, и на торжищѣ, и дома, и въ гостинницахъ, и въ мастерскихъ, и на пути, и въ селеніяхъ, и вездѣ каждый изъ проходящихъ съ великимъ страхомъ будетъ разсказывать ближнему и говорить, какія онъ получитъ мученія, какія встрѣтятъ его наказанія, какія теперь ждутъ его страданія. Какая была ему польза отъ настоящей жизни? Какое пріобрѣтеніе сдѣлалъ онъ отъ любостяжанія? Онъ отошелъ, оставивъ богатство другимъ, а самъ погребенъ, взявши съ собою грѣхи, и много со всѣхъ сторонъ обвинителей его, сострадающихъ обиженнымъ, хотя и не испытавшихъ ничего худого. Какъ при благодѣяніяхъ и тѣ, которые ничего не получили, сорадуются получившимъ и восхваляютъ благодѣтеля, такъ и при обидахъ даже и тѣ, которые не потерпѣли никакого зла, сострадаютъ потерпѣвшимъ и порицаютъ причинившаго обиды. Посему и говоритъ пророкъ: *смерть грѣшниковъ люта*, какъ по причинѣ здѣшнихъ порицаній, такъ и по причинѣ тамо̀шнихъ наказаній. Итакъ, этотъ вотъ умираетъ хуже собаки, а съ праведникомъ не бываетъ такъ, но хотя бы онъ оканчивалъ жизнь въ пустынѣ, хотя бы никто не одѣвалъ его, хотя бы никто не присутствовалъ, онъ отходитъ, получая достаточное погребальное платье—дерзновеніе предъ Богомъ, имѣетъ дивный выносъ отъ ангеловъ, которые присутствуютъ и руко̀водятъ душу его, какъ я прежде показалъ это на Лазарѣ, и оставляетъ безчисленныхъ хвалителей его жизни; и, хотя бы оставилъ онъ дѣтей, всѣ жители города будутъ покровителями ихъ и попечителями, воздавая имъ по благорасположенію къ отцу. А тотъ, кто умеръ во грѣхахъ и корыстолюбіи, если отойдетъ, оста-
693 вивъ дѣтей, то оставляетъ ихъ наслѣдниками вражды къ нему и покидаетъ среди непріятелей; если же окончитъ жизнь бездѣтнымъ, то въ зданіяхъ и въ прочихъ владѣніяхъ, которыя онъ пріобрѣлъ хищеніемъ и любостяжаніемъ, оставляетъ безсмертное себѣ осужденіе. Совсѣмъ не то—праведникъ; но и по отшествіи онъ пріобрѣтаетъ величайшія блага, принося пользу всѣмъ живымъ чрезъ воспоминаніе объ его добродѣтели и дѣлая ихъ лучшими, между тѣмъ какъ

порочный и въ этомъ отношенiи наказывается, потому что тѣ, которые вездѣ оставляютъ слѣды своего любостяжанiя, не только при жизни, но и по смерти вредятъ многимъ. Итакъ, зная это, будемъ считать несчастными не умирающихъ въ чужой странѣ, а умирающихъ во грѣхахъ, и ублажать не тѣхъ, которые отходятъ дома и на постели, а тѣхъ, которые отходятъ съ добродѣтелiю; и сами будемъ заботиться о добродѣтели и избѣгать порока, потому что первая приноситъ пользу и живымъ и отшед- 694
шимъ, а послѣднiй вредитъ съ обѣихъ сторонъ, подвергая ихъ позору и уводя къ вѣчнымъ наказанiямъ. Богъ же, удостоившiй и эту блаженную, собравшую насъ сегодня, предпринять и совершить подвигъ, побѣдить и быть увѣнчанною, да удостоитъ и насъ всѣхъ вообще возможности, совершивъ настоящую жизнь согласно съ Его повелѣнiями и заповѣдями, войти въ тотъ день въ обители этой святой и насладиться безсмертными благами, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатiю и человѣколюбiемъ Господа нашего Iисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, со Святымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

ПОХВАЛА

египетскимъ мученикамъ [1]).

БЛАГОСЛОВЕНЪ Богъ: и изъ Египта—мученики, изъ бого- 693
борнаго и безумнѣйшаго Египта, откуда—безбожныя уста, откуда—богохульные языки, изъ Египта—мученики, и не въ Египтѣ только, и не въ ближайшей и сосѣдней странѣ, но и повсюду во вселенной! Какъ при урожаѣ земныхъ произведенiй жители городовъ, видя, что плодородiе превышаетъ потребности обитателей, отсылаютъ и въ иностранные города, чтобы показать и собственное дружелюбiе и вмѣстѣ при избыткѣ въ этомъ легче прiобрѣсти себѣ отъ нихъ то, въ чемъ сами имѣютъ нужду,—такъ поступили и египтяне съ подвижниками благочестiя. Видя, что у нихъ, по благодати Божiей, великое изобилiе, они не заключили въ своемъ городѣ этого великаго дара Божiя, но распространили по всей землѣ свои благiя сокровища, показывая свое братолюбiе, прославляя общаго всѣхъ Владыку, возвышая свой городъ предъ всѣми и представляя его митрополiею всей вселенной. Въ самомъ

[1]) Слово это произнесено, вѣроятно, въ Константинополѣ, потому что перенесенiе мощей изъ Египта, давшее поводъ къ произнесенiю его, скорѣе могло быть въ Константинополь, чѣмъ въ Антiохiю.

дѣлѣ, если пустые и маловажные случаи и услуги, полезныя намъ только для настоящей жизни, могли доставить многимъ городамъ
694 такую честь, то не болѣе ли всего справедливо, чтобы достигъ этого преимущества предъ всѣми тотъ городъ, который надѣлилъ другихъ не чѣмъ-либо изъ этого временнаго и тлѣннаго, но мужами, доставляющими и по смерти великую безопасность ставшимъ ихъ удѣломъ городамъ? Подлинно, тѣла этихъ святыхъ ограждаютъ у насъ городъ тверже всякой адамантовой и несокрушимой стѣны, и, подобно высокимъ скаламъ, расположеннымъ со всѣхъ сторонъ, не только отражаютъ нападенія этихъ чувственныхъ и видимыхъ враговъ, но и козни невидимыхъ бѣсовъ, и все коварство діавола ниспровергаютъ и разрушаютъ съ такою легкостію, съ какою сильный мужъ ниспровергаетъ и бросаетъ внизъ игрушки дѣтей. Остальныя употребляемыя людьми средства, какъ то: стѣны, рвы, оружіе, войска, и все, что придумывается для безопасности жителей, врагамъ возможно отбить при помощи другихъ, бо́льшихъ и сильнѣйшихъ средствъ, находящихся у нихъ; но когда городъ ограждается тѣлами святыхъ, тогда враги, хотя бы истощили безчисленныя богатства, не въ состояніи будутъ противопоставить имѣющимъ эти тѣла городамъ никакого подобнаго орудія. И не только противъ козней людей и противъ коварства бѣсовъ полезно намъ это сокровище, возлюбленный, но если бы прогнѣвался на насъ и общій нашъ Владыка за множество грѣховъ, то,
695 предложивъ въ защиту себя эти тѣла, мы скоро сможемъ преклонить Его на милость къ городу. Если совершившіе великіе подвиги при праотцахъ нашихъ, предлагая въ защиту имена святыхъ мужей и прибѣгая къ наименованію Авраама, Исаака и Іакова, получали нѣкоторое утѣшеніе, а отъ воспоминанія этихъ именъ получали великую пользу, то много болѣе мы, предлагая въ защиту не имена только, но и самыя тѣла подвизавшіяся, въ состояніи будемъ преклонить Бога на милость, снисхожденіе и благоволеніе. А что слова наши не хвастовство, знаютъ многіе и изъ здѣшнихъ жителей и изъ пришельцевъ съ другихъ мѣстъ; (они знаютъ) какова сила этихъ святыхъ и подтвердятъ сказанное, извѣдавъ на собственномъ опытѣ дерзновеніе ихъ предъ Богомъ; и весьма справедливо,—потому что они не какъ случилось боролись за истину, но такъ мужественно и сильно противостояли стремительному и невыносимому насилію діавола, какъ будто боролись въ каменныхъ и желѣзныхъ, а не въ тлѣнныхъ и смертныхъ тѣлахъ, какъ будто уже преставлены были къ безстрастному и безсмертному естеству, не подверженному горькимъ и прискорбнымъ бѣдствіямъ тѣлеснымъ. Палачи, подобно какимъ-то дикимъ, лютымъ и свирѣпымъ звѣрямъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ тѣла

мучениковъ, прокапывали ребра, терзали плоть, открывали и обнажали кости, и ничто не останавливаетъ ихъ въ жестокости и безчеловѣчіи; но и коснувшись хребта и внутренностей, и проникнувъ до самыхъ внутреннѣйшихъ частей, они не доискались до того, чтобы отнять скрытое въ нихъ сокровище вѣры, и испытали то же, какъ если бы какіе-нибудь враги, осадивъ царственный городъ, наполненный великимъ богатствомъ и содержащій достаточно сокровищъ, разрушивъ его стѣны и подступивъ къ самымъ казнохранилищамъ, выломали двери, уничтожили запоры, раскопали полъ и, перерывъ все, не смогли ограбить и унести богатства его. Таковы сокровища души: они не предаются при страданіяхъ тѣлесныхъ, когда душа твердо хранитъ ихъ, но хотя бы кто растерзалъ самую грудь и, схвативъ сердце, разрывалъ понемногу, и тогда она не выдастъ сокровища, однажды ввѣреннаго ей вѣрою. Это — дѣло всеустрояющей благодати Божіей, которая можетъ и въ слабыхъ тѣлахъ совершать дивное. Но вотъ что еще удивительнѣе: столь много неистовствовавшіе не только не похитили ничего изъ скрывавшихся у мучениковъ сокровищъ, но и побудили мучениковъ хранить ихъ съ большею твердостію и сдѣлали самихъ ихъ болѣе славными и богатыми. Не душа уже только, но и самое тѣло ихъ стало причастнымъ большей благодати, и не только не потеряло, послѣ частыхъ терзаній и разсѣченій, той крѣпости, которую имѣло, но и пріобрѣло большую и высшую. Что можетъ быть удивительнѣе этой побѣды, когда (враги) не смогли побѣдить тѣхъ, которыхъ держали и имѣли въ своихъ рукахъ, и связавши терзали по своей волѣ, а напротивъ сами жалкимъ и несчастнымъ образомъ были побѣждены ими? Они воевали не противъ нихъ, но противъ обитающаго въ нихъ Бога; а всякому извѣстно, что воюющему съ Богомъ вполнѣ необходимо потерпѣть крайнее пораженіе, неся наказаніе за одно лишь начинаніе.

2. Таковы побѣды святыхъ. Если же столь удивительны и не- 696
обычайны ихъ состязанія и подвиги, то что сказать о наградахъ и вѣнцахъ, уготованныхъ имъ за ихъ терпѣніе? Они стояли не до этихъ только мученій и не здѣсь прекращали свое теченіе, но поприще ихъ простиралось еще далѣе: лукавый бѣсъ ожидалъ, что онъ свалитъ подвижниковъ увеличеніемъ мученій, а человѣколюбивый Богъ попускалъ и не препятствовалъ, чтобы и неистовство невѣрующихъ показать всѣмъ болѣе очевидно, и для подвижниковъ сплести свѣтлѣйшіе и многочисленнѣйшіе вѣнцы. И какъ было съ Іовомъ, что лукавый бѣсъ просилъ у Бога большихъ мученій противъ него, надѣясь увеличеніемъ бѣдствій преодолѣть доблестнаго подвижника благочестія, а Богъ попускалъ и соизволялъ на эти лукавыя просьбы, дѣлая подвижника своего еще болѣе слав-

нымъ,—такъ точно было и здѣсь. Послѣ того какъ (бѣсъ) свирѣпѣе всякаго звѣря растерзалъ тѣло ихъ со всѣхъ сторонъ и обагрилъ языкъ и уста свои, если не кровію святыхъ, то безчеловѣчными и жестокими своими приговорами, онъ отошелъ, побѣжденный ихъ терпѣніемъ, достаточно насытившись и пресытившись этимъ безчеловѣчнымъ пиршествомъ. Смотри, каково было терпѣніе святыхъ, которое своими страданіями насытило такую ярость. Но онъ опять напалъ, съ неистовствомъ возобновивъ борьбу и стараясь иною жестокостію превзойти всѣхъ звѣрей. Звѣри по природному влеченію устремляются на такое пиршество, а насытившись удаляются, и потомъ хотя бы увидѣли тысячи тѣлъ, ни къ одному изъ нихъ не прикасаются; а этотъ и устремлялся на такую пищу по лукавству воли, и насытившись плотію ихъ, сплетаетъ другія противъ нихъ козни, предавъ святыхъ продолжительнѣйшей и тягчайшей смерти: онъ приказалъ имъ постоянно работать въ рудникахъ. О, безуміе! Получивъ столь ясное доказательство ихъ мужества и терпѣнія, онъ этимъ способомъ надѣялся преодолѣть ихъ. Итакъ, поселились со звѣрями святые, сожители ангеловъ, граждане небесные, уже вписанные въ вышній Іерусалимъ, и пустыня наконецъ сдѣлалась священнѣе всякаго города. Въ городахъ каждый день дерзко исполнялись эти беззаконныя и жестокія повелѣнія, а пустыня была свободна отъ этой безчеловѣчной повинности; судилища были исполнены нечестивыхъ дѣйствій и преступныхъ распоряженій, а пустыни имѣли гражданами праведнѣйшихъ изъ всѣхъ людей, сдѣлавшихся изъ людей ангелами, и пустыня состязалась съ небомъ въ добродѣтели обитавшихъ въ ней гражданъ. Мученіе по свойству своему было самое жестокое, но по душевному расположенію подвижниковъ оно сдѣлалось не труднымъ, легкимъ и удобнымъ. Имъ тогда казалось, что они видятъ во много разъ большій свѣтъ, о которомъ сказано у пророка, *что луна будетъ аки солнце, а солнце седмерицею* (Иса. xxx, 26); этимъ свѣтомъ, казалось имъ, они уже пользуются, такъ какъ нѣтъ, нѣтъ ничего
697 свѣтлѣе души, которая удостоилась потерпѣть за Христа что-либо кажущееся для насъ страшнымъ и невыносимымъ. Они думали, что уже переселились на небо и ликуютъ съ ангелами. И нужно ли больше было имъ небо и ангелы, когда Владыка ангеловъ—Іисусъ былъ съ ними въ пустынѣ? Если *идѣже суть два или тріе собрани во имя Его, ту есть посредѣ ихъ* (Матѳ. xviii, 20), то много болѣе Онъ былъ посреди нихъ, какъ не только собранныхъ тогда во имя, но и непрестанно мучимыхъ за имя. Вы знаете, хорошо знаете, что нѣтъ другого наказанія, жестокаго болѣе этого, и что осуждаемые на это наказаніе предпочли бы перенести тысячи другихъ смертей, нежели терпѣть тамошнее мученіе. Осуждены были

въ рудники, гдѣ должны были выкапывать мѣдь тѣ, которые были сами часто драгоцѣннѣе золота и состояли изъ невещественнаго золота, выкапываемаго не руками осужденныхъ, но найденнаго ревностію вѣрныхъ мужей; работали въ рудникахъ тѣ, которые были исполнены несмѣтныхъ сокровищъ. Они видѣли нѣчто и прискорбнѣе такой жизни и исполненіе на самихъ себѣ тѣхъ повѣствованій о великихъ мужахъ, которыя Павелъ излагаетъ, говоря о святыхъ: *проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ міръ въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. xi, 37, 38). То же было и при нашемъ поколѣніи.

Итакъ, возлюбленные, зная, что и нынѣ и въ древности, отъ начала рода человѣческаго, всѣ друзья Божіи наслѣдовали жизнь печальную, трудную и исполненную безчисленныхъ бѣдствій, не 698
будемъ и мы стремиться къ жизни изнѣженной, разсѣянной и исполненной наслажденій, но къ жизни прискорбной, трудной и исполненной скорбей и несчастій. Какъ борецъ не можетъ посредствомъ сна, лѣности и наслажденій достигнуть вѣнцевъ, ни воинъ—трофеевъ, ни кормчій—пристани, ни земледѣлецъ—полнаго гумна,—такъ и вѣрующій не можетъ получить обѣтованныхъ благъ, проводя свою жизнь въ безпечности. И не безразсудно ли было бы—во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ полагать труды прежде удовольствія и опасности прежде безопасности, и притомъ когда отъ этихъ трудовъ ожидается небольшое и маловажное, а когда предстоитъ небо, почести ангельскія, жизнь безконечная, пребываніе съ ангелами и блага, которыхъ невозможно ни представить умомъ, ни выразить словами, надѣяться на полученіе ихъ посредствомъ безпечности, праздности и разсѣянности душевной, не удостоивая ихъ даже одинаковой съ благами житейскими заботливости? Нѣтъ, увѣщеваю, не будемъ такъ худо заботиться о себѣ и о своемъ спасеніи, но, взирая на этихъ святыхъ, доблестныхъ и терпѣливыхъ подвижниковъ, которые даны намъ вмѣсто свѣтилъ, станемъ сообразовать свою жизнь съ ихъ мужествомъ и терпѣніемъ, чтобы, по переселеніи отсюда, молитвами ихъ могли мы увидѣть ихъ и привѣтствовать, и быть помѣщенными въ небесныя ихъ обители, чего да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о святомъ священномученикѣ Фокѣ, и противъ еретиковъ, и на 141 псаломъ: „гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ къ Богу помолихся" [1]).

699 Блистателенъ былъ вчера у насъ городъ, блистателенъ и великолѣпенъ не потому, что были въ немъ колонны, а потому, что былъ мученикъ, съ торжествомъ прибывшій къ намъ изъ Понта. Онъ видѣлъ ваше гостепріимство, и преисполнилъ васъ благословеніемъ; онъ похвалилъ ваше усердіе и благословилъ присутствовавшихъ. Я назвалъ блаженными собравшихся и участвовавшихъ въ его благоуханіи, а отсутствовавшихъ я назвалъ несчастными; но чтобы потеря ихъ не осталась неисправимою, мы прославляемъ его опять въ другой день, чтобы и отсутствовавшіе по нерадѣнію усердіемъ удвоили благословеніе отъ мученика. Какъ я часто говорилъ, такъ и не перестану говорить: я не наказанія требую за грѣхъ, но приготовляю врачество для немощныхъ. Ты отсутствовалъ вчера? Приди же хотя сегодня, чтобы тебѣ видѣть его уходящимъ въ собственное мѣсто. Ты видѣлъ его идущимъ чрезъ торжище? Посмотри его и плывущимъ по морю, чтобы обѣ стихіи (воздухъ и вода) наполнились его благословеніемъ.

Никто пусть не уклоняется отъ этого священнаго торжества,— ни дѣва пусть не остается дома, ни жена пусть не задерживается въ жилищѣ; оставимъ городъ пустымъ и переселимся ко гробу мученика; вѣдь и цари ликуютъ вмѣстѣ съ нами. Какое же имѣетъ оправданіе частный человѣкъ, когда цари оставляютъ царскіе чертоги и сидятъ при гробѣ мученика? Такова сила мучениковъ, что она уловляетъ не только частныхъ людей, но и носящихъ діадемы; она—посрамленіе язычниковъ, она—порицаніе ихъ заблужденія, она—погибель бѣсовъ, она—наше благородство и вѣнецъ церкви. Я ликую вмѣстѣ съ мучениками и пляшу, вмѣсто луговъ взирая на ихъ трофеи, потому что вмѣсто источниковъ они источили кровь; кости ихъ истощены, а память ихъ

---

[1]) Произнесена въ Константинополѣ и, если упоминаніе о томъ, что Златоустъ привыкъ самъ терпѣть преслѣдованія, а не другихъ преслѣдовать, считать указаніемъ на изгнаніе именно Златоуста, то во время между первымъ и вторымъ изгнаніемъ его, т. е. въ концѣ 403 или въ началѣ 404 года; но перенесеніе мощей св. Фоки празднуется 22 іюля.

юнѣетъ каждый день. Какъ невозможно погаснуть солнцу, такъ и памяти мучениковъ, потому что самъ Христосъ изрекъ: *небо и земля мимо идутъ, словеса же моя не мимо идутъ* (Матѳ. 700
xxiv, 35). Впрочемъ похвалы мученику отложимъ до удобнаго времени: и сказаннаго достаточно по причинѣ усердія тѣхъ, которые должны были собраться и сдѣлать блестящимъ день праздника. Какъ я вчера говорилъ, такъ и сегодня опять говорю: для мученика не будетъ никакой славы отъ присутствія многихъ, а вамъ благословеніе будетъ прибылью отъ присутствія при мученикѣ. Какъ взирающій на солнце не дѣлаетъ этого свѣтила болѣе свѣтлымъ, но освѣщаетъ собственные глаза свои,—такъ точно и почитающій мученика не его дѣлаетъ болѣе славнымъ, но самъ отъ него пріобрѣтаетъ просвѣщающее благословеніе.

Сдѣлаемъ же опять море церковію, вышедши туда со свѣтильниками, соединивъ огонь съ водою и воду наполнивъ огнемъ. Никто пусть не боится моря; мученикъ не боялся смерти, а ты боишься воды? Впрочемъ довольно сказали мы объ этомъ предметѣ; предложимъ теперь вамъ и изъ прочитаннаго сегодня обычную трапезу. Хотя и стѣснены ваши тѣла, но пусть окрыляется душа; я смотрю не на тѣсноту вашу, а на усердіе. Пріятно для кормчаго волнующееся море, пріятна и для учителя моремъ разлившаяся церковь; въ этихъ водахъ нѣтъ ни солености, ни подводнаго камня, ни чудовищъ, но море и влага, исполненная благоуханія; здѣсь корабли, переплывающіе не отъ земли къ землѣ, но отъ земли на небо, содержащіе въ себѣ не деньги, не золото и не серебро, но вѣру, любовь, ревность и мудрость.

2. Итакъ, направимъ тщательно корабль, который никогда не погибаетъ и не подвергается кораблекрушенію. Но слушайте внимательно то, что говорится; псаломъ сегодня выводитъ насъ на ратоборство съ еретиками, не для того, чтобы свалить ихъ стоящихъ, но чтобы возставить лежащихъ; такова именно наша война: 701
не изъ живыхъ она дѣлаетъ мертвыми, но изъ мертвыхъ приготовляетъ живыхъ, изобилуя кротостію и великимъ смиреніемъ. Я гоню не дѣломъ, а преслѣдую словомъ, не еретика, но ересь, не человѣка отвращаюсь, но заблужденіе ненавижу и хочу привлечь къ себѣ (заблуждающагося); я веду войну не съ существомъ, потому что существо—дѣло Божіе, но хочу исправить умъ, который развращенъ діаволомъ. Какъ врачъ, лѣча больного, не противъ тѣла воюетъ, но истребляетъ поврежденіе тѣла,—такъ и я, если буду сражаться съ еретиками, то сражаюсь не съ самими людьми, но хочу истребить заблужденіе и очистить гнилость. Мнѣ привычно терпѣть преслѣдованіе, а не преслѣдовать, быть гонимымъ, а не гнать. Такъ и Христосъ побѣждалъ, не распиная, но распятый,

не ударяя, но принявъ удары. *Аще злѣ глаголахъ*, говоритъ онъ, *свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Владыка вселенной оправдывается предъ рабомъ первосвященника, принявъ удары по устамъ, изъ которыхъ исходило слово и укрощало море и возбудило изъ мертвыхъ четверодневнаго Лазаря, отъ которыхъ убѣгало зло, отъ которыхъ разрѣшались болѣзни и грѣхи: это—чудо Распятаго. Имѣя силу послать молнію, поколебать землю, изсушить руку раба, Онъ не сдѣлалъ ничего такого, но даже оправдывается и побѣждаетъ кротостію, научая тебя, человѣка, никогда не приходить въ негодованіе, чтобы ты, хотя бы ты былъ распинаемъ, хотя бы получалъ удары, говорилъ то же, что Владыка твой: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что мя біеши?* И посмотри на Его человѣколюбіе, какъ Онъ обиды рабовъ отмщаетъ, а обиды Себѣ пропускаетъ. Былъ нѣкогда одинъ пророкъ, обличалъ нечестиваго царя и, пришедши, говоритъ: *олтарю, олтарю*, послушай (3 Цар. XIII, 2). Такъ какъ царь Іеровоамъ стоялъ, принося жертву идоламъ, то пророкъ пришедши обращаетъ рѣчь къ жертвеннику. Что дѣлаешь ты, пророкъ? Оставляешь человѣка и бесѣдуешь съ жертвенникомъ? Да, говоритъ онъ. Почему? Такъ какъ человѣкъ сталъ безчувственнѣе камня, то я оставляю его и бесѣдую съ этимъ, чтобы ты узналъ, что камень слушаетъ, а человѣкъ не слушаетъ. *Послушай олтарю, послушай*, и тотчасъ *разсѣдеся олтарь* (ст. 5). *Простре руку свою царь*, желая схватить пророка, и не могъ согнуть ее (ст. 4). Видишь ли, что жертвенникъ слушалъ больше, нежели царь? Видишь ли, что онъ оставилъ разумнаго и бесѣдуетъ съ неразумнымъ, чтобы послушаніемъ послѣдняго исправить безчувственность и злобу перваго? Жертвенникъ сокрушился, а злоба царя не сокрушилась. Но посмотри на случившееся: царь протянулъ руку схватить пророка, и тотчасъ *усше рука его* (ст. 4). Такъ какъ наказаніемъ жертвенника онъ не исправился, то собственнымъ наказаніемъ научается послушанію Богу. Щадя тебя, я хотѣлъ излить гнѣвъ на камень, но такъ какъ камень не сдѣлался для тебя учителемъ, то прими ты наказаніе. *И простре руку свою, и* тутъ же *усше*. Она стала затѣмъ трофеемъ пророка, и не могъ царь согнуть ее. Гдѣ діадема? Гдѣ порфиры? Гдѣ латы? Гдѣ щиты? Гдѣ войско? Гдѣ
702 копья? Богъ повелѣлъ, и все это погибло; вельможи предстояли, не имѣя силъ помочь, но сдѣлавшись только зрителями удара. *И простре руку свою царь, и усше*; когда она сдѣлалась сухою, тогда принесла плодъ. Посмотри на примѣръ древа, бывшаго въ раю, и древа крестнаго. Какъ то древо, будучи цвѣтущимъ, произвело смерть, а древо креста, будучи сухимъ, породило жизнь,

такъ было и съ рукою царя: когда она была цвѣтущею, тогда производила нечестіе, а когда стала сухою, тогда привела послушаніе; вотъ дивныя дѣла Божіи!

Но, какъ я говорилъ, когда самъ Онъ получалъ удары, то не дѣлалъ никакого зла ударяющему; а когда рабу его угрожала обида, то Онъ наказалъ царя, научая тебя за оскорбленія Бога мстить, а оскорбленія тебя самого пропускать. Какъ Я Мои оскорбленія пропускаю, а за твои отмщаю,—такъ и ты за Мои отмщай, а свои пропускай. Но съ напряженіемъ обратите ко мнѣ слухъ свой (вѣдь напряженный нужно имѣть слухъ слушателямъ, когда время подвиговъ), чтобы вамъ въ точности знать, какъ я связываю, какъ разрѣшаю грѣхи противниковъ, какъ я ратоборствую и какъ поражаю. Если и сидящіе на зрѣлищѣ нагибаются, когда двое борются, напрягаютъ свой взоръ, привстаютъ на носки, чтобы видѣть борьбу, исполненную стыда, чтобы видѣть борьбу, которой подражать постыдно,—то гораздо больше должно намъ внимательно слушать божественныя писанія. Если ты хвалишь борца, то почему самъ не дѣлаешься борцомъ? Если же ты стыдишься сдѣлаться борцомъ, то для чего подражаешь похвалѣ имъ? А здѣсь борьба не такая, но общая для всѣхъ и полезная какъ для говорящихъ, такъ и для слушающихъ. Я ратоборствую съ еретикомъ, чтобы и васъ сдѣлать ратоборцами, чтобы вы, не только когда поете, но и когда разговариваете, заграждали уста ихъ. Что же говоритъ пророкъ? *Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ къ Богу помолихся* (Псал. CXLI, 1). Обрати вниманіе: ужели это слово кажется дающимъ поводъ къ борьбѣ? Посмотри, какъ я сплетаю вѣнецъ и предметъ состязаній. *Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ къ Богу помолихся.* Здѣсь призови ко мнѣ еретика, присутствуетъ ли онъ, или не присутствуетъ. Если онъ присутствуетъ, то пусть поучается отъ нашего голоса; а если не присутствуетъ, то пусть узнаетъ чрезъ васъ слушающихъ. Впрочемъ, какъ я сказалъ, я не гоню его присутствующаго, но принимаю его гонимаго не вами, но собственною совѣстію, по словамъ сказавшаго: *бѣгаетъ нечестивый ниединому же гонящу* (Притч. XXVIII, 1). Церковь есть мать своихъ дѣтей, которая и ихъ принимаетъ, и чужимъ открываетъ нѣдра. Общимъ мѣстомъ зрѣлища былъ ковчегъ Ноевъ, но церковь лучше и его. Тотъ принялъ неразумныхъ животныхъ и сохранилъ ихъ неразумными, а эта принимаетъ неразумныхъ и измѣняетъ ихъ. Напримѣръ: войдетъ ли сюда лисица — еретикъ, я дѣлаю ее овцею; войдетъ ли волкъ, я дѣлаю его агнцемъ, сколько зависитъ отъ меня; если же онъ не захочетъ, то это нисколько не отъ меня, а отъ собственнаго его неразумія. Такъ и Христосъ 703
имѣлъ двѣнадцать учениковъ, и одинъ сдѣлался предателемъ, но

не отъ Христа, а отъ собственной развращенной воли. Такъ и Елисей имѣлъ ученика сребролюбиваго, но не по слабости учителя, а по нерадѣнію ученика. Я бросаю сѣмена; если ты—земля тучная, принимающая сѣмена, то воздашь колосъ; а если ты—камень безплодный, то это нисколько не отъ меня: будешь ли ты слушать, или не будешь слушать, я не перестану напѣвать тебѣ духовную пѣснь и поливать раны, чтобы мнѣ не услышать въ тотъ день: *лукавый рабе, подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ* (Матѳ. xxv, 26, 27). *Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ къ Богу помолихся.*

3. Что говоришь ты, еретикъ? О комъ говоритъ пророкъ, и кого называетъ онъ Господомъ и Богомъ? Объ одномъ вѣдь лицѣ рѣчь. Еретики, перетолковывая Писанія на свою голову и изыскивая всегда доводы противъ своего спасенія, не чувствуютъ, какъ они толкаютъ сами себя въ пропасть погибели: и славословящій Сына Божія не дѣлаетъ Его болѣе славнымъ, и злословящій не причиняетъ ему вреда, потому что безтѣлесное Существо не имѣетъ нужды въ нашемъ славословіи; но какъ называющій солнце свѣтлымъ не прибавляетъ ему свѣта, и называющій его темнымъ не уменьшаетъ его сущности, а только въ приговорѣ своемъ представляетъ примѣръ собственной слѣпоты, такъ и называющій Сына Божія не Сыномъ, а тварію, представляетъ доказательство собственнаго безумія, а признающій (божественное) существо Его показываетъ собственное благоразуміе; и ни этотъ не приноситъ Ему пользы, ни тотъ не причиняетъ Ему вреда, но одинъ борется противъ своего спасенія, а другой за свое спасеніе. Они, какъ я сказалъ, перетолковывая Писанія, остальное пропускаютъ, а ищутъ, не найдется ли гдѣ-нибудь основанія, повидимому нѣсколько содѣйствующаго ихъ болѣзни. Не говори мнѣ, что причиною этому Писаніе; не Писаніе причиною, но ихъ неразуміе, подобно тому, какъ и медъ сладокъ, однакожъ больной считаетъ его горькимъ, но это не меду упрекъ, а жалоба на болѣзнь. Такъ и сумасшедшіе не видятъ предметовъ, но это не вина предметовъ видимыхъ, а извращенное сужденіе сумасшедшаго. Богъ сотворилъ небо, чтобы мы взирали на созданіе и поклонялись Создателю, а язычники обоготворили созданіе; но причиною не созданіе, а ихъ неразуміе, и какъ неразумный ни отъ кого не получаетъ пользы, такъ благоразумный получаетъ пользу и отъ самого себя. Что равно со Христомъ? Однако и отъ Него Іуда не получилъ пользы. Что негоднѣе діавола? Однако Іовъ получилъ вѣнецъ. Ни Іудѣ не принесъ пользы Христосъ, потому что онъ былъ неразуменъ, ни Іову не повредилъ діаволъ, потому что онъ благоразуменъ. Говорю это для того, чтобы никто не осуждалъ Писанія, но неразуміе худо толкую-

щихъ сказанное хорошо. Вѣдь и діаволъ бесѣдовалъ со Христомъ отъ Писанія.

Но виною не Писаніе, а умъ, худо толкующій сказанное хорошо. Желая доказать, что Сынъ меньше Отца, еретики ходятъ, отыскивая странныя выраженія, и объ этихъ именахъ: *Богъ* и *Господь*, говорятъ, что Отецъ—*Богъ*, а Сынъ—*Господь*, раздѣляютъ эти имена и приписываютъ имя *Богъ* Отцу, а имя *Господь* Сыну, какъ настоящіе дѣлители Божества и раздаятели жребія. Приписываетъ ли Писаніе Сыну названіе: *Господь?* Это ли говоритъ оно? Развѣ ты не слышалъ, какъ псаломъ говорилъ сегодня къ одному лицу: *гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ къ Богу помолихся?* Итакъ, оно называетъ его и Господомъ и Богомъ. Кто по твоему Богъ — Сынъ, или Отецъ? Конечно скажешь, что эти имена принадлежатъ Отцу. Итакъ Сынъ—Богъ, и Отецъ — Господь. Для чего же ты раздѣляешь эти имена, и одно тамъ прибавляешь, а другое здѣсь отдѣляешь? И Павелъ (о, если бы ты слушалъ Павла и былъ блаженнымъ!) говоритъ: *но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся* (1 Кор. VIII, 6). Онъ развѣ называлъ Сына Богомъ? Но какъ? Господомъ. Что же, скажи мнѣ, *Богъ* важнѣе, нежели *Господь*, и *Господь* меньше, нежели *Богъ?* Слушайте, прошу васъ, съ напряженнымъ вниманіемъ; если я докажу, что *Господь* и *Богъ*—одно, что ты скажешь? Ты говоришь, что *Богъ* больше, а *Господь* меньше? Послушай пророка, который говоритъ: *сей Господь сотворивый небо, сей Богъ устроивый землю* (Иса. XLV, 18); Господь—небо, и Богъ—землю; слова *Господь* и *Богъ* употребилъ онъ объ одномъ и томъ же лицѣ. И еще: *слыши Израилю: Господь Богъ твой, Господь единъ есть* (Втор. VI, 4). Дважды—*Господь*, и однажды— *Богъ*; и сперва—*Господь*, потомъ—*Богъ*, и опять—*Господь*. Если бы послѣднее было ниже, а первое выше, то о великомъ Существѣ онъ не употребилъ бы выраженія меньшаго прежде бо́льшаго, но, сказавъ бо́льшее, удовольствовался бы и не прибавилъ бы меньшаго. Поняли ли вы, что я сказалъ? Я повторю наставленіе, такъ какъ здѣсь не зрѣлище для показу, но поученіе для душевнаго сокрушенія, не для того, чтобы вы уходили отсюда безоружными, но чтобы возвращались вооруженными. *Богъ*, говоришь ты, еретикъ, выше, а *Господь*—ниже? Я указалъ тебѣ на пророка, который говоритъ: *Господь сотворивый небо, Богъ устроивый землю.* Указываю тебѣ, еще на Моисея, который говоритъ: *слыши, Израилю: Господь Богъ твой, Господь единъ есть.* Какъ *единъ*, если два имени, одно меньшаго, а другое большаго существа? Существо конечно не больше и не меньше себя самого, но равно и неразрывно.

Господь Богъ твой Господь единъ есть; вотъ я доказываю тебѣ, что имя *Господь* то же, что и *Богъ*. Вообще же, если *Господь* ниже, а *Богъ* выше, то какое должно быть имя Его: меньшее—*Господь*, или большее—*Богъ*? Если онъ скажетъ: какъ имя Мнѣ? то что̀ скажешь ты, еретикъ? Скажешь, что *Господь* имя Сына, а *Богъ*—Отца, какъ болѣе свойственное? Но если я докажу тебѣ, что имя *Господь* меньшее служитъ отличительнымъ Его именемъ, то что ты сдѣлаешь? *Да познаютъ, яко имя тебѣ Господь,* говоритъ пророкъ. Развѣ онъ сказалъ: *Богъ* (Псал. LXXXII, 19)? Хотя если имя *Богъ* больше, то почему не сказалъ пророкъ: *да познаютъ, яко имя тебѣ Богъ?* Если собственное Его и свойствен-
705 ное Ему имя есть *Богъ*, а чуждое Ему, какъ низшее, есть *Господь*, то почему онъ сказалъ: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь*, имя малое, меньшее, низшее достоинства Его, а не сказалъ имя великое и высокое, достойное Его существа? Чтобы ты зналъ, что и это не есть малое, ни низшее, но имѣетъ такую же силу: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь, ты единъ вышній по всей земли.*

4. Но ты не отступаешь изъ сраженія, а опять говоришь, что имя *Богъ*—больше, а *Господь*—меньше? Итакъ, если я покажу, что Сынъ называется этимъ именемъ бо̀льшимъ, что ты скажешь? Прекратишь ли сраженіе? Отстанешь ли отъ состязанія? Признаешь ли свое спасеніе? Освободишься ли отъ безумія? Понялъ ты, что я сказалъ? Такъ какъ имя *Господь* приписываютъ Сыну, а *Богъ*—Отцу, какъ бо̀льшее, то, если я покажу тебѣ, что Сынъ называется этимъ бо̀льшимъ именемъ—*Богъ*, сраженіе окончено,—я покоряю тебя твоимъ оружіемъ и на твоихъ крыльяхъ становлюсь выше тебя. Ты сказалъ, что имя *Богъ* больше, а *Господь* меньше; я хочу доказать, что меньшее не приличествовало Отцу, если Онъ былъ бо̀льшимъ, и большее не приличествовало Сыну, если Сынъ былъ меньшимъ. Послушай пророка, который говоритъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему: изобрѣте всякъ путь хитрости, посемъ на земли явися и съ человѣки поживе* (Варух. III, 36—38). Что скажешь ты на это? Будешь опровергать эти слова? Но не можешь,—истина остается блистающею собственнымъ свѣтомъ и ослѣпляющею глаза еретиковъ, не желающихъ вѣрить
706 ей. Хотя глубоко это состязаніе и великъ жаръ, но слово это больше, превосходнѣе неудобства слушающихъ, и жаръ утоляется росою поученія; и если мы собираемся однажды или дважды въ недѣлю, то слушателю не должно быть нерадивымъ. Когда ты выйдешь отсюда, и кто-нибудь спроситъ тебя: о чемъ бесѣдовалъ учитель?—ты скажешь: противъ еретиковъ; если онъ скажетъ: о чемъ онъ бесѣдовалъ?—и ты не найдешься отвѣчать, то стыдъ

тебѣ величайшій; а если отвѣтишь, то уколешь его; если то будетъ еретикъ, исправишь его; если то будетъ нерадивый другъ, привлечешь его; если невоздержная жена, вразумишь ее,—а отвѣчать ты обязанъ и женѣ: *жены*, говорится, *въ церкви да молчатъ: аще ли чесому учитися хотятъ, своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. XIV, 34, 35). Когда ты придешь домой и жена спроситъ тебя: что принесъ ты мнѣ изъ церкви?—скажи ей: не мяса, и не вина, и не золота, и не нарядовъ, украшающихъ тѣло, но слово, умудряющее душу. Когда ты придешь къ женѣ, то предложи духовную трапезу; скажи напередъ, пока свѣжа память: насладимся духовнымъ, а потомъ насладимся чувственною трапезою, потому что если мы такъ устроенъ дѣла свои, то будемъ имѣть Бога среди насъ, и трапезу благословляющаго, и насъ увѣнчивающаго. За все же это будемъ благодарить самого Отца, съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

всѣмъ святымъ, во всемъ мірѣ пострадавшимъ [1]).

ЕЩЕ не прошло семи дней послѣ того, какъ мы совершали 705—6
священное торжество Пятидесятницы, и вотъ опять настигъ насъ ликъ мучениковъ, или—лучше—ополченіе и воинство мучениковъ, ничѣмъ не уступающее ополченію ангеловъ, которое видѣлъ патріархъ Іаковъ (Быт. XXXII, 2), но подобное ему и равное. Мученики и ангелы различаются только именами, а дѣлами соединены: ангелы обитаютъ на небѣ, и мученики также;
первые не причастны старости и безсмертны, и мученики будутъ 707
имѣть то же. Но тѣ получили безтѣлесное естество? Что же? И мученики, хотя облечены тѣломъ, но безсмертнымъ, или—лучше—еще прежде безсмертія смерть за Христа украшаетъ тѣла ихъ больше безсмертія. Не такъ свѣтло небо, украшаемое хоромъ звѣздъ, какъ тѣла мучениковъ, украшаемыя свѣтлою кровію ранъ, такъ что, умерши, они сдѣлали величайшее пріобрѣтеніе, и еще прежде безсмертія восприняли награды, получивъ отъ смерти вѣнцы. *Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его*, говоритъ Давидъ о естествѣ человѣческомъ вообще (Псал. VIII, 6); но и это *малое* Христосъ пришедши восполнилъ, осудивъ смертію смерть. Впрочемъ я не это доказываю, но то, что и этотъ недостатокъ, смерть, сдѣлался пріобрѣтеніемъ, такъ

[1]) О мѣстѣ (въ Антіохіи, или Константинополѣ) и времени произнесенія—ничего неизвѣстно.

какъ, если бы они не были смертными, то не сдѣлались бы мучениками; если бы не было смерти, то не было бы и вѣнца; если бы не было кончины, то не было бы мученичества; если бы не было смерти, то Павелъ не могъ бы говорить: *по вся дни умираю, тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ* (1 Кор. xv, 31); если бы не было смерти и тлѣнія, то онъ также не могъ бы говорить: *радуюся во страданіихъ моихъ о васъ, и исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24). Итакъ, не будемъ скорбѣть, что мы стали смертными, но будемъ благодарить, что смертію открыто намъ поприще мученичества; чрезъ тлѣнность мы получили возможность наградъ, отсюда имѣемъ мы поводъ къ подвигамъ. Видишь ли премудрость Божію, какъ Онъ величайшее изъ золъ, верхъ нашего бѣдствія, введенный діаволомъ, т. е. смерть, обратилъ намъ въ честь и славу, ведя чрезъ нее подвижниковъ къ наградамъ мученичества? Что же? Будемъ благодарить діавола за смерть? Да не будетъ: не по его мысли— это добро, но даръ премудрости Божіей; онъ ввелъ, чтобы погубить людей и, возвративъ въ землю, отнять у нихъ всякую надежду спасенія, но Христосъ, взявъ это, измѣнилъ, и чрезъ смерть опять возвелъ насъ на небо. Поэтому никто да не осуждаетъ насъ, если я назвалъ весь сонмъ мучениковъ ликомъ и воинствомъ, приписавъ одному предмету два противоположныя названія; ликъ и воинство—названія противоположныя, но здѣсь оба они соединились вмѣстѣ: (мученики) шли на мученія съ удовольствіемъ, какъ ликующіе, и вмѣстѣ, какъ воинствующіе, оказали всякое мужество и терпѣніе и побѣдили противниковъ. Если посмотришь на существо событій, то эти событія — сраженіе, война и ополченіе; а если изслѣдуешь смыслъ событій, то совершившееся — ликованія, празднества, торжества и величайшее удовольствіе.

Хочешь узнать, сколько эти подвиги, т. е. подвиги мучениковъ, ужаснѣе войны? Что ужаснаго въ войнѣ? Съ той и другой сто-
708 роны стоятъ огражденные станы, блещущіе оружіемъ и озаряющіе землю; со всѣхъ сторонъ пускаются тучи стрѣлъ, множествомъ своимъ помрачающія воздухъ; потоки крови льются по землѣ; вездѣ въ великомъ множествѣ, какъ колосья во время жатвы, падаютъ воины, поражаемые другъ другомъ. Теперь отъ нихъ я переведу тебя къ этому сраженію. И здѣсь два ополченія, одно — мучениковъ, а другое—мучителей; но мучители вооружены, а мученики сражаются съ обнаженнымъ тѣломъ, и побѣда остается за обнаженными, а не вооруженными. Кто не изумится, что бичуемый побѣждаетъ бичующаго, связанный — несвязаннаго, сожигаемый — сожигающаго, умирающій—умерщвляющаго? Видишь ли, какъ эти подвиги страшнѣе тѣхъ? Тѣ, хотя и страшны, но происходятъ

естественно; а эти превосходятъ всякое естество и всякій порядокъ вещей, чтобы ты убѣдился, что это—дѣла благодати Божіей. Притомъ, что несправедливѣе этой борьбы? Что беззаконнѣе этихъ сраженій? На войнахъ обѣ сражающіяся стороны бываютъ вооружены; а здѣсь не такъ, но одинъ нагъ, а другой вооруженъ; также въ борьбѣ обоимъ противникамъ позволяется дѣйствовать руками, но здѣсь одинъ связанъ, а другой свободно наноситъ удары. Выбравши себѣ, какъ бы по тираніи, право дѣлать зло, а праведнымъ мученикамъ предоставивъ терпѣть зло, судьи такимъ образомъ нападаютъ на святыхъ, и даже и такъ не побѣждаютъ ихъ, но послѣ такой неравной битвы отходятъ пораженными; и бываетъ то же, какъ если бы кто вывелъ воина на сраженіе и, отломивъ остріе копья его и снявъ съ него броню, приказалъ ему такъ сражаться съ обнаженнымъ тѣломъ, а онъ, подвергаясь нападеніямъ и ударамъ и получая безчисленныя раны, поставилъ бы трофеи. Такимъ же образомъ и эти, выведя мучениковъ нагими, связавъ имъ руки назадъ и со всѣхъ сторонъ нанося имъ удары и язвы, были побѣждаемы; а они, получая раны, ставили трофей побѣды надъ діаволомъ. Какъ адамантъ, поражаемый ударами, не поддается и не смягчается, а напротивъ сокрушаетъ ударяющее желѣзо,—такъ точно и души святыхъ, при столь многихъ наносимыхъ имъ мученіяхъ, сами не терпѣли никакого вреда, а силу тѣхъ, которые били ихъ, сокрушали и заставляли ихъ удаляться съ борьбы побѣжденными со стыдомъ и безчестіемъ послѣ многихъ и нестерпимыхъ ударовъ. Ихъ привязывали къ дереву и строгали бока ихъ, проводя глубокія борозды, какъ бы распахивая землю, а не тѣло раздирая, такъ что можно было видѣть открытыя внутренности, обнаженныя ребра, расторгнутыя груди; и здѣсь не останавливались въ неистовствѣ тѣ кровожадные звѣри, но, снявъ съ дерева, растягивали ихъ на желѣзной рѣшеткѣ надъ горячими угольями, и можно было видѣть опять зрѣлища, ужаснѣйшія прежнихъ: двоякія капли падали изъ тѣлъ, льющейся крови и растопляемой плоти,—но святые, возлежа на угольяхъ, какъ на розахъ, съ радостію смотрѣли на совершавшееся.

2. Ты же, слыша о желѣзной рѣшеткѣ (имѣющей видъ лѣст- 709
ницы), вспомни о мысленной *лѣстницѣ*, видѣнной патріархомъ Іаковомъ, которая простиралась отъ земли до неба; по той нисходили ангелы, а по этой восходятъ мученики; на той и другой *Господь утверждашеся* (Быт. XXVIII, 13). Не перенесли бы страданій эти святые, если бы не имѣли такой опоры. По той восходятъ и нисходятъ ангелы, а по этой, какъ всякому извѣстно, восходятъ и мученики. Почему? Потому, что тѣ *въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14); а эти,

какъ ратоборцы и вѣнценосцы, окончивъ подвиги, отходятъ наконецъ къ Распорядителю подвиговъ. Впрочемъ, не будемъ просто слушать, когда говорится, что горячія уголья были подкладываемы подъ истерзанныя тѣла, но представимъ, каково бываетъ намъ, когда мы впадаемъ въ горячку; тогда мы самую жизнь не считаемъ жизнію, досадуемъ, негодуемъ, раздражаемся, какъ малыя дѣти, считая этотъ огонь нисколько неменьшимъ огня геенскаго; а они, не горячкою будучи объяты, но когда пламень со всѣхъ сторонъ осаждалъ ихъ, и искры вторгались въ ихъ раны и терзали язвы ихъ свирѣпѣе всякаго звѣря, тогда, какъ бы адамантовые и какъ бы видя это совершающимся въ чужихъ тѣлахъ, доблестно и съ свойственнымъ имъ мужествомъ стояли въ словахъ исповѣданія, и оставались непреклонными во всякихъ бѣдствіяхъ, блистательно обнаруживая и свое мужество и Божію благодать. Вы часто видите на разсвѣтѣ солнце восходящимъ и бросающимъ багряновидные лучи? Таковы были тѣла святыхъ, когда со всѣхъ сторонъ обливали ихъ потоки крови, какъ бы багряновидные лучи, и озаряли тѣло ихъ гораздо больше, нежели небо озаряется солнцемъ. Видя эту кровь, ангелы радовались, а бѣсы ужасались и самъ діаволъ трепеталъ: то была не просто видимая кровь, но кровь спасительная, кровь святая, кровь достойная небесъ, кровь постоянно напаяющая добрыя растенія церкви. Видѣлъ эту кровь и ужасался діаволъ, потому что вспоминалъ о другой крови—Владычней; ради той текла и эта кровь, потому что съ тѣхъ поръ, какъ прободено ребро Владыки, ты видишь тысячи прободенныхъ реберъ. И кто не пойдетъ на эти подвиги съ великою радостію, имѣя въ виду пріобщиться страданій Господнихъ и сдѣлаться сообразнымъ смерти Христовой? Это—достаточное воздаяніе, честь большая, награда превышающая труды, еще прежде царства небеснаго. Итакъ, не будемъ страшиться, слыша, что такой-то потерпѣлъ мученичество; но будемъ страшиться, слыша, что такой-то оказался слабымъ и палъ, когда предстояли ему такія награды.

Если же хочешь слышать и о наградахъ будущихъ, то никакое слово не можетъ представить ихъ,—потому что *око не видѣ*, говорится, *и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящымъ Его* (1 Кор. II, 9); а никто изъ людей не возлюбилъ Его такъ, какъ мученики. Впрочемъ потому, что величіе назначенныхъ благъ превышаетъ и слово и умъ нашъ, мы не будемъ молчать о нихъ, но, сколько возможно намъ сказать и вамъ выслушать, постараемся, хотя неясно, изобразить
710 вамъ блаженство, которое приметъ тамъ мучениковъ; а ясно познаютъ его только тѣ, которые наслаждаются имъ на самомъ

дѣлѣ. Здѣшнія жестокія и невыносимыя страданія мученики терпятъ въ теченіе краткаго времени, а по отшествіи отсюда они восходятъ на небеса, причемъ ангелы предшествуютъ имъ и архангелы сопровождаютъ ихъ, потому что не стыдятся подобныхъ себѣ рабовъ и рѣшились все сдѣлать для нихъ, какъ и тѣ рѣшились потерпѣть все для Христа, своего Владыки. По восшествіи на небо, срѣтаютъ ихъ всѣ святыя силы. Если тогда, когда приходятъ въ городъ чужіе ратоборцы, стекается весь народъ отвсюду и, окруживъ ихъ, разсматриваетъ стройность ихъ членовъ,— то гораздо больше тогда, когда восходятъ на небеса подвижники благочестія, ангелы срѣтаютъ и всѣ вышнія силы стекаются отвсюду—видѣть ихъ раны, и, какъ нѣкоторыхъ героевъ, возвратившихся съ войны и сраженія съ великими трофеями и послѣ многихъ побѣдъ, радостно принимаютъ всѣхъ ихъ и привѣтствуютъ, потомъ ведутъ ихъ съ великимъ торжествомъ къ Царю небесному, къ тому престолу, исполненному великой славы, гдѣ херувимы и серафимы. Прибывъ туда и поклонившись Сѣдящему на престолѣ, мученики удостоиваются отъ Владыки гораздо большаго благоволенія, нежели отъ подобныхъ себѣ рабовъ, потому что Онъ принимаетъ ихъ не какъ рабовъ (хотя и это величайшая честь, равной которой нельзя найти), но какъ друзей Своихъ: *вы*, говоритъ Онъ, *друзи Мои есте* (Іоан. xv, 14); и весьма справедливо, потому что самъ Онъ сказалъ еще: *больши сея любве никтоже имать, да кто положитъ душу свою за други своя* (Іоан. xv, 13). Такъ какъ они показали величайшую любовь, то Онъ дружески и принимаетъ ихъ, и наслаждаются они тамошнею славою, соединяются съ ликами (ангельскими), участвуютъ въ таинственныхъ пѣснопѣніяхъ. Если они, еще находясь въ тѣлѣ, чрезъ общеніе въ таинствахъ принадлежали къ тамошнему лику, воспѣвая трисвятую пѣснь вмѣстѣ съ херувимами, какъ извѣстно вамъ, посвященнымъ въ тайны,—то гораздо больше тогда, наслаждаясь сотоварищами по лику, они съ великимъ дерзновеніемъ участвуютъ въ тамошнемъ славословіи. Не страшились ли вы мученичества прежде? А теперь не желаете ли мученичества? Теперь не сожалѣете ли, что нынѣ уже не время мученій? Но будемъ и мы упражняться какъ во время мученичества. Они презирали жизнь,—ты презирай удовольствія. Они ввергали тѣла свои въ огонь,—ты ввергай теперь деньги въ руки бѣдныхъ. Они попирали уголья,—ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на пріятное будущее, не на бѣдствія присущія, а на блага уповаемыя, не на страданія, а на награды, не на труды, а на вѣнцы, не на усилія, а на плату, не на скорби, а на воздаянія, не на горящій огонь, 711

а на царство предстоящее, не на окружающихъ палачей, а на увѣнчивающаго Христа.

3. Это лучшій способъ и удобнѣйшій путь къ добродѣтели— взирать не на труды только, но и на награды послѣ трудовъ,—впрочемъ и не на нихъ только самихъ по себѣ. Такъ, когда ты намѣреваешься подать милостыню, то обращай вниманіе не на издержки денежныя, а на пріобрѣтеніе правды: *расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Псал. cxi, 9); не смотри на оскудѣніе богатства, но взирай на умноженіе сокровища. Когда постишься, то думай не объ изнуреніи отъ поста, но о легкости, происходящей отъ этого изнуренія. Когда бодрствуешь въ молитвѣ, то помышляй не объ усталости, причиняемой бодрствованіемъ, а о дерзновеніи, доставляемомъ молитвою. Такъ дѣлаютъ и воины: они смотрятъ не на раны, а на награды, не на пораженія, а на побѣды, не на падающихъ мертвыми, а на увѣнчиваемыхъ героевъ. Такъ и кормчіе прежде волнъ видятъ пристани, прежде кораблекрушеній—торговыя выгоды, прежде бѣдствій на морѣ — благополучіе послѣ мореплаванія. Такъ дѣлай и ты: представь, сколь великое дѣло—среди глубокой ночи, когда спятъ всѣ люди, звѣри и скотъ, когда господствуетъ глубочайшая тишина, тебѣ одному бодрствовать и дерзновенно бесѣдовать съ общимъ всѣхъ Владыкою. Сладокъ сонъ? Но нѣтъ ничего слаще молитвы. Бесѣдуя съ Богомъ наединѣ, когда никто не безпокоитъ тебя и не отвлекаетъ тебя отъ молитвы, ты можешь во многомъ имѣть успѣхъ; самое время— союзникъ твой для полученія того, чего желаешь. Но ты поворачиваешься лежа на мягкой постели, и медлишь встать? Представь сегодняшнихъ мучениковъ, которые лежали на желѣзной рѣшеткѣ, гдѣ не постель была подостлана, но подложены горячіе уголья. Здѣсь я хочу окончить рѣчь, чтобы вы ушли съ живымъ и свѣжимъ воспоминаніемъ объ этой рѣшеткѣ и памятовали о ней ночью и днемъ; хотя бы удерживали насъ тысячи узъ, мы въ со-
712 стояніи будемъ легко разорвать все и востать для молитвы, если будемъ постоянно представлять себѣ эту рѣшетку. Впрочемъ не только рѣшетку, но и прочія страданія мучениковъ начертаемъ на широтѣ нашего сердца. Какъ дѣлающіе свои домы великолѣпными украшаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ разноцвѣтною живописью,—такъ и мы на стѣнахъ души нашей нарисуемъ казни мучениковъ. Та живопись безполезна, а эта приноситъ пользу; для этой живописи не нужно ни богатства, ни издержекъ, ни какого-нибудь искусства, но вмѣсто всего достаточно приложить усердіе и умъ мужественный и бодрственный, чтобы посредствомъ него, какъ бы посредствомъ искусной какой руки, изобразить ихъ мученія. Итакъ, нарисуемъ въ душѣ однихъ лежащими на сковородахъ, другихъ ра-

станутыми на угольяхъ, иныхъ вверженными въ котлы, другихъ брошенными въ море, иныхъ скоблимыми, иныхъ сгибаемыми на колесѣ, иныхъ разбиваемыми объ утесъ, иныхъ борющимися съ дикими звѣрями, иныхъ низвергаемыми въ пропасть, иныхъ такъ, какъ каждому изъ нихъ случилось окончить жизнь, чтобы, сдѣлавъ разнообразіемъ такой живописи жилище наше свѣтлымъ, приготовить приличное пристанище для Царя небеснаго. Если Онъ увидитъ такія изображенія въ душѣ, то придетъ съ Отцемъ и сотворитъ у насъ обитель съ Духомъ Святымъ; и будетъ, наконецъ, наша душа царскимъ домомъ, и никакой непристойный помыслъ не сможетъ войти въ нее, потому что воспоминаніе о мученикахъ, какъ бы какая живопись, постоянно будетъ сохраняться въ насъ и производить великій блескъ, и Царь всего, Богъ, будетъ непрестанно обитать въ насъ. Такимъ образомъ, принявъ Христа здѣсь, мы по отшествіи отсюда сможемъ быть принятыми въ вѣчныя обители, чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

послѣ землетрясенія [1]).

Хотя намъ болѣзнь воспрепятствовала участвовать вмѣстѣ 713
съ вами въ духовномъ торжествѣ, но васъ не привела въ разслабленіе тяжесть путешествія. Хотя вы пришли сюда съ трудомъ, утомленные и совершенно облитые потомъ, но словесное ученіе и мою болѣзнь обратило въ здоровье и вашъ трудъ облегчило пѣснопѣніемъ. Посему и я, самъ страдая болѣзнію, не связываю языка своего молчаніемъ, и вы, утомленные, не отказываетесь слушать; но какъ только явилось слово, трудъ удалился, и какъ только открылось ученіе, утомленіе обратилось въ бѣгство. Болѣзнь и трудъ принадлежатъ тѣлу, а ученіе есть дѣло и врачество души; но сколько душа выше тѣла, столько и дѣла ея предпочтительнѣе. Поэтому не только тогда, когда препятствуетъ бо-

---

[1]) Бесѣда произнесена, нужно думать, въ Антіохіи, которая часто подвергалась землетрясеніямъ, особенно во время Златоуста. Когда случилось упоминаемое въ бесѣдѣ землетрясеніе, Златоустъ лежалъ больной на постели; но, пылая ревностью учительства, онъ всталъ съ одра болѣзни и произнесъ эту бесѣду въ одной изъ загородныхъ церквей. Годъ произнесенія неизвѣстенъ.

лѣзнь, но и когда встрѣчалось множество и другихъ препятствій, я не переставалъ быть въ единеніи съ вашею любовію, не отказался быть и сегодня на этомъ прекрасномъ праздникѣ. Доселѣ мы были пригвождены къ одру (болѣзни), но Богъ не попустилъ намъ совершенно истомиться отъ голода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ для васъ голодъ—не слушать, такъ и для меня голодъ—не говорить. Такъ и мать часто, больная, соглашается лучше допустить, чтобы дитя кормилось ея грудью, нежели видѣть его томящимся отъ голода; пусть же будетъ приведено въ напряженіе и мое (больное) тѣло. Кто не пролилъ бы охотно самую кровь свою за васъ, мужей, пламенѣющихъ такимъ благочестіемъ, такою любовію къ слушанію, и являющихъ такое раскаяніе въ краткое мгновеніе времени? Вы не знаете дня и ночи, но то и другое время обращаете въ день, не воздухъ измѣняя, а всенощными бдѣніями просвѣщая ночи; у васъ ночи безъ сна, и власть сна прекратилась, такъ какъ любовь ко Христу побѣдила слабость естества. Вы освободились отъ условій тѣлеснаго бытія человѣческаго, подражая силамъ (безплотнымъ), являя неусыпное бодрствованіе, постоянный постъ, столь тяжелый трудъ путешествія, тяжелый трудъ по естеству, но отдохновеніе по произволенію. Таковъ плодъ страха, такова прибыль отъ землетрясенія, прибыль, никогда не утрачиваемая, прибыль, и бѣдныхъ дѣлающая богатыми, и богатыхъ еще болѣе обогащающая; она не знаетъ бѣдности, не знаетъ богатства. Случилось землетрясеніе, и удалило неравенства въ жизни. Гдѣ теперь одѣвающіеся въ шелковыя одежды? Гдѣ золото? Все это исчезло, разсѣялось легче паутины и оказалось мимолетнѣе цвѣтовъ весеннихъ. Но такъ какъ вашу душу я вижу приготовленною, то хочу предложить вамъ обильнѣйшую трапезу. Я вижу, что тѣла ваши утомлены, но душа цвѣтетъ юностію. Обильны потоки вашего пота, но они очищаютъ совѣсть. Если борцы проливаютъ даже кровь свою за лавровые листья, которые сегодня даются, а завтра увядаютъ, то гораздо болѣе вамъ, вышедшимъ на поприще подвиговъ, должно не уклоняться отъ трудовъ добродѣтели и не ослабѣвать.
714 Ваше собраніе—вѣнецъ для меня, и одинъ слушатель изъ васъ для меня равносиленъ цѣлому городу. Нѣкоторые наполняли чаши до верха, другіе учреждали сатанинскія пиршества, иные приготовляли обильную трапезу; а вы совершили такое всенощное бдѣніе и очистили весь городъ шествіемъ святыхъ ногъ вашихъ, перемѣривъ площадь шагами и сдѣлавъ самый воздухъ святымъ. И воздухъ становится святымъ отъ пѣснопѣнія, какъ вы слышали сегодня отъ Бога, сказавшаго Моисею: *мѣсто бо, на немже ты стоиши, земля свята есть* (Исх. ііі, 5). Вы освятили землю и площадь, сдѣлали городъ для насъ церковію. Какъ бурный по-

токъ, протекая и несясь съ великою стремительностію, низвергаетъ все, такъ точно и потокъ духовный, *рѣка Божія, веселящая градъ Божій* (Псал. XLV, 5. LXIV, 10), наполнился водами и очистилъ грязь нечестія. Нѣтъ ни одного развратнаго, или—лучше—если есть какой-нибудь развратникъ, то онъ исправляется. Онъ слышитъ голосъ, и душа его преобразуется; наступаетъ пѣснопѣніе, и нечестіе удаляется, страсти корыстолюбія обращаются въ бѣгство; если же не обращаются въ бѣгство, то подобно тому, какъ дикіе звѣри зимою скрываются въ своихъ пещерахъ, такъ и невоздержная душа скрывается внутри, и подобно тому, какъ змѣи отъ холода, сковывающаго тѣла ихъ, уходятъ въ глубочайшія убѣжища, такъ точно и эти страсти, неблагородныя и рабскія, скрываются какъ бы въ какую глубину. Безъ сомнѣнія, и сами носящіе въ себѣ эти страсти стыдятся ихъ: хотя они носятъ ихъ, но уже мертвыя. Вмѣсто зимы для нихъ служитъ наше пѣснопѣніе. Достигаетъ до слуха человѣка любостяжательнаго этотъ голосъ—и онъ, если не истребляетъ страсть, то умерщвляетъ эту страсть; достигаетъ до слуха человѣка развратнаго и гордаго—и онъ, если не умерщвляетъ сладострастіе и гордость, то скрываетъ это сладострастіе и гордость. А немаловажное дѣло, если порокъ не заявляетъ о себѣ открыто. Говорилъ я и вчера, что велики плоды отъ землетрясенія. Видите ли вы человѣколюбіе Господа, потрясающаго городъ и утверждающаго душу, колеблющаго основанія и укрѣпляющаго помышленія, показывающаго непрочность города и дѣлающаго сильною волю? Обрати вниманіе на Его человѣколюбіе: Онъ поколебалъ недолго—и утвердилъ навсегда; землетрясеніе—на два дня, а благочестіе должно остаться на все время; не надолго вы опечалились, а навсегда укоренились. Я хорошо знаю, что отъ страха Божія благочестіе ваше получило корень; и если будетъ успокоеніе отъ бѣдствія, то плодъ останется. Уже не будетъ больше терній, подавляющихъ его, и сильный дождь не затопитъ его; хорошо воздѣлалъ васъ страхъ, послуживъ мнѣ союзникомъ въ словѣ. Я замолчу, но основанія говорятъ; я замолчу, но землетрясеніе, громче трубы, возвышаетъ голосъ, говоря: *щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ* (Псал. CII, 8);—я пришло не для того, чтобы погребсти васъ подъ развалинами, но чтобы укрѣпить васъ. Такъ говоритъ землетрясеніе и восклицаетъ: я устрашило васъ, но не для того, чтобы огорчить, а чтобы сдѣлать васъ болѣе внимательными къ себѣ. Слушайте со вниманіемъ эти слова: такъ какъ бесѣда становилась безсильною, то возгласило наказаніе; такъ какъ ученіе ослабѣвало, то прибылъ на по- 715
мощь страхъ. Это сказать вамъ кратко пришелъ я, и дѣлаю свое

дѣло: когда приведу васъ въ сокрушеніе, тогда и преподамъ вамъ ученіе, дабы это ученіе не было безсильно; нашедши камни и произрасшее терніе, я очищаю ниву, чтобы потомъ бросать сѣмена ученія щедрою рукою. Потерпѣли ли вы какой-нибудь вредъ, опечалившись на краткое время? Вы сдѣлались изъ людей ангелами, переселились на небо,—не по мѣсту, но по нравамъ. А что я не льщу вамъ, говоря это, свидѣтельствуютъ дѣла. Чего не достаетъ у васъ для покаянія? Вы отринули ненависть, удалили низкія страсти, насадили добродѣтели, имѣли силу провести цѣлую ночь въ священномъ бдѣніи съ великою любовію и возвышеннымъ настроеніемъ души. Никто не вспоминаетъ о прибыляхъ, никто не говоритъ о любостяжаніи, и не только руки чисты отъ грѣховъ, но и языкъ свободенъ отъ беззаконія и злословія; никто не оскорбляетъ ближняго, никто не идетъ на сатанинскія пиршества; домы чисты, площадь омыта отъ нечистотъ, наступаетъ вечеръ, и нигдѣ сонмы юношей не поютъ театральныхъ пѣсней. Собираются сонмы, но не для разврата, а для добрыхъ дѣлъ; и на площади можно слышать пѣснопѣнія, и въ домахъ сидятъ, одни воспѣвая псалмы, а другіе — священные гимны; наступаетъ ночь, и всѣ идутъ въ церковь, эту безмятежную пристань, тихое прибѣжище, свободное отъ волнъ. Я думалъ, что послѣ перваго и второго дня безсонница изнуритъ ваши тѣла; но теперь, чѣмъ болѣе продолжается бдѣніе безъ сна, тѣмъ болѣе усиливается ваше усердіе. Поющіе у васъ утомились, а вы оказываете юношескую бодрость; поющіе у васъ обезсилили, а вы еще болѣе укрѣпились. Гдѣ теперь, скажи мнѣ, богатые? Пусть они узнаютъ любомудріе бѣдныхъ. Они спятъ, а бѣдные на землѣ не спятъ, но преклоняютъ
716 колѣна, подражая Павлу и Силѣ (Дѣян. xvi). Тѣ пѣли и поколебали темницу, а вы поете и привели въ недвижимое состояніе колеблемый городъ. Окончанія дѣйствій противоположны, но то и другое—для славы Божіей. Онъ (Павелъ) поколебалъ темницу, чтобы потрясти душу невѣрныхъ, чтобы разрѣшить темничнаго стража, чтобы возвѣстить слово Божіе; вы же привели городъ въ недвижимое состояніе, чтобы прекратить гнѣвъ Божій; и то и это устроено различнымъ образомъ, но я радуюсь,—не тому, что пришелъ въ недвижимое состояніе городъ, но тому, что онъ пріобрѣлъ эту неподвижность при помощи вашихъ молитвъ, что ваши пѣснопѣнія послужили для него основаніями. Свыше гнѣвъ, а снизу вашъ голосъ; свыше нисходящій гнѣвъ удержанъ голосомъ, восходящимъ снизу. Отверзлись небеса, и произнесенъ былъ приговоръ,—изощренный мечъ; городъ долженъ былъ сравняться съ поверхностію земли отъ неизбѣжнаго гнѣва. И ничего намъ не потребовалось, кромѣ покаянія, кромѣ слезъ и стенаній, и все

было прекращено; Богъ изрекъ приговоръ, а мы прекратили гнѣвъ Его. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы васъ защитниками и спасителями города. Гдѣ начальники? Гдѣ великіе хранители? Поистинѣ вы—и крѣпость, и стѣна, и охрана города. Тѣ своимъ нечестіемъ расшатали городъ, а вы своею добродѣтелію укрѣпили городъ. Если бы кто-нибудь спросилъ, отчего поколебался городъ, то, хотя бы никто не отвѣчалъ, несомнѣнно, что это—за грѣхи, за корыстолюбіе, за несправедливость, за беззаконіе, за гордость, за похоти, за ложь. Кого же? Богатыхъ. Также, если бы кто-нибудь спросилъ, отчего опять получилъ свою неподвижность, то несомнѣнно, что это—за пѣснопѣнія, за молитвы, за всенощныя бдѣнія. А это кого? Бѣдныхъ. Поколебать городъ—ихъ дѣло, а возвратить ему неподвижность—ваше, такъ что вы стали его спасителями и защитниками. Но здѣсь мы окончимъ слово, продолжая всенощныя бдѣнія и пѣснопѣнія и возсылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о предательствѣ Іуды [1]).

Нынѣ Дафна [2]) пріятна и боголюбезна не потому только, что 715—6
она источаетъ прозрачнѣйшіе потоки и питаетъ прекраснѣйшія древесныя вѣтви, но и потому, что заключаетъ въ себѣ необыкновенное растеніе — крестъ; нынѣ здѣсь поистинѣ источникъ цѣломудрія, страшный для пиѳійскаго демона. Уже не для ногъ людей нечестивыхъ разстилаетъ она свою равнину, но для васъ, благочестивыхъ, предлагаетъ свою рощу, подобіе того вожделѣннаго мѣста, того сада, въ которомъ совершилось дерзкое предательство Спасителя и насаждено было дѣло нашего спасенія.
Но я не знаю, о чемъ мнѣ говорить при настоящемъ торжествѣ: 717
торжество воздвигаетъ языкъ мой обвинять Іуду, а человѣколюбіе Спасителя обращаетъ уста мои къ себѣ. И я объятъ и тѣмъ и другимъ: и ненавистію къ предателю, и любовію къ Господу; но любовь, будучи больше и сильнѣе, превозмогаетъ ненависть. Посему, оставивъ предателя, прославлю Благодѣтеля, прославлю не столько, сколько Онъ достоинъ того, но сколько я могу. Какъ Онъ преклонилъ небеса и сошелъ на землю? Какъ наполняющій собою

---

[1]) Бесѣда приписывается Златоусту. О времени произнесенія нѣтъ свѣдѣній.
[2]) Предмѣстіе Антіохіи.

весь міръ пришелъ ко мнѣ, сдѣлавшись ради меня подобнымъ мнѣ? Какъ Онъ избралъ въ ученики свои того, о которомъ зналъ, что будетъ Его предателемъ, и повелѣлъ врагу слѣдовать за Собою, какъ другу? Какъ Онъ не смущался предательствомъ, а заботился о спасеніи предателя? *Вечеру же бывшу*, говоритъ евангелистъ, *возлежаше Іисусъ съ обѣманадесяте ученикома, и ядущымъ имъ рече: аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ мя* (Матѳ. xxvi, 20, 21). Онъ предсказалъ о предательствѣ, чтобы предотвратить это беззаконіе; но въ предсказаніи не указалъ на лицо предателя, дабы не огласить беззаконія ученика, которое еще не было извѣстно совозлежащимъ. Видѣлъ ли кто такое человѣколюбіе Господа? Онъ и предается и любитъ предателя. Кто, испытывая презрѣніе, милуетъ презирающаго? Кто, подвергаясь продажѣ, дѣлаетъ злого продавца участникомъ своей трапезы? Кто щадитъ строющаго козни? *И ядущымъ имъ рече: аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предастъ мя.* Какъ человѣкъ, Онъ вкушалъ пищу, а какъ Богъ, возвѣщалъ будущее; свойственное моему естеству Онъ дѣлаетъ ради меня. Когда же всѣ ученики были поражены этими словами, и строго испытывали свою совѣсть, и время вечери обратилось у нихъ во время скорби, когда каждый изъ нихъ говорилъ: *еда азъ есмь, Господи* (ст. 22), желая такимъ вопросомъ устранить отъ себя дурное подозрѣніе, тогда Спаситель, врачуя души неблаговременно пораженныхъ, отвѣтомъ Своимъ открываетъ того, который дотолѣ былъ неизвѣстенъ. *Омочивый со Мною*, говоритъ Онъ, *въ солило руку, той Мя предастъ. Сынъ убо человѣческій идетъ, якоже есть писано о немъ, горе же человѣку тому, имже сынъ человѣческій предается: добро бы было ему, аще не бы родился человѣкъ той* (ст. 23, 24). Онъ жалѣетъ того, кто не хотѣлъ жалѣть себя самого; щадитъ того, кто не щадилъ собственной души своей; не хотѣлъ обнажать того, который давно уже обнажилъ себя, дабы и ему дать время для покаянія, и другихъ учениковъ избавить отъ скорби; но отъ всего этого предатель нисколько не сдѣлался лучше. Ему надлежало бы тотчасъ послѣ этихъ страшныхъ словъ встать изъ-за стола, надлежало бы просить ходатайства о себѣ соучениковъ своихъ, надлежало бы обнять колѣна Спасителя и умилостивлять Его такими словами: я согрѣшилъ, человѣколюбче, я согрѣшилъ, сдѣлалъ беззаконіе, продавъ людямъ за малую цѣну неоцѣненную жемчужину, я сдѣлалъ беззаконіе, промѣнявъ на небольшія деньги неистощимое богатство; прости меня, купившаго себѣ вредъ и погибель; прости меня, у котораго золото похитило разумъ; прости меня, злобно обольщеннаго фарисеями. Но онъ ничего такого не сказалъ и не подумалъ, а дерзкимъ вопросомъ обнаружилъ безстыдство души

своей, сказавъ: *еда азъ есмь, равви* (ст. 25)? О, безстыдный языкъ! О, безчувственная душа! Какъ бы не зная, онъ спрашиваетъ о томъ, что́ самъ замышляетъ, и думаетъ укрыться отъ недремлющаго ока. Въ душѣ онъ носилъ коварство, а языкомъ произно- 718
силъ слово невѣдѣнія; въ умѣ совершалъ предательство, а устами, какъ онъ думалъ, прикрывалъ свой грѣхъ; употреблялъ такія же выраженія, какъ и прочіе ученики, а одинаковаго съ ними права не имѣлъ; будучи волкомъ по душѣ, говорилъ голосомъ овецъ. Что же ему Спаситель? *Ты реклъ еси*, отвѣчалъ Онъ. Великодушнымъ отвѣтомъ Онъ вполнѣ разоблачилъ лицедѣйство нечестиваго. Христосъ могъ бы сказать ему: что говоришь ты, безстыдный и лукавый? Что говоришь ты, рабъ денегъ и истинный сообщникъ діавола? Ты дерзаешь притворяться незнающимъ? Ты дерзаешь скрывать то, что́ не можетъ быть сокрыто? Развѣ Я не присутствовалъ Божествомъ при твоемъ злодѣяніи? Развѣ Я не видѣлъ окомъ Божества, какъ ты приходилъ къ первосвященникамъ? Развѣ Я и отсутствуя не слышалъ, какъ ты говорилъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Матѳ. XXVI, 15)? Развѣ Я не знаю, за сколько ты продалъ Меня? Что же? И послѣ обличенія ты остаешься столь безстыднымъ? Для чего ты стараешься утаить то, что намѣреваешься сдѣлать? Предо Мною все открыто. Такъ могъ бы отвѣчать Христосъ, но Онъ не отвѣчалъ такъ, а просто, незлобиво и кротко сказазалъ: *ты реклъ еси*, научая насъ поступать такимъ же образомъ съ нашими врагами. Однако и послѣ такого обращенія Іуда остался больнымъ, не по небрежности врача, а по нерадѣнію самого больного. Первый доставилъ всѣ средства къ спасенію, а послѣдній не хотѣлъ принять ихъ, но, предавшись одному сребролюбію, полюбилъ больше золото, нежели Христа, и остался преданъ и вѣренъ подкупившимъ его. Іуда, подошедши, сказалъ Христу: *радуйся, равви, и облобыза Его* (Матѳ. XXVI, 49). Необыченъ этотъ способъ предательства, совершаемый посредствомъ лобзанія и привѣтствія. *Іисусъ же рече ему: друже, на сіе ли пришелъ еси* (ст. 50)? Для чего ты повелѣваешь Мнѣ радоваться, намѣреваясь огорчить Меня? Для чего ты льстишь словомъ, уязвляя дѣломъ? Для чего называешь Меня учителемъ, переставъ быть ученикомъ? Для чего злоупотребляешь правами любви? Для чего дѣлаешь знакъ мира знакомъ предательства? Кому ты подражаешь въ этомъ дѣлѣ? Видѣлъ ли ты, чтобы такъ лобызала недавно ноги мои блудница? Видѣлъ ли, чтобы такъ преклонялъ колѣна предо Мною сотникъ? Видѣлъ ли, чтобы бѣсы такъ повергались предо Мною? Знаю, кто показалъ тебѣ путь коварнаго лобзанія: діаволъ внушилъ тебѣ такія объятія, а ты, повинуясь злому совѣтнику, исполняешь волю его; *друже, на сіе ли пришелъ*

еси? Исполняй гнусныя условія, которыя ты заключилъ съ фарисеями; скрѣпи документъ продажи; подпишись подъ тѣмъ, что написано съ твоихъ словъ; предай Того, Кто самъ желаетъ быть преданъ; кромѣ ковчежца пріобрѣти еще кошелекъ неправды; уступи мѣсто разбойнику, имѣющему за свое исповѣданіе получить то званіе, котораго ты лишилъ себя предательствомъ. *Тогда приступльше возложиша руцѣ на Іисуса и яша Его* (Матѳ. xxvi, 50). И исполнилось пророческое изреченіе: *обыдоша Мя, яко пчелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ терніи* (Псал. cxvii, 12); и еще: *обыдоша Мя пси мнози, юнцы тучніи одержаша Мя* (Псал. xxi, 17, 13). О, незлобіе, свойственное только одному Господу! На небѣ херувимы и серафимы, не дерзая взирать на чрезмѣрную Его славу, закрываютъ лица свои крылами, какъ бы руками; а на землѣ, когда руки беззаконныхъ держали плоть Его, Онъ терпѣлъ. Видите ли, сколь долготерпѣливаго и человѣколюбиваго Владыки вы сдѣла-
719—720 лись рабами? Будьте же и вы къ врагамъ своимъ, къ подобнымъ вамъ рабамъ, такими, какимъ, видите вы, былъ Господь къ врагамъ Своимъ. И вы будете созваны на духовную вечерю; и вы будете возлежать вмѣстѣ съ Владыкою: да не окажется же между вами кто-нибудь Іудою по нраву; всѣ приступите въ тишинѣ и съ миромъ; всѣ прибѣгнемъ къ Спасителю съ чистою совѣстію. Онъ есть постъ и пиршество вѣрныхъ, Онъ—питатель и пища, Онъ—пастырь и агнецъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Творенія св. Іоанна Златоуста, считаемыя сомнительными[1]).

БЕСѢДА ВЪ ПАМЯТЬ СВ. ВАССА

сказана объ ужасахъ, и на слова: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Мѳ. XI, 29).

ТАКЪ какъ на васъ, христолюбивые, обыкновенно течетъ такой 719
обильный источникъ поученій, и теперь чрезъ предварившихъ нас священниковъ и учителей была уже предложена вамъ богатая духовная трапеза, то намъ слѣдовало бы придержать бѣдныя росинки нашихъ рѣчей, тѣмъ болѣе, что насъ одолѣваетъ и долговременное тѣлесное нездоровье, и слабость голоса, и притомъ еще заботы, одна за другою. Но такъ какъ и васъ одолѣваетъ ненасытимая жажда слушать о божественномъ и вы побуждаете насъ говорить, то, при помощи благодати Спасителя, предложимъ вашей кротости въ краткихъ словахъ полезное и соотвѣтствующее времени. Думаю, прилично и для насъ говорящихъ, и для васъ слушающихъ — путемъ разсужденія пріобрѣтать для самихъ себя лучшее и полезное. Преподобный и многохвальный мученикъ и епископъ Вассъ, сегодня составившій намъ это торжество, уже обладаетъ наградами за свои подвиги, вовсе не требуетъ прибавленія похвалъ отъ насъ, но самъ постоянно совершаетъ о насъ молитвы ко Господу, потому что чрезъ подвигъ мученичества онъ и дерзновеніе предъ Нимъ пріобрѣлъ и получилъ отъ Него вѣнецъ безсмертія, который Христосъ предуготовалъ и другимъ
вѣрующимъ. Обильны, по божественному апостолу, дары Владыки, 720
Который и въ древности раздавалъ дары мучениковъ искренно призывавшимъ Его, и особенно нынѣ, когда вскорѣ предстоитъ

[1]) Принадлежность нижеслѣдующихъ бесѣдъ св. Іоанну Златоусту подвергается сомнѣнію на основаніи главнымъ образомъ особенностей слога.

намъ годичное воспоминаніе бывшихъ ужасовъ и человѣколюбивый гнѣвъ той страшной угрозы призываетъ насъ къ славословію. Мы видѣли поистинѣ гнѣвъ, блистающій человѣколюбіемъ, когда опоясаны были страхомъ землетрясеній, когда видѣли колебавшуюся тварь, когда потрясалась сильно земля, а Господь не оставлялъ Своего милосердія, когда мы ожидали горькой кончины, когда думали, что домы внезапно сдѣлаются гробницами, когда, объятые землетрясеніемъ, мы не находили ни мѣста, ни способа убѣжища, когда, достигнувъ полудня, не надѣялись увидѣть вечеръ, когда сверху висѣлъ мечъ, а снизу укрѣплялось съ молитвою благотвореніе, когда народы единогласно взывали: помилуй, и Господь преклонился на милость, такъ какъ Онъ, взоромъ потрясающій, рукою подкрѣпилъ трепещущую тварь. Но почему не сказать кратко: когда, *аще не Господь* Саваоѳъ *помоглъ бы* намъ, *вмалѣ вселилася бы во адъ душа* наша (Псал. xcɪɪɪ, 17)? Подлинно, кого не изум-
721 ляетъ величіе человѣколюбія Спасителя? Чьи умы не побуждаетъ къ благодарности то, что случилось тогда, и не только тогда, но и то, что послѣ, и то, что случилось съ нами недавно? Онъ потрясъ твердыни земли, поколебалъ основанія зданій; дома видало, какъ барки въ волнахъ моря; только обратилъ Онъ взоръ судіи, и мы всѣ заколебались, подобно находящимся на водѣ.

Великъ страхъ, но много больше страха Его человѣколюбіе. Поколебавъ тварь, Онъ не ниспровергъ ея; потрясши все, не сравнялъ съ землею, не лишилъ землю красоты тварей. Онъ поколебалъ кровли только для нашего памятованія и не привелъ намъ даже и отвѣдать погибели. Такова бездна милосердія Его къ намъ! Даже и основанія земли Онъ потрясъ, какъ пекущійся объ насъ, какъ любящій милосердно. Онъ видѣлъ насъ преступными и преогорчевающими; видѣлъ любящими хищенія; видѣлъ совокупляющими домъ къ дому и село къ селу „приближающими, да ближнему отъимемъ что“ (Иса. v, 8); видѣлъ „не милующими сиротъ и суду вдовицъ не внимающими“ (ɪ, 23); видѣлъ, какъ учители поступаютъ вопреки тому, что говорятъ; видѣлъ, какъ ученики оскорбляютъ церковное благочиніе зрѣлищными безпорядками; видѣлъ, какъ мы проводимъ жизнь въ злобѣ и ненависти; видѣлъ, какъ мы коварство соединяемъ съ ненавистію; видѣлъ, какъ мы бурями притворства топимъ простѣйшихъ людей, какъ малыя лодки; видѣлъ, какъ мы намѣренно убиваемъ; видѣлъ, какъ мы обижаемъ, сколько можемъ; видѣлъ, какъ любовь терпитъ крушеніе, а обманъ благополучно плаваетъ въ морѣ жизни; видѣлъ, какъ мы отвергаемся истины и прибѣгаемъ ко лжи; сказать кратко: видѣлъ, что мы служимъ болѣе мамонѣ, нежели Господу,—и потрясъ землю, какъ наставника намъ, дѣтямъ, и явилъ намъ чувства нѣжнолюбящей

матери, которая часто, желая своего грудного младенца, безъ пути плачущаго, отучить отъ такой привычки, сильно потрясаетъ малую колыбель его, не для того, чтобы поразить, но чтобы устрашить малютку. Такъ точно и Владыка всѣхъ, держа въ рукѣ Своей вселенную, потрясаетъ ее не для того, чтобы ниспровергнуть ее, но чтобы обратить къ спасенію живущихъ безпорядочно.

2. И пусть никто не укоряетъ насъ, что мы сравнили Господа съ нѣжнолюбящею матерью, когда самъ Господь сравнилъ Себя съ птицею, сказавъ въ евангеліяхъ: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошъ птенцы своя, и не восхотѣсте* (Матѳ. XXIII, 37. Лук. XIII, 34)? Итакъ, Человѣколюбецъ поколебалъ бездушную землю, чтобы удержать одушевленную отъ безпорядочнаго движенія; угрожалъ смертію тѣлесною, чтобы мы остереглись отъ погибели душевной. Видишь ли, христолюбивый, какъ велико милосердіе къ намъ Творца? Видишь ли угрозу, блистающую человѣколюбіемъ? Видишь ли милость, опережающую негодованіе? Видишь ли приговоръ, побѣждаемый благостію? И это нисколько не странно: Онъ и нынѣ тотъ же кроткій и человѣколюбивый Владыка нашъ, постоянно пекущійся о нашемъ спасеніи, который въ евангеліяхъ ясно взываетъ, какъ было читано намъ недавно: *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. XI, 28, 29). О, какъ велико снисхожденіе Создателя, а созданный не благоговѣетъ! *Пріидите, научитеся отъ Мене*, когда самъ Владыка приходилъ для утѣшенія падшихъ рабовъ. Таковъ къ намъ Христосъ: оказываетъ милость, когда слѣдовало бы казнить грѣшника; когда слѣдовало бы уничтожить родъ прогнѣвавшихъ Его, говоритъ виновнымъ кроткія слова: *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Богъ смиренъ, а человѣкъ высокомѣренъ; Судія кротокъ, а подсудимый гордъ; Художникъ говоритъ голосомъ бѣдняка, а глина разговариваетъ, какъ царь. *Пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Васъ не убѣдило предшествовавшее, не пристыдило послѣдующее и бывшее недавно, какимъ образомъ и тогда, и нынѣ, потрясши тварь, Онъ опять утвердилъ ее, помиловавъ. Итакъ, *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Онъ имѣетъ не бичъ поражающій, но естество врачующее.

722

Придите и посмотрите неизреченное человѣколюбіе. Кто не любитъ господина, который не бьетъ? Кто не удивляется судьѣ, который проситъ подсудимаго? Тебя, конечно, поражаетъ кротость этихъ словъ: Я Создатель и люблю Мое дѣло; Я художникъ, и щажу, кого Я создалъ; если бы Я сталъ пользоваться Моими по-

честями, то я не избавилъ бы падшаго человѣчества, и если бы ему, неисцѣльно больному, Я не далъ легкихъ лѣкарствъ, то оно не укрѣпилось бы; если бы Я не поступалъ съ падшимъ благосклонно, то онъ умеръ бы; если бы только погрозилъ, онъ погибъ бы; поэтому Я и обложу его, лежащаго, пластырями благости; изъ сострадація премного уничижаюсь, чтобы возстановить падшаго. Стоящій не можетъ возстановить низверженнаго отъ его паденія, если самъ не спуститъ руки. *Пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Не хвастаюсь Я словами, но дѣлами доказалъ вамъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*; по тому, чѣмъ сталъ Я, пойми это. Посмотри на Мой видъ, помысли о Моемъ достоинствѣ, и покланяйся Моему ради тебя снисхожденію; разсуди, откуда Я пришелъ и гдѣ бесѣдую съ тобою; имѣя престоломъ небо, Я стою на землѣ и говорю съ тобою; горѣ Я прославляюсь, и (здѣсь), какъ долготерпѣливый, не гнѣваюсь—*яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Если бы Я, сынъ Царя, не былъ кроткимъ, то не избралъ бы Себѣ въ матерь рабу; если бы Я, Творецъ невидимаго и видимаго бытія, не былъ кроткимъ, то не пришелъ бы къ вамъ; если бы не былъ кроткимъ, то не допустилъ бы Я, Отецъ вѣковъ, обвить меня пеленами; если бы не былъ смиреннымъ, то не принялъ бы Я, владѣющій богатствомъ всей природы, бѣдности яслей; если бы не былъ кроткимъ, то не сталъ бы Я, на Котораго не могутъ взирать даже херувимы, жить вмѣстѣ съ безсловесными; если бы не былъ кроткимъ, то не принялъ бы Я, плюновеніемъ дающій свѣтъ слѣпымъ, заплеванія изъ беззаконныхъ устъ; если бы не былъ кроткимъ, то не перенесъ бы Я, освобождающій рабовъ, рабскаго заушенія; если бы Я не былъ кроткимъ, то не далъ бы
728 хребта моего на бичеваніе за плѣнниковъ. Но почему Я не говорю о важнѣйшемъ? Если бы Я не былъ кроткимъ, то не заплатилъ бы, когда другіе должны страдать, а Я нисколько неповиненъ, за нихъ смертнаго долга; но Я заплатилъ, чтобы и для тѣхъ, которые содержатся внизу во адѣ, разрѣшить приговоръ осужденія, такъ какъ Я не только Царь живыхъ, но и Владыка умершихъ. Поэтому Я и прошелъ тотъ и другой путь домостроительства; явился человѣкомъ, былъ и мертвымъ на малое время, чтобы всѣмъ, и подъ землею сущимъ, удѣлить даръ Моего нетлѣнія. *Пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Уничиженіе Мое—отъ произволенія, а не отъ естества; существо имѣю Я неприступное, помышленіе—постигающее все. *Пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, а не достоинствомъ; Я умѣренъ по произволенію, не по могуществу: по могуществу Я страшенъ для анге-

ловъ, по произволенію смиренъ для людей. *Пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Я говорю сообразно не съ тѣмъ, что Я есмь, но бесѣдую сообразно съ Моимъ милосердіемъ; больше власти Я люблю благость. Я, говорящій это тебѣ, Царь; велика сила Моя, но Я не поражаю твою немощь присущимъ Мнѣ могуществомъ. Не говорю: *пріидите, научитеся отъ Мене,* что Я—Владыка, Господь твари, «призираяй на землю, и творяй ю трястися» (Пс. сııı, 32), Который измѣрилъ небо пядію и землю держитъ дланію (Иса. xʟ, 12), но: *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Такъ Я кротокъ: ты согрѣшилъ, а Я потерпѣлъ бичеваніе; такъ добровольно Я смиренъ: пришелъ Я, Владыка, освободить тѣхъ, которые въ рабствѣ, они же Меня, Освободителя, били по ланитамъ, и рабы распяли Меня, а Я, при этомъ, умоляя за нихъ Отца Своего, говорилъ: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. xxııı, 34), Итакъ, *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; пріидите,* умоляю и прошу, не стыжусь умолять, предпочитаю призывать своихъ рабовъ, чтобы не быть вынужденнымъ наказать, *пріидите и научитеся отъ Мене кротости* прежде, нежели увидите отъ Меня страшное; *пріидите,* нынѣ Я врачую, а чрезъ краткое время требую отчета. Я нынѣ щажу, а мало спустя произношу приговоръ; нынѣ Я человѣколюбивъ, а немного послѣ явлюсь праведнымъ Судіею. *Пріидите, научитеся, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ.* Или почтите кротость, или устрашитесь могущества. *Пріидите,* предварите лице Мое «во исповѣданіи», (Пс. xcıv, 29), потому что такое смиреніе Мое ограничено извѣстнымъ временемъ.

3. Одна лишь настоящая жизнь, есть проявленіе Моего долготерпѣнія; придетъ время, когда затворится дверь этой Моей благости; придетъ время, когда льющіяся слезы грѣшниковъ не принесутъ пользы; придетъ время, когда отовсюду звучащія трубы объявятъ Мое второе пришествіе, когда ангелы, пролетая всю землю, представятъ на судъ миріады мертвыхъ, когда будетъ поставлено Мнѣ сѣдалище судіи и Я приду на горнихъ силахъ, когда начала и власти будутъ сопровождать Идущаго, когда свѣтила царства Моего озарятъ весь міръ, когда книги житейскихъ дѣлъ каждаго откроются, когда (настанетъ) точное исполненіе законовъ и точный расчетъ за дѣла, когда подсудимый будетъ 724
стоять, имѣя защитниками себѣ одни только дѣла, когда мысли будутъ обвинять и совѣсть обличать, когда злые духи (будутъ стоять), внимая словамъ Судіи, когда печь будетъ ожидать приговора этого Судіи, когда слово: *помилуй,* наконецъ, безполезно взывающему. Итакъ, *пріидите* прежде, нежели Я затворю двери

Моего милосердія; прежде, нежели закончится скоро торжество жизни; прежде, нежели минуетъ зрѣлище житейское, такъ какъ назначенный срокъ кончины—при вратахъ. *Пріидите* прежде, нежели Я начну судить,—такъ какъ если Я предварю, возсѣвши производить судъ, то уже не буду миловать. Поэтому Я и представилъ ясный примѣръ неразумныхъ дѣвъ, свѣтильники жизни которыхъ, не имѣвшіе елея правды, погасли,—какъ заключены были для нихъ двери брачнаго чертога, и какъ на стукъ ихъ отвѣчалъ Я извнутри: *не вѣмъ васъ* (Матѳ. xxv, 12), предуказывая слово къ грѣшникамъ на судѣ. Итакъ, братія, если мы научились изъ словъ Спасителя благости Господней, то не будемъ невнимательны къ Судіи, человѣколюбиво говорящему прежде суда, не потеряемъ времени раскаянія, облечемъ свои души добрыми дѣлами и милостынями. Пусть каждый изъ насъ пріобрѣтетъ уже себѣ необходимое для вѣчной жизни, а отъ пагубныхъ дѣлъ отстанемъ. Если мы сохранимъ при добрыхъ дѣлахъ вѣру непоколебимою, то вмѣстѣ съ нами пребудетъ непоколебимою и тварь. Украсимъ наши души цѣломудріемъ, и пріобрѣтемъ себѣ прочно неоцѣненный перлъ чистой вѣры; прежде, нежели прекратится время нашей жизни, прежде нежели видъ міра, и цвѣтъ славы, и всѣ пріятности земныя уничтожатся, будемъ угождать неподкупному Судіи. Самъ Онъ говоритъ: *живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и жити ему* (Езек. xxxiii, 11). Если бы Онъ желалъ наказать грѣшника, то молчалъ бы; Онъ хочетъ миловать, и потому увѣщеваетъ; щадитъ, и потому убѣждаетъ; Онъ устрашаетъ тебя предсказаніемъ, чтобы предотвратить отъ тебя дѣйствительную опасность. Когда Богъ угрожаетъ, то хочетъ спасти; а когда молчитъ, то предполагаетъ наказать. Мы научены этому изъ примѣровъ. Онъ угрожалъ ниневитянамъ, и пощадилъ; молчалъ о содомлянахъ, и наказалъ. Онъ приготовилъ вѣнцы, если мы сами на себя не навлечемъ мученій. Онъ хочетъ упразднить геенну, закрыть темницу мрака, хочетъ весь свой гнѣвъ оставить для одного діавола, хочетъ сѣсть Судіею не для того, чтобы кого-либо наказать, но чтобы всѣхъ увѣнчать. Итакъ, имѣя такого Владыку, поспѣшно схватимъ, исполненный благости, голосъ, послушаемся говорящаго: *пріидите, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, чтобы намъ удостоиться услышать и тотъ вожделѣнный и блаженный голосъ, который скажетъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Мѳ.
735—6 xxv, 34), которымъ да сподобимся наслаждаться всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

объ апостолѣ Петрѣ и пророкѣ Иліѣ.

Немного сегодня присутствующихъ съ нами: какая причина 725
этому? Мы совершаемъ память мучениковъ, а никто не пришелъ къ намъ. Не отдаленнность ли пути была причиною ихъ нерадѣнія? Но, скорѣе, не отдаленность пути, а нерадѣніе имъ воспрепятствовало. И какъ для ревностнаго и бодраго волею человѣка ничто не можетъ служить помѣхою, такъ нерадивому и лѣнивому все можетъ помѣшать. Мученики пролили свою кровь за истину, а ты не хочешь перенести и краткаго пути? Они положили голову свою за Христа, а ты не желаешь даже выйти за городъ для Владыки? Владыка умеръ за тебя, а ты оказываешь нерадѣніе къ Нему? Нынѣ память мучениковъ, а ты предаешься лѣности и безпечности? Тебѣ надлежало придти и посмотрѣть, какъ діаволъ одолѣвается, мученикъ побѣждаетъ, Богъ прославляется и церковь увѣнчивается. Но вотъ ихъ предлогъ: я грѣшенъ, говорятъ они, и не могу придти. Да потому именно и приди, что ты грѣшенъ, дабы тебѣ не лишиться праведности. Кто изъ людей безъ грѣха, скажи мнѣ? Но для того и существуютъ жертва и церковь, для того молитвы и посты, что есть много ранъ душевныхъ: поэтому и найдено много врачебныхъ средствъ противъ нихъ, и противъ каждой раны душевной приготовлено соотвѣтственное врачество. Ты имѣешь церковь, приносящую жертвы, молитвы отцовъ, помощь Святаго Духа, службы въ память мучениковъ, сонмъ святыхъ и многое такое, что можетъ воззвать тебя отъ грѣха къ праведности; но ты не прибѣгъ къ молитвѣ мучениковъ: какое же у 726
тебя извиненіе? Никакого несчастія нѣтъ у тебя, и однако ты нашелъ препятствія къ тому, чтобы показать единомысліе (съ нами) по отношенію къ мученикамъ. Не житейскія ли заботы удержали тебя? Въ этомъ еще больше вины. Малаго часа ты не удѣлилъ Богу, чтобы потомъ пользоваться цѣлымъ днемъ?

Я грѣшникъ, скажешь, и не могу сдѣлать этого. Но потому и приди, что ты грѣшникъ; или ты не знаешь, что и сами предстоящіе предъ жертвенникомъ подвержены грѣхамъ, такъ какъ и они облечены плотію, сопричастны крови и составлены изъ костей,— что и мы сами, которые сидимъ на сѣдалищѣ и учимъ, подвержены грѣхамъ, хотя и не отчаиваемся въ человѣколюбіи Божіемъ и не приписываемъ Ему безчеловѣчія, такъ какъ всѣ мы—люди, составленные изъ одного и того же. И однако мы не перестаемъ

учить, взирая на бездну человѣколюбія Божія. Вы, согрѣшившіе, даже не столь виновны, если приходите сюда, потому что вы учитесь, а мы чѣмъ больше имѣемъ преимущества по сану, тѣмъ большему подлежимъ обвиненію: иное дѣло—грѣшить учащемуся, а иное—учащему. И однако мы не отказываемся отъ этого, чтобы подъ предлогомъ смиренія не предаться безпечности. И это произошло по распоряженію Божію,—что и сами священники подвержены грѣхамъ. А какъ это, послушай. Если бы сами учители и священники не грѣшили и не были причастны страстямъ житейскимъ, то они были бы безчеловѣчны и немилосердны въ отношеніи къ другимъ: посему Богъ устроилъ, что и сами священни-
727 ки и начальники бываютъ рабами страстей, дабы въ томъ, чѣмъ сами страждутъ, они оказывали снисхожденіе другимъ. И всегда, не только нынѣ, но и въ древности, Богъ устроялъ такъ, что тѣмъ, которымъ Онъ благоволилъ ввѣрять церковь и народъ, Онъ попускалъ подвергаться грѣхамъ, дабы они отъ своихъ паденій дѣлались человѣколюбивыми къ другимъ. Если бы сами они не грѣшили, то не стали бы оказывать никакого снисхожденія къ грѣшникамъ, но, сдѣлавшись безчеловѣчными, всѣхъ стали бы отлучать отъ церкви. А что это дѣйствительно такъ, и я говорю это не по догадкѣ, постараюсь объяснить нагляднымъ примѣромъ. Петру имѣли быть ввѣрены ключи неба, и имѣло быть ввѣрено множество народа. Что говорилъ ему Господь? *Еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Матѳ. XVI, 19). Петръ былъ иногда слишкомъ строгъ; а если бы онъ былъ и безгрѣшнымъ, то какое снисхожденіе могли бы получить отъ него поучаемые имъ? Поэтому божественная благодать попустила и ему впасть въ грѣхъ, дабы въ томъ, чѣмъ самъ онъ страдалъ, онъ былъ снисходителенъ къ другимъ. И посмотри, кому она попускаетъ впасть въ грѣхъ: этому Петру, верховному изъ апостоловъ, непоколебимому основанію, несокрушимому камню, первому въ церкви, необуреваемой пристани, непоколебимому столпу. Тотъ самый Петръ, который говорилъ Христу: *аще ми есть и умрети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Матѳ. XXVI, 35), Петръ, который по божественному откровенію исповѣдалъ истину: *ты еси Христосъ, сынъ Бога живаго* (Мат. XVI, 16), въ ту ночь, въ которую былъ преданъ Христосъ, когда вошелъ и сталъ у костра, чтобы грѣться, и когда, повѣствуетъ евангелистъ, *приступи къ нему едина рабыня, глаголющи: и ты* вчера *былъ еси* съ этимъ человѣкомъ,—этотъ Петръ отвѣчалъ: *не знаю человѣка* (Матѳ. XXVI, 69—72). Недавно ты говорилъ: *аще ми есть и умрети съ тобою*, а теперь отрицаешься и говоришь: *не знаю человѣка?* О, Петръ, это ли обѣщалъ ты? Еще не видѣлъ ты ни пытокъ, ни

бичей, а только услышалъ слова ничтожной рабыни, и прибѣгъ къ отрицанію. Ты, Петръ, отрицаешься? Еще не было ни мученій, ни бичей, ни ударовъ, ни ярости, ни владыкъ, ни изощренныхъ мечей, ни изданныхъ постановленій, ни угрожающихъ царей, ни приближающейся смерти, ни темницъ, ни пропастей, ни моря и ничего подобнаго, и ты отрекся: *не знаю человѣка*? Опять рабыня говоритъ ему: *и ты* вчера *былъ* съ этимъ человѣкомъ, а онъ отвѣчаетъ ей: *не знаю человѣка, о которомъ ты говоришь*. Кто же тотъ, что говоритъ тебѣ: отрекись? Не изъ важныхъ кто-нибудь, а женщина, притомъ привратница, отверженная, плѣнница, не заслуживающая никакого вниманія,—она говоритъ: отрекись. О, необычайныя дѣла! Рабыня заставила отречься Петра; блудница, подошедшая къ Петру, смутила его вѣру; Петръ этотъ столпъ, не выдержалъ угрозы (рабыни), но, какъ только она сказала, и этотъ столпъ поколебался и эта твердыня потряслась. Кого видишь ты, Петръ, что̀ отрицаешься? Ничтожную рабыню и презрѣнную привратницу; ее видишь и отрицаешься? И еще въ третій разъ сказали ему: *и ты* вчера *былъ* съ этимъ человѣкомъ; онъ же отрекся и въ третій разъ. 728
Тогда наконецъ Іисусъ, взглянувъ, напомнилъ ему сказанное; и онъ, уразумѣвъ, началъ плакать и каяться во грѣхѣ. Такъ человѣколюбивый Господь попустилъ ему впасть въ грѣхъ, зная, что онъ, какъ человѣкъ, подвергался человѣческому; но, какъ я выше сказалъ, это устроено было потому, что ему имѣло быть ввѣрено множество народа, чтобы онъ, оставаясь строгимъ и безгрѣшнымъ, не былъ немилосердъ къ своимъ братіямъ. Онъ впалъ въ грѣхъ, чтобы, помышляя о собственномъ прегрѣшеніи и прощеніи Владыки, оказывалъ другимъ милость человѣколюбія, по божественному устроенію, согласно съ волею Божіею. Такимъ образомъ попущено было согрѣшить тому, кому имѣла быть ввѣрена церковь, столпу церквей, пристанищу вѣры: Петру, учителю вселенной, попущено было согрѣшить, чтобы это попущеніе послужило поводомъ человѣколюбія къ другимъ. Но для чего я сказалъ это? Для объясненія того, что и мы, священники, сѣдящіе на сѣдалищѣ и поучающіе, связаны грѣхами. Потому и не ввѣрено священство ни ангелу, ни архангелу,—такъ какъ они безгрѣшны,—дабы по строгости они внезапно не поражали молніею грѣшниковъ изъ народа; но человѣку, рожденному отъ человѣка, ввѣрено это сѣдалище, и онъ самъ подверженъ похоти и грѣху, чтобы, встрѣтивъ какого-нибудь грѣшника, онъ вслѣдствіе собственныхъ прегрѣшеній былъ болѣе человѣколюбивымъ къ этому грѣшнику. Подлинно, если бы священникомъ былъ ангелъ, то онъ, встрѣтивъ какого-нибудь прелюбодѣя, тотчасъ умертвилъ бы его, не будучи самъ причастенъ такой страсти. Поэтому, если бы ангелъ получилъ власть священства,

то онъ не училъ бы, но тотчасъ умертвилъ бы, такъ какъ, не будучи самъ таковымъ, онъ воспламенялся бы гнѣвомъ противъ такого человѣка. Но потому она ввѣрена человѣку, чтобы онъ, сознавая свои прегрѣшенія и имѣя опытъ, былъ снисходителенъ къ грѣшникамъ и не раздражался гнѣвомъ, и чтобы церковь не оскудѣла чрезъ такой образъ дѣйствій.

2. Но что я ограничиваюсь Петромъ, излагая этотъ предметъ, и ни однимъ словомъ не дѣлаю перехода къ другому лицу? Представимъ же теперь другого, именно Илію, пророка, земного ангела и небеснаго человѣка, ходившаго по землѣ и управлявшаго небесною колесницею, бывшаго ростомъ въ три локтя и достигавшаго до великой высоты, поднявшагося до самыхъ сводовъ небесныхъ, повелителя водъ, котораго языкъ былъ хранилищемъ водъ и ключемъ небесъ; онъ былъ и бѣденъ и богатъ, и простецъ и мудрецъ: бѣденъ потому, что ничего не пріобрѣталъ, богатъ потому, что въ устахъ своихъ содержалъ дождевыя облака. И онъ былъ такъ строгъ къ грѣшникамъ, что нѣкогда молился, чтобы Богъ не давалъ дождя. И что онъ говорилъ? *Живъ Господь*, говоритъ, *аще будетъ дождь на земли, точію отъ устъ словесе моего* (3 Цар. XVII, 1). Что дѣлаешь ты, Илія? Что ты объявляешь? Помолись же Владыкѣ, и такимъ образомъ исполни слова: *живъ Господь, аще будетъ дождь, точію отъ устъ словесе моего*. Гдѣ еретики, которые разсуждаютъ о томъ, что Сынъ Божій молится? Несчастные, жалкіе и безстыдные! Вотъ Илія опредѣляетъ; а Сынъ молится? Рабъ повелѣваетъ; а Владыка проситъ? Неужели
729 ты не удѣлишь Ему такой же чести, какъ Иліѣ? Неужели не хочешь даровать Владыкѣ такого же достоинства, какъ рабу? Илія не молится и не проситъ, а изрекъ слово истины и заключилъ небо. Молись же прежде ты, Илія. Но что же Илія? Знаю, говоритъ онъ, что Владыка мой послушаетъ меня, потому что я дѣлаю это по ревности. О, необычайныя и дивныя дѣла! Видишь ли Господа, побѣждаемаго благоизволеніемъ раба? Илія сдѣлалъ это по великой ревности. Онъ видѣлъ много непристойныхъ дѣлъ, видѣлъ блудъ, царящій вмѣстѣ съ великимъ нечестіемъ. Ночь обнимала всю вселенную; густѣйшее облако покрывало все; всѣ погрязали во злѣ; было всеобщее кораблекрушеніе, не отъ воды, а отъ распутства; цѣломудріе изгонялось, а развратъ торжествовалъ; добродѣтель преслѣдовалась, а порокъ процвѣталъ; холмы, горы, покрытыя лѣсомъ долины, пути, водохранилища и воздухъ осквернялись; солнце помрачалось отъ дыма, земля дѣлалась нечистою, небо унижалось, всѣ твари страдали отъ идолослуженія; всѣ блуждали, какъ во мракѣ, не вникая въ существо тварей: видѣли камень, и покланялись ему, какъ Богу; видѣли дерево, и

также почитали его за Бога. Густѣйшій мракъ объялъ людей: видѣли Творца, и покланялись тварямъ. Одинъ только Илія обладалъ свѣтильникомъ добродѣтели, возвышаясь любомудріемъ, какъ бы сидя на вершинѣ горы, и упражняясь въ немъ; онъ одинъ имѣлъ свѣтильникъ благочестія, хотя свѣтъ его никому не приносилъ пользы, потому что люди находились въ безчувственномъ состояніи и предавались идолослуженію. Поэтому Илія выходилъ изъ себя, терзался, сѣтовалъ, говорилъ рѣчи, но никто не слушалъ; онъ увѣщевалъ, но никто не переставалъ; наконецъ, побуждаемый ревностію, онъ хочетъ привлечь ихъ и вразумить, чтобы, хотя истощаемые голодомъ, они обратились съ молитвою къ Создателю, чтобы голодъ сдѣлался для нихъ побужденіемъ къ благочестію. Ничто не можетъ вразумить ихъ, говорилъ онъ, кромѣ голода; такимъ только образомъ, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ, они прибѣгнутъ къ Творцу всѣхъ. Итакъ, что же Илія? *Живъ*, говоритъ, *Господь*, *аще будетъ дождь*, *точію отъ устъ словесе моего*. Произнесено было слово пророка, и тотчасъ воздухъ измѣнился; небо стало мѣднымъ, не природу свою измѣняя, но будучи задержано въ своей дѣятельности; стихіи тотчасъ преобразовались. Слово пророка пало, какъ огонь, въ нѣдра земли, и вдругъ все начало засыхать, все пустѣть, все исчезать; тотчасъ увидѣли, какъ травы начали сохнуть, растенія и дерева, плодоносныя и безплодныя, находившіяся какъ на поляхъ, такъ и при морѣ: все сохло, всякаго возраста одушевленныя твари погибали,—и былъ плачъ дѣтей, рыданіе матерей и великое отчаяніе. Произнесено было одно слово пророка, и посмотри, сколько оно сдѣлало. Такимъ образомъ все умирало—дикіе звѣри, скотъ, дѣти, взрослые, животныя и всѣ птицы, было всеобщее кораблекрушеніе, и бѣдствіе объяло вдругъ всю землю; никто не могъ спастись, но всѣ умирали отъ засухи высыхали растенія, источники, рѣки, озера, и все вообще погибало; всеобщее кораблекрушеніе объяло всю землю, но не отъ воды, а отъ засухи; небо сперва было связано, наконецъ, совсѣмъ заключено и совершенно измѣнило свойства свои. Итакъ, все умирало и погибало отъ гнѣва, нисшедшаго свыше; а Илія не заботился ни о чемъ, потому что онъ былъ переполненъ ревностію. Тогда погибалъ всякій и незрѣлый возрастъ. Что же дѣлаешь ты, Илія? Пусть согрѣшили юноши: зачѣмъ же наказываются 730
дѣти? Пусть согрѣшили люди: зачѣмъ же вмѣстѣ съ ними умираютъ животныя? Ужели ты въ такое облекся немилосердіе? Ты не заботишься ни о комъ изъ людей; ты не имѣешь ни жены, ни дѣтей; ты не обращаешь вниманія на погибающихъ. Что же ему Богъ? *Иди*, говоритъ Онъ, *и скрыйся въ потоцѣ Хораѳа*, *и враномъ заповѣдахъ препитати тя тамо* (3 Цар. XVII, 3, 4). Опять

я съ удовольствіемъ сталъ бы говорить съ іудеемъ, вызвавъ его на средину, чтобы показать ему, что законъ уничтожалъ писанное въ законѣ и самъ въ себѣ не заключалъ ни постоянства, ни праведности, такъ какъ онъ былъ не истиною, а тѣнью: тамъ была тѣнь, а здѣсь истина; тамъ прообразъ, а здѣсь самое дѣло. Илія, котораго ты почитаешь, котораго пришествія ты ожидаешь, о которомъ много ты говоришь, котораго ты называешь пророкомъ,— какъ онъ принималъ пищу отъ ворона? Воронъ по закону нечистъ; такъ законъ объявилъ, что воронъ нечистъ. Какъ же пророкъ принималъ пищу отъ нечистаго ворона? Если законъ называлъ ворона нечистымъ, то, конечно, становился нечистымъ и тотъ, кто принималъ пищу отъ ворона. Однако этого не было; нѣтъ, не могло быть; и Илія принималъ пищу отъ ворона, не считая ни одного изъ созданій Господа нечистымъ. Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, когда потокъ наконецъ высохъ, Богъ посылаетъ пророка для снисканія пищи. *Иди*, говоритъ Онъ, *въ Сарепту Сидонскую, се бо заповѣдахъ тамо женѣ вдовицѣ препитати тя* (3 Цар. XVII, 9). Это сдѣлалъ Богъ съ особеннымъ намѣреніемъ. Такъ какъ Илія не зналъ того, что совершалось (онъ сидѣлъ въ одномъ мѣстѣ и не видѣлъ всеобщаго бѣдствія, какъ все высохло, и озера, и источники, и рѣки, и растенія, и дерева, молодыя и старыя, плодоносныя и безплодныя, находящіяся при источникахъ и при озерныхъ водахъ, какъ погибали птицы, и всѣ прочія животныя, умирали дѣти, рыдали матери, не видѣлъ этого всеобщаго бѣдствія),—то Богъ воздвигаетъ его и повелѣваетъ ему пройти огромное пространство земли оттуда до Сидона, чтобы Илія, увидѣвъ происходившее, обратился къ Владыкѣ съ молитвою о дарованіи дождя. Такимъ образомъ, Богъ посылаетъ его въ длинный путь не потому, чтобы Онъ не могъ питать его тамъ, но желая показать Иліѣ бѣдствіе, чтобы онъ помолился о дождѣ. Конечно, Богъ могъ сдѣлать это и безъ него, но Онъ не хотѣлъ оскорбить своего раба, явивъ его виновникомъ золъ, а Себя самого — виновникомъ благъ, и ожидалъ молитвы раба. Однако тотъ не смягчился и этимъ, но впалъ въ какое-то безуміе и совершилъ путь, облеченный жестокостію и ни на кого не обращая вниманія, потому что онъ былъ, какъ я сказалъ, переполненъ ревностію. Для чего безумствуешь ты, Илія? Для чего облекся ты такимъ безчеловѣчіемъ? Подожди немного, и ты самъ будешь обличенъ во грѣхѣ. За грѣхи жителей ты призвалъ засуху, заключилъ небо, надѣлъ узду на землю, остановилъ теченіе природы, и не хочешь помолиться о прекращеніи этого? Спустя немного времени и самъ ты будешь обличенъ во грѣхѣ и полу-

чишь помилованіе отъ твоего Владыки, чтобы тебѣ сдѣлаться болѣе человѣколюбивымъ къ подобнымъ тебѣ рабамъ.

3. Я сталъ сегодня говорить объ этомъ для того, чтобы показать, что священникомъ поставленъ не ангелъ, но человѣкъ, рожденный отъ человѣка, дабы отъ безгрѣшнаго не были истребляемы грѣшники. Если бы священникомъ былъ безгрѣшный ангелъ, то онъ немедленно наказывалъ бы согрѣшающихъ; потому и поставленъ человѣкъ, дабы онъ былъ снисходителенъ къ подобострастному, отъ собственныхъ страстей получая напоминаніе о соучастникахъ своей природы. Потомъ мы изложили, что Богъ попускалъ и великимъ мужамъ, которымъ ввѣрялъ множество народа, впадать въ грѣхъ и даровалъ имъ прощеніе, чтобы они, послѣ того вразумившись этимъ, сами были болѣе человѣколюбивыми. Привелъ я въ примѣръ и Петра апостола, которому было попущено впасть въ грѣхъ, но который покаяніемъ изгладилъ этотъ грѣхъ по человѣколюбію Божію. Теперь мы возвратимся къ Иліѣ и покажемъ бездну его великихъ дѣлъ, и то, какъ Богъ желалъ оказать человѣколюбіе, а Илія не оказывалъ человѣколюбія; Богъ хотѣлъ послать дождь, но ожидалъ молитвы отъ раба. Что же? Илія прошелъ весь путь, пришелъ въ Сарепту Сидонскую и увидѣлъ одну вдовицу, собиравшую дрова. Впрочемъ замѣть любомудріе и вѣру Иліи. Опять открылась другая бездна его добродѣтелей. 731

Не сказалъ онъ Богу: къ кому Ты посылаешь меня? Зачѣмъ заставляешь меня переносить такія опасности и посылаешь меня ко вдовицѣ на крайній голодъ? Развѣ нѣтъ другихъ людей болѣе богатыхъ, которые въ состояніи облегчить мою бѣдность? А я предпринимаю столь далекій путь, чтобы встрѣтить вдовицу въ самомъ средоточіи бѣдствій, и не только вдовицу, но и бѣдную? Обрати вниманіе, какъ ничего такого не сказалъ слуга Божій, потому что надѣялся на своего Владыку, который изъ невозможнаго дѣлаетъ возможное. *Иди*, сказалъ Онъ, *въ Сарепту Сидонскую. И се тамо жена вдова собираше дрова* (3 Цар. XVII, 10). Для чего же ты идешь дальше, Илія? Для чего прибѣгаешь къ вдовицѣ? Ты видишь преддверіе бѣдности,—не спрашивай о степени нищеты; ты видишь входъ (въ обиталище) бѣдности,—не спрашивай о томъ, что̀ есть внутри. Куда входишь ты, Илія? Ты видишь собирающую дрова, и просишь у ней пропитанія? Однако онъ, имѣя залогомъ слово Владыки, пошелъ и вступилъ въ бесѣду со вдовицею. Что же говоритъ онъ? *Принеси ми мало воды и испію* (ст. 10). Видишь ли мудрость Иліи, какъ онъ не вдругъ началъ съ бо̀льшаго, но напередъ съ того, что менѣе дорого (стоило)? Не сказалъ онъ: дай мнѣ хлѣба, но: *принеси ми воды.* Прежде онъ проситъ воды, полагая, что, если она имѣетъ воду, то можетъ

имѣть и хлѣбъ. *Принеси ми*, говоритъ, *мало воды*. Вдовица пошла и принесла ему, и онъ напился. И, такимъ образомъ получивъ надежду, онъ говоритъ: *пріими мнѣ и укрухъ хлѣба, да ямъ* (ст. 11). Она отвѣчаетъ ему: *живъ Господь, аще есть у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки въ водоносѣ, и мало елеа въ чванцѣ, и сотворю е себѣ и дѣтемъ моимъ, и снѣмы е, и умремъ* (ст. 12). Что же Илія? *Вниди*, говоритъ, *и сотвори ми опрѣснокъ малъ прежде*, и я съѣмъ, *себѣ же и чадомъ своимъ да сотвориши послѣжде*, и они съѣдятъ (ст. 13). Что дѣлаешь ты, Илія? Пусть
732 будетъ такъ, ты хочешь хлѣба; почему же требуешь себѣ особо и прежде? Не долженъ ли ты благодарить, если будешь ѣсть вмѣстѣ съ дѣтьми? Ты хочешь одинъ быть сытымъ, а дѣтей уморить голодомъ? Я хочу, говоритъ онъ, не уморить, а облагодѣтельствовать. Я знаю щедрость моего Владыки. Вдовица же не смутилась, не подумала ничего непристойнаго и не сказала: ты произвелъ этотъ голодъ, и остатками отъ голода хочешь напитаться у меня? Не сказала: ты прошелъ столько странъ и пришелъ ко мнѣ уморить голодомъ моихъ дѣтей, будучи самъ виновникомъ голода? Но эта жена, достойная Авраама, пошла и сдѣлала по слову пророка; и можно было видѣть, какъ вдовица оказалась гораздо гостепріимнѣе самого Авраама. Тотъ, будучи богатымъ, угостилъ ангеловъ; а эта, ожидая смерти отъ голода, угостила пророка. Можно было видѣть, какъ была презрѣна природа и почтено гостепріимство; можно было видѣть, какъ отвергнута была утроба и принятъ пророкъ; весь сонмъ дѣтей она положила во гробъ, потому что, сколько зависѣло отъ произволенія вдовицы, они уже мертвы, но по человѣколюбію Божію продолжаютъ жить и укрѣпляться въ силахъ. Я не знаю, какъ мнѣ восхвалить эту вдовицу, какъ она презрѣла дѣтей и оказала гостепріимство, какъ не оцѣпенѣло самое естество ея, какъ не извратилась утроба, какъ не расторглись внутренности при видѣ цѣлаго сонма дѣтей, имѣвшихъ погибнуть отъ голода. Но она была выше всего этого и оказала гостепріимство пророку. Когда же пророкъ получилъ хлѣбъ и вкусилъ, то потомъ воздалъ награду; вдовица посѣяла гостепріимство, и тотчасъ пожала колосъ этого гостепріимства. Что говоритъ ей Илія? *Живъ Господь, водоносъ муки не оскудѣетъ и чванецъ елеа не умалится* (ст. 14). И сдѣлалась правая рука вдовицы точиломъ, а лѣвая гумномъ и снопами, въ нуждѣ приносившими плодъ и по слову пророка питавшими вдовицу. Домъ вдовицы сталъ точиломъ и гумномъ; не роса, не дождь, не весна, не осень, не лѣто, не зной, не сила вѣтровъ, не перемѣна временъ, а только одно слово, сказанное пророкомъ и притомъ произнесенное по его собственному рѣшенію, доставляетъ изобиліе вдовицѣ.

Потомъ отсюда,—скажу кратко,—пророкъ пошелъ къ царю Ахааву. Я говорю теперь о великихъ дѣлахъ его для того, чтобы ты, увидѣвъ его согрѣшившимъ, познал благодать Божію, исполненную человѣколюбія. Итакъ, что же говоритъ ему Ахаавъ? *Ты ли еси развращаяй Исраиля?* Пророкъ отвѣчаетъ ему: нѣтъ, но *ты и домъ отца твоего* (3 Цар. XVIII, 17, 18). Видишь ли дерзновеніе пророка, какъ онъ обличилъ царя? Затѣмъ, когда онъ сидѣлъ на горѣ и пришелъ къ нему пятидесятникъ и сказалъ: *человѣче Божій, царь зоветъ тя, сниди*, пророкъ отвѣчаетъ ему: *аще есмь человѣкъ Божій азъ, то да снидетъ огнь съ небесе и снѣстъ тя и пятьдесятъ твоихъ* (4 Цар. I, 9, 10). Потомъ въ другой разъ другой пятидесятникъ сказалъ: *человѣче Божій, сниди*, царь имѣетъ нужду въ тебѣ (ст. 11). И что же ему Илія? *Аще человѣкъ Божій азъ есмь, то да снидетъ огнь съ небесе и снѣстъ тя и пятьдесятъ твоихъ* (ст. 12). Послѣ того еще, когда онъ пришелъ на условленную молитву, то призвалъ нечестивыхъ жрецовъ Ваала и 733
сказалъ имъ: станемъ молиться,—и присовокупилъ: устройте особый жертвенникъ, и изберите два вола и возложите на дрова одного, и огня не подкладывайте, тоже и я сдѣлаю; *и да призовете имена боговъ вашихъ, и азъ призову имя Бога моего, и будетъ Богъ, иже аще послушаетъ огнемъ, той есть Богъ* истинный (3 Цар. XVIII, 23, 24). Тогда нечестивые жрецы устроили жертвенникъ и начали призывать Ваала, говоря: *послушай насъ, Ваале, послушай насъ* (ст. 26). Долго продолжалась ихъ молитва, но никто не внималъ имъ, *ибо не бѣ ни гласа, ни послушанія;* между тѣмъ Илія долготерпѣливо ожидалъ, пока они молились. Когда же онъ увидѣлъ, что, не смотря на великое ихъ стараніе, никто не слушалъ ихъ, то, посмѣваясь надъ ними, говоритъ, *зовите гласомъ великимъ, негли спитъ богъ вашъ* (ст. 27). Наконецъ, когда уже былъ полдень и уходило время, онъ говоритъ имъ: *отступите нынѣ, да и азъ сотворю жертву мою* (ст. 30),—и устроилъ жертвенникъ, положилъ на него дрова и сказалъ: *принесите воды окрестъ олтаря*, и принесли: *удвойте*, *и удвоиша*, *утройте*, *и утроиша* (ст. 34). Но обрати вниманіе, почему Илія дѣлаетъ и это. Потому, что обманъ обыкновенно присвояетъ себѣ свойственное истинѣ, какъ, напримѣръ, поступаютъ распутныя женщины, предупреждая и называя блудницами честныхъ женщинъ, чтобы тѣ не имѣли чѣмъ наоборотъ укорить ихъ.

4. Впрочемъ, Илія и при этомъ случаѣ поступаетъ мудро. Почему? Но я хочу сказать то, чему самъ я былъ очевидцемъ. Въ жертвенникахъ идольскихъ бываютъ отверстія въ нижней части жертвенника, а подъ нимъ устроятся незамѣтная яма; въ этой ямѣ скрываются совершители обмана и чрезъ тѣ отверстія снизу вверхъ

извергают огонь на жертву, так что многіе обманываются и считают этот огонь небесным. Поэтому и Илія, дабы не подозрѣвали его въ совершеніи чего-нибудь подобнаго, налилъ воду для того, чтобы вода обнаружила, если есть отверстія, такъ какъ гдѣ вода находитъ отверстіе, тамъ она непремѣнно не останавливается, а уходитъ. Итакъ, онъ наполнилъ водою жертвенникъ и сталъ молиться, говоря: *послушай мене, Господи*, огнемъ нынѣ, ты послушалъ меня водою, *послушай мене огнемъ* (ст. 37). И вотъ, когда онъ призывалъ Его, огонь внезапно нисшелъ съ неба и сжегъ жертву, и камни, и воду *полиза огнь* (ст. 38). Что же говоритъ онъ народу? *Поимайте пророки Вааловы, да ни единъ скрыется отъ нихъ*, и схватили и умертвили ихъ, числомъ четыреста пятьдесятъ жрецовъ Ваала и четыреста дубравныхъ. Услышала о случившемся Іезавель, жена Ахаава, и послала сказать Иліѣ: *сія да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ ми, яко утро положу душу твою, яко же душу единаго отъ нихъ* (3 Цар. XIX, 2). Илія, услышавъ это, обратился въ бѣгство. Гдѣ же Илія, столь высокій и великій? Моя цѣль — показать, что и онъ впалъ въ грѣхъ; говорю: *въ грѣхъ*, не осуждая праведника, но желая показать спасительный урокъ, чтобы ты, когда увидишь праведниковъ согрѣшившими и однако не отчаивающимися о себѣ, но сподобляющимися человѣколюбія Божія, то, если и самъ согрѣшишь, сильнѣе надѣялся на спасеніе. Когда Іезавель сказала: *сія*
784 *да сотворятъ ми бози, и сія да приложатъ ми, яко утро положу душу твою, яко же душу единаго отъ нихъ*, то Илія, услышавъ это, обратился въ бѣгство и бѣжалъ сорокъ дней. О, чрезмѣрное малодушіе! Услышалъ слово женщины—и обратился въ бѣгство, находясь въ пути сорокъ дней,—не одинъ день, не два и не три, но, какъ только слово этой женщины достигло до пророка, онъ отъ малодушія не зналъ, что дѣлалъ, обратившись въ такое бѣгство. Что съ тобою, Илія? Ты заключилъ небо, и остановилъ дождь, явилъ власть надъ воздухомъ, призвалъ свыше огонь, заклалъ жрецовъ, говорилъ царю Ахааву: *ты еси развращаяй Израиля и домъ отца твоего*; ты сказалъ: *живъ Господь, аще будетъ дождь, точію отъ устъ словесе моего*; ты сдѣлалъ домъ вдовицы гумномъ и снопами (повелѣвалъ стихіями, а услышавъ слова блудницы, обратился въ бѣгство, и одна женщина отвела тебя въ плѣнъ? Двѣ твердыни были поколеблены женщиною: Петръ устрашился рабыни, а этотъ— Іезавели, оба впали въ одинаковые грѣхи. И бѣжалъ Илія сорокъ дней. Гдѣ же та ревность твоя, Илія, когда ты говорилъ: *живъ Господь, аще будетъ дождь, точію отъ устъ словесе моего*, когда ты обличалъ царя Ахаава, когда призывалъ огонь? Столько сдѣлалъ ты, и не перенесъ словъ одной женщины? Гдѣ та твердость

твоя, когда ты не хотѣлъ молить Господа твоего, чтобы Онъ послалъ дождь на землю? Онъ ясными знаками говорилъ тебѣ: помолись Мнѣ, Который, хотя и безъ тебя могу дать дождь, но не хочу этого, дабы ты, какъ былъ виновникомъ золъ, такъ сдѣлался и начинателемъ дарованія благъ. Подлинно ты, Илія, сдѣлалъ дѣло, исполненное жестокости; Богъ сжалился надъ бѣдствіемъ, потому что Онъ—Творецъ всего и Создатель всѣхъ, равно какъ и Промыслитель о всемъ; Онъ хотѣлъ смягчить твое безчеловѣчіе, но ты оставался при немъ. Онъ говорилъ тебѣ: Я знаю происходящее бѣдствіе, слышу вопли матерей, вижу рыданія дѣтей, вижу истребленіе земли, которую Я создалъ, и хочу умилосердиться; но не желаю оскорбить тебя и безъ твоего рѣшенія послать дождь, чтобы ты, бывшій виновникомъ золъ, не остался чуждымъ благъ; Я оказываю тебѣ честь. О, человѣколюбіе Владыки, побѣждаемое благоволеніемъ къ рабу! Впрочемъ, онъ много думалъ о себѣ, какъ безгрѣшный; а теперь самъ оказался впавшимъ въ грѣхъ, такъ какъ Богъ попустилъ это съ намѣреніемъ, чтобы онъ, получивъ самъ снисхожденіе, не былъ жестокимъ къ другимъ. И бѣжалъ Илія, говорится въ Писаніи, *четыредесять дней* (ст. 8). Гдѣ тѣ слова, которыя говорилъ онъ къ пятидесятникамъ, и которыми низводилъ огонь и сожигалъ ихъ? Такъ Богъ хотѣлъ показать, что и въ то время, когда Илія совершалъ чудеса, не онъ самъ собою дѣйствовалъ, но сила Божія; и потому, смотри, что происходитъ. Когда дѣйствовалъ Богъ, тогда падали и цари, и начальники, и народъ; а когда Богъ отступилъ, то и женщина показалась страшною; Богъ отступилъ, и природа человѣческая была посрамлена. Между тѣмъ, послѣ сорокадневнаго бѣгства, Илія пришелъ и спалъ въ одномъ мѣстѣ; къ нему приходитъ Богъ, попе- 735
чительный и человѣколюбивый Владыка къ рабу и что говоритъ ему? Хотя Онъ зналъ, для чего тотъ пришелъ сюда, однако спрашиваетъ: *что ты здѣ, Иліе,* зачѣмъ ты здѣсь (ст. 9)?—намекая на его бѣгство, и какъ бы такъ говоря: ты убѣжалъ; гдѣ прежнее дерзновеніе твое? Научись же—не надѣяться на самого себя. *Что ты здѣ, Иліе,* зачѣмъ ты здѣсь? Илія отвѣчаетъ, но одно имѣя въ умѣ, а другое выражая словами. Что же говоритъ Илія? *Господи, пророки твоя избиша, олтари твоя раскопаша, остахся азъ единъ, и ищутъ души моея изъяти ю* (3 Цар. XIX, 10). А что ему Богъ? Онъ тотчасъ обличаетъ его. Не поэтому убѣжалъ ты, Илія, говоритъ Онъ, такъ какъ не ты одинъ не поклонился Ваалу; и затѣмъ, обличая его, продолжаетъ: остались у Меня *седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна Ваалу* (ст. 18). Итакъ, Богъ обличилъ его, что онъ не поэтому убѣжалъ, но убоявшись женщины. Одна женщина сдѣлала изгнанникомъ и бѣглецомъ столь

высокаго и великаго мужа, дабы ты научился, Илія, когда совершаешь что-нибудь дивное, приписывать это не самому себѣ, но силѣ Божіей. Видишь ли, какъ была посрамлена природа, когда отступила благодать? Илія бѣжалъ *четыредесять дней*. О, сила страха! О, чрезмѣрность малодушія! Бѣжалъ онъ не одинъ день, не два, не три, но сорокъ дней, и удалился въ самыя пустынныя мѣста, не имѣя пищи, не запасшись съѣстными припасами, такъ какъ, переполнившись страхомъ, онъ не думалъ объ этомъ, но стремился въ мѣста необитаемыя. Слово женщины дошло до пророка, и подобно тому, какъ вѣтеръ, сильно ударяя въ нарусъ, стремительно несетъ судно, такъ и это слово женщины, достигнувъ до пророка, съ великою стремительностью перенесло его въ пу-
736 стыню. Гдѣ же, Илія, прежнее твое дерзновеніе? Гдѣ устрашающія уста? Гдѣ языкъ, управлявшій дождями? Гдѣ тотъ, который повелѣвалъ обѣими стихіями, то заключалъ небо, то призывалъ огонь на жертву? Но, какъ я выше сказалъ, все это дѣлалъ онъ по дѣйствію благодати: поэтому онъ и обличается отъ Бога. Видишь ли, какъ попущено было ему впасть въ малый грѣхъ, чтобы облечься въ цѣлую одежду человѣколюбія? Итакъ, Илія, наконецъ ты вразумленъ; будь же человѣколюбивъ, какъ Владыка твой, послѣ того, какъ ты вразумленъ и наученъ твоимъ Владыкою. Видишь ли, какъ Богъ попустилъ впасть въ малый грѣхъ столпамъ, оплотамъ и твердынямъ? Это для того, чтобы они въ случаѣ собственной безгрѣшности не отлучали всѣхъ отъ церкви, чтобы они, когда увидятъ какого-нибудь грѣшника и захотятъ оказать по отношенію къ нему немилосердіе, вспомнили о собственной грѣховности, и оказали ему такое же человѣколюбіе, какого сами удостоились отъ Владыки. Это сказали мы не для осужденія праведниковъ, но желая подготовить вамъ путь ко спасенію, дабы вы, когда согрѣшите, не отчаивались въ своемъ спасеніи, припоминая праведниковъ согрѣшавшихъ, но при помощи покаянія не испытавшихъ умаленія своей чести. Мы сказали напередъ объ ихъ добродѣтеляхъ, а потомъ упомянули о грѣхахъ. Такъ и ты, если грѣшенъ, не оставляй церкви; и если праведенъ, также не оставляй ея, чтобы, имѣя всегда въ памяти своей вѣдѣніе писаній, ты оставался праведнымъ, помня о царствѣ небесномъ и тѣхъ благахъ, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его: Ему подобаетъ слава, съ Сыномъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о блаженномъ Авраамѣ.

Видѣли ли вы юную сѣдину и цвѣтущую старость? Видѣли 787
ли мужественнаго ратоборца, боровшагося съ природою и своимъ сердцемъ? Видѣли ли мужа, который въ глубокой старости крѣпче адаманта? Ослабѣла крѣпость его тѣла, но крѣпка сила его вѣры. Таковы дѣла служенія церкви, что слабость тѣла нисколько не вредитъ бодрости вѣры; дряхлая сѣдина, соединенная съ окрыленною вѣрою, служитъ украшеніемъ церкви, и этому особенно радуется церковь. Во внѣшнихъ дѣлахъ старецъ безполезенъ и ни къ чему не способенъ, но во всемъ заслуживаетъ извиненія, по слабости своей не имѣя возможности быть полезнымъ въ дѣлахъ необходимыхъ. Напримѣръ: старецъ не можетъ ни выходить на войну, ни всходить на коня, ни бросать копья, ни обращать щита, ни переносить зноя солнца, ни выносить продолжительности путешествія, ни терпѣть жестокости голода и тяжести тревогъ, но сидитъ въ спокойномъ мѣстѣ, находя себѣ оправданіе въ сѣдинѣ. То же можно видѣть и на корабляхъ: старецъ не можетъ ни управлять кормиломъ, ни разсѣкать морей, ни дѣйствовать весломъ, ни поднимать парусовъ, ни бороться съ противными вѣтрами, ни переносить жестокости холода, ни дѣлать чего-нибудь другого подобнаго, но сидитъ въ кораблѣ, находя себѣ извиненіе въ возрастѣ. То же можно видѣть и у земледѣльцевъ: старецъ не можетъ ни влечь плуга, ни проводить борозды, ни укрощать коней, ни удерживать силы мощныхъ воловъ, ни выносить жара и сильнаго зноя и тяжести заступа, или чего-нибудь другого нужнаго въ земледѣліи, но сидитъ дома, находя себѣ оправданіе въ сѣдинѣ. А дѣла церкви не таковы,—но когда состарѣются живущіе добродѣтельно, тогда они становятся наиболѣе полезными, потому что здѣсь требуется не крѣпость тѣла, но сила вѣры. Таковъ былъ Авраамъ, ослабѣвшій по тѣлу, но сильный по вѣрѣ. Онъ былъ старъ, но въ глубокой старости боролся съ природою и воздвигъ великіе трофеи побѣды; былъ старъ, но оказался крѣпче желѣза и тверже адаманта. Когда онъ былъ въ юномъ возрастѣ, то не сдѣлалъ ничего столь славнаго, но когда прошло время этого возраста, тогда онъ воздвигъ трофей побѣды; онъ былъ въ глубокой старости, но старость не была для него препятствіемъ. Поэтому и Богъ, зная твердость его, является ему и говоритъ: *изыди отъ*

земли твоея и отъ рода твоего и отъ дому отца твоего, и иди въ землю, юже ти покажу (Быт. XII, 1). Авраамъ послушался
788 этихъ словъ, хотя уже былъ старъ и слабъ тѣломъ, и не сказалъ самъ въ себѣ: куда пойду я въ глубокой старости? Какъ оставлю домъ отца моего и землю, въ которой я родился, гдѣ у меня обиліе богатства и знатные родители, гдѣ у меня драгоцѣнное имущество и пріятное общество друзей? Конечно, при настоящемъ случаѣ онъ печалился, но не ослушался; какъ любящій отечество, онъ жалѣлъ оставить его, но какъ любящій Бога, повиновался и послушался. И удивительно то, что Богъ даже не сказалъ ему, въ какое мѣсто (идти), но умолчаніемъ названія испытывалъ волю его. Если бы Богъ сказалъ ему: я отведу тебя въ землю, текущую медомъ и молокомъ, то показалось бы, что Авраамъ не голоса Божія послушался, но предпочелъ одну землю другой. Итакъ, Авраамъ вышелъ, не зная, куда онъ идетъ. Видишь ли сѣдину, почтенную по дѣламъ? Таковы, какъ я прежде сказалъ, наши дѣла; ни безсиліе старости не ослабляетъ ихъ, ни время не разрушаетъ ихъ, потому что эта сѣдина не въ тѣлахъ, а въ душѣ; поэтому здѣсь и нѣтъ старости. Такимъ образомъ Авраамъ вышелъ, не взявъ съ собою ничего, но еще живя въ шалашахъ; и не предавался невѣрію и не унывалъ, потому что имѣлъ вѣрный залогъ — голосъ Звавшаго. Онъ былъ безплоденъ и не имѣлъ дѣтей, равно какъ и Сарра, жена его, но по обѣтованію получилъ сына Исаака; когда отказывала природа, тогда даровала благодать; онъ получилъ достойную награду за послушаніе, но напередъ не зная этого, потому что если бы онъ зналъ, то не сдѣлалъ бы ничего достохвальнаго. А дабы тебѣ убѣдиться, что онъ повиновался не для этой награды, посмотри, какъ онъ и тогда, когда получилъ повелѣніе заклать сына, не противится повелѣнію, но отвергаетъ природу и предается любви къ Богу, попираетъ свою утробу и не отступаетъ отъ Призвавшаго его. Что же сказалъ ему Богъ? *Аврааме, Аврааме!* Онъ отвѣчалъ: *се азъ. И рече: пойми сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его во всесожженіе, на едину отъ горъ, ихже ти реку* (Быт. XXII, 1, 2). Богъ даже не объявилъ ему горы, и умолчаніемъ о горѣ повергъ его въ большее уныніе; однако ничто не смутило Авраама, или лучше, смутило его, какъ имѣвшаго человѣческія чувства, но не довело до грѣха; онъ обуревался волнами, какъ отецъ, но не утопалъ, какъ любящій Бога; внутренность его горѣла, но вѣра побѣдила. Не говори, что Авраамъ нисколько не страдалъ; представь, въ какомъ онъ горѣлъ пламени, терзаясь внутренно, и посмотри на его любомудріе. Онъ даже и Саррѣ не сказалъ о томъ, опасаясь, чтобы

она не воспрепятствовала совершенію таинства. Если бы онъ сказалъ ей, то она, вѣроятно, стала бы удерживать его, и сказала бы: куда ведешь ты сына своего, котораго я получила сверхъ чаянія, котораго получила за страннолюбіе, котораго Богъ даровалъ мнѣ въ глубокой старости? Куда ты ведешь его? Куда берешь его? Никто не являлся тебѣ: какъ можно, 739
чтобы Богъ явился тебѣ и потребовалъ сына, котораго Онъ далъ мнѣ сверхъ чаянія? Самъ даровалъ и Самъ же отнимаетъ? Если Онъ далъ его для того, чтобы отнять, то лучше было бы, если бы не давалъ, потому что не столько тяжело— не имѣть, сколько—получить и потерять. Представь Сарру, разгорячившуюся, воспламенившуюся и растрогавшуюся по побужденію природы, утробу ея терзающуюся и сердце ея волнующееся; женщины чувствительны къ этому, и чѣмъ она была нѣжнѣе и чувствительнѣе, тѣмъ болѣе она стала бы возражать Аврааму, и воспрепятствовала бы жертвоприношенію, и таинство не совершилось бы. Чего, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлала бы Сарра, чтобы отнять сына своего? Она не могла бы допустить, чтобы сынъ, рожденный сверхъ чаянія, былъ умерщвленъ, чтобы сынъ, дарованный ей въ самой старости, былъ закланъ, чтобы руки отца совершили дѣтоубійство: не перенесла бы этого Сарра, но произвела бы великую ссору съ Авраамомъ, а за ссорою неизбѣжно послѣдовала бы какая-нибудь хитрость, а хитрость воспрепятствовала бы совершенію таинства. Потому Авраамъ и не сказалъ женѣ, чтобы не произошло противорѣчія, чтобы отъ противорѣчія не дошло дѣло до ссоры, чтобы послѣ ссоры не случилось раздора за сына, чтобы вслѣдствіе раздора за сына не замедлилось исполненіе обѣщанія, чтобы въ случаѣ замедленія въ исполненіи обѣщанія не употреблено было какой-нибудь хитрости, чтобы отъ хитрости таинство не осталось не совершившимся.

2. Но любомудрый Авраамъ, этотъ ратоборецъ, сражавшійся съ природою, боровшійся съ своимъ сердцемъ, вооружавшійся противъ природы, не ослушался, но, повинуясь повелѣнію Божію, выслушалъ призваніе и тотчасъ взялъ сына. Съ удовольствіемъ останавливаюсь я на этихъ словахъ: *поими сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его* Мнѣ *во всесожженіе, на единую отъ горъ, ихже ти реку* (Быт. XXII, 2); и взялъ Авраамъ Исаака, и осла, и двухъ рабовъ, и отправился. Потомъ, когда они дошли до нѣкотораго мѣста, онъ говоритъ рабамъ: *сядите здѣ, азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ, и поклонившеся возвратимся къ вамъ* (Быт. XXII, 5). Здѣсь Авраамъ невольно произнесъ пророчество, при помощи божественной благодати. Ты идешь заклать сына своего, и говоришь: *возвратимся?*

Такъ, стараясь скрыть это намѣреніе отъ рабовъ, онъ дѣлается пророкомъ. И положилъ онъ дрова на плеча Исааку и, взявъ огонь и ножъ, пошелъ на гору. Что же Исаакъ говоритъ отцу? *Отче. Онъ же рече: что есть, чадо? Рече же: се огнь и дрова, гдѣ есть овча, еже во всесожженіе?* Этотъ отвѣчаетъ ему: *Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 7, 8). Вотъ и второе пророчество. Не могу ни словъ пройти, ни дѣйствій оставить безъ вниманія. Представь эти имена, имѣющія скоро потерять свое существенное значеніе. Тотъ называетъ его *отцемъ*, а онъ называетъ того *сыномъ*; въ это время они были дѣйстви-
740 тельными именами, но потомъ имѣли потерять значеніе. Представь же, что̀ чувствовалъ Авраамъ, когда Исаакъ, котораго онъ намѣревался заклать, называлъ его: *отче*. Какъ не распались его колѣна? Какъ не сокрушились его члены? Какъ онъ не смутился въ умѣ, услышавъ это отъ сына Исаака? Однако онъ поднялъ и связалъ Исаака, и взялъ ножъ въ правую руку, чтобы заклать сына своего.

О, десница, вооруженная противъ сына! Не знаю, какъ изобразить словомъ это событіе. Какъ не оцѣпенѣла рука? Какъ не выпалъ ножъ изъ руки? Какъ онъ весь не ослабѣлъ и не изнемогъ? Какъ онъ могъ стоять и смотрѣть на связаннаго Исаака? Какъ онъ тотчасъ же не палъ мертвымъ? Какъ продолжали служить ему нервы? Какъ оставался въ дѣйствіи умъ? Не знаю, какъ изобразить словомъ это событіе. Вы, отцы и матери, соберитесь всѣ, прострите руку, помогите моему слову; это дѣло превышаетъ мои силы; простите мнѣ, и подайте помощь сами. Часто иной имѣетъ пять или шесть сыновей и дочерей; но когда одинъ изъ нихъ сдѣлается боленъ, то отецъ ходитъ около его постели, цѣлуетъ глаза сына, ласкаетъ его руки, считаетъ день ночью и свѣтъ мракомъ, не потому, чтобы измѣнились стихіи, но потому, что горечь печали не позволяетъ ему наслаждаться ими; разстилаются мягкія постели, подлѣ больного сидятъ врачи и множество прислужниковъ, а отецъ весь совершенно изнываетъ; имѣетъ ли онъ великое богатство, оно становится ненавистнымъ для него; имѣетъ ли множество заботъ, оставляетъ ихъ всѣхъ, не въ силахъ будучи ободриться отъ удрученія скорбію,—и весь міръ кажется ему страждущимъ неисцѣльно этою болѣзнію. Равнымъ образомъ и мать ходитъ вокругъ, растерзанная, смущенная и вся въ пламени, ища средствъ—раздѣлить болѣзнь съ сыномъ, или—лучше—принять на себя всю ее, чтобы страждущее дитя избавилось отъ болѣзни. Ничто для нея—настоящая жизнь, ничто для нея—будущая, но всего этого дороже представляется ей какъ бы принять на себя всю болѣзнь сына. Не знаю, какъ изобразить

такое страданіе. Представь же и Авраама, чувствующаго то же самое, и однако любомудрствующаго и повинующагося повелѣнію; онъ попиралъ природу, и повелѣніе (Божіе) было могущественнѣе его сердца. Онъ чувствовалъ какъ человѣкъ,—что и прежде сказалъ я,—но любомудрствовалъ, какъ любящій Бога. И нужно было видѣть Исаака, мученика живого и уже неживого, умершаго и еще неумершаго. По намѣренію отца онъ умеръ, а по человѣколюбію Божію не умеръ. Онъ былъ прообразомъ и подобіемъ Владыки; прообразъ совершился—и за нимъ послѣдовала истина. Затѣмъ Исаакъ связывается, но не закалается, потому что свыше нисшелъ голосъ, исполненный милости и человѣколюбія, и удержалъ праотца, который былъ весь устремленъ и готовъ на закланіе, сказавъ ему: *Аврааме, Аврааме, да не возложиши руки твоя на отрочища* (Быт. XXII, 11, 12). Почему не на отрока, а на *отрочища*? Почему онъ такъ уничиженно называетъ его? Потому, что это былъ человѣкъ; но нуженъ былъ Сынъ, а не *отрочищъ*, не рабъ, а истинный Сынъ Единородный, посланный къ намъ отъ Отца. *Да не возложиши руки твоея на отрочища;* довольно совершилъ ты прообразованіе; пусть послѣдуетъ истина. И скрывая свое намѣреніе отъ рабовъ, Авраамъ пророчествовалъ, 741
а (теперь) онъ видитъ истину, сбывающуюся по словамъ его,—что именно онъ говоритъ? *Сядите здѣ со ослятемъ, азъ же и дѣтищъ пойдемъ до ондѣ, и поклонившеся возвратимся къ вамъ* (Быт. XXII, 5). Сказалъ онъ не то, что имѣлъ въ умѣ; но случилось такъ, какъ сказалъ, а не такъ, какъ онъ думалъ. Рабовъ онъ оставляетъ для того, чтобы не быть принужденнымъ поступить противъ воли Божіей, чтобы они не подумали, что онъ, какъ старецъ, одержимъ какою-нибудь старческою болѣзнію, и не стали удерживать его стремленія къ жертвоприношенію, говоря: что ты, господинъ, дѣлаешь? Неужели ты хочешь заклать сына, рожденнаго по обѣтованію, возлюбленнаго, богодарованнаго, питателя въ старости, наслѣдника, преемника твоего, сына Сарры? Разсуди, что ты дѣлаешь, посовѣтуйся съ супругою, участницею рожденія, претерпѣвшею болѣзни рожденія сына, заколи прежде насъ, а потомъ сына. Но мудрый старецъ не беретъ съ собою рабовъ, которые могли помѣшать ему, а заставляетъ саму жертву нести дрова, чтобы она служила прообразомъ Спасителя, несущаго крестъ. Неся ихъ и бесѣдуя, сынъ трогаетъ сердце отца, но не отклоняетъ его отъ любви къ Богу. Что онъ говоритъ? *Отче.* Представь, каково было это слово: *отче*. Вѣдь и мы, когда хотимъ заколоть ягненка или какое-нибудь другое животное и слышимъ его блеющаго и взывающаго къ намъ тихимъ, хотя и не членораздѣльнымъ голосомъ, жалѣемъ его и оказываемъ состраданіе. Пред-

ставь же, что сдѣлала бы эта овца, если бы сказала слабому человѣку: *отче, се огнь и дрова, гдѣ есть овча, еже во всесожженіе* (Быт. xxii, 7)? А здѣсь самъ говорившій былъ въ мысляхъ отца этою овцею, возбуждавшею въ жрецѣ состраданіе. Авраамъ не учился у Христа, Который говоритъ: *иже любитъ отца или матерь*, или сына или дочь, *паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Матѳ. x, 37), и между тѣмъ подражалъ Отцу, о Которомъ сказано: *иже своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. viii, 32). *Гдѣ есть овча?* благоразумно спрашиваетъ сынъ. Что же говоритъ отецъ? *Богъ узритъ Себѣ овча во всесожженіе, чадо;* не слугу, а Сына. Этотъ былъ единородный, и Богъ— единородный; этотъ несъ на плечахъ дрова, и Христосъ несъ на плечахъ крестъ; этотъ, не сдѣлавъ никакого грѣха, имѣлъ быть закланъ, и Сынъ Божій, не сдѣлавъ никакого грѣха, былъ распятъ; этотъ былъ и закланъ и не закланъ, и единородный Сынъ Божій былъ и закланъ и не закланъ, и умеръ и не умеръ; этотъ по намѣренію умеръ, а въ окончаніи событія не умеръ, и Сынъ Божій по плоти умеръ, а божество Его осталось безстрастнымъ.

3. Богъ, намѣреваясь совершить великое дѣло между людьми, всегда предупреждаетъ и предначертываетъ его въ тѣни, чтобы, когда явится истина, они не усумнились въ ней, чтобы, имѣя въ виду предшествующій образъ, не остались невѣрующими истинѣ. Напримѣръ: пресвятая Дѣва имѣла родить; дѣло было невѣроятное,—какъ дѣва родитъ вопреки закону природы? Такое рожденіе не въ порядкѣ природы; кто отъ вѣка видалъ, чтобы дѣва родила?
742 Поэтому, чтобы іудеи не впали въ великое невѣріе, Богъ предупреждаетъ и предначертываетъ эту истину въ Саррѣ, чтобы, когда у нихъ родится недоумѣніе, какъ родила дѣва, они, вспомнивъ, сказали лучше, какъ родила Сарра, или—еще лучше—какъ родила дѣвственная земля? Плуга еще не было; земледѣльца, который бы воздѣлывалъ ее, не было; дождь не сходилъ; трава на ней не произрастала; борозды на ней проведены не были; она была не воздѣлана, не принимала въ себя сѣмянъ; роса не увлажняла ея. Скажи же мнѣ: какъ она, бывъ дѣвственною, произрастила безчисленные роды растеній? Ты не можешь изъяснить этого событія, но говоришь: такъ угодно было Богу. Такимъ же образомъ разсуждай и о Дѣвѣ. Когда у тебя рождается недоумѣніе, то старайся не изслѣдовать того, что̀ совершаетъ Богъ; не спрашивай, сообразно ли то съ природою, когда дѣйствуетъ Творецъ природы; не любопытствуй. Онъ сказалъ: *да прораститъ земля* (Быт. i, 11)—и тотчасъ это слово проникло въ нѣдра земли, возбудило ее къ рожденію, и дѣвственница рождаетъ. Сначала было произнесено одно слово—и произрасли безчисленные роды расте-

ній, и земля получила свое украшеніе чрезъ это слово. И нужно было видѣть, какъ земля пришла въ движеніе, какъ явились птицы, рыбы, земныя животныя, луга, цвѣты, дерева, виноградъ, маслина и безчисленные роды растеній, рано приносящихъ плоды и позднихъ, находящихся на поляхъ, при морѣ, при озерахъ, при рѣкахъ, при источникахъ, на горахъ. Дѣйствующимъ было одно слово, и земля получила свое благолѣпіе. Какъ это? Объясни мнѣ, іудей; но ты не можешь. Видишь ли, какъ заблужденіе ниспровергается само собою? Слушай же внимательно. Когда Богъ, какъ я сказалъ, намѣревается совершить какое-нибудь дѣло, которое для людей можетъ казаться невѣроятнымъ, то предварительно представляетъ его образъ и тѣнь, чтобы истина, явившись внезапно, не повергла ихъ въ невѣріе. Такъ, надлежало придти Сыну Божію и крестить родъ человѣческій, умертвить ветхаго человѣка, обновить желающихъ этого, потопить грѣхъ, возвратить благословеніе, уничтожить проклятіе, даровать оправданіе и сдѣлать людей ангелами; Ему нужно было принять блуднаго и сдѣлать его сыномъ, какъ Онъ и сдѣлалъ, нужно было взять недостойнаго земли и сдѣлать его достойнымъ неба. Это было великое и для многихъ невѣроятное чудо,—какъ одна и та же сущность умерщвляетъ человѣка и оправдываетъ, истребляетъ грѣхъ и возвращаетъ истину; поэтому, дабы іудеи не говорили, что ученіе христіанское есть басня, — какъ можетъ, напримѣръ, одна и та же вода и умерщвлять и оживотворять, какъ она, будучи одною водою, можетъ производить два дѣйствія,—что́ предварительно совершаетъ Богъ, чтобы обличить безстыдство іудеевъ? Сыны Израилевы въ Египтѣ изнемогали отъ трудовъ, угнетенные дѣланіемъ кирпичей и другими работами, и съ плачемъ и воплемъ взывали: кто избавитъ насъ отъ рабства египетскаго? Погибаемъ мы, погибаемъ отъ тяжкихъ трудовъ! Что же? Богъ услышалъ ихъ и посылаетъ Моисея, вооруживъ его знаменіями и чудесами. Моисей пришелъ и принесъ казни на фараона; навелъ войско злой саранчи, повелѣлъ мошкѣ—и она явилась, воду превратилъ въ кровь, произвелъ воспалительные струпы на людяхъ и четвероногихъ; потомъ, когда фараонъ послѣ этихъ казней не покорился, Богъ навелъ наконецъ смерть на первенцевъ; затѣмъ,—скажу кратко (потому что нужно сократить рѣчь, дабы, распространяясь объ этомъ, не оставить неисполненнымъ обѣщанія),—они вышли изъ земли египетской и пришли къ морю. Фараонъ погнался за ними съ множествомъ колесницъ и коней; и когда израильтяне увидѣли это ополченіе, то устрашились. Уже пришли они къ берегу моря, и говоритъ Богъ Моисею: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. XIV, 15)?—хотя Моисей ничего не говорилъ. Но я—

743

Богъ, говоритъ, Который слышу не только то, что исходитъ изъ устъ, но знаю и то, что въ сердцѣ, дабы ты зналъ, что молитва состоитъ не въ воплахъ, а въ душевномъ настроеніи. *Что вопіеши ко Мнѣ?* Уста Моисея не говорили, но сердце взывало; молитва должна быть отъ добраго сердца, а не состоять въ сильномъ воплѣ. *Что вопіеши ко Мнѣ? Простри жезлъ*, который въ рукѣ твоей, *на море*, и пройди ты и весь Израиль (Исх. XIV, 16). И простеръ Моисей жезлъ, который былъ въ рукѣ его, и ударилъ по водѣ, и бурные потоки водъ обнажили сушу, забывъ о своей природѣ. Когда повелѣваетъ Богъ, то и эта стихія забываетъ о собственной природѣ, и обуздываетъ свою дѣятельность. Море, какъ преданный рабъ, увидѣвъ служителя Господня, повиновалось и покорилось изъ благоговѣнія не къ сухому дереву, но къ Тому, Кто имѣлъ быть распятъ на древѣ. Оно увидѣло образъ и тотчасъ уразумѣло истину—и отступило. Пройди, говоритъ Богъ, ты и весь народъ израильскій. И прошелъ онъ самъ и весь Израиль; а за ними послѣдовали и египтяне, преслѣдовавшіе ихъ—фараонъ и колесницы его, и всадники. Потомъ, когда сыны израильскіе прошли, вода надвинулась и покрыла египтянъ. Скажи же мнѣ, іудей, спрашивающій, какъ вода въ крещеніи производитъ два дѣйствія, одного умерщвляетъ, а другого оживотворяетъ,—скажи мнѣ, какъ то море, будучи одно по своей природѣ, однимъ даровало жизнь, а другихъ умертвило, однихъ потопило, а для другихъ сдѣлалось путемъ, хотя одни и тѣ же были бурные потоки водъ? Какъ оно однихъ почтило, какъ рабъ, а съ другими поступило, какъ врагъ? Объясни мнѣ это, іудей, невѣрующій кресту, какъ одна и та же вода этихъ умертвила, а тѣхъ спасла? Одна была вода, одно море, но однимъ оно и ноги не омочило, а другихъ и слѣда не оставило, но взявъ ихъ, всѣхъ покрыло водою, такъ что море сдѣлалось общимъ гробомъ для всего народа египетскаго. Скажи же, какъ это случилось? Видишь ли, какъ предшествовала тѣнь, чтобы повѣрили истинѣ, какъ это было тѣнью, а то— истиной, это—тѣнь, а то—самое дѣло? Видишь ли, что, какъ я сказалъ, когда Богъ намѣревается совершить какое-нибудь необычайное дѣло, то предварительно прообразуетъ его и предначертываетъ въ тѣни, чтобы такимъ образомъ прообразованная истина была удобопріемлемою? Впрочемъ, образу необходимо быть несовершеннѣе истины; если бы онъ былъ вполнѣ совершеннымъ, то онъ былъ бы уже не тѣнію, но истиною. Тѣнь предшествуетъ, а потомъ приходитъ истина (скрытая въ) тѣни и являетъ чистый предметъ. Итакъ, это былъ образъ, а то—самое дѣло, подобно тому и съ агнцемъ. Вселенной надлежало освободиться и избавиться отъ клятвы кровію Христо-

вою. Такъ какъ это опять чудо великое и невѣроятное для несмысленной души іудеевъ, то Богъ предустрояетъ и прообразуетъ посредствомъ агнца. Когда Онъ намѣревался умертвить первенцевъ египетскихъ, то, дабы не были умерщвлены вмѣстѣ и первенцы сыновъ израилевыхъ, что Онъ дѣлаетъ? Дабы ангелъ погубляющій, говоритъ Моисей (Исх. гл. XII), не погубилъ вмѣстѣ и первенцевъ сыновъ израилевыхъ, то что? Говоритъ ему Богъ: объяви сынамъ израилевымъ, чтобы взяли агнца непорочнаго, мужескаго пола, однолѣтняго, по семействамъ ихъ; если же ихъ будетъ недостаточно, то пусть сосѣдъ призоветъ сосѣда и родственникъ призоветъ родственника, и, такимъ образомъ, взявъ агнца, агнца непорочнаго, мужескаго пола, однолѣтняго, заколите его, говоритъ, по родамъ и семействамъ; мясо его съѣшьте, испеченное на огнѣ, и ничего пусть не останется отъ него, а кровію его помажьте пороги ваши. Ѣшьте же его, говоритъ, препоясавшись по чресламъ, съ сапогами на ногахъ вашихъ,—это признакъ путника,—и съ свѣтильниками зажженными. Почему? Потому, что наступала ночь. А почему вы должны ѣсть такъ, какъ путники? Почему? Я скажу. Это и ради образа, и ради истины. Такъ какъ фараонъ неоднократно былъ поражаемъ и не отпускалъ ихъ, и Моисей говорилъ имъ: сегодня онъ будетъ пораженъ и отпуститъ, и однако онъ, будучи поражаемъ, не отпускалъ, девять разъ былъ поражаемъ и не отпускалъ, но въ десятый имѣлъ отпустить ихъ,—то онъ и говоритъ: примите видъ путниковъ, потому что послѣ того, какъ вы съѣдите, у васъ не будетъ ничего общаго съ Египтомъ. Возьмите же, говоритъ, агнца, непорочнаго, мужескаго пола, однолѣтняго, и заколите его, и помажьте кровію его пороги ваши, дабы проходящій ангелъ, если не ради людей, то ради образа этой крови, пощадилъ (вашихъ первенцевъ). Это сдѣлано было не для ангела, но ради крови, спасшей меня, потому что развѣ не могъ ангелъ различить іудеевъ отъ египтянъ? Различавшій первенцевъ развѣ не могъ различить египтянъ и евреевъ? Итакъ, когда іудей станетъ укорять тебя, какъ ты надѣешься на кровь, то и ты скажи ему: неужели ты не стыдишься, безстыдный? Ты былъ спасенъ кровію агнца, и я ли не спасусь кровію Господа? Такъ іудей, вкусивъ, спѣшилъ освободиться изъ Египта, и ты, христіанинъ, вкушая, спѣши освободиться отъ міра. И Павелъ такъ увѣщеваетъ тебя: *облецытеся въ броня правды, обуйте нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира* (Ефес. VI, 14, 15).

Тамъ обувь, и здѣсь обувь; тамъ жезлъ, здѣсь броня; тамъ Моисей, какъ для путниковъ, здѣсь Павелъ, какъ для воиновъ; тѣ шли изъ земли въ землю, и потому они—путники, а я иду

отъ земли на небо, и потому я—воинъ; почему? Потому, что враги воздушные нападаютъ на меня въ пути, бѣсы встрѣчаютъ меня. Для этого я имѣю открытое дерзновеніе, для этого—броню
745—6 правды, для этого—препоясаніе истиною; я не только путникъ, но и воинъ. *Узкій и тѣсный путь, вводяй въ животъ* (Матѳ. VII, 14). Замѣть же, какія Павелъ предлагаетъ внушенія и какіе Моисей представляетъ образы, каковы предметы чувственные и каковы духовные. Будемъ же и мы, возлюбленные, подражать Аврааму, чтобы намъ быть принятыми въ лоно его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОХВАЛА

святой первомученицѣ и равноапостольной Ѳеклѣ [1]).

745 Благодать Духа воздвигла намъ прекрасныя изображенія святыхъ въ годовыхъ дняхъ памяти ихъ, и чрезъ это постоянно сохраняетъ новыми ихъ дѣянія, приходящія въ забвеніе съ теченіемъ времени. Каждый, встрѣчая день памяти ихъ, какъ бы нѣкую картину, видитъ красоту дѣяній и созерцаетъ дѣла, начертанныя на этомъ, представляемомъ днемъ памяти, изображеніи. Такъ и сегодня, мнѣ кажется, вижу я эту блаженную дѣву какъ бы стоящею на картинѣ, представляемой днемъ памяти, держащею вѣнецъ въ одной рукѣ — за борьбу съ удовольствіями, а въ другой—за борьбу съ опасностями, и приносящею Владыкѣ всѣхъ одною рукою дѣвство, а другою — мученичество. Такимъ образомъ у ней были и подвиги дѣвства, которые для тщательно вникающихъ кажутся въ извѣстномъ смыслѣ великимъ мученичествомъ прежде мученичества. И подлинно, удовольствія суть жестокіе какіе-то палачи для тѣла, а лучше сказать, они болѣе палачей жестоки, потому что стягиваютъ нерукотворенными узами, скоблятъ душу посредствомъ глазъ, подносятъ факелъ сладострастія къ твердынѣ мысли посредствомъ слуха, бичуютъ умъ своимъ колючимъ бичемъ, воздвигаютъ противъ насъ одни нападенія за другими. Когда кто повелѣлъ глазамъ быть слѣпыми къ красотѣ, удовольствія чрезъ уши пріотврываютъ заключенное убѣ-
746 жище, раскрываютъ его сладострастными пѣснями; когда встрѣтятъ уши, заключенныя для блудныхъ пѣсенъ, тогда нападаютъ на по-

---

[1]) Память ея празднуется 24 сентября.

мыслы, сладострастно прикрасившись; когда, кратко сказать, мы побѣдимъ ихъ, бодрствуя постоянно, тогда они поборають насъ спящихъ сновидѣніями: таковъ у нихъ постоянный круговоротъ борьбы, не съ солнцемъ пробуждающійся и ночью не успокоивающійся. Если же притомъ они схватываютъ юность, то огонь сплелся съ огнемъ, хвороста коснулась горящая печь. Юность легко разжигается удовольствіями, будучи больше масла способною къ воспламененію, а для подвиговъ цѣломудрія весьма нѣжною. Это-то все и дѣлало дѣвство для блаженной дѣвы нѣкоторымъ продолжительнымъ мученичествомъ; она билась съ удовольствіями, какъ мученикъ съ дикими звѣрями, ратовала съ помыслами, какъ тотъ съ казнями, сражалась съ мыслями сладострастными, какъ съ пытками палачей, и однако оставалась побѣдительницею въ столь разнообразной и совокупной войнѣ, потому что огонь ея воли былъ пламеннѣе огня естественнаго и святъ. Но природа покорялась дѣвѣ, и, у другихъ господствуя и побуждая къ сочетанію, у Ѳеклы служила упражненіемъ въ цѣломудріи; а родители ея, не зная обѣтовъ дѣвства своей дочери, ни того, что Христосъ 747
Господь обручился съ нею, подавъ десницу съ неба, дѣлали ей много пространныхъ внушеній касательно брака. Слухъ же дѣвы оглашала пѣснь Павла: *непосягшая печется о Господнихъ, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34). Вотъ вѣнецъ дѣвства; вотъ первый у ней видъ заботливости; она заботится заботою, исполненною благословенія, заботится думою, которая свободнѣе всякой беззаботливости: *да будетъ свята и тѣломъ и духомъ*. Ничего у ней общаго съ землею, никакого сродства съ брачными нуждами, какъ, напр., (съ нуждой) переносить невѣрность мужа, терпѣть напрасныя подозрѣнія, не имѣть свободы на полезные выходы изъ дома, заботиться о пищѣ, украсившись подвергаться зависти, испытывать посмѣяніе прежде родовъ, какъ бы она была еще незамужняя, а родивши встрѣчать укоризны за рожденіе. Родилась ли какая дѣвочка? Мужъ глядитъ угрюмо, что не мальчикъ. Прибавился и мальчикъ? Родилось дитя? Какъ будто не красиво. Пріятны оба по красотѣ? О красивыхъ какъ будто тяжелѣе дума. Отняты ли они отъ молока? Наступила опять тревога о воспитаніи; когда они здоровы, страхъ о томъ, чтобы не заболѣли; когда заболятъ, боязнь, чтобы не умерли; когда умрутъ, страхъ, чтобы не быть потомъ въ презрѣніи за безчадіе; а если не умрутъ, то тягчайшая дума о живыхъ, откуда средства на образованіе дѣтей, какъ устроить имъ брачный союзъ, какъ (соблюсти) приличіе въ одеждѣ, какъ раздѣлить каждому рабовъ, сколько выдѣлить изъ имущества старшему, какъ успокоить зависть младшаго. *Непосягшая печется о Господнихъ, да будетъ*

свята и тѣломъ и духомъ. Я не позорю сущность брака, такъ какъ это общій способъ сохраненія рода, — но всѣмъ объявляю заботы брачной жизни, поставляю выше заботъ плотскихъ попеченіе о небѣ, предпочитаю хорошему лучшее. Дѣва стоитъ выше и наказаній, назначенныхъ Евѣ, такъ какъ слова: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16)—недѣйствительны въ отношеніи къ тѣмъ, которыя неподвластны мужьямъ; и слова: *въ болѣзнехъ родиши чада*—неприложимы къ дѣвствующимъ: нерождающая не подлежитъ приговору о скорбныхъ болѣзняхъ рожденія. Залогами будущаго уже наслаждаешься ты, дѣва;
48 живешь уже съ святостію воскресенія. *Въ воскресеніе бо*, сказалъ Господь, *ни женятся, ни посягаютъ* (Матѳ. XXII, 30). Поэтому и паденіе въ этомъ дѣлѣ весьма велико, такъ какъ великъ и успѣхъ; поэтому распутство дѣвствующей гнуснѣе блудницы, такъ какъ не одинаково растлѣніе дѣвствующей и блудницы, не одинаково растлѣніе простой жены и царицы, не одинаково похищеніе священнаго сосуда и обыкновеннаго. Сосудъ вѣдь священный дѣва,—порфира, въ которую не позволительно облекаться никому другому, кромѣ Царя всѣхъ,—невѣста, постоянно обладающая дѣвственнымъ бракомъ. О, блаженный бракъ, ложе котораго дѣвство! Ради него (предстояли) опасности блаженной мученицѣ: она видѣла красоту жениха—и не отвращалась отъ его вида; настаивала мать, побуждая къ браку, но она взывала къ небесному Жениху: *къ Тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси* (Псал. CXXII, 1); часто приходилъ женихъ, обольщая бесѣдою о бракѣ, но она сама въ себѣ сочетавалась Христу, говоря: *прилпе душа моя по Тебѣ* (Псал. LXII, 9); стекались родственники и употребляли ласки, но она представляла себѣ свидѣтельство Павла: *обручихъ тя единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2); умоляли слуги со слезами, но она воспѣвала съ любовію своему Жениху: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовы (Римл. VIII, 35); устрашали и судьи казнями, но она попирала ихъ всѣ, великодушно взывая: *князи не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ* (Римл. XIII, 3). А такъ какъ нужно было мученицѣ поставить статуи дѣвства и на пути, то случается такое искушеніе съ этою отроковицею. Отпущенная изъ суда, она поспѣшила на ловитву по слѣдамъ Павла и, руководимая молвою, смѣло шла по путямъ, ведущимъ къ Павлу; но діаволъ подстерегалъ дѣву и, подстерегши ее на пути, вооружилъ противъ дѣвы жениха, какъ разбойника въ пустынѣ, на похищеніе дѣвства. Когда она мужественно совершала путь, то распутнѣйшій женихъ, высматривавшій сзади, торжествовалъ уже захватъ ея. Затрудненіе—со всѣхъ сторонъ безвыходное: нападающій силенъ, а подвергающаяся нападенію слаба;

гдѣ какое-либо убѣжище при отсутствіи убѣжища? Обратившись къ небу, дѣва съ воплями восклицала Тому, Кто вездѣ присущъ всѣмъ призывающимъ: „Господи Боже мой, на Тя уповахъ“ (Псал. VII, 2)...

ШЕСТЬ СЛОВЪ О СУДЬБѢ И ПРОВИДѢНІИ.

СЛОВО ПЕРВОЕ

о судьбѣ и провидѣніи.

Настоящая жизнь наша изобилуетъ многочисленными тре- 749
вогами и преисполнена безпокойствъ. Не это, однако, тягостно, возлюбленные, а то, что, будучи въ состояніи сдѣлать эти безпокойства и тревоги болѣе слабыми или безъ боли переносить ихъ, мы не заботимся ни о томъ, ни о другомъ, но все время проводимъ въ унынін: одинъ скорбитъ о бѣдности, другой о болѣзни, иной о множествѣ заботъ и надзорѣ за домомъ, иной о воспитаніи дѣтей, иной о безчадіи. И обрати вниманіе на преизбытокъ безумія, потому что почти всѣ сѣтуемъ по поводу не однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, но противоположныхъ, хотя, еслибъ природа обстоятельствъ была причиною нашихъ сѣтованій, намъ не слѣдовало бы одинаково скорбѣть по поводу противоположныхъ вещей. Если бѣдность—зло и притомъ невыносимое, то никогда не должно было бы стенать тому, кто живетъ въ богатствѣ; и если безчадіе—зло, то наслаждающемуся многочадіемъ человѣку надлежало бы веселиться. Опять, еслибы вожделѣнно было управлять общественными дѣлами, также наслаждаться почестями и имѣть много подчиненныхъ, то надлежало бы избѣгать жизни свободной отъ занятій и спокойной, и всѣ люди должны были бы ее ненавидѣть. Теперь же, когда ты видишь, что одинаково скорбятъ богатые и бѣдные, а часто пребывающій въ богатствѣ съ своей стороны дѣлаетъ это въ бо́льшей степени, чѣмъ бѣдный, скорбятъ—наслаждающійся властью и подчиненный, отецъ многихъ дѣтей и неимѣющій совершенно ни одного, то мы считаемъ виною
такого нестроенія не обстоятельства, а тѣхъ, кто не можетъ вос- 750
пользоваться ими, какъ должно, и удалить отъ себя всякое уныніе. Не внезапная перемѣна этихъ обстоятельствъ служитъ причиною тревоги и безпокойства, но мы и нашъ умъ, такъ что, если онъ у насъ хорошо образованъ, то мы всегда будемъ отдыхать въ

спокойномъ морѣ и въ гавани, хотя бы отовсюду поднимались безчисленныя бури, подобно тому, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ не хорошо настроенъ, мы окажемся въ положеніи нисколько не лучшемъ положенія потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, хотя бы всѣ дѣла наши были движимы попутнымъ вѣтромъ. Это же можно усмотрѣть и въ тѣлахъ. Тотъ, кто укрѣпилъ свое тѣло, не только не потерпитъ ничего ужаснаго, хотя бы ему пришлось оказывать противодѣйствіе безчисленнымъ перемѣнамъ воздуха, но, благодаря упражненію и привычкѣ къ дурной температурѣ, даже получаетъ приростъ своей силы; если же онъ имѣетъ слабое и тощее тѣло, то, хотя бы онъ наслаждался прекрасною, благорастворенною погодою, не извлечетъ себѣ изъ этого хорошаго условія никакой выгоды, такъ какъ собственная его немощь противодѣйствуетъ хорошему вліянію погоды. То же самое видимъ мы и относительно пищи: когда нашъ желудокъ отличается крѣпостію и силою, то все, что бы онъ ни принималъ, хотя бы то было и нѣчто жесткое, нѣчто для него грубое, превращаетъ въ чистый сокъ, такъ какъ хорошія естественныя условія преодолѣваютъ заключающійся въ пищѣ дурной элементъ. Когда же сила его ослабѣла и сдѣлалась вялою, то, хотя бы ты ввелъ въ него пищу, болѣе всего отличающуюся доб-
751 рыми соками, онъ передѣлываетъ ее въ самый худой видъ и портитъ, такъ какъ немощь его дѣйствуетъ вредоносно на хорошія качества пищи. Такъ и мы, всякій разъ какъ замѣтимъ нестроеніе въ дѣлахъ, не будемъ, возлюбленные, обвинять Бога, потому что это не значитъ отыскать для раны лѣкарство, но къ ранѣ присоединить другую. Не будемъ приписывать управленія міромъ демонамъ, не будемъ думать, что о настоящихъ дѣлахъ никто не промышляетъ, не будемъ противопоставлять Промыслу Божію тираніи какого-то рока и судьбы. Все это преисполнено богохульства, и поистинѣ смятеніе и нестроеніе зависятъ не отъ теченія дѣлъ, а отъ настроеннаго извѣстнымъ образомъ духа, который, хотя бы наслаждался безмѣрно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, не получитъ себѣ никакой отъ того выгоды до тѣхъ поръ, пока не исправитъ находящагося въ немъ самомъ нестроенія и безпорядка; но подобно тому, какъ глазъ, если онъ боленъ, то и въ яснѣйшій полдень будетъ видѣть лишь тьму и одно вмѣсто другого, и никакой для него выгоды не будетъ отъ солнечнаго луча, а если онъ здоровъ и крѣпокъ, то даже и вечеромъ будетъ въ состояніи съ безопасностію вести тѣло,—точно такъ же и глазъ нашего ума, пока онъ будетъ крѣпокъ, прекрасно станетъ видѣть, хотя бы ему пришлось созерцать вещи, которыя, повидимому, неустроенны, когда же онъ поврежденъ, то, хотя бы ты возвелъ его на самое небо, и въ томъ, что находится тамъ, замѣтитъ большое нестроеніе и безпо-

рядокъ. И что это такъ, я докажу тебѣ многими примѣрами древнихъ и современныхъ намъ людей. Сколь многіе спокойно переносятъ бѣдность—и не перестаютъ воздавать за это благодарность Богу? Сколь многіе, живя въ богатствѣ и роскоши, не благодарятъ, но злословятъ Владыку? Сколь многіе, непотерпѣвшіе ничего ужаснаго, обвиняютъ всеобщій Промыслъ? Сколь многіе, все время прожившіе въ темницѣ, переносятъ тамошнее страданіе съ большимъ благоразуміемъ, чѣмъ—свое положеніе тѣ, которые прожили въ свободѣ и безопасности? Видишь, что душевное состояніе и нашъ собственный умъ служатъ причиною и этого и того, а не самая природа обстоятельствъ. Поэтому, еслибы мы заботились о нашемъ духѣ, то не было бы безпокойства, не было бы нестроенія, не было бы ничего ужаснаго, хотя бы обстоятельства нашей жизни колебались сильнѣе всякаго морского волненія. Почему, скажи мнѣ, воздаетъ благодарность Павелъ? А между тѣмъ онъ принадлежитъ къ числу людей, которые жили прекрасно, которые все время проводили добродѣтельно, которые и злѣйшія испытали бѣды: никто не былъ ни праведнѣе его изъ всѣхъ людей, жившихъ подъ солнцемъ, ни потерпѣлъ болѣе тягостнаго, чѣмъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ произошли люди,—однако же, видя, что многіе живутъ порочно и радуются и наслаждаются настоящими богатствами, и самъ онъ благодаритъ Бога, и всѣмъ остальнымъ совѣтуетъ это. На него взирайте. И ты, когда увидишь, что порочный человѣкъ веселится, когда увидишь, что превозносится, когда увидишь, что одерживаетъ верхъ надъ врагами, мститъ за себя обидчикамъ, не терпитъ никакой потери, что къ нему отовсюду притекаютъ богатства, что всѣ почитаютъ и льстятъ ему, а что ты самъ находишься въ совершенно противоположномъ состояніи, что съ тобою оскорбительно обходятся, что на тебя клевещутъ, злоумышляютъ, то не подумай, что ты—въ числѣ отверженныхъ, но, смотря на Павла, испытывавшаго твою же участь, воспрянь духомъ, возстанови помыслы, не упади подъ дѣйствіемъ унынія. О томъ, кто другъ Богу и кто врагъ, не суди на основаніи здѣшнихъ—счастія и несчастія, но, если ты увидишь, что кто-либо живетъ справедливо, истощается болѣзнію и взираетъ на то, что благочестиво, то ублажай его и считай достойнымъ соревнованія, хотя бы его окружали безчисленныя цѣпи и хотя бы безпрестанно онъ жилъ въ темницѣ, хотя бы былъ ра- 752
бомъ у недостойныхъ, хотя бы жилъ въ бѣдности, хотя бы работалъ въ рудникахъ, хотя бы терпѣлъ что-нибудь ужасное въ другомъ родѣ. Блаженъ этотъ человѣкъ, хотя бы у него выкалывали глаза, хотя бы жгли его, хотя бы понемногу изнурялось его тѣло. Если же ты увидишь, что другой, живущій распутно и порочно и совершающій крайнія злодѣянія, наслаждается большою честію,

восходитъ на самый царскій тронъ, надѣваетъ на себя діадему, имѣетъ багряницу и владычествуетъ надъ всей вселенной, то оплачь таковаго и по этой причинѣ и называй несчастнымъ. Поистинѣ нѣтъ ничего тягостнѣе такъ настроенной души, хотя бы ей была подчинена вся вселенная. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза имѣть избытокъ въ богатствахъ, когда — бѣднѣе всѣхъ добродѣтелью? Что же за выгода властвовать надъ столь многими, когда самъ не въ состояніи побѣдить себя и свои собственныя страсти? Вѣдь если мы замѣтимъ, что со стороны тѣла находится кто въ дурномъ положеніи и страдаетъ лихорадкою, или что внезапно приключилась боль въ ногахъ, или какое-либо изнуреніе или другое неизлѣчимое страданіе, то плачемъ, хотя бы онъ былъ богаче всѣхъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ богаче, потому что ощущеніе бѣдствій бываетъ болѣе острымъ, когда кто-либо въ изобиліи владѣетъ необходимыми вещами; тотъ, кто по причинѣ бѣдности не имѣетъ возможности наслаждаться чѣмъ-либо; утѣшеніемъ имѣетъ эту нужду, а имѣя власть воспользоваться всякаго рода наслажденіемъ и встрѣчая противодѣйствіе со стороны болѣзни, онъ по этому самому сильнѣе мучится. Какъ же не безсмысленно, если мы увидимъ, что кто-либо внезапно пораженъ тѣлесною болѣзнію считать его несчастнымъ, хотя бы онъ былъ богатъ, а когда душа его находится въ дурномъ состояніи, душа, которой у насъ нѣтъ ничего равнаго и болѣе цѣннаго, ублажать его ради немногихъ богатствъ или ради скоротечной чести, или ради иного изъ числа того, что остается здѣсь и покидаетъ насъ вмѣстѣ съ этою жизнію, а лучше сказать — часто и прежде конца послѣдней. Не дѣлай этого, прошу. Это—причина нашего смущенія, это—причина безпокойства. Изъ-за этого многіе обвиняютъ Бога, изъ-за этого думаютъ, что о мірѣ никто не промышляетъ. Если бы они знали, что въ настоящей жизни нѣтъ блага, кромѣ одной только добродѣтели, (что не есть благо)—ни богатство, ни сокровища, ни здоровье, ни могущество, ни иное что-либо, и что въ настоящей жизни нѣтъ зла, кромѣ одной только порочности и лукавства и душевной испорченности, (что не есть зло) — ни бѣдность и болѣзнь, ни ругательства и ложные доносы и остальное, считающееся несчастіемъ, то никогда не говорилось бы то, что говорится теперь, никогда люди не проводили бы жизни въ уныніи, никогда не ублажали бы тѣхъ, кого надлежало считать несчастными, никогда не считали бы несчастными тѣхъ, кого надлежало ублажать, не относились бы такимъ образомъ къ истинному достоинству людей. Ублажать людей за тучность, за обильныя яства и за продолжительный сонъ—это не иное что, какъ относиться къ нимъ, какъ безсловеснымъ животнымъ, потому что и ихъ счастіе въ этомъ

заключается, а лучше сказать: это служитъ зломъ и для безсловесныхъ существъ. Дѣйствительно, многіе и ослы и лошади погибли изъ-за того, что жили въ праздности и предавались обжорству. Если же это вредно для неразумныхъ животныхъ, у которыхъ вся добродѣтель заключается въ хорошемъ состояніи тѣла, то ужели мы въ этомъ положимъ добродѣтель людей, вся сущность которыхъ состоитъ въ благородствѣ души, и ужели мы не устыдимся неба и сродныхъ съ нашею душею ангеловъ? Ужели ты не краснѣешь отъ стыда даже предъ самою природою тѣла и его формою? У насъ не такъ, какъ у безсловесныхъ животныхъ, образовалъ его Богъ, но такъ, какъ приличествовало образовать то, что должно было служить разумной и безсмертной душѣ. Почему у всѣхъ безсловесныхъ Богъ сотворилъ глаза наклоняющіеся внизъ, давая же ихъ тебѣ, помѣстилъ въ головѣ, какъ бы въ акрополѣ? Не потому ли, что у тѣхъ нѣтъ ничего общаго съ небомъ, а тебѣ и со стороны Бога, и со стороны природы изначала поло- 753
женъ законъ созерцать болѣе всего то, что находится вверху? Почему у тебя Онъ сотворилъ тѣло, имѣющее прямое положеніе, а у тѣхъ — наклоненное внизъ? Не по той ли же опять причинѣ, даже и чрезъ посредство самаго образа твоего уча тебя не имѣть ничего общаго съ землею и не быть предану настоящимъ вещамъ? Поэтому не измѣнимъ нашему благородному происхожденію и не упадемъ до низкаго происхожденія безсловесныхъ, чтобы и о насъ не сказало Писаніе: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ* (Псал. XLVIII, 21). Опредѣлять счастіе жизни на основаніи роскоши и богатства и настоящихъ вещей свойственно не людямъ, обращающимъ вниманіе на свое собственное благородство, но людямъ,
сдѣлавшимся лошадьми и ослами. Но да не будетъ, чтобъ кто-либо 754
таковой присутствовалъ здѣсь, во святомъ ликѣ и среди духовныхъ зрителей и въ благочестивомъ собраніи! И для того именно мы ежедневно наслаждаемся слушаніемъ божественнаго слова, чтобы, обсѣкая словомъ, какъ бы серпомъ, уподобившіяся лѣсу болѣзни души, мы сдѣлались плодоносными деревьями и принесли во время плодъ, откладываемый въ царскую житницу, приносящій славу общему Владыкѣ и Виноградарю душъ нашихъ, и намъ доставляющій безсмертную жизнь, которой да достигнемъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, и держава, и честь во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

о судьбѣ и провидѣніи.

753 Иже *злословитъ отца или матерь, смертію да умретъ* (Исх. XXI, 16), говоритъ (Писаніе). Этотъ законъ былъ данъ въ ветхомъ завѣтѣ, когда не было особенной рачительности относительно установленія наилучшей гражданской жизни, когда было только введеніе Божества, когда имѣли мѣсто дѣтскія повелѣнія, когда—молоко, когда—пѣстунъ, когда—свѣточъ, когда—образъ и тѣнь. Итакъ, что мы могли бы сказать относительно тѣхъ, которые теперь во время благодати и при *истинѣ вещей*, также и при столь великомъ вѣдѣніи злословятъ не отца и мать, но самого Бога *всяческихъ*? Какое таковыхъ людей будетъ ждать наказаніе? Какое взысканіе будетъ достаточно соотвѣтствовать степени зла? Какая огненная рѣка, какой неумирающій червь, какая *кромѣшняя* тьма, какія узы, какой скрежетъ, какое рыданіе? Всѣ мученія, какъ настоящія, такъ и будущія, не достаточны для души, находящейся въ такомъ положеніи, ниспавшей до такой степени порочности. Видовъ же богохульства много и они различны, вслѣдствіе чего необходимо сегодня изложить ихъ, чтобъ намъ не впасть добровольно ни въ какой изъ таковыхъ, и чтобъ не оставить безъ вниманія никого изъ впадающихъ въ нихъ — ни друга, ни врага. Подлинно нѣтъ, нѣтъ грѣха худшаго, чѣмъ этотъ, нѣтъ даже и равнаго ему; въ немъ—умноженіе золъ, въ немъ—то, чѣмъ все приводится въ разстройство, и влечетъ безжалостное наказаніе и невыносимое мщеніе. Кто же злословящіе Бога? Тѣ, которые противопоставляютъ мудрости Его провидѣнія обусловливаемое рокомъ нестроеніе и необходимость. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одержимы этою болѣзнію невѣрные, которые нелѣпо удивляются предъ деревьями и камнями и служатъ имъ; а то—ужаснѣе всего и достойно многихъ дѣйствительно слезъ и рыданій, что освобожденные отъ этого заблужденія и рабства, удостоившіеся знать находящагося во всемъ Бога, истиннаго и дѣйствительнаго Бога, что они, какъ бы въ силу какого-то обратнаго теченія, увлекаются внизъ къ сильному морскому волненію, къ тому образу мыслей и къ тому безумію; тѣ, которые, по ихъ словамъ, покланяются Христу, тѣ, которые удостоены столь великихъ таинствъ и восприняли неизреченные догматы и снисшедшую къ намъ небесную мудрость, послѣ столь великой чести, какую получили

отъ Бога, добровольно низвергаютъ себя, съ большимъ неразуміемъ
отвергнувъ отъ себя ту свободу, какую имъ даровалъ Богъ, подчинивъ
себя тягчайшему рабству и своими помыслами выдумывая ужаснѣй-
шую тиранію, какой никогда не было, отсѣкая всякую добрую на-
дежду и пытаясь лишить крѣпости тѣхъ, которые ревностно пре-
даны добродѣтели. Подобно тому какъ на войнѣ кто-либо изъ
враговъ, замѣтивъ воиновъ благородныхъ и готовыхъ самую душу свою
отдать за отечество, и не имѣя возможности инымъ образомъ по- 754
вредить имъ, ни отклонить отъ готовности служить царю, ни сдѣ-
лать ихъ робкими, ни преодолѣть съ помощію уловокъ, причиняетъ
имъ вредъ иначе, пытаясь убѣждать, что они напрасно и безпо-
лезно и безъ всякой причины проявляютъ столь много труда,—
чтобъ ослабить ихъ руки, чтобъ низложить ихъ силу, чтобъ уга-
сить ихъ усердіе, чтобъ чрезъ все это отклонить отъ присущей
имъ ревности къ войнѣ, и чтобъ, сочтя ихъ послѣ этого безза-
щитными и безоружными, взять ихъ связанными въ плѣнъ,—такъ
поступилъ и діаволъ. Послѣ того какъ увидѣлъ, что бо́льшая часть
вселенной, благодаря божественной благодати, осмѣиваетъ языче-
ское заблужденіе, всѣмъ сердцемъ и всею душею чтитъ слово о
благочестіи, что затѣмъ, вслѣдствіе этого, возникаетъ великое ува-
женіе къ добродѣтели и такое же презрѣніе къ пороку,—онъ не
осмѣлился выступить и открыто сказать: „отступите отъ Христа,
осмѣйте преподанные Имъ догматы, дѣло Его—басня и заблужде-
ніе, Онъ—какой-то порочный и нелюдимый человѣкъ", такъ какъ
ему извѣстно, что вслѣдствіе этого они еще поспѣшнѣе убѣгутъ
отъ его тираніи и сильнѣе возненавидятъ его. Поэтому онъ не
вноситъ обвиненія прямою дорогою, но, ходя кругомъ, тайно раз-
сѣеваетъ ядъ злочестивыхъ догматовъ, повидимому позволивъ лю-
дямъ пребывать въ вѣрѣ, а въ дѣйствительности исторгая ее изъ
нихъ съ корнемъ, разрушая всѣ догматы истины и среди вѣрую-
щихъ разливая великую на Бога клевету. Посему у него и при-
готовлено это губительное средство и смертоносные яды рока,
чтобы тайно ввести все то, о чемъ именно я сказалъ, чтобы по-
казать пустоту нашихъ мыслей и пустоту нашей вѣры, чтобы убѣ-
дить людей имѣть дурное сужденіе о Богѣ, — что̀, конечно, и
вначалѣ онъ сдѣлалъ въ отношеніи къ Адаму, наклеветавъ на Бога,
что Онъ будто бы завистливъ и недоброжелателенъ. Почти такъ
онъ говорилъ, увѣщевая того: „зналъ Богъ, говорилъ онъ, что очи
ваши откроются, зналъ, что вы будете, какъ боги, позавидовалъ
вамъ, не желалъ для васъ бо́льшей чести". Вѣдь, еслибы онъ и
не присоединялъ этихъ словъ, то тѣмъ, что онъ раньше говорилъ,
далъ имъ возможность подозрѣвать то же. И замѣчай коварство.
Низвергнувъ опредѣленіе Бога и сказавъ, что, если прародители

окажутъ Ему неповиновеніе, то ихъ удѣломъ будутъ великія блага, какъ напримѣръ: откроются ихъ очи, они сдѣлаются равными Богу и будутъ обладать соотвѣтствующимъ этому положенію вѣдѣніемъ, діаволъ еще не присоединилъ, что порочен тотъ, кто запрещаетъ это, дабы не показалось, что говоритъ какой-то врагъ и непріятель, но надѣлъ личину совѣтника и попечителя, дабы
755 сдѣлать злое увѣщаніе удобопріемлемымъ,—что именно и случилось. Словами, какія онъ говорилъ, діаволъ не желалъ научить ничему другому, какъ: „отступите отъ сотворившаго васъ Бога; Онъ—недоброжелателенъ и завистливъ, по зависти отказываетъ вамъ въ бо́льшихъ благахъ“. Однако, открыто этихъ словъ онъ не произнесъ, потому что, заподозривъ въ немъ врага, они, конечно, уклонились бы отъ него; не пожелавъ же сказать имъ этого и умолчавъ, онъ предложилъ тотъ гибельный совѣтъ. Точно такъ же, конечно, и теперь онъ не говоритъ: „отступите отъ Христа, такъ какъ Его божественные догматы зазорны“, потому что знаетъ, что лгалъ бы и не встрѣтилъ бы вѣры; но коварно, повидимому, оставляетъ насъ при нихъ и обнаруживаетъ согласіе съ истиною, а инымъ путемъ удаляетъ насъ, несвѣдущихъ въ нихъ, отъ этого вѣчнаго наслѣдія, подобно тому какъ если бы кто-либо, удерживая правою рукою законнорожденное и свободное, нѣсколько простое и невинное дитя, не изгонялъ его изъ отцовскаго жилища, но въ то же время убѣждалъ дѣлать то, чрезъ что оно волей—неволей лишится всего отцовскаго наслѣдства. Невозможно, невозможно, чтобъ человѣкъ, придающій значеніе року, оказался въ состояніи достигнуть небесъ, лучше же сказать: невозможно, чтобъ онъ оказался въ силахъ избѣжать геенны и наказанія, такъ какъ рокъ повелѣваетъ всѣмъ вѣрить вопреки догматамъ Божіимъ. Богъ говоритъ: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снѣсте, аще же не хощете, ниже послушаете Мене, мечь вы поястъ. Уста бо Господня глаголаша сія* (Иса. I, 19, 20).

Ты видѣлъ, какъ говоритъ Богъ и какіе полагаетъ законы? Послушай и судьбу, какъ говоритъ она и какъ вводитъ противоположныя постановленія, и пойми, какъ то сказано божественнымъ Духомъ, а слова этой—лукавымъ демономъ и нѣкоторымъ свирѣпымъ чудовищемъ. Богъ сказалъ: „если хотите“ и „если не хотите“, дѣлая насъ господами добродѣтели и порока и полагая это въ зависимость отъ нашего образа мыслей. А что говоритъ тотъ, т. е. діаволъ? То, что избѣжать опредѣленнаго судьбою невозможно, хотимъ ли мы того, или не хотимъ. Богъ говоритъ: *аще хощете, благая земли снѣсте;* судьба говоритъ: даже если мы и хотимъ, но если не будетъ дано намъ, то никакой прибыли въ этомъ желаніи нѣтъ. Богъ говоритъ: *аще не хощете внимати словесемъ Моимъ,*

мечь вы поястъ; судьба говоритъ: если мы не желаемъ, а намъ будетъ дано, то во всякомъ случаѣ спасаемся. Не это ли говоритъ судьба? Что могло бы оказаться яснѣе этого сраженія? Что—открытѣе этой войны, которую учители порока—демоны безъ стыда такъ предприняли противъ божественныхъ изреченій? Но, о чемъ я и сказалъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этому вѣрятъ демоны и равные имъ люди, то есть, язычники; а тягостнѣе всего то, что вы, столь наслаждающіеся божественнымъ и спасительнымъ ученіемъ, не оказываете должнаго уваженія, но перебѣгаете къ тѣмъ неразумнѣйшимъ и губящимъ душу выдумкамъ. *Что бо ми и внѣшнихъ судити* (1 Кор. v, 12)? У меня пока слово къ вамъ, члены Христовы, чада церкви, воспитанные въ Отчемъ домѣ, наслаждающіеся божественными ученіями, удостоенные столь великой чести. Поэтому я стенаю, поэтому плачу и рыдаю; и поистинѣ достойно рыданій, когда кто-либо впадаетъ въ прегрѣшенія, недостойныя прощенія. Да и какое, скажи мнѣ, можетъ быть прощеніе, когда открываетъ Себя Богъ и когда демоны также въ 758
свою очередь говорятъ, и когда то, что говорится ими, даже друзьямъ Божіимъ кажется заслуживающимъ большей вѣры? Мы теперь не предпринимаемъ разсужденій, но лишь покажемъ безстыдство довѣряющихъ имъ людей. Богъ говоритъ: *предложихъ ти огнь и воду, животъ и смерть, и на неже хощеши, простреши руку твою* (Сир. xv, 16, 17); демонъ говоритъ, что не въ твоей власти протягиваніе руки, но это зависитъ отъ нѣкоторой необходимости и силы. И это тебѣ кажется заслуживающимъ бо́льшаго довѣрія, и ты не размышляешь о томъ разстояніи, какое раздѣляетъ совѣтниковъ, о томъ, что одинъ—Богъ, а другой—демонъ; ты не оцѣниваешь различія совѣта, что одинъ—спасительный и зоветъ къ добродѣтели, а другой—поистинѣ демонскій и зоветъ къ злу и пороку; ты не обращаешь вниманія на то, что̀ получено тобою отъ Бога и что—отъ демона, на то, что одинъ такъ возлюбилъ тебя, что отдалъ за тебя даже Единороднаго Сына Своего, драгоцѣннѣе Котораго у Отца не было ничего, также любитъ еще и теперь, призывая тебя чрезъ апостоловъ къ твоему спасенію и все дѣлая для этого, а другой такъ возненавидѣлъ и ненавидитъ тебя, что всякими способами враждуетъ съ тобою и не только не доставляетъ тебѣ чего-либо добраго, но даже и то, что ты получилъ отъ Бога, и это пытается исторгнуть. Одинъ позаботился о томъ, чтобъ сдѣлать тебя равнымъ ангеламъ, а другой сдѣлалъ тебя безчестнѣе пресмыкающихся по землѣ и съ своей стороны убѣдилъ тебя покланяться имъ; одинъ влечетъ въ небесное царство и къ остальнымъ почестямъ, а другой позавидовалъ и здѣсь данному тебѣ положенію и не отсталъ прежде, пока не лишилъ

тебя его. Если вы и не можете узнать догматовъ, — хотя для людей не очень непонятливыхъ они яснѣе солнца, и именно, тѣ догматы, которые принадлежатъ Богу, служатъ къ выясненію добродѣтели и спасенія, а демонскіе — порока, — если вы не можете проникнуть въ нихъ, то научитесь тому, что̀ спасительно и что̀ вредно, по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ, которые даютъ вамъ совѣты. И какъ не безсмысленно въ остальныхъ дѣлахъ держаться того взгляда, что если врачъ дастъ кому-либо пищу, то не любопытствовать о ней слѣдуетъ, а принимать, какъ доставляющую здоровье, если же чародѣй и волшебникъ, то не вдаваться въ изслѣдованія, но гнушаться, какъ яда и вредоносной пищи; въ отношеніи же къ Богу не пользоваться такого рода пріемами, хотя разстояніе между Богомъ и демономъ настолько больше разстоянія между врачемъ и волшебникомъ, что не возможно ни выразить его словами, ни представить умомъ и разсудкомъ? Итакъ, развѣ не крайняя нелѣпость — не вдаваться въ изслѣдованія тамъ, гдѣ разница между предлагающими пищу ничтожна, но вмѣсто всякаго изученія дѣла обращать вниманіе лишь на качества лицъ,—а гдѣ разница между совѣтниками столь велика, имѣть нужду въ словѣ для пониманія того, что одно спасительно, а другое вредно? Не будемъ, умоляю, неразумнѣе безсловесныхъ существъ, но поспѣшно убѣжимъ и не станемъ внимать своимъ слухомъ: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. xv, 33), и прельщеннымъ невозможно получить прощеніе. Почему, увидѣвъ мѣстность заразительную и нездоровую, ты уклоняешься отъ пребыванія тамъ, хотя бы тебя влекли къ тому жилищу безчисленныя условія,—предпочитая всему здоровье тѣла; когда же нѣкоторые преисполнены заразительною рѣчью и болѣзнію, не только губящею тѣло, но погубляющею и душу и дѣлающею ее худшею и болѣе негодною, то почему не убѣгаешь поспѣшно? Послушай, говоритъ одинъ мудрый мужъ, не остановись, *но отскочи, не замедли* (Притч. ix, 18), боясь даже и кратчайшаго пребыванія среди нихъ. Говоримъ же это, не боясь
757 силы проповѣдуемыхъ ими догматовъ, но боясь вашей немощи. Для насъ, утвердившихся въ вѣрѣ, догматы ихъ кажутся, по Божіей благодати, болѣе слабыми, чѣмъ паутина, и хотя бы безчисленное множество разъ они очаровывали нашъ слухъ, тѣмъ бо̀льшій встрѣчаютъ съ нашей стороны смѣхъ, какъ безумные и безсмысленные; но мы боимся вашей немощи. Сказанное обращаю не противъ всѣхъ, но противъ тѣхъ, которые виновны въ указанномъ мною, такъ какъ и Павелъ, властелинъ всего, не ученіе только выставляя на видъ своему ученику Тимоѳею, но и словопреніе противъ чуждыхъ, увѣщеваетъ избѣгать

пустыхъ рѣчей (2 Тим. II, 16). Непродолжительно время нашей жизни, незначительны средства къ спасенію. Итакъ, если даже это краткое время, данное намъ для того, чтобы научиться чему-либо полезному, мы употребимъ на то, что излишне и безполезно и вредно, то когда, наконецъ, въ нашемъ распоряженіи будетъ другое время для изученія того, что необходимо и въ чемъ настоятельная нужда? Даже еслибъ время было и продолжительно, то болѣе всего надлежало бы употреблять его всецѣло на то, что полезно; а когда оно и незначительно, и непродолжительно, то какъ же не считать дѣломъ крайняго неразумія тратить эту малость на догматы, развращающіе нашу душу? Что за нужда тебѣ въ лѣкарствѣ? Не принимай удара, не трать времени на лѣченіе того, чтó получаешь отъ другихъ и имѣешь: собирай 758
то, что здраво, изъ божественныхъ Писаній, и еслибы пришелъ кто-либо, говорящій нѣчто другое, то загради свои уши, тотчасъ поспѣшно убѣги, не замедли. И если въ томъ случаѣ, когда произошло бы скопище противъ царей, ты не рѣшился бы остаться въ мѣстѣ этого совѣщательнаго собранія, такъ какъ ты во всякомъ случаѣ подвергся бы опасности въ силу того, что слушалъ о такихъ вещахъ, хотя бы и не выразилъ своего согласія,—то въ томъ случаѣ, когда что-либо говорится противъ Бога и когда изощряется догматъ, исполненный обвиненія противъ Него, ужели ты не убѣжишь, ужели не возненавидишь богохульнаго языка, ужели не заградишь безбожныхъ устъ? И какъ ты окажешься въ состояніи съ дерзновеніемъ молиться Богу, имѣя общеніе съ распускаемыми противъ Него клеветами? Да не будетъ этого, умоляю. Это сказано мною не къ присутствующимъ,—а впрочемъ, также и къ присутствующимъ, потому что если вы и безукоризненны, но знаете, что какіе-либо люди страдаютъ этою болѣзнію, то направляйте противъ нихъ эти и другія болѣе многочисленныя слова, чтобы извлечь зло съ самымъ корнемъ. Но да будетъ по молитвамъ святыхъ и друзей Божіихъ (такъ какъ не столько имѣютъ силы наши слова, сколько ихъ молитвы), да будетъ, чтобъ всѣ мы и всѣ тѣ, кто содѣйствуетъ полнотѣ церкви, освободившись отъ этихъ золъ, съ дерзновеніемъ стали предъ престоломъ Христа, Которому—слава. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

о судьбѣ и провидѣніи.

757 ЗНАЮ, что недавно я говорилъ о судьбѣ предъ вашею любовью но ничто не препятствуетъ и сегодня заняться рѣчью о томъ же самомъ предметѣ, не потому, что болѣзнь—сильна, но потому, что беззаботность наша—невыразима и дѣлаетъ великими даже незначительныя болѣзни. Само собою ясно даже и слѣпому, что вѣрный не долженъ нуждаться ни въ словахъ, ни въ ученіи для того, чтобы избѣгать этого зла. Подобно тому какъ человѣка, живущаго въ нашей землѣ и управляющагося имѣющими у насъ мѣсто законами, и подчиненнаго однимъ и тѣмъ же царямъ, нѣтъ надобности убѣждать въ томъ, что не слѣдуетъ вводить въ нашей странѣ персидскаго государственнаго устройства, но должно только запрещать ему,—такъ, конечно, должно быть поступлено и здѣсь. Изъ грѣховъ одни имѣютъ нужду въ словѣ и ученіи, а другіе до такой степени ясны и очевидны, что могутъ быть отклоняемы страхомъ и однимъ только наказаніемъ; напримѣръ: убійство, прелюбодѣяніе, воровство не требуютъ словъ, вслѣдствіе чего именно и законодатель не создалъ ученія, говорящаго нашимъ ушамъ о томъ, что это—дѣло порочное, такъ какъ это уже прежде было извѣстно нашему разсудку, но только запретилъ: не прелюбодѣйствуй, не убей (Втор. v, 17, 18). Когда же бесѣдуетъ съ нами о презрѣніи вдовицъ и объ обманѣ относительно того, что ввѣрено на сохраненіе, то присоединяетъ и разсужденія: сжалься надъ вдовицей, говоритъ, и пришельцемъ, потому что и ты былъ пришельцемъ въ землѣ египетской (Второз. x, 18, 19). Субботу чти *покоемъ* (Исх. xx, 10; xxxi, 13, 14), говоритъ онъ,—затѣмъ приводитъ и основаніе.

Итакъ, отвращеніе отъ рока принадлежитъ къ числу не того, что требуетъ разсужденія, но того, что — ясно. Подобно тому какъ ясно, что дурно—убивать и отвратительно—прелюбодѣйствовать, такъ ясно и то, что придавать значеніе року—дурно и не-
758 дозволительно. На основаніи того, что есть довѣряющіе ему, не заключайте, что это относится къ числу незапрещенныхъ вещей, такъ какъ отваживаются и на убійство, хотя оно и воспрещено законами, также къ числу запрещенныхъ дѣяній относятся нарушенія супружеской вѣрности и грабежи, хотя и совершаются многими. А что даже по законамъ языческимъ повиновеніе инстинкту дѣторожденія принадлежитъ къ числу запрещенныхъ вещей, по-

добно убійству, ясно изъ того, что если кто-либо изъ соблудившихъ съ женою извѣстнаго лица, придя, будетъ говорить въ судѣ въ отвѣтъ на обвиненіе, что виновенъ не я, но инстинктъ дѣторожденія, такъ какъ я желалъ быть цѣломудреннымъ, а онъ меня толкнулъ и вовлекъ, то развѣ по этой причинѣ онъ не получитъ болѣе тяжкаго наказанія, какъ человѣкъ, прибѣгающій къ достойной смѣха защитѣ, развѣ онъ получитъ какое-либо снисхожденіе? Никоимъ образомъ. И однако, съ точки зрѣнія такихъ людей надлежало бы получить, потому что если все происходитъ по инстинкту дѣторожденія, а не по нашей свободной волѣ, то нѣтъ защиты больше этой. Если же наше произволеніе имѣетъ перевѣсъ и болѣе могущественно, чѣмъ инстинктъ дѣторожденія, тогда послѣдній не можетъ имѣть значенія; и даже если бы кто-либо сталъ придумывать безчисленныя основанія, что необходимо исполнять велѣнія того инстинкта, что тотъ человѣкъ неосновательно наказывается и не получаетъ себѣ снисхожденія, то никто не послушалъ бы его, не внялъ бы защитѣ и не далъ бы прощенія: въ такой степени это дѣло всѣми отвергнуто и кажется имѣющимъ значеніе басни и глупой болтовни. И многіе изъ числа начальниковъ (хотя, еслибы какимъ-либо человѣкомъ совершалось насиліе, то обвиняемому достаточно было бы того же самаго оправданія или—лучше сказать—не должно бы, кажется, остаться даже и мѣста обвиненію), многіе, говорю, изъ начальниковъ, обвиненные за несправедливыя убійства, понесли наказаніе; палачей же, служащихъ смертной казни и собственноручно совершающихъ убійство, съ самаго начала никто не привлекалъ въ судъ, даже и не разыскивалъ, такъ какъ защитою для нихъ служитъ необходимость, авторитетъ начальства и страхъ подчиненія. Затѣмъ, если прощаютъ человѣку, принуж- 759
даемому человѣкомъ соплеменнымъ и принадлежащимъ къ одному роду, то не гораздо ли болѣе должно было бы оказывать прощеніе тому, кто вынуждается судьбою? Надлежало бы бѣжать? Но, какъ говорятъ, власть судьбы въ такой степени непреодолима, что, хотя бы кто ушелъ въ пустыню, хотя бы въ море или еще куда-либо, не скроется отъ ея предначертаній. Итакъ, какъ же не безразсудно, чтобъ человѣкъ, тѣснимый насиліемъ варваровъ, легко получалъ снисхожденіе, и даже никогда не былъ обвиняемъ, а испытывающій принужденіе со стороны болѣе могущественной, какъ говорятъ, силы терпѣлъ наказаніе и ему не позволялось бы подобнымъ же образомъ защищать себя? Никто изъ ссылавшихся въ свое оправданіе на судьбу никогда не былъ оправданъ: ни злодѣи въ судилищахъ, ни слуга въ домѣ, ни дѣти въ школѣ, ни ученики въ мастерскихъ, всякій разъ какъ въ чемъ-либо они погрѣшали. Поэтому какъ же нѣкоторые уважаютъ судьбу, если

они въ то же время такъ пренебрежительно относятся къ ней и не даютъ никакого снисхожденія стоящей въ зависимости отъ нея необходимости? Такимъ образомъ искренно и въ своей совѣсти они весьма убѣдились, что дѣло это—басня. Когда же впадутъ въ тяжкія прегрѣшенія, то въ свою очередь присоединяютъ къ нимъ другой грѣхъ, чтобы этимъ путемъ ускользнуть отъ предстоящаго имъ наказанія, а не получить его въ болѣе тяжелой степени. Не такъ тягостно грѣшить, какъ тягостно послѣ грѣха не имѣть никакого стыда и изъ-за своихъ собственныхъ пороковъ клеветать на Бога. Это—хуже всякаго грѣха; о томъ, конечно, позаботился и діаволъ, чтобъ мы не только сдѣлались нерадивыми къ добродѣтели и склонными къ пороку, приписывали Богу причину всего, но чтобъ, подъ видомъ защиты, сдѣлавъ богохульными и нашу душу, и нашъ языкъ, мы обвиняли Бога и съ себя самихъ слагали обвиненіе въ совершаемомъ, перенося его на Того, Кто въ дѣйствительности не виновенъ. Однако, даже если по отношенію къ людямъ окажется кто дерзнувшій на что-либо подобное, то одного этого достаточно бываетъ для его обвиненія и гибели. Когда клевещетъ на другого человѣкъ, не совершившій ничего ужаснаго, то онъ подвергается наказанію, налагаемому на совершившихъ дерзкій поступокъ. Поэтому смотри, сколь великое зло ввелъ діаволъ чрезъ судьбу, а именно—презрѣніе добродѣтели, потому что, хотя бы душа наша была очень расположена къ усиленнымъ трудамъ для пріобрѣтенія ея, онъ ослабляетъ ее, внушивъ убѣжденіе, что никакое дѣло изъ приключаю-
760 щихся съ нами не должно быть считаемо за порокъ. Когда кто-либо признаетъ, что прелюбодѣй или убійца, также и подкапывающій стѣны не заслуживаютъ упрека, то онъ не перестанетъ, какъ бы на стремнистой мѣстности, ревностно несясь впередъ, дѣлать другихъ клеветниками на Провидѣніе, также и самъ быть клеветникомъ на Бога. Какое, скажи мнѣ, зло могло бы быть хуже этого? Посему, возлюбленные, будемъ избѣгать этого идолослуженія: истинно смерть находится въ котлѣ (4 Цар., IV, 40), и всякій, почерпнувшій отсюда хотя бы и малую какую-либо долю преисполненныхъ заразы догматовъ, необходимо умираетъ совсѣмъ, если не возвратится обратно и не отвѣдаетъ неподдѣльнаго здоровья. Итакъ, чтобы намъ послѣ этого не сѣтовать безполезно, когда въ слѣдъ за переселеніемъ отсюда будетъ пресѣчено назначенное намъ время покаянія, постараемся покаяться, пока мы остаемся въ силѣ, хоть и уловлены болѣзнію,—и вознегодуемъ на себя самихъ; а всѣ, которые здоровы, соблюдемъ свое здоровье въ неповрежденности и протянемъ руку захваченнымъ этимъ недугомъ! Если въ отношеніи къ больнымъ тѣлесно мы обнару-

живаемъ столь великую заботу и попеченіе, то, когда предъ нашими глазами—немощь душевная, что не должно быть нами сдѣлано? Чего не предпримемъ для того, чтобы вновь стяжать брата, вмѣстѣ съ нами принадлежащаго къ одному и тому же обществу членовъ и входящаго въ полноту церковнаго тѣла? Итакъ, ради этого употребимъ въ дѣло все, все совершимъ изъ-за него, отгоняя собакъ и волковъ, и не будемъ думать, что для насъ достаточно одного нашего спасенія. Подобно тому какъ сказано: *аще видѣлъ еси татя, теклъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣями участіе твое полагалъ еси* (Пс. xcix, 18), такъ точно, послушаемся и здѣсь; когда увидимъ, что кто-либо изъ нашихъ братьевъ обольщаетъ словами и наушничаетъ, то послушаемся этого. Церковь—домъ Господенъ, вѣрные—драгоцѣнные сосуды. Итакъ, когда увидишь, что кто-либо изъ внѣшнихъ желаетъ похитить какой-нибудь изъ сосудовъ, то, хотя бы самъ ты былъ неодолимъ и тебѣ не угрожала опасность, но если отнесешься съ пренебреженіемъ и не придешь сказать объ этомъ тѣмъ, кто въ состояніи исправить, то окажешься повиннымъ въ его душѣ,—ты, который видѣлъ, что воръ дѣлалъ подкопъ, и не препятствовалъ или своими силами, или съ помощію другого. Говорю это не потому, что опасность дѣйствительно повисла надъ тобою, но для того, чтобы охранить тебя, для того, чтобы склонить тебя къ одинаковой заботѣ о спасеніи — своемъ собственномъ и остальныхъ людей. При такихъ условіяхъ мы будемъ въ состояніи достигнуть и обѣщанныхъ намъ благъ, благодатію Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

о судьбѣ и провидѣніи.

ПАЯЖДЕ говоритъ *мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо* (Филипп. III, 1). Если же для Павла была нужда безпрестанно 759
наставлять учениковъ, для Павла, который училъ съ помощію благодати Духа и властно прогонялъ враговъ, а также уничтожалъ страданія всѣхъ, для Павла, окружаемаго почестями, котораго слушали всѣ, какъ бы нисшедшаго съ небесъ ангела, лучше же сказать: какъ бы самого Христа,—итакъ, если для того была нужда безпрерывно говорить одно и то же, то гораздо болѣе—для насъ, которые не имѣемъ никакой цѣны. И дѣйствительно, назидательно для васъ часто слушать объ одномъ и томъ же, и не только объ одномъ и томъ же, но и одно и то же объ одномъ и

томъ же. Слѣдовательно, никто пусть не негодуетъ, и пусть не
760 думаетъ, что онъ отягощается съ нашей стороны, если мы намѣрены объ одномъ и томъ же предметѣ опять говорить одно и то же. Еслибы даже можно было уповать, что, однажды услышавъ это, вы удалите отъ себя болѣзнь души, то и при такихъ обстоятельствахъ не слѣдовало бы отступить, но еще надлежало бы говорить объ одномъ и томъ же для того, чтобъ сдѣлать ваше здоровье прочнымъ и крѣпкимъ и васъ необоримыми, такъ чтобы вы не впали снова въ тѣ же самыя дѣла. А такъ какъ мы подозрѣваемъ, что у слушателей сохраняются еще нѣкоторые остатки зла, то необходимо и согласно съ разумомъ наше непрерывное относительно этихъ предметовъ наставленіе. И сегодня необходимо сказать, какъ мы могли бы избѣжать того. Итакъ, какимъ образомъ мы могли бы избѣгнуть? Во-первыхъ, съ помощію молитвъ и бесѣды съ Богомъ, во-вторыхъ же, съ помощію благочестивыхъ
761 размышленій. Если ты увидишь, что́ будетъ и что есть въ настоящее время, и относительно того и другого произнесешь правильный приговоръ, то это зло никогда не коснется твоей души. Итакъ, когда увидишь, что кто-либо богатъ не по достоинству, то не ублажай, не подумай, что онъ достоинъ соревнованія, не осуди провидѣнія Божія, не думай, что настоящія дѣла движутся безразсудно и случайно, потому что такой-то обогащается не по заслугамъ. Вспомни о Лазарѣ и богатомъ (Лук. XVI), какъ одинъ достигъ до вершины изобилія и роскоши, хотя былъ и жестокъ, и безчеловѣченъ, и болѣе дикъ, чѣмъ даже собаки: дѣйствительно, если эти имѣли состраданіе къ бѣдному и служили, не боясь касаться своимъ языкомъ ранъ, которыя были распространены по всему тѣлу, то тотъ не удѣлялъ ему даже и крошекъ. Поразмысли же, какъ онъ достигъ до вершины изобилія, а тотъ бѣднякъ, хотя въ дѣйствительности богатѣвшій и преизбыточествовавшій, впалъ въ самую крайнюю бѣдность и имѣлъ недостатокъ даже въ необходимой пищѣ, борясь и съ болѣзнію и съ постояннымъ голодомъ. И одинъ имѣлъ меньше, нежели въ чемъ нуждался, а другой изобиловалъ богатствомъ свыше мѣры. Но, однако, тотъ не изъявлялъ негодованія, не произнесъ нечестиваго слова, не обвинилъ Бога, не порицалъ Провидѣнія, не приписалъ случившагося судьбѣ, не сказалъ кому-либо, а даже не сказалъ и себѣ самому: „я, который не сдѣлалъ ничего худого даже и по виду, терплю столь великое наказаніе и переношу крайнее мученіе, изнуряемый голодомъ, истощаемый самою тяжкою болѣзнію, понемногу умерщвляемый и обезображиваемый, а этотъ обогащается и роскошествуетъ, живя несчастіями другихъ, глумясь надъ моими бѣдствіями; и этого безчеловѣчнаго и незнакомаго съ состраданіемъ,

свирѣпаго и жестокосердаго Богъ сдѣлалъ господиномъ столь великихъ сокровищъ, а меня, который не раздражилъ Его даже и малѣйшимъ словомъ, оставилъ на терзанія столь великими бѣдствіями. Какъ это достойно правосудія? Какъ достойно это Промысла и попеченія о насъ?“ Ничего такого онъ не сказалъ. Поэтому, какъ же не нелѣпо, когда тѣ самые, которые испытываютъ бѣдствія, такъ благословляютъ Господа во всемъ, — ты, стоящій внѣ борьбы, злословишь Бога за то, за что другіе настроены благодарно? Тотъ, кто испытываетъ несчастіе, даже если и скажетъ какое-либо грубое и непріятное слово, получаетъ снисхожденіе, хотя и не столь великое, какое — другой, но, по крайней мѣрѣ, очень малое; а тотъ, кто находится внѣ несчастій и губитъ свою душу ради другихъ вещей, какого могъ бы быть достоинъ снисхожденія, если злословитъ Бога за то, за что человѣкъ, потерпѣвшій бѣдствіе, благодаритъ и никогда не перестаетъ прославлять Его? Когда увидишь, что праведникъ терпитъ несчастія, то вспомни вотъ этотъ примѣръ; ты не могъ бы теперь назвать мнѣ кого-либо, болѣе праведнаго, чѣмъ тотъ человѣкъ, какъ это ясно изъ его терпѣнія, ясно изъ наградъ за его подвиги, изъ того, что онъ получилъ въ удѣлъ первое мѣсто упокоенія, удостоившись чести вмѣстѣ съ патріархомъ Авраамомъ; ты не могъ бы указать кого-либо, испытавшаго бóльшія несчастія, ни такого, кто былъ бы столь пренебреженъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ты скажешь, когда онъ не могъ насыщаться даже падавшими со стола крошками? Итакъ, когда ты видѣлъ самую крайнюю порочность,—а что̀ безчеловѣчнѣе того, кто не обращалъ вниманія на человѣка, находившагося въ столь великомъ несчастіи? Какой порокъ ты назвалъ бы, который не былъ бы соединенъ съ этимъ? Притомъ, что̀ могло бы быть изобильнѣе той трапезы и одѣянія, покрывавшаго самую крайнюю роскошь и счастіе? Опять, когда
ты увидишь высочайшую праведность,—а что̀ могло бы быть бого- 763
любезнѣе души, терпящей таковое и благородно переносящей самое крайнее бѣдствіе? Что̀ могло бы быть тягостнѣе голода и болѣзни столь неизлѣчимой? Послѣ всего этого, какое для тебя, скажи мнѣ, снисхожденіе, если соблазняешься въ остальномъ? Развѣ дѣла не ограничены предѣлами настоящей жизни?

Подожди конца, и тогда ты увидишь воздаяніе, сообразное съ достоинствомъ жизни каждаго; не приходи въ смущеніе прежде наградъ, прежде вѣнцовъ. Итакъ, когда увидишь обоихъ вошедшими въ судилище и выслушавшими приговоръ, тогда и самъ произнеси сужденіе о каждомъ. Сколь многіе теперь подстерегаютъ на дорогахъ, сколь многіе подкапываютъ стѣны, сколь многіе разрываютъ могилы умершихъ, сколь многіе злоумышляли противъ чужихъ

браковъ, сколь многіе погубили многихъ при посредствѣ губительныхъ ядовъ? Развѣ за это мы обвиняемъ судью? Никоимъ образомъ. Если бы онъ, захвативъ ихъ для произнесенія приговора, отпустилъ,—и человѣка, потерпѣвшаго зло, наказалъ, а нанесшаго почтилъ и, увѣнчавъ его, освободилъ,—то онъ поистинѣ былъ бы достоинъ обвиненія и самыхъ крайнихъ упрековъ; когда же они еще не преданы и не настало время приговора, и онъ еще не требуетъ судебныхъ разысканій, то зачѣмъ ты преждевременно осуждаешь? Но надлежало бы, скажешь, уже здѣсь воздать наказаніе за грѣхи. Поразмысли, человѣкъ, о той жизни, которую ты провелъ самъ, войди въ свою совѣсть, и ты перемѣнишь мнѣніе; не будешь хвалить этого приговора, но прославишь человѣколюбиваго Бога за долготерпѣніе. Если бы каждаго надлежало привлекать въ судъ для наказанія за погрѣшности одновременно съ совершеніемъ самыхъ грѣховъ, то родъ нашъ, давно исторгнутый, не дожилъ бы до настоящаго времени. *Кто бо похвалится чисто имѣти сердце или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. xx, 9)? Но, когда скорбишь изъ-за долготерпѣнія Божія, то съ тщательностію исчисляй допущенные тобою грѣхи, и будешь благодаренъ за то терпѣніе, придя въ изумленіе предъ Его незлобіемъ. Ты смущаешься и сѣтуешь и все наполняешь уныніемъ, потому что такой-то обогащается не по заслугамъ и пользуется услугами со стороны большинства; потомъ ты не слышишь, что̀ говоритъ псалмопѣвецъ: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, яко внегда умрети ему, не возметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Псал. XLVIII, 17, 18)? Развѣ ты не слышишь, что пророкъ великимъ гласомъ взываетъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Иса. XL, 6)? Развѣ не видишь, что сама истина дѣлъ свидѣтельствуетъ согласно съ изреченіями пророковъ? Развѣ не видишь, что опытъ и конецъ жизни подтверждаютъ собою сказанное: *внегда умрети ему, не возметъ вся?* Послушай Іова, говорящаго то же самое: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере, нагъ и отъиду* (Іов. I, 21), *яко внегда умрети ему, не возметъ вся* (Псал. XLVIII, 18). Послушай Павла, любомудрствующаго такъ же: *ничтоже внесохомъ въ міръ: явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7). А ты ублажаешь человѣка, который не можетъ отсюда вынести ничего такого, что должно помочь ему тамъ въ день суда. И какой другой предѣлъ несчастнѣе, какое иное состояніе жальче, скажи мнѣ, нежели то, когда человѣкъ, жившій въ большой роскоши, уходитъ отсюда съ наибольшимъ безчестіемъ? Ты же, еслибы увидѣлъ на площади кого-либо владѣющаго могуществомъ и высокомѣрнаго, пользующагося большою честью въ чужой странѣ, имѣющаго тунеядцевъ и льстецовъ,

но по возвращеніи въ отечество лишеннаго возможности взять что-нибудь изъ этого, нагого, неуважаемаго, болѣе нуждающагося, чѣмъ нищіе, и представляющагося болѣе ихъ презрѣннымъ, — то развѣ сталъ бы считать его достойнымъ соревнованія, наоборотъ— по этой причинѣ не счелъ ли бы ты его скорѣе достойнымъ сожалѣнія и не назвалъ ли бы несчастнымъ? Это дѣлай и въ отно- 763
шеніи къ богатымъ. Но есть нѣкоторые люди, которые,—мы употребимъ въ дѣло эти слова философіи, — будучи подчиненными власти своего чрева наподобіе свиней и козловъ и рабами настоящихъ обстоятельствъ, думаютъ, что послѣ переселенія отсюда ничего не остается; другіе же, хотя полагаютъ, что нѣчто остается, но предпочитаютъ настоящее будущему. Итакъ, противъ тѣхъ, которые думаютъ, что ничего не остается, но что уничтожившаяся наша душа не являетъ никакого разума, и полагаютъ, что она не подвергается наказанію, можетъ быть, даже смѣшно и возражать, какъ противъ безумныхъ и сумасшедшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы кто во время дня сталъ сомнѣваться въ томъ, что на-лицо— день, и подвергалъ сомнѣнію то, что̀ признается всѣми, то не стоило бы и убѣждать таковаго словомъ и приводить его къ (должному) мнѣнію. Но, однакожъ, ради вашей любви побесѣдуемъ и съ нимъ, какъ дастъ это Божія благодать. Что говоришь, человѣкъ, полагая, что послѣ этой жизни нѣтъ ничего? Но необходимо сказать, какимъ образомъ человѣка, однажды совратившагося съ пути истины, діаволъ предаетъ, какъ бы цѣпи какихъ-то золъ, все болѣе и болѣе злочестивому мнѣнію. Смотри же: онъ убѣдилъ пренебречь цѣломудріемъ, справедливостью, и иною добродѣтелью, сдѣлалъ дурными въ жизни, наконецъ, свыкшимися со злою совѣстію и старающимися перенести на другихъ наказаніе за допущенные ими грѣхи, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало бы раскаяваться въ порокѣ. Этого они не сдѣлали, но измыслили догматъ негодный и преисполненный безчисленныхъ золъ, догматъ касательно судьбы. Затѣмъ, опять опровергаемые на счетъ этого и принуждаемые допустить, что настоящее — ничто, они ниспровергаютъ будущее и упраздняютъ слово о воскресеніи. Даже если опять опровергнемъ и это, то они беззаконствуютъ, впавъ въ другое ученіе. Мы, однакожъ, опровергнемъ то, что подъ рукою. Ужели, человѣкъ, нѣтъ ничего послѣ этой жизни, и ужели ты стоишь на сторонѣ этихъ догматовъ? Таковое пустословили язычники, однакожъ, не воспротивились истинѣ того догмата. Но, даже если ты и согласишься съ ними, все-таки они допустили нѣкоторую жизнь послѣ этой, также и судебныя разысканія и судилища въ аду, и наказанія, и почести, и рѣшенія, и приговоры. Даже если ты спросишь іудеевъ, даже еретиковъ, даже какого бы то ни было человѣка, онъ усты-

дится предъ истиной того догмата, и хотя бы въ другихъ отношеніяхъ они были различныхъ мнѣній, но въ этомъ всѣ согласны и говорятъ, что за случившееся здѣсь тамъ требуются отчеты. Но ты не хочешь довѣрять ничему изъ этого, а однажды отдавшись заблужденію, ведешь себя безстыдно. Итакъ, ради тѣхъ, которые еще живутъ трезво, необходимо повести рѣчь объ этомъ. Тому, кто признаетъ, что послѣ этой жизни нѣтъ ничего, необходимо признать, что нѣтъ и Бога. Видишь, что̀ именно я сказалъ: что къ числу болѣе дурныхъ принадлежатъ всегда тѣ догматы, которые слѣдуютъ за первыми, смѣняютъ ихъ собою? Если нѣтъ тамъ послѣ этой жизни ничего, то нѣтъ и Бога. Если есть Богъ, то онъ праведенъ; если же праведенъ, то воздаетъ каждому то, что слѣдуетъ по достоинству; если же послѣ этой жизни нѣтъ ничего, то гдѣ каждый получитъ сообразно со своими заслугами? Обрати вниманіе: многіе, какъ и сами они напередъ согласились, благоденствуютъ здѣсь и пользуются почестями не по достоинству, другіе же, живущіе согласно съ правдою, наказываются. Посему, если нѣтъ никакого времени послѣ этой жизни, то праведные умрутъ потерпѣвшими несправедливость, а неправедные—не по заслугамъ благоденствовавшими; если же дѣло будетъ обстоять такимъ образомъ, то какъ могла бы существовать справедливость? Необходимо, чтобъ было какое-либо время послѣ этой жизни, когда каждому воздавалось бы по заслугамъ, потому что здѣсь мы не находимъ
764 этого. Если же нѣтъ времени, то какимъ образомъ каждый получитъ то, что слѣдуетъ по достоинству? А если никто не получаетъ слѣдующаго по заслугамъ, то и Богъ въ отношеніи къ тебѣ несправедливъ; если же Богъ несправедливъ, то Онъ не могъ бы быть и Богомъ. Богохульство же да обратится на голову тѣхъ, кто вынуждаетъ насъ къ этому! Смотрите, до какого богохульства дошла эта рѣчь. Но, что Богъ существуетъ, объ этомъ вопіютъ самыя дѣла; Онъ также и справедливъ; если же справедливъ, то воздаетъ каждому слѣдуемое по заслугамъ; а если воздаетъ всякому сообразно съ его достоинствомъ, то необходимо, чтобъ послѣ этой жизни было нѣкоторое время, въ которое каждый получитъ согласно съ его заслугами, и получитъ наказаніе, и будетъ почтенъ за свои хорошіе поступки. Придемъ въ себя, возлюбленные: нѣкоторые вѣдь живутъ въ невѣдѣніи Бога; придемъ въ себя, будемъ бодрствовать! Ты согрѣшилъ,—не присоедини еще грѣха; ты согрѣшилъ,—успокойся. Ты согрѣшилъ,—не свяжи своихъ грѣховъ дважды. Мы же связываемъ трижды и четырежды, внося въ наши души бремя таковыхъ догматовъ. Ты согрѣшилъ,—познай Владыку, сострадательнаго, человѣколюбиваго, благаго, врача, снисходительнаго, легко умолимаго, умилостивимаго. Развѣ ты не слышалъ, что

нѣкто, истративъ весьма большое число талантовъ (Матѳ. XVIII, 24) и погубивъ и уничтоживъ все господское имущество, когда былъ готовъ продать какъ свою жену, такъ и своихъ дѣтей, нашелъ избавленіе и прощеніе всего того долга, послѣ того какъ только пролилъ слезы, послѣ того какъ только коснулся ногъ господина? Если же ты сталъ бы говорить, что послѣдній вслѣдъ за этимъ предалъ его истязателямъ, то знающіе эту исторію знаютъ и причину; тутъ рѣчь идетъ объ иномъ планѣ человѣколюбія. И тогда господинъ, сжалившись, отпустилъ его, и снова сжалившись надъ нимъ, ввергъ его въ темницу: подобно тому какъ тогда поступилъ, помогая этому, такъ и теперь, помогая тому, требовалъ долгъ, для того чтобъ этого научить не быть жестокимъ, ни безчеловѣчнымъ, а того чтобъ освободить отъ насилія и безчеловѣчія другого. Смотрите, возлюбленные; въ то время, какъ я говорилъ, въ меня вошла эта прекрасная мысль, какимъ образомъ не только корыстолюбіе и хищеніе, но также и недостатокъ состраданія приготовляетъ намъ геенну. Этотъ былъ преданъ мучителямъ не послѣ того, какъ несправедливо взялъ чужое, а послѣ того какъ безчеловѣчно потребовалъ принадлежавшее ему самому. Именно сказано, что тотъ былъ долженъ; но, хотя тотъ былъ долженъ, также и на тебѣ лежалъ тотъ же самый долгъ, и въ томъ и другомъ случаяхъ надлежало, чтобъ сохранялось одно и то же равенство. Посему тебѣ онъ отпустилъ, дабы показать тебѣ свое человѣколюбіе, сдѣлать тебя подражателемъ Господней кротости. А послѣ того какъ, получивъ благодѣяніе, ты не сдѣлался лучшимъ, то исправляетъ тебя другимъ образомъ, при посредствѣ наказанія, при посредствѣ истязанія, такъ что и это—видъ благодѣянія. Онъ предалъ мучителямъ, чтобы, подобно тому какъ поступаетъ прекрасный врачъ, вырвать изъ души порокъ. Ты не поддался пріятному лѣкарству, для тебя нужно, наконецъ, желѣзо и огонь. Тотъ, кто простилъ великое множество талантовъ, зналъ, что ты жестокъ и безчеловѣченъ, но Онъ ожидалъ, что оправдаетъ себя предъ тобою исходомъ дѣлъ, а это Онъ часто дѣлаетъ, зная, что поступаетъ справедливо. Послѣ того, какъ оправдалъ Себя предъ тобою, Онъ дѣлаетъ это. Такъ Онъ поступилъ и въ отношеніи къ жителямъ Содома: не прямо послалъ огонь и не исторгнулъ тѣхъ городовъ, но что? *Вопль содомскій и гоморрскій* (Быт. XVIII, 20), и не это только, но—*сошедъ узрю* (— 21). И не остановился даже и здѣсь, но послалъ ангеловъ, показывающихъ тебѣ порочность обитателей города, чтобы никто даже изъ безстыдныхъ лю- 765
дей не могъ злословить Бога за то, что надлежало погибнуть людямъ негостепріимнымъ, безчеловѣчнымъ, беззаконнымъ и незнавшимъ законныхъ требованій справедливости, ниспровергшимъ

общіе законы природы и преисполненнымъ порока. Что можетъ быть равно столь человѣколюбивому и кроткому Богу? Мы, наказывая, часто не находимъ нужнымъ говорить о причинахъ; а Онъ, если прежде не научилъ тебя, если прежде не убѣдилъ тебя и не получилъ съ твоей стороны приговора, что Онъ справедливо наводитъ наказаніе, то не наказываетъ тѣхъ, которые давно были достойны наказанія и мученія, и многократно готовъ давать тебѣ отчеты и вступаетъ съ тобою въ судъ, и не отказывается отъ судебнаго состязанія. Видишь, что пророки преисполнены этихъ рѣчей: всюду — суды Божіи съ людьми. И часто поступившихъ несправедливо — самихъ призываетъ въ судьи, а часто призываетъ для произнесенія приговора и тварь, показывая этимъ, что приговоры дѣлаются открыто для всѣхъ сторонъ: Богъ не отказывается призывать къ произнесенію судебнаго приговора ни самого противника, ни даже безчувственную тварь, что̀ именно и мы имѣемъ обыкновеніе дѣлать, когда увѣрены въ
766 своихъ собственныхъ правахъ. *Слышите*, долины, *основанія земли, яко судъ* у Господа (Мих. VI, 2); и опять: *слыши, небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола* (Иса. I, 2). Часто же обращается и къ самимъ тѣмъ виновнымъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ или чимъ оскорбихъ васъ* (Мих. VI, 3)? И Іеремія: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ прегрѣшеніе* (Ерем. II, 5)? Дѣлаетъ же это Онъ не по отношенію къ городамъ и народамъ только, но часто и по отношенію къ одному человѣку. Онъ судится чрезъ посредство пророка съ Давидомъ; и предъ Іоною, отказывавшимся возвѣстить ниневитянамъ, защищается чрезъ посредство тыквы: если ты пожалѣлъ о тыквѣ, то *Азъ же не пощажду ли Ниневіи* (Іон. IV, 10, 11)? И ты найдешь, что Писанія преисполнены многими такого рода мѣстами. Итакъ, зная это, будемъ покланяться Ему, удивляться, почитать Его, какъ то для насъ возможно, потому что невозможно въ той степени, въ какой достойно. Позаботимся о настоящей жизни и будемъ вѣрить, что Богъ надзираетъ и что всѣмъ управляетъ Промыслъ, и послѣ всего этого есть возможность, переселившись отсюда, получить обѣщанныя блага, которыя, о, еслибы удалось стяжать всѣмъ намъ, по благодати Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ

о судьбѣ и провидѣніи.

Поистинѣ, возлюбленный, нѣтъ ни одного столь порочнаго 765
и преисполненнаго неисцѣлимой гнилости ученія, какъ ученіе о судьбѣ и рокѣ. Помимо того, что оно влагаетъ въ души совращенныхъ богохульное, нечестивое и гибельное мнѣніе и убѣждаетъ говорить о Богѣ то, чего никто не сказалъ бы даже о демонахъ, оно также разрушительно вліяетъ на нашу жизнь, все наполняетъ безпокойствомъ и большимъ смятеніемъ; и то, чтó введено Богомъ и природой, чрезъ пророковъ и святыхъ мужей для наученія и исправленія, оно ниспровергаетъ и разрушаетъ и доказываетъ, что это—безполезно. И дѣлаетъ то же самое, какъ еслибы кто-либо сталъ убѣждать заболѣвшее и нуждающееся въ лѣкарствахъ тѣло, — когда на-лицо находятся врачи и приготовляютъ врачество,—не пользоваться ничѣмъ изъ этого и не отстранять отъ себя болѣзнь, но, предавшись безпечности и легкомыслію, ожидать самой жалкой гибели. Или не это говоритъ судьба? Никто пусть не увѣщеваетъ ни къ чему полезному, никто пусть не слушаетъ другого, который увѣщеваетъ; напрасно существуютъ законы и судьи, напрасно—порицанія и наставленія, напрасно—страхъ наказанія, напрасно—почести и почетные дары, также и награды за подвиги тѣмъ, кто хорошо поступаетъ! Если ты проявишь заботливость, не будетъ отюда никакой пользы, и если ты будешь нерадивъ, не произойдетъ никакого вреда. Будучи дитятей, никто пусть не ходитъ въ училище, ставъ мужемъ, никто пусть не слушаетъ законовъ, пусть не обращаетъ вниманія на совѣты и полезныя вразумленія! Что будетъ въ состояніи принести трудъ? Подобно тому какъ ненагруженный и оставленный корабельщиками и кормчими корабль, такъ пусть стремится человѣкъ, передавъ кормило ума порыву бури! Желаешь, скажи мнѣ, чтобъ мы послушались, и не стали дѣлать ничего для спасенія нашей жизни? На нѣкоторое время оставимъ то, что касается души, въ сторонѣ, и побесѣдуемъ относительно обстоятельствъ настоящей жизни. Повѣримъ ли судьбѣ, говорящей такъ, и не будемъ ли ни слугъ, допускающихъ проступки, наказывать, ни тѣхъ, которые заражены распутствомъ, обращать на путь истинный, ни поступающихъ несправедливо приводить въ судъ, ни слушаться законовъ? Желалъ бы я, чтобъ это случилось хотя на короткое время, дабы на дѣлѣ вы имѣли возможность понять эту 766

губительную и вредную учительницу золъ. Если всячески необходимо, чтобъ произошло то, что определено судьбою, какъ въ томъ случаѣ, когда мы ревностно занимаемся чѣмъ-либо, такъ и въ томъ, когда мы спимъ, то никакой земледѣлецъ пусть не запрягаетъ воловъ и пусть не влечетъ плуга, и пусть не прорѣзываетъ бороздь, и пусть не бросаетъ сѣмянъ, и пусть не выжидаетъ удобнаго времени года, и пусть не терпитъ стужи и продолжительнаго дождя, и несчастія, и трудовъ въ теченіе временъ года, — пусть не точитъ серпа и пусть не жнетъ посѣяннаго хлѣба, пусть не растираетъ колосьевъ, пусть не насаждаетъ и пусть не ухаживаетъ за растеніями,—отбросивъ совершенно всякую заботу о земледѣліи, пусть сидитъ дома и пусть спитъ все время: если все несомнѣнно назначено ему судьбою и опредѣлено Парками, то блага придутъ въ домъ сами собою; если же Клоѳо [1] повернетъ веретено въ противоположную сторону, то, хотя бы онъ трудился безконечно, не будетъ для него никакого предѣла трудовъ и усилій. Итакъ, почему вы не увѣщеваете дѣлать это, если только дѣйствительно вѣрите судьбѣ? Почему не совѣтуете, чтобы на самомъ дѣлѣ узнали то прекрасное, что обусловливается судьбою? Желаешь ли показать мнѣ, что̀ въ дѣйствительности предопредѣлено судьбою? Прекрати земледѣліе, упраздни мореходство, изгони всѣ житейскія искусства, и ни домостроитель, ни мѣдникъ, ни ткачъ, ни другой кто изъ приносящихъ пользу для нашей жизни пусть не заботится о своемъ искусствѣ, и тогда ты увидишь прекрасно, какова награда со стороны судьбы, тогда прекрасно испытаешь ее, тогда увидишь неизмѣнность ея. И зачѣмъ я говорю объ искусствахъ, которыя поддерживаютъ нашу жизнь? Пусть остаются искусства, и не упраздняй даже и одного, но въ то время, какъ всѣ они остаются на свойственномъ имъ мѣстѣ, каждый въ отдѣльности пусть нисколько не заботится о своихъ дѣлахъ и пусть не печется о томъ, что̀ относится къ его дому, но пусть ввѣритъ управленіе всѣми своими дѣлами судьбѣ, и тогда узнаетъ пользу отъ нея, когда, подвергая его мученіямъ и бичеваніямъ, будутъ требовать отъ него податей; а онъ, не имѣя ихъ, убѣжитъ подъ защиту той, но никто не обратитъ на него вниманія. До какого времени намъ быть дѣтьми по уму?
767 Доколѣ мы не перестанемъ пустословить? Доколѣ мы не познаемъ общаго Владыки? Если судьба дѣлаетъ дурными и хорошими, то зачѣмъ ты даешь совѣты дитяти, зачѣмъ вразумляешь? Все—безъ пользы и напрасно. Если она дѣлаетъ богатыми и бѣдными, то

---

[1] Одна изъ Паркъ, прявшихъ, по представленію языч. миѳологіи, нить человѣческой жизни.

не посылай въ училища, не доставляй денегъ, не дѣлай ничего могущаго увеличить для него имущество, но дѣла его поручи судьбѣ. Однакожъ ты не отваживаешься на это. Видишь ли, какъ совсѣмъ не вѣря силѣ ея въ меньшихъ дѣлахъ, довѣряешь ей въ бóльшихъ? Если дѣйствительно судьба существуетъ, то позволь дитяти и вступать въ сношенія съ дурными людьми, и развращаться вмѣстѣ съ развращенными: всячески, если это опредѣлено ему судьбою и назначено Парками, то будетъ полезно и для тебя. Дѣйствительно, говорятъ, дѣйствительно существуетъ судьба. Тогда зачѣмъ же доставляешь хлопоты и себѣ самому, и другому? И для чего я говорю относительно дѣтей, когда ты не отважишься дѣлать этого, во всякомъ случаѣ, даже и въ отношеніи къ слугамъ, но и угрожаешь, и стращаешь, и употребляешь всякіе способы, чтобы слуга у тебя сдѣлался прекраснымъ, и не полагаешься на рокъ? Почему же наказываешь, если онъ сдѣлался дурнымъ? Вѣдь произошелъ грѣхъ не отъ него, а отъ рока, который его толкалъ. Почему же хвалишь его, если онъ сдѣлался прекраснымъ? Вѣдь не его—добродѣтель, а роковая. Лучше же сказать: никто не будетъ ни прекраснымъ, ни худымъ. Человѣкъ, не дѣлающій ни того, ни другого по собственному побужденію, но получающій принужденіе отъвнуду, не будетъ ни этимъ, ни тѣмъ. Итакъ, почему же мы хвалимъ мужей? За что же порицаемъ? За что проклинаемъ, за что ублажаемъ другихъ? Видишь, до какой нелѣпости довело насъ слово о судьбѣ? Никто не цѣломудренъ, никто не распутенъ, никто не корыстолюбивъ, никто не справедливъ; и добродѣтель, и порокъ упразднены, и напрасно мы введены въ эту настоящую жизнь, лучше же сказать: не напрасно, а даже—на несчастіе. И какъ не нелѣпо быть толкаему въ грѣхъ принужденіемъ рока, а съ другой стороны, терпѣть крайнее наказаніе подъ его же воздѣйствіемъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться сожалѣніемъ и состраданіемъ, — подвергаться ненависти и наказанію, вмѣсто того, чтобы пользоваться почтеніемъ? Того, кто терпитъ несправедливость и пострадалъ отъ насилія, слѣдуетъ не наказанію подвергать, а окружать почестями; а мы и терпимъ несправедливость, и переносимъ наказаніе. Что могло бы быть неразумнѣе этого: за то, что тяжко страдаемъ, ввергнутые въ грѣхъ, за это терпѣть и наказаніе? Судьба сотворила человѣкоубійцу, и беретъ жизнь за то, что человѣкъ повиновался ей: какой догматъ могъ бы быть пагубнѣе этого? Это похоже на то, какъ если бы кто, столкнувъ въ пропасть и овладѣвъ свергнутымъ, снова домогался наказанія его за это; или—какъ еслибы кто, предавъ когонибудь безчеловѣчной госпожѣ на изувѣченіе и въ жертву безчисленнымъ бѣдствіямъ, потребовалъ наказанія преданнаго чело-

вѣка за его рабство и плѣнъ. Скажи мнѣ: развѣ что-нибудь могло бы быть неразумнѣе этого или—болѣе несчастно, чѣмъ этого рода люди? Если же это такъ, если даже враги и непріятели знаютъ о снисхожденіи къ своимъ врагамъ, когда тѣ совершаютъ что-либо тягостное для нихъ недоброврольно и не по желанію; а судьба не будетъ знать снисхожденія къ тѣмъ, кто ей послушенъ и во всемъ повинуется, лучше же сказать, къ тѣмъ, которые подчинены ея принудительной силѣ, но за то, что̀ принудила ихъ совершить, за это самое требуетъ ихъ къ наказанію; то, скажи мнѣ, какое смятеніе,
768 какой лабиринтъ, какой ураганъ будетъ изображеніемъ этого смѣшенія? Мнѣ недостаточно было одного вида несправедливости, что именно, ни въ чемъ не согрѣшивъ, я ввер женъ въ грѣхъ, и что другой, ни въ чемъ не поступивъ добродѣтельно, становится добродѣтельнымъ и наслаждается почестью; недостаточно одной только той несправедливости, что судьба безразсудно и неразумно сдѣлала какъ меня дурнымъ, такъ его прекраснымъ,—но она присоединяетъ и другую и не подражаетъ человѣческому правосудію; между тѣмъ какъ люди столь человѣколюбивы и кротки, что различаютъ невольное отъ добровольнаго, эта, управляющая человѣческими дѣлами, какая-то Эриннія [1]) и злой демонъ, все такимъ образомъ смѣшиваетъ. Итакъ, если нѣтъ Бога, Который имѣетъ наблюденіе надъ этимъ, то данное мнѣніе изобличается съ другой стороны. Невозможно, чтобъ при столь великомъ благоустройствѣ не было Провидѣнія. Кромѣ того, если нѣтъ Бога, то какимъ образомъ вообще это приведено въ порядокъ? Если же существуетъ, то какъ Онъ не имѣетъ попеченія объ этомъ? Если самъ Онъ сотворилъ, то обрати вниманіе на нечестіе и на преизбытокъ богохульства; если же не сотворилъ, и если не имѣетъ попеченія о происшедшемъ, то опять—не меньшее прежняго обвиненіе. Видишь, какъ отовсюду стѣсняется діаволъ, склоняющій людей къ неистовству противъ Владыки? Ты желаешь меня убѣдить, что вѣришь судьбѣ и что она, по твоему мнѣнію, есть значительный догматъ? Не обвиняй прелюбодѣйствующую женщину, не преисполняйся гнѣвомъ, не приводи прелюбодѣя въ судилище къ судьѣ. Если увидишь, что подкапывается стѣна, то не захватывай того, кто подкапываетъ, и не домогайся наказанія его, потому что онъ сдѣлалъ это недобровольно, какъ самъ же ты утверждаешь. Пренебреги всѣми твоими дѣлами, потому что во всякомъ случаѣ тебя постигнетъ то, что опредѣлено судьбою; брось золото, сколько ни имѣешь его; пренебреги домами, торжищами, рабами, потому что твоя беззаботность не принесетъ никакого вреда беззаботности

[1]) Фурія, мстящая богиня, по греко-римской миѳологіи.

судьбы. Но ты не отважишься ни на что такое, такъ какъ убѣдился на дѣлѣ въ томъ, что нужно осудить догматы о судьбѣ. Итакъ, почему, всюду осудивъ ее, прикрываешь себя ею въ грѣхахъ? Видишь, что этотъ догматъ внесенъ не откуда-нибудь, какъ только со стороны беззаботности и нерадѣнія и ослабленія силъ въ отношеніи къ самымъ трудамъ, предпринимаемымъ для снискапія добродѣтели. Если есть рокъ, то нѣтъ суда; если есть рокъ, то нѣтъ вѣры; если есть рокъ, то Бога нѣтъ; если есть рокъ, то нѣтъ добродѣтели, нѣтъ порока; если есть рокъ, то все напрасно, все безъ пользы и дѣлаемъ, и терпимъ; нѣтъ похвалы, нѣтъ порицанія, нѣтъ стыда, нѣтъ позора, нѣтъ законовъ, нѣтъ судилищъ. Итакъ, откуда такой-то обогащается,—говорятъ,—откуда другой пребываетъ въ бѣдности? Въ особенности, если мы даже не знаемъ причинъ этого, то намъ надлежало бы оставаться при незнаніи, а не воспринимать другого негоднаго догмата. Лучше хорошо незнать, чѣмъ худо знать, потому что одно свободно отъ вины, а другое лишено снисхожденія. Но, кромѣ того, по благодати Божіей, и теперь намъ ясно стало, откуда одинъ—богатъ, а другой перебываетъ въ бѣдности? Именно, потому тотъ богатъ, что или получилъ отеческое наслѣдство, или прибѣгалъ къ морскому путешествію и мелочной торговлѣ, или похитилъ и отнялъ силою принадлежащее другимъ, или заключилъ богатый бракъ, или занимался земледѣліемъ, или искусствомъ, или чѣмъ-либо другимъ въ такомъ же родѣ. И много способовъ обогащенія: одни праведные, другіе неправедные. Такимъ же, конечно, образомъ объясняется происхожденіе и бѣдности: сдѣлался кто-либо жертвою клеветы или ябеды, или чьего-нибудь корыстолюбія, или своей расточительности, или сжился съ лѣностью, или впалъ въ безуміе, или обѣднѣлъ какимъ-нибудь другимъ образомъ, потому что — много способовъ для того, чтобъ сдѣлаться бѣднымъ. А почему, говорятъ, такой-то, содержа блудницъ и тунеядцевъ, и льстецовъ, и при- 769
нося вредъ дѣламъ постороннихъ, и проводя изнѣженную и разнузданную жизнь, имѣетъ богатства, которыя притекаютъ къ нему какъ бы изъ источниковъ; другой же, проводящій въ свою жизнь милосердіе и цѣломудріе, и справедливость, и остальныя добродѣтели, не имѣетъ даже и необходимаго пропитанія? Потому что одинъ—хорошъ и избираетъ себѣ соединенную съ трудомъ добродѣтельную жизнь, а другой—порочень и воспринялъ роскошный и разнузданный путь грѣха? Итакъ, для чего же злой обогащается, а добродѣтельный бѣденъ? Для того, чтобы и этотъ получилъ большій вѣнецъ, если останется на своемъ посту и проявитъ терпѣливость, и тотъ — большее наказаніе и мученіе, если не перемѣнится и не сдѣлается лучшимъ и не познаетъ Владыку

своего. Послабленія, даваемыя со стороны Бога, болѣе отягчаютъ
тѣхъ, которые остаются злыми, и изобиліе, даваемое Имъ тѣмъ, кто
не пользуется этимъ, какъ должно, дѣлается умноженіемъ вины. Та-
кимъ же образомъ, конечно, и бѣдствія, и затруднительныя обстоя-
тельства являются увеличеніемъ вѣнцовъ, хотя бы иногда такіе люди
и впадали въ заблужденія. Вѣдь соразмѣренъ бываетъ приговоръ, по-
тому что не просто произносится судъ о грѣхахъ, но иначе судится
богачъ, иначе бѣдный: одинъ со снисхожденіемъ, другой же безъ сни-
схожденія. Напримѣръ, пусть будутъ воромъ и честолюбцемъ богачъ
и бѣднякъ; одинъ, хотя и жалкое, но все-таки имѣетъ нѣкоторое
прибѣжище въ нуждѣ, проистекающей отъ бѣдности, а другой не
имѣетъ даже никакой благовидной или правдоподобной увертки
такъ что бѣдный насколько умаляется въ настоящей жизни, на-
770 столько избыточествуетъ въ будущей соотвѣтственно своимъ доб-
рымъ дѣламъ, и богачъ—сообразно съ его прегрѣшеніями. Поэтому,
не подумай, что бѣдный терпитъ несправедливость, или что богачъ
имѣетъ преимущество. Подобно тому какъ и въ отношеніи къ не-
счастіямъ, тѣ, кто здѣсь потерпятъ наказаніе, или совсѣмъ очищаются
или тамъ терпятъ меньшее наказаніе, какъ выдержавшіе здѣсь на-
поръ великихъ злостраданій; такъ и въ отношеніи къ благамъ,
тѣ, кто здѣсь наслаждались честью и оставались дурными, имѣютъ
эти почести средствомъ, ведущимъ къ наказанію. Итакъ, смотри,
какимъ образомъ Богъ всюду укоряетъ порочныхъ людей за здѣш-
нія почести: Я далъ тебѣ все, что принадлежало твоему господину
(2 Цар. XII, 8); и опять—жрецовъ во время Илія за почесть (1 Цар.
II, 28); и въ иномъ мѣстѣ: Я далъ вамъ *отъ сыновъ вашихъ во
пророки и отъ юношъ вашихъ во освященіе* (Амос. II, 11),—и всюду
присоединяетъ о томъ, что было сдѣлано въ пустынѣ. Посему,
когда увидишь, что богатый поступаетъ несправедливо, корысто-
любивъ, совершаетъ хищенія, то по этой причинѣ болѣе всего
оплачь его, такъ какъ онъ, будучи богатъ, дѣлаетъ это,—и тѣмъ
бо́льшее получитъ наказаніе. Когда увидишь, что бѣдный проявляетъ
большую заботу о справедливости, то по этой причинѣ всего болѣе
удивись ему, такъ какъ онъ таковъ, не смотря на бѣдность. Если
это тобою тщательно исполнено, то ты никогда не придешь въ
въ смущеніе по поводу тѣхъ обстоятельствъ, какія происходятъ,
если именно будешь взирать на будущее и ни во что не цѣнить
настоящее, если всегда будешь надѣяться на то, и отдаляться отъ
этого. О, если бы, по благодати Христа, мы достигли всѣхъ благъ!
Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ

о судьбѣ или противъ прожорливости.

Да ЯМЫ *и піемъ, утрѣ бо умремъ* (Иса. XXII, 13),—многіе среди 769
іудеевъ такъ говорили во времена пророковъ. Но нѣтъ ничего
удивительнаго въ томъ, что это говорили іудеи, *имже Богъ чрево
и слава въ студѣ ихъ* (Филип. III, 19); а что послѣ благодати и
презрѣнія настоящихъ вещей, и столь великаго совершенства и рачительности, еще и теперь есть нѣкоторые если словами и не говорящіе этого, то своими дѣлами кричащіе о томъ же самомъ,—это сколь великаго достойно упрека? Существуютъ, поистинѣ существуютъ такіе, которые думаютъ, что они ради того введены въ настоящую жизнь, чтобъ, предавшись роскоши и разстроивъ свое чрево, и утучнивъ свое тѣло, затѣмъ умереть, приготовляя изъ своей собственной плоти очень обильную трапезу червю. И еслибы еще зло заключалось въ томъ только, что они напрасно и безъ пользы тратили настоящее на то, на что не слѣдовало,—хотя и это не свободно отъ упрековъ и отъ вины! Когда деньги, данныя намъ отъ Бога для пропитанія тѣла и для помощи нуждающимся, мы истратимъ на распутство и студодѣяніе и на удовлетвореніе крайняго стремленія къ удовольствіямъ, то это негоднѣйшее мотовство не останется для насъ безъ отвѣтственности, но непремѣнно мы дадимъ отчетъ, и то, что̀ сказано о пяти талантахъ и двухъ, и одномъ (Матѳ. XXV, 15), должно быть сказано также и о деньгахъ и обо всемъ остальномъ. Итакъ,—какъ я говорилъ,—если мы прожили безъ пользы и напрасно, то и такого рода поведеніе не останется не подлежащимъ отвѣтственности; теперь же, кромѣ того, будетъ имѣть мѣсто и другое наказаніе. Человѣку, предающемуся роскоши и занимающемуся пьянствомъ, и кормящему тунеядцевъ и льстецовъ, разстраивающему себя мясоядѣніемъ и винопійствомъ, часто
и невольно и по доброй волѣ бываетъ необходимо грѣшить, какъ 770
въ то время, въ которое онъ живетъ въ настоящемъ мѣстѣ, такъ и послѣ удаленія оттуда. Подобно тому какъ корабль, нагруженный множествомъ годныхъ для перевозки предметовъ, бо̀льшимъ, чѣмъ сколько онъ можетъ нести, отягчаемый величиною груза тонетъ, такъ и душа и природа нашего тѣла, принявъ пищу въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ какое соотвѣтствуетъ ея силѣ, угнетается страданіемъ, и, не выдерживая тяжести принятаго ею, тонетъ въ морѣ гибели, и вмѣстѣ со всѣмъ губитъ также и корм-

чаго, и корабельщиковъ, и подкормчаго, и пассажировъ, и самый грузъ. Итакъ, подобно тому какъ въ отношеніи къ кораблямъ, находящимся въ такого рода положеніи, не бываютъ полезны ни тишина моря, ни искусство кормчаго, ни множество матросовъ, ни хорошая оснастка, ни удобное время года, ни иное что не помогаетъ столь стѣсняемому кораблю,—такъ, конечно, бываетъ и въ отношеніи къ предающимся роскоши: ни множество разсужденій, ни ученіе и увѣщаніе, ни предостереженія и совѣты, ни иное что, ни страхъ предъ будущимъ, ни стыдъ, ни упрекъ со стороны настоящаго, вообще ничто не можетъ спасти такъ стѣсняемую душу; но неумѣренность преодолѣваетъ все, и человѣка, страдающаго таковою болѣзнію,—желаетъ ли онъ этого или не желаетъ,—наконецъ, увлекаетъ внизъ и потопляетъ, производя жестокое кораблекрушеніе, откуда не легко подняться вверхъ. И таковой человѣкъ бываетъ безполезнымъ не только для будущаго и тѣхъ отчетовъ, какіе потребуются тамъ, но даже и для настоящей жизни, и ни на что не бываетъ годнымъ, но всюду осмѣиваемымъ, какъ въ государственныхъ, такъ и частныхъ дѣлахъ. Даже, еслибы предстояла надобность, чтобъ было совершено что-либо крайне необходимое, у него не окажется никакой предусмотрительности, ни
771 способности къ управленію; для всѣхъ враговъ онъ—удобоодолимъ, для всѣхъ друзей и родныхъ—безполезенъ. Таковой не только въ опасностяхъ и несчастіяхъ — хрупокъ, не только при спокойствіи и безопасности—несносенъ, но также и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, по причинѣ недостатка умѣренности, будетъ безполезенъ для каждаго встрѣчнаго. Тамъ, то есть, среди несчастій, имъ овладѣетъ трусость, также робость и безмѣрный страхъ, и большая неразсудительность; а здѣсь—отвага и безпечность, и невоздержность, неумѣренность и кичливость, и хвастовство дѣлаютъ его для всѣхъ еще въ бо́льшей, чѣмъ предыдущая, степени непріятнымъ. Не только тѣла находящихся въ такомъ положеніи людей и безобразны, и слабы, и размягченны, и отовсюду бываютъ преисполнены невыносимаго зловонія, но также и душа гораздо болѣе безобразна, чѣмъ тѣло, принимаетъ отъ нѣги гораздо болѣе значительныя болѣзни, чѣмъ каковы болѣзни тѣла. Такъ, тѣло извергаетъ не только естественныя нечистоты, но гораздо бо́льшее и отовсюду,—потому что глаза и ноздри, и уста, когда внутренность ихъ обременяется образовавшимся избыткомъ соковъ, наполняются отвратительнѣйшею мокротою и тлѣніемъ, и самая природа тѣла, сдѣлавшись болѣе изнѣженною, чѣмъ то допускается естественной соразмѣрностью, какъ бы наполненная грязью и нечистымъ иломъ, становится и зловонною, и безполезною, и неспособною къ какому бы то ни было хорошему дѣлу. И сама земля, когда, преисполненная

такого рода изобиліемъ, потеряетъ свойственную ей и врожденную теплоту, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ и свою силу, и не способна ни къ дѣятельности, ни къ свойственному ей рожденію. Поэтому же люди, живущіе среди постоянной роскоши, заболѣваютъ тяжкими и неисцѣлимыми болѣзнями: они бываютъ подвержены дрожанію членовъ и слабости, и истощенію, и притупленію обонянія и слуха, и болѣзнямъ ногъ, и болѣзнямъ рукъ, и очень многимъ другимъ, о чемъ говорятъ питомцы врачей. Такимъ образомъ, еслибы и не было геенны и наказанія, и крайняго осужденія со стороны Бога, ни порицанія отъ людей, ни излишней траты, ни другого безчисленнаго, что приключается вслѣдствіе изнѣженной жизни, а было на-лицо только одно это, то развѣ его не достаточно было бы для отклоненія всѣхъ отъ прожорливости? Таковыя трапезы нисколько не будутъ лучше губительныхъ ядовъ, скорѣе же,—если должно сказать истину,—гораздо хуже. Эти (яды) тотчасъ похищаютъ принявшаго ихъ и нечувствительно приближаютъ смерть, такъ что умирающій по поводу этого самаго даже и не скорбитъ; а тѣ (трапезы) для людей, высоко цѣнящихъ ихъ, устраиваютъ жизнь болѣе тягостную, чѣмъ безчисленное множество смертей, жизнь, скажу такъ, не только жалкую, но и постыдную и достойную смѣха. Прочія болѣзни привлекаютъ многихъ, высказывающихъ соболѣзнованіе, а тѣ, которыя происходятъ отъ роскоши и пьянства, не позволяютъ зрителямъ, даже еслибъ они и желали, соболѣзновать тѣмъ, кто порабощенъ ими: преизбытокъ несчастія склоняетъ къ состраданію, а основаніе болѣзни, если оно извѣстно, возбуждаетъ противоположное чувство. Мы какъ будто испытываемъ нѣкоторое среднее чувство: ни сожалѣя ихъ, потому что этого не позволяетъ намъ причина ихъ несчастія, ни гнѣваясь, потому что этого не допускаетъ размѣръ несчастія, — получается нѣчто среднее между обвиненіемъ и прощеніемъ. Не природою они обижены, какъ тѣ, и не являются жертвами злоумышленія со стороны людей, но сами для себя сдѣлались творцами этихъ своихъ болѣзней, добровольно ввергая себя самихъ въ бездну золъ. Итакъ, подобно тому какъ мы не очень жалѣемъ людей, привязывающихъ къ себѣ веревку съ петлей и бросающихся съ крутизны, и умерщвляющихъ себя посредствомъ мечей, точно такъ же (не очень жалѣемъ) и этихъ. Даже, если 772
должно получить снисхожденіе, то скорѣе могли бы получить его тѣ, чѣмъ эти, хотя и тѣ сами не могутъ заслуживать какого-либо прощенія. Тѣ, или вслѣдствіе ложныхъ доносовъ, или денежныхъ штрафовъ, или подъ вліяніемъ ожидаемой опасности, или въ чаяніи ударовъ, или въ виду какой-либо другой боязни, исторгая себя изъ большихъ золъ, прибѣгаютъ къ утѣшенію смерти,

устремляясь въ ней, какъ бы въ нѣкоторому безопасному мѣсту, или какъ бы спѣша и торопясь отъ ожидаемыхъ бурь въ нѣкоторую тихую гавань; а эти, не имѣя возможности сказать ничего таковаго, предаются жизни болѣе тягостной, чѣмъ безчисленное множество насильственныхъ смертей. Поэтому благовременно теперь привести это изреченіе мудреца: *кто помилуетъ обаянника зміемъ уязвлена и всѣхъ приступающихъ ко звѣремъ* (Іис. Сир. xii, 13)? Роскошь есть звѣрь, звѣрь жестокій и дикій, и не въ такой степени всюду причиняетъ вредъ скорпіонъ или змѣя, засѣвшіе въ нашихъ внутренностяхъ, въ какой страсть роскоши все разрушаетъ и губитъ. У тѣхъ звѣрей умыселъ имѣетъ въ виду тѣло; а эта, когда водворится, то вмѣстѣ съ тѣломъ губитъ, сверхъ того, и душу. Поэтому да убѣжимъ отъ нея, говорю—какъ благоразумнымъ. Если въ ней есть что полезное, то не послушаемся, не повѣримъ; если же истинно то, что сказано, и если это дѣло — гибель и крайнее поруганіе, то пощадите крѣпость вашего собственнаго тѣла, здоровье души. Я не говорю, чтобы ты стремился къ суровой жизни, вопреки желанію: излишнее только отбросимъ, то, что выходитъ за предѣлы необходимаго, отсѣчемъ. И какого снисхожденія мы достойны, когда другіе не наслаждаются даже необходимымъ, хотя это и въ ихъ власти, а мы шествуемъ и за предѣлами необходимаго? Границею пищи да будетъ для насъ то, что не приноситъ вреда, то, что можетъ, безъ вреда для насъ, прекратить нашъ голодъ; не будемъ же искать ничего, что лежитъ далѣе этого; а лучше, — если надлежитъ сказать нѣчто достойное удивленія и стоящее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ толпы, но истинное, то знайте: даже когда ищемъ удовольствія, скорѣе найдемъ его въ умѣренности, чѣмъ въ роскоши. Послушай, какъ то удовольствіе — больше и обильнѣе этого. Одно не можетъ даже произойти и не находитъ годной для себя природы яствъ; а другое можетъ образоваться даже съ помощію того, что враждебно. Кто говоритъ это? Тотъ, кто насладился преимущественно предъ всѣми. Душѣ, говоритъ онъ, *нищетнѣй и горькая сладка являются; душа въ сытости сущи сотамъ ругается* (Притч. xxvii, 7). Видишь, какъ то легко можетъ образоваться и изъ немногаго, и даже изъ всего, а это—никоимъ образомъ? Если мы не принимаемъ меду, то что, наконецъ, могло бы быть для насъ пріятно? Если то, что слаще всего, не можетъ доставлять удовольствія, то что будетъ въ состояніи принести намъ его? Поэтому, если мы ищемъ удовольствія, то скорѣе найдемъ его въ умѣренности. Какъ же не дѣло крайняго неразумія избѣгать трапезы, заключающей удовольствіе и здоровье, и всѣ блага, и боголюбезной, а устраивать другую, преисполненную безчислен-

ныхъ несчастій, и непріятную, и печальную, и нездоровую, и, что всего болѣе тягостно, раздражающую нашего Бога? Если *вдовица, питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6), то что мы могли бы сказать о мужахъ? Если въ ветхомъ завѣтѣ это было 77a
запрещено съ большою строгостью, и пророкъ употребляетъ сильный ударъ противъ предающихся роскоши, хотя онъ указалъ видъ роскоши не слишкомъ разорительный и, на самомъ дѣлѣ, не пышный: *ядущіи же козлища отъ паствъ и телцы млекомъ питаемы, піющіи процѣженое вино и первыми вонями мажущіися, спящіи на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ и лжесердствующіи на постелехъ своихъ* (Ам. vi, 4, 6),—если это достойно порицанія, когда все было плотское, и когда не было никакого понятія о небѣ, когда іудеи и ихъ дѣла находились подъ руководствомъ пѣстуна, то что мы могли бы сказать о теперешней роскошной жизни? Если онъ осуждаетъ, какъ проводящихъ жизнь роскошную и изысканную, тѣхъ, которые ѣдятъ козлятъ и сосущихъ молоко телятъ, то что мы могли бы сказать о людяхъ, изслѣдующихъ самые удаленные углы моря и крайніе предѣлы земли и отовсюду собирающихъ для себя разнообразныхъ ловцевъ птицъ и рыбъ? Если тѣ, которые пьютъ процѣженное вино, порицаются, то что ты могъ бы сказать о тѣхъ, которые изъ-за вина предпринимаютъ заморскія путешествія и употребляютъ въ дѣло все, чтобы не остался незамѣченнымъ никакой родъ винограда, какъ будто бы они должны потерпѣть наказаніе или быть самымъ крайнимъ образомъ осуждены, если не насытятся непомѣрно всякимъ родомъ вина? Если достойно порицанія пользоваться слоновымъ ложемъ, то какое могли бы получить прощеніе тѣ, которые обкладываютъ постели большимъ количествомъ серебра, лучше же сказать—куютъ ихъ изъ одного только серебра, не ложа только, но и подножки, и тазы, и сосуды, и ночные горшки? Что малое или великое они будутъ въ состояніи сказать во время тѣхъ судебныхъ разбирательствъ? Я же присоединяю къ этому то, что есть самое тягостное изъ всего: что это собрано, благодаря чужимъ несчастіямъ, хотя пророкъ этого не отмѣтилъ, но только осудилъ роскошь. Когда же на-лицо будетъ и вина болѣе тягостная, чѣмъ роскошь, то кто исторгнетъ дѣлающихъ таковое изъ крайняго наказанія? Какой Ной будетъ предстательствовать, какой Іовъ, какой Даніилъ? Нѣтъ никого такого. Но въ отношеніи къ тѣмъ можно сказать: возгорится гнѣвъ Мой, какъ *дымъ* (Иса. lxv, 5). Не свойственно ли, спрашиваю, исполняться гнѣвомъ и поистинѣ крайнимъ негодованіемъ и раздираться, когда другой не наслаждается даже и необходимой пищей, а ты безъ пользы и напрасно куешь столь много серебра на то, на что не слѣдуетъ, даже и не на показъ? Впрочемъ, и для этого

послѣдняго не получится у тебя пользы, но произойдетъ перемѣна
774 въ противоположную сторону. Ты дѣлаешь это для того, чтобъ стать славнымъ и извѣстнымъ, а случается противоположное. Ты не славный какой-либо и извѣстный человѣкъ, но всѣ осуждаютъ тебя въ жестокости и корыстолюбіи и крайнихъ порокахъ. Сколь велика зависть, сколь велико нерасположеніе, сколь велика ненависть со стороны всѣхъ, сколь велико у всѣхъ страстное желаніе перемѣны твоего положенія! Я оставляю въ сторонѣ тѣ клеветы на Бога, какія порождаются таковыми богатствами, хотя это всего болѣе тягостно: что бы ни случилось и что бы ты ни сказалъ, ты не найдешь ничего хуже этого. Но нѣтъ трапезы соразмѣрной и умѣренной, какова—наша, которой не осмѣиваетъ пророкъ, не осуждаетъ человѣкъ, не порицаетъ Богъ, не наказываетъ огонь, никто не гнушается, не ненавидитъ, не говоритъ дурно, которую напротивъ одобряетъ Богъ, въ которой принимаютъ участіе ангелы, которую хвалятъ люди и принимаетъ небо. Эти трапезы встрѣтили ангеловъ; при этихъ присутствуетъ Христосъ, а не при тѣхъ. Таковы были трапезы пророковъ, таковы—апостоловъ, таковы—праведнихъ. А тѣ—тирановъ и людей, порочно обогащающихся на землѣ, тѣ—съ танцовщиками и прочими изъ числа живущихъ на погибель человѣчества, тѣ трапезы—разбойниковъ и чародѣевъ, и грабящихъ могилы. Когда ты предложишь таковую трапезу, то ангелъ поспѣшно убѣгаетъ, а Богъ раздражается, вождь же демоновъ радуется; гнушаются и ненавидятъ, и изныкаютъ не враги только, но даже и тѣ, которые кажутся людьми дружественно настроенными, болѣе снѣдаемые завистію, нежели наслаждаясь тѣмъ, что возлѣ нихъ находится. Когда же кто-либо предложитъ ту трапезу, скромную и соразмѣрную и не имѣющую ничего возбуждающаго похоть, то она будетъ и пріятнѣйшею, и угодною для всѣхъ друзей и для Бога, и ангеловъ, и людей; соприсутствуетъ ей и Единородный Сынъ Божій, потому что, подобно тому какъ Онъ уклоняется отъ кичливости и отъ всякаго высокомѣрнаго человѣка, и отъ всякой смуты, точно такъ Онъ—другъ для человѣка смиреннаго и всегда находится вмѣстѣ съ нимъ, и всего его ограждаетъ и отовсюду защищаетъ. А когда присутствуетъ Христосъ, то не должно искать ничего другого. Итакъ, зная это, возлюбленные, будемъ убѣгать отъ того, будемъ преслѣдовать это, чтобы намъ получить и настоящія, и будущія блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава, честь, со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О молитвѣ

СЛОВО ПЕРВОЕ.

ПО ДВУМЪ причинамъ надлежитъ ублажать слугъ Божіихъ и 775
удивляться имъ: потому что надежду на свое спасеніе они выразили въ святыхъ молитвахъ и потому что, сохранивъ на письмѣ тѣ гимны и образцы молитвъ, какіе они съ радостію и страхомъ возносили Богу, передали это свое сокровище и намъ, для того чтобы быть въ состояніи привлечь къ своей собственной ревности и все потомство. Такъ и слѣдуетъ, чтобъ характеръ учителей переходилъ на тѣхъ, кто входитъ съ ними въ сообщество, чтобы слушатели пророковъ являли себя подражателями ихъ праведности, чтобы мы все время жили въ молитвахъ и служеніи Богу и попеченіи о Немъ, считая это именно жизнію, это—здоровьемъ и богатствомъ, это—предѣломъ благъ, т. е. возношеніе молитвъ Богу чистою и неиспорченною душею. Какъ солнце—свѣтъ для тѣла, такъ молитва—для души. Итакъ, если для слѣпого служитъ бѣдствіемъ—не видѣть солнца, то сколь велико бѣдствіе для христіанина не молиться непрерывно и не вводить посредствомъ молитвы въ свою душу свѣта Христова? Однако, кто не изумился бы и не удивился человѣколюбію Бога, какое Онъ проявляетъ въ отношеніи къ намъ, даруя людямъ столь великую честь, что удостоилъ и молитвы, и бесѣды Своей? Во время молитвы мы воистину говоримъ съ Богомъ; чрезъ нее вступаемъ въ соединеніе и съ ангелами, и весьма ясно удаляемся отъ общенія съ неразумными существами. Молитва—и ангеловъ долгъ, возвышаетъ и ихъ достоинство, хотя бесѣдовать съ Богомъ—нѣчто высшее по сравненію съ достоинствомъ ангеловъ. А что и въ самомъ дѣлѣ—нѣчто высшее, объ этомъ учатъ насъ они сами, съ великимъ страхомъ вознося свои молитвы, давая и намъ знать и понимать, что приходящимъ къ Богу надлежитъ дѣлать это съ радостью и страхомъ: со страхомъ, чтобъ намъ не оказаться недостойными молитвы, съ радостію же вслѣдствіе обширности чести, вслѣдствіе того, что смертный родъ удостоенъ столь великаго попеченія, что непрерывно наслаждается даже божественною бесѣдою, чрезъ посредство которой мы перестаемъ быть и смертными, и преходящими, по природѣ своей будучи смертными, а чрезъ

общеніе съ Богомъ восходя къ безсмертной жизни. И необходимо, чтобъ пользующійся общеніемъ съ Богомъ сдѣлался выше смерти и всякаго тлѣнія. Подобно тому, какъ совершенно необходимо, чтобы наслаждающійся солнечнымъ лучемъ избѣгалъ тьмы, точно такъ же совершенно необходимо, чтобы наслаждающійся божественнымъ общеніемъ не былъ послѣ этого смертнымъ, потому что самая обширность чести переноситъ насъ къ безсмертію. Въ самомъ дѣлѣ, если бесѣдующимъ съ царемъ и наслаждающимся идущею съ его стороны честью невозможно быть бѣдными, то гораздо болѣе невозможно имѣть смертныя души тѣмъ, кто возсылаетъ моленія Богу и бесѣдуетъ съ Нимъ. Смерть души—нечестіе и беззаконная жизнь. Слѣдовательно, и жизнь души—служеніе Богу и приличные тому нравы; нравы же святые и приличествующіе служенію Богу образуетъ и удивительнымъ образомъ сберегаетъ въ нашихъ душахъ молитва. Одержимъ ли кто страстною любовью къ
776 дѣвству, или заботится о почитаніи цѣломудрія въ бракѣ, или господствованіи надъ гнѣвомъ и жизни въ кротости, или о чистотѣ отъ зависти, или о совершеніи чего-либо иного изъ должнаго,—всякій разъ какъ молитва служитъ для него проводникомъ и предварительно выравниваетъ его жизненный путь, онъ будетъ имѣть и удобную, и легкую дорогу къ благочестію. И невозможно, невозможно, чтобы просящіе отъ Бога цѣломудрія и справедливости, и кротости, и честности не получили согласно своей молитвѣ: *просите*, говоритъ (Писаніе), *и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцыте, и отверзется вамъ* (Мѳ. VII, 7), *всякъ бо просяй пріемлетъ, и ищяй обрѣтаетъ, и толкущему отверзется* (Лук. XI, 10). И опять въ другомъ мѣстѣ: *котораго же васъ*, говоритъ Писаніе, *воспроситъ сынъ хлѣба, еда камень подастъ ему; или рыбы, еда въ рыбы мѣсто змію подастъ ему; аще убо вы, зли суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ, иже съ небесе, дастъ Духа Святаго просящимъ у Него* (—11. 13)? Такими словами и такими надеждами Господь всячески призвалъ насъ къ молитвѣ; намъ же надлежитъ, повинуясь Богу, все время жизни проводить въ славословіи и молитвахъ, болѣе прилежно заботясь о служеніи Богу, нежели о своей душѣ, такъ какъ при такихъ условіяхъ для насъ была бы возможность всегда вести жизнь, приличествующую людямъ. Кто не молится Богу и не желаетъ непрестанно наслаждаться божественнымъ общеніемъ, тотъ мертвъ и бездушенъ и лишенъ мыслительной способности. И это самое—величайшій признакъ неразсудительности, именно—не понимать обширности чести и не любить страстно молитвы, и не считать смертью для души непоклоненія Богу. Подобно тому какъ это наше тѣло, если въ немъ нѣтъ души, мертво и зловонно, такъ и душа, не побуж-

дающая себя къ молитвѣ, мертва и несчастна, и зловонна. А что подлинно лишеніе молитвы надлежитъ считать болѣе горькимъ, нежели всякая смерть, прекрасно учитъ насъ Даніилъ, великій пророкъ, лучше предпочитавшій умереть, чѣмъ быть лишеннымъ молитвы въ теченіе только трехъ дней (Дан. VI, 10). Тотъ царь персидскій не повелѣлъ ему совершить что-либо нечестивое, но только имѣлъ въ виду, чтобы онъ помедлилъ въ теченіе трехъ дней. Поистинѣ безъ божественнаго мановенія не могло бы войти въ наши души никакое благо. Божіе же мановеніе помогаетъ намъ въ трудахъ и прекрасно облегчаетъ ихъ, если замѣтитъ, что мы любимъ молитву и непрестанно неотступно просимъ Бога, и ожидаемъ, что оттуда снизойдутъ всѣ блага. Итакъ, когда я увижу, что кто-либо не любитъ молитвы и не имѣетъ къ ней горячей и ревностной любви, то мнѣ уже ясно, что онъ не владѣетъ въ своей душѣ ничѣмъ благороднымъ. Когда же увижу, что кто-либо ненасытно печется о служеніи Богу и, если не молится непрерывно, то причисляетъ это къ величайшимъ бѣдствіямъ, тогда заключаю, что таковой—надежный подвижникъ всякой добродѣтели и—храмъ Божій. Если *одѣяніе мужа* и походка ноги, и *смѣхъ зубовъ* объявляютъ то, что заключается въ немъ (I. Сир. XIX, 27), согласно словамъ мудраго Соломона, то гораздо болѣе молитва и служеніе Богу есть знакъ всякой праведности, будучи нѣкоторымъ духовнымъ и божествен- 777
нымъ одѣяніемъ, проливая въ наши мысли большую красоту и прелесть, управляя жизнью каждаго, не позволяя ничему дурному и неумѣстному господствовать надъ умомъ, убѣждая почитать Бога и уважать ту честь, какая отъ Него даруется намъ, уча удалять отъ себя всякое ухищреніе лукаваго, изгоняя постыдныя и неприличныя размышленія, приводя душу каждаго въ состояніе презрѣнія къ удовольствію. Вотъ гордость, единственно приличествующая почитающимъ Христа: не быть рабомъ чего-либо постыднаго, но блюсти душу въ свободѣ и чистой жизни.

Итакъ, что безъ молитвы совершенно невозможно свыкаться съ добродѣтелью и съ нею идти по жизненному пути, я думаю, ясно всѣмъ. Да и какъ могъ бы кто упражняться въ добродѣтели, не приступая и не припадая непрестанно къ Вождю ея и Подателю? Какъ могъ бы кто пожелать быть цѣломудреннымъ и справедливымъ, не бесѣдуя съ удовольствіемъ съ Тѣмъ, Кто требуетъ отъ насъ и этого, и большаго, чѣмъ это? Я же хочу въ краткихъ словахъ доказать, что, даже если мы преисполнены грѣховъ, а молитвы завладѣютъ нами, то онѣ скоро очищаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы быть славнѣе молитвы или божественнѣе, когда она оказывается нѣкоторымъ противоядіемъ для больныхъ душевно? Извѣстно, что ниневитяне являются пер-

выми изъ числа тѣхъ, которые молитвою избавились отъ многихъ своихъ предъ Богомъ грѣховъ (Іон. III). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ овладѣла ими молитва, она сдѣлала ихъ праведными и быстро исправила городъ, привыкшій жить среди распутства и порочно, и беззаконною жизнію, возъимѣвъ бо́льшую силу, чѣмъ какую имѣла древняя привычка, сдѣлавъ этотъ городъ полнымъ небесныхъ законовъ, вмѣстѣ съ собою привлекая и цѣломудріе, и человѣколюбіе, и кротость, и попеченіе о бѣдныхъ. Безъ этого она не выноситъ обитанія въ душѣ; но тотъ умъ, въ который бы ни вселилась она, дѣлаетъ полнымъ всякой справедливости, наставляя въ добродѣтели и удаляя порокъ. И дѣйствительно, еслибы тогда вошелъ въ городъ Ниневію кто-либо изъ тѣхъ, которые прежде основательно были съ нимъ знакомы, то онъ не узналъ бы города: такъ онъ внезапно перешелъ отъ очень дурной жизни къ благочестію. Подобно тому какъ женщину, дотолѣ бѣдную и носившую рубища, еслибы кто-либо потомъ увидѣлъ украшенною золотыми одеждами, то не узналъ бы,—такъ и тотъ, кто прежде зналъ этотъ городъ нищенствовавшимъ и лишеннымъ духовныхъ сокровищъ, не узналъ бы, что это за городъ, который въ такой сильной степени могла измѣнить молитва и возбудить его нравы и образъ жизни къ добродѣтели. И нѣкоторая женщина, прожившая все время въ распутствѣ и блудѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ припала къ ногамъ Христовымъ, получила и спасеніе (Лук. VII, 37...). Итакъ, молитва не только очищаетъ грѣхи, но прогоняетъ даже и великія опасности. Царь и пророкъ, дивный Давидъ избѣжалъ большей части тяжкихъ войнъ, благодаря молитвѣ, выставляя впереди своего войска одно только это оружіе и доставляя своимъ воинамъ тихое и безбоязненное наслажденіе побѣдою. Прочіе, конечно, цари свою надежду на спасеніе пола-
778 гали въ опытности полководцевъ и въ ихъ искусствѣ, также и въ стрѣлкахъ изъ лука и тяжело-вооруженныхъ воинахъ, и всадникахъ; а великій Давидъ укрѣплялъ свое войско святыми молитвами, не взирая на спѣсь военачальниковъ и отрядоначальниковъ и предводителей конныхъ силъ и не собирая имуществъ, и не приготовляя оружія, но съ неба снося божественное всеоружіе. Божественная молитва — воистину небесное всеоружіе, и одна только она можетъ безопасно оберегать предавшихся Богу. Непріятельскіе взоры, храбрость противниковъ, и многое другое часто дѣлаютъ тщетными и силу тяжело-вооруженныхъ воиновъ, и ихъ знаніе, и опытность стрѣлковъ, и ихъ изворотливость; а молитва—непобѣдимое оружіе и надежное охранительное средство, одинаково отгоняющее одного воина, одинаково и многія миріады: такъ и дивный Давидъ низложилъ того Голіаѳа, наступавшаго,

подобно какому-то страшному демону, не оружіемъ и не мечами, но молитвами (1 Цар. xvii). Въ такой степени крѣпкимъ оружіемъ въ сраженіяхъ является для царей молитва; она—крѣпкое же оружіе и для насъ противъ демоновъ. Такъ и царь Езекія одерживаетъ побѣду въ войнѣ съ персами (4 Цар. xix), не войска вооруживъ, но противопоставивъ множеству противниковъ только однѣ молитвы; такимъ образомъ онъ избѣжалъ и смерти, съ подобающимъ благоговѣніемъ униженно умоливъ Бога, и одна только молитва возстановила царю здоровье (Иса. xxxviii). И что молитва дѣйствительно легко очищаетъ согрѣшившую душу, научаетъ насъ мытарь, пожелавшій получить отъ Бога отпущеніе грѣховъ и получившій (Лук. xviii, 13); научаетъ же и прокаженный, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ униженно обратился къ Богу съ молитвою, тотчасъ и былъ очищенъ (Мѳ. viii, 2). Если же Богъ быстро исцѣлилъ зараженное болѣзнію тѣло, то Онъ гораздо скорѣе человѣколюбиво уврачуетъ заболѣвшую душу, потому что насколько душа болѣе драгоцѣнна, чѣмъ тѣло, настолько болѣе естественно Богу обнаруживать въ отношеніи къ ней и бо̀льшее попеченіе. И всякій могъ бы указать безчисленное множество примѣровъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ, еслибы пожелалъ перечислить всѣхъ тѣхъ, которые были спасены чрезъ посредство молитвы. Но, быть можетъ, кто-либо изъ болѣе нерадивыхъ и не желающихъ ревностно и усердно молиться, скажетъ, что Богъ произнесъ слѣдующія слова: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. vii, 21)? Если бы я думалъ, что одной только молитвы достаточно для нашего спасенія, то естественно было бы всякому воспользоваться этими словами; а такъ какъ я утверждаю, что молитва—самое важное изъ благъ, также основаніе и корень плодотворной жизни, то никто да не воспользуется тѣми словами для того, чтобы извинить свою безпечность. И подлинно, ни цѣломудріе одно только безъ прочихъ добродѣтелей, ни попеченіе о бѣдныхъ, ни благотворительность, ни иной какой-либо подвигъ не можетъ спасать, но требуется, чтобъ все вмѣстѣ стеклось въ наши души; молитва же лежитъ подъ этимъ, какъ корень и основаніе. И подобно тому, какъ основанія дѣлаютъ твердыми и скрѣпляютъ корабль и жилище, точно такъ же молитвы твердо держатъ нашу жизнь въ сохранности; безъ нея же у насъ не могло бы быть ничего—ни хорошаго, ни спасительнаго. Поэтому Павелъ настаиваетъ, непрерывно увѣщевая насъ и говоря: въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней со благодареніемъ (Колосс. iv, 2); 779
и въ другомъ мѣстѣ: *непрестанно молитеся*, говоритъ онъ, *о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія* (1 Солун. v, 17, 18);

и опять въ иномъ мѣстѣ: молитесь *на всяко время духомъ, въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ* (Ефес. VI, 18). Такимъ образомъ вождь апостоловъ непрестанно призываетъ насъ къ молитвѣ многими и божественными словами. Поэтому надлежитъ, чтобъ, наставляемые имъ, мы проводили жизнь въ молитвѣ и ею непрестанно освѣжали свой умъ, такъ какъ мы—всѣ люди—нуждаемся въ ней не меньше, чѣмъ деревья—въ водахъ. Ни тѣ не могутъ производить плодовъ, если не пьютъ воды чрезъ посредство корней, ни мы не будемъ въ состояніи изобиловать многоцѣнными плодами благочестія, если не будемъ освѣжаемы молитвами. Вслѣдствіе этого именно должно, и вставая съ ложа, всегда предупреждать солнце служеніемъ Богу, тоже и касаясь трапезы, и намѣреваясь спать; лучше же сказать — въ каждый часъ вознося Богу одну только молитву, проводя въ ней весь день, въ зимнее же время, употребляя на молитвы даже бо̀льшую часть ночи и сгибая колѣна съ большимъ страхомъ, устремляя свои
680 мысли на молитвы, считая себя счастливыми изъ-за служенія Богу. Скажи мнѣ, какъ ты будешь смотрѣть на солнце, не поклонившись Тому, Кто посылаетъ твоимъ глазамъ сладчайшій свѣтъ? Какъ ты будешь наслаждаться трапезой, не поклонившись Подателю и Источнику столь великихъ благъ? Съ какою надеждою ты будешь достигать времени ночи? Съ какими сонными мечтаніями ты надѣешься встрѣтиться, не оградивъ себя молитвами, но отойдя ко сну безъ предохранительныхъ средствъ? Ты будешь для лукавѣйшихъ демоновъ презрѣннымъ и весьма удобнымъ для уловленія; они непрестанно ходятъ вокругъ, высматривая насъ, кого бы, не укрѣпленнаго молитвой, они могли быстро захватить въ плѣнъ. Если они замѣтятъ, что мы ограждены молитвами, то тотчасъ поспѣшно убѣгаютъ, какъ разбойники и злодѣи, видящіе мечъ, висящій у головы воина. Если же дѣйствительно случится, что кто-либо не укрѣпленъ молитвой, то этотъ, внезапно схваченный, уносится демонами, и ввергается въ грѣхи и несчастія, и бѣдствія. Боясь всего этого, мы должны всегда укрѣплять самихъ себя молитвами и славословіемъ, чтобы Богъ, умилосердившись надъ всѣми, сдѣлалъ достойными небеснаго царствія, чрезъ Единороднаго Сына Своего, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Что молитва — основаніе всякаго блага и способствуетъ къ 779
достиженію спасенія и вѣчной жизни, это рѣшительно всякому извѣстно; но, однако, необходимо поговорить объ этомъ дѣлѣ по мѣрѣ силъ, чтобы людей, привыкшихъ жить въ молитвахъ и ревностно заботиться о служеніи Богу, это слово сдѣлало болѣе ревностными, а жившіе очень безпечно и оставившіе свою душу не знающею молитвы, чтобъ поняли, какъ то, что за убытокъ они понесли въ теченіе прошедшаго времени, такъ и сверхъ того не лишили самихъ себя спасенія въ остающуюся часть ихъ жизни. Поэтому сейчасъ же мы имѣемъ сказать о самомъ важномъ въ молитвѣ, что именно всякій, молясь, бесѣдуетъ съ Богомъ; а какъ много значитъ, будучи человѣкомъ, говорить съ Богомъ, это знаетъ рѣшительно всякій; но выразить эту честь словомъ никто не былъ бы въ состояніи. Эта честь превосходитъ даже и величіе ангеловъ, что тѣ прекрасно понимая, почти всѣ являются у пророковъ возносящими славословіе и службы Господу съ великимъ страхомъ, въ силу великаго благоговѣнія закрывая и лица свои, и ноги, летаніемъ же и неспособностью оставаться въ спокойномъ состояніи обнаруживая сильный страхъ; уча, думаю, и насъ, чтобъ во время молитвы забывали о своей человѣческой природѣ, чтобъ одержимые усердіемъ и страхомъ не видѣли ничего изъ находящагося на-лицо, но думали, что стоимъ среди ангеловъ и совершаемъ служеніе, тождественное съ ихъ служеніемъ. Все остальное,—говорю о томъ, что принадлежитъ имъ, и что намъ,—и природа, и образъ жизни, и мудрость, и разумъ, и все, о чемъ бы кто ни сказалъ, много отлично у нихъ и у насъ; но дѣло молитвы обще у ангеловъ вмѣстѣ съ людьми, и когда имѣется въ виду то, что касается молитвы, то между тою и другою природою нѣтъ ничего промежуточнаго. Она (молитва) отдѣляетъ тебя отъ безсловесныхъ животныхъ, она соединяетъ съ ангелами, и если кто ревностно старается о томъ, чтобъ посвятить всю свою жизнь на молитвы и служеніе Богу, то такой скоро 780
сдѣлаетъ своимъ достояніемъ ихъ устройство, и жизнь, и поведеніе, и честь, и благородство, и мудрость, и разумъ. Что могло бы быть святѣе бесѣдующихъ съ Богомъ? Что — праведнѣе? Что — благонравнѣе? Что—мудрѣе? Вѣдь, если говорящіе съ мудрыми мужами, вслѣдствіе постояннаго сношенія съ ними, скоро становятся по-

добными имъ со стороны благоразумія, то что надлежитъ сказать о бесѣдующихъ съ Богомъ и молящихся Ему? Сколь великою мудростію, сколь великою добродѣтелью и разумомъ, и честностію, и цѣломудріемъ, и кротостью нравовъ наполняетъ ихъ молитва и прошеніе! Поэтому не погрѣшилъ бы кто-либо, доказывая, что молитва—причина всякой добродѣтели и справедливости и что въ душу, незнакомую съ молитвою и прошеніемъ, не можетъ войти ничто содѣйствующее благочестію; но, подобно тому какъ не укрѣпленный стѣнами городъ легко покорился бы непріятелямъ, такъ какъ въ немъ въ очень сильной степени недостаетъ того, что оказало бы противодѣйствіе, точно такъ же и душу, не укрѣпленную молитвами, діаволъ легко порабощаетъ себѣ и безъ труда заражаетъ всякаго рода грѣхомъ. И, во-первыхъ, когда онъ увидитъ душу, укрѣпленную молитвами, то не дерзаетъ къ ней приблизиться, боясь крѣпости и силы, какую доставляютъ молитвы, лучше питающія душу, нежели въ какой степени пища — тѣла̀; потомъ, ревностно молящіеся не допускаютъ себя до чего-либо недостойнаго молитвы, но, стыдясь Бога, съ Которымъ только что бесѣдовали, быстро отталкиваютъ отъ себя всякое коварство лукаваго, размышляя въ себѣ самихъ, сколь великъ грѣхъ—только что бесѣдовавшему съ Богомъ и просившему у Него цѣломудрія и святости тотчасъ перейти на сторону діавола и принять въ душу постыдныя удовольствія, и дать діаволу дорогу къ уму, только что
781 созерцаемому Богомъ, и дозволить демонамъ входить въ души, въ которыхъ благодать Духа показала великое человѣколюбіе и попеченіе. И какимъ образомъ, — выслушай. Человѣку невозможно безъ силы Духа перенести божественную бесѣду, но должно, когда она присутствуетъ и помогаетъ въ святыхъ подвигахъ, войти и преклонить колѣна, и просить, и молиться. Такъ какъ бесѣдовать съ Богомъ — дѣло, превышающее человѣческія условія, то надлежитъ, чтобъ благодать Духа, войдя въ насъ, укрѣпила и ободрила, и раскрыла высоту чести. Итакъ, когда поймешь, что и говоришь съ Богомъ, и принялъ силу Духа, намѣреваясь бесѣдовать, то не дашь діаволу никакого доступа въ освященную Духомъ душу. Какъ бесѣдовавшіе съ царемъ и насладившіеся его кроткими рѣчами и честью, не находятъ приличнымъ войти въ общеніе съ нищими и отверженными, такъ и бесѣдовавшій съ Богомъ и молившійся не могъ бы счесть приличнымъ допустить сообщество съ лукавымъ и нечестивымъ демономъ. Воистину раболѣпствующій предъ удовольствіями находится въ общеніи съ демонами и соревнуетъ ихъ неистовству,— подобно тому какъ человѣкъ воздержный и подвизающійся въ дѣлахъ справедливости живетъ вмѣстѣ съ ангелами и подра-

жаетъ ихъ великолѣпію. Мнѣ кажется, что еслибы кто сказалъ, что молитвы—нервы души, то онъ сказалъ бы истину. Думаю, что какъ тѣло связывается нервами, и бѣгаетъ и стоитъ, и живетъ, и крѣпнетъ, благодаря имъ, а еслибы кто вырѣзалъ ихъ, то уничтожилъ бы и всю гармонію тѣла,—такъ и души соединяются съ помощію святыхъ молитвъ и твердо стоятъ, и легко бѣгутъ по пути благочестія. Если же ты лишишь себя молитвы, то сдѣлаешь то же самое, какъ еслибы ты извлекъ изъ воды рыбу, потому что какъ для той жизнь—вода, такъ для тебя—молитва. Чрезъ посредство ея, какъ бы черезъ воду, можно улетѣть вверхъ и стать выше небесъ и приблизиться къ Богу. Итакъ, достаточно и сказаннаго для доказательства силы святой молитвы; но, быть можетъ, лучше будетъ, обратившись къ божественнымъ Писаніямъ, изъ изреченій Христа понять то богатство, какое молитвы собираютъ для людей, желающихъ проводить въ нихъ всю жизнь. *Глаголаше же*, говоритъ (Писаніе), *и притчу къ нимъ, како подобаетъ всегда молитися. Судія бѣ нѣкій въ нѣкоемъ градѣ, Бога не боядся и человѣка не срамляяся. Вдова же нѣкая бѣ во градѣ томъ, и прихождаше къ нему, глаголющи: отмсти мене отъ соперника моего. И не хотяше на долгѣ времени. Послѣди же рече въ себѣ: аще и Бога не боюся, и человѣка не срамляюся, но зане творитъ ми труды вдовица сія, отмщу ея, да не до конца приходящи застоитъ мене. Рече же Господь: слышите, что судія неправды глаголетъ? Богъ же не иматъ ли сотворити отмщеніе избранныхъ своихъ, вопіющихъ къ Нему день и нощь, и долготерпя о нихъ? Глаголю вамъ, яко сотворитъ отмщеніе ихъ вскорѣ* (Лук. XVIII, 1—8). Поймемъ, братіе, мудрость, сокрытую въ словахъ Духа, изслѣдуя ее сообразно съ нашей силой, не какова она есть, но въ какой мѣрѣ она постижима намъ. Тѣ, которые проводятъ свою жизнь на морѣ, спускаясь въ самую пучину, приносятъ для находящихся на землѣ многоцѣнные камни; мы же, изслѣдуя море божественныхъ Писаній, кинемся въ самую пучину духовной мудрости, насколько 782
это для насъ возможно, чтобы принести вамъ совершенное сокровище, лучше украшающее души, чѣмъ какъ украшаютъ головы царей выложенные драгоцѣнными камнями вѣнцы. Красота тѣхъ (вѣнцовъ) находится въ соотвѣтствіи съ настоящей жизнію; а тотъ, кто увѣнчиваетъ свою душу словами Духа, и теперь со всякою безопасностью проводитъ время, и послѣ конца жизни дерзновенно приближается къ престолу Христову, преисполненный добродѣтели и чистый отъ всякой скверны. Итакъ, какое несемъ вамъ сокровище изъ глубины Писаній, не касаясь самой пучины мудрости, но спускаясь къ ней настолько, насколько возможно?

Христосъ, привлекая людей къ молитвѣ и желая показать проистекающую отъ нея пользу для нашихъ душъ, вводитъ нѣкоего порочнаго и жестокаго судью, отвергшаго отъ своихъ глазъ всякій стыдъ и изгнавшаго изъ своей души страхъ Божій, хотя достаточно было бы предложить въ примѣръ кого-либо справедливаго и милостиваго и, сравнивши его справедливость съ человѣколюбіемъ Божіимъ, показать силу молитвы, потому что если добрый и кроткій человѣкъ нѣжно принимаетъ обращающихся съ моленіемъ, то во сколько разъ болѣе Богъ, обширность человѣколюбія Котораго превосходитъ не только нашъ умъ, но даже и самихъ ангеловъ? Итакъ,—что я и говорилъ,—достаточно было бы привести въ примѣръ справедливаго судью; теперь же Онъ вводитъ судью жестокаго и нечестиваго, и человѣконенавидца, свирѣпаго въ отношеніи къ прочимъ людямъ, а въ отношеніи къ тѣмъ, которые просятъ, добраго и кроткаго, чтобы ты понялъ, что всякое моленіе легко привлекаетъ къ состраданію и милости даже и дурную природу. Итакъ, для чего Христосъ сдѣлалъ это? Для того, чтобы никто изъ всѣхъ людей не оставался въ невѣдѣніи на счетъ силы молитвы. Поэтому, представивъ порочнѣйшему изъ всѣхъ судей вдову и показавъ его человѣколюбивымъ, вопреки его природѣ, отъ этого порочнаго человѣка перенесъ рѣчь къ Своему Отцу, благому, кроткому, нѣжному, человѣколюбивому, оставляющему безъ вниманія беззаконія, прощающему многія согрѣшенія, злословимому ежедневно и переносящему это, снисходительно взирающему на воздаваемую демонамъ честь, на оскорбленія, наносимыя Ему, на злословія противъ Его Сына, на безчисленное множество явныхъ и тайныхъ золъ. Что же, злословимый такимъ образомъ, Онъ кротко переноситъ, а если увидитъ, что мы припадаемъ съ подобающимъ страхомъ, то развѣ не помилуетъ въ скоромъ же времени? Слышите, говоритъ (Господь), *что судія неправды глаголетъ: аще и Бога не боюся и человѣка не срамляюся, но зане творитъ ми труды, отмщу ея* (Лук. XVIII, 6, 4, 5). Что говоришь? Надъ тѣмъ не возымѣлъ силы страхъ, надъ тѣмъ возымѣла силу молитва? И угроза, и ожиданіе наказанія не привели этого человѣка къ справедливости, а вдова, явившаяся съ мольбою, укротила жестокаго. Итакъ, что надлежитъ соображать о человѣколюбивомъ Богѣ, если умоляющая вдова сдѣлала жестокаго человѣка столь кроткимъ? Сколь великую доброту, сколь великое человѣколюбіе покажетъ въ отношеніи къ намъ Богъ, всегда желающій только быть милостивымъ, но никогда не хотящій наказывать, даже и наказаніями угрожающій намъ въ силу Своего великаго человѣколюбія и уготовавшій великія почести, чтобы и страхъ, и ожиданіе чести—одно возбудило къ добродѣтели, а другой удержалъ отъ дурныхъ по-

ступковъ! Не могу отклонить свой умъ отъ неправеднаго судіи, въ его кротости, не соотвѣтствовавшей его природнымъ качествамъ, созерцая неизреченное Божіе человѣколюбіе. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ, кто никогда не желалъ проявить съ своей стороны ни- 783
чего добросердечнаго, внезапно перемѣнившись, сжалился надъ умолявшей, то сколь великое попеченіе доставятъ намъ съ неба молитвы? Каждый могъ бы узнать силу и могущество святыхъ молитвъ, разсматривая и созерцая, сколь великими благами ежедневно и ежечасно наслаждаются тѣ, которые всегда униженно умоляютъ Бога. И кто не знаетъ, что и свѣтъ солнца, и звѣздъ, и луны, и благорастворенность воздуха, и разнообразные виды пищи, и богатство, и жизнь, и безчисленное множество благъ Богъ одинаково даруетъ всѣмъ людямъ—и праведнымъ, и нечестивымъ, по той причинѣ, что человѣколюбіе Его, проявляемое въ отношеніи къ намъ, велико? Если же Онъ ежедневно такъ милостивъ и успокаиваетъ тѣхъ, которые не просятъ и не требуютъ, то сколь великими благами естественно будутъ наслаждаться тѣ, кто провелъ всю свою жизнь въ прошеніяхъ и молитвахъ? А сколь многимъ изъ праведниковъ удалось молитвами спасти и народы, и города, и всю вселенную, объ этомъ мы хотимъ сказать вамъ. Но при воспоминаніи о молитвѣ первымъ, достойнымъ упоминанія, лицемъ является Павелъ,—Павелъ, который въ дѣлѣ служенія Богу былъ ненасытимъ, общій отецъ и старшій изъ рабовъ Христовыхъ. Итакъ, этотъ стражъ вселенной молитвою и непрестаннымъ прошеніемъ спасъ всѣ народы, всегда говоря намъ: *сею ради преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, изъ Негоже всяко отечество на небеси и на земли именуется; да дастъ вамъ по богатству благодати Своея, силою утвердитися Духомъ Его, во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша* (Ефес. III, 14—17). Видишь, сколь много имѣетъ силы молитва и прошеніе? Содѣлываетъ людей Христовыми храмами, и какъ золото и многоцѣнные камни и мраморъ устрояютъ жилища царей, такъ молитва—храмы Христовы. *Вселитися*, говоритъ онъ, *Христу въ сердца ваша.* Что могло бы быть бо́льшею похвалою молитвы, нежели то, что она содѣлываетъ храмами Божіими? Кого не вмѣщаютъ небеса, Этотъ входитъ въ душу, проводящую свою жизнь въ молитвахъ. *Небо—престолъ Мой*, говоритъ (Господь), *земля же подножіе ногу Моею. Кій домъ созиждете Ми*, говоритъ Господь, *или кое мѣсто покоища Моего* (Иса LXVI, 1)? Но, однако, Павелъ созидаетъ домъ святыми молитвами. *Преклоняю*, говоритъ онъ, *колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, да вселится Христосъ вѣрою въ сердца ваша.* И оттуда, конечно, всякій могъ бы усмотрѣть силу

святыхъ молитвъ, что Павелъ, бѣжавшій черезъ всю вселенную, какъ бы окрыленный, и жившій въ темницѣ, и подвергавшійся бичеванію, и носившій оковы, и жившій среди крови и опасностей, и прогонявшій демоновъ, и воскрешавшій мертвыхъ, и исцѣлявшій недуги, ни на что изъ этого не положился для спасенія людей, но укрѣпилъ землю молитвами, и послѣ знаменій и воскресенія мертвыхъ прибѣгалъ къ молитвамъ, подобно тому какъ нѣкій атлетъ устремляется къ мѣсту борьбы за вѣнкомъ. Подлинно, молитва—виновница и воскресенія мертвыхъ, и всего остального; и это естественно, потому что какую силу въ отношеніи къ деревьямъ имѣютъ воды, такую въ отношеніи къ этой жизни—молитвы святыхъ му-
784 жей. Ночью освѣжая молитвою свою душу, Павелъ легко переносилъ всѣ бѣды, подставляя свою спину ударамъ такъ, какъ еслибы онъ былъ статуей. Такимъ образомъ онъ потрясъ темницу въ Македоніи; такимъ образомъ, какъ левъ, разорвалъ молитвами свои узы; такимъ образомъ исхитилъ темничнаго стража изъ заблужденія; такимъ образомъ сокрушилъ тираннію демоновъ (Дѣян. XVI). Конечно, мы знаемъ также и то, что̀ онъ пишетъ всѣмъ людямъ: *въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней, со благодареніемъ, молящеся и о мнѣ вкупѣ*, чтобы было дано мнѣ слово, когда я дерзновенно открою мои уста, *проглаголати тайну* евангелія (Колос. IV, 2, 3). Что ты говоришь? Молитвы даютъ намъ столь великое дерзновеніе, что мы можемъ дерзать умолять Бога о Павлѣ? Какой воинъ дерзаетъ умолять царя о великомъ полководцѣ? И хотя никакой полководецъ не дружественъ такъ царю, какъ Павелъ—Богу, однако, молитвы доставляютъ намъ столь великую честь, что мы можемъ дерзать умолять Бога о Павлѣ. Такимъ образомъ освободился изъ темницы и великій Петръ, болѣе блистающій, чѣмъ небо,—преимущественно благодаря своей собственной добродѣтели и ради общаго человѣческаго спасенія, а затѣмъ, и потому, что быстро отверзла заключенныя двери темницы молитва церкви. Вѣдь не необдуманно написалъ Лука (Дѣян. XII, 5), что *молитва же бѣ прилежна* всей церкви за Петра, но для того, чтобы мы поняли, сколь великую на небесахъ силу имѣютъ молитвы, такъ что освобождаютъ отъ опасностей Павла и Петра, столповъ церкви, вождей апостоловъ, славныхъ на небѣ, стѣну вселенной, общую охрану всей земли и моря. Скажи мнѣ, какимъ образомъ Моисей спасъ Израиля во время войнъ? Не передалъ ли ученику оружіе и войско, а самъ не противопоставилъ ли множеству враговъ свои молитвы, уча насъ, что молитвы праведниковъ имѣютъ гораздо бо̀льшую силу, чѣмъ какова (сила) и оружія, и коней, и богатства, и войскъ. Поэтому и все войско, и многія миріады въ молитвѣ пророка имѣли надежду на спасеніе, такъ какъ, когда

Моисей молился, то іудеи брали верхъ (Исх. XVII, 10, 11), когда же прекращалъ молитву, то они уступали врагамъ. Такимъ, конечно, образомъ и мы, молясь, легко побѣдимъ діавола, живя же въ безпечности, изощряемъ противъ самихъ себя лукаваго. Даже и жившій нечестиво народъ Моисей спасъ одною только молитвою, и съ помощію ея одной только достигъ божественнаго лицезрѣнія, и безчисленныхъ благъ. Она сдѣлала ему и жизнь, подобную жизни небожителей. Молитва уничтожила силу огня и укротила львовъ,— одно сдѣлавши относительно Даніила, а другое относительно трехъ отроковъ (Дан. VI, 16 и слѣд.; III). Чрезъ это, думаю, для всѣхъ стало яснымъ, что кѣмъ бы находящимся въ опасности ни овладѣла молитва, всѣхъ она легко избавляетъ отъ угрожающихъ бѣдъ. Молитва—причина спасенія, виновница безсмертія души, несокрушимая стѣна церкви, непоколебимая охрана, страшна для демоновъ, для насъ же, благочестивыхъ, спасительна. Она родила святаго пророка Самуила (1 Цар. I), потому что, послѣ того какъ природа противодѣйствовала матери въ дѣлѣ рожденія дѣтей, молитва, явившись, быстро исправила порокъ природы. Таковъ плодъ молитвы, таковаго родила молитва пророка. Отсюда произошелъ 785
славный на небесахъ Самуилъ, лучшій, чѣмъ свойственно человѣку, соревнователь ангеламъ; и надлежало, думаю, явиться такому колосу молитвы, который превосходилъ бы остальныхъ прекрасными качествами и добротою нравовъ и настолько имѣлъ бы преимущество предъ бывшими до него святыми мужами, насколько въ нивахъ тучнѣйшіе и высочайшіе изъ колосьевъ выдѣляются среди остальныхъ. Съ ея помощью Давидъ удалилъ отъ себя великія войны, не употребляя въ дѣло оружія, не потрясая копьемъ, не извлекая меча, но ограждая себя молитвами; благодаря ей, Езекія быстро обратилъ въ бѣгство множество персовъ (4 Цар. XVIII, XIX...). Тѣ подводили къ стѣнѣ осадныя орудія, а онъ укрѣпилъ стѣну молитвами; и война прекратилась безъ оружія, благодаря молитвѣ, когда не издавала звука труба, когда войско не трогалось съ мѣста, когда оружіе не приводилось въ движеніе, когда земля не обагрялась кровью,—молитвы было достаточно для устрашенія враговъ. Молитва спасла и ниневитянъ и быстро отвратила устремлявшійся съ неба гнѣвъ, и скоро исправила зараженную грѣхомъ 786
жизнь. Такую мощь и силу имѣетъ молитва, что хотя ниневитяне прожили всю свою жизнь постыдно и порочно, но когда вошла въ городъ молитва, то быстро измѣнила все и вмѣстѣ съ собою внесла цѣломудріе, и справедливость, и дружбу, и единодушіе, и попеченіе о бѣдныхъ, и всѣ блага. Подобно тому какъ необходимо бываетъ, чтобы послѣ вступленія въ городъ какой-либо царицы вмѣстѣ съ нею слѣдовало всякое богатство, точно такъ же, конечно, и

послѣ проникновенія въ душу молитвы вмѣстѣ съ нею входитъ и всякая добродѣтель. И что въ жилищѣ—основаніе, то же самое въ душѣ—молитва. И намъ всѣмъ должно, утвердивъ въ душѣ прежде всего ее, какъ бы основаніе и нѣкоторый корень, ревностно строить и цѣломудріе, и кротость, и справедливость, и попеченіе о бѣдныхъ, и всѣ законы Христовы, чтобы, согласно съ ними проживъ остальное время, мы получили небесныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о пророчествѣ Захаріи и о зачатіи Елисаветы [1]).

Ничто не находится внѣ зависимости отъ Господнихъ опредѣленій, потому что все слѣдуетъ и служитъ божественному повелѣнію. *Повелѣніе положи*, говоритъ (Писаніе), *и не мимоидетъ* (Псал. cxlviii, 6), потому что Кто вначалѣ все произвелъ словомъ, Тотъ и опять можетъ словомъ передѣлать творенія. Онъ сказалъ нѣкогда, чтобъ безводная скала сдѣлалась изобилующею водою,—и она тотчасъ изрыгаетъ рѣки воды (Исх. xvii): *порази камень, и потекоша воды, и потоцы наводнишася* (Псал. lxxvii, 20); и скала, которая прежде была сухою и лишенною воды, сдѣлалась источникомъ рѣкъ и матерью водъ (Иса. xxxv, 7), потому что ничто не безплодно, чему Богъ повелѣваетъ (совершать) рожденіе. Итакъ, Измѣнившій тогда безплодную скалу въ озеро, и теперь повелѣлъ безплодной Елисаветѣ явиться рождающею дѣтей матерью и показалъ безплодную плодоносною и отягченную старостью какъ бы новобрачною дѣвицею. Когда спѣшила къ могилѣ, тогда приготовлялась къ дѣторожденію; когда старость изсушила тѣло, тогда Богъ возродилъ утробу; что потеряла она изъ-за времени, то вновь получила, благодаря Создателю; что потеряла юность, то старость получила назадъ; когда она сдѣлалась близкою къ смерти, тогда стала именоваться матерью дитяти; та, которая переступила уже за материнскія времена, увѣдала материнскую заботу и носила на рукѣ младенца,—та, которая по причинѣ старости нуждалась въ посохѣ для того, чтобы ходить; старица осязала перворожденное дитя, и безплодная неожиданно родила, чтобы повѣрили Дѣвѣ, рождающей сверхъ естества. То и другое ново и необыкновенно, потому что и безплодная и Дѣва— неожиданныя матери. Вѣстникомъ же этого необыкновеннаго рожденія былъ посланъ старцу Захаріи архангелъ Гавріилъ; и, ставъ 786

[1]) Эта и слѣдующія бесѣды въ изданіи Миня относятся къ разряду Spuria, т. е. неосновательно приписываемыхъ св. I. Златоусту.

по правую сторону отъ *кадильнаго олтаря*, явился ему: *и смутися Захарія*, говорится, *видѣвъ, и страхъ нападе нань* (Лук. I, 12). Онъ увидѣлъ то, чего никогда не видѣлъ, говорящій огонь, безтѣлеснаго человѣка, неосязаемый образъ, несравнимое ни съ чѣмъ зрѣлище, не похожее ни на что видѣніе, быстро ходящаго по воздуху, крылатое существо съ человѣческимъ образомъ,—и *видѣвъ смутися*. Увидѣвъ же его смутившимся, ангелъ прогоняетъ страхъ добрыми извѣщеніями: *не бойся, Захаріе, зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ. И будетъ тебѣ радость и веселіе, и мнози о рождествѣ его возрадуются* (—13, 14). *Не бойся, Захаріе*; я пришелъ не съ цѣлію наводить страхъ, но явился тебѣ вѣстникомъ радости. Какой радости? *Жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ*. Онъ освѣтитъ міръ, какъ денница, и прогонитъ мракъ невѣдѣнія, призывая Солнце правды, потому что идущій *во слѣдъ мене* былъ прежде меня, *Емуже нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень сапогъ Его* (Марк. I, 7). *И той предъидетъ духомъ и силою Иліиною* (Лук. I, 17). Духъ Иліи вселился и въ Іоанна, потому что духи пророковъ повинуются пророкамъ; и почти во всемъ мы находимъ Іоанна подобнымъ Иліи. Тотъ жилъ въ горахъ, и этотъ проводилъ время въ пустынѣ; того
787 питали вороны, и этотъ ѣлъ *акриды*; тотъ облекался въ *милоть*, и этотъ въ *велблужди власы;* тотъ былъ суровъ и обличитель, и этотъ равнымъ образомъ; тотъ обличалъ Ахава, царя іудейскаго, и Іезавель, жену его: ты, говоритъ онъ, развращающій Израиля, *и домъ отца твоего* (3 Цар. XVIII, 18),—и Іоаннъ обличалъ Ирода и Иродіаду: *не достоитъ тебѣ имѣти жену брата твоего* (Марк. VI, 18). *И той предъидетъ духомъ и силою Иліиною, обратити сердца отцемъ на чада* (Лук. I, 17). Что значитъ: *обратити сердца отцемъ на чада?* Отцы іудеевъ: Авраамъ, и Исаакъ, и Іаковъ, и двѣнадцать патріарховъ, и всѣ праведники, видя грѣхолюбивый народъ, съ готовностію блудодѣйствующій съ чужими богами, отвращались отъ нихъ, какъ отъ таковыхъ. Съ тѣхъ же поръ, какъ Іоаннъ возвѣстилъ крещеніе покаянія, многіе обратились къ Богу. Итакъ, отцы ихъ, видя, что они обращаются къ Богу, и сами обратили къ нимъ свои сердца; вотъ что значитъ: *обратити сердца отцемъ на чада, уготовати Господеви люди совершены* (Лук. I, 17), избранниковъ Божіихъ, о которыхъ Давидъ-пророкъ предвозвѣстилъ, говоря: *сей родъ ищущихъ лице Бога Іаковля* (Псал. XXIII, 6). Необыкновенное зачатіе сына поражаетъ изумленіемъ старца Захарію, онъ не въ состояніи перенести рожденія, имѣвшаго наступить по минованіи соотвѣтствующаго этому возраста,—не размысливъ разумно, что гончаръ, устроившій чрево, можетъ возобновить

обветшавшую утробу. Поэтому онъ и низвергнулся въ крутую пропасть невѣрія. Когда ангелъ говоритъ: вотъ *жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ* (Лук. I, 13), Захарія противостоитъ своимъ словомъ и говоритъ: *по чесому разумѣю сіе? Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ* (Лук. I, 18). Откуда мнѣ, говоритъ, будетъ обезпеченіе? Какое можешь представить мнѣ доказательство обѣщаннаго? Покажи мнѣ теперь жезлъ, какъ при первосвященникѣ Ааронѣ, расцвѣтшій, и тогда я повѣрю тебѣ, что и старость можетъ произвести дитя. *Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ.* Слова твои—хороши, но обѣщаніе таково, что ему вѣрить трудно. Какъ посредникъ, обѣщаешь мнѣ сына, надежду за надеждами; время моей молодости миновало; я безплодно истратилъ все время юности. 788
Когда я сдѣлался какъ бы сухимъ деревомъ, тогда ты вынуждаешь меня приносить плодъ; съ согнутымъ тѣломъ прохожу по площади, уже не имѣю силы смотрѣть вверхъ къ небу; старость увлекаетъ меня къ сродной мнѣ землѣ, потому что я — земля и отойду въ землю; едва переставляю ступню ногъ; двухъ ногъ мнѣ недостаточно для хожденія; вмѣсто третьей ноги ношу жезлъ, потому что донынѣ я не обогатился дитятею, которое вело бы меня за руку; я—движущійся гробъ и ходящій мертвецъ. Итакъ, какимъ образомъ съ теперешняго времени дитя будетъ называть меня отцомъ? *Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ.* Когда старость приводитъ меня къ могилѣ, тогда ли я взойду на брачное ложе и произведу дитя на закатѣ солнца моей юности? И я ослабѣлъ изъ-за времени, и Елисаветы утроба омертвѣла. Итакъ, *по чесому разумѣю сіе? Азъ бо есмь старъ и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ.* И ангелъ, отвѣчая, сказалъ ему: *азъ есмь Гавріилъ, предстояй предъ Богомъ, и посланъ есмь глаголати къ тебѣ и благовѣстити тебѣ сія. И се будеши молча и не могій проглаголати, до негоже дне будутъ сія, зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое* (Лук. I, 19, 20). *И се будеши молча и не могій проглаголати.* Желаю что-либо сдѣлать, и какъ ты спрашиваешь? Я рѣшился сотворить чадо, и ты разслѣдуешь способъ? Вообще же ты напрасно любопытствуешь относительно начала Моихъ дѣлъ. Развѣ невозможенъ для Бога *всякъ глаголъ*? Скажи Мнѣ: откуда былъ рожденъ Исаакъ? Не Авраамъ ли—старецъ—родилъ его, и не Сарру ли—неплодную—онъ назвалъ матерью? Ты, которому предстоитъ тоже ожиданіе, почему не принялъ моихъ словъ такъ, какъ—тотъ? Поэтому *будеши молча и не могій проглаголати, зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ.* Свяжу твой языкъ, пришедшій въ движеніе для безчиннаго отвѣта; какимъ органомъ произвелъ грѣхъ, посредствомъ того и будь наказанъ.

Яко имиже кто согрѣшаетъ, сими и мучится (Прем. Сол. xi, 17). Поэтому *будеши молча и не могій проглаголати, зане не вѣровалъ еси словесемъ Моимъ*; ты, говоря, не повѣрилъ Моимъ словамъ, молча—ожидай Моихъ словъ, *яже сбудутся во время свое* (Лук. і, 20), потому что невозможное для людей возможно для Бога. Ему слава во вѣки. Аминь.

ПОХВАЛА

на зачатіе святаго Іоанна пророка—Предтечи и Крестителя.

787 Великій Моисей, слуга Божій, глава пророковъ, шествовавшій по морю, кормчій воздуха, дававшій въ пищу манну, Божій законодатель, принявшій священныя скрижали, первый вводитель въ жизнь того, что—полезно, этотъ столь великій мужъ устроилъ израильскому народу скинію по тому образцу, какому былъ наученъ отъ Бога на горѣ. И онъ устроилъ все, какъ святое, такъ и священное въ отдѣльности, что содержалось внутри—въ огражденномъ мѣстѣ; самое же внутреннее между этимъ было и неприступнымъ, и недоступ-
788 нымъ мѣстомъ, такъ называемымъ „Святымъ святыхъ". По этому образцу скиніи и Соломонъ построилъ храмъ, затмѣвавшій всѣ бывшіе на землѣ храмы не драгоцѣнностью вещества только и не тонкостью искусства, но и видомъ постройки, такъ что никогда и не вздумалось бы пожелать тѣхъ, что были у египтянъ. И онъ дѣлаетъ храмъ на подобіе всего міра, какъ чувственнаго, такъ и духовнаго. Подобно тому какъ есть земля и небо, и средняя перегородка—это *твердь;* такъ повелѣлъ Богъ и тому быть, и раздѣливъ этотъ храмъ на двѣ части и опустивъ посрединѣ завѣсу, въ часть, находившуюся внѣ завѣсы, позволилъ входить всѣмъ, а внутренняя часть была недоступна для всѣхъ и невидима ни-
789 кому, кромѣ одного только первосвященника, какъ заповѣдалъ ангелъ, сказавшій Моисею, чтобы онъ передалъ сынамъ Израиля: *въ мѣсяцъ седьмый, въ десятый день мѣсяца, покорите души ваша* (Лев. xvi, 19); это сказано о сооруженіи скиніи, потому что тогда, въ день водруженія скиніи, однажды въ годъ одинъ только первосвященникъ входилъ во Святая святыхъ воскурять ѳиміамъ. Итакъ, въ этотъ праздникъ сооруженія скиніи вошелъ и Захарія *въ чину чреды своея покадити* и увидѣлъ ангела, стоявшаго *одесную олтаря кадильнаго. И смутися Захарія, видѣвъ, и страхъ нападе нань. Рече же къ нему ангелъ: не бойся, Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и*

наречеши имя ему Іоаннъ. И будетъ тебѣ радость и веселіе, и мнози о рождествѣ его возрадуются. Будетъ бо велій предъ Господемъ: и вина и сикера не иматъ пити, и Духа Святаго исполнится еще изъ чрева матере своея. И той предъидетъ духомъ и силою Иліиною, обратити сердца отцевъ на чада, и противныя въ мудрости праведныхъ, уготовати Господеви люди совершены (Лук. I, 11—15, 17). Замѣтилъ ли ты обѣщаніе, превышающее пророческую силу? Это пророчество связало и развязало языкъ Захаріи: связало, когда онъ не повѣрилъ рожденію; развязало же его, когда рожденіе произошло. О, чудо! Іоаннъ изъ чрева—евангелистъ, изъ утробы—чудотворецъ, вскормленный въ пустынѣ и ведущій равноангельскую жизнь, бывшій послѣ закона въ числѣ пророковъ, второй Илія и истиннѣйшій вѣстникъ, ревностію Духа изгоняющій заблужденіе, Предтеча и Креститель, говорящій: *покайтеся приближибося царствіе, небесное* (Мѳ. III, 2); сынъ Захаріи и плодъ безплодной, и совершенное дѣло молитвъ народа; искренній возвѣститель покаянія и заступникъ вѣрныхъ—исповѣдующихся; *исполненіе* закона и вождь благодати, и изобличеніе нечестія іудеевъ; утвердитель небесныхъ догматовъ и неподкупный судья проступковъ народа; родившійся, сверхъ ожиданія, отъ нерождавшей, безплодной женщины и по благодати брачный другъ Христа, Который извелъ изъ скалы воду; обуздатель іорданскихъ волнъ и руководитель очищенія грѣшниковъ; предузнавшій непостижимое таинство и пророкъ явленія Того, Кто невидимъ: таковъ Іоаннъ, согласно съ возвѣщеніемъ, родившійся у Захаріи въ глубочайшей старости. О, чудо! Вотъ самыми дѣлами подтверждены тѣ бывшія во чревѣ радостныя движенія Іоанна, какія онъ обнаружилъ. Міръ увидѣлъ веселіе, которое Предтеча во чревѣ живописалъ своими ногами. Но какую мы воздадимъ праведнику честь, отовсюду окружаемые его отмѣнными подвигами? Онъ, находясь во чревѣ, благовѣствуетъ, рождаясь, чудотворитъ, подвизаясь въ пустынныхъ мѣстахъ, преуспѣваетъ; воспитывается, ведомый впередъ Духомъ, служитъ посредникомъ между закономъ и благодатію, возвѣщаетъ крещеніе покаянія, креститъ явившагося Господа, крестя, созерцаетъ славу Троицы и поистинѣ свидѣтельствуетъ о благодати, взывая, показываетъ на Возвѣщеннаго пророками, исповѣдуя Владыкой болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ самъ; путеводитъ къ Нему вѣрующихъ, научая множество народа тому, что полезно; наставляетъ и крестящихся мытарей, обличаетъ и противозаконно поступающаго Ирода, принимаетъ, наконецъ, и Того, Кто даруетъ блаженство. Поэтому, какими словами выразимъ свое удивленіе? Какой языкъ приведемъ въ движеніе при этомъ? Что изъ этого пройдемъ молчаніемъ и что будемъ въ силахъ сказать

относительно этого? Велико море похвалъ, велика и широта отмѣнныхъ подвиговъ; и одно только ознакомленіе съ дѣлами поражаетъ говорящихъ изумленіемъ. Но да придетъ и нынѣ Захарія, отецъ праведнаго, осужденный на молчаніе и опять начавшій говорить; тотъ какъ нельзя болѣе ясно повѣдаетъ намъ о своихъ дѣлахъ, какъ онъ заговорилъ, послѣ того какъ языкъ его былъ связанъ, какъ Іоаннъ рождается и высказанный ангеломъ приговоръ отмѣняется, какъ мщеніе уходитъ и приходитъ исцѣленіе. Евангелистъ, вводя сокращенное повѣствованіе о Захаріи и женѣ его—Елиса-
790 ветѣ, прежде обозначаетъ ихъ имена и родъ, и достоинство, а потомъ присоединяетъ похвалу ихъ образу жизни и трофей за ихъ добрыя дѣла, при чемъ указываетъ и на осужденіе Захаріи на молчаніе и извѣщаетъ о возстановленіи дара рѣчи. И слушай потомъ евангельскія слова: *и не бѣ имъ чада*, говоритъ Писаніе, *понеже Елисаветь бѣ неплоды, и оба заматорѣвша во днехъ своихъ бѣста* (Лук. I, 7). И теперь я не только созерцаю ихъ безчадіе, но и размышляю о древнемъ образѣ праведниковъ, разумѣю—Авраама и Сарру; замѣчаю какъ неплодіе, порождающее другое такъ и дѣторожденіе при помощи благодати и естества, необыкновенное дѣторожденія таинство: таковъ образъ и этого обѣтованія. *Явися же ему ангелъ Господень, стоя одесную олтаря кадильнаго; и смутися Захарія, видѣвъ, и страхъ нападе нань. Рече же къ нему ангелъ: не бойся, Захаріе: зане услышана бысть молитва твоя, и жена твоя Елисаветь родитъ сына тебѣ, и наречеши имя ему Іоаннъ* (Лук. I, 11—13). Прекрасно стяжаніе обѣтованія, великъ даръ видѣнія, истинно Авраамова похвала, потому что какъ тому предвозвѣщено зачатіе Сарры, такъ и этому—зачатіе Елисаветы. Но, хотя предсказаніе одинаково,—не одинаково положеніе дѣлъ. Между тѣмъ какъ Авраамъ, вслѣдствіе обѣтованія, не испыталъ ничего ужаснаго, Захарія послѣ благовѣствованія оказывается безгласнымъ, не повѣривъ вѣрному ангелу и принявъ наказаніе безмолвіемъ. *Рече* же, говоритъ (Писаніе), *Захарія ко ангелу: по чесому разумѣю сіе? Азъ бо есмь старъ, и жена моя заматорѣвши во днехъ своихъ* (—18). Что это, Господи? Я возношу Богу моленія за весь народъ, умилостивляя Его, и Ты самъ возвѣщаешь мнѣ благую вѣсть, что у меня родится сынъ? Это—невозможно, потому что старость—безсильна и естество—разслабленно, и моя жена—безплодная скала. И какимъ образомъ это со мною случится? Однако, если и родится у меня сынъ, какъ Ты сказалъ, то какая будетъ отъ него польза народу? Ангелъ же отвѣчаетъ: чрезъ него будетъ великое спасеніе народу и всѣмъ *языкамъ*, такъ какъ онъ обратитъ всѣхъ съ пути заблужденія и покажетъ имъ путь спасенія, ставъ посредникомъ между Богомъ

и людьми. Онъ *предъидетъ духомъ и силою Иліиною*, и *пророкъ Вышняго наречется* (—17. 76). Онъ предъидетъ предъ лицемъ Господнимъ, говоря: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. і, 29).

2. Захарія, отвѣчая на это, сказалъ ангелу: *по чесому разумѣю сіе?* Ангелъ же сказалъ: такъ какъ ты нетерпѣливо желаешь знаменія рожденія и не вѣришь моимъ словамъ, то возьми надежный залогъ: *азъ есмь Гавріилъ, предстояй предъ Богомъ, и посланъ есмь глаголати къ тебѣ и благовѣстити тебѣ сія. И се будеши молча и не могій проглаголати, до негоже дне будутъ сія, зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ, яже сбудутся во время свое* (Лук. і, 19, 20). Неумолимъ судъ погрѣшившему и безотлагателенъ наказующій гнѣвъ. Поистинѣ не слѣдовало бы оказывать недовѣрія ангелу, не слѣдовало бы, чтобъ *олтарь* былъ предметомъ презрѣнія, не слѣдовало бы думать, что время кажденія — время обмана,—вѣдь когда онъ кадилъ—явился ангелъ. Онъ не вспомнилъ объ исторіи Авраама; и тогда рождаетъ дитя неплодная и старость, а сказанное тогда было встрѣчено съ полнымъ довѣріемъ; (Захарія же) получилъ чудесное подтвержденіе таковаго дѣторожденія. Поэтому ангелъ говоритъ ему: *будеши молча и не могій проглаголати, до него же дне будутъ сія, зане не вѣровалъ еси словесемъ моимъ*. О, человѣколюбивое наказаніе, скорѣе содѣлавшее исправленіе! Ангелъ вразумляетъ и самый голосъ, котораго Захарія лишился, потому что *изшедъ не можаше глаголати къ нимъ, и разумѣша, яко видѣніе видѣ въ церкви; и той бѣ помавая имъ, и пребываше нѣмъ* (Лук. і, 22). Прекрасно написалъ евангелистъ: *и пребываше*, потому что молчаніе ожидало рождающагося голоса, Захарія— Іоанна, старецъ — младенца. О, чудо! Слово приходитъ и голосъ 791
предвозвѣщаетъ; Господь *грядетъ*, и рабъ предпосылается. Но зачѣмъ теперь преждевременно говорю о проповѣди въ пустынѣ, имѣя нѣкоторый другой необыкновенный и великій предварительный голосъ? Есть дѣла болѣе раннія, которыя выше этихъ рѣчей. Креститель, еще живя во утробѣ матери, еще удерживаемый узами естества, еще обернутый материнскими свивальниками, проповѣдью вопіетъ объ явленіи Господа. Случилось, говоритъ (Писаніе), что когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, *взыграся младенецъ радощами во чревѣ* ея (Лук. і, 44). Еще не рождается — и говоритъ радостными движеніями; еще не имѣетъ возможности кричать—и предвозвѣщаетъ Бога. Поистинѣ *иніи трудишася и мы въ труды ихъ внидохомъ* (ср. Іоан. іv, 38); предвѣщали пророки и не молчали подвергаемые ударамъ; списокъ патріарховъ находился въ опасности: тираны выстраивались противъ нихъ во враждебный строй; воевали цари; воспламенялся

гнѣвомъ народъ; весь міръ противоборствовалъ подвигамъ праведниковъ; тутъ они приводились въ суды, тамъ подвергались бичеваніямъ; отовсюду—пытки и мученія! Но, благовѣствуя испытывавшимъ таковое несчастіе въ жизни прекращеніе зимы, Іоаннъ, еще связанный свивальниками естества, показалъ намъ спасительную весну; и спѣша возвѣстить своимъ голосомъ Того, о Комъ объявилъ своими ногами, насильственно пытался переступить предѣлы естества, и торопилъ медленно рождавшую Елисавету; прыгалъ, и веселясь вмѣстѣ, и досадуя изъ-за того, что находился во власти чрева; вопіялъ противъ періода мѣсяцевъ; потрясалъ утробу, какъ тюрьму, въ которой онъ неправедно былъ заключенъ, и восклицалъ своими радостными движеніями, такъ говоря Елисаветѣ: мать, ты, медленно рождая, поступаешь несправедливо, задерживая радость вселенной и препятствуя выйти Предтечѣ; ты носишь во чревѣ пророка, удерживаешь царскаго воина; препятствуешь быстрому гонцу съ проповѣдью благочестія; ты поступаешь несправедливо, мать; не знаешь будущаго, не вѣдаешь имѣющаго быть. Приходитъ свѣтъ,—освободи утро; пусть взойдетъ солнце, пусть возсіяетъ денница; Слово—при дверяхъ, и уже нужда въ голосѣ, вблизи Женихъ, и надлежитъ, чтобы былъ открытъ чертогъ на Іорданѣ; нужда—въ крови, искупающей міръ, и надлежитъ мнѣ заранѣе указать на Агнца. Родъ человѣческій опутанъ грѣхами, пришелъ Разрѣшитель скованныхъ. Нужда—въ вѣстникѣ, чтобы всѣ, узнавъ, вышли на встрѣчу Господу; и вотъ ты удерживаешь Предтечу въ утробѣ. Итакъ, мать, поразмысли объ Адамѣ, находящемся во власти ада, о вѣчныхъ стенаніяхъ Евы,—вѣдь доселѣ вопіетъ кровь Авеля, обвиняющая Каина въ убійствѣ; вмѣстѣ съ нею стенаютъ и самыя стихіи. Поэтому, конечно, ты и освободилась отъ несчастія безчадія, чтобы родившійся отъ неплодной указалъ на Родившагося отъ Дѣвы; поэтому я радостно прыгалъ во чревѣ, чтобы болѣе не предавался пляскамъ въ мірѣ діаволъ. Вотъ что объявлялъ Елисаветѣ
792 своими радостными движеніями еще неродившійся Іоаннъ. *Елисаветы же исполнися время родити ей, и роди сына. И слышаша окрестъ живущіи и ужики ея, яко возвеличилъ есть Господь милость Свою съ нею, и радовахуся съ нею. И бысть во осмый день пріидоша обрѣзати отроча и нарицаху е, именемъ отца его, Захарію. И, отвѣщавши мати его, рече: да наречется Іоаннъ. И помаваху отцу его еже како бы хотѣлъ нарещи е. И, испросивъ дщицу, написа, глаголя: Іоаннъ—имя ему. И чудяхуся вси. Отверзошася же уста его абіе и языкъ его, и глаголаше, благословя Бога* (Лук. I, 57—60, 62—64). Подлинно, рождается дитя, и голосъ отца возвращается; такимъ образомъ обнаруживается

восклицающій голосъ Іоанна, сила голоса указала и самое имя. *Азъ*, говорилъ (Іоаннъ), *гласъ вопіющаго въ пустыни, уготовайте путь Господень, правы сотворите стези* Его (Иса. xl, 3; Іоан. i, 23). Воспріявъ озареніе отъ Святаго Духа, онъ показывалъ Творца тварямъ и на Создателя указывалъ пальцемъ всѣмъ людямъ, восклицая велегласно: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра* (Іоан. i, 29). *Сотворите убо плоды достойны покаянія, и не начинайте глаголати въ себѣ: отца имамы Авраама; глаголю бо вамъ: яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (Мѳ. iii, 8—9). Но зачѣмъ вмѣстѣ съ горячею ревностію дитяти и наше сегодняшнее слово слишкомъ растягивается? Удержимъ, если угодно, теперь на нѣкоторое время свой языкъ, достаточно попрыгавшій вмѣстѣ съ дитятею. Прекрасно соразмѣрять свое повѣствованіе съ удобнымъ временемъ и находить удовольствіе въ сказанномъ, а также ожидать изслѣдованія того, что слѣдуетъ по порядку. И креститель своимъ радостнымъ прыганіемъ не переступилъ насильственно предѣловъ естества, но и самъ ожидалъ надлежащее время, зная, что и это ради насъ послѣ него исполнитъ Господь, восклицая: *наполнится земля видѣнія Господня, якоже вода многа въ мори покрыетъ я* (Аввак. ii, 14), и *отъ востокъ солнца и до западъ имя Мое прославися, и на всякомъ мѣстѣ приносится имени Моему жертва чиста.* (Малах. i, 11). Уже не одинъ храмъ, какъ во времена закона, пріемлющій жертвы, и ими гордящійся, но по всей вселенской церкви безпорочно возсылаютъ славу Богу. Тамъ первосвященникъ былъ одинъ на каждый годъ, смертный и исполненный всякаго грѣха; мы теперь приняли первосвященника душъ нашихъ—Іисуса Христа, *Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (1 Петр. ii, 22). *Имѣемъ убо*, говоритъ (Писаніе), *архіерея велика, прошедшаго небеса*, Господа нашего Іисуса Христа (Евр. iv, 14), Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Отцемъ и Всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Благовѣщеніе преславной Владычицы нашей Богородицы.

791—92 Опять радостныя благовѣствованія, опять извѣщенія о свободѣ, опять отозваніе назадъ, опять возвращеніе, опять голосъ веселія, опять освобожденіе отъ рабства: ангелъ бесѣдуетъ съ
793 Дѣвою, такъ какъ и съ женою бесѣдовалъ змій. *Въ мѣсяцъ шестый*, говорится, *посланъ бысть ангелъ Гавріилъ отъ Бога къ Дѣвѣ обрученнѣй мужеви* (Лук. 1, 26, 27). Гавріилъ былъ посланъ объявить всемірное спасеніе; Гавріилъ былъ посланъ, неся Адаму обѣщаніе возвращенія изъ плѣна; Гавріилъ былъ посланъ къ Дѣвѣ, чтобы измѣнить безчестіе женскаго пола въ честь; Гавріилъ былъ посланъ, чтобы приготовить чистому Жениху достойный чертогъ; Гавріилъ былъ посланъ, чтобы помолвить созданіе съ Создателемъ; Гавріилъ былъ посланъ къ одушевленному дворцу Царя ангеловъ; Гавріилъ былъ посланъ къ Дѣвѣ, обрученной Іосифу, но сберегаемой для Сына; былъ посланъ безтѣлесный рабъ къ чистой Дѣвѣ; былъ посланъ свободный отъ грѣха къ недопускающей тлѣнія; былъ посланъ свѣтильникъ, чтобъ указать на Солнце правды; было послано утро, бѣгущее впереди свѣта дня; былъ посланъ Гавріилъ, показывающій Того, Кто находится въ нѣдрахъ Отца и въ объятіяхъ Матери; былъ посланъ Гавріилъ, показывающій на Того, Кто находится на тронѣ и въ вертепѣ; былъ посланъ воинъ, вопіющій о таинствѣ Царя, — таинствѣ, познаваемомъ вѣрою, не изслѣдуемомъ излишнимъ любопытствомъ,—таинствѣ, покланяемомъ, не взвѣшиваемомъ какъ бы на вѣсахъ, — таинствѣ, исповѣдуемомъ, не измѣряемомъ. *Въ мѣсяцъ шестый посланъ бысть Гавріилъ къ Дѣвѣ*. О какомъ шестомъ мѣсяцѣ говорится? О какомъ? Съ какого Елисавета приняла благовѣствованіе, съ какого зачала Іоанна. Откуда это ясно? Пусть объяснитъ самъ архангелъ, говорящій Дѣвѣ: *се*, говоритъ онъ, *Елисаветь, южика твоя, и та зачатъ сына; и сей мѣсяцъ шестый есть ей нарицаемѣй неплоды* (Лук. 1, 36). *Въ мѣсяцъ шестый*. Шестый мѣсяцъ зачатія Іоанна. Надлежало, чтобъ прежде пришелъ воинъ, надлежало, чтобъ прежде явился тѣлохранитель, надлежало, чтобъ сначала проложилъ путь возвѣститель Господня пришествія. *Въ мѣсяцъ шестый посланъ бысть ангелъ Гавріилъ къ Дѣвѣ обрученнѣй мужеви*, не вступившей въ бракъ; хотя *обрученнѣй*, но сохраняемой. Почему — *обрученнѣй?* Чтобы разбойникъ тотъ не узналъ въ скорости о таинствѣ. Что Царь придетъ съ помощію Дѣвы, лукавый зналъ, потому что и онъ самъ слышалъ слова Исаіи: *се*

Дѣва во чревѣ зачнетъ (Иса VII, 14); и естественно сторожилъ все въ отдѣльности, что было предсказано о Дѣвѣ, чтобы, гдѣ замѣтитъ, что исполняется это таинство, приготовить хулу. Поэтому Господь пришелъ чрезъ посредство *обрученной*, уже принявшей на себя обязательство. *Въ мѣсяцъ шестый посланъ бысть ангелъ Гавріилъ къ Дѣвѣ обрученнѣй мужеви, емуже имя Іосифъ.* Послушай, что говоритъ пророкъ объ этомъ мужѣ и Дѣвѣ. *Дастся книга запечатлѣнная человѣку вѣдущему Писанія* (Иса XXIX, 11). Что̀ это за книга *запечатлѣнная*, если, конечно, не чистая Дѣва? Отъ кого она *дастся?* Ясно, что отъ священниковъ. Кому она будетъ дана? Плотнику Іосифу. Этотъ Іосифъ, прежде жившій въ честномъ бракѣ и родившій сыновей, потерялъ жену и остальное время жилъ въ цѣломудріи, воспитывая дѣтей въ ученіи и наставленіи Господнемъ. Вѣдь извѣстно, что апостолъ Павелъ, придя для проповѣди и найдя одного изъ его сыновей, пишетъ, говоря: *иного же отъ апостолъ не видѣхъ, токмо Іакова брата Господня* (Гал. I, 19), не какъ рожденнаго отъ Дѣвы Маріи, но—отъ Іосифа. Итакъ, какъ священники сочетали Марію съ цѣломудреннымъ Іосифомъ, и предложили ее ему, выжидая удобнаго для брака времени, то онъ, принявши, долженъ былъ сохранять Дѣву въ неповрежденности. Это пророкъ предсказалъ много ранѣе: *дастся*, говоритъ онъ, *книга запечатлѣнная человѣку вѣдущему Писанія*, то есть, сочетавшемуся бракомъ, и онъ скажетъ: не могу прочитать. Почему не можешь, Іосифъ? Не могу, говоритъ, прочитать, потому что книга запечатана. Для кого она сохраняется? Она сберегается въ жилище для Творца *всяческихъ*. Но возвратимся къ предмету. *Въ мѣсяцъ шестый посланъ бысть Гавріилъ къ Дѣвѣ*, конечно, получивъ таковыя приказанія. Слушай—говоритъ—ангелъ, будь слугою страшнаго таинства, послужи сокровенному чуду, мои сострадательныя чувства понуждаютъ меня снизойти къ разысканію заблудшаго Адама. Грѣхъ сдѣлалъ ветхимъ сотвореннаго по Моему образу, испортилъ твореніе Моихъ рукъ, помрачилъ красоту, которую я создалъ; волкъ владѣетъ Моимъ скотомъ; райское жилище опустѣло. Древо жизни охраняется пламеннымъ мечемъ и заперто мѣсто наслажденія. Я оказываю состраданіе тому, кто подвергся нападенію, и желаю поймать врага. Я хочу, чтобъ это было скрыто отъ всѣхъ находящихся на небѣ силъ, тебѣ одному только повѣряю тайну; иди къ Дѣвѣ Маріи, отправься къ одушевленнымъ вратамъ, о которыхъ говоритъ пророкъ: *преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій* (Псал. LXXXVI, 3). Отправься къ Моему раю, одаренному разумомъ; отправься къ восточному городу; отправься къ жилищу, достойному Моего Слова; отправься ко второму небу

на землѣ; отправься къ легкому облаку; объяви ему о дождѣ Моего явленія; отправься къ приготовленному для меня святилищу; отправься къ чертогу Моего вочеловѣченія; отправься къ чистой брачной комнатѣ Моего плотскаго рожденія; скажи въ уши разумнаго ковчега, уготовай мнѣ преддверіе слуха; но не приведи въ смятеніе, не разстрой души Дѣвы; со скромностью предстань ко святилищу; прежде всего воскликни къ ней голосомъ радости; скажи Маріи: *радуйся*, *благодатная* (Лук. I, 28), чтобы я оказалъ сострадание къ страждущей Евѣ. Ангелъ услышалъ это и, какъ естественно, размышлялъ самъ собою: необыкновенное дѣло — превосходящее мысль слово; страшный для херувимовъ, на котораго не могутъ зрѣть серафимы, непостижимый для всѣхъ ангельскихъ силъ, о какомъ возвѣщаетъ обстоятельствѣ! Объявляетъ Дѣвѣ о присутствіи въ ней Своего Лица, лучше же сказать: обѣщаетъ ей о входѣ чрезъ посредство слуха! И осудившій Еву спѣшитъ столь много прославить ея Дочь и говоритъ: приготовь Мнѣ входы слуха! И можетъ ли чрево вмѣстить Невмѣстимаго? Поистинѣ страшное таинство! Когда ангелъ размышлялъ объ этомъ, Господь говоритъ ему: что смущаешься и изумляешься, Гавріилъ? Не былъ ли ты недавно посланъ Мною къ священнику Захаріи? Не далъ ли ты ему добрыхъ извѣстій относительно рожденія Іоанна? Не наложилъ ли ты на невѣровавшаго іерея наказанія молчаніемъ? Не осудилъ ли ты старца на лишеніе голоса? Не ты ли провозвѣстилъ, не Я ли утвердилъ? Не послѣдовало ли дѣло за твоимъ благовѣствованіемъ? Не зачала ли неплодная? Не оказала ли повиновенія утроба? Не отступила ли болѣзнь безплодія? Не убѣжало ли бездѣйствіе естества? Не есть ли теперь приносящею плодъ та, которая доселѣ не приносила плодовъ? Развѣ *изнеможетъ* у Меня—Творца *всякъ глаголъ* (Лук. I, 37)? Итакъ, почему ты охваченъ сомнѣніемъ? Что же опять ангелъ? Господи, исцѣлить недостатки естества, прекратить бурю страданій, призвать мертвенность членовъ къ животворящей силѣ, повелѣть естеству проявить силу дѣторожденія, уничтожить неплодство въ членахъ уже устарѣвшихъ, видоизмѣнить состарѣвшійся стебель въ состояніе зеленѣющаго, внезапно показать безплодную ниву матерью колосьевъ, все это—дѣло Твоего могущества, обычно совершаемое, и свидѣтельствуютъ—Сарра и послѣ нея Ревекка, и опять Анна, подчиненныя рабству тягостной болѣзни неплодія, а потомъ принявшія отъ Тебя свободу. А чтобъ родила дѣва, не вступившая въ сношеніе съ мужемъ, это—выше законовъ естества. Но и Твое пришествіе Ты возвѣщаешь Дѣвицѣ. Предѣлы неба и земли не вмѣщаютъ Тебя; и какимъ образомъ вмѣститъ Тебя дѣвическая утроба? И Господь говоритъ: какимъ образомъ вмѣстила Меня палатка Авраамова? Ангелъ говоритъ: потому что онъ владѣлъ по-

нотою гостепріимства. Потомъ подумай, Господи, тамъ Ты явился патріарху въ расположенной подлѣ дороги палаткѣ, и Ты, все наполняющій, прошелъ мимо. Какимъ образомъ вытерпитъ огонь божества Марія? Престолъ Твой пламенѣетъ, озаряемый сіяніемъ, и неужели Дѣва можетъ безъ ужаса носить Тебя? Да, конечно, 795
еслибы огонь въ пустынѣ причинилъ вредъ купинѣ (Исх. III), то несомнѣнно повредило бы и Маріи Мое присутствіе; если же тотъ огонь, изображавшій явленіе съ неба божескаго огня, только оросилъ купину, а не сжегъ, то что ты могъ бы сказать объ истинѣ, нисходящей не въ пламенномъ огнѣ, но въ видѣ дождя? Тогда наконецъ, ангелъ исполнилъ повелѣнное ему, и, придя къ Дѣвѣ и войдя, воскликнулъ къ Ней, говоря: *радуйся, благодатная, Господь съ Тобою* (Лук. I, 28). Уже діаволъ не противъ Тебя, потому что гдѣ прежде врагъ нанесъ рану, тамъ врачъ налагаетъ пластырь; откуда смерть получила начало нападенія, оттуда жизнь соорудила входъ жизни. Чрезъ жену разливается зло, чрезъ жену текутъ блага. *Радуйся, благодатная*; не стыдись, какъ виновница осужденія, потому что Ты дѣлаешься Матерью Того, Кто осудилъ. 796
Радуйся, благодатная; радуйся, непорочная, рождающая Жениха пребывавшему во вдовствѣ міру. *Радуйся, благодатная*, потопившая въ утробѣ матерней смерть; радуйся, одушевленный Божій храмъ; радуйся жилище, равное по своей цѣнѣ небу и землѣ; радуйся, пространное вмѣстилище невмѣстимаго естества. При такомъ положеніи, врачъ приступаетъ къ немощнымъ, сидящимъ во тьмѣ является солнце правды, обуреваемымъ—якорь и безопасная отъ морскихъ волнъ гавань, рабамъ, непримиримо ненавидимымъ, родился Посолъ и союзъ мира, плѣнниковъ посѣтилъ Избавитель, подверженныхъ нападенію непріятелей—крѣпкій Покровъ неизреченной радости и любви. *Той бо есть миръ нашъ* (Ефес. II, 14),—какъ говоритъ божественный апостолъ,—миръ, которымъ, о, если бы намъ непрестанно наслаждаться, по благодати самого Христа и Бога нашего, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

на слова: „изыде повелѣніе отъ кесаря Августа“ и на „внесеніе въ перепись“ святой Богородицы.

795 ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ! Когда общій нашъ Спаситель Іисусъ Христосъ имѣлъ родиться, отъ кесаря Августа выходитъ общее повелѣніе, касающееся вселенной. Такъ такъ всеобщая благодать должна была возсіять на всю землю, то нѣкоторымъ образомъ и дѣло общественное соприкасается съ религіею, и, при рожденіи Спасителя, происходитъ одно повелѣніе во всей вселенной. Итакъ, *изыде повелѣніе отъ кесаря Августа*, чтобъ была сдѣлана перепись всей вселенной для приготовленія единенія религіи, для приготовленія пути евангельской проповѣди, для приготовленія пути ученію. Прежде было, конечно, много мѣстныхъ начальственныхъ учрежденій, не было кесарева повелѣнія, касавшагося того всеобщаго объявленія; а когда при посредствѣ проповѣди вѣра благочестія должна была распространиться по всей вселенной, вселенная соединяется подъ однимъ лозунгомъ; и не только вселенная, но и земное — съ небеснымъ, и къ пользѣ для людей благочестіе доводится до общаго свѣдѣнія, чтобы божественная истина ни отъ кого не осталась сокрытою. Кесарь Августъ повелѣваетъ—и Іосифъ повинуется и беретъ Дѣву. Когда ты спросишь эллина или даже самого іудея о томъ, почему Августъ удостоился чести много времени царствовать (а онъ царствовалъ пятьдесятъ шесть лѣтъ и четыре мѣсяца), то они ничего не отвѣчаютъ, но, не зная причины вещей и не вѣря Божіей благодати, думаютъ, что весьма продолжительное время выпало ему на долю по нѣкоторому жребію. При немъ родился Іисусъ Христосъ. Поэтому, если Августъ былъ римскимъ императоромъ и, притомъ, первымъ, то Христосъ естественно воспринялъ на Себя исполненіе домостроительства Божія объ Его воплощеніи при основаніи римской имперіи. Долженъ былъ быть введенъ жезлъ желѣзный, жезлъ, о которомъ говоритъ Давидъ: *упасеши я жезломъ желѣзнымъ;* и: *проси отъ Мене, и дамъ ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли* (Псал. II, 9, 8), какъ будто бы Отецъ бесѣдовалъ съ Сыномъ и говорилъ: іудеи отреклись отъ Твоего царства
796 и оскорбили Твою власть; это—народъ презрѣнный, немного такихъ, которые обратились. *Проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли*, не уголъ Пале-

стины и не обрѣзанный народъ, пустой и съ душей безъ сердца, но: *дамъ ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли.* Ты же *упасешь* ихъ, такъ какъ они не пожелали повиноваться евангелію, такъ какъ не захотѣли уступить чудесамъ, *упасешь* ихъ, не словомъ, но дѣломъ и желѣзнымъ жезломъ, римскою властію; по этой причинѣ они подчинены власти жезла. Іисусъ, когда пришелъ въ Іерусалимъ и увидѣлъ въ храмѣ торговлю и корыстолюбивое занятіе, — потому что внутри продавали и покупали, ввозя внутрь товаръ подъ предлогомъ жертвоприношеній,—то, сдѣлавъ жезлъ и бичъ изъ веревокъ, выгналъ торжниковъ изъ храма, говоря: *не творите дому Отца Моего дому купли* (Іоан. II, 16). И если бы они приняли тотъ жезлъ, то не были бы *упасены* жезломъ желѣзнымъ; а такъ какъ они не почтили спасительнаго жезла, то подпали не подъ бичъ и не подъ слово, бичующее людей со здравыми чувствами, но подъ жезлъ желѣзный; и часто они хотѣли удалить его, но ихъ поражалъ жезлъ желѣзный, не просто ударяя, но умерщвляя. Поэтому, когда желѣзный жезлъ началъ владычествовать въ царствованіе Августа, тогда именно родился и Христосъ. Власть римлянъ—начало проповѣди, четвертое царство временъ. Можно замѣтить, что это у пророковъ таинственно сохранено, такъ какъ ни въ новомъ ни въ ветхомъ завѣтѣ не находится ничего незаписаннаго, но ветхій предупредилъ собою новый, а новый истолковалъ собою ветхій. И часто я говорилъ, что—два завѣта и двѣ рабыни, и двѣ сестры, которыя въ родѣ какъ бы тѣлохранителей сопровождаютъ единаго Господа. Господь возвѣщается у пророковъ; Христосъ проповѣдуется въ новомъ завѣтѣ; новое не ново, потому что ветхое предупредило; ветхое не погасло, потому что оно истолковано въ новомъ завѣтѣ. Ты могъ бы увидѣть, что тотъ Даніилъ, очень юный возрастомъ, но сѣдой по
пророческому дару, пророчествовалъ въ Вавилонѣ. Почему въ Вави- 797
лонѣ? Потому, что народъ былъ отведенъ въ рабство въ Вавилонъ, и семьдесятъ лѣтъ провелъ въ Ассирійской землѣ. Итакъ, тамъ рождается Даніилъ, тамъ воспитывается, ни въ чемъ не потерпѣвъ вреда отъ иноплеменной земли. Онъ имѣлъ отеческое благоразуміе, и отъ юности дѣлается пророкомъ, и Святой Духъ вошелъ въ его душу, и, достигши 18-лѣтняго возраста, Даніилъ началъ свою пророческую дѣятельность. И многое есть, о чемъ онъ пророчествуетъ, но истолковывается также и четыре царства. Навуходоносоръ, ассирійскій царь, видѣлъ въ образѣ четыре различія, одно тѣло, но четыре цвѣта. Образъ имѣлъ золотую голову, грудь же имѣлъ серебряную, а животъ имѣлъ мѣдный, ноги же имѣлъ желѣзныя, и этотъ образъ состоялъ изъ четырехъ веществъ (Дан. II, 31...). И увидѣлъ царь; но не было того, кто бы изъ-

яснилъ. Пришли маги, пришли халдеи, были приведены прорицатели, были призваны тѣ, которые всегда вводили царя въ заблужденіе; и что же они говорятъ? *Повѣждь* намъ *сонъ*, и мы истолкуемъ его (—4). Итакъ, Богъ, устраивая, чтобъ они по обыкновенію не обманули его, удаляетъ изъ памяти царя образъ сновидѣнія; и царь сказалъ: *сонъ мой повѣдите мнѣ* (—9). А такъ какъ они ясно признавались, что невозможно разсказать сонъ другого, но они растолкуютъ въ томъ только случаѣ, если услышатъ о немъ, то приглашается Даніилъ, о которомъ стало извѣстно, что онъ силенъ въ такого рода вещахъ; и онъ входитъ къ царю Навуходоносору, послѣ того какъ Святый Духъ открылъ ему содержаніе сна, и говоритъ царю: царь, ты видѣлъ это и это. И одновременно со словами пророка слушавшій вспоминалъ о снѣ; и слышанное напомнило ему о видѣніи. Итакъ, пророкъ изъясняетъ этотъ сонъ,—вѣдь послѣ того, какъ онъ разсказалъ самый сонъ, онъ былъ уже истолкователемъ достойнымъ довѣрія,—и говоритъ: образъ, который ты видѣлъ, это — четыре царства, потому что четыре царства *возстанутъ* на землѣ (—37 и слѣд.). Тотъ образъ былъ цѣльный, и стояло одно тѣло. Но ты, царь, увидѣлъ, что оторвался безъ участія чьихъ-либо рукъ камень и сокрушилъ образъ, и камень занялъ и наполнилъ всю землю. Вотъ—то, что ты увидѣлъ: ты увидѣлъ четыре царства. *Ты еси глава златая* (—38),—потому что первыми царствовали ассирійцы, весьма богатые и весьма пышные, и весьма изнѣженные. И говоритъ ему: *ты еси глава златая; и послѣди тебѣ возстанетъ царство меньшее тебе* (—38, 39), — потому что послѣ ассиріянъ царствуютъ персы и мидяне; были же и эти весьма блистательны. *Третье царство возстанетъ мѣдное*—царство грековъ и македонянъ,—когда именно Александръ, будучи въ Элладѣ, снарядивъ войска, сдѣлалъ нападеніе на Персію и низложилъ Дарія, а царство его подчинилъ своей власти. Итакъ, онъ сравненъ съ мѣдью по причинѣ благозвучія бесѣды и языка. Эллины, бывшіе съ Александромъ, и самъ Александръ, бывшіе краснорѣчивыми въ бесѣдѣ, были сравнены съ мѣдью, такъ какъ золото, хотя и блестяще, однакожъ неблагозвучно; подобнымъ же образомъ также и серебро; а мѣдь, хотя и хуже по веществу, но благозвучна въ отношеніи къ издаемому ею звуку. Поэтому онъ говоритъ: третье царство— то, которое обозначается чрезъ посредство мѣди; четвертое же царство и послѣднее—желѣзное (Дан. II, 40). Итакъ, *упасеши я жезломъ желѣзнымъ* (Псал. II, 9). Смотри на согласіе пророчества: Даніилъ видѣлъ, что камень отсѣченъ отъ горы безъ участія рукъ. Какимъ образомъ отсѣченъ? Не желѣзомъ, безъ содѣйствія рукъ, потому что Дѣва рождаетъ безъ посторонняго содѣйствія;

камень же поразилъ образъ и превратился въ великую гору и наполнилъ всю вселенную. Одинъ камень наполняетъ всю землю. Тотъ *камень отторжеся безъ рукъ, и бысть гора велика и наполни всю* вселенную (Дан. II, 34, 35).

2. Какой это камень? Слушай, что говоритъ Исаія: *се Азъ полагаю въ Сіонѣ камень претыканія и камень соблазна* (ср. Исаіи VIII, 14, XXVIII, 16): *и всякъ, вѣруяй въ онь, не постыдится* (Римл. IX, 33). Но не одинъ только Исаія говоритъ объ этомъ камнѣ, а пророчествуетъ и Давидъ: *камень, его же небрегоша зиждущіи; сей бысть во главу угла. Отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очесѣхъ нашихъ* (Псал. CXVII, 22, 23). Какимъ сдѣлался угломъ? 798
Всякій уголъ связываетъ собою двѣ стѣны; а этотъ Камень связалъ новый и ветхій завѣтъ, два народа изъ язычниковъ и изъ іудеевъ, почему *отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ въ очесѣхъ нашихъ*, не въ глазахъ всѣхъ, но въ глазахъ насъ вѣрующихъ. Поэтому, всякій разъ какъ увидишь, что церковь изъ іудеевъ и эллиновъ сохраняется чрезъ посредство одного Камня, то болѣе всего пусть приходитъ тебѣ на умъ сказанное. Но, конечно, кто-нибудь, быть можетъ, спроситъ: гдѣ среди насъ кто-либо изъ іудеевъ? Изъ числа эллиновъ—тѣхъ мы видимъ. А тѣ, что—изъ іудеевъ, гдѣ они находятся? Откуда былъ Павелъ? Откуда былъ Петръ? Откуда былъ Андрей? Откуда Іоаннъ? Откуда многотысячная церковь въ Іерусалимѣ? Прежде всего—изъ іудеевъ, потомъ—изъ эллиновъ. Когда увѣровали тѣ, которые были среди нихъ, имѣя надежду благочестія, тогда пришелъ желѣзный жезлъ и разсѣялъ оставшихся въ невѣріи, такъ какъ *упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосудъ скудельничъ, сокрушиши я* (Псал. II, 9). Почему *яко сосудъ скудельничъ?* Если упадетъ глина въ то время, когда она еще влажная, то она приводится въ прежнее состояніе; если же будетъ сдѣланъ сосудъ и уже будетъ обожженъ огнемъ и сдѣлается весьма сухимъ глинянымъ черепкомъ, то, послѣ того какъ будетъ сокрушенъ, уже не допускаетъ возстановленія въ прежнее состояніе. *Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи, сокрушиши я.* Конечно, Христосъ рождается во время преобладанія царства желѣзнаго: камень отсѣченъ безъ содѣйствія рукъ. Смотри на согласныя дѣла и на одинаковыя слова: камень сокрушилъ образъ и прекратилъ бытіе существовавшихъ на землѣ царствъ; сдѣлался великою горою и наполнилъ всю землю. Навуходоносоръ, царь, увидѣлъ этотъ сонъ; забылъ же онъ сонъ, чтобъ не могъ разсказать магамъ и чтобъ по обычаю не былъ обманутъ ими, услышавъ отъ нихъ одно вмѣсто другого. Итакъ, спустя немного времени, самъ Даніилъ другимъ образомъ видитъ сонъ; впрочемъ, то былъ не сонъ, а откровеніе видѣнія. Казалось ему, что онъ

находится при морѣ; и говоритъ Даніилъ: *четыре звѣри велицыи исхождаху изъ моря* (Дан. VII, 3). Но тихо и понемногу послѣдуемъ за образомъ пророчества. *Исхождаху*, говоритъ онъ, *четыре звѣри велицыи изъ моря*, *различни между собою*, и, по его словамъ, между ними весьма велико различіе. *Первый*, *аки львица*, и *крилѣ его*, *аки орли* (—4). Тамъ ты имѣешь золото, здѣсь — львицу; почему здѣсь—львицу и тамъ—золото? Тамъ—золото по причинѣ роскоши и богатства; здѣсь—львицу по причинѣ женскаго пола и женской нѣжности, но однако—звѣря. *Первый*, *аки львица*. Второго же звѣря увидѣлъ, какъ *медвѣдицу; и на странѣ единѣй ста* (—5); тамъ серебро, здѣсь медвѣдица, по причинѣ жестокости. Третьяго звѣря, говоритъ онъ, я видѣлъ, *аки рысь* (—6), быстрѣйшій звѣрь. Такъ какъ Александръ, царь македонскій, весьма быстро сдѣлалъ нашествіе на востокъ, то онъ сравненъ съ *рысью*. Тамъ мѣдь по причинѣ благозвучности языка Эллады, здѣсь *рысь* по причинѣ весьма большой быстроты нападенія. Говоритъ и о четвертомъ звѣрѣ, но не называетъ по имени, а именуетъ *страшнымъ*, весьма страшнымъ выше мѣры; *зубы его веліи*; безъ мѣры ѣли и *истончевали*, *и останки ногама своима попираше; и той же различаяся излиха паче всѣхъ звѣрей*, бывшихъ прежде его (—7); это былъ страшный звѣрь; пророкъ не сказалъ его имени. Такъ какъ это мѣсто пророчества должно было быть яснымъ, — его пророкъ относилъ къ римлянамъ, — то, чтобы это царство не подверглось поруганію, онъ оставляетъ этого звѣря безъ имени. Когда же, говоритъ онъ, я увидѣлъ этого четвертаго звѣря, то испугался и затрепеталъ, потому что онъ былъ очень страшенъ и ужасенъ: все попиралъ, все сокрушалъ, все пожиралъ; надъ всѣмъ неограниченно господствовалъ, — куда отправлялся, тамъ подчинялъ своей власти. И что говоритъ пророкъ? Вдругъ я увидѣлъ *рѣку огненную*; *престолъ поставися*, *Ветхій денми сѣде*, *тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху*
799 *Ему* (—9, 10), *Ветхому денми*. *Книги отверзошася* (—10), *и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде* (—13). И что̀ тотчасъ произошло? Уже не звѣри, уже не море, уже не страхъ передъ звѣремъ; но Тотъ принялъ *власть* и Самъ сталъ неограниченно господствовать: царство Его—царство *вѣчное*, *еже не прейдетъ*, такъ какъ власть Его—до рода родовъ (—14). *До здѣ*, говоритъ пророкъ, *скончаніе словесе* (—28). И пророкъ такимъ образомъ видитъ четыре царства, какъ приличествовало ему, удалявшемуся отъ житейскихъ дѣлъ; царь же, какъ ему приличествовало, видитъ четыре царства какъ бы въ золотѣ и серебрѣ, и мѣди, и желѣзѣ. Еслибы царь увидѣлъ царства подъ видомъ звѣрей, а потомъ истолковалъ

ему Даніилъ, то было бы странно говорить ему: ты — первый звѣрь, такъ какъ показалось бы оскорбительнымъ для слушателя; но царь видитъ, какъ царь, и пророкъ видитъ подобное же въ другомъ образѣ. Это нами сказано, возлюбленные, не напрасно, и не безъ причины мы изучили эту древнюю исторію, но для того, чтобы вы удостовѣрились, что царство Августа было прославлено, было почтено, было восхвалено, было долговременно, потому что при немъ родился Христосъ, и тотъ мужъ настолько былъ почтенъ, что даже и имя его сдѣлалось титломъ достоинства. Надлежитъ вамъ знать, что онъ царствовалъ пятьдесятъ шесть лѣтъ; когда же исполнилось сорокъ два года, родился Христосъ; слѣдовательно, Христосъ воспитывался въ теченіе пятнадцати лѣтъ его царствованія. За Августомъ же по порядку слѣдуетъ Тиверій, и въ 18-мъ году царствованія Тиверія Христосъ идетъ на крестъ и страдаетъ, и воскресаетъ, и возносится. Поэтому при Августѣ Онъ жилъ 15 лѣтъ, при Тиверіи же 18. Іисусъ, въ царствованіе Тиверія кесаря, будучи 30-лѣтнимъ, открылъ о Своемъ божествѣ ученикамъ и проповѣдывалъ, сверхъ того, три года; всюду чтится Троица, поэтому, проповѣдавши въ теченіе трехъ лѣтъ, на 18-мъ году Тиверіева царствованія шествуетъ на страданіе, исполнивъ во плоти домостроительство.

3. Итакъ, *бысть во дни тыя*,—чтобъ намъ возстановить то чтеніе,—*изыде повелѣніе отъ кесаря Августа написати всю вселенную* (Лук. II, 1). Эта перепись—выясненіе дѣлъ, первое обнаженіе истины, чтобы родъ человѣческій не былъ въ неизвѣстности; это—первая перепись. Ужели и сами пророки умолчали объ этомъ? Сдѣлаемъ отступленіе въ ветхій завѣтъ, изслѣдуемъ іудейскія дѣла и дѣла іудейскаго невѣрія. Призываю во свидѣтельство Давида, мужа достойнаго довѣрія, чтимаго у іудеевъ, даже если только сдѣлано о немъ одно воспоминаніе, достойнаго вѣры въ глазахъ церкви. Итакъ, что же говоритъ Давидъ? *Господь повѣсть въ писаніи людій и князей сихъ* (Псал. LXXXVI, 6). Это—слова пророка, а вотъ—дѣла евангельскія: *сіе написаніе первое*; *взыде же*, говоритъ (евангеліе), *и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею обрученою ему женою, сущею непраздною* (Лук. II, 2, 4),—потому что при бракахъ только происходитъ зачатіе. *Бысть же, егда быша тамо, исполнишася дніе родити ей, и роди сына своего первенца и повитъ Его, и положи Его во яслехъ, зане не бѣ имъ мѣста во обители* (Лук. II, 6, 7). Ничего нѣтъ болѣе простого, чѣмъ это дѣло, ничего нѣтъ беднѣе, чѣмъ рожденіе Іисусово. Іисусъ

сдѣлался бѣднымъ ради насъ, хотя и былъ богатъ; Маріамь по-
ложила Спасителя въ ясляхъ; не было ничего, что можно было бы
подостлать, ничего, чѣмъ бы укрыться; Спаситель и не имѣлъ
нужды въ такого рода попеченіи о Немъ и не нуждался во внѣш-
800 ней заботливости, подобно тому какъ и зачинается Онъ не по за-
кону естества. Достаточно было услуженія со стороны Дѣвы; Онъ
самъ былъ устроителемъ всего. Такимъ образомъ, говоритъ (Писа-
ніе), *положи Его во яслехъ, и пастыріе бѣху въ тойже странѣ,
бдяще* (—7, 8). Матѳей повѣствуетъ, что пришли маги; Лука же,
что и *пастыріе бѣху въ странѣ, бдяще;* тамъ маги, здѣсь пастыри.
И пришелъ къ нимъ ангелъ, возвѣщая о великихъ дѣлахъ: *ра-
дость велію благовѣствую вамъ* нынѣ, *яко родися Спасъ* міру *во
градѣ Давидовѣ* (Лук. II, 10, 11). И когда одинъ ангелъ говорилъ,
отверзлись небеса, и явилось единое согласное пѣніе восхваляю-
щихъ и говорящихъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ,
во человѣцѣхъ благоволеніе* (—14). Все должно сочетаваться, небо
и земля вступить въ единеніе, для того, чтобы нижнее сдѣлалось
верхнимъ, чтобы былъ миръ у тѣхъ, которые обитали далеко, и у
ближнихъ. Поэтому пастыри выслушиваютъ радостную вѣсть. По-
чему пастыри? Потому что мы заблудились на подобіе овецъ, по-
этому-то пришелъ для міра пастырь—Христосъ Іисусъ, Спаситель
вселенной, и пастыри ради Пастыря получаютъ радостную вѣсть,
и—*слава въ вышнихъ Богу*. Люди должны были прославлять и возсы-
лать благодарность Пославшему на землю миръ, потому что люди осво-
бодились отъ вражды, бывшей къ Богу. *Во человѣцѣхъ благоволеніе*—
надлежало, чтобъ людямъ казалось хорошимъ то, что относилось къ
благочестію. Итакъ, пастыри, получивъ радостную вѣсть и выслу-
шавъ слово, увидѣли дѣла; пришли въ пещеру; они не увидѣли
ложа, не увидѣли постели, не увидѣли прригототовленія трапезы, но
сидящую Маріамь и Іосифа, и возлежавшее дитя. Евангелистъ не
говоритъ прежде всего объ отцѣ, но сначала говоритъ о Маріамь,
потому что она—поистинѣ Мать, лучше же сказать: и Она сама
не мать, такъ какъ Она не родила по естеству, но зачала *пре-
естественно*. Она не знала происходившаго, но была орудіемъ
Художника. Итакъ, они увидѣли Маріамь и Іосифа и дитя; услы-
шавъ слово, они увидѣли самыя дѣла, удивились, были спасены.
Дитя, конечно, лежало, терпѣливо снося пока еще несовершенное
развитіе тѣла и перенося увеличеніе его; и, подобно тому, какъ ху-
дожникъ взялъ и приготовилъ инструментъ, чтобы, напр., игрокъ на
цитрѣ воспользовался затѣмъ цитрою, или стрѣлокъ надлежащимъ
образомъ воспользовался затѣмъ лукомъ и стрѣлою,—такъ и Іисусъ,
входя въ общеніе со всѣми, понемногу ростетъ. Почему же не вдругъ?
Почему сразу не сталъ совершеннымъ мужемъ? Онъ пришелъ,

чтобы подражать нашему естеству, чтобъ освятить бренность чрезъ примѣръ. Конечно, еслибы Онъ пришелъ совершеннымъ по возрасту, то еретики поспѣшили бы говорить: Дѣва не родила Его, Онъ не воспринялъ бренности отъ нашего рода. Итакъ, Онъ родился отъ Дѣвы, воспріявъ отъ общей бренности, чтобы освятить Адама—Свое созданіе; и по этой причинѣ Онъ растетъ понемногу, и хотя, какъ человѣкъ. обращается съ людьми, но, будучи Господомъ естества, жилъ безгрѣшно. Поэтому, когда ты услышишь о Немъ—дитяти, то припоминай то пророчество Исаіи, которое онъ произнесъ: *Отроча родися намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его, Богъ крѣпкій, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка* (ix, 6). Когда услышишь о дитяти, то не презирай имени, но подивись человѣколюбію Бога и подивись устроенію спасенія, чтобы тебѣ сдѣлаться достойнымъ слушанія евангельскихъ словъ, тебѣ, сопутствуемому вѣрою, упражняемому терпѣніемъ, состязующемуся благочестіемъ, усовершаемому любовію, ставшему всецѣло неповрежденнымъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СВЯТОМЪ

Іоаннѣ Предтечѣ.

Да совершимъ празднество въ честь Іоанна Крестителя, 801
да увѣнчаемъ своею любовію того, больше котораго *не воста въ рожденныхъ женами* (Матѳ. xi, 11), по слову Господню.

Подлинно, ничто такъ не окружило пророка почестью, какъ то, что онъ окрестилъ Господа. Направимся же къ Господнему крещенію, всего болѣе украсившему предтечу Царя небесъ, и своею любовію проникнемъ въ тѣ мѣста Іудеи, изъ которыхъ мы получили въ качествѣ плода доступъ къ благамъ; лучше же сказать: опишемъ словами тѣ дѣла и соберемъ здѣсь плодъ того, что прочитано немного раньше. Предположимъ себѣ тотъ Іорданъ, принявшій своего Творца, пришедшаго во плоти, что онъ течетъ среди насъ; и подумаемъ, что Іоаннъ Креститель стоитъ на берегахъ рѣки, и станемъ созерцать Христа — Господа, приходящаго къ Своему рабу и крестящагося отъ него, и пальцемъ указываемаго съ его стороны, а съ неба—сошествіемъ Духа; и поклонимся мы, почитатели единосущной Троицы, свидѣтельствовавшему Отцу и засвидѣтельствованному Сыну, и свидѣтельствовавшему Духу

Святому. Послѣдуемъ за книгой евангелій, путеводящей насъ къ тому, что мы страстно любимъ, и, ступая по божественнымъ изреченіямъ, какъ бы по слѣдамъ, взбѣжимъ къ всепрославляемому таинству вселенной. *Тогда*, говоритъ (Писаніе), *приходитъ Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ ко Іоанну креститися отъ него* (Матѳ. III, 13). Господь пришелъ къ Іордану, такъ какъ Сокровище мудрости не совершило ничего безвременно и неразумно, но все, что предпринялъ Господь для нашего искупленія, Онъ совершилъ въ надлежащее время. Будучи Богомъ и Творцомъ всякаго времени и всякаго разстоянія, Онъ установилъ время, и дѣйствіями тогдашняго снисхожденія, какъ цвѣтами, усѣялъ начала совершеннаго Имъ. *Тогда приходитъ Іисусъ*. Тогда; когда? Когда взошелъ на всѣ ступени возраста; когда поднялся на всю лѣстницу естества; когда возблистало совершенство Его тѣла и души; когда, въ теченіе тридцати годовыхъ періодовъ, сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ,—неложно тогда достигъ Іордана и безгрѣшный вмѣстѣ съ грѣшниками пришелъ для крещенія и, подклонивъ Свою голову подъ руку того, пылалъ желаніемъ принять крещеніе. Іоаннъ же Креститель, точно узнавъ Того, Кого давно зналъ, благодаря отцу, еще въ утробѣ своей матери, снявъ съ Его головы со страхомъ и великимъ трепетомъ правую свою руку, говоритъ: что это, Господи? Что значитъ это необыкновенное чудо? Что это за смиренное и что за тихое зрѣлище этого появленія? Передо мною подклоняешь Свою голову, о, Глава церкви? Передо мною склоняешь Свою голову, *преклонивый небеса* и сошедшій на землю, передо мною склоняешь Свою голову, имѣющій главою Бога? Передо мною склоняешь голову, которой покланяются херувимы? Передо мною склоняешь голову, которую почитаютъ и предъ которой трепещутъ серафимы? Передо мною склоняешь голову, соединившій брачными узами Адама и Еву въ раю, какъ въ чертогѣ, и словомъ наложившій на ихъ головы вѣнецъ, и присоединившій благословеніе обилія дѣтей, и сказавшій имъ: *раститеся и множитеся, и наполните землю* (Быт. I, 28); словомъ выведшій изъ него естество, стройный составъ естества, пославшій Сына противникомъ смерти, чтобы Онъ насадилъ бо́льшее число, чѣмъ сколько та обрѣзала; вращающій теченіе жизни, по своему желанію; исполняющій склоняющіяся къ тебѣ головы всякимъ освященіемъ; нигдѣ не вмѣщаемый; изливающій рѣки милосердія,—Ты желаешь вмѣстѣ съ другими погрузиться въ эту рѣку? Творецъ источниковъ—Ты рѣшился пребыть въ нихъ? Требуешь крещенія, которое именно Ты мнѣ даровалъ для сообщенія его нуждающимся? И какую нужду Ты имѣешь въ *крещеніи покаянія*, Самъ оказывающій милосердіе къ каю-

щимся? Что за нужду имѣешь въ такого рода врачествѣ, однимъ 803
повелѣніемъ Своимъ исцѣляющій раны остальныхъ? Зачѣмъ нужно покаяніе Тебѣ, совершающему дѣла достойныя похвалы? Не снизошелъ ли Ты къ людямъ, только какъ человѣколюбивый? Ты носишь зракъ раба, который создалъ Себѣ, и чрезъ него Ты освятилъ Свой образъ, который сокрушилъ діаволъ; Ты обновилъ этотъ образъ, какъ восхотѣлъ; Ты сдѣлался Отцемъ всѣхъ насъ. Не въ Тебѣ ли воззванъ назадъ изгнанный Адамъ? Не въ Тебѣ ли царствуетъ нѣкогда осужденный родъ? Не чрезъ Марію ли Ты воздвигъ павшую Еву? Не употребляешь ли всѣхъ средствъ, желая сдѣлать людей равными ангеламъ? Не изгоняешь ли изъ земли беззаконія, какъ нѣчто злоумышляющее противъ человѣческаго рода? Не приводишь ли въ жизнь благоустройства, какъ воспитателя человѣческой природы? Не прогоняешь ли мрачной ночи обмана? Не велишь ли восходить дню богопознанія для тѣхъ, кто желаетъ созерцать красоту его? Не распростираешь ли въ душахъ всѣхъ свѣта истины? Не разсѣеваешь ли облаковъ злочестія, какъ дымъ? Не подобно ли солнцу правды, облеченному бѣлымъ облакомъ тѣла, всюду разсыпаешь лучи Божества? Не дѣвственникъ ли Ты по взору и поступи, и виду, и помышленію, и уму, и душѣ? Не отъ Дѣвы ли устроилъ Себѣ дѣвственное тѣло? Ужели оно нуждается въ покаяніи и въ сокрушеніи? Итакъ, зачѣмъ буду крестить Тебя теперь, Творецъ рѣки и Податель крещенія, по человѣколюбію сдѣлавшійся человѣкомъ? Въ Тебѣ нѣтъ слѣда беззаконія, и пятно грѣха не осквернило Твоей непорочной плоти, и устами Твоими никогда не завладѣло коварство. Ядъ аспидовъ скрывается въ іудейскихъ устахъ, потому что іудеи — *порожденія ехидновы*, и языки ихъ — коварны; въ Твоихъ же устахъ бьютъ ключемъ источники вѣчной жизни, потому что, будучи Жизнію, Ты изрекаешь жизнь и даруєшь. Итакъ, какъ же, Податель настоящей и будущей жизни, Ты приходишь къ этимъ бѣднымъ волнамъ? Всѣ остальные, крещаемые мною, отъ меня слышатъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. III, 2), и увѣруйте въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія Единороднаго. Въ отношеніи же къ Тебѣ, крещающемуся, что̀ мнѣ сказать? Что возглаголать? Сказать: покайся? Кто же приметъ Твое покаяніе? Какой другой Богъ—больше Тебя? Сказать: покайся, *приближибося царствіе небесное*? И царству я буду благовѣствовать о царствѣ? И съ Тобою буду бесѣдовать о Тебѣ? Или Ты не знаешь того, что—Ты? Не знаешь царства небеснаго, неся которое людямъ Ты пришелъ съ неба? Сказать Тебѣ: увѣруй въ Господа Іисуса Христа? Я буду увѣщевать Тебя увѣровать въ Тебя? И кто когда-либо былъ вразумляемъ вѣровать въ самого себя? *Вн-*

ровати подобаетъ приходящему, яко есть Богъ (Евр. XI, 6); Ты же—Богъ и Сынъ Божій, хотя и явился какъ человѣкъ, и достоинъ того, чтобъ въ Тебя всѣ вѣровали. Сказать ли Тебѣ: увѣруй въ Твоего Отца? Но когда Ты являлся невѣрующимъ и враждебнымъ Отцу? Когда Ты былъ разлученъ съ божествомъ Бога, Который Тебя родилъ? Итакъ, что сказать Тебѣ? Увѣруй въ Духа Святаго? Но Онъ существуетъ въ Тебѣ и вмѣстѣ съ Тобою. *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ* (Мѳ. III, 14)? Единородный Сынъ Божій къ сыну Захаріи? Родившійся отъ Дѣвы къ родившемуся отъ неплодной? Не нарушившій дѣвства Своей Матери къ прекратившему неплодство родившей? Тотъ, Кто былъ привѣтствованъ изъ чрева къ узнавшему изъ утробы Твое господство? Вочеловѣчившійся къ голосу пустыни? Столь высокій къ тому, кто столь ничтоженъ? Господь всей твари къ слугѣ, недостойному Твоей благости? Богатый по природѣ къ бѣдному по естеству, а богатому только по одной Твоей благодати? Небесный и земной къ тому, кто только—земной? Имѣющій свыше божество, а снизу—
803 человѣчество—къ тому, кто прозябъ только снизу? Такой Владыка—ко мнѣ—ничтожному слугѣ? Но рабъ не освобождаетъ господина, свѣча не освѣщаетъ солнца, глина не исправляетъ горшечника, овца не пасетъ пастыря, предтеча не украшаетъ царя. Рѣка не вмѣщаетъ въ себѣ Твоего божества; рѣка не измѣряетъ Того, Кого не вмѣщаетъ небо; Іорданъ не омываетъ своего Творца; вода признаéтъ Сотворившаго; эти потоки развѣ не знаютъ свѣта, и я развѣ дерзну на служеніе Тебѣ? Душа моя смущается, рука моя, дрожа, боится приблизиться къ всесвятому Твоему тѣлу.

2. Чтò мнѣ сдѣлать? Что совершить? И трепещу Тебя, Господи, и страстно люблю; и бѣжать не дерзаю, и приблизиться не отваживаюсь; и страшусь дать крещеніе, и страстно желаю получить освященіе. *Азъ требую тобою креститися*; я научился покланяться Тебѣ, а не крестить; скорѣе я подклоняю свою выю подъ Твою десницу. Благослови меня, Благословляющій годы праведныхъ; сдѣлай, чтобъ я сегодня радосто вошелъ въ іорданскія струи, подобно тому какъ Ты сдѣлалъ то, что я недавно прыгалъ въ материнскомъ чревѣ. Да, говоритъ Господь, Я удивляюсь твоей, Креститель, богобоязненности, но желаю повиновенія. Ты сдѣлался проповѣдникомъ Моего царства, но долженъ сдѣлаться служителемъ и Моего домостроительства. Я пришелъ къ тебѣ, такъ какъ это полезно и тебѣ, и тѣмъ которые тебѣ подобны; Я пришелъ съ небесъ, и весь нахожусь въ нѣдрахъ Отца, чтобы соединить тварь съ Творцомъ; Я вотъ пришелъ, чтобы взять живыми бѣглецовъ; Я пришелъ, какъ человѣкъ, гдѣ уже прежде былъ, какъ Богъ, чтобы сдѣлать людей богами; Я взялъ изъ вашей среды бѣдную Мать, чтобы вы

съ дерзновеніемъ могли призывать Моего Отца; Я вскормленъ, какъ дитя, молочною пищею, чтобы предложить вѣрнымъ Себя самого въ пищу; Я былъ облеченъ дѣтскими пеленами, чтобы расторгнуть узы беззаконія; Я возлегъ не на царскомъ ложѣ, но въ ничтожныхъ ясляхъ, чтобы послѣ Моего во ясляхъ возлежанія уже никто болѣе изъ *словесныхъ* не болѣлъ неразуміемъ, какъ *безсловесный;* Я принялъ въ Моей плоти обрѣзаніе, которое прежде Я узаконилъ,—чтобы привнести обрѣзаніе нерукотворненное; какъ первородный, Я—Единородный принесъ установленную закономъ жертву, чтобы перемѣнить такого рода жертвоприношеніе и содѣлать самого Себя удивительною жертвою. Я бѣжалъ въ Египетъ, но не пересталъ быть убѣжищемъ для всѣхъ; Я сдѣлался малымъ дитятею, совершеннымъ мужемъ, какъ ты видишь, чтобы даровать несовершеннымъ совершенство; Я прошелъ чрезъ всѣ степени возраста, чтобы всякій возрастъ укрѣпить постепеннымъ преуспѣяніемъ. Я прибылъ и на рѣку, чтобы устроить для земнородныхъ восхожденіе на небо; и принимаю это крещеніе, чтобы доставить Моимъ ученикамъ крещеніе *пакибытія.* Я переношу погруженіе въ воду, подобно тому какъ перенесъ и плотское рожденіе. Какъ законодатель, чту права закона, чтобы обновить символы благодати; какъ здоровый врачъ, принимаю участіе въ лѣкарствѣ больныхъ, хотя и не имѣю въ этомъ нужды, для того, чтобы измыслить для больныхъ болѣе новую помощь, помощь со стороны купели. Ради грѣшниковъ принимаю крестъ, и ужели уклонюсь отъ безопасной купели? Я имѣю перенести тридневную смерть, и ужели не совершу погруженія, несвязаннаго ни съ какою болію? Я пылаю желаніемъ снизойти въ самую глубину ада, и ужели не погружусь въ волны рѣки? Итакъ, соверши надо Мною крещеніе, надо Мною, имѣющимъ крестить и спасать желающихъ; окрести Меня, намѣревающагося поднять на небесную высоту погруженную во грѣхи человѣческую природу; окрести Меня, какъ человѣка на землѣ, а вверху прославляемаго ангелами, какъ Бога. Будь скорымъ служителемъ Моихъ таинствъ; измѣни свой отказъ въ доброе дѣйствіе; останови свой языкъ и приведи въ движеніе свою десницу на дѣло; смѣло возложи руку поверхъ Моей головы, которая ради тебя воспринята изъ твоей бренности; получи выгоду отъ Моего крещенія, чтобы тебѣ называться именемъ Крестителя. *Остави нынѣ* (Мѳ. ш, 15); сначала соверши крещеніе, и тогда уже богословствуй; сначала окрести, и тогда уже поклонись. *Тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (—15). Ничто такъ не украшаетъ возвышеннаго, какъ до- 804
бровольное снисхожденіе, потому что истинная высота не пренебрегаетъ дѣлъ скромныхъ. *Тогда оставляетъ Его* (—15) Іоаннъ, взывая къ Нему: вотъ, Господи, я исполняю Твое повелѣніе; чему

я научился, не зная этого ранѣе, то съ радостью исполняю. Вотъ я возлагаю свою десницу на Твою голову, такъ какъ Ты повелѣлъ это; я—Твой рабъ и сынъ Твоей рабыни; и рука моя—Твое твореніе, и рѣка эта—произведеніе Твоего господства, и источники эти — Твои созданія, и крещеніе это — Твой даръ; и Ты одинъ только знаешь, какое совершаешь таинство. Крестись, крестись, прошу; и спаси, какъ хочешь, тѣхъ, кого Ты сотворилъ. Я—блаженъ, благодаря Тебѣ я необыкновенно рожденъ и удивительно воспитанъ въ пустынѣ, и теперь удостоенъ этого служенія; блаженъ я, избранный Тобою для того, чтобы послужить столь великому таинству. О, десница, какъ много ты вознесена! О, бренный органъ, какъ много ты почтенъ! Человѣколюбивый и щедрый Господи, послѣ того, какъ Ты соединилъ благодать съ водами и даровалъ этимъ Своимъ погруженіемъ какъ бы нѣкоторую закваску освященія,—выйдя изъ водъ (униженно молю, Господи!) вознеси и обними человѣческую природу, лежащую при послѣднемъ издыханіи и изнемогающую, призри ее, добровольно сгорающую, возставь ее, распростертую на землѣ, какъ на ложѣ и болѣющую различнаго рода болѣзнію; какъ врачъ, прогони эти болѣзни. Тебя ожидаютъ хромые, чтобы по Твоему слову побѣжать; Тебя ожидаютъ слѣпые, чтобы прозрѣть; Твоего голоса ожидаютъ всѣ мертвые для того, чтобъ воскреснуть; Твоего пришествія жаждутъ сожигаемые зноемъ несчастій; явись для всѣхъ, какъ роса исцѣленія. *И крестився Іисусъ, взыде отъ воды; и се отверзошася Ему небеса, и видѣ Духа Божія сходящаго, яко голубя, и грядущаго на Него* (Мѳ. III, 16). О, страшныя и удивительныя таинства! Небо свыше привѣтствуетъ Того, Кого рѣка незадолго предъ тѣмъ омыла; и Духъ Святый богословствуетъ о Томъ, Кого окрестилъ рабъ. И вотъ—голосъ съ небесъ, говорящій: *се есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (—17). Это—крестившійся, не по Своей собственной нуждѣ, но по одному только человѣколюбію, свидѣтельствуемый Святымъ Духомъ, возвѣщаемый Мною, ясно увидѣвшимъ Его; прежде вѣковъ рожденный отъ Меня и теперь плотію родившійся отъ Маріи, единосущный Мнѣ и вамъ; совѣчный Мнѣ и имѣющій одинаковый образъ съ вашимъ; Создатель Адама и Отрасль Давида; Творецъ Дѣвы и Сынъ Дѣвы; воспринимаемый умомъ и являющійся видимымъ образомъ; созерцаемый вѣрою и зрѣніемъ; совершенный въ божествѣ и совершенный въ человѣчествѣ. Это—*Сынъ Мой возлюбленный*. Это—и творящій чудеса, какъ Богъ, и страдающій, какъ человѣкъ, Онъ Мой Сынъ, потому что крестъ не отдѣляетъ отъ Меня Того, Кто нераздѣлимъ по естеству. Онъ, пронзаемый даже и гвоздями, Мой Сынъ, потому что гвозди Его не причиняютъ вреда божественной

сущности. Онъ—Сынъ Мой, даже если и страдаетъ, потому что страданіе не въ состояніи коснуться Его божества. Онъ, и добровольно умирающій, по Своему естеству противникъ смерти, Мой Сынъ, потому что умирать по божеству не есть что-либо естественное, не желаетъ Онъ этого и не можетъ, такъ какъ смерть не побѣждаетъ жизни, и смерть не преодолѣваетъ безсмертія. Онъ, и возстающій изъ мертвыхъ, Мой Сынъ, потому что, какъ Творецъ вселенной, Онъ воскреситъ храмъ Своего тѣла, которому допустилъ быть разрушеннымъ врагами. Онъ, съ этою плотію восходящій на небеса, съ которыхъ и не удалялся, Мой Сынъ. Принимающій Его принимаетъ вмѣстѣ съ Нимъ и Меня; покланяющійся Ему Мнѣ покланяется; вѣрующій въ Него въ Меня вѣруетъ; умаляющій Его Меня умаляетъ, такъ какъ оскорбленіе Сына—обида, наносимая Отцу; пріемлющій Его и не дающій мѣста излишнему любопытству, но почитающій безъ ненужнаго изслѣдованія—блаженъ. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ.* Грѣшники, бѣгите къ Тому, Кто *вземлетъ* грѣхъ міра; осужденные, обнимите человѣколюбиваго Судію; омертвѣлые изъ-за грѣховъ, поспѣшите къ Источнику жизни. Таковы прекраснѣйшіе дары празднества въ честь Крестителя; всѣ они доставлены намъ ради насъ явившимся Владыкой Христомъ Богомъ 805.6
нашимъ. Ему—слава и держава, съ Отцомъ и Всесвятымъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На праздникъ святаго Богоявленія.

ИСТОЧНИКЪ евангельскихъ ученій имѣетъ отверстые потоки, 805
и если кто-либо, испытывая жажду, пьетъ изъ этого источника, тотъ получаетъ себѣ жизнь; получаетъ же жизнь по духу и закону заповѣдей, испытывая радость, болѣе пріятную, чѣмъ вино. Сладость духовныхъ словесъ не знаетъ пресыщенія, потому что она увеселяетъ не чрево, а сердце, и приводитъ помыслы благочестивыхъ къ божественной любви. Ты только что слышалъ въ евангеліи, какъ Іоаннъ Креститель взывалъ къ собравшемуся отовсюду и крестившемуся іудейскому народу: *азъ убо крещаю вы водою въ покаяніе, грядый же по мнѣ крѣплій мене есть* (Мѳ. III, 11). *Грядый по мнѣ; по*, т. е., въ отношеніи къ времени рожденія. *Грядый же по мнѣ крѣплій мене есть, емуже нѣсмь достоинъ сапоги понести* (—11). Какіе же *сапоги*, которые должно было носить, носилъ Господь, такъ какъ Іоаннъ говорилъ:

нѣсмь достоинъ сапоги понести? Здѣсь *сапоги* говорятъ о таинствахъ домостроительства, потому что *сапогами* называется вочеловѣченіе Господне. И свидѣтель этого — Господь, возглашающій чрезъ пророка: *на Идумею простру сапогъ Мой* (Псал. LIX, 10). Поэтому и вочеловѣченіе Господне прослыло какъ подножіе, такъ какъ оно явилось на землѣ и обняло предѣлы земли. Это именно объясняя съ той и другой стороны, и пророкъ возгласилъ: *возносите Господа Бога нашего, и покланяйтеся подножію ногу Его* (Псал. XCVIII, 5). *Азъ убо крещаю вы водою въ покаяніе, грядый же по Мнѣ, крѣплій мене есть, Емуже нѣсмь достоинъ сапоги понести: Той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ. Емуже лопата въ руцѣ Его, и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, плевы же сожжетъ огнемъ негасающимъ* (Мѳ. III, 11—12). Когда Іоаннъ возвѣщалъ это и громко проповѣдывалъ о Господѣ, *крѣпльшемъ*, нежели онъ, то крестимые имъ противились Іоанну, говоря: пророкъ, развѣ ты имѣешь кого-либо, болѣе *крѣпкаго*, чѣмъ ты? Зачѣмъ ты клевещешь на самого себя? Ты — сынъ великаго Захаріи, ты и вожделѣнъ для людей, и страшенъ для дикихъ звѣрей. Ужели ты имѣешь кого-либо, болѣе крѣпкаго, чѣмъ ты? Что ты пустословишь? Нѣтъ болѣе крѣпкаго, чѣмъ ты. Ты и родился согласно съ обѣтованіемъ, ты указанъ Гавріиломъ, ты явленъ въ алтарѣ, ты разрѣшилъ связанный Гавріиломъ языкъ родившаго тебя, ты названъ Іоанномъ, что обозначаетъ *благодать Божію*. Итакъ, зачѣмъ ты клевещешь на самого себя? Ты не имѣешь болѣе крѣпкаго, чѣмъ ты. Іоаннъ же, какъ рабъ, свидѣтельствовавшій въ пользу Владыки, не допустивъ присвоенія себѣ божескаго достоинства, громко отвѣчалъ противостоявшему народу, говоря: вы говорите то, чего не знаете; я свидѣтельствую о томъ, что знаю. Идетъ *крѣплій мене*. Я— ради Того; Онъ—не ради меня; я—отъ неплодной, Онъ—отъ Дѣвы; я—воинъ, Онъ—Царь; я—предтеча, Онъ—небесный; я получилъ Духа заимообразно, Онъ доставляетъ жизнь всѣмъ людямъ; я—вѣстникъ покаянія, Онъ—Податель *сыноположенія;* я крещу васъ водою, предочищая васъ, какъ сосуды, загрязненные грѣхами, Онъ предложитъ муро благодати. *Той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ*, не жгучимъ, но освятительнымъ. Я привожу въ движеніе языкъ увѣщанія, Онъ
806 несетъ лопату правосудія и снесетъ праведныхъ, какъ спѣлый хлѣбъ, въ небесную житницу, а грѣшниковъ и непокаявшихся предастъ неугасимому огню, какъ мякину. *Грядый же по мнѣ крѣплій мене есть*. Того ожидайте къ себѣ, отъ Него примите совершенное крещеніе; я—свѣтильникъ въ нѣкоторой части, а Онъ—Солнце повсюду. *Грядый же по мнѣ крѣплій мене есть.* Когда Іоаннъ проповѣдывалъ это и подобное этому, крещенные имъ толпы

народа ожидали, разсуждая другъ съ другомъ и говоря: потерпимъ и посмотримъ на имѣющее придти царство или блескъ; Іоаннъ отягчилъ наши уши изумительными словами; онъ говоритъ, что явится *крѣплій* его, несущій лопату и огонь, и Духа. При этомъ, когда толпы народа нетерпѣливо ожидали явленія мірского царства, Іоаннъ увидѣлъ, что идетъ Господь *всяческихъ* и Богъ, и вотъ Господь въ человѣческомъ видѣ, одинъ только, бѣдный, въ одномъ хитонѣ, какъ одинъ изъ всѣхъ людей, достигнувъ Іордана, наклонилъ голову предъ Іоанномъ, желая получить Себѣ отъ него крещеніе. Итакъ, сверхъ сильнаго ожиданія, замѣтивъ Христа, приходящаго въ этомъ уничиженномъ видѣ, Іоаннъ Креститель смутился, недоумѣвалъ и былъ изумленъ; высматривалъ кругомъ мѣсто для бѣгства, желая скрыться отъ Него,—и не нашелъ, потому что невидимою рукою былъ удерживаемъ и останавливаемъ; онъ воскликнулъ къ удерживавшему его Господу, говоря: *азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ* (Мѳ. III, 14)? Что Ты дѣлаешь, Господи? Зачѣмъ предаешь меня толпамъ народа на смерть? Теперь толпы народныя побьютъ меня камнями, какъ сказавшаго ложь; я возвѣстилъ о Тебѣ великое, и Ты явился, какъ бѣдный и пришлецъ. Что ты дѣлаешь, Господи? И вверху—Сынъ Царя, и внизу—Царя же Сынъ,—и отнюдь нѣтъ царскаго скипетра? Покажи Свою десницу; зачѣмъ Ты явился одинъ только и бѣднымъ? Гдѣ—множество Твоихъ ангеловъ? Гдѣ—легіонъ архангеловъ? Гдѣ — служащіе Тебѣ шестикрылые херувимы? Гдѣ—лопата? Гдѣ—огонь? Гдѣ—Твой Святый Духъ? Ты прославилъ Моисея, показалъ свѣтлое облако, произвелъ огненный столбъ, чтобъ онъ шелъ предъ нимъ, осіялъ лице его ангельскою славою, раба облекъ столь великою славою, а Ты, Господи, явившись въ видѣ обыкновеннаго человѣка, преклоняешь предо мною Свою голову? Посмотри вверхъ, Ты—Глава всѣхъ; покажи, что—Ты; Ты обнаружилъ уничиженное, — покажи и высокое; крести присутствующихъ, и прежде всѣхъ — меня. Что случится, если я пожелаю крестить Тебя? Іорданъ не перенесетъ; онъ узналъ Тебя—Творца, повернулъ волны свои назадъ; не течетъ впередъ своимъ обычнымъ бѣгомъ, отвергаетъ обычный порядокъ. Стихіи узнаютъ, и я ли не узнаю? Если желаешь быть крещеннымъ, то окрести самъ Себя. Я не простираю рукъ; онѣ отказываются соединиться, цѣпенѣютъ, сокращаются; что удерживать онѣ не научились, того не принимаютъ. *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко Мнѣ?* Я знаю Тебя, кто Ты, и Тебѣ извѣстно, что я знаю 807
Тебя. Зачѣмъ скрываешь отъ меня, который знаетъ Тебя? Будучи связанъ въ чревѣ моей матери и не находя выхода прежде опредѣленнаго времени, я только созерцалъ Тебя—носимаго Тою, Ко-

торую Ты носишь; я узналъ Тебя, и, не имѣя возможности что-либо говорить самъ, воспользовавшись устами моей матери, воскликнулъ чрезъ ея посредство, говоря свои слова: *откуду мнѣ сіе, да пріидетъ Мати Господа моего ко мнѣ* (Лук. I, 43)? Тамъ я не обманулся, и ужели здѣсь не узнаю? *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* Господь же, какъ только услышалъ, сказалъ ему: *остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мѳ. III, 15). *Остави нынѣ*; ты не знаешь, что̀ говоришь; Я знаю, что̀ дѣлаю. Ты желаешь, чтобы была открыта тебѣ слава Моего божества; настоящее время не позволяетъ; все прекрасно въ свое время. Ты говоришь истину, но не вѣрятъ тебѣ, потому что народъ іудейскій невѣренъ; не называлъ ли ты іудеевъ *порожденіями ехиднъ* (Мѳ. XXIII, 33)? Слѣдовательно, какъ же ты хочешь, чтобъ Я былъ открытъ для нихъ? Они не принимаютъ твоего о Мнѣ свидѣтельства; въ силу своей подозрительности, они подозрительно относятся къ твоимъ словамъ, что ты — Предтеча. *Остави нынѣ*, они получатъ бо̀льшее свидѣтельство. *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*. Іоаннъ же говоритъ Ему: какъ, Господи? И Господь—ему: подобно тому какъ Я былъ обрѣзанъ, чтобы исполнить законъ, и крещусь, чтобы утвердить благодать. Если я исполню часть и часть оставлю безъ вниманія, то оставляю домостроительство неполнымъ; Мнѣ надлежитъ исполнить все, чтобы послѣ этого Павелъ написалъ: *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (Рим. X, 4). *Остави нынѣ, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*. Оставь,
808 Іоаннъ, чтобы естество воды получило освященіе; Мнѣ надлежитъ исполнить все. Если Я не получу отъ тебя крещенія, то Царь не пожелаетъ быть крещеннымъ отъ бѣднаго іерея. *Остави нынѣ, остави*, для того, чтобъ свыше воскликнулъ Отецъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Мѳ. III, 17), для того, чтобъ іудеи не начали называть Меня сыномъ плотника, но — небеснаго Отца. *Остави нынѣ*; не противься Адаму: Я — второй Адамъ, желающій омыть нечистоту прегрѣшеній того; если Я не буду окрещенъ, то какъ будетъ очищенъ тотъ Адамъ? Вѣдь поэтому Я и крещусь тридцати лѣтъ, выждавъ возрастъ того Адама, чтобы чрезъ то, что было свойственно ему, утвердить Мое. *Остави нынѣ*, чтобы исполнилось сказанное устами пророка: *гласъ Господень на водахъ* (Псал. XXVIII, 3). И можно было видѣть зрѣлище страшное. Содрогающійся Іоаннъ коснулся главы Господа; а когда сверху разверзлись небеса, то ангелы смотрѣли на происшедшее; благодать же Духа, въ видѣ голубя сходя на главу Господню, оттолкнула десницу Іоанна. И стояло множество народа, весьма недоумѣвавшаго и говорившаго другъ къ другу: кто это? Потомъ, какъ бы отвѣ-

чая народнымъ тóлпамъ, освѣдомлявшимся другъ у друга о томъ: кто—это, Отецъ воскликнулъ, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мѳ. III, 17); Его слушайте. Родитель восклицаетъ о Своей нѣжной любви къ Сыну, чтобы ты понялъ намѣренія Создателя относительно міра, такъ какъ Онъ отдалъ таковаго Сына за таковыхъ рабовъ, нѣжно Любимаго—за ненавидимыхъ, Безгрѣшнаго—за грѣшниковъ, Славнаго — за безславныхъ. Итакъ, прославимъ явившагося Владыку съ Отцемъ, и Сыпа, и Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о Срѣтеніи Господа нашего Іисуса Христа, а также о Богородицѣ, и о Симеонѣ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ не только облекается плотію, 807
но и, согласно съ закономъ, обрѣзывается, чтобы отнять предлогъ у іудейскаго невѣрія. Онъ идетъ къ закону ради закона, чтобы чрезъ вѣру освободить учениковъ отъ закона: и принимаетъ плоть, и обрѣзывается вмѣстѣ съ іудеями. Онъ имѣлъ общеніе въ плоти, имѣлъ общеніе и въ обрѣзаніи; укрѣпилъ родство, чтобы они не отреклись отъ происходящаго отъ Давидова сѣмени Христа, Котораго и ожидали; показалъ доказательство родства. Въ самомъ дѣлѣ, если они говорили, хотя Онъ и былъ обрѣзанъ: *не вѣмы, откуду есть* (Іоан. IX, 29), то, еслибъ Онъ не былъ обрѣзанъ по плоти, отрицаніе ихъ имѣло бы основательный предлогъ. Итакъ, *егда исполнишася осмь дній, да обрѣжутъ* (Лук. II, 21) дитя,—Іисусъ ожидалъ увеличенія органа. *Егда исполнишася осмь дній*, такъ какъ законъ повелѣваетъ обрѣзывать въ 8-й день, и если наступитъ 8-й день, то выходитъ на средину врачъ и беретъ въ руки желѣзное орудіе и проявляетъ свое искусство, и ради обрѣзанія пренебрегаетъ субботою. Спросимъ же іудеевъ: суббота—покой; этотъ день—совершенный отдыхъ; почему 8-мъ днемъ вытѣсняется седьмой? Почему 8-й день становится выше 7-го? Но Іудеи, конечно, не знаютъ объ іудейскихъ дѣлахъ; церковь же Христова знаетъ Христа и іудейскія ученія. Дитя обрѣзывается въ 8-й день, потому 808
что въ 8-й день надлежало быть воскресенію, то есть, Господню обрѣзанію всего міра. Почему не повелѣлъ Моисей обрѣзывать въ 6-й день? Почему не въ 9-й или 10-й? Ясенъ 8-й день, въ который воскресаетъ Господь. Итакъ, если кто не вѣритъ воскресенію, тотъ не обрѣзанъ сердцемъ, отчужденъ отъ Бога невѣріемъ. Обрѣ-

заніе же—истинное познаніе и пониманіе вѣры. Поэтому, возлюбленный, обрѣзаніе передается вѣрнымъ чрезъ посредство святого крещенія; а святое крещеніе—образъ Христова воскресенія. Поэтому перейди отъ плоти къ духу, отъ тѣлеснаго возвыcся до духовнаго, и ты найдешь тамъ плотское обрѣзаніе, а здѣсь—духовное и очищеніе грѣховъ. 8-й день—обрѣзаніе; 8-й—также и воскресеніе; а крещеніе—образъ воскресенія; восхожденіе бываетъ отъ малыхъ вещей къ большимъ, отъ тѣлесныхъ — къ болѣе духовнымъ. Поэтому пусть придутъ іудеи и преуспѣютъ, такъ какъ надлежитъ преуспѣть по сравненію съ тѣлеснымъ, а не оставаться при одномъ и томъ же. Конечно, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедшій не нарушить закона, но исполнить (Мѳ. v, 17), былъ обрѣзанъ вмѣстѣ съ іудеями. Посему евангелистъ говоритъ: *исполнишася* Ему *осмь дній*, *да обрѣжутъ Его, и нарекоша имя Ему Іисусъ, нареченное ангеломъ прежде даже не зачатся* Онъ *во чревѣ* (Лук. II, 21). Мы называемся послѣ рожденія, Іисусъ же называется прежде рожденія, потому что Онъ былъ *прежде даже не зачатся*. Іисусомъ же былъ названъ, по-
809 тому что имѣлъ дѣло спасителя. *И егда*, говоритъ (Писаніе), *исполнишася дніе очищенія Его по закону Моисееву* (Лук. II, 22). Чьего очищенія? Маріи и Іосифа, потому что законъ повелѣвалъ женѣ — родительницѣ пребывать особо отъ чистыхъ, выжидать извѣстные дни и не выходить изъ дома. Итакъ, *егда исполнишася дніе очищенія по закону Моисееву* (хотя это не было необходимо для Дѣвы, но, однако, исполнялся законъ) *вознесоста Его во Іерусалимъ, поставити предъ Господемъ, якоже есть писано въ законѣ Господни* (Лук. II, 22, 23). Гдѣ рѣчь о тѣлесномъ очищеніи, (Писаніе) говоритъ: *по закону Моисееву;* гдѣ—о представленіи святого, говоритъ: *якоже есть писано въ законѣ Господни*,—не потому, что законъ Моисея не былъ закономъ Господнимъ,—вѣдь если говоритъ пророкъ, ведя рѣчь при содѣйствіи Духа Святаго, говоритъ не самъ, но Господь внушаетъ,—но, однако, такъ какъ и очищеніе имѣло тѣлесный образъ, то (Писаніе) говоритъ о Моисеевомъ законѣ, а такъ какъ предстояло Дитя первородное, то говоритъ: по закону Господню, почитая рождающееся: *якоже есть писано въ законѣ Господни: всякъ младенецъ мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется* (—23). Итакъ, это слово, и весь законъ, и причина закона—все полагалось ради Имѣвшаго *разверзати ложесна*. Всѣ первородныя существа изъ животныхъ и людей никогда не *разверзали ложеснъ*, но были только первородными; Кого же родила Дѣва, Одинъ только Онъ *разверзъ ложесна*. Итакъ, обращай вниманіе, прошу, на учрежденіе всего закона ради Того только, Кто имѣлъ родиться отъ

Дѣвы. Откуда же іудеямъ возможно было понять это учрежденіе? Будучи плотскими, они какъ нельзя болѣе далеко отстоятъ отъ того, чтобъ постигать мысли, требующія духовнаго пониманія. Затѣмъ приходятъ они *дати жертву, по реченному въ законѣ Господни, два горлицища или два птенца голубина* (—24). Случилось же и это прообразовательно согласно съ закономъ, чтобы не пропустить ничего въ законѣ не исполненнымъ. Эти иносказанія—согласны съ закономъ; но перейдемъ къ евангельскому повѣствованію: *и се бѣ человѣкъ во Іерусалимѣ, емуже имя Симеонъ, и человѣкъ сей праведенъ и благочестивъ; и Духъ бѣ* Божій *въ немъ. Бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ, не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня* (Лук. II, 25, 26). Былъ старецъ Симеонъ, и онъ ожидалъ исполненія благовѣствованія; онъ оставался въ храмѣ, говоря съ самимъ собою такъ: гдѣ бы Онъ ни родился, во всякомъ случаѣ сюда придетъ. Этотъ старецъ *пріиде духомъ въ церковь* (—27) въ тотъ часъ, когда родители *введоста отроча*. Часто онъ приходилъ, но по своимъ дѣламъ; тогда же, руководимый Духомъ Святымъ, благовременно приходитъ, чтобы исполнилось обѣщанное ему. Онъ принялъ Іисуса *на руку своею, и благослови Бога, и рече: нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ* (—27—29). Откуда *отпущаеши*? Изъ рва этой жизни, потому что печальны обстоятельства ея,—жизнь эта—темница. Итакъ, онъ желалъ быть *отпущеннымъ*; если же кто считаетъ удаленіе отсюда наказаніемъ, тотъ еще не совершенъ въ вѣрѣ. И вотъ онъ говорилъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ*, потому что явился имѣющій принести миръ міру; пришелъ Миротворецъ, соединяющій небо съ землею, и явился дѣлающій землю небомъ чрезъ посредство евангельскаго ученія. Симеонъ восклицаетъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ; яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое* (—29, 30), говоритъ. Что̀ значитъ сказанное имъ? (Это значитъ:) прежде я вѣровалъ мыслію и зналъ помышленіемъ; теперь же увидѣли и глаза мои; и то, чего я ожидалъ сердцемъ, вотъ увидѣли мои глаза уже совершившимся. Что же? *Видѣста (очи мои) спасеніе Твое.* Какое? *Еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей* (—31), не одного̀ народа и не Израиля только, но *предъ лицемъ всѣхъ людей*, потому что родившійся—Учитель всей вселенной. *Свѣтъ во откровеніе языкомъ, и славу людей Твоихъ—Исраиля* (—32). Почему свѣтъ? Потому что народы пребывали во тьмѣ и потому что Онъ просвѣтилъ погруженныя во тьмѣ племена. *Свѣтъ во откровеніе языкомъ и славу* 810
людей Твоихъ—Исраиля. Здѣсь—слава и тамъ—откровеніе; тамъ—

начало наученія, а здѣсь — послѣдующее ученіе. *Славу людей Твоихъ—Исраиля.* Но, конечно, кто-либо скажетъ: а гдѣ израильтяне? Ты имѣешь Петра, имѣешь Павла, имѣешь Іоанна, имѣешь три тысячи человѣкъ, имѣешь пять тысячъ человѣкъ (Дѣян. II, 41; IV, 4), имѣешь іерусалимскую церковь, имѣешь увѣровавшихъ изъ іудеевъ, такъ какъ въ числѣ увѣровавшихъ былъ и этотъ народъ. *Аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Иса. I, 9). Богъ говоритъ: потомъ Я оставилъ Себѣ *седмь тысящъ мужей,* иже не преклониша колѣна Ваалу (3 Цар. XIX, 18). Такимъ образомъ въ этомъ народѣ сохранилось сѣмя вѣры, и не погибъ весь народъ. Да не будетъ! И не погибли всѣ іудеи, такъ какъ и теперь въ этомъ блаженномъ состояніи и званіи хотя много званныхъ, но мало избранныхъ (Мѳ. XX, 16). Христосъ призвалъ всю вселенную и приготовилъ святую пищу евангелія. Но, когда придетъ во второй разъ, то войдетъ и сдѣлаетъ выборъ и съ заботливостью изслѣдуетъ возлежащихъ; и если найдетъ, что кто-либо изъ возлежащихъ не имѣетъ брачнаго одѣянія, то скажетъ ему: *друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна* (Мѳ. XXII, 12)? И отвергнетъ его, подобно тому какъ мы слышали въ евангеліяхъ. Итакъ, и тамъ былъ выборъ, и здѣсь будетъ выборъ. На основаніи того, что мы призваны, ужели мы должны и вести себя надменно, какъ будто достигшіе совершенства? Паденіе первыхъ людей да будетъ нашею безопасностью. Такимъ образомъ, возлюбленный, и этотъ народъ погибъ не весь, и не весь онъ развратился, и не весь проявилъ невѣріе, и не весь преслѣдовалъ апостоловъ, но чрезъ апостоловъ увѣровали три тысячи, кромѣ женщинъ и дѣтей (Дѣян. II, 41; IV, 4). И въ Іерусалимѣ произошла многотысячная церковь, когда храмъ еще не былъ разрушенъ, когда іудеи еще не были изгнаны, когда Іерусалимъ еще не былъ преданъ разоренію. Была создана церковь, и слова Іоанна оказались очевидною истиною: *Оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Іоан. III, 30). Поэтому Симеонъ, будучи пророкомъ, говоритъ: *Славу людей Твоихъ—Исраиля.* Славою ожидающихъ была встрѣча Того, Кто ожидался; и Іосифъ, и Марія прославляютъ сказанное; ангелъ благовѣствовалъ, волхвы познали, пастыри слушали, воинства ангеловъ торжествовали, звѣзда сверху указывала, Симеонъ пророчествуетъ, Анна, дочь Фануила, пророчествуетъ, земля радовалась, небо чрезъ посредство звѣзды возвѣщало, волхвы отказались отъ повиновенія тирану, пастыри поклонились Архипастырю, все узнало, Мать узнала, Іосифъ услышалъ, трепетали при такихъ дѣлахъ, по исходѣ дѣлъ они поняли. *И благослови я Симеонъ и рече къ Маріи, Матери*

Его: се лежитъ Сей на паденіе и на возстаніе многихъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо (Лук. II, 34). На чье паденіе? Ясно, что—невѣрующихъ, пререкающихъ, распинающихъ. На чье возстаніе? Признающихъ и благоразумно исповѣдающихъ Его. *И въ знаменіе пререкаемое.* Какое *пререкаемое знаменіе?* Знаменіе креста, которое церковь знаетъ какъ спасительное для міра, — знаменіе, противъ котораго враждуютъ іудеи, которое часто возвѣщалось и небомъ. *Пререканіе* же встрѣчаетъ это знаменіе, чтобъ побѣдила истина, потому что безъ *пререканія* побѣда не бываетъ полною. Надлежало, чтобъ возъимѣло мѣсто *пререканіе*, для того, чтобы Судія долготерпѣливо произносилъ судъ въ теченіе всей вѣчности. Поэтому (Писаніе) говоритъ: *и въ знаменіе пререкаемо;* пререкаеніе же обнаруживаютъ невѣрующіе. И ты, говоритъ (Писаніе), считаешься Его Матерью. Итакъ, окажешься ли ты не подверженною искушенію, послѣ того какъ исповѣдала, что ты — Мать, послѣ того какъ родила Его, послѣ того какъ, полагаешь, вмѣстила Его на время въ своей утробѣ? Чрево твое было сосудомъ дѣйствія Духа. Пребудешь ли неподверженною искушенію, послѣ того какъ содѣлалась Богородицею, послѣ того же какъ, бу- 811
дучи *неискусобрачною*, зачала, послѣ того какъ содѣлалась Матерью своего Творца? Пребудешь ли ты неподверженною искушенію? Даже и ты не пребудешь неподверженною послѣднему, но *и тебѣ самой душу пройдетъ оружіе* (Лук. II, 35). Почему, Господи? Чѣмъ я согрѣшила? Ты, конечно, ничѣмъ не согрѣшила: но, когда увидишь, что Онъ виситъ на крестѣ, когда увидишь, что Онъ страдаетъ за міръ, когда увидишь, что руки Его распростерты на крестѣ и пригвождены на древѣ, тогда ты начнешь сомнѣваться и говорить: ужели это — Тотъ, о Которомъ бесѣдовалъ со мною ангелъ? Ужели это—Тотъ, по отношенію къ Которому случилось мое чудесное зачатіе? Я была дѣвою и родила, и осталась Дѣвою. Почему Онъ распинается? *И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе.* Итакъ, никто не пребылъ неподверженнымъ искушенію, согласно съ пророчествомъ праведнаго Симеона. Петръ, верховный изъ апостоловъ, трижды отрекся; прочіе ученики, оставивъ Христа, убѣжали. Пастырь не имѣетъ нужды въ защитѣ со стороны овецъ, прогоняя волковъ; и Поборникъ не имѣлъ нужды въ помощникахъ, но всѣ отступили; Христосъ же былъ одинъ только, какъ бы висящій овенъ [1]). Итакъ, прошло оружіе и ея душу; именно—искушеніе и сомнѣніе. *И тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе, яко да открыются отъ многихъ сердецъ помы-*

---

[1]) Намекъ на жертвоприношеніе Авраама, который принесъ въ жертву вмѣсто своего сына овна.

шленія (—35). Итакъ, Іисусъ страдаетъ для изобличенія невѣрія, для утвержденія благомыслія вѣрующихъ. *Знаменіе* же встрѣчаетъ *пререканіе*, чтобы изобличены были *пререкавшіе* по причинѣ своей порочности. Еслибы истина не встрѣчала себѣ со стороны людей никакого прекословія, то и благочестіе должно было бы быть неиспытаннымъ; допущеніе же *пререканія* дѣлаетъ то, что избирается истина уже испытанная. Знаменіе встрѣчаетъ себѣ *пререканіе*, такъ какъ иначе какимъ образомъ были бы испытаны во время преслѣдованій мученики? Какимъ образомъ они состязались бы, показывая себя побѣдителями, благодаря своей твердости? Смотри, какъ много пользы принесло *пререканіе;* оно содѣлало не просто вѣрныхъ, какъ иной, быть можетъ, скажетъ, но и та-
812 кихъ свидѣтелей, которые шли впередъ до мученій и смерти и своимъ терпѣніемъ представляли доказательство въ пользу Христовой благодати. Итакъ, когда Симеонъ говоритъ: *лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе пререкаемо*, то должно думать, что Онъ ни *паденія* не производитъ, ни *востанія* насильно не обусловливаетъ; но *лежитъ на паденіе* для тѣхъ, кто спотыкается о камень претыкновенія, *на востаніе* же для вѣрующихъ по своей доброй волѣ; лежитъ, какъ если бы кто сказалъ: восіяваетъ свѣтъ, чтобы видѣли тѣ, кто—здоровъ, а чтобъ больные глазами еще больше убѣжали отъ лучей свѣта. Какимъ же образомъ пали бы одни, которые были достойны изобличенія, а другіе возстали бы, по своей волѣ имѣя добрыя надежды, еслибы *знаменіе* не было *пререкаемо?* Какъ говоритъ Симеонъ*: и въ знаменіе пререкаемо?* Чтобы *пререканіе* не показалось страннымъ для вѣрующихъ. А что даже истина Божія встрѣчаетъ *пререканіе* съ соизволенія Бога, это ясно,—такъ какъ никто не могъ бы проявить противорѣчія, еслибы не позволялъ Богъ; соизволеніе же это необходимо, чтобы стали очевидны достойные. Будетъ время, когда уже не останется мѣста для *пререканія*, потому что, когда возсіяетъ съ небесъ знаменіе, тогда *всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣстъ, яко Господь Христосъ въ славу Бога Отца* (Филипп. II, 10, 11). Самое знаменіе до тѣхъ только поръ и является, и служитъ знаменіемъ, и бываетъ знаменіе *пререкаемо*, пока никоимъ образомъ не видимъ Тотъ, Кто знаменуется; а послѣ того какъ Самъ знаменуемый откроется при Своемъ второмъ пришествіи, то уже никто не дерзнетъ противорѣчить *знаменію*, такъ какъ Знаменуемый явится противъ *пререкающихъ*, имѣя очевидное для всѣхъ божество. Тогда принявшіе знаменіе будутъ прославлены Тѣмъ, Кто былъ знаменуемъ, а прекословившіе знаменію будутъ осуждены явившимся; и тогда настанетъ конецъ *прере-*

канію, конецъ заблужденію, конецъ сомнѣнію, конецъ невѣрію, начало же наградъ за подвиги и вѣнцовъ, которыхъ, о, еслибы всѣ мы достигли во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святую и великую пятницу.

Уже исполненъ нами подвигъ поста, но онъ окончился кре- 811
стомъ: да и какъ надлежало бы разрѣшиться концу побѣды, если не трофеемъ? А крестъ—трофей; однажды водруженный—онъ всегда обращаетъ демоновъ въ бѣгство. Гдѣ идолы и тщетныя убійства животныхъ? Гдѣ храмы и огонь злочестія? Онъ погасъ; все пало изъ-за единой святой крови. И крестъ — всемогущая сила, невидимая стрѣла, невещественное врачество, прекращающій огорченія источникъ, непостыдная слава; такъ что, хотя бы я говорилъ о Христѣ и иное многое, хотя бы я привелъ въ изумленіе слушателя, повѣствуя о безчисленныхъ чудесахъ, я не въ такой степени гордился бы по причинѣ этого, какъ горжусь по причинѣ креста. Напримѣръ, я, положимъ, говорю: Іисусъ *произыде* отъ Дѣвы; великое чудо—миновать бракъ и ввести новое въ природу; но, еслибы не было креста, то дѣлами не спаслась бы первая Дѣва рая; теперь же во время креста спасается первая жена, новыми дарами исцѣляющая древнее зло. Возсталъ мертвый въ Галилеѣ, но опять умеръ. Я же, возставши чрезъ крестъ, уже не могу подпасть власти смерти. Іисусъ переплылъ море, Богъ—въ кораблѣ: дерево скоротечное принесло пользу; я же получилъ
дерево вѣчное, благое, пользуясь которымъ вмѣсто кормила, удаляю 812
отъ себя духовныя волны грѣховности. Пять тысячъ человѣкъ было напитано по одному знаку креста. Итакъ, гдѣ останки пищи? Какимъ образомъ я, не присутствовавшій, получу останки, принадлежавшіе присутствовавшимъ? Было 12 корзинъ кусковъ, которые остались: даръ былъ соразмѣренъ. Христосъ былъ распятъ—и мы всегда питаемся; и, насыщаясь, опять ищемъ, и еще болѣе остается, такъ какъ благодать неистощима. Да будетъ восхваленъ тотъ день, который родилъ свѣтъ,—день, благодаря которому остальные дни были призваны къ веселію. Какимъ образомъ? Слушай. Сегодня созданъ Адамъ въ шестой день, сегодня онъ получилъ божественный образъ, сегодня въ мірѣ образовался малый міръ, сегодня человѣкъ — кормчій, стоящій впереди всѣхъ живыхъ существъ, удержалъ прекрасныя кормила человѣческой природы; сегодня получилъ добровольныя заповѣди, сегодня изгнанъ изъ рая, сегодня

опять введенъ. О, многообразный день! О, весьма скорбный и
лишенный скорбей! О, утромъ опечалившій, вечеромъ же обрадовав-
шій! Лучше же сказать: о, какъ многое исцѣлившій! Со скорбію
я соглашаюсь съ вами, встрѣчаясь съ древними страстями, слыша,
что Адамъ изгнанъ отъ отеческаго очага, что человѣкъ, рая граж-
данинъ, питался безъ обработыванія земли, безъ дождя жилъ ро-
скошно, что онъ нисколько не нуждался для жизни ни въ соеди-
13 ненныхъ съ потомъ усиліяхъ или заступѣ, или трудѣ, или на-
пряженіи, утѣшался всегда цвѣтущими деревьями, переходилъ
отъ цвѣтовъ къ цвѣтамъ, отъ плодовъ къ плодамъ, имѣлъ по-
требное вслѣдъ за желаніями, но по причинѣ красоты созерцае-
маго не зналъ, на что прежде положить свои руки; я часто опла-
кивалъ столь великое блаженство, видя, что онъ лишился его,—
потому что это несчастіе было обще и оно соприкасалось съ на-
шимъ родомъ. А послѣ того какъ я обратился къ евангеліямъ и
взялъ себѣ этотъ день (потому что шестой былъ и тотъ день и
этотъ), то я и потерялъ печаль, и своимъ словомъ несу предъ
собою радость, и говорю себѣ и вамъ: отбѣжала скорбь, печаль,
стенаніе; древнее миновало, вотъ настало все новое. Какъ ученики
врачей излѣчиваютъ нанесенныя змѣями раны, отъ нихъ же по-
лучая защищающія отъ зла лѣкарства, и приготовляя ихъ, бо-
рясь съ болѣзнію при помощи того что служило поводомъ къ
ней,—такъ и Спаситель воспользовался всѣми случаями, которые
вели къ злу, для блага, измѣнивъ горькое въ сладкое, превративъ
желчное во врачеваніе, обративъ жало смерти противъ нея, пре-
лагая вредъ отъ древа въ спасеніе, взявъ день, приведшій въ
трепетъ міръ, и возвращая его днемъ, возрадовавшимъ міръ. Мнѣ
не вѣрь, но своимъ глазамъ вѣрь; взирай на присутствующее
собраніе—и перестань спорить съ нами. День креста, и мы всѣ
радуемся и воздерживаемся отъ золъ и очищаемъ все: внутрен-
нее, внѣшнее. Это —смыслъ праздника, это—образъ радости. Я
говорю о немногихъ чудесахъ силы креста; воззри на кругъ все-
ленной, какъ много селеній, какъ много городовъ, какъ много
мѣстностей, какъ много племенъ, какъ много островов, какъ
много рѣкъ, какъ много морскихъ береговъ, какъ много поколѣ-
ній и племенъ, и варварскихъ языковъ; всѣ они ради креста воз-
держиваются отъ пищи, силою его распявъ свои страсти; и для
многихъ оканчивается ночь, но не оканчивается подвигъ поста. И
почему мы всѣ сошлись теперь услышать что-либо о крестѣ и
наполняемъ церковь, и толкаемъ другъ друга, потѣя, трудясь,
предъ судьями часто удостоиваясь права сидѣть на первыхъ мѣ-
стахъ, а предъ Іисусомъ съ удовольствіемъ стоя? Потому что и
Іисусъ стоялъ ради насъ, чтобы остановить волны грѣха. Итакъ,

что совершено сегодня? Да не пройдутъ мимо нашихъ ушей совершенно чудеса этого дня! Былъ уже свѣтъ и уже наступало утро, и Онъ со связанными руками вводится въ преторій Пилата. Съ какими руками? Исцѣлявшими слѣпыхъ, врачевавшими хромыхъ. И пальцы, давшіе зрѣніе, пригвождаются узами, и Исцѣлитель естества удерживается насильно отъ исполненія свойственнаго Ему дѣла. Это воздано Господу. *Связуяй воды на облацѣхъ* (Іов. xxvi, 8) связанъ, *изводящій окованныя мужествомъ* (Псал. lxvii, 7), дарующій *плѣнникамъ отпущеніе* (Иса. lxi, 1); связанъ разрѣшившій Лазаря отъ узъ смерти; приведенъ въ преторій *дориносимый* безчисленнымъ множествомъ ангеловъ. *Предстоитъ Пилату* имѣющій Своимъ престоломъ небо; удерживался Творецъ влекомый твореніями, Создатель—созданіемъ, Совершитель—совершеннымъ. Итакъ, что же затѣмъ? Что дѣлается? *И тіи*, говоритъ (Писаніе) *не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху* (Іоан. xviii, 28). О, великое беззаконіе! Они совершаютъ неправедное убійство и отказываются войти въ преторій, остерегаясь, чтобъ не оскверниться, хотя они уже были осквернены, выкупая овцу овцой. Итакъ, ожидалъ суда Судія всей вселенной; ожидалъ свидѣтелей Свидѣтель душъ; Тотъ, Кто сотворилъ, былъ и судимымъ; и люди, судя, сидѣли, а Богъ стоялъ, и, стоя, молчалъ, стоя возлѣ преддверія человѣческаго—Господь небесныхъ вратъ. Вопрошалъ Пилатъ, быть можетъ, болѣе человѣколюбивый, чѣмъ іудеи. Зачѣмъ я говорю: быть можетъ? Совершенныя дѣла покажутъ истину. *Кую вину приносите на человѣка сего* (Іоан. xviii, 29)? Кто можетъ обвинить Бога? Я вынуждаюсь сказать отъ лица Пилата, такъ какъ Іисусъ молчитъ, не потому, что Слово имѣло недостатокъ въ словахъ, но—чтобы отвѣтомъ не устранить вѣнца креста. 814
И неимущій пожелалъ стяжаній? Чужихъ жилищъ — Тотъ, Кто никогда не имѣлъ, гдѣ склонить Свою главу? Имуществъ—Тотъ, Кто обнажилъ и Своихъ учениковъ до пояса? Не имѣя осла, досталъ чужого, чтобы благословить вашихъ дѣтей. Скажите причину, придумайте, на законномъ основаніи умертвите. Іудеи ему отвѣтили: *аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали его тебѣ* (Іоан. xviii, 30). Великое указаніе на дѣла, неопредѣленная причина! Назови проступокъ и не вводи въ заблужденіе слушателя. Пилатъ говоритъ имъ: *поимите его вы и по закону вашему судите* (—31). Благомыслящій судья сложилъ тяжесть на голову іудеевъ: вы возьмите участника въ злодѣяніи. Іудеи ему говорятъ: *намъ не достоитъ убити никогоже* (—31). Итакъ, почему же вы убили Исаію, почему—Захарію, почему—каждаго изъ пророковъ? Но вамъ *не достоитъ убити*, не потому, что вы не желаете, но потому, что не можете, такъ какъ они были уже лишены такой,

возможности римлянами. Итакъ, законъ уже разрушенъ, упраздненный на дѣлѣ, сохраненный лишь въ чернилахъ; разрушилъ же его Іисусъ, Который былъ связанъ. А Пилатъ говоритъ: *азъ ни единыя вины обрѣтаю въ немъ* (—38). Не ты только, Пилатъ, но—ни іудеи, ни слѣпые, ни мертвые, ни солнце, ни луна, ни міръ, ни всѣ праведные пророки и мученики, ни пророкъ, говорящій: который *беззаконія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Иса. LIII, 9). Всѣ соглашаются съ Пилатомъ, вынося правый приговоръ; спорятъ одни только іудеи, съ крикомъ обвиняя Его и съ шумомъ соперничая затѣнить истину, и подтверждая то, что сказалъ Исаія: *ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе и не правду, но вопль* (Иса. V, 2, 4). Между тѣмъ какъ это совершалось, и Пилатъ не могъ ни говорить, ни слушать по причинѣ безпорядочнаго шума, и замышлялся мятежъ, послала къ нему жена его, прекрасная помощница, удерживая спѣшившаго мужа и говоря: *ничтоже тебѣ и праведнику тому* (Мѳ. XXVII, 19); если можешь, спаси Его; если же не можешь, то сбереги себя; она почти говорила то, что изрекъ Давидъ: *да не погубиши съ нечестивыми душу* твою [1]) *и съ мужи кровей животъ* твой [2]) (Псал. XXV, 9). *Ничтоже тебѣ и праведнику тому: многою бо пострадахъ во снѣ его ради* (Мѳ. XXVII, 19). Другой Іосифъ—она созерцаетъ чрезъ сновидѣнія истину, свидѣтельствуя вопреки крикамъ іудеевъ, такъ какъ надлежало, чтобъ они были побѣждаемы женщинами. Побѣдила ихъ Раавь-блудница, побѣдила ихъ кровоточивая, побѣдила хананеянка; и теперь опять женщина—противъ нихъ. Они стѣснены; іудеи отвѣтили ему: *мы законъ имамы, и по закону нашему долженъ есть умрети* (Іоан. XIX, 7). Какой законъ? Подтверждаемый какими изреченіями? Быть можетъ, тѣми, которыя сегодня были прочитаны? *Яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ; ради беззаконій людей моихъ ведеся на смерть* (Иса. LIII, 7. 8). Вотъ какіе нахожу полезныя для нихъ слова; въ другомъ же мѣстѣ никоимъ образомъ не нахожу, чтобъ Іисусъ былъ *закалаемъ* по праву. Пилатъ вошелъ въ преторій, уступая гнѣву іудеевъ, стараясь погасить неугасимый пламень. Вошелъ и вышелъ; еще болѣе зажегъ огонь. Онъ вышелъ съ увѣнчаннымъ Іисусомъ, что́ для іудеевъ было непріятнымъ зрѣлищемъ,—показывая врага ихъ уже увѣнчаннымъ, уже побѣдителемъ, уже облеченнымъ царскимъ видомъ. Хотя это было сдѣлано ради осмѣянія, но было иносказательнымъ указа-

---

1) Въ псалмѣ: *мою*.

2) Въ псалмѣ: *мой*.

ніемъ на присущее Ему по естеству царское достоинство. Когда же они увидѣли Его, Котораго часто видали и никогда не познали, на Котораго, всегда взирая, воспламенялись, истощаемые собственнымъ ихъ огнемъ (а они пожелали бы, хотя бы и сож- 315
жены были огнемъ), то подняли свой содомскій крикъ, подняли и пришли въ неистовое состояніе: *возьми, возьми, распни Его. Царя ли вашего распну? Не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. xix, 15), говорятъ они. Отреченіе—безъ преслѣдованія, безбожіе—послѣ египетскихъ золъ: *сіи бози твои, Израилю, иже изведоша тя изъ земли Египетскія* (Исх. xxxii, 4). Вы не имѣете царя, *токмо кесаря?* Кто же путеводилъ васъ въ пустынѣ. Или кто питалъ? Къ кому восклицаетъ Моисей, говоря: *Господь царствуяй вѣки, и на вѣкъ, и еще* (Исх. xv, 18)? Итакъ, послѣ того, какъ вы отреклись отъ своего Царя,—останьтесь на будущее время безъ царя, влача вѣчное ярмо рабства. Это совершено до даннаго часа. Но посмотримъ и на оставшуюся часть дня, такъ какъ весь этотъ день—святой. Они взяли Его—увѣнчаннаго; чѣмъ? *Терніями*—этими іудейскими дарами. *Ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе* (Иса. v, 2, 4): Онъ былъ заушенъ, былъ битъ, принялъ бичеванія; но ничего этого не устыдился перенести. Стань вмѣстѣ съ Исаіею и созерцай Бога его глазами. Итакъ, что тотъ говоритъ? *Господи, кто вѣрова слуху нашему? Видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты. Но видъ его безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ* (Иса. liii, 1. 2. 3). Онъ не имѣлъ *доброты*, ни *вида*, Онъ — Художникъ всякой красоты; Онъ оплакивалъ злодѣянія іудеевъ, *человѣкъ, въ язвѣ сый, и вѣдый терпѣти болѣзнь* (—3). Человѣкъ, не Богъ, потому что подвергнутъ былъ ударамъ человѣкъ, а не Богъ. Кто же это—переносящій много страданій и испытывающій много печалей и всѣми біемый? Ужели праведно Онъ претерпѣлъ то, что̀ претерпѣлъ? *Сей грѣхи наша носитъ и о насъ болѣзнуетъ* (Иса. liii, 4). *Азъ ни единыя вины обрѣтаю въ немъ* (Іоан. xviii, 38). Но не стыдись изъ-за позорныхъ благъ. Претерпѣвъ столь великое, Онъ остался безстрастнымъ; Онъ былъ раненъ, оплеванъ, перенесъ самое постыдное, и Онъ же самый остается достойнымъ почета, славнымъ какъ бы одинъ изъ уязвленныхъ, какъ говоритъ самъ Исаія: *и мы вмѣнихомъ его быти въ трудѣ и въ язвѣ, и во озлобленіи. Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша* (Иса. liii, 4, 5). Итакъ, и самъ Онъ, и мы лежимъ раненые. *Язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (—5). Мертвый—врачъ мертвыхъ; раненый—врачебное средство для обремененныхъ заботами людей. Но доколѣ ты, о, человѣкъ, совращаешь съ пути нашу свободу? Скажи яснѣе о томъ, что̀ изслѣдуется. *Яко овча, на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ безгласенъ*

(—7). Добрая овца, отданная дурнымъ поварамъ; если закалаете, іудеи, то не стригите; если же стрижете, то пощадите овцу, которая доставляетъ вамъ много полезнаго. *Ведяхуся же и ина два злодѣя съ Нимъ* (Лук. xxiii, 32). Слово у насъ доходитъ до один-
816 надцатаго часа дня, чтобы никто не отчаивался въ своей жизни. И я, конечно, желалъ бы пройти молчаніемъ исторію, вслѣдствіе того, что часто мы разсказывали ее, но вижу разбойника, который всегда меня принуждаетъ. И не удивительно: онъ, измѣнивъ свое ремесло для спасенія, насильно отворилъ двери рая. Стоялъ на крестѣ Агнецъ и два волка; но одинъ остался на землѣ своими мыслями, а другой уже измѣнялся, говоря: *помяни мя, егда пріидеши во царствіи* Твоемъ (—42). О, могущество Іисусово! Разбойникъ—уже пророкъ, проповѣдующій со креста: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи* Твоемъ. И что, свойственное царю, ты, разбойникъ, видишь? Заушеніе, оплеваніе, гвозди и древо, и насмѣшки іудеевъ, и уже обнажаемое копье воиновъ. Но не вижу, говоритъ, того, что видимо: стоящихъ кругомъ ангеловъ вижу, убѣгающее солнце, раздираемую завѣсу, колеблющуюся землю, мертвыхъ, уже помышляющихъ о бѣгствѣ; Іисусъ пріемлетъ всѣхъ, давая тотъ же динарій и тѣмъ дѣлателямъ, которые пришли около одиннадцатаго часа. *Аминь глаголю тебѣ* (возьми и ты аминь, о, разбойникъ, ты, который сегодня—разбойникъ), *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. xxiii, 43). Я, Который изгналъ тебя, ввожу,—Я, Который заключилъ двери райскія, Который заградилъ ихъ огненнымъ мечемъ; если Я не введу тебя, то двери останутся запертыми. Сюда, о, разбойникъ, ограбившій діавола и увѣнчанный супротивъ него; увидѣвъ человѣка, Богу поклонился, отбросивъ древнее оружіе, воспріявъ оружіе вѣры. А когда это такъ происходило, и когда все освящалось: изъ области эѳира—солнце, изъ растеній же—дерево, а изъ животнаго міра — желчь, изъ тканей—неразрываемый хитонъ, изъ моря—пурпуровое одѣяніе, изъ металловъ же и именно желѣза—копье и гвозди, и когда излились двоякіе источники: кровь и вода, — тогда Спаситель исполнилъ то, что было Ему свойственно: *Отче, отпусти имъ* грѣхъ (—34). Кому—отпущеніе? Эллинамъ, іудеямъ, пришельцамъ, варварамъ, просто сказать — всѣмъ, потому что однажды Онъ сказалъ, и это дѣло совершается всегда. Не о врагахъ только сказалъ: *отпусти*; Онъ говоритъ ежегодно и всегда говоритъ, и тотъ, кто желаетъ, получаетъ. Сошлись всѣ къ преторію Пилата; что̀ говоря? Знаемъ, *яко льстецъ онъ рече, еще сый живъ: по тріехъ днехъ возстану* (Мѳ. xxvii, 63). Ты несомнѣнно знаешь? Несомнѣнно помнишь, что Онъ возстанетъ? Поставь стражу ко гробу; для меня охраняешь его; охрани мертваго, чтобъ Онъ не убѣжалъ. *Имате*, говоритъ.

кустодію, идите; утвердите, якоже вѣсте (—65); не выпускайте, какъ знаете; какъ знаете, приготовьте; какъ знаете, охраните; еслибы вы не сохранили, то оставляете мнѣ основаніе къ извиненію. Теперь же вамъ самимъ предаю Его, Который, когда былъ живъ, былъ вами удержанъ, а когда былъ убитъ, отъ всѣхъ васъ скрылся. Итакъ, останемся трезвыми, чтобы увидѣть глубокій сонъ іудеевъ и праздновать вмѣстѣ съ небесными воинствами, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О честномъ и животворящемъ крестѣ и о преступленіи первыхъ людей.

ЧТО мнѣ сказать, или что возглаголать? Или какимъ име- 815—6
немъ мнѣ назвать васъ? Овцами или пастырями? Корабельщиками или кормчими? Учениками или учителями? Какимъ образомъ мнѣ выразить удивленіе вашей ревности, болѣе сильной, нежели огонь? Назову ли васъ овцами, потому что вы— кротки и тихи? Назову ли васъ пастырями, потому что вы—по- 817
дражатели своему Господу? Назвать мнѣ васъ корабельщиками, потому что вы на опытѣ выдержали бурю водоворотовъ. Назову ли васъ кормчими, потому что вы — таковы, и какъ нѣкій прекрасный кормчій, сидя у руля, съ помощію искусства убѣгая отъ треволненій и сохраняя корабль неповрежденнымъ, ведетъ его къ тихой гавани,—такъ именно поступаете и вы? Не назвать ли мнѣ васъ учениками, потому что вы готовы къ повиновенію? Не назвать ли васъ учителями? Опять скажу: вы—таковы, потому что вы сдѣлались учителями всей вселенной. Итакъ, что сказать? Я желаю сегодня предложить вамъ духовную трапезу, не тѣло питающую, но укрѣпляющую духъ, лучше же сказать: и тѣло питающую, и душу очищающую. Такова—трапеза духовная; она не то, что трапеза прожорливыхъ людей, производящая пресыщеніе. Слово—духовно, оно дышетъ благоуханіемъ, потому что, вспоминая о немъ, человѣкъ, какъ бы поглощающій муро, испускаетъ нѣкоторое благовоніе, не только себя самого награждая благоуханіемъ, но дѣлая такъ, чтобъ и стоящіе возлѣ него исполнились того благовонія. Внимайте же—я желаю произнести слово. Есть и такіе водолазы, что бросаются съ корабля въ море, ходя всюду по морскому дну, желая извлечь себѣ жемчужную раковину; мы же, вмѣсто корабля имѣя ветхій и новый завѣтъ, вмѣсто руля—крестъ, вмѣсто кормчаго—Христа, вмѣсто подкормчаго—Отца, вмѣсто зефира—Святаго Духа,

вмѣсто паруса—благодать, вмѣсто корабельщиковъ—учениковъ, вмѣсто пассажировъ — пророковъ, — бросимся съ корабля въ море мыслей, не для того, чтобы извлечь себѣ жемчужную раковину, но то, что — драгоцѣннѣе жемчуга. Внимайте же мнѣ, умоляю, доставьте мнѣ послушаніе; я, какъ уже сказалъ, намѣреваюсь извлекать изъ глубины мыслей нѣчто цѣннѣе жемчуга. Итакъ, не отнеситесь къ себѣ съ пренебреженіемъ и не поступите съ собою, какъ неразумныя животныя. Вѣдь написано: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями и не дадите святая псомъ* (Мѳ. VII, 6). Когда же ты услышишь о свиньяхъ, то не сочти ихъ безсловесными животными; и когда услышишь о собакахъ, то не сочти и ихъ за собакъ. Свиньями Писаніе называетъ живущихъ въ распутствѣ; собаками же называетъ необдуманно бѣснующихся противъ Господа. Итакъ, сдѣлайте самихъ себя достойными того жемчуга, который намѣреваюсь вамъ сегодня предложить. Земледѣльцы не бросаютъ безразсудно своихъ сѣмянъ, если сначала не запрягутъ воловъ и не провлекутъ плуга, и не извлекутъ терновника, и не прорѣжутъ бороздъ,—тогда только бросаютъ свои сѣмена на землю, чтобы дождь, найдя ихъ, унесъ въ пустоты земли; и тогда земля, взявъ ихъ, рождаетъ колосъ. Но тѣ сѣмена выжидаютъ и зиму, и лѣто, и небесный дождь, и лучи солнца, и время жатвы,—тогда только они собираются въ житницы; я же не выжидаю ни зимы, ни лѣта, ни солнечныхъ лучей, ни дождя, ни запрягаю воловъ, ни влеку плуга, ни прорѣзываю бороздъ, ни извлекаю терновника, сегодня сѣю, сегодня и жну, потому что обработываю не неразумную землю, но землю разумную, не безчувственную, но чувственную, не бездушную, но одушевленную. И какой земли я, счастливецъ, избранъ воздѣлывателемъ! Да, я тогда счастливъ, когда говорю въ уши слушающихъ. И опять (Писаніе) говоритъ: преслушаніе производитъ смерть (сравн. Второз. VIII, 20). Итакъ, я блаженъ; блаженны и вы, потому что Іисусъ въ Евангеліи говоритъ ученикамъ: блаженны, если соблюдете Мое слово (сравн. Іоан. VIII, 51). Внимайте же, обращайте вниманіе на то, что говорится. А желаю я вамъ съ помощію образовъ показать: чтó есть Богъ? Пользуясь сказаніемъ, говорю: Богъ подобенъ человѣку, сидящему на утесѣ и созерцающему все море, корабли, ходящіе по нему, море—непостоянное, возбуждаемое треволненіями, вслѣдствіе того, что въ немъ дуютъ жестокіе вѣтры;
818 вотъ нѣкоторый прекрасный кормчій, соперничая съ волнами, пытается ввести корабль въ спокойную гавань, потому что застигаетъ позднее время, — пытается ввести, боясь, чтобы корабль не утонулъ, такъ какъ иные корабли идутъ по прямой дорогѣ, а другіе вслѣдствіе сильнаго натиска вѣтровъ погружаются въ воду

и погибаютъ, при чемъ нѣкоторые люди умираютъ, а нѣкоторые остаются въ живыхъ и достигаютъ земли, схватившись за какой-нибудь жалкій руль и выбрасываемые на сушу весьма сильными волнами; а также бываютъ выбрасываемы тѣла и умершихъ уже. Все же это созерцаетъ сидящій на утесѣ; это—Богъ, и, какъ я прежде сказалъ, я говорю, пользуясь сказаніемъ. А когда я скажу о Богѣ, сидящемъ на высокихъ мѣстахъ, то не думай, что Онъ находится только на высокихъ мѣстахъ, но думай, что Онъ присутствуетъ и всюду. Онъ не раздѣляется отъ чего-либо разстояніемъ мѣста, Самъ будучи Своимъ мѣстомъ, Самъ все вмѣщая, а Его не вмѣщаетъ ничто. И что можетъ вмѣстить природу безтѣлесную и невещественную, и безпредѣльную, и неизслѣдимую, и неподверженную гибели, и нетлѣнную, и непостижимую? По мнѣнію благочестивыхъ людей такимъ-то образомъ должно мыслить Бога. Это — наша надежда, какъ написано: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога и егоже послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3). За это и порицаютъ насъ еретики, поистинѣ безразсудные люди, читающіе и непонимающіе. Когда же ты услышишь о Христѣ, то не считай Его однимъ только Богомъ, и не думай объ одномъ только домостроительствѣ во плоти, но о томъ и другомъ вмѣстѣ, и о Богѣ—Словѣ и о плотскомъ домостроительствѣ. Я знаю, что Христосъ алкалъ, знаю также, что Христосъ съ помощью пяти хлѣбовъ и двухъ рыбъ напиталъ пять тысячъ человѣкъ, кромѣ женщинъ и дѣтей; знаю, что Христосъ жаждалъ, знаю также и то, что Христосъ превратилъ воду въ вино; знаю, что Христосъ плавалъ на кораблѣ, знаю и то, что Христосъ ходилъ по водамъ; знаю, что Христосъ умеръ, знаю и то, что Христосъ воскрешалъ мертвыхъ; знаю, что Христосъ *предстоялъ Пилату*, знаю и то, что Христосъ сидитъ вмѣстѣ съ Отцемъ; знаю, что Христосъ терпѣлъ отъ іудеевъ оплеванія, знаю и то, что Христу покланялись ангелы; и одно привожу, доказывая Его божество, а другое, доказывая Его человѣчество. Поэтому сказано то и другое вмѣстѣ, такъ какъ я знаю, что Христосъ родился отъ Маріи, и знаю, что Христосъ существовалъ прежде вѣковъ. Итакъ, прославимъ Іисуса Христа, несокрушимую стѣну, основаніе, утвержденное на скалѣ. Онъ самъ говоритъ Петру: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мѳ. XVI, 18). Подобнымъ же образомъ говоритъ и Павелъ: *основанія инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). Итакъ, умоляю васъ, чтобы намъ со всею кротостію обращать вниманіе другъ на друга. Въ настоящей жизни мы прельщаемся пищею и

питьемъ, и разнообразными удовольствіями, а въ будущей—судъ и наказаніе. Итакъ, не дадимъ мѣста для діавола. *Яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителемъ тьмы вѣка сего* (Ефес. VI, 12). Поспѣшимъ же убѣжать отъ вѣчнаго наказанія. Богъ не сотворилъ наказанія, чтобы подвергнуть ему насъ, но—чтобы тебя, впадшаго въ него, исторгнуть; вѣдь мы имѣемъ таковаго—человѣколюбиваго и милосердаго Бога. Давидъ свидѣтельствуетъ, говоря: *Богъ—судитель праведенъ и крѣпокъ, и долготерпѣливъ, и не гнѣвъ наводяй на всякъ день* (Псал. VII, 12). *Аще не обратитеся, оружіе Свое очиститъ, лукъ Свой напряже, и уготова и, въ немъ уготови сосуды смертныя* (—13, 14). Это говоритъ Богъ, не для того, чтобы судить насъ, но—чтобы мы не сдѣлались болѣе безпечными. Еслибы Онъ желалъ погубить насъ, то не пролилъ бы за насъ Своей крови. Онъ умеръ, чтобы даровать тебѣ безсмертіе; взалкалъ, чтобы напитать тебя Своею плотію; возжаждалъ, чтобы напоить тебя Своею кровію; садился на корабль, чтобы посадить тебя превыше херувимовъ; Онъ былъ крещенъ, чтобы просвѣтить тебя; былъ заушенъ, чтобы освободить тебя; путешествовалъ, чтобы сдѣлать тебя неутомимымъ; плавалъ на кораблѣ, чтобы содѣлать тебя безстрашнымъ; спалъ, чтобы сдѣлать тебя свободнымъ отъ печалей; пришелъ отъ жены, чтобы проявить сострадание къ преступленію Евы въ раю; названъ человѣкомъ, чтобы назвать тебя
819 Богомъ; названъ Сыномъ человѣческимъ, чтобы назвать тебя сыномъ Божіимъ; воспріялъ наше и даровалъ намъ Свое; молился, чтобы сдѣлать тебя вѣрнымъ, какъ говоритъ о Лазарѣ: *Отче, прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя* (Іоан. XVII, 1). *И пріиде гласъ съ небесъ*, говорящій: *и прославихъ, и паки прославлю* (—XII, 28). Знаю, что всегда слушаешь Меня, но Я сказалъ ради предстоящаго народа, чтобы всѣ увѣровали, что Ты послалъ Меня (XI, 42). Итакъ, если что потерпѣлъ Онъ, то потерпѣлъ не ради Себя самого и не ради Своего Отца, но—чтобы чрезъ крестъ спасти человѣческій родъ. И если ты, возлюбленный, желаешь узнать силу креста и то, что̀ я могъ бы сказать о крестѣ въ похвалу его, то слушай. Крестъ—надежда христіанъ, крестъ—возстаніе мертвыхъ, крестъ — путеводитель слѣпыхъ, крестъ — надежда потерявшихъ надежду, крестъ — путь заблудившихся, крестъ — мститель за обижаемыхъ, крестъ — посохъ хромыхъ, крестъ—утѣшеніе бѣдныхъ, крестъ—удило для богатыхъ, крестъ—низложеніе горделивыхъ, крестъ—покаяніе распутныхъ, крестъ—трофей противъ демоновъ, крестъ—побѣда надъ діаволомъ, крестъ—учитель дѣтей, крестъ — изобиліе для недостаточныхъ, крестъ—кормчій плавающихъ, крестъ — гавань обуреваемыхъ, крестъ—

стѣна для тѣхъ, на кого нападаютъ непріятели, крестъ—отецъ сиротъ, крестъ—защитникъ вдовъ, крестъ—судья неправедныхъ, крестъ — столпъ праведныхъ, крестъ — успокоеніе страдающихъ, крестъ — стражъ дѣтей, крестъ — глава мужей, крестъ—конецъ старцевъ, крестъ—свѣтъ сидящимъ во тьмѣ, крестъ—великолѣпіе царей, крестъ—человѣколюбіе варваровъ, крестъ—свобода рабовъ, крестъ—мудрость необразованныхъ, крестъ—законъ беззаконныхъ, крестъ — проповѣдь пророковъ, крестъ — возвѣщеніе апостоловъ, крестъ—похвала мучениковъ, крестъ—подвижничество монаховъ, крестъ—цѣломудріе дѣвъ, крестъ—радость іереевъ, крестъ—основаніе церкви, крестъ—безопасность вселенной, крестъ—низложеніе храмовъ, крестъ—низпроверженіе алтарей, крестъ—удаленіе тука жертвоприношеній, крестъ — соблазнъ іудеевъ, крестъ — погибель нечестивыхъ, крестъ — сила безсильныхъ, крестъ — врачъ болящихъ, крестъ—очищеніе прокаженныхъ, крестъ—укрѣпленіе разслабленныхъ, крестъ—хлѣбъ алчущихъ, крестъ—источникъ жаждущихъ, крестъ — одежда нагихъ; всякій же разъ какъ скажу о наготѣ, говорю не о тѣлесной, а о наготѣ вѣры. Когда ты, увѣровавши, будешь крещенъ, тогда назовешься *облеченнымъ*. И послушай, что̀ говоритъ Павелъ: *елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Галат. III, 27). Когда же услышишь о Христѣ, то не подумай только о Богѣ, ни объ одномъ только плотскомъ домостроительствѣ, но о томъ и другомъ вмѣстѣ. Я часто говорилъ, и теперь не перестану говорить: *мнѣ убо* говорить *нелѣностно, вамъ же твердо* (Филип. III, 1), такъ какъ я хочу, чтобъ всѣ были учителями. Итакъ, Христомъ Онъ названъ потому, что облекся въ плоть; названъ Іисусомъ Христомъ, — имя Его по плоти; названъ Словомъ потому, что слово — отъ кого-либо; Сыномъ потому, что отъ Отца; Единороднымъ потому, что одинъ только и отъ одного только Бога; Богомъ потому, что Творецъ. И слушай, что̀ говоритъ Іоаннъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. I, 1—3). Видишь ли, что это — Тотъ, Кто словомъ простеръ небо и украсилъ разнообразное собраніе звѣздъ, и показалъ небо, какъ бы лугъ? Это—Тотъ, Кто возжегъ солнце и установилъ для него пути; это — Тотъ, Кто опредѣлилъ появленіе луны при закатѣ солнца; это — Тотъ, Кто на водахъ основалъ землю; это—Тотъ, Кто повелѣлъ землѣ произвести *быліе травное* и источникамъ изливать воды, и рѣкамъ течь, и озерамъ собраться вмѣстѣ,—Кто чрезъ посредство песка положилъ предѣлы морю и повелѣлъ водамъ произвести живыя души и вѣтрамъ — дуть, и 820
горы взвѣсилъ на вѣсахъ, облакамъ повелѣлъ двигаться, скотамъ,

четвероногимъ, пресмыкающимся, пернатымъ бѣгать по землѣ. А что мнѣ сказать объ ангелахъ, архангелахъ, престолахъ, херувимахъ, серафимахъ, началахъ, властяхъ, порядкахъ, временахъ и годахъ, и мѣсяцахъ, и седмицахъ, и дняхъ, и часахъ, и ночахъ, и свѣтѣ, и мракѣ, и сущностяхъ вещей? Сотворивъ же человѣка послѣднимъ, по образу и по подобію Своему, Онъ помѣстилъ его въ раю. Увидѣвъ же, что человѣческій родъ побѣждается злобой діавола, Онъ пожелалъ облечь на Себя наши начатки и пригвоздить ихъ на древѣ, чтобы, какъ чрезъ древо произошло преступленіе, такъ опять чрезъ древо произошло и спасеніе. Итакъ, діаволъ, позавидовавъ, что, между тѣмъ какъ онъ низвергнутъ съ неба, Адамъ былъ въ раю, — воздѣйствовалъ на него, воспользовавшись змѣемъ, какъ бы оружіемъ; и такимъ образомъ бесѣдовалъ съ ними, когда они были въ раю, потому что безтѣлесный не могъ бесѣдовать съ тѣлесными; и говоритъ Евѣ: это дерево — прекрасно и спѣло для вкушенія, и: *въ оньже аще день снѣсте отъ него, будете, яко бози*, все *вѣдяще* (Бы. III, 5). Убѣдивъ Еву, онъ обманулъ; затѣмъ та убѣдила и своего мужа, и они вкусили отъ дерева. Когда же они вкусили, то оказались наги; и говоритъ Богъ Адаму: *гдѣ еси* (—9)? Когда услышишь: *гдѣ еси*, то не вмѣни Богу невѣдѣнія. Говорилъ же Онъ: *гдѣ еси*, потому что діаволъ говорилъ имъ: *въ онь же аще день снѣсте*, *будете*, *яко бози;* такъ какъ они полагали, что имѣютъ сдѣлаться, какъ боги, поэтому Богъ говорилъ ему: *Адаме, гдѣ еси?* Это значитъ: ты вкусилъ и остался человѣкомъ; не возвѣстилъ ли Я тебѣ, чтобъ ты не вкушалъ отъ этого дерева? Но ты вкусилъ, и явился преступникомъ; это значитъ: *гдѣ еси?* Листьями же смоковницы они были облечены, покрывая образъ грѣха. И что говоритъ Адамъ? *Гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раи, и скрыхся* (—10). И говоритъ Богъ: что ты сдѣлалъ? И Адамъ говоритъ Богу: *жена, юже далъ еси* мнѣ, она обольстила меня (—12). Потомъ Богъ говоритъ Евѣ: кто прельстилъ тебя? И что говоритъ та? *Змій прельсти мя* (—13). О, Ева, вѣдь Я далъ тебя мужу твоему, — ужели Я далъ тебя и змѣю? Приводили же они это въ свое оправданіе, потому что желали устранить себя самихъ отъ наказанія. И говоритъ Богъ Адаму: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, тернія и волчцы возраститъ тебѣ. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (17, 18, 19). Потомъ — женѣ: въ скорбяхъ *родиши чада, и умножая умножу печали твоя, и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (—16). Затѣмъ — змѣю: *на персехъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего*; и человѣкъ будетъ господствовать надъ тобою; *Той твою блюсти будетъ главу, и ты — его пяту* (—14, 15). Почему же Онъ проклятіемъ

обрекъ змѣя на хожденіе *на персехъ и чревѣ* и—ѣсть *землю вся дни живота его?* Проклялъ *перси*, потому что въ нихъ сидитъ сердце, выдумавшее зло; проклялъ *чрево*, потому что онъ обольстилъ чрезъ посредство внушенія, повелѣлъ же ѣсть *землю вся дни живота* его, потому что Адамъ былъ изъ земли—земной. Итакъ, эти три получили приговоръ, потому что три также и совершили преступленіе. Такъ какъ преступленіе произошло отъ дерева, какъ я раньше сказалъ, то поэтому Онъ пожелалъ пригвоздить эти начатки на древо, чтобы, подобно тому какъ чрезъ древо произошло преступленіе, такъ чрезъ древо же произошло и спасеніе. За все же это воспошлемъ славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На тридневное воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Радуйтеся *всегда о Господѣ*, возлюбленные братья; *паки* 821
реку: радуйтеся. Господь близъ, ни о чемже пецытеся (Филип. IV, 4, 5, 6). Господь возсталъ изъ мертвыхъ и вмѣстѣ съ Нимъ большое множество святыхъ. Будемъ же праздновать сладостно, и трезвенно. Это поистинѣ тотъ *день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Псал. CXVII, 24). Возвѣстимъ о воскресеніи Спасителя, лучше же сказать: возопіемъ о нашемъ спасеніи; возвѣстимъ память о томъ спасительномъ днѣ; возвѣстимъ объ умерщвленіи діавола, о плѣненіи нечистыхъ демоновъ, о спасеніи христіанъ, о воскресеніи мертвыхъ. Чрезъ воскресеніе Христово угашается геенна огненная, умираетъ неусыпающій червь; адъ приходитъ въ смятеніе, діаволъ печалится, грѣхъ умерщвляется, злые духи преслѣдуются, тѣ, которые произошли изъ земли, взбѣгаютъ на небеса, находящіеся въ аду освобождаются отъ узъ діавола и, прибѣгая къ Богу, говорятъ діаволу: *гдѣ ти, смерте, побѣда? Гдѣ ти, аде, жало* (1 Кор. XV, 55)? Виновникъ же у насъ этого святаго праздника и торжественнаго собранія — Христосъ, Податель и всѣхъ намъ благъ. Онъ и сотворилъ насъ искони и привелъ изъ небытія въ бытіе; Онъ и теперь спасъ погибающихъ; Онъ оживотворилъ омертвѣлыхъ; Онъ избавилъ отъ діавольской тираніи; насъ, бывшихъ рабами грѣху, Онъ сдѣлалъ свободными, *истребивъ еже на насъ рукописаніе* (Колосс. II, 14). *Христосъ ны искупилъ есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. III, 13). По этимъ причинамъ достойно и намъ сказать: *что воздадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ* (Псал. CXV, 3)? Бу-

дучи единороднымъ Богомъ, Онъ благоволилъ ради насъ сдѣлаться человѣкомъ и былъ *послушливъ даже до смерти* (Филип. II, 8), чтобы избавить насъ отъ вѣчной смерти; носилъ *зракъ раба* (—7) Господь ангеловъ; воспріялъ плоть Богъ — Слово, и явился человѣкомъ Тотъ, Кто имѣлъ одинъ съ Отцемъ видъ и одно существо; и претерпѣлъ это, чтобы исторгнуть насъ изъ неправеднаго рабства и выкупить изъ безчестія; поэтому перенесъ страданіе плотію Податель нашей жизни; поэтому и былъ погребенъ Источникъ безсмертія, чтобы даровать смертнымъ вѣчную жизнь. И Онъ пребывалъ на землѣ, совершая благодѣянія и исцѣляя болѣзни людей, но отъ богопротивныхъ іудеевъ воспринялъ воздаянія недостойныя. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, по великой Своей благости, очищалъ прокаженныхъ, слѣпымъ даровалъ зрѣніе, исцѣлялъ хромыхъ, прогонялъ демоновъ, воздвигъ изъ мертвыхъ *четверодневнаго* Лазаря, пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ человѣкъ, ходилъ по морю, превратилъ воду въ вино, исцѣлилъ кровоточивую, возвратилъ къ жизни умершую дочь начальника синагоги, и совершилъ много другихъ таинствъ, достойныхъ изумленія, іудеи же, возбужденные завистью и недоброжелательствомъ, то хотѣли побить Господа камнями, то пытались низвергнуть Его внизъ со скалы, а наконецъ, возвели даже и на крестъ. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ не подражалъ злобѣ богохульствовавшихъ іудеевъ; но и *плещи* Свои *вдахъ на раны*,—по слову пророка,—*и ланитъ* Свои *на заушенія* и *не отврати лица* Своего *отъ студа заплеванія*; и, наконецъ, *яко овча, на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ*, Онъ не проявлялъ сопротивленія, не противовѣчилъ (Иса. L, 6, LIII, 7). *Иже укоряемъ противу не укоряше, стражда не прещаше; предаяше же* Себя *судящему праведно* (1 Петр. II, 23). При первомъ Своемъ явленіи Онъ не пришелъ наказать и отомстить невѣрнымъ, но восхотѣлъ великодушіемъ и терпѣніемъ привести заблудившихся къ истинѣ. И
822 пойми Господню благость и великую доброту. Іудеи злословили Его и говорили Ему: *бѣса имаши* (Іоан. VII, 20); Господь же, будучи долготерпѣливъ, прогонялъ изъ людей демоновъ. Іудеи плевали въ лицо Спасителя, а Онъ врачевалъ ихъ слѣпыхъ; іудеи пытались побить Христа камнями, а Христосъ даровалъ ихъ хромымъ силу бѣгать; и постоянно продолжалъ благодѣтельствовать оскорбителямъ и за зло воздавать тѣмъ неблагодарнымъ и беззаконнымъ людямъ добро; незлобиво же перенося оскорбленія, быть можетъ, даже считался немощнымъ Дориносимый ангелами. И чтобы не показалось, что мы, говоря многое, удлинняемъ слово, перейдемъ къ самымъ главнымъ предметамъ. Итакъ, наконецъ, былъ веденъ на крестъ и смерть Царь славы, и пригвождается къ

древу славословимый херувимами и серафимами и *покланяемый*
всѣми силами и ангелами; но Онъ кротко перенесъ и терпѣлъ
это, доставляя намъ примѣръ и сдѣлавшись Учителемъ кротости.
И мы поэтому должны доблестно переносить угрозы дурныхъ лю-
дей. Вѣдь и на крестѣ повѣшенный Онъ проявилъ очень великія
дѣла и очень многія чудеса, чтобы хотя такимъ образомъ поло-
жить конецъ неистовству безбожниковъ, такъ чтобъ они не имѣли
повода къ невѣрію и не могли говорить, что распяли только про-
стого человѣка. Итакъ, прежде всего Христосъ снизошелъ до того,
что былъ распятъ и поднятъ на воздухъ, чтобы прогнать находя-
щихся въ воздухѣ демоновъ; Онъ былъ повѣшенъ на древѣ, чтобы
исцѣлить древній, чрезъ древо приросшій къ людямъ грѣхъ; а
также былъ пронзенъ въ ребро копьемъ, изъ-за жены, взятой отъ
Адамова ребра. Такъ какъ змій прельстилъ Еву, а Ева устроила, что
Адамъ сдѣлался преступникомъ [приговоръ же былъ произнесенъ
противъ ихъ обоихъ, и царствовала смерть *отъ Адама до Моисея
и надъ несогрѣшившими* (Римл. v, 14)], то поэтому ранится бокъ,
чтобы мы поняли, что страданіе Христа принесло спасеніе не
только мужамъ, но и женщинамъ. Адамъ былъ сотворенъ первымъ,
потомъ—Ева. И Адамъ не былъ прельщенъ, но жена, прельстив-
шись, оказалась *въ преступленіи*; спасется же она чрезъ *чадоро-
діе*. Какое чадородіе, если не чрезъ чадородіе Маріи? Она родила
Спасителя — Христа, не сочетавшись съ мужемъ, какъ свидѣ-
тельствуетъ Исаія (vii, 14), но послѣ того, какъ осѣнилъ ее Свя-
тый Духъ, какъ благовѣстилъ архангелъ Гавріилъ. По этому-то
поводу поражается и ребро Христово, чтобы было устроено пред-
реченное, и было возвѣщено таинство крещенія, и возсіяла гря-
дущая благодать. Кровь и вода вытекаетъ изъ ребра Христова,
чтобы *истребить еже на насъ рукописаніе* грѣха (Колос. ii, 14),
и чтобъ мы очистились кровью Его и получили рай. О, великое
таинство! Разбойникъ раскаялся; была потребность въ водѣ, чтобъ
онъ былъ крещенъ. Онъ висѣлъ на крестѣ, не было другого мѣста
для крещенія, ни источника, ни озера, ни дождя, ни совершителя
таинства, такъ какъ всѣ ученики, вслѣдствіе страха предъ іудеями,
убѣжали; но Іисусъ не имѣлъ недостатка въ источникахъ, а и
вися на крестѣ былъ творцомъ водъ. Такъ какъ разбойнику нельзя
было войти въ царство (небесное) безъ крещенія, и надлежало,
чтобъ раскаявшійся не остался безъ крещенія, то Спаситель
источилъ изъ пронзеннаго ребра Своего воду и кровь, чтобы и
разбойника освободить отъ угрожавшихъ золъ, и показать, что Его
кровь сдѣлалась выкупомъ для тѣхъ, кто возлагаетъ на Него свои 823
надежды. *Аще бо кровь тельчая и козлія, и пепелъ юнчій, кро-
пящій оскверненыя освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ* (Евр. ix, 13),

то во сколько разъ болѣе кровь Христа—Спасителя нашего—сдѣлалась очищающею всѣхъ христіанъ? Итакъ, если кто-либо изъ невѣрныхъ скажетъ тебѣ: почему распятъ Христосъ?— то скажи ему: чтобы распять діавола. Если скажетъ тебѣ: почему Онъ былъ повѣшенъ на древѣ?—то скажи ему: чтобы отозвать назадъ грѣхъ, привзошедшій въ раю чрезъ древо. Если скажетъ тебѣ: почему Онъ носилъ даже тернія?—то скажи ему: чтобы исторгнуть *терніе и волчцы* Адамовы, потому что Адамъ былъ осужденъ—стенать и трястись отъ страха и воздѣлывать терніе и волчцы. Іисусъ, будучи человѣколюбивъ, желая позаботиться о Своемъ твореніи, ради насъ перенесъ все, чтобы освободить насъ отъ осужденія. И какъ рожденъ онъ былъ женой, чтобы уничтожить привзошедшій изъ-за жены въ людей грѣхъ, такъ и увѣнчивается терніемъ, чтобы дурно воздѣланную преслушаніемъ землю сдѣлать болѣе плодоносною чрезъ посредство собственнаго Его послушанія. Если же скажетъ тебѣ: зачѣмъ Онъ пилъ *желчь* и *оцетъ*?—то скажи ему: чтобы мы изрыгнули смертоносный ядъ дракона, потому что та желчь сдѣлалась моею сладостью, и тотъ *оцетъ* сталъ моимъ лѣкарствомъ. Если же невѣрный снова скажетъ тебѣ: зачѣмъ Онъ облекся даже въ багряницу и почему, подходя къ Нему, падали на колѣна?—то скажи ему: чтобы іудеи поклонились Ему, даже и не желая, и чтобъ исповѣдали Его царство на землѣ даже противъ своей воли. Теперь, насмѣхаясь, они покланялись, не зная того, что̀ именно дѣлали; въ будущемъ же воскресеніи *всяко колѣно преклонится, небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филипп. п, 10. 11). *Аминь*. Но та хламида имѣетъ также и другое значеніе: она не только изображала царство, но указывала собою и на жажду крови, и на склонность къ убійству, присущія іудеямъ. Дали же они и *трость* въ руку Его, чтобы были записаны ихъ грѣхи. Итакъ, это дѣлали противники Христа, не зная Распинаемаго, лучше же сказать—добровольно будучи ослѣплены: тварь не неузнала своего Господа и Творца. Когда Спаситель еще висѣлъ на крестѣ, солнце—чувственное, узрѣвъ Солнце правды—Христа, оскорбляемаго беззаконными, не перенося дерзости, убѣгаетъ, погрузивъ землю во мракъ и сочтя неумѣстнымъ
624 помогать и освѣщать глаза тѣхъ, которые совершали величайшее нечестіе. Но не только убѣжало солнце, а и земля въ смятеніи затряслась, не перенося беззаконія того, что̀ совершалось, показывая съ своей стороны и уча, что Богъ былъ распинаемъ; почему она и не стерпѣла, но выразила негодованіе, не желая носить на себѣ безбожныхъ іудеевъ. Не такъ осквернилъ землю братоубійца Каинъ и не такъ отягчило ее *столпотвореніе*, про-

изводившееся великанами, и не такъ осквернили ее беззаконствовавшіе содомляне и даже тѣ самые, кто творилъ изъ нея идоловъ, не такъ отягчила ее пролитая кровь Захаріи и Авеля, какъ іудеи, дерзнувшіе на это великое нечестивое дѣяніе. Поэтому разсѣдались и сухія скалы, чтобы поняли люди, что Онъ—духовная и живая скала. *Піяху бо*, говоритъ (Писаніе), *отъ духовнаго послѣдующаго камене; камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. x, 4). О, іудейская неблагодарность! Скалы разсѣлись, а они остаются безчувственными; бездушные предметы въ смятеніи трясутся, а одушевленные не вѣруютъ; завѣса церковная раздирается, чтобы, наконецъ, обнаружилось ихъ запустѣніе. Завѣса же разодралась и обнажилось находившееся во храмѣ, ради Христа, Который сказалъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Мѳ. xxiii, 38). Послѣ христоубійства всѣ святыни іудеевъ были опустошены, и пребывавшіе въ городѣ и храмѣ ангелы перешли оттуда и вошли въ Церковь. Многія же тѣла усопшихъ святыхъ воскресли вмѣстѣ со Христомъ, чтобы мы поняли, что Христосъ, умерши, не возстаетъ одинъ только, но воскрешаетъ изъ мертвыхъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Это, — коротко сказать, — святой праздникъ Пасхи; и эти таинства христіанъ мы прославляемъ по причинѣ воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни. *Тѣмже да празднуемъ не въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 8), вѣруя въ Отца и Сына, и Святаго Духа, въ Троицу единосущную, несозданную; вѣруя воскресенію, ожидая, что Господь опять придетъ, однако, уже не уничиженно, но славно—съ небеснымъ великолѣпіемъ, со свѣтлыми ангелами, съ трубнымъ звукомъ и страхомъ, и радостью; радостью, конечно, святыхъ и праведныхъ, страхомъ же—неправедныхъ и грѣшниковъ. Богъ же мира да удостоитъ всѣхъ насъ воскресенія со святыми,—насъ, оказавшихся владѣющими прекрасными дѣлами и православною вѣрою,—по благодати и человѣколюбію Единороднаго Его Сына, съ Которымъ слава, честь и поклоненіе Всесвятому и Благому, и Животворящему Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что аскету не должно предаваться шутливости [1]).

Увѣщанія блаженнаго Павла, повелѣвающія со страхомъ 1055
совершать свое спасеніе, всесвяты (Еф. VI, 5. Кол. III, 22). Человѣкъ, совершающій подвигъ добродѣтели не со страхомъ и не съ великою заботливостію, испытываетъ много уклоненій во зло и, какъ бы сбиваясь съ прямого и царскаго пути, попадаетъ на кривыя и непроходимыя изъ-за терновниковъ и колючекъ дороги, почему непрестанныя къ Богу молитвы и бываютъ путеводителями во благу для тѣхъ, кто говоритъ: *настави мя на истину Твою*, и: *соверши стопы моя во стезяхъ Твоихъ* (Псал. XXIV, 5; XVI, 5). Хорошо, конечно, добросердечіе, и любовь — самое важное изъ благъ; но за ними слѣдуютъ сильная веселость и превосходящій мѣру смѣхъ, также и шутливость унижающая достоинство. Подлинно ужасно находить удовольствіе въ шутливости. Смѣхъ дѣлаетъ слабыми узы цѣломудрія, смѣхъ отталкиваетъ, смѣхъ не воспоминаетъ о страхѣ Божіемъ, смѣхъ не боится угрозы геенны, смѣхъ — путеводитель блуда, шутливость — изобличеніе необузданнаго человѣка, смѣхотворство производитъ то, что мы впадаемъ въ безпечность, смѣхотворство—поводъ къ презрѣнію. Поэтому блаженный апостолъ запрещаетъ, говоря: *буесловіе или кощуны, яже неподобная*, изъ устъ вашихъ да не исходятъ, *но паче благодареніе* (Ефес. V, 4),—говоря это для того, чтобъ веселіемъ вы не пользовались, какъ поводомъ къ безпечности, но какъ основаніемъ къ благодарности Подателю его. Поэтому Іовъ свидѣтельствуетъ, говоря о самомъ себѣ: *аще же и ходихъ съ посмѣятели* (Іов. XXXI, 5). Укоряетъ смѣшливое настроеніе и Соломонъ: *блага*, говоритъ онъ, *ярость паче смѣха, яко во злобѣ лица ублажится сердце. Сердце мудрыхъ въ дому плача, а сердце безумныхъ въ дому веселія. Благо еже слышати прещеніе премудрыхъ*, *паче*

---

[1]) Это и слѣдующія творенія, отнесенныя въ изданіи Миня къ разряду Spuria, помѣщены въ I т. этого изданія. Такъ какъ они не вышли въ I томѣ нашего изданія, то мы и помѣщаемъ ихъ въ концѣ II-го тома.

мужа слышащаго пѣснь безумныхъ (Еккдез. VII, 4—6). Изобличая же неприличіе и безчестность тѣхъ, кто преданъ смѣху, говоритъ: *гласъ тернія подъ котломъ, тако смѣхъ безумныхъ* (Еккдез. VI, 7). Къ чему надлежитъ быть весьма веселымъ и радостнымъ? Подвизайся въ мудрости тихо, съ достоинствомъ, и страхомъ и заботою о томъ, что тебя видитъ Богъ, удаляй излишнюю веселость. Находящіе себѣ удовольствіе въ неумѣренныхъ радостяхъ и забавахъ, кажется, не знаютъ того, что касается ихъ самихъ, отягчивъ свою душу нѣкоторою забывчивостью и даже не ожидая пришествія Господня. Еще не достигъ ты, человѣкъ, благоволенія Господня, еще не достигъ надежнаго избавленія отъ золъ; ты не знаешь того, что̀ будетъ немного позже, чѣмъ будешь самъ ты, что̀ случится съ тобою, и затѣмъ безумно смѣешься и допускаешь шутливость, и ведешь себя безстрашно, между тѣмъ какъ слѣдовало бы усердно заняться молитвами къ Богу, испытывать безпокойство за будущее и дрожать за себя, чтобъ когда-либо не совратиться съ пути добродѣтели, заботиться и бояться того, что̀ случится, чтобъ не постигло что-либо очень тяжкое и превышающее твою силу? Когда ты окруженъ столь великими войнами, душа твоя пусть считаетъ себя въ опасности: невидимо враждуютъ демоны, явно враждуютъ люди, враждуютъ внутреннія душевныя страсти, возбуждаемыя тѣломъ удовольствія и несчастія, извнѣ окружающія тѣло. Ты не скорбишь вмѣстѣ съ близкими, не изнемогаешь вмѣстѣ съ немощными, не плачешь съ плачущими, не боишься за тѣхъ, которые некрѣпко утвердились въ вѣрѣ, чтобъ они не отступили и не пали; не оплакиваешь павшихъ, не про-
1056 стираешь руки лежащимъ, не удерживаешь внутренними стенаніями того, кто смѣется, забывъ о приготовленномъ ему наказаніи; размышленіе о времени, которое — сокращенно, не полагаетъ конца твоей неумѣстной невоздержности, не дѣлаетъ этого и пришествіе будущаго страшнаго дня; но ты подражаешь тѣмъ, которые подъ звуки цитры и псалтири пьютъ вино, которымъ вмѣсто радости пророкъ угрожалъ горемъ. Я, говоритъ Господь, возвѣстилъ плачъ и рыданіе, и стриженіе головы, и препоясаніе вретища; а они приготовили себѣ веселіе и радость, говоря: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ; и откровенна сія суть во ушію Господа Саваоѳа, яко не оставится имъ той грѣхъ, дондеже умрете* (Иса. XXII, 12—14). Слыша это, убойся и возстенай; не подражай тѣмъ, которые ѣли и пили и, вставши, забавлялись и у которыхъ,—скажу болѣе горькое,—жертвоприношенія и пища, и забавы произвели забвеніе страха къ Богу и увлекли къ идолослуженію. Побойся того, чтобъ Господь не разгнѣвался на тебя за твой смѣхъ, — Господь, назвавшій блажен-

ными плачущихъ, а смѣющихся несчастными (Лук. VI, 21. 25), убойся того, чтобъ діаволъ, замѣтивъ твою веселость и громкій смѣхъ, отсутствіе страха къ Богу и забвеніе того, что полезно, не вошелъ въ твою душу и не посѣялъ своихъ плевелъ. Были времена, въ которыя болѣе приличествовало душевное успокоеніе, но, однако, и тогда у святыхъ печаль занимала преимущественное мѣсто въ сравненіи съ чрезмѣрною радостью; и псалмопѣвецъ говоритъ: *весь день сѣтуя хождахъ*, и: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. XXXVII, 7; VI, 7); будучи печаленъ по причинѣ своихъ грѣховъ и скорбя о своихъ несчастіяхъ, также и оплакивая несчастія Іерусалима, сидитъ пророкъ Іеремія. И ты, поэтому, не предавайся веселости и шутливости, отягченный головною болью и пьянствомъ; вѣдь по этой причинѣ отнята и цитра у тебя и ты не имѣешь въ рукахъ тимпана; и Павелъ, всячески удерживающій человѣка отъ всякаго разслабленія и разсѣянности, училъ больше пѣть сердцемъ, нежели устами (1 Кор. XIV, 5 и слѣд.). Отецъ Исаакъ *игралъ* со своею женою (Быт. XXVI, 8); но тебѣ вмѣнено въ обязанность вести себя даже и съ женою болѣе серьезно, потому что *время прекращено есть, да и имущіи жены, якоже не имущіи будутъ, и радующіися, якоже не радующеся, и купующіи, яко не содержаще, и требующіи міра сего, яко не требующе: преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 26—31). Ты же не желаешь стѣснять себя, хотя всѣ дѣла находятся въ состояніи стѣсненія, но и предъ женщинами безразлично проливаешь слезы и умножаешь забавы, и предлагаешь то, что заставляетъ смѣяться, и, изливая постыдныя рѣчи, предаешься громкому хохоту; не перенося происходящаго въ необузданномъ твоемъ тѣлѣ воспламененія, ты, наконецъ, выносишь эту нечистоту внѣ и обнаруживаешь себя, каковъ—ты; каковъ—въ словахъ, таковъ будешь и вообще и гораздо худшимъ во внутреннемъ человѣкѣ. Почему ты безстрашно сообщаешься съ женщинами? Почему самъ по себѣ кидаешься въ сѣть? Зачѣмъ ввергаешь себя въ опасность? Зачѣмъ весело обращаешься съ женщинами и дерзаешь вмѣстѣ съ ними проводить жизнь? По этой причинѣ существуютъ посты, по этой—молитвы, по этой—суровый образъ жизни; поэтому люди придумываютъ разнообразные подвиги, поэтому поспѣшно устремляются въ пустыни; нѣкоторые же не насыщаются ни хлѣбомъ, ни водой, не по другой какой-либо причинѣ, какъ только ради того, чтобъ избѣжать тѣхъ соблазновъ, ради того, чтобъ, при встрѣчѣ съ женщинами, не случилось съ ними постыднаго прегрѣшенія. Ты же, оставивъ все это безъ вниманія и не поразмысливъ объ опасности отъ той сѣти, изъ-за которой первый человѣкъ лишился столь великаго

блаженства, не размышляешь объ оружіи діавола, которымъ раненный тотъ праотецъ былъ низверженъ? Господь запретилъ даже и взирать на женщину, когда Онъ описывалъ прелюбодѣяніе; ты же до такой степени обезумѣлъ, что, присоединивъ для наименованія любви вымышленныя названія, подъ предлогомъ до-
1057 бросердечія, привлекъ къ себѣ сожительницу, какъ Ева — змія. Завязавъ въ пазуху огонь и положивъ свѣтильникъ въ сѣно, будешь имѣть опасность вслѣдствіе того и другого: или подвергнешься опасности въ отношеніи къ цѣломудрію, впавъ въ самую глубину бездны, или, если не испытаешь этого, то пріобрѣтешь себѣ постыдную славу, между тѣмъ какъ повелѣвается тебѣ заботиться о прекрасномъ не только *предъ Богомъ, но и предъ человѣки* (2 Кор. VIII, 21).

Поэтому, имѣя церковное увѣщаніе, ты долженъ охранять все то, что *честно* (Филип. IV, 8); и не только это, но и то, что—*доброхвально*. Измѣрь добросердечіе честностію; приложи вразумляющій страхъ. Зачѣмъ ты оскверняешь прекрасное имя христіанства? Зачѣмъ уловляешь въ сѣть и души другихъ, привлекши себѣ сожительницу? Вѣдь не только дашь отчетъ, въ защиту твоей души, но и за тѣхъ, которые изъ-за тебя соблазнились. Выбрось змѣю изъ твоей пазухи, отбрось отъ себя опасность. Если ты сильно желаешь, чтобы тебѣ служили женщины, то почему не сохранилъ древняго закона и не соединился законными брачными узами? Бракъ не подлежитъ наказанію, прелюбодѣяніе же—неизбѣжному; вѣдь сожительство съ женщинами—прелюбодѣяніе и даже великое прелюбодѣяніе. Изслѣдуй свою совѣсть, не потерпѣлъ ли ты когда-либо вреда, не получилъ ли удара или ночью, или днемъ. Я же раскрою твое сердце, хотя ты и станешь досадовать. Но это не заботитъ меня, такъ какъ я весьма скорблю, всякій разъ какъ увижу, что аскетъ принимаетъ къ себѣ введенную къ нему женщину; я же говорю тебѣ, что ты получаешь раны всякій часъ и ежечасно дѣлаешься добычею дикихъ звѣрей, ослабляешь у себя узы цѣломудрія, ты, благородный ратоборецъ, ослабѣваешь въ силахъ, вмѣсто побѣдителя показываешь себя плѣнникомъ. Вѣдь ты не камень? Ты—человѣкъ, подчиненный общимъ свойствамъ естества. Имѣешь въ пазухѣ огонь и не горишь? Но развѣ это основательно? Вложи въ сѣно свѣтильникъ и тогда посмотри, можешь ли сказать мнѣ, что сѣно не горитъ. Если же ты отвергнешь то, что сѣно горитъ, то говори не мнѣ, а Тому, Кто знаетъ тайное, Кто идетъ собрать помышленія,—Онъ способенъ судить о помышленіяхъ и мысляхъ и понимаетъ намѣренія сердецъ, потому что говоритъ: *иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V, 28).

Смотри, чтобъ ни въ какой часъ не было замѣчаемо въ тебѣ прелюбодѣйство. Ты, конечно, скажешь: постами и подвигами, и суровымъ образомъ жизни я ограждаю себя, чтобы не лишиться предположеннаго. Итакъ, не ради чего-либо другого имѣетъ мѣсто твой подвигъ, какъ только ради твоей сожительницы; ты уже не собираешь правду въ сокровищницу, потому что та сожительница тайно похитила силу у твоего подвига. Поэтому, удали отъ себя ту, которая лишаетъ тебя многихъ благъ, не лиши себя рая, не сдѣлай себя забавою для діавола; не помѣщай ея подлѣ себя, чтобъ, низвергнувъ тебя, не упала вмѣстѣ съ тобою въ геенну. Убойся страшнаго Судіи; заключи съ собою завѣтъ и даже не смотри на женщину; постыдись сѣдины находящихся тутъ же старцевъ и, стыдясь ихъ, какъ отцевъ, удерживайся отъ пустословія и шутливости, и смѣха. Не шути съ юнѣйшимъ и не показывай пути легкомыслія, идя по нему самъ впереди и производя гораздо бóльшее презорство; женщины же бойся до того, чтобъ даже и не смотрѣть ей въ глаза. Твоя жизнь да будетъ для нихъ образцомъ; покажи себя такимъ, чтобъ женщины стыдились тебя и чтобъ ты сталъ для нихъ примѣромъ и началомъ стыда, такъ какъ мужъ болѣе способенъ указывать путь, чѣмъ женщина, и не присоедини своего легкомыслія къ еще болѣе легкомысленной природѣ женской. Женщина пусть особенно стыдится, потому что безстыдство женщины — болѣе тяжкій срамъ. Если и говорить свободно съ мужами—нѣчто весьма ужасное и безразсудное, такъ какъ женщинѣ повелѣно скорѣе чувствовать страхъ предъ своимъ мужемъ, нежели свободно говорить съ нимъ,—*жена*, говоритъ (Писаніе), *да боится своего мужа* (Ефес. v, 33),—итакъ, если имѣющей мужа женщинѣ опредѣленъ таковой законъ, то чтó же остается для тебя, которая не имѣешь мужа? Вотъ что тебѣ прилично: 1058
совсѣмъ не приближаться къ мужу, если возможно, и мужу ни подъ какимъ условіемъ не взирать на твое лице. Ты — невѣста Христова, такъ и иди впередъ, какъ украшенная невѣста, покрывъ свое лице покрываломъ, чтобъ не ранить кого-либо своимъ видомъ и не получить себѣ наказанія за его погибель. И мы говоримъ это согласно съ неизреченными ученіями Писаній; многія же женщины, не воспріявъ въ свой умъ и страха Божія, не убоявшись и того, что легко могутъ пасть, не предвидя и опредѣленнаго имъ наказанія, безразлично относились къ тому и своею волею пришли къ рѣшенію служить мужамъ, но не въ смыслѣ того предписанія, какое дано замужней и имѣющей мужа. Ты вѣдь не соблюдаешь и этого правила, потому что обращаешься съ мужами не со страхомъ, а съ большою свободою и презорствомъ, и вмѣстѣ ѣшь, и вмѣстѣ пьешь, и бесѣдуешь съ ними, и вмѣстѣ

безчинно смѣешься; и послѣ всего этого ты желаешь называться дѣвою, но я уже не назову дѣвою тебя, которая такъ ринулась и даже не убоялась опасности. Осмѣлюсь употребить пророческое изреченіе: да изумится *небо о семъ* и да устрашится тварь (Іер. II, 12), до какого мы дошли безстыдства и до блудницъ, находящихся въ непотребныхъ домахъ! Какъ тѣ, собираемыя комедіантами, становятся очень безстыдными въ отношеніи къ непристойнымъ дѣяніямъ, такъ и эти, возжелавшія жить вмѣстѣ съ мужами. Богъ негодуетъ, люди порочатъ, и тѣ женщины, подражая *неправедному* судьѣ, ни Бога не боятся, ни человѣка не стыдятся; но при всемъ томъ гораздо съ бóльшею говорятъ свободою, чѣмъ даже тѣ, которыя честно живутъ съ мужами въ бракѣ. Онѣ слишкомъ гордо управляютъ дѣлами тѣхъ, съ кѣмъ онѣ живутъ, и очень тревожатъ, и жестоко обижаютъ, и желаютъ господствовать надъ всѣмъ имуществомъ такого человѣка; и если иногда онъ захочетъ протянуть свою руку для добраго дѣла, то она препятствуетъ и, наконецъ, дѣлается уже не прислужницей, но госпожей. Итакъ, отстань, дѣва, отъ неприличнаго сожительства и не только отъ сожительства, говорю, но остерегайся даже и бесѣды съ мужами или смѣха вмѣстѣ съ ними. Если благоразумному мужу позволено лишь только тихо улыбаться, то мудрой женщинѣ едва совѣтуется даже и это. Вѣдь и улыбаться женщинѣ, посвящающей себя богопочитанію, нѣчто тяжкое и сопряженное съ опасностью, потому что гораздо лучше—та женщина, которую видятъ живущею степенно, нежели весело и радостно. И дѣйствительно, писатель таинственной Пѣсни, перенося похвалы отъ женщины на духовную невѣсту, удивляется ея молчанію и хвалитъ почтенность ея вида, называя ее *ужасомъ* (Пѣснь П. VI, 3), такъ какъ то, что весьма досточтенно, бываетъ для зрителей даже обстоятельствомъ страхъ наводящимъ. Надлежитъ, чтобъ почтенность ея была страшна для любопытныхъ глазъ и была способна отклонить отъ пытливаго безстыдства. По этой причинѣ и отнято отъ нея украшеніе золотомъ и плетеніе волосъ, и драгоцѣнная одежда, чтобы она не блистала лежащими на ней убранствами и не увеселяла глаза зрителей, и не вызывала на соблазнъ. По этой причинѣ—посты и воздержаніе, и подвиги; и, въ виду склонности природы ея къ паденію, дѣва должна имѣть блѣдную и печальную наружность и очень простую одежду. Поэтому и Павелъ, посылая посланіе искреннему чаду Тимоѳею, оберегаетъ его доброту при воздаваніи почестей женщинамъ охраною непорочности, говоря: очень молодыхъ вдовицъ почитай, *якоже сестры со всякою чистотою* (1 Тим. V, 2). Если же божественное Писаніе лишаетъ женщинъ тѣлеснаго украшенія, то во сколько разъ болѣе надлежитъ мужу быть

совершенно неукрашеннымъ и одѣваться только необходимою одеждою, чтобъ она была прикрытіемъ, а не убранствомъ, подобно тому какъ ее назвалъ Павелъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тимоѳ. vi, 8). Одеждами, приготовленными для украшенія, скорѣе должны быть считаемы женскія, нежели мужскія, такъ какъ и законъ говоритъ: *ни да облачится мужъ въ ризу женску* (Второз. xxii, 5). Поэтому мужъ да не изнѣживается, такъ какъ даже и женскому полу не очень приличествуетъ держать себя изнѣженно предъ Богомъ. Іоаннъ носилъ одежду изъ шерсти верблюда и кожаный поясъ около чреслъ своихъ; и прежде него Илія, духъ котораго носилъ Іоаннъ, и тотъ былъ облеченъ только въ *милоть*. Лѣнивой и безпечной душѣ свойственно удивляться разноцвѣтному одѣянію, съ тонкимъ искусствомъ сдѣланному; душа же благородно мыслящая, чувствующая дѣйствительно истинное украшеніе, гнушается всякой нѣжной одежды, сильно желая болѣе величественной, чѣмъ эта, неизысканной, болѣе благоприличной, наиболѣе почтенной, всему предпочитая непорочность. Поэтому удовольствуйтесь воспоминаніемъ о тѣхъ словахъ, которыя сказаны, но блюдите, чтобъ достоинства, которое и для самого слушателя, и для приближающихся бываетъ болѣе сладкимъ, чѣмъ медъ и сотъ, не вывести за предѣлы умѣренности, превративъ его какъ бы въ горькую суровость. Вѣдь духовная радость честно и благоприлично приводитъ душу въ единеніе съ Богомъ, наполняетъ сладостью также и тѣхъ, кто находится съ такимъ человѣкомъ въ сношеніяхъ. Но, по поводу моихъ словъ, такъ какъ тебѣ запрещено много проводить времени въ веселіи, не начни вести себя угрюмо и сурово въ отношеніи къ приходящимъ братьямъ, и вмѣсто полезнаго и ласковаго не будь жестокимъ и недоступнымъ и безчеловѣчнымъ; и въ обхожденіи съ приходящими братьями не будь угрюмымъ и при отвѣтѣ и бесѣдѣ нелюдимымъ. Во всякое время радоваться—апостольское повелѣніе, также и слѣдующее: *утѣшайте другъ друга*, и *бывайте другъ ко другу благи*; и: *любы*, говоритъ апостолъ, *милосердствуетъ* (1 Солун. v, 11; Ефес. iv, 32; 1 Кор. xiii, 4); апостольскія привѣтствія находятся также въ ихъ посланіяхъ, гдѣ слушатели привѣтствуются, какъ дѣти, внимающіе увѣщеваются, какъ братья. И объ этой святой добротѣ, проистекающей изъ любви, можно многому научиться изъ святыхъ Писаній. 1060
Не должно ни доходить до неумѣренной веселости, ни осквернять смѣхотворствомъ богоподобную доброту, но слѣдуетъ стоять въ срединѣ совершенной веселости и ни опечаливать вступающихъ въ сношенія людей, ни ослаблять и дѣлать безпечными, ни упрекать тяжело, ни льстить лукаво, но съ пользой обращать на истинный путь, и добросердечно увѣщевать. Кто избѣгаетъ, гово-

ритъ (Писаніе), произнесенія жестокаго слова, тотъ разуменъ; *сотове медовніи словеса добрая, сладость же ихъ исцѣленіе души; суть, иже глаголюще, уязвляютъ аки мечи, языцы же премудрыхъ исцѣляютъ* (Притч. x, 19; xvi, 24; xii, 18). Прекрасно также въ умѣренной степени заниматься и божественными пѣснями; такая веселость освящаетъ душу, по апостолу: *исполняйтеся*, говоритъ онъ, *духомъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви* (Ефес. v, 18—19). Посему, прекрасно со стараніемъ преслѣдовать такого рода веселіе и, по причинѣ какой-то суровости и жесткости характера, не относиться лѣниво къ божественному пѣснопѣнію, какъ еслибы мы не считали достойнымъ возносить голосъ для воспѣванія Бога. Надлежитъ, чтобъ къ такому божественному дѣлу и къ этой святой бесѣдѣ мы были весело настроены, но не увлекались сладкогласіемъ, не услаждались страстно божественными пѣснями, не восторгались нѣжными и мягкими звуками, не смотрѣли кругомъ—туда и сюда для того, чтобъ тебя похвалили, а радовались въ Богѣ и старались нравиться Одному только Ему, притомъ въ особенности такъ, чтобы веселое оказывалось въ сочетаніи съ честностью, чтобы страхъ къ Богу приносилъ намъ честность, а божественное пѣніе приводило къ веселію и производило въ насъ подобіе вѣчной радости, среди каковой прекрасно поступавшіе здѣсь люди будутъ проводить будущую жизнь предъ Господомъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о постѣ и милостынѣ.

1059 ПРЕКРАСЕНЪ постъ, прекрасно также и чтеніе Писаній; но прекрасно въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуетъ дѣло, такъ какъ, если ты читаешь, а не дѣлаешь, то чтеніе бываетъ тебѣ въ осужденіе и въ поводъ къ наказанію. *Не слышателіе бо закона*, говорится, *праведни предъ Богомъ, но творцы закона*, (*сіи*) *оправдятся* (Римл. ii, 13); и опять Христосъ говоритъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли, нынѣ же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ* (Іоан. xv, 22). Блаженъ говорящій въ уши слушателей, въ особенности когда они уплатятъ *лихву;* а *лихва* — послушаніе и исполненіе заповѣдей Божіихъ, какъ говоритъ Господь: *и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Мѳ. xxv, 27). Итакъ, что ты, братъ, собралъ при помощи поста? Вѣдь и земледѣлецъ сѣетъ для того, чтобы сжать, и ку-

пецъ для того совершаетъ путешествія въ чужіе края, чтобы собрать имущество, и кормчій для того проплываетъ много морей, чтобы наполнить корабль товарами. Не говори мнѣ, что „я столь много дней постился, того и другого не съѣлъ, не пилъ вина, претерпѣлъ нечистоту", но покажи мнѣ, сдѣлался ли ты кроткимъ, между тѣмъ какъ былъ гнѣвливымъ, и сдѣлался ли человѣколюбивымъ, между тѣмъ какъ до того былъ жестокимъ, потому что, если ты упоенъ гнѣвомъ, то зачѣмъ угнетаешь свою плоть? Если внутри—зависть и корыстолюбіе, то какая польза отъ питья воды? Теперь ищу не того, какова—трапеза, но—произошло ли измѣненіе злого образа мыслей. Если госпожа, то есть, душа, прелюбодѣйствуетъ, то зачѣмъ бичуешь служанку, то есть, чрево? Если душа притупляется, то зачѣмъ истощаешь тѣло? Говорю это, не 1060
обвиняя васъ, но—ради легкомысленныхъ. Если бы я увидѣлъ, что вы высоко летите, то всетаки пожелалъ бы, чтобъ вы возлетѣли выше: такова тиранія любви. И, подобно тому какъ сребролюбцы, чѣмъ больше соберутъ золота, тѣмъ больше отыскиваютъ, такъ и мы сильнѣе желаемъ вашего успѣха. Итакъ, если хочешь быть принятымъ у Бога, то постись, братъ, какъ ниневитяне; тѣ закона не получили; это тѣ, о которыхъ говоритъ Павелъ: *егда бо языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Римл. II, 14). Поэтому не хвастайся празднымъ постомъ,—одинъ только постъ не вводитъ на небо, если не имѣетъ своей сестры — милостыни, потому что она соединена съ нимъ, и между ними не только братскія и тѣсныя отношенія, но милостыня служитъ даже опорою поста. И откуда это извѣстно? Ангелъ говорилъ Корнилію: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. X, 4). Милостыня—крыло молитвы; если не сдѣлаешь молитвѣ крыла, то она не летитъ, а когда душа окрылена, то она быстро несется на небо. Доколѣ сребролюбіе и желаніе имуществъ? Все это, братъ, уничтожается вмѣстѣ съ настоящею жизнію. Но ты несомнѣнно скажешь мнѣ: „говори это самому себѣ". И себѣ самому, братъ, говорю, и вамъ, потому что увѣщаніе касается всѣхъ. Слушая это и исправляясь, я получаю отъ васъ благодѣяніе; и хотя бы тотъ, кто говоритъ, былъ рабъ, я принимаю совѣтъ, и хотя бы былъ свободенъ, я съ готовностью слушаю. Не различіе лицъ, но польза совѣта дѣ- 1061
лаетъ, что я принимаю то, что говорится. И если Моисей, столь великій мужъ, бесѣдовавшій съ Богомъ, не погнушался совѣтовъ тестя своего, хотя тотъ былъ варваръ, но даже и онъ принялъ ихъ и Богъ подтвердилъ (Исх. XVIII, 24. 23), то во сколько разъ болѣе мы? Не говорю тебѣ: сдѣлайся неимущимъ, но—истрать излишекъ на бѣдныхъ, чтобы избытокъ твой сдѣлался

для тебя основаніемъ спасенія. Развѣ не видите на дорогѣ многихъ бѣдныхъ? Почему они остаются больными и нагими? Одинъ очень молодъ, другой же очень старъ; одинъ опирается на другого, и страданіе ихъ велико. Итакъ, дай сорабу, чтобы имѣть должникомъ Господа, для Котораго пріятно быть должникомъ и Который отдаетъ капиталъ съ *лихвою*. А *лихва* въ отношеніи къ внѣшнимъ дѣламъ—преступленіе, въ отношеніи же къ Богу—похвала. Ты не даешь бѣдному? Обращай вниманіе на Того, Кто чрезъ него проситъ, и устыдись достоинства, присущаго Пріемлющему: бѣднякъ получаетъ—и Богъ беретъ взаймы. Поразмысли, какъ нисшелъ Господь твой ради того, чтобы склонить тебя не быть жестокимъ и безчеловѣчнымъ. Вы видѣли Меня алчущимъ и не напитали, — жаждущимъ, и не напоили, — странникомъ, и не приняли, — нагимъ, и не одѣли (Матѳ, xxv, 42—43), и такъ далѣе. Итакъ, ты не даешь алчущему Христу? Ты и бѣдный вмѣстѣ получаете съ трапезы тѣло Его, одинаково причащаетесь изъ чаши Его. Онъ участвуетъ съ тобою въ великихъ и страшныхъ вещахъ, и ты не удѣляешь ему малыхъ? Развѣ то, что ты доставляешь ему, твое? Вѣдь хотя бы ты получилъ отъ родителей, хотя бы отъ предковъ, это принадлежитъ Богу. Зачѣмъ зарываешь это въ землю? Дай бѣдному, и Господь сохранитъ тебѣ это весьма надежно. Развѣ не видишь, что̀ дѣлаетъ земледѣлецъ? Часто, по причинѣ бѣдности не имѣя сѣмени, онъ отдаетъ въ залогъ свою одежду и получаетъ то, что хочетъ, и ввѣряетъ землѣ? Хотя бы часто наступала неблагорастворенность временъ и хотя бы онъ уходилъ, ничего не сжавши, но, однако, довѣряетъ землѣ, потому что надѣется. Итакъ, ужели то, что̀ дѣлаетъ земля, не можетъ совершить Господь? Подражай той вдовѣ въ ветхомъ завѣтѣ, которая имѣла горсть муки въ *водоносѣ* и немного елея въ *чванцѣ*,—такъ какъ этимъ она угостила пророка (3 Цар. xvii, 12); или той—въ Евангеліи, которая, бросивъ *двѣ лепты*, превзошла всѣхъ, потому что бросила все свое богатство (Лук. xxi, 2, 3). Но что̀ ты говоришь? Я — бѣденъ и не имѣю денегъ. Не имѣешь двухъ лептъ? Если же и не имѣешь, то Богъ ищетъ избытка добраго образа мыслей. Поэтому Онъ говорилъ: если кто дастъ чашу *студены воды, не погубитъ мзды своея* (Мѳ. x, 42). Смотри, что̀ Онъ говоритъ: „холодной воды", не горячей, чтобы изъ-за траты дровъ ты не лишился своей награды. И сколько золота ни заставилъ бы заплатить тебя царь, ты, вѣшаемый, мучимый пыточными веревками, даешь, что̀ именно онъ желаетъ; хотя бы ты былъ бѣденъ, онъ не обращаетъ вниманія на состоятельность лицъ, но на свою собственную выгоду. Богъ же поступаетъ не такъ, но требуетъ по силамъ каждаго.

Почему они — бѣдны? Не потому, что Богъ не могъ ниспослать золотого дождя, но для того, чтобы бѣдность сдѣлалась для тебя облегченіемъ твоихъ прегрѣшеній. *Велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Притч. XX, 6). Смотри, сколь велика милостыня. Богъ сравниваетъ сострадательнаго человѣка съ самимъ Собой. *Будите убо милосерди,* говоритъ Онъ, *якоже и Отецъ вашъ* небесный *милосердъ есть* (Лук. VI, 36). Если придетъ смерть, то сокровища остаются здѣсь. Почему же не пред посылаешь ихъ для себя самого туда, чтобы въ тотъ день бѣдные оказались ходатаями за тебя тамъ, гдѣ нѣтъ ни ритора, ни защитника? Вотъ бѣдные показываютъ свои одежды и повязки и уносятъ тебя изъ огня. Не такъ солнце, освѣщая ледъ, заставляетъ таять, какъ милостыня, столкнувшаяся со множествомъ грѣховъ, истребляетъ ихъ. А чтобы ты понялъ высоту милостыни, подумай: чтó соединено съ бóльшими трудами, чѣмъ дѣвство? Ничто. Добродѣтелей много: однѣ — великія, другія — бóльшія, третьи — меньшія, но ничто не представляетъ бóльшей трудности, чѣмъ дѣвство: оно борется съ природою; эта война не имѣетъ перемирія; это—сраженіе, никогда не имѣющее мира, развѣ только по милости Христовой. Дѣва стоитъ, собирая огонь противъ самой себя и не горя; дѣва, стоя на угольяхъ, не сгораетъ; находясь 1062
въ пещи, не пылаетъ, орошаемая, какъ три отрока; состязаясь съ невидимыми силами, подражаетъ Михаилу и соперничаетъ съ Гавріиломъ. Въ раю было дѣвство и погублено зміемъ. Поэтому въ промежуточное время оно не являлось; а когда пришелъ рожденный отъ Дѣвы Іисусъ Христосъ—Сынъ Божій, тогда оно явилось опять. Желаешь узнать высоту дѣвства? Моисей раздѣлилъ море, измѣнилъ воздухъ, низвелъ манну, и злословили на него изъ-за его собственной жены—ѳеіоплянки, за то, что онъ вступилъ съ нею въ бракъ (Числ. XII, 1). И Авраамъ, и Исаакъ, и Іаковъ, а также и Іосифъ, хотя и цѣломудренный, однако, послѣ того вступилъ въ бракъ. Желаешь понять, сколь велико—дѣвство? Христосъ, придя, не связалъ его необходимостью,—возвеличивъ остальныя добродѣтели, вмѣстѣ съ тѣмъ не возвеличилъ этой, для того, чтобы ты былъ увѣнчанъ въ томъ случаѣ, если будешь въ ней преуспѣвать добровольно. Подвизающіеся въ воздержаніи и нищетѣ заботятся прежде всего о ней. *Суть бо скопцы, иже родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Матѳ. XIX, 12), отсѣкши не члены, но удаливъ отъ себя необузданную похоть. *Могій вмѣстити да вмѣститъ* (—12). И апостолъ, исчисливъ всѣ добродѣтели, зная глубину этой, говоритъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ* (1 Кор. VII, 25). Ты

видѣлъ, какъ велико дѣвство? И, однако, безъ милостыни оно не спасло; милостыни же безъ дѣвства спасли. Пять *юродивыхъ* дѣвъ. не имѣвшія елея, а только одно дѣвство, не вошли въ брачный чертогъ; онѣ говорятъ *мудрымъ: дадите намъ отъ елеа вашего* (Матѳ. xxv, 8). Справедливо же онѣ названы *юродивыми*, потому что, преуспѣвъ въ болѣе трудномъ, онѣ не совершили того, что не требовало труда,—низложили великаго противника и были побѣждены слабѣйшимъ. И когда пришелъ женихъ, то мудрыя дѣвы вошли въ брачный чертогъ; также пришли и тѣ — стуча; и онъ говоритъ имъ: *не вѣмъ васъ* (—12). Почему? Потому что видѣли меня алчущимъ, *и не дасте ясти* (—42). Но да не будетъ, чтобъ и мы услышали такой голосъ! Преуспѣвшимъ же въ милостынѣ говоритъ: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (— 34). Почему? Потому что соблюли дѣвство? Никоимъ образомъ; но потому, что *взалкахся, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; страненъ бѣхъ, и введосте Мене; нагъ, и одѣясте Мя; боленъ и въ темницѣ, и посѣтисте Мене* (—35, 36). А чтобы ты понялъ, сколь велика — милостыня, опять желаю напомнить вамъ эту исторію. Было десять дѣвъ: пять *мудрыхъ* и пять *юродивыхъ*; и былъ голосъ въ полночь. Встаньте, идетъ женихъ. Полночь — воскресеніе, когда ангелы пробудятъ всѣхъ насъ. Вставъ же, дѣвы *украсиша свѣтильники своя* (—7). А свѣтильникъ—дѣвство, которое есть нѣчто чистое, пламенное, свѣтлое. *Юродивыя* говорятъ *мудрымъ: дадите намъ отъ елеа вашего. Мудрыя* говорятъ имъ: боимся, *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (—8, 9) (не изъ зависти не дали, потому что тамъ какая уже нужда въ золотѣ, нѣтъ тамъ ни богатаго, ни бѣднаго), *но*, отправившись, *купите* (—9). И кто — продавцы? Бѣдные; ты больше получаешь, чѣмъ даешь: даешь ты ему земное, а получаешь небесное. Итакъ, когда онѣ ушли покупать, то пришелъ женихъ; и *готовыя внидоша* въ брачный чертогъ *и затворены быша двери* (—10). Тѣ же, придя начали стучать, и Онъ говоритъ имъ: *не вѣмъ васъ* (—12). Видишь, такъ какъ онѣ милостыни не имѣли, то и потеряли трудъ дѣвства и остались внѣ брачнаго чертога. Итакъ, по нявъ выгоду милостыни, будемъ, братіе, творить ее, чтобы намъ и попасть въ брачный чертогъ, и насладиться вѣчными благами, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ и Благимъ, и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Θеодора падшаго письменный отвѣтъ святому отцу нашему и вселенскому учителю Іоанну Златоусту.

Тѣ, которые находятся въ безопасности въ тихихъ гаваняхъ, 1063
всегда стараются помочь обуреваемымъ среди моря, насколько они могутъ, двумя способами: или, какъ избѣжавшіе бурь и помнящіе о страшныхъ волнахъ и о тѣхъ бѣдахъ, какія съ ними случились на морѣ, сожалѣютъ страдающихъ, или, если они еще не были носимы бурею по волнамъ, какъ бы усвояютъ себѣ тѣ опасности по той причинѣ, что имъ надлежитъ плыть по тому же самому морю и, испытавъ тѣ же самыя бѣды отъ волнъ, точно такъ же стремиться въ гавани успокоенія; они стараются, при помощи безчисленныхъ средствъ, если возможно, спасти весь корабль; если же нѣтъ, то заботятся о сохраненіи въ живыхъ хотя бы нагими тѣхъ, кто потерпѣлъ кораблекрушеніе, и надѣются получить за то отъ Бога праведное мздовоздаяніе. Но мнѣ, несчастному, подвергшемуся самому тяжкому кораблекрушенію и обуреваемому—не говорю: среди моря, а въ глубинѣ морского дна, и подобно рыбѣ, силящейся изъ глубины всплыть на горнюю поверхность, старающейся освободиться отъ находящихся въ глубинѣ ядовитыхъ пресмыкающихся,—никто не помогаетъ, конечно, потому, что относительно насъ держатся такого взгляда, что мы никогда не можемъ допустить чего-либо въ подобномъ родѣ; оказались же мы теперь въ такомъ положеніи, чтобъ поучиться изъ того, что терпимъ. Итакъ, честные отцы, не проявляйте въ отношеніи ко мнѣ, падшему и уничиженному, тѣхъ чувствъ, чтобъ не испытать того же самимъ, но, увидѣвъ мою рану, убойтесь! И что еще мнѣ сказать? Развѣ у васъ не оказывается бумаги, досуга двухъ дней, труда одного вьючнаго животнаго? Конечно, подобно тому, какъ опытнѣйшіе изъ врачей, всякій разъ, когда коснутся и взглянутъ на имѣющихъ въ скоромъ времени умереть, то перестаютъ давать врачебныя средства, но съ помощію живыхъ приготовляютъ тому, кто скоро имѣетъ отойти, относящееся къ его погребенію и объявляютъ друзьямъ о смерти больного, хотя онъ еще и живъ, дѣлаясь возвѣстителями ужаснаго горя, и не опасаясь промаховъ со стороны ихъ искусства, но руководствуясь авторитетнымъ мнѣніемъ, высказываются противъ больного,—точно такъ и ваша святость удержалась отъ утѣшенія, перестала увѣщевать, позаботилась о томъ, чтобы собраніе братства разсѣялось, и

всѣмъ, живущимъ въ этихъ именно предѣлахъ, возвѣстила о нашей смерти такъ, чтобъ это было передано даже и тѣмъ, кто обитаетъ за предѣлами нашей страны. И для богобоязливыхъ и возлюбленныхъ братьевъ отсюда—ужасная скорбь, а для тѣхъ, кто относится къ вѣрѣ иначе, веселіе и радость. Вообще говорите: *возгласи рябъ* [1]) *и собра, ихже не роди, творяй* милость свою; *въ преполовеніи дній своихъ* оставятъ его *и на по-*
1064 *слѣдокъ свой будетъ безуменъ* (Іер. XVII, 11). Поэтому, увидѣвъ мою рану, честные отцы, убойтесь, и прежде всего постарайтесь вашими святыми молитвами упросить Благоутробнаго, чтобъ человѣколюбіе Его дошло даже до насъ, какъ выше сказано, упавшихъ на дно морской глубины и въ средину ада; потомъ не замедлите помочь и доброю бесѣдою. Еще дерзаю надѣяться на вашу любовь: *братъ отъ брата помогаемъ* (Притч. XVIII, 19). Я знаю, что вы не досадите, но скорѣе помолитесь и, увидѣвъ мою рану, побоитесь. Но не подумайте, что я показываю опытъ своихъ ораторскихъ талантовъ или сочиняю поученіе; нѣтъ, клянусь вашей любовью; примите же меня, какъ ощущающаго боль отъ великой раны и страхъ вѣчнаго наказанія, и желаніе вѣчныхъ благъ, о которыхъ я и слышалъ, и которыхъ вкусилъ, среди которыхъ и прожилъ нѣкоторое время прежде, чѣмъ я былъ раненъ врагами. Увидѣвъ это, тѣ коварные позавидовали и, положивъ западни со всякаго рода хитростями, воздвигли побѣдный трофей. Поэтому каждый изъ васъ, увидѣвъ мою рану, пусть убоится, и проводящій жизнь среди благъ, о которыхъ сказано выше, имѣя кругомъ страшныхъ и великихъ враговъ, пусть замѣчаетъ вокругъ себя злоумышленія, направленныя къ тому, что лишить его этого сокровища; а тотъ, кто еще не вкусилъ, но старается вкусить,—какъ имѣющій многихъ и великихъ враговъ, препятствующихъ ему,—пусть соблюдаетъ осторожность. Но возвратимся къ вопросу, подлежащему обсужденію, и испросимъ отъ вашей любви того, что полезно намъ. Подъ вліяніемъ удовольствія отъ рѣчи мы понемногу воодушевились, хотя и не нанесли вреда бѣгущимъ, лучше же сказать—укрѣпили ихъ. Ваша побѣда надъ врагомъ дѣлаетъ его болѣе слабымъ, а насъ побуждаетъ, взявъ оружіе, опять идти на подвиги, не обращаясь въ бѣгство изъ-за страха предъ своей раной, но подъ вліяніемъ веселаго расположенія духа, возбуждаемаго вашею побѣдою, устремляясь на ристалище болѣе мужественно. Итакъ, опять, какъ уже часто я просилъ, и теперь отважился обратиться съ просьбой къ вашей богобоязненности, чтобъ вы удостоили послать ваши молитвы, на подобіе уды, въ глубину морскую и тамъ

---

[1]) «Рябъ» — куропатка.

привлекли къ себѣ смертную рыбу и ввели ее въ неводъ, изъ котораго сильными и ужасными волнами я былъ ниспровергнутъ на дно морское, — и чтобъ, увидѣвъ мою рану, убоялись. Это я постарался написать для напоминанія вашей любви, хотя и не говорю достойно предмета. О, если бы возможно было, чтобъ я, ставъ на оконечности высокихъ горъ, вострубилъ своими устами и, на подобіе грома, разослалъ бы по всему міру мой грѣхъ въ тріумфальномъ шествіи и не оставилъ бы безъ вниманія привлеченія вселенной на помощь моему преуспѣянію. Но это—дѣло невозможное, потому что я — человѣкъ, имѣющій слабый голосъ, и недолговѣченъ. Впрочемъ, увлекаемый словомъ, я осмѣлюсь припомнить божественныя Писанія, и сказать согласно съ ними. *Грѣшнику*, говоритъ (Писаніе), *рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя* (Псал. XLIX, 16). Теперь поистинѣ могу громко 1085
произнесть то пророческое изреченіе и сказать: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ? И плачуся о побіенныхъ дщере людій моихъ* (Іер. IX, 1). Если Іеремія людей, пораженныхъ на войнѣ въ тѣла, считалъ достойными безчисленныхъ рыданій, то чтó могъ бы иной сказать относительно столь великаго несчастія души? *Уязвленніи* мои *не мечьми уязвлени, ниже мертвецы* мои *умерщвлени ратію* (Иса. XXII, 2). Не о мертвыхъ тѣлахъ говоритъ онъ, но о жалѣ истинной смерти, то есть, оплакиваетъ тяжкій грѣхъ и раскаленныя стрѣлы лукаваго, варварски сожигающія души вмѣстѣ съ тѣлами. Сильно стенаютъ законы Божіи вмѣстѣ со святыми духами о столь великомъ страданіи и взирая на меня. И для меня, друзья, конецъ тѣхъ сладкихъ словъ сталъ горекъ, и мнѣ необходимо опять скорбѣть о томъ, по поводу чего надлежало бы радоваться, такъ какъ, взявъ члены Христовы, я сдѣлалъ ихъ членами блудницы. Кто при этомъ не сказалъ бы, заплакавъ: *како бысть блудница градъ вѣрный Сіонъ? Ужасеся небо о семъ и вострепета попремногу зѣло* земля, *глаголетъ Господь* (Иса. I, 21; Іерем. II, 12). Но благоволите, честные и святые отцы, вспомнить о моемъ прекрасномъ исповѣданіи, какое я проявлялъ предъ лицемъ Бога и ангеловъ, и людей. Чуждые, войдя въ домъ, стараются возбуждать великія безпокойства, чтобъ произвести забвеніе даже самаго исповѣданія; но по молитвамъ вашей любви Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмя воспоминанія, по каковой причинѣ память, потопляя сердце печалью, удерживаетъ слово и падающая слеза ослабляетъ голосъ, всякій разъ какъ придутъ мнѣ на умъ тѣ ужасы, какіе со мною приключились, всякій разъ, какъ мнѣ придетъ на умъ, что, давъ исповѣданіе Христу, я оказался въ подчиненіи у антихриста, всякій разъ какъ мнѣ придетъ на мысль, что, начавъ ду-

ховнымъ, я содѣлался плотскимъ. Горе мнѣ уничиженному и отпавшему, горе изъ-за той печали, какою я терзаюсь, изъ-за стыда и безотвѣтной защиты! Рожденный для жизни я преданъ смерти. Окажите мнѣ сострадание, милостивые отцы и врачи, окажите сострадание, возрыдайте обо мнѣ и оплачьте меня пораженнаго приманками ядовитой ехидны; возрыдайте обо мнѣ и поскорбите о васъ самихъ, прежде чѣмъ нанесенъ ударъ; слезы ваши да будутъ оплотами противъ того врага; удѣлите мнѣ обильную слезу владѣющіе этимъ даромъ, такъ чтобы она вторглась въ сердце и изгладила начертанные грѣхомъ законы. Ей! Прошу васъ, очистите его для начертанія въ немъ законовъ царскихъ, законовъ духовныхъ, законовъ небесныхъ. Господь Саваоѳъ оставилъ у меня сѣмя вѣры для того, чтобъ мнѣ не сдѣлаться совсѣмъ Содомомъ. Помолитесь же вмѣстѣ со мной, милостивые и добросердечные отцы, чтобъ я могъ быть спасенъ покаяніемъ вмѣстѣ съ ниневитянами. Пролейте обо мнѣ слезы и восскорбите, подобно пророку Іонѣ— сдѣлавшись для меня возвѣстителями. Тотъ не былъ лжецомъ, какъ и вы не лжецы, но благоутробіе человѣколюбиваго Бога опечалило одного, дабы не погубить многихъ. Однакожъ, и тотъ былъ опечаленъ не вслѣдствіе ненависти къ людямъ, но изъ опасенія, чтобъ долю человѣколюбія не превратить въ клевету на Пославшаго, какъ будто бы лжеца. Ваша же любовь не такова; но я знаю, что вы сорадуетесь, всякій разъ какъ бываетъ на небѣ радость по причинѣ раскаянія одного грѣшника, и непрестанно молитесь, чтобъ человѣколюбіе Бога восприняло погибающіе члены, такъ какъ вмѣстѣ съ ними страдаютъ и всѣ члены. Наконецъ, побесѣдую самъ съ собою и о томъ, что могло бы быть сказано со стороны вашей любви, какъ бы тайно получивъ слова отъ нѣкоторой невидимой силы. Днемъ и ночью, держа въ памяти дѣла утѣшенія со стороны вашей любви, я стараюсь ободрить себя, имѣя въ качествѣ помощи вашу молитву; и ежедневно увѣщаніе со стороны вашей любви, какъ бы возлѣ находящееся ученіе, бываетъ для моей души утѣшеніемъ, доказывая пламенность вашей святой молитвы,—при чемъ блаженный Іезекіиль упрекаетъ меня
1066 и говоритъ, воспоминая о прежнихъ благодѣяніяхъ: *проидохъ сквозѣ тя и видѣхъ тя: и се—время твое*, и время потопляющихъ тебя, *и простроxъ крилѣ мои на тя и прикрыхъ студъ твой, и кляхся тебѣ, и внидохъ въ завѣтъ съ тобою, глаголетъ Адонаи Господь; и была еси Мнѣ* весьма прекрасна; *и омыхъ тя водою, и ополоскахъ кровь твою отъ тебе, и помазахъ тя елеемъ, и облекохъ тя въ пестроты, и обухъ тя въ червлены, и препоясахъ тя виссономъ, и возложихъ на тя трихаптонъ* [1]), *и украсихъ тя*

[1]) «Трихаптонъ»=шерстяная ткань.

утварію, и возложихъ запястіе на руцѣ твои и гривну [1]) *на выю твою, и дахъ усерязи на ноздри твоя и колца во уши твои, и вѣнецъ хвалы на главу твою; и украшенна была еси златомъ и сребромъ, и одежды твоя виссонны и трихапты, и испещренія;* и *семидалъ* [2]) *и медъ, и масло яла еси, и была еси* Мнѣ *добра зѣло зѣло. И изыде имя твое во языки въ добротѣ твоей, зане совершенно бѣ лѣпотою въ красотѣ, юже учинихъ на тебѣ, глаголетъ Адонаи Господь. Ты же уповала еси на доброту твою, и соблудила еси во имени твоемъ, и изліяла еси блуженіе твое на всякаго мимоходящаго, и взяла еси отъ ризъ твоихъ и сотворила себѣ кумиры сошвеныя, и соблудила еси съ ними, и не внидеши, и не будетъ. И взяла еси сосуды хвалы твоея отъ сребра Моего и злата Моего, отъ нихъ же дахъ тебѣ, и сотворила себѣ образы мужески, и соблудила еси въ нихъ* (Iезек. XVI, 8—17). Блаженный же Іеремія взываетъ и говоритъ объ этомъ: *еда падаяй не востаетъ, или отвращаяйся не обратится? Еда ритины* [3]) *нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамо* (Iер. VIII, 4. 22)? Ибо *рекохъ по внегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ: ко Мнѣ обратися* (III, 7). Но при этомъ я боюсь, чтобъ ваша богобоязненность когда-либо не подумала, что мы излагаемъ какъ бы ученіе. Нѣтъ, клянусь вашей надеждой, которую имѣете предъ Богомъ; но подобно тому какъ мучимые ужасными страданіями, если поручатъ лѣченіе своей болѣзни врачамъ, то надеждою на ихъ врачебныя средства утишаютъ свои боли, точно такъ и я вслѣдствіе бесѣды съ вашею любовью: раны какъ бы уже улучшены, сталъ болѣе обнадеженнымъ, потому что самая память о вашемъ утѣшеніи незамѣтно рождаетъ въ сердцѣ свѣтъ. Поэтому прошу васъ, божественное собраніе христіанъ, святое сонмище, священный народъ, помолитесь за меня ко Господу, такъ какъ я уже не выношу своего пребыванія внѣ стада, внѣ невода, внѣ духовной ограды, но желаю быть внутри виноградника, внутри брачнаго чертога, внутри рая, чтобъ въ немъ оказаться и вмѣстѣ съ вами. И, увидѣвъ мою рану, убойтесь; я не стыжусь признаваться, не лѣнюсь и часто говорить объ этомъ; я стыдился, когда мнѣ было стыдно. И, прочитавъ мое письмо, разошлите по всему братству, непрестанно молясь объ обращеніи грѣшника съ пути заблужденія, чтобы вамъ спасти и свои души и покрыть множество грѣховъ. Здѣсь, наконецъ, положу предѣлъ своему слову. Къ тебѣ же, честнѣйшій и боголюбезнѣйшій братъ и отецъ, у меня — рѣчь

[1]) «Гривна»=ожерелье, шейная цѣпь.

[2]) «Семидалъ»=самая лучшая пшеничная мука.

[3]) «Ритина»=текущая изъ дерева смола (примѣч. въ слав. Библіи изд. 1891 г. «тукъ маститый изъ древа текущь»).

потому, что я никогда не сомнѣвался записать тебя въ отцы, и воздать права старшинства, какъ брату. Отъ тебя я домогаюсь нѣсколько бо́льшаго, чѣмъ отъ всего братства, подобно тому какъ юныя дѣти, даже если и непристойно рѣзвятся у груди отцовъ, никогда не опасаются быть прогнанными изъ отеческаго сердца, полагаясь на преизбытотъ отческаго расположенія. Но́ для меня и здѣсь замедленіе, и я переношу, можетъ быть, достойное наказаніе за дѣла; однако, вспомни обо мнѣ самъ, боголюбезнѣйшій отецъ Златоустый, чтобъ тебѣ какъ-либо не получить наказанія за безжалостность у праведнаго Судіи—Бога. Богу извѣстно, какъ при воспоминаніи о твоей сладости слезы препобѣждаютъ разсудокъ и задерживаютъ слово. Поэтому здѣсь я и прекращу рѣчь. Богъ же будетъ Судьею между мною и тобою, сладчайшій и боголюбезнѣйшій отецъ Златоустый, потому что Его одного только—слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Седьмое слово о священствѣ.

1067 О, НЕОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО! О, неизреченная сила! О, страшное таинство священства! Христосъ, придя, даровалъ его достойнымъ, оно духовно и свято, достопочтенно и безпорочно. Припадаю и умоляю слезами и стенаніями о томъ, чтобы мнѣ можно было проникнуть глазами въ это таинство священства, таинство для тѣхъ, кто охраняетъ его достойно и свято. Дверной камень—блестящъ и несравнимъ и башня непоколебима, стѣна нераздѣлима; крѣпко основаніе, восходящее отъ земли даже къ небесному своду. И что я говорю, братіе? Оно касается высочайшихъ сводовъ, безпрепятственно идетъ на самыя небеса небесъ, блистательно и легко шествуетъ впередъ среди ангеловъ вмѣстѣ съ безтѣлесными силами. И что̀ я говорю — среди вышнихъ силъ? Дѣлается собесѣдникомъ самого Господа ангеловъ и Творца, и Свѣтоподателя, и, по мѣрѣ желанія, тотчасъ съ великимъ дерзновеніемъ получаетъ то, о чемъ проситъ. Не перестаю, братіе, превозносить и прославлять столь великую степень достоинства, которую Троица дала сынамъ Адама, чрезъ которую спасенъ міръ и озарена тварь, — чрезъ которую, далѣе, горы и холмы, и долины, и скалы наполнились блистательными и достойными уваженія установленіями блаженнаго рода,—я говорю, конечно, о монахахъ, — подобно тому какъ велегласнѣйшій Исаія

сказалъ: *отъ края міръ возопіютъ* (Иса. XLII, 11) люди для славословія, — чрезъ которую удалено съ земли и беззаконіе, чрезъ которую пребываетъ на землѣ и цѣломудріе, чрезъ которую діаволъ, павъ, лишенъ значенія, распутные люди сдѣлались священными сосудами, блудники—чистыми и непорочными, неразумные стали наставниками праведности,—чрезъ которую, далѣе, упразднена и сила смерти, и адъ потерялъ свою силу, и уничтожено Адамово проклятіе, и приготовленъ небесный брачный чертогъ,—чрезъ которую естество человѣческое измѣняетъ свою силу до силы безтѣлесныхъ. Что скажу или какъ восхвалю? Даръ такой степени священства превышаетъ и слово и умъ. И, какъ я думаю, это и есть то, о чемъ Павелъ въ изумленіи загадочно говоритъ: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове его и неизслѣдовани путіе его* (Римл. XI, 33)! Оно паритъ отъ земли на небо, весьма быстро вознося къ Богу наши прошенія; за рабовъ служитъ посломъ предъ Господомъ. Съ проницательностію устремимъ свои мысли, братіе, въ это таинственное и страшное повѣствованіе, что безъ доброчестнаго священства не дается смертнымъ отпущенія грѣховъ. Устремите вашъ умъ, братіе, такъ какъ вы—почитатели благочестія, сіяющіе свѣтомъ ученій. Что недавно мы сказали относительно таинства священства? Вѣтвь виноградной лозы и зерно хлѣба, и священство имѣютъ сходство. Вѣтвь и хлѣбъ—рабыни, а священство—свободно. Итакъ, когда, сверхъ сокровищъ, будутъ собраны эти три, то каждое доставляетъ царю силу своихъ плодовъ въ благоуханіе. Вѣтвь даетъ кровь, подобнымъ образомъ и хлѣбное зерно — хлѣбъ; а священство съ полнымъ дерзновеніемъ летитъ высоко отъ земли до неба, пока не увидитъ самого Не- 1068
видимаго, и, поклонившись предъ высокимъ престоломъ, не помолится за рабовъ Владыкѣ, неся слезы и стенанія сорабовъ и принося ихъ Владыкѣ; подобнымъ же образомъ проситъ объ утѣшеніи и покаяніи, о снисхожденіи и милосердіи у благоутробнаго Царя, чтобы пришелъ Духъ-Утѣшитель и освятилъ предлежащіе на землѣ дары. И когда бываютъ принесены страшныя таинства, полныя безсмертія, чрезъ посредство предстоящаго іерея, предстательствующаго за всѣхъ, тогда приближаются души, чрезъ таинства получающія очищеніе отъ нечистотъ. Посмотрите, боголюбцы, какъ эти два на землѣ не обнаруживаютъ дѣйствія, если не присоединится небесный приговоръ и не освятитъ даровъ. Ты, человѣкъ, увидѣлъ ли блистательное чудотвореніе? Увидѣлъ ли священную степень, какъ она легко очищаетъ душевныя скверны? Благословенъ Спаситель, пославшій на землю этотъ блистательный и очистительный даръ, просвѣтившій благодатію іереевъ для

того, чтобъ они сіяли, какъ звѣзды, въ мірѣ. Народъ, бывшій до насъ, неся рогъ съ елеемъ, достигалъ успѣха; мы же, непотребные рабы Благословеннаго, получили не рогъ, не чувственный елей, но самъ Онъ, Глава, Высокій и Страшный, сошелъ съ неба и даровалъ намъ возложеніемъ рукъ Духа Своего, пришедшаго на апостоловъ, какъ огонь. О, неизреченная сила, изволившая вселиться въ насъ чрезъ возложеніе іерейскихъ рукъ! О, сколь великую степень имѣетъ страшное священство! Блаженъ, кто живетъ въ немъ чисто и непорочно. Петръ, названный Кифой, уловленный у морского берега, получившій свидѣтельство отъ великаго Пастыря, что *на семъ камени созижду Церковь Мою* (Матѳ. xvi, 18), чрезъ священство получилъ и ключи небесные. Подобнымъ же образомъ и Павелъ, нѣкогда гонитель, удостоенный этого дара, окрыленный устремлялся туда и сюда, возвѣщая на землѣ и морѣ воскресеніе изъ мертвыхъ. Взойдемъ къ праведному Авелю, который былъ іереемъ при началѣ созданія, и поучимся отъ него, что онъ вначалѣ въ качествѣ іерея принесъ свою жертву Богу. Не огонь ли, сошедшій съ неба, поѣлъ его жертву? Когда же онъ приносилъ Богу начатки, то, какъ говоритъ Писаніе, *призрѣ Богъ на* жертву *Авеля, на* Каинову *же не вняти* (Быт. iv, 4, 5). Опять же Ной, спасенный въ ковчегѣ, когда вода убыла и когда онъ остановился на Араратскихъ горахъ, въ свою очередь, тотчасъ воспріялъ это священство и безпорочно принесъ жертву Богу въ *воню благоуханія* (Быт. viii, 21). Поэтому Богъ заключилъ съ нимъ завѣтъ не наводить болѣе на землю потопа и далъ ему благословеніе рости и множиться (—ix, 1). Видѣлъ ли ты чудодѣйствіе священства? Видѣлъ ли перваго священника Авеля при первомъ твореніи, какъ сошелъ съ неба на землю огонь, благодаря безпорочному принесенію имъ въ жертву одниxъ плодовъ? Видѣлъ ли опять Ноя, достойнаго уваженія іерея при второмъ твореніи, какъ Богъ заключилъ съ нимъ завѣтъ? Это же священство удостоился
1069 воспріять Авраамъ, и принесъ Богу Исаака, и совершилъ жертву изъ собственной утробы. Тамъ Богъ показываетъ ему великое чудо, рожденіе Господне подъ образомъ растенія Савекъ, возрастаніе во мгновеніе и благословеніе, какимъ Онъ благословилъ его: *о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы* (Быт. xxii, 18). Этого священства удостоился и Моисей, когда возшелъ на гору Синай— къ Богу и получилъ отъ Него законъ, почему и лице его было покрыто славою, такъ что оно блестѣло болѣе, чѣмъ солнце. Подобнымъ образомъ былъ удостоенъ этого же и Ааронъ, сдѣлавшійся посланникомъ къ Богу о грѣхахъ народа. *Моисей и Ааронъ во іереехъ Его* (Псал. xcviii, 6). Подобнымъ образомъ и Финеесъ при помощи этого всечестнаго священства отклонилъ отъ народа

смерть; также и Илія, въ свою очередь, облекшись имъ, былъ услышанъ относительно огня, и умертвилъ *студныхъ* жрецовъ. Итакъ, братіе, поймемъ, что достоинство священства велико и весьма важно. Слава Единородному и единому только Благому, чрезъ Свой новый и святой завѣтъ даровавшему его Своимъ апостоламъ, чтобы они и сами показали намъ примѣръ въ возложеніи ихъ рукъ на тѣхъ, кто достоинъ. Почтимъ же всѣ чистосердечно имѣющихъ степень священства, зная, что, если кто любитъ друзей царя, то такого еще болѣе любитъ царь. Возлюбимъ же іереевъ Божіихъ, такъ какъ они — друзья Божіи и всегда ходатайствуютъ за насъ; почти іереевъ, исполняя заповѣдь Христову, говорящую, что *пріемляй пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметъ* Матѳ. x, 41). Если же ты не знаешь относительно перваго встрѣтившагося іерея, достоинъ ли онъ степени или недостоинъ, то все-таки не отнесись съ презрѣніемъ изъ-за Христовой заповѣди. Подобно тому какъ золото, смѣшанное съ грязью, не терпитъ вреда, и блестящій маргаритъ не испытываетъ измѣненія, когда войдетъ въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми нечистыми видами, такимъ же точно образомъ и священство не оскверняется никѣмъ, хотя бы пріемлющій и былъ недостоинъ его. Если кто удостоится получить эту честь и будетъ въ ней ходить достойно и безпорочно, то она доставляетъ ему жизнь и нетлѣнный вѣнецъ; если же кто осмѣлится недостойно захватить эту честь, то онъ доставляетъ самому себѣ кромѣшнюю тьму и немилостивый судъ. Предлагаю тебѣ, человѣкъ, и другой примѣръ, чтобы ты не дерзнулъ въ своемъ высокомѣріи недостойно получить степень священства, такъ какъ Богъ не благоволитъ къ тѣмъ, которые рукоположены въ цѣляхъ высокомѣрія. Итакъ, узнай, чтó потер- 1070
пѣли тѣ дерзкіе, которые нѣкогда возстали противъ Моисея и Аарона и дерзнули безстыдно и нагло воскурить ѳиміамъ Богу. Не пожралъ ли огонь всѣхъ ихъ за то, что дерзко посягнули на степень, которой не были достойны? Опять же и Маріамь, пророчица Божія, за то, что нѣкоторымъ краткимъ словомъ упрекнула Моисея относительно священства, такимъ по опредѣленію Всевышняго была наказана позоромъ, что прокаженная была изгнана за предѣлы лагеря на семь дней. И нынѣ, братіе, свято послужите священству, подражая Моисею и Аарону, и Елеазару. Посмотри на этихъ благочестивыхъ іереевъ, какъ посредствомъ священства они отражали полки враговъ. Имѣя его, Моисей распростеръ руки къ Богу и ранилъ Амалика неизлѣчимымъ ударомъ. Препоясанный имъ, Авраамъ обратилъ въ бѣгство царей; воспріявши его, Мельхиседекъ благословилъ Авраама преимущественнымъ благословеніемъ. Итакъ, достоинъ ли ты, братъ,

получить степень священства? Имѣй заботу о томъ, чтобъ благоугождать Тому, Кто пріобщилъ тебя къ войску, чистотою и справедливостью, и духовною мудростью, и славнымъ дѣвствомъ. Сдѣлайся горячимъ ревнителемъ, какъ Илія, попечителемъ, какъ Іеремія, цѣломудреннымъ, какъ Іосифъ, и непорочнымъ, какъ Іисусъ Навинъ, страннолюбцемъ, какъ Авраамъ, нѣжно любящимъ, какъ Давидъ, и кроткимъ, какъ Моисей. Заблудшаго возврати на путь, увѣчному сдѣлай повязку, павшаго подними, немощныхъ поддержи и другое дѣлай подобное этому. Я же, возлюбленные, изумляюсь—какъ это нѣкоторые изъ неразумныхъ имѣютъ обыкновеніе отваживаться и замышляютъ безстыдно и безразсудно получить священство, не будучи призваны благодатію Христовою, не зная, что они, несчастные, собираютъ себѣ самимъ огонь и смерть. Не то только говорю тебѣ, человѣкъ, чтобы ты не получалъ безразсудно священства, но говорю, чтобы ты даже не прикоснулся ни къ какому изъ сосудовъ всечестнаго служенія, какъ будто не читавшій о томъ, что̀ потерпѣлъ Оза въ то время, когда коснулся ковчега Божія. Всегда, возлюбленный братъ, вспоминай объ этомъ божественномъ изреченіи Всевышняго, сказанномъ чрезъ пророка Исаію: на комъ опочію? *Токмо на кроткомъ, и молчаливомъ, и трепещущемъ словесъ Моихъ* (Иса. LXVI, 2). Всегда помни объ этой заповѣди и пріобрѣти сокровище—кроткій образъ мыслей для того, чтобы ты чрезъ это былъ въ состояніи духовно взойти въ вышній Іерусалимъ и принести духовныя жертвы Царю и Богу на горній алтарь, гдѣ сплетаются вѣнцы нетлѣнія; и тамъ предъ лицемъ ангеловъ Христосъ повяжетъ тебѣ вѣнецъ безсмертія и вмѣстѣ съ горними воинствами будешь воспѣвать побѣдную пѣснь Святой Троицѣ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

о томъ, что ученику Христову надлежитъ быть кроткимъ и не гнѣваться поспѣшно.

1069 Божественный голосъ Господа въ Евангеліяхъ, *исполняющій законъ*, а *не разоряющій* (Матѳ. V, 17), учитъ насъ не гнѣваться на брата (—22), и этою прибавкою къ рѣчи восполняетъ изреченіе: *не убіеши* (—21), удаляя самый корень убійства и очищая сердце извнутри, а не руки съ внѣшней стороны. Онъ наложилъ не такого рода наказаніе, какое законъ,

тѣснящее тотчасъ же, но наказаніе по судебному приговору, говоря: *яко гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ будетъ суду* (Матѳ. v, 22). Наказанія, налагаемыя Христомъ, не быстро наступаютъ, какъ въ законѣ; но, хотя бываетъ большая отсрочка воздаяній, соотвѣтствующихъ справедливости, однако, послѣ наступаетъ страшное наказаніе. Такъ какъ бо́льшее заповѣдуетъ, то больше и долготерпитъ, желая очищенія сердца, каковое 1070
можно произвести только съ трудомъ. Поэтому, если мы и бываемъ увлечены гнѣвомъ, не тотчасъ наказываетъ, такъ какъ, если бы тотчасъ же наказывалъ, то не было бы возвращенія чрезъ посредство покаянія. Поэтому Онъ отсрочиваетъ наказаніе, для того, чтобы мы имѣли время покаянія, для того, чтобы вчера разгнѣвавшійся на брата сегодня покаялся и заключилъ съ самимъ собой договоръ не гнѣваться болѣе на брата, дабы намъ отчасти быть подобными Богу. Онъ удаляетъ насъ отъ того, что отчуждаетъ нашу жизнь отъ уподобленія Богу и ведетъ послѣ даннаго состоянія къ красотѣ, собразной съ природою; вѣдь мы ведемся къ согласному съ природой и къ общенію съ божественнымъ Духомъ, и постоянной жизни съ Богомъ, состязаясь относительно столь великихъ дѣлъ. Обратимъ вниманіе на самихъ себя и не погубимъ своимъ презорствомъ дѣла уподобленія Богу изъ-за 1071
того, что Господь медлитъ придти, не дадимъ себѣ свободы въ дѣлѣ преступленія глаголовъ Божіихъ, не оставимъ состязанія, впавъ въ отчаяніе, какъ не могущіе достигнуть этого богоуподобленія, но надежда да будетъ намъ присуща ради Того, Кто далъ повелѣніе и даруетъ силу для исполненія повелѣннаго. Презорства же и безпечности да не будетъ, потому что вслѣдствіе Его долготерпѣнія насъ ожидаетъ и болѣе страшное наказаніе. Сколько Онъ долготерпитъ, ища исправленія, столько же Онъ будетъ и негодовать, если мы не исправляемся, и быстро настигнетъ насъ, какъ дерзко поступившихъ въ отношеніи къ благодати. Но скорѣе да будутъ пренебрежены нами всѣ дѣла этого вѣка, чѣмъ божественное повелѣніе. Многія изъ тѣхъ вызываютъ на гнѣвъ людей чувствительныхъ къ гнѣву, быстро раздражающихся. Человѣкъ же, боящійся повелѣнія страшнаго Царя, приказавшаго вовсе не гнѣваться, отнесется съ презрѣніемъ ко всѣмъ, желающимъ раздражать его; онъ, далѣе, легко стерпитъ тѣхъ, кто оскорбляетъ его словами, проявитъ терпѣливость въ отношеніи къ желающимъ оскорбить его дѣлами, и ударяющему въ щеку подставитъ и другую, и благородно перенесетъ отъ нападающаго постыдное слово, произносимое ради ругательства, имѣя для себя удивительное утѣшеніе въ томъ, что онъ за это назовется блаженнымъ, также и для того, чтобы оказаться послушнымъ Господу и погасить гнѣвъ на брата, и избѣжать опре-

дѣленнаго за таковой грѣхъ наказанія. По этой причинѣ Христосъ увѣщеваетъ насъ освободить себя отъ тѣлеснаго возбужденія, избѣгать любви къ деньгамъ и удаляться отъ славолюбія, совершенно не давать въ себѣ мѣста удовольствію, для того, чтобы вслѣдствіе чего-либо такого намъ не погубить своей души и не сдѣлаться чуждыми въ отношеніи къ Святому Духу. Человѣкъ, научившійся относиться съ презрѣніемъ къ деньгамъ, какимъ образомъ будетъ раздраженъ изъ-за денегъ, даже если кто-либо и желаетъ ихъ похищать у него? И нестремящійся къ славѣ какимъ образомъ придетъ въ раздраженіе по причинѣ славы? Поэтому совлеки съ себя мірское одѣяніе и облекись въ духовное; совлеки съ себя ветхаго человѣка, чтобы облечься въ новаго: посему это и возрожденіемъ называется и возглашается въ божественныхъ писаніяхъ. Вѣдь наше спасеніе нуждается въ перемѣнѣ прежняго состоянія для того, чтобы мы стали другими по сравненію съ тѣмъ, что мы—теперь, для того, чтобы мы перестали быть тѣмъ, чѣмъ являемся нынѣ, начали иную жизнь, которую проводили до преступленія. Не таковъ ты былъ у Бога, какимъ былъ съ дѣтства, и не такой образъ мыслей ты имѣлъ послѣ совершеннаго Богомъ творенія, какой послѣ человѣческаго рожденія. Поэтому послушай клянущагося Господа и убойся: *Аминь глаголю* вамъ, говоритъ Онъ, *аще кто не родится свыше, не можетъ* внити въ *царствіе небесное* (Іоан. III, 3). Поэтому начни болѣе новую жизнь, оставь обветшавшую въ грѣхахъ жизнь; вчерашній прелюбодѣй сегодня пусть сдѣлается цѣломудреннымъ; тотъ, кто вчера неумѣренно предавался пьянству, сегодня пусть будетъ постникомъ; отбрось то, что послѣ привзошло худое, для того, чтобы ты снова получилъ то, что хорошее было дано отъ начала. Мало — проводить время со спокойнымъ духомъ и безъ гнѣвливости.

Желающій жить по образу и подобію Божію долженъ быть презираемымъ всѣми, стать предметомъ насмѣшекъ, неуваженія, какъ на словахъ, такъ и въ дѣлахъ. По этой причинѣ Онъ повелѣлъ не воздавать зла обидчику, чтобы воздавая обижающему, ты не погубилъ сообразной съ природою кротости. Поэтому не возмечтай о себѣ, что ты вправѣ отмстить за себя обижающему. Помни о святыхъ наставленіяхъ Павла: *не бывайте,* говоритъ онъ, *мудри о себѣ, ни зла за зло воздающе* (Римл. XII, 16, 17). Не хорошо сдѣлаться мстителемъ, ни искать возмездія за самого себя, но возложи возмездіе за тебя на Бога, безъ гнѣвливости отмщающаго обидчикамъ. *Не себе отмщающе,* говоритъ (Писаніе), *но дадите мѣсто гнѣву; писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Римл. XII, 19). Не говори: Богъ воздаетъ,
1073 буду воздавать и я; разсмотри, что̀ показалъ тебѣ Христосъ, придя

въ міръ, для того чтобы явить спасительный образъ жизни, и поревнуй Ему, чтобы спастись. Онъ не пришелъ въ качествѣ Судіи и Отмстителя возстающимъ противъ Него: по незлобію Онъ не искалъ какой-либо выгоды для Себя, но совершалъ спасеніе для міра. Незлобіе Христово низложило дерзость діавола и кротость Господня преодолѣла дикую ярость лукаваго. И ты, поэтому, предложи себѣ этотъ образъ для подражанія. Онъ не разгнѣвался на тѣхъ, которые оскорбили Его, но, слыша о Себѣ: „самарянинъ" и „имѣющій бѣса", милостиво и кротко отвѣчалъ говорившимъ: *Азъ бѣса не имамъ, но чту Отца Моего, и вы не чтете Мене; Азъ же не ищу славы Моея, есть ища и судя* (Іоан. VIII, 48—50). Итакъ, и ты не мсти за себя, но ожидай Судію. Если самъ Судія, въ человѣческомъ образѣ пришедшій, не воздалъ, хотя и могъ, но ожидалъ суда Божія [*Иже укоряемъ*, говорится, *противу не укоряше, стражда не прещаше, предаяше же судящему праведно* (1 Петр. II, 23)], то и ты сдѣлай такъ же и подражай Господу, Который сносилъ безбожную наглость даже до креста и достойнымъ погибели предлагаетъ спасеніе. Онъ говорилъ Отцу: *отпусти имъ* этотъ грѣхъ: *не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Братъ обидѣлъ, явился недостойнымъ братства; но ты не погуби братства. Братъ явился подражателемъ братьямъ Іосифа, приготовилъ братоубійство, показалъ себя врагомъ противъ брата, обнаружилъ преизбытокъ злобы, обижаетъ, самъ ни въ чемъ не обижаемый. Но ты сдѣлай противоположное, чтобы и ты сказалъ, какъ псалмопѣвецъ Давидъ: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (Псал. CXIX, 6). Побѣждай злого добромъ, поощряй его къ добру, расторгни гнѣвъ кротостью, покажи ему, что онъ несправедливо преслѣдуетъ находящагося въ тебѣ Христа, выясняй, что ты не заслуживаешь преслѣдованія. Но онъ—неисправимъ и не измѣняется при твоей кротости. Даже и звѣри измѣняются предъ человѣческою кротостью, а тотъ—болѣе дикъ, чѣмъ звѣри. Не будь сварливъ съ таковымъ и не противопоставь гнѣву гнѣва; но уклонись, подобно тому какъ мудрый кормчій уклоняется отъ опасныхъ скалъ; остерегись, какъ бы *аспида глуха и затыкающаго уши свои, иже не услышитъ гласа обавающаго* (Псал. CVII, 5—6). Не потеряй времени, *яко дніе лукави суть* (Ефес. V, 16); живи въ мудрости, зная, что ты—странникъ и пришелецъ на землѣ и переселенецъ, подобно тому какъ всѣ твои отцы (Лев. XIX, 34). Такъ же и ты посланъ въ качествѣ овцы въ средину волковъ, какъ и апостолы; не будь волкомъ вмѣсто овцы; состязаясь съ волками, остерегайся, насколько можешь, чтобы не погубить сокровища правды; остерегайся расхищающихъ; будучи мудрымъ, какъ змѣя, остерегайся злоумышленій; если же и повредитъ тебѣ

волкъ, если и вознамѣрится разорвать тебя, то приготовься перенести, помня говорящаго: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Псал. XLIII, 23; Римл. VIII, 36), взирая на Самого Господа, Который, *яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ* (Иса. LIII, 7; Дѣян. VIII, 32). Придетъ время и твоей побѣды, когда побѣдишь, терпя бѣдствія вмѣстѣ со Христомъ. Господь не прекословилъ и не вопіялъ, никто не слышалъ голоса Его на улицахъ. И апостолъ говоритъ, что онъ готовъ *отмстити всяко преслушаніе, егда исполнится послушаніе* тѣхъ, которые повинуются (2 Кор. X, 6). Долготерпитъ Богъ, — долготерпи и ты, потому что если нынѣ страдаетъ Христосъ, въ то время какъ ты страдаешь, то ради Христа должно терпѣть и служителю Христову. Взывай къ Нему, и Онъ совершитъ мщеніе въ скоромъ времени, положитъ конецъ лукавству грѣшниковъ и направитъ праведнаго *Богъ судитель праведенъ, крѣпокъ и долготерпѣливъ* (Псал. VII, 12); долготерпитъ же Онъ для того, чтобы обратить насъ къ Себѣ. Ему слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА

о томъ, что должно избѣгать притворнаго и неистиннаго вида.

1078 ОПЯТЬ надлежитъ намъ взять въ руки евангельскую трубу и высказать вамъ Господень совѣтъ: *внемлите*, говоритъ (Господь), *отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрьже суть волцы хищницы; отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Матѳ. VII, 15, 16). Притворный видъ ихъ, говоритъ, обнаруживается повсюду чрезъ то, что ими ежедневно совершается, потому что дѣла проистекаютъ изъ сердечнаго расположенія; честный видъ не измѣняетъ произволенія. Итакъ, попусту трудится лукавый человѣкъ предъ мудрыми, которые въ состояніи уловить его на основаніи плодовъ и понять, кто онъ въ дѣйствительности и каковымъ кажется. Зачѣмъ же ты скрываешь себя въ чуждомъ образѣ? Зачѣмъ шкурою овцы прикрываешь волка? Немного позже истина обнаруживаетъ тебя, и, убѣгая отъ истины, ты будешь захваченъ въ плѣнъ истиною. Зачѣмъ ты разсѣеваешь предъ собою рѣчи о человѣколюбіи, тая жестокій нравъ? Не скроется твоя жестокость, хотя бы ты притворился очень нѣжнымъ. Зачѣмъ ты надѣваешь на себя личину дружбы, будучи врагомъ? Мы живемъ не во мракѣ: тайное обнаруживается и не-

нависть, которую ты скрывалъ, изобличается. Зачѣмъ ты притворяешься дружественнымъ? Зачѣмъ льстишь, не будучи дружественно настроенъ? И дѣло лести породитъ тебѣ ненависть, неся вредъ, какъ бы отъ врага, а не пользу, какъ бы отъ друга. Ты хвалишь и дурное ради лести; но не такъ безсмысленъ тотъ, кому расточается лесть; онъ долженъ возненавидѣть того, кто хвалитъ его изъ-за грѣховъ. Зачѣмъ, пребывая въ неправдахъ и живя распутно, принимаешь на себя видъ праведнаго и цѣломудреннаго? Зачѣмъ своимъ видомъ скрываешь кичливость и рѣчью уничиженною и благоговѣйною не даешь замѣтить своей зависти? *Ничтоже бо есть покровено, еже не откроется, и тайно, еже не увидѣно будетъ* (Матѳ. x, 26). Ложь—гнусное безчестіе человѣка; избѣжимъ обвиненія, вызываемаго ложью; не дѣлай себя въ глазахъ друга не заслуживающимъ довѣрія, боясь не встрѣтить къ себѣ болѣе вѣры даже и тогда, когда говоришь истину; тотъ, кто оказался лжецомъ въ одномъ, уже не стоитъ того, чтобъ ему вѣрили, даже и въ томъ случаѣ, еслибы когда онъ сказалъ правду, такъ какъ глаголати *праведная*, говоритъ (Писаніе), *и истинствовати, угодна Богу паче, нежели жертвъ кровь* (Притч. С. xxi, 3). Благопріятный Богу даръ принесешь: вѣру и истину; да и для тебя легко—говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ существуютъ, и не выдумывать такихъ, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности. Ты не будешь трудиться, насильно придавая лжи видъ истины, и нисколько не будешь утомляться, говоря противорѣчивое себѣ, такъ какъ лживое слово не стоитъ въ согласіи само съ собой; не устыдишься, обманувши другихъ, ты, который охраняешь истину; друзья будутъ считать слово твое болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ клятва, и рѣчь твоя, болѣе надежная, чѣмъ всякое подтвержденное клятвою свидѣтельство, придастъ твоему свидѣтельству значеніе справедливаго и неоспоримаго. Когда, придя, будешь свидѣтельствовать, то доставишь себѣ, благодаря истинѣ, прекраснѣйшую славу, подвергающимся же опасности — спасеніе и обижаемымъ—пользу въ судилищѣ. *Устнѣ истинны*, говоритъ (Писаніе), дѣлаютъ свидѣтельство истиннымъ, свидѣтель же изъ людей непра- 1074
ведныхъ—лукавъ (Притч. xii, 19). Съ удовольствіемъ будетъ взирать на тебя судья, освобождая отъ имѣющаго при судебныхъ разбирательствахъ мѣсто разслѣдованія. Однакоже, въ очахъ Господа достоинъ похвалы и добродѣтельный поступокъ смиренномудрія, если мы будемъ въ состояніи должнымъ образомъ совершить его. Многіе, дѣйствительно, удачно совершивъ что-либо добродѣтельное, желаютъ умалять себя въ ущербъ истинѣ, лучше желая лгать на самихъ себя. Я же тебѣ говорю: человѣкъ, прояви покорность въ отношеніи къ истинѣ; говори о себѣ во уши Божіи

уничиженное, какъ говорилъ Авраамъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27); какъ говорилъ Павелъ: *азъ бо есмь мнїй апостоловъ, иже нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ Церковь Божію.* Но, въ свою очередь, говоря истину, присоединилъ: *благодатію же Божіею есмь, еже есмь* (1 Кор. XV, 9, 10). Если же это такъ отовсюду предложено для нашего наставленія, то уклонимся отъ притворнаго вида. Зачѣмъ надѣваемъ на самихъ себя личины, не будучи тѣмъ, чѣмъ показываемъ себя, принимая видъ святыхъ и влача свои хитоны даже по землѣ, а по своему характеру будучи дикими, по рѣчи и одеждѣ будучи святыми, а по образу мыслей и дѣламъ безчеловѣчными? Одѣяніе не вводитъ въ небесное царство, но—дѣла справедливости. Не такъ будетъ взирать человѣкъ, какъ будетъ взирать Богъ: человѣкъ будетъ смотрѣть на лицо, а Богъ — на сердце. *Испытаяй сердца и утробы Боже,* говоритъ (Писаніе) (Псал. VII, 10); и ради Того, Кто идетъ собрать помышленія человѣческія: *вся нага и обявлена предъ очима Его. Нѣсть, иже укрыется теплоты Его* (Евр. IV, 13; Псал. XVIII, 7). Придетъ время, когда, сбросивъ эту маску, окажешься обнаженнымъ, и тогда со стыдомъ явишься предъ лицо Бога, какъ падшій Адамъ. Тамъ уже не видъ требуется, а — дѣла. Часто мы здѣсь вводимъ въ заблужденіе и избѣгаемъ порицанія, и, благодаря честному виду, кажемся какъ бы праведными, и часто насъ ублажаютъ; тамъ же нельзя уже ввести въ обманъ; тамъ ищутъ дѣлъ, а не честную наружность. Лучше же сказать: будемъ имѣть бóльшее наказаніе и осужденіе, принесши честную внѣшность, но не совершивъ дѣлъ, свойственныхъ своему виду. Слушай, чтó говоритъ Спаситель объ іудеяхъ, а намъ предлагая наставленіе: *расширяютъ бо,* говоритъ, *воскрылія, и въ стогнахъ* молятся, *яко да явятся человѣкомъ* праведными (Матѳ. XXIII, 5... VI, 5). И они получатъ бóльшее осужденіе. Ты сильно желаешь честнаго вида и сильно возлюбилъ имя христіанства; не остановись на этомъ, но, какъ давшій Богу обѣщаніе, воздай обѣщанное, представивъ свои дѣла. Зачѣмъ ты— опрометчивъ въ дѣлѣ обѣщанія, если не подкрѣпляешь его дѣлами? Итакъ, надлежитъ и давать обѣты съ осторожностію, и воздавать обѣщанный долгъ съ тщательностью. *Помолитеся и воздадите Господеви Богу* вашему (Псал. LXXV, 12). Явись къ Нему съ чистою жизнію, то есть, (съ чистыми)—тѣломъ, духомъ, и душей; ничего не отсѣки отъ обѣщанія, чтобы не испытать участи Ананіи и Сапфиры. Тѣ, утаивъ изъ цѣны обѣщаннаго
1075 имущества, были осуждены нá смерть; и намъ должно бояться этого. Надлежитъ знать и не забывать, что обѣщаемое нами Богу уже болѣе не принадлежитъ намъ, но—Богу. Наше обѣщаніе—

достояніе Божіе; и если мы уносимъ изъ него, то являемся берущими уже не наше, но грабящими какъ бы Божіи сокровища, и дѣйствительно будемъ осуждены какъ святотатцы. Но бываетъ обѣщаніе не только имущества, а и слова и доброй воли. За всякое *праздное слово*, говоритъ (Писаніе), воздашь *слово въ день судный* (Матѳ. XII, 36). Божественное и великое таинство касается не денегъ, а совершеннаго произволенія и вѣры въ Бога, потому что всѣ мы дали обѣщаніе и всѣ мы — должники обѣщанія. Поэтому необходимо дѣвственницѣ исполнять обѣтъ дѣвства, каковое она и обѣщала; воздержному же—воздержанія, а пребывающему въ бракѣ—цѣломудрія и любви другъ къ другу. Если какая женщина дастъ обѣщаніе сохранять свое дѣвство или быть воздержною въ состояніи вдовства, но солжетъ противъ обѣщанія и вступитъ въ бракъ, то она имѣетъ осужденіе, такъ какъ отвергла первый залогъ вѣрности. Естественно также, что и пресвитеръ долженъ исполнить обязанности священ- 1076
ства благородно и діаконъ—свое служеніе безпорочно, не похищая воровски того, что относится къ обязанности діаконства, чтобы не быть осуждену, какъ Іуда — предатель. Итакъ, здѣсь нужда въ большомъ тщаніи, чтобы какъ-либо кто не обманулъ Бога, не исполняя своего обѣщанія въ его цѣлости, лучше же сказать—не отдавая своего залога, который именно каждый изъ насъ обѣщалъ. Онъ болѣе не нашъ; но мы должны размышлять такимъ образомъ, что залогъ мы получили отъ Бога и для того, чтобы, съ молитвой сохранивъ обѣщаніе безъ примѣси обмана, мы предстали предъ страшный престолъ Христовъ, чтобы, по примѣру Ананіи, мнѣніе Судьи не осудило насъ, какъ вѣроломныхъ. Итакъ, здѣсь нужда въ большой осторожности, чтобы не погрѣшить въ чемъ-либо и не оставить чего-либо изъ обѣщанія не исполненнымъ,—постараемся же ревностно со тщаніемъ исполнить обѣщаніе. Не будемъ думать, что христіанство должно быть исповѣдуемо только по виду, и не будемъ этимъ довольствоваться, но, чрезъ утвержденіе дѣлами пребывъ послѣдователями истины и справедливости, получимъ слѣдующія за справедливостію почести отъ Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

КЪ ІУДЕЯМЪ

и эллинамъ, и еретикамъ; и на слова: званъ бысть Іисусъ на бракъ (Іоан. II, 2).

1075 ПТЕНЦЫ ласточекъ сидятъ въ гнѣздѣ, ожидая прибытія родителей, приносящихъ имъ пищу; а послѣ того, какъ увидятъ, что они являются,...[1]) летятъ на легкомъ крылѣ ума. Подобнымъ же образомъ и я, намѣреваясь приближаться къ этому духовному гнѣзду, прежде, возвышая голосъ, прославляю Бога за то, что Онъ далъ мнѣ таковыхъ нѣжно любящихъ дѣтей. Но, конечно, у ласточекъ пища дается изъ устъ въ уста, у насъ же не такъ бываетъ, но—изъ устъ въ ухо. И та (пища) имѣетъ своимъ слѣдствіемъ тлѣніе, эта же—нетлѣніе; та питаетъ тѣла, эта же утучняетъ душу. Но это все сказано мною не просто и не безъ причины; напротивъ, такъ какъ мѣсто прочтеннаго сегодня Евангелія руководствуетъ насъ къ этому ученію, то необходимо васъ наставить. *Званъ бысть*, говоритъ (Писаніе), *Іисусъ на бракъ* (Іоан. II, 2). Но, прошу, соберитесь съ мыслями, обращайте вниманіе на то, что говорится. Такъ какъ нѣкоторые приводятъ въ извиненіе бракъ, иные ссылаются на дѣтей, иные на военную службу, иные на торговлю, иные на искусство, иные на рабство, иные на богатство, иные на бѣдность и на нѣчто другое подобное, то, поэтому, я хочу показать вамъ, что ни богатство не служитъ препятствіемъ, ни бѣдность, ни военная служба, ни торговля, ни бракъ, ни дѣти, ни рабство, ни искусство, ни что-либо иное изъ таковаго. *Званъ бысть Іисусъ на бракъ*. Пошелъ ли, или не пошелъ? Ясно, что отправился. Итакъ, если Онъ пошелъ, то какимъ же образомъ бракъ будетъ дурнымъ? И ты не имѣешь оправданія? Я же не только говорю, что Онъ пошелъ, но и принесъ дары, такъ какъ превратилъ воду въ вино. Поэтому не приводи себѣ въ извиненіе брака. Господь твой прибылъ на бракъ и прославилъ бракъ, а ты безчестишь бракъ и говоришь, что бракъ служитъ препятствіемъ? Онъ не есть какое-либо препятствіе для благочестія. Хочешь узнать, что нисколько не вредно имѣть жену и дѣтей? Не имѣлъ ли
1076 жены и дѣтей Моисей? Не былъ ли дѣвственникомъ Илія? Не Моисей ли свелъ манну съ неба, не Илія ли низвелъ съ неба огонь? Не Моисей ли сдѣлалъ, что прилетѣли перепелы? Не Илія ли словомъ заключилъ небо? Не съ Моисеемъ ли бесѣдовалъ Богъ? Не

[1]) Здѣсь въ греч. подлинникѣ, очевидно, пропускъ.

бесѣдовалъ ли Богъ и съ Иліею? Не Моисей ли раздѣлилъ море и перевелъ народъ? Не Илія ли вознесся на огненной колесницѣ? Нисколько не повредило этому дѣвство? Нисколько не послужили тому препятствіемъ жена и дѣти? Ты видѣлъ Илію ѣдущимъ по воздуху, ты видѣлъ Моисея путешествующимъ по морю; смотри и на Петра—столпъ церкви, что и онъ имѣлъ жену. Не написано, что Петръ имѣлъ жену: откуда же ясно, что у него была жена? Я скажу: *пришедъ Іисусъ*, говоритъ (Писаніе), къ тещѣ Петровой; и та была больна, *и прикоснуся ея, и остави ю огнь, и служаше* (Матѳ. VIII, 14—15). Видишь, что и Петръ имѣлъ жену? Гдѣ—теща, тамъ—ясно—есть и жена. Итакъ видишь, что и Петръ имѣлъ жену? Не клевещи же на бракъ. Говорю же это, чтобы никто не выставилъ предлогомъ ни жены, ни дѣтей, ни военной службы, ни торговли, ни искусства, ни рабства, ни богатства, ни бѣдности. Это — отговорки, это — предлоги, это — злоумышленія діавола. Ты выставляешь предлогомъ военную службу и говоришь, что я—воинъ и не могу быть набожнымъ. Сотникъ не былъ воиномъ? А онъ говоритъ Іисусу, что *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши, но рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Мѳ. VIII, 8). И, удивившись, Іисусъ говоритъ: аминь, *аминь, глаголю вамъ: ни во Исраили толики вѣры обрѣтохъ* (—10). Военная служба нисколько не послужила для него препятствіемъ? Но что—ты? Ремесленникъ? Тоже и Павелъ, который былъ и гонителемъ церквей, а послѣ того сдѣлался проповѣдникомъ и апостоломъ. Но что—ты? Богачъ? И Авраамъ—тоже, и при томъ онъ имѣлъ жену и дѣтей. *И вѣрова*, говоритъ (Писаніе), *Авраамъ Богу, и вмѣнися* 1071
ему въ правду (Быт. XV, 6), и названъ другомъ Божіимъ. Вѣдь нисколько не послужили для него препятствіемъ богатство и жена или дѣти? И ты не имѣешь оправданія. Вотъ онъ имѣетъ три предлога, на которые ты ссылаешься въ свое оправданіе, и жену, и дѣтей, и богатство. Но что—ты? Рабъ? И Онисимъ былъ рабомъ; а Павелъ, пиша Филимону, говорилъ: *Онисима, иногда непотребнаго, нынѣ же и мнѣ, и тебѣ благопотребна* (Филим. 10—11). Но что—ты? Царь? И Давидъ былъ царемъ: а вошелъ къ нему Наѳанъ пророкъ и обличилъ его за грѣхъ, который онъ сотворилъ. Вѣдь царь нисколько не поступилъ съ нимъ тирански? Вѣдь онъ нисколько не высказался противъ пророка? Не признавалъ ли онъ рабства и на царскомъ престолѣ и не говоритъ ли: *согрѣшихъ ко Господу?* И пророкъ, видя раскаяніе его, говоритъ ему: *Господь отъя согрѣшеніе твое* (2 Цар. XII, 13). Быстро раскаяніе, быстрѣе—прощеніе. Нисколько не призадумался царь и не сказалъ: я—царь, облеченъ въ порфиру и имѣю на себѣ діадему, имѣю также лукъ и стрѣлы, и щиты, и шлемы,

и воиновъ—защитниковъ; ужели же убоюсь этого бѣдняка и не убью его, но перенесу его? Ничего такого онъ не сказалъ, но хотя былъ и царь, зналъ, что согрѣшилъ, и поэтому покаялся, такъ какъ зналъ, что совершилъ тяжкій грѣхъ. Вѣдь царское достоинство нисколько не послужило для него препятствіемъ? Но что—ты? Отрокъ? И Даніилъ былъ отрокомъ, а заградилъ уста львамъ, и растерзалъ дракона, и низложилъ Вила, и осудилъ старѣйшинъ, Сусанну же спасъ, и несовершенство юности нисколько не послужило препятствіемъ для столь великой добродѣтели. Но что—ты? Братолюбецъ? И Іосифъ—тоже, а сколь великое любомудріе и цѣломудріе обнаружилъ онъ въ отношеніи къ египтянкѣ? Разорвалъ свой хитонъ, а вѣры своей не расторгъ; преодолѣлъ безстыдство ея, а страстнаго желанія ея не исполнилъ. Но что—ты? Вдова? И сидонянка была вдовою, та, которая приняла пророка Илію и напитала хлѣбомъ и водою, такъ что виновника голода голодъ не изнурилъ. Но что—ты? Блудница? Тоже и Раавь, которая скрыла соглядатаевъ и послѣ того, какъ сыны Израиля овладѣли землею обѣтованія, спаслась—и сама она, и домъ ея, и родъ ея. Но что—ты? Бѣднякъ? Тоже и Лазарь, а сколь великое любомудріе и терпѣніе онъ показалъ въ бѣдности, и, находясь въ такой нуждѣ, не палъ несчастно! Но что—ты? Женолюбецъ? Тоже и Сампсонъ; и хотя и былъ преданъ женщиною, но Богъ доставилъ ему отмщеніе, и онъ былъ отмщенъ при содѣйствіи иноплеменниковъ. Но что—ты? Дѣтолюбецъ? Тоже и Іаковъ. Видишь, сколь многіе спаслись? Ты имѣешь вѣру? Все имѣешь. Не имѣешь вѣры, но ты—царь? Нисколько не полезно для тебя царское достоинство. Однако, я не позабылъ объ обѣщаніи. Итакъ, *званъ бысть Іисусъ на бракъ*. Когда же Онъ прибылъ, не имѣли вина. Говоритъ Ему Матерь Его: *вина не имутъ. Глагола Ей Іисусъ: что есть Мнѣ и Тебѣ, жено; не у пріиде часъ Мой*. И сказавъ это, Іисусъ говоритъ: *наполните водоносы воды*. И наполнили водоносы водой, и Онъ сдѣлалъ воду виномъ (Іоан. II, 2 и слѣд.). Но зачѣмъ Онъ сказалъ: *наполните водоносы воды?* Развѣ Тотъ, Кто словомъ сотворилъ небо и положилъ основаніе землѣ, и создалъ все, что на нихъ, Котораго взоръ изсушаетъ бездны, Котораго трепещетъ и страшится вся тварь какъ *небесныхъ*, такъ *земныхъ* и *преисподнихъ*, не могъ словомъ наполнить водоносы? Но Онъ говоритъ: почерпните воды. Зачѣмъ? Я скажу: для того, чтобы, если они отрекнутся, то руки ихъ, почерпнувшія воду, и плечи ихъ, несшія воду, обличили бы ихъ; тоже самое Онъ сдѣлалъ и въ отношеніи къ Лазарю. Прежде прибытія на мѣсто Онъ говоритъ ученикамъ: *Лазарь, другъ нашъ, успе* (Іоан. XI, 11). Потомъ, когда пришли сестры Лазаря и говорятъ Ему, что Лазарь умеръ (—21. 32),

Онъ говоритъ имъ: *гдѣ положисте его?* Онѣ же говорятъ: *пріиди и виждь* (—34). О, новыя и необыкновенныя дѣла! Незадолго Ты говорилъ ученикамъ, что Лазарь умеръ—и теперь говоришь: *гдѣ положисте его?* Заранѣе извѣщаешь Своихъ учениковъ о смерти его—и не знаешь мѣста погребенія? Онъ зналъ, но говоритъ изъ-за іудеевъ, такъ какъ они были неблагодарны, такъ что изреченіе: *гдѣ положисте его?* не было признакомъ невѣдѣнія, какъ и въ раю Онъ говорилъ Адаму: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9)? Развѣ же Онъ не зналъ, гдѣ тотъ былъ? Но, такъ какъ діаволъ говорилъ имъ, что *въ оньже аще день снѣсте* отъ древа *будете яко бози* (—5), 1078
и тѣ полагали, что они имѣютъ быть богами, то по этой причинѣ говоритъ ему Богъ: *Адаме, гдѣ еси*,—послѣ того какъ ты вкусилъ и остался человѣкомъ? Поэтому-то Богъ говорилъ ему: *Адаме, гдѣ еси?* Такъ Онъ сдѣлалъ и въ отношеніи къ Лазарю. Приблизившись къ гробницѣ, говоритъ іудеямъ: *возьмите камень* отъ гроба; и взяли. Говоритъ Ему сестра Лазаря: *Господи, уже смердитъ*, потому, что онъ былъ *четверодневенъ* (Іоан. XI, 39). И *гласомъ великимъ воззва рекъ: Лазаре, гряди вонъ* (—43); и онъ вышелъ, *обязанъ* повязками. Итакъ, развѣ Тотъ, Кто переставляетъ горы въ глубины морей, не могъ словомъ сдвинуть камень? Сокрушившій жало смерти, разрушившій двери ада не могъ разорвать даже и повязокъ? И говоритъ имъ: *разрѣшите его* (—44). Для чего? Для того, чтобы, если они отрекутся, руки ихъ и глаза изобличили ихъ. Поэтому Онъ сказалъ: *разрѣшите его*. И во время брака Онъ сдѣлалъ тоже самое, потому что сказалъ имъ: *наполните водоносы воды*; и они наполнили водоносы, и Онъ сдѣлалъ воду виномъ. Потому-то Онъ отовсюду утвердилъ ихъ, такъ какъ іудеи всегда были неблагодарны и безстыдны. Желаете узнать, сколь многое доставилъ имъ Богъ, и они оказались непомнящими? Узнайте; но, прошу, сосредоточьтесь, обращайте вниманіе на то, что говорится, такъ какъ я желаю доказать вамъ, что іудеи искони были неблагодарны. Семьдесятъ пять душъ пришло въ Египетъ, и потомъ сдѣлалось шестьсотъ тысячъ. Умеръ Іосифъ и возсталъ у нихъ другой царь, который не помнилъ объ Іосифѣ; онъ же сильно притѣснялъ сыновъ Израильскихъ. Поэтому они возопили къ Богу, говоря: Господи, Ты поклялся отцамъ нашимъ, что „дамъ сѣмени вашему землю, текущую молокомъ и медомъ"; и теперь, Господи, вспомни о томъ завѣтѣ, который Ты заключилъ съ нашими отцами, и избавь насъ отъ руки фараона, царя египетскаго, и отъ египетскаго рабства. Богъ, конечно, услышалъ голосъ ихъ и послалъ къ нимъ Моисея. Но сосредоточьтесь, прошу. Богъ говоритъ Моисею: возьми агнца безпорочнаго, однолѣтняго, перворожденнаго, и принеси въ жертву, и кровью его каждый помажетъ дверь, для того,

чтобы, когда придетъ ангелъ съ извлеченнымъ мечемъ и увидитъ, что кровью помазано то жилище, то отступилъ бы; если же увидитъ, что нѣтъ, то чтобъ вошелъ и истребилъ всѣхъ. И сдѣлалъ Моисей такимъ образомъ, и далъ народу; и тѣ, взявъ, каждый помазалъ свои двери (Исх. XII). И пришелъ ангелъ съ извлеченнымъ мечемъ своимъ и видѣлъ кровь на дверяхъ, и отступалъ; а гдѣ не видѣлъ, входилъ и истреблялъ всѣхъ. Все же это происходило не просто; но, такъ какъ мы имѣемъ спасаться чрезъ кровь и древо, то поэтому Богъ сказалъ, что каждый помажетъ кровью двери. Почему не сказалъ: помажь кровью стѣну? Потому что они не имѣли быть спасаемыми иначе, какъ чрезъ посредство древа. Итакъ, Моисей вывелъ ихъ изъ Египта и привелъ ихъ въ пустыню, и они говорятъ Моисею: *за еже не быти гробомъ во Египтѣ*, извелъ еси насъ умертвити въ пустыни (Исх. XIV, 11)? Развѣ не хорошо было намъ въ Египтѣ, когда мы ѣли *огурцы и дыни, и лукъ, и чеснокъ* (Числ. XI, 5)? Видѣлъ ты неблагодарность? Сами говорили Богу, сами требовали: выведи насъ изъ египетской земли,—и, придя въ пустыню, проявили неблагодарность. Видѣлъ ты ихъ неблагодарность? Но узнайте бо̀льшее и особенное дѣло. Сорокъ лѣтъ они провели въ пустынѣ; не увеличился ихъ волосъ, ни ноготь; одежда ихъ не загрязнилась, обувь ихъ не износилась; они не трудились, не копали земли; не запрягали воловъ, не влекли плуга, не прорѣзывали бороздъ, не исторгали терновниковъ, не бросали въ землю сѣмянъ и не выжидали дождя, не ожидали горячихъ лучей солнца, не ожидали времени жатвы, не точили серпа и не жали, не связывали колосьевъ и не поднимали, не вносили въ гумно и не напрягались,
1079 не молотили, не очищали, не мѣсили муки, не пекли и не дѣлали хлѣбовъ,—ничего такого не было, однакожъ, они ѣли хлѣбъ, воздѣланный не руками; имъ предлагалась трапеза безъ приготовленія; по безстрастію они подражали ангеламъ; естество позабыло о своей немощи. И послѣ столь великихъ благодѣяній они говорили Аарону: дай намъ боговъ, *иже пойдутъ предъ нами: Моисей бо сей, иже изведе насъ отъ земли Египетскія, не вѣмы, что бысть ему* (Исх. XXXII, 1); и совершили большое насиліе противъ Аарона. Тотъ, видя, что они были жестокосерды и необрѣзанны, говоритъ имъ: снимите ваши золотыя украшенія и бросьте въ огонь, и если что-либо выйдетъ, то это и будетъ богомъ. И вышло животное съ воловьей головой. Здѣсь представь мнѣ неблагодарнаго еретика, тунеядца іудея, говорящаго, что Богъ родилъ и испыталъ измѣнчивость. Погибшій, несчастный и бѣдный, ты это думаешь относительно Бога? Но мы не такъ,—да не будетъ,—но что Отецъ родилъ Сына, одинъ только одного только, Богъ

Бога, Совершенный Совершеннаго; вотъ—помышленія христіанъ. Итакъ, ты, повидимому, съ любопытствомъ изслѣдующій горнее, скажи мнѣ о касающемся тебя самого, если тебѣ кажется, что знаешь: какимъ образомъ, послѣ того какъ были брошены въ костеръ золотыя украшенія, вышло животное съ воловьей головой? Мѣдникъ не приготовлялъ, не было плавильщика: какъ же вышло животное съ воловьей головой,—дерзаешь сказать? Если не знаешь того, что—внизу, то какъ же излишне любопытствуешь относительно горняго? Не разумѣя своего собственнаго, какъ излишне любопытствуешь относительно чуждаго? Еще они приводятъ намъ евангельскій голосъ самого Сына, говорящаго ученикамъ: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе,—Отецъ Мой дѣлатель есть* (Іоан. xv, 1, 5). Видишь, говоритъ іудей, что Онъ сотворилъ Сына? Если виноградарь не обработаетъ виноградника, то послѣдній не можетъ быть полезнымъ. И думаютъ, что говорятъ нѣчто великое и отмѣнное. Но, прошу, будьте внимательны. Я сказалъ неблагодарнымъ іудеямъ; позволь, скажу и безстыднымъ еретикамъ. Можешь ли ты сказать мнѣ, неблагодарный и безстыдный еретикъ, что виноградарь не питается отъ виноградной лозы? Побѣждаю тебя твоимъ оружіемъ. Итакъ, подобно тому какъ виноградарь обработываетъ виноградникъ, такъ и Отецъ произвелъ Своего Сына. Посмотримъ же, кто отъ чего питается, виноградникъ отъ виноградаря, или виноградарь отъ виноградника. По твоему мнѣнію, Отецъ имѣетъ бытіе отъ Сына, такъ какъ нѣтъ виноградаря, который не питается отъ своихъ дѣлъ. Что же? Сынъ питаетъ Отца? Нѣтъ, да не будетъ, это—дѣло крайняго безумія. Лучше—говорить: подобно тому какъ виноградарь радуется по поводу виноградника, такъ и Отецъ радуется по причинѣ Сына; Онъ не сказалъ, что Отецъ Мой сотворилъ Меня, но: *Отецъ Мой дѣлатель*, потому что Онъ радовался по причинѣ Сына. Ты развѣ не слышалъ, какъ Онъ говорилъ, что *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Матѳ. III, 17), когда Сынъ стоялъ въ іорданскихъ волнахъ? Не сказалъ, что *Сей есть Сынъ Мой*, Котораго Я создалъ, или: Котораго Я сотворилъ? Но сказалъ: *о Немже благоволихъ*. Ужели ты отвергаешь даже и этотъ голосъ? И опять говоритъ: *снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Іоан. VI, 38). Кому Онъ говорилъ? Конечно, іудеямъ; такъ какъ они говорили Ему: это—сынъ плотника, и взирали на Него, какъ на безбожника, то поэтому Онъ и сказалъ, что *снидохъ съ небесе*. И такъ какъ они говорили, что Онъ — безбожникъ, то поэтому Онъ говорилъ имъ, что не пришелъ творить *волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца*. Такъ какъ они, повидимому, почитали Отца, а Его отвергали, то поэтому Онъ снисходилъ къ ихъ

немощи, потому что какимъ образомъ былъ посланъ Тотъ, Кто вездѣ находится, Кто все наполняетъ? Итакъ, видишь, что ради іудеевъ сказалъ, что *снидохъ съ небесе.* Неужели Онъ ска-
1080 залъ ради Себя Самого? Вѣдь ты не имѣешь оправданія? Но они приводятъ намъ и другое свидѣтельство, принадлежащее апостолу, который говоритъ: *единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. VIII, 6). Ты говоришь, что нѣтъ иного Бога, такого, какъ Отецъ? И я тебѣ говорю, что нѣтъ иного Господа, такого, какъ Сынъ. Что же мы споримъ? Нѣтъ, да не будетъ! Поэтому посмотримъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ Павелъ, и ради кого это сказано. Но со тщаніемъ обращайте вниманіе на мое слово. Такъ какъ эллины почитали многихъ боговъ, а іудеи допускали единоначаліе, то для того, чтобы упразднить и многобожіе, и единоначаліе, онъ говорилъ: *аще бо и суть бози мнози и господіе мнози, или на небеси, или на земли, но намъ единъ Богъ Отецъ* (—5, 6). И сказавъ: *единъ*, онъ упразднилъ многобожіе потому, что гдѣ — одинъ, тамъ нѣтъ многихъ; а сказавъ объ *Отцѣ*, упразднилъ единочаліе, потому что гдѣ—отецъ, тамъ ясно, что — и сынъ. Итакъ, по этой причинѣ онъ сказалъ: *единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся.* Видишь, что Павелъ обращался къ эллинамъ и іудеямъ; поэтому и сказалъ: *единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся*, такъ какъ все произошло чрезъ Сына, видимое и невидимое. И послушай, чтó говоритъ Іоаннъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 1—3). Видишь, что Онъ—Творецъ *всяческихъ.* Ужели ты дерзаешь доказать мнѣ, что Сынъ считается вмѣстѣ со всѣмъ сотвореннымъ? Но, неблагодарные, доколѣ вы будете обходить Писанія, собирая съ нихъ цвѣты, чтобы какимъ-нибудь образомъ сказать, что Сынъ—созданіе и тварь? Желаете узнать? Если они услышатъ о Сынѣ рѣчь возвышенную или соотвѣтственную Божію достоинству, то приходятъ въ неистовство; думаютъ, что кто-либо ввергаетъ въ ихъ уста навозъ. Я хочу представить вамъ примѣръ. Если кто сожигается немощію и сильными лихорадками и если онъ почувствуетъ облегченіе, то врачи приказываютъ обмазывать уста его медомъ; вотъ дѣлаютъ такъ, какъ приказываютъ врачи; но, когда о больномъ станутъ заботиться слуги, то онъ думаетъ, что медъ—горекъ; и хотя присутствующія лица говорятъ: „это—медъ, господинъ, онъ — прекрасенъ", убѣждая больного, но все же въ устахъ его медъ кажется горькимъ, не потому, что медъ горекъ,—вѣдь что слаще меда?—не въ силу природныхъ свойствъ меда, но вслѣдствіе немощи того, кто не принимаетъ его въ себя; точно

такъ же происходитъ и съ этими: если они услышатъ объ Единосущномъ, то думаютъ, что имъ даютъ пить горечь, и это происходитъ не вслѣдствіе слова того, кто говоритъ, но въ силу немощнаго слуха того, кто не переноситъ слова. Отецъ называетъ Сыномъ; подобнымъ образомъ—и апостолы, а они—тварью и созданіемъ. Какимъ образомъ Онъ—тварь? Рожденіе и твореніе—одно и то же? Если всякій раждающій творитъ и всякій творящій раждаетъ, то мы найдемъ, что всѣ творенія—сыны Божіи; такъ какъ все произошло чрезъ Сына, то слѣдовательно, Кто сотворилъ это, Тотъ и родилъ. Видишь, что творенія—сыны Божіи, соотвѣтственно тому, какъ ты говоришь? Доколѣ вы—останетесь неблагодарны? Скажите мнѣ, какимъ образомъ почитается Сынъ? Тѣмъ—что Онъ называется Сыномъ? Называешься и ты. Но что? Богомъ? И ты. Но ты можешь сказать мнѣ: Тотъ—Сынъ на дѣлѣ, ты же по имени. Если—на дѣлѣ, то, слѣдовательно Онъ—Сынъ. Видишь, что уста твои обличаютъ тебя? [Ни мало не—тварь, вовсе не—созданіе]. Тотъ—Сынъ по естеству, а ты по названію; Тотъ рожденъ отъ вѣчнаго Отца, а ты созданъ изъ подлежащаго вещества. Это же мною сказано противъ іудеевъ и эллиновъ, и еретиковъ. Но мы прославимъ Отца и Сына и Святаго Духа, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ВЕСЬМА ПОЛЕЗНОЕ СЛОВО

о вѣрѣ, и о законѣ природы, и о Святомъ Духѣ.

Всяко Писаніе богодухновенно и полезно (2 Тим. III, 16), 1081
имѣя Духа истины началомъ и источникомъ благочестія. Отъ святаго и покланяемаго Духа, какъ бы отъ нѣкотораго богатаго и плодотворнаго источника, текутъ всѣ божественные потоки. И то, что постановляетъ законъ, что пророчествуютъ пророки, что возвѣщаютъ апостолы, все это поистинѣ усвояется и приписывается Святому Духу: *вся дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11). Поэтому блистаютъ всякія красоты благочестія и сіяютъ слова истины, и изливаются сокровища боговдохновенной мудрости: сокровища, не въ землѣ скрывающіяся, но созерцаемыя въ глубинѣ благочестія, сокровища, веселящія души, озаряющія мысли, обращающія вселенную, обогащающія всю нищету Адама. Подобно тому какъ, совлекши съ себя первообразную красоту благочестія, онъ былъ низведенъ въ большое уничиженіе, такъ чрезъ

снисхожденіе Спасителя нашего, Бога—Слова, онъ обогащенъ. И свидѣтельствуетъ Павелъ, въ одномъ мѣстѣ говоря слѣдующимъ образомъ: благодарю Бога, яко во всемъ обогатистеся о Немъ, во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ (1 Кор. I, 4, 5). Принимающій Божіе слово обогащается; не принимающій же Божія слова дѣлается бѣднымъ. Также Іеремія свидѣтельствуетъ, говоря: *и азъ рѣхъ: негли убози суть, того ради не возмогоша* слушать слово Господне (Іерем. V, 4). Но бѣдный злословится, а богатый величается, богатый словомъ истины, цвѣтущій добродѣтелями плодоноснаго любомудрія, каковъ былъ Давидъ, говорящій: *азъ же, яко маслина плодовита, въ дому Божіи* (Псал. LI, 10)—плодоносная маслина, не листьями красующаяся, но отягченная плодами благочестія. Часто бываетъ, что душа, красующаяся вѣтвями и листьями, не приноситъ, однако, плода, подобно тому какъ Іеремія [1]) говорилъ объ Израилѣ: *виноградъ благолозенъ Исраиль* (Осіи X, 1)—*благолозенъ*, необильный плодами. Тотъ былъ именно таковъ; пророкъ же восторгается, говоря: *азъ же, яко маслина плодовита*, не вовнѣ цвѣтущая, но отягченная внутренними плодами, въ домѣ Божіемъ плодоносная маслина, потому что не хорошо жительство внѣ дома Божія. Дѣйствительно, ты найдешь, что многіе и внѣ слова истины блистаютъ добрыми повидимому дѣлами, ты найдешь мужей сострадательныхъ, милостивыхъ, заботящихся о справедливости; но у дѣлъ нѣтъ никакого плода, такъ какъ (эти люди) не знали дѣла истины. И эти дѣла прекрасны, но должно, чтобы шло впереди дѣло высочайшее. Когда іудеи нѣкогда говорили къ Господу: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія* (Іоан. VI, 28), Онъ отвѣтилъ имъ: *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Тою, Егоже посла Онъ* (—29). Смотри, какъ Онъ назвалъ вѣру дѣломъ. Итакъ, въ одно время съ тѣмъ, какъ повѣришь, вмѣстѣ съ этимъ ты разцвѣлъ и дѣлами, и не потому, что у тебя недостаетъ дѣлъ, а потому, что вѣра сама по себѣ полна добрыхъ дѣлъ. Дѣла бываютъ въ отношеніи къ людямъ и отъ людей, а вѣра—отъ людей въ отношеніи къ Богу; вѣра дѣлаетъ того, кто обращается, небеснымъ гражданиномъ; вѣра содѣлываетъ человѣка, сотвореннаго изъ земли, собесѣдникомъ Божіимъ; ничто не бываетъ хорошимъ внѣ вѣры. Кажутся мнѣ, братіе,—чтобъ мнѣ воспользоваться нѣкоторымъ подобіемъ слова,—кажутся мнѣ цвѣтущіе добрыми дѣлами и невѣдѣвшіе Бога благочестія похожими на останки мертвецовъ, хотя и прекрасно одѣтыхъ, но неимѣющихъ чувствованія прекраснаго. Что за польза въ мертвой душѣ, омертвѣлой для Бога—Слова, но облеченной добрыми дѣлами? Дѣла происхо-

---

[1]) Слѣдовало бы: «Осія».

дить, благодаря надеждѣ на отплату и вѣнцы. Если же ты не знаешь Подвигоположника, то за кого подвизаешься? Не должно, чтобы вѣра была лишена дѣлъ, для того, чтобъ она не была поругаема; однакожъ, вѣра—выше дѣлъ. Подобно тому какъ у людей, заслуживающихъ имени человѣка, прежде всего необходимо, чтобъ на первомъ мѣстѣ шла жизнь и чтобъ такимъ образомъ они питались (потому что пища сохраняетъ нашу жизнь),—точно также необходимо, чтобы впереди нашей жизни шла надежда на Христа и чтобъ она потомъ была питаема и добрыми дѣлами. 1082
Часто возможно жить тому, кто не питается, но неживущему невозможно питаться. Моисей постился сорокъ дней (Исх. xxxiv, 28), но, такъ какъ имѣлъ въ себѣ самомъ живое слово, то недостатокъ въ земномъ нисколько не повредилъ ему. Такъ бываетъ и относительно душевнаго состоянія; должно, чтобъ душа питалась дѣлами, но надлежитъ, чтобъ прежде дѣлъ была принимаема вѣра; ты не можешь представить человѣка—жившаго и совершавшаго дѣла справедливости безъ вѣры, а вѣрнаго безъ дѣла я могу указать, что онъ и жилъ, и удостоенъ царства. Никто не жилъ безъ вѣры; разбойникъ же, увѣровавъ только, былъ оправданъ (Лук. xxiii, 40—43). И не говори мнѣ: онъ не имѣлъ времени жить праведно, потому что и я не оспариваю этого, но указываю на то, что вѣра сама по себѣ спасла. Еслибы онъ съ вѣрою остался въ живыхъ и пренебрегъ дѣлами, то лишился бы спасенія. Разсматривается же теперь и разслѣдуется то, что и вѣра сама по себѣ спасла, а дѣла сами по себѣ никогда не оправдывали совершителей. И желаемъ тщательно увидѣть, что дѣла безъ вѣры не животворятъ? Имѣлъ доброе о себѣ свидѣтельство Корнилій изъ-за дѣлъ милостыни и молитвъ (Дѣян. x); но онъ не зналъ Христа, вѣруя Богу, но еще не узнавъ Слова Божія. И такъ какъ дѣла были прекрасны и удивительны, то они были угодны Раздаятелю благъ и любвеобильному Богу; но такъ какъ великій глазъ правды и истины, нелицепріятный и праведный Судія видѣлъ, что хотя дѣла прекрасны, но мертвы, потому что не имѣютъ вѣры, то послалъ божественнаго ангела, раздающаго награды за дѣла, чтобъ прекраснаго борца увѣнчать вѣрою; тотъ говоритъ ему: Корнилій, *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога* (Дѣян. x, 4). Поэтому, если была услышана молитва, говоритъ онъ, и были приняты милостыни, то чего мнѣ недостаетъ для праведности? Итакъ, пошли въ Іоппію, говоритъ ангелъ, *и призови Симона нарицаемаго Петра* (—5), который, придя, скажетъ *тебѣ глаголы, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой* (—6). Вотъ, дѣла не могли спасти. Если, благодаря тому, что̀ возвѣщаетъ Петръ, спасается и самъ Корнилій, и домъ его, то Корнилій еще не имѣлъ спасенія по причинѣ дѣлъ,

пока вѣра не водворилась въ немъ—рядомъ съ его дѣлами. Поэтому и Петръ, блаженный и чтимый Христомъ апостолъ, придя изъ Іоппіи и увидѣвъ Божію благодать, излитую на тѣхъ, которые тогда считались иноплеменниками, проникнувъ въ Божіе опредѣленіе, говоритъ: *поистиннѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языцѣ дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть* (Дѣян. х, 34—35). Не сказалъ: *во всякомъ языцѣ дѣлаяй правду* спасается, но: *пріятенъ есть*, то есть, дѣлается достойнымъ того, чтобъ быть принятымъ. Поэтому должно, чтобъ вѣра блистала прежде дѣлъ и чтобъ за вѣрою слѣдовали дѣла. И никто да не поноситъ вѣры изъ-за ея безплодія, ни безчеститъ дѣлъ изъ-за невѣрія. Сдѣлайся плодоносною маслиною, но въ домѣ Божіемъ. Прекрасныя дѣла выражаютъ то, что разумѣется подъ плодоносною маслиною, а слова: въ домѣ Божіемъ—указываютъ на вѣру. Какія же дѣла Божіи? Всѣ мы ихъ знаемъ, если пожелаемъ совершать, и ничто не скрыто. То, что касается догматовъ, подвергается сомнѣнію, а то, что касается дѣлъ, не скрыто, потому что природа диктуетъ законы. Мы знаемъ отъ насъ самихъ о томъ, что̀—прекрасно и что̀—дурно; Богъ вложилъ въ природу неписанный законъ, озаряющій наши мысли. Никто пусть не говоритъ: я не прочиталъ закона, я не знаю того, что относится къ закону, потому что, если ты отвергнешь общій законъ, то законъ природы изобличитъ тебя. Хочешь узнать, что Богъ въ природѣ утвердилъ законы, различающіе что̀—хорошо и что̀—дурно? Спроси нашу обиходную жизнь о томъ, какъ всѣ тѣ, кто дѣлаетъ зло, уклоняются отъ наименованія злыми; какъ именно, послушай: прелюбодѣй прелюбодѣйствуетъ, но краснѣетъ отъ стыда, если его называютъ прелюбодѣемъ. Скажи явному прелюбодѣю: прелюбодѣй!—и чему онъ, совершая это, радуется, о томъ слыша стыдится. Итакъ, если ты думаешь, что грѣхъ—нѣчто хорошее, то зачѣмъ избѣгаешь наименованія? Ска́жи клятвопреступнику: клятво-
1033 преступникъ!—и наименованіе своихъ собственныхъ дѣлъ онъ сочтетъ за оскорбленіе. Такимъ образомъ, сама природа вопіетъ, что дурное—чуждо дѣла Божія. А то, что сотворилъ Богъ, прекрасно и очень прекрасно, до такой степени прекрасно, что, соприкасаясь со зломъ, краснѣетъ отъ стыда предъ порокомъ. Скажи цѣломудренному: цѣломудренный!—и какимъ дѣломъ онъ услаждается, не стыдится и предъ названіемъ его. Назови справедливаго справедливымъ,—онъ и дѣломъ увѣнчивается, и названіемъ украшается, потому что, хотя въ силу совѣстливости онъ и отважется отъ имени, но въ душѣ принимаетъ похвалу. Размысли, сколь великій порокъ живетъ въ мірѣ и остается незамѣтнымъ! И какимъ образомъ остается незамѣтнымъ? Если ты будешь съ

точностью изслѣдовать отдѣльныя части, то не найдешь никакого порока, который являлся бы въ своемъ собственномъ видѣ, — если онъ не возьметъ себѣ взаймы вида у добродѣтели, то не показывается; и — какимъ образомъ, слушай: тотъ, кто лжетъ, лжетъ, не сознаваясь во лжи, но, поддѣлываясь подъ истину, обманываетъ; тотъ, кто поступаетъ несправедливо, не возвѣщаетъ того, что́ есть, но представляется тѣмъ, что́ не есть, и тогда совершаетъ несправедливость. Подобнымъ образомъ коварный человѣкъ не показываетъ коварства, но надѣваетъ на себя личину дружбы, и совершаетъ дурное дѣло; прелюбодѣй, не сознаваясь въ преступномъ прелюбодѣйствѣ, вторгается въ жилище, но надѣвая на уста личину цѣломудрія, попираетъ божескія права. Видишь ли, что порокъ не имѣетъ своего собственнаго лица? Подобнымъ образомъ и клеветникъ, всякій разъ какъ является въ судилище, входитъ, не объявивъ того, что́ именно есть, но представивъ по виду свидѣтеля истины, своею ложью показываетъ свидѣтеля порока. Такимъ образомъ порокъ не имѣетъ своего собственнаго лица, если не возьметъ взаймы лица у добродѣтели. Поэтому Спаситель говорилъ: придутъ *къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Матѳ. VII, 15). Но возвратимся къ вопросу, подлежащему обсужденію.

2. Хочешь узнать, братъ, какую силу имѣетъ врожденный законъ? Душа наша, хотя бы она погрязла въ порокахъ, привѣтствуетъ доброе имя. Часто многіе властители, исполненные корыстолюбія и ни о чемъ другомъ не помышляющіе, кромѣ грабежа и неправды, склоняются на просьбы нѣкоторыхъ, чтобы или облегчить бѣдняку належащую нужду, или уступить что-либо изъ долга, или не отомстить оскорбившимъ или вознамѣрившимся оскорбить. И пришедшій, для того, чтобы прекрасно исполнить посольство предъ мужемъ — могущественнымъ и дурнымъ, не тотчасъ начинаетъ съ истины; не говоритъ ему того, что онъ есть, но приписываетъ ему имя добродѣтели. [Или не знаешь, какъ всегда притворяются лица, хорошо исполняющія обязанности пословъ?]. Ты, говоритъ онъ, добродѣтельный мужъ; твое имя прославлено, всѣ воспѣваютъ твои хорошія дѣянія; и многое таковое присоединяетъ для убѣжденія, чтобы склонить его похвалою и чтобы онъ уклонился отъ дурного дѣла. Смотри, какъ порокъ побѣждается похвалами за добродѣтель. Ни одинъ злой не желаетъ называться злымъ, потому что привѣтствуетъ то, что ей свойственно, хотя свободное рѣшеніе и избираетъ противное. Итакъ, возлюбленные, сдѣлаемся плодоносною маслиною, процвѣтемъ и дѣлами, и плодами, и листьями. Листья наши — рѣчи, плоды — образъ жизни. Пусть и слово твое будетъ честно, и образъ жизни плодоносенъ,

потому что у благочестиваго человѣка нѣтъ даже и листа отвергнутаго. *Листъ его,* говоритъ Давидъ, *не отпадетъ, и вся елика аще творитъ, успѣетъ* (Псал. I, 3). Но, о, чудо! Я размышлялъ о томъ, какимъ образомъ Адамъ нагой вышелъ изъ рая и какимъ образомъ Давидъ цвѣтетъ въ жилищѣ Божіемъ. Одинъ вышелъ нагимъ по причинѣ преступленія, а другой, облекшись въ добродѣтели, взываетъ: *азъ же, яко маслина плодовита* (Псал. LI, 10). Ничто въ такой степени не лишаетъ насъ оружія, какъ безплодіе; и ничто такъ не одѣваетъ насъ, какъ плодородіе чрезъ посредство добрыхъ дѣлъ. Адамъ былъ сотворенъ,—повторимъ и еще сказанное, такъ какъ повтореніе хорошаго укрѣпляетъ въ душахъ ученіе. Подобно тому какъ окрашиваемая шерсть постоянно кладется въ краски, для того чтобы краска глубже запечатлѣла на ней свои свойства,—такъ же нужно, чтобы и наши души непрерывно погружались въ божественныя слова, для того, чтобы было отмыто древнее поношеніе и чтобы мы облеклись въ новую красоту. Та шерсть, всякій разъ какъ приметъ краску, оставляетъ имя естества и принимаетъ наименованіе краски; и уже не называешь ее болѣе шерстью, но порфирою или багряницею, или зеленою матеріею, или чѣмъ-либо подобнымъ, смотря по тому, какую красоту сообщила окрашенной шерсти краска. Итакъ, если краска измѣняетъ имя естества, то естество Божіе не измѣняетъ ли человѣка, такъ что одинъ и тотъ же до погруженія въ воду былъ въ земномъ
1084 образѣ, послѣ же погруженія получилъ блестящій небесный образъ? Итакъ, Адамъ былъ сотворенъ бѣднымъ изъ земли: Богъ, взявъ прахъ, образовалъ его. Но Адамъ не видѣлъ, какимъ образомъ онъ былъ сотворенъ, какъ я прежде сказалъ, такъ какъ не нужно было, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ того, что происходило, для того, чтобы не сталъ превозноситься предъ Богомъ. Если онъ, окруженный столь великимъ уничиженіемъ, превозносится и не знаетъ Создателя, и отвергаетъ Сотворившаго, то въ томъ случаѣ, еслибъ онъ получилъ нѣчто превышающее его природу, кто вмѣстилъ бы безмѣрность его высокомѣрія? Поэтому Богъ, сотворивъ человѣка, вложилъ въ твореніе и великія силы, и многое, свидѣтельствующее объ его уничиженіи, чтобы чрезъ лежащую въ немъ силу встрѣчала себѣ удивленіе благодать Художника, а чрезъ уничиженіе прекращалось человѣческое высокомѣріе. Далъ ему говорящій языкъ, прославляющій Бога, воспѣвающій божественное, изъясняющій красоты творенія. Разсуждаетъ о небѣ и землѣ небольшой кусочекъ плоти—языкъ, не имѣющій мѣры даже и двухъ пальцевъ; и что̀ я говорю: пальцевъ? Даже и края ногтя; но и этотъ небольшой и ничтожный кончикъ говоритъ о небѣ и землѣ. И чтобы не подумалъ, что онъ—нѣкоторая великая вещь, и чтобы

не превозносился превыше своего естества, онъ часто подвергался и опухолямъ, и ранамъ, дабы зналъ, что, будучи смертнымъ, говоритъ о вѣчныхъ и безсмертныхъ предметахъ, и былъ приведенъ къ разумѣнію, какая сила у того, что возвѣщается, и какая немощь у возвѣщающаго. Онъ далъ ему глазъ—это маленькое зерно, такъ какъ то, что видитъ, есть средина, самая средняя часть зрачка; и, однако, съ помощію этого маленькаго зерна онъ созерцаетъ всю тварь. И для того, чтобы онъ, обхватывая своимъ взоромъ всю тварь, не превозносился, часто происходитъ помутнѣніе зрѣнія и глазныя болѣзни, и нагноенія въ глазахъ, и слезы, и подобное,—это для того, чтобы онъ узнавалъ себя самого, благодаря своей немощи, а за твореніе прославилъ Художника. Онъ далъ ему мыслящее сердце, корень разсужденій, источникъ помышленій; но въ этихъ самыхъ мѣстахъ образовалъ и внутренности, которыя наполняются нечистотами и всякою другою мерзостью и чрезъ посредство которыхъ человѣкъ ѣстъ,—чтобъ, всякій разъ какъ сердце станетъ превозноситься, чрево удержало его, такъ что и чрево, и нечистота необходимы для воспитательнаго руководства. Если человѣкъ, нося нечистоту, дерзаетъ проявлять наглость и не просто обнаруживать наглость, но даже противъ Бога, подобно тому какъ осмѣлился сказать одинъ варварскій царь: *выше звѣздъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему* (Иса. XIV, 13—14); если, нося столь великую нечистоту и мерзость, такъ говоритъ, то, еслибы онъ былъ совершенно свободенъ отъ этой немощи и ничтожества, кто могъ бы стерпѣть его—превозносящагося? Поэтому великій Исаія [1]) говоритъ высокомѣрнымъ: *почто гордится земля и пепелъ* (Іис. Сир. X, 9)? Но снова возвратимся къ вопросу, подлежащему обсужденію. Богъ создалъ человѣка изъ праха; но человѣкъ не видѣлъ, какимъ образомъ онъ произошелъ, поэтому и не зналъ своего ничтожества: Богъ, какъ я прежде сказалъ, не сотворилъ души рожденною прежде тѣла, чтобы она не видѣла творенія. Однакожъ, такъ какъ онъ совершенно не знаетъ, изъ какого онъ явился уничиженія и—что Творецъ создалъ его изъ земли, Онъ возвращаетъ его въ землю, изъ которой взятъ, чтобы, снова опытомъ узнавъ свою немощь, онъ узналъ и о древнемъ благодѣяніи и о будущемъ человѣколюбіи, потому что, когда онъ былъ сотворенъ, онъ не видѣлъ, что произошелъ изъ земли. Обрати тщательное вниманіе, изъ опасенія, чтобъ мысль не ускользнула отъ тебя. Когда былъ творимъ Адамъ, то онъ не видѣлъ, что возникъ изъ земли; но, когда онъ пробуждается въ воскресеніи, то знаетъ, что пробуждается, совлекши съ себя прахъ, потому что хотя мертвый

---

[1]) Слѣдовало бы: *Іис. Сир.*

и не видитъ самого себя, но видитъ того, кто умеръ прежде него. Мы видимъ умершихъ и разрѣшившихся въ прахъ, и чрезъ то, что̀ видимъ, воспитываемся. Не видѣлъ ли ты часто наглыхъ и высокомѣрныхъ мужей, какъ уничиженны и кротки бываютъ они, умирая? Возвѣщается смерть, и сердце всѣхъ трепещетъ, гордость всѣхъ низвергается; и мы любомудрствуемъ около гробницъ,—когда увидимъ обнаженныя кости, и когда поразмыслимъ о. человѣческомъ естествѣ, изъѣденномъ и разрушившемся, то тотчасъ любомудрствуемъ другъ съ другомъ: вотъ чѣмъ мы дѣлаемся и куда удаляемся! Такъ мы говоримъ, а вышли изъ могилъ—и забыли про
1085 уничиженіе. При могилѣ каждый говоритъ своему ближнему приблизительно слѣдующимъ образомъ: о, несчастіе! о, жалкая наша жизнь! Смотри, чѣмъ мы становимся. И однако,—хотя и говоримъ это,—совершаемъ нѣкоторыя хищенія, и кричимъ, и памятозлобствуемъ. Каждый прямо такъ разсуждаетъ, какъ будто онъ намѣренъ совершенно отречься отъ порока; внутри словами разсуждаетъ, а вовнѣ дѣлами противится Богу. Поэтому Богъ устроилъ, чтобы всюду были сооружены гробницы, напоминающія намъ о нашей собственной немощи; вслѣдствіе этого всякій городъ, всякое селеніе предъ входами въ нихъ имѣетъ могилы. Иной спѣшитъ войти въ царствующій городъ, цвѣтущій богатствомъ и могуществомъ и остальными достоинствами; и прежде чѣмъ увидитъ то, что воображаетъ, сначала видитъ то, чѣмъ самъ онъ дѣлается. Гробницы предъ городами, могилы предъ полями; всюду наука о нашемъ уничиженіи лежитъ предъ глазами, мы научаемся прежде всего тому, во что̀, наконецъ, разрѣшаемся, и тогда уже видны внутренніе образы; и не только это, но, и намѣреваясь входить часто въ общеніе съ жизнью, научаемся крайнему уничиженію естества. Часто мужъ, послѣ того какъ желаетъ взять женщину, диктуетъ пишущему законы относящіеся къ приданому дары. Еще не произошло соединенія, и тотчасъ вписывается смерть; еще не насладился сожительствомъ и бракомъ, и тотчасъ опредѣляетъ для себя смерть; еще не увидѣлъ супруги, и напередъ уже полагаетъ предъ собою жребій смерти какъ противъ себя самого, такъ и противъ той, и пишетъ такъ: если же умретъ мужъ прежде жены, если жена — прежде мужа, то должно быть то и то. Такимъ образомъ, древніе законы всегда для всѣхъ утвердили напоминанія объ естествѣ; и не только относительно существующаго и живущаго полагаются жребіи смерти, но и касательно того, что еще не произошло. Что̀ именно говоритъ? Если же имѣющее родиться дитя умретъ... Еще нѣтъ плода, и уже произнесено мнѣніе. Далѣе, и въ завѣщаніяхъ обнаруживаетъ пониманіе естества; а если испытаетъ что-либо изъ слу-

чающагося съ человѣкомъ или если умретъ жена, то забываетъ о томъ, что̀ писалъ, и произноситъ другія трагическія слова: и это, говоритъ, надлежало мнѣ испытать? Ожидалъ ли я, что перенесу это и лишусь супруги? Что же? Ты забылъ о томъ, что написалъ? Когда дѣла еще не наступили, то ты понималъ границы естества; когда же подвергся страданіямъ, то позабылъ о законахъ естества? Это говорится для вразумленія всѣхъ, для того, чтобъ всѣ все случающееся переносили благородно, чтобы не думали, что Божіи опредѣленія — наказаніе. Не любомудрствуй, когда еще нѣтъ бѣдствій; но — тогда, когда окажешься застигнутымъ страданіями, обнаружь величіе души; когда печалишься, вспомни слова, которыми утѣшаешь печалящагося. Какія произносимъ слова въ отношеніи къ печалящимся? Не такъ ли разсуждаемъ съ ними: эти несчастія — человѣческій удѣлъ; ты не одинъ только терпишь это несчастіе, не одинъ только перенесъ насиліе со стороны смерти; это переносятъ и цари, часто испытывали это бѣдствіе и правители, испытываютъ его и владѣтели; пойми свое естество; ты—человѣкъ; вмѣстѣ со всѣми и самъ ты имѣешь общіе законы природы?....

3. Это и бо̀льше этого говоришь ты, когда утѣшаешь другого. Или въ самомъ дѣлѣ ты — благородный учитель другихъ, а въ отношеніи къ себѣ самому даже не — жалкій ученикъ? Свойство великой и благородной души — любомудрствованіе среди самаго разгара бѣдствій. Если кто можетъ при каждомъ несчастіи или печали, или потерѣ говорить: *Ты, Господи, праведенъ и приговоры Твои — правы,* то онъ терпитъ потерю, какъ человѣкъ, но увѣнчивается, какъ боголюбецъ. Жизнь, братья, преисполнена большой трудности, и непремѣнно должно и праведному и неправедному, и благочестивому и нечестивому страдать. Но велико различіе: иное значитъ — быть наказываему, въ качествѣ домашняго человѣка, и иное—быть бичуему, въ качествѣ чужого. Получаетъ удары сынъ, получаетъ удары и слуга; но одинъ, какъ впавшій въ грѣхъ рабъ, а другой, какъ свободный и какъ сынъ, нуждающійся во взысканіи съ него; эти удары не производятъ равной почести. Если благочестивый потерпитъ то, что терпитъ нечестивый, то онъ не дѣлается равночестнымъ съ нечестивымъ; но этому (т. е. благочестивому) наказаніе вмѣняется въ скорбь и испытаніе, а нечестивому въ бичеваніе и наказаніе. Поэтому, зная о такихъ затруднительныхъ положеніяхъ, блаженный Давидъ говоритъ о праведныхъ: *многи скорби праведнымъ* (Псал. XXXIII, 20). Но смотри на то, что присоединяется: *и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (—20). Еще не сказалъ о скорби, а показалъ исцѣленіе. О противоположныхъ же людяхъ говоритъ: 1066

многи раны грѣшному (Псал. XXXI, 10), и ничто не присоединяется имъ; между тѣмъ многи скорби праведныхъ, и отъ всѣхъ ихъ Господь избавитъ ихъ. Но кто-либо, слыша это, да не отчаивается въ самомъ себѣ и да не говоритъ: итакъ, если я получаю удары, какъ грѣшникъ, не имѣя надежды, то наказаніе это для меня — безплодно. Теперь Писаніе назвало грѣшника, не совершенно чуждаго благочестія, но страдающаго, до нѣкоторой степени благочестиваго, но падающаго въ человѣческихъ дѣлахъ. Вѣдь Богъ милостивъ къ грѣшникамъ, все Писаніе полно залоговъ Божія человѣколюбія. Оно говоритъ: *живу Азъ, глаголетъ Господь*, не хочу *смерти грѣшному*, но *еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 3. 23). Богъ клянется, не потому, что не довѣряетъ Себѣ, но выводя наше невѣріе въ состояніе вѣры. Поэтому всякій человѣкъ, испытываемый скорбями, пусть говоритъ: *праведенъ Ты, Господи, и правы Твои приговоры*, — и вмѣстѣ съ этимъ онъ обнаружитъ благородную душу, и не нарушитъ благочестія. Таковъ, напр., былъ блаженный Іовъ, который велъ борьбу противъ всякихъ страданій, побѣдилъ всѣ діавольскіе ужасы, ослабилъ все діавольское неистовство, твердостію своего образа мыслей сокрушилъ діавольскія волны, всего одновременно лишился и не отрекся отъ Господа всѣхъ. Но его воинскіе подвиги будутъ изложены въ особой рѣчи, такъ какъ поистинѣ они требуютъ особаго времени для ихъ изслѣдованія, чтобы мимолетностью своихъ рѣчей намъ не оскорбить его подвиговъ; будемъ, однакожъ, имѣть предъ глазами то, что именно сказалъ тотъ благоразумный мужъ и великій подвижникъ. Онъ налагаетъ на сказанное печать; лишенный всего онъ не отвергся благочестія, но говоритъ: *Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако* и *бысть* (Іов. I, 21). Прекрасно сказалъ — *изволися*: уступаетъ достоинству, не любопытствуетъ напрасно относительно управленія; не сказалъ, какъ мы говоримъ: почему молодые умираютъ, а старики остаются? Какое это управленіе? Старикъ сильно желаетъ смерти, имѣя разслабленную плоть и терпя недостатокъ въ деньгахъ и во всакомъ иномъ утѣшеніи; но не получаетъ исполненія желанія; а отрокъ обладающій милою красотою, вожделѣнный для своихъ родителей, похищается безвременно? Научись не разслѣдовать таковое, научись говорить: *судьбы Твоя — бездна многа* (Псал. XXXV, 7); научись говорить: *праведенъ еси, Господи, и прави суди Твои* (Псал. CXVIII, 137); научись говорить: *яко Господеви изволися, тако и бысть*; познай достоинство Божіе, чтобы познать благочестіе. Но такъ какъ слово вторглось въ славу Святаго Духа, то скажемъ что-либо изъ догматовъ для нашей безопасности и утвержденія. По-

добно тому какъ Іовъ, сказавъ: *яко Господеви изволися*, показалъ достоинство и господство,—такъ и апостолы, показывая Господнее достоинство Святаго Духа, говорятъ: *изволися Святому Духу ничтоже возложити вамъ, развѣ нуждныхъ сихъ* (Дѣян. XV, 28). *Изволися Святому Духу*. Если Онъ—подчиненъ, то почему *изволися* Ему? Если Духъ — подъ властію законовъ и служитъ, то какимъ образомъ подчиненному *изволися*? Не то ли, что угодно царю, это и бываетъ, а не то, что приходитъ на умъ подчиненнымъ? *Яко Господеви изволися*, говоритъ Іовъ. *Изволися Святому Духу*, говорятъ апостолы. Выраженіе достоинства въ томъ и другомъ случаяхъ равноцѣнно, такъ какъ слава царства — нераздѣлима. Но порочность еретиковъ снова находитъ лазейку. Они говорятъ: апостолы, такъ какъ они сказали: *изволися Святому Духу*, а затѣмъ присоединили: *и намъ*, развѣ имѣютъ поэтому достоинство божества? Объ этомъ должно заботиться, чтобы не вложить яда своего невѣрія въ неопытныя души, чтобы не влить еретическаго нечестія въ уши невинныхъ. Они часто съ важностію говорятъ такъ: братъ, говорятъ, ничто изъ сказаннаго пусть не изумляетъ тебя! Называетъ тебя какъ бы братомъ, и—какъ врага—умерщвляетъ. Не удивляйся, говоритъ, если апостолы сказали о Святомъ Духѣ: *изволися Святому Духу*; но смотри и на то, что присоединяется: *изволися Святому Духу и намъ*, *изволися* апостоламъ. Развѣ апостолы—боги? Развѣ они имѣютъ Божіе достоинство? Всякій разъ какъ еретикъ говоритъ это, мы вынесемъ стрѣлы изъ святого Писанія, потому что *стрѣлы сильнаго изострены* (Псал. CIX, 4), посылаемыя въ сердце враговъ царя. Итакъ,
что̀ должно сказать къ нему? Если соединеніе апостоловъ со Свя- 1087
тымъ Духомъ уменьшаетъ достоинство Духа, то, слѣдовательно, и соединеніе Моисея съ Богомъ уменьшаетъ достоинство Божіе. Для примѣра я скажу: если ты не сочтешь великимъ изреченія: *изволися Святому Духу*, вслѣдствіе того, что присоединены и апостолы, то, слѣдовательно, не будешь въ состояніи называть великою даже и вѣру въ Бога, вслѣдствіе соединенія Моисея съ Богомъ, такъ какъ Писаніе говоритъ: *вѣроваша людіе Богу и Моисею* (Исх. XIV, 31). Но мы вынесемъ и другую стрѣлу: если присоединенная слава апостоловъ уничтожаетъ достоинство Духа, то оскорбляетъ Бога и уменьшаетъ Его достоинство присоединеніе къ имени Божію имени Самуила, такъ какъ написано: *и убояшася вси людіе Господа и Самуила* (1 Цар. XII, 18). Въ свою очередь, принесемъ и иную—третью стрѣлу противъ нечестія. Если умаляетъ достоинство и божескую власть Духа Свя-
таго соединеніе съ Духомъ апостоловъ, то умаляетъ достоинство 1088
Божіе и Гедеонъ, имя котораго присоединено къ имени Божію,

такъ какъ весь народъ, воюя, воскликнулъ: *мечъ Господеви и Гедеону* (Суд. VII, 20). Итакъ, подобно тому какъ Моисей соединенъ съ Богомъ, не какъ равночестный Богу, но какъ служитель Божій, и Самуилъ — съ Богомъ, не какъ равночестный, но какъ пророкъ, и Гедеонъ—съ Богомъ, не какъ равночестный, но какъ военный вождь, такъ и апостолы — съ Духомъ, какъ проповѣдники Евангелія. Поэтому познай достоинство и не оскорбляй чести Духа; познай боговдохновенное богословіе Святой Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа. Это—несозданное естество, истинное достоинство, нераздѣльное царство, недѣлимая часть, неразрывная надежда, непостижимая слава Отца и Сына, и Святаго Духа, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СВЯТОЙ
и Единосущной Троицѣ.

1087 ИЗОЩРЯЮЩІЕ свои языки противъ Святой и Единосущной Троицы, и бѣснующіеся, и замышляющіе ниспроверженіе достоинства Единороднаго Сына и Святаго Духа изобличаются самимъ Святымъ Духомъ, говорившимъ чрезъ святыхъ пророковъ, и Словомъ, которое возвѣстило о Своемъ пришествіи во плоти, бывшемъ ради насъ отъ святой Дѣвы, и неизреченномъ, и чуждомъ измѣненіи, вслѣдствіе Его достоинствъ. Будутъ же изобличены они окончательно въ день праведнаго суда Его, когда Онъ снова придетъ съ неба, чтобы прославиться во святыхъ Своихъ и явиться дивнымъ въ тѣхъ, кто сохранилъ Его вѣру неизмѣнно. Но, о, возлюбленные, ученики аріанъ и одержимые безуміемъ македоніанъ осмѣлились говорить о Богѣ великомъ и Богѣ маломъ и созданномъ, привнося къ намъ эллинизмъ. Тѣмъ свойственно покланяться твари и одного изъ своихъ боговъ считать великимъ, а другого умалять. Если недостаетъ чего-либо Сыну, или Духу, то это не — Богъ. Павелъ, порицая ихъ въ посланіи къ Римлянамъ, говоритъ: *почтоша и послужиша твари паче Творца, иже есть благословенъ* надъ всѣми Богъ (Римл. I, 25). Если же кланяются твари, называя Сына и Духа тварью, то они — прокляты согласно словамъ Моисея: проклятъ всякій, покланяющійся твари и созданію (Второз. XXVII, 15). Мы же покланяемся не твари, но несозданной Троицѣ, непреложной, неизмѣнной и единосущной, не имѣющей ничего привведеннаго или рабскаго, или достигшаго бытія вслѣдствіе приращенія, какъ бы такого, что прежде не существовало, а явилось послѣ. Смотри у

меня на свидѣтельства Святой и Единосущной Троицы и почитай Ее право, чтобы тебѣ не погибнуть. *И рече*, говоритъ (Писаніе), *Богъ*: *сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Итакъ, скажи мнѣ, съ кѣмъ Богъ совѣтуется? Съ ангелами, говоритъ. Но ангелы не имѣютъ образа Божія; говоритъ же къ творящему вмѣстѣ съ Нимъ Сыну и Святому Духу. И чтобы ты повѣрилъ, что это — истинно, послушай, чтó говоритъ псалмопѣвецъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. XXXII, 6). Но тебѣ не безъизвѣстно, что Слово—Сынъ, потому что Іоаннъ Богословъ говоритъ: *и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1); и о Духѣ: *Духъ—Богъ* (—IV, 24). Итакъ, говоритъ Богъ Отецъ къ Богу Сыну и къ Богу Духу Святому: *сотворимъ человѣка по образу Нашему*. И не сказалъ: Моему и вашему, ни: Моему и твоему. Указывая же, что образъ Святой Троицы—одинъ, (Писаніе) говоритъ: *и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. I, 27). Какъ и 1088
Павелъ взываетъ о Сынѣ: *Иже сый сіяніе славы и образъ ипостаси* (Евр. I, 3). И опять въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: *пріидите, и сошедше смѣсимъ языкъ ихъ* (Быт. XI, 7). Словомъ: *пріидите*—зоветъ равныхъ по чести. Еслибы повелѣлъ ангеламъ, то не сказалъ бы: *пріидите*, а повелительно: *идите*. Обращай же, прошу, вниманіе на голосъ Отца, призывающій Сына и Духа. Если бы сказано это было къ одному только, то Онъ сказалъ бы: *пріиди, и сошедше смѣсимъ языки ихъ*, слово же: *пріидите*—голосъ одного къ нѣкоторымъ двумъ равночестнымъ. Послушай же и блаженнаго Іова, который ясно указываетъ на нераздѣльную Троицу, такъ какъ онъ говоритъ: *живъ Господь, иже ми сице суди, и Вседержитель, иже огорчи ми душу, и Духъ Божій, сущій въ ноздрехъ моихъ* (Іов. XXVII, 2—3). Назвавши Господа и Вседержителя, и Духа Божія, онъ возвѣстилъ Единосущную Троицу. Замѣть и пѣснь серафимовъ, взывающихъ трижды: *святъ, святъ, святъ* (Иса. VI, 3). Они не говорятъ только однажды: *святъ*, и не говорятъ дважды: *святъ, святъ*, и не четырежды, и не говорятъ: святы, святы, святы, чтобы многоименность не ввела насъ въ многобожіе, но объ одномъ только, но трижды: *святъ, святъ, святъ*, такъ какъ чрезъ это они указываютъ на единое и равное славословіе Отца и Сына, и Святаго Духа. Послушай и пророка, который снова говоритъ: *Духъ Господень глагола во мнѣ, и слово его на языцѣ моемъ* (2 Цар. XXIII, 2). Прежде показано, что *Богъ бѣ Слово*. Сказавъ же о Духѣ Господнемъ и Словѣ и Господѣ, онъ возвѣщаетъ нераздѣльную Троицу. Смотри и на трехъ отроковъ въ пещи, къ славословію Бога призывающихъ всѣ твари и созданія, солнце, луну,

звѣзды, небеса, ангеловъ, силы, людей, духовъ, всю тварь—видимую и невидимую, духовную; и нигдѣ они не исчислили Сына или Духа Святаго между тварями. Ты, конечно, скажешь: они не знали о Духѣ или Сынѣ, такъ какъ были іудеями; но тебя тотчасъ изобличаетъ само Писаніе: четвертый былъ, говоритъ Писаніе, какъ подобіе Сына Божія (Дан. III, 92). О Святомъ же Духѣ говоритъ: *воздвиже Богъ Духомъ Святымъ отрока юна, емуже имя Даніилъ* (Дан. XIII, 45). А также и во многихъ другихъ мѣстахъ въ Ветхомъ Завѣтѣ былъ предвозвѣщенъ Духъ Святый. Итакъ, они знали, что Отецъ и Сынъ, и Святый Духъ—одного божества и силы; знали же и призывать то, что служило Богу, къ славословію божества. А чтобы ты узналъ, что въ Троицѣ нѣтъ мѣста ничему сотворенному или привводному, это показывалъ Павелъ, по-
1089 ставившій впереди Отца, а въ другомъ мѣстѣ—Святаго Духа, потому что онъ такъ говорилъ: *единъ Богъ Отецъ, изъ Негоже вся, и мы у Него, и единъ Господь Іисусъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. VIII, 6), и единъ Духъ Святый. Опять же говоритъ: *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляяй властію коемуждо, якоже хощетъ* (—XII, 4—6, 11), а не какъ приказывается. Когда же Сынъ крестился, Отецъ свидѣтельствовалъ съ неба, Духъ же Святый въ видѣ голубя нисшелъ на равночестнаго (Мѳ. III, 16, 17). Чрезъ все это мы научаемся усматривать единое царское достоинство нераздѣльной Троицы. Самъ же Богъ—Слово, ради насъ воистинну воплотившійся, намѣреваясь возвратиться туда, откуда Онъ и не былъ разлученъ, говоритъ святымъ Своимъ апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына, и Святаго Духа* (Матѳ. XXVIII, 10). Мы запечатлѣны, но печать Святой Троицы—едина, едино крещеніе. Итакъ, какимъ образомъ ты осмѣливаешься отчуждить отъ Отческой сущности Сына или Святаго Духа? Еслибы Они были чужды, то не исчислялись бы при крещеніи вмѣстѣ съ Отцомъ. На какомъ основаніи, согласно съ твоимъ словомъ, о, богоборецъ, Сынъ или Духъ—берутся вмѣстѣ съ Отцомъ, если они созданы? Если одно только имя Отца могло спасти крещающагося, то зачѣмъ вмѣстѣ съ Нимъ берутся творенія, какъ будто бы одинъ только Отецъ былъ не въ состояніи спасти? Да не будетъ! Итакъ, если ты проповѣдуешь о немощи Отца, избѣгая того, что—единосущно, то будешь вынужденъ самою истиною вмѣстѣ съ нами исповѣдывать Троицу—несозданную и единосущную, и всемогущую. Но ты скажешь мнѣ, что объ Отцѣ написано: *Тебе единаго истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3). Но и *Богъ бѣ Слово*

(—I, 1). И какимъ, слѣдовательно, образомъ Оно равно Отцу, когда изреченіе объ Отцѣ: *Тебе единаго истиннаго Бога* показало, что Сынъ не естественный, а усыновленный Богъ? Итакъ, что же, воюющій противъ своего собственнаго спасенія? Такъ какъ написано, какъ говоритъ Іоаннъ объ Отцѣ, что *Богъ есть свѣтъ*, а о Сынѣ, что *бѣ свѣтъ истинный*, то ужели вслѣдствіе этого ты дерзаешь говорить, что Отецъ меньшій, потому что не присоединено: свѣтъ *истинный*, но только о Сынѣ сказано: *бѣ свѣтъ истинный*? Подобно тому какъ ты не дерзаешь умалить Отца изъ-за неприсоединенія слова: *истинный*, точно такъ же, слыша объ Отцѣ: *Тебе единаго истиннаго Бога*, а о Сынѣ: *Богъ* только, не дерзни умалить Сына изъ-за противопоставленія именъ — объ Отцѣ: *Богъ истинный*, о Сынѣ: *Богъ*, въ свою очередь—о Сынѣ: *бѣ свѣтъ истинный*, объ Отцѣ же: *свѣтъ* только. Итакъ, какъ не должно дерзать говорить объ Отцѣ, что Онъ не свѣтъ истинный, и о Сынѣ, что Онъ не Богъ истинный, потому что самъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6), такъ—и о Духѣ Святомъ, потому что Онъ—Духъ истины. Чрезъ посредство этихъ свидѣтельствъ учись почитать нераздѣльную Троицу: *вся, елика имать Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI, 15), сказалъ Единородный Богъ, *сый въ лонѣ* Отца. Моисей говоритъ: *Сый посла мя* (Исх. III, 14). Сый—Отецъ, Сый—Сынъ, Сый — у Сущаго, безначально и безвременно рожденный. Все имѣетъ Отецъ, Онъ—поистинѣ жизнь и безсмертіе, и свѣтъ, и всемогущій, и Богъ, и Господь; это же имѣетъ и Сынъ. *Азъ есмь*, говоритъ Онъ, *истина и животъ* (Іоан. XIV, 6); и: *бѣ свѣтъ истинный* (—I, 9); и: *Богъ бѣ Слово* (—1). Такъ же и апостолъ Ѳома говоритъ: *Господь мой и Богъ мой* (—XX, 28), подобно тому какъ и псалмопѣвецъ говоритъ: *взыскахъ Бога рукама моима* и не обманулся (Псал. LXXVI, 2). Ѳома въ невѣріи осязалъ Слово и не обманулся, вѣрою исповѣдавъ Его Господомъ и Богомъ. Да, говоритъ онъ [1]): называю Сына Божія Богомъ, но не безначальнымъ, а сотвореннымъ; слѣдовательно, и рабомъ. И какимъ образомъ? *Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Филип. II, 6—7). Итакъ, если Онъ—рабъ, потому что всякая тварь—рабская, то какимъ образомъ, будучи рабомъ, принялъ *зракъ раба*? Какъ же *Себе умалилъ*, если не былъ 1090
совершеннымъ Богомъ? Принялъ то, чего не имѣлъ, оставшись тѣмъ, чѣмъ былъ; не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ, но, *сый во образѣ Божіи*, по человѣколюбію, не потерпѣвъ измѣненія, принялъ *зракъ раба*. Если же ты не желаешь исповѣдывать Его безначальнымъ, то, слѣдовательно, было время, когда Сына не было? Да, говоритъ. Итакъ, смотри,

---

[1]) Т. е. еретикъ.

я говорю согласно съ твоею рѣчью: было время, когда Отца не было, потому что не имѣющій сына не называется отцомъ. И Отецъ возъимѣлъ начало отчаго бытія, потому что отецъ узнается, благодаря сыну. Итакъ, развѣ было время, когда и Отецъ самъ былъ сыномъ другого отца? О, сколь великое богохульство! Думая, что почитаешь Отца совершенно, ты обнаруживаешь въ отношеніи къ Нему нечестіе. Итакъ, если Сынъ самъ сотворилъ времена и сроки [потому что *вся Тѣмъ быша*] (Іоан. I, 3), то какимъ образомъ осмѣливаемся говорить, что было время, когда Сына не было? По твоему слову, время — больше, чѣмъ Богъ-Слово, такъ какъ то, что прежде, по необходимости—и больше.

2. Но хочешь ли узнать, что Сынъ—совѣченъ Отцу? Исаія говоритъ: *Азъ* Богъ *первый и Азъ посихъ; прежде Мене не бысть инъ Богъ, и по Мнѣ не будетъ* (XLIV, 6. XLIII, 10). Итакъ, если ты говоришь, что Сынъ—позже Отца, то какимъ образомъ Отецъ говоритъ, что по *Мнѣ не будетъ инъ Богъ?* Если же ты поймешь это о Сынѣ, то какимъ образомъ Онъ говоритъ: *прежде Мене не бысть инъ Богъ?* Чрезъ это усматривай, что Сынъ — совѣченъ Отцу. Слушай же свидѣтельства, произнесенныя о Сынѣ, и избѣгай безчестить Его: *одожди Господь огнь отъ Господа, и огнь на Содомъ* (сравн. Быт. XIX, 24). Господомъ называетъ Отца, Господомъ—Сына, Господомъ—Святаго Духа, такъ какъ говоритъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. III, 17); и не сказалъ: Господь меньшій возлѣ Господа великаго. И Моисей говоритъ: *и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Второз. XXXII, 43); ангелъ же творенію не покланяется. И чтобы ты понялъ, что это сказано о Сынѣ, послушай, что говоритъ Павелъ: *егда же вводитъ перворoccнаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси ангели Божіи* (Евр. I, 6; Псал. XCVI, 7). А также и Давидъ взывалъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Псал. CIX, 1). И не сказалъ: Господь Господа моего; но сказалъ: *Господь Господеви моему. Се*, говоритъ Исаія, *Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ* (Иса. VII, 14; Матѳ. I, 23), *еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Мѳ. I, 23). Да, называю Его Сыномъ, однакожъ подчиненнымъ и меньшимъ Отца. Снова изобличаетъ тебя Исаія, говоря, что *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ; и нарицается имя Его: Велика совѣта Ангелъ, Чуденъ Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка* (Иса. IX, 6). Пророкъ провозглашаетъ *Властелиномъ, Богомъ крѣпкимъ*; а ты называешь Его подчиненнымъ? Тотъ называетъ *Велика совѣта Ангеломъ;* а ты называешь малымъ? Смотри же, прошу, что о Немъ взываетъ также и Іеремія: *Сей Богъ нашъ, не вмѣнится*

инъ къ Нему (Варух. III, 36). Объ Отцѣ рѣчь или о Сынѣ? Объ Отцѣ, говоритъ онъ. Отецъ воплотился или Сынъ? Сынъ. А по твоему слову, воплотился Отецъ. Но теперь я вижу, согласно со словомъ пророка, что—Сынъ, Который *и съ человѣки поживе* (—38). Да, Господь воплотился, а Отецъ остался безплотнымъ. Убѣдись же, о, неразумный, что онъ о Сынѣ говоритъ, слѣдующими словами: *Сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Исраилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися, и съ человѣки поживе* (—36—38). Видишь ли Его и Законоположникомъ? Вѣдь если Онъ самъ *изобрѣте всякъ путь хитрости, даде ю Іакову, отроку Своему и Исраилю возлюбленному Его*, то Онъ самъ есть и явившійся Моисею, и давшій законъ. Откуда это ясно? Послушай, что говоритъ пророкъ: *завѣщаю* вамъ *завѣтъ новъ, не по завѣту, его же завѣщахъ отцемъ* вашимъ, когда взялъ *за руку ихъ извести я отъ земли Египетскія; дая законы* 1091
Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я; и будутъ Ми въ люди, и буду имъ въ Бога (Iерем. XXXI, 31—33). Видишь, что самъ Онъ—Законодатель ветхаго и новаго завѣта? Что Онъ самъ законополагаетъ новый завѣтъ, и ты не усумнишься. *И ты Виѳлееме, доме Евфраѳовъ, еда малъ еси, еже быти* тебѣ *въ тысящахъ Іудиныхъ. Изъ тебе бо Мнѣ изыдетъ старѣйшина;* и *исходи его изъ начала отъ дней;* и Онъ *упасетъ люди Моя—Исраиля* Мих. V, 2; Матѳ. II, 6). Ты видишь — одинъ народъ Отца и Сына. Сынъ говоритъ: *буду имъ въ Бога*, и они *будутъ Ми въ люди.* Отецъ говоритъ о Христѣ: *упасетъ люди Моя—Исраиля.* Замѣчай единое царское достоинство Отца и Сына. А то, что послѣ этого слышишь отъ Него, говорящаго уничиженное, послѣ того какъ Онъ по Своему благоволенію воплотился и уничижилъ Себя ради человѣческаго спасенія, это понимай соотвѣтственно Божію достоинству: *писмя бо убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III, 6). Если къ апостоламъ, видѣвшимъ Его чудеса и во имя Его исцѣлявшимъ всякую болѣзнь, Онъ говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI 12), то что—къ іудею, гораздо болѣе тупоумному? Если, когда Онъ сказалъ: *прежде даже Авраамъ бысть, Азъ есмь* (VIII, 58), они взяли въ руки камни, чтобы побить Его ими, то какъ они снизошли бы выслушать, еслибы Онъ сказалъ имъ что-либо возвышенное? Кто-либо могъ бы найти, что такимъ образомъ и въ ветхомъ завѣтѣ многое говорится объ Отцѣ приспособительно къ тупоумію слушателей, какъ-то: *седмь (сія) очеса Господня, призирающая на всю землю* (Захар. IV, 10); и: *въ кровѣ крилу твоею покрыеши мя* (Псал. XVI, 8); и: *востани, вскую спиши, Господи* (Псал. XLIII, 24); и: *аще не обратитеся, оружіе*

свое очистить, лукъ свой напряже, и уготова и; стрѣлы своя сгараемымъ содѣла (Псал. VII, 14). Какимъ же образомъ? Божество ни окрыленно, ни одержимо сномъ, нѣтъ у Бога и меча, или лука, или стрѣлъ,—Божество безтѣлесно. Но пророкъ угрожаетъ этимъ, желая возбудить тупоуміе слушателей. Такъ и Богъ—Слово, ради насъ воплотившійся, подражая Своему Отцу, говоритъ уничиженное, обращая взоры на наше спасеніе. Послѣ того какъ думали. что Онъ—противникъ Богу, говоря, что *нѣсть сей отъ Бога* (Іоан. IX, 16); и: *о добрѣ дѣлѣ каменіе не мещемъ на Тя, но о хулѣ, яко Ты, человѣкъ сый, твориши Себе Бога* (—X, 33), и желали побить Его камнями по той причинѣ, что Онъ не только *разорялъ* субботу, но—что Отцомъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая Себя равнымъ Богу, также и по той, что они не вмѣщали возвышеннаго и достойнаго Его божества,—Онъ начинаетъ говорить уничиженное, всячески показывая, что Онъ — не противникъ Богу. *Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко иду* къ пославшему Меня *Отцу, яко Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоанн. XIV, 28). Когда Онъ дѣлалъ Себя равнымъ Отцу, то они замышляли побить Его камнями. Если же это не такъ, то ты будешь вынужденъ хвалить іудеевъ за то, что они справедливо распяли Его, какъ противника Богу, потому что тотъ, кто дѣлаетъ себя равнымъ Богу и Отцу, а на самомъ дѣлѣ не таковъ, есть противникъ Богу. Слѣдовательно, наконецъ, лжетъ Павелъ, говоря: *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филипп. II, 6). Чтò же есть Спаситель,—сообразно съ чѣмъ Онъ не воплотился? Такимъ образомъ въ изреченіи: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоанн. XX, 17) иначе называетъ Свое, сообразно съ естествомъ, и иначе наше, сообразно съ благодатію и усыновленіемъ, иначе Свое, какъ по собственному благоволенію и по созданному воспріятію и иначе наше, какъ твореній. Если же ты сомнѣваешься въ этомъ, то Онъ могъ сказать: Отцу нашему и вашему. Почему Онъ отдѣлилъ Себя, если не для того, чтобы научить насъ этому богоприличному мнѣнію? Видишь, говоритъ[1], какимъ образомъ Онъ нуждается въ помощи Отца, говоря: *нынѣ душа Моя возмутися. И что реку: Отче, спаси Мя отъ часа сего* (Іоан. XII, 27). Худо читаешь: сказалъ: *нынѣ душа Моя возмутися*, и, такимъ образомъ разлучивъ одно отъ другого, присоединилъ слова: *что реку: Отче, спаси Мя отъ часа сего, но сего ради пріидохъ на часъ сей* (—27). Чрезъ изреченіе: *сего ради пріидохъ на часъ сей* Онъ показалъ, что не избѣгалъ спасительной смерти. *Желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами*, говоритъ Онъ

[1]) Т. е. еретикъ.

(Лук. XXII, 15). *Аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене* 1092
чаша сія: обаче не моя воля, но твоя да будетъ (Матө. XXVI, 39). Развѣ онъ ужасается смерти, или не добровольно идетъ на страданіе,—Онъ, сказавшій: *подобаетъ Сыну человѣческому много пострадати и убіену быти*, и быть погребену, *и въ третій день воскреснути* (Матө. VIII, 31),—сказавшій: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19),—сказавшій: *область имамъ положити душу Мою, и область имамъ паки пріяти ю* (—X, 17, 18), и: *никтоже возметъ ю отъ Мене; Азъ полагаю ю о Себѣ*, и *Я паки пріиму ю* (18),—упрекнувшій Петра, котораго за немного времени прежде счелъ блаженнымъ за его слово: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матө. XVI, 16), а послѣ того какъ Петръ счелъ страданіе недостойнымъ Его, то услышалъ отъ Господа: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая* (—23),—вознамѣрившійся взойти въ Іерусалимъ, чтобы чрезъ Свое страданіе всѣмъ доставить спасеніе,—предвозвѣстившій чрезъ пророковъ даже и образъ Своего страданія: чрезъ Іеремію: *на Мя помыслиша помыслъ лукавый, глаголюще: пріидите и вложимъ древо въ хлѣбъ его и истребимъ его отъ земли* (Іерем. XI, 19),—знаменуя крестъ; а чрезъ Давида: *даша въ снѣдь Мою желчь, и въ жажду Мою напоиша Мя оцта* (Псал. LXVIII, 22); и: *ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои, раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одежди Моей меташа жребій* (Псал. XXI, 17, 19); и чрезъ Исаію: *плещи Мои вдахъ на раны и ланитѣ Мои на заушенія, лица же Моего не отвратихъ отъ студа заплеваній* (Иса. L, 6)? Итакъ, знаешь, что все это совершилось на крестѣ. Пилатомъ Онъ былъ битъ, рабомъ былъ заушенъ, беззаконными оплеванъ, воинами былъ пригвожденъ гвоздями на крестѣ, при чемъ они раздѣляли Его одежды и бросали жребій. Чрезъ многое предзнаменовавшій Свое страданіе, какимъ образомъ Онъ избѣгаетъ его теперь? Для чего же Онъ говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія* (Матө. XXVI, 39)? Діаволъ не зналъ, кто Онъ былъ. Видя, что терпитъ жажду, голодъ, утомляется, видя и остальныя дѣйствія Его домостроительства, подумалъ, что Онъ—простой человѣкъ, а видя Его божескія чудеса, догадывался, что Онъ—Богъ; слѣдовательно, усумнился относительно Его, не зная Его. Еслибы онъ точно зналъ, что былъ Богъ, то не дерзнулъ бы подойти къ Нему, какъ говоритъ и Павелъ: *аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. II, 8). Итакъ, Господь прикрываетъ Себя робостью, привлекая того къ Себѣ, чтобы онъ, придя къ Нему, какъ къ человѣку, былъ обращенъ Имъ въ бѣгство, и чтобы были искуплены всѣ плѣнники, которые задерживались имъ. Подобно тому какъ какой-либо царь,

намѣреваясь сразиться съ какимъ-либо слабымъ тираномъ и зная, что этотъ побѣжитъ отъ него, выдумываетъ трусость, говоря своимъ войскамъ побѣжимъ, повидимому, отъ лица его, чтобы онъ не убѣжалъ отъ насъ, но сталъ преслѣдовать, и такимъ образомъ, повернувшись, схватимъ его,—точно такъ же и Господь прикрывался робостью, чтобы діаволъ приблизился къ Нему, какъ къ человѣку, и нашелъ Его Богомъ, имѣющимъ одолѣть его и освобождающимъ всѣхъ, находившихся во власти ада. Именно такъ говорится: *явися ангелъ, укрѣпляя Его* (Лук. xxii, 43). Тотъ, Кому поклонялись ангелы и предъ Кѣмъ *преклоняется всяко колѣно небесныхъ и земныхъ, и преисподнихъ* (Филип. ii, 10), какимъ образомъ получалъ силу отъ ангела? Не силу, но славословіе ангела, говорившаго: Твое, Господи, царство и сила. *О дни томъ или часѣ никтоже вѣсть, ни ангелы, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Марк. xiii, 32; Матѳ. xxiv, 36). И какимъ образомъ, говоритъ, равенъ Отцу Тотъ, Кто не знаетъ *того дня*? Кто сотворилъ его (т. е. день), развѣ не знаетъ о немъ? И почему же говоритъ: *ни Сынъ*? Здѣсь усматривай умозрительное знаніе. Въ Писаніи можно найти два вѣдѣнія и знанія: одно, получаемое на основаніи дѣйствія, и другое—на основаніи разума. *Адамъ*, говоритъ (Писаніе), *позна Еву, жену свою* (Быт. iv, 1), не какъ прежде незнавшій ея, потому что какимъ образомъ не зналъ тотъ, кто сказалъ: *се нынѣ кость*
1093 *отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. ii, 23)? И Авраамъ позналъ Сарру, жену свою, и Іаковъ — Лію и Рахиль (— xxix). Развѣ же онъ не зналъ ихъ, ради нихъ служившій четырнадцать лѣтъ? Онъ зналъ ихъ, конечно, умомъ, а наконецъ узналъ и на дѣлѣ. Итакъ, Отецъ, не судящій никого, но весь судъ давшій Сыну (Іоан. v, 22), видѣлъ день и умственно, и на дѣлѣ; Сынъ же, придя спасти міръ, а не осудить, видѣлъ его умственно, но такъ какъ еще не судилъ, то не знаетъ дня, разумѣя знаніе практическое, т. е. самымъ дѣломъ.

3. Но Павелъ говоритъ: *разумѣйте посланника и святителя исповѣданія нашего Іисуса Христа, вѣрна суща Сотворшему Его* (Евр. iii, 1—2); и въ иномъ мѣстѣ: *Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть* (Дѣян. ii, 36); и Соломонъ: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Притч. Сол. viii, 22). Видишь, какъ Писаніе объявляетъ Его твореніемъ и созданіемъ? Но, о, богоборецъ, тебя изобличитъ то, чтó слѣдуетъ: *всякъ бо*, говоритъ (Писаніе), *первосвященникъ, отъ человѣкъ пріемлемъ, за человѣки поставляется, да приноситъ и дары, и жертвы* (Евр. v, 1). Онъ получилъ отъ насъ сотворенную плоть безъ грѣха, которую принесъ Отцу въ жертву за насъ. Итакъ, понимай слова: *сотворшему Его* въ отношеніи къ плоти, а не въ отношеніи къ божеству. Такъ

Богъ сотворилъ и Его — Господа и Христа. Прежде домостроительства всюду, какъ показано выше, возвѣщается Богъ, и нигдѣ никто не называетъ Его твореніемъ; но по причинѣ соединенія сотворенной плоти (Писаніе) говоритъ: *Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть;* въ виду тупоумія слушателей, оно говоритъ: *Господь созда мя начало путей Своихъ.* Видишь, что̀ говоритъ о твари? Но обратимся къ тому, что слѣдуетъ тамъ по порядку: *прежде вѣкъ основа Мя, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя* (Притч. Сол. VIII, 23, 25). Прежде всего, о, тщеславный, замѣчай, что эта книга называется: *Притчи;* все же, о чемъ говорится приточно, не понимается въ буквальномъ смыслѣ. Господь уподобилъ и царство небесное неводу и квасу, и зерну горчичному, и многому другому въ такомъ же родѣ (Мѳ. XIII), однакожъ, мы не говоримъ, что царство есть что-либо изъ таковаго. Но я безъ ино сказанія скажу: *Господь созда Мя начало путей Своихъ, прежде вѣкъ основа Мя, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя.* Итакъ, какимъ образомъ рождаемое творится или *основывается?* Или какимъ образомъ творимое рождается? Если Онъ—сотворенъ, то не рожденъ; мы не творимъ того, что̀ рождаемъ, и не рождаемъ того, что̀ созидаемъ. И какимъ образомъ возможно, чтобъ несозданный Отецъ родилъ сотвореннаго Сына? Мы, будучи сотворенными, рождаемъ сотворенное; Отецъ же, будучи несозданнымъ, родилъ несозданнаго Сына. Акила же, толкуя, сказалъ: *владѣлъ Мною.* Итакъ, выраженіе: *созда Мя* предсказываетъ о долженствующемъ случиться, какъ о случившемся уже; это—обычно въ Писаніи, подобно тому какъ выраженіемъ: *ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои* (Псал. XXI, 17) Господь говоритъ: Я, Котораго видите соединившимся, по Своему благоволенію, съ сотворенною плотію, есмь отъ начала, не отъ Маріи имѣю Свое начало, потому что *въ началѣ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), и: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. VIII, 58). Итакъ, исповѣдуй Сына несозданнымъ и собезначальнымъ Отцу, чтобы и Отцу не дать начала отчаго бытія. Если ты говоришь, что Сынъ собезначаленъ Отцу, то какимъ образомъ Отецъ родилъ Сына? По желанію или не по желанію? Если скажемъ: по желанію, то они оспариваютъ: вотъ желаніе было прежде Слова, такъ какъ прежде чѣмъ Онъ пожелалъ, говорятъ, не было Сына. Если же скажемъ: не по желанію, то они говорятъ: Божество испытываетъ принужденіе; все же, терпящее принужденіе, не Богъ. А мы говоримъ, что какъ солнце имѣетъ совѣчными себѣ лучи и сіяніе, такъ и Отецъ — Сына и Святаго Духа, — чтобы намъ не сказать, что и Отецъ—во власти начала. Если говорится: во власти начала, прежде чѣмъ началъ бытіе Сынъ, то Отецъ не былъ Отцомъ, по твоему слову, и ты будешь вынужденъ нечестиво по-

ставить Отца въ зависимость отъ начала; если же нѣтъ, то и я, съ своей стороны, устремлюсь на тебя: по желанію Отецъ сдѣлался Отцомъ или противъ желанія? Если ты скажешь: по желанію, то смотри: прежде, чѣмъ пожелалъ, Онъ не былъ Отцомъ; итакъ, было время, когда Отецъ не былъ Отцомъ; слѣдовательно, и Самъ Онъ началъ бытіе, какъ Отецъ. Если скажешь: не по желанію, то Онъ подвергся принужденію, а Богъ принужденію не подвергается, такъ какъ то, что испытываетъ принужденіе, не—Богъ. Видишь, въ сколь великое впадаешь нечестіе, если не будешь исповѣдывать, что Сынъ—собезначаленъ и совѣчен съ Отцемъ и вмѣстѣ съ Нимъ Творецъ? А почему я говорю: вмѣстѣ
1094 Творецъ? Потому что написано: *вся Тѣмъ быша* (Іоан. I, 3). Развѣ не слышишь, что̀ говоритъ о Сынѣ пророкъ: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. VIII, 3) и дал.; *яко узрю небеса, дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси* (— 4)? Развѣ не видишь достоинства Христа, который говоритъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17); и: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (V, 21); и: *юноше, тебѣ глаголю: возстани* (Лук. VII, 14); и нечистому духу: Я повелѣваю тебѣ: *премолчи и изыди изъ него* (— IV, 35); и: *дерзай, дщи*, отпускаются тебѣ твои грѣхи (сравн. Мѳ. IX, 21, 22)? Послѣ того какъ тѣ говорили: никто не можетъ *оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. V, 21), Онъ, изобличая ихъ, ихъ же устами, говоритъ: вы сказали, что одному только Богу свойственно отпускать грѣхи; итакъ, вотъ Я отпускаю грѣхи, и исповѣдайте Мое божество. Если же не вѣруете, то усматривайте изъ выздоровленія тѣла и научитесь также и здоровью души. Тогда говоритъ тому: возсгавъ, *возми твой одръ и иди въ домъ твой* (Мѳ. IX, 6); и опять другому: *простри руку твою* (Мѳ. XII, 13); и морю: *молчи, престани* (Марк. IV, 39). *Отроковице, возстани* (Лук. VIII, 54). *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43). *Хощу, очистися* (Марк. I, 41). И все прочее, чрезъ что показываетъ Свою равночестность съ Отцомъ, каковое все разсматривая, вѣруй, что Онъ единосущенъ со Отцемъ, и что единосущенъ также и Духъ, такъ какъ, если Онъ исходитъ отъ Отца и отъ Сына *пріиметъ*, то Духъ не чуждъ существа Божія. Духъ Божій, Духъ Христовъ, Духъ истины, Духъ Утѣшитель — выраженія, обозначающія сравнительно одно и то же. *Богъ—Духъ, Господь же—Духъ*, подобно тому какъ и Петръ говоритъ Ананіи: *почто* вы сговорились искусить Духа Святаго (Дѣян. V, 3)? И, показывая, что Онъ—Богъ, говоритъ: *не человѣку солгалъ еси, но Богу* (— 4). Видишь, что Духъ, предъ которымъ тотъ солгалъ, есть Богъ? И Павелъ говоритъ: вы *храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ*

(1 Кор. III, 16). Ясно, что Духъ, живущій въ насъ, есть Богъ. *О Немъ бо живемъ и движемся, и есмы* (Дѣян. XVII, 28); и: второй Человѣкъ—*въ Духъ животворящъ* (1 Кор. XV, 45); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *плоть не пользуетъ ничтоже;* духъ есть то, что животворитъ (Іоан. VI, 63).

4. Итакъ, не дерзни сказать что-либо противъ Единосущной и всемогущей Троицы. И опять: никто же *вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ; такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11); при этомъ не прибавлено: *живущій въ Немъ*, чтобы кто-либо не подумалъ, что Духъ — сложенъ. *Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія* (— 10). Да, *испытуетъ*, но не постигаетъ; не написано, что постигаетъ. Какимъ же образомъ *испытуетъ?* Какъ любопытствующій? Какъ чуждый? Какъ невѣдущій? Если написано: *вышнихъ себе не ищи, и крѣплшихъ себе не испытуй* (Іис. Сир. III, 21), то о повелѣнномъ тебѣ и размышляй,—нѣтъ надобности въ томъ, что скрыто. Если Онъ, по твоему слову, чуждъ, то какимъ образомъ осмѣливался изслѣдовать *глубины Божіи?* Объ Отцѣ написано: *Азъ* Богъ, *испытуяй сердца и искушаяй* внутренности *утробы* (Псал. VII, 10. Іерем. XVII, 10). Развѣ потому, что не присоединено слово: *постигаю*, ты скажешь, что Онъ не знаетъ Отца? Развѣ не зная, *испытуетъ* и *искушаетъ*, — что и о покланяемомъ Духѣ ты дерзнулъ говорить? Какимъ образомъ Онъ сказалъ: *отдѣлите Ми Павла и Варнаву на дѣло, на неже призвахъ ихъ* (Дѣян. XIII, 2)? Видишь власть Его; усматривай божество. И Агавъ: *тако глаголетъ Духъ Святый: мужа, его же есть поясъ сей, тако свяжутъ во Іерусалимѣ* (Дѣян. XXI, 11). И апостолы: *изволися Святому Духу ничтоже множае* соблюдать (— XV, 28); и опять: *прошедше же Фригію и Галатійскую страну, возбранени быша отъ Святаго Духа глаголати слово во Асіи. Пришедше же въ Мисію, покушахуся въ Виѳинію пойти, и не позволилъ имъ Духъ Святый* (— XVI, 6, 7). И опять: *Духъ* Мой *Святый свидѣтельствуетъ* въ городѣ, *глаголя* и проч. (Дѣян. Ап. XX, 23); и пророкъ: *Духъ Мой*, говоритъ, *настоитъ посредѣ васъ* (Агг. II, 6). Господь же: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20); и: 1095
Господь посла мя и Духъ Его (Иса. XLVIII, 16). *Внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы* (Дѣян. XX, 28) и діаконы. Замѣчай силу Святаго Духа и достоинство, и власть. Слѣдовательно, Духъ не чуждъ Богу. *Видѣхъ*, говоритъ Исаія, Бога *на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафимы окрестъ Его* и проч. *И рекохъ: о, окаянный азъ, яко умилихся, яко нечисты устнѣ имый, посредѣ людій нечистыя*

устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима. И рекохъ: се азъ есмь: посли мя. И рече ко мнѣ (очевидно — Сидящій на престолѣ): *иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите* (Иса. VI, 1, 2, 5, 8, 9). Кто — Сидящій на престолѣ? Отецъ, говоритъ. Если же ты узнáешь отъ Павла, что—Духъ, то признаéшь ли Его Богомъ? Покажи, говоритъ, и вѣрую. Слушай же, что говоритъ Павелъ: *добрѣ Духъ Святый глагола. Исаіемъ пророкомъ: иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите* и прочее (Дѣян. XXVIII, 25, 26). Павелъ говоритъ: *Духъ Святый глагола.* Исаія говоритъ: *рече Господь Саваоѳъ,* такъ какъ для Писанія безразлично говорить объ Отцѣ и Сынѣ, и Святомъ Духѣ. Итакъ, впредь не говори о великомъ и маломъ Богѣ, впадая въ эллинизмъ. Если Сынъ — малый Богъ, то Павелъ лжетъ, говоря: *ждуще блаженнаго упованія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 13). Кого Павелъ называетъ великимъ, ты не называй малымъ; вѣдь въ Богѣ все — совершенно. И опять: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки* (Римл. IX, 5). Никогда не называй Бога сотвореннымъ, потому что нечестивъ, кто поклоняется творенію. Что же? Не называешь ли тѣла Господня сотвореннымъ? Слѣдовательно, смотри: и ты, неразумный, покланяешься твари. Никто не говоритъ царю: сними свою багряницу, или: встань съ твоего престола, чтобы я поклонился только тебѣ одному, но покланяется царю, сидящему на престолѣ и облеченному въ багряницу. Богъ — Слово благоволилъ соединить съ Собою нашу созданную плоть безъ порока; посему, она *покланяема* вмѣстѣ съ Богомъ—Словомъ, такъ какъ
1096 Онъ и обожествилъ ее. И, показывая это, божественный Давидъ восклицаетъ: *возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу Его, яко святъ есть* (Псал. XCVIII, 5). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ (Богъ): *небо— престолъ Мой, земля же—подножіе ногъ Моихъ* (Исаіи LXVI, 1). О, блаженный Давидъ, ты приказываешь намъ покланяться землѣ? А какъ же Моисей предписываетъ законы: не покланяться ни небу, ни землѣ, ни тому, что на нихъ? Видите таинство. Такъ какъ Онъ намѣревался соединить съ Собою безъ грѣха нашу плоть для единаго поклоненія, а плоть наша — отъ Адама, изъ земли,—то поэтому говоритъ: *и покланяйтеся подножію ногу Его.* Мы землѣ не покланяемся, а Богу—Слову, безъ грѣха соединившему съ Собою образованную изъ земли Адамову плоть. Итакъ, впредь не говори, что Сынъ—сотворенный Богъ; въ самомъ дѣлѣ, укажи—гдѣ сказалъ Отецъ: Я сотворилъ Себѣ Сына; или Сынъ: Меня создалъ Отецъ? И человѣческихъ словъ Христа не бери для умаленія Его!

Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ того, какъ было это сказано, и послѣ того, какъ въ Немъ было явлено человѣческое, нѣкоторые дерзнули говорить, что Онъ воплотился притворно и призрачно, то, еслибъ этого не произошло, въ какое только не впали бы они нечестіе? Итакъ, всякій, кто вѣритъ святымъ Писаніямъ, да покланяется Троицѣ — несозданной, непреложной, неизмѣнной, всемогущей, собезначальной, совѣчной и единосущной, Отцу и Сыну, прежде безплотному, а наконецъ, по Своему хотѣнію совершенно вочеловѣчившемуся, безъ грѣха, непреложно и неизмѣнно;— такъ какъ, сдѣлавшись человѣкомъ, Онъ остался быть и Богомъ, потому что не лишился Своей славы и достоинства,—и Духу Святому, Духу, глаголавшему чрезъ пророковъ. Говорящимъ же, что Сынъ или Духъ преложились или измѣнились, или произошли изъ другой сущности, или изъ не сущаго, или—что было время, когда не были, — таковыхъ каѳолическая церковь да анаѳематствуетъ! Этого достаточно для желающаго, хотя сказано и немного, все же вполнѣ изложить—невозможно, потому что у меня, повѣствующаго, не достанетъ времени. Да и самъ міръ, думаю, не вмѣститъ *пишемыхъ книгъ* (Іоан. xxi, 25). Мы же недостойные, сподобившіеся получить пользу отъ божественныхъ Писаній, покланяемся Отцу и Сыну, и Святому Духу, Которому слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I. Весѣды къ Антіохійскому народу о статуяхъ.

II. Слова огласительныя.

III. Бесѣды о безсиліи діавола.

IV. Весѣды о покаяніи

Похвальныя бесѣды на праздники Господа нашего Іисуса Христа и Его святыхъ.

V. Бесѣда въ день Рождества Господа нашего Іисуса Христа.

VI. Бесѣда о Крещеніи Господа и о Богоявленіи.

VII. О предательствѣ Іуды.

VIII. О кладбищѣ и крестѣ.

IX. О крестѣ и разбойникѣ.

X. О воскресеніи мертвыхъ.

XI. Противъ упивающихся и о воскресеніи.

XII. О вознесеніи.

XIII. О Пятидесятницѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

XIV. Бесѣды о св. апостолѣ Павлѣ.

XVI. Похвальная бесѣда о св. мученикѣ Лукіанѣ.

XVII. О св. священномученикѣ Вавилѣ.

XVIII. Слово о блаженномъ Вавилѣ и противъ Юліана.

XXIV. Бесѣды о святыхъ Маккавеяхъ

Еще о Маккавеяхъ.

XXV. Похвальная бесѣда о св. мученицахъ Верникѣ, Просдокѣ и Домнинѣ.

XXVI. Слово о четверодневномъ Лазарѣ.

Творенія св. Іоанна Златоуста, отнесенныя въ изданіи Миня къ отдѣлу **Dubia**, *т. е. возбуждающихъ сомнѣніе въ ихъ принадлежности святителю*:

XXXVIII. Въ память св. Васса.

XXXIX. Слово объ ап. Петрѣ и пророкѣ Иліѣ.

XL. О блаженномъ Авраамѣ.

XLI. Похвала св. первомученицѣ и равноапостольной Ѳеклѣ.

XLII. О судьбѣ и провидѣніи шесть словъ.

XLIII. О молитвѣ.

XLIV. Творенія, отнесенныя въ изданіи Миня къ разряду **Spuria,** *т. е. подложныхъ.*

XLV. Творенія, отнесенныя въ изданіи Миня къ **Spuria** *и помѣщенныя въ первомъ томѣ его.*